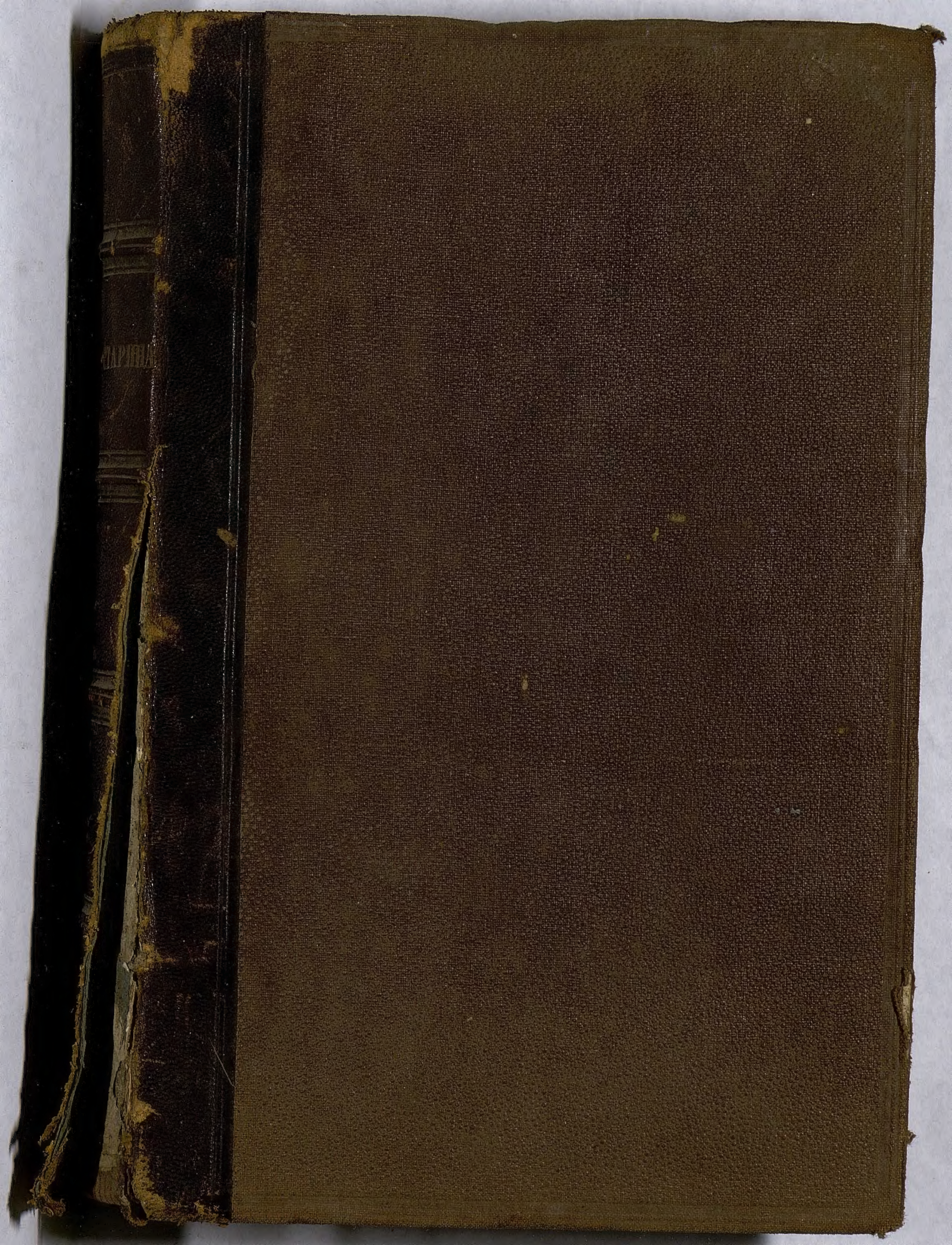
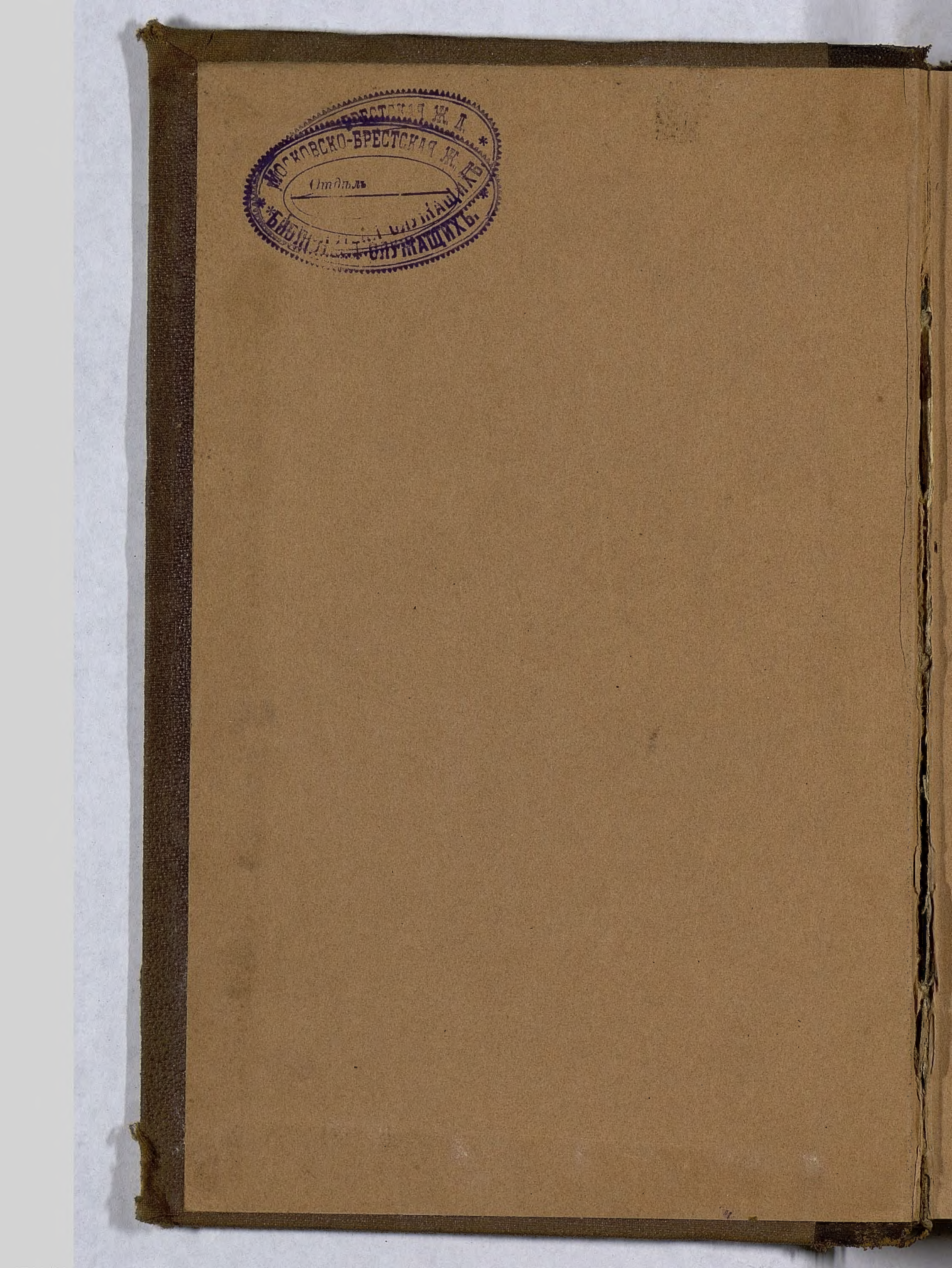

СТАРИНА


МОСКОВСКО-БРЕСТСКАЯ Ж. Д.
Отдѣлъ
БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

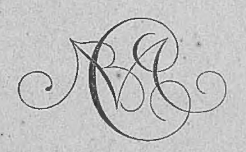
1879

[ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ].

РУССКАЯ СТАРИНА

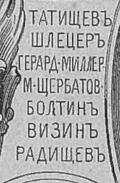
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.



ТОМЪ XXIV.

1879.



ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. Л. Шарлемань. рис. К. Брожъ.

ИННОКЕНТІЙ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ И ТАВРИЧЕСКІЙ,

род. 1800 † 1857 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», ИЗД. 1879 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 20 ДЕК. 1878 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II

1762—1796.

Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія.

Въ составъ казенныхъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка входили весьма разнообразные элементы: тутъ были и государственные крестьяне въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или такъ называемые черносошные, и немногочисленныя группы ямщиковъ, обѣльныхъ крестьянъ и др. Сюда-же, наконецъ, вошли при Екатеринѣ II-й однодворцы и старыхъ службъ служилые люди, послѣ того какъ они утратили свои особенности въ отправленіи воинской повинности и уплатѣ податей. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ свободныхъ сельскихъ обывателей мы остановимся въ настоящемъ очеркѣ, съ одной стороны, на черносошныхъ крестьянахъ и образовавшейся среди нихъ группѣ половниковъ, а съ другой—на однодворцахъ и старыхъ службъ служилыхъ людяхъ. Эти два отдѣла казенныхъ крестьянъ являются представителями двухъ различныхъ формъ землевладѣнія: черносошные крестьяне владѣли землею на общинномъ правѣ; но это былъ не тотъ видъ общины, который существуетъ въ настоящее время въ большинствѣ Россіи, т. е. съ передѣлами земли въ извѣстные сроки, а старинный типъ, сохранившійся во многихъ мѣстахъ еще и до сихъ поръ, при которомъ пашни и, отчасти, по-

косы находятся въ подворномъ владѣніи; однодворцы-же послужатъ намъ представителями участковаго владѣнія.

Историческое разсмотрѣніе различныхъ формъ землевладѣнія русскаго народа имѣетъ громадное значеніе въ настоящее время. Мы не мало толкуемъ о томъ, что исторія есть «народное самосознаніе», но рѣдко обращаемся къ ея пособію и плохо пользуемся данными ею уроками въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о самыхъ насущныхъ вопросахъ народной жизни. Нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ несомнѣнно обнаруживаютъ стремленіе замѣнить общинное землевладѣніе подворнымъ.....

Историческій очеркъ, предлагаемый вниманію читателей, укажетъ на то, къ какимъ результатамъ приводило подворное владѣніе, а также и общинное безъ передѣловъ земли, особенно если при этомъ существовало право свободной перепродажи участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Правительство прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія, видя многія вредныя стороны первой формы землевладѣнія и неудобства второй, содѣйствовало съ своей стороны распространенію по окраинамъ Россіи того типа общины, который издавна установился въ центрѣ государства. Крестьяне, какъ доказываютъ неопровержимые факты, рѣшительно высказываются за сохраненіе общиннаго землевладѣнія; почти всѣ органы печати, лучшіе ученые и публицисты указываютъ на громадныя преимущества общиннаго землевладѣнія сравнительно съ участковымъ; къ тому же выводу приводятъ и многіе ученые западной Европы. Но всего этого недостаточно, чтобы убѣдить упорныхъ противниковъ общины.....

Считаемъ необходимымъ оговориться, что въ настоящемъ очеркѣ мы не ограничимся изученіемъ только формъ землевладѣнія, но коснемся и другихъ сторонъ жизни казенныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, мы не исчерпаемъ здѣсь вопроса объ общественномъ землевладѣніи во второй половинѣ XVIII вѣка и будемъ еще имѣть случай возвратиться къ нему въ особомъ изслѣдованіи. Предоставляя себѣ право сдѣлать выводы въ заключеніе нашего очерка, мы можемъ сказать уже напередъ, что факты, которые будутъ въ немъ изложены, указываютъ на самыя печальныя послѣдствія участковаго

землевладѣнія. Общинное землевладѣніе безъ передѣловъ земли представляется сравнительно съ нимъ болѣе удобною формою, какъ потому, что помимо участковъ, находящихся въ личномъ пользованіи, при немъ существуетъ запасъ не подѣленныхъ земель, такъ и потому, что оно даетъ возможность ввести передѣлы, когда это потребуется. Нужно замѣтить, что, при извѣстныхъ условіяхъ (недостаточности населенія и т. п.), общинное землевладѣніе безъ передѣловъ земли есть, быть можетъ, самая подходящая форма общины, но нельзя не признать, что принципы равенства гораздо полнѣе осуществляются при передѣлахъ земли. Это не значитъ, однако, чтобы было желательно насильственное превращеніе волостной общины въ деревенскую съ раздѣломъ всѣхъ волостныхъ угодій, какъ это было сдѣлано въ 1830-хъ годахъ въ Архангельской губерніи. Гораздо лучше предоставить осуществленіе этого перехода самодѣятельности крестьянскихъ общинъ.

Государственные черносошные крестьяне.

I.

Ихъ численность и мѣстность, которую они населяли.—Новые источники для исторіи землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. — Общины-волости. — Земли, находившіяся во владѣніи нѣсколькихъ волостей.—Продажа и залогъ земель. — Имущественное неравенство. — «Деревенскіе владѣльцы»; просьбы крестьянъ объ отобраніи у нихъ земель.—Желаніе уравнительнаго раздѣла земли.

Всматриваясь въ составъ крестьянскаго населенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, мы видимъ, что громадное большинство его было закрѣпощено въ той или иной формѣ: одни, и такихъ было всего болѣе, принадлежали помѣщикамъ; другіе—духовенству; третьи—дворцовому вѣдомству или лично членамъ царской фамиліи; четвертые сдѣлались неотъемлемою принадлежностью фабрикъ и заводовъ; пятые, хотя и продолжали считаться людьми казенными, но, приписанные для отработыванія подушнаго оклада къ заводамъ, находились въ большой зависимости отъ ихъ владѣльцевъ. Однако и въ

это время еще сохранились крестьяне, которымъ удалось избѣгнуть закрѣпощенія въ той или другой формѣ и которые могутъ служить представителями древняго свободнаго земледѣльческаго сословія: мы разумѣемъ государственныхъ крестьянъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или такъ называемыхъ черносошныхъ[1]). Уже въ XVI вѣкѣ черныя волости сосредоточивались главнымъ образомъ на сѣверныхъ окраинахъ Россіи—въ уѣздахъ поморскихъ и на сѣверо-восточныхъ краяхъ Новгородской земли (Обонежская пятина), въ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Главною причиной того, что этотъ родъ крестьянъ почти совершенно исчезъ въ центральной Россіи, была обширная раздача тамъ земель въ помѣстья служилымъ людямъ, а также постепенное увеличеніе владѣній духовенства. Отъ закрѣпленія за помѣщиками черносошные крестьяне сѣверной Россіи спаслись какъ отдаленностью отъ центра государственнаго управленія, такъ и тѣмъ, что, съ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей, правительство, для верстанья помѣстьями, обратилось къ юго-восточной окраинѣ государства, къ такъ называемымъ «дикимъ полямъ», въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Самарской. Болѣе опаснымъ врагомъ свободы крестьянъ сѣверной Россіи было духовенство: если помѣщику неудобно было забираться въ дебри поморскихъ городовъ, за то онѣ служили приманкою для благочестивыхъ отшельниковъ, искавшихъ уединенія. Не даромъ крестьяне иногда враждебно относились къ такимъ отшельникамъ и даже прогоняли ихъ отъ себя: они знали, что каждая изъ такихъ уединенныхъ келій дѣлалась притягательнымъ центромъ для другихъ людей, ищущихъ спасенія отъ мірскаго соблазна, и что скоро тамъ, гдѣ стоитъ одинокая избушка, появится обширный монастырь. Извѣстно, что слѣдовало за тѣмъ: монастырскія власти начинали захватывать земли, прилегающія къ монастырю, и выпрашивали у правительства жалованныя граматы на имѣнія.

Однако, черносошные крестьяне, какъ мы уже сказали, всетаки уцѣлѣли и даже сохранили многія любопытныя особенности своего быта. Во время третьей ревизіи, слѣдовательно въ 1763—1764 гг., ихъ было въ Великороссіи и Сибири безъ малаго 600,000 душъ мужскаго пола. Любопытно, что, не смотря на немногочисленность государственныхъ крестьянъ, уцѣлѣвшихъ отъ закрѣпощенія, русское дворянство при Екатеринѣ II и на нихъ точило зубы. Кн. М. М. Щербатовъ предлагалъ продать всѣ государственныя деревни дворя-

---

[1]) Однодворцы имѣли совершенно иное происхожденіе: они были потомками служилыхъ людей.

намъ по 80 р. за душу; впрочемъ, онъ не надѣялся на успѣхъ такого предложенія: по его мнѣнію, оно не будетъ исполнено, пока «у насъ не познаютъ прямую пользу короны, чего и во 100 лѣтъ не уповательно быть».

Термины «государственные» и «черносошные» крестьяне употреблялись тогда какъ синонимы (хотя первому изъ нихъ придавалось иногда гораздо болѣе широкое значеніе, когда онъ обозначалъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ). Правительство говоритъ въ межевой инструкціи о «государственныхъ черносошныхъ крестьянахъ»; терминъ этотъ мы находимъ также и у путешественниковъ, но чаще они называютъ крестьянъ или государственными, или черносошными; въ наказахъ эти слова употребляются также безразлично.

Въ исторіи черносошныхъ крестьянъ всего важнѣе вопросъ о томъ, какая существовала у нихъ форма землевладѣнія: подворная или общинная? Въ то время, когда шелъ знаменитый споръ объ исторіи общины между Чичеринымъ и Бѣляевымъ, нельзя было ожидать правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ: одинъ изъ нихъ настаивалъ на томъ, что общинное землевладѣніе было выдумано правительствомъ и введено по его указамъ; другой же, вѣря въ исконное существованіе общины, предполагалъ, что она всегда существовала въ той формѣ, какую мы находимъ въ настоящее время въ центральной Россіи. Со времени этого спора прошло почти 20 лѣтъ до тѣхъ поръ, пока было сказано новое слово по этому вопросу, и, какъ это нерѣдко случается, оно было произнесено не какимъ-либо патентованнымъ ученымъ спеціалистомъ, а человѣкомъ совершенно неизвѣстнымъ въ литературѣ, которому удалось въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Россіи наблюдать не одну, а нѣсколько формъ общиннаго владѣнія землею. Мы говоримъ о статьѣ Лалоша «Сельская община въ Олонецкой губерніи» [1]). Авторъ ея тѣмъ болѣе заслуживаетъ благодарности, что онъ не только констатировалъ факты, которые ему случилось наблюдать, но и указалъ на то, какое значеніе имѣютъ они для исторіи общиннаго владѣнія въ Россіи. Эта небольшая статья дала толчокъ къ новымъ историческимъ изслѣдованіямъ по этому вопросу. Здѣсь слѣдуетъ съ благодарностью упомянуть имена г. Кейсслера [2]) и еще болѣе г. Соколовскаго [3]). Если трудъ пер-

[1]) «Отеч. Зап.» 1874 г., № 2-й.

[2]) «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», I Theil. 1876.

[3]) «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи». Спб. 1877 г. и также въ его статьяхъ: «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ», въ «Исторической Библіотекѣ» за 1878 годъ.

ваго изъ этихъ авторовъ, при всѣхъ его достоинствахъ, грѣшитъ недостаточностію историческихъ данныхъ, за то г. Соколовскій подвергъ внимательному изученію изданныя писцовыя книги и такимъ образомъ добылъ немало весьма важныхъ фактовъ для исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи въ XVI вѣкѣ. Но для разъясненія того же вопроса въ XVII и XVIII вѣкахъ историкамъ остается потрудиться еще немало.

Отлагая до другаго времени подробное изслѣдованіе исторіи общины въ XVIII вѣкѣ, мы ограничимся на этотъ разъ лишь тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно крестьянъ черносошныхъ, причемъ намъ придется говорить о той мѣстности, которая занята нынѣшними губерніями Архангельскою, Вологодскою, Олонецкою и Вятскою, а также и о Сибири. Къ сожалѣнію, изслѣдователь исторіи XVIII вѣка лишенъ такихъ превосходныхъ источниковъ для изученія экономическаго быта народа, какими для XVI и XVII вв. служатъ писцовыя книги; данныя о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи встрѣчаются въ самомъ ничтожномъ количествѣ не только въ печатныхъ матеріалахъ, но даже и среди архивныхъ документовъ. Къ счастью, нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ общинѣ во второй половинѣ XVIII вѣка мы находимъ въ неизданныхъ наказахъ, данныхъ черносошными крестьянами своимъ депутатамъ въ коммисію для составленія новаго уложенія [1].

Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ были депутаты изъ слѣдующихъ мѣстностей: Велико-Устюжской и Вологодской провинцій, Олонецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ, Пермской, Казанской и Исетской провинцій (приписныхъ къ казеннымъ заводамъ), Вятской провинціи, Алаторской провинціи (Нижегородской губерніи), отъ города Саратова, отъ провинцій Тобольской, Енисейской и Иркутской и крестьянъ приписанныхъ къ заводамъ екатеринбургскаго вѣдомства. Кромѣ того, былъ депутатъ отъ «ясачныхъ» крестьянъ Архангелогородской провинціи, но во время преній въ коммисіи уложенія онъ назывался депутатомъ черносошныхъ крестьянъ [2]. Такимъ образомъ, всего отъ черносошныхъ крестьянъ было 16 представителей. Если бы каждый изъ нихъ привезъ только по одному наказу, то едва-ли бы мы много узнали о положеніи этого отдѣла кре-

---

[1]) Мы имѣли возможность познакомиться съ этими документами въ архивѣ II отдѣленія собств. Его Величества канцеляріи.

[2]) И дѣйствительно: изъ современнаго описанія Архангельской губерніи оказывается, что въ 1786 г. въ ней было болѣе 37,000 душъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ.

стьянства, но въ нѣсколькихъ провинціяхъ вовсе не было составлено сводныхъ наказовъ. Крестьяне каждой волости или погоста, выбирая кого-либо изъ своей среды для избранія уѣзднаго повѣреннаго, давали ему отъ себя письменное наставленіе съ изложеніемъ «своихъ нуждъ и недостатковъ»; уѣздные повѣренные получали отъ своихъ избирателей всѣ привезенныя ими наставленія и передавали ихъ въ свою очередь провинціальному депутату. Такимъ образомъ, депутатъ Велико-Устюжской провинціи привезъ 192 наказа или довѣренности отъ черносошныхъ крестьянъ, да еще 16 отъ половниковъ. Депутатъ отъ крестьянъ Архангельской провинціи привезъ 103 довѣренности отъ черносошныхъ и 92 отъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ; депутатъ черносошныхъ крестьянъ Тобольской провинціи привезъ 70 довѣренностей, Енисейской — 33, а Иркутской губ.—19. Въ этихъ документахъ мы находимъ множество любопытныхъ подробностей объ экономическомъ бытѣ и поземельныхъ отношеніяхъ черносошныхъ крестьянъ.

Въ своемъ «Очеркѣ исторіи сельской общины» г. Соколовскій обращаетъ вниманіе на то, что, кромѣ общинныхъ земель, состоявшихъ въ отдѣльномъ пользованіи каждой деревни, были еще земли, находившіяся въ нераздѣльномъ пользованіи нѣсколькихъ селеній, и потому установляетъ два рода общины: общины-деревни и общины-волости. Въ послѣднихъ одна часть земель находилась въ отдѣльномъ пользованіи селъ, деревень и починковъ, составлявшихъ волость, другая же оставалась въ пользованіи всей волости. Такія волостныя общины мы находимъ на сѣверѣ Россіи и въ XVIII вѣкѣ.

Директоръ экономіи Архангельскаго намѣстничества въ одномъ изъ своихъ предписаній крестьянамъ, 1786 года, упоминаетъ объ «общественныхъ волостныхъ угодьяхъ»; въ чемъ же состояли эти угодья? Во первыхъ, въ общественныхъ выгонахъ [1]; во вторыхъ, въ общинныхъ лѣсахъ [2].

Что касается общинныхъ покосовъ, то, по видимому, они находились чаще въ пользованіи отдѣльныхъ деревень; покосы эти назывались печищными отъ слова печище—деревня. («Печищами назы-

---

[1]) Еще въ XVII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ этой мѣстности упоминается «мірская поскотина», «животинный выгонъ всѣхъ волостныхъ крестьянъ».

[2]) Въ вѣдомости конца прошлаго столѣтія о Николаевской Матигорской волости (Двинскаго, т. е. Архангельскаго уѣзда) между прочимъ сказано: «Лѣсныхъ дачъ по обѣ стороны большой дороги съ живущими той же волости Архангельской округи съ экономическими крестьяны владѣнія вообще состоитъ длинника на 10-ти и поперечника тожъ на 10-ти верстахъ».

вались на сѣверѣ маленькія деревни въ два, три двора»,—говоритъ г-жа Ефименко). Указанія на печищные покосы мы находимъ въ нѣсколькихъ наказахъ крестьянъ Велико-Устюжскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ. Въ наказѣ одной волости Двинской трети Велико-Устюжскаго уѣзда крестьяне жалуются, что «многія деревни ни копны печищнаго, т. е. крѣпостнаго, сѣна не имѣютъ», такъ какъ рѣкою Двиною снесено не мало покосныхъ земель; далѣе еще поясняется, что эти покосы въ писцовыхъ книгахъ «написаны дачею къ деревнѣ». Крѣпостными эти земли назывались въ противоположность оброчнымъ, относительно которыхъ мы находимъ въ наказахъ поясненіе, что это земли «не въ дачахъ къ деревнямъ состоящія». Но что должны были быть и покосы, принадлежащіе цѣлой волости, это видно изъ того, что нѣкоторые луга находились въ пользованіи даже нѣсколькихъ волостей.

Какъ въ XVI вѣкѣ нѣкоторыя смежныя волости Обонежской пятины имѣли въ общемъ пользованіи земли и рыбныя ловли [1]), такъ и два вѣка спустя мы находимъ то же самое въ сѣверной Россіи: на это есть не мало указаній въ наказахъ Яренскаго уѣзда. Крестьяне просили оставить эти общинныя владѣнія въ прежнемъ видѣ. Въ наказѣ Ленской волости Яренскаго уѣзда мы читаемъ: «Которыя наши земли пахотныя и сѣнокосныя находятся въ смежности Наволоцкой и Туглимской волостей крестьянъ съ землями-жъ, тѣмъ быть какъ издревле въ общемъ владѣніи состоятъ».—«По сотной и по жалованной грамотѣ», писали крестьяне Турецкой трети того же уѣзда, «имѣются дачи наши Княжпогостскимъ и Ляльской третей обще (т. е. вмѣстѣ съ этими третями) и въ рыбныхъ промыслахъ и сѣнной ставкѣ Княжпогостскія ходятъ противъ нашей же трети крестьяне». Земли находились иногда во владѣніи двухъ волостей даже и въ томъ случаѣ, если эти волости были населены крестьянами совершенно различныхъ вѣдомствъ или находились въ разныхъ уѣздахъ. Волость владѣла иногда землями сообща съ частными владѣльцами. «Которыя наши земли», читаемъ въ наказѣ Ляльской трети, «находятся въ смежности вологодскихъ купцовъ Рыбниковыхъ съ Серьговскимъ ихъ солянымъ заводомъ, тако-жъ вѣдомства коллегіи экономіи Устьвымскою волостью и Княжпогостской трети съ государственными черносошными крестьянами, тѣмъ бы быть какъ издревле и нынѣ во владѣніи общемъ состоятъ». Печерская волость Яренскаго уѣзда имѣла земли въ общемъ владѣніи вверхъ по рѣкѣ Печерѣ съ крестьянами Чердынскаго и Соликам-

[1]) Соколовскій, «Очеркъ исторіи сельской общины», стр. 74, 75.

скаго уѣздовъ, а внизъ по рѣкѣ съ крестьянами Пустозерскаго уѣзда.

Въ XVII вѣкѣ былъ случай покупки земли сообща крестьянами всей Двинской земли. Когда въ 1627 году, при постройкѣ острога въ Холмогорахъ, была занята «бѣлая» земля, принадлежавшая одной соборной церкви, то крестьяне всей Двинской земли сообща купили для этой церкви участокъ черной тяглой земли въ Матигорской волости и вмѣстѣ платили за нее подати до 1724 года.

Пашенныя земли не передѣлялись: по крайней мѣрѣ на это нѣтъ никакихъ указаній въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ. Какъ и въ настоящее время, крестьяне основывали починки. По свидѣтельству межевой инструкціи, они вновь расчищали земли въ волостяхъ и деревняхъ, написанныхъ за ними по писцовымъ книгамъ, «отшедъ отъ села или деревни версты по двѣ, по три и болѣе» и селились «особыми дворами», называя эти выселки или тѣмъ же именемъ, какъ и ихъ деревни, или и иными названіями; затѣмъ этими землями они распоряжались по своему усмотрѣнію: продавали ихъ и закладывали. При экстензивной системѣ хозяйства крестьянамъ нужно было большое количество земель; не мудрено, что каргопольскіе крестьяне ходатайствовали въ коммисіи уложенія о дозволеніи имъ переселиться въ лѣсистыя мѣста на земли удобныя для хлѣбопашества и отстоящія отъ волостей на разстояніе отъ десяти до тридцати верстъ.

Въ частномъ владѣніи находились пашни и та часть покосовъ, которая не состояла въ общинномъ пользованіи всей деревни. Земли, принадлежавшія отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, назывались **повытками** или **участками**; передѣловъ такихъ земель не только не было, но крестьяне, какъ видно, не находили даже возможнымъ къ нимъ приступить, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ участки записаны были за каждымъ дворомъ отдѣльно. Жалуясь на недостатокъ земли, крестьяне Сученской волости Тотемскаго уѣзда писали: «у крестьянъ имѣются участки самые малые, потому что опричь своихъ повытковъ не имѣемъ, а которыя вымершія повытья лежатъ впустѣ, владѣть безъ позволенія не смѣемъ» [1]. Крестьяне каждой волости вели особыя **веревныя** книги, въ которыя

---

[1]) Жители Куловской волости того же уѣзда, также указывая на недостатокъ пахатной земли, прибавляли: «у многихъ крестьянъ написано душъ по пяти, и по шести, и по семи, на таковыхъ же равномѣрныхъ повыткахъ у другихъ крестьянъ по одной и по двѣ души». Крестьяне Царевской волости повторяли буквально то же самое, называя только повытки «участками».

заносились подробныя свѣдѣнія о поземельныхъ участкахъ каждаго изъ нихъ.

Отчужденіе земель совершалось законнымъ порядкомъ, т. е. съ составленіемъ крѣпостныхъ актовъ, которые свидѣтельствовались въ присутственныхъ мѣстахъ. Не смотря на запрещеніе продавать земли, ихъ купля и продажа крестьянами, а также отдача своихъ участковъ въ приданое и проч., встрѣчались и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Земли не только продавались, но и отдавались въ закладъ. Вотъ что говорятъ объ этомъ въ своемъ наказѣ крестьяне Шестаковскаго уѣзда Вятской провинціи. «Когда время наступитъ подушнаго сбору, а крестьянство за оскудѣніемъ своимъ берутъ у посадскихъ людей не по многому числу денегъ для окупленія подушнаго тягла, тако-жъ бываетъ и на покупку себѣ въ пропитаніе хлѣба, и въ которыхъ заемныхъ деньгахъ даемъ вексели и за скоростію не отыскавши по себѣ порукъ и подписываемъ у кого какія есть и оставшія пахатныя земли и сѣнные покосы, и на то они смотря вексельнаго устава отдаютъ въ скорыхъ числѣхъ въ протесты и за изнеможеніемъ своимъ къ платежу вскорѣ отыскать и отдать въ уплату нечего, то садятъ по словесной просьбѣ въ магистратъ и содержатъ долговременно подъ карауломъ и берутъ на оныя пахатныя земли и сѣнные покосы закладныя партикулярныя письма и приговоры». Понятно, что такія заложенныя земли оставались въ постоянномъ пользованіи заимодавца.

Естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія передѣловъ, а также свободнаго перехода земель изъ рукъ въ руки, было сильное имущественное неравенство. «Пашенная земля и сѣнные покосы», пишутъ крестьяне Мольской волости Тотемскаго уѣзда, «нынѣ во владѣніи состоятъ какъ въ жилыхъ деревняхъ и на пустошахъ въ неповерсткѣ противъ написанныхъ по нынѣшней переписи душъ не подесятинно, какъ о томъ межевая инструкція повелѣваетъ, но по прежнимъ писцовымъ книгамъ 195 году писца Никифора Озерова, что за кѣмъ написано было и въ дачу произведено, тѣмъ они и наслѣдники по нихъ владѣютъ и на сторону за излишествомъ продажу имѣли до полученія къ крѣпостнымъ дѣламъ о недачѣ крѣпостей указу, и таковыхъ многовладѣльцевъ земель находится не малое число, близь не треть волости, то уже всѣмъ изобильны, а написанными душами легки, изъ многихъ по одной, по двѣ и по три души. А съ другой стороны имѣются почти на двѣ трети волости малоземельные и скудные, изъ нѣкоторыхъ за прежними отцей (отцовъ) ихъ продажами и вовсе земли не имѣется, и хотя де и найдется, то уже самое малое число, почти и во владѣніе вступить

не во что, а написанныхъ душъ имѣютъ тѣ малоземельные крестьяне по три и по четыре, и по пяти, и по шести душъ, изъ коихъ много умершихъ находится и платятъ подушныя деньги заработными деньгами». Крестьяне чувствовали необходимость устраненія неравенства въ поземельныхъ угодьяхъ и несправедливой раскладки податей. Въ одномъ наказѣ того же Тотемскаго уѣзда сказано: «Между крестьянствомъ въ деревняхъ и въ пустошахъ по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ и другимъ сдѣлкамъ пашенная земля съ угодьи не въ равенствѣ противъ написанныхъ м. п. душъ: у иныхъ на одну душу владѣнія противъ двухъ или трехъ, а въ платежѣ подушномъ малоземельнымъ и неимущимъ безъ подмоги за ихъ души отъ имущихъ много числа земель, которымъ безъ поверстки не малое отягощеніе и обида, а у иныхъ на такихъ же участкахъ земли и душъ не написано, и съ таковыхъ владѣній къ сбору подушному въ подмогу неимущества платятъ самое малое число, а иное и не платятъ». Какъ мы увидимъ ниже, мѣстами уже прямо высказывалось сознаніе, что единственный выходъ изъ такого положенія—передѣлъ земель.

Примѣромъ неравномѣрнаго распредѣленія земель можетъ послужить намъ Николаевская Матигорская волость (Двинскаго, т. е. Архангельскаго уѣзда), о которой до насъ дошла вѣдомость земельнымъ угодьямъ, составленная въ 1784 г. Въ этой волости восьмая часть населенія имѣла по 1,3 десятины пашенной земли и почти по три десятины сѣнокосной, а остальные имѣли пахатной земли менѣе чѣмъ по полудесятинѣ, сѣнокосной менѣе чѣмъ по десятинѣ. Такая неравномѣрность замѣтна не только по всѣмъ селеніямъ волости, вмѣстѣ взятымъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ она была еще виднѣе. Такъ, въ деревнѣ Запольской три души имѣли болѣе 18-ти десятинъ, а 22 души имѣли вмѣстѣ 34 десятины; въ деревнѣ Климовой у одного крестьянина было болѣе пяти десятинъ, а 47 душъ имѣли вмѣстѣ только 56 десятинъ. Но иногда земельное неравенство было несравненно значительнѣе: крестьянинъ, имѣвшій нѣсколько десятковъ половниковъ, конечно, долженъ былъ имѣть довольно обширныя поземельныя угодья.

Послѣдствіемъ свободнаго перехода поземельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки было не только имущественное неравенство, но и уменьшеніе количества земли, находившейся въ распоряженіи крестьянъ той или другой волости, такъ какъ путемъ заклада и продажи значительная часть крестьянскихъ земель очутилась въ рукахъ купцовъ и посадскихъ сосѣднихъ городовъ, разныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и даже духовныхъ лицъ. Понятно, что вслѣдствіе этого

въ наказахъ крестьянъ Велико-Устюжской и Вологодской провинцій, Олонецкаго уѣзда, Вятской провинціи и, наконецъ, Сибири—мы встрѣчаемъ множество жалобъ на стѣсненіе крестьянамъ отъ этихъ, такъ называемыхъ, «деревенскихъ владѣльцевъ».

Крестьяне Велико-Устюжскаго уѣзда, Бѣлослуцкаго стана, заявляли, что за устюжскимъ купцомъ и деревенскимъ владѣльцемъ въ ихъ станѣ «имѣются деревенскія владѣнія на 20 лошадей, а сѣнныхъ покосовъ по тѣмъ его деревнямъ на 5,000 копенъ и рыбныя ловли, и съ тѣхъ ловель собираетъ кортомныхъ денегъ по немалому числу» [1]). По словамъ крестьянъ Лябельской волости, «деревенскіе владѣльцы устюжскіе купцы Андрей Пановъ, Иванъ Протодьяконовъ, за которыми нашей Лябельской волости разныхъ ихъ деревень пашенной земли состоитъ противъ насъ, черносошныхъ крестьянъ, большая половина и сѣнныхъ печищныхъ покосовъ и оброчныхъ мѣстъ противъ насъ втрое, и тѣмъ они довольствуются и богатѣютъ пребезмѣрно». Изъ этого видно, что купцы не всегда владѣли «крѣпостными» землями крестьянъ, а часто только брали въ аренду земли, раздаваемыя на оброкъ всѣмъ желающимъ, но дѣло въ томъ, что, съ помощью взятокъ и другихъ средствъ, имъ нерѣдко удавалось получить въ аренду земли предпочтительно предъ крестьянами, хотя-бы пользованіе этими угодьями было въ высшей степени важно для крестьянъ той или другой волости.

Въ Усольскомъ уѣздѣ (той-же провинціи) [2]), въ Лальской волости большею частію земель владѣли по закладнымъ и крѣпостямъ посадскіе и купцы Лальскаго посада. На большей части земель, пріобрѣтенныхъ купцами, жили на половническомъ правѣ обѣднѣвшіе и лишившіеся своихъ участковъ черносошные крестьяне. Такъ, въ Пачеозерской волости Двинской четверти Усольскаго уѣзда, по словамъ тамошняго наказа, «угодные деревенскіе участки къ пахотѣ лучшія пашенныя земли и имѣющія довольное число сѣнныхъ покосовъ, тако-жъ и отъ крестьянскихъ деревень печищные сѣнные покосы, пожни у многихъ Пачеозерской волости крестьянъ и съ написанными на тѣхъ земляхъ м. п. душами разными происками города Устюга-Великаго и Соли-Вычегодской купцы и посадскіе люди, и неимѣющіе купечества, и господъ бароновъ Строгановыхъ служители къ себѣ забрали и завладѣли, и тѣ пашенныя земли по ихъ прошеніямъ отъ разныхъ судебныхъ мѣстъ съ малымъ числомъ написанныхъ изъ государствен-

[1]) На стѣсненіе отъ владѣній купцовъ въ томъ-же Устюжскомъ уѣздѣ жаловались также крестьяне Ярокурскаго стана, Шеломянской и Ракульской волостей.

[2]) Сольвычегодскъ назывался встарину Усольскомъ.

ныхъ черносошныхъ крестьянъ въ половничество..... отъ черносошныхъ крестьянъ за ихъ владѣльцевъ написано въ особливый владѣльческій перечень» [1]).

То же явленіе встрѣчаемъ мы и въ Яренскомъ уѣздѣ Велико-Устюжской провинціи. Въ Княжпогостской трети купцы Рыбниковы имѣли земли, на которыхъ они выставляли 12,000 копенъ сѣна и сѣяли 15 четвертей хлѣба, а въ Турецкой трети имъ принадлежало пашенныхъ земель на 34 четверти, а покосовъ на 22,500 копенъ, т. е. вдвое болѣе чѣмъ было покосовъ у крестьянъ этой послѣдней трети. То же мы видимъ и во многихъ другихъ волостяхъ Яренскаго уѣзда.

О томъ, что купеческое и мѣщанское землевладѣніе было весьма развито въ Велико-Устюжской провинціи, свидѣтельствуетъ и архангельскій губернаторъ Головцынъ въ своемъ заявленіи въ коммисію уложенія. По его словамъ, тамошніе купцы имѣютъ «въ уѣздахъ за собою во владѣніи немалое число государственныхъ черносошныхъ земель», такъ что «мысли ихъ купеческія больше къ деревенскимъ обрядамъ нежель къ распространенію коммерціи подвижны бываютъ». Многіе изъ нихъ, «а особливо города Яренска, оставя городъ, живутъ по деревнямъ своимъ и, покинувъ купецкую торговлю, упражняются въ земледѣльствѣ».

Деревенскихъ владѣльцевъ изъ купцовъ, посадскихъ и разныхъ канцелярскихъ чиновъ мы находимъ также въ разныхъ волостяхъ Тотемскаго уѣзда Вологодской провинціи, въ Олонецкомъ уѣздѣ Новгородской провинціи, въ разныхъ уѣздахъ Вятской провинціи и, наконецъ, въ Сибири: въ Тюменскомъ уѣздѣ Тобольской и въ Енисейской провинціяхъ.

Завладѣніе купцами и посадскими значительною частью волостныхъ земель было тѣмъ болѣе непріятно для крестьянъ, что эти «деревенскіе владѣльцы» всячески уклонялись отъ несенія общественныхъ тягостей (дорожной и подводной повинности, службы въ выборныхъ должностяхъ и т. п.) и особенно отъ вспомоществованія крестьянамъ въ платежѣ податей за выбылыя души и за неимущихъ людей. А между тѣмъ, при пріобрѣтеніи тяглой земли отъ крестьянъ, даже въ купчія крѣпости заносилось обязательство покупщиковъ платить подать съ этой земли соразмѣрно ея количеству и отбывать другія повинности наравнѣ съ крестьянами. Администрація въ слу-

[1]) Такія-же земли деревенскихъ владѣльцевъ находились въ Ильинскомъ погостѣ Вилегодской четверти и въ Окологородной волости Двинской четверти того-же уѣзда.

чаѣ жалобъ крестьянъ понуждала такихъ лицъ къ исполненію ихъ обязательствъ, но, какъ видно, это дѣлалось далеко не всегда, иначе мы не встрѣтили-бы такъ много указаній въ наказахъ на уклоненіе деревенскихъ владѣльцевъ отъ несенія общаго тягла. Укажемъ на одинъ примѣръ такого вмѣшательства администраціи въ пользу крестьянъ. Въ 1780 г., въ архангельской губернской канцеляріи производилось дѣло по челобитью черносошныхъ крестьянъ Двинскаго уѣзда Матигорской, Ухтостровской и Уемской волостей на архангельскихъ купцовъ Бажениныхъ о невнесеніи ими съ 1776 года денегъ въ счетъ уплаты за умершія и выбылыя души и другихъ сборовъ съ земель, купленныхъ у крестьянъ этихъ волостей предками Бажениныхъ (за ними накопилось всего 1,402 руб.). Хотя Баженины и отговаривались, что они не считаютъ себя обязанными платить подати, потому что земли ихъ наслѣдственныя и подати по закону должны взыскиваться не съ земли, а съ ревизскихъ душъ, обязательство-же ихъ предковъ, какъ не засвидѣтельствованное въ присутственномъ мѣстѣ, не имѣетъ никакой силы,—однако губернская канцелярія признала, что Баженины обязаны платить требуемые съ нихъ крестьянами сборы.

Точно также священно-и церковно-служители, владѣвшіе тяглыми землями, должны были нести тягло; но и они нерѣдко не исполняли этой обязанности. По словамъ крестьянъ Норенской трети, у нихъ «владѣютъ города Тотьмы Предтеченской церкви священники съ причетники крестьянскою деревнею... невѣдомо по какимъ крѣпостямъ, въ которой деревнѣ сѣется въ годъ ржи съ четверти 4 да сѣнныхъ покосовъ ставится возовъ съ 80», на которой землѣ могло-бы пропитаться около десяти душъ крестьянъ. Въ Куловской волости того-же уѣзда духовенство Богоявленскаго собора владѣло одною деревнею, въ которой было написано 20 душъ (вѣроятно, половниковъ), не платя никакой подати. Крестьяне Хлыновскаго уѣзда Вятской провинціи, какъ видно, ужъ отчаялись въ возможности понудить этихъ деревенскихъ владѣльцевъ изъ духовенства къ несенію тягла наряду съ ними. «Священно-и церковно-служители», писали они въ своемъ наказѣ, «во многихъ нашихъ жительствахъ владѣютъ пашенныя земли и сѣнные покосы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оброчные, а въ другихъ безъоброчные, а крестьянство при тѣхъ земляхъ въ подушный окладъ положены и оброчныя деньги платятъ кромѣ тѣхъ священно- и церковно-служителей, не хотя съ ними приходить во всегдашнюю ссору, претерпѣвая за то, что (ихъ) прихода и дѣти ихъ духовныя».

Наряду съ купцами, посадскими, духовенствомъ и канцеляр-

скими чинами и нѣкоторые крестьяне, владѣя землями, какъ ненаселенными, такъ и населенными половниками, принадлежали къ числу деревенскихъ владѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, въ Пачеозерской волости Усольскаго уѣзда изъ 369 душъ было 46 человѣкъ деревенскихъ владѣльцевъ. Жители Орловскаго уѣзда Вятской губерніи жаловались въ своемъ наказѣ, что не только купцы, но и крестьяне, которые «имѣютъ рыбныхъ ловель и бортныхъ угодій по великому числу верстъ», отдаютъ ихъ въ года крестьянамъ тѣхъ-же селеній, «тѣми угодьями владѣя яко помѣщики, собирая за тѣ отданныя угодья договорные оброки и совокупляя свои капиталы». — «Очень легко имъ капиталы сохранять», прибавляютъ далѣе составители наказа, «что берутъ у нихъ угодья крестьяне-жъ въ оброки, а ежели тѣхъ угодій въ оброки не взять, то нечѣмъ и пропитаніе имѣть». Другія свои поземельныя владѣнія (въ Орловскомъ уѣздѣ) деревенскіе владѣльцы изъ крестьянъ обрабатывали при помощи половниковъ, по обыкновенію уклоняясь отъ участія въ уплатѣ податей за выбылыя ревизскія души; на протесты противъ этого крестьянъ они отвѣчали, что земли ими куплены, а половниковъ грозили, въ случаѣ настоятельнаго требованія съ нихъ платежей, отослать обратно въ волость, что было вовсе нежелательно для крестьянъ, такъ какъ имъ тогда пришлось-бы надѣлить ихъ землями, въ которыхъ и безъ того чувствовался недостатокъ.

Понятно, что, въ виду такого стѣсненія въ земельныхъ угодьяхъ, черносошныя волости просили отобрать у деревенскихъ владѣльцевъ ихъ земли для надѣленія ими крестьянъ. Въ одномъ наказѣ Тотемскаго уѣзда мы находимъ такую просьбу: «бывшія прежде деревни и пустоши и въ сошномъ письмѣ земли со всѣми угодьи и по тѣмъ селеніямъ участки, состоящіе нынѣ въ владѣніи разнаго чина людьми какъ за купцами и канцелярскими служителями въ оброкахъ, также по купчимъ и закладнымъ крѣпостямъ и по другимъ незнаемымъ сдѣлкамъ и подъ именемъ недоброжелательныхъ крестьянъ,... изъ подъ упомянутыхъ поверстать въ достатокъ десятинъ общества на души, а имъ-бы впредь владѣніемъ ни подъ какимъ видомъ не производить». Крестьяне Орловскаго уѣзда Вятской провинціи, которые, какъ мы уже знаемъ, особенно жаловались на деревенскихъ владѣльцевъ, просили коммисію уложенія, «не приказано-ль будетъ рыбныя ловли и бортныя угодья отъ купцовъ и крестьянъ отобрать и для удовольствія всѣхъ живущихъ крестьянъ отдать крестьянскимъ старостамъ, чтобы могли крестьяне имѣть владѣнія оныхъ угодій по числу душъ, а не одни пожиточные капиталы свои сохраняли». Они просили также отобрать у деревен-

скихъ владѣльцевъ изъ купцовъ и крестьянъ ихъ деревни «для удовольствія мало имѣющимъ земель». Такую же просьбу выражаютъ и крестьяне Хлыновскаго уѣзда, которые, кромѣ того, просили запретить купцамъ брать въ залогъ крестьянскія земли. Наконецъ, и архангельскій губернаторъ также считалъ необходимымъ, отобравъ у купцовъ половниковъ и надѣливъ ихъ купеческими землями, остальныя изъ этихъ земель отдать въ черносошныя волости съ тѣмъ, чтобы крестьяне уплатили за нихъ купцамъ умѣренное вознагражденіе.

Прося возвратить отъ купцовъ нѣкогда заложенныя и проданныя земли, крестьяне желали, чтобы онѣ были разверстаны между ними подушно, но мѣстами созрѣло уже сознаніе, что такой разверсткѣ слѣдуетъ подвергнуть и тѣ земли, которыя оставались во владѣніи крестьянъ. Такъ, въ наказѣ Мольской волости Тотемскаго уѣзда, послѣ указанія на сильную неравномѣрность поземельныхъ угодій, прибавлено: «а ежели по сему представленію по указомъ прав. сената приказаніе о разверсткѣ земли противъ написанныхъ душъ учинено будетъ какъ способнѣе по десятинамъ въ равенствѣ, и то въ нашей Мольской волости противъ написанныхъ 1,381 души земли будетъ (т. е. достаточно) какъ въ деревняхъ и на пустошахъ оброчныхъ и лѣсомъ поросլыхъ». Изъ того же наказа видно, что Тотемская воеводская канцелярія уже предлагала крестьянамъ «поверстку земли», но «большетяглые крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ и числятъ за родовыя свои вотчины». Такимъ образомъ, зажиточные крестьяне, какъ и слѣдовало ожидать, были противъ передѣла земель по душамъ, и если мы въ крестьянскихъ наказахъ нашли только одно ясно выраженное желаніе такого передѣла, то, быть можетъ, это объясняется ихъ вліяніемъ: извѣстно, что и въ настоящее время міроѣды, иначе называемые «міpососами» и «каіафами», пользуются огромнымъ вліяніемъ среди крестьянъ на сѣверѣ Россіи. Крестьяне Мольской, а быть можетъ, и другихъ волостей, ждали правительственнаго указа для производства уравнительной разверстки земель. Посмотримъ-же, какія мѣры принимало правительство въ этомъ отношеніи.

II.

Мѣры правительства относительно крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи.—Введеніе общиннаго землевладѣнія въ Архангельской губерніи.

Еще въ половинѣ XVII столѣтія правительство старалось прекратить отчужденіе земель черносошными крестьянами. Въ 1649 г. крестьянамъ заонежскихъ погостовъ вовсе запрещено было продавать и закладывать свои земли, а проданныя велѣно было отобрать назадъ безденежно; каргопольскимъ и турчасовскимъ крестьянамъ въ 1663 г. позволено было выкупать назадъ проданные и заложенные участки. Но, съ другой стороны, посадскіе люди города Великаго Устюга продолжали пользоваться правомъ владѣнія землями, перешедшими къ нимъ отъ крестьянъ по купчимъ и закладнымъ, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы поселенные на нихъ половники несли всѣ волостныя тягости наравнѣ съ крестьянами (указъ 1652 г.). Это право они сохранили до половины XVIII в. Только въ 1751 г. велѣно было отобрать въ казну у посадскихъ поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ, а были пріобрѣтены по купчимъ и закладнымъ отъ черносошныхъ крестьянъ. Но черезъ два года этотъ указъ былъ отмѣненъ и снова разрѣшено было крестьянамъ продавать земли посадскимъ и обратно, лишь бы онѣ не были продаваемы помѣщикамъ и разнымъ постороннимъ людямъ, а также отдаваемы монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и церквамъ.

Согласно съ этимъ и съ межевою инструкціею 1754 года, велѣно было отобрать назадъ земли, отчужденныя въ руки приказныхъ служителей и разныхъ лицъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, а также отданныя къ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ, и, напротивъ, утвердить продажи, сдѣланныя крестьянами посадскимъ людямъ и обратно.

Въ указѣ 1753 г. и въ первой межевой инструкціи мы видимъ только заботливость, чтобы земли не выходили изъ рукъ тяглыхъ людей, но жизненная практика указывала на то, что свободная перепродажа земель вредна для благосостоянія крестьянъ и въ этомъ случаѣ, если-бы она производилась только между самими крестьянами. Въ докладѣ, представленномъ Козьминымъ императрицѣ въ 1765 г., онъ обращаетъ вниманіе на то, что черносошные крестьяне продаютъ другъ другу земли какъ помѣщики, «а потому одинъ имѣетъ земли со излишествомъ, а другой съ недостаткомъ; .... нерадѣтельные къ хлѣбопашеству земли продаютъ и закладываютъ и деньги проматываютъ, отчего приходятъ въ нищету». Во избѣжаніе этого Козьминъ

предлагалъ императрицѣ предписать именнымъ указомъ, чтобы черносошные крестьяне не продавали и не закладывали своихъ земель, отобрать, у кого изъ нихъ есть, крѣпости на прежде купленныя земли, а впредь «дѣлить имъ земли и раздавать въ волостяхъ недостаточнымъ равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ, по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ».

Только первая часть предложенія Козьмина была внесена въ межевую инструкцію 1766 года; что касается введенія на сѣверѣ Россіи того типа общиннаго землевладѣнія, который уже въ то время существовалъ въ ея центрѣ, то это было сдѣлано, и то не повсемѣстно, уже въ XIX вѣкѣ.

Межевою инструкціею было предписано: 1) Если кто изъ черносошныхъ крестьянъ свои тяглыя земли, деревенскіе участки и всякія угодья отдали въ поминовеніе по умершимъ и вкладомъ въ архіерейскіе дома, монастыри и къ церквамъ, а также продали, заложили и уступили воеводамъ, канцелярскимъ служителямъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ и другимъ людямъ, не положеннымъ въ подушный окладъ, или если кому изъ нихъ отданы земли отъ канцелярій вслѣдствіе исковъ, всѣ такія угодья возвращать безденежно по прежнему къ землямъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. 2) Земли, пріобрѣтенныя «людьми разныхъ чиновъ» отъ крестьянъ, на которыхъ затѣмъ поселились половники, также отбирать и примежевывать къ государственнымъ землямъ. При этомъ земли, проданныя тамошнимъ посадскимъ или посадскими государственнымъ крестьянамъ, подлежали особому разсмотрѣнію, но и изъ нихъ слѣдовало утверждать лично за тѣмъ или другимъ владѣльцемъ только принадлежащія по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ. 3) «Съ изданія сей инструкціи, какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ, имѣющихся въ поморскихъ городахъ за ними недвижимыхъ имѣній, до будущаго впредь по снятымъ планамъ разсмотрѣнія, никому, какъ постороннимъ, такъ и между собою, не продавать и не закладывать, и въ иски, также по векселямъ и за долги не отдавать, а кто и отдастъ, то даннымъ, крѣпостямъ, закладнымъ записямъ и отдачамъ быть недѣйствительными». 4) Земли, оставшіяся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, наслѣдникамъ и женамъ на части не дѣлить, и по наслѣдству дочерямъ и въ приданое выходящимъ замужъ за людей другаго званія или хотя и за государственныхъ крестьянъ, но въ другія селенія—не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ онѣ будутъ примежеваны. Если же послѣ крестьянина останутся только дочери и онѣ выйдутъ

замужъ за государственныхъ крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ ихъ женъ, то такія земли имъ отдавать, а участки, принадлежавшіе имъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они прежде жили, оставлять прочимъ жителямъ тѣхъ деревень.

Такимъ образомъ межевая инструкція не предписывала передѣловъ, но, прекращая не только отчужденіе земель постороннимъ лицамъ, но и переходъ земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки среди членовъ одной и той же волости, она подготовляла почву для введенія передѣловъ, когда для этого настанетъ время. Однако и продажа земель прекратилась не сразу: два года спустя, сенату приходилось подтвердить, чтобы черносошные крестьяне не совершали купчихъ крѣпостей на землю. Этого и слѣдовало ожидать, такъ какъ въ наказахъ Велико-Устюжскаго, Яренскаго и Олонецкаго уѣздовъ мы встрѣчаемъ просьбы о разрѣшеніи вновь продавать и закладывать земли. Въ Велико-Устюжскомъ уѣздѣ только въ одномъ наказѣ выражается такое желаніе, мотивированное слѣдующимъ образомъ: «неимѣющіе дѣтей, а сами за слабымъ своимъ здоровьемъ или за старостью домашнюю экономію управлять и состоящую за ними пашенную землю работою снабдѣвать въ несостояніи, а продавать недозволено, отчего за ними состоящія деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе и написанныя на тѣхъ деревняхъ души располагаются на прочихъ той волости крестьянъ, отчего и происходитъ общественная нужда и отягощенія». Дозволеніе же перепродажи земель между государственными крестьянами будетъ весьма полезно, такъ какъ «одинъ отъ другаго получа, какъ напредъ сего и дѣйствительно оказывалось, что яко въ родъ доставшееся ему по крѣпостямъ недвижимое имѣніе, то для потомковъ своихъ съ надеждою прикладывали усердное стараніе и въ пользу государственную какъ пашенную землю, такъ и сѣнные покосы разчищали и въ лучшій приводили порядокъ». Изложеніе этого наказа слишкомъ отзывается, такъ сказать, владѣльческимъ духомъ и это мѣсто какъ будто написано подъ вліяніемъ проповѣди о необходимости полнаго права собственности на землю для производства земледѣльческихъ улучшеній. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что наказъ былъ составленъ не самими крестьянами (въ отличіе отъ другихъ, онъ подписанъ только священникомъ и «мірскихъ дѣлъ писчикомъ»; вѣроятно, въ волости не было грамотныхъ); надо думать, что на слогъ этого наказа оказало вліяніе участіе въ этомъ дѣлѣ священника. Гораздо проще и ближе къ истинѣ формулировано то же желаніе въ наказахъ Яренскаго уѣзда, гдѣ оно повсемѣстно повторяется въ одной формѣ: «просить дозволенія въ покупкѣ,

въ продажѣ и въ закладѣ всякому своихъ природныхъ и покупныхъ хлѣбопашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и въ письмѣ на тѣ земли послѣ выкупу родственниками въ указный срокъ купчихъ и закладныхъ крѣпостей, дабы въ случаѣ которые крестьяне придутъ въ упадокъ, то бы могли для поправленія себя подъ закладъ земель деньги занимать, а съ другой стороны, надѣясь на закладъ, охотнѣе давать». Тутъ выставлена дѣйствительная причина продажи крестьянами земель—нужда въ деньгахъ. Но что бы ни проповѣдывали составители одного изъ велико-устюжскихъ наказовъ о плодотворныхъ для государства результатахъ дѣятельности земледѣльца, руководимаго желаніемъ увеличить свой наслѣдственный участокъ, обезземеленіе, къ которому приводила многихъ свободная продажа земель, выгодная лишь для кулаковъ, — плохой исходъ изъ нужды, и правительство вѣрно поняло это.

Каргопольскіе крестьяне, также ходатайствовавшіе въ своихъ наказахъ о дозволеніи продавать и мѣнять между собою земельные участки, мотивировали это тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣли средствъ обрабатывать свою землю и платить подати, между тѣмъ какъ при продажѣ земель пріобрѣтавшіе ихъ принимали на себя уплату подушныхъ денегъ за продавца. Во время преній въ коммисіи уложенія (по поводу послѣдняго наказа) относительно разрѣшенія продажи земель крестьянамъ — голоса раздѣлились. Одни были противъ этого, находя, что вслѣдствіе такой продажи потомки многихъ крестьянъ обнищаютъ, между тѣмъ какъ неимѣющіе средствъ обработать свой участокъ могутъ отдавать его погодно въ кортому семьянистымъ людямъ; другіе, не высказываясь положительно за запрещеніе продажи, находили однако необходимымъ, чтобы продающій землю оставлялъ за собою участокъ, достаточный для его прокормленія, или имѣлъ бы право во всякое время выкупить ее. Однако правительство продолжало относительно черносошныхъ крестьянъ придерживаться взглядовъ, высказанныхъ въ межевой инструкціи, и не отмѣняло запрещенія продавать земли.

Вредныя послѣдствія свободной перепродажи поземельныхъ участковъ правительство замѣтило въ нынѣшней Олонецкой губерніи, между прочимъ, въ тѣхъ самыхъ заонежскихъ погостахъ, гдѣ крестьянамъ запрещено было продавать землю еще въ 1649 г. Со времени Петра Великаго крестьяне, жившіе въ этой мѣстности, были приписаны къ олонецкимъ заводамъ, но такъ какъ эта приписка не могла повліять на характеръ ихъ поземельныхъ отношеній и такъ какъ до того это были крестьяне черносошные, то мы находимъ болѣе удобнымъ коснуться здѣсь этого вопроса.

Правительство должно было обратить вниманіе на бытъ этихъ крестьянъ вслѣдствіе волненія, происходившаго среди ихъ въ 1769—1771 гг. Коммисія, посланная для ихъ усмиренія, въ докладѣ сенату заявила, что крестьяне «земляные свои участки въ поляхъ продаютъ и закладываютъ между собою и постороннимъ, живущимъ въ ихъ селеніяхъ разнаго званія людямъ, а сами по лѣности многіе, сдѣлавшись тунеядцами и брося домы, бродятъ по разнымъ мѣстамъ; нѣкоторые-жъ изъ нихъ, самовольно записавшіеся и разными магистратами незаконно причисленные въ купечество, живутъ на прежнихъ своихъ участкахъ и по давнему безпорядку всѣхъ изъ нихъ владѣютъ пашенными землями безъ раздѣленія на тяглы, но яко вотчинники по наслѣдствамъ, о которыхъ происходятъ только междоусобія, слѣдствія и суды, продолжающіеся черезъ многіе годы».

Коммисія находила необходимымъ принять слѣдующія мѣры: 1) На основаніи межевой инструкціи 1766 г. земли обмежевать къ селеніямъ «порознь по волостямъ и деревнямъ». 2) У постороннихъ, которые какимъ бы то ни было образомъ завладѣли землями, ихъ отобрать и по прежнему причислить къ селеніямъ, а кто незаконно покупалъ у крестьянъ государственныя земли или бралъ въ закладъ, тѣмъ вѣдаться въ деньгахъ судомъ съ продавцами и закладчиками. 3) «Между крестьяны земли и всѣ угодья смѣшавъ, раздѣлить порядочно на тяглы по душамъ и по имуществу, а съ того уже быть какъ раскладамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и заводскимъ работамъ, родословія-жъ и наслѣдства ихъ отрѣшить, продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить и впредь въ письмѣ таковыхъ учинить запрещеніе». 4) «И какъ хозяйственное между крестьяны распоряженіе требуетъ ежегодно въ подушныхъ платежахъ уравненія такого, что на иного за умершихъ и по другимъ случаямъ убылыхъ прибавлять, съ иного-жъ уменьшать,—то при такимъ случаяхъ съ перваго раздѣленія участкомъ нѣкоторымъ свое сдавать, а другимъ изъ платежа временнаго на себя снимать не запрещать, а который крестьянинъ хотя и по числу своего семейства, однако - жъ по скудости и по другимъ обстоятельствамъ полнаго принадлежащаго ему участка овладѣть и съ онаго платежа и работъ снести не можетъ, таковые міромъ приписывать къ другимъ имущимъ, а его до времени оставлять на томъ тяглѣ, каковое понесть въ силахъ, и раскладъ таковые предоставить на общее самихъ - же ихъ мірское уравненіе, которое сдѣлать имъ всегда правильно, безъ малѣйшаго другъ друга отягощенія, чрезъ что и всякихъ уже нынѣшнихъ вредныхъ своихъ лишатся тяжебъ». Оло-

нецкихъ-же посадскихъ, поселившихся среди крестьянъ, коммисія предлагала выслать въ городъ.

Относительно возбужденнаго этимъ докладомъ вопроса сенатъ потребовалъ мнѣнія бергъ-коллегіи; та вошла въ сношеніе съ канцеляріею олонецкихъ Петровскихъ заводовъ и въ 1778 г. получила отъ нея донесеніе, вполнѣ подтверждавшее предложенія слѣдственной коммисіи. Канцелярія считала необходимымъ всѣ земли, деревенскіе участки и сѣнные покосы, кому-бы они ни принадлежали—посадскимъ-ли или государственнымъ крестьянамъ,—размежевать между ними «по числу ихъ тягла» и причислить къ тѣмъ селеніямъ, къ которымъ они прилегли, а крѣпости на тѣ земли, закладныя, духовныя и векселя, данные отъ крестьянъ купцамъ, уничтожить, «потому болѣе, что они, живъ при тѣхъ селеніяхъ издавна, многое время и въ малой цѣнѣ заложенными въ большомъ количествѣ участками пользуясь, свои деньги чрезъ продукты давно уже возвратили»; да и впредь продавать, закладывать и инымъ способомъ укрѣплять запретить. Если же кто изъ купцовъ пожелаетъ остаться въ деревнѣ съ обыкновеннымъ крестьянскимъ тягломъ и нести всю мірскую тягость вмѣстѣ съ крестьянами, не исключая и заводской работы (съ этимъ условіемъ изъ крестьянъ и записывались въ купечество), то въ этомъ имъ не препятствовать; въ противномъ-же случаѣ по размежеваніи земель вывести ихъ для поселенія въ города. Бергъ-коллегія одобрила это предложеніе и сенатъ въ 1781 г. приказалъ его исполнить.

Можно было ожидать, что послѣ этого указа та форма общиннаго землевладѣнія, которая уже въ то время существовала въ центральной Россіи, будетъ введена и въ Олонецкомъ краю. Намъ неизвѣстно, какія мѣры были приняты для исполненія сенатскаго указа 1781 года, но если мѣстная администрація и пыталась его исполнить, то, значитъ, ея попытки совершенно не удались. По свидѣтельству Лалоша, въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, т. е. именно тамъ, гдѣ жили въ прошломъ вѣкѣ крестьяне, приписанные къ олонецкимъ заводамъ, до сихъ поръ вовсе не бываетъ передѣловъ; не передѣляется хотя бы часть пашенъ и покосовъ, какъ это бываетъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ. «Тамъ всякій сочленъ общины, всякій работникъ или домохозяинъ владѣетъ «своимъ;» тамъ принципъ «работать промежъ себя» блюдется не только въ пользованіи подсѣчными пашнями и лѣсными сѣнокосами, но прилагается и къ трехпольнымъ пашнямъ». Очевидно, и въ настоящее время по мѣстнымъ условіямъ не настало еще время для введенія передѣловъ, къ которымъ приступили уже

въ другихъ уѣздахъ; понятно, что хотя правительство могло прекратить тутъ перепродажу земель, но ему не удалось ввести раздѣленія земли по тягламъ.

Въ Архангельской губерніи администрація также стала настаивать при Екатеринѣ на равномѣрномъ раздѣлѣ земель между крестьянами. Хотя эти пожеланія, по видимому, еще не осуществлялись, но всетаки среди крестьянъ все болѣе созрѣвала мысль о необходимости уравнительнаго раздѣла земель. Это видно, напримѣръ, изъ такого факта: крестьяне Куреской волости, Холмогорскаго уѣзда, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ земли, нѣкогда принадлежавшія церкви и ея причту, раздѣлили ихъ по паямъ между неимущими для уравненія съ другими, а оброкъ за эти земли рѣшили внести въ уѣздное казначейство всѣмъ обществомъ.

Но отдача земель въ залогъ, вопреки запрещенію межевой инструкціи, продолжалась въ Архангельской губерніи еще въ первой четверти XIX вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1817 г. пильегорскіе выборные доносили, что крестьянинъ Лудниковъ не вноситъ подушной подати, отговариваясь тѣмъ, что «земля заложена въ закладъ отцомъ его у восьми человѣкъ». Земскій судъ предписалъ: Лудникова ко взносу подушныхъ денегъ не принуждать, а взыскать ихъ съ пользующихся землею. Въ томъ же году исправникъ предписалъ выборнымъ «строжайше смотрѣть, дабы крестьяне отнюдь не дѣлали никакихъ закладовъ казеннымъ землямъ, въ силу запрещенія сенатскаго указа; а ежели сіе послѣдуетъ, отъ закладчика отнимется безденежно и отдастся въ общество». Однако и послѣ того переуступка земель не прекращалась.

Наконецъ, циркулярнымъ распоряженіемъ министра финансовъ 1829 г. было предписано ввести въ Архангельской губерніи передѣлы земли. Мѣстами это распоряженіе, приведенное въ дѣйствіе Архангельскою казенною палатой въ слѣдующемъ году, вызвало неудовольствіе среди крестьянъ, такъ какъ правительство не обращало вниманія на существованіе земель, находившихся въ пользованіи цѣлой волости, и требовало непремѣнно раздѣленія земли порознь къ каждой деревнѣ. Выборные одной волости, донося казенной палатѣ о полученіи и прочтеніи при земской избѣ всему крестьянскому обществу указовъ, которыми предписывалось «о непремѣнномъ раздѣлѣ пашенной и сѣнокосной земли въ каждой деревнѣ порознь послѣдней ревизіи мужеска пола по тягламъ,» заявляли, что «въ общемъ собраніи нѣкоторые крестьяне по сему предмету не согласны и прочихъ возмущаютъ крестьянъ, желаютъ нашей волости произвести раздѣлъ земли, вопреки указнаго повелѣ-

нія, по всей волости (вообще), на каждую ревизскую м. п. душу по равному количеству, потому что одна противъ другой деревни находится земли не по равному количеству на души». Выборные заявляли, что въ теченіе осени въ 1830 г. у нихъ было одиннадцать мірскихъ сходокъ о раздѣлѣ земли, но они не могли склонить крестьянъ къ раздѣлу порознь въ каждой деревнѣ. Однако ходатайства крестьянъ объ уравнительномъ раздѣлѣ всѣхъ волостныхъ владѣній не были удовлетворены. По поводу одной изъ такихъ просьбъ казенная палата рѣшила въ слѣдующемъ году: «домогательству ихъ, дабы черезъ общій по волости раздѣлъ земель воспользоваться таковою въ добавокъ своей отъ другихъ селеній, противно законнымъ правиламъ и предписаніямъ высшаго начальства, по точности коихъ каждое селеніе дѣлитъ только принадлежащія одному ему земли между крестьянами онаго, не входя въ границы земель другихъ селеній».

Послѣ перваго передѣла земель было еще немало споровъ: одинъ крестьянинъ захватывалъ часть поля своего сосѣда и дѣло доходило до кровавой драки; другой, получивъ въ надѣлъ землю уже засѣянную, не давалъ снять съ нея «руна», т. е. хлѣба; въ третьемъ случаѣ вдова по смерти мужа получала приходившуюся на его долю пахатной земли, но по проискамъ мірскаго писчика ей не отводили покоса и т. п. Земскому суду и казенной палатѣ приходилось не разъ постановлять рѣшенія по поводу подобныхъ жалобъ. Постепенно однако передѣлы вошли въ обыкновеніе среди крестьянъ Архангельской губерніи. Первый раздѣлъ былъ совершенъ въ 1831 г., второй въ 1834 г. во время восьмой ревизіи, третій въ 1852 г. при девятой переписи и, наконецъ, четвертый въ 1858 г. при десятой ревизіи. Но не смотря на административное давленіе, крестьяне сохранили нѣкоторые обычаи, которымъ они придавали большое значеніе. Такъ, напримѣръ, и въ настоящее время, хотя передѣлы бываютъ обыкновенно въ каждой деревнѣ особо, но мѣстами они производятся и сообща въ нѣсколькихъ деревняхъ, если онѣ издавна имѣли общія земли. Кромѣ того, при передѣлахъ коренная земля, т. е. издавна находившаяся въ пользованіи одного семейства, особенно если она въ свое время была хорошо обработываема, не отбирается отъ владѣльца, хотя бы изъ приходившихся прежде на его долю поземельныхъ владѣній и необходимо было сдѣлать отрѣзокъ на души другихъ; въ такомъ случаѣ отдѣляется нужное количество изъ вырѣзной земли, т. е. поступившей во владѣніе въ недавнее время. Существуетъ также обычай мѣняться участками общественнаго надѣла, закладывать (напримѣръ, пожни) и завѣщать—кому изъ наслѣдниковъ какимъ участкомъ пользоваться послѣ смерти хозяина [1].

[1] Ефименко. Сборн. народн. юрид. обыч. 74, 76 стр.

III.

Количество земли у крестьянъ. — Жалобы на ея недостатокъ. — Бобыли. — Арендованіе земли.

Познакомившись съ формою крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, мы переходимъ теперь къ вопросу о количествѣ земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Къ сожалѣнію, относительно прошлаго столѣтія мы вообще имѣемъ объ этомъ весьма мало точныхъ данныхъ, тѣмъ труднѣе имѣть ихъ о тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыхъ генеральное межеваніе коснулось лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, намъ опять придется воспользоваться крестьянскими наказами; но въ этомъ случаѣ это матеріалъ крайне односторонній: крестьяне, естественно, касаются этого вопроса только тогда, если чувствовался недостатокъ въ землѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ указанія лишь относительно наименьшаго количества земли и лишены возможности опредѣлить средній размѣръ крестьянскихъ земельныхъ участковъ. За то отсутствіе жалобъ въ наказахъ той или другой мѣстности на бѣдность землею можетъ служить вѣрнымъ признакомъ того, что крестьяне вообще не чувствовали въ ней недостатка. Такъ, напримѣръ, мы вовсе не встрѣчаемъ такихъ жалобъ въ наказахъ Архангельской провинціи (нынѣ губерніи) и, дѣйствительно, изъ свидѣтельства одного современника, хорошо знавшаго этотъ край, видно, что у крестьянъ было не мало земель. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по словамъ Крестинина, у крестьянъ всего чаще было столько пашни, что они засѣвали отъ пяти до 15-ти мѣръ или получетвертей ячменя. Такъ какъ въ Архангельской губерніи на десятинѣ сѣяли отъ одной до двухъ четвертей ячменя или, въ среднемъ, полторы четверти, то выходитъ, что у крестьянъ было одной пашни отъ $3^1/_3$ до 10 десятинъ на дворъ (во дворѣ, среднимъ числомъ—шесть душъ); съ ихъ пожень собиралось отъ 75 до 300 копенъ сѣна [1]). Но были крестьяне и богаче, такъ что у нѣкоторыхъ (по приведенному выше расчету) было отъ 14 до 16 десятинъ пашни, а съ пожни собиралось отъ 600 до 800 копенъ сѣна. Однако и здѣсь мѣстами земли было маловато. По словамъ вѣдомости, составленной въ 1765 г., въ Николаевской Матигорской волости, «въ

---

[1]) Каждый такой участокъ пашни съ соотвѣтственнымъ количествомъ покосу стоилъ отъ 150 до 500 р.

разсужденіи климата и доброты земли», считалось необходимымъ имѣть на каждую душу по полдесятинѣ пахатной земли и по $1^1/_2$ десятины сѣнокосной; а между тѣмъ въ это время въ ней приходилось первой менѣе чѣмъ по полдесятинѣ, а второй менѣе десятины на душу. Въ Богоявленской Ухтостровской волости на 394 души было только 538 десятинъ пашни и покосу.

Въ наказахъ Устюжской провинціи (уѣзды Устюжскій, Сольвычегодскій и Яренскій) мы, напротивъ того, очень часто встрѣчаемъ жалобы на недостатокъ земли. Въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Шемогоцкой и Ягрышской волостяхъ пашенной земли было немногимъ болѣе $^1/_4$ десятины («по пяти осьминъ четверти»); въ Ильинскомъ погостѣ, Ентальской волости и въ Спасо-Преображенскомъ погостѣ Ярокурскаго стана на каждую душу сѣялось всего по три четверика; въ Бѣлокурскомъ станѣ, въ Варженскомъ погостѣ и въ Троицкомъ станѣ Ентальской волости—по одной осьминѣ на душу. Такъ какъ въ этой мѣстности сѣяли около $1^1/_2$ четверти ржи на десятинѣ, то, слѣдовательно, здѣсь на душу приходилось по $^1/_3$ десятины пашни. Но мы полагаемъ, что всѣ эти цифры показываютъ количество земли или засѣваемаго хлѣба въ каждомъ полѣ, и что, слѣдовательно, всего было пашни отъ $^3/_4$ до 1 десятины на душу. Это подтверждается слѣдующими словами наказа Лужской волости: «всего по примѣрному положенію одного поля пашни во всей волости подъ нами черносошными крестьянами 62 десятины... а написанныхъ м. п. при оныхъ пашняхъ 223 души»; тутъ, слѣдовательно, приходилось въ каждомъ полѣ менѣе $^1/_3$ десятины на душу, а во всѣхъ поляхъ нѣсколько болѣе $^3/_4$ десятины. Въ Утмановской волости было болѣе земли: сѣялось «всякаго хлѣба на каждую м. п. душу по $1^1/_2$ четверти».

Въ Сольвычегодскомъ (или, какъ тогда называли, Усольскомъ уѣздѣ), въ Ратмеровской волости, приходилось на каждую душу пахатной земли «по пяти осьминъ четверти», т. е. нѣсколько болѣе четверти десятины въ каждомъ полѣ. Въ Окологородной волости на 316 душъ (кромѣ которыхъ было еще 79 безземельныхъ бобылей) было пашенной земли въ полѣ $77^1/_2$ десятинъ, «а въ дву по тому-жъ», слѣдовательно, всего болѣе $^2/_3$ десятинъ на душу, сѣна 1,535 копенъ; а у 120 душъ, приписанныхъ къ волости бывшихъ монастырскихъ половниковъ, было пашенной земли во всѣхъ поляхъ 69 десятинъ, слѣдовательно, немногимъ болѣе $^1/_2$ на душу, сѣна 3,250 копенъ. Вслѣдствіе такого недостатка земли и ея плохаго качества, изъ крестьянъ Окологородной волости пропитывались своимъ хлѣбомъ только 41 семья, а 53 семьи должны были его прикупать. По

расчету крестьянъ, для тѣхъ, кому недоставало своего хлѣба, и для бобылей нужно было бы еще пашни и сѣнныхъ покосовъ около 70 десятинъ, но болѣе удобной для обработки земли въ ихъ волости не было.

Въ Яренскомъ уѣздѣ въ одной волости на 400 душъ сѣяли 100 четвертей ржи и 150 ячменя, а въ Турецкой трети было особенно мало пахатной земли—на 616 душъ 112 четвертей; но за то на тамошнихъ покосахъ выставляли 11,475 волоковыхъ копенъ. Въ этой трети очень много земель было во владѣніи купцовъ Рыбниковыхъ. Въ Сученской волости, Тотемскаго уѣзда (Вологодской провинціи), на семью въ 4—6 душъ сѣялось хлѣба по одной и по $1^1/_2$ четверти.

Кромѣ этихъ точныхъ указаній на количество земли, находившейся во владѣніи крестьянъ, мы встрѣчаемъ еще не мало жалобъ на ея недостатокъ. Такъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ мы находимъ такую жалобу въ наказахъ семи волостей, въ Тотемскомъ—въ пяти наказахъ. Но нужно замѣтить, что если пахатной земли было иногда очень мало, за то обыкновенно было значительное количество покосовъ. Черносошные крестьяне, жившіе въ Саратовѣ, заявляли въ своемъ наказѣ, что хотя Саратовскій округъ отведенъ былъ въ 1701 году для горожанъ, но живущіе въ городѣ офицеры, городовые дворяне, купцы и приказные служители завладѣли по рѣкамъ самыми удобными мѣстами, самовольно перевели на нихъ своихъ крестьянъ и стѣснили коренныхъ жителей до такой степени, что для прокормленія своего скота они вынуждены нанимать у нихъ луга въ своемъ же округѣ; сверхъ того, эти владѣльцы запрещаютъ имъ пользоваться лѣсомъ и причиняютъ имъ другія обиды. Черносошные крестьяне города Петровска (Симбирской провинціи) жаловались на то, что ихъ начали стѣснять землями ради переселенія иностранныхъ колонистовъ. «Въ прошлыхъ давныхъ годѣхъ дѣды наши и отцы», писали они въ своемъ наказѣ, «изъ разныхъ мѣстъ переведены по указамъ на житье въ городъ Петровскъ, въ коемъ обще съ пахатными солдаты и поселены и вообще-жъ владѣнія имѣли землею, коя имъ отведена была окружною межою и сѣнными покосы и всѣми угодьи и повелѣно владѣть, что и было во владѣніи въ каждую отъ города сторону кромѣ выпуску по 20 верстъ тысячныхъ»... Теперь же, отыскивая свободныя земли для поселенія иностранцевъ, имъ намежевываютъ на каждую душу по 15 десятинъ, что при переложной системѣ хозяйства они считали недостаточнымъ (они снимали хлѣбъ на одномъ мѣстѣ лѣтъ 10, а затѣмъ распахивали другія мѣста); лѣсу строеваго у нихъ нѣтъ; былъ прежде у нихъ въ общемъ владѣніи съ пахатными солдатами лѣсъ верстахъ въ 30-ти отъ го-

рода Петровска, но теперь онъ отъ нихъ отмежеванъ и въѣздъ туда запрещенъ; рубить же лежащій по близости дубовый лѣсъ также не дозволялось.

Крестьяне Уфимской провинціи также жаловались на недостаточность пахатной земли, такъ что они принуждены арендовать ее у башкиръ. Крестьяне одной слободы бугульминскаго вѣдомства Оренбургской губерніи заявляли въ своемъ наказѣ, что они стѣснены въ земляхъ помѣщикомъ Новокрещеновымъ: когда ихъ слободѣ отводили земли, онъ былъ воеводою и отрѣзалъ имъ пашни вплоть до рѣчки, которая течетъ подлѣ самой ихъ околицы, а земля, отведенная съ другой стороны, для хлѣбопашества неудобна.

Какъ на одну изъ причинъ недостатка земли, крестьяне Велико-Устюжской и Вятской провинцій указывали на отрѣзку большаго количества земель для проведенія дорогъ. По словамъ наказа Орловскаго уѣзда, въ 1765 году приказано было оставлять подъ большую проѣзжую дорогу 40 сажень, вслѣдствіе чего у нѣкоторыхъ крестьянъ отошла половина пашенной земли, а у другихъ и больше [1]), новыхъ же мѣстъ для распашки нѣтъ; поэтому они просили, чтобы тамъ, гдѣ находятся пашни, позволено было отводить для дороги не болѣе 15 сажень. Крестьяне Слободскаго уѣзда, кромѣ того, заявляли, что къ желѣзнымъ заводамъ, построеннымъ въ ихъ дачахъ, отобрано у нихъ не мало лѣсу, пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ.

На сѣверѣ Россіи было еще одно обстоятельство, неблагопріятно отражавшееся на крестьянскомъ землевладѣніи. По Двинѣ и другимъ сѣвернымъ рѣкамъ послѣ весеннихъ разливовъ большія пространства луговъ засыпаетъ песками или сноситъ водою, вслѣдствіе чего въ другихъ мѣстахъ образуются такъ называемыя новоприсадныя земли. Въ наказахъ крестьяне часто жалуются на ущербъ, такимъ образомъ имъ причиняемый. По словамъ наказа Ракульской волости Велико-Устюжскаго уѣзда, многія деревни не имѣли у нихъ ни копны печищнаго сѣна, потому что весьма много земель снесло теченіемъ Двины и «присадило» на другой сторонѣ купеческимъ землямъ, вслѣдствіе чего имъ приходится брать покосъ изполу у одного купца, а за нѣкоторыя снесенныя оброчныя земли платить оброкъ «съ пуста». Крестьяне просили такія новоприсадныя земли отдать тѣмъ деревнямъ, которыя лишились своихъ владѣній отъ сноса водою, и впредь всегда поступать такъ же въ подобныхъ случаяхъ. Въ Мошкурской волости у крестьянъ разныхъ деревень снесло покосовъ приблизительно

---

[1]) По свидѣтельству жителей одной слободки Хлыновскаго уѣзда, у нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась только одна треть земель.

на 6,000 копенъ, а у одной деревни смыло столько пашенныхъ земель, что крестьянамъ пришлось переселиться на новое мѣсто.

Главное неудобство того типа общиннаго землевладѣнія, который существовалъ въ то время на сѣверѣ Россіи, состоитъ въ томъ, что, вслѣдствіе свободнаго перехода земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки, является не только сильное имущественное неравенство, но дѣло кончается даже обезземеленіемъ, превращеніемъ въ бобылей значительной части населенія, которая поэтому принуждена перейти къ занятіямъ какими-либо промыслами, пропитываться работою на заводѣ, а не то и просто нищенствовать. Появленіе въ волости такихъ бобылей вредно отзывается на интересахъ и другихъ ея членовъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, если не за всѣхъ, то по крайней мѣрѣ за многихъ изъ безземельныхъ, приходится платить подати остальнымъ крестьянамъ. Опредѣлить, какой процентъ всего населенія составляли бобыли, мы не можемъ, но нѣсколько примѣровъ покажутъ намъ, что ихъ было весьма не мало. Въ Николаевской Матигорской волости Архангельскаго уѣзда изъ 602 душъ было 116 бобылей; въ Быкокурскомъ стану Устюжскаго уѣзда изъ 504 ревизскихъ душъ было безпашенныхъ и вовсе безземельныхъ бобылей 60 душъ, подати съ которыхъ разлагались на остальныхъ крестьянъ. Въ Пачеозерской волости Усольскаго уѣзда на 215 душъ владѣющихъ землями было 54 человѣка не имѣвшихъ ни пашенъ, ни покосовъ, изъ которыхъ 31 человѣкъ могли сами выплачивать подати, а за остальныхъ платила волость. Въ Окологородной волости того-же уѣзда на 395 крестьянъ было 79 душъ совершенно безземельныхъ бобылей, изъ которыхъ только половина сами платили подати, и т. д. Иногда, впрочемъ, процентъ бобылей былъ значительно менѣе.

Въ Вятской провинціи также были безземельные крестьяне: у жителей нѣкоторыхъ деревень Слободскаго уѣзда вовсе не было пашенъ и покосовъ, такъ что они принуждены были прокармливать себя по большей части выдѣлкою кожъ. Черносошные крестьяне, жившіе въ слободахъ г. Хлынова, вовсе не имѣя пашенной земли, добывали себѣ деньги на пропитаніе и уплату податей различными работами и услуженіемъ въ домахъ мѣстныхъ купцовъ. Недостатокъ земли у черносошныхъ крестьянъ пополнялся до нѣкоторой степени арендованіемъ казенныхъ и церковныхъ земель; ихъ брали въ аренду какъ цѣлыя волости, такъ и отдѣльныя лица. Что это дѣлалось весьма часто, видно изъ того, что въ наказахъ постоянно на ряду съ «крѣпостными» землями упоминается и объ оброчныхъ [1]). Крестья-

[1]) Аренда церковныхъ земель называлась празгой и такія земли празговыми.—Крестьяне брали въ оброкъ также и рыбныя ловли.

не разныхъ волостей Архангельскаго уѣзда подали губернатору Тутолмину прошеніе о томъ, чтобы купцы и разночинцы не допускались къ участію въ торгахъ на пашенныя и сѣнокосныя земли. Поэтому онъ предписалъ казенной палатѣ входить въ разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго случая, и тамъ, «гдѣ крестьяне полной препорціи тяглой земли не имѣютъ и подать платятъ болѣе съ оброчныхъ земель, при торгѣ на оброчныя земляныя угодья давать преимущество крестьянамъ, въ тяглой землѣ недостатокъ претерпѣвающимъ».

Въ 1786 году крестьянинъ Багрецовъ взялъ въ аренду землю, принадлежащую мѣстной церкви. Убѣдившись, что онъ не самъ пользуется ею, а отдаетъ во владѣніе изъ своей корысти охочимъ людямъ, крестьяне той волости, гдѣ находился арендуемый участокъ, имѣвшіе на 394 души всего 538 дес. пашенной и сѣнокосной земли, подали генералъ-губернатору прошеніе о томъ, чтобы церковная земля была оставлена въ ихъ владѣніи. Казенная палата рѣшила отобрать эту землю у Багрецова и передать во владѣніе всей Ухтостровской волости на тотъ-же 4-хъ лѣтній срокъ и съ платою такого же оброка.

Крестьяне Слободскаго уѣзда арендовали землю у тамошнихъ татаръ, приписанныхъ для работъ къ казанскому адмиралтейству (лашмановъ), и платили имъ съ паевъ по 2 и по 3 руб.; но такъ какъ крестьяне были записаны по ревизіи на этихъ арендуемыхъ ими земляхъ, то и просили, чтобы онѣ были переданы въ ихъ постоянное владѣніе. Крестьяне Уфимской провинціи брали въ оброкъ земли у башкиръ, а жители Большой Бугульминской слободы Оренбургской губ. арендовали ихъ у мѣстныхъ помѣщиковъ, платя за луга за сто копенъ по 30 и по 40 коп. Крестьяне нѣкоторыхъ волостей Велико-Устюжскаго уѣзда брали у купцовъ покосы изъ-полу.

IV.

Крестьянское землевладѣніе въ Сибири.—Надѣлъ землею соразмѣрно съ количествомъ обрабатываемой десятинной пашни.—Представленія мѣстной администраціи о необходимости уравнительнаго передѣла земель. — Была-ли эта мѣра осуществлена?—Мнѣніе о необходимости передѣловъ и впредь. — Одинъ изъ примѣровъ того, какъ монастырскія власти сгоняли крестьянъ съ земли, находившейся прежде въ ихъ пользованіи.

Говоря о формѣ крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, мы вовсе не касались Сибири; теперь мы должны познакомиться съ порядками, установившимися въ этой отдаленной мѣстности. Количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, было здѣсь первоначально связано съ размѣромъ повинностей, исполняемыхъ ими въ пользу государства. Такъ какъ правительство въ XVII в. нуждалось тамъ гораздо болѣе въ хлѣбѣ, чѣмъ въ деньгахъ (необходимо было доставлять продовольствіе служилымъ людямъ по городамъ и острогамъ), то повинность эта явилась въ формѣ такъ называемой десятинной пашни. Первыя правила относительно нея были установлены тобольскимъ воеводою, бояриномъ кн. Сулешовымъ (въ 1623—1624 гг.); на основаніи ихъ крестьянинъ получалъ для себя въ четверо и даже въ семеро разъ болѣе земли сравнительно съ количествомъ пашни, которую онъ брался обрабатывать на государя[1]). Относительно мѣстностей Сибири, лежащихъ далѣе къ востоку, правила о десятинной пашнѣ были установлены позднѣе. Въ 1684 г. граматою, присланною изъ Сибирскаго приказа въ Енисейскъ, было предписано давать крестьянамъ земли въ пять разъ болѣе того, сколько онъ обрабатываетъ въ пользу казны; тѣхъ же изъ нихъ, у кого земля выпахалась, велѣно было перевести на другія мѣста. Кромѣ пашень, каждый крестьянинъ, обрабатывающій для казны одну десятину, получалъ на выгонъ и сѣнные покосы по 10 дес. земли, и по тому-же расчету болѣе или менѣе.—Вслѣдъ за тѣмъ очередь дошла и до крайняго востока Сибири. Въ 1696 году въ наказныхъ статьяхъ нерчинскимъ воеводою было между прочимъ сказано: «А пашенныхъ крестьянъ, которые въ Нерчинскихъ острогахъ и въ уѣздахъ поселены, и впредь присыльныхъ и новоприборныхъ изъ

---

[1]) Верхотурскій подгородный крестьянинъ, обрабатывавшій по двѣ казенныхъ десятины, получалъ для себя по 15 дес. въ каждомъ полѣ; въ Тагильскихъ селахъ за 2 дес. ему давали $12^1/_2$ дес.; въ Пелыми, Туринскѣ, Тюмени и Тобольскѣ за обработку $1^1/_8$ дес. онъ пользовался 5-ю десятинами въ полѣ и болѣе, по тому-же расчету.

вольныхъ людей селить на пашнѣ съ великимъ радѣніемъ, чтобъ всякими мѣры и радѣніемъ хлѣба завесть больше; а пахать имъ крестьяномъ десятинная пашня во всѣхъ трехъ поляхъ поровну; и которому крестьянину велѣно будетъ пахать пашни десятина въ полѣ, а въ дву потому-жъ, и тому на себя собинныя пашни... пахать... по 4 дес. въ полѣ, а въ дву потому» и болѣе или менѣе по тому-же расчету (десятина равнялась 3,200 кв. саж.).

Съ теченіемъ времени это соотвѣтствіе между количествомъ десятинной пашни и размѣрами земли, полученной крестьянами въ надѣлъ, постепенно утратилось. Мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1722 г. сибирскій губернаторъ кн. Черкасскій предписалъ обрабатывать по 3 дес. казенной пашни (вѣроятно—на каждаго взрослаго работника); такимъ образомъ десятинная пашня сдѣлалась общею натуральною повинностью независимо отъ количества владѣемой крестьяниномъ земли. Дальнѣйшее развитіе этой повинности, ея уменьшеніе, замѣну сборомъ провіанта, а затѣмъ и денежнымъ оброкомъ, мы разсмотримъ ниже, когда будемъ говорить о податяхъ и различныхъ сборахъ.

Здѣсь мы остановились на этомъ вопросѣ, чтобы показать, что объ общинномъ землевладѣніи съ передѣлами земли, какое уже тогда существовало въ центрѣ европейской Россіи, тутъ не могло быть и рѣчи; къ тому-же первыми колонизаторами Сибири были преимущественно жители сѣверныхъ окраинъ нынѣшнихъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской, которые и на родинѣ не знали передѣловъ пашенныхъ земель и покосовъ. Естественно также, что поземельное неравенство должно было сказаться здѣсь еще въ большихъ размѣрахъ, и дѣйствительно, богатые міроѣды съ одной стороны, а съ другой—бѣдняки, принужденные иногда даже закабаливать дѣтей, составляютъ неизбѣжную принадлежность каждой сибирской слободы не только въ теченіе всего XVIII в., но даже и въ настоящее время. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ десятинная пашня сдѣлалась повинностью равною для всѣхъ, независимо отъ размѣровъ полученной въ надѣлъ земли, естественно должна была явиться мысль и о правѣ каждаго крестьянина на равный съ прочими поземельный участокъ. За неимѣніемъ матеріаловъ, мы не можемъ сказать, въ какой степени созрѣла эта мысль въ народѣ ко второй половинѣ XVIII в., но первыя извѣстныя намъ заявленія о ней мы находимъ въ донесеніяхъ о мѣстныхъ нуждахъ, присланныхъ сибирскою администраціею въ концѣ 1750-хъ годовъ для елисаветинской коммисіи новаго уложенія. Вопроса о необходимости уравненія крестьянскихъ земель касаются Туринская воеводская и Енисейская провинціальная канцеляріи. По словамъ Туринской канцеляріи, крестьяне, ямщики и ясачные та-

тары не имѣютъ никакихъ «дачъ» на свои пашни, сѣнные покосы и лѣсныя угодья, а владѣютъ ими «за платежъ подушныхъ денегъ и оброчнаго провіанта и за пахату казенной десятинной пашни, а ямщики за ямскую и почтовую гоньбу, ясачные за платежъ ясаку», другіе-же крестьяне, ямщики и ясачные хотя владѣютъ «и по дачамъ, да неравномѣрно: иные много, а другіе мало, и противъ казеннаго исправленія недостаточно, а во исправленіи казеннаго платежа оные люди состоятъ не противъ владѣнія своего земель равномѣрно: иные имѣютъ казеннаго исправленія мало, а собственной земли во владѣніи много, а другіе отправляютъ того казеннаго исправленія довольно, а собственной земли во владѣніи имѣютъ мало, и оттого тѣ люди противъ оныхъ своей братіи находятся въ неудовольствіи и въ неравномѣрномъ другъ противъ друга за казенное исправленіе во владѣніи у себя земель состоятельствѣ». Поэтому канцелярія предлагала: «таковыя у нихъ земли, и сѣнные покосы, и прочія угодія—крестьянскія съ крестьянскими, и ямскія съ ямскими, и ясачныя съ ясачными особо раздѣлить по семейству и душамъ на казенное исправленіе по равномѣрному числу и впредь въ таковомъ-же раздѣленіи тѣ земли и сѣнные покосы, яко государственныя мѣста, содержать для общей пользы за наилучшее признавается, что (бъ) по нынѣшнему содержанію много имѣющіе тѣхъ мѣстъ во владѣніи обыватели излишняго и напраснаго удовольствія, а мало имѣющіе во владѣніи-жъ мѣстъ противъ своей братіи таковыхъ-же крестьянъ, ямщиковъ и ясачныхъ недостатку и нужды-бъ имѣть не могли, а довольствовались-бы въ тѣхъ владѣніяхъ всѣ равномѣрно и плодъ свой въ казну приносили противъ владѣнія у себя земли, покосовъ и прочихъ угодій другъ противъ друга потому-жъ равномѣрно. И для того общеполезнаго содержанія у тѣхъ крестьянъ, и ямщиковъ, и ясачныхъ, кои у себя во владѣніи земли и сѣнные покосы и прочія угодья имѣютъ нынѣ по дачамъ, должно уже по вышеписанному раздѣленію изъ дачъ ихъ сверхъ подлежащаго имъ ко владѣнію числа и излишнія мѣста взявъ, другимъ ихъ братьѣ, во владѣніи оныхъ мѣстъ недостаточнымъ, отдавать безъ всякаго за тѣ мѣста платежа».

Требованія, высказанныя въ этомъ донесеніи, напоминаютъ намъ тѣ заключенія, къ которымъ пришла слѣдственная коммисія на Олонецкихъ заводахъ и заводская канцелярія; какъ тамъ считали необходимымъ, не обращая вниманія ни на какія крѣпости и закладныя, отобрать всѣ земли, пріобрѣтенныя купцами и зажиточными крестьянами, такъ и здѣсь мѣстная администрація предлагала произвести раздѣлъ, не дѣлая различія между землями, владѣемыми

по «дачамъ», и находящимися въ крестьянскомъ владѣніи безъ всякихъ документовъ. Канцелярія находила необходимымъ и впредь поддерживать равномѣрность поземельнаго владѣнія пропорціонально числу душъ въ семьѣ, слѣдовательно, желала введеніе передѣловъ. Нужно вспомнить, что такое-же мнѣніе относительно крестьянскаго землевладѣнія въ Архангельской и въ Велико-Устюжской провинціяхъ высказывалъ и Козьминъ въ упомянутомъ уже нами докладѣ императрицѣ.

Енисейская провинціальная канцелярія писала въ 1757 году по этому вопросу слѣдующее: землями въ Енисейскомъ уѣздѣ владѣли крестьяне, платившіе семигривенныя подушныя деньги, а вмѣсто четырехгривенныхъ оброчныхъ поставлявшіе окладной провіантъ, разночинцы, платившіе подати деньгами, и посадскіе, не занимающіеся торговлею, а живущіе въ уѣздѣ на пашнѣ, какъ и крестьяне, и только называющіеся посадскими. «Крестьяне, разночинцы, а особливо посадскіе съ прежнихъ лѣтъ по даннымъ многіе имѣютъ земель со излишествомъ, а которые-жъ послѣ въ присылкѣ и разными случаи прибыли, земель къ довольствію имѣютъ весьма съ оскудѣніемъ, и таковые есть, что и ничего не имѣютъ, а какъ подушныя деньги, такъ и прочія тягости несутъ противъ тѣхъ въ равенствѣ». Енисейская провинціальная канцелярія, въ томъ случаѣ, если посадскіе по прежнему будутъ жить въ уѣздѣ, а крестьяне вносить провіантъ, находила необходимымъ такимъ образомъ уравнять ихъ землями. Въ виду господствовавшей въ той мѣстности переложной системы земледѣлія (при которой снявъ 4 или 5 хлѣбовъ оставляли землю и вспахивали другое мѣсто, также какъ и на прежнемъ не употребляя навозу, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ возвращались къ прежнимъ пашнямъ), провинціальная канцелярія находила нужнымъ дать тѣмъ крестьянамъ, которые, вмѣсто четырехгривеннаго оклада, вносятъ хлѣбъ, пашни въ каждомъ полѣ по 30 четвертей (т. е. по 15 дес.), а разночинцамъ, которые платятъ по 1 р. 10 к., вдвое менѣе; да кромѣ того извѣстное количество сѣнныхъ покосовъ. Посадскимъ давать земли наравнѣ съ разночинцами, но за нее, согласно съ указомъ 30-го сентября 1747 г., брать съ каждой четверти въ годъ по 10 коп. Затѣмъ, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ остается излишняя пахатная земля или сѣнные покосы, то ее раздавать тѣмъ, кто пожелаетъ за такую-же плату. «А ежели впредь какія будутъ прибылыя у нихъ въ платежѣ души или вновь откуда прибылыя-жъ, то изъ такихъ оставшихъ земель онымъ противъ вышеписаннаго и отводить; а ежели-жъ противъ того, кому въ тѣхъ деревняхъ и близь оныхъ недостанетъ, таковыхъ выводить въ прочія деревни въ тѣхъ-

же присудѣхъ, гдѣ оныхъ во излишествѣ останется. А подъ усадьбы и на скотскій выпускъ подъ каждый дворъ дать надлежитъ по $1^1/_2$ десятины».

Представленія эти были составлены во время губернаторства въ Сибири Соймонова; въ 1763 г. мѣсто его занялъ Д. И. Чичеринъ, обратившій вниманіе на уравненіе поземельныхъ участковъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обнародовано никакихъ матеріаловъ, разъясняющихъ эту сторону его дѣятельности, и мы должны довольствоваться одною краткою замѣткою. Посылая по требованію кн. Вяземскаго для новой коммисіи уложенія донесеніе, составленное для коммисіи елисаветинской, Туринская воеводская канцелярія отмѣтила перемѣны, совершившіяся съ того времени. Между прочимъ, послѣ приведеннаго нами выше мѣста, гдѣ предлагалось уравненіе земли между крестьянами, канцелярія прибавила: «Крестьяне и ясачные татары въ бытность... сибирскаго губернатора... Д. И. Чичерина, въ земляхъ раздѣлены на каждую душу по равному числу и въ томъ удовольствованы». Мѣра эта, слѣдовательно, должна была быть выполнена въ промежутокъ времени между 1763 и 1767 гг.; но мы не знаемъ, какъ выполнено было такое трудное дѣло и произведенъ-ли былъ такой передѣлъ и въ другихъ мѣстностяхъ Западной Сибири (Иркутская провинція съ 1765 г. составила особую губернію). Объ уравненіи земли около Туринска мы находимъ указанія и въ наказѣ черносошныхъ крестьянъ и разночинцевъ, жившихъ въ этомъ городѣ. Они заявляли, что уже во время пребыванія въ Сибири Чичерина, «которые изъ насъ съ изстари во владѣніи земель не имѣли, а прочіе наши братья многіе во владѣніи своемъ имѣли земли довольныя, то отъ оныхъ удѣлены намъ на каждую душу по равному числу». Въ своемъ донесеніи 1767 года Туринская воеводская канцелярія находила нужнымъ отобрать документы на земли, находившіеся у крестьянъ. «Крестьяне и ямщики», писала она, «имѣютъ у себя на земли данныя выписи и разныя крѣпости, а земли у нихъ всѣ какъ есть государственныя и должны быть навсегда въ раздѣленіи на каждую душу по равному числу, и затѣмъ оныя прежнія данныя выписи и крѣпости потребно отъ нихъ отобрать, и чтобъ они впредь казенныхъ земель собственными своими не называли и, кому другимъ по числу душъ земли отъ нихъ отойдутъ, не уграживали-бъ ихъ, что яко-бы впредь тѣ земля возвращены и взысканы съ нихъ будутъ завладѣлыя деньги, и чрезъ то-бъ въ хлѣбопашествѣ и въ экономичествѣ не приводили ихъ въ отчаяніе или отвращеніе и нерадѣніе». Здѣсь

Туринская воеводская канцелярія прямо указываетъ на то, что поземельные передѣлы въ этой мѣстности должны были производиться и впредь. Любопытно, что изъ всѣхъ сибирскихъ наказовъ упоминаніе о раздѣлѣ земли мы находимъ только въ туринскомъ наказѣ, а также въ донесеніи Туринской канцеляріи. Это наводитъ на мысль, не былъ-ли этотъ передѣлъ земель только частною мѣрою, вызванною, быть можетъ, особеннымъ развитіемъ тамъ поземельнаго неравенства. Но, съ другой стороны, извѣстно, что Чичерину удавалось быстро оканчивать весьма обширныя предпріятія, какъ, напримѣръ, заселеніе ссыльными Барабинской степи [1]. Во всякомъ случаѣ, этотъ важный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при помощи матеріаловъ, которые должны храниться въ сибирскихъ архивахъ.

Уравненіе земель приходилось производить не только между русскими крестьянами, но и между крестьянами инородцами. Такой случай мы находимъ именно въ наказѣ крестьянъ Туринскаго уѣзда. Совершенно сходный съ наказомъ крестьянъ и разночинцевъ, жившихъ въ самомъ городѣ Туринскѣ, онъ представляетъ лишь одно весьма важное отступленіе, которое знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ неохотно инородцы, съ излишкомъ пользовавшіеся землею, поступались хоть частію ея для русскаго населенія. «Изъ насъ, уѣздныхъ крестьянъ», читаемъ мы въ наказѣ, «до 170 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ, жительствуютъ деревнями съ издавна между жительствами новокрещенныхъ ясачныхъ татаръ, у которыхъ за множественнымъ числомъ земель, покосовъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и прочихъ угодій, а у насъ за самымъ малоимѣніемъ земель, по указомъ главныхъ командъ велѣно земли удѣлять намъ на означенныя 170 душъ, а прочимъ на тѣ ясачныя излишнія земли опредѣлено намъ и переселяться». Очевидно, это было сдѣлано именно при Чичеринѣ; инородцы должны были подчиниться предписаніямъ администраціи, но злобно относились къ русскимъ крестьянамъ, ради которыхъ были уменьшены ихъ поземельныя владѣнія. Хотя, по словамъ туринскихъ крестьянъ, у нихъ оставалось еще весьма много земель, лѣсовъ и рыбныхъ ловель, но они не соглашались отдавать ихъ крестьянамъ въ аренду и не позволяли за деньги пускать скотъ на луга, предпочитая вовсе запускать эти мѣста. «Лежи даромъ, а русскій не бери и не владѣй», говаривали они. «А оныхъ ясачныхъ татаръ», замѣчаютъ крестьяне въ своемъ на-

---

[1] Оно производилось, впрочемъ, самымъ насильственнымъ образомъ и сопровождалось большою жестокостью.

казѣ, «всего въ Туринскомъ уѣздѣ имѣется 149 душъ, и ясаку по нынѣшнему окладу всего на нихъ... 129 руб. 60 к., а на насъ крестьянахъ на 170 душахъ, которые между оными ясачными татарами жительствуютъ, подушныхъ денегъ состоитъ и съ плакатными безъ мала 300 р. въ годъ, и земель, покосовъ и угодій у нихъ, ясачныхъ новокрещенныхъ татаръ, противу насъ будетъ развѣ вчетверо или больше, но и затѣмъ насъ хотятъ не только съ удѣленныхъ отъ нихъ земель, но и съ прежнихъ и съ изстаринныхъ нашихъ селеніевъ и съ деревень выживать, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ жили только они, новокрещенные татары, а насъ-бы русскихъ людей духу не было, яко-бы мы ихъ облавливаемъ звѣрьми».

Въ наказахъ Тюменскаго уѣзда мы встрѣчаемъ также просьбы объ уравненіи землями съ иновѣрцами, которые живутъ среди русскихъ крестьянъ деревнями и имѣютъ несравненно болѣе земель и рыбныхъ ловель. При этомъ однако ничего не упоминается о томъ, чтобы часть владѣнія инородцевъ была отобрана у нихъ въ пользу крестьянъ, какъ мы это видѣли въ Туринскомъ уѣздѣ.

Крестьяне не имѣли возможности пріобрѣсти отъ инородцевъ землю и покупкою; пріобрѣтеніе ея въ собственность вообще было разрѣшено казеннымъ крестьянамъ только въ 1801 г., но мы видѣли, что они перепродавали свои поземельные участки въ наслѣдственное пользованіе; отъ инородцевъ-же и такимъ образомъ они не могли пріобрѣтать земель. Упоминая о запрещеніи русскимъ покупать земли у ясачныхъ народовъ, жители города Нарыма въ своемъ наказѣ просили дозволенія покупать хотя тѣ мѣста, на которыхъ инородцы не промышляютъ звѣрей.

Впрочемъ, въ сибирскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ весьма немного жалобъ на малоземелье; гораздо чаще—указанія на относительную бѣдность землями сравнительно съ инородцами. Мѣстами жаловались, впрочемъ, на стѣсненія отъ владѣній купцовъ. Въ двухъ селахъ Тюменскаго уѣзда крестьяне совсѣмъ не имѣли своихъ земель и должны были арендовать у инородцевъ какъ пашни, такъ и покосы; крестьяне и разночинцы, жившіе въ г. Верхотурьѣ, были также безземельные и арендовали землю у приписныхъ горнозаводскихъ крестьянъ. Въ Туринскомъ уѣздѣ у крестьянъ было также недостаточно земли: тамошняя воеводская канцелярія предлагала дополнить ихъ надѣлы до опредѣленнаго правительствомъ числа (8 десятинъ на душу) изъ находившихся у нихъ въ арендѣ казенныхъ земель. Крестьяне и разночинцы Енисейскаго вѣдомства Бугучанскаго станка заявляли въ своемъ наказѣ, что по указу правитель-

ства имъ отведено на каждую душу по 7½ дес. пахатной и сѣнокосной земли, притомъ нехлѣбородной и уже выпаханной, между тѣмъ какъ, по имѣющимся у нихъ прежнимъ «даннымъ», они имѣютъ право на владѣніе значительнымъ количествомъ пахатной земли.

По мѣрѣ основанія въ Сибири монастырей крестьянамъ приходилось вступать въ столкновеніе съ монастырскими властями изъ-за земельныхъ угодій. Наглядный примѣръ этого мы находимъ въ только что упомянутомъ наказѣ Бугучанскаго станка Енисейскаго вѣдомства. У крестьянъ Чадобскаго погоста Ивана Рукосуева и Якова Кулакова съ товарищи издавна была данная земля на рѣкѣ Тунгускѣ [1]); на этой же землѣ енисейская провинціальная канцелярія дозволила поселиться крестьянину Петру Колпакову и «пахать въ обществѣ съ означенными Рукосуевымъ и Кулаковымъ въ поваль», «съ согласія со оными крестьянами». Колпаковъ поселился тамъ («противъ межи Сосноваго острова») и жилъ безспорно. Но въ 1696 г. «на ту же данную землю Ивана Рукосуева съ товарищи добылъ данную по оной же рѣкѣ Тунгускѣ..... ниже вышерѣченнаго острова отъ Коды рѣки вверхъ до Ковы рѣки старецъ Іоакимъ Путиловъ [2]) и построилъ выше Кашиной Шиверы пустыню, а рѣченнаго Колпакова съ той земли сослали и приказали пахать Чадобскаго погосту съ крестьянами въ поваль съ Иваномъ Рукосуевымъ съ товарищи». Послѣ того, однако, старецъ Іоакимъ далъ Колпакову поступную на землю отъ Кежмы рѣчки до Коды рѣки, на которой онъ и поселился ниже рѣчки Кежмы, гдѣ и жилъ какъ онъ самъ, такъ и дѣти его и внучата, причемъ пахали десятинную пашню и несли другія повинности. Но въ 1766 г. одинъ крестьянинъ Кашино-Шиверскаго монастыря, безъ сомнѣнія—по приказу монастырскихъ властей, подалъ челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, будто они насильно завладѣли землею, и называлъ эту землю монастырскою, тогда какъ, по словамъ государственныхъ крестьянъ, она издревле принадлежала ясачнымъ инородцамъ. Енисейская канцелярія для освидѣтельствованія земли и отвода по межамъ и урочищамъ послала сибирскаго дворянина, который измѣрилъ ее въ присутствіи однихъ монастырскихъ крестьянъ и отвелъ къ монастырю не только землю, заселенную черносо-

---

1) «Отъ Невану камню вверхъ по оной рѣкѣ до Сосноваго острова».

2) Изъ приложенной при этомъ наказѣ челобитной видно, что землю старцу Іоакиму уступилъ одинъ тунгусъ «всемилостивому Спасу подъ часовню» на тридцать верстъ.

ными крестьянами, но и владѣнія инородцевъ Мурской и Ковенской волостей, на что тѣ и подали жалобу въ коммисію объ инородцахъ, учрежденную въ г. Енисейскѣ. Потомки крестьянина Колпакова, которыхъ было въ это время уже 36 душъ («десять домовъ платежныхъ»), были согнаны и земля ихъ, изъ которой 44 десятины уже было вспахано для посѣва хлѣба, была отдана монастырскимъ крестьянамъ (а потомъ монастырскія власти отдали эту землю въ аренду государственному крестьянину Ѳедору Рукосуеву, который и переселился туда, оставивъ свою землю въ Чадобскомъ погостѣ). Точно также у крестьянъ Бугучанскаго станка Емельяна Рукосуева и Григорія Колюпанова съ товарищи было отнято 200 десятинъ. Потомки крестьянина Колпакова, которымъ не дали косить сѣна, по свидѣтельству крестьянъ Бугучанскаго станка, «пришли во всекрайнее разореніе и нищету и за неимѣніемъ сѣна скотъ весь выпалъ, а отъ непосѣва почти въ самую пришли погибель и не въ состояніе платежа въ казну подушныхъ денегъ и прочихъ податей». Они пробовали подавать челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, но тамъ ея не приняли. Не зная, куда наконецъ жаловаться, они приложили свое прошеніе къ наказу крестьянъ Бугучанскаго станка. При этомъ они указывали, что у монастырскихъ крестьянъ множество земли, что значительную часть ея при измѣреніи монастырскихъ владѣній они утаили, что хотя монастырю было уступлено земли на тридцать верстъ, они захватили отъ Коды до Ковы рѣки съ прибавкою по рѣкѣ Тунгускѣ не менѣе какъ на восемьдесятъ верстъ. Согласно съ этимъ и въ наказѣ Бугучанскаго станка заявлялось, что у монастырскихъ крестьянъ въ окружности земли верстъ на триста, а пашенъ и покосовъ 3,000 десятинъ, между тѣмъ этихъ крестьянъ всего 65 душъ.

Недостатокъ другихъ источниковъ не позволяетъ намъ провѣрить всѣ эти показанія крестьянъ, но мы остановились на этомъ наказѣ потому, что всетаки онъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на поземельныя отношенія въ Восточной Сибири. Первоначально земля принадлежала, очевидно, тунгусамъ; на ней въ XVII в. поселяются государственные крестьяне, вѣроятно, заплативъ прежнимъ владѣльцамъ какую нибудь ничтожную сумму. Затѣмъ какому-то благочестивому старцу также удается добыть отъ тунгусовъ, въ пользу часовни Спаса, земельныя угодья, и вотъ основанный имъ монастырь постепенно расширяетъ свои владѣнія и наконецъ вытѣсняетъ крестьянъ съ земли, которою они владѣли уже около 70 лѣтъ. Исторія Колпакова и его потомковъ представляетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ

примѣровъ того, какъ изъ одного крестьянскаго двора постепенно разрастается цѣлое селеніе. Еще въ настоящее время очень многія сибирскія деревни населены однофамильцами [1]). Въ Восточной Сибири, на Ленѣ, Щаповъ нашелъ не мало однородовыхъ поземельныхъ общинъ, на ряду съ которыми встрѣчались впрочемъ и разнородовыя. Это указываетъ на возможность разростанія съ теченіемъ времени большой семьи, подобной юго-славянской задругѣ, въ поземельную общину, хотя одновременно подобныя же общины могли нарождаться и другимъ путемъ при населеніи, члены котораго вовсе не связаны между собою кровными узами, но которыхъ стремленіе къ осуществленію принциповъ равенства заставляетъ владѣть землею на общинномъ правѣ.

В. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Газета «Сибирь» 1877 г., № 20.

ВОСПОМИНАНІЯ Л. И. РИКОРДЪ.

II [1]).

Отъѣздъ въ Камчатку.

Прошло четыре мѣсяца послѣ моего замужства. Мужъ мой, Петръ Ивановичъ Рикордъ, съ производствомъ въ чинъ флота капитана 1-го ранга, назначенъ былъ начальникомъ Камчатской области срокомъ на пять лѣтъ, кромѣ проѣзда туда и обратно, на что требовалось болѣе полуторагодичнаго времени [2]).

1817-го года 16-го февраля, на Васильевскомъ островѣ, по 14-й линіи за Малымъ проспектомъ, уложивши все свое имущество въ просторную рогожную кибитку, мы съ мужемъ усѣлись въ ней и тройка удалая съ колокольчикомъ изъ Валдая, съ веселымъ ямщикомъ, быстро помчала насъ къ заставѣ, гдѣ, простившись съ друзьями, насъ провожавшими, мы пустились по московскому тракту, по ухабистой дорогѣ. Кибитку нашу бросало во всѣ стороны и нерѣдко выбрасывало насъ изъ нея въ снѣговые сугробы. При такой безпокойной ѣздѣ, мы ѣхали день и ночь до Москвы, гдѣ пробывъ одну недѣлю, снова въ той-же кибиткѣ поѣхали далѣе по сибирскому тракту къ Иркутску. Ночлеги имѣли только по городамъ. 24-го марта, наканунѣ св. Пасхи, мы въѣхали въ Томскъ, на разстояніи отъ Петербурга въ 4,052½ версты.

---

[1]) Первый очеркъ изъ «Воспоминаній» вдовы незабвеннаго адмирала П. И. Рикорда—Людмилы Ивановны Рикордъ—напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 499—512.

[2]) Людмила Ивановна Рикордъ род. въ 1794-мъ году. Въ 1855-мъ году она лишилась своего мужа, скончавшагося въ чинѣ полнаго адмирала. Какъ покойный адмиралъ, такъ супруга его—стяжали чувства всеобщаго къ себѣ уваженія и любви. Вдова адмирала Рикорда — посвятила себя дѣлу благотворенія и кто сколько нибудь слѣдилъ за поддержкой православія въ средѣ населенія Прибалтійскаго края, тотъ знаетъ заслуги Людмилы Ивановны этому святому дѣлу. Искренно желаемъ этой высокоуважаемой русской женщинѣ много и много еще лѣтъ съ обычною ей бодростью, энергіей и увлеченіемъ заниматься ея излюбленнымъ дѣломъ. Ред.

Въ Томскѣ, радушный пріемъ губернатора, г. Ильячевскаго, и его супруги сохранится навсегда въ моей памяти съ благодарностью. Заботливость ихъ доставить намъ, утомленнымъ мучительнымъ путемъ, покойное помѣщеніе и всевозможныя увеселенія по случаю праздника Свѣтлой недѣли, все выказывало ихъ образованность, доброту души и сочувствіе къ заѣзжимъ, у которыхъ сердца томились тоскою по роднымъ и родинѣ, особенно въ такіе торжественные дни, какими почитаются дни святой Пасхи. Въ концѣ Ѳоминой недѣли мы оставили, не безъ сожалѣнія, Томскъ, и въ полуоткрытомъ, безъ рессоръ, тарантасѣ, по дорогѣ, еще не совсѣмъ просохшей, мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Трава стала показываться, лѣсъ начиналъ распускаться и на обширныхъ полянахъ красовались группами развѣсистыя березы огромной высоты; на вѣтвяхъ ихъ сидѣли стаи куропатокъ и тетеревей; вообще мѣста были пріятныя для глазъ, но безлюдныя и пустынныя. Дикія козы часто перебѣгали черезъ нашу дорогу. Такимъ путемъ безостановочно проѣхали мы 1,500 верстъ и остановились на берегу рѣки Ангары. Въ сторону отъ дороги нашей видѣнъ былъ мужской монастырь Иннокентія, съ красивою церковью и каменными зданіями; мы туда отправились, чтобы приложиться къ мощамъ. Возвратившись оттуда, взошли на паромъ, который и перевезъ насъ черезъ рѣку Ангару, необыкновенно быструю, съ прозрачною, чистою водою; мы сошли съ парома на пристань у каменныхъ тріумфальныхъ воротъ, роскошно и красиво устроенныхъ при въѣздѣ въ столицу Сибири — Иркутскъ, гдѣ, по дѣламъ службы мужа моего, остались болѣе мѣсяца. Городъ этотъ довольно обширный, есть каменные двухэтажные дома, но бо̀льшая часть—одноэтажныхъ деревянныхъ. Высшее общество, въ которое я должна была съ мужемъ являться, состояло изъ чиновниковъ и ихъ семействъ, было въ замѣтномъ подобострастіи къ первенствующимъ лицамъ; своеобразіе въ приличіяхъ и дѣйствіяхъ не мало меня поразило [1]).

Изъ Иркутска до Якутска—разстояніе до 3,000 верстъ—нужно было плыть по величественной рѣкѣ Ленѣ, на простаго устройства баркѣ съ весьма незатѣйливымъ помѣщеніемъ. Вы-

[1]) Дамы, пріѣзжающія съ визитами или по приглашенію, войдя въ гостиную, гдѣ на диванѣ сидѣла супруга губернатора, низко ей кланялись, а она, сидя, протягивала имъ руку, которую тѣ и цѣловали. Л. Р.

бирать было не изъ чего: эта барка была единственнымъ судномъ для пользованія проѣзжающихъ по рѣкѣ Ленѣ, и мѣстное ея названіе было павозокъ; перебравшись на нее, мы нашли помѣщеніе свое довольно сноснымъ и 14-ти-дневное плаваніе наше по ней составляло самое пріятнѣйшее изъ всѣхъ нашихъ разнообразныхъ путешествій. Берега рѣки Лены вычурно-красивы; сплошной крутой берегъ изрѣдка прерывается низменностями; высокія каменистыя скалы съ поросшимъ на нихъ густымъ лѣсомъ выказываютъ фантастическую причудливость въ подобіяхъ: то представляется видъ руинъ, то высокихъ стѣнъ и башень, и тому подобныхъ видовъ; а по извилистому теченію рѣки виды, какъ картины волшебнаго фонаря, смѣнялись ежечасно, что составляло для меня увлекательное зрѣлище. Я почти не сходила съ палубы барки, и на протяженіи трехъ тысячъ верстъ этого пути мы видѣли только два небольшихъ уѣздныхъ городка, у которыхъ пріостанавливались на короткое время.

27-го мая, въ теплый праздничный день, по четырнадцатидневномъ плаваніи, павозокъ нашъ остановился у праваго берега рѣки Лены, на которомъ красовался городъ Якутскъ. Здѣсь ширина Лены, какъ мнѣ сказали, доходитъ до 15-ти верстъ. Берегъ рѣки былъ усѣянъ народомъ, все обозначало праздничное гулянье и ожиданіе прибытія перваго военнаго судна; городская полиція и самъ начальникъ Якутской области, г. Миницкій, съ семействомъ, стояли на берегу, будучи дружески знакомъ съ моимъ мужемъ. Когда перекинута была съ береговой пристани на наше судно обитая краснымъ сукномъ дощатая половица, то г. Миницкій приблизился къ намъ, радостно обнялся и здоровался съ моимъ мужемъ, и потомъ, взявъ за руки его и меня, ввелъ на парадную перекладину... но вдругъ, моментально, она подъ нами переломилась пополамъ и мы всѣ полетѣли въ рѣку, глубиною до трехъ саженей!... Съ этой минуты я болѣе себя не помнила, и, очнувшись, увидѣла, что нахожусь въ коляскѣ окутанная, въ чужомъ платьѣ и салопѣ; въ такомъ видѣ привезли меня въ домъ начальника, гдѣ были приняты всѣ мѣры, чтобъ меня успокоить и уложить въ постель. На другой день я была ужъ на ногахъ; тогда пересказали мнѣ о всей опасности нашего паденія, объ удивительномъ и отважномъ дѣйствіи жителей и полиціи для нашего спасенія. Въ дружескомъ къ намъ семействѣ г. Миницкаго

мы пробыли въ Якутскѣ, въ пріятномъ времени - провожденіи, болѣе двухъ недѣль, которое время потребовалось для приготовленія на необычный, въ 1,500 верстъ, переѣздъ верхомъ на лошадяхъ; багажъ нашъ увязывали въ тюки, обшивали кожею, связывали ремнями, чтобы перекладывать ихъ черезъ спину лошадей; для такого переѣзда намъ понадобилось около ста лошадей. Для всѣхъ были готовыя лошади съ казацкими сѣдлами: дамское сѣдло не годилось для такой дороги.

На загородную площадь, гдѣ все было готово къ отправкѣ насъ и нашего имущества, мы пріѣхали изъ города въ коляскѣ; казаки разсадили насъ на осѣдланныхъ коней и въ сопровожденіи ихъ одна лошадь за другою потянулись впередъ. Здѣсь не было того, что называемъ мы дорогою: по выбитымъ въ разныхъ направленіяхъ тропамъ брели лошади по своей волѣ. Такимъ-же неудобнымъ путемъ производилось снабженіе и продовольствіе двухъ областей, Камчатской и Охотской. Намъ сопутствовалъ негоціантъ американецъ г. Пиготъ; при мнѣ была моя горничная. Когда насъ на площади разсадили на лошадей, то надѣли на наши головы что-то въ родѣ фонаря, сшитаго изъ прозрачной ткани, вытканой изъ конскаго волоса, нарочито для сего употребляемой для защиты отъ комаровъ; кромѣ того, дали еще въ руки по махалкѣ изъ конскихъ волосъ, чтобы отмахиваться отъ этихъ кусливыхъ насѣкомыхъ, наполняющихъ воздухъ и не дающихъ ни днемъ, ни ночью покоя. Въ такихъ донкишотскихъ костюмахъ мы путались по тропинкамъ, подвергаясь ежечаснымъ опасностямъ. Этотъ нашъ ужасный переѣздъ окончился въ городѣ Охотскѣ, у самаго Восточнаго океана. Яблоновскій хребетъ, растянутый на 800 верстъ, загромождаетъ это пространство вязкими болотами, мѣстами усыпанными крупными камнями, быстрыми рѣками, чрезъ которыя я переплывала будучи опоясана поясомъ, концы котораго по обѣимъ сторонамъ возлѣ меня держали казаки; лошадь плыла, а я крѣпко держалась за ея гриву. Переплывши на другой берегъ, остановились, сняли съ себя все мокрое и, переодѣвшись въ сухое, снова пустились въ путь. Во весь переѣздъ я не видѣла ни одного жилья. Служащимъ вмѣсто станцій, землянымъ юртамъ съ дымными очагами, даже и въ дождливую погоду, мы предпочитали палатку, которая была съ нами. Перебираясь через знаменитый Яблоновъ хребетъ, мы пріостано-

вились на высочайшей изъ его горъ подъ названіемъ Юниконъ, по измѣренію геологовъ до 6,000 футовъ высоты. Мы сошли съ лошадей. Величественный и ужасающій видъ былъ передъ глазами моими! Весь горизонтъ застилали густыя облака, сквозь которыя высунувшіяся вершины горъ казались островами этого облачнаго моря. Небольшая площадка, на которой мы остановились, была вершиною горы Юникона, гдѣ, вмѣсто зеленой травы, черный густой мохъ застилалъ крупные камни. Ни птицы, ни червя, и даже ни одного комара! Видъ этой величественной и вмѣстѣ грустной, ужасающей пустыни навсегда впечатлѣлся въ моемъ воображеніи. Мы оставались болѣе часу въ этомъ вышеоблачномъ мѣстѣ, и къ концу дня спустились на низменность, оставя всѣ горы за собою. Двадцатидневный путь свой верховой ѣзды мы окончили въ самомъ городѣ Охотскѣ, гдѣ остались ожидать прибытія казеннаго судна, чтобы на немъ отправиться къ полуострову Камчаткѣ, въ Петропавловскій портъ.

Охотскъ стоитъ на низменномъ берегу океана. Постройки въ городѣ весьма бѣдныя, климатъ самый суровый: въ іюлѣ еще топятъ печи; постоянный шумъ отъ высоковздымающихся на берегъ волнъ, неумолкающій ни днемъ, ни ночью, не давалъ мнѣ спать и я отъ тоски заливалась слезами.

Изъ Охотска на двухмачтовомъ военномъ бригѣ мы, довольно благополучно выдержавши нѣсколько порядочныхъ бурь, въ 25 дней проплыли болѣе 3,000 верстъ и 25-го августа вышли на берегъ полуострова Камчатки. Петропавловскій портъ, назначенный для пребыванія начальства, находится между двухъ высокихъ и длинно протянувшихся горъ, въ ущельи коихъ стояла низенькая убогая церковь; близь нея не болѣе 50-ти хижинъ съ травяными крышами (тамъ нѣтъ соломы), безъ дворовъ, безъ воротъ и пристроекъ, безъ улицъ; постройки въ безпорядочномъ видѣ разбросаны были по берегу гавани, составляя городское заселеніе; казенныя зданія болѣе нежели въ скромномъ видѣ выказывались.

Насъ проводили въ домъ, назначенный для начальника области. Взошедши туда съ мужемъ моимъ, мы нашли четыре небольшія комнаты; столъ и стулья простаго дерева составляли весьма скудную обстановку назначеннаго для насъ жилища. Но всего грустнѣе для меня было то, что въ оконныхъ рамахъ не-

большаго размѣра не было стеколъ, а вмѣсто ихъ была вставлена слюда, кусочками сшитая. Свѣтъ черезъ слюду въ комнату проникалъ тускло, а видъ черезъ окна былъ неясный. Домъ этотъ стоялъ на косогорѣ, близь морскаго берега, и въ тихой водѣ гавани отражались, какъ въ зеркалѣ, вершина дымящейся Авачинской сопки и хижины городскаго селенія на берегу. Воды здѣшняго океана изобилуютъ разнаго рода рыбою, морскими звѣрями и, между прочими, китами; я часто выходила на морской берегъ, любуясь плывущимъ густымъ стадомъ крупныхъ рыбъ, величиною до двухъ аршинъ; онѣ одна другую толкали, выбираясь изъ тѣснаго стада. Порода тамошнихъ рыбъ походитъ на осетровъ и прочихъ крупныхъ краснотѣлыхъ породъ, весьма вкусная и жирная; мелкая рыба, похожая на сельдей, появляется густыми стадами, и тогда-то китъ, открывъ пасть, захватываетъ массами эту рыбу. Нерѣдко, сидя въ своей комнатѣ у окна, я вздрагивала, когда китъ, подплывъ, выбрасывалъ фонтанъ воды изъ высунувшейся головы и, страшно фыркнувъ, проворно уходилъ прочь.

Въ одно лѣто, жители извѣстили мужа моего, что мертвый китъ выброшенъ на берегъ моря въ пяти верстахъ разстоянія отъ нашего жилища. Я не хотѣла отстать отъ компаніи, которая состоялась для поѣздки къ киту, и рано утромъ мы туда отправились верхомъ. Небольшой этотъ переѣздъ былъ соединенъ съ значительнымъ затрудненіемъ и неудобствомъ: трудно было пробираться по мѣстности, гдѣ не было никакого путеваго сообщенія; при насъ было четыре солдата съ заряженными ружьями, для обстрѣливанія нашего шествія отъ нападенія медвѣдей, которые въ значительномъ числѣ вездѣ разгуливали и собирались на ночную работу около кита: обрывать съ него жиръ. Шесть человѣкъ тащили легонькій, изъ коры березовой сшитый, челночокъ, чтобы переплывать быстрыя, узенькія рѣчушки; кромѣ того, они несли за плечами палатку, самоваръ и провизію; два солдата были съ топорами, чтобы устраивать мосточки и застилать ручьи. На этомъ пятиверстномъ разстояніи мы переплыли въ челнокѣ, по одному человѣку вмѣщавшемъ, двѣ рѣчки; осторожно переходили по сдѣланнымъ тогда же перекладинамъ черезъ быстрые ручьи; пробирались по тундрамъ, поросшимъ такою высокою травою, что я, сидя на лошади, должна была руками отбрасывать голову-опутывающіе травяные стебли, которые удивляли меня своимъ рос-

кошнымъ ростомъ. Каждые полчаса, солдаты отстрѣливались отъ медвѣдей, а бóльшая часть дороги нашей была не болѣе, какъ— вытоптанныя ими тропинки. Наконецъ, послѣ шестичасовой ѣзды, мы выбрались на просторъ и свободно вздохнули, увидя передъ собою сливающійся съ небомъ океанъ и спустившись на низменный его берегъ. Пройдя не болѣе ста шаговъ, мы были остановлены значительною возвышенностью, закрывшею отъ насъ и море и горизонтъ, похожею на земляной валъ или насыпь. Это лежалъ мертвый китъ, волнами моря выброшенный на песчаный берегъ! Объемъ этого морскаго чудовища не легко было окинуть глазами. Китъ этотъ былъ въ длину 12 саженей. Меня поразили его огромность и безобразіе! У него все тѣло покрыто короткою, сѣраго цвѣта, щетиною, которая лоснится отъ проникавшаго черезъ тонкую кожу жира. Съ помощью провожатаго поднялась я съ хвоста на спину и прошла по ровной спинѣ кита 48 шаговъ. Я ступала по немъ, какъ-бы по туго набитой подушкѣ; ноги скользили и вдавливались въ его мягкое и жирное тѣло, которое нисколько не было испорчено и не имѣло никакого запаха. Пройдя два раза по ровной поверхности спины, я спустилась къ головѣ и въ отверстіе на ней,—изъ котораго онъ выбрасываетъ фонтанъ воды саженей до трехъ высотою,—я опустила палку длиною до трехъ аршинъ, нарочито для этого изготовленную, которая и ушла вся туда. По обѣимъ сторонамъ головы кита лежали длинные (болѣе трехъ саженей) усы его—эти чернаго цвѣта, болѣе трехъ вершковъ толщиною, доски; по краямъ ихъ висѣли, какъ бахрома, издерганные временемъ края усовъ; китъ лежалъ спиною вверхъ; отъ головы я прошла еще разъ по спинѣ и спустилась съ хвоста.

Выкинутый китъ составилъ для тамошняго бѣднаго края Богомъ данную манну. Такіе случаи бываютъ очень рѣдки: во все семилѣтнее наше пребываніе тамъ, это случилось только одинъ разъ; поэтому со всего полуострова Камчатки собрались жители съ женами и дѣтьми. Все населеніе торжественно пировало, пустыня кипѣла людьми всѣхъ возрастовъ, разводили огни, въ котлахъ кипѣлъ жиръ, и жители, засыпавъ его мукою или крупою, аппетитно кушали такую своеобразную похлебку. Дѣти бѣгали съ кусками бѣлаго жира въ рукахъ и смоктали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Множество собакъ, которыя замѣняютъ

тамъ лошадей, обрывали у кита съ боковъ кожу съ жиромъ. По виду китовый жиръ походитъ на свиной: онъ очень бѣлаго цвѣта; но вкусъ его непріятенъ.

Работа около кита кипѣла. Пріѣхавшіе за добычею взбирались на спину кита и вырѣзывали квадратные куски жира величиною въ аршинъ; и такой-то величины кусками изрѣзывалась спина въ глубину на три яруса! И все это былъ чистый бѣлый, плотный жиръ, а затѣмъ уже оставалась жидкая внутренность, въ которую рабочіе остерегались попасть. Чтобъ не соскользнуть, они опоясывали себя веревками и опускались по лѣстницѣ, чтобы не утонуть въ внутренности кита. Работали весело и ревностно. Каждый нарѣзывалъ себѣ сколько могъ кусковъ; но чтобы всего кита убрать, у нихъ къ тому не было средствъ. Иностранцы-китоловы вытапливаютъ жиру съ одного такого кита болѣе 250 бочекъ. Неуклюжее это животное терпитъ отъ преслѣдованій другихъ мелкихъ морскихъ звѣрьковъ, которые вырываютъ у него для своего лакомства языкъ въ тотъ моментъ, когда китъ растворяетъ свою огромную пасть, чтобъ схватить мелкую рыбу для своей пищи. Камчадалы сказывали, что и этотъ китъ былъ безъ языка.

Работа надъ китомъ продолжалась болѣе мѣсяца; жители были вполнѣ осчастливлены этою легкою и богатою добычею и благодарили за то Бога.

День склонялся къ вечеру, а потому мы, оставшись совершенно довольны своимъ зрѣлищемъ, возвратились тѣмъ-же путемъ домой.

Примѣчаніе. Довольно значительной величины китовые усы находятся въ Стрѣльнѣ у дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Усы эти представлены мною Его Высочеству, во исполненіе завѣщанія покойнаго моего мужа, послѣ его смерти. Они и теперь стоятъ тамъ въ саду, близь дворца у гимнастики для дѣтей.

Л. И. Рикордъ.

С.-Петербургъ, 1878 г.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ЭРАЗМА СТОГОВА.

VI [1]).

П. Н. Семеновъ и А. П. Бунина.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, напечатанъ: «Митюха Валдайской». Въ примѣчаніи говорится, что авторъ этой пародіи—Петръ Николаевичъ Семеновъ. Семеновы были родными племянниками Анны Петровны и Ивана Петровича Буниныхъ, которыхъ и я звалъ теткой и дядей, а поэтому Семеновы звали меня братомъ. Семеновыхъ было пять братьевъ: Петръ, Николай, Михаилъ, Василій и Александръ Николаевичи; послѣдняго знаю по разсказамъ; онъ, помнится, убитъ подъ Бородинымъ. Объ Александрѣ вспоминали Бунины какъ о талантливомъ: онъ самъ нарисовалъ свой портретъ—весьма похожій. Петра Николаевича я видалъ то у А. П. Буниной, то у И. П. Бунина. П. Н. Семеновъ всегда былъ щегольски одѣтъ въ форму оберъ-офицера; былъ очень красивый мужчина, роста вершковъ девяти; черные, очень густые, кудрявые волосы, довольно широкое, съ тонкими чертами, энергическое, подвижное лицо съ острымъ носомъ, замѣчательно широкая грудь, мускулистый, правильно сложенный—наружность богатыря-красавца, пріятный голосъ, говорилъ очень скоро, будто торопился. Онъ старшій братъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530; 631—704.

Оперетка «Удача отъ неудачи, или приключеніе въ жидовской корчмѣ» была написана, должно быть, около 1816 года, а на сцену поставлена 1818 года, если не ошибаюсь, на святкахъ. Эту оперетку я видѣлъ въ рукописи у А. П. Буниной, еще гардемариномъ, а въ театрѣ, въ ложѣ съ теткой, смотрѣлъ первое представленіе уже офицеромъ. Помню, весь театръ хохоталъ, когда жидъ, одѣтый по домашнему въ чулкахъ и башмакахъ, на аванъ-сценѣ, со всѣми характерными ужимками хитраго еврея, перепрыгивалъ съ одной стороны стоявшаго спокойно господина на другую и пѣлъ: „Спію пану писню-ладзирду, шинцеркраверъ, мицерби, шини мине канцеръ ми. Спію и станцую, ладзирду и проч.». Не объясню, какъ могла оживить память слова, совершенно для меня непонятныя! Минуло 60 лѣтъ, я, вѣроятно, ни разу не вспомнилъ оперетку: «Жидовская корчма», какъ тогда называли ее; должно быть, теперь трудно, если и можно найти эту шутку, но мнѣ припомнилось безъ моей воли! П. Н. Семеновъ много писалъ, часто читалъ теткѣ, а у дяди нѣсколько разъ призывалъ пѣвчихъ, разучивали и пѣли: кантаты, торжественные гимны, пѣсни шутливыя, застольныя—нѣсколько разъ случалось мнѣ слушать. Помню, тетка часто хвалила, но разъ сказала: «Петруша, брось, это неприлично». Петръ Николаевичъ казался мнѣ очень солиднымъ по сравненію съ братьями; говорили, что онъ былъ въ милости цесаревича Константина Павловича.

Второй братъ Николай и третій Михаилъ служили въ Измайловскомъ полку; съ этими я часто видѣлся; бывало, гвардейцы частенько смѣялись надъ морякомъ-гардемариномъ, частенько подхватывали классныя мои выраженія, но тетка всегда защищала меня. Помню, я сказалъ: можно постепенно пріобрѣсти остойчивость характера. Гвардейцы разразились хохотомъ надъ постепенною остойчивостію. Тетка принялась доказывать разумность и правильность выраженія идеи и довела до того, что гвардейцы и не рады были; она ловко и кстати пожелала имъ постараться пріобрѣсти постепенно остойчивость характера. Николай и Михаилъ жили въ одномъ домѣ съ дядей; Семеновы были тамбовскіе помѣщики, получали изъ дома содержанія до 30-ти тысячъ, но никогда не было у нихъ денегъ—долги и все въ долгъ. Разъ, я пріѣхалъ изъ Кронштадта, привезъ скопленныхъ послѣ похода во Францію сто рублей. Узнали Семеновы,

обрадовались, отняли деньги, сшили мнѣ, что я желалъ, рублей на 150, да подарили духовъ, помады, дорогаго курительнаго табаку: взяли все въ долгъ, деньги имъ были дороги. Николай въ послѣдствіи былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Слышалъ, что, года три, четыре тому назадъ, онъ умеръ въ Кіевѣ. Михаилъ пустился въ спекуляціи не по силамъ и умеръ. Василій, мой ровестникъ, воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ; въ праздники, мы бывали съ нимъ вмѣстѣ у тетки Буниной. Помню огромную разницу между нами: я спеціалистъ, а онъ энциклопедистъ по наукамъ! я казался неучемъ передъ Васей! его мягкія манеры, его готовность участвовать въ разговорѣ были моею завистью. Онъ былъ истинно благовоспитанный баричъ, я—неловкій матросъ. Никогда не забуду, что я обязанъ Васѣ: учебною славой въ корпусѣ. Тогда появилась метода отвѣчать урокъ своими словами, а не по книгѣ; въ лицеѣ уже введена была эта манера, а въ корпусѣ нѣтъ еще. Кажется, не большая мудрость, но я не могъ исполнить, пока Василій не далъ мнѣ три урока. Явилось и въ корпусъ это требованіе. Помню, Марко Филипычъ Горковенко потребовалъ эту мудрость; никто не исполнилъ; дошла очередь до меня—я отличился. По возвращеніи изъ Камчатки, я часто бывалъ у Василія; въ 1833 году онъ былъ цензоромъ. Очень любилъ я этого умнаго, благороднаго и добраго человѣка. Умеръ Василій не очень давно, тайнымъ совѣтникомъ.

Анна Петровна Бунина—десятая муза, какъ тогда ее звали, жила весьма скромно, кажется, только пенсіями отъ всѣхъ особъ царствующаго дома. Она была небольшаго роста, немного продолговатое лицо, черные волосы, но лицо бѣлое съ прекраснымъ румянцемъ, очень живые, блестящіе глаза, движенія граціозны—была замѣчательно хорошенькою. Можетъ быть, некому уже разсказать, да не всякій и тогда зналъ, какъ сдѣлалась дѣвица Бунина поэтомъ? не много и я знаю. Бунина занимаетъ хотя маленькое мѣсто въ исторіи русской литературы, но всетаки она изъ первыхъ русскихъ дѣвицъ—поэтесса. Изъ довольно богатой тамбовской фамиліи, А. П. Бунина осталась бѣдною сиротой. Кто привезъ ее въ Петербургъ—не знаю, не знаю какая связь была съ Ахвердовымъ. Генералъ Ахвердовъ назывался кавале-

ромъ вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны и былъ учителемъ математики великихъ князей; онъ жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, занималъ весь нижній этажъ. Сирота-дѣвица Бунина почему-то жила въ семействѣ Ахвердова. Однажды генералъ посовѣтовалъ сироткѣ написать просительное письмо къ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. Бунина пріютилась у широкаго подоконника и два дня сочиняла письмо. Ахвердовъ взглянулъ и удивился, что, вмѣсто письма, сиротка пишетъ стихи. Добрый и ласковый генералъ сказалъ, что онъ совѣтовалъ написать письмо. Анна Петровна наивно отвѣчала, что это письмо она пробовала писать, но такъ ей легче. Ахвердовъ, прочитавъ, совѣтовалъ окончить и переписать. Это письмо стихами доставило Буниной 500 рублей пенсіи. Черезъ Ахвердова поднесены стихи государю—Буниной 500 р. пенсіи. Оду в. к. Константину Павловичу—Буниной 500 р. пенсіи. Отъ кого еще пенсіи—не помню. Этотъ успѣхъ ободрилъ Бунину къ стихотворству. Тетка подарила мнѣ свое полное изданіе; конечно, я читалъ, но, при всемъ моемъ благоговѣніи къ моей благодѣтельницѣ, теперь не сталъ бы читать ея сочиненій. Могу засвидѣтельствовать, что она не переставала учиться. Русской словесности училъ ее мой корпусный учитель Гроздовъ; училась англійскому языку. Сочиняла стихи съ большимъ трудомъ. Говорила она прекрасно, почти всегда господствовала въ гостиной и за обѣдомъ. Анна Петровна изрѣдка представлялась ко двору; къ тоалету ея не допускались племянники, гвардейцы, я одинъ имѣлъ дозволеніе прислуживать. Помню, разъ, видя, что тетка бѣлится и румянится, я въ простотѣ замѣтилъ:

— Вы, тетенька, такая хорошенькая, бѣленькая и румяная, для чего же вы бѣлитесь и румянитесь?

Она отвѣчала мнѣ; «глупенькой, это этикетъ двора, я могу сконфузиться, поблѣднѣть или покраснѣть, тѣмъ могу обезпокоить царскихъ особъ, а набѣлившись—я не измѣнюсь въ лицѣ».

Анна Петровна Бунина была любимою гостьей въ высшей аристократіи Петербурга. Въ тѣ дома, въ которыхъ я бывалъ часто съ теткою, гардемариномъ и офицеромъ, и былъ какъ свой въ семействахъ, возвратясь изъ Камчатки штабъ-офицеромъ, но безъ тетки, я не попалъ и въ прихожую. А. П. Бунина въ послѣдствіи страдала какою-то нервною болѣзнью въ рукѣ, по милости императрицы, объѣздила всѣ столицы Европы, но облег-

ченія болѣзни не нашла. Мнѣ разсказывали, что она избавлялась мучительной боли въ присутствіи извѣстной Татариновой и будто чувствовала приближеніе внѣ дома этой сектантки.

Въ первой четверти столѣтія, всему высшему кругу Петербурга былъ извѣстенъ неистощимый весельчакъ Иванъ Петровичъ Бунинъ; онъ былъ старшій братъ десятой музы. На службѣ былъ лейтенантъ и постоянный адъютантъ адмирала Ханыкова, холостякъ, умный, хорошо образованный, очень добрый; веселонравіе его не имѣло границъ, изобрѣтательность въ разнообразіи удовольствій была безконечна, гдѣ веселье—тамъ онъ необходимый режиссеръ. Онъ былъ хорошаго роста, вершковъ восьми, хорошаго здоровья, брюнетъ, всегда готовый на доброе дѣло, и неустанный создатель и участникъ удовольствій, но постоянный врагъ своимъ деньгамъ. Всегда числился гдѣ-то на службѣ, знаю только, что однажды онъ былъ инспекторомъ колонистовъ подъ Петербургомъ; и тутъ было не безъ фарса: онъ свободно говорилъ на ихъ языкѣ и дѣлалъ для нихъ балы. Онъ отличался особенными свойствами, до глубокой старости сохранились у него необыкновенно густые волосы на головѣ; по особенному устройству кожи на черепѣ, она свободно двигалась, такъ что, дернувши за волосы въ одномъ мѣстѣ, всѣ волосы поднимались въ эту сторону. Онъ могъ свободно шевелить ушами. Очень пріятно пѣлъ, красиво танцовалъ, былъ щеголь, немного музыкантъ. Былъ любимецъ дамъ, которымъ онъ умѣлъ нравиться; въ обществѣ мужчинъ, окружающихъ его, всегда былъ общій смѣхъ. Кронштадтскій клубъ и до сего времени, въ годовщину клуба, пьетъ за здоровье учредителя клуба Ивана Петровича Бунина. Я не помню случая, чтобы онъ отказалъ кому либо въ своемъ ходатайствѣ. Бывало, удастся занять денегъ, сейчасъ устраиваетъ у себя званый вечеръ. Не такъ давно, я видѣлъ сохранившійся у меня пригласительный его билетъ: «Кумъ свахи Аполлона Иванъ Бунинъ покорнѣйше проситъ», и проч. На его вечерахъ много бывало дамъ изъ высшаго круга, а хозяйкой была сестра его. Вечеръ открывался своеобразнымъ концертомъ. Намъ, племянникамъ, раздавались музыкальные инструменты и каждому тотъ инструментъ, на которомъ не умѣетъ играть, мнѣ доставались тарелки. Бунинъ зналъ по нѣскольку пѣсенъ на всѣхъ

языкахъ, какъ на европейскихъ, такъ и на азіатскихъ; самъ садился за фортепіано и пѣлъ турецкую пѣсню; по данному имъ знаку, мы усердно ударяли въ инструменты—вѣроятно, эта какофонія походила на турецкую музыку. За турецкими, слѣдовали персидскія, цыганскія—хохота было много. Бунинъ пѣлъ чувствительныя нѣмецкія пѣсни, веселыя и шаловливыя французскія и очень натурально представлялъ поющаго пьянаго англичанина. Дамы уходили въ другую комнату—для мужчинъ пѣлъ скромные куплеты съ гримасами, ужимками, съ речитативомъ, мужчины хохотали, дамы смѣялись и будто не слыхали. Были небольшіе танцы. Подсѣлъ Бунинъ къ хорошенькой дамѣ, я стоялъ за стуломъ и слушалъ любезности его; дама безпрестанно обмахивала свою голову: оказалось, Бунинъ очень вѣрно подражалъ мухѣ, запутавшейся въ ея волосахъ. Бунинъ былъ неутомимъ, неистощимъ, все было прилично и всѣ были веселы. Тогда явилась новая игра—въ синонимы и омонимы; одинъ уходитъ въ другую комнату, кругъ общества назначаетъ синонимъ; призванный имѣетъ право сдѣлать каждому въ кругѣ три вопроса и отгадать заданное слово; на комъ отгадано, тотъ выходилъ. Помню, досталась мнѣ задача «валъ». Помню, какъ боялась тетка, что я осрамлюсь, не угадаю, но я отгадалъ по второму вопросу и тетка была довольна. Не отгадать было стыдно, казалось тупоуміемъ. Вечера Бунина были рѣдки, но всегда веселы по разнообразію удовольствій. Случалось мнѣ слышать разсказъ Бунина, какъ веселились наканунѣ у Нарышкина; не помню, кого-то хоронили въ снѣгу. Бунинъ, уставщикъ похоронъ, всѣхъ костюмировалъ и учреждалъ кортежъ; Нарышкинъ былъ попомъ, кто-то дьякономъ, пѣвчіе. Опьянѣвшаго до безчувствія несли на простынѣ, со свѣчами, съ пѣніемъ—всѣ серьезные, и хоронили въ сугробѣ снѣга. Въ то время, подобная потѣха часто практиковалась по деревнямъ у разгулявшихся помѣщиковъ.

Извѣстно мнѣ устроенное Бунинымъ тайное общество «кавалеровъ пробки». Всѣ члены, въ своемъ собраніи, имѣли въ петлицѣ сюртука пробку. Однажды было засѣданіе тайнаго общества въ Петергофѣ. Не бывши членомъ общества, я былъ приглашенъ обѣдать. За обѣдъ садились между дамъ мужчины, пѣли хоромъ пѣсню, кажется, сочиненную Бунинымъ: «Поклонись сосѣдъ сосѣду, сосѣдъ любитъ пить вино. Обними сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любитъ

пить вино. Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любитъ пить вино». Послѣ каждаго пѣнія—исполнялось точно по уставу. Бунинъ былъ гроссъ-мейстеръ. Думаю, что такое тайное общество запрещено правительствомъ не было.

Вспоминаю ходившій тогда анекдотъ, мнѣ его не случилось читать въ печати. Александръ I выразилъ желаніе Нарышкину—имѣть попугая. Нарышкинъ поднесъ отличнаго своего сѣраго попугая. Къ Пасхѣ дѣлаются представленія къ наградамъ, государь приказалъ прочитать списокъ; читавшій только сказалъ: статскій совѣтникъ Гавриковъ, попугай закричалъ: «Гаврикову пуншу, Гаврикову пуншу!» Государь приказалъ отложить награду Гаврикову до справки: можетъ быть, это какой нибудь пьяница. Оказалось, Гавриковъ принадлежалъ къ веселой, но благородной партіи Нарышкина, и всякій разъ, какъ входилъ Гавриковъ, Нарышкинъ кричалъ: «Гаврикову пуншу!» Попугай заучилъ фразу и повторялъ при имени Гаврикова. (См. разсказъ объ этомъ-же въ концѣ книги).

Анна Петровна Бунина привезла меня въ Петербургъ, брала по праздникамъ изъ корпуса, ласкала меня, возила съ собою въ высшее общество и тѣмъ хотѣла усвоить дикому мальчику общественныя приличія. Иванъ Петровичъ Бунинъ опредѣлилъ меня въ корпусъ, тоже бралъ къ себѣ по праздникамъ; его ходатайство доставило мнѣ возможность попасть въ Камчатку—оба благодѣтельствовали мнѣ. Съ Иваномъ Петровичемъ я постоянно переписывался, высылалъ къ нему соболей, просилъ его продать, а деньги класть въ банкъ. По его извѣстіямъ, денегъ моихъ накопилось въ банкѣ двадцать тысячъ рублей ассигнаціи. Лѣтъ 60-ти Бунинъ женился. Когда, черезъ 15 лѣтъ, я возвратился изъ Сибири, Анна Петровна уже скончалась. Бунина нашелъ старикомъ, безъ должности; жена его умерла, оставивъ четырехъ дочекъ-малютокъ. Чѣмъ жилъ Бунинъ—не знаю. Нашелъ его на Васильевскомъ островѣ, въ дворѣ, во второмъ этажѣ—кажется, обживалъ новопостроенный домъ; обстановка очень бѣдна. Бунинъ читалъ библію и священныя книги. Мнѣ нужно было экипироваться, я спросилъ мои деньги. Иванъ Петровичъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ своихъ малютокъ и вмѣстѣ съ ними сталъ на колѣни, заплакалъ и сказалъ: «другъ сердечный, крайняя нужда заставила меня издержать твои деньги. Дѣлай что хочешь». Я ни слова не сказалъ, заплакалъ и ушелъ. Послѣ этого, я не упомянулъ о своихъ деньгахъ. Бунинъ очень долго жилъ.

VII.

Памятный день въ Иркутскѣ въ 1832 году.

Хорошъ домъ начальника адмиралтейства въ Иркутскѣ! онъ находится къ востоку отъ города, версты полторы отъ послѣднихъ домовъ, въ прекрасной, ровной долинѣ. Домъ большой, со всѣми службами, даже баня, прачешная,—настоящее барское помѣстье; при домѣ къ югу большой тѣнистый садъ, который обмываетъ быстрая рѣка Ида, прозванная народомъ Ушаковка. Ида впадаетъ въ Ангару, почти въ концѣ города, ниже по теченію. Къ сѣверу отъ дома, въ верстѣ, протекаетъ ручей подъ именемъ рѣчка Саражанка; она течетъ отъ востока, какъ и Ида, параллельно одна другой. За Саражанкой поднимается гора; изъ крупно-зернистаго песчанника этой горы дѣлаютъ памятники на могилы. Гора высотою футъ 300, 350; поднявшись на гору—сначала густой кустарникъ, далѣе лѣсъ, а далѣе гора на горѣ, лѣсъ на лѣсѣ. Въ 1832-мъ году, въ половинѣ іюля, мнѣ захотѣлось посмотрѣть Каштакъ—мѣстность, о красотѣ которой много разсказывали. Въ какой-то маленькій праздникъ, рано, на моемъ бѣлорожденномъ арабскомъ конѣ (о немъ разскажу, если не забуду), я отправился смотрѣть Каштакъ. На домѣ флагштокъ, на которомъ поднимался флагъ когда хозяинъ бывалъ дома и спускался по выѣздѣ. Дорога шла близь лѣваго берега Саражанки, противъ теченія. Версты четыре далѣе Саражанка круто поварачиваетъ къ сѣверу въ узкую долину между горами, покрытыми лѣсомъ; еще верста—и долина перегораживается лѣсистою горою, соединяющеюся плотно съ горами боковъ долины. Изъ двухъ горъ долины, близь соединенія съ поперечною, изъ средины ихъ, на ровной высотѣ, бьютъ два каскада: вотъ они-то и произвели рѣчку Саражанку. Мѣстность дѣйствительно красива; подобную картину можетъ создать только фантазія живописца. Лѣвая гора этой долины есть та гора, гдѣ дѣлаются памятники; тутъ я нашелъ пять женщинъ, лопатами нагребающихъ въ мѣшки изъ подошвы горы крупную дресву. Цвѣтъ дресвы мнѣ показался одинаковъ съ камнями для памятниковъ. Для меня, неуча, по-

казалось удивительнымъ, какъ это въ одной и той же горѣ твердый камень и разсыпчатая дресва—по виду однородны, камень обдѣлываютъ, а дресву берутъ лопатою. Взялъ я дресвы въ платокъ и поѣхалъ по долинѣ Иды. Возвращаясь домой къ обѣду, встрѣчаю частнаго пристава.

— Куда вы?

— Да вотъ на Каштакъ.

— Зачѣмъ?

— Дали знать, что тамъ убили двухъ женщинъ.

— Я рано тамъ былъ и видѣлъ пять женщинъ, онѣ нагребали дресву.

— Три ушли, а оставшихся двухъ убили; трехъ я уже спрашивалъ.

— Кто же убилъ бѣдныхъ женщинъ?

— Бѣглые варнаки, кому же больше.

— Убійцъ не найдете?

— Гдѣ найти, да мы и не ищемъ.

— Такъ зачѣмъ же ѣдете?

— Послалъ за понятыми, чтобы поднять тѣла. Здѣсь, сударь, это не рѣдкость.

Простились. Пообѣдавъ, я пошелъ къ горѣ, гдѣ выдѣлываютъ памятники, чтобы сравнить дресву съ камнемъ. Со мною былъ годовой лягавый щенокъ Любимъ.

На горѣ, смявъ дресву въ комокъ и положивъ на камень, я не могъ отличить ее ни по цвѣту, ни по видимому составу. Недоумѣніе мое разрѣшилъ тѣмъ, что гора, гдѣ добывается камень, обращена стороной къ югу и просохла, а та же гора, имѣя бокъ къ сѣверо-востоку и затѣненная другими горами, сыра и не окрѣпла. Этимъ я былъ удовлетворенъ и, помню, умничалъ, что эта гора—относительно-недавняя работа геологическаго процесса. Разсуждая, я поднялся на гору и хотѣлъ идти далѣе, прослѣдить образованіе или фигуру горы. Недалеко отошелъ между кустами, какъ мой Любимъ началъ на приступъ озлобленно лаять и бросаться на кустъ. Предполагая, что въ кустѣ гнѣздо куропатки или какой нибудь звѣрекъ, я сказалъ: «возьми!» Смотрю, кустъ зашевелился, въ кустъ всталъ вольнопропитанный. Онъ имѣлъ домишко верстахъ въ двухъ подъ этой горой, имѣлъ жену и полдюжины дѣтей, былъ хорошій слесарь, постоянно работалъ на адмиралтейство; началь-

ники покровительствовали ему, зная его бѣдность. Слесарь всталъ въ кустѣ, у него на веревкѣ черезъ плечо лукошко. Всталъ и, протирая глаза, говоритъ:

— Ну, ваше высок-діе, собачка ваша хоть мертваго разбудитъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ, ходилъ за грибками, не угодно ли, сударь, грибковъ?

Самъ двигается ко мнѣ. Я взглянулъ на него внимательно и вижу — въ глазахъ радужные цвѣта. Я уже освоился съ этимъ народомъ. Я отступилъ шагъ и сказалъ строго: «пошелъ прочь!» а самъ въ карманъ за пистолетъ. Онъ продолжалъ какъ бы невольно двигаться и, показывая грибы, уговариваетъ взять ихъ. Солнце свѣтило мнѣ сзади, при наклоненіи лукошка, мнѣ блеснулъ ножъ во весь діаметръ. Лѣвою рукой держалъ лукошко, а правою рукой держался за рукоятку ножа. Я еще отступилъ шагъ и, вынувъ двухствольный пистолетъ, взвелъ курки и нацѣлилъ въ него. Онъ, какъ-то судорожно, тихо двигаясь, повторялъ: «да возьмите, возьмите!» Я крикнулъ ему: стой! и побожился — еще шагъ, и выстрѣлю. Остановился. Подъ пистолетомъ прогналъ его въ лѣсъ. Но я въ лѣсъ не пошелъ, а съ грустной мыслію пошелъ по краю горы къ городу. Дѣйствительно, было о чемъ задуматься: человѣкъ существовалъ моимъ благодѣяніемъ, а еслибъ не Любимъ, то убилъ бы меня. Пройдя версты полторы, я дошелъ до стариннаго кладбища и сѣлъ на памятникъ. Видъ превосходный: весь Иркутскъ видѣнъ съ птичьяго полета, за нимъ широкая Ангара, устье Иркута—великолѣпная картина! Собака бѣгаетъ подъ горой и ищетъ мышей. На кладбищѣ растутъ рѣдкія, но толстыя березы. Мелькнуло что-то отъ березы къ березѣ. Наблюдая, я увидѣлъ, что, перебѣгая отъ березы къ березѣ, подкрадывается ко мнѣ сзади тотъ же вольнопропитанный. Тогда я всталъ, съ пистолетомъ пошелъ прямо къ нему и подъ пистолетомъ проводилъ его до его дома. Вольнопропитанный, сердито ворча себѣ подъ носъ, повиновался. Вышла жена его, я приказалъ уложить его спать и запереть.

Еще рано возвратясь домой,—въ эти часы, по условію, я ѣздилъ верхомъ мимо оконъ одного дома, что будто понималъ и конь мой: убавляя шагъ, смотрѣлъ на окна и точно кланялся мотая головою. Чтобы отвлечь вниманіе, я объѣзжалъ нѣсколько улицъ. Проѣзжая мимо кабака, изъ котораго выходили посѣти-

тели, я видѣлъ выходящаго хорошо одѣтаго крестьянина и двухъ, трехъ каторжныхъ въ кандалахъ; одинъ каторжный уже на крыльцѣ попросилъ у крестьянина подаянія. Я видѣлъ, какъ крестьянинъ вынулъ изъ-за пазухи мѣшечекъ съ деньгами и подалъ каторжному монету (оказался пятакъ); какъ только подавшій повернулся, каторжный ударилъ его ножомъ въ спину, крестьянинъ упалъ, а убійца сказалъ: «подлецъ, скряга, не могъ подать болѣе». Я былъ въ пяти шагахъ отъ убійства, далъ шпоры лошади.

Возвратясь домой часовъ въ семь, вспомнилъ, что я званъ на чай къ Нараевскимъ. На дрожкахъ доѣхалъ до широкой улицы, дрожки отпустилъ и пошелъ по лѣвой сторонѣ по тротуару. По правой сторонѣ улицы, по тротуару, по одному направленію со мною, шла какая-то мѣщаночка, нарядная дѣвушка, вѣроятно, въ гости. По правой же сторонѣ по тротуару, на встрѣчу дѣвушкѣ, шелъ унтеръ, рослый молодчина, шелъ щегольской походкой—съ вывертомъ. Встрѣтясь съ дѣвушкой, онъ быстро обнялъ ее и поцѣловалъ. Слышалъ какой-то вскрикъ и за этимъ унтеръ положилъ дѣвушку на тротуаръ, повернулъ назадъ и пошелъ такъ же бодро. Перейдя улицу, я подошелъ къ лежащей дѣвушкѣ—она была мертва! Слѣдя за унтеромъ, я видѣлъ, какъ онъ прошелъ на гауптвахту. Я пошелъ къ генералъ-губернатору Александру Степановичу Лавинскому и разсказалъ ему что видѣлъ. Лавинскій весьма серьезное обратилъ вниманіе, и сказалъ:

— Тутъ что-то непонятное, вотъ уже нѣсколько случаевъ, что солдаты безъ видимой причины дѣлаютъ убійства! Я уже обратилъ на это вниманіе, а этотъ случай утверждаетъ меня, что есть какая-то непонятная причина, по которой солдаты убиваютъ безъ всякаго повода. Я назначу тебя презусомъ и ты добейся, открой, что тутъ кроется.

— Я всепокорнѣйше просилъ бы ваше высокопр—во уволить меня, не мѣшать съ армейскими офицерами, изъ нихъ я не знаю ни одного; а, если угодно вамъ, дозволить мнѣ нравственно руководствовать слѣдствіемъ безъ формальнаго назначенія.

Лавинскій согласился.

Оказалось: дѣвушка убита большимъ ножомъ въ сердце. Ей было 17—18 лѣтъ, хорошенькая, небѣдныхъ родителей; шла въ гости къ роднымъ.

Я назвалъ день памятнымъ; да, четыре убійства почти на мо-

ихъ глазахъ и пятаго чуть самъ не былъ жертвою—и это въ губернскомъ, главномъ городѣ генералъ-губернаторства!

Хотя я и былъ обстрѣлянъ жизнію среди каторжныхъ и былъ 12 лѣтъ презусомъ военнаго суда, но и на меня этотъ рядъ убійствъ одного дня сдѣлалъ впечатлѣніе, особенно послѣ разговора съ Лавинскимъ. Я рѣшился открыть причину непонятныхъ убійствъ солдатами.

На другой день приказалъ привести къ себѣ вольнопропитаннаго слесаря. Какъ увидалъ меня, повалился въ ноги и крестясь сказалъ:

— Такъ ты, отецъ, живъ? слава Богу, а я думалъ, что убилъ тебя!

— За что же ты хотѣлъ убить меня?

— Батюшка, кормилецъ, за что мнѣ убивать тебя? мои дѣти живутъ твоею милостію! я скажу тебѣ правду, а ты суди какъ хочешь.

Вотъ приблизительный его разсказъ: «два дня мнѣ недомогалось, голова какъ не своя, отъ пищи и сна отсталъ. Тоска смертельная, не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій, въ глазахъ все красно; тоска—и мѣста не найду, разумъ отшибло, какъ будто кто шепчетъ: а ты убей кого нибудь и будешь здоровъ! Задумалъ я, какъ полуумный, пойти въ лѣсъ, можетъ—кого встрѣчу, а тамъ и не знаю что̀-бы я сдѣлалъ? Ходилъ я долго по лѣсу, никого не встрѣтилъ, вернулся: вижу, идетъ человѣкъ, я и спрятался въ кустъ; на умѣ было, какъ пройдетъ мимо, то я нападу на него. Собака ваша почуяла меня и начала лаять; вижу, что мнѣ не скрыться, я всталъ и теперь едва помню, что это были вы: у меня въ то время не было ни разума, ни памяти. Сегодня проснулся въ памяти—какъ во снѣ припоминаю, что я хотѣлъ убить васъ, моего благодѣтеля, и думалось ужъ не убилъ ли я васъ?»

Разсказъ надобно признать искреннимъ, мнѣ не первый подобный разсказъ случилось слышать. Въ первомъ очеркѣ изъ моихъ воспоминаній о каторжныхъ, я записалъ разсказъ Медянцева, подобный этому. Я убѣжденъ, что многіе изъ каторжныхъ страдаютъ болѣе или менѣе этою болѣзнію, я опредѣляю ее сильнымъ припадкомъ истерики. Можетъ быть, я ошибаюсь, но, впрочемъ, это и не мое дѣло, а физіолога.

Отдать подъ судъ этого вольнопропитаннаго: по наказаніи,

онъ поступилъ бы въ рудники, пропали бы его дѣти; я приказалъ дать ему 300 розогъ и тѣмъ окончилъ.

До приступа къ дѣлу объ убійствѣ дѣвушки унтеръ-офицеромъ я пересмотрѣлъ нѣсколько военно-судныхъ подобныхъ дѣлъ и не нашелъ ничего. Одно и то же: «виноватъ, лукавый попуталъ». Наказанъ кнутомъ и въ каторжную работу. Я понялъ—форменными вопросами: какъ зовутъ? сколько лѣтъ? какого вѣроисповѣданія? и проч. ничего не откроешь. Приказалъ унтера привести къ себѣ въ адмиралтейство. Молодчина, вершковъ 9-ти роста, отлично сложенъ и выправленъ, волосы темные, но лицо бѣло, большіе голубые, спокойные глаза, голосъ мягкій—вообще на видъ человѣкъ добрый. Унтеръ изъ гвардіи, помнится, семеновецъ. Грамотенъ, холостъ, подъ 40 лѣтъ.

Отбросивъ манеру начальника, я говорилъ съ нимъ наединѣ какъ посторонній человѣкъ, да онъ и не видалъ во мнѣ прямаго начальника, я для него былъ морякъ. Послѣ нѣсколькихъ посторонних разговоровъ:

— Я видѣлъ какъ ты убилъ дѣвушку.

— Значитъ, это вы изволили идти по другой сторонѣ улицы?

— Я.—За что ты убилъ ее?

— Такъ, лукавый попуталъ!

— Ты прежде зналъ эту дѣвушку?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— И теперь не знаешь кто она?

— Не знаю-съ, видно ея судьба такая!

— Какъ же убить не зная человѣка, да еще дѣвушку?

— Такъ случилось, ваше высокоблагородіе.

— Я видѣлъ, ты ее не грабилъ.

— Помилуйте, мы къ этому неспособны.

— А убійство хуже грабежа!

— Оно, дѣйствительно—великій грѣхъ! лукавый попуталъ!

— Я вижу, ты человѣкъ умный; знаешь отвѣтственность?

— Какъ не знать, отвѣтъ по законамъ!

— Ты будешь лишенъ чести, наказанъ кнутомъ и въ каторгу.

— Что дѣлать, видно такъ опредѣлилъ Богъ!

Бился я съ нимъ часа три, вертѣлъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, унтеръ совершенно спокойно отвѣчалъ одно и то же. Приказалъ хорошо накормить его и отпустилъ. На другой день, та же

исторія: разнообразные вопросы унтеру и его спокойные, но осторожные отвѣты. Накормить и отпустить. На третій—день та же исторія: мое терпѣніе и его осторожность. На четвертый день, послѣ долгихъ разговоровъ и изворотливыхъ вопросовъ, унтеръ улыбнулся и спросилъ меня:

— Да что хочется знать вашему высок—дію? я вижу, что вы чего-то допытываетесь.

— Я вижу, что ты убилъ незнакомую дѣвушку безъ всякой причины, но безъ причины ничто не дѣлается на свѣтѣ; вотъ эту причину я и хочу знать, такъ, изъ любопытства.

— Я вамъ и объясняю: такъ, лукавый попуталъ. А что убилъ дѣвушку, то потому, что она встрѣтилась; встрѣться другой кто, то другаго бы убилъ.

— Значитъ, ты шелъ рѣшившись сдѣлать убійство?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ это-то, твое рѣшительное намѣреніе, ты и объясни мнѣ, оно-то и любопытно для меня.

Унтеръ спокойно засмѣялся и сказалъ:

— Баринъ вы добрый и умный, какъ же вы сами не догадаетесь? Сравните жизнь солдата съ каторжнымъ: каторжный одѣтъ въ полушубкѣ, въ теплыхъ штанахъ, въ теплой шапкѣ, въ большихъ и длинныхъ сапогахъ и рукавицахъ, у него лопата и топоръ. Я стою на караулѣ при работѣ каторжныхъ: на мнѣ шинель вѣтромъ подбита, киверъ, ноги зябнутъ, переступаю съ ноги на ногу, въ рукахъ ружье—коченѣютъ руки. Каторжный придетъ въ казарму, ему даютъ горячіе щи, часто съ мясомъ или съ рыбой, ѣстъ кашу; поѣвши—ложится спать на тюфякъ, у него подушка и одѣяло. Я прихожу въ казарму,—дадутъ постныхъ щей и хлѣба, да не ложусь спать, долженъ вычистить ружье, тесакъ и пуговицы, а ложусь на голыя нары, подъ голову либо суму, либо кулакъ, да покроюсь тою же шинелью. Ну и сравните, чья жизнь лучше: честнаго солдата или каторжнаго? [1]) На счетъ чести солдатъ и останется вѣкъ солдатомъ. Дадутъ отставку, когда уже зубовъ не будетъ, и ходитъ по-міру, пока таскаютъ ноги [2]). Отъ наказанія кнутомъ не умираютъ. Вытерпѣть наказаніе разъ, за то спокойная и довольная жизнь.

[1]) Разсказъ относится къ 1832 г., теперь благодать Господня для русскаго солдата. Авт.

Поговоривъ еще немного, я былъ очень доволенъ открытіемъ. Унтеру—хорошій обѣдъ со стаканомъ водки, а самъ къ генералъ-губернатору и все разсказалъ ему. Лавинскій тотчасъ повѣрилъ разсказъ унтера; казацкій офицеръ полетѣлъ курьеромъ къ государю съ донесеніемъ. Унтера я болѣе не видалъ.

Лавинскій разсказывалъ мнѣ—пишутъ къ нему, что государь, на одномъ изъ совѣтовъ министровъ, спросилъ Канкрина: для чего такъ роскошно содержатся каторжные? Канкринъ отвѣчалъ, что улучшено содержаніе каторжныхъ не на деньги государства: для каторжныхъ утверждено урочное положеніе, каторжный, сработавшій болѣе урочнаго положенія, за переработокъ получаетъ копѣйки, изъ этихъ копѣекъ современемъ составились большія суммы, что и дало возможность улучшить содержаніе каторжныхъ. Военный министръ объяснилъ, что онъ и копѣйки прибавить не можетъ солдату сверхъ положенія. Тутъ же сдѣлано распоряженіе: уничтожить всѣ удобства каторжныхъ. Этимъ распоряженіемъ и прекратились намѣренныя убійства солдатами.

Я упомянулъ, что собака моя Любимъ спасла жизнь мнѣ. Первый разъ я разсказалъ, еслибъ не Любимъ, то вольнопропитанный не промахнулся бы. Вотъ другой случай.

Выѣзжая изъ Иркутска въ Питеръ, я вызвалъ желающаго ѣхать со мною деньщикомъ. Вызвался молодой матросъ лѣтъ 25-ти; отзывались о немъ какъ о трезвомъ, честномъ и тихомъ. Мѣсяца три онъ жилъ у меня въ комнатахъ и привыкъ. Въ повозкѣ, сдѣланной въ адмиралтействѣ, помѣстились: я, деньщикъ и Любимъ. Деньщикъ былъ уроженецъ Сибири, небольшаго роста, но силы необычайно большой, и простакъ. О дорожныхъ приключеніяхъ—въ другомъ мѣстѣ, развѣ упомяну: когда проѣзжали Казань, первое, что я потребовалъ—яблокъ, которыхъ я не пробовалъ 15 лѣтъ; мнѣ принесли опортъ и баснословную взяли цѣну: за десятокъ чуть ли не 10 рублей. Въ Сибири, картофель называютъ земляныя яблоки; деньщикъ изумлялся, что въ Россіи такія яблоки и сердито прибавлялъ: «сказано не мшонная Сибирь, Сибирь она и есть!» а когда я позвалъ шарманку, то онъ и остался въ мнѣніи, что въ ящикѣ сидитъ человѣчекъ—разувѣрить его было невозможно. Съ отцомъ я не видался 24 года и тотъ, который сѣкъ меня чуть не черезъ день,—Суворовецъ, увидавъ меня, упалъ безъ чувствъ! Цѣловалъ деньщика, цѣловалъ Любима. Отцу пода-

рилъ повозку, она служила ему, какъ парадный экипажъ, до его смерти, безъ починки. Отецъ взялъ съ меня честное слово: ни въ какомъ случаѣ не наказать деньщика. Изъ Камчатки я вывезъ соболей, лисицъ, бобровъ. Въ Петербургѣ явились ко мнѣ жиды, я продавалъ имъ по розницѣ—выгоднѣе, чѣмъ въ магазины. Однажды, слышу шопотъ за перегородкой, подслушалъ: жидъ сговаривается съ деньщикомъ убить меня. Я быстро явился. Жидъ струсилъ и разсказалъ, что его уговаривалъ деньщикъ, что онъ убьетъ меня и передастъ все жиду, а глупый деньщикъ признался, что жидъ обѣщалъ ему купеческій паспортъ. Жидъ вылетѣлъ вонъ, а я данное слово отцу сдержалъ, не тронулъ деньщика, но отослалъ его въ команду. У меня оставался деревенскій мальчикъ. Прошло нѣсколько дней. Былъ 11-й часъ ночи, я уже былъ въ постели; слышу, на дворѣ страшный лай Любима, лаетъ на приступъ въ нишь подъ лѣстницей; у собаки поднялась шерсть, пѣна у рта и не слушаетъ меня. Я полагалъ, что тамъ кошка. Пошарилъ подъ лѣстницей рукой и поймалъ сапогъ. Выходитъ мой прежній деньщикъ. Вывелъ я его на дворъ, вышли многіе жильцы. Я замѣтилъ, что у него не сгибается лѣвая рука. Въ рукавѣ оказался — кинжалъ. Деньщикъ струсилъ и признался, что онъ, зная въ квартирѣ моей порядокъ, что мальчикъ ночью выводитъ собаку на дворъ, намѣревался убить меня, а какъ мальчикъ вернется, то и мальчика. Что разумное твореніе намѣревается убить подобное себѣ существо — не стоило бы и упоминанія, но чтобы низшая, безсловесная тварь—собака, имѣющая природное свойство преданности къ человѣку, который ее кормитъ, какъ въ этомъ случаѣ: деньщикъ кормилъ собаку около полугода, спалъ съ нею, но когда этотъ другъ собаки пришелъ съ злымъ намѣреніемъ, собака поступила съ нимъ какъ съ врагомъ! Этотъ непонятный, разумный инстинктъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія. Деньщикъ, по суду, отправился по способу пѣшаго хожденія на свою родину, въ Сибирь, а Любимъ окончилъ земное свое бытіе въ 1847 году, въ Кіевѣ. Удивительной понятливости была собака!

Разсказавъ о собакѣ, спасшей мнѣ два раза жизнь, я упомянулъ объ арабскомъ бѣло-рожденномъ верховомъ моемъ конѣ въ Иркутскѣ. Если я дозволилъ себѣ говорить о собакѣ, то о

благородномъ и гордомъ животномъ—слугѣ человѣка дозволю себѣ упомянуть хотя нѣсколько словъ.

Въ старомъ флотѣ, молодые офицеры очень любили ѣздить верхомъ. Конь и лодка—крайности, а говорятъ: крайности сходятся. Оставшись въ Иркутскѣ начальникомъ адмиралтейства, я устроился осѣдло, у меня были и лошади и экипажи, но не было верховаго коня. 12 лѣтъ ѣздя на собакахъ, я, по свойству моряка—любить верховую ѣзду, очень желалъ устроить себѣ эту потѣху. Совѣты старожилыхъ пріятелей указали мнѣ на сосланнаго кавалерійскаго штабъ-офицера, отличнаго знатока лошадей и искуснаго берейтора. Пригласилъ я къ себѣ этого бывшаго господина. Уже весьма пожилой, сѣдой, но еще здоровый и сильный. Хорошо одѣтъ кучеромъ, походка кавалерійская, съ согнутыми колѣнями, голосъ твердый съ акцентомъ серба. Смотря на него, такъ и кажется, что онъ еще командуетъ эскадрономъ. Я объяснилъ ему мое желаніе имѣть верховаго коня. Онъ, принявъ позу сознательнаго достоинства, съ выговоромъ южнаго славянина, отвѣчалъ:

— Это наше ребячье дѣло! но готовой верховой лошади здѣсь нѣтъ.

— Какъ же ты посовѣтуешь мнѣ устроить?

— Это дѣло нашихъ рукъ. Есть кровный конь, не верховой, но рожденъ для сѣдла; я могу указать вашему высоко-дію, а ваше дѣло купить.

— Хорошо, я куплю, только укажи.

— Есть конь на почтѣ, онъ недавно ходитъ на пристяжкѣ, бѣлый конь; на почтѣ не знаютъ ему цѣны, а конь тысячный!

— Спасибо, я завтра куплю лошадь, но она не выѣзжена подъ верхъ?

— Выѣздить—нашихъ рукъ дѣло. Выѣздимъ въ станкѣ какъ нѣмцы, или для фронта на всѣ аллюры.

— Гдѣ же найти тебя?

— Я живу близь женскаго монастыря, но, если прикажете, я завтра навѣдаюсь.

Стаканъ водки—простились. Почту содержала дума, я къ головѣ. Безъ слова дано согласіе и заплатить по цѣнѣ въ книгѣ, за что куплена. На другой день, ссыльный кавалеристъ выбралъ лошадь, я заплатилъ 60 рублей. Старикъ въ восторгѣ отъ коня,

цѣнилъ его въ нѣсколько тысячъ! Я просилъ его выѣздить коня для прогулки по городу, чтобы былъ смиренъ и не пугался. Старикъ не упустилъ сказать насмѣшку надъ неопытностію моряка, но весьма прилично. Въ старикѣ сквозилъ общественный бытъ лихаго кутилы. Старикъ хотѣлъ дрессировать коня въ станкѣ, но какъ это долго, а я хотѣлъ скорѣй, то на полѣ была устроена корда. Въ мѣсяцъ переродился конь, на кормѣ поправился, а въ выѣздкѣ выправился. Просто—красавецъ! По командѣ, старикъ исполнялъ всѣ аллюры, но находилъ нужнымъ поѣздить по шумнымъ улицамъ, чтобы не пугался конь. Недѣли двѣ, мой берейторъ бралъ коня передъ свѣтомъ и возвращался послѣ полудня.

Разъ, у губернатора, Ивана Богдановича Цейдлера, я былъ свидѣтелемъ доклада исправника. Тогда, около Иркутска, въ горахъ, было двѣ шайки разбойниковъ; исправникъ докладывалъ, что какая-то каналья изъ города ѣздитъ на бѣлой лошади, то къ одной, то къ другой шайкѣ, и поймать не могутъ. На меня подѣйствовалъ докладъ о бѣлой лошади: подумалъ, уже не мой-ли берейторъ отличается. На другой же день прослѣдили за нимъ и оказалось—дѣйствительно возвращался изъ сѣверныхъ горъ маршъ-маршъ; какъ опытный, проводилъ коня, вытиралъ соломой и пріѣзжалъ домой на сухомъ конѣ . . . . Послѣ я узналъ, что этотъ отличный берейторъ, живя въ Иркутскѣ, какъ главнокомандующій надъ шайками, получалъ донесенія, отдавалъ приказанія, направлялъ ихъ набѣги, увѣдомлялъ о намѣреніяхъ полиціи, и проч. Конь дѣйствительно былъ превосходный, выѣзженъ прекрасно, пылкое, но доброе и послушное животное. Въ Иркутскѣ всѣ знали моего коня. Я подарилъ его принявшему мою должность Николаю Вуколовичу Головину.

Узналъ я исторію коня. На киргизской линіи, въ крѣпостцу Бухтарму (звали: Бухтарма—новая тюрьма), пріѣзжали бухарцы съ товарами и урюкомъ. Запоздали возвратиться; у нихъ былъ жеребенокъ, то, чтобы не затруднилъ въ обратномъ пути, продали казаку за бездѣлицу. Казакъ, пріѣхавъ въ Иркутскъ съ товаромъ, продалъ всѣхъ своихъ лошадей на почту за большую цѣну и этого коня—за 60 рублей, а такая цѣна считалась огромною, сравнительно съ цѣнами на линіи. У Лавинскаго были двѣ каретныя четверни, куплены въ Енисейской губерніи, въ Минусѣ, изъ табуновъ купца (кажется, Мясникова), на выборъ, по

25-ти рублей лошадь; это обыкновенная цѣна. Лавинскій вывелъ лошадей въ Петербургъ.

Разговорился я о ссыльныхъ въ Иркутскѣ. Объ этихъ выкидышахъ русскаго общества—разсказовъ безъ конца. Эти энергическія натуры съ ложнымъ направленіемъ и тамъ рѣдко совладаютъ съ своими обычаями, они и тамъ ведутъ тревожную жизнь съ приключеніями. Я записалъ «памятный день въ Иркутскѣ». Назвавъ памятнымъ днемъ, тѣмъ самымъ объяснилъ, что не всѣ дни похожи на этотъ день. Передамъ еще разсказъ, но не свой, а Ивана Яковлевича Козлова. Прошу обратиться въ «Русскую Старину» къ первому очерку изъ моихъ воспоминаній «о ссыльно-каторжныхъ въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ» (изд. 1878 г., томъ XXII): тамъ я кратко очертилъ горнаго чиновника И. Я. Козлова. Теперь повторю, что это человѣкъ былъ вполнѣ образованный, благородный, честный, добрый, прекрасный другъ, умный, пріятный собесѣдникъ, правдивъ, преувеличеній для краснаго словца въ немъ не замѣтилъ. Говорятъ, совершеннаго человѣка нѣтъ, то и Козловъ имѣлъ недостатокъ: онъ не былъ храбръ, по-просту—былъ трусоватъ. Въ Охоткѣ, мы были очень дружны. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ: «Въ 1820-хъ годахъ, въ Иркутской губерніи былъ извѣстный и прославившійся атаманъ разбойниковъ по фамиліи Александровъ. Онъ былъ изъ ярославскихъ мѣщанъ, молодъ, смѣлъ, большаго роста, красавецъ изъ красавцевъ; я такого красиваго мужчины не видывалъ; не было деревни, чтобы онъ не имѣлъ преданныхъ любовницъ. Силы былъ необыкновенной, бѣгалъ такъ скоро, что веревка въ пять сажень, привязанная къ затылку, при бѣгѣ Александрова — держалась горизонтально. Стрѣлялъ на бѣгу безъ промаха. Одинъ разъ, онъ спалъ на полѣ, а любовница, съ лошадью, караулила. Крестьяне сосѣдней деревни хотѣли схватить его; показались мужики, любовница разбудила Александрова, онъ крикнулъ крестьянамъ, чтобы шли прочь. Одинъ мужикъ, ставъ на колѣни и съ сошекъ, цѣлился въ Александрова изъ винтовки. Александровъ закричалъ: «Никитка, не дури!» и, выстрѣливъ, попалъ Никиткѣ въ лобъ, взялъ отъ любовницы заряженное ружье, а она заряжала другое. У крестьянъ опустились руки; Александровъ, посадивъ любовницу на лошадь, самъ тихо пошелъ. Но это было вначалѣ, послѣ его не ловили. Данному слову Алексан-

дровъ никогда не измѣнялъ. Одинъ разъ, убѣжавъ изъ острога, отъ гнавшейся за нимъ полиціи, онъ, противъ Иркутска, въ кандалахъ переплылъ Ангару, которая, кромѣ большой ширины, имѣетъ теченія 10 верстъ въ часъ. Вотъ такая исключительная была личность атамана Александрова. Шайка его никогда не превышала 7 или 8-ми человѣкъ, но были и постоянные: есаулъ, лейтенантъ и подручный. Это были люди испытанные имъ. Зимой, онъ являлся къ исправнику и зимовалъ въ острогѣ; съ наступленіемъ весны, онъ уходилъ изъ острога, какъ птица вылетаетъ изъ гнѣзда. Лишь закукуетъ кукушка, каторжные и поселенцы приходятъ въ тревожное состояніе и бѣгутъ въ вольную тайгу. Я служилъ на солеваренномъ заводѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска. Разъ даютъ мнѣ знать, что близь завода шатается Александровъ и изъ завода уже ходили къ нему на свиданіе. Я нарядилъ школьниковъ».

— Чтò такое школьники?

— «Это дѣти каторжныхъ, они состоятъ при заводѣ; они честныя дѣти преступныхъ отцовъ.

«Александровъ на этотъ разъ оплошалъ; онъ былъ одинъ, безъ оружія, была уже поздняя осень. Александрова привели ко мнѣ. Я зналъ, что этого молодца не удержишь; я придумалъ для него скрипку. Складывались и скрѣплялись двѣ широкихъ доски съ выемками для шеи и по концамъ для рукъ. Александровъ требовалъ, чтобы я передалъ его земскому суду; я написалъ бумагу, да такъ и продержалъ атамана четверо сутокъ. Александровъ на другія сутки уже стоналъ: нельзя лечь, руки затекли; молилъ, просилъ, проклиналъ и, наконецъ, поклялся, что онъ убьетъ меня. Зиму просидѣлъ Александровъ въ острогѣ, я имѣлъ свой караулъ за нимъ. Весной доносятъ мнѣ, что къ острогу подходятъ любовницы Александрова, значитъ, онъ скоро бѣжитъ. Я помнилъ его клятву, а извѣстно, что Александровъ крѣпко держитъ свое слово! Рѣшился я явиться генералъ-губернатору и, разсказавъ ему подробно, доложилъ, что, по всѣмъ признакамъ, Александровъ скоро бѣжитъ и я буду убитъ. Лавинскій немедля потребовалъ изъ земскаго суда дѣло объ Александровѣ. Привезли слѣдствіе на двухъ возахъ и—еще не кончено!»

— Я не понимаю, какъ это могло быть?

— «Очень просто: Александровъ былъ отличная доходная статья исправника».

— Объясните мнѣ, я этихъ дѣлъ не знаю.

«Александровъ на допросѣ показываетъ, что въ такой-то деревнѣ, у богатаго мужика, ночевалъ двѣ ночи. Исправникъ летитъ съ казаками къ мужику. Можетъ, атаманъ показалъ неправду, но для исправника все равно: мужикъ отплачивается. Такъ тянутся показанія до весны, слѣдствіе не кончено, а Александровъ бѣжалъ. Зимой продолжается старое и начинается новое».

— Что же, Лавинскій читалъ дѣло?

«Онъ исправнику и суду сказалъ много непечатныхъ словъ и на послѣдней страницѣ написалъ своею рукою: «Александрова, есаула, лейтенанта и подручнаго бить нещадно кнутомъ». Это рѣшеніе хранилось въ строгомъ секретѣ: узнай Александровъ, ничто не удержало бы его въ острогѣ; только утромъ сказано палачу Буянову, что онъ долженъ засѣчь четверыхъ. Утромъ, вели Александрова и трехъ товарищей будто къ допросу въ земскій судъ, съ усиленнымъ конвоемъ. Придя на мясной рынокъ, гдѣ постоянное присутствіе Буянова, конвою скомандовали: стой! Преступникамъ объявлено рѣшеніе генералъ-губернатора. Александровъ сказалъ: «не законно, еще слѣдствіе не кончено». Шесть прислужниковъ Буянова, тоже каторжные, привязали Александрова къ кобылѣ ремнями по правилу своей профессіи. Буяновъ, имѣя особенное приказаніе, сильно ударилъ кнутомъ. Александровъ повернулся такъ, что лопнули всѣ ремни и сокрушилась кобыла! обернувшись, крикнулъ: «Варнакъ! да ты съума сошелъ!» махнулъ ручными кандалами, задѣлъ за лѣвое плечо Буянова и разорвалъ у него плисовую куртку, а самъ бросился бѣжать; уже бѣжалъ по базарной площади къ Ангарѣ, бѣжалъ въ ножныхъ кандалахъ, а солдаты не могли догнать его; бѣжалъ и на обѣ стороны махалъ ручными кандалами, народъ разступался. Не замѣтилъ атаманъ колышка, къ которому привязываютъ пріѣзжіе крестьяне лошадей; за колышекъ зацѣпилъ ножными кандалами и упалъ, солдаты набѣжали и прикладами пришибли его. Привязали вновь къ кобылѣ, атаманъ молчалъ; послѣ четвертаго удара, Буяновъ за волосы поднялъ голову и сказалъ: «уберите!» Александровъ былъ мертвъ. Второй, есаулъ, изъ персіянъ, сказалъ Буянову: «ну-ка, посмотрю, мастеръ ли ты своего дѣла?» Буяновъ спокойно сказалъ: «а вотъ увидишь!» и послѣ четвертаго удара поднялъ голову за волосы и приказалъ убрать. Съ четырехъ ударовъ, каждый былъ мертвъ!

«Послѣ этого, послѣдовало высочайшее повелѣніе: въ приговорахъ, слово нещадно не употреблять».

— Вы, Иванъ Яковлевичъ, были при наказаніи?

— «Конечно, былъ, вѣдь моя жизнь зависѣла отъ смерти и жизни Александрова. Казнили атамана съ товарищами, я тогда спокойно вздохнулъ и поѣхалъ домой».

Такъ кончилъ разсказъ Иванъ Яковлевичъ Козловъ. А я прибавлю, что, еще въ 1830 году, я много слышалъ разсказовъ въ Иркутскѣ о необыкновенныхъ и, пожалуй, невѣроятныхъ похожденіяхъ атамана Александрова.

Часто случалось мнѣ проѣзжать чрезъ площадь присутствія Буянова, всегда находилъ его приготовляющимся къ своей работѣ. Буяновъ лѣтъ подъ 40, очень высокаго роста, очень стройный, сухощавый брюнетъ съ добрымъ лицомъ, всегда эффектно одѣтъ.

— Здравствуй, Буяновъ!

Вѣжливо кланяется и, улыбаясь:

— Здравія желаю вашему высокоблагородію!

— Что, видно есть работишка?

— Да, вотъ настраиваю свои инструменты.

А сколько я помню, почти не было утра, чтобы Буяновъ не разыгрывалъ концерта на своихъ инструментахъ!

Не знаю какъ теперь, а въ мое время, для сосланныхъ на поселеніе, около почтовой дороги, были выстроены длинныя линіи домиковъ со всѣми удобствами для крестьянскаго быта. Каждый домъ раздѣлялся сѣнями на двѣ половины; я заходилъ въ эти, по виду, щеголеватые дома: въ каждой половинѣ по двѣ комнаты, русская печь, лавки, два простыхъ стула, столъ въ передпемъ углу, палати, свѣтлыя окна—удобно, хорошо, а пожалуй, и роскошно для крестьянина. Дворъ обнесенъ заборомъ, на дворѣ всѣ необходимыя службы, и амбарчикъ, и конюшня съ коровникомъ. Поселенцу давалось продовольствіе и хлѣбныя сѣмена для посѣва. Давалась лошадь, корова, а земли — сколько угодно, душа мѣра! По теоріи, счастливая жизнь! да и требовалось только смирно жить! На практикѣ, поселенецъ, одинъ или съ женою, зиму живетъ смирно. Закуковала кукушка, поселенецъ изъ хлѣбныхъ сѣмянъ напекъ сухарей, корову съѣлъ, посадилъ жену на лошадь и отправляется въ вольную тайгу. Гнѣздо пусто, птица вылетѣла. Куда ушелъ поселенецъ, или, какъ тамъ зовутъ—посельщикъ? Едвали онъ и самъ знаетъ—такъ, гулять! Неу-

добство, нужда, голодъ, опасность отъ звѣрей—все человѣкъ переноситъ! онъ безсиленъ бороться съ страстнымъ влеченіемъ къ свободѣ! Болѣзнь, смерть, гибель отъ звѣря—и никто не вспомнитъ о ссыльномъ поселенцѣ. Являются новые отверженцы русскаго общества, ихъ поселяютъ въ опустѣлыхъ домахъ. Пришла весна, закуковала кукушка—опять пустѣютъ большею частію дома! Уцѣлѣетъ бѣглый—пришла зима, бѣглый является къ тому начальству, гдѣ онъ еще не былъ, и въ тотъ острогъ, въ которомъ еще не сидѣлъ, перемѣняетъ имя, ложно называетъ мѣста, откуда бѣжалъ—справки безплодны—накажутъ плетьми, поселяютъ вновь. Дряхлость, смерть прекращаютъ свободныя прогулки поселенца.

Въ 1833 году, выѣзжая изъ Иркутска въ Петербургъ по первому зимнему пути, на дорогѣ къ Нижнеудинску, днемъ, встрѣчаю партію людей, человѣкъ 30, идущихъ пѣшкомъ. Догадавшись, что это бѣглые и не желая быть остановленнымъ противъ воли, я приказалъ ямщику остановиться. Подошли и окружили повозку—безоружные.

— Здравствуйте, ребята.

— Здравствуй, батюшка, нѣтъ ли у тебя табачку? подѣлись съ нами.

У меня было два картуза Жукова, я отдалъ имъ и, по добротѣ (можетъ—невольной), высыпалъ и изъ кисета.

— Спасибо тебѣ! ребята, смотри: настоящій жуковскій! дай Богъ тебѣ здоровья, вотъ ужъ уважилъ!

Ближайшій, которому я высыпалъ изъ кисета, двѣ горсти возвратилъ въ кисетъ, говоря:

— Нельзя же и тебѣ безъ табаку, хотя до города.

— Куда путь держите, ребята?

— Поѣзжай съ Богомъ, мы тебя не спрашиваемъ, куда ты ѣдешь, и тебѣ нѣтъ дѣла до насъ. Прощай, батюшка, поѣзжай своею дорогою.

Разумѣется, я не медлилъ. Ямщикъ подтвердилъ, что это бѣглые посельщики. Не нужно было и спрашивать ихъ, они шли пріютиться на зиму по острогамъ. Встрѣча и бесѣда продолжались немного минутъ, но я замѣтилъ, что между ними были субъекты не изъ крестьянскаго быта, особенно двое ближайшихъ ко мнѣ. Старика не было ни одного.

Случилось мнѣ разговаривать съ бѣгавшими въ Россію и возвратившимися по суду. Бѣгалъ въ Полтавскую губернію.

— Что заставило тебя идти такую даль?

— Больно тоска взяла, хотѣлъ взглянуть на родную сторону и повидаться съ родными.

— Какъ же ты зналъ дорогу, куда тебѣ идти?

— Дорогу можно знать: лишь бы увидать церковь, то и знаешь.

— Какъ же это?

— Да вотъ какъ: когда идешь въ Сибирь—все входишь въ церковь, а когда идешь изъ Сибири—все выходишь изъ церкви [1].

Вотъ вамъ и компасъ для бѣглаго изъ Сибири.

— А что же ты ѣлъ дорогой?

— Для насъ, по деревнямъ, на ночь, у воротъ на полочку, кладутъ хлѣба, молока, иногда рыбки, шаньгу—сыту можно быть, да тутъ же у воротъ на лавочкѣ и соснешь.

Дѣствительно, это справедливо: я замѣтилъ въ Вятской губерніи, по деревнямъ, почти у каждаго дома, снаружи воротъ, на полочкахъ хлѣбъ и горшечекъ молока; на вопросъ мой:

— Для чего это?

— Это для несчастныхъ.

Въ Сибири и по дорогѣ, ссыльныхъ зовутъ несчастными, а варнакъ—это брань; говорятъ, происходитъ отъ воръ и нагъ.

— А въ избу не заходятъ?

— Для того и кладемъ, чтобы не заходили, а то отвѣтъ большой.

Сложится какъ-то въ особую форму жизнь человѣка и тянется жизнь до тайги или до острога и обратно.

Припомнился мнѣ случай въ кіевской тюрьмѣ. Въ одной изъ камеръ, у печки, старикъ, лѣтъ за 70, разсказывалъ товарищамъ, что онъ всю жизнь ходитъ изъ тюрьмы въ тюрьму, мало и осталось тюремъ, въ которыхъ бы онъ не былъ, и закончилъ разсказъ горькою жалобой на судьбу. «Ужъ не подъ силу, молю Бога, чтобы прибралъ», и очень тосковалъ, что не приходитъ смерть. На другой день старикъ оказался убитымъ, съ разбитой головой. На вопросъ: кто убилъ? вышелъ одинъ изъ товарищей и сказалъ, что убилъ старика—онъ.

— За что?

— Да вчера больно жалостливо старичокъ скучалъ и такъ жалостно говорилъ, зачѣмъ Богъ не посылаетъ смерти, что меня ажно слеза прошибла. Какъ уснули всѣ, я взялъ съ печки кир-

---

[1] Алтарь церкви—на востокъ.

пичъ, завернулъ его въ рукавъ рубахи, да и убилъ старика—изъ жалости: думаю—пусть успокоится!

Можно бы разсказать о жизни каторжныхъ въ рудникахъ; эти люди другой жизни и другаго характера, но—до другаго раза.

VIII.

При чтеніи въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, Записокъ Ивана Степановича Жиркевича, главы XXIV-й (стр. 33—54), съ каждой строчкой оживали мои воспоминанія почти за 45 лѣтъ назадъ. И. С. Жиркевичъ выводитъ меня на сцену и я, вмѣсто подписи буквъ Э . . . . въ, являюсь Эразмъ Ивановичъ Стоговъ. Написалъ и я свои воспоминанія о службѣ моей въ Симбирскѣ, писалъ только то, что рѣзко запечатлѣлось въ памяти. Читая нынѣ Записки И. С. Жиркевича, я вижу, что многое пропустилъ, что̀ казалось мнѣ неважнымъ, напримѣръ, ослушаніе одной татарской деревни сенатскому указу. Этотъ случай казался мнѣ столь неважнымъ, что я и не упомянулъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ. И. С. Жиркевичъ смотрѣлъ на это ослушаніе серьезно, но не разсказалъ причинъ этого ослушанія татаръ; можетъ быть, онъ и не зналъ подробностей. Я разскажу, что̀ знаю.

Татарская деревня была очень большая, а земли имѣла еще больше. Далеко отъ деревни, на краю дачи, между холмами протекаетъ ручеекъ. Помѣщикъ Коптевъ (кажется, не ошибаюсь), по знакомству съ старшинами татаръ, получилъ согласіе общества: дозволить на ручьѣ поставить мельницу; это было сдѣлано на бумагѣ, а словесно—Коптевъ обѣщалъ дешево молоть рожь татарамъ. При мельницѣ нуженъ домъ для мельника, понадобились домики для рабочихъ. Такъ мирно тянулось болѣе десяти лѣтъ. Говорили, при мельницѣ людей было немного, но, по свидѣтельству полиціи и сосѣднихъ крестьянъ, оказалось, что крестьянъ, живущихъ 10 лѣтъ въ урочищѣ, много. Безъ вѣдома татаръ, послѣдовалъ указъ правительствующаго сената: крестьяне Коптева, живущіе осѣдло болѣе десяти лѣтъ, надѣляются по десяти десятинъ на душу, и приложенъ планъ нарѣзки. Указъ былъ полученъ и объявленъ татарамъ осенью. Исправникъ выѣхалъ съ

землемѣромъ и повѣреннымъ Коптева. Татары, не понимая законнаго права, прогнали всѣхъ. Исправникъ явился съ понятыми и инвалидами — татары прогнали. Это было еще при губернаторѣ Z.........; наступила зима, дѣло было оставлено до лѣта. Назначенъ губернаторомъ И. С. Жиркевичъ; наступило лѣто, исправника съ указомъ къ татарамъ—прогнали. И. С. Жиркевича очень встревожило это обстоятельство. Войска нѣтъ—самый несчастный батальонъ изъ 300 калѣкъ; татаръ озлобленныхъ — до четырехъ тысячъ. Губернаторъ хотѣлъ подѣйствовать на татаръ коммисіею изъ важныхъ лицъ. Пригласилъ жандармскаго полковника Ф...., управляющаго удѣльной конторой статскаго совѣтника Бестужева, меня и совѣтника губернскаго правленія—сначала для совѣщанія, а потомъ внушить силу указа татарамъ на мѣстѣ. Ф.... и Бестужевъ съ вечера обѣщали быть, а ночью уѣхали. И. С. Жиркевичъ обратился ко мнѣ: какое мое мнѣніе? Я отвѣчалъ, что о дѣлѣ этомъ слышалъ, но подробностей не знаю, донесеніямъ полиціи не всегда довѣряю, а потому, полагаю, нужно прежде узнать подробно на мѣстѣ повѣрнѣе; для этого я съѣзжу одинъ, а узнавъ и сообразивъ—доложу о средствахъ, какія должно предпринять. И. С. Жиркевичъ благодарилъ меня и согласился.

Передъ вечеромъ, я пріѣхалъ съ своимъ жандармомъ-татариномъ. Тогда я еще не былъ такъ знакомъ съ татарами, какъ послѣ, но имѣлъ понятіе о нравственномъ строѣ татарскихъ обществъ. Ласково, какъ гость, обошедшись съ богатыми и выпивъ съ ними полдюжины стакановъ чаю, я постоянно направлялъ разговоръ на указъ Сената. Набралась полная изба татаръ и когда они попросили меня прочитать и растолковать имъ указъ, то я всталъ и приказалъ всѣмъ встать, потому что указъ—по волѣ Государя Императора! и прошу слушать молча, а толковать будемъ послѣ. Прочиталъ внятно, послѣ растолковалъ на какомъ законѣ указъ. Татары поняли, что вся бѣда отъ дозволенія Коптеву построить мельницу безъ всякаго условія и не означая срока. Изъ разговоровъ я подмѣтилъ, что они недовольны дѣйствіями исправника. Я объяснилъ, что когда я возьмусь за дѣло, то исправнику незачѣмъ тутъ быть. Разумѣется, я не поскупился на ужасныя бѣды отъ ихъ ослушанія. Главное—я беру ихъ подъ свое покровительство: хотя губернаторъ и очень гнѣвенъ, но если они послушаютъ меня, то я даю свое ручательство, что его превосходитель-

ство помилуетъ ихъ. Хотя я зналъ И. С. Жиркевича какъ неумолимаго служаку, человѣка сдержаннаго, сухаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка честнѣйшаго, преданнаго пользамъ службы, и, зная какъ тревожило его это дѣло, надѣялся убѣдить простить татаръ, виновныхъ по неразумію. Утромъ собрались всѣ татары, сътребовали, чтобы я прочиталъ всему народу указъ. Ставъ въ середину толпы и зная, какъ на простой народъ дѣйствуютъ наружные аксессуары,—вынувъ указъ, снялъ шляпу и приказалъ всѣмъ снять шапки, стоять смирно и слушать молча. Прочиталъ; знающіе по русски переводили толпѣ, разговоры татаръ длились полчаса. Толпа просила прочитать другой разъ. Прочиталъ. Заговорили, что надо согласиться (мой жандармъ сообщилъ мнѣ, условленною мимикою), но поставили условіе: исправника не надо. Пусть губернаторъ проститъ, потому что виноватъ исправникъ, а не татары: онъ не хотѣлъ растолковать. Чтобы землемѣръ мѣрялъ подъ моимъ надзоромъ. Если такъ, то они согласны. Я принялъ условія.

Исправникъ, землемѣръ, повѣренный Коптева и понятые были въ сосѣдней русской деревнѣ. Я потребовалъ всѣхъ, кромѣ исправника. Я самъ ходилъ за астролябіей и повѣрялъ углы, шелъ за цѣпью. Повѣренный вздумалъ заспорить, я такъ на него прикрикнулъ, что онъ немедля замолчалъ. Это понравилось татарамъ, только и слышу: «Такъ, бачка, такъ, это разбойники!» Я сознавалъ, что дѣло слишкомъ обидное для татаръ, но когда увидалъ, что цѣпь пошла подъ самые заборы огородовъ татаръ, и увидалъ слезы—признаюсь, надобно имѣть запасъ хладнокровія, чтобы не выйти изъ роли важнаго начальника. Въ одинъ день отмежевана дача по указу. Уговорилъ татаръ выбрать депутатовъ къ губернатору, которые, принеся покорность, привезутъ прощеніе для всѣхъ татаръ. Выбрали трехъ самыхъ богатыхъ. Предварительно объяснивъ кратко И. С. Жиркевичу, я просилъ о прощеніи. Кажется, въ этотъ только разъ и видѣлъ его смѣющимся. Татары прощены.

Послѣ, я познакомился съ Коптевымъ. Баринъ не молодой, со смысломъ . . . . Коптевъ, при первомъ свиданіи, показывалъ мнѣ законныя дарственныя предку его отъ которой-то государыни на весь правый берегъ Волги отъ Симбирска до Саратова, шириною, кажется, шесть верстъ. Коптевъ хотѣлъ начать дѣло!

Вотъ еще случай, о которомъ я вспомнилъ, читая «Русскую Старину» (томъ XXIII, стр. 48—50).

Проѣзжалъ черезъ Симбирскъ графъ Строгановъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Я явился къ нему. Графъ—огромнаго роста, длинное лицо съ сухимъ и строгимъ выраженіемъ, голосъ твердый. Встрѣтилъ меня сухо, не посадилъ. Помню нашъ разговоръ:

— «Вы давно здѣсь?»

— Другой годъ.

— «Такъ вы не знаете хорошо губерніи?»

— Знаю, что касается до моей службы.

— «Какъ понимаете вы свою обязанность?»

— Я блюститель нравственнаго порядка въ губерніи.

— «Какая ваша власть?»

— Губернаторъ, а не исполнитъ—шефъ жандармовъ.

— «Ссоритесь съ губернаторомъ?»

— Я никогда и ни съ кѣмъ не ссорюсь, в. с-во.

— «А съ бывшимъ губернаторомъ Z?»

— Я помогалъ ему сколько умѣлъ.

— «Пути сообщенія, торговлю въ губерніи знаете?»

— Пути сообщенія знаю, а о торговлѣ почти не имѣю понятія.

— «Мнѣ нужны подробныя, толковыя свѣдѣнія о торговлѣ; къ кому я могу обратиться?»

Я подумалъ: рекомендовать помѣщика, обидятся другіе—почему не ихъ.

— Лучшихъ свѣдѣній в. с-во получить не можете, какъ отъ откупщика NN.

— «А помѣщики?»

— Каждый знаетъ продажу своего хлѣба, а NN знаетъ общій ходъ торговли и въ сосѣднихъ губерніяхъ.

— «Вы хорошо знакомы съ откупщикомъ?»

— Довольно коротко знакомъ, бываю у него.

— «Что за человѣкъ этотъ откупщикъ?»

— Человѣкъ очень умный и всѣми любимъ.

— «Вы знаете, что онъ даетъ деньги чиновникамъ?»

— Знаю.

— «Знаете сколько и кому даетъ?»

— NN, прошлаго года, роздалъ въ губерніи двѣсти семьдесятъ тысячъ рублей.

— «Какъ вы это знаете?»

— Онъ показывалъ мнѣ списокъ—кому и сколько.

— «По какому случаю?»

— Онъ предлагалъ мнѣ десять тысячъ въ годъ.

— «За что?»

— Просто ни за что, тѣмъ болѣе, что еслибъ я и хотѣлъ вредить ему, то не могъ бы.

— «Отчего такъ?»

— Этого я не могу сказать в. с-ву.

— «За что же онъ предлагалъ?»

— NN говорилъ, что я скромно живу, бѣденъ, то эти деньги въ нѣсколько лѣтъ могутъ составить мнѣ капиталъ, и при этомъ показалъ списокъ раздаваемыхъ денегъ; сказалъ: «досадно, всѣ возвращаются чрезъ кабаки. Мнѣ назначена сумма, то кому хочу отдамъ».

— «Ну, чтожъ, вы взяли?»

— Нѣтъ, ваше с-во, не взялъ.

— «Отчего же?»

— Не пробовалъ еще брать чужихъ денегъ.

— «А Жиркевичъ сколько беретъ?»

— Жиркевичъ не возьметъ и отъ архіерея.

— «Такъ вы желаете доставить мнѣ честь познакомиться съ откупщикомъ?»

— Какъ угодно вашему с-ву.

— «Хорошо, я завтра увижусь съ вами и скажу вамъ».

Разговоръ продолжался о помѣщикахъ, о духѣ въ губерніи къ правительству. Спросилъ о Бестужевѣ и Флиге (они уѣхали въ ночь пріѣзда графа). Я распинался за преданность дворянъ къ государю и правительству, а о Бестужевѣ и Флиге отдѣлался общими мѣстами.

Черезъ день позвалъ меня графъ. «Я хочу исполнить ваше желаніе; предоставляю вамъ, передъ вечеромъ, познакомить меня съ откупщикомъ».

— Желаю, ваше с-во, чтобы вы остались довольны моею рекомендаціею.

Нынѣ изъ Записокъ И. С. Жиркевича узналъ, что графъ говорилъ съ нимъ о NN и что Иванъ Степановичъ поддержалъ мою рекомендацію.

Передъ вечеромъ, я привелъ NN къ графу и представилъ его. Меня удивилъ пріемъ графа: онъ всталъ и вѣжливо поклонился, посадилъ NN. Я откланялся. Послѣ NN говорилъ мнѣ:

— «Сначала мнѣ было неловко, но какъ попалъ на торную дорогу, то и сонъ пропалъ, проговорили всю ночь».

Когда я провожалъ графа, онъ сказалъ мнѣ: «вашъ протеже оправдалъ себя».

Я разскажу, что знаю о NN отъ него самого. Это сухой грекъ, копченый, какъ всѣ греки. Средняго роста, большой ротъ, вѣчная улыбка, и въ поясницѣ шалнеръ: такъ кланяться очень трудно. Грекъ предобрый, но обидчивый и не проститъ. Умный, дальновидный и хитрый. Его звали NN, а жену NN — красавица. Вотъ что разсказывалъ NN: «сынъ бѣдныхъ родителей, я былъ записанъ въ кавалерійскій полкъ, въ полку ни разу не былъ, вышелъ въ отставку поручикомъ. Въ Таганрогѣ имѣлъ кусокъ земли, табачную лавочку, и перебивался. Въ Таганрогъ пріѣхалъ государь Александръ I-й. Вызываютъ на поставку ко двору разныхъ продовольственныхъ припасовъ. Таганрогскіе греки-богачи струсили незнакомаго дѣла. Я рѣшился и взялъ подрядъ; родные богачи, видя, что я потерять не могу, сдѣлали мнѣ кредитъ. Прошелъ мѣсяцъ, со страхомъ являюсь къ метръ-дотелю (кажется—Бенуа). Сидитъ въ большомъ креслѣ, богатый халатъ, читаетъ книжку. Я стою смирно у дверей. Взглянулъ строго: «что?» Я—глубокій поклонъ . . . . и подаю ему счетъ мѣсячнаго расхода. По правдѣ, я составилъ счетъ такой, что если и убавитъ, то будетъ не обидно; въ итогѣ стояло 18 тысячъ рублей. Метръ-дотель посмотрѣлъ на итогъ и сердито бросилъ на полъ: «Какъ смѣть подавать такіе счеты? Что скажутъ обо мнѣ? Какъ могъ я продовольствовать русскаго императора цѣлый мѣсяцъ за 18 тысячъ! возьми и исправь». Нечего дѣлать, взялъ счетъ, а на другой день подалъ итогъ 84 тысячи ассигн. съ копѣйками. Метръ-дотель посмотрѣлъ и сказалъ: «Ну, это на что нибудь похоже», подписалъ. Я держалъ пачку въ 10 тысячъ, онъ взглянулъ и сказалъ: «положи!» У меня собрался такой капиталъ, что въ Таганрогѣ мнѣ было тѣсно. Тогда гремѣли откупа, я этого дѣла совсѣмъ не понималъ. Тогда въ откупахъ былъ главный воротило Кузинъ. Я къ нему въ Харьковъ, прикинулся бѣднякомъ. Меня приняли въ контору писцомъ. Угождалъ управляющему, онъ замѣтилъ мое прилежаніе

и сметку. Въ двухъ уѣздахъ, повѣренный запуталъ счеты и кутилъ. Кузинъ велѣлъ командировать надежнаго; управляющій выбралъ меня и ручался. Я привелъ въ порядокъ счеты, и утвержденъ. Такъ я изучилъ механизмъ и администрацію откупа. Наступили новые откупа, я къ Кузину—прошу принять меня въ долю. «Да что-же у тебя есть?» Я объявляю капиталъ. «Да ты поступилъ въ канцелярію?»—Я пріѣхалъ къ вамъ учиться и теперь выучился. «Ну, братъ, изъ тебя будетъ толкъ!» Вотъ я и управляю почти безъ отчета.

Приходитъ ко мнѣ NN вечеромъ: «Не нужно ли вамъ что нибудь къ Л. В. Дубельту? я завтра рано ѣду въ Питеръ».

— Что такъ вдругъ? вы на-дняхъ ничего не говорили.

— «Откупъ плохо идетъ».

— Что-жъ вамъ поможетъ Питеръ?

— «Вотъ видите ли, если мало пьютъ, то нѣтъ средства поправить дѣло: откупъ—банкротъ! а если отлички по кабакамъ хорошія, т. е. хорошо пьютъ, то откупщикъ не успѣетъ выбрасывать денегъ за окно. Пьютъ мало—денегъ нѣтъ въ народѣ; дать народу денегъ и откупъ богатъ!»

— Что же, вы привезете денегъ изъ Питера и раздадите народу, что ли?

— «Нѣтъ, теперь торги въ военномъ вѣдомствѣ на провіантъ; возьму подрядъ, пущу деньги по базарамъ, закупая хлѣбъ, и откупъ поправится».

Вотъ механика откупная!

Еще о NN. Помѣщикъ NN (кажется, Петръ Ивановичъ), человѣкъ учень умный, изъ зависти къ удачнымъ спекуляціямъ NN, чернилъ его. NN затаилъ злобу. NN любилъ спекуляцію. NN сблизился съ нимъ и предложилъ выгодный оборотъ хлѣбомъ. NN вошелъ въ дѣло пополамъ. Спекуляція лопнула, убытка (говорили) до 60-ти тысячъ. NN смѣялся, а NN — въ нервную горячку. Выздоровѣлъ, пересталъ завидовать и бранить NN, который послѣ доставилъ случай поправить убытки NN.

Читая Записки И. С. Жиркевича, зная хорошо его, удивляюсь его сдержанности—какъ онъ умѣренно относится о характерѣ Андрея Васильевича Бестужева [1]). Можетъ быть, потому мнѣ

---

[1]) Большая часть отзывовъ И. С. Жиркевича объ А. В. Бестужевѣ нами опущена въ печати, точно такъ же какъ мы опускаемъ и теперь нѣкоторыя

такъ кажется, что я лучше зналъ Бестужева, чѣмъ И. С. Жиркевичъ.

. . . .

. . . .

Припомнился мнѣ одинъ случай, имѣющій нѣкоторый интересъ мѣстныхъ нравовъ, о которыхъ мнѣ не случалось читать. Скоро послѣ перевода казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, Андрей Бестужевъ, лѣтомъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ и разсказываетъ, что «получилъ строгое предписаніе отъ Перовскаго: во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ учредить картофельныя плантаціи. Вы знаете, что здѣсь мужикъ имѣетъ трехъ-годовалыя кладушки немолоченнаго хлѣба, а картофель не очень любятъ. Приказано—завелъ. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ встрѣтилъ затрудненіе».—Какое?—«Крестьяне не хотѣли взять въ руки картофель».—Отчего?—«Они увѣрены, что картофель родился отъ кастраціи собаки, и такое чувствуютъ омерзеніе, что нельзя было заставить дотронуться до картофеля; вынужденъ былъ нарядить здѣшнихъ людей и послать за Волгу. Посадить—посадили, а какъ собрать? не знаю! Вотъ такъ распоряжаются кабинетные хозяева!» — Я посовѣтовалъ у плантацій поставить караулъ. Бестужевъ смѣялся: «какой тамъ караулъ, когда никто и не подойдетъ къ плантаціи».—Поставьте стариковъ полуглухихъ, полуслѣпыхъ; мальчишки изъ шалости, дразня старика, будутъ воровать, вы знаете: что запрещено, то подслащено.

Послѣ я отъ Бестужева же слышалъ, что мальчишки, тихонько отъ родителей, изъ шалости, въ самодѣльныхъ печкахъ пекли картофель. При случаѣ, я повѣрилъ и нашелъ въ нѣсколькихъ деревняхъ за Волгой сильное предубѣжденіе противъ картофеля. Разубѣдились ли послѣ—не знаю.

. . . .

Эразмъ Стоговъ.

строки въ очеркахъ Э. И. Стогова: для насъ лица, такія какъ Андрей Васильевичъ Бестужевъ, имѣютъ лишь значеніе по отношенію къ ихъ общественной дѣятельности; А. В. Бестужевъ вѣдалъ и управлялъ многими тысячами удѣльныхъ крестьянъ и дѣятельность его въ этой области всецѣло принадлежитъ суду его современниковъ и потомства. Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАСЕЛЕНІИ АМУРА

въ 1857—1858 гг.

I.

23-го апрѣля 1857 года, послѣ тягостной дороги въ 5,100 верстъ, то въ саняхъ, то въ перекладной телѣгѣ, то даже пѣшкомъ, во избѣжаніе разрушительныхъ толчковъ отъ удара колесъ по мерзлому, ледяному черепу, я наконецъ добрался до Иркутска. День былъ табельный—имянины покойной императрицы Александры Өедоровны, и потому я думалъ-было сначала не являться властямъ; но, чтобы не скучать, надѣлъ мундиръ и въ то же утро представился ближайшимъ своимъ начальникамъ по штабу. Нимало не откладывая, т. е. въ тотъ же табельный день, мнѣ поручили поспѣшить составленіемъ карты Маньчжуріи и восточной Монголіи, въ масштабѣ 50-ти верстъ въ дюймѣ, и при этомъ потребовали, что бы карта была готова въ двухъ экземплярахъ не далѣе, какъ черезъ три недѣли, къ предполагавшемуся отъѣзду генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева на Амуръ и посланника гр. Е. В. Путятина въ Китай. Работа была не легкая, требовавшая занятій отъ 12-ти до 14-ти часовъ въ сутки и совершенно неисполнимая, если бы въ Иркутскѣ не было партіи отличныхъ топографовъ, обязанныхъ своимъ техническимъ образованіемъ А. И. Заборинскому и Г. И. Щечилину. Мы, въ числѣ девяти человѣкъ, присѣли и дѣло сдѣлали. Я составилъ сѣть, разставилъ астрономическіе пункты, начертилъ главные контуры; топографы перечерчивали ихъ на-бѣло, вносили мелочи, отмывали кисточкой горы съ данныхъ оригиналовъ и дѣлали подписи, придерживаясь сдѣланной мной транскрипціи французскихъ подписей Дюгальда. Любопытно, что въ Иркутскѣ въ это время не было ни одного синолога, которому бы можно было поручить испра-

вленіе орѳографіи этихъ подписей, нѣсколько испорченныхъ на французскомъ языкѣ. Что было можно, мы поправили сами, на основаніи сочиненій Іакинфа, хотя знали, что и его транскрипція оспаривалась нѣкоторыми европейскими оріенталистами.

Въ началѣ мая вернулся въ Иркутскъ Н. Н. Муравьевъ, бывшій до того времени въ Кяхтѣ для устройства отъѣзда графа Путятина въ Китай. Предполагалось, что посолъ поѣдетъ въ Пекинъ черезъ Монголію и, въ то время какъ генералъ-губернаторъ лично займется фактическимъ занятіемъ Амура, устроитъ дипломатическое его присоединеніе. Но въ Иркутскѣ успѣху послѣдней миссіи не вѣрили. Китайцы, еще не проученные тогда англичанами и французами, относились къ европейскимъ посольствамъ недовѣрчиво и съ надменностью. Графу Путятину было трудно добиться переѣзда черезъ Монголію на такихъ условіяхъ, которыя бы соотвѣтствовали его сану и обезпечивали ему блестящій пріемъ и успѣхъ самаго дѣла въ Пекинѣ. При возвращеніи Н. Н. Муравьева въ Иркутскъ, мы узнали, что посолъ вовсе долженъ былъ отказаться отъ сухопутной поѣздки въ столицу Срединнаго царства, потому что китайское правительство хотѣло относиться къ нему почти такъ же, какъ, въ 1805 году, къ графу Головкину. Послѣдній же, едва доѣхавъ до Урги, былъ такъ утомленъ назойливою подозрительностью и надменностью китайцевъ, что счелъ необходимымъ вернуться въ Россію.

Въ Иркутскѣ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, неуспѣхомъ путятинскаго посольства были довольны. Тамошнее общество, все почти составленное изъ лицъ такъ или иначе принимавшихъ участіе въ дѣлѣ фактическаго присоединенія Амура, не скрывало, что порученіе, полученное гр. Путятинымъ, заключить съ Китаемъ формальный договоръ, который бы увѣнчивалъ великое предпріятіе, отчасти имъ же дискредитируемое, было какъ бы обидно для мѣстныхъ дѣятелей, вложившихъ въ него всю свою душу, понесшихъ множество трудовъ и лишеній и выдержавшихъ за Амуръ борьбу въ Петербургѣ, едва ли не болѣе тяжелую, чѣмъ самая борьба съ дикою природой амурской страны. Извѣстіе о разстройствѣ путешествія посла черезъ Монголію вернуло всѣмъ хорошее расположеніе духа; каждый думалъ: ну, теперь мы сами славно окончимъ то, что такъ славно нами же начато, вопреки дипломатамъ въ родѣ графа Нессельроде, бывшаго,

въ 1854 г., при рѣшеніи амурскаго вопроса въ принципѣ,—министромъ иностранныхъ дѣлъ и, во главѣ значительной партіи сановниковъ, противившагося возсоединенію Амура.

Когда 5-го мая, вмѣстѣ съ многими другими лицами, я представлялся вернувшемуся въ Иркутскъ Н. Н. Муравьеву, онъ спросилъ меня: чѣмъ вы занимаетесь теперь?—Я отвѣчалъ, что «составленіемъ карты Маньчжуріи для васъ и для графа Путятина».

— Карты Маньчжуріи! Ну, такъ вотъ вы со мною и поѣдете въ Маньчжурію черезъ десять дней. Надѣюсь, что къ тому времени вы успѣете кончить эту работу.

— Буду стараться; только, можетъ быть, она не будетъ довольно подробна, потому что нанесеніе подробностей требуетъ много времени.

— Ну, это ничего. Такъ вы готовьтесь къ отъѣзду.

Лучшаго поощренія къ работѣ нельзя было бы сдѣлать. Мечта моя быть на Амурѣ, составлявшемъ въ то время великій вопросъ дня, сбывалась. Я не выходилъ почти изъ чертежной во все остальное время до отъѣзда. Карта была готова, и первый экземпляръ ея генералъ-губернаторъ приказалъ отправить къ послу. Моя «исполнительность» понравилась.... однако, не всѣмъ. Ближайшій мой начальникъ, г. Б., которому самому хотѣлось быть въ свитѣ генерала, и даже за старшаго, выказывая мнѣ любезность, какъ будущему правителю генералъ-губернаторской канцеляріи на цѣлые 3—4 мѣсяца, не упускалъ уже и тогда вставлять мнѣ по временамъ шпильки, позволяя себѣ, напримѣръ, съ фамильярностью, вовсе не оправдываемою нашимъ недавнимъ знакомствомъ, называть меня иронически «начальникомъ штаба, статсъ-секретаремъ» и т. п., и тутъ же добавляя, что оставившій не задолго предъ тѣмъ Иркутскъ генеральнаго штаба полковникъ Заборинскій былъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, т. е. «сначала полѣзъ въ гору, обходя старшихъ, но, наконецъ, свихнулъ себѣ шею»... Этого рода интриги, къ сожалѣнію, были въ большомъ ходу, и я не сталъ бы здѣсь упоминать о данномъ личномъ случаѣ, если бы онъ не былъ однимъ изъ множества, часто въ корнѣ подрывавшихъ энергію людей молодыхъ, желавшихъ служить не лицамъ, а дѣлу, и не имѣвшихъ притомъ большихъ протекцій... Разумѣется, никто, не только въ штабѣ, но и въ главномъ гражданскомъ управленіи Восточной Сибири, не смѣлъ

пикнуть противу моего назначенія, потому что гласно сказанное слово Н. Н. Муравьева было закономъ; но многимъ мнѣ пришлось потомъ за сдѣланное мнѣ отличие поплатиться.

18-го мая мы переѣхали Байкалъ. Погода была великолѣпная, и содержатель парохода, Безносиковъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы путешествіе наше по озеру обратить въ самую пріятную прогулку. Здѣсь впервые я увидѣлъ, какъ генералъ-губернаторъ популяренъ въ странѣ. Пассажиры на пароходѣ нисколько не стѣснялись его присутствіемъ: со многими онъ любезно разговаривалъ, и ни одинъ при этомъ не держался на вытяжкѣ, не унижался до лести или до какихъ либо изысканныхъ и двусмысленныхъ оборотовъ рѣчи, на которыя у насъ столько мастеровъ, особенно когда можно, подъ прикрытіемъ двусмысленной рѣчи, сдѣлать доносъ, пустить кляузу и т. п. Впрочемъ, такіе подходы были и неудобны съ Николаемъ Николаевичемъ. Онъ немедленно потребовалъ бы перевести ихъ на обыкновенный языкъ. За то его честные собесѣдники были всегда имъ очарованы. На пароходѣ между другими находился старичокъ, одѣтый въ ваточный, суконный сюртукъ съ поношенною мѣховою оторочкою, въ высокіе сапоги, въ которые были опущены панталоны, и въ теплый плюшевой картузъ съ ушами. Я принялъ его сначала за какого нибудь купеческаго прикащика низшаго разряда. Но вотъ, генералъ-губернаторъ, увидѣвъ его, громко сказалъ: «здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!» и дружески пожалъ ему руку, а потомъ вступилъ въ разговоръ, при которомъ кроткая физіономія старичка постоянно слегка улыбалась, а прекрасные глаза его сверкали. «Кто это такой?» спросилъ я одного изъ спутниковъ.—«А Горбачевскій, одинъ изъ «перворазрядныхъ» декабристовъ. Онъ былъ въ Иркутскѣ, а теперь ѣдетъ къ себѣ въ Петровскій заводъ, откуда не пожелалъ возвращаться въ Россію по силѣ амнистіи». Въ послѣдствіи я имѣлъ случай нѣсколько ближе узнать И. И. Горбачевскаго, встрѣтясь съ нимъ у начальника Петровскаго завода, капитана Дубровина. Это была чудная, свѣтлая личность, высокой нравственной мощи, не смотря на тихій характеръ. Въ его присутствіи люди не смѣли лгать, хотя онъ даже не выражалъ словами неодобреніе лжецу. И мнѣ говорили, что то же чародѣйное вліяніе производили нѣкоторые другіе изъ декабристовъ, даже не въ Сибири, гдѣ ихъ долго

знали и имъ поклонялись, а въ Москвѣ, въ Черниговѣ, кажется, даже въ самомъ Петербургѣ.

Здѣсь кстати вспомнить слѣдующій разсказъ о декабристахъ, слышанный мною потомъ отъ самого Николая Николаевича и имѣющій право на мѣсто въ исторіи. Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь въ 1848 году, стало быть, въ самый разгаръ реакціи противу всего либеральнаго. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ обратилъ вниманіе на судьбу политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ многіе отбыли уже сроки наказанія и проживали по городамъ и селамъ Иркутской и Енисейской губерній и Забайкалья—въ званіи посельщиковъ. Возстановленіе ихъ гражданскихъ правъ было подвинуто; но они всетаки не могли оставлять мѣстъ жительства. Это тяжелое лишеніе новый генералъ-губернаторъ захотѣлъ вознаградить возвышеніемъ общественнаго положенія ссыльныхъ; онъ открылъ имъ двери своего дома и посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ лично. Это до такой степени скандализировало подъяческую среду въ Иркутскѣ, что мѣстный губернаторъ, Пятницкій, послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ доносъ, при чемъ, конечно, думалъ, что «вотъ, молъ, новый генералъ-губернаторъ,—который тѣмъ временемъ успѣлъ уже очень не по-шерсти погладить иркутскихъ взяточниковъ-чиновниковъ [1]),—сломитъ себѣ рога».—Но что-же случилось? Мѣсяца черезъ два послѣ доноса получена Пятницкимъ бумага, адресованная къ нему уже не какъ къ губернатору, а какъ къ частному лицу. «Государь Императоръ,—писалъ министръ вн. дѣлъ Л. А. Перовскій,—по докладѣ его величеству содержанія рапорта вашего о дѣйствіяхъ, по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ, непосредственнаго начальника вашего, генералъ-губернатора Восточной Сибири, высочайше повелѣть соизволилъ: уволить васъ вовсе отъ службы». А про дѣйствія Н. Н. Муравьева покойный императоръ отозвался одному изъ своихъ приближенныхъ: «Вотъ, наконецъ, нашелся человѣкъ, который понялъ меня, понялъ, что я не ищу личной мести этимъ людямъ, а исполняю только государственную необходимость и, удаливъ преступниковъ отсюда, вовсе не хочу отравлять ихъ участь тамъ».

---

[1]) Одному изъ совѣтниковъ главнаго управленія Н. Н—чъ, на первыхъ же порахъ, бросилъ въ лицо его докладъ, направленный, по корыстнымъ расчетамъ, въ неправую сторону, и приказалъ „убираться вонъ". М. В.

Поздно вечеромъ мы переѣхали, по разливу Селенги, въ деревню Степную и оттуда понеслись на почтовыхъ въ Верхнеудинскъ, гдѣ пробыли часа четыре въ домѣ любимца генералъ-губернатора, купца Курбатова, владѣльца чуть ли не единственныхъ въ то время въ Забайкальѣ стекляннаго завода и мельницы-крупчатки. Число насъ было невелико: Н. Н-чъ, я и переводчикъ маньчжурскаго языка, тогда еще очень молодой человѣкъ, Я. П. Шишмаревъ, въ послѣдствіи нашъ консулъ въ Ургѣ. Это было и все «путевое управленіе» Восточной Сибири и будущаго Амурскаго края, т. е. странъ, въ совокупности превосходящихъ по величинѣ всю Европу. Н. Н. Муравьевъ былъ врагъ канцелярскаго многописанія, за которымъ, какъ онъ хорошо зналъ, обыкновенно скрывается или недобросовѣстность или бездѣятельность. За все время моего состоянія при немъ въ должности какъ-бы управляющаго канцеляріею, мною было написано всего 102 бумаги, считая даже тутъ приказы по войскамъ и неномерованную переписку съ нѣкоторыми лицами въ Иркутскѣ и Петербургѣ. Когда я потомъ былъ въ Ставрополѣ и увидѣлъ, что тамошній штабъ, руководившій ходомъ завоеванія Закубанья, выпускаетъ въ годъ болѣе двадцати тысячъ бумагъ, тогда не осталось во мнѣ сомнѣнія, что, дѣйствительно, чѣмъ болѣе чиновники пишутъ, тѣмъ болѣе зла для государства и для самаго дѣла, къ которому бумаги относятся.

Послѣ недолгой остановки у Курбатова, во время которой генералъ-губернатора посѣтилъ архимандритъ Петръ, знавшій китайскій языкъ и одно время предполагавшійся въ переводчики, кажется, для посла, мы отправились далѣе. По прежнему, въ одномъ тарантасѣ ѣхалъ Н. Н-чъ со мною, а въ другомъ, нагруженномъ провизіей на все время нашего пребыванія на Амурѣ, Шимшаревъ. Мы скакали день и ночь и дѣлали около 300 верстъ въ сутки, благодаря состоянію дорогъ въ Забайкальѣ, тогда гораздо болѣе удовлетворительному, чѣмъ, напр., въ 1868 году, когда я видѣлъ ихъ снова. Для ускоренія переѣзда мы даже не обѣдали между Верхнеудинскомъ и Читою (428 вер.), а только пили чай и закусывали, по сибирски, жареными рябчиками. Когда подавался самоваръ, то камердинеръ генералъ-губернатора, приготовлявшій чай, долженъ былъ одновременно со стаканами для насъ троихъ наливать и для себя съ поваромъ, чтобы церемонія чаепитія

этихъ двухъ почтенныхъ особъ «послѣ господъ» не отнимала времени. И замѣчу, что то же правило соблюдалось Н. Н. Муравьевымъ постоянно въ его путешествіяхъ, а ихъ было не мало. По приблизительному соображенію, за время своего генералъ-губернаторства въ Сибири, онъ изъѣздилъ, по дѣламъ службы, 120,000 верстъ, т. е. какъ бы сдѣлалъ $3^1/_3$ путешествія вокругъ свѣта, въ томъ числѣ многія сотни верстъ верхомъ на трактѣ между Якутскомъ и Аяномъ и многія тысячи на лодкахъ по Амуру. Нѣкоторые изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, особенно адъютантовъ, дѣлали разъѣзды въ суммѣ еще болѣе длинные; какъ, напримѣръ, М. С. Корсаковъ, надъ которымъ смѣялись, что онъ свое атаманство въ Забайкальѣ не выслужилъ, а выѣздилъ. Въ Петербургѣ критиковали эту курьероманію; но, по всей справедливости, она была необходима, даже неизбѣжна. Разстоянія въ Сибири огромны, передача распоряженій по почтѣ медленна, потому что почта во многія мѣста ходила разъ въ недѣлю или въ мѣсяцъ, или даже въ полгода, телеграфовъ же, которые въ это время плотною сѣтью растягивались уже по всей Европѣ, не было на востокѣ не только отъ Урала, но и отъ самой Москвы.

Мы пріѣхали въ Читу около полудня и остановились въ домѣ губернатора, котораго, впрочемъ, не было на-лицо. Узнавъ, что посланникъ со всею свитою тоже въ Читѣ, Н. Н-чъ попросилъ меня сходить къ нему и пригласить на обѣдъ. Я исполнилъ эту миссію и получилъ согласіе графа, хотя у него у самого столъ былъ накрытъ и онъ сначала отвѣчалъ мнѣ убѣдительнымъ контръ-приглашеніемъ. Вѣроятно, отправляя меня къ графу Путятину, Н. Н. Муравьевъ не зналъ, что въ домѣ М. С. Корсакова обѣда для насъ не готовили, и потому вышла презабавная исторія. Нашему походному повару пришлось въ попыхахъ готовить походный обѣдъ изъ консервовъ и подавать его чуть ли не на походномъ жестяномъ сервизѣ. Посолъ съ аккуратностью дипломата пришелъ въ назначенный часъ, мы сѣли за столъ, и—о ужасъ! съ перваго же раза увидѣли, что походныя блюда далеки отъ идеала кулинарнаго искусства. Супъ съ перцемъ, не довольно разведенный водою, до такой степени жегъ внутренность рта, что я лишь изъ приличія съѣлъ его три ложки, причемъ потерялъ чувство вкуса слишкомъ на сутки. Адмиралъ-посланникъ оказался выносливѣе, быть можетъ, потому, что моряки привы-

каютъ къ разнымъ крѣпкимъ приправамъ, необходимымъ имъ отъ цынги, но я думаю, что и онъ нашелъ нашъ обѣдъ нѣсколько спартанскимъ... По счастію, онъ на третьемъ блюдѣ окончился...

Я нарочно разсказалъ этотъ пустой случай, потому что были люди, которые имъ воспользовались для цѣлей... вѣроятно—высшей политики. Перечный обѣдъ сталъ легендою и комментаріемъ отношеній между двумя «дворами»—генералъ-губернаторскимъ и посланническимъ. Я зналъ потомъ лично бо̀льшую часть посланнической свиты; это все были прекрасные люди: архимандритъ Аввакумъ, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, А. М. Пещуровъ, и пр.; но въ то время мы были въ дипломатической войнѣ, при которой молчаливо подразумѣвалось, что компромиссъ невозможенъ. На мою долю иногда выпадала пренеблагодарная роль исполнять роль жира, которымъ смазываютъ зубчатыя колеса, чтобы машина шла успѣшнѣе, не скрипѣла, и я откровенно сознаюсь, что не умѣлъ ея выполнить. Самыя, по видимому, невинныя обстоятельства, напримѣръ, посылка, въ Горбицѣ, на посланническіе катера большой рыбы, только что пойманной въ Шилкѣ, перетолковывались вкривь и вкось... Я начиналъ понимать тогда, что̀ значитъ воевать за присоединеніе Амура не противу китайцевъ, а противъ своихъ.

Но оставимъ эту печальную сторону великаго дѣла. Errare humanum est, и притомъ перечныя отношенія между отдѣльными лицами не помѣшали успѣху общаго имъ патріотическаго дѣла... На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Читу, графъ Е. В. Путятинъ отправился съ утра внизъ по Ингодѣ на лодкахъ, а мы, послѣ обѣда, на этотъ разъ изъ свѣжихъ запасовъ, выѣхали по прежнему на почтовыхъ. За Читою уже становились замѣтны приготовленія къ экспедиціи на Амуръ. По Ингодѣ сплавлялись плоты, мелкія лодки и барки; иногда приходилось слышать, что изъ такой-то деревни идетъ на переселеніе столько-то дворовъ; въ другомъ мѣстѣ толковали о сплавѣ внизъ по Шилкѣ и Амуру цѣлыхъ домовъ, чтобы имѣть возможно скорѣе въ новомъ краю готовыя помѣщенія; по дорогѣ тянулись небольшіе обозы съ товарами и кладью, то же назначенными на Амуръ. Въ одномъ мѣстѣ генералъ-губернаторъ пожелалъ заѣхать къ знакомому казаку, уже бывшему на Амурѣ; вся семья встрѣтила насъ у входа

въ домъ, почтительно, но безъ униженія, кланяясь [1]). Былъ приготовленъ самими хозяевами (простыми казаками, а не офицерами) чай съ разными сибирскими снадобьями, не казистыми, но очень вкусными. Н. Н. Муравьевъ разспрашивалъ о толкахъ, которые шли въ народѣ относительно переселенія на Амуръ, и не трудно было замѣтить, что, не смотря на тягость этого переселенія, оно популярно между казаками, особенно хвалившими равнины близь Буреи, которыя казались имъ раемъ въ сравненіи съ Даурскимъ нагорьемъ. Когда маленькая хозяйская дочь, ребенокъ лѣтъ трехъ, получила отъ генералъ-губернатора «за угощеніе» цѣлую пригоршню гривенниковъ и пятиалтынныхъ, совершенно новенькихъ, то счастію семьи, по видимому, не было конца. Въ краѣ, управляемомъ единоличною сильною властью, подобныя посѣщенія простолюдиновъ носителемъ этой власти, мнѣ кажется, имѣютъ большой raison d'être и приносятъ существенную пользу.

Въ тотъ же день и даже вскорѣ послѣ этого, нѣсколько идиллическаго, эпизода, мнѣ пришлось быть впервые свидѣтелемъ и небольшой административной грозы. При перемѣнѣ лошадей въ Нерчинскѣ, генералъ-губернаторъ замѣтилъ, что какъ онѣ, такъ и сбруя очень плохи. Онъ приказалъ поэтому посадить почтосодержателя на гауптвахту... Конечно, послѣдній по наружности былъ неправъ; отъ него, по контракту съ почтовымъ начальствомъ, требовались лошади, хомуты, шлеи, возжи и пр. исправные; но какъ-то самъ собою представлялся вопросъ: отчего же именно въ городѣ, т. е. въ мѣстѣ, гдѣ живутъ почтовыя власти, станція хуже, чѣмъ по сосѣднимъ селеніямъ? Не была ли причиною исхуданія лошадей и сбруи именно эта близость начальствъ, слишкомъ внимательныхъ къ доходамъ мѣстнаго кліента? Вся Восточная Сибирь знала, что именно по этой причинѣ существовали постоянные безпорядки на почтовой станціи въ другомъ уѣздномъ городѣ, Ачинскѣ, гдѣ станціонная жалобная книга была исписана отъ начала до конца жалобами, остававшимися обыкновенно, по приговору почтмейстера, безъ всякихъ послѣдствій. Относительно Нерчинска я въ послѣдствіи узналъ то

[1]) Сколько помнится, служащій членъ этой семьи вышелъ въ мундирѣ; но что касается до стариковъ, то они были по-просту въ халатахъ, столь любезныхъ сердцу забайкальца и вообще сибиряка. М. В.

же самое, и потому арестованіе какого-то безотвѣтнаго мѣщанина мнѣ показалось совершенно административнымъ, т. е. вовсе не юридическимъ... Впрочемъ, и корыстолюбіе почтмейстера не замедлило сдѣлаться извѣстнымъ генералъ-губернатору, притомъ по очень оригинальному поводу. Нерчинская контора была въ это время крайнею къ сторонѣ Амура, гдѣ принимались посылки, привозимыя, напримѣръ, изъ Николаевска, который въ то время считался за porto-franco. Пользуясь этимъ, догадливый чиновникъ сталъ требовать, напримѣръ, отъ отправителей манильскихъ сигаръ, чтобы они въ Нерчинскѣ на почтѣ уплачивали ввозныя пошлины, по какому-то имъ самимъ установленному тарифу. Одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ узналъ объ этомъ отъ самого отправителя сигаръ и доложилъ. «Что же мнѣ дѣлать съ нимъ?»—отвѣчалъ Н. Н-чъ. Вы знаете, что почтовое вѣдомство у насъ status in statu. Я не имѣю никакой власти остановить какое либо зло, дѣлаемое почтовымъ чиновникомъ въ его конторѣ. Мало того: я самъ дѣлаю въ Иркутскѣ визиты губернскому почтмейстеру собственно для того, чтобы онъ моихъ писемъ не перечитывалъ и не задерживалъ». Признаніе знаменательное и которое хотя отчасти объяснило мнѣ, почему за безпорядки на нерчинской станціи былъ арестованъ не почтмейстеръ, а почтосодержатель!

Въ Бянкинѣ, слѣдующей станціи за Нерчинскомъ, мы сѣли на катера и лодки, нарочно для насъ приготовленные, и начали такимъ образомъ наше путешествіе водою, которое должно было длиться нѣсколько дней. Но, впрочемъ, не Бянкино и не слѣдующій за нимъ Срѣтенскъ, на Шилкѣ же, служили мѣстомъ отправленія экспедиціи. Шилка тутъ хотя и имѣетъ уже много воды, но не довольно удобна для судоходства по причинѣ быстринъ и перекатовъ. Только очень небольшія, плоскодонныя суда могутъ плавать по ней, особенно въ малую воду. Вотъ почему уже съ 1854 года точкою отправленія амурскихъ сплавовъ служилъ Шилкинскій заводъ, верстахъ въ 80-ти ниже Срѣтенска. Туда, наконецъ, мы и прибыли, чтобы дать послѣдній толчокъ предположенному на этотъ годъ дѣлу. Въ заводѣ—длинномъ селеніи, въ которомъ собственно горнозаводская дѣятельность уже не существовала,—устроена была верфь для судовъ, составлялись и нагружались плоты, строились баржи и даже, въ 1854 г., были

выстроены два парохода, Аргунь и Шилка. Подготовленіемъ всей экспедиціи 1857 года занимался лично военный губернаторъ Забайкалья, М. С. Корсаковъ, а начальникомъ сплавовъ или эшелоновъ были назначены: военнаго, слѣдовавшаго впереди, командиръ одного изъ двухъ баталіоновъ, составлявшихъ весь экспедиціонный отрядъ, а гражданскаго, слѣдовавшаго сзади и составленнаго изъ разнаго рода казенныхъ грузовъ—полковникъ Ушаковъ, почтенная личность, честная, но нѣсколько слабая, такъ что, благодаря ему, въ ходѣ экспедиціи обнаружились потомъ нѣкоторыя замедленія.

Здѣсь у мѣста вспомнить, какъ вообще снаряжались и производились амурскія экспедиціи. Что это не были нашествія русскихъ войскъ съ цѣлью кого либо разгромить или покорить оружіемъ, какъ на Кавказѣ или потомъ въ Туркестанѣ,—это болѣе или менѣе извѣстно каждому. Присоединеніе Амура не стоило Россіи ни капли крови, ни одного выпущеннаго патрона. Войска брались на всякій случай, какъ угроза китайцамъ, а, главное, какъ рабочая сила для водворенія русскихъ осѣдлостей. Въ 1854—1855 годахъ они, правда, отправлялись на низовья Амура для защиты этой мѣстности отъ англо-французовъ; но, по заключеніи въ 1856 г. мира, значительная часть этихъ боевыхъ служакъ была возвращена. Теперь, т. е. въ 1857 г., рѣчь шла о солдатахъ, почти лишь какъ о строителяхъ разныхъ казенныхъ зданій, предположенныхъ къ возведенію вдоль Амура, да еще какъ о помощникахъ колонистамъ въ сплавѣ имущества и возведеніи домовъ. Баталіоны должны были сплыть изъ Шилкинскаго завода на устья Зеи и, смотря по ходу отношеній нашихъ къ китайцамъ, болѣе или менѣе немедленно приступить къ постройкѣ жилищъ, какъ на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ предположенной колонизаціи, такъ и вверхъ и внизъ отъ него по Амуру. На зиму 1857—1858 годовъ предполагалось оставить только одинъ изъ этихъ баталіоновъ на берегахъ великой рѣки, а другой вернуть въ Шилкинскій заводъ, какъ рабочую силу и прикрытіе для экспедиціи слѣдующаго года.

Разумѣется, что, отправляя солдатъ въ далекій и пустынный край, слѣдовало больше всего заботиться, чтобы они были хорошо обезпечены продовольствіемъ на возможно долгій срокъ, снабжены средствами для возведенія жилищъ, устройства для себя ого-

родовъ, поддержанія въ порядкѣ одежды и т. п. Всѣ нужные для того предметы, вмѣстѣ съ порохомъ и оружіемъ, и составляли военный сплавъ. Такъ какъ число гребцовъ въ немъ всегда было значительно, то онъ въ состояніи былъ плыть скоро и прибыть, напримѣръ, изъ Шилкинскаго завода на Зею (1,000 верстъ) дней въ десять. Солдаты и офицеры 13-го и 14-го сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ были уже опытны въ дѣлѣ амурскихъ экспедицій, и потому опозданія этого военнаго эшелона опасаться было нечего.

Гораздо болѣе заботъ внушалъ сплавъ грузовой. Огромное количество муки, крупъ, соли, спирта, солонины, живаго скота, полотенъ, суконъ, кожъ, разныхъ инструментовъ и пр. для войскъ, находившихся на низовьяхъ Амура, и для крестьянъ, тамъ недавно поселившихся, занимало множество баржъ и плотовъ, для управленія которыми рабочихъ найти было не легко. Правда, доставка этого груза была отдана съ подряда одному купцу, но при неизбѣжномъ, по существу дѣла, содѣйствіи военной администраціи и подъ надзоромъ ея. Коммерческая отвѣтственность есть, какъ извѣстно, имущественная, т. е. опредѣляется бо̀льшею или меньшею неустойкою за неисправность исполненія подряда. Но что пользы было бы взять съ неисправнаго доставителя грузовъ въ Николаевскъ нѣсколько тысячъ рублей, когда отъ его неаккуратности перемерло бы много людей голодною смертью или безвозвратно пострадали бы многіе важные интересы государства? Поправить зла въ томъ же году было бы уже нельзя, потому что вѣдь не на Усури же или Гыринѣ нашли бы нужные запасы, суда и рабочихъ для сформированія новаго сплава, а думать о новомъ рейсѣ изъ Забайкалья было бы нелѣпо. Кромѣ того, тяжкіе опыты прежнихъ годовъ показали, что на нижнемъ Амурѣ, т. е. ниже Сунгари, бываютъ такія бури, которымъ противостоять не всегда могутъ даже хорошо устроенныя суда; а тутъ приходилось часть грузовъ сплавлять на плотахъ: слѣдовательно, нужно было имѣть за сплавомъ строгій надзоръ и помощь въ видѣ запасныхъ рабочихъ—солдатъ.

Наконецъ, въ 1857 году къ названнымъ двумъ элементамъ всякой амурской экспедиціи присоединился въ значительномъ количествѣ третій, именно переселенцы съ ихъ имуществомъ. Отправлялись изъ состава забайкальскаго войска 450 семействъ,

долженствовавшихъ занять огромную линію отъ Усть-Стрѣлки до Хингана—около 980 верстъ. Сплавъ ихъ шелъ по Онону, Шилкѣ и Аргуни, и хотя былъ оставленъ на попеченіи собственныхъ ихъ, казачьихъ начальствъ, подъ общимъ руководствомъ бригаднаго командира Хилковскаго, но въ концѣ концовъ озабочивалъ и общее начальство экспедиціи, т. е. самого генералъ-губернатора. Мы увидимъ даже, что онъ причинилъ ему больше заботъ, чѣмъ какое-нибудь другое дѣло въ теченіе лѣта 1857 года. Казакамъ-переселенцамъ выданы были денежныя пособія (очень небольшія въ сравненіи, напримѣръ, съ кавказскими колонистами 1862—1864 годовъ), обезпечено на первые 14 мѣсяцевъ продовольствіе (на Кавказѣ на три года) и обѣщано содѣйствіе регулярныхъ войскъ для постройки жилищъ. Но они должны были селиться гдѣ имъ укажутъ, и въ первое лѣто обстроиться, запастись сѣномъ и даже распахать пашни....

Когда мы прибыли въ Шилкинскій заводъ, приготовленія къ началу экспедиціи были подвинуты сильно. Вдоль по рѣкѣ на большомъ протяженіи тянулись плоты, барки и лодки, долженствовавшіе поднять военный отрядъ и грузы. Многіе изъ нихъ были совершенно готовы къ отплытію; другіе, какъ къ удивленію оказалось, еще не начинали грузиться. И именно, не погружена была мука, т. е. предметъ безусловной необходимости. «Отчего? гдѣ подрядчикъ?»—На этотъ зовъ явился къ генералъ-губернатору повѣренный подрядчика (помнится, купца Серебрякова) М. А. Бестужевъ, одинъ изъ сосланныхъ въ 1826 году, и объяснилъ, что интендантскіе чиновники дѣлаютъ каверзу. Въ контрактѣ сказано, что подрядчикъ обязуется на свой счетъ погрузить на барки хлѣбъ съ берега; провіантскіе чиновники хотѣли этому слову дать такой смыслъ, что изъ магазиновъ, находящихся, конечно, поморскому, на берегу, т. е. на сушѣ, а не въ водѣ, но на значительномъ разстояніи отъ рѣки; а подрядчикъ, конечно, толковалъ контрактъ по своему. Ясно было, что интендантскія выжиги хотѣли прижать подрядчика, чтобы взять съ него хоть половину той суммы, въ которую бы обошлась перевозка хлѣба за нѣсколько сотъ саженъ. А сумма была бы не мала, потому что подводы въ Шилкинскомъ заводѣ въ это время стоили очень дорого. Это вывело изъ терпѣнія Н. Н. Муравьева, который, разсмотрѣвъ дѣло поближе, рѣшился дать чиновни-

камъ гонку. Гонка эта и состоялась на слѣдующее утро, немедленно послѣ представленія всѣхъ служащихъ, находившихся въ Шилкинскомъ заводѣ. Лица эти были выстроены въ небольшой генералъ-губернаторской пріемной, по старшинству чиновъ; подходя по очереди, Н. Н. Муравьевъ съ каждымъ говорилъ нѣсколько словъ, большею частію очень любезныхъ; но трехъ интендантскихъ чиновниковъ онъ миновалъ, сказавъ имъ только: «вы останетесь здѣсь, когда другіе уйдутъ», совершенно такъ, какъ, бывало, въ блаженныя времена субботнихъ экзекуцій, говорилось семинаристамъ. И экзекуція послѣдовала, да такая, что я, посторонній, былъ ошеломленъ. Слова «мошенничество и воровство» не были самыми жесткими въ грозной рѣчи. Виновнымъ былъ обѣщанъ солдатскій мундиръ, полиціймейстеру завода приказано было безотлагательно и за какую бы цѣну ни было нанять рабочихъ для доставки хлѣба къ баркамъ изъ магазиновъ, а мнѣ приказано написать оберъ-провіантмейстеру въ Иркутскъ предписаніе, «чтобы онъ выгналъ негодяевъ изъ службы»... Замѣчательно, что чиновники выслушали діатрибу довольно спокойно; вѣроятно, они къ ней готовились, и, конечно, изъ всѣхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій самое непріятное для нихъ было о немедленномъ наймѣ на ихъ счетъ рабочихъ. Немедленнаго удаленія со службы они не боялись, потому что замѣнить ихъ было некѣмъ.

Послѣ поученія, даннаго интендантамъ, приготовленія къ отходу сплава оживились и, казалось, новыхъ случаевъ къ задержкѣ не было. Но, по пословицѣ, одна бѣда никогда не бываетъ, а ведетъ за собою другую. Въ тотъ же день мы узнали, что одна изъ барокъ, нагруженная порохомъ для Николаевска, слегка затонула, при чемъ порохъ, хотя и былъ въ боченкахъ, но, конечно, подмокъ. Гдѣ-нибудь въ Англіи этотъ случай былъ бы пустымъ, потому что замѣнить подмокшій порохъ было бы легко. Совсѣмъ не то въ Восточной Сибири, куда пороховые запасы доставлялись изъ Казани, гужомъ, такъ что боченки бывали въ дорогѣ по четыре мѣсяца. Мало того, въ данномъ случаѣ потеря была особенно важна, потому что вѣдь мы ѣхали, такъ или иначе, завоевывать край, и нельзя было безусловно ручаться, что не дойдетъ дѣло до пушекъ. Китайцы, правда, въ теченіе 1854—1856 годовъ, обнаруживали миролюбіе; военныхъ приготовленій

у нихъ замѣтно не было; но вѣдь на это можно было возразить, что и мы въ три прошедшіе года не отнимали у нихъ ничего, фактически имъ принадлежавшаго, а теперь, напротивъ, рѣчь шла о томъ, чтобы водвориться среди ихъ самихъ или, по крайней мѣрѣ, о-бокъ съ ними. Порохъ былъ вещью важною. Но, разумѣется, съ неудачею пришлось помириться. Узнавъ, что подмочка не особенно велика, я позволилъ себѣ предложить пересушку пороха съ тѣмъ, чтобы потомъ сдать его въ горное вѣдомство для взрывовъ скалъ. Мысль моя была одобрена, но вѣдь горное вѣдомство могло заортачиться, сказать, что ему ненужно дряни, или принять запасъ съ оговорками, что въ немъ лишь столько-то годнаго матеріала, а остальное подлежитъ сложенію со счетовъ, и проч. На подобныя оговорки бюрократы вообще большіе мастера, а бюрократы-хозяева въ казенныхъ дѣлахъ—особенно. Къ счастію, ничего подобнаго не случилось. Н. Н. Муравьевъ умѣлъ подбирать себѣ сотрудниковъ, у которыхъ честное отношеніе къ дѣлу было первымъ закономъ ихъ службы, а крючкотворство стояло на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Начальникъ нерчинскихъ заводовъ былъ въ это время умный и благородный полковникъ Д е й х м а н ъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ безъ затрудненія согласился принять подмоченный порохъ въ горное вѣдомство, и такимъ образомъ казна избавилась отъ многихъ тысячъ издержекъ, а дѣло у генералъ-губернатора ограничилось всего тремя бумагами: Ушакову—сдать, Дейхману—принять и въ штабъ, въ Иркутскъ—замѣнить затонувшій порохъ. Николаевскія власти должны были узнать о случаѣ отъ самого начальника сплава, а китайцевъ мы, разумѣется, не увѣдомляли совсѣмъ, ни прямо, ни косвенно.

26-го и 27-го мая экспедиція, по мѣрѣ изготовленія къ отплыву, стала трогаться въ путь. Разбросанные на большомъ пространствѣ вдоль по Шилкѣ, потянулись барки, плоты и лодки. Генералъ-губернаторъ и посланникъ ѣхали на двухъ совершенно сходныхъ катерахъ съ небольшими домиками на палубѣ; свита гр. Путятина—на довольно большой баржѣ, тоже съ приспособленіями для жилья, а я и Шишмаревъ—на маленькихъ лодочкахъ-душегубкахъ, съ однимъ гребцомъ каждая. Берега Шилки, обставленные суровыми скалистыми горами, на которыхъ растетъ исключительно хвойной лѣсъ, представляли зрѣлище поразитель-

ное по своему пустынному величію, особенно вечеромъ, когда въ долинѣ рѣки темнота наступала гораздо ранѣе, чѣмъ по вершинамъ горъ. Часамъ къ пяти по полудни мы прибыли въ Горбицу, послѣдній въ то время населенный пунктъ нашъ по Шилкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ офиціальной границы Китая [1]). Тутъ на берегу рѣки жилъ въ то время, въ порядочномъ домѣ, за-урядъ войсковой старшина Скобельцинъ, который дѣлалъ въ 1851 году экспедицію въ восточную часть Становаго хребта, вмѣстѣ съ полковникомъ Ахте и топографомъ Крутиковымъ. Однажды ему, тогда простому уряднику, пришлось на могучихъ плечахъ своихъ нести больнаго начальника экспедиціи и вообще, какъ въ это время, такъ и въ послѣдствіи, на Амурѣ, явить столько мужества въ перенесеніи трудовъ и лишеній, столько настойчивости въ достиженіи цѣлей, ему указанныхъ, что генералъ-губернаторъ, не имѣя возможности повести его далеко по административной дорогѣ, далъ ему чинъ за-урядъ войсковаго старшины (на производство въ подобные чины онъ имѣлъ право) и выхлопоталъ владимірскій крестъ, дававшій въ то время права дворянства. Подобно другимъ почетнымъ казакамъ, Скобельцинъ жилъ оборотами по мѣховой торговлѣ, скупая мѣха у тунгузовъ и собственныхъ сослуживцевъ-охотниковъ. Въ домѣ было замѣтно довольство; но простота господствовала патріархальная. Н. Н. Муравьевъ остался у него пить чай, вспоминалъ его службу, спрашивалъ его указаній на счетъ хозяйственныхъ условій Амурскаго края и вообще оказывалъ столько вниманія, сколько могъ. Но ночевать у него мы не остались, и поплыли далѣе. Ночью экспедиція была еще живописнѣе, потому что огоньки были разсѣяны по рѣкѣ тамъ и сямъ, двигались и исчезали за высту-

[1]) Рѣка Горбица была признана пограничною еще въ 1689 г., по нерчинскому договору; но на картѣ Китая, составленной Д'Анвилемъ, пограничная черта обозначена по Амазару. Это подавало поводъ нашимъ агрессистамъ увѣрять, что и на самомъ дѣлѣ русскія владѣнія простирались до Амазара. Но, конечно, этотъ взглядъ былъ смѣшонъ, потому что китайцы каждый годъ лѣтомъ приходили изъ Айгуна на лодкахъ въ Горбицу свидѣтельствовать пограничные знаки, и никогда, въ теченіе 168 лѣтъ, нами не было сказано имъ, что они забрались не въ свои владѣнія. Дѣлаю это замѣчаніе потому, что въ 1850-хъ годахъ не разъ дѣлались разныя натянутыя объясненія нерчинскаго договора, напримѣръ, почтеннымъ Г. И. Невельскимъ, ухитрявшимся какъ-то на основаніи этого трактата проводить нашу границу отъ Горбицы къ самой Кореѣ. М. В.

пами береговъ; но скоро мы, т. е. два катера, суда свиты и двѣ канонерки, составлявшія конвой, отдѣлились отъ баржей и плотовъ, далеко ихъ обогнавъ. Еще день и еще ночь въ горной пустынѣ, и рано утромъ 29-го мая 1857 г. увидали Амуръ.

Исторія открытія Америки въ повѣствованіяхъ Вашингтона Ирвинга и Прескота, разсказы Мунго-Парка о первомъ видѣ на Нигеръ — знакомы съ юности каждому образованному человѣку. Молодое поколѣніе 1840—1850-хъ годовъ, кромѣ того, зачитывалось Гумбольдтомъ, его странствованіями по Ореноко и Ріо-Негро. Мудрено-ли, что тѣ изъ насъ, которые впервые увидали Амуръ, испытывали ощущеніе родственное съ тѣмъ, какое было чувствуемо, напримѣръ, Васко-Нунвесомъ-де-Бальбоа, когда онъ съ высотъ Панамскаго перешейка увидалъ впервые Тихій океанъ. Конечно, Амуръ не былъ уже новостью для насъ, какъ для спутниковъ Пояркова и Хабарова; но идея, съ нимъ соединявшаяся, была такъ же свѣжа и величава, какъ если бы мы были сами первыми открывателями. Смотря на широкій потокъ, мирно струившійся прямо къ востоку, многіе изъ насъ думали: тамъ, гдѣ-то, далеко, почти такъ же далеко, какъ отъ Москвы до Арарата, рѣка эта вливается въ море, и это море—Великій океанъ, единственный открытый путь изъ Россіи не въ Швецію, не въ Турцію, а въ Америку, Австралію и южную Азію...

Я съ намѣреніемъ освѣжаю эти воспоминанія, чтобы записать здѣсь, по поводу ихъ, и другія, которыхъ, конечно, никто не назоветъ сантиментальными. Еще въ Иркутскѣ, г. Б., мой непосредственный начальникъ, когда узналъ, что ему вообще въ теченіе лѣта 1857 года не удастся быть на Амурѣ, сталъ мнѣ въ полголоса говорить, что всѣ эти амурскія экспедиціи—фарсъ, что Амуръ—дрянная, болотистая рѣка, въ которой мѣстами всего на три фута воды, какъ-дескать удостовѣрились въ 1855 году спутники адмирала Путятина, что всѣ амурскія затѣи рано или поздно окажутся затѣями. Я не имѣлъ тогда достаточно точныхъ свѣдѣній о природѣ Амурскаго края и хотя, прочтя статьи Пермикина и Аносова и имѣя въ рукахъ съемку Попова (глазомѣрную), не вѣрилъ Б-у, но и не полагалъ, чтобы его отзывы напоминали отзывы огорченной лисицы о виноградѣ съ придачею еще кое-чего. Теперь я понимаю, что это была ложь, даже намѣренная ложь, чтобы вызвать меня на какую-нибудь обмолвку объ

Амурѣ, непріятную для генералъ-губернатора и, слѣдовательно, долженствовавшую вызвать его нерасположеніе ко мнѣ... Я немедленно сдѣлалъ помощью буссоли измѣреніе ширины рѣки и переѣхалъ ее отъ одного берега до другаго съ лотомъ въ рукахъ. Оказалось, что ширина достигаетъ 226 сажень, что равно ширинѣ Невы у Литейнаго моста, а глубина по фарватеру, идущему почти по срединѣ рѣки, нѣсколько ближе къ правому берегу, доходила до 27 футовъ, т. е. почти четырехъ сажень. Гдѣ же правда у тѣхъ, которые въ Петербургѣ и даже въ Иркутскѣ бросали сомнѣніе на достоинство Амура, какъ водянаго пути?

Мы простояли часа два въ Усть-Стрѣлочномъ караулѣ, расположенномъ на Аргуни, вблизи слiянія ея съ Шилкою, и генералъ-губернаторъ освѣдомился о томъ, какія мѣры приняты, чтобы въ этомъ пунктѣ люди, подлежавшіе возвращенію съ Амура, находили нужные запасы сухарей, спирта, мяса и проч. Тутъ слѣдовало бы остаться для наблюденія за сплавомъ колонистовъ общему начальнику ихъ Хилковскому; но Николай Николаевичъ пригласилъ его сопутствовать намъ въ плаваніи внизъ по Амуру теперь же, чтобы осмотрѣть мѣста, гдѣ предназначалось водворить станицы,— и сдѣлалъ ошибку, въ которой потомъ неоднократно раскаявался. Хилковскій былъ умный, точнѣе—хитрый, казакъ, которому нравилась мысль попасть на Амуръ бригаднымъ командиромъ и развить здѣсь хорошую торговлю скотомъ и мѣхами, уже веденную имъ въ Цурухайту; онъ былъ большой домоводъ, владѣлецъ конскихъ табуновъ; но административныя его дарованія оказались не особенно великими. Отказаться отъ сопутничества генералъ-губернатору у него не достало или соображенія, или воли. Онъ даже увѣрялъ, что караваны переселенцевъ вполнѣ готовы и плывутъ, одни по Онону, другіе по Аргуни, что все у нихъ въ изобиліи и проч. Это была неправда.

Плаваніе наше, т. е. генералъ-губернатора и посланника съ ихъ свитами и двухъ канонерскихъ лодокъ съ 80 солдатами и двумя пушками, началось отъ Стрѣлки часовъ въ 10 утра, и такъ какъ Амуръ былъ удобнѣе Шилки, то мы на другой день утромъ были уже на Кутомандѣ, небольшомъ постѣ, основанномъ годъ тому назадъ и достопамятномъ въ лѣтописяхъ Амура. Здѣсь мы нашли на якорѣ пароходъ Шилку, чинившій свою машину. Пароходъ этотъ составлялъ амурскій курьезъ, и

потому о немъ стоитъ сказать два слова. Въ 1854 г., передъ первою амурскою экспедиціею, были выстроены въ Шилкинскомъ заводѣ два парохода, Аргунь и Шилка, на которые поставлены кое-какія машины. Аргунь, сравнительно, удалась и плавала нѣсколько лѣтъ по Амуру, особенно въ низовьяхъ, гдѣ теченіе тихо; но Шилка была рѣшительно неповоротливымъ чудовищемъ, про которое одно вліятельное въ морскомъ вѣдомствѣ лицо справедливо сказало, что «пароходъ Шилка ходитъ только по 200 верстъ въ годъ, да и то по теченію». Машина его и котлы занимали чуть-ли не двѣ трети емкости корпуса, а сила первой была такъ мала, что судно рѣшительно не могло ходить противъ теченія. Надѣялись помочь горю кое-какими передѣлками, и съ этою цѣлью на Кутоманду, гдѣ пароходъ зимовалъ, съ ранней весны былъ отправленъ капитанъ-лейтенантъ Сохансkій съ командою мастеровыхъ и матросовъ. Онъ-то насъ и встрѣтилъ теперь, исхудалый, утомленный трудами и лишеніями, но не терявшій надежды «дать пароходу два узла ходу противу теченія на самомъ быстромъ мѣстѣ Амура». Считая въ день среднимъ числомъ 14 часовъ плаванія, это было бы 49 верстъ въ сутки, на болѣе тихихъ мѣстахъ, можетъ быть, 60. Очевидно, игра не стоила свѣчъ, и въ послѣдствіи генералъ-губернаторъ приказалъ сплавить Шилку въ Николаевскъ, какъ баржу.

Я сейчасъ сказалъ, что Кутоманда достопамятна въ лѣтописяхъ Амура; объясню теперь — почему. Въ 1856 году тутъ находился складъ продовольствія для людей, по окончаніи сплава возвращавшихся съ низовьевъ Амура. Людей этихъ было много, и между ними было 600 человѣкъ солдатъ. М. С. Корсаковъ, за отсутствіемъ Н. Н. Муравьева на коронацію въ Москву, распоряжавшійся на Амурѣ, назначилъ послѣднимъ идти вверхъ по рѣкѣ бичевою, по 40 верстъ въ день, и даже еще рубить на ночлегахъ дрова въ запасъ для пароходной навигаціи будущаго года. Это было неисполнимо, но все-таки приказано и, слѣдовательно, предполагалось подлежащимъ исполненію. И собственно, бѣды въ такомъ распоряженіи не было бы, потому что отъ небуквальнаго исполненія его никто бы не потерялъ. Но бѣда была въ томъ, что молодой атаманъ, полагаясь на непогрѣшимость своихъ соображеній, распредѣлилъ по Амуру и посты съ запасами по такому расчету, что солдаты должны были двигаться по 40 верстъ въ

сутки изъ опасенія, что продовольствія, взятаго съ одного пункта, не хватитъ до слѣдующаго. Ближайшій отъ Кутоманды внизъ по Амуру складъ продовольствія находился на Кумарѣ, т. е. въ 350 или болѣе верстахъ. Наступилъ октябрь мѣсяцъ, когда солдаты достигли послѣдняго и получили тамъ сухарей и проч. на десять дней. Приходилось идти по холоду, столь значительному, что на рѣкѣ каждое утро являлись ледяные забереги. Скоро появилась и шуга, по великорусски—сало, т. е. мелкій ледъ, предшествующій замерзанію рѣки. Двигаться не только по 40, но и по 4 версты въ день съ лодками было нельзя. Приступили къ постройкѣ санокъ, на которыхъ бы можно было везти продовольствіе, оружіе, кладь и больныхъ; уменьшили дневную дачу и начали подвигаться помаленьку, черезъ пеньки, камни, не совсѣмъ установившійся ледъ и проч. Солдатамъ велѣно было охотиться въ прибрежныхъ лѣсахъ; но дичь въ этихъ лѣсахъ, постоянно обезпокоиваемая охотниками-тунгузами, держится вдали отъ рѣки, и охота солдатъ была почти безплодна. Тогда надъ законами и распоряженіями человѣческими сталъ брать верхъ законъ естественный. Люди начали умирать съ голоду; они ѣли подошвы, ранцевые ремни и т. п. Самъ начальникъ команды, подполковникъ Облеуховъ, съѣлъ собственную собачку. Усталые солдаты отказывались идти и ложились умирать; у другихъ являлась мысль питаться человѣческимъ мясомъ. И несомнѣнно, что случай подобнаго людоѣдства былъ. Молодой юнкеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и солдатомъ, видя неудачливость охоты, порѣшили бросить жребій, кому быть съѣденнымъ. Выборъ судьбы палъ на юношу, и товарищи долго не рѣшались исполнить надъ нимъ казнь. Наконецъ, голодъ взялъ свое. Воспользовавшись минутами сна, они пристрѣлили несчастнаго и съѣли его—всего или только отчасти, не знаю. Въ 1857 году одинъ изъ этихъ людоѣдовъ находился на устьѣ Зеи, т. е. въ теперешнемъ Благовѣщенскѣ, и отбывалъ эпитемію, которая была на него наложена духовными властями. Объ уголовномъ преслѣдованіи, разумѣется, не было и рѣчи, потому что всякое слѣдствіе было бы слишкомъ невыгодно—не для солдата, а для начальниковъ.

Подполковникъ Облеуховъ зналъ, что на Кутомандѣ есть складъ запасовъ. Онъ отобралъ наиболѣе сильныхъ людей и послалъ ихъ впередъ извѣстить о несчастіи начальника поста.

Велика была радость его, когда однажды люди эти вернулись назадъ и подкрѣпили отчаявавшихся въ своемъ спасеніи извѣстіемъ, что хлѣбъ близко... Но на Кутоманду изъ 600 человѣкъ все-таки пришло лишь 330, а 270 остались въ холодной пустынѣ.

Вотъ этихъ-то людей могилы мы начали встрѣчать по берегамъ Амура вскорѣ послѣ отплытія изъ Кутоманды. Мѣстами, пережившіе ихъ товарищи поставили надъ ними кресты. Завидѣвъ такой крестъ, набожный графъ Е. П. Путятинъ иногда останавливался и приглашалъ своего спутника, архимандрита Аввакума, прочесть молитву. Но читать надо всѣми было бы слишкомъ долго, и мы большею частію проплывали мимо ихъ не останавливаясь... Вѣчная память этимъ безвѣстнымъ страдальцамъ, жертвамъ не великаго дѣла, а неумѣлости тѣхъ, кто брался имъ распоряжаться...

Плаваніе наше продолжалось безостановочно, день и ночь. Иногда только приставали на короткое время къ берегу, чтобы передъ обѣдомъ или завтракомъ дать время стянуться всему каравану. Обѣдали и завтракали обыкновенно на катерѣ Н. Н. Муравьева, гдѣ всегда шла живая бесѣда, прекращавшаяся только на короткое время ночью. А ночи въ началѣ іюня такъ недлинны! Только разъ, до самаго устья Зеи, мы встрѣтили людей. Это были орочены, ловившіе рыбу особаго рода снарядами, уставляемыми среди рѣки. На вершинѣ треножника, связаннаго изъ жердей, которыя воткнуты въ дно, сидѣлъ косматый тунгузъ и зорко наблюдалъ, когда рыба попадетъ въ снасть; тогда другіе, на лодкахъ, подъѣзжали и выгружали пойманное. Первые слѣды китайскихъ осѣдлостей встрѣтились на Улусѣ-модонѣ, гдѣ былъ расположенъ маньчжурскій караулъ, вѣроятно, для наблюденія за рѣкою въ этомъ любопытномъ мѣстѣ, гдѣ она описываетъ замѣчательную двойную излучину, почти въ видѣ цифры 8, и гдѣ перешейки между кривыми колѣнами такъ узки, что каждый изъ нихъ можно миновать въ полчаса, тогда какъ по рѣкѣ приходится плыть до 30-ти верстъ.

3-го іюня, передъ вечеромъ, показалась вдали маньчжурская деревня Амба-Сахалянъ. По картѣ, здѣсь долженъ былъ находиться на лѣвомъ берегу Амура, т. е. противъ деревни, нашъ постъ; и въ самомъ дѣлѣ мы скоро замѣтили казаковъ, выстроившихся на площадкѣ. У берега была сдѣлана небольшая пристань изъ

досокъ на козлахъ. Мы причалили и вышли на сушу. Пожилой казачій офицеръ, начальникъ поста, по обычаю, отрапортовалъ, что на «Устьзейскомъ Е. И. В-ва посту все обстоитъ благополучно», и, когда генералъ-губернаторъ спросилъ его: «сколько у васъ умерло въ зиму людей?»—съ небольшимъ вздохомъ, но офиціально-холодно отвѣчалъ: «двадцать девять, ваше высокопревосходительство!» А у него и вся команда-то состояла изъ одной сотни!... Почтенный этотъ старецъ былъ сотникъ Травинъ, котораго потомъ мы всѣ научились уважать.

Поздоровавшись съ казаками и поблагодаривъ ихъ за трудную службу, Н. Н. Муравьевъ захотѣлъ посѣтить кладбище, гдѣ были похоронены умершіе ихъ товарищи. Архимандритъ Аввакумъ былъ приглашенъ на этотъ разъ отслужить уже панихиду. И вотъ мы собрались, съ непокрытыми головами, въ одной небольшой пади или лощинкѣ, гдѣ стояло нѣсколько крестовъ, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здѣсь, на далекомъ востокѣ Азіи, всѣ мы, живые и мертвые, правые и лѣвые, красные и зеленые—члены одной великой русской семьи, что когда нибудь исторія вспомнитъ и о скромномъ кладбищѣ подъ уваломъ лѣваго берега Амура и о тѣхъ, кто въ виду его готовились... кто знаетъ? можетъ быть, тоже лечь въ могилу въ томъ же далекомъ отъ родины краѣ. Утѣшеніемъ могло быть одно, именно, что край этотъ отнынѣ можно уже было считать несомнѣнно русскимъ.

На другой день, оставивъ меня распоряжаться нашимъ водвореніемъ на постѣ, генералъ-губернаторъ отправился лично провожать посланника внизъ по Амуру. Скоро начали подплывать солдаты съ ихъ барками и плотами. На основаніи приказаній генералъ-губернатора, я указалъ имъ мѣсто, гдѣ причаливать, а самъ занялся съемкою той обширной равнины, которая составляетъ стрѣлку при сліяніи Амура съ Зеею. Когда Н. Н-чъ вернулся съ проводовъ, простиравшихся до Айгуна (30 верстъ) и даже далѣе, то мы втроемъ, т. е. онъ, я и Хилковскій, пошли осматривать мѣстность, чтобы оцѣнить годность ея подъ поселеніе. Такъ какъ Хилковскій въ дѣлѣ оцѣнки угодьевъ считался авторитетомъ, то и признано было генералъ-губернаторомъ, что лагерь, а въ будущемъ—и городъ, могутъ быть поставлены на равнинѣ. И хотя можно было опасаться, что она подвергается на-

водненіямъ при разливахъ, въ доказательство чего само собою приходило на умъ то обстоятельство, что китайцы оставили ее незаселенною, но какъ сотникъ Травинъ объявилъ, что въ этомъ году разливъ нигдѣ не распространялся на осмотрѣнную мѣстность, то я получилъ приказаніе разбить для пѣхоты и артиллерійскаго дивизіона лагерь. Войска, остановленныя-было мною противъ поста и командующихъ имъ уваловъ, сплыли версты на двѣ внизъ и приступили къ выгрузкѣ тяжестей и къ постройкѣ бараковъ, изъ двойной плетневой ограды съ промежуткомъ набитымъ землею.

Работа закипѣла. Немедленно, верстъ на десять вверхъ и внизъ по Амуру, былъ вырубленъ весь прибрежный тальникъ и началось изъ него сооруженіе плетней. Вѣтвямъ не давали даже увядать, и потому скоро замѣтили, что, по мѣрѣ того, какъ промежутки между плетнями наполняются землею, самые плетни начинаютъ проростать и давать большія вѣтви внутрь и внаружу бараковъ, что не обѣщало благопріятныхъ условій для здоровья солдатъ. Но какъ баталіонныя начальства, имѣвшія въ своемъ распоряженіи лекарей, не жаловались на это обстоятельство и, напротивъ, говорили, что это всегда такъ бываетъ, то бараки безпрепятственно строились и покрывались тоже плетнемъ и слоемъ земли, съ зеленымъ дерномъ сверху. Строился еще домъ для будущаго начальника отряда и всего края; но это былъ домъ изъ дерева, даже вполнѣ сухаго, потому что зданіе перевезено было разобраннымъ изъ Бянкина, гдѣ уже служило жилищемъ бригадному командиру.

Лагерь возникалъ быстро и скоро принялъ опредѣленную форму. Въ немъ ежедневно игралась зоря и при этомъ дѣлался холостой выстрѣлъ изъ пушки. Какъ ни невинно было это послѣднее занятіе, но на китайцевъ оно наводило ужасъ. Жители деревни Амба-Сахалянъ разбѣгались при выстрѣлѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ насъ У-бошко или унтеръ-офицеръ китайской арміи, проживавшій почти безвыѣздно у насъ на посту, конечно—въ видѣ шпіона. Этотъ У-бошко былъ преоригинальная личность—философъ-наблюдатель, знавшій два языка, китайскій и маньчжурскій; онъ съ ученою важностью дѣлалъ какія-то замѣтки на одномъ изъ нихъ, конечно, для представленія ихъ начальству, но въ гораздо большей дружбѣ жилъ онъ съ на-

шими людьми, чѣмъ съ своими. Причина понятна. Патріотическому соглядатаю отъ насъ перепадала то плитка серебра рубля въ три, то серебряные часы рублей въ десять, то кусокъ синяго драдедаму на курму, то какой-нибудь другой подарочекъ. Все это онъ принималъ показывая на свою шею, на которую будто бы легко можетъ быть надѣта петля за дружбу съ нами; но все, особенно плитки, съ охотою пряталъ въ неизмѣримо глубокій и широкій карманъ. У него былъ небольшой, но хорошій компасъ, въ деревянной оправѣ, на которой имѣлись солнечные часы, устроенные какъ разъ для параллели 49°, подъ которою лежитъ Айгунъ. Когда я показывалъ ему свою буссоль, шмалькальдеровой системы, онъ хвалилъ ея отдѣлку, но находилъ, что мѣдь тутъ потрачена напрасно, что стрѣлка теряетъ часть чувствительности въ металлической оправѣ, что металлы ржавѣютъ и т. п. Откуда онъ почерпнулъ такія обширныя познанія въ физикѣ, я не знаю; но онъ чувствовалъ свою силу и относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ нашимъ солдатамъ и казакамъ, которые хотя компасъ и видали, но цѣнить свойствъ его не могли. У-бошко у себя дома пилъ просяную водку или майгалу, которая прескверно пахнетъ; вотъ почему, когда мы познакомили его съ европейскими спиртовыми напитками, онъ сталъ откровенно предпочитать ихъ отечественному, хотя никогда не напивался пьянымъ. Иногда онъ начиналъ хвастать величіемъ Небесной имперіи; но видъ заряженнаго ружья съ примкнутымъ штыкомъ, стоявшаго въ козлахъ, обыкновенно скоро возвращалъ ему смиреніе, и онъ замѣчалъ, что по части машинъ и оружія мы въ союзѣ съ чертями. Однажды, помнится—дней черезъ 6—7 послѣ нашего пріѣзда, онъ возвѣстилъ, что айгунскій амбань имѣетъ въ виду прислать къ намъ на постъ посольство, въ составѣ трехъ офицеровъ и множества солдатъ, на джонкахъ, для принесенія генералъ-губернатору поздравленія съ счастливымъ пріѣздомъ. Ему отвѣчали, что очень рады посламъ и потребовали ихъ списка для приготовленія каждому подарка по чину. Когда списокъ былъ доставленъ, Я. П. Шишмаревъ цѣлый день возился съ отмѣриваніемъ сукна, счетомъ плитокъ, раскладкою по коробочкамъ часовъ и т. п. Амбаню былъ приготовленъ большой кубокъ или кружка, изъ золоченаго серебра, и изъ надписи на этомъ сосудѣ я съ удивленіемъ увидѣлъ,

что онъ когда-то принадлежалъ Августу II, королю польскому, и, быть можетъ, наполнялся имъ виномъ при интимныхъ совѣщаніяхъ съ Петромъ Великимъ. Подарки вѣдь присылались изъ Петербурга, отъ Кабинета, и весьма естественно, что какой-нибудь «старый хламъ» оказывался тамъ на столько ненужнымъ, что его назначали къ ссылкѣ на Амуръ или въ Монголію.

Въ назначенный день и часъ посольство прибыло. Мы приготовились встрѣтить его съ возможною торжественностью; но надобно замѣтить, что это, при нашей обстановкѣ, было нелегко. Н. Н. Муравьевъ жилъ въ палаткѣ шаговъ въ семь длиною и столько же шириною, да еще и изъ нея часть была отдѣлена занавѣскою, за которою стояла кровать. Пріемная зала, стало быть, была необширна. Мы же съ Шишмаревымъ помѣщались въ такой низкой и темной землянкѣ, что только послѣ нѣкоторой практики я привыкъ въ ней разсматривать предметы и не получать синяковъ на головѣ отъ ударовъ о крышу и перекладины. Къ себѣ мы не могли бы принять съ нѣкоторымъ приличіемъ даже китайскаго прапорщика. И такъ, всѣ подлежавшіе пріему направились къ генералъ-губернаторской палаткѣ. Въ ней прямо противу входа стоялъ у стѣны диванчикъ, обитый ситцемъ, длиною аршина въ два. На немъ возсѣдалъ одинъ генералъ-губернаторъ. Налѣво отъ него, т. е. на мѣстахъ, по китайски, болѣе почетныхъ, были посажены я, Травинъ и Шишмаревъ, а три складные стула на правой сторонѣ были оставлены для китайцевъ. Когда они вошли, генералъ-губернаторъ приподнялся, дружески привѣтствовалъ ихъ и усадилъ по чинамъ. Esprit-fort посольства, былъ очевидно, маіоръ; но какъ онъ былъ малъ по чину, то впереди его былъ выставленъ амбанемъ гусайда, т. е. полковникъ, отличавшійся угрюмою молчаливостью. Почтенные послы поспѣшили высказать чувства самой теплой дружбы и уваженія отъ амбаня къ генералъ-губернатору и при этомъ объяснили, что амбань, желая засвидѣтельствовать ихъ вещественно, проситъ сдѣлать ему честь не отказать въ принятіи нѣкоторыхъ подарковъ. «Подарки эти,—прибавляли послы,—не богаты; но это лишь потому, что самъ амбань надавно въ должности и не успѣлъ разжиться». Къ этому спичу поясненіемъ явилась довольно крупная черная свинья, которую два бошко немедленно внесли въ палатку и положили передъ генералъ-губернаторомъ.

Свинья была съ связанными ногами, между которыми былъ продернутъ шестъ, на которомъ ее внесли; легкій намордникъ мѣшалъ ей громко визжать, но она всетаки издавала глухіе стоны, естественные въ ея положеніи. Хотя никто изъ насъ не былъ предупрежденъ о такомъ удивительномъ подаркѣ, но ни одинъ не позволилъ себѣ улыбнуться. За свиньею послѣдовали ящики съ конфектами изъ маковыхъ выжимокъ на касторовомъ маслѣ и мѣшокъ рису.—Это уже отъ самихъ пословъ [1]). Послѣ этой части аудіенціи началось угощеніе съ нашей стороны. Передъ генералъ-губернаторомъ на столикѣ были поставлены поднось съ винными ягодами, миндальными орѣхами, изюмомъ и т. п., да бутылка краснаго вина. Китайцы и мы угощались съ полнымъ уваженіемъ къ величію обѣихъ дружественныхъ державъ, т. е. на правахъ совершеннаго равенства. Но вдругъ, плохо цивилизованный гусайда досталъ кисетъ, набилъ трубку и пожелалъ ее закурить. Это уже выходило изъ этикета, и генералъ-губернаторъ приказалъ немедленно подать трубки не только себѣ, но и намъ всѣмъ. Нужно замѣтить, что я и Травинъ не курили совсѣмъ; но тутъ принесли жертву на алтарь отечества, для поддержанія къ нему должнаго уваженія въ надменныхъ сынахъ Срединнаго царства.

Когда аудіенція кончилась, началось надѣленіе всего посольства подарками отъ имени генералъ-губернатора. Гусайда и маіоръ получили золотые часы, прапорщикъ-секретарь—серебряные; всѣ еще по нѣскольку аршинъ сукна на курмы; унтеръ-офицерамъ тоже давались сукна или плисъ и по двѣ плитки серебра, солдатамъ—по одной плиткѣ. Плутъ У-бошко и тутъ успѣлъ примазаться для полученія подарка, хотя онъ не принадлежалъ къ составу посольства. Китайцы отвалили отъ берега на своихъ джонкахъ совершенно довольные; мы тоже были очень довольны, потому что во все время аудіенціи послы и не заикнулись о томъ, что мы распоряжаемся на ихъ землѣ. Ясно было, что китайцы рѣшились не противиться водворенію нашему на

---

[1]) Принесеніе въ даръ свиньи и рису можно было, кажется, приписывать совѣтамъ У-бошко, который, шляясь къ намъ, давно замѣтилъ скромность нашихъ продовольственныхъ запасовъ. Впрочемъ, черная свинья, по китайски, есть дѣйствительно подарокъ почетный. М. В.

Амурѣ, а намъ больше ничего не было нужно отъ нихъ. Ясно было также, что цзянь-цзюнь Мур-фу-фу (генер-губ. Муравьевъ) внушаетъ имъ величайшій страхъ, а слѣдовательно, и уваженіе. Они даже явились передъ нами въ роли просителей, именно передали ходатайство амбаня запретить маіору въ лагерѣ стрѣлять вечеромъ изъ пушки, чтобы не пугать народъ. «Лучше бы даже было вовсе задвинуть ваши пушки въ сарай,— поясняли послы,—вѣдь вотъ у насъ въ Айгунѣ есть тридцать орудій, однако мы не показываемъ ихъ вамъ, чтобъ не пугать васъ напрасно». Нужны были весь навыкъ Николая Николаевича обращаться съ китайцами и все сознаніе нами торжественности момента, чтобы не хохотать отъ души.

Но если со стороны Китая дѣла наши шли хорошо, то со стороны Забайкалья извѣстія были неутѣшительны или, лучше сказать, не было никакихъ извѣстій. Ни о колонистахъ, ни о грузовой флотиліи Ушакова—ни слуху, ни духу, что очень безпокоило Н. Н-ча. Наконецъ, прибылъ адъютантъ его, Гвоздевъ, курьеромъ съ бумагами; онъ привезъ свѣдѣнія, что транспортъ Ушакова идетъ, но что плаваніе его совершается очень медленно, потому что барки построены нераціонально, слишкомъ громоздки, тяжелы, глубоко сидятъ, неповоротливы; ихъ часто наноситъ на отмели, и сниманіе съ таковыхъ отнимаетъ много времени; иногда при этомъ нужно бываетъ ихъ разгружать. Это было явленіемъ страннымъ, потому что опытъ трехъ предыдущихъ навигацій достаточно показалъ, какія суда пригоднѣе всего для Амура. Конечно, слишкомъ мелкихъ строить было нельзя, потому что въ низовьяхъ рѣки бываютъ такія бури, какъ на морѣ, и мелкія лодки подвергаются опасности быть залитыми водою прежде, чѣмъ достигнутъ берега; но и излишне-громоздкія барки составляютъ затрудненіе, особенно когда на нихъ мало рабочихъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ. Возникъ вопросъ, кто строилъ барки? и оказалось, что корабельный инженеръ, капитанъ Б., который вскорѣ и подвернулся подъ руку, такъ какъ изящная его лодка, съ домикомъ и другими удобствами, прибыла одною изъ первыхъ. Капитану, человѣку очень набожному и потому иногда проводившему за молитвами время, которое могло бы быть употреблено на наблюденіе за постройками судовъ, сдѣланъ былъ нагоняй; онъ возражалъ, оправдывался, настойчиво

увѣрялъ, что строилъ барки такъ, какъ предписывала ему наука кораблестроенія, какъ онъ, спеціалистъ, знаетъ и понимаетъ... Ему замѣтили, что «мало ли какъ ограниченныя головы могутъ понимать; что, берясь за дѣло, имъ практически незнакомое, онѣ должны спрашивать совѣта у другихъ, людей опытныхъ», и т. п. Говоря откровенно, сцена этого распеканія, съ упоминаніемъ глупыхъ головъ, произвела на меня очень непріятное впечатлѣніе, но нужно сказать и то, что никто такъ много не помѣшалъ успѣшности сплава 1857 года, какъ капитанъ Б. Ему было все равно, какъ и когда дойдутъ въ Николаевскъ построенныя имъ барки; а между тѣмъ несчастные рабочіе на этихъ баркахъ, измученные во время сплава, должны были еще возвращаться вверхъ по Амуру въ самое непріятное время года, позднею осенью, и съ ними могла повториться исторія прошлаго года, хотя теперь число постовъ по Амуру и было значительно больше.

Вскорѣ за капитаномъ Б. явился на Усть-Зею другой виновникъ медленности отправленія амурскихъ грузовъ, титулярный совѣтникъ Ж., одинъ изъ тѣхъ трехъ интендантовъ, которые уже подверглись экзекуціи въ Шилкинскомъ заводѣ. Онъ тоже плылъ на прекрасномъ баркасѣ, съ удобствами, превышавшими комфортъ катеровъ генералъ-губернаторскаго и посланническаго. Ему, сколько помнится, дано было рекомендательное письмо къ адмиралу Казакевичу такого рода, что служба въ Николаевскѣ сдѣлалась для него невозможною...

Наконецъ, явился и самъ начальникъ сплава, почтенный А. М. Ушаковъ, усталый, почти разбитый нравственно, потому что онъ хорошо понималъ, какія вредныя послѣдствія можетъ имѣть запозданіе его экспедиціи, и зналъ, какъ близко принимаетъ къ сердцу успѣхъ порученнаго ему дѣла генералъ-губернаторъ. Н. Н-чъ долго и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ, ходя по берегу рѣки и глядя на проплывавшія суда. Въ добросовѣстномъ усердіи Ушакова сомнѣваться было нельзя; достаточно было взглянуть на этого человѣка, чтобъ видѣть, что онъ въ порученное ему дѣло вложилъ всю душу; но Н. Н-чъ, отпустивъ его, всетаки винилъ себя, что сдѣлалъ выборъ неудачный, не по характеру лица.

Почти одновременно съ начальникомъ сплава прибыла на Усть-Зею и самая курьезная часть его экспедиціи — баржа съ 60-ю ссыльно-каторжными женщинами, которыя отправлялись въ

Маріинскъ и Николаевскъ для поступленія въ тамошніе линейные баталіоны... прачками и кухарками. Строгій блюститель цѣломудрія, Ушаковъ поставилъ эту баржу на якорѣ, по срединѣ рѣки, и приказалъ отвязать лодки, помощью которыхъ интересный грузъ могъ бы сообщаться съ берегомъ. Но генералъ-губернаторъ смиловался надъ судьбою заключенныхъ въ этомъ пловучемъ острогѣ, и обитательницы его имѣли возможность выйти на берегъ и посѣтить не только постъ, но и лагерь, конечно, къ немалому удовольствію казаковъ и солдатъ, которыхъ нравы начинали уже грубѣть отъ отсутствія дамскаго общества. Я слышалъ потомъ, что и на постоянныхъ ихъ квартирахъ, въ казармахъ 15-го и 16-го баталіоновъ, онѣ производили то же благодѣтельное вліяніе и, подъ именемъ «тетенекъ», пріобрѣли общую привязанность солдатъ, для которыхъ стряпали и стирали бѣлье.

Такъ какъ и Ушаковъ не привезъ никакихъ извѣстій о движеніи колонистовъ, а между тѣмъ уже начинался іюль, то, чтобы ускорить постройку домовъ во вновь предположенныхъ селеніяхъ выше и ниже Усть-Зеи, рѣшено было немедленно отправить туда солдатъ съ рабочими инструментами. Люди 13-го баталіона, назначавшіеся къ возвращенію на зиму въ Шилкинскій заводъ, потянулись вверхъ по Амуру; часть 14-го баталіона — внизъ, на Бурею и къ Хингану. Съ послѣдними генералъ-губернаторъ приказалъ отправиться и Хилковскому, которому было написано, что «успѣшный ходъ колонизаціи возлагается на его опытность, благоразуміе и отвѣтственность». Этого послѣдняго Хилковскій не ожидалъ, потому что, не получая прямаго назначенія въ начальники вновь возникающей казачьей линіи, онъ полагалъ, что роль его — выбрать мѣсто подъ селенія, указать ихъ колонистамъ-казакамъ, и самому вернуться въ Цурукайту. Соотвѣтственно этому онъ и не увеличивалъ своего дорожнаго скарба, слишкомъ легкаго, чтобы съ нимъ проводить на Амурѣ не только зиму, но и осень. Съ отплытіемъ большей половины солдатъ, лагерь и постъ нашъ какъ бы опустѣли; жизнь становилась скучноватою, а для Н. Н. Муравьева просто мучительною, какъ по недостатку для него привычной дѣятельности, такъ и потому, что важнѣйшая задача его трудовъ нынѣшнимъ лѣтомъ—

успѣшное водвореніе колонистовъ—рѣшалась очень неудовлетворительно.

Среди этого тоскливаго положенія прибылъ изъ Иркутска второй курьеръ, Беклемишевъ. Онъ привезъ опредѣлительное извѣстіе, что колонисты идутъ, что въ нѣкоторыхъ верховыхъ станицахъ воздвигаются уже постройки; но что движеніе сплава потому медленно, что нужно останавливаться рано на ночлеги, чтобы выкормить скотъ, накосить для него травы на день и т. п. Всѣ подобныя обстоятельства, очевидно, можно было предвидѣть и принять противъ нихъ мѣры, напримѣръ, отдѣлить скотъ въ особый эшелонъ или отправить впередъ однихъ рабочихъ для скорѣйшаго возведенія зданій, а, главное, нужно было раньше выѣхать въ путь всѣмъ вообще. Припоминая увѣренія Хилковскаго, дѣланныя еще въ Усть-Стрѣлкѣ и ранѣе, что все устроено наилучшимъ образомъ, генералъ-губернаторъ начиналъ все болѣе и болѣе негодовать на него.

Беклемишевъ, между другими бумагами, привезъ одну любопытную, изъ Петербурга. Она касалась желѣзной дороги въ Забайкальѣ. Нужно замѣтить, что уже со втораго года нашего появленія на Амурѣ появились тамъ и американцы, которые смотрятъ на Тихій океанъ какъ на Средиземное море будущаго, а на впадающія въ него рѣки какъ на законные пути ихъ торговли. Они составили проектъ соединить желѣзною дорогою Амуръ съ Байкаломъ и такимъ образомъ экономически притянуть всю богатую Восточную Сибирь къ Тихому океану. Мысль великая, и которая рано или поздно осуществится; но янки мѣряли вещи слишкомъ американскимъ аршиномъ, полагая, что Амуръ, этотъ «азіатскій Миссисипи», такъ же быстро созрѣетъ въ экономическомъ отношеніи, какъ и большая американская рѣка съ ея долиною. Въ Петербургѣ, вѣроятно, предвидѣли, что у насъ дѣла такъ скоро не дѣлаются, какъ гдѣ-нибудь въ Калифорніи, и приготовили янкамъ отказъ. Мотивами къ нему были выставлены разныя элементарныя свѣдѣнія изъ географіи, напримѣръ, что Восточная Сибирь слабо населена, а берега Амура не заселены и вовсе, что въ Забайкальѣ есть Яблоновый хребетъ, черезъ который дорога должна переходить, и т. п. Кромѣ того, прибавлялось, что американцы могутъ надуть насъ: распродать свои акціи въ Россіи и съ вырученными деньгами уѣхать домой, оставивъ насъ

не при чемъ. Я ужъ не помню другихъ доводовъ; но они были всѣ въ томъ же родѣ, такъ что, если бы внимать подобнымъ, то никогда не были бы сооружены ни суэзскій каналъ, ни тихоокеанская желѣзная дорога. За то заношу здѣсь, какъ историческій фактъ, слѣдующій любопытный отзывъ управлявшаго дѣлами сибирскаго комитета, статсъ-секретаря В. П. Буткова, данный имъ Беклемишеву при врученіи конверта: «Все это, что написалъ Чевкинъ — вздоръ; а сущность въ томъ, что намъ нельзя пустить американцевъ на Амуръ и въ Забайкалье. Они разовьютъ тамъ свои порядки, и Сибирь отвалится. Вы такъ и скажите объ этомъ Николаю Николаевичу».

Беклемишевъ и сказалъ.

Въ числѣ другихъ бумагъ, имъ привезенныхъ, были еще два письма изъ Кяхты. Однимъ, мѣстный купеческій старшина, столь извѣстный потомъ Петербургу, И. А. Носковъ, просилъ объ извѣщеніи, каковы вообще наши отношенія къ Китаю, не доходятъ-ли до войны, такъ какъ отъ этихъ отношеній будетъ зависѣть цѣна вымѣненнаго уже, т. е. русскаго, чая на предстоявшей нижегородской ярмаркѣ. Въ другомъ письмѣ мѣстный кяхтинскій литераторъ и либералъ на нѣсколькихъ почтовыхъ листахъ изображалъ печальное состояніе тогдашняго Китая, которое онъ наблюдалъ черезъ пограничную заставу въ Маймачинѣ. «Передъ нашими глазами,—писалъ онъ,—разыгрывается послѣдній, замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнетъ цѣлый міръ, и изъ-за видимыхъ развалинъ послѣдняго трудно разсмотрѣть будущее». Я тотчасъ узналъ по этой фразѣ о близкомъ знакомствѣ автора съ «Письмами объ изученіи природы» Искандера, и именно съ четвертымъ, въ которомъ рѣчь идетъ о паденіи Рима, но промолчалъ. Носкову было отвѣчено, что все спокойно, что отношенія наши съ Китаемъ самыя дружественныя; литераторъ, кажется, не получилъ никакого отвѣта на свои выспреннія соображенія, и мы только невинно посмѣялись надъ нимъ.

За Беклемишевымъ вскорѣ прибылъ третій курьеръ, сотникъ или есаулъ К., бывшій инженерный офицеръ, скромный какъ «красная дѣвушка». Онъ привезъ, между другими предметами, планъ предположенной Устьзейской станицы, очень изящно начерченный. Тутъ было все: и церковь, и больница, и дома разныхъ властей, и разныя канцеляріи, была даже, кажется, школа

(за это, впрочемъ, не ручаюсь); но проектъ, совершенно годный для сооруженія города на Семеновскомъ плацу или вообще гдѣ угодно, не подходилъ именно къ равнинѣ, на которой предполагалось его осуществить. Рѣки Зея и Амуръ дали почвѣ этой равнины совсѣмъ не то очертаніе горизонтальное и вертикальное, какое требовалось по проекту. И вотъ, чертежомъ полюбовались и свернули его, а первая, и до времени единственная, улица въ новой колоніи потянулась, даже не совсѣмъ по прямой линіи, вдоль гребня небольшой высоты, которую можно было почти съ увѣренностью считать незаливаемою весенними полноводіями, потому что на ней росли крупныя березовыя деревья. На высотѣ этой, еще до прибытія колонистовъ, основано было 18—20 домовъ по проекту капитана Дьяченко, который прежде служилъ въ южно-русскихъ военныхъ поселеніяхъ и былъ знакомъ съ возведеніемъ скороспѣлыхъ зданій. Мазанки эти, очень удобныя въ сухомъ климатѣ южной Россіи, оказались однако же слишкомъ прохладными въ суровой странѣ устьевъ Зеи. Предлагая ихъ, какъ легчайшія для исполненія, Дьяченко какъ бы забылъ, что еще 6-го іюня Зея была въ весеннемъ разливѣ и что лѣто и осень на Амурѣ дождливы, а зима отличается морозами и большими снѣгами. Мнѣ лѣтомъ пришлось видѣть эти дома послѣ зимовки въ нихъ населенія: наружный слой глины, которымъ былъ обмазанъ плетень, мѣстами обвалился совсѣмъ, и это, къ вящшему неудобству жителей, случилось именно зимою.

М. И. Венюковъ.

Женева, сентябрь 1878 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ МЕРЗЛЯКОВЪ.

1778—1830 гг.

БІОГРАФИЧЕСКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ 1878 г. совершилось сто лѣтъ отъ рожденія Мерзлякова. Нѣкогда, одинъ изъ представительнѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета, знаменитый въ свое время теоретикъ и критикъ, замѣчательный ораторъ и поэтъ,— Мерзляковъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы, а, между тѣмъ, онъ уже почти забытъ: о немъ едва упоминаютъ руководства къ исторіи литера туры, а историческіе очерки критики и журналистики чаще краснорѣчиво умалчиваютъ. Не пора ли и не кстати ли, хоть въ настоящій моментъ, напомнить о немъ?—Такова цѣль настоящей статьи, составляющей подробную біографическую, библіографическую и критическую монографію Мерзлякова, какъ преподавателя словесности и литератора. **Н. М.**

I.

Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, ординарный профессоръ поэзіи и краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ, родился въ 1778 году, Пермской губерніи, въ городѣ Далматовѣ. Отецъ его, Ѳедоръ Алексѣевичъ, весьма небогатый купецъ этого города, могъ научить своего сына только читать и писать. Особенную охоту къ ученію и отличныя способности въ мальчикѣ первый замѣтилъ родной его дядя, Алексѣй Алексѣевичъ Мерзляковъ, служившій правителемъ канцеляріи при тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ Пермской и Тобольской губерній, Алексѣѣ Андреевичѣ Волковѣ. Онъ уговорилъ, хоть и не безъ труда, брата своего—отпустить сына въ Пермь. Начальныя основанія въ наукахъ молодой Мерзляковъ получилъ въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ, при директорѣ Иванѣ Ивановичѣ Панаевѣ (р. 1758 г., ум. 1796 г.). Въ молодости своей онъ попалъ въ общество образованныхъ людей того

времени, каковы: Новиковъ, князь Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Эминъ, Державинъ, Дмитревскій, у котораго онъ бралъ уроки декламаціи, страстно любя драматическое искусство, и занималъ его роли на домашнемъ театрѣ, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; писалъ самъ и читалъ свои сочиненія въ литературныхъ собраніяхъ,—но никогда не печаталъ,—написанныя языкомъ, какимъ въ то время едва ли кто либо писалъ; они цѣнились выше всѣхъ, читанныхъ въ тѣхъ собраніяхъ, и удостоены были вниманія наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича. Въ 1781 г. онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы и въ 1782 году опредѣленъ губернскимъ стряпчимъ въ Казань, гдѣ и женился на дочери тамошней помѣщицы Страховой, породнившись такимъ образомъ съ Державинымъ, приходившимся двоюроднымъ ея дядею.—Черезъ три года, Панаевъ переведенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пермь и, при открытіи въ Перми народныхъ училищъ, принялъ въ свое завѣдываніе пермское народное училище. Здѣсь, посѣтивъ однажды вечеромъ одного губернскаго чиновника, онъ случайно завелъ разговоръ съ 14-ти-лѣтнимъ, худо одѣтымъ мальчикомъ, принесшимъ чайникъ, который оказался племянникомъ хозяина, человѣка недостаточнаго. Отвѣты мальчика понравились Панаеву и онъ, сдѣлавъ дядѣ выговоръ за пренебреженіе воспитаніемъ племянника и употребленіе его вмѣсто слуги, на другой же день записалъ его въ училище и сталъ слѣдить за его успѣхами. Спустя годъ, мальчикъ принесъ ему свое стихотвореніе... Мальчикъ этотъ былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, а первый его стихотворный опытъ—«Ода на заключеніе мира со шведами», которая Панаевымъ была представлена Волкову, а имъ отправлена къ главному начальнику народныхъ училищъ Петру Васильевичу Завадовскому, тотъ же поднесъ ее императрицѣ Екатеринѣ II. Въ собственноручной запискѣ Мерзлякова (принадлежавшей древлехранилищу Погодина) сказано, что «благодѣтельная государыня приказала напечатать эту оду въ издаваемомъ тогда при академіи журналѣ и, сверхъ того, нѣсколько экземпляровъ, собственно для сочинителя». Они были присланы въ Пермь, при высочайшемъ рескриптѣ къ директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ въ Петербургъ или въ Москву, для продолженія наукъ. Въ 1793 г. Мерзляковъ прибылъ въ Москву и препорученъ куратору университета Михаилу Матвѣевичу Хераскову. Въ 1798 г. Мерзляковъ изъ студентовъ переименованъ былъ въ баккалавры; въ 1799 г. онъ первенствуетъ въ спискѣ печатномъ казеннокоштныхъ студентовъ, и получилъ золотую медаль.

Къ этому времени относится сближеніе Мерзлякова съ Жуковскимъ. Мерзляковъ принималъ участіе въ томъ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при университетскомъ благородномъ пансіонѣ. По выходѣ Жуковскаго изъ пансіона, учреждено было новое дружеское литературное общество, котораго правила подписаны основателями 1801 г. января 12-го. Эти дружескія общества соединяли тогда юношества университета и пансіона...

По новому образованію университета, въ царствованіе императора Александра, Мерзляковъ былъ переименованъ изъ баккалавровъ въ кандидаты, а въ 1804 г. февраля 10-го произведенъ въ магистры. Когда профессоръ Чеботаревъ, по преобразованіи университета въ 1804 г., избранъ былъ ректоромъ, Мерзляковъ занялъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Въ 1805 г. Мерзляковъ былъ вызванъ въ Петербургъ, по возвращеніи откуда получилъ степень доктора и званіе адъюнкта, въ одно и то же время. Въ 1807 г. января 23-го, избранъ, а февраля 3-го министромъ утвержденъ, экстра-ординарнымъ профессоромъ. По уставу университета, 1810 г. октября 30-го, опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. Сверхъ того, по опредѣленію совѣта, исполнялъ разныя обязанности: осматривалъ училища Московской, Костромской и Ярославской губерній, четыре года былъ членомъ училищнаго комитета; также членомъ испытательнаго комитета, со времени его открытія, учрежденнаго, по указу 6-го августа 1809 г., для испытанія служащихъ, ищущихъ VIII-го класса, чиновниковъ, и два года преподавалъ для нихъ лекціи въ университетѣ; съ 1817 по 1818 г. былъ деканомъ словеснаго отдѣленія и потомъ постоянно съ 1821 по 1828 годъ.

Мерзляковъ былъ дѣйствительнымъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ и временнымъ его предсѣдателемъ, отъ основанія его. Не проходило ни одного собранія, въ которомъ онъ не читалъ бы своихъ стиховъ или прозы, о чемъ свидѣтельствуютъ протоколы общества. Кромѣ того, въ бумагахъ его осталась Записка о трудахъ, назначавшихся имъ для младшаго поколѣнія, для сотрудниковъ общества, которыхъ хотѣлъ занять переводами изъ Библіи, изъ образцовыхъ греческихъ и латинскихъ и изъ новѣйшихъ сочиненій французскихъ и нѣмецкихъ, по части критики и эстетики. Мерзляковъ былъ также дѣйствительнымъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ, Казанскаго и Ярославскаго обществъ любителей россійской словесности; Виленскій университетъ также избралъ его въ свои почетные члены.

За два года до нашествія непріятеля, князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ предложилъ Мерзлякову, въ домѣ его, находившемся на Старой Басманной, открыть публичный курсъ словесности. Бесѣды начались въ 1812 г. и продолжались весь Великій постъ, по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Знаменитѣйшія особы столицы, литераторы, дамы, посѣщали эти чтенія. Въ десять собраній, прочтена была вся теорія изящныхъ наукъ. Содержаніе всѣхъ десяти чтеній было вкратцѣ изложено въ Московскихъ запискахъ «Вѣстника Европы» (1812 г., т. II, 228, и т. III, 59); первыя четыре бесѣды напечатаны въ томъ же журналѣ, въ концѣ 1813 г. Нашествіе непріятеля и смерть князя Бориса Владиміровича Голицына, послѣдовавшая въ 1813 г. 6-го января, отъ ранъ, полученныхъ имъ на Бородинскомъ полѣ, воспрепятствовали продолженію этихъ чтеній.

Въ 1815 г. Мерзляковъ, вмѣстѣ съ Θ. Θ. Ивановымъ и С. В. Смирновымъ, предпринялъ изданіе «Амфіона», котораго вышло 12 книгъ; здѣсь напечаталъ онъ многія свои стихотворенія и переводы, пятое чтеніе изъ публичныхъ бесѣдъ, разборъ «Россіяды», выходившій въ теченіе года. Въ «Амфіонѣ» участвовали многіе лучшіе писатели: Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Ивановъ, одинъ изъ друзей Мерзлякова... Въ слѣдующемъ году Мерзляковъ прекратилъ изданіе «Амфіона», съ тѣмъ чтобы возобновить публичныя чтенія о словесности, начатыя въ 1812 г., какъ онъ и объявилъ въ предпослѣдней книжкѣ «Амфіона». Чтенія возобновились въ домѣ Аграфены Θедоровны Кокошкиной, бывшемъ прежде графа Мамонова, противъ церкви Бориса и Глѣба. Курсъ состоялъ изъ 24-хъ чтеній и обнималъ сначала сокращенно «общія правила о краснорѣчіи и поэзіи», потомъ «изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій», и наконецъ, «чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ россійскихъ писателей».

Позднѣйшія лекціи Мерзлякова состояли, по большей части, изъ критическихъ импровизацій,—онъ къ нимъ не готовился: приносилъ на каѳедру Ломоносова или Державина, развертывалъ, случайно открывалъ оду—и рѣчь лилась изъ устъ профессора, завися, впрочемъ, отъ настроенія духа; въ послѣднее время эти вдохновенныя минуты бывали рѣже... «Я слушалъ его лекціи въ университетѣ (1813—1817),—говоритъ одинъ изъ его современниковъ [1],—надобно сказать, что здѣсь онъ посѣщалъ ихъ лѣниво, приходилъ рѣдко, иногда, прождавши его съ четверть часа, мы расходились... Лучшее время

---

[1]) М. А. Дмитріевъ, въ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти», 2-е изданіе, М. 1869 г., стр. 159—160, 162, 164—165. Н. М.

жизни Мерзлякова было до 1812 г. Это время для него было самое пріятнѣйшее, самое цвѣтущее и для человѣка и для поэта: время, исполненное мечтаній—несбывшихся, но тѣмъ не менѣе оживлявшихъ пылкую его душу. Въ это время онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ сельцѣ Жадочахъ, подмосковной Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ всѣ его любили, цѣнили его талантъ, его добрую душу, его необыкновенное простосердечіе, лелѣяли и берегли его природную безпечность... Въ 1812 г. Вельяминовы-Зерновы уѣхали въ свою орловскую деревню. Мерзляковъ былъ у нихъ при отъѣздѣ и проводилъ ихъ. Тамъ прожили они три года; возвратились уже въ 1815 г. Во все это время Мерзляковъ не видалъ ихъ. Они нашли его уже женатымъ. По возвращеніи, сколько ни приглашалъ его отецъ этого семейства, онъ уже не хотѣлъ быть у нихъ, и ни разу не былъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ воспользоваться отвычкою, чтобы искоренить вовсе прежнее чувство и не возобновить прежнихъ впечатлѣній своего сердца. Но вмѣстѣ съ отвычкою отъ этого семейства и отъ ихъ общества, Мерзляковъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ другую привычку. Обыкновенное общество, въ которомъ онъ тогда бывалъ, состояло, правда, изъ людей, занимающихся литературою; но вечера ихъ оканчивались веселымъ ужиномъ, шампанское смѣнялось пуншемъ, и этотъ-то образъ жизни рѣшительно отдалилъ совѣстливаго Мерзлякова отъ прежнихъ знакомствъ его. Женившись, онъ отсталъ и отъ прежняго свѣтскаго общества; дико было ему уже въ немъ являться»... Мерзляковъ женился въ 1815 г. на Любовь Васильевнѣ Смирновой, съ братомъ которой, Семеномъ Васильевичемъ, былъ связанъ родствомъ, пріязнію и литературнымъ общеніемъ. Въ супружествѣ прожилъ пятнадцать лѣтъ, будучи, какъ семьянинъ, примѣрнымъ супругомъ и отцомъ дѣтей, которыхъ оставилъ четверо, отъ 14-ти лѣтъ до полутора года. Въ остальные года жизни, Мерзляковъ нерѣдко подвергался изнурительнымъ болѣзнямъ. 1830 г. іюня 26-го, на празднествѣ семидесятипятилѣтняго юбилея Московскаго университета, онъ, уже больной и слабый, читалъ свои стихи «Юбилей», а ровно черезъ мѣсяцъ, 26-го іюля, скончался на своей дачѣ, въ Сокольникахъ, гдѣ жилъ съ семействомъ, для подкрѣпленія здоровья; іюля 29-го отданъ послѣдній священный долгъ и тѣло предано землѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ признательные ученики соорудили на могилѣ его памятникъ... [1]). Слушатели

---

[1]) Въ семействѣ сохранился его портретъ, хотя написанный грубою живописью, но замѣчательный по сходству. Съ него есть гравюра, сдѣланная Фроловымъ; еще съ мертваго, заботою М. П. Погодина, снята была маска славнымъ ваятелемъ Витали, и по ней сдѣланъ бюстъ, отличающійся и сходствомъ и мастерствомъ исполненія... Мерзляковъ былъ мужчина невысокаго

любили его какъ профессора и какъ человѣка, потому что онъ всегда входилъ въ ихъ нужды; будучи самъ воспитанъ нуждою, понималъ и уважалъ бѣдность, какъ возбудительницу дарованія... Имѣвши значительное вліяніе, въ свое время, на развитіе вкуса и любви къ словесности своихъ современниковъ, говоривши и писавши не мало, онъ оставилъ по себѣ много сочиненій, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ обнаруживаются его трудолюбіе и его талантъ, хотя шедшій по невѣрному направленію, въ увлеченіи господствующими понятіями объ искусствѣ, которыхъ онъ упорно и неизмѣнно держался, какъ это увидимъ изъ просмотра его сочиненій.

II.

Мерзляковъ долженъ быть разсматриваемъ и судимъ какъ преподаватель, теоретикъ и критикъ, какъ ораторъ и поэтъ—оригинальный и переводчикъ.

Мерзляковъ началъ преподаваніе словесности въ университетѣ съ 1805—1806 и непрерывно продолжалъ по 1829—1830 академическій годъ. Предметъ преподаванія его состоялъ изъ теоріи поэзіи, обнимавшей правила всѣхъ родовъ поэзіи, и риторики, заключавшей въ себѣ правила всѣхъ родовъ прозы; теоріи онъ предпосылалъ иногда введеніе, въ которомъ излагалъ общія эстетическія начала и присоединялъ критическіе разборы произведеній знаменитѣйшихъ русскихъ писателей, соединяя съ этимъ разборъ собственныхъ упражненій въ словесности учащихся. Главнымъ руководствомъ, при преподаваніи, Мерзлякову служило сочиненіе Эшембурга Entwourf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften, слѣдуя которому и даже переводя буквально, онъ издалъ учебники: 1) Краткая риторика или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ, 2-е изд. 1817, а 3-е 1821 г. 2) Краткое начертаніе теоріи изящной слове-

роста, широкоплечій и плотный, грудь имѣлъ широкую, голову большую. Волосы на ней были подстрижены почти въ кружало. Изъ-подъ густыхъ бровей и длинныхъ рѣсницъ свѣтились сѣрые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклыя; ротъ широкій, нижняя губа нѣсколько выдавалась, особливо во время чтенія. Органъ голоса былъ густъ, громокъ, но не совсѣмъ явственъ. Стихи читалъ онъ на-распѣвъ, иногда усиливая, иногда уменьшая звуки голоса. (См. статью Шевырева о Мерзляковѣ въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета». М. 1855 г. (ч. II, стр. 98), изъ которой заимствованы біографическія и библіографическія данныя, съ дополненіями изъ другихъ источниковъ, — въ этомъ изложеніи, а также съ собственными замѣчаніями автора. Н. М.

сности въ 2-хъ ч., 1822 г. 3) Краткое руководство къ эстетикѣ, переводъ изд. Эшембурга 1829 г., а въ 1827 г., въ числѣ конспектовъ отдѣленія словесныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, Мерзляковъ напечаталъ: 4) Конспектъ лекцій россійскаго краснорѣчія и поэзіи, въ заключеніи котораго самъ сознался, что его «Краткое начертаніе теоріи изящной словесности» есть переводъ изъ Эшембурга, что́ слѣдуетъ сказать и о его риторикѣ. Слѣдуя неизмѣнно оригиналу, переводчикъ не только не усовершенствовалъ его, напротивъ, ослабилъ, напримѣръ, выпустивъ многочисленную библіографію, придававшую ученое значеніе сочиненію Эшембурга; въ примѣненіи же нѣмецкаго учебника къ русскому преподаванію ограничился тѣмъ, что къ именамъ иностранныхъ образцовыхъ писателей, упоминаемыхъ Эшембургомъ, Мерзляковъ прибавилъ кратко имена русскихъ, и тамъ, гдѣ нѣмецъ, трактуя о размѣрахъ стиха, отдаетъ преимущество языку нѣмецкому предъ другими новѣйшими языками—относительно его способности подражать размѣрамъ древняго стихосложенія и въ употребленіи бѣлыхъ ямбовъ,—русскій педагогъ то же самое справедливо примѣняетъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ, и къ русскому языку. Мѣстами, впрочемъ, Мерзляковъ отступалъ отъ своего руководителя, но въ чемъ?... Эшембургъ признаетъ начало, которое Баттё полагалъ въ подражаніи изящной природѣ, за недостаточное, потому что оно не примѣняется ко всѣмъ отдѣльнымъ родамъ искусствъ и оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ: какое средство употребляетъ сама природа, чтобы удовлетворить нашему вкусу къ красотѣ?—Эшембургъ, вмѣстѣ съ Баумгартеномъ, ставитъ высшимъ началомъ для изящныхъ искусствъ «чувственное совершенство», предоставленное чувствомъ и напечатлѣнное на предметахъ нашего ощущенія; Мерзляковъ приводитъ оба мнѣнія, и Баттё и Эшембурга, но остается при мнѣніи французскаго теоретика, говоря, что подражаніе природѣ эстетическое, въ полномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть также принято за начало всѣхъ искусствъ. Эшембургъ цѣлью всякаго искусственнаго представленія полагаетъ очарованіе, но такое, посредствомъ котораго идеальное получаетъ напечатлѣніе дѣйствительности, такъ что представленіе черезъ то является вмѣстѣ и чувственнымъ и совершеннымъ; Мерзляковъ признаетъ очарованіе точно въ такомъ же ложномъ значеніи, какъ признавало его ученіе Баттё и всей поэзіи псевдоклассической французской школы, утверждая, что цѣль каждаго искусственнаго представленія есть очарованіе, или умышленно произведенный обманъ, по которому «искусственное подражаніе принимается за существенность и за непосредственное созерцаніе». Мерзляковъ, какъ теоретикъ, оставаясь при руководствѣ Эшем-

бурга, не слѣдилъ нисколько за успѣхами своей науки на Западѣ и не воспользовался даже тѣмъ, что въ ней сдѣлано его славными предшественниками въ Германіи. Къ нѣмцамъ онъ не питалъ сочувствія въ ихъ эстетическомъ ученіи, а Эшембурга, если и держался, то лишь потому, что въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ находилъ отголосокъ французской теоріи, но и тутъ измѣнялъ въ немъ, какъ выше упомянуто, то, что съ нею не согласовалось. Главнымъ стремленіемъ Эшембурговой теоріи, какъ и его послѣдователя Мерзлякова, было не столько сознаніе законовъ красоты въ явленіяхъ изящнаго, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, сколько установленіе общихъ правилъ для художниковъ. Но и самое убѣжденіе въ прочности этихъ правилъ не было въ Мерзляковѣ твердо, и онъ, при вступленіи въ науку, уже сомнѣвается въ возможности ея самобытнаго существованія: «Произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго; самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ... Только критика вкуса имѣетъ здѣсь свой голосъ»... Это положеніе, высказанное въ «Краткомъ начертаніи теоріи изящной словесности» Мерзлякова, возбудило противъ него даже его учениковъ, уважавшихъ его. Князь Одоевскій въ «Мнемозинѣ» (1824 г.) спрашиваетъ: «На чемъ же должна основываться эта критика вкуса, если изящное не можетъ имѣть подлинныхъ строгихъ законовъ?... Пора знать, что есть другія основанія для теоріи изящнаго, кромѣ тѣхъ, о которыхъ толкуется въ нашихъ риторикахъ и піитикахъ — краткихъ и пространныхъ, сочинители коихъ какъ будто спали сномъ Эпимениды, и, проснувшись, начали толковать о томъ, что говорили ихъ учителя». Точно также взглядъ Мерзлякова на происхожденіе искусствъ, высказанный имъ въ разсужденіи «О началѣ и духѣ древней поэзіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ», напечатанномъ, въ качествѣ предисловія, къ «Подражаніямъ и переводамъ изъ латинскихъ и греческихъ стихотворцевъ» (1825—1826 гг.), вооружилъ противъ него Веневитинова— молодаго человѣка, подававшаго большія надежды, рано пресѣкшіяся смертію. Онъ доказалъ («Сынъ Отечества» 1825 г. и сочиненія Веневитинова 1862 г., стран. 185) несостоятельность его понятій и доводовъ, и на положеніе Мерзлякова, что «трагедія и комедія, такъ, какъ всѣ изящныя искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому»,—возразилъ, что «поэтъ, безъ сомнѣнія, заимствуетъ изъ природы форму искусства, ибо нѣтъ формы внѣ природы; но и «подражательность» не могла породить искусствъ, которыя проистекаютъ отъ избытка

чувствъ и мыслей въ человѣкѣ и отъ нравственной его дѣятельности» и что «не стремленіе къ подражанію правитъ умомъ человѣка и онъ не есть въ природѣ существо, единственно страдательное». Въ началѣ этой статьи Веневитинова, онъ говоритъ: «Разсужденіе Мерзлякова «О началѣ и духѣ древней трагедіи» оправдываетъ истину, давно извѣстную, что тотъ, кто чувствуетъ, не всегда можетъ отдать себѣ и другимъ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Красоты поэзіи близки сердцу человѣческому, и, слѣдовательно, легко ему понятны; но чтобы произнесть общее сужденіе о поэзіи, чтобы опредѣлить достоинства поэта, надобно основать свой приговоръ на мысли опредѣленной, и эта мысль не господствуетъ въ теоріи г. Мерзлякова, въ которой главная ошибка есть, можетъ быть, недостатокъ теоріи: ибо нельзя назвать симъ именемъ искры чувствъ, разбросанныя понятія о поэзіи, часто облеченныя прелестью живописнаго слова, но не связанныя между собою, не озаренныя общимъ взглядомъ и перебитыя явными противорѣчіями» (стр. 181—182). Въ заключеніе же своего разбора разсужденія Мерзлякова, Веневитиновъ замѣчаетъ: «Въ дополненіе къ рецензіи моей на разсужденіе г. Мерзлякова, скажу, что еслибъ оно появилось за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, то безспорно бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литератора болѣе самостоятельности. Слѣды французскихъ разсужденій исчезаютъ въ нашихъ теоріяхъ, и Россія можетъ назвать нѣсколько сочиненій въ семъ родѣ, по всему праву ей принадлежащихъ. Между ними заслуживаетъ особеннаго вниманія «Амалтея» г. Кронеберга, харьковскаго профессора. Въ сей книгѣ не должно искать теоретической полноты и порядка; но въ ней заключаются ясныя понятія о поэзіи, и она доказываетъ, что авторъ искренно посвятилъ себя изящнымъ наукамъ и слѣдитъ за ихъ успѣхами» (стр. 189 — 190). Выше замѣчено, что Мерзляковъ именно-то нисколько не слѣдилъ за успѣхами своей науки на Западѣ, не воспользовался и тѣмъ, что выработано для нея въ Германіи. Такъ, въ 1826 г. было перепечатано, съ маловажными измѣненіями, вышеупомянутое предисловіе къ 1-й ч. «Подражаній и переводовъ» Мерзлякова «о трехъ греческихъ трагикахъ», въ которомъ Мерзляковъ ставитъ Эврипида выше Эсхила и Софокла,—что, кромѣ того, что само по себѣ было невѣрно, да было и несовременно, послѣ разбора этихъ трехъ трагиковъ Августомъ Шлегелемъ, показавшимъ, какъ Эврипидъ уступаетъ и Софоклу и Эсхилу. Теперь же замѣтимъ, что вообще историческое изученіе словесности не далось Мерзлякову: въ своемъ Конспектѣ, во введеніи къ риторикѣ, онъ хотя упоминаетъ объ исторіи словесности, но изъ его словъ видно, какъ онъ слабо сознаетъ необ-

ходимость историческаго изученія ея, и это, конечно, потому, что сознаніе такого изученія въ его время еще не вполнѣ уяснилось и утвердилось.—Шаткость и сбивчивость Мерзлякова, какъ преподавателя словесности, обнаруживаются не только, какъ указано выше, въ его теоретическихъ о ней понятіяхъ, но и въ практическомъ систематизированіи предметовъ, ее составляющихъ. Принявъ два главные рода поэзіи—эпическій и драматическій—на основаніи, данномъ Гораціемъ, что поэтъ или отъ себя говоритъ, или заставляетъ говорить другихъ, Мерзляковъ лирическую поэзію включилъ въ число видовъ эпической, не давъ самостоятельнаго значенія тому роду, котораго самъ въ русской поэзіи былъ даровитымъ представителемъ; сущность поэмы и драмы у Мерзлякова одна и та же—дѣйствіе, съ тою разницею, что въ поэмѣ оно уже совершилось, а въ драмѣ видимо совершается; теорію романа, съ повѣстью и сказкою, Эшембургъ помѣстилъ въ своей риторикѣ, и Мерзляковъ также, въ изданіи риторики 1817 г., тамъ ее оставилъ, но въ изданіи «Начертанія теоріи изящной словесности» 1822 г. перенесъ теорію романа въ піитику, а въ «Конспектѣ» 1827 г. снова включилъ ее, подъ именемъ вымышленныхъ повѣствованій, въ теорію краснорѣчія.

Болѣе самостоятельныя воззрѣнія Мерзлякова по теоріи словесности обнаруживаются въ его отдѣльныхъ статьяхъ, къ которымъ относятся слѣдующія его разсужденія или, правильнѣе, лекціи, читанныя имъ въ 1812 году: 1) О талантахъ стихотворца («Вѣстникъ Европы» 1812 г., т. V, 204); 2) О геніи, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ («Вѣстникъ Европы», т. VI, 24 и 199); 3) Объ изящной словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ («Вѣстникъ Европы» 1813 г., т. II, 210); 4) Объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи («Вѣстникъ Европы» 1813 г., т. III, 190); 5) Чтеніе пятое въ бесѣдахъ любителей словесности въ Москвѣ, съ объяснительнымъ примѣчаніемъ о происхожденіи этихъ чтеній («Амфіонъ», кн. VII, 72); 6) О томъ, что называется дѣйствіе драмы и объ его главнѣйшихъ свойствахъ (чтен. 10-е въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., т. III, 105 и 172); 7) Разсужденіе о драмѣ вообще («Труды Общ.» 1820 г., т. XXII, 62).—Изъ всѣхъ этихъ разсужденій ясно видно, что Мерзляковъ обнаруживалъ самостоятельныя воззрѣнія въ сферѣ своей спеціальности лишь тогда, какъ покидалъ свои авторитеты и предавался своему внутреннему внушенію, своему врожденному ощущенію красоты и своимъ непосредственнымъ наблюденіямъ природы и искусства. Мерзляковъ не любилъ нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на умозрительныхъ построеніяхъ. «Вотъ гдѣ система!»—говаривалъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце,

какъ объ этомъ разсказано въ рецензіи на «Пѣсни и романсы», напечатанной въ № 5 «Телескопа» 1831 г.; въ одной-же изъ рѣчей своихъ «О началѣ, ходѣ и успѣхахъ словесности» Мерзляковъ выразился ироническимъ лаконизмомъ: «Оставимъ системы, которыя всѣ почтенны и знать ихъ, конечно, должно!»—Но за то и собственныя его статьи страдаютъ недостаткомъ строгой сознательной системы и нерѣдко представляютъ лишь вдохновенныя варіаціи на научныя темы. Предметомъ словесныхъ наукъ, какъ преподаватель, Мерзляковъ принималъ два: языкъ и словесность, разумѣя подъ послѣднею поэзію и краснорѣчіе. Главнымъ предметомъ его собственныхъ занятій была словесность, языкомъ-же занимался онъ какъ стилистъ, а не какъ филологъ. Когда Общество любителей россійской словесности предприняло изданіе производнаго словаря, Мерзляковъ, временный предсѣдатель общества, былъ присоединенъ къ собирателямъ словаря и по этому случаю, въ засѣданіи общества 1819 г. мая 31-го, представилъ краткую о томъ записку («Труды Общ.» ч. XVI, 234), въ которой, между прочимъ, выразился: «Хорошій словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ позднѣйшихъ въ ходѣ образованности народной, плодомъ усовершенствованной уже грамматики и здравой логики»,—какъ-бы намекая на несовременность и неприготовленность нашу къ занятіямъ лексикографическимъ. Во второмъ томѣ «Сочиненій Общества» (1822 г.), онъ напечаталъ производнаго словаря букву В, подписавъ своимъ именемъ, въ чемъ отчасти далъ канву Словарь россійской академіи.

Къ критическимъ статьямъ Мерзлякова относятся слѣдующія: 1) Разсужденіе о россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи («Труды Общества любителей россійской словесности», часть I, 53), въ которомъ замѣчательны многія, хотя краткія, характеристики русскихъ писателей. 2) «Россіяда», поэма эпическая г. Хераскова, письмо къ другу («Амфіонъ» 1815 г., кн. I, 52; кн. II, 26; кн. III, 94; кн. V, 81; кн. VI, 2; кн. VIII, 86; кн. IX, 49). Въ видѣ письма къ Жуковскому, Мерзляковъ въ семи статьяхъ представилъ полный разборъ «Россіяды», на основаніи началъ своей теоріи: въ первой, послѣ общихъ похвалъ поэмѣ Хераскова, излагается ея содержаніе по пѣснямъ; во второй показаны недостатки въ изобрѣтеніи содержанія и расположенія поэмы; въ третьей заявлено отсутствіе чудеснаго—такого, какого требуется отъ эпической поэмы; въ четвертой и пятой статьяхъ указаны недостатки главныхъ характеровъ, съ изъятіемъ въ пользу нѣкоторыхъ; шестая и седьмая статьи посвящены разбору слога. Эта критика возбудила противорѣчіе въ молодомъ тогда писателѣ П. М. Строевѣ, который былъ еще студен-

томъ университета и въ своемъ журналѣ «Современный Наблюдатель» (1815 г., №№ 1 и 3) осмѣлился публично противорѣчить Мерзлякову.—3) Разборъ осьмой оды Ломоносова «Царей и царствъ земныхъ отрада» («Труды Общества» 1817 г., VII, 28), въ которомъ критикъ указываетъ на постоянное совершенствованіе Ломоносова въ одахъ, по мѣрѣ того, какъ онъ отступалъ отъ своего постояннаго нѣмецкаго образца Гинтера. 4) Разборъ оперы «Мельникъ» (отрывокъ изъ чтенія XV-го въ «Вѣстникѣ Европы», т. II, 113). Рѣшая заданный ему вопросъ—«Отчего такъ долго и постоянно опера «Мельникъ» удерживается на нашемъ театрѣ?»—критикъ причину ея успѣха объясняетъ не тѣмъ, что она написана въ русскихъ нравахъ, а тѣмъ, что піеса «удовлетворяетъ правиламъ вкуса», т. е. законамъ Аристотеля, наставленіямъ Горація, предписаніямъ Буало, про которыхъ Аблесимовъ-самоучка, вѣроятно, знать не зналъ—вѣдать не вѣдалъ.—5) Сумароковъ («Вѣстникъ Европы», 1817 г., т. III, 257; т. IV, 26 и 106). Разбирая его драматическія сочиненія съ уваженіемъ къ авторитетному писателю, критикъ безпощадно выводитъ наружу недостатки Сумарокова и, разсматривая всѣ десять трагедій его, по порядку ихъ выхода, Мерзляковъ не только не находитъ никакого постепеннаго совершенствованія въ трагикѣ, напротивъ того,—скорѣй упадокъ въ послѣднихъ его трагедіяхъ. Не смотря на уваженіе къ старому писателю, Мерзляковъ насмѣшливо излагаетъ содержаніе Хорева, Гамлета, Аристоны, Ярополка и Демизы, Вышеслава и Мстислава; лучшими-же трагедіями признаетъ «Синава и Трувора» да «Семиру». О трагедіи «Дмитрій Самозванецъ», имѣвшей долгій успѣхъ на сценѣ, Мерзляковъ прямо говоритъ: «Она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія того-же автора... во всѣхъ пяти актахъ никакого дѣйствія.... Содержаніе трагедіи: тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя. На это потрачено не болѣе одного дня. Единство мѣста—верхъ нелѣпости, ибо все происходитъ въ одной и той-же залѣ... Всѣ лица похожи на китайскія тѣни... Главный герой есть чудовище, исполненное несообразностей»... «Остается за трагедіею одно только стихотворство, болѣе обработанное, нежели въ прочихъ драмахъ». Объ устарѣлости языка въ піесахъ Сумарокова вотъ какъ выражается Мерзляковъ: «языкъ нашъ, не достигшій еще надлежащей своей опредѣленности, образуется безпрерывно вмѣстѣ съ нашимъ вкусомъ; почему знать, можетъ быть, и нынѣшніе такъ называемые лучшіе писатели, черезъ 30 лѣтъ, будутъ такъ же немилосердно забыты, какъ теперь отъ многихъ полуученыхъ забыты почтенные наши Ломоносовъ и Сумароковъ!» Предсказаніе Мерзлякова

относительно слывшихъ тогда лучшими писателями сбылось ранѣе назначеннаго имъ срока; но Ломоносовъ и Сумароковъ не забыты и не будутъ забыты, будучи укрѣплены навсегда въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ признаніемъ ихъ подлиннаго историческаго значенія [1]). 6) Державинъ («Труды Общества» 1820 г., ч. XVIII, 5). Мерзляковъ, лично знавши Державина и пользовавшійся его благосклонностью, по собственнымъ его словамъ, — чрезъ четыре года послѣ его смерти, такъ отзывается о немъ: «Державинъ первый далъ одѣ нашей видъ Гораціанскій, исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ, наполняемыхъ общими риторическими мѣстами и располагаемыхъ по обыкновеннымъ формамъ: этотъ недостатокъ замѣтенъ и въ великомъ Ломоносовѣ, а въ послѣдователяхъ его несравненно болѣе. Ода Ломоносова, при всемъ своемъ величіи, носила еще оковы; ода Державина въ первый разъ съ распущенными крыльями воспарила орломъ къ небесамъ». «Въ сочиненіяхъ Державина, — замѣчаетъ Мерзляковъ, —находится много современныхъ ему отношеній, безъ изъясненія которыхъ нельзя понимать его, а потому необходимо издать къ нимъ историческій комментарій».—Далѣе слѣдуетъ разборъ нѣкоторыхъ духовныхъ, героическихъ и философскихъ одъ Державина. Согласный съ общимъ мнѣніемъ объ одѣ «Богъ», Мерзляковъ находитъ въ ней недостатокъ, что поэтъ, воспѣвая свойства Предвѣчнаго Существа, много говоритъ о пространствѣ, блескѣ или свѣтѣ, мѣрѣ и числѣ, а очень мало о всемогуществѣ, премудрости и благости, которыя ближе къ сердцу человѣческому: самъ въ своей одѣ «Къ Непостижимому» Мерзляковъ особенно воспѣлъ эти свойства Божіи. По сужденію Мерзлякова, Державинъ уступаетъ Ломоносову въ преложеніи псалмовъ Давидовыхъ. Точно также въ одахъ героическихъ Мерзляковъ видитъ въ Ломоносовѣ опаснаго соперника Державину, а превосходнѣйшею одою его по плану признаетъ «На взятіе Варшавы». Послѣднія драматическія произведенія лирика онъ мѣтко и остро называлъ на лекціяхъ своихъ «развалинами Державина»... А между тѣмъ критикъ обошелъ вниманіемъ наилучшій и оригинальнѣйшій, Державинымъ изобрѣтенный и ему принадлежащій, отдѣлъ стихотвореній, въ которыхъ поэтъ, по собственному его выраженію—«первый дерзнулъ забавнымъ русскимъ слогомъ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить и истину царямъ съ улыбкой говорить»,—отдѣлъ, въ которомъ, весело

---

[1]) Въ разборѣ трагедіи зятя Сумарокова, Княжнина, «Рославъ» («Вѣстникъ Европы» 1817 г., № 10) произнесено строгое сужденіе за несообразность сюжета и неестественность характеровъ. **Н. М.**

шутя,—ѣдко обличалъ сильныхъ міра и грозно каралъ слабости и недостатки своихъ современниковъ, однимъ словомъ,—отдѣлъ одъ съ сатирическимъ пошибомъ!.. 7) Разборъ трагедіи «Поликсена» г. Озерова. (Чтеніе XV въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., т. I, 269; т. II, 17). Разборъ этотъ, какъ и послѣдующіе, входилъ во вторую половину публичнаго курса, къ которой Мерзляковъ прилагалъ изложенную въ первыхъ десяти чтеніяхъ теорію къ образцамъ русской словесности, и намѣревался издать всѣ свои сочиненія о словесности, заключающія полную теорію изящныхъ наукъ и разборы знаменитѣйшихъ отечественныхъ писателей: Ломоносова, Сумарокова, Державина, Озерова и другихъ. (Изъ его Записки). Критикъ сравниваетъ эту трагедію съ трагедіями подобнаго содержанія Эврипида, Сенеки и Шатобріана, указывая на заимствованія и отдавая преимущество нашему трагику въ томъ, что онъ умѣлъ сосредоточить единство содержанія около одного лица—Поликсены; но порицаетъ его за то, что онъ, удаливъ идею судьбы, участвовавшей въ гибели Поликсены, по понятіямъ древнихъ, причину ея выставилъ въ мщеніи Пирра и корыстолюбіи Улисса. Мерзляковъ негодуетъ на Озерова за эти характеры, говоря, что «авторъ обязанъ непремѣнно, взявъ характеры древнихъ нравовъ, сближать ихъ, сколько можно, съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется, какъ дѣйствительно и поступали Корнели, Расины, Вольтеры и всѣ поставившіе трагедію на нынѣшнюю степень совершенства». 8) Разборъ трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ», г. Озерова (Чтеніе XVI, въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., т. II, 267, и т. III, 25). Отдавая правдивыя похвалы многимъ сценамъ, монологамъ, слогу трагедіи, Мерзляковъ также справедливо порицаетъ Озерова за то, «что онъ поступалъ съ басней своей насильственно», отдаетъ преимущество простотѣ содержанія трагедіи Софокла и, укоряя Озерова въ увлеченіи Дюсисомъ, измѣнившимъ развязку, выражается такъ о французахъ: «Можетъ быть, онъ въ этомъ слѣдовалъ французамъ, которые часто бываютъ слишкомъ нѣжны: они боятся разстроить нервную систему своихъ соотечественниковъ, не смѣютъ показать на сценѣ страдальческую смерть мужа добродѣтельнаго; такая нѣжность часто бываетъ притворное или утонченное жеманство, плодъ испорченнаго вкуса,—жеманство, которое доставило вялость многимъ французскимъ трагедіямъ; во всемъ должна быть мѣра». Здѣсь-же находится и разборъ «Фингала» (томъ III, стр. 35); въ отношеніи заимствованія содержанія, Мерзляковъ называетъ эту трагедію «новымъ шагомъ въ нашей словесности»; но онъ порицаетъ рѣшительно самое содержаніе, какъ недостаточное для дѣйствія драматическаго. 9) О характе-

рахъ трехъ греческихъ трагиковъ («Труды Общества» 1826 г., ч. II, 22) есть не болѣе какъ, съ маловажными нѣкоторыми перемѣнами, перепечатанное предисловіе къ первой части «Подражаній и переводовъ», гдѣ Мерзляковъ, по обладанію силами трагическими, ставитъ Эврипида выше Эсхила и Софокла, хотя такое мнѣніе было уже несвоевременно послѣ изслѣдованія объ этихъ трагикахъ Августа Шлегеля (какъ объ этомъ сказано выше). Здѣсь могло быть и вліяніе французовъ, которые предпочитали Еврипида и охотно подражали ему. Но если рабское подчиненіе Мерзлякова французскому псевдоклассическому кодексу словесности и слѣпое увлеченіе французскими псевдоклассиками дѣлали его равнодушнымъ и чуждымъ внѣ этой сферы, то тамъ, гдѣ онъ поддавался непосредственному своему чутью изящнаго,—вообще шаткую свою теорію, основанную на исключительномъ довѣріи къ своимъ учителямъ и образцамъ, замѣнялъ природнымъ здравымъ смысломъ; онъ глядѣлъ прямо и судилъ вѣрно, какъ это доказываютъ его разборы отечественныхъ поэтовъ и ихъ произведеній.—10) О вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, особливо стихотворныя, по ихъ существеннымъ достоинствамъ. (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. «Труды Общества любителей россійской словесности» 1822 года, ч. II, 5). Въ этомъ разсужденіи авторъ объясняетъ необходимость и великое значеніе критики и указываетъ на ея правила и обязанности, соединивъ въ одно черты идеальнаго критика, какъ этотъ идеалъ представлялся ему и онъ стремился проявить его въ себѣ. Для полноты, вотъ остальныя небольшія критическія статьи Мерзлякова въ тѣхъже «Трудахъ Общества»: 11) Разборъ оды Капниста «Къ несчастному» (т. XV). 12) О сочиненіяхъ г-жи Наумовой (т. XX, 66).—13). О Сокольскомъ и его сочиненіяхъ (т. XVI, 116, въ приложеніи 13). Сокольскій, кандидатъ Московскаго университета, одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Мерзлякова, переводилъ изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, писалъ народныя пѣсни, по примѣру учителя, и эти, равно и другія произведенія, печаталъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Амфіонѣ» и въ петербургскихъ журналахъ, особенно въ «Сынѣ Отечества»; онъ умеръ рано, не осуществивъ возлагавшихся на него надеждъ... Мерзляковъ вотъ какъ выражается о сочувствіи Сокольскаго къ нѣмецкой литературѣ: «Сокольскій болѣе всего былъ привязанъ къ нѣмецкой литературѣ, хотя онъ очень хорошо зналъ въ подлинникахъ греческую, латинскую и французскую словесность; это припадокъ времени». Слова эти выражаютъ антипатію Мерзлякова къ новой школѣ, главой которой былъ его другъ Жуковскій, и хотя самъ Мерзляковъ не брезгалъ преложеніями изъ Шиллера, но

преложенія эти были своего особеннаго характера. Вѣдь Мерзлякову и въ другихъ литературахъ были не по вкусу — да еще какія всемірныя свѣтила поэзіи, какъ, напримѣръ, Дантъ—въ италіанской, изъ которой Мерзляковъ переводилъ псевдоклассическую поэму, или въ англійской—Шекспиръ—началоположникъ и глава новой драматической словесности: ужъ не потому-ли, что патріархъ и законодатель французской литературы, обожаемый Сумароковымъ, Вольтеръ, на ихъ обоихъ положилъ свою тяжелую руку? Извѣстенъ его отзывъ о поэмѣ Данта: «Отымите у Данта шестьдесятъ — восемьдесятъ стиховъ, остальное—туманъ, варварство, тривіальность, мракъ»... Шекспира-же ругалъ: «пьянымъ дикаремъ, пошлымъ канатнымъ плясуномъ, паяцемъ въ лохмотьяхъ, жалкою обезьяной», утверждая, что онъ: «вообще отличается крайнимъ безвкусіемъ и совершеннымъ незнаніемъ драматическихъ правилъ».—Сумароковъ, величавшій Корнеля, Расина, Вольтера «преславными трагиками», называлъ Шекспира «непросвѣщеннымъ», говорилъ о немъ: «Шекспиръ—англійскій трагикъ и комикъ, у котораго и очень худова и чрезвычайно хорошево очень много». Антипатія-же Мерзлякова относилась не только къ нѣмецкой литературѣ, въ которой онъ проглядѣлъ, или умышленно игнорировалъ, такого гиганта, какъ Гёте, но вообще къ романтической поэзіи, которой не понималъ и, по предвзятымъ своимъ идеямъ, сочувствовать не могъ... Поэтому онъ и въ отечественной литературѣ неблагосклонно относился къ новой литературной школѣ, основанной Карамзинымъ и продолжаемой Жуковскимъ, не говоря уже о Пушкинѣ: читая «Кавказскаго плѣнника», онъ, какъ разсказываютъ, плакалъ, но одобрить не рѣшался; а прочитавъ «Цыганъ» въ цензурномъ комитетѣ, при всѣхъ назвалъ это сочиненіе неблагопристойнымъ и безнравственнымъ... Примѣромъ и доказательствомъ ожесточенія его противъ «новшествъ» литературныхъ было извѣстное Письмо изъ Сибири («Труды Общества» 1818 г., т. XI) и сопровождавшая его закулисная литературная исторія, въ которой Мерзляковъ не пощадилъ друга своего Жуковскаго. Предметами этого письма были гекзаметры и баллады. Споръ о гекзаметрахъ былъ тогда вопросомъ современнымъ, и Мерзляковъ доказывалъ, что не Востоковъ отрылъ гекзаметры, а Ломоносовъ, извѣстны были они еще Тредьяковскому и другимъ писателямъ; что у насъ не можетъ быть ни греческихъ, ни латинскихъ гекзаметровъ, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, и проч. Другой предметъ «Письма» составлялъ распространенный тогда Жуковскимъ видъ поэзіи — баллады, которыя Мерзляковъ еще въ разборѣ «Россіяды», назвавъ прекрасными, указалъ на неловкое племя его подражателей; здѣсь-же явно вооружился противъ

самой баллады, какъ злоупотребленія, нарушающаго правила поэзіи и законы изящнаго, возвысивъ надъ нею басню, процвѣтавшую въ русской поэзіи, и приправилъ выходками противъ поэтическихъ разсказовъ и балладъ Жуковскаго... Одинъ изъ современниковъ, и въ ту пору самъ бывшій дѣйствительнымъ членомъ общества и присутствовавшій въ засѣданіи общества [1]), разсказываетъ, какимъ образомъ это письмо, будто-бы полученное изъ Сибири, прочтено было Мерзляковымъ въ одномъ засѣданіи общества, гдѣ присутствовалъ Жуковскій, какъ членъ, не смотря на то, что въ статьѣ этой ясно было указано на «Адельстана» Жуковскаго, на двѣ огромныя руки, появлявшіяся изъ бездны, на его «Карбункулъ» и «Овсяный кисель», какъ на злоупотребленія поэзіи и гекзаметра. Предсѣдатель общества, Антонскій, примирилъ друзей, которыхъ разводили несогласныя понятія о литературѣ; въ печатномъ изданіи «Письма» оно перепечатано сокращенно. Современникъ оправдываетъ Мерзлякова такъ: «Но и здѣсь, я думаю, нельзя вполнѣ винить Мерзлякова. Напротивъ, мнѣ кажется, что самая добросовѣстность и желаніе добра литературѣ побудили его къ этому возстанію; не хорошо было только средство. Старая привычка къ классицизму, старое убѣжденіе и опасеніе нововведеній, колебавшихъ тогда нашу литературу: вотъ что было причиною мгновенной выходки этого добраго человѣка! Вообще, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ новымъ формамъ и новому духу нашей поэзіи. Часто онъ съ какимъ-то горькимъ чувствомъ говорилъ противъ Пушкина и Баратынскаго.—Старой привычкѣ мудрено переучиться». Нѣтъ, настоящіе вожаки литературные и заправители общественнаго мнѣнія дѣйствуютъ не такъ; они зорко сторожатъ современное развитіе, и, чтобъ не отставать отъ него, не стыдятся мѣнять своихъ убѣжденій, каковъ и былъ у насъ позднѣйшій критикъ: гораздо съ меньшимъ научнымъ подготовленіемъ, чѣмъ Мерзляковъ, но, подобно ему, въ превосходнѣйшей степени одаренный эстетическимъ чутьемъ, новый критикъ, при строгомъ наблюденіи уровня современныхъ идей, принесъ огромную пользу нашей литературѣ своимъ на нее вліяніемъ, тогда какъ Мерзляковъ не только не подвинулъ впередъ, не расширилъ понятій объ искусствѣ, но оставался назади извѣстныхъ уже въ его время и практиковавшихся на дѣлѣ.

---

[1]) М. А. Дмитріевъ, въ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти», 2-е изданіе. М. 1869 г., стр. 164—169. Н. М.

Ораторомъ Мерзляковъ является на каѳедрѣ въ торжественные дни Московскаго университета и въ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности. Такъ, онъ говорилъ на университетскомъ актѣ 1814 г. іюня 10-го Слово похвальное императору Александру Первому, августѣйшему избавителю и миротворцу Европы, тогда же напечатанное. Прежде того произнесено было имъ на актѣ ученое слово О духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи, и о вліяніи, какое она имѣла на нравы и благосостояніе Европы. Въ этомъ словѣ весьма замѣчательны слѣдующія слова Мерзлякова о русскихъ пѣсняхъ: «О! какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ! Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть! Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются и, наконецъ, совсѣмъ уступятъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе подобнаго несравненной пѣснѣ Игорю!»... Къ ораторскимъ же сочиненіямъ Мерзлякова относятся и нѣкоторыя разсужденія, читанныя въ Обществѣ любителей россійской словесности: 1) Рѣчь, произнесенная въ первое засѣданіе общества, объ изгнаніи непріятелей, въ которой, между прочимъ, находится обзоръ всего сдѣланнаго членами общества на пользу русскаго языка и словесности. 2) Воспоминаніе о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Ивановѣ («Тр. Общ.» 1817 г., ч. III, стр. 94): это воспоминаніе написано, согласно обычаю общества—рѣчами чтить память умершихъ своихъ сочленовъ. Оно содержитъ многія замѣчательныя подробности объ Ивановѣ, питомцѣ академической гимназіи, морякѣ, авторѣ драмы «Семейство Старичковыхъ» и многихъ другихъ піесъ; общество поручило Мерзлякову—собрать и издать сочиненія и переводы Иванова, которые напечатаны въ 1824 году, въ 4-хъ частяхъ. 3) О вкусѣ и его измѣненіяхъ («Тр. Общ.» 1817 г., ч. X, 3). 4) О началѣ, ходѣ и успѣхахъ словесности («Тр. Общ.» 1819 г. XIII, 1). 5) Разсужденіе объ истинныхъ качествахъ поэта и оратора («Тр. Общ. Л. Р. С.» 1824 г., ч. IV, 172).

Какъ поэтъ, Мерзляковъ началъ рано пробовать свои силы. Сказано выше, что еще въ пермскомъ народномъ училищѣ онъ, на четырнадцатомъ году, дебютировалъ своею одой «На заключеніе мира

со Швеціею» [1]), составившею ему карьеру. Ко времени университетскихъ его занятій относятся первые его стихотворные опыты, напечатанные въ журналѣ Подшивалова «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1796, 1797 и 1798 гг.). Въ продолженіе своего ученія и послѣ, онъ съ охотою занимался древними и новыми языками; изъ послѣднихъ особенно любилъ италіанскій и переводилъ много; любимѣйшими же его изъ италіанскихъ поэтовъ были Тассъ, Метастазій и Альфіери. Въ 1801 году, по вступленіи на престолъ императора Александра Перваго, когда, на поздравительные отъ университета стихи, государь отвѣчалъ благосклонными рескриптами на имя куратора князя Голицына и директора Тургенева, университетъ Московскій праздновалъ это событіе торжественнымъ собраніемъ, тогда и баккалавръ Мерзляковъ читалъ «Стихи на всерадостнѣйшій день восшествія на всероссійскій прародительскій престолъ государя императора и самодержца всероссійскаго Александра Павловича, 1801 г. марта 12-го». Въ этихъ стихахъ, подобно другимъ поэтамъ того времени и на тотъ случай, поэтъ-профессоръ не преминулъ представить явленіе Петра Перваго и Екатерины Второй, которая словами, обращенными къ своему внуку, новому государю Россіи, говоритъ такъ:

«Я для Тебя, Мой Внукъ преславный,
Хранила мой народъ избранный
И лавры для Тебя рвала.
Въ чертогѣ радости небесной
Я слышала въ душѣ своей
Россіи каждой вздохъ сердечной,
И каждая слеза отъ ней
Мое блаженство отравляла.
Теперь (чего давно желала!)
Въ Тебѣ, Тобой жить буду я!»

А вотъ слова юнаго государя Александра къ прощеннымъ и освобожденнымъ отъ наказаній, которымъ они были подвергнуты:

«Утѣшьтесь, чада бѣдъ и муки!
Нѣтъ ни изгнаній, ни разлуки!
Отецъ, спѣши къ своимъ сынамъ!
Братъ съ братомъ нѣжно обнимся!»

---

[1]) Въ статьѣ о Мерзляковѣ, помѣщенной въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, М. 1855 г.», сказано, что, не смотря на поиски, нельзя было отыскать этой оды въ современныхъ изданіяхъ академіи; но въ послѣдствіи она найдена и напечатана въ собраніи стихотвореній Мерзлякова. М. 1867 г., стр. 43. Н. М.

Въ Запискахъ современника [1]) приведены стихи изъ оды Мерзлякова «На разрушеніе Вавилона»:

«Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ.
Яремъ позорной прекратился,
Желѣзной скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!»

При этомъ сдѣлано такое замѣчаніе: «Многіе обвиняли Мерзлякова за эту оду . . . .
. . . .
. . . . Но я увѣренъ, что добродушный Алексѣй Ѳедоровичъ не имѣлъ никакой посторонней мысли, а напечаталъ свою оду просто какъ произведеніе поэзіи. Если же она пришлась не ко времени, то это объясняется тѣмъ, что онъ былъ совсѣмъ не дипломатъ и не придворный». Но это можно объяснить гораздо проще и вѣроятнѣе, что Мерзляковъ, благоговѣвшій предъ Ломоносовымъ и Державинымъ и подражавшій имъ, не могъ пропустить случая, чтобы не повторить не только настроенія лиры этихъ двухъ бардовъ, но и самыхъ пріемовъ ихъ пѣснопѣній при подобныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у Ломоносова въ одахъ и панегирикѣ Елисаветѣ и у Державина въ его привѣтствіяхъ на восшествіе на престолъ Александра; но для современниковъ намеки на это были слишкомъ близки, хотя со стороны поэта онѣ—лишь риторическія мѣста. Въ томъ же 1801 году Мерзляковъ напечаталъ свое лирическое стихотвореніе «Слава», напоминающее своею формою «Гимнъ къ радости» Шиллера. Въ выходившихъ трудахъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, подъ названіемъ «Утренняя Заря», съ 1800 по 1808 годъ печатались стихотворенія Мерзлякова и въ томъ числѣ «Наука стихотворная къ Пизонамъ» и подъ переводомъ въ примѣчаніи объяснено: «переведенная, съ подлинника, обучающимъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ русскому слогу Алексѣемъ Мерзляковымъ». Всѣ эти стихотворенія были перепечатаны въ «Избранныхъ сочиненіяхъ изъ «Утренней Зари», вышедшихъ въ 1809 году. Оригинальныя Мерзлякова стихотворенія, кромѣ явившихся въ годъ его смерти (1830 г.) «Пѣсней и роман

---

[1]) М. А. Дмитріевъ въ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти» 2-е изд. М. 1869 г., стр. 166. Н. М.

совъ», печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ «Трудахъ общества любителей россійской словесности» и въ «Актахъ» Московскаго университета; многія перепечатаны въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ» 1821 г., 2-е изданіе, въ 6-ти томахъ, и въ новомъ собраніи того же года (2 части). Отдѣльно же всѣ стихотворныя произведенія Мерзлякова, оригинальныя и нѣкоторыя переводныя (за исключеніемъ 22-хъ неотысканныхъ), напечатаны однажды, слишкомъ черезъ четверть вѣка по его кончинѣ, отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія А. Ѳ. Мерзлякова, изданіе Общества любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 2 ч. Москва. 1867 г.». Они заключаютъ въ себѣ девять отдѣловъ: I. Стихотворенія духовныя. II. Патріотическія и торжественныя. III. На академическія торжества. IV. Пѣсни и романсы. V. Поэма лирическая «Амуръ въ первыя минуты разлуки съ Душенькой». VI. Стихотворенія для дѣтей. VII. Разныя стихотворенія. VIII. Идилліи г-жи Дезульеръ. IX. Разные переводы (изъ Шиллера, Драйдена, Поппа и Томсона). Лирика Мерзлякова обнимаетъ сферы: религіозную, государственную, общественную, частную, личную и народную. Въ первомъ отдѣлѣ, стихотвореній духовныхъ, гдѣ поэтъ вдохновлялся священною поэзіей, помѣщено шесть такихъ стихотвореній: 1) «Ода на разрушеніе Вавилона» (1805 г.), 2) «Гимнъ Непостижимому» (1805 г.), 3) «Пѣснь Моисеева по прохожденіи Чермнаго моря» (1811 г.), 4) «Пѣснь Деворы и Варака», 5) «Пѣснь Моисея предъ его кончиною собранному Израилю» и 6) «Гласъ Божій въ громѣ»; нѣкоторыя изъ нихъ были постоянно изучаемы какъ образцовыя, помѣщаемы, какъ примѣры, въ учебникахъ, хрестоматіяхъ и т. п. Въ отдѣлѣ стихотвореній патріотическихъ и торжественныхъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ подъ заглавіемъ «Обѣты россіянъ, или храмъ славы» (1812 г.) передѣлано изъ вышеупомянутаго стихотворенія «Слава» (1805 г.). Основная мысль всѣхъ этихъ стихотвореній выражена поэтомъ въ его лиро-эпическомъ стихотвореніи «Любовь къ отечеству». Въ отдѣлѣ стихотвореній на академическія торжества, поэтъ является глашатаемъ свѣтлыхъ истинъ во имя просвѣщенія, на торжественныхъ собраніяхъ университетскихъ, начиная съ 30-го іюня 1805 г.,—когда въ полномъ цвѣтѣ здоровья и крѣпости, силъ умственныхъ и нравственныхъ, онъ воспѣвалъ одою и хоромъ пятидесятилѣтіе университета,—до 26-го іюня 1830 г., когда на празднествѣ семидесятипятилѣтія университета, онъ, уже больной, слабый, прозвучалъ свою послѣднюю лебединую пѣснь «Юбилей». Подъ именемъ частной лирики разумѣются лири-

ческія изліянія мыслей и чувствъ поэта въ его отношеніяхъ семейныхъ и дружественныхъ. Мерзляковъ былъ веселый и остроумный собесѣдникъ; нерѣдко онъ оживлялъ общество стихотворными импровизаціями. Разсказываютъ, что въ этомъ онъ состязался съ даровитымъ музыкантомъ Давыдовымъ: кто скорѣе напишетъ—онъ-ли стихи, или потомъ Давыдовъ положитъ на нихъ музыку? На литературныхъ вечерахъ Мерзляковъ съ Воейковымъ играли въ карты—не на деньги, а на стихи, которые Мерзляковъ переводилъ изъ «Садовъ» Делиля, а Воейковъ бралъ, какъ свою собственность, и вставлялъ въ свой переводъ Делилевой поэмы, можетъ быть,—нѣсколько передѣлавши ихъ, чтобы они подходили къ его собственному переводу. До 1812 года Мерзляковъ бывалъ часто въ Жадочахъ, въ образованномъ обществѣ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ онъ написалъ большую часть своихъ романсовъ и пѣсней, въ томъ числѣ извѣстную его пѣсню «Среди долины ровныя», что было такъ: онъ разговорился о своемъ одиночествѣ, говорилъ съ грустью, взялъ мѣлъ и на открытомъ ломберномъ столѣ написалъ почти половину этой пѣсни; потомъ подложили ему перо и бумагу, и онъ, переписавъ написанное, окончилъ тутъ же всю пѣсню. Въ собраніи его стихотвореній помѣщено одно, подъ заглавіемъ «Маршрутъ въ Жадочи», написанное, должно быть, въ 1811 году, и данное одной дамѣ, просившей поэта сообщить ей свѣдѣнія о дорогѣ. Къ отдѣлу частной лирики относятся: «Къ друзьямъ» (1803 г.), «Что есть жизнь?», «Пѣснь въ кругу друзей» (1808 г.), «Пиръ, застольная шутливая пѣснь», «Надгробная пѣснь З. А. Буринскому», сочиненная въ день его погребенія и пѣтая въ собраніи друзей его (1808 г.), «Въ альбомъ противъ альбомовъ» (1815 г.); наконецъ, сюда же принадлежитъ и помѣщенное между романсами стихотвореніе «Къ моей Любовь Васильевнѣ», то есть къ женѣ Мерзлякова, выражающее задушевныя чувства поэта, такъ сказать, на порогѣ его семейной жизни. Къ этому отдѣлу надо отнести и «Дѣтскія стихотворенія», внушенныя поэту его сочувствіемъ къ дѣтямъ, любезнымъ ему всегда. Для выраженія личнаго чувства любящей души, Мерзляковъ, какъ русскій поэтъ, съ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ, нашелъ форму въ русской народной пѣснѣ; онъ ввелъ ее въ область лирической поэзіи тогда, когда у насъ не сознавали художественной красоты нашей народной поэзіи... Русскій человѣкъ, хотя и подъ искусственной принаровкой, призналъ въ пѣсняхъ Мерзлякова свое родное. Въ числѣ романсовъ помѣщенъ «Велизарій», долго распѣвавшійся на Руси и своимъ возвышенно-трогательнымъ содержаніемъ, съ соотвѣтственною музыкой, извлекавшій долго непритворныя слезы. Но

пѣсни Мерзлякова нельзя приравнивать къ современнымъ и пользовавшимся очень большимъ успѣхомъ пѣснямъ Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго... Пѣсни Мерзлякова гораздо популярнѣе и распространены были въ большей массѣ любителей и любительницъ пѣнія, и это потому, что народный элементъ въ нихъ ощутительнѣе и ярче отражается даже въ туманѣ искусственности... Таковы, напримѣръ, его пѣсни: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить», «А что-жъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишь?», или пѣсня, раздѣленная на двѣ части, изъ которыхъ каждая начинается такими четверостишіями:

Чернобровой, черноглазой,
Молодецъ удалой,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое.

Вотъ сыръ-боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.

Здѣсь слышится что-то позднѣйшее, знакомое современному читателю, и при этомъ кстати замѣтить, что хотя Кольцовъ, по внутреннему и внѣшнему характеру своей поэзіи, безспорно и вполнѣ заслуживаетъ имя народнаго поэта, однакожъ и въ его стихотвореніяхъ нельзя не примѣтить примѣси искусственности къ чистой естественности, и они, богато проявляя въ себѣ народный духъ и народное воззрѣніе, облеченныя въ народный образъ выраженія, не были столько популярны, чтобы стать достояніемъ народа... Народъ свое отпѣлъ нѣкогда, и пѣсни его составляютъ теперь предметъ археологическаго изученія; а всякая поддѣлка останется поддѣлкой, какъ бы она искусна ни была... Какимъ же образомъ народъ проявитъ свое творчество въ будущемъ, при иныхъ условіяхъ его нравственнаго развитія,—это еще теперь задача времени.

Въ качествѣ поэта-переводчика, Мерзляковъ, воспитанный академическою гимназіей университета на изученіи языковъ греческаго и латинскаго, преимущественно переводилъ древнихъ поэтовъ, или подражалъ имъ. Первые опыты переводовъ Мерзлякова изъ древнихъ—Сцены изъ Эврипидовой Альцесты и Первая Пиндарова олимпійская ода Гіерону Сиракузскому—были напечатаны въ сборникѣ «Эфемериды», разныя сочиненія, касающіяся древней ли-

тературы, изданныя при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Москва, 1804 г. (Другое названіе «Труды любителей россійской словесности 1804 г., служащія продолженіемъ «Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія»). Эклоги Виргилія стали являться въ «Вѣстникѣ Европы» съ 1805 года, а потомъ, подъ заглавіемъ «Эклоги Виргилія Марона» съ переводами нѣкоторыхъ эклогъ Ѳеокрита, Діона и Масха, съ предисловіемъ объ эклогѣ и посвященіемъ императору Александру I, вышли въ 1807 г. «Наука стихотворства» (Ars poëtica), Посланіе Гораціево къ Пизонамъ, напечатаны въ первый разъ въ VI книгѣ «Утренней Зари» 1808 г., и послѣ перепечатаны, съ перемѣнами, въ послѣднихъ X, XI и XII книжкахъ «Амфіона» (1815 г.), наконецъ, напечатаны въ II томѣ «Собранія подражаній и переводовъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ» 1826 года. Кромѣ Гораціевой піитики, Мерзляковъ, въ 1807 году, перевелъ піитику Аристотеля, какъ о томъ заявлено было въ «Вѣстникѣ Европы» (XII); не задолго до нашествія непріятеля, онъ началъ ее печатать съ примѣчаніями, но какъ оригиналъ, такъ и бо̀льшая часть печатныхъ листовъ, погибли; Мерзляковъ перевелъ ее снова, но переводъ не вышелъ въ печать. Тогда же, до непріятеля, издавалъ онъ особою книгою Піитику Горація, напечаталъ десять листовъ съ примѣчаніями, но этотъ трудъ погибъ въ то же время. Другіе переводы изъ Гомера, Тиртея, Пиндара, Сафо, Эсхила, Софокла, Эврипида, Каллимаха, Клеонта-стоика, изъ «Энеиды» Виргилія, изъ одъ Горація, изъ Тибулла, Проперція и Овидія, печатаны были въ «Вѣстникѣ Европы», «Амфіонѣ», «Трудахъ Общества», «Ураніи» (альманахъ Погодина 1826 г.) и потомъ явились въ 1825—1826 гг., въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ», и посвящены — первый, вышедшій въ 1825 году, императору Александру I, а второй, изданный въ 1826 году, императору Николаю I; въ предисловіи ко второму тому обѣщанъ и третій томъ, но не изданъ. О способѣ самаго перевода, особенно изъ греческихъ трагиковъ, Мерзляковъ выражается такъ: «Смѣло могу сказать, что почти всѣ представляемые отрывки весьма близко преложены, но не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова... Я многое сокращалъ, что мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ или несоотвѣтственнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти, иное перестанавливалъ и соединялъ первый актъ съ пятымъ, въ своемъ отрывкѣ, дабы составить нѣчто цѣлое драматическое», и проч. Главный недостатокъ преложеній Мерзлякова состоялъ во французскомъ способѣ воззрѣнія на

это, особенно при переводѣ трагиковъ: французы не умѣли вникать въ духъ подлинника и не понимали настоящаго смысла древнихъ писателей, которыхъ уродовали,—примѣняя къ правиламъ и законамъ теоріи, извлеченной изъ поэтическихъ кодексовъ Аристотеля и Горація, жившихъ позже древнихъ поэтовъ, которымъ нерѣдко навязывали произвольныя заключенія. Къ тому же, образцы лирической, эпической и драматической поэзіи, переведенные Мерзляковымъ, страдаютъ злоупотребленіемъ славянской стихіи въ русскомъ языкѣ, отчего теряетъ поэтическая гармонія языка, какъ это замѣчаетъ кратко и Веневитиновъ въ вышеупомянутой статьѣ своей: «Г. Мерзляковъ, вопреки тирану—употребленію, часто въ стихахъ своихъ вызываетъ изъ пыльной старины выраженія, обреченныя, кажется, забвенію; конечно, чрезъ такое приращеніе языкъ его не бѣднѣетъ, не теряетъ своей силы; но онъ не имѣетъ совершенной плавности, необходимой въ нашемъ вѣкѣ, какъ счастливѣйшей приманки для читателей»... (Сочиненія Веневитинова, Спб. 1862 г., стр. 190). Къ лучшимъ переводамъ Мерзлякова должно отнести эклоги Виргилія и греческія идилліи... Сельская поэзія древнихъ и новыхъ возбуждала особенное сочувствіе въ Мерзляковѣ; отдаленные отголоски родныхъ селъ просыпались въ немъ, какъ это онъ самъ говоритъ: «Сколько бы далеко ни увлечены мы были вихремъ страстей, нуждъ, чувствуемъ, что простота есть что-то родное наше: на поля и на лѣса смотримъ какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества». „Между тѣмъ, Мерзляковъ ищетъ этой простоты въ «идилліяхъ г-жи Дезульеръ» (впервые напечатанныхъ въ 1807 г.),—у которой не было не только простоты древнихъ, но и вообще простоты, а, напротивъ того, въ высшей степени жеманная искусственность,—предпочитая ее Гебелю, надъ переводами изъ котораго Жуковскимъ Мерзляковъ даже глумился!.. Въ числѣ переводовъ Мерзлякова изъ новыхъ поэтовъ, капитальный трудъ, которымъ онъ занимался въ теченіе двадцати лѣтъ (1808—1828 гг.), былъ переводъ поэмы Тасса «Освобожденный Іерусалимъ» (М. 1828 г., 2 ч.); къ этому изданію приложено «Изображеніе жизни Тасса». Александрійскій стихъ разрушалъ все очарованіе гармонической италіанской октавы, да къ тому-жъ отягченной славянскими архаизмами. Къ числу переводовъ его изъ новыхъ принадлежатъ вышедшія въ 1806—1810 гг. и помѣщенныя въ собраніи его стихотвореній (1867 г.) четыре піесы: Лаура за клависиномъ, изъ Шиллера; Торжество Александрово, или сила музыки, кантата Драйдена; Элегія изъ Парни; Селадонъ и Аменія, изъ Том-

соновой поэмы (изъ которыхъ двѣ первыя піесы были переведены Державинымъ и Жуковскимъ). Вообще, въ его переводахъ изъ древнихъ, какъ и изъ новыхъ, равно въ его теоретическихъ взглядахъ, французы ослѣпляли его и помрачали въ немъ непосредственное чувство изящнаго: онъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ во всю жизнь и оставался вѣренъ до конца. Какъ примѣръ и доказательство, не излишне здѣсь,—въ заключеніе этого пересмотра сочиненій Мерзлякова,—сообщить слѣдующій случай. Въ послѣдній годъ (1830) жизни его, извѣстный критикъ, журналистъ и профессоръ университета Надеждинъ защищалъ свою докторскую диссертацію: «De origine, natura et fasis Poëteos, quae romantina audit»; Мерзляковъ не допускалъ законность романтизма, на томъ основаніи, что разныхъ поэзій нѣтъ, а только одна поэзія, согласная съ общимъ вкусомъ образованныхъ націй; при чемъ диспутантъ былъ остановленъ однимъ изъ его оппонентовъ, профессоромъ Цвѣтаевымъ, остроумно замѣтившимъ, что и вѣра христіанская—одна, но нельзя же отвергать различія между разными вѣроисповѣданіями—православнымъ, католическимъ и лютеранскимъ. Самый эпиграфъ къ диссертаціи «ubi vita, ibi poësia» (гдѣ жизнь, тамъ и поэзія) не нравился Мерзлякову, какъ слишкомъ расширяющій область поэзіи, которая, по его понятіямъ, должна ограничиваться «подражаніемъ изящной природѣ», да и изъ этой природы совѣтовалъ избирать для подражанія только такіе предметы, которые имѣютъ ближайшее вліяніе на человѣка, на его благо и его злосчастіе.

III.

Вотъ всѣ сочиненія Мерзлякова, извѣстныя до сихъ поръ.— Сказано выше, что его стихотворенія изданы въ 1867 году. Прозаическія же сочиненія, какъ тоже упомянуто, разсѣяны по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Судьба ихъ объяснена такъ въ предисловіи къ названному выше собранію его стихотвореній. Въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, 16-го февраля 1863 года, предсѣдатель М. П. Погодинъ предложилъ издать на иждивеніе общества, подъ редакціею его членовъ, полное собраніе сочиненій Мерзлякова, бывшаго въ числѣ первыхъ основателей этого общества съ 1811 г., дѣятельнѣйшимъ его членомъ и временнымъ его предсѣдателемъ. Общество единодушно выразило полное сочувствіе предложенію Погодина и просило его войти по этому предмету въ сношенія съ семействомъ Мерзлякова, объяснивъ, что всѣ имѣющіяся получиться, за вычетомъ издержекъ на изданіе, выгоды поступятъ въ пользу его наслѣдниковъ. Подлинная рукопись сочиненій Мерзлякова находилась у Погодина; но черезъ нѣсколько лѣтъ вдова покойнаго вытребовала ее для отправленія ко второму своему сыну, служившему тогда въ Петербургѣ; но это не состоялось, и Владиміръ Алексѣевичъ Мерзляковъ увѣдомилъ общество, что рукописи отъ матери не получалъ, и что она, вѣроятно, осталась у брата, Семена Алексѣевича, который умеръ въ больницѣ, не оставивъ послѣ себя никакихъ рукописей; послѣ вдовы въ домѣ также ничего не найдено. Вслѣдствіе того Общество любителей россійской словесности, чрезъ неоднократныя публикаціи въ московскихъ и петербургскихъ вѣдомостяхъ, вызывало тѣхъ, у кого могла находиться рукопись, прося доставить ее въ общество; но всѣ старанія отыскать рукопись сочиненій Мерзлякова остались тщетными. За неимѣніемъ подлинной рукописи, секретарь общества М. Н. Лонгиновъ составилъ планъ изданія и списокъ всѣхъ извѣстныхъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, сочиненій Мерзлякова. Отчего же Общество любителей россійской словесности до сихъ поръ не озаботилось изданіемъ, по этому списку, хоть напечатанныхъ прозаическихъ сочиненій Мерзлякова,—свѣдѣній не имѣется... А вѣдь эти,—кромѣ учебниковъ, совершенно потерявшихъ уже свою цѣнность,—теорети-

ческія и критическія статьи Мерзлякова именно и составляютъ его главную, неотъемлемую заслугу въ отечественной литературѣ и предметъ любопытства, даже и въ наше время, какъ памятники нашего эстетическаго развитія и критическаго сознанія!

Не будетъ-ли исправлено это упущеніе теперь, по случаю столѣтняго юбилея Мерзлякова, что̀, во всякомъ разѣ, было бы наилучшимъ и самымъ цѣлесообразнымъ изъявленіемъ сочувствія къ его славной памяти?

Николай Мизко.

Москва.

ХЛОПИЦКІЙ ПРИ ГРОХОВѢ

13-го февраля 1831 г.

Замѣтка.

Воспоминанія ксендза прелата Буткевича, помѣщенныя въ VIII-мъ 1868 г. «Русской Старины», (томъ XXII)вслѣдъ за весьма интересными данными относительно личности диктатора Хлопицкаго и отношеній его къ ксендзамъ, явно грѣшатъ противъ истины, когда авторъ берется за описаніе тѣхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ не былъ.

Общій тонъ добросовѣстности и безпристрастія Записокъ наводитъ на мысль, что событія эти искажены авторомъ ненамѣренно, а, вѣроятно, со словъ своихъ же собратовъ — ксендзовъ, естественно, не особенно расположенныхъ къ суровому воину, разстрѣливавшему ксендзовъ десятками, и безъ церемоніи, въ послѣдствіи, разсказавшему это Буткевичу — также ксендзу (стр. 597, 598).

Дѣло въ томъ, что Буткевичъ хотя и не былъ во время возстанія 1831 г. въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, но, со словъ свидѣтелей событій, выставляетъ Хлопицкаго какъ вздорнаго упрямца, готоваго изъ пустаго каприза бросить все въ рѣшительную минуту и уйти за границу. Такимъ будто бы выказалъ себя Хлопицкій и въ знаменитой битвѣ подъ Гроховымъ.

«Уже въ началѣ битвы,—говоритъ авторъ,—онъ (Хлопицкій) былъ весьма недоволенъ дѣйствіями генерала Круковецкаго, который началъ самостоятельно распоряжаться на лѣвомъ крылѣ. На второй день битвы, диктаторъ, разсердившись на генерала Жимирскаго за то, что сей послѣдній не съумѣлъ взять какую-то рощу, весьма важный стратегическій пунктъ, не смотря на то, что Жимирскій погибъ на полѣ битвы, бросилъ Гроховское поле и, подъ предлогомъ раны, ушелъ въ Варшаву, откуда, по истеченіи самаго непродолжительнаго времени, отправился въ Краковъ. Главнокомандующимъ былъ избранъ князь Радзивиллъ; но когда онъ отказался отъ предводитель-

ства, назначенъ былъ командующимъ полковникъ Скржинецкій. Тогда бой въ Гроховѣ продолжался еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ цѣлый день и цѣлую ночь» (стр. 610, 611).

Изъ всей приведенной выписки справедливо лишь то, что польскіе генералы, въ особенности Круковецкій, плохо слушались опытнаго Хлопицкаго; все остальное—нисколько не согласно съ истиной.

Начать съ того, что собственно Гроховское сраженіе продолжалось не два дня и ночь, а одинъ только день—13-го февраля, съ 9-ти часовъ утра до поздняго вечера [1]). Потомъ, Хлопицкій не былъ официальнымъ главнокомандующимъ, и Радзивиллъ не былъ избираемъ по удаленіи Хлопицкаго съ поля сраженія и не отказывался при этомъ отъ предводительства, и Скржинецкій никакою арміей подъ Гроховымъ не командовалъ, а официальнымъ главнокомандующимъ, съ самаго начала и до конца сраженія, былъ Радзивиллъ. Хлопицкій состоялъ при арміи частнымъ человѣкомъ и только его опытность и дарованія были причиною тому, что почти всѣ, начиная съ Радзивилла, ему подчинялись, и дѣло дѣлалось по его указаніямъ и распоряженіямъ; но эта неопредѣленность положенія имѣла слѣдствіемъ явное ослушаніе нѣкоторыхъ. Что касается Скржинецкаго, то онъ показалъ себя подъ Гроховымъ какъ храбрый, энергичный, не падающій духомъ начальникъ дивизіи, но назначенъ былъ главнокомандующимъ только послѣ Грохова.

Самымъ несправедливымъ, однако, является обвиненіе честнаго Хлопицкаго въ томъ, что онъ, недовольный Жимирскимъ, «подъ предлогомъ раны», ушелъ въ Варшаву въ самомъ началѣ сраженія (ибо послѣ этого бой длился, по словамъ автора, еще цѣлый день и цѣлую ночь). Чтобы возстановить истину, я позволю себѣ вкратцѣ напомнить тѣ факты изъ Гроховскаго сраженія, которые могутъ дать понятіе о роли и дѣятельности въ этотъ день Хлопицкаго.

Польскою арміей командовалъ Радзивиллъ, но авторитетъ Хлопицкаго, бывшаго диктатора, былъ такъ великъ, что руководилъ арміей—Хлопицкій. Русскіе наступали къ Варшавѣ по двумъ направленіямъ: съ востока, со стороны Бреста, главная армія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Дибича, и съ сѣвера—гренадеры, подъ начальствомъ Шаховскаго. Противъ Дибича, подъ Варшавой, стояла главная польская армія; противъ Шаховскаго, къ Бѣлоленкѣ, выдвинутъ былъ Круковецкій.

Прондзинскій, талантливый офицеръ польскаго генеральнаго штаба, совѣтовалъ воспользоваться разъединеніемъ русскихъ силъ и, смѣлымъ наступленіемъ противъ праваго фланга Дибича, разбить нашу армію по частямъ. Не смотря на достоинства этого плана, Хлопицкій не рѣшился при-

[1]) Наканунѣ, правда, было незначительное дѣло части войскъ у Бѣлоленки; но Бѣлоленка лежитъ верстахъ въ 12—15-ти отъ Грохова.

нять его и, конечно, никто изъ людей, серьезно изучавшихъ военное дѣло, не обвинитъ его въ этомъ, уже по одному тому, что несравненно легче дать смѣлую идею, чѣмъ взять на себя отвѣтственность за ея исполненіе, за гибель арміи и, кромѣ того, отечества; притомъ, въ данномъ случаѣ, Хлопицкій имѣлъ весьма вѣскія причины держаться заоборонительный образъ дѣйствій: позиція, избранная имъ подъ Гроховымъ, была превосходна; подъ Гроховымъ польская армія видѣла за собою Варшаву, вся Варшава—видѣла польскую армію: кромѣ храбрости — патріотизмъ, самолюбіе, тщеславіе—должны были заставить поляковъ драться львами подъ стѣнами столицы; наконецъ, наступленіе противъ превосходной арміи, съ главнокомандующимъ, пользовавшимся громкою извѣстностью, давало мало шансовъ къ успѣху, при неудачѣ же могло поставить польскую армію въ крайнее положеніе, тѣмъ болѣе, что Варшава въ этомъ случаѣ оставалась почти беззащитною.

Какъ бы то ни было, Хлопицкій рѣшилъ дать строго-оборонительный бой и въ этихъ рамкахъ выполнилъ свою задачу превосходно.

Позиція, какъ сказано, была прекрасна.

Ключъ позиціи составляла ольховая роща, расположенная въ центрѣ ея; роща эта приспособлена къ оборонѣ и защита ея ввѣрена цѣлой дивизіи Жимирскаго.

Бой начался въ 9 часовъ атакою рощи 6-мъ корпусомъ Розена, и къ 12-ти часамъ, хотя Розенъ ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, мы не успѣли овладѣть рощей; нѣсколько разъ она переходила изъ рукъ въ руки, нѣсколько разъ храбрый Розенъ лично бросался въ атаку, но къ полудню, не смотря на всѣ его усилія, роща осталась за поляками, благодаря тому, что Хлопицкій, все время слѣдившій за боемъ, во-время посылалъ подкрѣпленія изъ дивизіи Скржинецкаго. Дибичъ сердился, терялъ хладнокровіе [1]); окружающіе его были изумлены неудачей и уже начали терять довѣріе къ вождю. Однако, главнокомандующій своевременно рѣшается на новыя усилія: въ помощь 6-му корпусу даны 3-я дивизія и часть гренадеръ. Гренадеры, съ свойственнымъ имъ пыломъ, бросаются въ атаку и роща быстро переходитъ въ ихъ руки; но Хлопицкій, понимая ея значеніе, направляетъ противъ насъ огонь 32-хъ орудій, осыпаетъ русскихъ картечью, ободряетъ войска и, давъ имъ новыя подкрѣпленія, самъ ведетъ въ атаку: русскіе выбиты, два наши орудія взяты и поляки массами начинаютъ выходить изъ рощи. Минута была въ высшей степени опасная; но новые резервы и личный примѣръ фельдмаршала, Толя и Нейдгарта снова поправили дѣло: роща атакована съ фронта и съ фланговъ и, послѣ отчаяннаго 5-ти часоваго боя, перешла, наконецъ, въ руки русскихъ, похоронивъ подъ своими стволами болѣе 8,000 сражавшихся.

---

[1]) Воспоминанія Неелова.

Энергическая защита ольховой рощи не помѣшала, однако, Хлопицкому распоряжаться на другихъ пунктахъ поля сраженія. Такъ, Круковецкому, отошедшему къ Брудно (6 верстъ отъ Грохова), Хлопицкій посылаетъ неоднократныя приказанія спѣшить на поле сраженія; но Круковецкій считаетъ себя въ правѣ не исполнять ихъ и лишаетъ Хлопицкаго содѣйствія свѣжихъ силъ въ то время, когда у предводителя не оставалось въ резервѣ ни одного баталіона. Точно также Лубенскій, которому послано приказаніе поддержать усилія пѣхоты кавалеріей, отговаривается неудобствомъ мѣстности для кавалерійскихъ атакъ.

Съ потерею рощи бой былъ проигранъ; но это не уменьшаетъ энергіи Хлопицкаго. Онъ вновь устраиваетъ пѣхоту, воодушевляетъ ее и хочетъ ввести въ дѣло кавалерію. Въ это самое время граната ранитъ его въ обѣ ноги и его уносятъ съ поля сраженія.

Вотъ роль Хлопицкаго подъ Гроховымъ.

Съ отбытіемъ его, все упало духомъ энергія исчезла, распространилось уныніе. Главнокомандующій Радзивиллъ, вмѣсто распоряженій, молился, и на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія; Шембекъ, начальникъ дивизіи, обливался слезами; всѣ суетились; одинъ Скржинецкій сохранилъ присутствіе духа, вслѣдствіе чего и избранъ былъ, по отступленіи поляковъ въ Варшаву, главнокомандующимъ.

Александръ Витмеръ.

Ялта, 1878 г.

Примѣчаніе. Считаемъ нелишнимъ исправить ошибку, вкравшуюся въ Записки солдата Назарова. Онъ разсказываетъ, какъ былъ раненъ подъ Лейпцигомъ 4-го октября 1813 г., какъ скитался по разнымъ госпиталямъ и, марта 9-го, 10-го 1814 г., участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ. Послѣ чего безостановочно «гнали французовъ до Парижа» и заняли его 19-го марта (стр. 338, томъ XXII, изд. 1878 г.). Память, очевидно, измѣнила старому воину: сраженіе при Бауценѣ было въ 1813 г., 8-го и 9-го мая, и самый Бауценъ, какъ извѣстно, находится не во Франціи, а въ Саксонской Лузаціи. Не идетъ-ли здѣсь рѣчь о сраженіи при Арси (Arcis sur Aube), бывшемъ 8-го и 9-го марта 1814 года, послѣ чего главныя силы союзниковъ дѣйствительно безостановочно дошли до Парижа.

А. В.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Письмо къ архіепископу Платону отъ архимандрита Симонова монастыря Амвросія, 2-го декабря 1782 г.

Высокопреосвященный владыко, московскій архіепископъ! Успенскаго собора ключарь Иванъ Макаровъ объявилъ мнѣ запискою вашего высокопреосвященства слѣдующее приказаніе. Что онъ, Макаровъ, сего 1782 года октября 12-го дня, призыванъ былъ святѣйшаго сүнода въ контору въ собраніе, гдѣ ему приказано отъ вашего высокопреосвященства объявить мнѣ, архимандриту, чтобы я кланялся вашему высокопреосвященству въ священнослуженіи политичнымъ образомъ, пониже. Получа сіе приказаніе, осмѣливаюсь доложить вамъ, что оно меня привело въ немалое удивленіе, вопервыхъ, потому, что самъ Богъ положилъ заповѣдь сію: Господу Богу твоему поклонишася,—того, что низко или пониже кланяться—не предписалъ, почему обыкновенно равными образы кланяются Ему, яко не на внѣшнее тѣлодвиженіе, но на сердце смиренное взирающаго. Во вторыхъ, высочайшая по Немъ власть, всемилостивѣйшая наша монархиня, такихъ качествъ поклоновъ не благоволитъ, что всѣмъ вѣдомо и видимо. А хотя извѣстная въ свѣтѣ особа (папа римскій) противнымъ тому образомъ поступаетъ, но она тѣмъ самымъ недостойна, чтобъ мнѣ во образецъ ее приводить. Сверхъ того, мнѣ довольно извѣстно, сколько она какъ другими преосвященными, такъ и вами, за то самое ненавидимая; чего для не соблаговолите-ль, ваше высокопреосвященство, примѣромъ Бога и помазанницы Его не принужденнымъ, но добродѣтельнымъ поклоненіемъ довольны быть, или хотя, для отвращенія впредь упрека, оное извѣстно опредѣлить, ибо я въ поклонахъ опредѣленныхъ, какіе бываютъ во извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-то рукоположеніе, не сомнѣваюсь,—не объ нихъ здѣсь говорю. Въ третьихъ, болѣе уже двадцати лѣтъ будучи я архимандритомъ, съ разными архіереями и членами святѣй-

шаго сѵнода служилъ и служу, и никто изъ нихъ меня не политичнымъ и не низкимъ поклоненіемъ не упрекалъ, почему и не знаю по какому праву долженъ я на старости учиться, чтобъ въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже кланяться высокопреосвященству вашему, нежели другимъ архіереямъ.

Напослѣдокъ осмѣливаюсь заключить, что ваше высокопреосвященство излишняго отъ меня требовать изволите. Я сіе излишество не иначе почитаю, какъ за честь притѣсненія, которыя и кромѣ того мнѣ чувствительны. О всемъ вышеписанномъ чистосердечно изъясняю, въ надеждѣ принятія во уваженіе моихъ изъясненій къ лучшей перемѣнѣ вашего ко мнѣ духа.

Съ истиннымъ моимъ почитаніемъ всегда пребуду вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга, ставропигіальнаго Симонова монастыря Архимандритъ Амвросій. Декабря 2-го дня 1782 г.

Сообщ. **М. И. Лилеевъ.**

О переселеніи менонитовъ въ Россію, съ 1787 г.

Ея И. В—во, по представленію господина генерала-фельдмаршала, государственной военной коллегіи президента, Екатеринославскаго, Таврическаго и Харьковскаго генерала-губернатора, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, и по поданному прошенію депутатовъ отъ общества менонитовъ, въ округѣ Данцигскомъ пребывающихъ и желающихъ въ Россію преселиться, высочайше указать соизволила объявить имъ, что выгоды и пособія, коими они по случаю желаемаго ими преселенія имѣютъ воспользоваться, изображены ясно въ рѣшеніи помянутаго господина генерала-фельмаршала на пункты отъ нихъ представленные; но что касается освобожденія ихъ отъ возвращенія денегъ, выданныхъ имъ по 10-му и 11-му помянутымъ пунктамъ, сего позволить не можно; а обязаны они будутъ, по прошествіи льготныхъ десяти лѣтъ, заплатить безъ процентовъ въ пять послѣдующихъ лѣтъ. Вывозъ работниковъ и работницъ изъ чужихъ краевъ, какого бы они исповѣданія ни были, имъ безпрепятственно дозволяется. Равнымъ образомъ и невозбранный выѣздъ изъ Россіи во всякое время каждому изъ сихъ поселенцевъ не будетъ воспрещенъ никоимъ образомъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ заплатилъ употребленныя на него деньги, кои, по условіямъ, съ нимъ заключеннымъ, положены къ возвращенію: буде же по прошествіи десяти льготныхъ лѣтъ онъ выѣхать похочетъ, въ такомъ случаѣ

на основаніи государственныхъ узаконеній обязанъ будетъ, сверхъ вышеписаннаго, внести трехлѣтнюю подать, какову платилъ, и тогда свободно будетъ преселиться куда пожелаетъ; о дачѣ же имъ надлежащей защиты и пособія, естьли они на сихъ основаніяхъ желаютъ въ Россію преселиться, предписано будетъ россійскому императорскому въ Гданскѣ резиденту или повѣренному въ дѣлахъ. Графъ Александръ Безбородко.

Рѣшеніе императрицы Екатерины II на семъ докладѣ: «быть по сему».

Помѣта рукою графа Безбородко: «Въ С.-Петербургѣ, 12-го августа 1787 г.».

Екатерина II и Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій [1]).

Людовикъ Филиппъ, сынъ пресловутаго Филиппа Egalité, передъ отправленіемъ въ Америку и въ ожиданіи обѣщанныхъ ему денежныхъ средствъ, вздумалъ совершить путешествіе по сѣверной Европѣ. Побывавъ на Нордкапѣ, онъ прибылъ въ финляндскій городъ Нишлотъ и отправилъ оттуда въ Петербургъ къ шведскому посланнику, графу Стединку, сопровождавшаго его графа Монжоа, съ просьбою исходатайствовать ему дозволеніе проѣхать россійскими владѣніями въ Австрію. «Вы пользуетесь уваженіемъ и милостью императрицы,—писалъ Людовикъ-Филиппъ Стединку,—и можете оказать помощь несчастному принцу». Отъ друга философовъ, отъ великой Екатерины, по видимому, нельзя было ожидать отказа въ столь простой и естественной просьбѣ. Но согласія на проѣздъ не послѣдовало. Всеобщее-ли страшилище французской революціи или преклонныя лѣта были тому причиной, только какъ-то странно было слышать изъ устъ государыни, извѣстной своими толерантствомъ и душевною добротой, такой негуманный отвѣтъ:

— «Потомку подобнаго чудовища, имя котораго Egalité!—возразила съ жаромъ Екатерина;—нѣтъ, никогда земля моего государства не запятнается стопами человѣка, который принадлежитъ къ этому ненавистному роду».

— «Государыня,—отвѣчалъ гр. Стединкъ,—вѣдь это несчастный, сокрушенный раскаяніемъ... вѣдь онъ не участвовалъ въ преступленіяхъ своего отца. Я очень хорошо зналъ г-жу Жанлисъ, первую наставницу принца, и она всегда отлично отзывалась объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Лишенный отечества, скитающійся и ищущій себѣ убѣжища, онъ желаетъ лишь про-

---

[1]) Въ послѣдствіи король французовъ. Разсказъ этотъ, взятый изъ «Біографіи Людовика Филиппа» Шатонефа (Chateauneuf), изд. 1831 г.,—приводится также въ шведскихъ современныхъ мемуарахъ, какъ слышанный отъ самого графа Стединка. А. Ч.

ѣздомъ коснуться владѣній вашего величества... Вы великодушны и справедливы. Извините меня, ежели я настаиваю»...

— «Прошу васъ, графъ, со мною болѣе объ этомъ не говорить,—прервала его Екатерина,—я не могу исполнить просьбы принца. Европа по справедливости осудитъ мое поведеніе. Если регентъ (шведскій) считаетъ возможнымъ въ этомъ отношеніи отступить отъ здравой политики, то я у себя не могу допустить подобныхъ вещей».

Ревель. Перев. и сообщ. **А. А. Чумиковъ.**

Пасторъ Зейдеръ и Макаровъ.

I.

1800 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, помѣщены «Записки пастора Зейдера о его страданіяхъ и ссылкѣ въ Сибирь въ 1800-мъ году».

Въ нихъ сказано, что обрядъ казни надъ пасторомъ Зейдеромъ послѣдовалъ 3-го іюня 1800 г. Число это въ 1800 году приходилось въ праздничный день, въ воскресенье. Едва-ли въ этотъ именно день происходила казнь. Можно сказать положительно, что Зейдеръ былъ вывезенъ на площадь для казни 2-го іюня 1800 г., въ субботу; это доказываютъ два, прилагаемые здѣсь въ копіяхъ, журнала губернскаго правленія, состоявшіеся 6-го и 12-го іюня. Изъ того и другаго видно, что отрѣшенный отъ должности губернатора князь Мещерскій получилъ увѣдомленіе полицейской экспедиціи, при которомъ Зейдеръ былъ присланъ, 2-го іюня, т. е. въ субботу, и, кромѣ того, послѣ наказанія.

Г. С.

1800 г., іюня 6-го дня, среда, въ присутствіе санктъ-петербургскаго губернскаго правленія прибыли: господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ санктъ-петербургскій гражданскій губернаторъ и кавалеръ Николай Ивановичъ Хотяинцовъ и совѣтники Карцовъ и Нордбергъ (по полуночи въ 8 часовъ). Слушали:.... (статья 35). Докладывано: по увѣдомленію здѣшней полицейской экспедиціи, на имя бывшаго здѣшняго гражданскаго губернатора и кавалера князя Мещерскаго [1]), сего іюня 2-го числа [2]) отъ здѣшней полицейской экспедиціи полученному, при коемъ препровождаетъ лишеннаго, по опредѣленію государственной юстицъ-коллегіи, аппробованному его императорскимъ величествомъ, бывшаго пастора Зейдера сего званія и достоинства и наказаннаго кнутомъ 20-ю ударами за законнопреступные поступки, для отсылки въ

---

[1]) Кн. Мещерскій отрѣшенъ отъ должности именнымъ указомъ сенату 1-го іюня 1800 г.

[2]) «Сего іюня 2-го дня» написано по подскобленному.

Нерчинскъ въ работу. И при томъ слушанъ рапортъ здѣшняго губернскаго доктора Ремезова, коимъ доноситъ, что оный Зейдеръ одержимъ конвульсіями и обмороками, за чѣмъ въ скорости и отправленъ быть не можетъ, то и представляетъ объ отправленіи его, Зейдера, въ тюремный лазаретъ для излеченія на нѣкоторое время. И для того приказали: онаго Зейдера, для излеченія болѣзни его, отослать въ тюремный лазаретъ, а губернскому доктору Ремезову дать приказъ и велѣть въ пользованіи того Зейдера употребить дѣятельныя мѣры; и коль скоро получитъ онъ отъ болѣзни хотя нѣсколько [1]) облегченіе, правленію рапортовать. О чемъ для извѣщенія кого слѣдуетъ сообщить къ здѣшнему г. военному губернатору.

1800 г. іюня 12-го дня, вторникъ, въ присутствіе санктъ-петербургскаго правленія прибыли: гражданскій губернаторъ и кавалеръ Хотяинцовъ и совѣтники: Карцовъ и Нордбергъ, по полуноши въ 8 часовъ. Слушали:... (статья 8). Имѣя разсужденіе, что присланный при увѣдомленіи здѣшней полицейской экспедиціи, на имя бывшаго здѣшняго гражданскаго губернатора и кавалера князя Мещерскаго, сего мѣсяца 2-го числа, лишенный, по опредѣленію государственной юстицъ-коллегіи, аппробованному его императорскимъ величествомъ, бывшій пасторъ Зейдеръ сего званія и достоинства и наказанный кнутомъ 20-ю ударами за законнопреступные поступки, для отсылки въ Нерчинскъ въ работу; но какъ онъ, Зейдеръ, оказался тогда болѣнъ, а потому для излеченія болѣзни отосланъ въ тюремный лазаретъ. Уважая-жъ важность преступленія его, Зейдера, а также и дабы исполнена была высочайшая конфирмація, приказали: упоминаемаго преступника, для дальнѣйшаго доставленія въ Нерчинскъ въ работу, препроводить чрезъ новгородское въ иркутское губернское правленіе при сообщеніи, за карауломъ, по открытому билету, посредствомъ земской полиціи; для чего его и съ тѣмъ билетомъ отослать въ здѣшній земскій судъ при указѣ, а сего правленія расходчику—регистратору Трофимову дать таковой же и велѣть на выдачу оному преступнику кормовыхъ денегъ, полагая до Новгорода, всего по разчисленію 14 коп., записавъ изъ хранящейся въ семъ правленіи экстраординарной суммы въ расходъ, отдать въ тотъ судъ съ роспискою, въ который на записку оныхъ и тетрадь отослать. О чемъ въ новгородское и въ иркутское губернскія правленія сообщить.

Сообщ. **Г. И. Студенкинъ.**

---

[1]) Слова: «хотя нѣсколько» прибавлены между строкъ рукою совѣтника Карцова.

II.

Въ Запискахъ пастора Зейдера („Рус. Стар.“ 1878 г. т. XXII) часто упоминается начальникъ тайной экспедиціи при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, Макаровъ. Вотъ біографическая о немъ замѣтка. Александръ Семеновичъ Макаровъ вступилъ въ службу въ 1759 году. Произведенъ въ надв. сов. 5-го іюня 1786 г. Былъ секретаремъ при рижскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Ю.Ю. Броунѣ,—потомъ служилъ въ Спб. при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ.

Въ царствованіе императора Павла, будучи въ чинѣ дѣйсв. стат. сов., получилъ (29-го мая 1799 г.), орденъ св. Анны 1-й степени. Затѣмъ, былъ былъ тайн. сов., сенаторомъ (въ 4-мъ департаментѣ сената), и начальникомъ тайной экспедиціи (состоявшей при сенатѣ, въ вѣденіи генералъ-прокурора). Ермоловъ («Русск. Архивъ» 1867 г., стр. 370) отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ «благороднѣйшемъ и великодушномъ».

Въ 1801 г., при Александрѣ I, назначенъ членомъ коммисіи, учрежденной указомъ 15-го сентября 1801 г., для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ (П. С. З. № 20,012).

Сообщ. Кн. **А. Б. Лобановъ-Ростовскій**

Сибирь и ея нужды

въ 1801 году.

Генералъ-отъ-инфантеріи Густавъ-Эрнестъ Штрандманъ, управлявшій съ 1789 по 1800 годъ сибирскимъ краемъ и командовавшій въ ономъ войсками, оставилъ нѣсколько не безъинтересныхъ проектовъ и записокъ, касавшихся устройства и состоянія этого обширнаго и богатаго края и своевременно доводившихся имъ до высочайшаго свѣдѣнія. Продолжительное, свыше 13-тилѣтнее пребываніе его въ Сибири [1]) дало ему полную возможность прослѣдить всѣ отрасли жизни, быта, естественныхъ богатствъ, промышленности и торговли края, въ которомъ онъ, между прочимъ, открылъ и разработалъ нѣсколько новыхъ серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудонахожденій, проложилъ много новыхъ торговыхъ дорогъ, воздвигъ нѣсколько храмовъ и устроилъ на пограничной китайской линіи 48 редутовъ, для обезпеченія примыкавшихъ къ ней поселеній [2]). Одна изъ записокъ, выясняющая нужды, потребности и

---

[1]) Густавъ-Эрнестъ Штрандманъ, въ чинѣ генералъ-маіора, въ 1787 году, марта 4-го, былъ назначенъ командиромъ «Сибирской дивизіи», на пограничной китайской линіи, простиравшейся въ раіонѣ его командованія на 1,200 верстъ, и занималъ эту должность до 5-го апрѣля 1789 года, когда онъ вступилъ въ управленіе сибирскимъ краемъ совмѣстно съ командованіемъ войсками онаго. **Н. Ш.**

[2]) Всѣ эти сооруженія исполнялись по планамъ, начертаннымъ самимъ генераломъ Штрандманомъ. **Н. Ш.**

интересы, какими жилъ край въ то время и представленная Штрандманомъ на воззрѣніе императора Александра Павловича, 15-го декабря 1801 года, предлагается теперь вниманію читателей «Русской Старины». Она, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что Штрандманъ, кажется, первый изъ всѣхъ настоятельно указываетъ въ ней на выгоды и необходимость присоединенія къ Россіи рѣки Амура (см. стр. 156) для торговли съ Японіей, Америкой и Остъ-Индіей. Густавъ-Эрнестъ Штрандманъ, кромѣ того, оставилъ по смерти своей обширный, собственноручно имъ писанный, дневникъ, который обнимаетъ собою событія съ 1763 по октябрь мѣсяцъ 1800 года, т. е. за 37 лѣтъ жизни. Военно-историческія, политическія и иныя обстоятельства его времени перемѣшиваются въ этихъ Запискахъ съ личными, бытовыми и семейными воспоминаніями Штрандмана, при чемъ онъ нерѣдко удѣляетъ мѣсто и характеристикѣ лицъ (отъ высшихъ до низшихъ), съ которыми ему приходилось имѣть служебныя и частныя отношенія. Первый періодъ Записокъ посвященъ событіямъ похода на Азовъ, второй—осадѣ Бендеръ и Очакова, третій—жизни и дѣятельности въ Сибири. Все это сопровождается собственноручно черченными планами и картами.

Н. К. Штрандманъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Чрезъ все тринадцатилѣтнее время пребыванія моего въ Сибири, стремилось ревностное мое вниманіе на все то, что къ приведенію въ наилучшее благосостояніе сея обширной области и къ пользамъ всего государства служить можетъ. Нѣкоторыя важнѣйшія изъ тѣхъ замѣчаній пріемлю смѣлость, яко малѣйшій знакъ всеподданнѣйшаго усердія, повергнуть предъ священнѣйшія стопы Всемилостивѣйшій государь, іюня дня, 1801 г. В. И. В-ва вѣрноподданный.

1.

Колыванская линія, простирающаяся отъ Устькаменогорска до Бійска, не соотвѣтствуетъ тому предмету, для котораго она учреждена, потому что по ту сторону сей линіи нынѣ уже находятся принадлежащіе Россійской державѣ, золотые, серебряные и мѣдные рудники; также ясашные калмыки, ясашные крестьяне и отведенныя Тобольской губерніи крестьянамъ, находящимся по сію сторону той линіи, хлѣбопашныя и сѣнокосныя мѣста, для прикрытія которыхъ, по моему мнѣнію, нужно помянутую линію подвинуть и основать такимъ образомъ: чтобъ начало ея, примкнувшись Бухтарминской крѣпости, продолжалось вверхъ по Иртышу до устья Нарыма, а оттуда вверхъ по берегу той рѣчки, окруживъ, если можно, новую селитренную гору, подвигалось бы чрезъ горы же по удобнымъ мѣстамъ до Телецкаго озера, и вдоль по озеру до Сандыбскаго редута, нынѣшней колыванской линіи, гдѣ и конецъ ей удобнѣе предложить можно. Новая сія линія, окружа всѣхъ вышеписанныхъ калмыковъ, крестьянъ, рудники и отведенныя земли, послужитъ имъ надежною защитою, если учредятся по образу нынѣшней сибир-

ской линіи, въ удобныхъ мѣстахъ, редуты, одинъ отъ другаго въ разстояніи отъ 20 до 25 верстъ, и вмѣсто points d' appuis двѣ крѣпости, одна на берегу Телецкаго озера, а другая въ горахъ, въ срединѣ между сказаннымъ озеромъ и рѣчкою Нарымомъ. Какъ въ сихъ крѣпостяхъ должно быть комендантамъ, то можно имѣть въ нихъ коммисаріатскія депо и особливо провіантскіе магазейны для снабженія ближнихъ редутовъ. Сверхъ упомянутыхъ, нужно бы еще учредить два редута: одинъ на рѣкѣ Иртышѣ, при устьѣ Черемчанки [1]), а другой при устьѣ Нарыма, гдѣ предусматривается весьма выгодное мѣсто для будущаго торгу Россіи съ китайцами. Исполненіе сего предложенія тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно соединено съ возвращеніемъ бывшихъ астраханскихъ калмыковъ, находящихся нынѣ за большимъ озеромъ Норзайсаномъ, слѣдственно, не далѣе 200 верстъ отъ Нарыма. Движеніе россійскаго войска къ рѣчкѣ Нарыму, вперяющее въ душѣ китайцевъ болѣе ужасу нежели огорченія, облегчило бы весьма возвращеніе калмыковъ, преданныхъ Россійской державѣ чрезвычайно [2]), и на требованіе которыхъ имѣетъ она священнѣйшее право. Да и полагать безъ прекословія можно, что китайцы, народъ хотя гордый, но, вящше нерѣшительный и робкій, не дерзнутъ мыслить о притязаніяхъ на сихъ калмыковъ, перешедшихъ къ намъ въ 1772 году изъ Астрахани и составляющихъ болѣе 100,000 человѣкъ, а вѣроятнѣе, что видъ военныхъ съ россійской стороны предпріятій, сверхъ вышесказаннаго, приневолитъ ихъ возстановить также и Россійскую имперію до наилучшаго состоянія по желанію Россіи.

2.

Какъ въ Сибири, для строенія и починки казенныхъ, на линіи состоящихъ домовъ, вольныхъ людей достать невозможно и колодниковъ, по обширности линіи, недостаточно, то остается единое средство—употребить на вышеупомянутую работу расположенныхъ тамъ солдатъ и казаковъ, въ тѣ времена года, когда они отъ ученія свободны, за узаконенную плату, по примѣру какъ, при блаженной памяти императрицѣ Великой Екатеринѣ, употребляли таковыхъ на починку и строеніе казенныхъ домовъ. Сіе казенное строеніе, которое въ 10-ти главныхъ, 9-ти среднихъ крѣпостяхъ, и 103-хъ редутахъ по сибирской линіи находится, состоитъ изъ генеральскихъ и офицерскихъ домовъ и солдатскихъ казармъ, гауптвахтъ, арсеналовъ, гошпиталей и цейхгаузовъ.

---

[1]) Для обузданія киргизцевъ и удержанія отъ нечаянныхъ ихъ набѣговъ.
[2]) По причинѣ великаго угнетенія китайцевъ. Н. Ш.

3.

Около края степи, гдѣ киргизскій Вали-ханъ нынѣ свое пребываніе имѣетъ (т. е. около 300 верстъ отъ Петропавловской крѣпости), находятся рудники, которые въ себѣ содержатъ серебро и мѣдь и могутъ быть съ пользою обработаны; да и перевозка или доставленіе изъ оныхъ тамъ имѣющейся руды въ россійскіе предѣлы отъ большой части быть можетъ водою по рѣкѣ Ишиму. Вали-ханъ же за сію землю, которая ему принадлежитъ, останется удовлетворенъ, когда получитъ нѣкоторое прибавленіе къ получаемому нынѣ имъ жалованью, какъ-то ежегодно 100 или 200 р. и сто пудъ муки.

4.

Томскій мушкатерскій полкъ, имѣя нынѣ свои квартиры въ Бернацкѣ, за рудниками, совершенно безполезенъ для сибирской линіи, и не прикрываетъ даже колыванскихъ рудниковъ: по сей причинѣ полезнѣе имѣть ему непремѣнныя квартиры на линіи, такъ чтобы штабъ онаго стоялъ въ Бійскѣ съ нѣкоторымъ числомъ ротъ, а прочія были бы распредѣлены по обѣимъ сторонамъ Бійска, въ ближнихъ деревняхъ. Тогда линія сибирская и рудники сей страны наилучше закрыты будутъ.

5.

Безпрестанное у киргизцевъ междоусобное грабительство и воровство скота и лошадей (баранта по тамошнему называемое) не токмо чувствительно разстроиваетъ ихъ, но и вовсе ихъ раззоряетъ, что для ближнихъ губерній, вымѣнивающихъ у нихъ всякій скотъ и лошадей довольно дешево, и продающихъ оный далѣе въ Россіи, можетъ быть современемъ чрезъ таковое скрытное ихъ всего того похищеніе, а чрезъ то и уменьшеніе онаго, весьма вредно; также и казна впредь можетъ лишиться учрежденной сего торга пошлины. Къ истребленію сего зла надлежало бы учредить у нихъ въ степи какое-нибудь правительство, которое бы завело порядокъ, спокойствіе и земледѣліе; къ сему послѣднему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываютъ они уже охоту; и къ достиженію сего предмета нужно возвратить Вали-хану вовсе потерянную власть у киргизцевъ, которую отецъ его Аблай-султанъ имѣлъ, посредствомъ ежелѣтняго отряда хорошаго штабъ-офицера и около 50 казаковъ. Сей штабъ-офицеръ, вмѣстѣ съ ханомъ и съ 4-мя или 5-ю киргизскими султанами или старшинами (однако назначаемыми сибирскимъ дивизіоннымъ начальникомъ)—разбиралъ бы споры киргизцевъ. Но въ важныхъ случаяхъ не могла бы общая сія коммисія судить, но должна представлять о томъ дивизіонному начальнику, которому надлежитъ чинить сообразно съ дѣломъ законное распоряженіе.

Подобныя же коммисіи, препорученныя хотя хорошимъ субалтернъ-офицерамъ, нужно назначить неподалеку отъ сибирской линіи еще въ двухъ мѣстахъ, т. е. одну въ степи противъ Ямышевской дистанціи, и другую въ степи же, противъ Устькаменогорской. Чрезъ сіи три коммисіи пріобрѣтетъ Россія непосредственно больше власти въ степи, какъ у хана, такъ и у прочихъ киргизцевъ, и получитъ вѣрнѣйшее увѣдомленіе о случающихся лѣтомъ ихъ непріятельскихъ намѣреніяхъ. Также и проходящіе чрезъ степь на сибирскую линію караваны изъ Бухаріи и Ташкента имѣли бы впредь отъ сихъ, въ степи находящихся, казацкихъ командъ больше защиты и безопасности. Киргизцы же въ разсужденіи ихъ собственной пользы будутъ весьма довольны сими тремя коммисіями. Но всѣ сіи опредѣленные старшины или султаны, дабы они Россіи преданнѣе были, должны получать отъ казны непремѣнное годовое жалованье, напримѣръ, по 50 р. деньгами и по 50 пудъ мукою, что для нихъ составляетъ немалую важность. Зимнимъ же временемъ сіи коммисіи не будутъ нужны, потому что киргизцы, по указу государственной иностранной коллегіи, находятся по большей части съ лошадьми и скотомъ недалеко по сію сторону линіи, въ границѣ россійской.

6.

Повелѣніе казакамъ починивать каждый годъ рогатки и редуты, въ которыхъ они живутъ, за платежъ ежедневно по 10 копѣекъ, подъ присмотромъ находящейся при Омской крѣпости инженерной команды—послужитъ къ долговременному ихъ устройству.

7.

Возобновить повелѣніе, чтобъ изъ казацкихъ дѣтей, находящихся по сибирской линіи въ гарнизонныхъ школахъ, обучаемы были въ каждой по 25 человѣкъ и болѣе, россійской грамотѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Да и самые казаки, получая мало жалованья, хотя бы противъ донскихъ казаковъ къ поощренію ихъ службы сравнены были: ибо сибирскіе казаки получаютъ каждый въ годъ только по 6-ти или 7-ми рублей, мѣсячный провіантъ, а изъ фуража—овса на одну лошадь на шесть мѣсяцевъ, за сѣно и на всѣ зимніе мѣсяца по 50 копѣекъ.

8.

Какъ роты полевыхъ полковъ стоятъ по линіи въ нѣкоторыхъ редутахъ полными и нераздѣленными, то чрезъ сіе многіе затѣмъ редуты вовсе не закрыты регулярнымъ войскомъ. Сверхъ того, неприлично, чтобы казачьи старшины командовали редутами, которые ни малѣйшаго понятія о защищеніи

оныхъ не имѣютъ. Ежели же опредѣлить по редутамъ хорошихъ, опытныхъ и добраго поведенія офицеровъ начальниками, тогда будетъ по линіи болѣе порядка и защищеніе надежнѣе. Во время преславнаго царствованія блаженной памяти государыни императрицы Екатерины Великой, командовали всѣми редутами лучшіе, выбранные гарнизонные офицеры, а изъ полевыхъ полковъ въ каждомъ редутѣ по одному капральству стояло.

9.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія блаженной памяти императора Павла I-го, казацкое войско, состоявшее по сибирской линіи подъ моимъ начальствомъ, умножено было изъ Тобольской губерніи нѣсколькими тысячами малолѣтковъ; но за отпущеніемъ изъ нихъ, по самымъ слабымъ причинамъ, бывшимъ дивизіоннымъ начальникомъ генералъ-лейтенантомъ Нефедьевымъ, знатнаго количества на прежнія жительства, является въ оныхъ ощутительный недостатокъ, и для того весьма полезно было бы обратить ихъ въ назначенное имъ, сказаннымъ высочайшимъ повелѣніемъ, мѣсто, т. е. казаки на линіи, потому что сіе казацкое войско весьма слабо и состоитъ тамъ только изъ около тысячи человѣкъ, какое число не соотвѣтственно великому пространству той линіи, объемлющей до 2,400 верстъ.

10.

Содержаніе расположенныхъ на линіи двухъ драгунскихъ полковъ, Сибирскаго и Иркутскаго, отъ котораго послѣдняя ближняя деревня въ 200 и болѣе верстъ находится, стоитъ вашему императорскому величеству ежегодно великой суммы. Но ежели расположить ихъ не на линіи, а позади оной, въ ближнихъ деревняхъ, то симъ самымъ соблюдется нарочитая сумма, издерживаемая нынѣ на перевозъ изъ тѣхъ деревень овса для нихъ, такъ какъ и съ другой стороны имъ весьма удобно будетъ въ случаѣ надобности защищать линію. Согласно съ сею двойною цѣлью могутъ стоять полки: Иркутскій въ деревняхъ при Устькаменогорскѣ, а Сибирскій въ Полуторскомъ (Ялуторскомъ?) уѣздѣ. Въ обоихъ сихъ мѣстахъ овесъ дешевъ, а сѣно на лугахъ косятъ драгуны сами за платежъ.

11.

Торговля россіянъ съ китайцами производится только въ одной Кяхтѣ, и весьма выгодно бы было распространить ее и въ другихъ мѣстахъ. Первое, наиудобнѣйшее для сего, есть устье рѣки Нарыма, при впаденіи ея въ рѣку Иртышъ на китайской границѣ, что облегчитъ путь къ Москвѣ тремя тысячами верстъ, въ сравненіи съ путемъ отъ Кяхты, и сверхъ того торгующіе, не касаясь водъ опаснаго озера Байкала, избѣгнутъ его свирѣпства. Можно также положить въ число выгодъ и водяной вдоль по Иртышу отъ

Нарыма къ Тобольску путь, который простирается на 1,800 верстъ. Сей прожектъ имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше представлять блаженной и вѣчнодостойной памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Великой, а сія премудрая законодательница удостоила его вниманія, но произвести его въ дѣйствіе воспрепятствовало отшествіе ея въ вѣчность. Хотя же отъ государя императора Павла I-го и поручено было мнѣ имѣть съ китайцами о семъ переговоры, но вскорѣ потомъ лишился я командованія и исполненіе сего осталось безъ дѣйствія. Кромѣ всѣхъ изображенныхъ въ предшедшихъ пунктахъ выгодъ для сибирской линіи и прилегшаго къ тому краю, осмѣливаюсь на всеавгустѣйшее В. И. В-ва благоусмотрѣніе представить нижеслѣдующія два обстоятельства:

12.

Еслибъ Россійской державѣ принадлежалъ лѣвый берегъ Амура, чтобъ имѣть ей свободное судоплаваніе по сей важной рѣкѣ, то вмѣстѣ съ нею потекла бы торговля въ Японію, въ Курильскіе острова, въ Америку и Остъ-Индію. Сверхъ того, перевозъ провіанта и аммуниціи отъ Якутска до Камчатки и Охотска, не иначе какъ на вьючныхъ лошадяхъ, всего черезъ 900 верстъ, по 4 пуда на лошадь, нанимаемую по 30 и болѣе—можетъ водою по рѣкѣ Амуру становиться гораздо дешевле. О пріобрѣтеніи сего важнаго судоплаванія можетъ Россія тѣмъ сильнѣе настоять, что граница ея въ прошедшемъ столѣтіи коснулась до Амура. Неравно китайцы бы стали, по требованію вышесказаннаго судоплаванія по Амуру, отказываться въ торговлѣ, существующей нынѣ при Кяхтѣ, то сіе судоплаваніе легко бы можно силою истребовать. Если же китайцы—народъ заносливый, но робкій—попротивятся въ томъ, то, кажется, Россія несравненно болѣе выиграетъ, когда она все то возьметъ, что вдоль по Амуру водяную коммуникацію съ Охотскомъ, Японіею, Америкою, Остъ-Индіею и проч. составляетъ—нежели при нынѣшней торговлѣ съ китайцами въ Кяхтѣ, ибо Россія имѣла бы тогда довольно способовъ понудить китайцевъ съ нею, даже исключительно другихъ народовъ и гдѣ ей угодно—торговать. По моему мнѣнію, вознесетъ исполненіе сего плана Россію на высочайшую степень славы и величія.

13.

И наконецъ, ежели послѣдуетъ высочайшее В. И. В-ва позволеніе на покупку или отъ монаршихъ вашихъ щедротъ вѣрноподданьымъ пожалованіе земли въ Сибири всякому имѣющему на владѣніе оною право, то къ всеобщему удивленію большая часть сей превосходной и пространной области будетъ населена въ теченіе немногихъ лѣтъ. Густавъ Штрандманъ.

Сообщ. **Н. К. Штрандманъ.**

Одно изъ прошеній Александру I.

Августѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь, Кабинетъ вашего императорскаго величества, выдавая аттестатъ 18-ти лѣтнему сыну моему и ссылаясь на высочайшую волю, изъяснилъ въ ономъ, что онъ отставленъ отъ службы за подозрѣніе въ кражѣ казеннаго перстня.

Самодержавная воля твоя, августѣйшій государь! выше закона, послѣ оной несчастный юноша не имѣетъ права искать оправданія; онъ долженъ умереть въ надеждахъ своихъ, на зарѣ жизни заклейменный вѣчнымъ безчестіемъ, вѣчнымъ позоромъ, и считать для себя единственнымъ счастіемъ ту минуту, которая прекратитъ его бытіе; но я, государь, связанный съ нимъ святою волею всемогущаго Бога, долженъ быть убѣжденъ для того, чтобы отвергнуть его отъ родительскаго крова какъ преступника, или прижать къ своему сердцу какъ страдальца невиннаго, какъ жертву случая. Вотъ основанія, по которымъ я дерзаю вопіять къ престолу твоему, дерзаю умолять тебя, великій государь, предать это дѣло законному слѣдствію и открыть вину и наказать всею строгостію суда, какъ дворянина, посягнувшаго на воровство. Тогда, какъ преступника, осрамившаго своего отца, оторву его отъ сердца и останусь чистымъ въ моей совѣсти. Но одного подозрѣнія, ничѣмъ не доказаннаго, мало для отца, мало для закона и, безъ сомнѣнія, мало для правосудія твоего, великій государь!

Ваше императорское величество! обстоятельства, въ повергаемой при семъ запискѣ изложенныя, хотя явно убѣждаютъ въ невинности, за всѣмъ тѣмъ я не оправдываю его, только испрашиваю единой милости: въ оправданіи его по суду не откажи, великій государь, отцу, прослужившему съ честію престолу твоему болѣе сорока лѣтъ; не отъемли отъ меня, самодержецъ, единственнаго сына, дозволь ему оправдать себя законами и быть полезнымъ гражданиномъ и вѣрнымъ слугою тебѣ, государь, и отечеству.

Монархъ! между твоимъ величествомъ и моимъ ничтожествомъ нѣтъ параллели, но Господь наградилъ тебя дѣтьми: взвѣсь, всемилостивѣйшій государь, и оцѣни ужасное положеніе старца при погибели единственнаго сына, и отпусти мое дерзновеніе.

Всемилостивѣйшій государь! не расчетъ холоднаго разсудка руководилъ меня въ изложеніи сей всенижайшей просьбы; нѣтъ, стонъ отчаянія и кровь моя вопіетъ правосудію твоему, природа, Богъ и законъ, для спасенія сына! Профессоръ Дерптскаго университета.

Примѣчаніе. Дѣло было изслѣдовано, молодой человѣкъ оказался невиннымъ и императоръ Александръ I повелѣлъ отцу выдать единовременно 1,000 руб. серебр., а сына опредѣлить на прежнее мѣсто съ повышеніемъ чина. Списки съ этого прошенія весьма были распространены въ свое время (до 1812 г.) и бывали въ позднѣйшіе годы въ печати. Прошеніе написано Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ для профессора П—ва, ходатайствовавшаго за своего сына. Сообщ. **А. С. Наставинъ.**

Гавриковъ и попугай.

Въ «Русскомъ Архивѣ» (изд. 1872 г., стр. 2255) помѣщенъ разсказъ о чиновникѣ, оклеветанномъ попугаемъ.

Въ свое время, объ этомъ разсказывали такимъ образомъ:

Во дворцѣ былъ попугай, съ большимъ талантомъ. Государь замѣтилъ, что попугай часто кричитъ «Гаврикову [1]) пуншу», особенно когда приходитъ въ комнату одинъ изъ лакеевъ.—Приказано было узнать что̀ это значитъ.

Оказалось, попугай, до поступленія во дворецъ принадлежалъ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной, а прежде находился у одного офицера лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Въ этомъ полку былъ офицеръ Гавриковъ. Отецъ его, младшій директоръ заемнаго банка, нерѣдко навѣщалъ сына въ казармахъ, познакомился со многими офицерами и заходилъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, а между прочимъ и къ тому, у котораго былъ попугай. Старикъ Гавриковъ былъ балагуръ, шутникъ и любилъ выпить стаканчикъ пуншу, но пьяницей отнюдь не былъ. Отъ всегдашняго ли приказанія хозяина, или училъ самъ Гавриковъ, попугай выучился говорить «Гаврикову пуншу!» Случилось, что одинъ изъ старыхъ придворныхъ лакеевъ былъ похожъ на Гаврикова.

Вскорѣ потомъ поступило представленіе къ наградамъ чиновниковъ. Государь, на вѣдомости, противу имени Гаврикова, написалъ: «Гаврикову пуншу».

Разумѣется, объяснилось, что Гавриковъ хотя употребляетъ пуншъ по обычаю, какъ и всѣ люди (того времени), но не въ излишествѣ, и должность свою исправляетъ съ особымъ усердіемъ.

Сообщ. въ 1872 г. **П. Меншиковъ.**

---

[1]) А не «Гаврюшкину», какъ сказано въ «Русскомъ Архивѣ». Сравни также выше, «Русскую Старину», томъ XXIV, стр. 55.

Ириней, епископъ Пензенскій.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г. томъ XXIII, разсказано, о бунтѣ преосвященнаго Иринея, въ бытность его въ Иркутскѣ. Этотъ разсказъ напомнилъ и мнѣ нѣкоторые разсказы очевидцевъ изъ жизни преосвященнаго Иринея, въ бытность его въ Пензѣ.

Бывшій псаломщикомъ и иподіакономъ при Иринеѣ, а потомъ священникомъ въ с. Михайловкѣ Саратовскаго уѣзда, А. В. Маловъ разсказывалъ мнѣ: пріѣдетъ, бывало, преосвященный служить обѣдню; послѣ обыкновеннаго входа, станетъ у каѳедры среди церкви, подниметъ руки и стоитъ. Сейчасъ подносятъ ему одежды для облаченія. Но преосвященный рукъ не опускаетъ, облачать нельзя. Стало быть, принесли не ту одежду. Тотчасъ діаконъ и иподіаконы назадъ въ алтарь, кладутъ другую одежду на блюдо и опять подносятъ къ преосвященному. Но преосвященный стоитъ въ томъ же положеніи—рукъ не опускаетъ и ничего не говоритъ. Это опять значитъ, что и эта одежда не та, въ которую владыка желаетъ облачаться. Снова идутъ въ алтарь, снова подбираютъ облаченіе и опять подносятъ. Послѣ уже, иногда, пяти и шести подношеній владыка, наконецъ, опускаетъ руки. Это есть знакъ, что въ эту одежду владыка желаетъ облачаться и дастъ облачить себя. Долго,—говорилъ Маловъ,—пришлось намъ и ключарю биться со владыкой: каждую службу одна и таже исторія. Но иногда случалось, что онъ давалъ облачать себя съ разу. Чтобы это значило? стали думать. Стали припоминать: когда въ какую одежду облачался владыка и, если припоминали, и въ эти дни подавали ту одежду, въ которую владыка облачался въ прошломъ году, или въ подобный праздникъ, то онъ давалъ облачать себя съ перваго разу. Наконецъ, владыка сталъ опускать руки и давать облачать себя съ перваго разу. Что же все это значитъ? Оказалось, что въ извѣстные праздники онъ требовалъ извѣстной одежды. Въ праздникъ, напримѣръ, святителя онъ требовалъ хорошей, свѣтлой одежды; во дни мучениковъ—съ крестами; въ дни Божіей Матери—голубой (или зеленой, не помнитъ). Горькимъ опытомъ, говоритъ, намъ пришлось добиться того, чтобы облачать владыку съ разу.

Начинаютъ пѣвчіе пѣть херувимскую, запоютъ; и...же...хе...ру... Владыка крикнетъ: „не ту!“ Пѣвчіе ширкъ-ширкъ листами книгъ, находятъ другую херувимскую и затягиваютъ: и...же...хе... Владыка: „не ту!“ Запѣваютъ третью, четвертую, пятую... А владыка все: не ту, да не ту. Въ книгахъ, принесенныхъ пѣвчими въ церковь, больше херувимскихъ пѣсней нѣтъ. Что дѣлать? Мальчишка-пѣвчій бѣжитъ въ архіерейской домъ, въ пѣвческую, тащитъ другія книги и начинаютъ пѣть. Опять: не ту! Наконецъ поютъ, и владыка молчитъ. Значитъ—ту, и служба пойдетъ своимъ порядкомъ. Съ

пѣснью: «достойно есть!» и концертами—та же исторія. Въ то время, когда пѣвчіе пріискивали другую херувимскую или концертъ, или бѣгали въ архіерейскій домъ за книгами, преосвященный, всѣ служившіе и присутствовавшіе въ церкви стояли неподвижно, безмолвно, какъ будто никого и не было и въ церкви, всѣ въ какомъ-то недоумѣніи, какъ будто ждали чего-то необыкновеннаго. Но, наконецъ, уладилось и это дѣло точно такъ же, какъ съ облаченіемъ.

Пензенская и Саратовская губерніи, въ то время, составляли одну епархію. Преосв. Ириней, ѣздя по епархіи для обозрѣнія, высылалъ въ Пензу безграмотныхъ священниковъ и заставлялъ ихъ учиться читать, писать и служить. Однажды, выслано было человѣкъ 50 совершенно безграмотныхъ и заучившихъ церковную службу наизустъ. Мнѣ,—говорилъ Маловъ,—много досталось потрудиться съ ними и много досталось брани отъ владыки. Во время ученья церковной службѣ этихъ священниковъ, часто присутствовалъ и владыка. Одинъ священникъ изъ села Лопуховки (Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.) и наизустъ-то почти ничего не зналъ. Онъ зналъ одно только евангеліе, которое, между прочимъ, читается и на Св. Пасху на молебнѣ: «единіи надесять ученицы»... и читалъ его всегда и на всѣхъ молебнахъ, и на всѣхъ церковныхъ службахъ. Я говорю ему,—говорилъ Маловъ,—а какое евангеліе читаешь ты при погребеніи?—Это же, едининадесятъ.—Какъ же такъ?—И тебя, с...с..., схороню, когда сдохнешь.

Самъ Маловъ, до 75-ти лѣтней старости, былъ великолѣпнѣйшимъ чтецомъ и пѣвцомъ.

Однажды,—говорилъ Маловъ,—во время служенія этого священника, приходитъ въ алтарь преосвященный Ириней. Священникъ, во время причастія, взялъ, по обыкновенію, агнецъ на руку и сталъ говорить молитву: вѣрую, Господи. Но сказавши только эти два слова: вѣрую, Господи,—сталъ что-то про-себя говорить шопотомъ. Преосвященный говоритъ ему: «говори всю молитву вслухъ». Священникъ опять: вѣрую, Господи, и зашепталъ. Преосвященный опять остановилъ и велѣлъ читать вслухъ. Тотъ опять то же. Преосвященный спрашиваетъ его:

— Знаешь ты эту молитву?

— Нѣтъ.

— Да какъ ты?..

— А я слышалъ, что попы говорятъ тутъ: вѣрую, Господи, и потомъ, что-то шепчутъ, а что шепчутъ—не разберешь, поэтому и выучить не могъ. Я только и выучилъ, что слышалъ.

Преосвященный: „Господи, помилуй! Продолжай свое дѣло!" Священникъ опять сказалъ: вѣрую, Господи, помямлилъ губами, побормоталъ и пріобщился.

Священнической должности ему, потомъ, дано уже не было.

Село Бахметевка, Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи, принадлежало

богатому, всѣми уважаемому, добрѣйшему хлѣбосолу, помѣщику Ивану Николаевичу Бахметеву, отцу нынѣшняго директора капеллы Н. Н. Бахметева. Мой родитель былъ тамъ діакономъ. Въ одно время въ этомъ селѣ и окрестностяхъ его былъ размѣщенъ гусарскій полкъ. Всѣ военные чины были постоянными гостями И. Н. Бахметева. При обычномъ обозрѣніи епархіи, пріѣзжаетъ въ с. Бахметевку преосв. Ириней. И. Н. Бахметева не было дома. Жена его, дѣти, и всѣ гости встрѣтили преосвященнаго у церкви. Но преосвященный, вышедши изъ кареты, не взглянулъ на нихъ и прошелъ прямо въ церковь. Осмотрѣвши ее и не обращая ни на кого вниманія, и не давши никому изъ подходившихъ къ нему благословенія, онъ пошелъ въ садъ, находящійся саженяхъ въ десяти отъ церкви. За нимъ пошла хозяйка и всѣ гости. Преосвященный пошелъ по саду, не говоря ни съ кѣмъ. Бывшій тутъ кн. Голицынъ нѣсколько разъ подходилъ и заговаривалъ съ преосвященнымъ; но тотъ не обращалъ на него вниманія, молчалъ и продолжалъ ходить. Проходя мимо оранжереи, преосвященный громко спросилъ, не обращаясь, однакожъ, лично ни къ кому: это что за-сарай? Обойдя садъ, вошелъ въ домъ и помолился. Тутъ хозяйка дома подошла-было подъ благословеніе, но преосвященный, какъ бы не видя ея, пошелъ въ слѣдующую комнату и тамъ помолился. Хозяйка опять-было подъ благословеніе, но преосвященный пошелъ въ слѣдующую комнату. Батюшка мой говорилъ, что и хозяйка, и гости, и мы съ священникомъ—всѣ молча ходили по всѣмъ комнатамъ за преосвященнымъ. Въ спальной онъ долго молился и клалъ большіе поклоны. Наконецъ, пришли опять въ зало. Здѣсь онъ сталъ и къ нему подошли подъ благословеніе всѣ. Г-жа Бахметева стала-было просить его отдохнуть и закусить, но преосвященный, не сказавши ни слова, вышелъ изъ дома. На дворѣ ему говорятъ: дормезъ изломался!—«Ну, починить!» и молча пошелъ опять въ домъ. Но кому чинить и какъ—объ этомъ ни слова. Въ это время подъѣхалъ хозяинъ, вышелъ поспѣшно изъ кареты и, съ хлѣбосольскимъ радушіемъ, закричалъ:

— Ваше преосвященство! Здоровы-ли вы?

— «Ты мой не лекарь!» и, не говоря болѣе ни слова, пошелъ къ нему въ домъ.

Но отъ обѣда Ивана Николаевича отдѣлаться было не легко и, дѣйствительно, засѣли обѣдать. Батюшка мой былъ тутъ-же. За обѣдомъ тостъ за тостомъ, бутылка за бутылкой. Обѣдъ давно уже кончился, а преосвященный сидитъ, да сидитъ. Барыни не знали, что и дѣлать. Въ карету преосвященному наклали всего: сотоваго меду, фруктовъ, печенья и пр., такъ что сѣсть оставили ему только маленькое мѣстечко и насилу-то насилу его выпроводили.

Изъ Бахметевки преосвященный поѣхалъ въ ближайшее село, Шереметевку. Церковь тамъ была деревянная. Священнику дано было знать, что

пріѣдетъ преосвященный; священникъ приказалъ вымыть полъ. Преосвященный, входя въ церковь, увидѣлъ, что полъ сейчасъ вымытъ, остановился и говоритъ: «что, вы къ моему пріѣзду полы-то только моете?» Обернулся назадъ и уѣхалъ въ слѣдующее село, Лопуховку. Лопуховская церковь въ это время ремонтировалась и около нея стояли лѣса. Преосвященный вышелъ изъ кареты, увидѣлъ лѣса и говоритъ: «это что? Вы убить меня хотите?» И поѣхалъ дальше.

Въ то время люди-то жили совсѣмъ не такъ, какъ нынѣ. Духовенство, напримѣръ, обходилось во всемъ своимъ домашнимъ производствомъ. Есть, напримѣръ, овечки, значитъ, есть и шуба, и полушубки. Жена и дочери, если онѣ были, изъ шерсти напрядутъ пряжи и соткутъ сукно. Стало быть, есть свои кафтанъ и онучи. Есть кожа,—сами сошьютъ и обувь; а нѣтъ,—лыки даровыя, лапти свои. Когда мой батюшка поступалъ въ священники, то прихожане прозвали его сапожникомъ. Самъ онъ, хотя не шилъ сапоговъ, но носилъ сапоги, а не лапти. До него же всѣ его предшественники и ходили и служили въ церкви въ лаптяхъ, сапоговъ же не носили никогда. Въ тотъ пріѣздъ преосв. Иринея, про который я говорю, діакону с. Шереметевки нужна была ряса, чтобы явиться къ преосвященному, а ея у него не было. Онъ взялъ свой самотканный, суконный, синій кафтанъ, отпоролъ рукава и перевернулъ: то, что было у плеча, повернулъ къ рукѣ, а конецъ узкаго рукава обернулъ къ плечу. Ну, и вышла ряса съ широкими рукавами.

ПреосвященныйИриней любилъ ѣздить, по лѣтамъ, въ д. Кропотовку, что нынѣ с. Нечаевка, Саратовскаго уѣзда, къ помѣщику Кропотову и живалъ тамъ по нѣскольку недѣль. По праздникамъ онъ ѣздилъ служить, версты за четыре, въ приходскую церковь въ с. Вязовку. Однажды онъ назначилъ служить съ нимъ священниковъ ближайшихъ селъ и назначилъ—кому встрѣтить его съ крестомъ, кому стоять среди церкви, во время чтенія часовъ и пр. Пріѣзжаетъ къ обѣдни и видитъ, что встрѣчаетъ его не тотъ священникъ, котораго онъ назначилъ. «Кто тебѣ велѣлъ встрѣчать меня?»—спросилъ онъ. Священникъ испугался и молчитъ.—«Я тебя спрашиваю: кто тебѣ велѣлъ встрѣчать меня?» Тотъ молчитъ. Преосвященный, молча, обернулся и уѣхалъ. Въ другой разъ, преосвященный, пріѣхавши, тоже къ обѣдни, вошелъ на крыльцо, да и сталъ. Діаконы кадятъ, діаконы усердствуютъ—кадятъ, а преосвященный молчитъ, смотритъ въ землю и стоитъ. Діаконы перестанутъ немного, да опять примутся усердствовать: подложатъ ладону, да и ну опять размахивать. А преосвященный стоитъ, да и только. Наконецъ-то его лакей вынулъ изъ кармана платокъ, обтеръ ему ноги, и преосвященный пошелъ въ церковь и сталъ служить.

Эти два случая разсказывалъ мнѣ бывшій, въ то время, приходскимъ священникомъ въ с. Вязовкѣ, священникъ о. Александръ Вязовскій.

Я сказалъ, что у Бахметева въ саду кн. Голицынъ нѣсколько разъ по-

ходилъ къ преосв. Иринею, заговаривалъ съ нимъ, но тотъ не отвѣчалъ ему. У насъ ходилъ анекдотъ, что, во время проѣзда черезъ Пензу императора Александра Павловича, преосвящ. Иринею былъ назначенъ часъ службы литургіи. Приходитъ назначенный часъ, а службы нѣтъ. Къ преосвященному является адъютантъ и, отъ имени государя, велитъ ему служить. Преосвященный, въ это время, читалъ предъ причастіемъ положенныя молитвы, и отвѣчаетъ: «ты адъютантъ царя земнаго, а я адъютантъ царя небеснаго». Адъютантомъ, будто бы, былъ именно встрѣтившійся теперь кн. Голицынъ. Встрѣча съ нимъ возмутила его, почему онъ и велъ себя такъ странно. Говорили, что преосв.Ириней напомнилъ кн. Голицыну объ этомъ случаѣ, за обѣдомъ у Бахметева, но батюшка мой этого не помнитъ. Можетъ быть даже, что ничего подобнаго не бывало, т. е. никакихъ адъютантовъ никогда и не посылалось, но у насъ ходилъ этотъ слухъ.

Извѣстно, что если кто выдастся чѣмъ нибудь изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, то про него пойдутъ по народу разсказы на всѣ лады, чего, на самомъ дѣлѣ, никогда и не бывало. До сихъ поръ, напримѣръ, говорятъ про преосв. Иринея: одинъ изъ военныхъ, зная его вспыльчивый характеръ, вздумалъ подсмѣяться надъ нимъ публично, въ церкви, подошелъ къ нему подъ благословеніе и сказалъ: «благослови, пастухъ!» Преосвященный, благословляя его, и говоритъ: «благословляется паршивая овца моего стада!» Повторяю, что я говорю это какъ ходящій и до сихъ поръ слухъ, не ручаясь отнюдь за его достовѣрность. Говорятъ также, что этого господина, послѣ, товарищи-офицеры задразнили паршивой овцой до того, что онъ долженъ былъ оставить службу.

N.

Исторія Россіи,

изложенная персіяниномъ.

Недавно, перелистывая обширный историческій трудъ, составленный по приказанію Наср-эддин-шаха государственнымъ исторіографомъ Мирзою-Таги и Риза-Кули-ханомъ и служащій продолженіемъ извѣстнаго сочиненія Мирконда [1]), я случайно остановился на одной изъ главъ, цѣликомъ посвященной исторіи Россіи, начиная отъ княженія Рюрика до воцаренія императора Александра I-го. Я принялся за чтеніе. Хорошо и давно знакомый съ пріемами персидскихъ бытописателей и ихъ критическимъ взглядомъ на событія, я нашелъ изложеніе ихъ на этотъ разъ на столько оригинальнымъ, что рѣшился сообщить прочитанную главу, въ дословномъ переводѣ, на страницахъ «Русской Старины».

[1]) Авторъ извѣстнаго сочиненія Роузет-ус-Сефа, т. е. Садъ непорочности, чистоты. Миркондъ род. въ 1433 г., ум. въ 1498 г. и писалъ свой трудъ въ Гератѣ.

Само собою разумѣется, что приводимый ниже разсказъ, судя по заключающимся въ немъ элементарнымъ свѣдѣніямъ, заимствованъ изъ какого-нибудь учебника, причемъ хронологія (по мусульманскому исчисленію) искажена, а факты, мѣстами, извращены самымъ безцеремоннымъ образомъ. Но если персидскимъ историкамъ не удалось избѣжать этихъ существенныхъ недостатковъ, то они успѣли снова и торжественно доказать крайне поверхностное знакомство ихъ съ былою жизнью русскаго народа и опредѣлить тотъ уровень, на которомъ въ Персіи находится историческая наука.

Ад. П. Берже.

РАЗСКАЗЪ О ВЫСОКОМЪ РОССІЙСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ, О ПОСТЕПЕННОМЪ УВЕЛИЧЕНІИ ЕГО МОГУЩЕСТВА И О СЛАВѢ РУССКИХЪ ВѢНЦЕНОСЦЕВЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Да не будетъ покрыто мракомъ неизвѣстности, что русскую націю составляютъ потомки тѣхъ самыхъ желтокожихъ, о которыхъ упоминается въ исторіи. Земля ихъ обширна; обычаи же и законы сходствовали въ древности съ обычаями и законами татаръ и монголовъ. Владычество ихъ (русскихъ) начинается съ 268 года хиджры. Падишахи ихъ назывались зар (царь), подобно тому, какъ въ Туранѣ ихъ называли ханами, въ Индіи— раями, а въ Гырджистанѣ—шарами и марами. Въ настоящее время ихъ называютъ императорами. Въ древней исторіи родоначальникомъ русскихъ считается Рюрикъ. Начиная съ его времени, русскіе въ продолженіе 120 лѣтъ были идолопоклонниками. Въ 389 году, глава ихъ Владиміръ ввелъ христіанство, заимствованное имъ изъ Юнана (Греція), черезъ что онъ и возвысился въ своемъ значеніи. Его сравнивали съ пророками. Въ 625 году Джуджи-ханъ, сынъ Чингиз-хана, властвовавшій въ Дешти-Кипчакѣ, съ татарскою арміею, покорилъ землю русскую и, оставивъ тамъ часть войска, возвратился въ свою резиденцію. Въ 774 году, Дмитрій Ивановичъ въ Москвѣ возсталъ противъ татаръ и, изгнавъ ихъ изъ предѣловъ Россіи, самъ воцарился. Спустя 30 лѣтъ послѣ этого событія, эмиръ Темур-Курекан (Тамерланъ) ополчился противъ Тахтамыш-хана и, уничтоживъ его, дошелъ до Москвы, взялъ ее и оставилъ тамъ войско. Въ 912 году царемъ на Руси сдѣлался Иванъ Васильевичъ. Онъ изгналъ войско Тимура и присоединилъ нѣкоторые города, въ томъ числѣ Мирвакъ, къ своему царству. Въ 1015 г. два короля: поланскій и шведскій, съ арміею въ 70,000 чел. пѣхоты и конницы, вторглись въ Россію, сожгли Москву и, убивъ въ ней 120,000 чел., за неимѣніемъ продовольствія, возвратились во свояси. Послѣ того главою русскихъ сдѣлался нѣкто по имени Ѳедоръ, а какъ онъ былъ бездѣтенъ, то династія его и прекратилась. Отъ начала русскаго царства до этой эпохи считается немного менѣе 700 лѣтъ.

Въ это время шуринъ Ѳедора, по имени Пурис-Гуданифъ (Борисъ Году-

новъ) дѣлался шахомъ. При немъ въ продолженіе трехъ лѣтъ свирѣпствовалъ сильный голодъ, отъ котораго погибло 500,000 чел. Пурис-Гуданифъ умеръ и Россія осталась безъ главы. Въ 1033 году она перешла къ династіи Александра Павловича. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ изъ его родственниковъ и считался главою всѣхъ церквей въ той землѣ. Онъ объявилъ народу: «Мнѣ внушено Богомъ царствующихъ, чтобы русскіе избрали падишахомъ одного изъ Ѳеодоровичей». На другой-же день окончательно объявилъ, чтобы народъ избралъ Михаила. А потому народъ выбралъ его и онъ отправилъ пословъ въ Ференгистанъ (Европу) заявить всѣмъ о своей дружбѣ. Но его царствованіе было непродолжительно. Въ 1060 году, царемъ сдѣлался сынъ Михаила, по имени Алексѣй. Онъ заключилъ договоръ съ казаками, по которому они обязывались быть съ нимъ въ союзѣ, а также повелѣлъ народу рѣшать всѣ тяжбы на основаніи христіанскаго шаріата. Отобравъ у націи всѣ древніе документы, онъ приказалъ сложить ихъ въ одну комнату, гдѣ они ночью были преднамѣренно сожжены, и затѣмъ обнародовалъ, чтобы никто ни на кого не имѣлъ претензіи; что падишахъ есть отецъ крестьянъ; что отецъ имѣетъ власть надъ сыновьями, дабы направлять ихъ на путь истины и руководить къ правдѣ. «Нынѣ,—сказалъ онъ,—власть заключается въ этой книгѣ (Уложеніе), содержащей въ себѣ науки (законы) государства и народа, и отступленіе отъ этой книги есть преступленіе». Народъ повиновался.

Алексѣй открылъ сношенія и торговлю моремъ и сухимъ путемъ со всѣми иностранными державами. Онъ отправилъ купцовъ въ Чинъ (Китай) и прочія земли съ разными товарами, которые были распроданы, а купцы возвратились съ тамошними произведеніями.

Такъ какъ онъ (Алексѣй) не имѣлъ дружбы со всѣми ференгистанскими державами, то въ устройствѣ военныхъ судовъ ему не посчастливилось. Царствованіе его продолжалось 6 лѣтъ. Онъ умеръ въ 1101 году и завѣщалъ, чтобы земля русская была раздѣлена между однимъ его сыномъ и двумя дочерьми. Ѳедоръ и Іоаннъ были рождены отъ первой его жены, а Петръ отъ второй. Сначала посадили было Ѳедора на престолъ отца, но, при существованіи Петра, ни его дѣло, ни дѣла его брата не имѣли успѣха. Царствованіе Петра, безъ самодержавія, продолжалось 6 лѣтъ. Братья его содержались подъ арестомъ.

Петръ I-й родился въ 1098 году. Едва только онъ вступилъ на престолъ падишахства, какъ установилъ законъ и съ самаго нѣжнаго возраста дѣйствовалъ какъ умнѣйшіе (?) мудрецы; подражалъ ференгистанскимъ народамъ въ заведеніи разныхъ порядковъ и, между прочимъ, регулярнаго войска.

Стихъ: Гдѣ выростетъ вѣтка розы, тамъ она дастъ и цвѣты;
Вино, которое бродитъ въ кувшинѣ, всёже останется виномъ;
Если солнце взойдетъ на западѣ, то оно всётаки остается солнцемъ, а не чѣмъ либо другимъ.

Мыслители знаютъ, что могущество Божіе не проявляется въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ; что Богъ есть Богъ вселенной, а не однихъ только мусульманъ.

Петръ имѣлъ высокій нравъ, доблестный характеръ и въ молодыхъ еще лѣтахъ выказывалъ признаки зрѣлости. Въ исторіи описаны перенесенные имъ труды и исчислены, какъ испытанныя имъ невзгоды, такъ и тѣ усилія, которыя онъ направлялъ къ воспитанію и возвеличенію своего народа. Когда онъ отправилъ посольство въ Голландію, то лично вступилъ въ свиту своего посланника. По прибытіи же въ столицу Голландіи, онъ, отдавъ себя тамошнему военному флоту, вступилъ въ плотники и долго изучалъ ихъ ремесло. Оттуда онъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ, усовершенствовавшись въ плотничествѣ, достигъ степени мастера-плотника. Петръ прожилъ тамъ два года. По ночамъ онъ бродилъ по улицамъ столицы и знакомился съ обычаями и законами жителей; днемъ-же занимался плотничествомъ. По возвращеніи въ свое государство, онъ приказалъ предпринимать поѣздки (въ Европу), такъ что въ короткое время успѣлъ образовать мастеровъ по разнаго рода ремесламъ изъ народа, до того ничего не знавшаго о подобныхъ вещахъ.

Со времени Петра, въ томъ государствѣ (Россіи) стали дѣйствовать законы; самъ онъ участвовалъ въ обученіи регулярнаго войска. Онъ прежде всѣхъ перемѣнилъ костюмъ; въ короткое время у него оказалось 30,000 регулярнаго войска, а постепеннымъ распространеніемъ ремеслъ довелъ народъ до того, что онъ умѣлъ даже дѣлать сукна и бумагу (писчую).

Въ 1117 году Петръ основалъ Петербургъ. Онъ четыре мѣсяца размышлялъ о планѣ этого города. По поводу заложенія Петербурга народъ шведскій преисполнился завистью къ Петру и, какъ пишутъ въ исторіи, вступилъ съ нимъ въ борьбу. На первыхъ порахъ Петръ испытывалъ пораженія, но кончилъ тѣмъ, что вышелъ побѣдителемъ. Въ то время ему пришлось воевать и съ высокою Портою Оттоманскою. Обѣ враждебныя арміи сошлись на берегахъ р. Прута. Екатерина, жена Петра, родомъ шведка, отличавшаяся особенною мудростію и благоразуміемъ, поправила положеніе мужа и состоявшійся между нимъ и турецкимъ садри-азамомъ мирный трактатъ послужилъ къ убійству послѣдняго. Послѣ этого похода Петръ вполнѣ усилился и въ дѣлахъ его царствованія таился смыслъ пророчества.

Сынъ Петра, Алексѣй, недостойный своего родителя и шедшій наперекоръ его желаніямъ и мудрымъ узаконеніямъ, былъ объявленъ ослушникомъ. Петръ лишилъ его сыновнаго права, а христіанскіе судьи, по внушенію разума, дали согласіе на его умерщвленіе. Онъ былъ, кажется, отравленъ и великій Петръ, избравъ жену свою Екатерину наслѣдницею, оставилъ міръ (т. е. умеръ).

Екатерина, по своимъ качествамъ, уподоблялась мужчинѣ; она оставила

по себѣ хорошую память. Она заключила союзъ съ нѣмецкою державою и съ казаками и присоединила къ своему государству земли татаръ и Мирдакъ. Передъ смертью она назначила наслѣдникомъ Петра II, внука Петра I. Ему было 12 лѣтъ; 15-ти лѣтъ онъ скончался отъ оспы.

Въ 1150 г. на престолъ вступила дочь Іоанна, втораго сына Петра (?). Въ эту эпоху авганскій владѣтель Махмудъ осадилъ Испагань. Шахъ-Султан-Хусейнъ, запершись въ городѣ, выслалъ сына своего Тахмасиба для принятія мѣръ къ его спасенію. Между тѣмъ, турки покорили Иракъ и Адербейджанъ; русскіе-же пришли въ Рештъ. Къ нимъ-то (т. е. русскимъ) и прибѣгнулъ Тахмасибъ. Такъ было до появленія Надир-шаха Авшара, очистившаго Персію отъ авганъ и турокъ и отправившаго посланцевъ просить русскихъ возвратиться во свояси. Они ушли.

Послѣ того былъ признанъ царемъ какой-то двухлѣтній ребенокъ, племянникъ Іоанна по сестрѣ, а послѣ него пожелала царствовать Елисавета, дочь Петра I. Она . . . . послѣ себя вручила державу Петру III. Онъ сдѣлался падишахомъ въ 1177 г. Черезъ 6 лѣтъ русскіе . . . . признали царицею Екатерину, его жену. Она царствовала 25 лѣтъ, вела войны съ турками, покорила Крымъ и Іоанническіе острова и постановила условіемъ, чтобы турки не препятствовали плаванію русскаго флота, который долженъ былъ поддерживать торговыя сношенія съ разными націями. Землю русскую она раздѣлила на разныя части и водрузила на вершинѣ одной скалы статую Петра. Въ 1198 г. ей оказалъ сопротивленіе грузинскій царь Ираклій.

Въ Петербургѣ Екатерина основала училище для воспитанія дѣтей высшаго сословія и эмировъ, другое училище для изученія наукъ, и всѣ расходы приняла на себя. Такимъ образомъ вездѣ были основаны школы и всякій пріобрѣталъ познанія и изучалъ ремесла, заслуживая тѣмъ монаршія милости. Другое училище было устроено въ Петербургѣ для изученія собственно кораблестроенія и правилъ морской войны.

Екатерина также устроила между Петербургомъ и Москвою удобную дорогу, по которой можно было проѣзжать безъ затрудненія. На дорогу эту было ассигновано изъ казны 4 курура [1]); 50 же тысячъ червонцевъ было назначено на московскія училища.

Когда въ 1210 г. завоеватель Ага-Мамед-шахъ Каджаръ напалъ на Тифлисъ и произвелъ тамъ всеобщее избіеніе, причемъ, кажется, было убито нѣсколько русскихъ купцовъ, Екатерина отправила войско въ персидскія владѣнія—этотъ лѣсъ львовъ. Къ этой мѣрѣ ее побудило еще другое обстоятельство. Высокорожденный братъ Ага-Мамед-шаха, по имени Муртуза-Кули-ханъ Каджаръ, въ то время молодой, стройный, красивый, и пре-

---

[1]) Куруръ—500,000 червонцевъ.

тендентъ на персидскій престолъ, отправился въ Россію и отдался подъ покровительство монархини. Онъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины, былъ близокъ къ ней и болѣе другихъ подстрекалъ ее послать войска въ Персію. Одновременно съ этимъ, Ираклій, опасаясь Персіи, а владѣтели Дагестана, Карабага и Ширвана, не имѣя возможности переносить дальнѣйшихъ опустошеній разбойниковъ, тоже обратились къ Россіи. Монархиня воспользовалась случаемъ и назначила главнокомандующимъ посылаемаго ею войска военачальника, у котораго одна нога, въ какомъ-то сраженіи, была оторвана ядромъ, а вмѣсто нея сдѣлана золотая, почему его и прозвали кизыл-аягъ, т. е. золотоногій. Ему поручено было въ командованіе 40,000 солдатъ пѣхоты и 20,000 конницы, съ несмѣтною артиллеріею. Онъ отправился въ Персію чрезъ Дербентъ. По прибытіи къ этому городу, онъ хотѣлъ овладѣть имъ, разгромивъ ядрами его стѣны. Но какъ стѣны были прочнѣе, шире и толще скалы, то ядра не произвели въ нихъ ни малѣйшаго вреда. При этомъ Ших-Али-ханъ Дербентскій множество людей покрылъ кровью (т. е. убилъ), но ему измѣнилъ нѣкто Хазар-бекъ и русскіе взяли городъ. Кизыл-аягъ, уйдя оттуда, явился на Муганской степи, и, вступивъ въ сношенія съ карабагскими ханами, открылъ съ ними, по обстоятельствамъ того времени, переговоры. Шахъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ къ Ардебилю съ безчисленною арміею, покрывшею всѣ горы и долины, и съ такимъ торжествомъ выступилъ противъ врага, что Кизылъ-аягъ не находилъ никакой возможности къ сопротивленію и потерялъ всякую надежду къ спасенію. А потому, видя себя, подобно воробью въ когтяхъ ястреба, или ягненка въ объятіяхъ волка, и узнавъ, что часть его корпуса истреблена въ Гилянѣ, а плѣнные, по приказанію шаха, убиты, онъ совершенно потерялся, не зная что предпринять. Вдругъ пришло извѣстіе, что солнце-шапочная [1]) монархиня скончалась. Пользуясь этимъ случаемъ, Кизыл-аягъ поспѣшилъ въ Россію, бросивъ на произволъ судьбы весь обозъ, который сдѣлался добычею шахскихъ войскъ — милость великаго и всемогущаго Аллаха!

Царствованіе Екатерины продолжалось 25 лѣтъ. У ней былъ сынъ Павелъ, который и вступилъ на престолъ. Но онъ царствовалъ не болѣе пяти лѣтъ. Въ 1216 году ему наслѣдовалъ сынъ его Александръ Павловичъ, имѣвшій въ день смерти отца 25 лѣтъ. Онъ былъ современникомъ Фетх-Али-шаха.

Сообщ. **Ад. П. Берже.**

---

[1]) Екатерина II извѣстна у персіянъ подъ именемъ Хуршид-Кулагъ; въ переводѣ хуршид—солнце, кулаг—шапка.

Чеодаевъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 464, помѣщенъ анекдотъ подъ заголовкомъ «Пій IX».

Въ анекдотѣ упоминается про командира 4-го корпуса и онъ названъ Чаадаевымъ.

Храбрый и почтенный генералъ былъ не Чаадаевъ, а Чеодаевъ. Чеодаевымъ онъ и называется въ высочайшихъ рескриптахъ, которыми былъ удостоенъ. Я это самъ видѣлъ въ газетахъ. Съ Чаадаевыми онъ не имѣлъ ни родства, ни однофамильности.

Родъ Чаадаевыхъ пресѣкся въ лицѣ роднаго брата извѣстнаго Петра Чаадаева, Михаила Яковлевича Чаадаева, бездѣтно умершаго лѣтъ восемь или десять тому назадъ, въ своемъ имѣніи с. Хрипутовѣ, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда. Нынѣ фамиліи «Чаадаевыхъ» не существуетъ.

Сообщ. М. Ж.

Талисманъ.

ПОСВЯЩЕНО Ѳ. К. ЗАТЛЕРУ.

Тамъ гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна надъ гробомъ блещетъ
Въ тихій часъ вечерней мглы,
Гдѣ грозу съ грозой сводили,
Гдѣ лилася кровь струей,
Гдѣ зарыли и забыли
Нашу братью подъ землей,

* * *

Гдѣ для войскъ: пѣхотныхъ, конныхъ,
Тучей собранныхъ кругомъ,
Посреди ночей безсонныхъ
Вы работали умомъ,
Гдѣ встрѣчающихъ могилу
Вы старались накормить,
Чтобы съ голоду всю силу
Безъ ножа не уморить.

* * *

Тамъ собрать, въ послѣднихъ стонахъ,
Умирающій отъ ранъ,

На кровавыхъ бастіонахъ
Подарилъ мнѣ талисманъ.
И когда, вздохнувъ уныло,
Талисманъ мнѣ отдавалъ,
«Въ немъ таинственная сила»,
Тихо, тихо онъ сказалъ.

***

«Отъ врага и отъ злодѣя
Талисманъ не сохранитъ
И богатства Фундуклея
Онъ тебѣ не подаритъ.
Къ . . . .
Не подвинетъ скромный санъ,
Ни пронырству, ни поклонамъ
Не научитъ талисманъ.

***

«Но лечись ты талисманомъ,
Коль душа уязвлена,
Онъ—бутылка со стаканомъ
Искромётнаго вина.
Талисманъ мой не погубитъ,
Не нагонитъ грустныхъ думъ,
Пей за то, что сердце любитъ,
И за то, что любитъ умъ.

***

Помни чести всѣ условья,
Пей за правду лишь одну,
Пей за Затлера здоровье,
Помня Крымскую войну.
Пусть перо беретъ онъ въ руки,
Умъ ему по праву данъ;
А, въ свободный часъ, отъ скуки
Сохранитъ мой талисманъ».

А. Н. Аммосовъ.

1-го января 1863 г.
Г. Варшава.

Примѣчаніе. «Русская Старина» въ изд. 1878 г. дала мѣсто историко-біографическому очерку, смывающему наконецъ пятно, по документамъ неоспоримымъ, съ имени одного изъ даровитѣйшихъ людей своего времени. Приведенные мною выше стихи есть новое свидѣтельство какъ высоко чтили умъ Θ. К. Затлера всѣ, кто только мало-мальски знали этого замѣчательнаго человѣка.

П. А. Вороновъ.

Письмо А. М. Загряжскаго и отвѣтъ редакціи.

I.

„Милостивый государь г. редакторъ! Съ величайшимъ недоумѣніемъ и негодованіемъ прочелъ я на страницахъ «Русской Старины» (декабрь 1878 г.), въ Запискахъ нѣкогда бывшаго жандармскаго штабъ-офицера Эразма, Стогова различныя подробности о какомъ-то симбирскомъ губернаторѣ, не названномъ по фамиліи и скрытомъ подъ буквою Z*; сопоставивъ разсказъ г-на Стогова съ Записками, явившимися въ томъ же журналѣ, покойнаго И. С. Жиркевича, который прямо говоритъ о своемъ предшественникѣ по управленію Симбирской губерніей, т. е. обо мнѣ, и называетъ меня по фамиліи я не могъ не замѣтить, что г. Стоговъ подъ буквою Z* разумѣлъ меня, тѣмъ болѣе, что года, приводимые и тѣмъ и другимъ, совершенно совпадаютъ.

Издавна уважая ваше изданіе и цѣня то безпристрастіе, съ которымъ вы всегда относитесь къ оцѣнкѣ общественныхъ дѣятелей прошлаго времени, а также и ту осторожность, съ которою вы обнародываете тѣ и другіе историческіе матеріалы и мемуары, я рѣшительно недоумѣваю о возможности появленія на страницахъ «Русской Старины» очерковъ г. Стогова и могу себѣ объяснить только какою либо случайностью, недосмотромъ, или не редактированіемъ вами этой (№ 12, 1878 года) книги.

Говорю категорически: все, что г. Стоговъ повѣствуетъ въ своихъ разсказахъ объ этомъ Z*, если только онъ разумѣлъ подъ этою буквою меня, то положительно выдумка и клевета. Не вдаваясь въ подробныя объясненія, приведу самый крупный фактъ въ опроверженіе его измышленій: г. Стоговъ увѣряетъ, что я былъ отставленъ отъ должности симбирскаго губернатора и уволенъ отъ службы и что состоялось высочайшее повелѣніе меня болѣе на службу не принимать, а между тѣмъ я никогда уволенъ отъ службы не былъ и послѣ губернаторства въ Симбирскѣ служилъ еще 22 года, въ доказательство чего сообщаю вамъ мой формулярный списокъ.

Приготовляемыя мною и уже предложенныя вамъ выдержки изъ моихъ Записокъ, я надѣюсь, достаточно покажутъ на сколько можно вѣрить росказнямъ г. Стогова. Вы и читатели «Русской Старины» увидятъ, что все помѣщенное имъ о Z*, если, повторяю, подъ этимъ онъ разумѣлъ меня, есть оскорбительное, грязное, лживое и недостойное никакого порядочнаго человѣка маранье бумаги.

Въ напечатаніи моихъ Записокъ на страницахъ «Русской Старины» и

въ томъ объясненіи, которое вы съ такою предупредительностью поспѣшили дать мнѣ послѣ указанія вамъ на этотъ пасквиль, въ формѣ письма, имѣющаго появиться въ первой книгѣ «Русской Старины» вмѣстѣ съ напечатаніемъ моего настоящаго письма, я усматриваю полное удовлетвореніе со стороны редакціи «Русской Старины», но сохраняю за собою право путемъ суда потребовать отчета и доказательствъ отъ г. Стогова.

Примите и проч.

Тайный совѣтникъ **А. Загряжскій.**

16-го декабря 1878 г.

II.

Милостивый государь Александръ Михайловичъ! Доставленный вами документъ убѣдилъ меня, что разсказы г. Стогова, вошедшіе въ его «Очерки» (№ 12 «Русской Старины» 1878 г.), о какомъ-то симбирскомъ губернаторѣ Z*, если только г. Стоговъ подъ этою буквою разумѣлъ васъ, есть ничто иное, какъ плодъ досужей фантазіи, по крайней мѣрѣ главнѣйшій фактъ, приведенный имъ, будто бы губернаторъ Z* былъ уволенъ по высочайшему повелѣнію съ тѣмъ, „чтобы впредь никуда не опредѣлять“ («Русская Старина» 1878 г., томъ XXIII, стр. 654), оказывается, если только онъ относится къ вамъ, милостивый государь, полнѣйшею выдумкою. Въ самомъ дѣлѣ, изъ формуляра вашего я узналъ, что вы, Александръ Михайловичъ, были опредѣлены на должность симбирскаго гражданскаго губернатора въ 1831-мъ году; что уже въ 1832-мъ году именнымъ высочайшимъ указомъ, «за успѣшное взысканіе податей и недоимокъ по Симбирской губерніи, за первую половину 1832 г.», объявлено вамъ отъ покойнаго государя Николая Павловича «удовольствіе съ надеждою еще лучшаго успѣха;» что въ 1833 году, «за отлично-усердную службу и благоразумныя распоряженія при заготовленіи хлѣба для симбирскаго Меленскаго винокуреннаго завода», вы всемилостивѣйше пожалованы кавалеромъ ордена св. Станислава 2-й степени со звѣздою; что, за симъ, если въ 1835-мъ году, высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату, вы и уволены отъ должности симбирскаго гражданскаго губернатора, то таковое увольненіе состоялось съ причисленіемъ васъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и съ производствомъ, по высочайшему повелѣнію, по 6,000 руб. ассигн. ежегодной пенсіи; за симъ, уже въ 1837-мъ году, вы вновь поступили на дѣйствительную службу, на которой и оставались, съ небольшими промежутками, 22 года.

Все это не могло бы имѣть мѣста, если бы поводы къ увольненію васъ отъ губернаторской должности были бы хотя въ чемъ нибудь близки съ поводами, по которымъ уволенъ какой-то Z*.

Такимъ образомъ, разсказы г. Стогова объ этомъ Z* и по формѣ и по существу оказываются повѣстью, не имѣющею ни малѣйшаго отношенія

къ предшественнику И. С. Жиркевича по управленію Симбирскою губерніей (1831—1835 гг.).

Искренно сожалѣя, что «Русская Старина» дала мѣсто разсказамъ о какомъ-то Z*, которые оказываются сочиненіемъ, я прошу принять увѣреніе въ полнѣйшей моей готовности напечатать на страницахъ этого же изданія ваши Записки (когда вы ихъ сообщите), которыя, безъ сомнѣнія, подтвердятъ, что и въ подробностяхъ своихъ „Очерки" о нѣкоемъ Z*—такой же продуктъ фантазіи [1]).

Изд.-Ред. «Русской Старины».

III.

Аттестатъ.

Извлекаемъ изъ этого документа, сообщеннаго намъ А. М. Загряжскимъ въ подлинникѣ, нѣкоторыя указанія на его службу, тѣмъ для насъ интересныя, что они относятся къ одному изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ великой отечественной войны,—участнику боя при Смоленскѣ, въ 1813 году—подъ Бауценомъ, Кульмомъ и Лейпцигомъ, наконецъ, лицу бывшему при взятіи Парижа...

А. М. Загряжскій (род. въ 1798 г.), изъ потомственныхъ дворянъ, въ службу вступилъ въ Одесскій пѣхотный полкъ подпрапорщикомъ въ 1811 г., переведенъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ 15-го августа 1812 г. и въ томъ-же году произведенъ въ прапорщики, «имѣя тогда отъ роду четырнадцать лѣтъ. За отличие въ сраженіяхъ противъ французовъ 1813 г. августа 15-го при Пирлѣ, 16-го въ дефилеяхъ Гизлобиля, 17-го при удержаніи непріятеля въ Кульмѣ, 18-го при истребленіи и разбитіи войскъ французскихъ, награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени и прусскимъ знакомъ Желѣзнаго креста». Въ 1816 г., за болѣзнію, уволенъ отъ службы подпоручикомъ съ мундиромъ, но въ слѣдующемъ же году принятъ въ тотъ же полкъ прапорщикомъ и, по постепенномъ производствѣ въ соотвѣтственные чины; въ апрѣлѣ 1824 г. произведенъ въ капитаны. «24-го января 1826 г. высочайшимъ приказомъ уволенъ отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники.»—«Поступилъ за оберъ-прокурорскій столъ правительствующаго сената въ 7-й

---

[1]) Въ подлинномъ письмѣ къ г. Загряжскому, въ первой строкѣ, сказано: «доставленные вами документы». Это описка. Г. Загряжскій сообщилъ намъ одинъ документъ, именно «аттестатъ», который и помѣщенъ въ извлеченіи здѣсь. Также замѣтимъ, что здѣсь, въ печати, мы привели въ нашемъ письмѣ болѣе полную выдержку изъ аттестата, нежели какъ она приведена въ нашемъ подлинномъ письмѣ къ г. Загряжскому. Ред.

департаментъ 1826 г. марта 9-го; въ томъ же году, «за усердную службу и особенные труды по коммисіи о коронаціи императора Николая Павловича» пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й ст.—Въ 1829 году опредѣленъ исправляющимъ должность управляющаго Тамбовскою удѣльною конторою.—«По случаю болѣзни тамбовскаго полиціймейстера и возникшаго со стороны жителей г. Тамбова буйства при объявленіи имъ о появленіи эпидемической болѣзни холеры, на основаніи предложенія губернатора, исправлялъ должность полиціймейстера въ Тамбовѣ съ 17-го ноября 1830 г. по 29-е января 1831 г.»—«Въ томъ же году «за отлично усердную службу» всемилостивѣйше награжденъ 2 тыс. руб. ассигнац. и произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ томъ же, 1831 г., уволенъ изъ удѣльнаго вѣдомства для поступленія на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, куда и причисленъ чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ».

«Опредѣленъ на должность симбирскаго гражданскаго губернатора 1831 года, іюля 2-го;—именнымъ высочайшимъ указомъ, за успѣшное взысканіе податей и недоимокъ по Симбирской губерніи за первую половину 1832 г., объявлено ему отъ Е. И. Величества удовольствіе съ надеждою еще лучшаго успѣха, 1832 г. сентября 28-го; за отлично усердную службу и благоразумныя распоряженія при заготовленіи хлѣба для симбирскаго Меленскаго винокуреннаго завода, всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 2-й степени со звѣздою, 1833 г. декабря 6-го; — всемилостивѣйше утвержденъ въ званіи симбирскаго гражданскаго губернатора, 1833 г. декабря 6-го;—высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, уволенъ отъ должности симбирскаго гражданскаго губернатора съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, 1835 г. марта 5-го».

«По высочайшему повелѣнію, 12-го іюля 1835 г., назначено производить ему по 6,000 руб. ассигнаціями въ годъ пенсіи, со дня увольненія отъ должности симбирскаго гражданскаго губернатора.—22-го августа 1835 г. пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ іюнѣ 1837 назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ слѣдующемъ году перемѣщенъ въ почтовое вѣдомство. Въ 1841 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ (черезъ пять лѣтъ данъ такой же знакъ за XXV л.). Перемѣщенъ въ вѣдомство новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора въ 1842 г. съ возложеніемъ между прочимъ обязанности общаго надзора за состояніемъ запасныхъ магазиновъ въ Новороссійскомъ краѣ, и наблюденія за исполненіемъ мѣръ ко взысканію недоимокъ тамъ же. «По высочайшему повелѣнію, объявленному статсъ-секретаремъ Танѣевымъ, 2-го іюня 1846 г., уволенъ отъ службы за неимѣніемъ занятій по управленію новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора». 20-го марта 1855 г. высочайшимъ приказомъ назначенъ начальникомъ дружины государственнаго

ополченія Московской губерніи. Въ декабрѣ 1855 г. отчисленъ отъ этой должности въ распоряженіе командующаго южною арміей. По распущеніи ополченія, уволенъ отъ службы 5-го апрѣля 1856 г. съ объявленіемъ ему «за отлично усердную и ревностную службу высочайшаго благоволенія». Въ 1863 г. причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, «въ 1867 г. произведенъ въ тайные совѣтники, съ увольненіемъ, согласно прошенія, по болѣзни отъ службы».

«Въ штрафахъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ. Случаямъ, лишающимъ право на полученіе знака отличія безпорочной службы высшей степени, не подвергался».

Аттестатъ А. М. Загряжскому выданъ 20-го ноября 1867 г. за подписью бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

IV.

Примѣчаніе отъ редакціи. А. М. Загряжскаго мы вовсе не знаемъ; также вовсе не знаемъ и Эразма Ивановича Стогова. Помѣстили и помѣщаемъ «Очерки и воспоминанія» г. Стогова, въ виду бойкости и талантливости ихъ изложенія, а также потому, что характеристики, набросанныя имъ, такихъ историческихъ лицъ, каковы: Сперанскій, Трескинъ, Лавинскій, Батенковъ, архіепископъ Ириней, А. П. Бунина,—которыхъ мы знаемъ изъ множества другихъ письменныхъ источниковъ—совершенно вѣрны, даже во многихъ мелкихъ подробностяхъ. Разсказъ г. Стогова «о бунтѣ» архіепископа Иринея въ Иркутскѣ [1]) подтверждается почти дословно еще недавно полученнымъ нами всеподданнѣйшимъ донесеніемъ генералъ-губернатора Лавинкаго, 1831 года, которое мы и напечатаемъ въ слѣдующей книгѣ.

Но такъ какъ главнѣйшій фактъ въ разсказахъ г. Стогова о нѣкоемъ Z*, если только они относятся къ А. М. Загряжскому, совершенно опровергнутъ вышеприведеннымъ документомъ, то мы сочли себя въ правѣ выразить полнѣйшее сомнѣніе въ вѣрности и самыхъ подробностей этихъ же разсказовъ о томъ же г. Z*. Въ виду этого, и твердо держась правила, что «Русская Старина» всегда предоставляетъ самое широкое право каждому—тѣмъ болѣе лицу, такъ или иначе заинтересованному—исправлять явившіеся на страницахъ нашего изданія ошибочные отзывы, характеристики, разсказы,—мы будемъ ждать Записки А. М. Загряжскаго и долгомъ почтемъ напечатать ихъ немедля, какъ только получимъ.

Ред.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г. томъ XXIII.

Григорій Квитка.

(Письмо къ поэту Шевченко въ 1841 г.)

Ой мій милый, мій любезный паночку, Тарасъ Григорьевичъ. Я жъ кажу, якъ би въ тебе та булы довги руки, щобъ досягли ажъ сюды, то узявъ би добру палюгу, та попобывъ би мене скилки души завгодно, або за патлы выскубъ би гораздъ, що я противъ тебе, за твою ласку, щирую душу, бувъ такый не звычайный, не писавъ до тебе мисяцивъ зъ двадцятеро. Трывай лышень голубчику, не сердысь, а розпытай перше, а я передъ тобою, друже мій, высповидаюсь якъ е передъ пан-отцемъ, що отъ люды ходють, та возють ёго. Слухайте жъ пожалуйте, що тутъ було. Прочитавъ ваше перше письмо, та й голову повисывъ. Думаю соби: гай, гай! Отже справди позабувавъ козакъ нашихъ усихъ! Хотивъ парубка змалёвать, а выйшовъ дидъ, або ще пивъ-дида, вже сгорбився, на старисть закандзюбився. Та й дивчина наряжена щось не по нашому. Треба ёму помочь податы, послаты христіянской одежи, щобъ надывився на неи, та щобъ не обмоскалився овси. А ну те, кажу, хлопци, дивчата! мотнитеся швиденько, зыськайте мыни плахту, дивочу сорочку съ ляховками, стрички, ленты, давайте усёго... Бигають мои повысолоплювавши языки; а я взявъ, тай занедужавъ соби гарненько, лежати не лежавъ, а такъ, свитомъ нудывъ, усе мыни остыло та опоганило, ничого и неробивъ. Що зпытаюсь хлопцивъ: а що, е?—Нема, кажуть.—Шукайте, кажу, щобъ вы показылись. Тай лаю таки. Ось-ось вже трошки очунявъ у листъ, ище, далеби, не було вашого другого письма, а я принявся тылко за вашее дило.—Нема, кажуть, хочъ зъ собаками ськать, такъ нема.—Якъ таки нема; адже не голи дивчата ходють, чымъ небудь прикрывають и се и те и усяке гришне тило.—Эге—кажуть—нема вже въ нихъ такои моды, щобъ у плахтахъ ходили, понадивали ситцови юпки (себъ то по нашому сподници) та холстинкови копоты; сорочка вже безъ ляхавокъ носють, бы не подоба выставляти сорочку изъ подъ копота; на головахъ лентъ не покладають, а повъязують платкомъ, по модному, по дивочи, бо вже и мужичка хоче щобъ думали щобъ (sic) вона е панночка.—А щобъ ви, кажу, ошкурили и зъ вашими модами! Нехай вже паніи дуріють зъ модами, а то вже и наши тудижъ. Дежъ найду я такого добра, якого мини треба?—Треба, кажуть, посылаты по селамъ, у глушъ, де ще не чули про сіи моды. Нехай и такъ. Такъ отъ, батечку! Бачъ якы нашъ Харькивъ ставъ модній соби на лихо!—

Такъ мы, покы знайдемо те щовамъ треба, ось що зъ жинкою моею зконпоновали. Нехай лышень отсе зійде повидъ, що можно буде допхатися у нашъ городъ, що й близенько видъ насъ и бачимо по усякъ часъ, такъ вода залила, нивуди переихаты, такъ тогди купимо куклу, та и вберемо іи и у плахточку и у запасочку, и лёлечку дамо яку треба, и косы заплетемо й скиндячки положемо, та и пошлемо до васъ на жениханьня, покы достанемо справжню справу. А другу ричъ поведши, хочъ и поставимо вамъ настоящу плахту и усе якъ треба, то чи зуміе жъ хто у васъ нарядитись почоловичому? Эге! глядить, щобъ плахти задомъ напередъ не надили! Та й головы не вбереть нихто, колы некрещеніи по нашому; а на кукли лучче буде усе видко. А ще й те скажемо: що ви знайшли граціозного, якъ письменни кажуть, коли дивка Богу молится? Вона не буде у своимъ наряди молитися. Вона усе зъ себе познима, гарненько позклада, та у одній лёли и стане молитися. Богъ, каже, простить, а такъ легше, тай стане знай хреститысь, поки чита свои молитвы, а поклона не вдарить. Якъ знаете, се ваше дило; а чи не граціознише було бъ, якъ бы наша дивка, та й шла зъ видрами зъ водою вже, чи въ памъятку вамъ, якъ то вона манирно, и йде, якъ вихиляется, зъ ноги на ногу переступа, якъ понурила головку, а изъ подлобья позира чи не дивляться на неи люды. Або, стоить быля крыныци, та розговорюе зъ кимъ, видра поставивши, або подперлась рукою, та зажурилась объ чимъ. Ну, та ви усе лучче знаете-Мини васъ не учить.

Гайдамаки ваши добра штука буде. Читавъ я декому зъ нашихъ. Поцмакують. А що вже Гулакъ-Артемовскій, коли знаете, той дуже васъ улюбивъ за Кобзаря. Дрюкуйте швидче лишень. Нехай вамъ Богъ помага. А що нашъ Евгеній Павловичъ *) зъ своимъ альманахомъ? Чи воно жъ буде що? И швидко? Ничого до мене вже давно не пише. Коли ще не опизнюся, то отъ, посылаю ему дви гарненьки штучки у ёго альманахъ, нехай притулить, якъ зна. Воны вже були разъ у Петенбурси, то панъ Лобасовъ, що ихъ зконпоновавъ, не такъ написавъ до пана Гребинки, не у тую хату надписавъ, такъ ёму и вернули, а винъ до мене вже прислав, та и просивъ выдислати. Будьте ласкови, виддайте ёму, попросить щобъ притуливъ де у альманаси. Коли жъ вже пизно, що альманахъ отдрукованній, то нехай ткне або у Литературну Газету, або у Маякъ. Тамъ наше прыймается. Та якого гаспида винъ надувся, та ни словечка до мене не напише? И чому се такъ завередовавъ?

Нуте, теперъ ось мое дило. Александръ Павловичъ Башуцкій дрюкуе дуже мудру книжку. Тамъ будутъ усякіи народы: и школяри, и купци, и

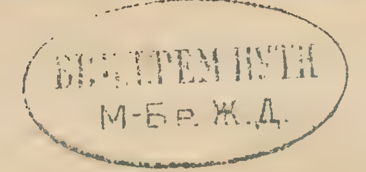
---

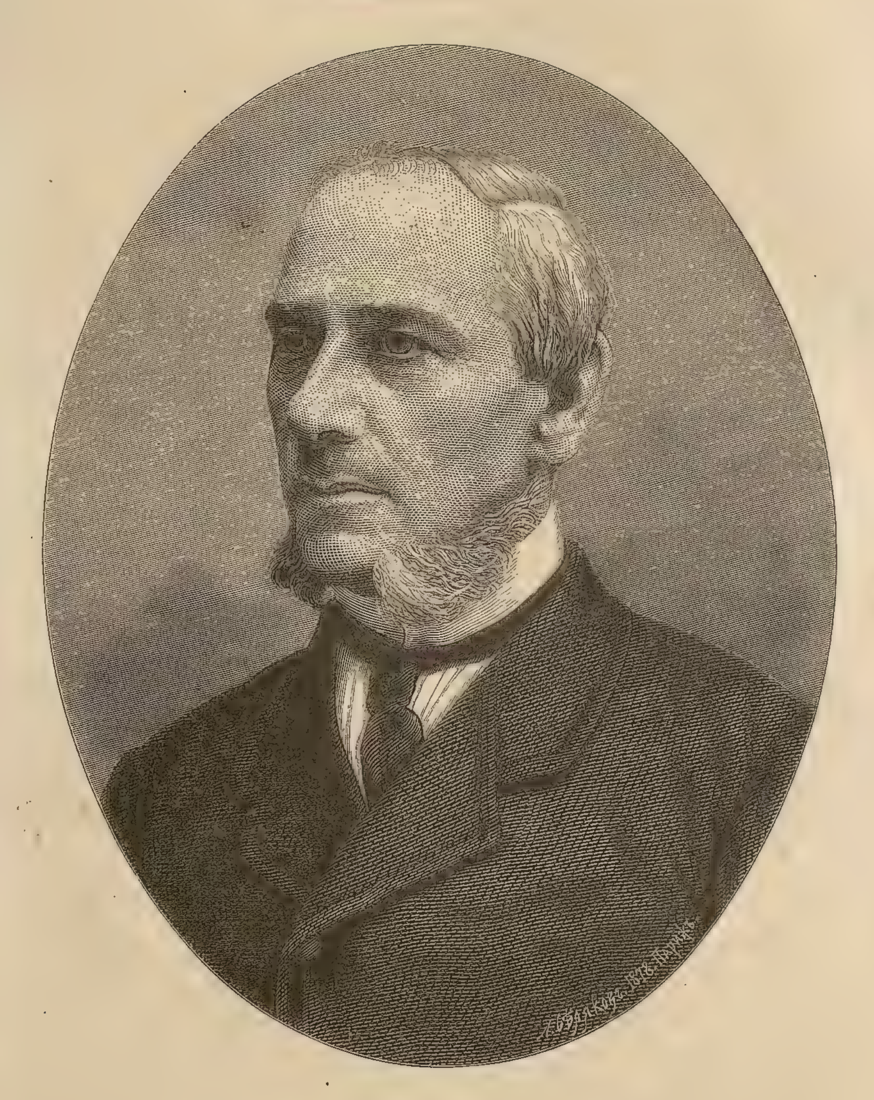
*) Гребенка.

ковали, и усяки. Я записавъ нашого знахаря. И якъ треба до нёго картинки, то я вашихъ выризавъ, та и пославъ ёму, бо на виду винъ настояще такъ дивитця, якъ треба знахарю, що обдурюе народъ и мошеннича; тай вона дивитця на нёго тежъ лукаво. Припадають воны обыдва да моеи казки; тилки не знаю, щобъ это ёму обдилавъ якъ треба ихъ по нашому, такъ я и указавъ на васъ и прохавъ ёго сее письмо видослати до васъ. Колы просытеме васъ объ симъ, то будьте ласкавы, учешить нашихъ такъ, щобъ пальци знате було, щобъ наши на славу пишлы; якъ знаете такъ зъ нимъ и зкомпонуйте, бо й винъ також штука на усяке дило. Прощайте жъ. Бувайте здорови зъ праздникомъ, зъ великоднемъ; нехай васъ саминалучши дивчата трычи по трычи поцилують. Ждить видъ мене скоро звистки. Щиро васъ кохаючій Грицко Квитка.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

22-го марта 1841 года.
Основа.





СТЕПАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ,

СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЬ, ЧЛЕНЪ И УПРАВЛЯЮЩІЙ ДѢЛАМИ ГЛАВНАГО КОМИТЕТА ОБЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКАГО СОСТОЯНІЯ.

род. 1818 † 1877.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1878 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 17 МАЯ 1878 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

I [1]).

Выходъ повстанцевъ изъ Варшавы. — Нападеніе на Плоцкъ и другіе пункты сѣверной части Царства. — Положеніе южной половины Царства.—Кѣльцы.—Солдатскій спектакль въ Ендржеевѣ. — Нападеніе на Бодзентинъ, Едльню, Шидловецъ, Сточекъ.—Занятіе гор. Бялы. — Похожденія банды Рогинскаго.—Нападеніе на мм. Кодень, Радзынь, Луковъ; занятіе Казимiржа и Сандоміра.—Положеніе умовъ тотчасъ послѣ взрыва. — Выѣздъ Крашевскаго.—Масса «бѣлыхъ» присоединяется къ возстанію.—Послѣдствія этого.—Наши распоряженія.—Высылка первыхъ отрядовъ.—Венгровскій бой.—Бой подъ Семятичами.—Банды Богдановича, Нечая и Радзѣевскаго. — Банда Лелевеля.—Особая партія «бѣлыхъ».—Возвышеніе Лангевича.—Планъ нападенія на Вонхоцкъ.—Арестованіе повстанцами поручика Лускинò.—Генералъ Маркъ атакуетъ Вонхоцкъ.—Лангевичъ отступаетъ въ Св. Кржиськія горы. — Бой подъ Слупей-Новой. — Переходъ Лангевича въ Сташовъ.—Арестованіе помѣщика Петрова. — Пребываніе его у Лангевича.—Наблюденія его.—Банда Лакинскаго.—Преувеличенные слухи о силахъ повстанцевъ.—Движеніе изъ Варшавы большаго отряда на югъ Царства.—Намѣреніе Лангевича ударить на Кѣльцы. — Нашъ отрядъ предупреждаетъ его.—Бой подъ Малогощемъ. — Дѣйствія отрядовъ: князя Шаховскаго, Медема и Штольценвальда.

---

[1]) Въ 1873 г., въ Москвѣ, вышло отдѣльною книгою соч. Н. В. Берга: «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» 1831—1862 гг., 8 д. 382 стр. и прилож. 68 стр. Книга состоитъ изъ семи главъ и объемлетъ событія въ исторіи польской смуты въ текущемъ столѣтіи за время съ 1831 г. по 17-е октября 1861 г., т. е. по день самоубійства генерала Герштенцвейга. Послѣдующія событія, совершившіяся въ Варшавѣ въ 1862 году, разсказаны тѣмъ-же авторомъ въ «Русскомъ Архивѣ» изд. 1873 г. Настоящій очеркъ составляетъ въ общемъ, многолѣтнемъ и обширномъ трудѣ Н. В. Берга, десятую главу, въ нашемъ же изданіи первую, и представляетъ возможно полный очеркъ собственно вооруженнаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг. Ред.

1863 г.

Грустно, полные тяжелыхъ предчувствій, выступали изъ Варшавы будущіе солдаты народнаго возстанія 16-го января н. ст. 1863 г. Многіе изъ нихъ, какъ были въ дорожныхъ платьяхъ и въ высокихъ сапогахъ, заходили въ костелы и открыто, на глазахъ всѣхъ, исповѣдывались у ксендзовъ. Полиція варшавская не мѣшалась въ эти, какъ бы нисколько не касающіяся до нея, дѣла..... Равно, никто не задерживалъ выступающихъ въ заставахъ, и они брели по лѣсамъ и полямъ, гдѣ—небольшими группами, гдѣ въ одиночку. Свѣтъ мало видалъ пиллигримовъ безтолковѣе этихъ «варшавскихъ дѣтей», какъ ихъ скоро назвали товарищи, оставшіеся въ городѣ. Шли они сначала сами не зная куда, безъ всякихъ мало-мальски опытныхъ вождей, руководимые и ободряемые единственно своими сотниками и десятниками, которые столько же, сколько ихъ подчиненные, понимали цѣль похода, его средства, знали пункты для ночлеговъ и другихъ остановокъ, какъ и все прочее, что надо знать, двигаясь массами. Во время приваловъ (обыкновенно у корчмы или постоялаго двора, торчавшаго гдѣ-нибудь внѣ деревни на-юру) странникамъ приходилось выслушивать разныя ироническія замѣчанія отъ хлоповъ, которые очень хорошо знали, что это за народъ, куда и зачѣмъ пробирается. «Что, братцы,—говорилъ имъ иной сельскій шутникъ,—идете до лясу, на доброе дѣло, по яблоки? Смотрите, какъ бы не были кислы!» Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне до такой степени были недовольны наплывомъ лѣсниковъ, что являлись къ своему гминному начальству, или даже къ уѣзднымъ начальникамъ и командирамъ отрядовъ, и предлагали перевязать этотъ народъ, какъ непутящій и вредный. Начальство отвергало такія предложенія, отчасти по своимъ соображеніямъ, отчасти вслѣдствіе предписаній изъ Варшавы.

Варшавскія власти, очень естественно, думали, что холодъ и голодъ скоро заставятъ безумныхъ ратниковъ опомниться и воротиться назадъ; и дѣйствительно, нѣкоторая часть ихъ (впрочемъ, весьма незначительная) вернулась въ Варшаву и снова усѣлась за верстаки. Но главная масса шла себѣ и шла по лѣсамъ, куда глаза глядятъ, и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе освоивалась съ условіями страннаго и невыгоднаго своего положенія. Особенно бѣдственныхъ случаевъ ни съ кѣмъ однакоже не было. Ратники кое-какъ наѣдались и напивались. Мало по малу образовались и вожди у этой пестрой, безпардонной рати, сперва изъ бойкихъ сотскихъ и десятскихъ, которые пріискивали своимъ подчиненнымъ укромные и бе-

зопасные ночлеги, находили пищу, устраивали веселые привалы въ густыхъ лѣсныхъ трущобахъ, у трескучихъ костровъ, и оживляли свое воинство патріотическими пѣснями. А потомъ явились и кое-какіе высшіе чины, присланные изъ ближайшихъ организацій, одѣтые какъ подобаетъ начальникамъ, вооруженные хорошимъ оружіемъ—и произвели на лѣсниковъ пріятное впечатлѣніе. Въ заключеніе, пріѣздъ Владислава Яновскаго, отправленнаго центральнымъ комитетомъ въ сторону Сѣроцка (гдѣ скопилось, по разнымъ обстоятельствамъ, наибольшее количество повстанцевъ), и Падлевскаго, рослаго и красиваго парня, съ военными ухватками, въ щегольской чамаркѣ и накинутой на нее франтовски богатой енотовой шубѣ, въ изящныхъ лакированныхъ сапогахъ, смотрѣвшаго настоящимъ паномъ и начальникомъ—окончательно одушевилъ скитальцевъ. Паны наговорили имъ разныхъ разностей, языкомъ, котораго они до тѣхъ поръ не слыхали; обѣщали офицеровъ, оружіе. Послѣднее даже явилось кое-гдѣ, въ незначительномъ количествѣ, правда, кое-какое: ножи, косы, охотничьи ружья, но звонъ этого перваго, хоть и плохаго, оружія сдѣлалъ очень много: неопредѣленныя, нестройныя группы стали формироваться въ банды. Начались муштры.

Такъ называемая Кампиносская пуща [1]) поглотила въ скоромъ времени главныя массы «варшавскихъ дѣтей». Къ нимъ присоединилось все то, что было приготовлено въ окрестностяхъ Плоцка разными лицами тамошней организаціи [2]), подъ главнымъ руководствомъ бойкаго и энергическаго коммисара плоцкаго воеводства Эдуарда Рольскаго, грозившаго выйти изъ повиновенія комитета, если возстаніе будетъ отложено до весны 1863 года.

Рольскій и другіе высшіе чины плоцкой организаціи расчитывали навѣрное взять Плоцкъ, въ ночь съ 22-го на 23-е января н. с., и огласить тамъ, для произведенія эффекта въ краѣ и въ Европѣ, явно народное правительство, и—кто повѣритъ: это дѣйствительно могло осуществиться, еслибы только въ бандахъ, скопившихся секретнымъ образомъ въ окрестностяхъ Плоцка и никому изъ нашего начальства невѣдомыхъ, былъ хотя какой нибудь порядокъ и онѣ могли дѣйствовать дружно; да прибавимъ еще: еслибы была хорошая погода, ибо погода играетъ важную роль во всѣхъ повстанскихъ предпріятіяхъ.

---

[1]) На лѣвомъ берегу Вислы, въ Варшавской губ., Сохачевскаго уѣзда, на С.-З. отъ Варшавы. Названіе получила отъ казенной гмины Кампиносъ.

[2]) Болѣе всего оказывали дѣятельности въ формированіи бандъ—по деревнямъ: Сецене, Пробощовице, Цѣлково, Возники и Винары—мелкіе чиновники Плоцка: Вольскій и Пострихъ, помѣщикъ Ковалевскій и отставной офицеръ Маркевичъ. Н. В.

Военныя силы, занимавшія Плоцкъ въ концѣ 1862 года, состояли изъ трехъ ротъ Муромскаго пѣхотнаго полка, неполной сотни вице-унтеръ-офицеровъ, сотни казаковъ и 200 человѣкъ мѣстной инвалидной команды.

Часть этихъ войскъ, при слухахъ о движеніи «варшавскихъ дѣтей» въ Кампиносскую пущу, была выслана изъ города исправляющимъ должность военнаго начальника плоцкаго отдѣла, генералъ-маіоромъ барономъ Менгденомъ[1]), въ сторону Вышогрода, Плонска, Бѣльска и д. Сецене. Именно: къ Вышогроду и Плонску—маіоръ Славинъ, съ командой вице-унтеръ-офицеровъ, къ Бѣльску взводъ Муромскаго п. п., подъ начальствомъ капитана Стефановскаго, а къ д. Сецене маіоръ Радіоновъ, съ 40 человѣками того же полка.

Всѣмъ имъ велѣно было только искать повстанцевъ, разъузнавать о формированіи бандъ, но боя съ ними, безъ задиранія съ ихъ стороны, отнюдь не начинать. Даже не заряжать ружей [2]).

Едва только сказанныя части войскъ выступили изъ Плоцка, какъ пришло извѣстіе о скопищахъ подъ Цѣлковымъ, вслѣдствіе чего туда отправлено около роты Муромскаго п. п., подъ командой полковника Козлянинова.

Такимъ образомъ Плоцкъ оставленъ почти съ одною ротой и съ инвалидами.

Высланныя части его гарнизона бродили отъ деревни къ деревнѣ, отъ мѣстечка къ мѣстечку, напрасно ища повстанцевъ. Одна лишь колонна полковника Козлянинова наткнулась въ Цѣлковскомъ лѣсу на большую банду Постриха и Вольскаго, гдѣ былъ и Падлевскій, и при столкновеніи съ нею потеряла много людей, вслѣдствіе неловкихъ распоряженій начальника, который былъ убитъ, а 18 человѣкъ уцѣлѣвшихъ нижнихъ чиновъ, съ поручикомъ Пономаренко, направились къ Бѣльску [3]), въ пяти верстахъ отъ котораго сошлись

---

[1]) Дѣйствительный начальникъ плоцкаго отдѣла, генералъ-лейтенантъ Семека, былъ тогда въ отпуску.

[2]) Свѣдѣнія отъ этихъ начальниковъ частей. Необходимо замѣтить, что съ 4-го (16-го) декабря 1862 г. было снято военное положеніе съ Варшавской и Плоцкой губерній, за исключеніемъ городовъ: Варшавы, Калиша и Плоцка; уѣздовъ: Петроковскаго и Липновскаго и всѣхъ мѣстностей при желѣзныхъ дорогахъ Варш.-Вѣнской и Варш.-Бромбергской (Dzien. Powsz. 1862, № 284).

[3]) Такъ разсказано автору въ Плоцкѣ участниками въ этомъ дѣлѣ и генераломъ Менгденомъ. Въ Журналѣ Военныхъ дѣйствій сказано: «изъ ввѣренныхъ ему (Козлянинову) девяносто человѣкъ потерялъ 43 безъ вѣсти пропавшими и самъ былъ убитъ» (№ 1, стр. 2). Н. Б.

съ отрядомъ капитана Стефановскаго и разсказали ему все дѣло. Тутъ только Стефановскій рѣшился дозволить солдатамъ зарядить ружья [1]).

Это было ночью, въ одиннадцатомъ часу, 22-го января н. с., то есть въ день, назначенный центральнымъ комитетомъ для нападенія на русскія войска.

Между тѣмъ, въ Плоцкѣ, съ утра того же дня, замѣчено необыкновенное движеніе на улицахъ. Въ обѣдъ узнали о гибели Козлянинова, вслѣдствіе чего генералъ Менгденъ отдалъ жителямъ приказъ: «гасить огни въ домахъ съ 5-ти часовъ вечера, запереть лавки и по улицамъ ходить не иначе, какъ съ зазженными фонарями». Ослушниковъ грозилъ подвергать штрафамъ и аресту [2]).

Войска, имѣвшіяся въ городѣ, разставлены такъ: на плацу, около гауптвахты, взводъ Муромскаго пѣхотнаго полка; другой взводъ—на плацу около ратуши; находившіеся на такъ называемомъ Черномъ Дворѣ (склады Муромскаго полка) мастеровые, нестроевая команда и человѣкъ 10 казаковъ, всего человѣкъ 50, назначены для защиты этого пункта. Инвалидная команда (около 200 человѣкъ) получила приказаніе защищать казармы.

Вечеромъ начались аресты, потому что много народу бродило по улицамъ безъ фонарей. Почти у всѣхъ арестованныхъ находили какое-нибудь оружіе, что явно свидѣтельствовало о приготовленіяхъ жителей къ чему-то недоброму.

Въ 9 часовъ усмотрѣно сборище на дворѣ Трибунала (Pałac po-Biskupi) и тутъ арестовано человѣкъ 40 вооруженныхъ горожанъ. Послѣ этого настала мертвая тишина. Лилъ дождь. Ночь была чрезвычайно темная. Вдругъ, въ половинѣ перваго по полуночи, раздался звонъ съ колокольни каѳедральнаго костела, названнаго по-просту тумъ [3]). Звонили съ четверть часа. Это былъ знакъ, чтобы всѣ «присягнувшіе» (sprzysiężeni) выходили изъ домовъ и собирались въ извѣстные пункты. Но никто не вышелъ. Тогда зазвонили во всѣхъ костелахъ, какіе-то люди ходили по улицамъ и стучали въ окна, повторяя:

---

[1]) Сообщено автору самимъ капитаномъ Стефановскимъ.

[2]) Сообщено Менгденомъ. Далѣе—отъ него-же и другихъ лицъ, находившихся тогда въ Плоцкѣ.

[3]) Нѣкоторые старые костелы въ Польшѣ принято называть тумами, отъ названія одной деревни близъ г. Ленчицы, гдѣ есть стародавній храмъ. Деревня эта звалась прежде koszcioł или kościoł, а потомъ Tum, что и получило послѣ однозначущее значеніе съ костеломъ, прожившимъ многіе вѣка. Во всей Польшѣ (какъ мнѣ говорили въ Плоцкѣ) насчитываютъ будто бы пять тумовъ: въ Краковѣ, Варшавѣ, Влоцлавскѣ, Плоцкѣ и близъ Ленчицы. **Н. Б.**

«do broni, panowie, do broni!» [1]), но и это не послужило ни къ чему. Жители были перепуганы арестами и сидѣли смирно.

Тѣмъ временемъ, вооруженныя толпы, пользуясь темнотою ночи, пробирались незамѣтно въ городъ разными улицами и заняли главныя площади, подъ руководствомъ адвоката Згржды, смѣнившаго, въ концѣ года, плоцкаго гражданскаго воеводу Тлуховскаго, какъ человѣка нерѣшительнаго и нерасторопнаго.

Спустя немного по размѣщеніи повстанцевъ на площадяхъ и отдачи имъ соотвѣтственныхъ приказаній, грянулъ выстрѣлъ изъ одного дома противъ гауптвахты и положилъ часоваго. Вслѣдъ за тѣмъ таившіяся во мракѣ толпы ринулись на гауптвахту, но были встрѣчены залпомъ караула, который стоялъ въ ружьѣ и ждалъ нападенія съ минуты на минуту. Это произвело сильное смущеніе въ рядахъ повстанцевъ: они остановились и не пошли далѣе. Напрасно Рольскій леталъ изъ угла въ уголъ по площади на бѣломъ конѣ [2]) и одушевлялъ растерявшихся: никто его не слушалъ!... Еще залпъ и нѣсколько ракетъ, которыя рѣзко и пронзительно зашипѣли надъ головами никогда не видавшихъ и не слыхавшихъ ничего подобнаго воиновъ,—и все окончательно разстроилось. Толпы бросились по домамъ и монастырямъ.

Одновременно съ нападеніемъ Рольскаго на гауптвахту, другая толпа повстанцевъ, подъ начальствомъ Постриха, вышла изъ-за ограды реформатскаго костела и окружила Черный Дворъ, но была точно также отражена.

Остальныя кучи, скрывавшіяся въ разныхъ пунктахъ города, видя разстройство главныхъ силъ, не нападали на войска вовсе и стали въ безпорядкѣ отступать и прятаться гдѣ случится.

За Бѣльской заставой стояла въ это время большая банда Ковалевскаго, прибывшая на подводахъ, въ видѣ резерва бандъ, которыя проникли въ городъ. Она могла еще поправить дѣло, явившись вдругъ въ улицахъ, но одна изъ ракетъ, пущенныхъ съ гауптвахты, случайно поднялась выше, чѣмъ слѣдовало, и, перелетѣвъ черезъ весь городъ, ударила какъ нарочно въ ряды повстанцевъ Ковалевскаго: они бросились въ разныя стороны, какъ испуганное стадо, и собрать ихъ въ кучу не было уже никакой возможности. Часть ихъ, отступая куда глаза глядятъ, наткнулась на капитана Стефановскаго, ко-

---

[1]) «Къ оружію, господа, къ оружію!».

[2]) По показаніямъ другихъ, по площади ѣздилъ Бонча, а Рольскій въ это время входилъ въ Плоцкъ, съ другимъ отрядомъ, черезъ Добржинскую заставу. По словамъ Гиллера, въ это время управлялъ плоцкимъ возстаніемъ нашъ артиллерійскій офицеръ Бонча-Блащинскій (I, 36). Н. Б.

торый шелъ въ то время отъ Бѣльска къ Плоцку, а другая—на людей Радіонова.

Послѣдній захватилъ нѣсколько плѣнныхъ и самого предводителя, Ковалевскаго [1]).

На другой день начались по городу аресты. Игравшій роль воеводы, адвокатъ Зегржда, будучи взятъ, застрѣлился.

Другія банды, сформировавшіяся въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ отъ Плоцка, подъ руководствомъ почтмейстера Войцѣховскаго, помѣщиковъ Штанкелера, Межеевскаго, Лукашевича и сына пастора Розенталя [2]), ударили въ количествѣ 400—500 человѣкъ, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ (въ полночь, 10-го (22-го) января, послѣ звона монастырскаго колокола), на городъ Плонскъ, но были отражены ротой Муромскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Артамонова, выведенной заблаговременно на площадь и построенной въ каре. Большинство бѣжавшихъ скрылось на фольваркѣ ксендза, въ верстѣ отъ Плонска, гдѣ, послѣ, были частію перебиты, частію арестованы солдатами Артамонова. Въ самомъ городѣ захвачено 78 человѣкъ повстанцевъ и одинъ изъ предводителей, Межеевскій. Все это отправлено въ Ново-Георгіевскую крѣпость, которая оттуда всего 26 верстъ.

Военная добыча роты, которою командовалъ Артамоновъ, состояла изъ 253 штукъ разнаго оружія (штуцеровъ, косъ, пикъ и топоровъ). Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ и 19 раненыхъ [3]).

Говорятъ, были подготовлены нападенія на Липно и Праснышъ, но не состоялись, вслѣдствіе споровъ между вождями бандъ, изъ которыхъ главная находилась подъ начальствомъ какого-то Кольбе.

Въ Ломжинскомъ уѣздѣ Августовской губерніи было произведено нападеніе на мѣстечки Высокомазовецкъ и Менженинъ бандою Замечка [4]), съ такими же результатами, какъ и всѣ прочія: банда разсѣяна, потеряла много людей и оружія.

Вотъ, главнѣйшимъ образомъ, все, что случилось въ ночь съ 22-го на 23-е января н. ст. 1863 г. въ двухъ сѣверныхъ губерніяхъ Царства. О передвиженіяхъ мелкихъ бандъ и ихъ столкновеніи съ войсками говорить нѣтъ надобности.

---

[1]) Число людей въ бандахъ, нападавшихъ на Плоцкъ, съ точностію опредѣлено быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, было нѣсколько сотъ, можетъ статься—и за тысячу, довольно хорошо вооруженныхъ.

[2]) Въ этихъ бандахъ было болѣе варшавскаго элемента, чѣмъ въ тѣхъ, которыя нападали на Плоцкъ.

[3]) Свѣдѣнія изъ отряда Артамонова.

[4]) Псевдонимъ помѣщика Цихорскаго.

Н. Б.

Перейдемъ на другую половину Царства, за Бугъ и Вислу.

Здѣсь, послѣ Варшавской губерніи, гдѣ находились центральныя власти заговора, наиболѣе важное мѣсто занимаетъ Радомская губернія [1]), съ ея отраслями Карпатовъ, густыми лѣсами и горными заводами. Югъ этой губерніи, касаясь австрійской границы, подаетъ руку древней столицѣ Ягеллоновъ—Кракову, донынѣ играющему немаловажную роль между польскими городами, какъ по своимъ историческимъ преданіямъ, такъ и по литературному и политическому движенію.

Здѣсь, подъ сводами стараго собора, дремлютъ кости Пястовъ и Ягеллоновъ: Болеслава IV, Казиміра II, Лешка I, Болеслава V, Лешка II, Владислава I, Казиміра Великаго, Владислава Ягелло, Казиміра IV, Яна Ольбрахта, Александра, Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа, и послѣдующихъ королей: Сигизмунда III, Владислава IV, Яна-Казиміра, Михаила Корибута, Яна Собѣсскаго, Августа II.... Здѣсь, на старой Марьявицкой башнѣ, трубитъ ежечасно, на всѣ четыре стороны Кракова, мѣдная труба, напоминая жителямъ одно давнопрошедшее событіе... Здѣсь выѣзжаетъ всякій годъ на обширную рыночную площадь, во второй четвергъ праздника Пречистаго Тѣла Господня, такъ называемый Звѣржинецкій коникъ, приводя на память страшный и славный мигъ, когда подошли къ городу несмѣтныя полчища татаръ [2]) и были отражены мужествомъ тогдашнихъ кракусовъ, вышедшихъ съ хоругвями и крестами, подъ предводительствомъ рыбака Звѣржинецкой слободы, который высмотрѣлъ напередъ расположеніе непріятеля съ разныхъ высокихъ холмовъ и деревьевъ..... На той же рыночной площади приносилъ когда-то присягу войскамъ и народу незабвенный вождь поляковъ Костюшко. Съ его копца и съ копца Кракуса [3]) Краковъ можетъ

---

[1]) Старое дѣленіе на губерніи, какъ и вездѣ въ разсказѣ.

[2]) Въ царствованіе Лешка Чернаго, 1281.

[3]) Копецъ Кракуса (Kopiec Krakusa)—древній могильный курганъ этого героя отдаленныхъ временъ Польши, какъ думаютъ «перваго польскаго короля», основателя Кракова, лежитъ за Вислой, на Подгурже, близъ Кракова.

Копецъ Костюшки насыпанъ подлѣ Кракова за Вавелемъ, въ 1817 году, при участіи всѣхъ жителей города и его окрестностей. Пріѣзжали и приходили туда лица разныхъ сословій, мужчины и женщины, и сыпали столько земли, сколько каждый могъ. Не одна аристократическая ручка оставила здѣсь хотя нѣсколько горстей. Въ основаніе кургана, какъ говорятъ, положено сердце Костюшки, тогда какъ все его тѣло покоится въ Краковскомъ соборѣ, на Вавелѣ, рядомъ съ Яномъ Собѣсскимъ и Іосифомъ Понятовскимъ. На вершинѣ видѣнъ довольно большой сѣрый камень, неотесанный гранитъ, и на немъ написано крупными золотыми буквами только одно слово: Kościuszce (Костюшкѣ). Н. Б.

переглядываться со многими городами Царства. Здѣсь, съ давнихъ поръ, гнѣздятся самыя разнообразныя политическія партіи и кружки, отличающіеся своимъ особымъ колоритомъ, рѣзкіе, страстные, неуступчивые [1]). Здѣсь стоитъ старый-престарый университетъ, wszechnica Jagiellońska, второй по старинству между славянскими, [2]) съ древней библіотекой и другими историческими памятниками. Здѣсь держится весьма недурной театръ, питающій временами даже и Варшаву [3]). Здѣсь, наконецъ, издается нѣсколько политическихъ листковъ и газетъ, на польскомъ языкѣ, между прочимъ Czas—польскій Times, какъ кажется, лучшая и болѣе солидная польская газета Европы.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ, Краковъ могъ вліять съ различныхъ сторонъ на умы конгрессувки вообще и въ особенности на умы губерніи, болѣе къ нему прикасавшейся. Оттуда къ радомцамъ переносились всякія зажигательныя мысли; прошмыгивала иногда и контрабандная газета и даже—запрещенная личность.

Въ военные начальники радомскаго отдѣла попалъ заслуженный севастопольскій генералъ Ушаковъ, на бѣду, по-севастопольски, не считавшій повстанцевъ настоящимъ непріятелемъ, съ коимъ можно было бы помѣрять плечо серьезно. Конечно, до нѣкоторой степени онъ былъ правъ, но все имѣетъ свою мѣру. Севастопольскій генералъ въ своемъ пренебреженіи ничтожнаго врага перешелъ эту мѣру: онъ не принималъ никакихъ предосторожностей и не замѣтилъ какъ, слабыя въ самомъ началѣ, дѣти вдругъ выросли и стали махать передъ его носомъ вовсе не картонными мечами.

Въ числѣ городовъ губерніи, о которой мы говоримъ, наиболѣе отличался повстанскимъ характеромъ довольно видный уѣздный городъ (нынѣ губернскій) Кѣльцы. Это зависѣло отъ мѣстныхъ условій: близости границы, горъ, лѣсовъ и желѣзныхъ заводовъ, а потомъ и отъ соединенія большихъ трактовъ, изъ коихъ одинъ велъ на Варшаву, другой на Мѣховъ, стало—и за границу; третій на Петроковъ—опять за границу, желѣзною дорогой, и четвертый—на Бодзентинъ, въ Св. Кржискія горы, въ самый высокій и лѣсистый пунктъ Царства, а вмѣстѣ съ этимъ—и въ рудники.

Въ Кѣльцахъ, Богъ вѣдаетъ съ какихъ поръ, держался крѣпко повстанскій духъ, были маленькіе повстанскіе кружки, находившіе-

[1]) Часть ихъ была очеркнута нами въ другомъ мѣстѣ—Записки о возстаніяхъ, стр. 9, 42, 46.

[2]) Первый—чешскій, основанный императоромъ Карломъ IV, въ 1348.

[3]) Оттуда вышли: Модржеевская, Рапацкій, Папчиковскій, Ракевичъ, Борковская, Крупиковскій. . . Н. Б.

ся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Варшавой и со всѣмъ буйнымъ и безпокойнымъ въ Европѣ. Тутъ былъ всегда маленькій центральный комитетъ, та «ciągła konspiracya», о которой говоритъ Мохнацкій [1]), и это не составляло тайны для правительства, а потому, въ концѣ 1861, когда по всей Польшѣ запахло революціей, былъ назначенъ въ Кѣльцы особый «частный военный начальникъ», полковникъ Ченгери, командиръ Смоленскаго пѣхотнаго полка, человѣкъ довольно расторопный, довольно крутаго нрава, съ фигурой Ермолова или князя Милоша Обреновича въ миніатюрѣ.

Но всѣ эти тогдашніе крутые начальники, съ фигурами Милоша и безъ нихъ, подъ вліяніемъ господствовавшей системы мягкихъ мѣръ и уступокъ, были не особенно круты. Они постоянно боялись получить отъ ближайшаго своего начальства — нагоняй. У нихъ рождалась сама собой какая-то крайняя нерѣшительность и осторожность въ дѣйствіяхъ; поблажки тѣмъ лицамъ, кому бы не слѣдовало поблажать; панибратство съ тѣми, кому они въ душѣ нисколько не довѣряли.

Во второй половинѣ 1862 года, Ченгери разрѣшилъ, подъ вліяніемъ одного весьма извѣстнаго въ Кѣльцахъ лица, предсѣдателя тамошняго кредитнаго общества, Ружицкаго (члена «бѣлой» повстанской организаціи тѣхъ мѣстъ), открыть ремесленную школу, гдѣ преподавателемъ разныхъ наукъ взялся быть судья кѣлецкаго трибунала, Владиславъ Яновскій, тогда гражданскій начальникъ, иначе воевода, краковскаго воеводства со стороны «красной» организаціи. Хоть бы обратили вниманіе на то, какъ это вдругъ судья трибунала, въ уѣздномъ городѣ — лицо видное, имѣвшее множество занятій, сталъ, ни съ того, ни съ сего, по доброй волѣ и безъ малѣйшаго вознагражденія, школьнымъ учителемъ и притомъ такимъ, который читаетъ все! Ничего этого не соображали и не думали соображать. Школа открылась; Яновскій сѣлъ на каѳедру и зачиталъ разному народу, непохожему нисколько на школьниковъ ни возрастомъ, ни физіономіями, ни ухватками: законъ Божій, исторію, ариѳметику, геометрію,—все это въ особомъ, нисколько не школьномъ духѣ, а въ томъ духѣ, какой тогда требовался для польскихъ школьниковъ: въ исторію попало сказаніе объ извѣстномъ Смокѣ или драконѣ, который опустошалъ много лѣтъ мѣстность, занимаемую нынѣ Краковомъ и его окрестностями, и наконецъ убитъ Кракусомъ на Вавелѣ; геометрія трактовала о линіяхъ, по которымъ летаютъ ядра и бомбы изъ пушекъ...

[1]) Powstanie Narodu Polskiego w roku 1830—1831. Poznań, 1863, II, стр. 119. Н. Б.

Сначала преподаваніе шло-себѣ своимъ порядкомъ, но потомъ Ченгери узналъ, въ чемъ именно состоятъ лекціи г. Яновскаго, и приказалъ закрыть школу. Это случилось только въ декабрѣ 1862. Лекціи Яновскаго отъ этого однакоже нисколько не прекратились: онъ читалъ ихъ тѣмъ-же самимъ школьникамъ въ разныхъ частныхъ домахъ и даже просто-за-просто у себя въ кабинетѣ—до тѣхъ поръ, пока центральныя власти заговора не вызвали его въ Варшаву.

Во второй половинѣ декабря, приготовленія жителей города Кѣльцъ,—со всѣми окрестными мѣстечками и деревнями, а равно и сосѣднихъ уѣздовъ (въ особенности Опоченскаго, гдѣ лежитъ мѣстечко Сухедневъ, центръ управленія горныхъ заводовъ Восточнаго округа),—къ чему-то недоброму сдѣлались черезчуръ явными. Со всѣхъ сторонъ приходили вѣсти, что тамъ или тамъ формируются банды, а изъ Сухеднева доносили, что на тамошнемъ желѣзно-плавильномъ заводѣ отбиваются ножи и косы, открыто, безъ всякихъ предосторожностей. Даже называли кое-кого изъ предводителей бандъ. Чаще всего слышались имена двухъ братьевъ Давыдовичей, занимавшихъ на Сухедневскомъ желѣзномъ заводѣ должности надсмотрщиковъ надъ кузнецами.

Полковникъ Ченгери послалъ объ этомъ рапортъ къ начальнику радомскаго военнаго отдѣла; затѣмъ, послѣ Рождества, когда приготовленія къ возстанію еще усилились—другой. Оба эти рапорта остались безъ всякаго отвѣта [1]).

Между тѣмъ какъ все это происходило: косы ковались, заготовлялось и всякое другое оружіе для бандъ и самыя банды мало по малу формировались,—отношенія всей интеллигенціи города Кѣльцъ и ближайшихъ оттуда городовъ и мѣстечекъ къ Ченгери и его штабу становились съ каждымъ днемъ и часомъ болѣе и болѣе упредительными и близкими. Многіе изъ жителей говорили Ченгери и его офицерамъ въ глаза, что «край не запомнитъ такихъ добрыхъ и милыхъ начальниковъ». Безпрестанно устраивались въ разныхъ домахъ офицерско-помѣщичьи пирушки и всякія другія сходки, чтобы какъ нибудь повеселѣе убить время, повкуснѣе попить и поѣсть. На этихъ общихъ, по видимому, искренно-братскихъ пирушкахъ, гдѣ ничего незнающему, постороннему, или просто-запросто всякому русскому наблюдателю было-бы очень трудно отличить поляка отъ русскаго, гдѣ весьма часто поистинѣ «становилось небу жарко», были неизбѣжно провозглашаемы взаимные дружескіе

[1]) Свѣдѣнія отъ самого Ченгери. Ниже многое отъ него-же и отъ другихъ кѣлецкихъ военныхъ того времени. Н. В.

тосты. Полковнику Ченгери, по предкамъ венгерцу, приходилось не разъ услышать извѣстное четверостишіе:

Polak, Węgier dwa bratanki,
Tak do szabli, jak do szklanki,
Obaj tędzy, obaj żwawi:
Niech im Pan Bóg błogosławi! [1])

3-го января ст. ст. 1863 года, то есть за недѣлю до возстанія, нижніе чины роты Смоленскаго полка, стоявшей въ м. Ендржеевѣ [2]), вздумали разыграть солдатскій спектакль, конечно, подъ вліяніемъ и руководствомъ офицеровъ, а этими послѣдними руководила бѣлая повстанская организація. Такія развлеченія всегда поощряются начальствомъ. Ченгери, разрѣшивъ этотъ спектакль, естественно, былъ приглашенъ удостоить его своимъ присутствіемъ, вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ. Въ партерѣ, въ перемежку съ офицерами, видѣлись разные, болѣе или менѣе извѣстные въ Кѣлецкомъ уѣздѣ помѣщики тѣхъ краевъ: Аполинарій Куровскій (тогда уже начальникъ банды, собранной имъ въ лѣсахъ подъ д. Сломниками, Мѣховскаго уѣзда, и въ то же время военный начальникъ Краковскаго воеводства Михальскій, Лясковскій, Лакинскій и нѣсколько другихъ, съ которыми Ченгери долженъ былъ, спустя какихъ нибудь двѣ-три недѣли, встрѣтиться въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ при другой музыкѣ того-же оркестра.

Но тутъ эти господа расточали полковнику и его штабу свои обычныя привѣтствія и любезности. Игравшимъ на театрѣ солдатамъ было собрано много денегъ; въ заключеніе всего, естественно, послѣдовала роскошная закуска и попойка, во время которой иные повстанцы, черезчуръ подгулявъ, едва не выдали, совершенно по славянски, свои секреты. По счастію ихъ, Ченгери и офицеры были внѣ условій пониманія всякихъ тонкихъ вещей.... и уѣхали домой въ Кѣльцы, ничего не уразумѣвъ изъ всей неосторожной болтовни помѣщиковъ.....

Этотъ ендржеевскій солдатскій спектакль былъ только balon d'essai другаго, настоящаго спектакля, который тѣ же самыя лица затѣвали устроить, при посредствѣ офицеровъ, въ томъ же самомъ Ендржеевѣ, на 10-е (22-е) января (день возстанія) въ болѣе широкихъ размѣрахъ, съ тѣмъ, чтобы, напоивъ при этомъ своихъ гостей до

---

[1]) «Полякъ и венгерецъ—что твои два брата: коснись дѣло сабли или стакана, оба лихіе, оба молодцы; да благословитъ ихъ Господь Богъ!»

[2]) 35 верстъ отъ Кѣльцъ въ направленіи къ Мѣхову. Н. Б.

отвалу, арестовать или перебить, вмѣстѣ съ актерами-солдатами и цѣлою ротою, которая, безъ сомнѣнія, такъ же глазѣла бы на спектакль, не имѣя при себѣ никакого оружія, и была бы угощена.

Все это могло бы удасться. Затѣйники начали скоро поговаривать объ этомъ второмъ спектаклѣ. Офицеры были на ихъ сторонѣ. Ченгери не находилъ причины не дать позволенія.... какъ вдругъ, совершенно неожиданно для себя и для штаба, онъ получилъ изъ Радома выговоръ за первый спектакль—и поскакалъ объясниться съ начальствомъ: это его спасло.

Когда онъ возвращался въ Кѣльцы, утромъ 10-го января ст. ст., то нашелъ лежащій на пути Сухедневъ въ необыкновенномъ движеніи. Ченгери поспѣшилъ перемѣнить лошадей и помчался далѣе....

Нѣсколько часовъ спустя послѣ его проѣзда, банда, человѣкъ въ 500, горно-заводскихъ чиновниковъ и служителей, пополамъ съ мелкопомѣстною шляхтой и ремесленниками, подъ начальствомъ одного изъ упомянутыхъ выше Давыдовичей, не дожидаясь срока, назначеннаго въ декретѣ центральнаго комитета (т. е. полуночи), напала на окружное сухедневское казначейство, ограбила кассу, состоявшую изъ 30-ти тысячъ рублей, и двинулась на м. Бодзентинъ — въ 12-ти верстахъ отъ Сухеднева, въ сторону Св. Кржискихъ горъ.

Тамъ стояла 2-я стрѣлковая рота Смоленскаго полка, которой командиръ, шт.-капитанъ Краевичъ, былъ въ это время вызванъ полковникомъ Ченгери въ Кѣльцы и привезъ съ собою благодарственный адресъ жителей Бодзентина войскамъ, его занимающимъ, гдѣ говорилось, что «Ротный командиръ Краевичъ и офицеры Козуновъ и Раппъ привели роту въ такое примѣрное состояніе, что жители не могутъ достаточно нахвалиться поведеніемъ стоящихъ у нихъ на квартирахъ солдатъ и обратились съ просьбою къ бургомистру—выразить за это всей ротѣ ихъ глубокую благодарность».

Къ этому адресу была приложена печать магистрата; затѣмъ слѣдовали подписи бургомистра и членовъ [1]).

Въ то самое время, когда Ченгери со своимъ штабомъ разглядывалъ этотъ адресъ, его печать и подписи, какъ нѣчто не совсѣмъ обыкновенное,—бодзентинскіе затѣйники поджидали къ себѣ Давыдовича съ сухедневскими силами и точили на насъ ножи!

Рота замѣтила съ самаго ранняго утра какое-то особенно веселое настроеніе жителей. Около казармъ, состоявшихъ изъ восьми обыкновенныхъ обывательскихъ домовъ, въ родѣ большихъ избъ, бродили

---

[1]) Свѣдѣнія отъ Ченгери. Подлиннаго адреса авторъ не видалъ. **Н. Б.**

подозрительные нищіе, приглядываясь къ чему-то [1]). Городъ толковалъ о четырехъ свадьбахъ, можетъ статься, умышленно приглашенныхъ къ одному и тому же дню ксендзами, посвященными въ тайну. Для Бодзентина, тихаго и захолустнаго уголка Радомской губерніи, четыре свадьбы вдругъ—событіе. Солдаты, не смотря на сдѣланныя ими наблюденія о присутствіи въ городѣ чего-то лишняго, необыкновеннаго, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности, даже ничего не сказали о своихъ наблюденіяхъ офицерамъ; бродили, какъ всегда, безпечно по улицамъ, глазѣли на свадьбы, и легли спать совершенно спокойно, нисколько не думая о грозѣ, сбиравшейся надъ ихъ головою.

Два офицера, подпоручики Раппъ и Козуновъ, въ квартирѣ послѣдняго, тоже большой избѣ, по офиціальному объясненію ихъ ближайшаго начальства, занимались тогда всю ночь химическими опытами, до которыхъ Раппъ былъ якобы страстный охотникъ. Но если предположимъ даже, что эти химическіе опыты заключались въ обыкновенномъ препровожденіи времени армейскихъ офицеровъ, заброшенныхъ въ глушь и дичь, то есть, что они «гнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти на сто», прихлебывая вмѣсто чаю крѣпкій пуншъ,—кто имъ этого не извинитъ! Вѣдь чертовски скучно въ такіе часы въ русскихъ и польскихъ «Бодзентинахъ» для маломальски развитаго человѣка!

Вдругъ, въ первомъ часу ночи, раздался звонъ церковнаго колокола, послѣ чего послышался какой-то неопредѣленный шумъ: это было движеніе повстанцевъ по улицамъ, числомъ, какъ говорили послѣ, до 500 человѣкъ (около 400 изъ Сухеднева и до 100 мѣстныхъ), главное вооруженіе которыхъ состояло изъ обоюдуострыхъ ножей въ десять и болѣе вершковъ длины (иные доходили до 14-ти вершковъ) и въ $2^1/_2$ вершка ширины, насаженныхъ на древко длиною аршина въ три [2]). Вся эта масса ударила на казармы и переранила прежде всего часовыхъ, изъ которыхъ одинъ, получивъ сильный ударъ въ голову, повалился и вскорѣ умеръ.

Внутри казармъ произошелъ переполохъ. Солдаты повскакали, крича: «ребята, насъ рѣжутъ!»—и тутъ-же машинально схватились за оружіе. Удачные выстрѣлы изъ оконъ, а кое-гдѣ и залпы, довольно скоро разстроили нападающихъ. Болѣе всего подвергалась опасности стоявшая на площади, отдѣльно отъ другихъ, казарменная изба, ко-

---

[1]) Разумѣется, они приглядывались къ тому, сколько оружія и гдѣ оно стоитъ (ружья стояли въ кучахъ по угламъ домовъ).

[2]) Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 2, стр. 2. Н. Б.

торую повстанцы обложили кругомъ соломой и при нападеніи солому зажгли. Но и тутъ стойкая и дружная защита осажденныхъ сдѣлала свое дѣло: солдаты, давши нѣсколько залповъ, вышли на площадь, когда солома еще не успѣла порядкомъ разгорѣться, сгребли ее въ одну кучу и, набросавъ туда разныхъ чурокъ, ставни съ оконъ и что попалось подъ руку деревяннаго, развели довольно большой костеръ, который сталъ мало по малу собирать разрозненныя части роты вмѣстѣ, въ одну массу.

Въ это время нѣсколько солдатъ вспомнили объ офицерахъ и бросились ихъ спасать.

Изба, въ которой сидѣли Козуновъ и Раппъ, была окружена, одновременно со всѣми казарменными избами, толпою обывателей, часть коихъ вошла внутрь и предложила офицерамъ выдать находящееся при нихъ оружіе и приказать то же самое сдѣлать солдатамъ, во избѣжаніе излишняго кровопролитія.

Офицеры, озадаченные этимъ требованіемъ, долго не могли придти въ себя и сначала думали, что съ ними шутятъ. Въ числѣ лицъ, которыя мелькали передъ ними въ толпѣ, было нѣсколько ихъ хорошихъ знакомыхъ, находившихся съ ними въ лучшихъ сношеніяхъ: городской квартермистръ Шадковскій, помѣщикъ Зегардлевичъ, купецъ Богданскій, ксендзъ Уминскій...

Офицеры смотрѣли на нихъ и ничего не отвѣчали..... Вдругъ кто-то изъ толпы сказалъ: «полно размышлять! Говорятъ вамъ: давайте оружіе! Насъ много, а васъ мало; биться нельзя; солдаты обезоружены и казармы горятъ: выйдите и посмотрите!»

Въ самомъ дѣлѣ, въ окна было отдаленное зарево: это былъ разведенный солдатами на площади костеръ. Время отъ времени слышались выстрѣлы. Раппъ пошелъ взглянуть, что такое въ самомъ дѣлѣ творится на улицѣ — и только что переступилъ порогъ, какъ былъ пораженъ чѣмъ-то острымъ въ спину. Козуновъ видѣлъ, какъ его товарищъ, переступая снова порогъ избы, схватился за сердце, что-то проговорилъ и упалъ...

Въ эту самую минуту, нѣсколько солдатъ, подбѣжавъ къ окну и взглянувши въ него, вмигъ сообразили опасность, въ какой находились ихъ начальники. Думать долго было нечего: рама высажена, повстанцы увидѣли блестящіе штыки и бросились бѣжать, а солдаты, схвативъ Козунова на руки, при крикахъ: «отецъ нашъ, ура!» побѣжали на площадь, гдѣ пылалъ костеръ и шла горячая перестрѣлка съ нападавшими.

Такъ какъ въ рядахъ послѣднихъ не было рѣшительно никакого порядка, предводители были тоже очень плохіе и нерасторопные, то

банды, не смотря на значительный перевѣсъ силъ, ничего не могли сдѣлать солдатамъ, которые распоряжались, болѣе или менѣе, по принятымъ въ подобныхъ случаяхъ правиламъ, дружно и спокойно. Всѣ шумныя атаки повстанцевъ были отражены не только отъ казармъ и отъ костра, но и отъ цейхгауза, гдѣ билось всего-на-все восемь человѣкъ солдатъ. Передъ утромъ, 23-го января нов. ст., толпы нападающихъ отступили къ ближайшему лѣсу, гдѣ (по словамъ городскихъ жидовъ) намѣрены были ждать подкрѣпленія и потомъ возобновить атаку. Однако ничего не случилось.

Съ нашей стороны, послѣ ночной схватки, оказалось: трое убитыхъ и 40 человѣкъ раненыхъ. Потеря повстанцевъ неизвѣстна: ихъ убитые и раненые были частію подобраны жителями, частію унесены бандами въ лѣсъ.

Разбросаннаго по улицамъ и по площади оружія, въ родѣ ножей, насаженныхъ на древки, солдаты наши насчитали штукъ до 200, но ружья не брошено ни одного. Видимо, ружьями повстанцы очень дорожили. Они унесли съ собою также и тѣ ружья, которые удалось имъ захватить въ казармахъ, при первомъ нападеніи. Рядовой Зеленко, жившій въ отдѣльной избѣ, какъ столяръ, не хотѣлъ ни за что выдать своего ружья и на всѣ требованія и угрозы не отвѣчалъ ни слова, стиснувъ зубы. Ему разжали ротъ острымъ желѣзомъ, изрѣзали языкъ и лицо, но всетаки ничего не добились. Онъ былъ наконецъ брошенъ, весь изуродованный, но послѣ поправился и продолжалъ служить въ полку, только никогда не могъ говорить вполнѣ внятно.

Подпоручикъ Козуновъ, единственный офицеръ и старшее лицо въ ротѣ, счелъ за лучшее, собравъ своихъ солдатъ, отступить къ Кѣльцамъ. Всѣ тяжело-раненые, которыхъ нельзя было захватить съ собою, оставлены были на попеченіе нѣсколькихъ еврейскихъ семействъ. При нихъ остался еще, по своей волѣ, совершенно здоровый солдатъ Анисимъ Андреевъ. Повстанское оружіе поломано и брошено въ огонь. Рота двинулась въ порядкѣ, черезъ лѣсистую мѣстность, и на дорогѣ наткнулась на повстанскій обозъ съ ранеными, подъ прикрытіемъ небольшой кучки плохо вооруженныхъ людей, которые, завидя солдатъ, разбѣжались. Въ одномъ возу найдено было 50 штукъ ножей, о какихъ упомянуто выше, три охотничьихъ ружья, немного пороху и свинцу, въ видѣ пуль и жеребьевъ, сундукъ съ казначейскими счетами сухедневскаго горнаго округа, нѣсколько экземпляровъ патріотическихъ пѣсенъ и 5,070 руб. денегъ, въ польскихъ серіяхъ и заставныхъ листахъ [1]).

[1]) Разсказы Ченгери, офицеровъ и солдатъ Смоленскаго полка, а также Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 2, стр. 2—4. Н. Б.

На Кѣльцы готовилось нападеніе бандъ, сформированныхъ въ деревняхъ Дыминѣ и Пословицѣ не извѣстно кѣмъ. Банды эти, собравшись на горѣ Карчувкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Кѣльцъ, ожидали предводителей, которые должны были явиться, по условію, за два часа до нападенія, ночью, но прибыли позже, съ разсвѣтомъ, когда въ Кѣльцахъ были уже приняты всѣ мѣры предосторожности: повстанцы видѣли съ Карчувки, какъ на ладони, всю площадь города, уставленную войсками, и выѣхавшія пушки. Нападеніе врасплохъ сдѣлалось невозможнымъ и банды ушли.

Въ м. Едльнѣ произошло нападеніе неизвѣстно какихъ бандъ на стоявшую тамъ 4-ю роту 2-го сапернаго баталіона. Повстанцы изранили командира роты, капитана Витковскаго, напавъ на него врасплохъ, и обезоружили солдатъ, которыхъ часть (60 человѣкъ) отступила, подъ командой унтеръ-офицера, къ Радому, а другая часть—въ Козеницы. Убитыхъ при этомъ съ нашей стороны считается до десяти человѣкъ и столько же раненыхъ [1]).

На м. Шидловецъ, гдѣ стояли двѣ роты Могилевскаго пѣхотнаго полка, ударилъ, около двухъ часовъ по полуночи, повстанскій отрядъ, состоявшій преимущественно изъ горнозаводскихъ чиновниковъ и рабочихъ, подъ начальствомъ отставнаго штабсъ-капитана Ясинскаго. Тутъ же былъ съ отдѣльною бандой и Лангевичъ, военный начальникъ сандомірскаго воеводства.

Одна рота, именно 3-я, успѣвшая кое-какъ построиться, держалась недолго; потомъ была выведена изъ города баталіоннымъ командиромъ, маіоромъ Ридигеромъ, по радомскому шоссе, и остановилась въ полуверстѣ отъ Шидловца. Передъ разсвѣтомъ къ ней присоединилась и другая, 4-я рота. Тогда Ридигеръ, выславъ впередъ густую цѣпь стрѣлковъ, повелъ атаку на городъ и къ 7-ми часамъ утра выбилъ изъ него повстанцевъ, которые скрылись въ ближайшій лѣсъ, тянувшійся по кѣлецкому шоссе. Мы потеряли при этомъ четырехъ солдатъ убитыми, до десяти ранеными и столько-же пропавшими безъ вѣсти. Повстанцевъ захвачено до 40 человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ и арестовано по подозрѣнію въ участіи до 30 человѣкъ [2]).

Вотъ и всѣ дѣйствія повстанцевъ въ Радомской губерніи, при взрывѣ съ 10-го на 11-е января ст. ст. 1863 года.

---

[1]) Разсказы разныхъ лицъ и Журналъ Воен. дѣйствій, № 1, стр. 3.

[2]) Разсказы разныхъ лицъ и Журналъ Воен. дѣйствій, № 1, стр. 4.

Х. Б.

Взглянемъ теперь, что дѣлалось тогда же въ воеводствахъ люблинскомъ и подлясскомъ, иначе сказать—въ Люблинской губерніи [1]).

Военный повстанскій начальникъ подлясскаго воеводства, Левандовскій, долженъ былъ атаковать г. Сѣдльцы, а коммисаръ того же воеводства, Рогинскій—Бялу, но это случайно предупреждено начальниками тамошнихъ мѣстныхъ отрядовъ, полковникомъ фонъ-Бригеномъ и генералъ-маіоромъ Мамаевымъ.

Двое казаковъ, наканунѣ взрыва, ночевали на одной почтовой станціи въ сараѣ, недалеко отъ м. Бялы, и подслушали разговоръ вошедшихъ въ сарай повстанцевъ, которые, не замѣтивъ казаковъ, сообщали одинъ другому о подробностяхъ «завтрашняго нападенія на Бялу и Сѣдльцы».

Лишь только повстанцы вышли изъ сарая, казаки ту же минуту вскочили на коней и одинъ помчался въ Бялу, а другой въ Сѣдльцы.

Левандовскій, узнавъ, что отрядъ города Сѣдльцы предупрежденъ о нападеніи, не рѣшился вести на него предположенной атаки, а ударилъ на деревню Сточекъ, подъ самымъ Сѣдльцемъ [2]), гдѣ стояла 10-я рота Костромскаго пѣхотнаго полка и сотня казаковъ. Солдаты засѣли въ разныхъ домахъ и отстрѣливались съ часу до пяти по полуночи.

Въ это время подошла помощь изъ Сѣдльца: 11-я и 12-я роты Костромскаго полка и сотня казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Фофанова, который, разсыпавъ цѣпь стрѣлковъ, выбилъ повстанцевъ изъ деревни однимъ штуцернымъ огнемъ. Наши, входя въ Сточекъ, видѣли, какъ нападающіе садились на подводы (числомъ, приблизительно, до ста) и уѣзжали въ противоположную сторону. Они успѣли, однако, разграбить цейхгаузъ, гдѣ захватили 25 старыхъ ружей. Въ одномъ домѣ, подожженномъ повстанцами, сгорѣло трое солдатъ, не хотѣвшихъ сдаться. Во время перестрѣлки, съ нашей стороны убито 7, ранено 10 нижнихъ чиновъ. У повстанцевъ убито 5 человѣкъ, ранено 26, захвачено около 60 и три воза съ косами.

Одновременно съ помощью изъ Сѣдлецъ явилась, изъ селенія Балки, 9-я рота Костромскаго полка, вмѣстѣ съ тамошнею инвалидною командой, и также способствовала занятію Сточка [3]).

Въ Бялѣ всѣми военными силами повстанцевъ (скрытыхъ, разумѣется, на тайныхъ квартирахъ) завѣдывалъ коммисаръ подлясскаго воеводства Рогинскій, молодой, энергическій парень, давнымъ давно

---

[1]) Прежнее дѣленіе на пять губерній.

[2]) $3^1/_2$ версты.

[3]) Разсказы разныхъ лицъ и Журналъ Воен. дѣйствій, № 1, стр. 5.

Н. В.

мѣшавшійся во всѣ распоряженія мѣстныхъ повстанскихъ властей и разыгрывавшій роль другаго воеводы, если только не главнаго начальника въ воеводствѣ.

Онъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ нечаянному нападенію на русскія войска и ждалъ только назначеннаго часа, то есть полуночи, какъ вдругъ ему донесли, еще за-свѣтло, что «Москва строится около артиллерійскаго парка». Это встревожило сильно всѣхъ «присягнувшихъ» и часть ихъ не вышла на улицу. Рогинскій увидѣлъ себя начальникомъ какихъ-то перепуганныхъ барановъ, числомъ не много болѣе полусотни, вмѣсто нѣсколькихъ сотъ на все готовыхъ молодцовъ, и потому не рѣшился вести атаки на войска въ Бялѣ, а двинулся на Залѣсье, откуда, а равно изъ Лосицъ, ожидалась помощь; но тамъ не оказалось ни одного повстанца.

Приближаясь къ Залѣсью, банда Рогинскаго встрѣтила (въ $2^1/_2$ часа пополудни, 11-го января ст. ст.) дилижансъ, шедшій изъ Брестъ-Литовска въ Варшаву, и велѣла ему остановиться. Въ дилижансѣ ѣхалъ чиновникъ канцеляріи намѣстника, статскій совѣтникъ Черкасовъ, котораго поляки не терпѣли за крайне-рѣзкіе объ нихъ отзывы. Кромѣ того, объ немъ ходили слухи, будто-бы онъ былъ шпіонъ. Слухи эти ходили иногда въ Польшѣ о людяхъ совершенно ни въ чемъ невинныхъ и не способныхъ быть шпіонами. Рогинскій зналъ Черкасова въ лицо. Отворивъ дверцы дилижанса, онъ спросилъ: «кто вы такой?» Черкасовъ, мгновенно понявъ опасность, назвался Вишневскимъ. «Ты еще врешь», закричалъ неистовымъ голосомъ Рогинскій, вскочилъ въ дилижансъ и ударилъ Черкасова въ лѣвый бокъ кинжаломъ. Онъ упалъ, но былъ живъ. Рогинскій, какъ-бы для того, чтобы прекратить его мученія, взялъ у кого-то изъ своихъ солдатъ ружье и выстрѣлилъ умирающему Черкасову въ голову, à bout-portant; разлетѣвшійся мозгъ обдалъ стѣны кареты...

Въ карманахъ трупа найденъ рапортъ брестъ-литовскаго коменданта великому князю намѣстнику о состояніи крѣпости, полтораста рублей денегъ и часы. Все это взяли, а дилижансу велѣли ѣхать въ Варшаву; онъ поѣхалъ и, когда прибылъ на мѣсто, долго стоялъ во дворѣ ратуши, служа предметомъ разныхъ толковъ и разсужденій...

А банда Рогинскаго, пройдя еще нѣсколько верстъ, встрѣтила генерала Синельникова, ѣхавшаго въ Варшаву на перекладной, а потомъ какого-то жандармскаго офицера, съ двумя жандармами; имъ-бы не сдобровать, еслибъ не тяготѣло на душѣ Рогинскаго варварское, безсмысленное преступленіе; онъ велѣлъ своимъ людямъ только отобрать у всѣхъ этихъ лицъ оружіе, а ихъ самихъ отпустить [1]).

[1]) Собственныя показанія Рогинскаго.

Н. Б.

Тѣмъ временемъ бывшіе воспитанники Генуэзской военной школы, Новаковскій и Чапинскій, произвели съ небольшою бандой нападеніе врасплохъ на мѣстечки Ломазы и Россошъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько солдатъ и захватили оружіе, хранившееся въ тамошнихъ цейхгаузахъ. Недалеко отъ Залѣсья они сошлись съ Рогинскимъ и рѣшили направиться вмѣстѣ на д. Гусинки, дабы разузнать въ какомъ положеніи находится городъ Яновъ[1]) и собранныя въ немъ и въ его окрестностяхъ банды. Оказалось, что всѣхъ повстанскихъ силъ въ этихъ мѣстахъ около 700 человѣкъ, въ томъ числѣ до 70 кавалеристовъ. Съ прибытіемъ бандъ Рогинскаго, Новаковскаго, Чапинскаго и еще Богуславскаго изъ Залѣсья, образовалась масса въ 1,000 человѣкъ слишкомъ. Узнавъ черезъ «пантофлеву почту», что генералъ Мамаевъ, со всѣми своими войсками и артиллеріей, вышелъ изъ Бялы (вслѣдствіе распространившихся, черезъ ту же пантофлеву почту, слуховъ, будто бы возстаніе принимаетъ кругомъ съ каждымъ часомъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры), Рогинскій, съумѣвшій, посредствомъ громкихъ и повелительныхъ криковъ и своей манеры обращаться со всѣми по-начальнически, сдѣлаться какъ бы главнымъ вождемъ — убѣдилъ товарищей занять немедля Бялу и огласить тамъ народное правительство.

Двинулись туда торжественно, съ надеждой несомнѣннаго успѣха. Пантофлева почта дала знать городу, что «приближается народное войско», вслѣдствіе чего городъ выслалъ на встрѣчу этому войску депутатовъ, украшенныхъ трехцвѣтными кокардами.

Вечеромъ 13-го января ст. ст., всѣ отряды вступили въ улицы Бялы, при оглушительныхъ крикахъ «ура!» «vivat!» и т. п. Сейчасъ-же была зажжена иллюминація. Рогинскій расположился на квартирѣ, гдѣ утромъ стоялъ генералъ Мамаевъ. Войско поставлено въ замкѣ, на краю города. Ксендзы получили приказаніе сдѣлать соотвѣтственныя приготовленія къ совершенію, на другой день, торжественнаго богослуженія въ фарѣ. Еврейское-же духовенство, услыхавъ объ этомъ, просило позволенія отслужить молебствіе немедля. Рогинскій не только разрѣшилъ, но сказалъ, что будетъ на этомъ молебствіи самъ и, дѣйствительно, отправился въ синагогу. Еврейское духовенство встрѣтило его въ сѣняхъ и просило зачѣмъ-то коснуться рукою талмуда, лежавшаго на престолѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ. Евреи прокричали: «vivat, Ro-

---

[1]) Всѣ эти мѣстечки и деревни: Залѣсье, Лосице, Ломазы, Россошъ, Гусинки и гор. Яновъ—находятся въ сѣверной части Люблинской губерніи, по прежнему дѣленію, отстоя другъ отъ друга верстъ на 15—20. Сѣдльце составляетъ центръ. Н. Б.

giński!» [1]). Послѣ чего началось молебствіе, по совершеніи котораго прочтенъ манифестъ центральнаго комитета объ открытіи военныхъ дѣйствій.

Утромъ, въ фарѣ, по совершеніи молебствія католическимъ духовенствомъ, также читался манифестъ викаріемъ Кожуховскимъ, между тѣмъ какъ другой ксендзъ, Млечко, освящалъ знамя, съ изображеніемъ Орла и Всадника, поднесенное Рогинскому дамами г. Бялы.

Тѣмъ временемъ, какой-то отдѣлъ пантофлевой почты далъ знать обо всемъ совершившемся у нихъ русскому отряду, стоявшему въ Брестѣ [2]). Отрядъ этотъ (7 ротъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и 15 казаковъ), подъ командой флигель-адъютанта графа Ностица, сейчасъ-же (20-го января ст. ст., въ 9 часовъ утра) выступилъ въ направленіи къ Бялѣ. Та же самая пантофлева почта бросилась сломя голову извѣщать объ этомъ повстанцевъ.

Рогинскій, не расчитывая на свои войска, поспѣшилъ выбраться по добру—по здорову изъ города, но, пройдя всего 4 версты, наткнулся (въ 12-мъ часу ночи) на отрядъ Ностица: произошло столкновеніе; повстанцы потеряли до ста человѣкъ убитыми и ранеными—и разсѣялись по лѣсамъ.

Такъ какъ преслѣдованіе бандъ ночью въ лѣсу было дѣломъ рискованнымъ, притомъ нельзя было утверждать, чтобы въ окрестностяхъ не скрывалось еще такихъ-же бандъ, какъ у Рогинскаго,—поэтому Ностицъ, въ ожиданіи, что будетъ дальше, расположилъ отрядъ свой подъ Бялой и вошелъ въ сношенія съ отрядомъ, стоявшимъ въ Мендзыржѣцѣ.

Тѣмъ временемъ, банда, состоявшая подъ начальствомъ Рогинскаго, снова собралась въ одинъ большой отрядъ, подъ Яновымъ, и вскорѣ потомъ заняла этотъ городъ, гдѣ, взявъ съ казеннаго завода 14 лучшихъ лошадей, все призовое серебро и полторы тысячи денегъ, переправилась на другую сторону Буга, въ Литву, а тяжести отослала въ Немировъ [3]).

За Бугомъ, услыхавъ, что нѣсколько бандъ соединяется подъ Семятичами [4]), Рогинскій отправился туда со всѣми силами, какими располагалъ. Такимъ образомъ, подъ сказаннымъ мѣстечкомъ, значи-

---

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Рогинскій въ своихъ «показаніяхъ».

[2]) Отъ Бреста до Бялы около 35-ти верстъ.

[3]) Показанія Рогинскаго и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 4, стр. 2. Въ послѣднемъ сказано, что повстанцевъ въ Бялѣ собралось до 3,000 человѣкъ; цифра, кажется, преувеличенная.

[4]) Селеніе на югѣ Гродненской губерніи. Н. Б.

тельно укрѣпленнымъ, собралась масса тысячъ въ пять подъ командой разныхъ вождей, гдѣ наиболѣе вліятельными и извѣстными были: Левандовскій (военный подлясскій воевода), Шанявскій, Рыльскій и Сонгинъ. Стоявшій неподалеку оттуда отрядъ генералъ-лейтенанта Манюкина имѣлъ съ ними довольно серьезное дѣло (съ 25-го на 26-е января ст. ст.), послѣ чего часть повстанцевъ перебралась снова за Бугъ въ Царство, а часть (Рогинскій, Сонгинъ и Рыльскій) направилась къ м. Королевинъ-Мостъ, гдѣ опять напалъ на ихъ слѣды графъ Ностицъ и отбилъ у нихъ обозъ, но банды искуснымъ маневромъ избѣгли столкновенія съ нашимъ отрядомъ и ушли въ м. Шерешево. Здѣсь Рогинскій запасся полушубками, рубахами и сапогами; кромѣ того, купилъ у жидовъ 6 пудовъ пороху (по 40 руб. за пудъ) и двинулся на Пружаны, гдѣ инвалидная команда во сто человѣкъ сдалась ему безъ выстрѣла. Въ мѣстномъ казначействѣ нашли повстанцы семь тысячъ рублей и раздѣлили такъ: 4 тысячи Рогинскому, а 3 тысячи Сонгину и Рыльскому.

Послѣ этого вожди перессорились между собою и на походѣ къ Кобрину Рогинскій, имѣя всего 33 человѣка подъ командой, вдругъ отдѣлился отъ товарищей и поворотилъ къ Пинску.

Узнавъ, что изъ Пинска должна въ скоромъ времени выступить почта, люди Рогинскаго рѣшились ее подкараулить и засѣли въ лѣсу, не далеко отъ сказаннаго города. Когда почтовая карета поровнялась съ засадой, выстрѣлъ изъ штуцера сбилъ съ козелъ почтальона; лошади стали; началась ревизія. Въ почтовой сумкѣ найдено 4,800 рублей денегъ, вмѣстѣ съ векселями.

Этимъ грабежомъ завершились похожденія подлясскаго коммисара. Близъ д. Борки отрядъ капитана Албертова разбилъ банду Рогинскаго, который, съ 12-ю человѣками, скрылся, благодаря ночи, въ лѣсу и потомъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, скитался по враждебной для повстанцевъ Пинщизнѣ, наконецъ, арестованъ крестьянами на мызѣ помѣщика Млынскаго и отправленъ въ Варшаву [1]).

Въ м. Коднѣ повстанцы напали на стоявшій тамъ летучій № 2-й паркъ, убили 5 человѣкъ солдатъ, ранили 15 и около 50 захватили.

---

[1]) Военный судъ приговорилъ Рогинскаго къ смерти. Конфирмація намѣстника смягчила этотъ приговоръ, вслѣдствіе чрезвычайной молодости преступника (ему не было еще 21 года, то есть совершеннолѣтія). Рогинскаго сослали на каторгу. Авейде называетъ военныя дѣйствія его, лишенныя всякаго плана и какихъ бы то ни было соображеній, «пляской сумасшедшаго» (IV, 34).
Н. В.

въ плѣнъ, въ томъ числѣ поручика Антоненко. Имъ достался сверхъ того казенный ящикъ парка, съ 4-мя тысячами рублей денегъ, и до 50 ружей.

Для нападенія на гор. Радзынъ была приготовлена банда изъ разныхъ жителей этого мѣстечка и мѣщанъ м. Вохина, подъ руководствомъ тамошняго зажиточнаго обывателя Ржевскаго, сына бургомистра Викентія Скальскаго, писаря Пыркоша, шляхтича Франциска Прондзынскаго и ксендза Целестина Годлевскаго.

Главнымъ начальникомъ надъ всѣми этими силами (которыхъ точное количество неизвѣстно) сдѣлался какой-то Дескуръ [1]), по номинаціи Рогинскаго.

10-го января стар. ст., вечеромъ, всѣ главные заговорщики собрались въ м. Вохинѣ, какъ-бы на имянины къ Ржевскому, переговорили о подробностяхъ нападенія на Радзынъ (отъ Вохина 9 верстъ) и, подгулявъ, отправились въ лѣсъ, гдѣ были уже Дескуръ и Пыркошъ, съ бандою, вооруженною чѣмъ попало: ружьями, пиками, косами, кто верхомъ, кто пѣшій.

Прондзынскій, посланный предварительно разузнать «гдѣ находятся офицеры отряда, занимающаго Радзынъ», явился въ лѣсъ съ извѣстіемъ, что «они играютъ въ карты у жандармскаго капитана Хвощинскаго».

— Что намъ съ ними дѣлать?—спросилъ кто-то.

— Извѣстно что: перебить!—отвѣчали разные голоса.

Но нѣкоторые совѣтовали просто-за-просто запереть въ хлѣбный сарай. Когда-же двинулись къ Радзыну, большинство постановило: «порѣшить офицеровъ безъ церемоніи на мѣстѣ, никуда не запирая».

Съ приближеніемъ къ Радзыну, часть банды отдѣлилась и, войдя въ городъ, окружила домъ, гдѣ жилъ Хвощинскій. Тамъ дѣйствительно играли въ карты, во 2-мъ этажѣ: генералъ-маіоръ Каннабихъ, подполковникъ Мейбаумъ, самъ Хвощинскій и ксендзъ Веницкій.

Предводители толпы, подошедши къ дому, поднялись на лѣстницу съ такимъ шумомъ и имѣли такой нахальный видъ, что, когда они предстали передъ игравшими, — Хвощинскій и Мейбаумъ сейчасъ смекнули, въ чемъ дѣло и неизвѣстно какъ успѣли куда-то спрятаться; ксендзъ полѣзъ подъ столъ; остался за карточнымъ столомъ одинъ Каннабихъ, человѣкъ необыкновенно сильный и громадныхъ размѣровъ. По немъ кто-то сейчасъ-же выстрѣлилъ изъ ружья, но зарядъ снесъ ему только лѣвое ухо. Видя, что онъ живъ, пов-

---

[1]) Изъ семейства Дескуровъ, которые всегда служили революціямъ въ тѣхъ мѣстахъ, «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 79. Н. Б.

станцы ринулись на него цѣлою кучей, но Каннабихъ сшибъ нѣсколько человѣкъ съ ногъ двумя-тремя ударами кулака и очутился въ сѣняхъ. Тутъ нанесли ему жестокій ударъ въ голову саблею; Каннабихъ упалъ, обливаясь кровью, и сочтенъ мертвымъ...

Когда всѣ удалились, раненый очнулся и доползъ до своей квартиры, которая находилась, по счастію, оттуда недалеко [1]).

Между тѣмъ, спасшіеся офицеры, Мейбаумъ и Хвощинскій, подняли на ноги солдатъ: повстанцы были мгновенно разсѣяны, а нѣкоторая часть захвачена въ плѣнъ. Мы потеряли при этомъ 5 человѣкъ убитыми и 7 ранеными [2]).

М. Луковъ было атаковано бандой человѣкъ въ 300 пѣшихъ и 50 конныхъ, подъ командой Густава Закржевскаго, въ 2 часа по полуночи (съ 10-го на 11-е января ст. ст.), при чемъ перебиты всѣ часовые, стоявшіе у казармъ двухъ ротъ (5-й и 8-й Костромскаго пѣх. полка), занимавшихъ мѣстечко, и перерѣзано довольно много спавшихъ солдатъ. Проснувшіеся же нижніе чины бросились на площадь и тамъ построились въ каре, но открытый по нимъ повстанцами изъ-за разныхъ строеній и заборовъ сильный ружейный огонь заставилъ ихъ отступить за городъ, къ монастырю, гдѣ они держались до тѣхъ поръ, пока не прибыла на помощь 6-я рота Костромскаго полка, изъ д. Мрочекъ [3]).

Мѣстечко Казиміржъ занято было бандой люблинскаго военнаго коммисара, Леона Франковскаго, человѣка весьма молодаго (19 лѣтъ), но рѣшительнаго и расторопнаго. Ядро этой банды составляли «пулавяки», т. е. Пулавскій политехническій институтъ, образовавшійся изъ варшавскаго Маримонтскаго училища, закрытаго Велепольскимъ въ 1862 году.

Пулавяки хранили преданіе 1861 года: они были по духу совершенно то же, что Маримонтъ, и при вспышкѣ 10-го января стар. ст. ушли изъ Пулавъ всѣ до одного въ Казиміржъ [4]), забравъ съ собою казенную кухонную посуду. Имъ-то сказалъ Франковскій извѣстную рѣчь, гдѣ были слова: «на что вамъ оружіе? съ палками вы добу-

---

[1]) Раны Каннабиха вскорѣ зажили. Онъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Замостье, потомъ Бендеръ, гдѣ и умеръ 23-го февраля 1874 г.

[2]) Частные разсказы и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 1, стр. 4.

Въ Радзынѣ стояли: штабъ 5-й полевой артиллерійской бригады, нарѣзная № 3-й батарея и 3-я стрѣлковая рота Костромскаго пѣхотнаго полка. Въ Радзынѣ было еще нападеніе на командира стрѣлковой роты Костромскаго пѣхотнаго полка, капитана Дѣдова, котораго подробности намъ неизвѣстны.

[3]) Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 1, стр. 5.

[4]) Отъ Пулавъ до Казиміржа 13 верстъ. Н. В.

дете у москалей ружья, съ ружьями пушки, а съ пушками—Модлинъ и Варшаву»,—слова, подхваченныя разными заграничными листками, между прочимъ брошюрой Монталамбера «De l'insurrection polonaise, 1863».

Къ пулавякамъ присоединилась въ Казиміржѣ куча разнаго безпардоннаго народу: ремесленники, оффиціалисты, мелкіе помѣщики и кое-кто изъ молодыхъ чиновниковъ. Были даже и крестьяне, но мало.

Вся эта толпа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, занявъ Казиміржъ, провозгласила тамъ народное правительство [1]). Бурмистръ недалеко-лежащаго оттуда села Маркушова, Здановичъ, бывшій унтеръ-офицеръ русскихъ войскъ, сталъ учить повстанцевъ Франковскаго ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ, на берегу Вислы, и незамѣтно изъ обучателя сдѣлался начальникомъ банды. Жили весело и безпечно. Бѣдная касса банды была пополнена въ скоромъ времени значительною суммой денегъ (48 тысячъ рублей), захваченною Франковскимъ при нападеніи на почту подъ м. Куровъ [2]), 12-го января стараго стиля.

Черезъ недѣлю послѣ этого, въ Люблинѣ были получены довольно подробныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ банды Здановича и противъ нея посланъ, 19-го января стар. ст., отрядъ изъ двухъ ротъ Вологодскаго пѣхотнаго полка и 40 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Мѣдникова. Онъ подошелъ къ Казиміржу безъ выстрѣла. Банда, нисколько не готовая къ бою, частію бросилась на паромахъ черезъ Вислу въ Радомскую губернію, частію ушла въ Палянувскіе лѣса и переправилась черезъ рѣку ниже, у деревень: Месьмержа, Петровины и Каменя и у мѣстечка Юзефова; послѣ чего вся банда собралась къ одному пункту, у м. Липска, Опатовскаго уѣзда, Радомской губерніи [3]), и двинулась къ Завихосту, Сандомірскаго уѣзда, заняла это мѣстечко и предалась тамъ прежней безпечной жизни [4]), никакъ не предполагая, что Мѣдниковъ рѣшится перейти Вислу, т. е. дѣйствовать не въ своемъ отдѣлѣ, а Мѣдниковъ перешелъ. Тогда Здановичъ направился къ Сандоміру, только что оставленному баталіономъ

---

[1]) Неизвѣстно, были-ли тамъ какія войска. Журн. Воен. дѣйствій не сообщаетъ никакихъ подробностей о занятіи Казиміржа повстанцами.

[2]) Куровъ отъ Казиміржа 19 верстъ; Маркушовъ отъ Курова 4 версты, отъ Казиміржа 20 верстъ.

[3]) Отъ Казиміржа до Липска верстъ 30.

[4]) Подробности о пребываніи Здановича подъ Казиміржемъ и въ Завихостѣ разсказаны въ статьѣ «Wyjątki z pamiętników powstańca», Dziennik Warsz. 1865, № 147. Н. Б.

Галицкаго пѣх. полка (по причинамъ, которыя будутъ разсказаны ниже) и занятому бандой помѣщика барона Райскаго, прибывшаго изъ Пинчова.

По соединеніи обѣихъ этихъ бандъ, вожди ихъ условились расположить свои силы въ двухъ пунктахъ: въ самомъ Сандомірѣ — банда Райскаго, а Здановичъ и двѣ партіи повстанцевъ, приставшія къ нему на пути отъ м. Ожарова къ Завихосту, должны были занять д. Слупчу, образовавъ передъ Сандоміромъ родъ форта.

Мѣдниковъ быстрымъ натискомъ выбилъ повстанцевъ изъ Слупчи; они бѣжали въ Сандоміръ, похоронивъ поспѣшно въ одной ямѣ слишкомъ сто тѣлъ. Все это были отчаянные пулавяки. Часть ихъ, при отступленіи къ Сандоміру, была захвачена въ плѣнъ; при каждомъ оказался форменный отпускъ директора института на двѣ недѣли; два воза институтской казенной посуды, котловъ и кастрюлей разной величины достались нашимъ солдатамъ.

Отрядъ Мѣдникова, переночевавъ въ 4-хъ верстахъ отъ Сандоміра, на хуторѣ Герлахъ, сталъ готовиться къ штурму города, имѣвшаго, сверхъ старой стѣны, еще засѣки и завалы въ улицахъ.

Едва только эти приготовленія были замѣчены жителями, какъ они бросились упрашивать барона Райскаго выйти изъ города и принять бой въ полѣ. Между просившими былъ епископъ, котораго убѣжденія всего болѣе подѣйствовали на Райскаго, и онъ выбрался изъ Сандоміра на разсвѣтѣ 28-го января ст. ст. и пошелъ на м. Копрживницу, а Мѣдниковъ вступилъ въ Сандоміръ, встрѣченный депутаціей съ хлѣбомъ и солью.

Что касается пулавяковъ Здановича,—часть ихъ пристала къ Райскому, а часть разбѣжалась. Самъ Здановичъ черезъ три дня явился съ повинною къ начальнику люблинскаго отдѣла, Хрущеву.

Въ Сандомірѣ найдены оставленные повстанцами три нашихъ плѣнныхъ офицера пограничной стражи и 70 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, повстанцы оставили тамъ всѣхъ своихъ раненыхъ, въ томъ числѣ и люблинскаго военнаго коммисара Леона Франковскаго. Онъ прикрывался нѣкоторое время другимъ именемъ, но вскорѣ узнанъ и отправленъ въ Люблинъ, гдѣ, по приговору мѣстнаго военнаго суда, повѣшенъ передъ замкомъ [1]).

Въ воеводствахъ мазовецкомъ и калишскомъ (иначе сказать: въ Варшавской губерніи прежняго дѣленія) было всего-на-все одно

---

[1]) Разсказы подполковника Мѣдникова, начальника штаба войскъ люблинскаго военнаго отдѣла полковника Соллогуба и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 6, стр. 1, и № 7, стр. 1—3. Н. Б.

нападеніе, съ 10-го на 11-е января ст. ст., именно на городъ Раву, бандой Езеранскаго, который захватилъ тамъ двухъ жандармовъ и казака. Тутъ погибъ Францискъ Годлевскій.

И вотъ все: всѣ 15—16 нападеній (съ 10-го на 11-е января ст. ст.), которыхъ половина кончилась ничѣмъ, а другая половина принесла повстанцамъ немного чести.

Тѣмъ не менѣе неожиданность, съ какою все это произошло, и размѣры нѣкоторыхъ бандъ, хоть плохо, но всетаки вооруженныхъ— привели всѣхъ въ недоумѣніе. Никто въ первыя минуты не хотѣлъ вѣрить, что «возстаніе началось на самомъ дѣлѣ и что втораго начала не будетъ». Всему благоразумному изъ поляковъ хотѣлось бы спрятать этотъ нелѣпый взрывъ подъ сукно. Краковская газета «Часъ», очень хорошо знавшая о ходѣ нашихъ повстанскихъ дѣлъ, въ 17-мъ номерѣ 1863 г. (который вышелъ въ день взрыва, 22-го января н. ст.) старается внушить всѣмъ и каждому, что это «не возстаніе, какъ бываютъ возстанія, а только порывъ отчаянія тѣхъ, кто намѣренъ воспротивиться набору».

«Русское правительство (говорится тамъ далѣе) какъ прежними, такъ и настоящимъ насиліемъ надѣется вызвать преждевременный взрывъ, чтобы подавить движеніе и водворить въ краѣ спокойствіе смерти... Передъ Богомъ, исторіею и народомъ тяжко отвѣтятъ люди, которые напрашиваются на эту тишину кладбища... до сихъ поръ однакоже нѣтъ еще извѣстій ни о какомъ столкновеніи, но если проскрипты, выведенные изъ терпѣнія, дорого продадутъ свою жизнь,— мы пожалѣемъ, но не удивимся».

«Часъ» держался этого тона цѣлыя двѣ недѣли, заставляя смотрѣть своихъ читателей на взрывъ не какъ на дѣйствительный переходъ заговора въ вооруженное возстаніе, а какъ на случайную вспышку, которая кончится ничѣмъ.

Статьи его въ этомъ духѣ были диктованы, по всѣмъ вѣроятностямъ, не только наиболѣе-умѣренными партіями Кракова, но и нѣкоторою частію бѣлыхъ изъ Варшавы, гдѣ вслѣдствіе цензуры, вполнѣ зависѣвшей отъ Велепольскаго, нельзя было говорить ничего ему непріятнаго, а тѣмъ болѣе намекать, что онъ причина взрыва, въ чемъ были убѣждены всѣ до единаго, красные и бѣлые—и это переходило изъ устъ въ уста. Всѣ говорили, что не будь набора — ничего-бы не было. Въ особенности такъ думала часть бѣлыхъ, старавшихся не то что отдалить возстаніе, а спустить его, просто-за-просто, на-нѣтъ—и затѣмъ дать полный ходъ реформамъ,

которыя, какъ полагали, держало правительство подъ замкомъ, выжидая возвращенія полнаго спокойствія [1].

Эта часть бѣлыхъ (гдѣ было довольно весьма кипучаго народу) ругательски-ругала Велепольскаго съ минуты оглашенія набора, то есть съ осени 1862 года. Сюда принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный писатель Крашевскій, который, какъ человѣкъ тонкій и проницательный, лучше другихъ видѣлъ конецъ, чуялъ ту опасность, которая заключалась въ неловкости, безтактности и гордынѣ Велепольскаго для ихъ польскаго дѣла, тѣ противуядія, долженствовавшія осадить назадъ всѣ ихъ фантазіи надолго....... можетъ—навсегда...... а насъ выручить; исцѣлить отъ всѣхъ тѣхъ ядовъ, которые поглотила политическая организація Россіи весьма крупною дозой въ смутные дни 1861—1862 годовъ.

Все это чуялъ тонкій Крашевскій и съ давнихъ поръ задѣвалъ и язвилъ маркиза въ передовыхъ статьяхъ своей газеты [2]. Велепольскій терпѣлъ долго. Вдругъ грянула передовая статья Крашевскаго, въ польскій сочельникъ 1862 года, гдѣ всѣ цензурныя Сциллы и Харибды были ловко обойдены и успокоены, между тѣмъ Велепольскій рисовался весь какъ на ладони. Всѣ увидѣли между вѣтвями и листьями искусно-скрытую «тѣнь Наполеона». Велепольскій бросился въ замокъ и сказалъ «либо я, либо онъ долженъ выѣхать изъ края!»

Крашевскому приказано было въ тотъ-же день оставить редакторство и выѣхать за границу [3].

---

[1] Еще передъ взрывомъ, редакторы главныхъ варшавскихъ газетъ просили позволенія «печатать что имъ вздумается безъ цензуры три мѣсяца сряду»; обѣщая все привести къ порядку: «насъ будутъ слушаться, потому что мы будемъ безъ цѣпей»,—говорили они. Спросили Велепольскаго: «можно-ли это допустить?» Тотъ (боясь, конечно, нападеній прежде всего на себя) отвѣчалъ, что «нечего и думать!»

[2] Gazeta Polska.

[3] Вотъ наиболѣе рѣзкій отрывокъ изъ этой статьи... «Прежде всего намъ не достаетъ смиренія,—добродѣтели, которая приводитъ къ любви; а эгоизмъ гранитною стѣною дѣлитъ насъ отъ свѣта...

«Когда-бы мы умѣли смириться, Боже, какъ-бы мы стали велики!! Еслибъ мы не желали царствовать, какимъ-бы могуществомъ мы преисполнились!

«Только посредствомъ смиренія человѣкъ избѣгаетъ униженія; только смиреніемъ доходитъ до совершенства, до побѣды надъ самимъ собою, безъ которой ничего мы побѣдить не въ силахъ...

«Звѣзда всходитъ— свѣточъ надежды... будущее въ рукахъ нашихъ».

(Gazeta Polska 1862, № 294).

Въ слѣдующемъ, 295-мъ номерѣ, Крашевскій прощается со своими читателями.

Н. Б.

Онъ собирался медленно и все ругалъ Велепольскаго, гдѣ случится.

Въ концѣ мѣсяца по н. ст. (т. е. уже послѣ взрыва) Д. Н. Набоковъ встрѣтилъ его на улицѣ и сказалъ:

— «Вы все еще здѣсь? Уѣзжайте, уѣзжайте! Не то васъ вышлютъ въ Россію. Дѣла ваши [1]) поворачиваютъ назадъ. Автономію отберутъ, школы въ томъ видѣ, какъ ихъ устроилъ Велепольскій, уничтожатъ; будетъ введенъ русскій языкъ и русское судопроизводство. Иначе нельзя!»

Крашевскій уѣхалъ въ самыхъ первыхъ числахъ февраля по нов. ст. въ Дрезденъ (гдѣ и живетъ до сихъ поръ) и тамъ продолжалъ ругать Велепольскаго и говорить, что «онъ всему злу причина».

То же самое повторяли въ Варшавѣ, особенно негодуя на маркиза съ тѣхъ поръ, какъ слова Д. Н. Набокова, сказанныя Крашевскому, облетѣли городъ и Царство. Отъ этого дѣла, разумѣется, не поправились. Волны возстанія катились съ неудержимою силой, затопляя весь край. Особый бурный духъ пошелъ по землямъ, считавшимъ себя польскими. Все юное, по деревнямъ и всякимъ захолустьямъ, не зная и не желая знать, какъ смотритъ на взрывъ та или другая партія, «Часъ» или какой нибудь Крашевскій, а слушаясь единственно влеченій своего польскаго сердца, думало только о томъ, какъ-бы скорѣе перескочить въ какую-либо банду—и унимать этихъ господъ и увѣщевать родителямъ было странно. Иной, пожалуй, и слушалъ молча краснорѣчивыя увѣщанія своего сѣдаго отца или дяди сегодня, признавалъ возстаніе нелѣпымъ, несвоевременнымъ, ругалъ его творцовъ и руководителей, а завтра мчался какъ угорѣлый по лѣсамъ на подводахъ «обывательской почты» (тогда уже недурно устроившейся), не простясь ни съ кѣмъ, обнимая вмѣсто матери ружье, которое стянулъ ночью у батьки, или у какого другаго увѣщателя; а увѣщатель, узнавъ утромъ о побѣгѣ сына или родственника, молча плакалъ—и благословлялъ бѣжавшаго, а иногда садился въ телѣгу и самъ—и она трясла и била по глухимъ дорогамъ, въ ту-же сторону, его старыя кости...

Бывали и такіе примѣры, что сынъ съ отцомъ, послѣ горячихъ толковъ о нелѣпомъ возстаніи, оба садились въ телѣгу и мчались въ ближайшую банду.

Такъ, масса бѣлыхъ, слыша о самоотверженіи братьевъ, выгнанныхъ наборомъ въ лѣса, объ ихъ скитаніяхъ, бѣдствіяхъ, голодѣ и холодѣ, а гдѣ—о чемъ-то такомъ, что называлось тогда у поляковъ

---

[1]) То есть польскія.

побѣдой,—стала мало по малу поворачивать въ сторону возстанія и помогать ему чѣмъ случится [1]): доставлять бандамъ фуражъ, аммуницію, лошадей, подводы...

Конторы земскаго кредитнаго общества, существовавшія по разнымъ городамъ Царства, пустили въ ходъ свои капиталы, въ какомъ гдѣ размѣрѣ—это въ точности неизвѣстно, но говорятъ, что одна плоцкая контора выдала возстанію до 300 тысячъ рублей. Сверхъ того, она завела филіальную контору въ Торнѣ и посредствомъ ея производила различныя операціи, помогавшія бандамъ. Дабы пополнить свои кассы, сказанныя конторы сдѣлали произвольный налогъ на помѣщиковъ и тѣ бо́льшею частію безропотно вносили требуемыя суммы. Это дало возстанію сильный толчокъ, даже, можно сказать, было его спасеніемъ: ибо въ кассѣ центральнаго комитета оставалось послѣ взрыва, какъ увѣряютъ иные компетентные люди, только 500 злотыхъ, по нашему 75 рублей! [2]).

Нечего говорить, что все вставшее послѣ этого въ Царствѣ, — передъ силами, какими располагало правительство,—было всетаки нуль, мыльный пузырь. Но то бѣда, что не былъ отданъ въ ту же минуту соотвѣтственный приказъ, какъ дѣйствовать относительно возникшихъ невѣдомо откуда полчищъ, дабы уничтожить ихъ мгновенно и сдѣлать невозможнымъ появленіе новыхъ.

---

[1]) Не одни бѣлые были сначала противъ возстанія, но и нѣкоторая часть красныхъ. Гиллеръ увѣряетъ, что, когда были получены первыя извѣстія о столкновеніи повстанцевъ съ русскими войсками, студенты Главной школы собрались, въ числѣ 700 человѣкъ, и предлагали, черезъ Авейде, центральному комитету отправиться въ разные отряды и умолять начальниковъ разойтись (II, 209). Но немного позже, думали уже иначе.

Красный повстанецъ Вашковскій говоритъ въ своихъ показаніяхъ: «Проклинаю день 22-го января 1863 г., когда центральный комитетъ, не обдумавши ничего какъ слѣдуетъ, выслалъ на явную смерть молодежь... но когда слово стало тѣломъ (Słowo stało się ciałem), то поляку нельзя уже было отступать; надо было каждому изъ насъ идти братьямъ на помощь, отдать всѣ свои силы на поддержку комитету. Таково было мое убѣжденіе и я сталъ работать усиленно».

[2]) Записка Павла Ляндовскаго, полицейскаго чиновника центральнаго комитета. Ему говорилъ объ этомъ помощникъ начальника города, Владиміръ Лемпке. Когда жондъ, въ эту критическую минуту, обратился къ капиталистамъ-евреямъ, они дали немного, говоря, что и безъ того порядкомъ поплатились. А въ Краковѣ прямо отвѣчали, что не дадутъ ни гроша. «Вѣдь ваши-же газеты пишутъ, что возстанія нѣтъ, что это пассивное сопротивленіе конскриптовъ. Когда будетъ возстаніе, мы дадимъ» (Брошюра Wtył, стр. 5).

Гиллеръ опредѣляетъ сумму, бывшую въ рукахъ центральнаго комитета при взрывѣ, въ 400,000 (60 тысячъ рублей). «Przed powstaniem Komitet Centralny rebrul przeszto 400,000 zl. polskich pieniędzy. Byla to summa zbyt mala ażeby za nię można było naród uzbroić» (I, 270, примѣчаніе). Н. Б.

Ошибки, крупныя и мелкія, начали твориться гораздо раньше взрыва. Еще осенью, именно въ сентябрѣ 1862 года, послѣдовало распоряженіе: отправить на Донъ выслужившіе въ Польшѣ свой трехъ-лѣтній срокъ казачьи полки (круглымъ счетомъ три тысячи человѣкъ) экстраординарнымъ, никогда еще не практиковавшимся способомъ,—безъ лошадей, на основаніи того экономическаго расчета, что содержаніе каждой лошади отъ Варшавы до Новочеркасска обходится казнѣ, какъ не разъ показалъ опытъ, около 30 р. Стало быть, на три тысячи лошадей должно было выдать 90 тысячъ рублей! Вмѣсто этого, казакамъ предложили продать лошадей въ Царствѣ и отправиться домой по желѣзной дорогѣ до Нижняго, а потомъ на пароходахъ и телѣгахъ; причемъ каждый получалъ на дорогу (суточныхъ, прогонныхъ и на уплату за кладь на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ) по 18 рублей, всего, на три тысячи человѣкъ, 54 тысячи рублей. 36 тысячъ, такимъ образомъ, сберегалось въ экономіи.

Тѣмъ не менѣе, нижніе чины полковъ, получившихъ такое предложеніе, были довольны и продали всѣхъ своихъ лошадей въ трое сутокъ (лошадь шла отъ 80 до 90 рублей), спустивши при этомъ и всю конскую сбрую, и даже лишнее вооруженіе, хоть это строго запрещалось—и помчались домой въ вагонахъ...

Донъ встрѣтилъ этихъ пѣшихъ «наѣздниковъ лихихъ» насмѣшками и имъ долго не было нигдѣ проходу [1]).

Такъ мы снабдили добрыми конями первую повстанскую кавалерію.

---

[1]) Свѣдѣнія отъ самихъ казаковъ. Вотъ офиціальныя данныя относительно 11-го полка: «Начальникъ главнаго штаба увѣдомилъ походнаго атамана въ Царствѣ Польскомъ, отзывомъ отъ 9-го сентября стар. ст. 1862 года, за № 378, что перевозка казаковъ Донскаго 11-го полка, по желѣзнымъ дорогамъ и водою, Высочайше разрѣшена».

«Военный министръ увѣдомилъ о томъ-же, того-же числа, телеграммой, командующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-адъютанта барона Рамзая». «Вслѣдъ за тѣмъ военный министръ увѣдомилъ барона Рамзая, отзывомъ отъ 13-го сентября стар. ст. 1862 г., за № 7,042, что, отправляя людей 11-го казачьяго полка по желѣзной дорогѣ до Нижняго, слѣдуетъ выдать имъ по 9 коп. въ сутки на человѣка, а потомъ на пароходѣ до Камышина по 6 к. Слѣдованіе до Нижняго могло продолжаться около недѣли (при остановкахъ по одному дню въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Нижнемъ). Потомъ до Камышина отъ 7 до 10 дней». Подобныя увѣдомленія послѣдовали также объ отправленіи полковъ №№ 4 и 9. Примѣрный расчетъ, сдѣланный въ Варшавѣ директоромъ канцеляріи главнокомандующаго, показалъ, что на доставленіе полка изъ Варшавы на Донъ, считая полкъ въ 800 человѣкъ, потребно 13,388 р. вмѣстѣ съ офицерскими прогонами; стало быть, трехъ полковъ—41,164 руб.—цифра близкая къ круглой цифрѣ, выведенной самими казаками, которые дѣлали расчеты на 3,000 человѣкъ, а не на 2,400. Н. Б.

Говорятъ, впрочемъ, что варшавскія власти спохватились очень скоро, что сдѣлали ошибку, и велѣли остановить продажу лошадей, но было уже поздно.

Далѣе, когда вспыхнуло возстаніе, всѣ наши высшіе военные чины въ Варшавѣ растерялись до послѣдней степени и не знали, что дѣлать. Пришли опять февральскія минуты 1861 года.

Прежде всего оказалось, что не было никакихъ опредѣленныхъ инструкцій на случай взрыва. Никто не зналъ, какъ поступить съ войсками въ Царствѣ Польскомъ, съ пограничною стражей и т. п. Все это сбирались написать (ожидая возстанія гораздо позже), но не написали. Пришлось теперь сочинять инструкціи наскоро, кое-какъ, ту же минуту, среди самыхъ разнообразныхъ, сбивчивыхъ извѣстій, получаемыхъ отовсюду. Тамъ отрядъ очистилъ неизвѣстно зачѣмъ мѣстечко... тамъ разбита почта... ограблено казначейство... снесена таможня... а иногда приходили вѣсти, будто-бы огромныя полчища повстанцевъ, отлично одѣтыхъ, обутыхъ и вооруженныхъ, перешли границу подъ начальствомъ Мирославскаго—и двигаются къ Варшавѣ!

Но тутъ-же вдругъ распространялся слухъ, что рота солдатъ отбилась отъ нѣсколькихъ тысячъ и потеряла всего десятка два-три убитыми и ранеными... чему было вѣрить?

Взяли на всякій случай въ расчетъ невыгодные для насъ факты и сосчитали войска: ихъ оказалось на ту пору въ Царствѣ, всего-навсе, 4 армейскихъ пѣхотныхъ дивизіи (4, 5, 6 и 7-я), съ соотвѣтствующими артиллерійскими бригадами; 2-я кавалерійская дивизія, 7 казачьихъ полковъ и 3-я гвардейская дивизія—въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Все это составляло армію въ 83 тысячи человѣкъ.

Если раздѣлить всѣ эти силы по числу болѣе или менѣе замѣчательныхъ стратегическихъ пунктовъ, приходилась на каждый пунктъ рота, много двѣ, и это было совершенно достаточно для охраненія всѣхъ важныхъ пунктовъ отъ вторженія первыхъ бандъ, и для воспрепятствованія имъ разростись въ бо́льшія. Надо было только учредить между ними правильныя сообщенія посредствомъ казачьихъ и другихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ. Рота ротѣ должна была помогать въ случаѣ надобности: являться быстро на мѣсто опасности сосѣдняго отряда и затѣмъ, по окончаніи той или другой операціи,—возвращаться на свое мѣсто.

Командующій войсками, баронъ Рамзай, окруженный такими-же находчивыми людьми какъ и самъ (а кто былъ посмышленѣе, тѣ молчали), велѣлъ разослать, на другой-же день послѣ взрыва, во всѣ

военные отдѣлы [1]) приказъ, «чтобы малые отряды, стоящіе по разнымъ мѣстечкамъ, были немедленно стянуты въ болѣе важные стратегическіе пункты, какіе гдѣ окажутся» [2]). Такъ же поступить и въ отношеніи пограничной стражи.

Большинство отрядныхъ начальниковъ исполнили этотъ приказъ во всей точности, иные даже съ большимъ удовольствіемъ. Но другіе медлили и написали въ Варшаву, чтобы имъ «было позволено остаться на мѣстахъ; что они ничего не боятся и что силъ у нихъ защитить себя довольно».

Что касается пограничной стражи—она рѣшительно вездѣ была отодвинута на вторую, а гдѣ и на третью линію внутрь края.

Это была тоже крупная ошибка, вслѣдствіе которой, вскорѣ послѣ взрыва, явилось множество бандъ въ разныхъ пунктахъ Царства и стало разгуливать свободно туда и сюда, занимая мѣстечки, оставленныя войсками, и провозглашая тамъ народное правительство. А оружіе, аммуниція, даже цѣлыя банды—свободно двинулись черезъ необерегаемыя никѣмъ границы. (Разумѣется, тутъ нельзя забывать объ измѣнѣ намъ ближайшихъ сосѣдей: Австріи и Пруссіи [3]).

И эта ошибка въ непродолжительномъ времени была замѣчена варшавскими военными властями—и отданъ новый приказъ, которымъ разрѣшалось начальникамъ отрядовъ «поступать на основаніи мѣстныхъ условій».

---

[1]) Всѣхъ отдѣловъ было 5 главныхъ: Варшавскій, Люблинскій, Радомскій, Плоцкій, Августовскій и кромѣ того частные: Калишскій, Кѣлецкій, Сѣдлецкій, Олькушскій и Мѣховскій.

[2]) Приказъ этотъ повторенъ три раза: 11, 12 и 15-го января ст. ст. 1863 г. Смотри «приказы и приказанія по войскамъ въ Царствѣ Польскомъ» за этотъ годъ.

[3]) Нынѣ стало извѣстнымъ, что австрійскій министръ Дегенфельдъ сносился съ высшими властями возстанія. Когда одинъ изъ уполномоченныхъ жонда замѣтилъ, что «всего труднѣе создать артиллерію»—Дегенфельдъ отвѣчалъ: «можно напасть какъ нибудь на нашу и... отбить. Наши не будутъ сопротивляться».

Позже, какъ увидятъ читатели, придуманъ былъ маневръ еще проще.

Жондъ народовый обязался взаимно, какъ Австріи, такъ и Пруссіи, отнюдь не подымать возстанія въ нѣмецкихъ захватахъ и выдалъ 7-го февраля нов. ст. 1863 г. особый приказъ, гдѣ были, между прочимъ, такія слова: «Братья! Война съ Московскимъ царемъ, какъ съ самымъ главнымъ врагомъ Польши, требуетъ участія всѣхъ польскихъ провинцій и напряженія всѣхъ силъ народа, а потому въ захватахъ прусскомъ и австрійскомъ возстанія быть не должно и не можетъ».

(Цѣлый приказъ можно видѣть въ книгѣ Гиллера: Historja powstania, t. I, стр. 110). Н. В.

Отряды стали мало-по-малу возвращаться на свои мѣста, но, тѣмъ не менѣе, моментъ «когда можно было погасить пожаръ, какъ свѣчу, однимъ легкимъ дуновеніемъ» — былъ упущенъ. Пришлось гасить его медленно, начинать правильныя военныя дѣйствія, которыя въ разныхъ пунктахъ (смотря по характеру начальниковъ) принимали такія или другія формы: гдѣ кончались быстро, гдѣ тянулись безконечно въ видѣ періодическихъ кавказскихъ экспедицій...

Тѣмъ временемъ было написано въ Петербургъ о присылкѣ подкрѣпленій.

Въ числѣ самыхъ первыхъ отрядовъ, отправленныхъ противъ повстанцевъ, былъ отрядъ полковника Сержпутовскаго: онъ двинулся въ Плоцкую губернію, тотчасъ по полученіи извѣстія о пораженіи нашихъ войскъ подъ Цѣлковымъ, имѣя полроты Муромскаго пѣхотнаго полка и двѣ съ половиной сотни казаковъ. 16-го января стар. ст. онъ столкнулся подъ д. Крайковомъ (Млавскаго уѣзда) съ бандой человѣкъ во сто, изъ которыхъ половину взялъ въ плѣнъ [1]).

Тремя днями позже (19-го января стар. ст.) частный военный начальникъ города Сѣдльце, генералъ-маіоръ Дрейеръ, узнавъ, что около м. Венгрова (въ двухъ переходахъ отъ Сѣдльце на сѣв.-зап.) собираются значительныя массы повстанцевъ (какъ говорили—отъ пяти до шести тыс. человѣкъ), подъ начальствомъ нѣкоего Мыстковскаго, принявшаго названіе Іосифа Сокола, послалъ туда дивизіонъ Смоленскаго уланскаго полка, подъ командой полковника Папаафанасопуло: узнать, насколько справедливы эти слухи, и потомъ дѣйствовать по усмотрѣнію.

Придя въ Мокободы (селеніе въ 15-ти верстахъ отъ Сѣдльце и въ столькихъ-же отъ Венгрова), Папаафанасопуло отправилъ впередъ полуэскадронъ на рекогносцировку, который скоро воротился и донесъ, что «повстанцевъ тамъ дѣйствительно много; что они занимаютъ не только Венгровъ, но и окрестныя деревни» [2]).

Папаафанасопуло далъ знать объ этомъ въ Варшаву, прося подкрѣпленій, а также увѣдомилъ и Дрейера, который двинулъ ту же минуту (20-го января стар. ст., вечеромъ) въ Мокободы на подводахъ: двѣ роты Костромскаго полка и взводъ нарѣзной легкой № 3 батареи 5-й артиллерійской бригады—изъ Сѣдльце, и эскадронъ Смолен-

---

[1]) Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 3, стр. 2—3.

[2]) Вотъ количество, размѣщеніе и вооруженіе бандъ въ Венгровѣ и окрестностяхъ по корреспонденціи въ «Часъ» (1863, № 34): «въ Венгровѣ—2,500 человѣкъ, изъ коихъ 500 были вооружены охотничьими двустволками; остальное были косы. Въ Людвиновѣ—1,000 косинеровъ. Въ Мокободахъ тоже 1,000 косинеровъ и нѣсколько кавалеріи». Н. Б.

скаго уланскаго полка, дивизіонъ конно-батарейной № 3 батареи и роту Костромскаго полка, тоже на подводахъ,—изъ м. Збучина, въ 7 часовъ утра 21-го января стар. ст.

Тогда полковникъ Папаафанасопуло рѣшился вступить въ бой, не дожидаясь помощи изъ Варшавы.

22-го января стар. ст., утромъ, онъ подошелъ къ Венгрову и открылъ по немъ артиллерійскій огонь, который произвелъ въ городѣ пожаръ.

Повстанцы, выйдя изъ города въ значительныхъ массахъ, бросились на наши орудія и едва ими не овладѣли. По крайней мѣрѣ, были къ нимъ такъ близко, что офицеры, находившіеся при батареѣ, стрѣляли въ нападающихъ изъ револьверовъ.

Пущенная въ атаку кавалерія прогнала повстанцевъ обратно въ городъ, откуда они выбиты потомъ пѣхотой и ушли въ лѣсъ.

Въ это время явилось подкрѣпленіе изъ Варшавы [1]): 3 баталіона пѣхоты, изъ полковъ: л.-гв. Волынскаго, Галицкаго и Витебскаго, съ двумя орудіями нарѣзной № 3 батареи, 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады и двѣ сотни казаковъ, подъ командой генералъ-маіора барона Кридинера и генеральнаго штаба подполковника Кривоносова.

Имъ осталось только вступить въ очищенный отрядомъ Папаафанасопуло отъ повстанцевъ городъ.

Потеря бандъ простиралась до 150 человѣкъ убитыми и ранеными. Наша потеря была до такой степени незначительна (4 человѣка нижнихъ чиновъ и нѣсколько лошадей), что ей никто не вѣрилъ. Это происходило отъ неумѣнія повстанцевъ владѣть штуцерами: они несли у нихъ обыкновенно вверхъ, и такъ было долго, можно сказать—до конца [2]).

Венгровскій бой былъ первый, сколько-нибудь серьезный бой этого возстанія. Объ немъ зашумѣли всѣ повстанскіе листки во всю мочь. «Часъ» перешелъ къ другому тону. Сталъ, нечего дѣлать, описывать побѣды повстанцевъ, описалъ и венгровскую побѣду. Въ спеціальной повстанской иллюстраціи Postęp косинеры брали у насъ подъ Венгровымъ пушки, рубили и кололи орудійную прислугу. Эта картинка перешла потомъ и въ европейскія изданія такого-же рода, явилась у нѣмцевъ, французовъ и англичанъ.

Венгровскія банды двинулись къ Семятичамъ [3]), гдѣ еще прежде

---

[1]) Отъ Варшавы до Венгрова около 60-ти верстъ.

[2]) Частные разсказы и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 4, стр. 4—5.

[3]) Семятичи отъ Венгрова 60 верстъ.

Н. В.

собрались большія массы повстанцевъ, съ которыми, какъ уже сказано выше, имѣлъ дѣло отрядъ генерала Манюкина. Это былъ второй серьезный бой.

Почти одновременно со всѣми упомянутыми дѣйствіями узнали въ Люблинѣ о бандѣ помѣщика д. Надрыбье, Казиміра Богдановича, которую онъ, какъ говорили, сформировалъ на свой счетъ. Банда эта имѣла однообразную одежду: пѣхота (человѣкъ 400)—черные кафтаны, съ черными кожаными поясами; черныя мерлушечьи шапки и конфедератки разныхъ цвѣтовъ съ кокардами. Кавалерія (человѣкъ 60)—имѣла синіе казакины и сверху ихъ темнокоричневые плащи съ башлыками. На головахъ этихъ кавалеристовъ были мерлушечьи шапки. Синіе чапраки сѣделъ украшались бѣлой адамовой головой.

Вооруженіе пѣхоты состояло изъ двустволокъ и одностволокъ. Нарѣзнаго оружія было немного. Косъ не было вовсе.

Кавалерія имѣла пики съ бѣлорозовымъ флюгеромъ, сабли и пистолеты.

Противъ этой банды, стоявшей сперва въ д. Надрыбье, а потомъ перешедшей въ д. Ловчу [1]), отправлено изъ Люблина, 2-го февраля стар. ст., три роты Вологодскаго пѣхотнаго полка (1-я и 2-я стрѣлковыя и 4-я линейная) и 50 казаковъ, подъ командой маіора Ракузы.

3-го февраля стар. ст., въ д. Малые-Рудки, Ракузѣ сказали, что повстанцевъ передъ нимъ очень много и что они грозятся «надѣть на него красные сапоги и бросить въ Бугъ» (т. е. содрать съ ногъ его кожу и потомъ его утопить).

По точнымъ справкамъ оказалось, что за Рудками стоитъ банда Богдановича—около 500 человѣкъ; вправо оттуда, верстахъ въ 10-ти, расположена банда Радзѣевскаго—въ 1,000 человѣкъ слишкомъ; а въ д. Сверже, отъ Рудокъ верстъ 14,—банда доктора Нечая, около 1,000 человѣкъ.

Если-бы всѣ эти партіи, постоянно сообщавшіяся между собой и знавшія хорошо о силахъ Ракузы, находились въ распоряженіи опытныхъ вождей, или хоть только дѣйствовали дружно — нашему отряду было-бы плохо. Но вся эта масса, въ боевомъ смыслѣ, были неопытные, нетерпѣливые ребята, которые рвались въ бой другъ передъ другомъ, и каждой части хотѣлось поскорѣе отличиться.

Зная такія свойства своихъ соперниковъ и расчитавъ разстоянія,

---

[1]) На сѣверѣ Красноставскаго уѣзда Люблинской губерніи, въ шести верстахъ отъ м. Пугачева, а послѣднее верстахъ въ 30-ти отъ Люблина. Ловча на востокъ отъ Пугачева, тоже верстъ 30 съ небольшимъ. Н. Б.

отдѣлявшія партіи другъ отъ друга, Ракуза смѣло двинулся противъ Богдановича и занялъ одно дефиле подъ Рудками. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы извѣстить объ этомъ своихъ товарищей и выжидать съ ними соединенія, пошелъ на Ракузу одинъ, былъ разбитъ и преслѣдуемъ по лѣсамъ до тѣхъ поръ, пока разъѣзды казаковъ не дали знать Ракузѣ о приближеніи партіи Радзѣевскаго. Тогда маіоръ вернулся назадъ и занялъ то же самое дефиле: отразилъ банду Радзѣевскаго, которая пошла въ направленіи къ Свержѣ, гдѣ стоялъ Нечай.

Не имѣя достаточныхъ силъ къ преслѣдованію Радзѣевскаго и Нечая, Ракуза воротился въ Люблинъ, гдѣ взялъ еще двѣ роты и 50 казаковъ, и отправился разыскивать Богдановича: разбилъ его партію на-голову и захватилъ въ плѣнъ самого предводителя. А противъ Нечая и Радзѣевскаго былъ отправленъ тогда-же особый отрядъ, въ двѣ роты Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, эскадронъ Харьковскаго уланскаго полка, 10 казаковъ и два орудія Донской конноартиллерійской батареи, подъ начальствомъ подполковника Рынскаго. Банда Нечая была разбита и самъ онъ взятъ въ плѣнъ, а Радзѣевскій ушелъ со своею бандою раньше и, какъ говорятъ, бѣжалъ заграницу [1]).

Затѣмъ, прошли слухи о появленіи банды Лелевеля въ Козловецскихъ лѣсахъ [2]). Для преслѣдованія его посланъ былъ полковникъ Цвѣцинскій, въ ночь съ 17-го на 18-е февраля стар. ст., изъ Курова, съ двумя ротами, полусотнею казаковъ и двумя орудіями; онъ настигъ банду Лелевеля близъ д. Сосновице и разбилъ ее на-голову, 19-го февраля стар. ст., послѣ чего воротился въ Куровъ.

Спустя нѣсколько дней, именно 23-го февраля стар. ст., та же самая банда была разбита, при дер. Люты и Ганьске, отрядомъ маіора Іолшина, изъ двухъ ротъ Вологодскаго п. полка и 60 казаковъ, при чемъ Лелевель потерялъ до 150 человѣкъ убитыми и ранеными; кромѣ того у него захвачено 3 знамени, боевые снаряды, обозъ, разныя бумаги и литографскій станокъ [3]). Говорили, что Лелевель скрылся послѣ этого за границу.

---

[1]) Свѣдѣнія отъ маіора Ракузы и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 9, стр. 1—3, и доп. къ № 11.

[2]) Радзынскаго уѣзда Люблинской губерніи. Лелевель—псевдонимъ варшавскаго колодезнаго мастера Мартина Бореловскаго. Объявленіе его, какъ колодезнаго мастера, можно видѣть въ прибавленіи къ № 106 «Варшавскаго Курьера» 1861 года.

[3]) Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 2, стр. 5, и № 6, стр. 5. **Н. Б.**

Въ Плоцкой губерніи тоже явились довольно большія банды.

Одна изъ нихъ, какъ говорили, тысячи въ двѣ человѣкъ, заняла гмину Дмохи-Глинки (еще 15-го января стар. ст.) и провозгласила тамъ народное правительство.

О дѣйствіяхъ противъ этой банды ничего неизвѣстно.

Мелкія банды возникали и исчезали поминутно въ разныхъ пунктахъ, производя различные безпорядки: портили дороги, телеграфы, останавливали почты, дилижансы, нападали гдѣ было можно на казначейства и таможни. Такъ, разграблены казначейства въ Красникѣ и Уржендовѣ, Замосцьскаго уѣзда Люблинской губерніи; таможни Сосновицкая и Границкая, изъ коихъ въ первой взято 62 тысячи рублей, а во второй 26 тысячъ...

Началась открытая, безпощадная война, почти во всѣхъ пунктахъ Царства вдругъ, между возстаніемъ и правительственными войсками. Нѣмцы раздували пожаръ.

Въ это время стояла въ сторонѣ, какъ бы на-сторожѣ, особая кучка «бѣлыхъ», которая не мѣшалась ни во что, а только всматривалась въ положеніе дѣлъ, ища всемѣрно способа, какъ-бы ихъ скорѣе поправить.

Исходъ возстанія былъ извѣстенъ: всѣ банды, сколько-бы ихъ ни сформировалось, какъ-бы онѣ ни вооружались, въ какихъ-бы счастливыхъ условіяхъ ни дѣйствовали, будутъ непремѣнно разбиты русскими войсками, какъ уже разбиты банды: Здановича, Левандовскаго, Нечая и другихъ, а въ заключеніе послѣдуетъ то, что сказалъ г. Набоковъ Крашевскому: «автономію отберутъ, школы устроятъ по старому; введется русскій языкъ и русское судопроизводство»...

Какой-же практическій смыслъ въ этихъ битвахъ? Раззореніе, потрясеніе страны изъ конца въ конецъ; совершенное разрушеніе того, что построено за послѣднее время съ такими усиліями, трудами— можно сказать: съ такимъ необыкновеннымъ счастіемъ!

«Что-жъ дѣлать?»—спрашивала себя эта кучка бѣлыхъ, названная нѣсколько позже «бандою тарговичанъ» [1]). Остановить пожаръ, исправить мгновенно всѣ глупости—невозможно.

Остается дать лучшее направленіе возстанію: сосредоточить власть въ рукахъ такого вождя, который бы согласился слѣдовать ихъ политикѣ, повелъ-бы дѣла возстанія такимъ образомъ, какъ будетъ... нужнѣе, смотря по обстоятельствамъ, кои во всѣхъ подробностяхъ предвидѣтъ трудно, но кои, безъ сомнѣнія, не замедлятъ выказаться въ самомъ непродолжительномъ времени.

---

[1] Гиллеръ, I, 284.

Н. Б.

Легко понять, что эта партія была повстанская реакція, шедшая противу всѣхъ, противъ большой массы бѣлыхъ, красныхъ, всякихъ. Ей было нужно дѣйствовать въ высшей степени осторожно, вести свои подкопы въ совершенной тайнѣ.

«Тарговичане» стали вглядываться во всѣхъ сколько нибудь выдающихся вождей повстанскихъ полчищъ въ самомъ главномъ пунктѣ Царства, на югѣ Радомской губерніи. Ихъ было четверо: Аполлинарій Куровскій, Антоній Езеранскій, Алоизій Чаховскій и Маріанъ Лангевичъ.

По внимательномъ осмотрѣ всѣхъ этихъ личностей, оказалось, что первый, Куровскій, имѣлъ репутацію человѣка безъ энергіи и безтолковаго. Второй, Езеранскій, при нѣкоторыхъ военныхъ талантахъ и умѣніи держать въ повиновеніи солдатъ и офицеровъ, слылъ строптивымъ и заносчивымъ интриганомъ, съ самымъ необузданнымъ честолюбіемъ. О Чаховскомъ говорили, что это, положимъ, и хорошій, и неутомимый, и твердый характеромъ повстанецъ, но за то, по воспитанію и привычкамъ—сущій дикій звѣрь: только ругается и дерется, и ни съ кѣмъ не ладитъ.

Протежировать, выводить въ чины кого-либо изъ этихъ господъ сказанной партіи было непрактично.

Наиболѣе спокойнымъ, благовоспитаннымъ, отвѣчающимъ минутѣ, по мнѣнію тарговичанъ, былъ Лангевичъ, человѣкъ не безъ способностей и не безъ практическихъ свойствъ характера: онъ умѣлъ скорѣе другихъ довольно-исправно вооружить свою банду, завести въ ней кое-какіе военные порядки, которыхъ у другихъ не было. А въ особенности, что было поразительно: еще до взрыва, у него сформировался штабъ, канцелярія, и явилась типографія — кто знаетъ, можетъ быть, подарокъ тѣхъ-же тарговичанъ, ихъ краковскихъ братьевъ, сдѣланный этому вождю въ то время, когда тарговицкая партія еще не была партіей.

На немъ сосредоточилось вниманіе реакціи.

Необходимо разсказать біографію этого лица, на сколько мы ее знаемъ, хотя по тѣмъ бѣднымъ источникамъ, какіе покамѣстъ существуютъ [1]).

Маріанъ-Мельхіоръ Лангевичъ родился въ Познанскомъ княжествѣ, въ м. Кротошинѣ, 5-го августа н. ст. 1827 года. Отецъ его, Войтѣхъ Лангевичъ, прусскій военный докторъ, бѣжалъ въ 1830 году въ нашу Польшу и предложилъ услуги тогдашнему революціонному

---

[1]) Разные современные разсказы и статьи, а также брошюра: «Galerrie polonaise, le Général Langiewicz, Paris, 1863». Н. Б.

правительству, какъ врачъ. Въ 1831 году его не стало: онъ умеръ или убитъ—въ точности неизвѣстно.

Маріанъ и два его брата, Александръ и Антонъ [1]), остались на попеченіи матери. Сперва они учились дома. Потомъ Маріанъ, будучи 9-ти лѣтъ, поступилъ въ Кротошинское уѣздное училище и пробылъ въ немъ до 1844 года, послѣ чего перешелъ въ Тржемешинскую гимназію [2]). Здѣсь онъ началъ бредить военною службой, и налегалъ въ особенности на математику, расчитывая поступить въ артиллерію.

Бурное время, въ которое Лангевичъ оставилъ школьныя лавки (1848 г.), унесло его въ Прагу, на извѣстный «Съѣздъ славянъ», гдѣ онъ встрѣтился въ первый разъ съ будущимъ своимъ соперникомъ—Мирославскимъ.

Конецъ славянскаго съѣзда и всѣхъ тогдашнихъ революціонныхъ мечтаній Европы очень извѣстенъ...

Лангевичъ очутился послѣ этого въ Бреславлѣ, учителемъ дѣтей какого-то богатаго помѣщика. Потомъ опредѣлился въ Берлинскій университетъ, гдѣ снова преимущественно занимался математикой. Выйдя изъ университета, онъ сдѣлался военнымъ, артиллеристомъ, и дослужился до офицерскаго чина.

Далѣе—разныя обстоятельства увлекли Лангевича въ странствія по Европѣ.

Позднѣйшіе біографы «генерала» утверждаютъ, что онъ былъ въ знаменитой Марсальской тысячѣ, даже якобы адъютантомъ Гарибальди.

Какъ нѣкогда Пинетти породилъ цѣлыя поколѣнія «учениковъ», такъ и новѣйшій повстанскій магъ пустилъ въ ходъ весьма неопредѣленное количество адъютантовъ [3]).

Несомнѣнно только то, что Лангевичъ встрѣтился съ Гарибальди въ Генуѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ послѣдняго, была основана (какъ уже извѣстно читателямъ) польская военная школа, которой первымъ директоромъ былъ Мирославскій, нелюбимый какъ профессорами, такъ и воспитанниками. Два будущіе диктатора безпрестанно

---

[1]) По другимъ—Осипъ, въ послѣдствіи докторъ.

[2]) Trzemeszno, въ повѣтѣ Могильницкомъ Быдговскаго (Бромбергскаго) обвода. Тамъ съ одиннадцатаго вѣка былъ «Klasztor kanoników regularnych i szkoła przy klasztorze». Съ 1839 г. она переименована въ гимназію, гдѣ все преподавалось по нѣмецки.

[3]) Въ статьѣ «Походныя Записки» (Военный Сборникъ 1867 г., № 9, стр. 183) говорится, что Лангевичъ былъ адъютантомъ Гарибальдійскаго генерала фонъ-Мильбица. Н. Б.

ссорились. Школа всегда брала сторону Лангевича—профессора математики, и артиллеріи.

Думая постоянно о революціи на берегахъ Вислы, Лангевичъ, болѣе другихъ практическій человѣкъ, изъ всѣхъ читавшихъ будущимъ повстанцамъ военныя науки, всячески старался подготовить оружіе, и еще въ ноябрѣ 1862 года пріобрѣлъ въ Генуѣ, на деньги, доставленныя ему изъ Царства, 4 тысячи прусскихъ гладкоствольныхъ ружей, съ кремнями, и передѣлалъ ихъ въ ударные. Потомъ, онъ и Цвѣрчакевичъ купили въ Лондонѣ, при посредствѣ конторы Бонфорта, 3,987 штукъ штуцеровъ, за 180 тысячъ франковъ, и переслали въ Готу и Вѣну, для доставки на мѣсто дѣйствія.

Въ самомъ концѣ 1862 года, центральный комитетъ, зная о заслугахъ Лангевича возстанію, пригласилъ его на высокій постъ воеводы, въ самомъ важномъ пунктѣ — naczelnikiem sił zbrojnych województwa Sandomierskiego.

Незадолго до взрыва, Лангевичъ, съ большимъ трудомъ и опасностями, перебрался черезъ австрійскую границу въ Царство Польское, бродилъ отъ избы къ избѣ, какъ его италіанскій патронъ по горамъ и лѣсамъ Папской Области, въ 1849 г., — худой, испитой, блѣдный—и наконецъ стукнулъ на-удачу въ какую-то дверь. Она оказалась гостепріимною. Войдя въ избу, будущій диктаторъ повалился на лавку, отъ крайняго изнеможенія.

Тутъ начинается его служба возстанію 1863 года.

Въ день вспышки, 10-го (22-го) января, Лангевичъ явился предводителемъ отдѣльной банды подъ Шидловцемъ. А четыре дня спустя, пользуясь безпечностью генерала Ушакова, онъ перебрался въ Вонхоцкъ и напечаталъ въ своей походной типографіи «воззваніе къ жителямъ краковскаго воеводства».

Приводимъ это воззваніе цѣликомъ:

«Главная квартира Вонхоцкъ, 26-го января 1863 года.

«Жителямъ краковскаго воеводства.

«Приказомъ народнаго центральнаго комитета, отъ 10-го сего мѣсяца, будучи призванъ къ начальствованію надъ войсками сандомірскаго воеводства, а устною инструкціею военнаго отдѣла назначенный также командовать силами краковскаго воеводства, я не считалъ себя въ правѣ мѣшаться въ дѣла повстанской организаціи послѣдняго.

«Но такъ какъ, не смотря на легкій способъ препровожденія въ краковское воеводство оружія; не смотря на значительное количество оружія, тамъ уже находящагося; не смотря на всеобщее возстаніе въ русскомъ захватѣ и на множество охотниковъ, безпрестанно являющихся

изъ-за границы; не смотря, наконецъ, на доходящій до смѣха страхъ русскихъ,—въ краковскомъ воеводствѣ не грянулъ еще крикъ: «Да здравствуетъ Польша!» Поэтому я, какъ повстанецъ-полякъ, считаю обязанностью воззвать къ братьямъ-краковякамъ, чтобы они приняли участіе въ повстанскомъ дѣлѣ. Потомки мужественныхъ предковъ! Поддержите эту славу, которую они стяжали себѣ въ Польшѣ! Встаньте хоть въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, и, бродя по воеводству, тревожьте русскія войска, собирайте охотниковъ, формируйте отряды, а потомъ устраивайте и регулярное войско. Нужны только вѣра, надежда и отвага, а затѣмъ событія, по видимому несбыточныя, совершатся сами собою.

«Подражайте сандомірянамъ, предъ которыми москали трепещутъ. Если исполненіе всего сказаннаго вамъ не трудно, идите сюда, только скорѣе, ибо время дорого!

«До свиданія! ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ!

«Военный начальникъ сандомірскаго воеводства. Маріанъ Лангевичъ».

Воззваніе это облетѣло оба воеводства и произвело чрезвычайный эффектъ. Печатное революціонное слово всегда и вездѣ имѣетъ свою силу, но въ лѣсу оно сильнѣе, чѣмъ въ городѣ. Въ главной квартирѣ воеводы, именно вслѣдствіе этого, явилось множество помѣщиковъ посмотрѣть на житье-бытье вонхоцкаго войска. Они предлагали Лангевичу разныя услуги: лошадей, припасы, старое оружіе. А иные изъ пріѣзжихъ, будучи увлечены ратнымъ движеніемъ, поступили къ воеводѣ на службу.

Въ числѣ такихъ гостей Лангевича оказались два окрестные зажиточные помѣщика: Станиславъ Карскій и Станиславъ Ясинскій [1]), принадлежавшіе къ кружку «тарговичанъ», по крайней мѣрѣ дѣйствовавшіе совершенно въ томъ же духѣ: имъ хотѣлось уничтожить, погасить какъ можно скорѣе повстанскій пожаръ.

Но такъ какъ у «тарговичанъ» не было никакой правильной организаціи и опредѣленной программы: они шли къ своей цѣли нѣсколько въ потемкахъ, создавая, каждый самъ себѣ, планъ и пользуясь всякимъ представлявшимся случаемъ по своему,—Карскій и Ясинскій, пребывая у сандомірскаго воеводы и пощупавъ его съ разныхъ сторонъ, вообразили вдругъ, что могутъ кончить дѣло разомъ, безъ всякихъ особенныхъ прелюдій: они предложили Лангевичу зна-

---

[1]) Этотъ Ясинскій, вслѣдствіе хорошаго обращенія съ крестьянами, получилъ у нихъ прозваніе мужицкаго царя (Król chłopów) и этимъ отличался отъ всѣхъ другихъ Ясинскихъ въ Царствѣ. Н. Б.

чительную сумму денегъ и средства бѣжать изъ Царства, лишь бы онъ отказался отъ своего званія и распустилъ войско. Разумѣется, они расчитывали при этомъ, что примѣръ Лангевича увлечетъ за собою многихъ другихъ; возстаніе, если не погаснетъ вовсе, то будетъ потрясено въ значительной степени [1]).

Прямодушный воспитанникъ марсальскаго героя, нисколько неприготовленный услышать что либо подобное, отвѣчалъ этимъ господамъ, что «всѣ снисходительныя возраженія его на ихъ странное предложеніе сводятся къ тому, что онъ позволяетъ имъ свободно выѣхать изъ Вонхоцка».

Бесѣда происходила глазъ на глазъ, безъ свидѣтелей. Но когда Карскій и Ясинскій уѣхали, Лангевичъ ту же минуту разсказалъ всю эту исторію наиболѣе близкимъ къ нему офицерамъ: они совѣтовали отправить погоню—она не догнала уѣхавшихъ.

Карскій поѣхалъ прямо въ Радомъ (до котораго отъ Вонхоцка съ небольшимъ 60 верстъ) и, по прибытіи туда, явился немедля къ военному начальнику радомскаго отдѣла, генералу Ушакову, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и представилъ ему печатный экземпляръ вышеприведеннаго воззванія.

Разсказываютъ, будто бы Ушаковъ игралъ въ это время съ пріятелями въ карты; онъ бросилъ ихъ въ-сердцахъ на столъ и вскочилъ на ноги: такой фактъ, какъ печатное воззваніе въ лѣсу, строи и ученья повстанцевъ подъ музыку, точно на завоеванной территоріи, и все это въ 60-ти верстахъ отъ резиденціи главнаго начальника русскихъ войскъ въ губерніи—переполнили мѣру и его долготерпѣнія.

Сверхъ того, въ гостяхъ у генерала находился въ то время присланный намѣстникомъ адъютантъ его, графъ Комаровскій—разбудить бездѣйствіе радомскаго отдѣла: ибо въ Варшавѣ и въ Петербургѣ уже знали о вонхоцкихъ скопищахъ.

Стали составлять планъ нападенія на вонхоцкихъ повстанцевъ, но дабы онъ какъ-нибудь не перелетѣлъ къ Лангевичу, сдѣлали его «секретнымъ».

Предпринималось якобы простое передвиженіе войскъ съ мѣста

---

[1]) Авейде говоритъ, что Карскій возобновлялъ такія предложенія два раза (III, 37, примѣчаніе). Въ краковской брошюрѣ Wtył разсказываютъ о фактѣ подкупа слѣдующимъ образомъ: «od początku wystąpienia Langiewicza opiekowali się nim szczególnie; wywąchali zdaje się, że ten człowiek będzie dla nich odpowiedni... z umystu robili mu imię; kiedy się wzmógł, zaofiarowali mu pieniądze, w zamian za rozpuszczenie oddziału, spodziewali się bowiem, że z rozejściem się najliczniejszego oddziału i powstanie się rozejdzie. W razie potrzeby ogłoszę imiennie ludzi, krórzy z tem poselstwem do Langiewicza byli wysłani».

Н. Б.

на мѣсто, посредствомъ чего Лангевича обходили съ трехъ сторонъ одновременно: отрядомъ изъ Радома—съ сѣвера, отрядомъ изъ Опатова—съ юго-востока, и отрядомъ изъ Кѣльцъ—съ юго-запада. Но происшедшая путаница все это разстроила.

Чтобы читателю было ясно, какъ именно это случилось, необходимо разсказать предварительное передвиженіе войскъ въ этихъ мѣстахъ, вслѣдствіе извѣстнаго приказа барона Рамзая.

Войска до взрыва расположены были тамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Кѣльцахъ—Смоленскій пѣхотный полкъ, съ артиллеріей и небольшимъ числомъ казаковъ и жандармовъ, подъ начальствомъ полковника Ченгери.

Сандоміръ и Завихостъ заняты были баталіономъ Галицкаго пѣхотнаго полка—командиръ полковникъ Звѣревъ.

Другой баталіонъ этого полка стоялъ въ Опатовѣ. Третій—частью въ Сташовѣ, частью въ Стопницѣ. 4-й, кажется, въ Варшавѣ.

Въ Стопницѣ, кромѣ того, и въ мм. Корчинѣ и Пинчовѣ былъ расположенъ Новороссійскій драгунскій полкъ — командиръ полковникъ Шидловскій.

На второй день послѣ взрыва, 12-го (24-го) января, въ исполненіе приказа барона Рамзая, отправлено было къ полковнику Шидловскому, въ Стопницу, такое предписаніе начальника радомскаго отдѣла, за № 7:

«Вслѣдствіе возникшихъ повсюду вооруженныхъ возстаній, предписываю вамъ:

«1) Командировать по вашему усмотрѣнію одинъ дивизіонъ изъ раіона нынѣшняго расположенія, направивъ одинъ эскадронъ въ г. Кѣльцы, а другой изъ Кѣльцъ въ Радомъ.

«2) Двѣ роты Галицкаго пѣхотнаго полка и дивизіонъ ввѣреннаго вамъ полка, въ видѣ отдѣльнаго отряда, оставить въ Стопницѣ, охраняя уѣздныя учрежденія.

«3) Полковой лазаретъ немедленно перевезти изъ м. Буска въ Стопницу.

«4) (Этотъ пунктъ заключаетъ въ себѣ распоряженія о размѣщеніи войскъ въ Стопницѣ, сколь возможно удобнѣе, не стѣсняясь существующими узаконеніями).

«5) Переходъ жандармовъ въ Кѣльцы и Радомъ сдѣлать по прилагаемому маршруту, безъ чиселъ, кои выставите сами».

Это предписаніе было получено въ полку 14-го (26-го) января [1]) и тогда же полковникъ Шидловскій собралъ всѣ части ввѣреннаго

[1]) День выхода воззванія Лангевича къ жителямъ краковскаго воеводства.
Н. Б.

ему полка въ Стопницу, но требуемаго дивизіона не послалъ, намѣреваясь прежде сдѣлать усиленную рекогносцировку въ сторону Пинчова и Мѣхова [1]), о чемъ счелъ, однако, нелишнимъ увѣдомить Ушакова особымъ рапортомъ, получивъ который, Ушаковъ тотъ же часъ написалъ Шидловскому, отъ 16-го (28-го) января, за № 128, слѣдующее:

«Сильно удивляетъ меня, что ваше высокоблагородіе не исполнили моихъ приказаній о командированіи драгунъ въ Кѣльцы и Радомъ, и еще болѣе удивительно, что въ военное время, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, вы спрашиваете: можете-ли оттачивать оружіе?

«Предупреждаю, что мы въ войнѣ, и медленность, а тѣмъ болѣе неисполненіе приказаній есть преступленіе, за которое виновнаго ожидаетъ строжайшее наказаніе.

«При этомъ предписываю: если рекруты Стопницкаго уѣзда уже собраны, то препроводить ихъ немедленно въ Кѣльцы, подъ конвоемъ командируемыхъ туда эскадроновъ драгунъ; если они еще не собраны, то эскадронамъ выступить немедля, не ожидая ихъ сбора, и объ исполненіи сего донести».

Рекруты были собраны и Шидловскій послалъ ихъ въ Кѣльцы тотчасъ по полученіи послѣдняго предписанія, именно 17-го (29-го) января, послѣ обѣда, конвоируя не только требуемымъ дивизіономъ, но еще ротой Галицкаго полка. Самъ же остался въ Стопницѣ съ другою ротой Галицкаго полка и съ дивизіономъ драгунъ, притянутымъ изъ Пинчова и Корчина [2]).

Тѣмъ временемъ Ченгери, узнавъ отъ кѣлецкаго жандармскаго штабъ-офицера, что имъ получено изъ Радома секретное предписаніе «двинуть жандармскія команды вслѣдъ за войсками, если бы таковыя выступили изъ уѣздныхъ городовъ, съ цѣлью составить болѣе сильныя колонны» [3]) и имѣлъ сверхъ того извѣстіе отъ управленія радомскаго военнаго отдѣла, что «къ нему было отправлено нѣсколько депешъ», изъ которыхъ онъ не получилъ ни одной [4]), вообразилъ себѣ,

---

[1]) По просьбѣ управляющаго имѣніями Велепольскаго, владѣльца Пинчова, Ксёнжа-Вельскаго, Хробржа и другихъ мѣстечекъ, лежавшихъ въ этомъ направленіи и угрожаемыхъ бандами. Нѣсколько позже въ Пинчовѣ стоялъ отрядъ барона Райскаго.

[2]) Вотъ когда Райскій занялъ Пинчовъ, а потомъ Сандоміръ.

[3]) Согласно предписанію командующаго войсками барона Рамзая.

[4]) Онѣ были перехвачены повстанцами и изъ нихъ-то Лангевичъ увидѣлъ

что «въ числѣ этихъ депешъ могло быть распоряженіе о сосредоточеніи болѣе сильнаго отряда въ Кѣльцахъ, какъ пунктѣ очень важномъ» (объ этомъ думали очень многіе отрядные начальники, заботясь о безопасности своихъ персонъ), а потому, не долго размышляя, сталъ просить помощи какъ у командира Новороссійскаго драгунскаго полка, отношеніемъ отъ 17-го января ст. ст., за № 26, такъ и у командира Галицкаго пѣхотнаго полка, отношеніемъ отъ того же числа, за № 27.

Со стороны Шидловскаго подкрѣпленіе въ Кѣльцы, какъ мы видѣли, уже пошло и безъ просьбы Ченгери, но, оставшись съ ротой Галицкаго полка и дивизіономъ драгунъ, Шидловскій скоро самъ пришелъ къ мысли, что его положеніе въ высшей степени небезопасно—и потому нашелъ нужнымъ послать къ полковнику Звѣреву, въ Сташовъ, нарочнаго, съ требованіемъ помощи ротою или двумя.

Едва нарочный отправился, какъ Шидловскій получаетъ извѣстіе отъ Звѣрева, отъ того же 17-го января ст. ст., за № 40, что «Ченгери проситъ у него помощи цѣлымъ полкомъ, вслѣдствіе чего онъ собралъ въ Сташовѣ всѣ части полка и намѣренъ двинуться въ Кѣльцы, причемъ требовалъ у Шидловскаго присылки въ Сташовъ и той роты Галицкаго полка, которая находилась съ драгунами въ Стопницѣ. Въ заключеніе Звѣревъ совѣтовалъ Шидловскому тоже двинуться въ Кѣльцы, такъ какъ съ одними драгунами оставаться въ Стопницѣ было опасно.

Но Шидловскій, получивъ въ это время вышеприведенное предписаніе Ушакова (за № 128), боялся самовольныхъ распоряженій и написалъ Звѣреву, что «въ Кѣльцы не пойдетъ», и снова просилъ помощи, выражаясь такъ: «безъ особаго распоряженія отступить къ Кѣльцамъ не могу и не имѣю никакого права оставить ввѣренный мнѣ постъ, о чемъ сообщая вашему высокоблагородію для соображенія, еще разъ покорнѣйше прошу васъ, подъ личною вашею отвѣтственностью, подкрѣпить ввѣренный мнѣ отрядъ, если не двумя, то одною ротой, впредь до возвращенія 3-й стрѣлковой» [1]).

Тогда Звѣревъ далъ знать Шидловскому, что, «въ удовлетвореніе настоятельнаго его требованія, выступаетъ съ остальными тремя ротами въ Стопницу, присоединивъ къ нимъ и полковой штабъ, вслѣдствіе чего проситъ сдѣлать распоряженіе объ изготовленіи квартиръ на пять штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ и приблизительно на

это горячечное метаніе отрядовъ изъ города въ городъ и страхъ русскихъ военачальниковъ, о которомъ упоминаетъ въ воззваніи къ краковянамъ отъ 26-го января 1863 г.

[1]) То есть той, которая пошла въ Кѣльцы съ рекрутами. Н. В.

1,000 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Равно—помѣщеніе для лазарета, полковаго обоза, цейхгауза и 145 казенно-подъемныхъ лошадей съ офицерскими, по положенію».

«Причемъ долгомъ считаю увѣдомить васъ (заключалъ Звѣревъ), что оставляю постъ на отвѣтственность вашу».

Конечно, Шидловскій всему этому не мало изумился: и движенію въ Стопницу, вмѣсто просимой роты, цѣлыхъ трехъ ротъ съ полковымъ штабомъ, лазаретомъ, обозомъ, цейхгаузомъ, подъемными лошадьми, и навязываемой ему за все это отвѣтственности, тѣмъ не менѣе бросился готовить квартиры.

Едва только прибывшія войска кое-какъ, съ большимъ трудомъ, размѣстились (18-го января ст. ст., вечеромъ), пришла ночью эстафета отъ начальника военнаго отдѣла: «выступить Шидловскому въ Кѣльцы, забравъ команды инвалидную, жандармскую и казаковъ, а галицкія роты отослать въ Сташовъ» [1]). А въ Кѣльцахъ онъ долженъ былъ получить предписаніе идти съ драгунами на Вонхоцкъ, черезъ Бзинъ.

(Этимъ началось приведеніе въ исполненіе секретнаго плана).

Звѣреву же приказано тогда же эстафетой, которая, не найдя его въ Сташовѣ, полетѣла вслѣдъ за нимъ въ Стопницу [2]): «двинуться на Радомъ черезъ Опатовъ и Илжу».

Получивъ сказанныя предписанія почти одновременно въ Стопницѣ, Шидловскій и Звѣревъ, не посвященные въ тайны секретнаго плана, даже вовсе не зная, зачѣмъ предпринималось такое движеніе отрядовъ, рѣшили, что бѣды большой не будетъ, если они оба пойдутъ на Кѣльцы [3]), гдѣ Шидловскій останется, а Звѣревъ пойдетъ оттуда на Радомъ прямою дорогой, черезъ Бзинъ и Шидловецъ, а не черезъ Опатовъ и Илжу.

Такимъ образомъ секретный планъ разстроился.

Высланный изъ Радома, 18-го же января, третій отрядъ, изъ одного баталіона и стрѣлковой роты Могилевскаго пѣхотнаго полка, роты втораго сапернаго баталіона, 2-хъ орудій и 20-ти казаковъ, подъ начальствомъ генерала Марка, въ направленіи къ м. Вержбицѣ [4]), былъ посвященъ въ тайну и зналъ, что драгуны Шидловскаго должны явиться въ извѣстное время въ Бзинѣ [5]) и тамъ остановиться.

---

[1]) Гдѣ генералъ Ушаковъ предполагалъ Звѣрева съ полковымъ штабомъ.

[2]) Отъ Сташова до Стопницы 22 версты.

[3]) Отъ Стопницы до Кѣльцъ 64 версты. Отъ Кѣльцъ до Радома около того же.

[4]) 16 верстъ отъ Радома.

[5]) Бзинъ отъ Кѣльцъ 25 верстъ.

Н. Б.

Генералъ Маркъ, подойдя къ Вержбицѣ, послалъ своего адъютанта, поручика Лускинò, въ Бзинъ—посмотрѣть, пришли-ли туда драгуны, но Лускинò ихъ тамъ не нашелъ и рѣшился проскакать (на почтовой телѣгѣ, съ двумя стрѣлками) далѣе, до Сухеднева [1]).

Не доѣзжая двухъ верстъ до этого мѣстечка, Лускинò былъ остановленъ восемью повстанцами, одѣтыми на подобіе уланъ. Солдаты, бывшіе при немъ, выстрѣлили, но ни въ кого не попали. Уланы отскочили и бросились въ лѣсъ. Телѣга поѣхала далѣе и когда очутилась у почтовой станціи Сухеднева,—изъ-за домовъ выскочила куча вооруженныхъ людей, окружила телѣгу, уставя въ сидящихъ ружья; затѣмъ Лускинò съ солдатами былъ арестованъ и отведенъ къ начальнику банды.

Это былъ Чаховскій, высокій, здоровый мужчина лѣтъ 50-ти, съ крупными, выразительными чертами лица, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя у поляковъ называются «бунчучными».

Осмотрѣвъ бумаги Лускинò, Чаховскій велѣлъ ему ѣхать къ воеводѣ, въ Вонхоцкъ, а солдатъ оставилъ у себя.

Поѣздъ плѣнника былъ довольно оригиналенъ: впереди почтовая телѣга, парой, съ четырьмя человѣками конвоя, при ружьяхъ и пистолетахъ. За нею, въ другой телѣгѣ, — Лускинò, съ адъютантомъ Чаховскаго, Бобровскимъ. Наконецъ, еще телѣга, съ другими четырьмя человѣками конвоя.

Ѣхали шибко. Передъ Вонхоцкомъ поѣздъ былъ окликнутъ аванпостами Лангевича.

Вонхоцкъ имѣлъ видъ только-что взятаго непріятелемъ города. Вездѣ бродили солдаты, вооруженные различнымъ образомъ: ружьями, косами, саблями, одѣтые въ чамаркахъ и въ бѣлыхъ крестьянскихъ сукманахъ. Шапки на нихъ были обыкновенныя крестьянскія. Только у офицеровъ были конфедератки. Сапоги почти у всѣхъ были длинные, до колѣнъ.

Повозка Лускинò остановилась у почты, гдѣ была квартира воеводы, тогда еще полковника, хотя всѣ его называли генераломъ.

У крыльца стояло четыре косинера, скрестивъ косы верхними концами такъ, что подъ ними можно было пройти.

Войдя въ первую комнату, Лускинò увидѣлъ кучу народу, болѣе всего похожаго на помѣщиковъ: это былъ Лангевичъ и его штабъ. Сидѣли гдѣ и какъ попало. Самъ Лангевичъ — на диванѣ. Лица всѣхъ показывали, что они только что изъ-за обѣда, за которымъ было изрядно выпито. Тутъ же находились двѣ молодыя, довольно

---

[1]) Сухедневъ 6 верстъ отъ Бзина; отъ Вонхоцка 18 верстъ. Н. Б.

красивыя женщины, въ обыкновенныхъ женскихъ платьяхъ. Штабъ былъ въ черныхъ чамаркахъ. Лангевичъ имѣлъ чамарку темнаго цвѣта, обложенную чернымъ бараномъ, большіе сапоги и саблю. На лѣвой рукѣ у него была трехцвѣтная перевязь. Ростомъ онъ былъ не высокъ, лицомъ худощавъ, съ густою русою бородкой. Глядѣлъ задумчиво, сумрачно. Съ разу было видно, что онъ полонъ постоянныхъ заботъ и тревогъ.

Лангевичъ, зная изъ краткаго донесенія Чаховскаго, что Лускинò искалъ драгунъ,—тотчасъ же, послѣ перваго привѣтствія, спросилъ объ нихъ у плѣнника. Лускинò отвѣчалъ, что «дѣйствительно посланъ былъ узнать, нѣтъ-ли тутъ въ окрестностяхъ войскъ, но ничего не нашелъ».

Послѣ этого онъ сталъ проситься въ отрядъ. Лангевичъ отвѣчалъ, что «самъ сдѣлать этого не можетъ, а какъ рѣшитъ совѣтъ. У меня на все совѣтъ»,—прибавилъ онъ,—«впрочемъ, насколько будетъ отъ меня зависѣть, я готовъ настаивать, чтобы васъ отпустили». (Такимъ образомъ воевода былъ уже, до нѣкоторой степени, поставленъ въ условія, какихъ хотѣла отъ будущаго диктатора реакція: «у меня на все совѣтъ, самъ ничего не могу сдѣлать!»).

Окружавшія Лангевича лица вышли вмѣстѣ съ нимъ въ другую комнату, совѣщались недолго и Лангевичъ, явясь опять передъ плѣнникомъ, сказалъ ему, что «онъ свободенъ».

— Позвольте-жъ мнѣ захватить по дорогѣ и стрѣлковъ, арестованныхъ въ Сухедневѣ,—замѣтилъ Лускинò.

— «Напрасно вы не сообщили мнѣ объ этомъ сначала. На это нужно новое совѣщаніе». Съ этими словами Лангевичъ опять ушелъ въ сосѣднюю комнату.

На этотъ разъ совѣщаніе тянулось дольше. Слышенъ былъ довольно горячій споръ. Тѣмъ временемъ, Лускинò подали чаю, который тутъ же разливали женщины. Онѣ, послѣ разныхъ пустыхъ вопросовъ, стали уговаривать поручика поступить въ ихъ ряды, обѣщая хорошее содержаніе.

Наконецъ, вынесено рѣшеніе совѣта, неблагопріятное для плѣнника: не только не отпустили стрѣлковъ, но и самого его задержали въ Вонхоцкѣ, приказавъ ему отправиться въ квартиру коменданта Козлицкаго, гдѣ была ему отведена чистая и удобная комната. Лангевичъ прислалъ туда самоваръ, чаю и сахару, а на другой день, 19-го января ст. ст., навѣдался къ плѣннику самъ и спросилъ: «доволенъ-ли онъ помѣщеніемъ и все-ли у него есть?»

При этомъ сдѣлалъ выговоръ коменданту за какія-то сѣдла.

Вонхоцкая банда Лангевича (на сколько удалось разъузнать Лускино) состояла изъ 600 человѣкъ, дѣлясь на три части или шеренги [1]: первая—косинеры; вторая—стрѣлки; третья—безъ всякаго оружія.

Въ зарядахъ чувствовался недостатокъ. Въ то время, когда Лускино содержался въ плѣну, противъ драгунъ, вышедшихъ изъ Кѣльцъ въ направленіи къ Бзину, отправлена была какая-то часть отряда Лангевича, которая встрѣтила ихъ залпомъ изъ густаго лѣса и принудила отступить. Повстанцы, воротившіеся изъ этой экспедиціи, жаловались, что инымъ изъ нихъ нечѣмъ было заряжать ружей, хотя ружья и были [2].

Генералъ **Маркъ**, напрасно прождавъ своего адъютанта и не имѣя никакого свѣдѣнія о драгунахъ Шидловскаго, равно о движеніи отряда Звѣрева (котораго ждали совсѣмъ съ другой стороны), рѣшился идти на Вонхоцкъ одинъ.

Нечего и говорить, что для того, чтобы выбить Лангевича изъ Вонхоцка, силъ у генерала Марка было совершенно достаточно, но «окружить банду и уничтожить» (какъ задумано было въ секретномъ планѣ) Маркъ никоимъ образомъ не могъ. Лангевичъ, зная каждый нашъ шагъ, приготовился къ выступленію и когда генералъ Маркъ подошелъ къ Вонхоцку (22-го января стар. ст.), повстанцы, его занимавшіе, выступили изъ города, отстрѣливаясь—и пошли къ Свенто-Кржискимъ горамъ. Отрядъ генерала Марка занялъ Вонхоцкъ и, по совѣту адъютанта намѣстника, графа Комаровскаго, велѣлъ его зажечь [3].

Послѣ говорили, что генералъ Маркъ могъ бы преслѣдовать отступавшихъ безъ особеннаго порядка повстанцевъ и нанесть имъ значительный вредъ. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія, куда именно отступила банда, но этого не сдѣлалъ и получилъ строгій выговоръ отъ начальника отдѣла [4].

Между тѣмъ Лангевичъ, достигнувъ Св. Кржискихъ горъ, занялъ

---

[1]) Послѣ, почти во всѣхъ бандахъ, былъ принятъ двухшереножный строй.

[2]) Все это разсказано автору самимъ поручикомъ Лускино.

[3]) Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 6, стр. 4—5, и разсказы разныхъ военныхъ радомскаго отдѣла.

[4]) «Походныя Записки» въ «Военномъ Сборникѣ» 1867, № 9, стр. 182.

Н. Б.

крѣпкую позицію на одномъ крутомъ скатѣ, неподалеку отъ монастыря ксендзовъ Демеритовъ (Klasztor księży Demerytów) [1]).

Во все время движенія туда банды и по прибытіи ея на мѣсто, къ ней присоединялись толпы охотниковъ, и она, такимъ образомъ, быстро увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, стала одною изъ самыхъ солидныхъ бандъ на югѣ Царства. Имя Лангевича повторялось вездѣ. Въ краковскомъ «Часѣ» явился эффектный бюллетень, гдѣ отступленіе изъ Вонхоцка возводилось на степень побѣды [2]).

Разныя сложныя обстоятельства: занятіе крупными бандами оставленныхъ нами городовъ и мѣстечекъ, оглашеніе тамъ народнаго правительства [3]), преувеличенные слухи о силахъ повстанцевъ, общее смущеніе начальниковъ нашихъ отрядовъ и даже иныхъ отдѣловъ и самой Варшавы—способствовали тому, что банда Лангевича оставалась въ покоѣ цѣлую недѣлю. Это дало ему возможность лучше укрѣпиться и обучить своихъ солдатъ кое-какимъ военнымъ пріемамъ. Конечно, изъ этой недѣли не пропала для повстанцевъ ни одна минута.

Только 28-го января стар. ст. полковникъ Ченгери (который былъ ближе другихъ къ мѣстамъ, гдѣ вращалась банда сандомірскаго воеводы) выступилъ изъ Кѣльцъ съ отрядомъ въ 5 ротъ пѣхоты, полъэскадрона драгунъ и 50 казаковъ, при одномъ орудіи, въ непремѣнномъ намѣреніи отыскать банду Лангевича—и на другой же день напалъ на ея слѣды, атаковалъ ее на высотахъ подъ м. Слупя-Нова и заставилъ отступить въ лѣсъ. При этомъ повстанцы оставили въ нашихъ рукахъ множество провизіи и вещей (11 возовъ), планы, приказы по войскамъ, повстанскія инструкціи, списки четырехъ взводовъ баталіона, только что полученныя изъ Варшавы хорошія карты Польши и 43 лошади.

Въ числѣ чисто-военной добычи находились двѣ деревянныя пушки, съ желѣзными обручами.

---

[1]) То есть осужденныхъ на эпитимью. Въ этотъ монастырь ссылали провинившихся въ чемъ-либо духовныхъ особъ со всего Царства. Лангевичъ всѣхъ ихъ освободилъ и они бились потомъ въ его отрядѣ, опоясанные саблями, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ револьверомъ въ другой. Трое изъ нихъ были убиты.

[2]) Авейде говоритъ, что большинство ихъ военныхъ бюллетеней писаны Гиллеромъ. Янчевскій считаетъ Гиллера тайнымъ приверженцемъ Лангевича.

[3]) Баронъ Райскій, какъ извѣстно читателямъ, занялъ Пинчовъ, потомъ Сандоміръ, куда пришли и другія банды. Стопница занята помѣщикомъ Ситовичемъ; Сташовъ—Мацѣевскимъ. Н. Б.

Двигаясь послѣ этого проселочными дорогами и густыми лѣсами къ Стащову, банда Лангевича производила всевозможныя насилія: брала у помѣщиковъ и у крестьянъ все, что было ей нужно, принуждая при этомъ всѣхъ могущихъ носить оружіе становиться въ ряды, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, а упрямыхъ и подозрительныхъ безъ церемоніи вѣшала, либо разстрѣливала. Такъ, наканунѣ отступленія изъ-подъ Слупи-Новой, былъ разстрѣлянъ опатовскій солтысъ за то, что противился приказаніямъ посланныхъ изъ банды. Кромѣ того, приговорены къ разстрѣлянію два крестьянина и одна дама, полька, бывшая замужемъ за русскимъ офицеромъ изъ Кѣльцъ (всѣ трое по подозрѣнію въ шпіонствѣ), но приближеніе нашего отряда помѣшало исполненію экзекуціи. Всѣ три жертвы были брошены, какъ равно оставленъ въ Вонхоцкѣ и поручикъ Лускино.

Къ тому же времени (когда отрядъ Лангевича находился въ сказанныхъ маршахъ между Вонхоцкомъ и Сташовомъ) относятся курьезныя похожденія помѣщика Сандомірскаго уѣзда, д. ст. с. Петрова [1]). Такъ какъ эти похожденія имѣютъ связь съ интригой партіи, которая способствовала возвышенію сандомірскаго воеводы, то мы считаемъ нелишнимъ разсказать ихъ читателямъ.

Петровъ пріѣхалъ наканунѣ нашего Новаго года (1863) въ маіоратъ своего тестя Погодина (бывшаго генералъ-интенданта 1-й, т. е. польской арміи при Паскевичѣ), Осекъ [2]), вслѣдствіе полученныхъ въ Варшавѣ извѣстій, что онъ сильно занемогъ.

---

[1]) Извѣстнаго шахматнаго игрока, который въ журналѣ Англійскаго Шахматъ-Клуба, въ половинѣ 1860-тыхъ годовъ, признанъ первымъ шахматнымъ игрокомъ нашего времени. Онъ игралъ со всѣми лучшими игроками Стараго и Новаго Свѣта, и всѣхъ ихъ обыгралъ, исключая Морфи, который почему-то не согласился съ нимъ играть—и такимъ образомъ какъ бы призналъ себя побѣжденнымъ. Извѣстному русскому шахматному игроку, князю Урусову (который играетъ иногда—не смотря на доску), Петровъ проигралъ первыя три партіи, за то всѣ послѣдующія у него выигрывалъ. Однажды, въ вѣнскомъ шахматномъ клубѣ, подсѣвъ къ двумъ сильнымъ игрокамъ и видя, что одинъ изъ нихъ черезчуръ медлитъ выходомъ, Петровъ попросилъ позволенія сдѣлать выходъ вмѣсто него, и, когда это было разрѣшено, выступилъ шашкой. Оба игрока сказали въ одинъ голосъ: «вы—Петровъ!»

Петровъ разсказывалъ автору объ этомъ случаѣ съ большимъ увлеченіемъ.

Какъ давній житель Царства Польскаго, Петровъ, сроднившійся съ поляками, постоянно относился къ нимъ сочувственно. Офиціальныя русскія лица называли его «повстанцемъ».

Петровъ умеръ въ Варшавѣ 10-го (22-го) апрѣля 1867 г.

[2]) На югѣ Сандомірскаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ австрійской границы. **Н. Б.**

21-го января стар. ст. Погодинъ скончался, а на другой день, послѣ обѣда (день отступленія Лангевича изъ Вонхоцка къ Св. Кржискимъ горамъ, когда впервые были потрясены мечтанія повстанцевъ, зажившихся въ этомъ городѣ, и штабъ Лангевича рѣшилъ вести интригу какъ можно поспѣшнѣе), прискакало къ Петрову 8 человѣкъ конныхъ повстанцевъ, между которыми былъ хорошо извѣстный Петрову помѣщикъ Сандомірскаго уѣзда, баронъ Райскій [1]).

Послѣдній вошелъ прямо въ домъ. Петровъ встрѣтилъ его, какъ встрѣчаютъ гостей, не показывая ни малѣйшаго вида, что считаетъ прибытіе его, съ семью провожатыми, вооруженными съ головы до ногъ, чѣмъ-то страннымъ и неожиданнымъ. Подана была добрая закуска и бутылка стараго «венгржина».

Райскій, наливъ большой стаканъ и поднявъ его, воскликнулъ: «zdrowie powstańców!»... [2]).

Петровъ, какъ ни прикидывался невидящимъ ничего особеннаго въ пріѣздѣ и одеждѣ Райскаго, послѣ этого тоста невольно уставилъ на него глаза; но тотъ, какъ бы не замѣчая его удивленія, объявилъ тутъ же, что «цѣль его прибытія состоитъ собственно въ томъ, чтобы отобрать у хозяина всякое оружіе, какое у него найдется, что на это есть приказъ сандомірскаго воеводы Лангевича, стоящаго оттуда неподалеку съ большимъ отрядомъ».

Петровъ нисколько не сопротивлялся и сказалъ: «пусть осмотрятъ весь домъ и возьмутъ что нужно!».

Райскій взялъ только часть найденнаго оружія и узнавъ, во время ревизіи, о покойникѣ въ домѣ, пошелъ поклониться его праху—и принялъ при этомъ православное благословеніе священника, находившагося у гроба.

Послѣ этого повстанцы ускакали.

Черезъ нѣсколько дней, именно 4-го (16-го) февраля, уже по занятіи Лангевичемъ Сташова) къ Петрову явилось 40 человѣкъ уланъ «взять контрибуцію живностью и фуражомъ, арестовать Петрова и доставить въ Сташовъ».

Уланы потребовали: 15 лошадей, 10 воловъ, 20 барановъ, 100 корцевъ овса, 100 квартовыхъ бутылей сладкой водки, 100 пече-

---

[1]) Это было послѣ отбытія Райскаго изъ Пинчова въ направленіи къ Сташову и Сандоміру. Пинчовъ отъ Сташова 47 верстъ; Сандоміръ отъ послѣдняго, прямою дорогой, около того же.

[2]) «Здоровье повстанцевъ!»... Н. Б.

ныхъ хлѣбовъ (bochenków), четыре кованыхъ телѣги, сѣдла и сбрую, какая найдется; при этомъ предъявили письменный приказъ повстанскаго начальника Сандомірскаго уѣзда, Скотницкаго [1]).

Петровъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все требуемое было отпущено. Только вмѣсто печеныхъ хлѣбовъ, выдана просто-за-просто мука, приблизительно на сто хлѣбовъ.

Двинулся цѣлый обозъ....

А уланы, обшаривъ весь домъ (причемъ отпирали разные ящики, запертые на ключъ), взяли изъ стола помѣщика 255 рублей денегъ, заложили бричку и, посадивъ въ нее Петрова, покатили въ Сташовъ.

5-го (17-го) февраля, въ часъ пополудни, прибыли они въ этотъ городъ и подъѣхали къ дому, гдѣ квартировалъ Лангевичъ. Это былъ домъ откупщика Левандовскаго. Лангевичъ занималъ первый этажъ [2]).

Петровъ по крайней мѣрѣ съ четверть часа сидѣлъ въ бричкѣ, пока воеводѣ вздумалось его принять. Когда же онъ вошелъ къ нему, то увидѣлъ, что Лангевичъ сидитъ за столомъ, съ нѣсколькими штабными, и обѣдаетъ.

— «Pan obiad jadł?» [3]),—сказалъ, не вставая, Лангевичъ, безъ всякаго привѣтствія.

— Нѣтъ, гдѣ же,—отвѣчалъ плѣнникъ, разумѣется, также по польски [4]).

— «Прошу садиться!»

Петровъ сѣлъ и притомъ взглянулъ на «генерала»: его поразило блѣдное, осунувшееся лицо Лангевича, напоминавшее лицо человѣка, только что вставшаго съ болѣзненнаго одра.

Одѣтъ Лангевичъ былъ такъ же, какъ видѣлъ его Лускино: въ

---

[1]) Надо замѣтить, что Сандомірь, по выходѣ изъ него подполковника Мѣдникова, снова очутился въ рукахъ повстанцевъ. Туда прибыла какая-то банда и огласила народное правительство, установивъ революціонные знаки и чины.

[2]) По польски, по нашему второй.

[3]) «Вы обѣдали?»

[4]) Петровъ говорилъ по польски отлично. Въ домѣ его почти не слышалось другаго языка, кромѣ польскаго. Жена Петрова, хотя и русская по происхожденію, была въ душѣ совершенная полька. На ея деньги, издавалась въ Варшавѣ въ 1861 г. дешевая газета для народа «Czytelnia Niedzielna», которой редакторомъ былъ Агаѳонъ Гиллеръ, послѣ членъ жонда народоваго, нынѣ сотрудникъ Gazety Narodowéj. Н. В.

темносѣрую чамарку съ бѣлорозовою перевязью черезъ плечо, похожею на станиславовскую ленту.

Подали очень скромный обѣдъ: супъ, сваренный сносно, и говядину съ тертымъ картофелемъ. Вино и водка были добрые и скоро пошли въ ходъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ штабныхъ Лангевича, бѣлый какъ лунь уланъ 1830-го года [1]), говорилъ болѣе другихъ и безпрестанно предлагалъ тостъ: «za . . . . wolność Polski!» [2]).

Самъ Лангевичъ во весь обѣдъ не говорилъ ни слова.

Вдругъ вошелъ въ комнату молодой красивый уланъ, въ полной формѣ, при саблѣ, пистолетѣ и даже кинжалѣ, и, сдѣлавъ рукой подъ козырекъ, подалъ Петрову письмо и сказалъ: «Panie jenerale, masz list z Warszawy!» [3])

Взглянувъ мелькомъ на подателя письма, Петровъ узналъ въ немъ знакомую ему воспитанницу Пулавскаго Александрійскаго института для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ онъ состоялъ одно время членомъ совѣта по хозяйственной части, нерѣдко бывалъ на публичныхъ испытаніяхъ и слыхалъ, какъ этотъ уланъ (тогда робкая, стыдливая и конфузливая дѣвица—по крайней мѣрѣ на публичныхъ испытаніяхъ) отвѣчала довольно плохо своимъ экзаменаторамъ изъ разныхъ предметовъ.

Это была дочь русскаго генерала Пустовойтова, надѣлавшая довольно шуму своими проказами, о которыхъ въ минуту, нами изображаемую, еще никто ничего не зналъ, всего менѣе скромный шахматистъ, не занимавшійся ровно ничѣмъ, кромѣ своихъ возлюбленныхъ шахматовъ, которые воображалъ передъ собою съ утра до ночи, во всякихъ положеніяхъ жизни, въ веселомъ и печальномъ настроеніи духа.

Будучи пораженъ преобразованіемъ бывшей пулавской институтки въ повстанскаго улана, Петровъ, вообще крайне-простой и безцеремонный въ пріемахъ, воскликнулъ по русски:

— «Анюта, ты какъ здѣсь?»

Уланъ улыбнулся и, не отвѣчая ничего, вышелъ...

Петровъ сталъ вскрывать письмо, но Лангевичъ остановилъ его словами:

— «Извините, я прежде прочту!»

Взявъ письмо, взглянулъ въ него и сказалъ: «ахъ, это по русски!»

---

[1]) Помѣщикъ Кржесимовскій, формировавшій у Лангевича кавалерійскій отрядъ на казачьихъ лошадяхъ.

[2]) «За . . . . свободу Польши!».

[3]) «Генералъ, къ вамъ письмо изъ Варшавы!»

Послѣ чего вызвалъ изъ-за стола одного офицера (Михаловскаго) и велѣлъ ему перевести письмо шопотомъ по польски, затѣмъ отдалъ его Петрову [1]) и сѣлъ за столъ.

Послѣ обѣда плѣннику была отведена квартира у коменданта, окна которой выходили на площадь. Мирный шахматистъ могъ очень удобно видѣть все ратное движеніе повстанцевъ и выводить изъ этого свои заключенія объ ихъ силахъ, военныхъ порядкахъ и вооруженіи. Разумѣется, сандомірскій воевода и его штабъ старались, что называется—«продать товаръ лицомъ». Часть солдатъ постоянно училась на площади. Лангевичъ, верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи Пустовойтовой, то и дѣло объѣзжалъ ряды, при громкихъ крикахъ ура! Потомъ двигались волы, бараны, подводы съ битою скотиной и другими съѣстными припасами. Продвигался также обозъ изъ деревни самого наблюдателя, Петрова. Въ одной сторонѣ площади вертѣлись точила, на которыхъ точились ножи, косы, сабли, наконечники для пикъ...

Одежда войска, которое Петровъ видѣлъ изъ своихъ оконъ, состояла преимущественно изъ полушубковъ.

Такъ называемые «уланы» были также въ полушубкахъ. Разница между пѣхотой и уланами заключалась единственно въ томъ, что одни полушубки сидѣли на коняхъ и имѣли вооруженіемъ саблю и пику; а другіе не сидѣли на коняхъ и имѣли ружья или косы.

Только между косинерами замѣчалась нѣкоторая пестрота въ одѣяніи: въ чемъ кто пришелъ, въ томъ и оставался.

На головахъ рѣшительно у всѣхъ ратниковъ были рогативки краснаго цвѣта, съ бѣлою или черною выпушкой.

Что касается количества солдатъ у Лангевича, Петрову говорили, что косинеровъ 3 баталіона, по 1,000 человѣкъ каждый, а четвертый формировался. Стрѣлковъ 300, уланъ также 300 [2]).

Артиллерія состояла изъ 4-хъ мѣдныхъ пушекъ (виватувокъ), безъ лафетовъ. Онѣ постоянно ѣздили на возахъ и, сколько извѣстно, ни разу не употреблялись въ дѣло.

О содержаніи войска Петровъ узналъ, что «косинеръ, поступая на службу, получаетъ рогативку и пару сапогъ. Потомъ ему вы-

---

[1]) Письмо это было отъ жены Петрова, которая оставалась въ Варшавѣ, когда онъ поѣхалъ въ Осекъ. Не найдя Петрова въ маіоратѣ, письмо отправлено было управляющимъ въ Сташовъ.

[2]) Это же количество показано и въ Журналѣ Военныхъ дѣйствій.

Н. Б.

даютъ въ сутки: полъ-бохенка хлѣба, двѣ чарки водки и злотъ деньгами».

Стрѣлки и «уланы» не получали ничего, содержа себя сами, какъ знали и умѣли.

Полковую музыку составляли захваченные гдѣ-то тирольцы [1]).

Со стороны сословій, войско Лангевича представляло чрезвычайную смѣсь, куда, главнымъ образомъ, входили: мелкая шляхта, фабричный и ремесленный народъ, лѣсничіе, городскіе жители и помѣщичьи дворовые люди (официалисты). Крестьянъ было очень мало: человѣкъ 30 на всю массу.

Въ общемъ, Петровъ, какъ человѣкъ не военный, какъ имѣвшій къ полякамъ слабость и желавшій имъ въ душѣ всякихъ успѣховъ, добра и счастія,—былъ болѣе очарованъ, нежели разочарованъ арміей Лангевича. Повстанскій генералъ представлялся ему долго, до конца жизни, настоящимъ генераломъ. Онъ говорилъ объ немъ не иначе, какъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. На это-то и били захватившіе Петрова въ плѣнъ высшіе чины воеводскаго штаба: чтобы Петровъ—человѣкъ почтенный, самъ чина генеральскаго, называвшійся въ обществѣ зачастую «сенаторомъ»—разсказалъ по возвращеніи своемъ въ Варшаву о разныхъ видѣнныхъ имъ чудесахъ и страхахъ, давая однако-же разсказу своему тотъ оттѣнокъ, что все это страшное войско, знакомое со всѣмъ, что нужно знать войску, значительно намуштрованное и весьма сносно вооруженное, вообще войско хоть куда . . . .

Задней стороны медали Петровъ видѣть не могъ и не умѣлъ: какъ Лангевичъ выбивается изъ силъ, распекая то того, то другаго начальника части за разныя упущенія; какъ онъ находитъ лично то уснувшіе, то замерзшіе пикеты, а не то—ничего ровно не находитъ на мѣстѣ назначенныхъ пикетовъ... а тутъ привели дезертира, не то мнимаго или настоящаго шпіона: суди ихъ, вѣшай, разстрѣливай! Обдумывай тысячи вопросовъ вдругъ, иной разъ совершенно неразрѣшимыхъ—и все это среди русскихъ штыковъ, которые могутъ нагрянуть, окружить, переколоть все это страшное для Петрова воинство—и «генералъ» очутится въ самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ.

---

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, выражался о нихъ Петровъ; а, можетъ, это была другая нація. Н. Б.

Для простодушнаго шахматиста, такъ ловко и быстро рѣшавшаго поминутно въ своемъ умѣ милліоны шахматныхъ проблеммъ, навсегда осталось тайной, почему Лангевичъ такъ худъ, блѣденъ и задумчивъ...

Между тѣмъ, какъ все это происходило, слухи о провозглашеніи повстанцами народнаго правительства въ нѣсколькихъ пунктахъ вдругъ заставили нѣкоторыхъ начальниковъ частей принять зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ возстановленію порядка.

Еще 28-го января ст. ст. (когда Лангевичъ былъ въ Св. Кржискихъ горахъ) выступилъ изъ Опочно отрядъ маіора Донецъ-Хмѣльницкаго, изъ двухъ ротъ Галицкаго пѣхотнаго полка, въ направленіи къ селенію Корыткову, гдѣ, какъ говорили, бродили банды помѣщика Лакинскаго [1]. Однако-же тамъ никого не оказалось: Лакинскій успѣлъ перейти въ Опочно и провозгласить въ этомъ мѣстечкѣ народное правительство.

Ничего не зная объ этомъ, маіоръ Хмѣльницкій продолжалъ розыски въ направленіи къ г. Коньске, гдѣ получилъ въ подкрѣпленіе изъ Радома роту Галицкаго полка и двѣ роты Могилевскаго, съ приказаніемъ отъ начальника отдѣла вернуться въ Опочно и выбить оттуда повстанцевъ, что и исполнилъ съ ротой Галицкаго и двумя ротами Могилевскаго полка, а двѣ роты Галицкаго оставилъ въ Коньске, дабы тамъ не случилось того же, что въ Опочно.

Банда Лакинскаго ушла въ монастырь Студзянну, перевезя туда же два чугунныхъ орудія, отлитыя на заводѣ Эванса, въ Држивицѣ—селеніе между Радомомъ и Опочно, отъ послѣдняго 18 верстъ.

Идти на монастырь Студзянну Хмѣльницкій не рѣшился и далъ знать объ этомъ въ Радомъ, вслѣдствіе чего посланъ оттуда новый отрядъ, изъ двухъ ротъ Галицкаго и двухъ ротъ Могилевскаго полка, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Звѣрева; но съ приближеніемъ его къ монастырю, банда, находившаяся тамъ, удалилась къ м. Пилицѣ, оставя въ нашихъ рукахъ одно чугунное орудіе съ 4-мя лошадьми и довольно пороху.

Полковникъ Звѣревъ однако же не преслѣдовалъ этой банды и воротился въ Радомъ.

---

[1]) Того самаго, что мы видѣли въ солдатскомъ театрѣ, въ Ендржеёвѣ, 3-го января ст. ст. 1863 г. Н. Б.

Въ то же самое время, отрядъ въ три роты пѣхоты Галицкаго полка и нѣсколько казаковъ, подъ начальствомъ маіора Голубева, направленъ былъ къ Опатову, и, наконецъ, 4-й отрядъ, изъ роты Смоленскаго полка и эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ маіора Загряжскаго, посланъ въ Стопницу, съ приказаніемъ тому и другому: возстановить надлежащій порядокъ и русское правительство въ сказанныхъ пунктахъ, дѣйствуя противъ бандъ, какія попадутся, по усмотрѣнію.

Оба отряда, Голубева и Загряжскаго, не нашли никакихъ повстанцевъ въ мѣстахъ, куда были направлены; узнали только, что банда сандомірскаго воеводы находится въ Сташовѣ—и оба двинулись въ ту сторону.

Загряжскій имѣлъ небольшое дѣло съ аванпостами Лангевича, 17-го февраля н. ст. [1]), но далѣе не пошелъ. Равно не пошелъ и Голубевъ и оба дали знать о своемъ положеніи въ Радомъ.

Начальникъ радомскаго военнаго отдѣла увѣдомилъ намѣстника о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ на пути разными нашими отрядами. Тогда-же пришли въ Варшаву вѣсти «будто бы изъ-за границы прибыло вдругъ нѣсколько отрядовъ подъ начальствомъ Мирославскаго, числомъ всего до 17-ти тысячъ человѣкъ, гдѣ одниxъ венгерцевъ 8 тысячъ; что вся эта масса кроется гдѣ-то на югѣ Радомской губерніи, якобы въ Олькушскомъ уѣздѣ».

Слухамъ этимъ, не смотря на всю ихъ нелѣпость, въ ту минуту болѣе или менѣе вѣрили, считали «все это» возможнымъ.

Намѣстникъ приказалъ двинуться въ Олькушскій уѣздъ отряду полковника Островскаго, изъ Ченстохова, и отряду князя Багратіона (7-й стрѣлковый баталіонъ, рота Смоленскаго пѣхотнаго полка, два взвода Новороссійскихъ драгунъ, 80 донскихъ казаковъ № 3 полка, 50 объѣздчиковъ завихостской пограничной стражи и 2 орудія батарейной № 2 батареи 7-й артиллерійской бригады)—изъ Мѣхова.

Для взаимнаго же соглашенія ихъ дѣйствій, отправленъ изъ Варшавы оберъ-квартирмейстеръ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-маіоръ Черницкій, съ гвардейскимъ отрядомъ, изъ 3-хъ ротъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III и роты Кексгольскаго гренадерскаго императора австрійскаго полковъ.

---

[1]) День прибытія Петрова къ Лангевичу. Петровъ, сидя подъ окномъ своей квартиры, слышалъ выстрѣлы. Пули летали по улицамъ и щелкали въ дома Плѣнника могла убить своя родная пуля. Н. Б.

Такъ какъ повстанцы вѣчно знали обо всѣхъ предпринимаемыхъ противъ нихъ движеніяхъ, обо всякомъ шагѣ нашихъ отрядовъ, то всегда могли уклониться отъ встрѣчи съ ними, что и дѣлали каждый разъ, какъ скоро видѣли, что силы ихъ съ наступающими черезчуръ неравны. А потому ни отрядъ Багратіона, ни гренадеры (промчавшіеся къ тому-же по желѣзной дорогѣ) ничего нигдѣ не нашли и воротились къ мѣстамъ своего постояннаго пребыванія [1]. Только одинъ ченстоховскій отрядъ, пройдя черезъ Славковъ, Домброву, Сѣвержъ и Козеглавъ, захватилъ въ Олькушѣ, 8-го февраля ст. ст., 8 повстанскихъ лошадей и 30 пудовъ пороху, но банды никакой не встрѣтилъ.

Повстанцы, которыхъ искали наши отряды (конечно, далеко не въ томъ количествѣ, какъ ходили вѣсти), укрывались по разнымъ дремучимъ лѣсамъ, безпрестанно мѣняя мѣста.

Одна большая банда, подъ начальствомъ Куровскаго, рѣшилась, по выходѣ Багратіона изъ Мѣхова, овладѣть этимъ городомъ (4-го февраля ст. ст.), но была отражена случайно зашедшею туда ротой Смоленцевъ, которая сопровождала рекрутъ [2]. Куровскій долженъ былъ ретироваться [3].

Укрываясь потомъ нѣкоторое время въ горахъ и лѣсахъ Мѣховскаго уѣзда, Куровскій снесся съ бандами Лакинскаго, Езеранскаго и Лангевича, занимавшими разныя лѣсныя мѣстности южной части Радомской губерніи, и узнавъ, что они намѣрены двинуться къ сѣверу, на Кѣльцы, пошелъ туда же.

Когда всѣ эти банды подошли къ д. Родовицы (между м. Раковымъ и Кѣльцами), къ Лангевичу явилась депутація изъ Кѣльцъ съ выраженіемъ желанія, чтобы онъ немедля шелъ въ ихъ городъ и занялъ его, причемъ обѣщана помощь всѣхъ жителей, якобы давно готовыхъ встать поголовно.

---

[1] Къ 12-му февраля ст. ст. гренадеры воротились въ Варшаву.

[2] Замѣчательно, что все еще происходило странствіе рекрутскихъ партій по Царству, какъ-бы въ обыкновенное, невоенное время.

[3] Объ этой ретирадѣ сложена кѣмъ-то такая пѣсня, въ подражаніе: «Nasz Chłopicki wojak dzielny, smiały»:

Nasz Kurowski dzielny, smiały
Poprowadził nas do Skały,
A ze Skały do Miechowa,
Gdzie się Moskwa chowa;
A z Miechowa, w imię Boże,
Uciekajcie gdzie kto może!....

Н. Б.

Въ то же самое время присоединился къ Лангевичу и Чаховскій, съ довольно значительною бандой [1]).

Вся эта масса повстанцевъ, дѣйствительно, могла, если не взять Кѣльцы, то хотя надѣлать тамъ изрядной тревоги. Но все вдругъ перестроилось, вслѣдствіе движенія изъ Радома большаго отряда, въ три роты Могилевскаго пѣх. полка, эскадронъ Новороссійскихъ драгунъ, нѣсколько казаковъ и 2 орудія, подъ начальствомъ подполковника Добровольскаго, посланнаго въ сторону Сташова, на помощь Голубеву и Загряжскому.

Предполагая Голубева въ Опатовѣ, Добровольскій двинулся изъ Радома на этотъ городъ, но узналъ на пути, что Лангевичъ и всѣ банды, которыя къ нему примкнули, находятся на маршѣ къ Кѣльцамъ; а потому немедля измѣнилъ маршрутъ и пошелъ на Лаговъ, а къ Голубеву послалъ приглашеніе идти на Раковъ, дабы стать на дорогѣ Лангевича къ Кѣльцамъ. Но Лангевичъ узналъ объ этомъ и бросился на Собковъ, откуда форсированнымъ маршемъ перешелъ въ д. Радковъ—верстъ 5 отъ Малогоща.

Добровольскій не спускалъ его съ глазъ.

Влачившійся за бандами плѣнникъ (изъ котораго штабъ Лангевича, извѣстная отрасль «тарговичанъ», уже потерялъ надежду извлечь серьезныя выгоды) вздумалъ въ Собковѣ бриться.

Цырюльникъ, болтая, какъ всѣ на свѣтѣ цырюльники, всякій вздоръ, сказалъ ему вдругъ, что «русскіе уже въ Хенцинахъ»—то есть въ семи верстахъ отъ Собкова, гдѣ происходило бритье.

Петровъ вскочилъ и побѣжалъ къ Лангевичу, котораго нашелъ въ страшной тревогѣ: онъ отдавалъ разныя приказанія, видимо забывъ о своемъ плѣнникѣ.

— «Что вамъ?»—спросилъ онъ у Петрова сердито.

Тотъ изложилъ ему вкратцѣ опасность своего положенія между

---

[1]) Петровъ, ѣхавшій за бандою Лангевича въ телѣгѣ, видѣлъ присоединеніе къ нимъ Чаховскаго въ одномъ ущеліи. Чаховскій шелъ пѣшкомъ, по колѣно въ водѣ, сопровождаемый Пустовойтовой, которая была послана разыскать его партію и вывесть на дорогу. Послѣ этого Петровъ ѣхалъ съ нею и еще съ какою-то Каролиной (тоже кавалеристъ-дѣвицей) въ одной телѣгѣ. Увязивши однажды свою телѣгу въ грязи, всѣ они пошли пѣшкомъ и шли нѣсколько верстъ, пока не встрѣтили какихъ-то жидовъ въ фургонѣ: отняли у нихъ фургонъ и поѣхали дальше. Петровъ, среди всѣхъ этихъ тревогъ и невзгодъ, предавался своему любимому занятію: разрѣшалъ различныя шахматныя проблеммы и этимъ услаждалъ свое горе (самъ разсказывалъ объ этомъ автору). Н. Б.

двухъ огней и умолялъ отпустить его, какъ ненужнаго и безвреднаго человѣка.

— «Я бы давно васъ отпустилъ, — отвѣчалъ Лангевичъ, — но... я чиновникъ, исполняю то, что приказываютъ [1]... впрочемъ, я переговорю со штабомъ».

Откладывать переговоровъ было нельзя: послѣ непродолжительнаго совѣщанія, штабъ потребовалъ отъ плѣнника за позволеніе ѣхать немедля въ Варшаву 10 тысячъ рублей «на лагерные расходы» и сверхъ того просилъ доставить письмо воеводы въ собственныя руки намѣстника.

Петровъ сказалъ, что письмо доставить очень нетрудно, но взносъ десяти тысячъ рублей находилъ обременительнымъ.

— Ну, внесите хоть 10 тысячъ злотыхъ, — сказали ему.

Петровъ на это согласился и далъ честное слово. Тогда вручили ему паспортъ, весь написанный рукою воеводы, и письмо къ намѣстнику; онъ сѣлъ въ телѣгу и доѣхалъ благополучно до Кѣльцъ, откуда препровожденъ начальникомъ тамошняго военнаго отдѣла, полковникомъ Ченгери, въ Варшаву 11-го (23-го) февраля, — и произвелъ тамъ разсказами о своихъ похожденіяхъ не мало шуму. Тутъ только городъ увидѣлъ настоящую карточку Лангевича, за котораго до тѣхъ поръ продавали какого-то неопредѣленнаго повстанца, говорятъ — брата профессора Ваги.

Въ это время соединенныя банды Лангевича, Куровскаго, Езеранскаго и Чаховскаго заняли Раковъ — деревню въ 20-ти съ небольшимъ верстахъ отъ Кѣльцъ.

Жондъ народовый (какъ иные думаютъ, подъ вліяніемъ Бобровскаго и Гиллера) прислалъ тогда Лангевичу номинацію на командующаго войсками двухъ воеводствъ: сандомірскаго и краковскаго ($^{10}/_{22}$ февраля). Куровскій, Чаховскій и Езеранскій, дѣлать нечего, скрѣпя сердце подчинились ему. Лангевичъ произвелъ, на одной равнинѣ близъ Ракова, смотръ всѣмъ войскамъ, которыхъ было отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ. Затѣмъ всѣ эти силы двинулись къ Малогощу и стали ждать приближенія нашихъ отрядовъ.

Тѣмъ временемъ, въ Хенцинахъ ($13^1/_2$ верстъ отъ Малогоща) со-

---

[1] «Jestem urzędnik, robię to co każą». — Все это передано автору самимъ Петровымъ. Н. Б.

ставлена начальниками этихъ отрядовъ (полковникомъ Ченгери, подполковникомъ Добровольскимъ и маіоромъ Голубевымъ) диспозиція атаки на Малогощъ, суть которой заключалась въ томъ, чтобы «подойдя одновременно (между 10-ю и 11-ю часами утра 12-го февраля ст. ст.) къ сказанному мѣстечку, ударить на него всѣми силами вдругъ—Ченгери съ сѣвера, отъ Кѣльцъ; Добровольскій съ востока, отъ Хенцинъ, и Голубевъ съ юга, отъ Ендржеева,—и заставить повстанцевъ положить оружіе».

Всѣхъ начальниковъ предполагали при этомъ взять въ плѣнъ, что было весьма возможно, еслибы дѣйствовать дружно и самымъ точнымъ образомъ исполнить диспозицію; еслибы никто изъ предводителей нашихъ отрядовъ не рвался исключительно впередъ—отличиться передъ всѣми. Но этого-то именно согласія и забвенія личныхъ интересовъ для пользы общаго дѣла—тутъ и не было.

Добровольскому (вслѣдствіе особыхъ расчетовъ) нужно было попробовать разыграть первую роль, устранить старшаго чиномъ и кончить дѣло одному.

Онъ явился на мѣсто боя раньше всѣхъ, въ 10 часовъ утра, когда Ченгери и Голубевъ находились оттуда еще на значительномъ разстояніи.

Добровольскій выслалъ впередъ драгунъ, съ приказаніемъ «начать перестрѣлку». Едва только пѣхота, находившаяся въ трехъ верстахъ сзади, услышала выстрѣлы, она ринулась бѣгомъ; за нею помчалась и артиллерія—и въ верстѣ отъ Малогоща снялась съ передковъ и пустила въ городъ нѣсколько выстрѣловъ.....

Повстанскія войска были выстроены въ Малогощѣ на городской площади, съ четырехъ часовъ утра, для выслушанія молебствія. Лангевичъ, окруженный большою свитой, объѣхалъ ряды и сказалъ солдатамъ нѣсколько одушевляющихъ словъ. Затѣмъ были выкачены бочки съ водкой и войскамъ было позволено пить сколько душѣ угодно.

Въ 8 часовъ выкачены новыя бочки.

Какая-то огромная баба, съ растрепанными волосами, въ лохмотьяхъ, бѣгала по площади, махая метлой и крича на толпу, которая глазѣла на войска: «что разинули рты? Маршъ на москалей! Въ ряды повстанцевъ!» [1]).

---

[1]) Показанія плѣнныхъ и брошюра «Wspomnienia Kapitana Wojsk Polskich». Lipsk, 1866, стр. 19. Н. В.

Когда было замѣчено приближеніе отряда Добровольскаго, вожди бандъ размѣстили часть своихъ солдатъ на двухъ холмахъ, вправо и влѣво отъ города, а прочихъ разставили въ улицахъ.

Едва только грянули первые выстрѣлы нашей артиллеріи, массы повстанцевъ, расположенныхъ на холмахъ (изъ коихъ правый, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи, былъ покрытъ густымъ лѣсомъ), спустились внизъ и съ криками «виватъ!» потекли на насъ какъ лава. Потомъ слышалось: «разъ-два! разъ-два!» Знаменщики крутили знаменами. Видно было, что движется что-то безпорядочное, дикое, не имѣющее никакого понятія о настоящихъ военныхъ пріемахъ, и притомъ пьяное.

Артиллерія подпустила ихъ на картечный выстрѣлъ и дала залпъ: колонны остановились, смѣшались—и вдругъ вся масса пустилась бѣжать назадъ и заняла тѣ же самые холмы.

Подполковникъ Добровольскій рѣшился ихъ атаковать, не смотря на слабыя силы своего отряда. Онъ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что маіоръ Голубевъ былъ съ холмовъ уже видѣнъ, и это должно было смущать повстанцевъ: дѣйствительно, они постоянно оборачивались въ сторону Ендржеёва — и вскорѣ очутились между двухъ огней; ибо Голубевъ, подойдя со своимъ отрядомъ къ Малогощу, также повелъ атаку.

Повстанцы держались недолго, потомъ бросились бѣжать въ противоположную сторону, по дорогѣ, которую долженъ-бы былъ перерѣзать имъ Ченгери, но онъ еще не явился въ то время со своимъ отрядомъ подъ Малогощемъ.

Долѣе всего держалась на одномъ изъ атакованныхъ холмовъ артиллерія: два орудія, стрѣлявшія картечью. Они взяты были наконецъ первою линейною ротой Могилевскаго полка, изъ отряда Добровольскаго.

Потеря повстанцевъ въ этомъ дѣлѣ считается въ 300 человѣкъ убитыми и до 500 ранеными. Съ нашей стороны убитыхъ не было вовсе. Раненыхъ 6 человѣкъ [1]).

Полковникъ Ченгери, сдѣлавъ значительный обходъ, прибылъ къ Малогощу въ половинѣ втораго часа по полудни, когда холмы и горы были уже въ нашихъ рукахъ. Все его участіе въ бою ограничилось тѣмъ, что онъ открылъ огонь по толпамъ, переправлявшимся черезъ рѣку Лясоцинъ, и затѣмъ преслѣдовалъ отступавшихъ, на-

---

[1]) Разсказъ Добровольскаго и Журналъ Военныхъ дѣйствій, №11, стр. 4—5.
Н. Б.

равнѣ съ другими отрядами, до деревни Болыминъ, а на слѣдующій день, 14-го февраля ст. ст., близь дер. Эмины, взялъ непріятельскій обозъ, заведенный, какъ говорили, умышленно въ болото проводникомъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Преслѣдованіе остановилось у селенія Влоцовы [1]), вслѣдствіе крайне-сбивчивыхъ показаній «языковъ» на счетъ направленія, которому слѣдовали уходящія банды.

По собраннымъ нѣсколько позже свѣдѣніямъ, оказалось, что человѣкъ до 500 пѣхоты и половина кавалеріи, бывшей съ Лангевичемъ подъ Малогощемъ, направились съ Чаховскимъ къ Св. Кресту, иначе сказать: въ Карпаты Царства Польскаго, гдѣ была чрезвычайно пересѣченная мѣстность и такія лѣсныя трущобы, среди которыхъ двигаться регулярнымъ отрядамъ не было никакой возможности.

Потомъ: болѣе 500 человѣкъ бѣжало въ Галицію, гдѣ нѣкоторая часть была арестована австрійцами и разослана по крѣпостямъ: Иглавѣ, Ольмюцу и Тейфельсбергу [2]).

Остальные, съ Куровскимъ, Езеранскимъ и Лангевичемъ, пошли, въ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, на юго-западъ.

Нѣсколько позже открыта была только часть этихъ бандъ отрядомъ свиты Его Величества генералъ-маіора кн. Шаховскаго [3]) (изъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ Витебскаго пѣх. полка и полусотни казаковъ), выступившимъ изъ Ченстохова по поводу слуховъ, будто-бы вытѣсненная изъ Мржиглода [4]) витебцами банда намѣревается напасть на роту того-же полка, стоящую въ дер. Мышковѣ.

Во время поисковъ за этою бандой князь Шаховской узналъ о пораженіи Лангевича подъ Малогощемъ и о движеніи его партіи на юго-западъ Радомской губерніи. Вслѣдствіе чего, посадивъ свою пѣхоту на подводы, онъ двинулся черезъ м. Кромоловъ и Пилицу въ Жарновецъ, наперерѣзъ пути отступавшимъ повстанцамъ.

---

[1]) 22 версты отъ Малогоща.

[2]) Трудно объяснить подобныя дѣйствія австрійцевъ при полнѣйшей толеранціи возстанія, позволеніи повстанцамъ формировать во всей Галиціи банды, переходить границу гдѣ и когда угодно, и даже, какъ было упомянуто выше, готовности снабдить возстаніе артиллеріей. Кажется, кое-какія строгости были предпринимаемы время отъ времени австрійцами, просто, для большей «естественности».

[3]) Назначенъ въ это время частнымъ военнымъ начальникомъ уѣздовъ Олькушскаго и Мѣховскаго.

[4]) Отъ Ченстохова на югъ около 35-ти верстъ, большею частію по желѣзной дорогѣ. Мышковъ 30 верстъ отъ Ченстохова.

Въ Жарновцѣ было получено извѣстіе, что какія-то банды, направляясь къ м. Скала, перешли черезъ дорогу, ведущую изъ Жарновца въ Водзиславъ, и расположились бивуакомъ около селенія Тарнова [1]).

Князь Шаховской рѣшился атаковать эти банды немедля съ фронта и пошелъ въ ту сторону черезъ Вольборжъ, давши знать въ Олькушъ маіору Медему и въ Мѣховъ маіору Штольценвальду, дабы они одновременно обхватили правый и лѣвый фланги повстанской позиціи.

Маіоръ Медемъ выступилъ изъ Олькуша 20-го февраля стар. ст., съ двумя ротами 7-го стрѣлковаго баталіона, тремя ротами Витебскаго полка, сотней казаковъ и 50 человѣками пограничной стражи—и первый открылъ повстанцевъ у селенія Сулешова и гналъ ихъ вплоть до Пясковой-Скалы, гдѣ они засѣли въ замкѣ графа Мѣрошовскаго. Это была банда Езеранскаго [2]).

Услышавъ перестрѣлку, колонна Шаховскаго поворотила на дер. Вельможа [3]), дабы взять во флангъ непріятельской позиціи, имѣя стрѣлковыя роты въ первой линіи, а линейную въ резервѣ.

Въ лѣсу, который пришлось проходить Шаховскому, стрѣлки его были встрѣчены слабымъ огнемъ повстанской цѣпи, а потомъ наткнулись на большую толпу косинеровъ, расположенныхъ на полянѣ; прогнавъ тѣхъ и другихъ мѣткими выстрѣлами, колонна князя Шаховскаго двинулась впередъ [4]).

Тѣмъ временемъ, головныя колонны маіора Медема, высадивъ прикладами ворота замка, ворвались въ него и перекололи всѣхъ находившихся тамъ повстанцевъ, а замокъ зажгли, причемъ сгорѣли значительные запасы косъ и разнаго обмундированія.

---

[1]) Кромоловъ верстъ 18 отъ Мышкова, на ю.-в. Пилица 17 верстъ отъ Кромолова. Скала на югъ отъ Пилицы верстъ 30, отъ границы верстъ 25. Водзиславъ — на большой дорогѣ изъ Радома въ Мѣховъ, отъ послѣдняго 24 версты.

[2]) Гиллеръ разсказываетъ, что «Езеранскій, послѣ битвы подъ Малогощемъ, говорилъ, что «если-бъ ему было ввѣрено главное начальство, то онъ не принялъ-бы боя; а если-бъ принялъ, то распорядился бы такъ, что потери было бы гораздо меньше»... Неудовольствіе противъ Лангевича въ бандѣ Езеранскаго росло съ каждымъ часомъ больше и больше. Въ Пясковой-Скалѣ офицеры объявили, что подадутъ въ отставку, если ихъ генералъ не будетъ сдѣланъ главнымъ вождемъ. Езеранскій съ трудомъ ихъ успокоилъ (I, 295).

[3]) 4 версты отъ м. Скала.

[4]) Тутъ палъ, пробитый пулей, извѣстный дезертиръ нашихъ войскъ, Потебня, идя съ косинерами въ атаку. Н. Б.

Нѣкоторая часть банды, съ предводителемъ, успѣла однако благополучно отступить и скрыться въ лѣсу.

Повстанцы потеряли въ этомъ дѣлѣ до 250 человѣкъ въ замкѣ и около 150 въ лѣсу.

Наши потери весьма незначительны, именно: въ отрядѣ Медема: 1 рядовой убитъ и 1 раненъ.

Въ отрядѣ Шаховскаго—2 убито, 7 ранено [1]).

Послѣ этого, отряды Шаховскаго и Медема, не имѣя сухарнаго провіанта, возвратились на постоянныя свои квартиры.

Третій отрядъ, маіора Штольценвальда (изъ одной роты 7-го стрѣлковаго баталіона Смоленскаго пѣх. полка, 50 казаковъ и 40 объѣздчиковъ) прибылъ къ м. Скала, нѣсколькими часами позже двухъ первыхъ отрядовъ, когда дѣло подъ Пясковою-Скалою уже окончилось, и расположилъ свой отрядъ бивакомъ, въ полуверстѣ отъ сказаннаго мѣстечка, на кладбищѣ, за каменною оградой.

Въ первомъ часу ночи, при блескѣ мѣсяца (съ 20-го на 21-е февраля стар. ст.), Штольценвальдъ вышелъ изъ-за ограды для слѣдованія на соединеніе съ Шаховскимъ, котораго предполагалъ у Пясковой-Скалы—какъ вдругъ былъ окруженъ большою бандой и снова отступилъ къ кладбищу.

Повстанцы (числомъ около 2,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Лангевича) нѣсколько разъ ходили противъ нашихъ въ атаку, но ничего не могли сдѣлать, встрѣчаемые постоянно мѣткимъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ—и наконецъ скрылись въ лѣсу [2]).

Утромъ, въ 8 часовъ, 21-го февраля стар. ст., Штольценвальдъ вышелъ изъ-за ограды и направился къ Мѣхову, такъ какъ не имѣлъ при себѣ ни обоза, ни даже котловъ для варки пищи. Къ тому-же

---

[1]) Часто бывало, что надъ показаніемъ подобной потери въ нашихъ отрядахъ смѣялись и мы, и повстанцы; между тѣмъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго. Во первыхъ, бой рѣшало въ большинствѣ случаевъ лучшее, дальнобитное оружіе; во вторыхъ, повстанцы не умѣли владѣть какъ слѣдуетъ штуцерами: всѣ почти выстрѣлы несло у нихъ вверхъ. Бывали сраженія, гдѣ убитымъ оказывался какой-нибудь отсталый, или черезчуръ увлекшійся, заскакавшій въ сторону казакъ. Такъ и показывали въ реляціи одного убитаго казака. И натрунились же повстанцы надъ этимъ однимъ убитымъ казакомъ! Въ Иллюстраціи Postęp 1863 г. явился портретъ этого казака! (стр. 74). Когда поляки и польки играли въ домино и нужно было поставить «одинъ», говорили: казакъ. Это сохранилось и до нашихъ дней.

[2]) Наши офиціальныя извѣстія. Повстанскіе источники утверждаютъ, что мы были вытѣснены изъ кладбища и какой-то офицеръ при этомъ взятъ въ плѣнъ.

Н. Б.

боялся быть атакованнымъ снова еще бо́льшими массами повстанцевъ. На помощь Шаховскаго онъ перестал расчитывать, не зная въ точности, гдѣ онъ находится.

Но банды Лангевича и Езеранскаго (Куровскій отъ нихъ отдѣлился) нисколько не думали о новыхъ атакахъ: онѣ двигались черезъ Ойцовъ и Смаржовице (гдѣ нашли нерасположенное къ нимъ населеніе и прибѣгли къ экзекуціямъ: одинъ крестьянинъ былъ повѣшенъ и нѣсколько наказаны жестоко палками)—къ дер. Гощѣ, лежащей въ гористой мѣстности, недалеко отъ Михаловицкой таможни, всего въ 12-ти часахъ отъ Кракова. Имъ нужно было отдохнуть и сообразить, «что̀ дѣлать дальше».

Между тѣмъ, были пущены искусно фальшивые слухи о мѣстопребываніи воеводы: на цѣломъ югѣ Радомской губерніи говорили, что онъ раненъ и лечится въ Менчицѣ... не то — въ Ржендовицѣ... не то—въ Гебалтовѣ... а иные утверждали, что Лангевичъ и всѣ высшіе чины его отряда перебрались за границу, и о чемъ-то совѣщаются въ Краковѣ.....

Н. В. Бергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

1762—1796 гг.

V [1]).

Государственные черносошные крестьяне.

Подати и повинности.—Раскладка податей.—Недоимки.—Десятинная пашня и оброчный провіантъ. — Рекрутчина. — Выписные казаки. — Дорожная повинность, выборъ въ цѣловальники и въ другія должности, подводная повинность, взводъ дощаниковъ и т. п.—Злоупотребленія властей.—Міроѣды.

Въ поземельныхъ отношеніяхъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ мы встрѣтили не мало оригинальнаго, отличнаго отъ порядковъ, господствовавшихъ въ центральной Россіи. Что касается податей и повинностей, то и на эту часть сельскаго населенія распространялась система, существовавшая повсемѣстно въ Великороссіи, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь особенно тяжело ложились на крестьянъ натуральныя повинности (дорожная, подводная и проч.), а въ Сибири даже часть денежнаго оброка вносилась хлѣбомъ или отработывалась десятинною пашнею. Подушная подать, какъ и со многихъ другихъ казенныхъ крестьянъ, взималась въ размѣрѣ 70 коп. съ души, оброчный сборъ съ 1760 г. равнялся 1 руб., съ 1768 г.—2 руб., а въ 1783 г. былъ повышенъ до 3 руб.; но въ раскладкѣ денежныхъ сборовъ были свои особенности. Въ центральной Россіи распредѣленіе повинностей было тѣсно связано съ передѣлами земли, подати раскладывались по тягламъ; на сѣверѣ-же Россіи и въ Сибири, гдѣ передѣловъ не было, подати распредѣлялись или по количеству земли, находившейся во владѣніи того или другаго крестьянина, или по числу душъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40.

Въ Архангельской губерніи и въ настоящемъ столѣтіи, уже послѣ того, какъ тамъ было введено общинное землевладѣніе, существовалъ двоякій способъ раскладки податей. «Послѣ уравнительнаго раздѣла земель между крестьянами въ 1830 г. и до настоящаго времени,—говоритъ одинъ мѣстный изслѣдователь, —раскладка податей и повинностей крестьянскими общинами производится не одинаково: въ однѣхъ волостяхъ съ ревизскихъ душъ, въ другихъ съ земли. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, какъ мы слышали, почти въ половинѣ волостей сборы раскладываются по землѣ; то же и въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ городу волостяхъ, подати и повинности раскладываются по душамъ. Впрочемъ, въ Кушевской волости, къ которой принадлежитъ и Матигорское общество, недавно крестьяне исходатайствовали себѣ позволеніе дѣлать раскладку по землѣ, по той причинѣ, что одни общества владѣютъ въ значительномъ количествѣ землей и хорошаго качества, въ другой—скуднымъ надѣломъ и плохаго качества. Все-таки въ убѣжденіи нашихъ крестьянъ до сихъ поръ лежитъ мысль, что сборъ податей и повинностей падаетъ на землю, которою они пользуются, а не на лица; оттого они и нынѣ землю называютъ тягломъ, душою или податною душою. Вообще крестьяне считаютъ сборъ поземельный болѣе справедливымъ, нежели съ ревизскихъ душъ».

Та же двойственность въ раскладкѣ податей существовала въ Архангельской губерніи и въ прошломъ столѣтіи. Мѣстный изслѣдователь, слова котораго мы только что привели, напечаталъ нѣсколько интересныхъ документовъ, рисующихъ намъ распредѣленіе денежныхъ повинностей. Сравнивъ учетные свитки мірскихъ земскихъ избъ до введенія подушной подати со счетными росписями спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, мы не видимъ еще измѣненія въ системѣ раскладки. Такъ, напримѣръ, изъ документовъ селенія Николаевскихъ Матигоръ 1712 и 1727 гг. мы видимъ, что въ обоихъ случаяхъ подати раскладываются по вервямъ (поземельная мѣра) [1]. Не слѣдуетъ однако для прошлаго столѣтія обобщать эту систему; Матигорская волость по мѣстнымъ условіямъ и въ настоящее время отъ раскладки податей по душамъ возвратилась къ поземельному ихъ распредѣленію. Что подушная раскладка существовала въ прошломъ столѣтіи въ Архангельской губерніи, видно изъ слѣдующаго пред-

---

[1] Для записки податей и всякихъ вообще сборовъ у архангельскихъ крестьянъ велись такъ называемыя борчія книги. Въ нихъ показывалось, сколько у каждаго хозяина было тяглой земли, сколько денегъ каждый долженъ былъ внести по раскладкѣ и когда онъ уплатилъ ихъ. В. С.

писанія, даннаго въ 1786 г. старостамъ и всѣмъ крестьянамъ директоромъ экономіи Архангельскаго намѣстничества: «Поелику нужно, чтобы при раскладкѣ податей сохранена была безпристрастная справедливость съ удаленіемъ отягощенія тѣхъ, кои не имѣли (не имѣя?) тяглой земли, принуждены нынѣ платить равную по числу душъ подать съ тѣми, которые подъ разными предлогами присвоили себѣ общественныя волостныя угодья и чрезъ то сдѣлать исправнѣйшими людьми,—о семъ тебѣ, старостѣ, съ раскладчиками подтверждаю накрѣпко, чтобы подать (была) располагаема не по числу въ семействѣ состоящихъ душъ, а соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ». Точно также раскладка податей по душамъ существовала и въ нынѣшней Вологодской губерніи. Въ наказѣ одной изъ волостей Тотемскаго уѣзда, мы читаемъ: «платежъ подушныхъ денегъ воспослѣдуетъ въ силу состоявшагося прошлаго 761 года о ревизіи указу, по окладу съ душъ и въ угодность многоземельнымъ крестьянамъ». Такъ было и въ другой волости того-же уѣзда, гдѣ, впрочемъ, многоземельные оказывали нѣкоторую помощь бѣднымъ. «Хотя тотемская канцелярія,—писали крестьяне,—о сборѣ подушныхъ денегъ и о поверсткѣ указами и не оставляетъ, потомъже и выборные, точію тѣ большетяглые крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ и числятъ за родовыя свои вотчины, а платежъ подушныхъ денегъ производятъ съ написанныхъ душъ по окладу, а не со владѣнія земли.... а хотя-жъ по усмотрѣнію сотскаго и выборнаго подъ неимущія души вспоможеніе и чинятъ, то небольшое».

Такъ какъ подати собирались, какъ и въ настоящее время, по числу ревизскихъ душъ, то приходилось платить и за умершихъ; кромѣ того, при повсемѣстномъ существованіи круговой поруки, платили и за неимущихъ; такъ, напримѣръ, въ сѣверной Россіи общество вносило подати если не за всѣхъ, то за многихъ изъ живущихъ въ немъ безземельныхъ бобылей. Въ тѣхъ волостяхъ Велико-Устюжскаго, Усольскаго и Яренскаго уѣздовъ, относительно которыхъ мы имѣемъ точныя числовыя данныя, умершіе, неимущіе и бобыли составляли во время отправленія наказовъ въ коммисію уложенія болѣе 10%, а это было очень скоро послѣ ревизіи; иногда-же одни неимущіе составляли болѣе 20%; такъ, напримѣръ, въ Цылибской волости Яренскаго уѣзда изъ 208 душъ было 45 неимущихъ. Приходилось платить также за взятыхъ въ солдаты и сосланныхъ.

Въ сибирскихъ наказахъ крестьяне почти постоянно указываютъ, сколько изъ всего числа ревизскихъ душъ не участвовало въ несеніи общественныхъ тягостей—по малолѣтству, старости и другимъ при-

чинамъ. Тамъ количество тяглыхъ крестьянъ уменьшалось еще тѣмъ, что часть ихъ была записана въ такъ называемые «выписные казаки», которые хотя и платили подати, но не участвовали въ исполненіи подводной, дорожной и другихъ натуральныхъ повинностей, а онѣ-то въ Сибири были особенно обременительны. Въ городѣ Тарѣ изъ 1,223 ревизскихъ душъ, за исключеніемъ 104 выписныхъ казаковъ, а также умершихъ, стариковъ и малолѣтнихъ, оставалось работниковъ, несшихъ всѣ общественныя повинности, только 740 человѣкъ; въ одной слободѣ тарскаго вѣдомства изъ 1,275 ревизскихъ душъ было 444 умершихъ и малолѣтнихъ. Крестьяне Ишимскаго уѣзда Тобольской провинціи жаловались на то, что они платили подати не только за стариковъ и дѣтей, но и за написанныхъ въ подушный окладъ «присланныхъ за разныя вины на поселеніе крестьянъ, кои за негодностью, старостью и дряхлостью своею и увѣчьями» работать не способны, такъ что имъ во всѣхъ пяти слободахъ приходилось платить за 700—1,000 человѣкъ неспособныхъ къ работѣ.

Кромѣ круговой поруки всей волости за своихъ отдѣльныхъ членовъ, крестьяне на сѣверѣ Россіи установили еще частное поручительство для людей, отправлявшихся въ отхожіе промыслы. Такъ какъ многіе изъ нихъ надолго оставались вдали отъ родины, то волость отпускала на промыселъ лишь въ томъ случаѣ, если уходящій могъ представить за себя поручителя въ исправномъ отбываніи повинностей; понятно, что такимъ поручителямъ приходилось иногда платиться за ушедшихъ. Крестьяне жалуются въ наказахъ, что ихъ товарищи, отпущенные въ Сибирь и разные города Россіи на трехлѣтній срокъ, остаются тамъ иногда болѣе 20-ти лѣтъ, поэтому поручители, которымъ приходится платить за нихъ подати и разные сборы, совершенно раззоряются.

Мѣстами крестьяне ходатайствовали о сложеніи съ нихъ шестигривеннаго оброка, прибавленнаго въ 1760 году; но всѣ подобныя просьбы были оставлены безъ вниманія, и потому понятно, что тамъ, гдѣ при плохой землѣ бремя податей оказывалось непосильнымъ, накоплялись значительныя недоимки, которыя не могли быть покрыты и при самыхъ суровыхъ взысканіяхъ. Въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской провинціи съ 1744 по 1767 годъ накопилось на государственныхъ крестьянахъ около 19,000 руб. недоимки; для взысканія ея, по словамъ наказа этого уѣзда, слободская воеводская канцелярія посылала разныхъ офицеровъ и служилыхъ людей, которые, живя безвыѣздно въ волостяхъ, «взыскиваютъ показанную доимку съ крѣпкимъ неупустительнымъ принужденіемъ... и того уѣзда крестьяномъ привелось распродавывать свой весь имѣющійся экипажъ» и скотъ

«по малой цѣнѣ и за показанную доимку платить, но точію, хотя и весь распроданъ имѣетъ быть экипажъ, и на треть вышепоказаннаго числа доимки къ платежу не отыщется».

Переходя къ разсмотрѣнію натуральныхъ повинностей, мы встрѣчаемся прежде всего съ одною намъ уже извѣстною; мы познакомились съ постепеннымъ распространеніемъ десятинной пашни и разсмотрѣли правила, установленныя относительно ея, до тѣхъ поръ, когда она сдѣлалась равною для всѣхъ. Со введеніемъ четырехгривеннаго оброчнаго сбора, десятинная пашня не была уничтожена: въ 1726 г. было предписано, чтобы съ крестьянъ Сибирской губерніи, которые пашутъ ее и вносятъ оброчный и пятинный хлѣбъ, четырехгривенныхъ денегъ не взыскивать. Мы видѣли, что кн. Черкасскій въ 1724 г. велѣлъ обрабатывать по 3 дес., вѣроятно, съ каждаго дѣйствительнаго работника. По раскладкѣ въ 1727 г. крестьяне города Туринска обрабатывали по $427^1/_2$, а Благовѣщенской слободы по $111^1/_2$ десятинъ, итого 540 дес. въ каждомъ полѣ (при этой раскладкѣ у нихъ была отобрана въ «домѣръ» часть тѣхъ земель, которыя они пахали для себя). Затѣмъ, по просьбѣ крестьянъ въ 1746—1750 годахъ имъ было сбавлено $^2/_3$ прежняго количества съ замѣною оброчнымъ провіантомъ (земли, оставшіяся такимъ образомъ свободными, были при Чичеринѣ розданы крестьянамъ). Такимъ образомъ, если прежде эти крестьяне пахали по 3 дес., то теперь они должны были пахать по десятинѣ. Десятинныя пашни по Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линіямъ велѣно было въ 1756 г. не уничтожать, а обработывать въ размѣрѣ отъ одной до $1^1/_2$ десятины въ полѣ на каждаго человѣка (вѣроятно, взрослаго работника).

Вообще въ Сибири въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка крестьяне или пахали десятинную пашню, или ставили извѣстное количество провіанта, а иногда, какъ, напримѣръ, въ г. Туринскѣ, несли одновременно и ту, и другую повинность. Сибирскій губернаторъ Соймоновъ особенно много заботился о развитіи хлѣбопашества въ Сибири и содѣйствовалъ увеличенію размѣровъ десятинной пашни. Правда, были случаи, что онъ замѣнялъ пашню оброчнымъ провіантомъ; такъ, напримѣръ, омскіе крестьяне и разночинцы, изъ которыхъ каждый работникъ отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ долженъ былъ вспахать и убрать съ поля по десятинѣ ржи и по стольку же овса, были, вмѣсто того, въ 1761—1762 гг., по примѣру Исетской провинціи, обложены оброчнымъ провіантомъ, который и собирался съ каждой души по 6-ти четвериковъ ржи, по стольку же овса и по 2 фунта пеньки. Но въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, Соймоновъ находилъ

необходимымъ расширеніе десятинной пашни. Такъ, напримѣръ, онъ обратилъ вниманіе на необходимость обезпечить продовольствіе Нерчинскаго края и представилъ по этому поводу докладъ сенату. Въ Нерчинскомъ уѣздѣ по росписанію 1728 г. было положено десятинной пашни во всѣхъ слободахъ и острогахъ 395 десятинъ, которую обрабатывали 510 дѣйствительныхъ работниковъ. Какъ съ этой пашни, такъ и оброчнаго хлѣба съ земель, находившихся въ пользованіи разныхъ людей, собиралось въ годъ около 15,000 пудовъ хлѣба, котораго было совершенно недостаточно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Поэтому Соймоновъ предложилъ: 1) пашенныхъ крестьянъ поверстать на десятинную пашню; 2) оброчныхъ крестьянъ, которые вносятъ съ 15 десятинъ по 45 пудовъ оброчнаго хлѣба, также опредѣлить вмѣсто того на казенную пашню; 3) разобрать разночинцевъ, и годныхъ къ хлѣбопашеству опредѣлить на пашню, уволивъ отъ внесенія оброчнаго провіанта и пятиннаго хлѣба [1]); 4) въ Нерчинскомъ посадѣ числились крестьяне и бобыли, пришедшіе изъ русскихъ городовъ, которые торговлей не занимались, а жили въ деревняхъ и пахали землю, внося одни, наравнѣ съ крестьянами, оброчный провіантъ, а другіе—пятинный хлѣбъ; Соймоновъ находилъ нужнымъ опредѣлить на пашню всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые не объявятъ капитала. Точно также слѣдовало поступить и съ «монастырскими вкладчиками», т. е. записавшимися за монастырями пришлыми людьми и мѣстными крестьянами, казаками и инородцами. На каждаго изъ всѣхъ этихъ людей Соймоновъ предлагалъ положить по десятинѣ казенной пашни въ каждомъ полѣ, освободивъ за то отъ уплаты четырехгривеннаго оброка. Сенатъ согласился со всѣми предложеніями Соймонова, и тотъ опредѣлилъ на казенную пашню въ Енисейской и Иркутской провинціяхъ 3,400 душъ.

Въ 1760 г., по предложенію того же Соймонова, сенатъ разрѣшилъ разверстать и опредѣлить на казенную пашню пашенныхъ и оброчнымъ крестьянъ въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ, какъ это было сдѣлано уже въ вѣдомствахъ Тобольскомъ и Нерчинскомъ, такъ, чтобы каждый дѣйствительный работникъ пахалъ по одной десятинѣ ржи и столько же яроваго, а оброчный провіантъ съ нихъ снять; при этомъ тѣхъ, которые живутъ отдѣльными дворами («однодворками»), переселить, предварительно приготовивъ землю, на свободныя мѣста по рѣкѣ Хилкѣ, по которой должно происходить водяное сообщеніе между Селенгинскомъ и Нерчинскомъ, а также опредѣлить

---

[1]) Пятиннымъ хлѣбомъ назывался, по видимому, оброкъ за землю, вносимый въ размѣрѣ одной пятой доли урожая. В. С.

на десятинную пашню и тѣхъ изъ считающихся посадскими и цеховыми, которые, не занимаясь торговлею и мастерствами, живутъ по деревнямъ и владѣютъ землями, не платя за нихъ оброка.

Въ Восточной Сибири еще долго существовала десятинная пашня, но въ Западной мѣры Соймонова вызвали волненіе въ Ялуторовскомъ и Ишимскомъ дистриктахъ. Крестьяне нѣсколькихъ слободъ Ялуторовскаго дистрикта заявили въ 1760 г., что они отказываются отъ казенной пашни и не хотятъ снять хлѣба съ полей; они не согласились пахать и убрать хлѣбъ даже и за плакатную плату. Когда подавшихъ это заявленіе хотѣли арестовать, то остальные, собравшись большою толпою и вооруженные дубьемъ, освободили товарищей, разбили посланную противъ нихъ военную команду и ранили нѣсколько человѣкъ. Тогда мѣстныя власти рѣшили собирать съ нихъ оброчный провіантъ и кромѣ того по 2 фунта пеньки съ каждой души; но крестьяне отказывались вносить провіантъ и желали лучше платить рублевый оброкъ. Сенатъ нашелъ, что поставка провіанта будетъ обременительна для крестьянъ и вызоветъ злоупотребленіе пріемщиковъ и потому приказалъ собирать рублевый оброкъ деньгами. Такъ какъ четверть ржи стоила въ Тобольскѣ въ 1759 г. около 35 коп., а овса около 30 коп., то вмѣсто взноса оброчнаго провіанта (по шести четвериковъ ржи, столько же овса и 2 фунта пеньки), за который зачиталось только 40 коп., крестьянамъ было удобнѣе платить деньгами, такъ какъ такимъ образомъ они избавлялись отъ лишнихъ прижимокъ со стороны начальства. Енисейскіе крестьяне, вносившіе до начала 1760-хъ годовъ по 9½—10 четвериковъ провіанта съ каждой души, взамѣнъ четырехгривеннаго оброка, въ 1767 г. также платили подати въ обычномъ размѣрѣ (1 р. 70 коп.) и провіанта не ставили.

Однако, эта замѣна оброчнаго провіанта денежнымъ сборомъ не сразу распространилась на Восточную Сибирь; мы сейчасъ увидимъ, что тамъ существовала и десятинная пашня, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Въ Иркутской губерніи въ это время вмѣсто четырехгривеннаго оброка собиралась еще мука и крупа по 2 пуда съ каждой десятины пашни и покосовъ, а отчасти и пенька, считая 10 фунтовъ ея за одинъ пудъ муки. Но такой порядокъ былъ тамъ не вездѣ; мѣстами крестьяне ставили извѣстное количество провіанта соотвѣтственно тому, сколько могло уродиться съ опредѣленной имъ десятинной пашни; это была, слѣдовательно, та же казенная пашня, съ тѣмъ только различіемъ, что при опредѣленномъ количествѣ хлѣба, которое съ нея должны были представить крестьяне, надзоръ администраціи при ея обработкѣ дѣлался ненужнымъ. Такъ, крестья-

не Илимскаго вѣдомства Орленской слободы платили податей по 1 р. 30 коп. да кромѣ того съ 18-ти десятинъ пашни давали ежегодно 1,850 пуд., т. е. по 103 пуда или, считая въ четверти по 8 пуд., по 13 четвертей съ десятины. Крестьяне другой слободы того же вѣдомства съ 13½ десятинъ пашни давали 1,540 пуд. или по 14-ти четвертей съ десятины. Крестьяне Нижнеилимской слободы съ 1700 по 1728 г. съ тяглой десятины давали по 7-ми четвертей ржи, а затѣмъ съ нихъ собиралось болѣе, но такъ, что на каждую крестьянскую душу въ 1767 г. приходилось по пяти съ небольшимъ пудовъ. Въ Иркутской губерніи еще въ 1774 г. съ нѣкоторыхъ крестьянъ вмѣсто четырехгривенныхъ денегъ собирали хлѣбъ.

Мы уже указывали на то, что крестьяне мѣстами прямо заявляли желаніе замѣнить хлѣбный сборъ денежнымъ оброкомъ; это объясняется злоупотребленіями при сборѣ натурою, одинъ изъ примѣровъ которыхъ мы находимъ въ наказѣ крестьянъ Маковскаго острога Енисейскаго уѣзда. Они заявили, что «въ прошлыхъ годахъ» енисейскій воевода наложилъ на нихъ немалый хлѣбный сборъ для пополненія утраченнаго казеннаго провіанта, такъ что съ нихъ взыскивалось лишнихъ по 170—180 четвертей въ годъ, для взноса которыхъ нѣкоторымъ приходилось даже отдавать своихъ дѣтей въ кабалу [1]).

Рекрутскую повинность государственные черносошные крестьяне несли наравнѣ со всѣми другими сельскими обывателями. Въ нѣкоторыхъ наказахъ (Орловскаго уѣзда Вятской провинціи и города Саратова) крестьяне жаловались, что во время рекрутскихъ наборовъ нерадивые къ земледѣлію и несостоятельные въ платежѣ повинностей скрываются по лѣсамъ и вслѣдствіе этого приходится отдавать въ рекруты исправно несущихъ свое тягло. Поэтому они просили дозволенія покупать рекрутъ у помѣщиковъ или вносить за себя по 120 руб.; орловскіе крестьяне просили разрѣшить покупать такихъ замѣстителей даже и тѣмъ, которые уже поступили на службу, но однако съ условіемъ, чтобы возвращать обратно только прослужившихъ не болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ послѣ того они уже слишкомъ отвыкнутъ отъ земледѣлія, къ тому же и земля такого крестьянина, чтобы не запустѣла въ теченіи долгаго времени, будетъ отдана другому, который можетъ выстроить на ней и жилище, такъ что, въ случаѣ возвращенія прежняго владѣльца, могли бы произойти великія ссоры о земляхъ.

[1]) Безъ сомнѣнія, тою же причиною объясняется сборъ сверхъ обычнаго провіанта съ крестьянъ Казаченскаго присуда Енисейской пров. въ 1751 г.— 800 и въ слѣдующемъ году 300 четвертей. **В. С.**

Съ сибирскихъ крестьянъ, сверхъ рекрутъ, набирались еще такъ называемые выписные казаки, учрежденіе которыхъ, вызванно недостаткомъ въ этой мѣстности регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, относится къ началу 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Крестьяне эти набирались въ разномъ количествѣ (въ одномъ указѣ сказано, что ихъ первоначально было взято по 10 человѣкъ со 100 душъ). Въ началѣ 50-хъ годовъ XVIII вѣка всего въ Сибири было болѣе 9,000 такихъ казаковъ.

Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о выписныхъ казакахъ Ялуторовскаго и Ишимскаго дистриктовъ. Они служили съ 1732 года, и за то не только не получали никакого денежнаго жалованья, но даже содержали себя во время службы на форпостахъ на свой счетъ, имѣли свое платье, ружье и боевые припасы; кромѣ того, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, ихъ посылали съ военными командами: они содержали караулы, бывали въ разъѣздахъ на своихъ коняхъ; лѣтомъ косили сѣно вмѣстѣ съ драгунами для ихъ лошадей. Не разъ выписные казаки бывали въ сраженіи съ киргизами, особенно во время башкирскаго бунта, и наряду съ регулярными войсками ревностно исполняли свои служебныя обязанности. Не смотря на всю эту службу, они платили подушныя какъ за наличныя души, такъ и за умершихъ и за взятыхъ въ рекруты или въ плѣнъ киргизами и башкирами, а также вносили и оброчный сборъ деньгами, провіантомъ, или пахали десятинную пашню; кромѣ того, они возили, не получая прогоновъ, разныя письменныя дѣла, курьеровъ и военныхъ; наконецъ, на ряду съ другими крестьянами они давали рекрутъ и несли конскую повинность. Выписные казаки брались изъ семейныхъ людей; всего въ Ялуторовскомъ уѣздѣ изъ 14,690 душъ было 800 человѣкъ выписныхъ казаковъ, т. е. $5^1/_2$ $^0/_0$, а въ Ишимскомъ изъ 8,814 д.—600 человѣкъ, т. е. $7^0/_0$; изъ нихъ $^1/_3$ находилась по форпостамъ, а остальные дома, смѣняясь помѣсячно.

Въ 1747 г. крестьяне Ялуторовскаго и Ишимскаго дистриктовъ послали въ Петербургъ челобитчиковъ, прося отмѣнить назначеніе ихъ въ выписные казаки; когда-же сибирская губернская канцелярія высказалась противъ этого, находя выписныхъ казаковъ необходимыми въ виду недостатка войскъ, то они просили, по крайней мѣрѣ, чтобы имъ давали жалованье и все, что нужно для службы, а также выключали бы ихъ изъ подушнаго оклада и облегчили подводную гоньбу. Сенатъ приказалъ въ 1751 г. казакамъ по прежнему нести службу, но за то велѣлъ ихъ освободить отъ десятинной пашни и поставки провіанта, оставивъ на нихъ уплату однѣхъ подушныхъ денегъ; кромѣ того, приказалъ имъ давать казенный порохъ

и свинецъ, а также, когда они будутъ находиться далеко отъ дому, провіантъ; зимою на форпостахъ давать лошадямъ фуражъ и за отвозъ курьеровъ и военныхъ платить имъ прогонныя деньги.

Въ 1753 и 1754 гг. новыми указами сената велѣно было выписныхъ казаковъ, кромѣ крайне необходимыхъ случаевъ, никуда отъ домовъ не отлучать, а если понадобится ихъ содѣйствіе, въ такомъ случаѣ посылать ихъ, пока собраны будутъ войска, по опредѣленіямъ сибирскаго губернатора, причемъ давать имъ старыя ружья; а которые изъ нихъ будутъ находиться на новой линіи при строеніи крѣпостей и редутовъ и для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, тѣмъ во все время ихъ отлучки изъ дому выдавать жалованье и провіантъ наравнѣ съ сибирскими казаками.

Выписные казаки въ значительномъ количествѣ бѣжали отъ ненавистной имъ службы; такъ, въ теченіе одного іюня мѣсяца 1750 г. изъ крѣпостей Ишимской линіи бѣжало 44 выписныхъ казака. Новыя правила, установленныя сенатомъ, съ которыми мы только что познакомились, также не удовлетворяли крестьянъ, тѣмъ болѣе, что они не всегда исполнялись [1]). Въ 1757 г. выписные казаки слободы Орлово Городище отказались идти на службу на новую линію; тогда противъ нихъ послали военную команду съ приказаніемъ выслать въ сибирскую губернскую канцелярію казачьихъ старшинъ закованныхъ въ кандалы. Выбраны были новые десятники, пятидесятники и старшины. Послѣдній повелъ 149 казаковъ, но по дорогѣ третья часть ихъ бѣжала; тогда велѣно было вновь назначить 184 человѣка и выслать ихъ черезъ 24 часа, безъ всякихъ отговорокъ. Ялуторовскіе и ишимскіе крестьяне указомъ 1751 г. были избавлены отъ десятинной пашни; а между тѣмъ выписные казаки Тарскаго уѣзда на ряду съ крестьянами и разночинцами были опредѣлены въ 1759 г. на казенную пашню и велѣно было каждому дѣйствительному работнику пахать по десятинѣ въ каждомъ полѣ. Казаки просили освободить ихъ отъ этой повинности.

Въ 1760-хъ годахъ казаки не несли подводной гоньбы и другихъ повинностей, кромѣ конвоированія денежной казны и колодниковъ, а подати платили наравнѣ съ другими государственными крестьянами. Отъ времени до времени ихъ требовали на службу. Когда, въ 1770 году, 200 человѣкъ изъ нихъ было выслано на линію противъ киргизовъ, губернаторъ Чичеринъ представилъ сенату, что если выписные казаки будутъ платить подати и въ то же время для службы

---

[1]) На работѣ при постройкѣ Ишимской линіи выписные казаки получали солдатскій провіантъ, но боевые припасы у нихъ были свои. В. С.

отлучаться изъ своихъ домовъ, то могутъ совершенно раззориться, и предлагалъ уничтожить выписныхъ казаковъ, такъ какъ въ Сибири производятся рекрутскіе наборы. Сенатъ приказалъ отпустить по домамъ высланныхъ въ этотъ разъ на линію, такъ какъ киргизы откочевали изъ тѣхъ мѣстъ, но на уничтоженіе службы крестьянъ въ выписныхъ казакахъ не согласился, найдя совершенно достаточными правила 1753—1754 годовъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію другихъ натуральныхъ повинностей сѣверной Россіи и Сибири.

Дорожная повинность, т. е. починка дорогъ и мостовъ, при небольшомъ количествѣ населенія и обиліи болотъ, стоила крестьянамъ немало денегъ и труда. Крестьяне Матигорской волости Холмогорскаго уѣзда тратили ежегодно болѣе ста руб. на постройку новыхъ мостовъ и починку старыхъ и высылали на большую дорогу по 300 человѣкъ изъ жившихъ вблизи ея, которые за то получали вознагражденіе отъ остальныхъ крестьянъ. Работы было не мало: крестьяне копали канавы, ставили верстовые столбы, дѣлали просѣки по 15-ти саж. ширины и т. п. Жителямъ одной волости Устюжскаго уѣзда приходилось для починки дорогъ и мостовъ высылать ежегодно около ста человѣкъ дней на десять. Крестьяне Каргопольскаго уѣзда заявляли, что дорога, проходящая по ихъ уѣзду изъ Петербурга въ Архангельскъ на протяженіи 350 верстъ, идетъ по мокрымъ и болотистымъ мѣстамъ и пересѣкаетъ множество рѣкъ; они просили или освободить ихъ отъ дорожной повинности, или назначить за нее вознагражденіе. По этому случаю судиславскій депутатъ предложилъ въ коммисію уложенія, чтобы исправленіе дорогъ возложено было на всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія сословій. Жалобы на тягость дорожной повинности мы находимъ и во многихъ другихъ крестьянскихъ наказахъ.

Очень дорого обходилось также крестьянамъ сѣверной России содержаніе перевозовъ. Послѣ уничтоженія въ 1753 г. сбора съ мостовъ и перевозовъ сенатъ приказалъ отдать перевозы въ содержаніе магистратовъ и ратушъ и тѣхъ, въ чьихъ дачахъ они состоятъ; если же они не пожелаютъ—то обывателямъ, живущимъ по близости, съ такою платою изъ казны, въ какомъ оброкѣ они числятся, а если и тѣ не согласятся, то содержать ихъ отъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій; но на дѣлѣ обыкновенно перевозы приходилось содержать крестьянамъ. Какъ тяжела иногда была эта повинность, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ Нижнекойдокурской волости Двинскаго уѣзда было три перевоза (изъ нихъ одинъ

черезъ р. Двину), содержаніе которыхъ должно было обходиться ежегодно, по официальной оцѣнкѣ, въ 198 руб.; но такъ какъ перевозы эти числились только въ 8-ми рублевомъ оброкѣ, то взявшіе ихъ въ содержаніе могли получить отъ казны не болѣе этой суммы. Поэтому послѣ указа 1753 г. крестьяне заявили, что содержать эти перевозы за такую ничтожную плату они не желаютъ; губернская канцелярія вызывала желающихъ взять на себя ихъ содержаніе, но такихъ, разумѣется, не нашлось и они оставлены были на попеченіе крестьянъ. Правда, въ 1765 г. губернская канцелярія привлекла къ участію въ содержаніи ихъ 13 сосѣднихъ волостей, но за 11 предшествовавшихъ лѣтъ они получили не 2,187 руб., которые они должны были на нихъ истратить, а всего 88 руб.

Немало жаловались крестьяне также на то, что они должны были ежегодно выбирать изъ себя цѣловальниковъ къ продажѣ вина и соли. Иногда они перекладывали эту повинность на деньги. Жители одной волости Кольскаго уѣзда, принужденные, кромѣ цѣловальниковъ для продажи вина и соли у себя дома, выбирать счетчиковъ, ларечныхъ и винныхъ цѣловальниковъ въ кольскую воеводскую канцелярію, вслѣдствіе того, что среди нихъ не было грамотныхъ, нанимали счетчиковъ на четыре года и давали за это 80 руб.; ихъ ларечные были также вольнонаемные. Какъ много рабочихъ силъ отвлекалось исполненіемъ разныхъ выборныхъ должностей, видно изъ слѣдующаго перечня въ наказѣ крестьянъ Ишимскаго уѣзда. Кромѣ «мірскихъ разныхъ служеніевъ», т. е. лицъ, выбранныхъ для завѣдыванія мірскими дѣлами, въ пяти слободахъ этого уѣзда выбирали ежегодно: въ цѣловальники для пріема и продажи пороха 5 человѣкъ, въ цѣловальники для продажи гербовой бумаги 4, въ сторожа 6, въ караулъ къ провіантскимъ и солянымъ магазинамъ, къ подваламъ съ порохомъ и денежною казной и къ тюрьмѣ—96, въ счетчики при покупкѣ въ казну провіанта и овса и раздачѣ прогоновъ за отвозъ въ крѣпости—7, въ цѣловальники для пріема купленнаго провіанта: муки, ржи, крупы и овса—25, въ разсыльщики по провіантскимъ дѣламъ—6, въ разсыльщики по полицейскимъ дѣламъ—6, въ караульные при казенныхъ домахъ, гдѣ живутъ управители и коммисары — 12, итого 167. Всѣ эти выборные служили полгода, и затѣмъ на смѣну имъ выбирали другихъ. Кромѣ того, на годъ выбирали для сбора денегъ за разныя оброчныя статьи 5 человѣкъ и для сбора штрафа съ небывшихъ у исповѣди и причастія 5 человѣкъ; наконецъ, для отвоза въ Тобольскъ и другія мѣста разныхъ денежныхъ сборовъ крестьяне посылали счетчиками по одному и по

два человѣка. За всѣ эти службы выборные не получали, разумѣется, никакого вознагражденія [1]).

Отъ повинностей вовсе не оплачиваемыхъ, переходимъ къ тѣмъ, которыя вознаграждались, но обыкновенно недостаточно. Самою обычною изъ нихъ была подводная повинность; она была особенно обременительна въ малонаселенныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи и Сибири, т. е. именно тамъ, гдѣ жили черносошные крестьяне. Такъ, напримѣръ, жители Устьцылемской слободки Пустозерскаго уѣзда возили зимой въ одну сторону на разстояніе 233 верстъ, въ другую на 214, въ третью на 100 верстъ; дорога проходила по безлюднымъ мѣстамъ. Особенно была тяжела эта повинность лѣтомъ: тогда крестьяне эти возили до Пустозерска, до Ижемской слободки и до Лампоженской слободки Мезенскаго уѣзда, которая считалась въ разстояніи 500 верстъ. Кромѣ подводъ подъ проѣзжающихъ, они дважды отвозили деньги, вырученныя отъ продажи вина (это уже безплатно). Такъ какъ на пути находился какой-то трудный волокъ, то на одну подводу отправляли по двѣ лодки, да по шести человѣкъ работниковъ; лодки приходилось бросать, и потому, вмѣстѣ съ проѣздомъ рабочихъ, отвозъ денегъ, полученныхъ отъ продажи вина, дважды въ лѣто обходился имъ рублей по 40. Въ Сибири точно также крестьянамъ приходилось возить на весьма далекія разстоянія. Такъ, напримѣръ, крестьяне одной слободы Тарскаго уѣзда давали подводы въ одну сторону черезъ Барабинскую степь до Каинскаго форпоста на разстояніе 254 в., въ другую 37 в., въ третью 145 в.; при этомъ запрягали подъ одинъ возъ по пяти и по шести лошадей, а прогоны получали только за одну подводу, лѣтомъ по копѣйкѣ, а зимой по деньгѣ съ версты; въ четвертую сторону они поставляли казенный провіантъ въ крѣпости на новую линію на разстояніе 300 верстъ. Кромѣ того, они содержали 7 почтовыхъ станцій и 6 зимовій, на которыхъ находилось по шести лошадей для возки воинскихъ людей и казенныхъ пакетовъ; это называлось «междворныя подводы» и за нихъ прогоновъ крестьяне не получали. На этихъ станціяхъ, зимовьяхъ и при междворныхъ подводахъ находилось ежегодно изъ одной сло-

[1]) О постойной повинности вовсе не упоминается въ наказахъ государственныхъ крестьянъ сѣверной Россіи и Сибири; но крестьяне Зубцовскаго уѣзда сильно жалуются на обремененіе ею. Очевидно эта повинность давала себя чувствовать всего болѣе въ центральной Россіи, гдѣ расположены были войска; на сѣверѣ же ихъ почти совсѣмъ не было, а въ Сибири они стояли по крѣпостямъ и форпостамъ.

боды Тарскаго уѣзда, въ которой было 1,275 ревизскихъ душъ, — 109 человѣкъ.

Такъ какъ всего тяжелѣе подводная повинность должна была ложиться на тѣхъ, которые жили близь проѣзжихъ дорогъ, то крестьяне, селенія которыхъ лежали далѣе отъ нихъ, обыкновенно помогали первымъ деньгами. Одна волость Устюжскаго уѣзда платила такого сбора по $2^1/_4$ коп. съ души; нѣкоторыя волости Тотемскаго уѣзда по 7—10 коп.; въ Вятской провинціи отъ 7 до 20 коп. Бывало и такъ, что крестьяне просто нанимали подводы для почтовой гоньбы. Николаевская Матигорская волость должна была содержать почтовую станцію въ Холмогорахъ; такъ какъ, вслѣдствіе дальняго разстоянія, они не могли лично исполнять эту повинность, то нанимали для этого другихъ, что и обходилось имъ въ 1800 году по 2 руб. 20 коп. съ души. Мѣстами приходилось содержать лошадей на волокѣ: въ Яренскомъ уѣздѣ на Вымскомъ волокѣ было до 30-ти лошадей, стоимость содержанія которыхъ раскладывалась на нѣсколько волостей.

Тяжесть подводной повинности еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что проѣзжающіе причиняли крестьянамъ всевозможныя обиды: они побоями принуждали давать имъ лошадей болѣе того, сколько означено въ подорожныхъ, между тѣмъ, какъ прогоны платили только за показанное въ нихъ количество, а также брали пропитаніе себѣ и лошадямъ безплатно [1]).

Сибирскіе крестьяне, сверхъ обычной подводной повинности, были обязаны еще взводить по рѣкѣ дощаники съ казеннымъ провіантомъ за ничтожную поверстную плату. Крестьяне, жившіе въ городѣ Тарѣ, разсказываютъ въ своемъ наказѣ, что съ 1761 г. изъ нихъ ежегодно отправляются въ мартѣ мѣсяцѣ въ Омскую крѣпость человѣкъ сорокъ и болѣе для взвода по Иртышу въ верхъиртышскія крѣпости дощаниковъ съ казеннымъ провіантомъ; эти люди бываютъ въ отлучкѣ болѣе полугода, а нѣкоторые и весь годъ, такъ какъ вслѣдствіе весьма быстраго теченія рѣки Иртыша по порогамъ отъ Ямышевской и Семипалатной до Шульбинской крѣпостей, а также и частыхъ мелей, взвести одинъ дощаникъ на 4—5 верстъ они успѣваютъ только въ трое и болѣе сутокъ, а плату получаютъ по разстоянію сухимъ путемъ по одной копѣйкѣ на версту. Вслѣдствіе

---

[1]) Въ Сибири на станціяхъ и зимовьяхъ крестьяне должны были заготовлять для проѣзжающихъ сѣно, дрова, овесъ, печеный хлѣбъ и др. припасы.

долгой отлучки изъ дому, они запускаютъ свою пашню, впадаютъ въ нищету и дѣлаются несостоятельными къ уплатѣ податей, такъ что за нихъ приходится платить міру. Немало людей отправлялось также изъ нихъ каждое лѣто для проведенія до города Тобольска плывущихъ изъ верхъиртышскихъ крѣпостей порожнихъ дощаниковъ; они употребляли на это недѣль по пяти и болѣе, между тѣмъ какъ плату получали по разстоянію сухимъ путемъ отъ Тары до Тобольска (560 в.) только въ одну сторону по 1 коп. за 10 вер., т. е. по 56 коп. на человѣка, чего не хватало имъ и на пропитаніе, такъ что, идучи домой обратно изъ Тобольска, многіе принуждены были кормиться милостынею. Той-же повинности подлежали и другіе крестьяне Тарскаго уѣзда. Крестьянъ города Туринска назначали въ Ямышевскія крѣпости для взвода провіантскихъ дощаниковъ; зимою ихъ отправляли изъ дому пѣшкомъ болѣе чѣмъ за 1,000 верстъ до Омской крѣпости и далѣе; хотя за взводъ оттуда дощаниковъ они и получали плакатную плату, но она была такъ ничтожна, что каждый, кто имѣлъ возможность, нанималъ за себя другаго, платя отъ 16-ти до 20-ти руб., а отправлявшіеся сами едва черезъ годъ возвращались домой; нѣкоторые-же оставались въ крѣпостяхъ и на другой годъ, покинувъ свои дома и хлѣбопашество. Этихъ крестьянъ посылали также съ провіантомъ до Тобольска и въ верхъиртышскія крѣпости. Въ Ишимскомъ уѣздѣ для отвода дощаниковъ ежегодно отправлялось отъ 200 до 800 человѣкъ, такъ что каждому приходилось бывать въ этой работѣ черезъ 2 или 3 года; идущему для отвода дощаника остальные крестьяне давали въ подмогу отъ 8 до 12 р. и болѣе. Работники уходили изъ дома ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ, а возвращались въ ноябрѣ и въ декабрѣ, нѣкоторые-же «за всеконечною скудостію, болѣзнію и неимѣніемъ при себѣ никакой одежды остаются даже до тепла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стужей ихъ задержать можетъ».—Та же повинность существовала и въ Восточной Сибири. Крестьяне нѣкоторыхъ слободъ Иркутской губерніи Илимскаго вѣдомства сплавляли за плакатную плату казенный провіантъ внизъ по рѣкѣ Ленѣ до Якутска на разстояніи 200 вер.; прежде-же сплавляли еще далѣе, давая отправляющимся на работу по 30 р. подмоги, такъ какъ приходилось оставаться тамъ отъ двухъ до пяти лѣтъ.

Одновременно съ тѣмъ какъ крестьяне жаловались въ своихъ наказахъ на обремененіе этою повинностью, правительство само признало необходимымъ освободить ихъ отъ нея: сенатъ приказалъ сибирскому губернатору изыскать другія средства для отправленія про-

віанта, какъ, напримѣръ, доставка его по подряду, хотя-бы это и обошлось дороже, а пока сенатъ ограничился одною частною мѣрою: узнавъ, какъ трудно доставлять провіантъ отъ Шульбинскаго форпоста до Усть-Каменогорской крѣпости, гдѣ вслѣдствіе быстроты теченія и мелей рабочіе проходили въ день отъ 2-хъ до 5-ти верстъ, онъ нашелъ несправедливымъ платить тамъ крестьянамъ поверстныя деньги, такъ какъ при такомъ ничтожномъ вознагражденіи они «до крайняго пришли несостоянія», и велѣлъ давать имъ поденную плату по плакату (т. е. по 5 к. въ день).

Кромѣ взвода дощаниковъ съ казеннымъ провіантомъ, сибирскіе крестьяне должны были еще мѣстами за плакатную плату строить ихъ, шить кули, нагружать дощаники и т. п. Такъ какъ это отвлекало ихъ отъ полевыхъ работъ въ самую страдную пору, то нѣкоторые въ Енисейскомъ уѣздѣ принуждены были нанимать за себя другихъ, «запродавая послѣдній свой скотъ и закладывая дѣтей». Крестьяне просили, чтобы эти работы исполнялись по подряду. Въ Ишимскомъ уѣздѣ имъ приходилось нести не мало работъ и совершенно безплатно: они строили и чинили провіантскіе и соляные магазины, выгружали казенную соль, перемѣривали провіантъ, перевозили его на мельницы,—и за это не получали, по ихъ словамъ, никакого вознагражденія. Въ Илимскомъ вѣдомствѣ Иркутской губерніи, крестьянамъ за постройку плотовъ и барокъ давали плакатную плату, но они должны были прибавлять еще своихъ денегъ рублей по 20-ти и болѣе. Нѣкоторыхъ крестьянъ Оренбургской губ. посылали на рѣчку Бѣлую для грузки илецкой соли; нанимая за себя другихъ, они платили отъ 16-ти до 20-ти руб. каждому рабочему.

За плакатную плату обязаны были работать нѣкоторые крестьяне и на казенныхъ заводахъ, хотя они не были къ нимъ приписаны. Изъ крестьянъ города Красноярска ежегодно отправлялось около 500 человѣкъ на Ирбинскій заводъ, находившійся въ разстояніи 400 в. Изъ двухъ другихъ мѣстъ Енисейской провинціи крестьяне также прежде ходили на эти заводы и потому опасались, чтобы ихъ не стали вновь посылать на подобную работу.

Кромѣ всѣхъ этихъ повинностей, которыя крестьяне обязаны были исполнять въ силу закона частію за недостаточную плату, а не то и совсѣмъ безвозмездно, мѣстами они работали еще по принужденію для разныхъ административныхъ лицъ. По словамъ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ, тамошній полиціймейстеръ ихъ сотскихъ и десятскихъ посылалъ на домашнюю свою работу. Въ Казанской губерніи въ 1763 г. была открыта цѣлая система грабительства:

государственные крестьяне терпѣли обиды и раззореніе отъ вальдмейстеровъ, смотрѣвшихъ тамъ за заказными дубовыми лѣсами, отъ служащихъ въ канцеляріяхъ и посылаемыхъ по разнымъ дѣламъ чиновниковъ [1]). Къ этому присоединялись еще всевозможныя стѣсненія; на одно изъ нихъ обратила вниманіе императрица: казанскіе государственные крестьяне не смѣли завести ни одного поросенка изъ опасенія, чтобы эти животныя не ѣли желудей. Все, рѣшительно все подавало тогдашней администраціи поводъ ко взяткамъ, даже приведеніе крестьянъ къ присягѣ: въ началѣ 1763 г. одинъ государственный крестьянинъ Каргопольскаго уѣзда подалъ императрицѣ челобитную съ жалобою на то, что воевода взыскивалъ съ нихъ въ подобномъ случаѣ по шести коп. съ души. Правительство имѣло возможность убѣдиться, что то же дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ сторонахъ экономическаго быта черносошныхъ крестьянъ сѣверной Россіи и Сибири. Главными промыслами, обезпечивавшими ихъ существованіе, было земледѣліе,—развитію котораго, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ мѣшали плохое качество земли и суровость климата,—скотоводство, затѣмъ лѣсные промыслы, охота и рыболовство. Обрабатывающей промышленности почти не существовало, если не считать дубленія кожъ, которымъ занимались многіе крестьяне въ Архангельской губерніи и въ Вятской провинціи (въ этой мѣстности употреблялась кожанная обувь). Особенно же развиты были въ сѣверной Россіи отхожіе промыслы. Но обо всемъ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Не останавливаемся также пока на жалобахъ въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ на неурожаи и другія бѣдствія, такъ какъ наказы естественно представляютъ крестьянскій бытъ съ болѣе мрачной стороны (хотя и изъ нихъ видно, что, напримѣръ, крестьяне Двинскаго уѣзда Архангельской губерніи жили не бѣдно); но не мо-

---

[1]) Вальдмейстеры собирали ежегодно отъ трехъ до шести к. съ души, а лѣсные сотники по рублю съ деревни; приказные и солдаты, объявлявшіе разные указы, взыскивали по 1 и по 2 коп. съ души, а съ деревни по 1 р. и болѣе. При подачѣ сказокъ въ канцеляріяхъ во время платежа подушныхъ денегъ и при другихъ случаяхъ приходилось платить по 2 и по 3 руб. съ деревни, а иначе подушныхъ денегъ не принимали; кромѣ того, во время уплаты податей, на офицеровъ и приказныхъ собирали въ каждую треть по 10 и по 15 коп. съ души. За печатные паспорты брали по 50 к. съ каждаго и т. п.

жемъ не возвратиться еще разъ къ одному явленію, характеризующему бытъ крестьянъ въ сѣверной Россіи и Сибири: мы разумѣемъ сильное имущественное неравенство, главною причиною котораго, по нашему мнѣнію, было неравенство земельныхъ угодьевъ, вслѣдствіе свободной перепродажи поземельныхъ участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и отсутствія передѣловъ земель. Особенно сильно было это неравенство въ Сибири, и потому тамъ мы встрѣчаемся съ сильнымъ развитіемъ кабалы: должники отдавали своихъ дѣтей кредиторамъ на тотъ срокъ, на который были заняты деньги, а иногда и совершенно оставляли ихъ въ собственность кредиторовъ.

Міроѣдство было сильно развито и на сѣверѣ Европейской Россіи, но въ Сибири оно достигло страшныхъ размѣровъ. Прекрасною иллюстраціею этого явленія послужитъ намъ слѣдующій примѣръ Въ исходѣ XVIII и первой четверти XIX столѣтія въ Кузнецкомъ округѣ Верхо-Томской волости, въ деревнѣ Березовой, жилъ богатый крестьянинъ заводскаго вѣдомства Новиковъ. Онъ занимался въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ и торговлею скотомъ. Часть хлѣба онъ сплавлялъ по рѣкамъ Томи, Оби и Иртышу на продажу въ Сургутъ и Березовъ. Для полевыхъ работъ и ухода за скотомъ онъ содержалъ до 80-ти годовыхъ работниковъ, для присмотра же за ними и разныхъ торговыхъ дѣлъ—болѣе 40 прикащиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ одинъ томскій мѣщанинъ. Самъ Новиковъ разрѣшалъ только значительныя торговыя предпріятія, съ важностью выслушивая доклады и мнѣнія стоявшихъ предъ нимъ главнаго управляющаго и нѣкоторыхъ прикащиковъ, повѣрялъ торговыя книги, сводилъ счеты и вообще велъ себя какъ крупный торговецъ. Домъ его рѣзко отличался отъ остальныхъ, какъ величиною своею, такъ и красивымъ наружнымъ видомъ; богатое же убранство комнатъ дѣлало его похожимъ на домъ знатнаго помѣщика. Подлѣ него находились два сада, правильно распланированные, съ фигурными бесѣдками и цвѣточными грядами. Для выѣзда онъ имѣлъ лучшихъ лошадей и много городскихъ экипажей; выписана даже была изъ Москвы коляска, въ которой Новиковъ четверней или парой объѣзжалъ иногда свои поля, ѣздилъ въ городъ по дѣламъ или разъѣзжалъ по знакомымъ, которыхъ у него было очень много въ высшемъ чиновномъ кругу. При поѣздкѣ въ городъ составлялся кортежъ изъ четырехъ экипажей; въ главномъ сидѣлъ самъ Новиковъ, а въ остальныхъ его прикащики; лошади, по предварительному извѣщенію, заготовлялись на станціяхъ едва не за недѣлю до его пріѣзда. Такой образъ жизни сближалъ Новикова съ должност-

ными лицами; высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнаулъ, за-просто принимали его у себя.

Понятно, что крестьяне находились въ полной экономической зависимости отъ Новикова; будучи постоянно у него въ долгу, они почти не осмѣливались продавать свой хлѣбъ и скотъ въ другія руки: все везлось къ нему и сдавалось прикащикамъ, а цѣны за принятый товаръ безъапелляціонно назначалъ самъ Новиковъ. Если онъ узнавалъ, что у какого нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчасъ-же посылалъ прикащика къ ея владѣльцу съ приказаніемъ отобрать ее и привести къ нему. Посланный уводилъ лошадь и если она нравилась Новикову, то онъ оставлялъ ее у себя, уплативъ за нее сколько ему вздумается. Понятно, что его тяжелая рука тяготѣла и надъ мѣстнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Онъ совершенно деспотически распоряжался дѣлами Верхо-Томской волости, и не только волостное и сельское начальство безпрекословно покорялось ему, но и уѣздныя и горныя власти сквозь пальцы смотрѣли на его дѣянія. Ни одна мірская сходка не оканчивалась безъ разрѣшенія Новикова, ни одно распоряженіе начальства не приводилось въ исполненіе, пока не прикажетъ онъ. Очень рѣдко бывая на мірскихъ сходкахъ, Новиковъ зналъ однако все, что на нихъ происходило, такъ какъ, послѣ каждой изъ нихъ, къ нему являлась депутація отъ крестьянъ и просила его совѣта и рѣшенія; дурно-ли, хорошо-ли прикажетъ онъ, но дѣло рѣшалось согласно съ его желаніемъ. Волостное правленіе утратило всякое значеніе и превратилось почти въ канцелярію Новикова: всѣ споры между крестьянами разбирались имъ во дворѣ его дома или проѣздомъ на станціяхъ. Дома онъ каждый день утромъ или послѣ обѣда выходилъ на крыльцо и, сидя въ креслахъ, выслушивалъ жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьянъ, спрашивалъ отвѣтчиковъ и тутъ же произносилъ окончательное рѣшеніе; признаннаго имъ виновнымъ подводили къ столбу, врытому на дворѣ, привязывали ремнями и наказывали плетьми до тѣхъ поръ, пока угодно было Новикову, а онъ былъ очень жестокъ, и то и дѣло кричалъ: «прибавьте ему, прибавьте ему», такъ что иногда несчастнаго полумертваго уносили на рукахъ; случалось, что подобную расправу чинилъ онъ и проѣздомъ на какой нибудь станціи. Во время рекрутскихъ наборовъ, по полученіи въ волостномъ правленіи указа о приготовленіи очередныхъ семействъ для поставки рекрутъ, хотя и собирался для этого мірской сходъ, но все это была пустая форма; Новиковъ устраивалъ дѣло по своему. Онъ на дому у себя

составлялъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ желалъ отдать въ рекруты, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій отсылалъ его въ волостное правленіе, чтобы названные въ немъ немедленно были приготовлены къ отправкѣ, и затѣмъ въ назначенный день отсылалъ ихъ въ рекрутское присутствіе съ письмомъ на имя кого слѣдовало, гдѣ они немедленно и принимались.

Вотъ до какихъ размѣровъ доходило самоуправство міроѣда, разбогатѣвшаго путемъ эксплуатаціи своихъ товарищей [1]).

В. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Томскія губ. вѣд.» 1858 г., № 43-й.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАСЕЛЕНІИ АМУРА

въ 1857—1858 гг.

II [1]).

Въ половинѣ іюля, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ нашего водворенія на устьяхъ Зеи, начали прибывать переселенцы. Впереди плыла буреинская сотня, которая должна была водвориться въ трехъ пунктахъ: на устьѣ Буреи, у входа Амура въ Хинганскія горы и въ какой нибудь промежуточной точкѣ между этими двумя стратегически важными мѣстностями. Такъ какъ не оставалось болѣе сомнѣнія, что и остальные переселенцы, именно устьзейская сотня, должны скоро прибыть на мѣсто своего водворенія, то генералъ-губернаторъ рѣшился немедленно возвратиться въ Иркутскъ. Меня же онъ послалъ осмотрѣть поселенія внизъ отъ Буреи, которыхъ самъ посѣтить не имѣлъ уже времени, а на возвратномъ пути оттуда въ Иркутскъ я долженъ былъ сдѣлать подобный же осмотръ и съемку мѣстностей во всѣхъ остальныхъ, возникшихъ въ 1857 году, станицахъ. Такимъ образомъ мы разстались на время. Я, съ четырьмя солдатами въ видѣ гребцовъ, отправился на небольшой лодкѣ, и черезъ два дни былъ на устьѣ Буреи, около того мѣста, гдѣ стоитъ теперешняя станица Скобельцина. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что чрезвычайно удобный для основанія поселка, покрытый дубравою холмъ, на которомъ нынѣ стоитъ это селеніе, не имѣетъ и признаковъ, чтобы на немъ или около него водворялись русскіе!... Встрѣтившіеся манегры, однако, разъяс-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 81—112.

нили въ чемъ дѣло: селеніе наше возникало не на устьѣ Буреи, а въ 26-ти верстахъ ниже оттуда. Туда я и отправился, держась неизмѣнно лѣваго берега Амура, чтобы не пропустить возникавшей колоніи, такъ какъ, съ одной стороны, манегры объяснили, что постройка возводится въ лѣсу, нѣсколько въ сторонѣ отъ берега, а съ другой—карта показывала, что тутъ есть острова, за которыми легко было бы не замѣтить ни построекъ, ни стоявшихъ у берега судовъ, если бы плыть по большому руслу.

Къ счастію, оказалось, что селеніе возникало въ такомъ мѣстѣ, гдѣ на Амурѣ нѣтъ островокъ. Рѣка течетъ тутъ однимъ русломъ и дѣлаетъ поворотъ, такъ что изъ построенной въ вершинѣ угла станицы открывается широкій видъ на оба колѣна, верховое и низовое. Съ эстетической точки зрѣнія, мѣсто было выбрано удачно; но озерца, попадавшіяся въ окрестномъ лѣсу и очевидно принадлежавшія къ такъ называемымъ старицамъ, т. е. остаткамъ прежняго русла Амура, заставляли опасаться, что мѣсто, выбранное подъ селеніе, низко и если не будетъ совершенно затопляемо во время полноводій, то легко можетъ обращаться въ болотистый островъ. Хилковскій, котораго я тутъ встрѣтилъ, былъ увѣренъ однако же въ противномъ, и я не знаю теперь, что̀ въ дѣйствительности оправдалось: его ли оптимистическія предвидѣнія или мои, нѣсколько скептическія. На спросъ мой, отъ имени генералъ-губернатора: почему не возникло селенія на устьяхъ Буреи?—Хилковскій объяснилъ, что тамъ мало мѣста для ста дворовъ; оставлять же тамъ 25 семей, для которыхъ холмъ былъ достаточенъ, онъ не рѣшился, потому что это значило бы вмѣсто трехъ предположенныхъ деревень расселить буреинскую сотню въ четырехъ, на что у него не было инструкцій.

Пробывъ въ Нижнебуреинской или, какъ потомъ она была названа, Иннокентьевской станицѣ (въ честь перваго амурскаго архіерея, теперешняго московскаго митрополита, Иннокентія) около сутокъ, я отправился далѣе внизъ по Амуру. Окружающая его равнина, начавшаяся отъ самаго устья Зеи, была здѣсь еще роскошнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Айгуна. Я совершенно понялъ, почему казаки-переселенцы, когда спрашивали ихъ желанія относительно мѣста водворенія, всѣ желали на Бурею. Такихъ великолѣпныхъ угодьевъ для хозяина-земледѣльца, какъ между Зеею и Хинганомъ, мало въ цѣлой Россіи, а въ Сибири

и совсѣмъ нѣтъ. Особенно привлекательны мѣстности, сосѣднія Хингану. Когда я прибылъ въ станицу Хинганскую, теперь Пашкову, у входа Амура въ «щеки», т. е. въ ущелье, то довольство свое судьбою у мѣстныхъ казаковъ-поселенцевъ бросалось въ глаза. Они, только что прибывшіе, не упустили случая посадить нѣсколько овощей, которые надѣялись собрать осенью, потому что климатъ тутъ теплый, особенно по сравненію съ Даурскимъ нагорьемъ. Дубъ, вязъ, красная береза—служили строевымъ матеріаломъ для домовъ, живописно располагавшихся на возвышенномъ берегу рѣки, и работа по основанію колоніи кипѣла.

Недуренъ былъ также небольшой поселокъ, возникавшій въ пространствѣ между Хинганомъ и Иннокентьевскою станицею, у Халтана. Такъ какъ здѣсь берега Амура вообще невысоки, то за признакъ пригодности мѣста подъ селеніе было принято то обстоятельство, что тутъ уже жилъ одинокій китайскій фермеръ, обработывавшій поля и державшій скотъ. Я вступилъ, правда, при посредствѣ очень дурнаго переводчика, въ бесѣду съ этимъ піонеромъ китайской культуры на берегахъ Амура и немедленно узналъ, что онъ—солонъ, т. е. тунгузъ, а не китаецъ, и сосланъ на свое теперешнее мѣсто изъ-подъ Цицикара, куда, впрочемъ, не желалъ возвращаться, потому что и здѣсь было хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, ферма его показывала довольство. Онъ, очевидно, былъ не только хлѣбопашецъ и, разумѣется, рыбакъ, но и торгашъ, скупавшій у разбросанныхъ по окрестностямъ манегровъ шкурки соболей, которыя потомъ перепродавалъ китайскимъ купцамъ, наѣзжавшимъ по временамъ изъ Айгуна. Водвореніе въ сосѣдствѣ нашихъ казаковъ сильно пугало его. Онъ чувствовалъ, что время господства его надъ сосѣдними дикарями прошло, и хотя на первое время не могъ пожаловаться на убытки, продавая втридорога произведенія своего хозяйства нежеланнымъ сосѣдямъ, но видѣлъ, что этому счастью скоро настанетъ конецъ. Я спросилъ его: отчего китайцы не заселили сосѣднихъ мѣстностей ранѣе насъ? — «А оттого, что они были глупы»,—коротко отвѣтилъ даурскій пустынникъ. «Вотъ если бы здѣсь были наши деревни, какъ около Айгуна, вы бы, урусы, не пришли сюда селиться... А что, скажите, джангинъ (господинъ, чиновникъ),—продолжалъ онъ: насъ выгонятъ отсюда, т. е. съ лѣваго берега Амура, или позволятъ остаться? Вѣдь я не стану и полей засѣвать, если

мнѣ въ будущемъ году предстоитъ убраться изъ этого дома».— Я спросилъ его: а что тебѣ говорилъ мѣстный русскій начальникъ? «Онъ совѣтовалъ оставаться здѣсь, говоря, что вы, русскіе, никого не хотите прогонять».—Ну, такъ и оставайся спокойно. Старикъ просіялъ и принесъ мнѣ курицу, за которую я далъ ему полтинникъ, чѣмъ онъ, очевидно, былъ удивленъ, потому что китайскіе чиновники и солдаты, когда имъ приходилось посѣщать его ферму, брали все даромъ. Онъ вѣдь былъ земледѣлецъ—ссыльный, одинъ изъ тѣхъ, которымъ жизнь внѣ тюрьмы тѣмъ и была обусловлена, чтобы они обрабатывали землю и доставляли вмѣсто подати хлѣбъ на содержаніе солдатъ.

Разговоръ съ солономъ, при всей его незначительности, произвелъ на меня впечатлѣніе. А что, въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, если бы китайцы заселили все теченіе Амура хоть такъ, какъ окрестности Айгуна, то есть въ двѣ линіи прибрежныхъ селеній, оставляя внутренность страны пустою? Вѣдь о «возсоединеніи» потеряннаго нами въ 1689 году не могло бы быть и рѣчи. А затѣмъ, что же бы могло быть создано изъ Сибири даже въ теченіе вѣковъ? Ничего, кромѣ мѣста ссылки, которое навсегда осталось бы внѣ всякаго историческаго движенія. Вѣдь не изъ портовъ же Охотскаго моря сносились бы мы съ южною Азіей, съ Китаемъ, съ Америкой.... Разумѣется, при этомъ я удивлялся «глупости» китайцевъ, такъ вѣрно названной своимъ именемъ со стороны моего собесѣдника, и не сомнѣвался ни минуты, что мы, представители цивилизаціи Запада, ничего подобнаго не повторимъ, что черезъ 10—15 лѣтъ по Амуру протянется «золотая цѣпь цвѣтущихъ колоній», какъ выражался одинъ изъ академическихъ профессоровъ, любившій высокій слогъ, И. П. Шульгинъ... Errare humanum est!...

Возвратясь съ Хингана на Бурею, т. е. въ Иннокентьевскую, я передалъ Хилковскому выраженіе неудовольствія генералъ-губернатора на медленность сплава колонистовъ, сдѣлавшую очевидно невозможнымъ «удобное» водвореніе ихъ на новыхъ мѣстахъ въ текущемъ году, и приказаніе ему самому остаться на Амурѣ на-зиму... Это, конечно, огорчило его; но, по видимому, онъ былъ уже предупрежденъ о своей участи, а равно и извѣщенъ о томъ, что Н. Н. Муравьевъ, принимая на Усть-Зеѣ тамошнихъ колонистовъ, наконецъ прибывшихъ туда послѣ моего

отъѣзда, произнесъ передъ ними рѣчь, не очень лестную для него, Хилковскаго.... Какъ быть! не всѣ находили на Амурѣ обѣтованную землю, въ которой осуществлялись надежды на быструю карьеру.. Я забылъ еще сказать, что даже М. С. Корсаковъ, забайкальскій губернаторъ, родственникъ и любимецъ генералъ-губернатора, получилъ отъ него, еще до отъѣзда моего съ Зеи бумагу такого содержанія, что потомъ спрашивалъ меня: «а что, Николай Николаевичъ очень на меня сердился?» Бумага была на бланкѣ, за №, а не простое письмо, такъ что, по справедливости, спуску никому не было.

При обратномъ плаваніи съ Буреи на Зею, я держался суши, такъ что собственно плыла одна моя лодка, я же, съ топографомъ и однимъ солдатомъ, у котораго былъ въ рукахъ топоръ, шелъ берегомъ и даже большею частію вдали отъ рѣки, чтобы отыскать и намѣтить дорогу, которая была бы короче, чѣмъ вдоль по Амуру, который въ этихъ мѣстахъ дѣлаетъ многочисленныя извилины. Путь по высокой травѣ, выше человѣческаго роста, и по лѣсной чащѣ утомлялъ до послѣдней степени; жажда и голодъ мучили, и въ довершеніе всего, приходя на ночлегъ къ мѣсту, гдѣ, по условію, дожидала меня лодка, я не находилъ спокойствія отъ комаровъ, которые не давали спать всю ночь. Четверо сутокъ продолжалось подобное мученіе; наконецъ, мы завидѣли китайскія деревни, предшествующія Айгуну, и могли нѣсколько успокоиться. Здѣсь дорога была уже проторена, можно было плыть, хотя комары и слѣпни такъ же свирѣпо нападали на насъ въ лодкѣ, какъ и на берегу.

На Усть-Зеѣ, разумѣется, все обстояло благополучно, какъ сочли нужнымъ сообщить мнѣ мѣстныя власти для доклада генералъ-губернатору. И въ самомъ дѣлѣ, домъ начальника отряда былъ готовъ и даже меблированъ; около него воздвигались кухни и другія dépendances, какъ говорятъ французы. Лагерь солдатъ зеленѣлъ издали вѣтвями тальника, выросшаго изъ стѣнъ бараковъ. На прокормленіе баталіоннаго скота было заготовлено къ зимѣ не только сѣно, но и овесъ, который покупался у китайцевъ по баснословно дешевымъ цѣнамъ, что-то 5—10 копѣекъ за пудъ. Только число казачьихъ домовъ росло медленно или, точнѣе сказать, оставалось неизмѣннымъ съ половины іюля, хотя на дворѣ былъ и августъ. Видно было, что съ отъѣздомъ генералъ-губер-

натора центръ тяжести всего амурскаго дѣла на этотъ годъ перешелъ изъ жилищъ колонистовъ, составлявшихъ предметъ особыхъ заботъ Николая Николаевича, въ баталіонные цейхгаузы. Меня это не удивило, но всетаки разсердило, и на прощаньи съ Усть-Зеею мнѣ даже пришлось побраниться кое съ кѣмъ изъ-за устанавливавшихся тамъ порядковъ.

Нужно-ли говорить, что у стѣсненныхъ въ помѣщеніи казаковъ-поселенцевъ въ слѣдующую зиму была сильная смертность, особливо между дѣтьми? Тотъ рай, о которомъ они мечтали, собираясь на Амуръ, для многихъ изъ нихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи туда обратился въ могилу.

На Усть-Зеѣ я надѣялся найти пароходъ, который бы могъ меня доставить вверхъ по Амуру въ гораздо кратчайшее время, чѣмъ лодка, поднимаемая бичевою. Но пароходовъ не оказалось. А нужно замѣтить, что ихъ было въ это время два: «Амуръ» и «Лена». Послѣдняя еще въ первой половинѣ іюня прибыла изъ Николаевска и немало содѣйствовала намъ въ произведеніи на китайцевъ впечатлѣнія силы, могущества Россіи. Потомъ она была отправлена вверхъ по рѣкѣ до Шилкинскаго завода, но ходила такъ медленно, что, по возвращеніи на Усть-Зею, вызвала цѣлую бурю генералъ-губернатора противу капитана. Послѣдній, капитанъ-лейтенантъ Сухомлинъ, былъ, вѣроятно, хорошій морякъ, но при плаваніи по рѣкѣ оказался болѣе осторожнымъ, чѣмъ позволяли обстоятельства. Онъ всякій вечеръ останавливался на якорь и стоялъ до утра; онъ плавалъ медленно, чтобы не въѣхать гдѣ нибудь на мель съ-разлета. Результатомъ было запозданіе его на Усть-Зею и та буря, о которой я сейчасъ упомянулъ. Генералъ-губернаторъ отрѣшилъ его отъ командованія пароходомъ и далъ такую гонку, что у бѣднаго Сухомлина сдѣлалась истерика и пошла горломъ кровь. Я засталъ его на Усть-Зеѣ какъ-бы въ заточеніи, въ ссылкѣ, больнымъ, желтымъ и немогшимъ говорить о генералъ-губернаторѣ иначе какъ съ чувствомъ непримиримой ненависти. Очень многіе ему сочувствовали.

Что касается парохода «Амуръ» и его капитана, Болтина то они были счастливѣе. По прибытіи изъ Николаевска на Усть-Зею въ концѣ іюня, они были отправлены на низовья рѣки, гдѣ и плавали какъ хотѣли, безъ понужденій и гонокъ, до самаго конца навигаціи. Но осенью и съ «Амуромъ» случился грѣхъ:

онъ сѣлъ на мель въ усурійскомъ протокѣ и, за постепенною убылью водъ долженъ, былъ остаться тамъ на зимовку. Командиръ принялъ мѣры, чтобы судно его не затерло льдомъ при весеннемъ вскрытіи рѣки, т. е. онъ вбилъ кругомъ парохода нѣсколько свай. Но какъ въ усурійскомъ протокѣ жить было скучновато, то Болтинъ бросилъ свое судно и отправился въ Иркутскъ, чтобы... жениться! Дѣло устроилось какъ нельзя лучше. Черезъ недѣлю по прибытіи, онъ сдѣлалъ предложеніе лучшей иркутской красавицѣ, а черезъ двѣ женился. Это было совершенно по амурски. Въ Иркутскѣ вѣдь не разъ женили амурцевъ, правда — матросовъ и кочегаровъ, на совершенно незнакомыхъ имъ женщинахъ въ день или въ два, даже Великимъ постомъ. Былъ даже случай, что офицеръ просто изъ-подъ вѣнца съ молодою женою отправился на кругобайкальскую дорогу, которая тогда была не экипажною, а верховою.....

Парохода «Лены», какъ я сказалъ, не было уже на Усть-Зеѣ, когда я прибылъ туда. Онъ, подъ командою штурманскаго подпоручика Моисеева, отправился снова вверхъ по Амуру и первоначально везъ Н. Н. Муравьева съ его маленькою свитою. Но гдѣ-то въ окрестностяхъ Албазина онъ сталъ на мель, и генералъ-губернаторъ, не желая медлить, отправился далѣе на лодкахъ, бичевою. На этотъ разъ даже не было катера съ построеннымъ на немъ домикомъ, а простая лодка, на которой примостили кое-какой навѣсъ изъ досокъ или изъ лубка, подъ которымъ нельзя было стоять, а только сидѣть и лежать... На Амурѣ вообще не знали той среднеазіатской пышности, которая сдѣлалась модною со времени покоренія Ташкента; тамъ уважалось только дѣло и самоотверженная ему преданность, а мишура, фейерверки, колокольный звонъ—въ каждомъ амурцѣ способны были вызывать лишь презрѣніе и насмѣшки.

Такъ какъ на скорое возвращеніе «Лены» въ Усть-Зею не могло быть ни малѣйшей надежды, «Амуръ» же еще въ іюнѣ отправленъ былъ назадъ въ Николаевскъ, то и мнѣ предстояло сдѣлать переѣздъ, да еще въ цѣлую тысячу верстъ, бичевою. Дрянная лодчонка, которую мнѣ дали въ Усть-Зеѣ, не вмѣщала подъ своимъ лубочнымъ навѣсовъ двухъ; оттого я и топографъ, меня сопровождавшій, были до крайности стѣснены. Еще хорошо было, если мѣста ночлеговъ приходились около вновь возникав-

шихъ селеній: тогда одинъ изъ насъ уходилъ спать на берегъ, въ какой-нибудь шалашъ. Но это случалось очень рѣдко. Обыкновенно для отдыха солдатъ-гребцовъ мы останавливались тамъ, гдѣ заставала ночь, т. е. часъ десятый вечера, и пристраивались на ночлегъ какъ кто зналъ. На-утро, часа въ три, мы просыпались и шли далѣе, при чемъ на лодкѣ, въ особомъ котелкѣ на глиняномъ очагѣ, варился чай, сначала для солдатъ кирпичный, потомъ для меня съ топографомъ—обыкновенный. Изъ другой провизіи у насъ было немного сушенаго мяса и ячныхъ крупъ, изъ которыхъ мы варили обѣдъ, изо дня въ день одинъ и тотъ-же и поѣдаемый съ одними и тѣми же сухарями, которые не слѣдовало разсматривать въ микроскопъ, особенно тамъ, гдѣ они позеленѣли. Такъ какъ былъ августъ, и ночи становились холодными, а ни у меня, ни у топографа мѣховой одежды не было, то мы часто дрогли; но молодость, чувство свободы, сознаніе величія дѣла—заставляли все переносить не только безропотно, но даже безъ малѣйшей мысли о недовольствѣ... Я много работалъ потомъ, одинъ и вмѣстѣ съ другими, на разныхъ далекихъ окраинахъ Россіи, въ Небесныхъ горахъ, на Кавказѣ, въ Польшѣ; но ничего подобнаго той общей преданности дѣлу, какъ на Амурѣ,—говорю по совѣсти,—не видалъ, и если эта преданность есть залогъ успѣха дѣла, если вдохнуть ее въ сотрудниковъ есть высшее достоинство вождя, то заслуга Н. Н. Муравьева передъ Россіею неизмѣримо велика. Многіе ли бы въ состояніи были сдѣлать то, что совершилъ онъ, съ личнымъ составомъ помощниковъ до смѣшнаго малымъ, но дѣлавшимъ многое, во всю мощь нервовъ и мускуловъ?

Первый же переѣздъ отъ Усть-Зеи до Нарасуна, или теперешней станицы Бибиковой, около шестидесяти верстъ, мы совершили съ небольшимъ въ сутки, и по прибытіи во вновь водворявшееся селеніе немедленно занялись съемкою его окрестностей. Потомъ я осмотрѣлъ работы и разспросилъ у распоряжавшагося ими лица о планѣ дальнѣйшаго ихъ производства. Оказалось, что къ зимѣ можно выстроить лишь такое число домовъ, которое втрое меньше числа семей. Плохо! но все-же лучше, чѣмъ на Усть-Зеѣ, гдѣ одинъ домъ приходился на 4—5 семействъ. На разспросы мои о хозяйственныхъ удобствахъ мѣста водворенія переселенцы отвѣчали, что они угодьями довольны, но что на

Буреѣ было-бы не въ примѣръ лучше. Кто имъ наговорилъ о Буреѣ—не знаю, но замѣчу, что на всемъ верхнемъ Амурѣ отзывъ о ней былъ тотъ же. Такая-молъ сторонка, что тамъ рѣки текутъ медовою сытою, въ кисельныхъ берегахъ: бери ложку и ѣшь! Я старался разувѣрить переселенцевъ, говоря, что, конечно, на Буреѣ мѣста хорошія, много поемныхъ луговъ и проч.; но за то немало болотъ и нѣтъ такого отличнаго строеваго лѣса, какъ у нихъ. Они молчали, стало быть, вопреки пословицѣ, не соглашались. На Улусѣ-Модонѣ, т. е. въ знаменитой кривулѣ, имѣющей фигуру цифры 8 или рукописнаго глаголя, та же исторія. Опять домовъ гораздо меньше, чѣмъ семей, опять толки о Буреѣ; но тутъ, для разнообразія, деревня раздѣлена на два поселка, домика въ 3—4 каждый, при чемъ одни построены на южной сторонѣ русскаго полуострова, а другіе на сѣверной, верстахъ въ трехъ отъ первыхъ. Строеваго лѣсу тутъ изобиліе; солдаты, помогавшіе казакамъ въ постройкѣ зданій, гнали изъ хвойныхъ деревьевъ смолу. Спрашиваю казаковъ: довольны-ли мѣстомъ? Отвѣчаютъ: «ничего, мѣсто просторное, только луговъ вовсе нѣтъ и пасти скота негдѣ, а въ лѣсу много звѣрья; чуть выпустишь овцу или теленка, анъ глядишь—тутъ и волкъ. Сѣно-то на зиму косили внизъ по рѣкѣ верстъ за пять, ну, а гонять туда скотъ неспособно. Да и китайцы съ караула, чтобъ имъ пусто было, не пущаютъ туда; говорятъ, самимъ луга нужны. Вы бы, ваше благородіе, приказали имъ уйти въ Айгунъ. Они вѣдь знаютъ, что вы отъ генералъ-губернатора, а его они смерть боятся».—Я, разумѣется, не могъ удовлетворить послѣдней просьбѣ, но утѣшалъ тѣмъ, что на будущій годъ всѣхъ китайцевъ прогонятъ съ лѣваго берега Амура, а до тѣхъ поръ совѣтовалъ жить съ ними въ дружбѣ. Казаки однако видимо не надѣялись на такую дружбу. Это вѣдь были забайкальскіе охотники, которые видѣли въ китайскихъ или, точнѣе, въ маньчжурскихъ солдатахъ соперниковъ по промыслу за бѣлкой, лисицами, соболями и др. «Вишь у ихняго джангина что напасено мѣховъ: страсть! И сами охотятся, и отъ орочонъ скупаютъ за пустяки».

Хотя былъ вечеръ, мы не остались на Улусѣ-Модонѣ ночевать, а поднялись еще версты на четыре по Амуру. Ночь была очень свѣжа, и какъ мы пересѣкли у Улуса-Модона тотъ кряжъ, который на картахъ извѣстенъ подъ именемъ Илхури-алиня и

который нѣсколько защищаетъ призейскія мѣстности отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, то эти вѣтры отнынѣ начали давать намъ себя чувствовать. Это большое неудобство для амурскаго парусн аго, да и всякаго другаго судоходства, что осенью, т. е. когда суда идутъ обыкновенно вверхъ по рѣкѣ, они встрѣчаютъ противный имъ, верховой, т. е. сѣверо-западный вѣтеръ. Нигдѣ нельзя поставить парусъ, чтобы облегчить работу людей, тянущихъ лодку, или даже совсѣмъ усадить ихъ въ послѣднюю. Въ довершеніе всего, рѣка тутъ становится быстрѣе отъ болѣе крутаго паденія ложа. Лодка постоянно «поетъ», бичева натянута какъ струнка и рулевому нельзя зѣвать, потому что иначе носъ отвернетъ теченіемъ въ сторону и лодку отброситъ, а то, пожалуй, и опрокинетъ. Между Улусомъ-Модономъ и Кумарою особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто, гдѣ съ праваго берега выдалась въ рѣку скала, изъ-за которой вода стремится съ большою силою. Нерѣдко у лодокъ бичева тутъ обрывается, и ихъ самихъ несетъ потомъ съ полверсты по теченію, не смотря ни на какія усилія гребцовъ. Этотъ «быкъ» (скала) и водоворотъ, около него образующійся, составляютъ, по моему мнѣнію, самое трудное мѣсто на Амурѣ для плавающихъ, впрочемъ только для низовыхъ, потому что тѣ, которые плывутъ сверху, напротивъ, только выигрываютъ отъ быстроты теченія рѣки.

На Кумарѣ, т. е., точнѣе, въ небольшой узкой долинѣ лѣваго берега Амура, противъ устья Кумары, гдѣ строилась станица Кумарская, я нашелъ командовавшаго 13-мъ баталіономъ капитана Дьяченку. Это былъ одинъ изъ наиболѣе энергическихъ дѣятелей по дѣлу заселенія Амура. Спокойный, ровный характеръ, распорядительность, умѣлость обходиться съ солдатами и казаками, съ начальствами китайскими и своими—доставили ему общее уваженіе амурцевъ. И у него въ станицѣ постройки шли живо, а число домовъ было значительнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ показалъ мнѣ собственноручный приказъ Н. Н. Муравьева о времени и порядкѣ возвращенія 13-го баталіона въ Шилкинскій заводъ. Приказъ этотъ былъ написанъ на полулистѣ бумаги, и на немъ, сверхъ мѣсяца и числа, стояло: «пароходъ Лена, на мели»—вмѣсто Иркутска или такой-то станицы, т. е. вообще въ замѣнъ обозначенія мѣстности, гдѣ состоялся приказъ. «Видите, какъ у генералъ-губернатора накипѣло сердце противу моряковъ: онъ не утерпѣлъ

чтобы не прибавить словъ «на мели»,—замѣтилъ, улыбаясь, Дьяченко. «И я думаю,—продолжалъ онъ,—что если бы это не была офиціальная бумага, то Николай Николаевичъ написалъ бы «разумѣется на мели».—Я готовъ былъ раздѣлить это мнѣніе. Приказъ былъ отданъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ генералъ-губернатору пришлось промѣнять пароходъ на лодку съ досчатымъ навѣсомъ, о которой я уже упомянулъ выше.

Плаваніе отъ Кумары до Албазина, гдѣ Амуръ часто разбивается на протоки, иногда очень мелкіе, а иногда, въ мелководіе, и совсѣмъ глухіе съ верхнихъ концовъ, было очень непріятно, тѣмъ болѣе, что дни становились все короче, и вечеромъ трудно было идти позднѣе 8-ми часовъ изъ опасенія не различить главнаго русла отъ какого нибудь рукава и попасть въ такой, изъ котораго былъ одинъ выходъ—назадъ. Холода по ночамъ тоже донимали, такъ что единственнымъ утѣшеніемъ было отсутствіе комаровъ и слѣпней, которые быстро исчезли при началѣ свѣжей погоды. Гребцовъ мнѣ приходилось мѣнять на постахъ и селеніяхъ, и это было также немалое неудобство. Пока ихъ разыщутъ, пока они соберутся, а время уходитъ. На одномъ постѣ начальникъ, какой-то урядникъ, и вовсе было отказалъ въ гребцахъ, такъ что я долженъ былъ постращать его арестомъ. И мнѣ говорили многіе изъ посѣщавшихъ въ то время Амуръ, что съ ними случалось то же, такъ что ѣзда, даже курьерская, не отличалась скоростью. Почему съ перваго же года водворенія русскихъ селеній на Амурѣ не были тамъ устроены хоть небольшія почтовыя станціи, этого я не понималъ тогда, да не понимаю и теперь. Возка почты и курьеровъ была возложена на жителей, которыхъ это отрывало отъ работъ по устройству хозяйства и, слѣдовательно, раззоряло, а я не думаю, чтобы основывать колоніи съ перваго дня раззоренныя могло быть цѣлью заботъ государства. Поправлять ихъ, и поправлять сугубыми жертвами, пришлось потомъ тому же государству. Такъ не лучше ли было съ самаго начала устранить причину раззоренія? Будь на каждомъ посту хоть по три лошади и по три человѣка, это дало бы возможность возить почту и курьеровъ—если не верхомъ, то бичевою на лодкахъ, гораздо скорѣе чѣмъ на людяхъ бичевою же. Да и немедленно были бы набиты вдоль береговъ кратчайшія тропинки отъ одного селенія къ другому, а у самой рѣки хоть какіе ни-

будь бичевники. Тамъ, гдѣ бичевника на нашемъ берегу безъ работъ было сдѣлать нельзя, лошади могли бы объѣзжать скалы по самымъ уваламъ.

Впрочемъ, тайна этого неурядья довольно проста: не было денегъ. Вѣдь амурскіе расходы были въ то время еще не государственными расходами, а собственно сибирскими или даже только восточно-сибирскими. Генералъ-губернатору предоставлено было экономничать по разнымъ штатнымъ и вообще смѣтнымъ расходамъ и сдѣланныя сбереженія обращать въ «амурскій капиталъ», изъ котораго и производились расходы по амурскимъ экспедиціямъ. Очевидно, что со страны, въ которой было всего 1.000,000 населенія, большихъ экономій сдѣлать было нельзя, а отсюда естественно вытекала скупость въ расходованіи амурскаго капитала. Кажется, что весь онъ въ 1857 году состоялъ изъ 400,000 рублей, а впереди предстояли большіе экстренные расходы по колонизаціи слѣдующаго года. Вотъ и причина, что почтъ, даже въ самомъ зачаточномъ состояніи, учреждать было не на что. Но, впрочемъ, и тутъ, по моему мнѣнію, можно было извернуться, чтобы не раззорить возникавшихъ колоній. Слѣдовало назначить высокую прогонную плату съ версты и лошади или гребца и заставлять проѣзжихъ чиновниковъ выплачивать эти прогоны, выдавая имъ таковые изъ казны... Впрочемъ, что толковать о вчерашнемъ днѣ? прошлаго не воротишь, и если я говорю здѣсь объ этомъ предметѣ, то собственно для того, чтобы объяснить, почему амурская колонизація не вышла такою блестящею, какъ можно было ожидать по естественнымъ богатствамъ страны.

На одномъ изъ промежуточныхъ пунктовъ между Кумарою и Албазиномъ мнѣ пришлось въ-очію познакомиться и съ другою причиною того же неуспѣха великаго амурскаго дѣла, причиною, быть можетъ, еще болѣе важною, чѣмъ недостатокъ денегъ. Разумѣю страшный произволъ во всемъ казачьихъ начальствъ. Это давно извѣстно каждому образованному человѣку, что военная дисциплина хороша только во фронтѣ и въ отношеніяхъ чисто служебныхъ; тутъ исполненіе даже видимо нелѣпаго распоряженія старшаго есть безусловная необходимость. Но въ сферѣ экономической, какъ и въ умственной, деспотизмъ есть нелѣпость, ничѣмъ неизвиняемая. Между тѣмъ, что же было на Амурѣ? Вотъ одинъ сотникъ, получивъ въ свое управленіе вновь возни-

кающую станицу, селитъ ее не при Амурѣ, а далеко въ сторонѣ, подъ горою, какъ что занятіе рыболовствомъ, самое естественное для жителя береговъ большой рѣки, становится дѣломъ весьма труднымъ, сопряженнымъ съ потерею значительнаго времени. Мало того, поселокъ свой онъ строитъ на болотистой почвѣ и у гнилаго озерца, одной изъ «старицъ» Амура, стало быть, въ мѣстности гигіенически невыгодной. Генералъ-губернаторъ дѣлаетъ ему замѣчаніе, говоритъ ему даже, что онъ поступилъ какъ азіатъ-охотникъ, которому дороже всего быть поближе къ лѣсу и къ ловушкамъ на звѣря. Но что будете дѣлать? Деревня строится, она построена тамъ, гдѣ пожелалъ сотникъ-звѣроловъ. На вопросъ мой казакамъ: довольны ли они своимъ мѣстомъ? я получаю въ отвѣтъ: «помилуйте, ваше благородіе, развѣ можно быть довольнымъ болотомъ?» Не знаю, какова была дальнѣйшая судьба этого поселка; но, вѣроятно, его перенесли, на что, конечно, требовались и время, и деньги, и трудъ, разумѣется, самихъ казаковъ.

Да мало-ли на чемъ не отзывался съ страшною невыгодою военный деспотизмъ, введенный вмѣстѣ съ казачествомъ на Амурѣ. Казакъ хочетъ развести свой огородъ, вотъ тамъ-то: нельзя! Онъ думаетъ уладить свой домъ и дворъ, вотъ такъ-то: нельзя! Онъ собирается на нѣсколько дней въ лѣсъ на охоту: нельзя! Служба требуетъ пребыванія дома. Онъ хочетъ съѣздить въ сосѣднюю станицу, чтобы повыгоднѣе продать пушнину, за которую мѣстный кулакъ — станичный начальникъ даетъ очень мало: для отлучки нужно спроситься у того же станичнаго начальника, и тотъ, разумѣется, говоритъ: нельзя!... Словомъ, чтобы не быть слишкомъ многорѣчивымъ на эту тему, разскажу одинъ фактъ, сообщенный мнѣ въ 1868 г. въ Иркутскѣ бывшимъ начальникомъ штаба восточно-сибирскаго военнаго округа, Б. К. Кукелемъ, въ присутствіи по крайней мѣрѣ 20-ти человѣкъ. Военный губернаторъ Амурской области, г. Педашенко, однажды вздумалъ посѣтить старовѣрческія или раскольничьи селенія, возникшія на призейской равнинѣ, верстахъ въ 50-ти, во 100 отъ Амура, и нашелъ ихъ цвѣтущими уже на второй или на третій годъ существованія. «Славно вы живете, братцы,—говорилъ онъ крестьянамъ,—гораздо лучше чѣмъ казаки, даромъ что у нихъ Амуръ подъ бокомъ. Отчего бы эта разница?» — «А, батюшка,

ваше превосходительство, оттого, что мы отъ начальства подальше»... Какая горькая иронія въ этомъ простодушномъ отвѣтѣ!

Чѣмъ далѣе я подвигался вверхъ по Амуру, тѣмъ постройки въ новыхъ станицахъ были лучше, потому что вездѣ былъ вокругъ прекрасный строевой лѣсъ. Но другія хозяйственныя условія представляли мало утѣшительнаго. Огородовъ было разработано мало, полей поднято еще менѣе. Впрочемъ, на верхнемъ Амурѣ озимыя поля едва-ли и теперь въ употребленіи; тамъ, какъ и въ большей части Сибири, кажется, сѣютъ только яровой хлѣбъ. Скота у поселенцевъ немного, лошадей въ особенности, хотя это были конные казаки. На послѣднее обстоятельство я невольно обратилъ вниманіе, и меня поразила при этомъ мысль: зачѣмъ это въ гористой и лѣсистой Дауріи мы водворили конницу? Употреблять ее здѣсь некуда, потому что край—пустыня, безъ всякихъ дорогъ; отправлять на службу внизъ по Амуру неудобно, а въ нѣкоторыя времена года даже просто невозможно; движеніе къ Цицикару или хоть къ Мергеню—немыслимо. Вотъ если бы конные казаки водворились на среднемъ Амурѣ, отъ Хингана до Усури, то они, вмѣстѣ съ тѣми, которые водворились между Зеею и Хинганомъ, могли бы составить хорошую кавалерію, потому что превосходныя луговыя равнины въ этихъ мѣстахъ даютъ возможность держать многочисленные табуны лошадей. Но случилось на дѣлѣ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, совершенно противное: среднеамурская низменность занята казаками пѣшими, а горная страна внизъ отъ Усть-Стрѣлки—конными.

Въ Албазинѣ я нашелъ жилые дома уже оконченными и населенными, и то же было въ поселкахъ выше его по Амуру. Число домовъ, правда, было повсюду меньше числа семей; но важно было уже то, что всѣ люди проводятъ ночи подъ кровомъ, а не на воздухѣ или въ шалашахъ, продуваемыхъ вѣтромъ. Погода становилась все холоднѣе, а ночью начинались морозцы, отъ которыхъ листъ на немногочисленныхъ здѣсь нехвойныхъ деревьяхъ желтѣлъ и опадалъ. Казаки ждали болѣе глубокой осени и перваго снѣга, чтобы разойтись по лѣсамъ на охоту, а тѣмъ временемъ дѣлали загороди около домовъ, возводили коекакія домашнія пристройки, ловили рыбу. Послѣдній промыселъ велся совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Забайкальѣ, то-есть ставились снасти изъ простыхъ жердей съ привязанными къ

нимъ на веревочкахъ толстыми желѣзными крючками или удочками, безъ всякой приманки. И рыба ловилась: такъ ея было много! Иногда перегораживали легкими сваями какую нибудь небольшую рѣчку, впадавшую въ Амуръ, и тогда ниже изгороди, въ небольшомъ омутѣ, скоплялось множество мелкой рыбы, которую ѣли безотлагательно, тогда какъ крупныя породы, пойманныя въ самомъ Амурѣ, частію солились и шли въ прокъ. Замѣчу, что, однако, ни въ 1857, ни въ 1858 году нельзя было купить на верхнемъ Амурѣ порядочной соленой рыбы, тогда какъ на низовьяхъ, около Маріинска, приготовлялись хорошіе балыки, и еще кѣмъ? — солдатами!

Въ Усть-Стрѣлкѣ я разстался съ Амуромъ, чтобы увидать его не раньше, какъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Молодцы усть-стрѣлочные казаки повезли мою лодку по Шилкѣ съ быстротою, отъ которой я уже давно отвыкъ на Амурѣ, гдѣ въ послѣдніе дни едва успѣвалъ дѣлать по 30-ти верстъ въ сутки. Бросивъ послѣдній взглядъ на великую рѣку, я засѣлъ, согнувшись, подъ лубочный навѣсъ, и сталъ писать отчетъ о видѣнномъ, для представленія его генералъ-губернатору по пріѣздѣ въ Иркутскъ. Топографъ Жилейщиковъ приводилъ тѣмъ временемъ въ порядокъ наши общія съемки, и незамѣтно пролетѣли три дня, при концѣ которыхъ лодка моя снова стояла передъ домомъ Скобельцина въ Горбицѣ, какъ три мѣсяца тому назадъ. Такимъ образомъ поѣздка моя «за границу» окончилась, и я пользуюсь этимъ окончаніемъ, чтобы сказать, что же именно было сдѣлано лѣтомъ 1857 года для заселенія Амура.

Казачьи станицы возникли въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. При устьѣ р. Игнашиной въ Амуръ, въ 63-хъ верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, теперешняя станица Игнашина.

2. При устьѣ р. Ольдоя, въ 27-ми верстахъ ниже предыдущей; теперь называется Сгибневой, въ память А. С. Сгибнева, командира «Аргуни», перваго на Амурѣ парохода.

3. Противу устья Албазихи, на мѣстѣ бывшаго городка Албазина—Албазинская станица, нынѣ одно изъ значительнѣйшихъ селеній на верхнемъ Амурѣ. Отъ предыдущей 83 версты.

4. Противу устья Панги, теперешняя станица Бейтоновская, въ память извѣстнаго героя XVII вѣка, Бейтона. Отъ Албазина 39 верстъ.

5. На устьѣ Буринды, теперешняя станица Толбузина; 78 верстъ.

6. Близь устья рѣчки Бусуни, Ольгинская; 53 версты.

7. На Ангаңѣ—Кузнецова, въ честь купца Кузнецова, жертвователя на первую амурскую экспедицію; 63 версты.

8. На Унми—Аносова, въ честь горнаго инженера, составившаго первое описаніе Амура въ 1854 г. и потомъ извѣстнаго своими геогностическими изысканіями въ Амурскомъ краѣ; 75 верстъ.

9. Противу устья Кумары, большая станица Кумарская; 87 верстъ.

10. На Улусѣ-Модонѣ два небольшіе поселка, нынѣ называемые Казакевичевымъ и Корсаковымъ, въ честь М. С. Корсакова и П. В. Казакевича, теперешняго кронштадтскаго военнаго губернатора, а въ 1857 г. губернатора Приморской области. Послѣдній отъ Кумары по рѣкѣ 69 верстъ.

11. На урочищѣ Нарасунъ—станица Бибикова, въ честь бывшаго спутника Н. Н. Муравьева въ его первой экспедиціи на Амурѣ, г. Бибикова; 66 верстъ.

12. При устьѣ Зеи, станица Усть-Зейская, нынѣ городъ Благовѣщенскъ; 75 верстъ, а отъ Усть-Стрѣлки 778.

13. Въ 26-ти верстахъ ниже устья Буреи, теперешняя станица Иннокентьевская; отъ Усть-Зеи 268 верстъ.

14. Халтанъ—теперь станица Касаткина; 41 верста.

15. У входа Амура въ Хинганъ—станица Пашкова, въ память нерчинскаго воеводы XVII вѣка; отъ Халтана 50 верстъ, а отъ Стрѣлки 1,137 верстъ.

Во всѣхъ этихъ 15-ти селеніяхъ въ 1857 г. было не свыше 1,850 душъ обоихъ половъ; самыя большія изъ нихъ были Усть-Зейская, Иннокентьевская и Кумарская станицы, въ которыхъ находились и управленія трехъ переселенныхъ сотенъ.

Къ этому осѣдлому населенію нужно присоединить, какъ первыхъ же русскихъ жителей на верхнемъ Амурѣ, офицеровъ и солдатъ 14-го сибирскаго линейнаго баталіона и дивизіона одной батареи, всего около 1,100, такъ что зимою съ 1857 на 1858 годъ было въ теперешней Амурской области около 2,950 русскихъ, разбросанныхъ на протяженіи 1,137 верстъ.

Люди эти вообще были снабжены продовольствіемъ на 14 мѣ-

сяцевъ, и если бы случилась въ теченіе зимы какая нибудь убыль запасовъ, то пополнить ее не имѣли средствъ, кромѣ небольшаго числа усть-зейцевъ, у которыхъ въ сосѣдствѣ былъ городъ Айгунъ съ группою маньчжу-китайскихъ деревень. Ни казна, ни частная русская торговля не могли имъ подать помощи раньше конца мая слѣдующаго 1858 года. Весь домашній скотъ и птица должны были кормиться изъ того же 14-ти мѣсячнаго людскаго запаса, но первый, разумѣется, главнымъ образомъ, запасами сѣна, которые населенію слѣдовало собрать въ первыя же недѣли по прибытіи на мѣсто, въ горячую пору постройки жилищъ. Мы видѣли, что, въ большинствѣ случаевъ, переселенцы прибыли поздно, и имъ, по времени года, почти было не до скота. Вотъ почему значительная часть привезенной изъ Забайкалья живности была съѣдена зимою, другая подохла, и рабочія силы къ началу рабочей поры 1858 года были въ состояніи неудовлетворительномъ. Этого факта не слѣдуетъ забывать, когда разбираютъ причины недостаточной зажиточности амурскихъ колонистовъ. Они, такъ сказать, были надорваны въ силахъ и средствахъ борьбою съ природою въ самый день ихъ водворенія въ новомъ краѣ.

Отсюда то недовольство ихъ судьбою, которое видѣлъ въ 1859—1860 годахъ С. В. Максимовъ и которое дискредитировало Амуръ и въ глазахъ народа, въ первое время увлекавшагося было переселеніемъ въ Амурскій край, и въ глазахъ образованной публики, которая, не имѣвъ возможности сама изучать богатыя естественныя средства новой страны, стала склонною думать, что богатства эти существуютъ только въ воображеніи нѣкоторыхъ иркутскихъ чиновниковъ, задаренныхъ наградами.

Изъ Горбицы я тѣмъ же способомъ, т. е. плывя въ лодкѣ, доѣхалъ до Стрѣтенска; но какъ тутъ уже можно было ставить на бичеву не людей, а лошадей, то плаваніе совершалось очень быстро. За всѣмъ тѣмъ, когда въ Стрѣтенскѣ я сѣлъ въ тарантасъ и двинулся по сухому пути рысью, отъ 10-ти до 12-ти верстъ въ часъ, то эта скорость показалась мнѣ неблагоразумно большою, и я долго держался за экипажъ, опасаясь упасть. Но мало по малу нервы пришли въ порядокъ, и несясь на курьерскихъ отъ Нерчинска къ Городищу, я уже заставлялъ ямщика ѣхать скорѣе, чѣмъ по 15-ти верстъ въ часъ.

И скакать было нужно. Уже въ Стрѣтенскѣ я узналъ, что

генералъ-губернаторъ собирается въ Петербургъ. Оставить его безъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ состояніи находился Амуръ черезъ полтора мѣсяца послѣ его отъѣзда, значило бы сильно его раздосадовать и даже, вѣроятно, повредить вообще амурскому дѣлу, потому что и цѣль-то его поѣздки въ далекую столицу состояла въ докладѣ о ходѣ этого дѣла и полученіи полномочій, необходимыхъ для его успѣшнаго окончанія. Переѣхавъ на пароходѣ Байкалъ, я въ ночь двинулся къ Иркутску и на зарѣ прибылъ въ этотъ городъ. Экипажъ Н. Н. Муравьева былъ уже подмазанъ, вещи уложены, и самъ онъ ходилъ по залѣ въ дорожномъ платьѣ, когда я явился съ докладомъ, частію письменнымъ, частію словеснымъ. Выслушавъ меня, онъ приказалъ начальнику штаба, г. Буссе, тому самому, который возбудилъ по смерти своей такую горячую полемику о Сахалинѣ, прислать меня осенью въ Петербургъ, а самъ пошелъ садиться въ тарантасъ, въ которомъ обыкновенно совершалъ свои поѣздки, такъ какъ рессорные экипажи совершенно не годятся для ѣзды по дорогамъ нешоссированнымъ.

III.

.... Два съ половиною мѣсяца, проведенные мною въ Иркутскѣ и въ Забайкальѣ послѣ отъѣзда Н. Н. Муравьева въ Петербургъ, были совершенно достаточны, чтобы убѣдиться, что такое вниманіе къ «новичку», какое оказалъ мнѣ генералъ-губернаторъ взявъ съ собою на Амуръ, не проходитъ даромъ. Не было такой шпильки и даже просто грубости, какой бы не позволилъ себѣ г. Б. по отношенію ко мнѣ, и если иногда сдерживался, то только потому, что, зная о предстоявшей мнѣ поѣздкѣ въ Петербургъ, боялся, что я принесу тамъ на него жалобу генералъ-квартирмейстеру и генералъ-губернатору. Я молчалъ, хотя иногда приходилось кусать губы отъ сдержаннаго негодованія. Чтобы характеризовать двумя словами мое положеніе въ это время, скажу, что когда я, для приложенія къ составлявшемуся мною описанію Забайкалья, начертилъ маршрутную карту, стоившую мнѣ около мѣсяца работы, то карта эта, наканунѣ окончанія, исчезла со стола, на которомъ я работалъ, сидя въ штабѣ...

Тѣмъ не менѣе, 22-го ноября 1857 года курьерская тройка понесла меня по направленію къ Петербургу и 9-го декабря поутру я былъ уже тамъ. Въ это время составлялось предположеніе объ экспедиціи на рѣку Усури для открытія вдоль ея сообщенія съ тѣми гаванями Японскаго моря, которыя только что были отысканы пароходомъ «Америка», возившимъ адмирала Путятина изъ Николаевска въ Китай. Генералъ-губернаторъ объявилъ мнѣ, что эта экспедиція будетъ поручена мнѣ. Лучшей программы дѣятельности на будущее лѣто нельзя было придумать, и я съ жаромъ занялся приготовленіями къ предстоявшему странствованію: перечиталъ все, что было писано о Маньчжуріи и Японскомъ морѣ, скопировалъ карты, сдѣлалъ длинныя выписки изъ Лаперуза и Броутона, выпросилъ у барона В. К. Ливена дубликаты многихъ книгъ о восточной Азіи, находившихся въ библіотекѣ главнаго штаба, для доставленія ихъ въ Иркутскъ, и т. п. Но особенно счастливымъ я считалъ себя, при этихъ приготовленіяхъ, тѣмъ, что имѣлъ случай встрѣтиться съ двумя отличными знатоками тѣхъ мѣстностей, въ которыя мнѣ предстояло отправиться, съ профессоромъ Васильевымъ и адмираломъ Невельскимъ. В. П. Васильевъ въ это время занимался переводами съ китайскаго описаній рѣкъ Амурскаго бассейна. Съ обычнымъ ему великодушіемъ, онъ сообщилъ мнѣ опись рѣки Усури и даже предложилъ не переписывать тетрадки, а оставить за собою оригинальную его рукопись. Это былъ поступокъ, достойный истиннаго служителя науки, чуждаго всякихъ личныхъ расчетовъ. Отъ него же я получилъ только что отпечатанное имъ въ Запискахъ Географическаго общества общее описаніе Маньчжуріи, составленное по китайскимъ источникамъ и во многомъ дополнявшее Риттера даже въ переводѣ его, сдѣланномъ въ 1856 г. П. П. Семеновымъ. Г. И. Невельской былъ не менѣе любезенъ. Онъ лично навѣстилъ меня въ скромной моей квартирѣ въ одной изъ отдаленныхъ частей Петербурга, пригласилъ къ себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ бесѣдовалъ со мною о Нижне-амурскомъ и Усурійскомъ краяхъ, о которыхъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія, частію какъ очевидецъ, частію изъ разспросовъ у гиляковъ, мангунъ и гольдовъ. Опасаясь, чтобы я чего-либо изъ сообщеннаго имъ не забылъ, онъ начертилъ на особомъ листѣ эскизъ страны между Усури и Японскимъ моремъ и тутъ же написалъ на поляхъ пояснительный

текстъ. Словомъ, В. П. Васильевъ и Г. И. Невельской сдѣлали все, что могли сдѣлать люди высокаго благородства и любви къ дѣлу, такъ что и теперь, черезъ 21 годъ, я не могу безъ горячаго біенія сердца вспоминать объ ихъ ко мнѣ участіи. Ихъ сообщенія я храню какъ святыню.

Геннадій Ивановичъ Невельской, какъ извѣстно, оставилъ свои Записки о времени первыхъ нашихъ движеній въ Амурскомъ краѣ, въ которыхъ ему принадлежала столь видная роль. Живя за границей, я еще не успѣлъ хорошо познакомиться съ содержаніемъ этой книги, не такъ давно вышедшей въ свѣтъ; но не сомнѣваюсь, что она полна интереса, именно потому что, конечно, въ ней сказана одна правда. Болѣе честнаго человѣка мнѣ не случалось встрѣчать, и хотя его рѣзкость, угловатость могли иногда не нравиться, но всякій, кто имѣлъ случай ближе подойти къ нему, скоро замѣчалъ, какая теплая, глубоко-симпатическая натура скрывалась за его непредставительною наружностью. Противники его, не имѣя возможности марать его чести, стоявшей выше подозрѣній, старались выставить его смѣшнымъ, ограниченнымъ сумазбродомъ... Да! и Колумбъ былъ сумазбродъ, и Гарибальди сумазбродъ, даже самый ограниченный, если вѣрить офиціознымъ журналистамъ и дипломатамъ. Только для нихъ обоихъ есть исторія; есть она и для Невельскаго, а всѣхъ офиціозныхъ журналистовъ и многихъ дипломатовъ что же ожидаетъ, кромѣ забвенія?...

Впрочемъ, виноватъ передъ гг. дипломатами. Именно въ воспоминаніяхъ о занятіи Амура приходится назвать одного изъ нихъ, также имѣющаго права на память въ потомствѣ. Это былъ тоже, если не «сумазбродъ», такъ «эксцентрикъ», Егоръ Петровичъ Ковалевскій, который управлялъ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1855—1861 годахъ. Его проницательный умъ, его литературныя дарованія, его злой языкъ, его отличное знакомство съ Востокомъ, его просвѣщенный патріотизмъ—слишкомъ извѣстны, чтобы мнѣ нужно было напоминать о нихъ; но его участіе въ дѣлѣ «возсоединенія» Амура извѣстно далеко не каждому. Когда нибудь, въ другомъ мѣстѣ, я разскажу, что знаю; но не могу не пожелать, чтобы этотъ трудъ принялъ на себя кто нибудь знавшій Егора Петровича ближе, чѣмъ я. Для исторіи Амурскаго края, то былъ бы важный матеріалъ.

Занятый приготовленіями къ усурійской экспедиціи, я не слишкомъ внимательно слѣдилъ за тѣми общими вопросами, которыхъ рѣшеніе вызывало Н. Н. Муравьева на пребываніе въ Петербургѣ; но все же зналъ, что по отношенію къ Амуру дѣло идетъ о двухъ предметахъ первостепенной важности, именно, о продолженіи заселенія его въ размѣрахъ гораздо бóльшихъ, чѣмъ въ 1857 году, и о передачѣ генералъ-губернатору Восточной Сибири тѣхъ полномочій на заключеніе съ Китаемъ договора объ Амурскомъ краѣ, которыя были даны другому лицу. Подписаніе трактата съ китайцами о признаніи за нами всего лѣваго и части праваго берега Амура должно было явиться вѣнцомъ многолѣтней дѣятельности Н. Н. Муравьева, и понятно, что онъ не желалъ отдать этого вѣнца другимъ. Дѣло это и устроилось въ началѣ 1858 года, такъ что я уже въ Петербургѣ зналъ, что предстоящею весною будутъ идти у генералъ-губернатора переговоры съ китайскими полномочными. Возникли толки о проведеніи наилучшей границы съ Маньчжуріею въ теперешней Приморской области. Одни говорили, что достаточно будетъ намъ взять треугольникъ между устьемъ Усури, заливомъ де-Кастри и Императорскою гаванью; другіе указывали на Ольгинскую гавань, какъ на южный предѣлъ пріобрѣтеній, которыхъ нужно желать. Г. И. Невельской совѣтовалъ не упускать момента ослабленія Китая, боровшагося съ тайпингами и англо-французами, и провести границу отъ устья Сунгари прямо на югъ, по горамъ, отдѣляющимъ бассейнъ этой рѣки отъ усурійскаго, а далѣе выйти къ Японскому морю у сѣверо-восточнаго угла Кореи. Но это предложеніе находили несерьезнымъ, слишкомъ агрессивнымъ, и, напримѣръ, М. С. Корсаковъ открыто подсмѣивался надъ нимъ... Надобно однако замѣтить, что на виду были предположенія и еще болѣе смѣлыя. Осенью 1857 года вышла въ Лондонѣ карта всего свѣта, изданная, если не ошибаюсь, офиціальнымъ англійскимъ картографомъ Стэнфордомъ. На ней русская граница въ восточной Азіи была проведена по прямой линіи отъ Абагайту къ Желтому морю, такъ что вся почти Маньчжурія признавалась русскою провинціей. Говорили, что границу эту Стэнфордъ провелъ по указаніямъ нашего военнаго агента въ Лондонѣ, капитана Н. П. Игнатьева, а этотъ послѣдній будто бы только выразилъ чертежомъ мысль и предположеніе импера-

тора Николая; но за достовѣрность этихъ слуховъ я не ручаюсь и передаю ихъ лишь какъ слухи, носившіеся въ средѣ, которая, до нѣкоторой степени, призывалась къ подачѣ голоса по амурскимъ дѣламъ и интересовалась всякаго рода относившимися до нихъ предположеніями.

Н. Н. Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга вскорѣ послѣ Новаго года; я остался на нѣкоторое время, чтобы получить заказанные мною разные инструменты для штаба и для сахалинскихъ угольныхъ копей, принять изъ библіотеки главнаго штаба книги и т. п. Долго заживаться однако было нельзя, и вотъ новыя 6,000 верстъ въ теченіе года, такъ что, считая поѣздку на Амуръ, я сдѣлалъ, съ февраля 1857 по февраль 1858 г., болѣе 22,000 верстъ, изъ которыхъ около 2,600 верстъ водою, 18,000 в. на почтовыхъ или курьерскихъ и только 1,800 верстъ по желѣзной дорогѣ. Привожу эти цифры, чтобы показать, какова была тогда служба въ Восточной Сибири, потому что я далеко не составлялъ исключенія, и многіе ѣздили еще больше меня, особенно адъютанты и чиновники особыхъ порученій генералъ-губернатора. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что надъ этими разъѣздами восточно-сибирскихъ чиновниковъ смѣялись въ Петербургѣ; «Искра» напечатала рядъ каррикатуръ на этотъ счетъ, гдѣ представила даже портреты нѣкоторыхъ изъ «курьеровъ» съ подписью, что «на привезенныхъ ими бумагахъ собственною его пр—ва рукою написано: къ свѣдѣнію». Но повторяю: разъѣзды были неизбѣжны. Я, напримѣръ, привезъ важныя депеши изъ Пекина и Тянь-цзина, которыя ускорили рѣшеніе дѣла о предстоявшемъ заключеніи договора объ Амурѣ по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли. Вѣдь почта отъ Иркутска до Петербурга ходила слишкомъ 30 дней, а я пріѣхалъ въ $17^1/_2$.

По прибытіи въ Иркутскъ, опять начались непріятности. Г-ну Б—у было досадно, что генералъ-губернаторъ, не спросясь его, отдалъ усурійскую экспедицію мнѣ. Узнавъ довольно близко его характеръ, я опасался съ его стороны всякаго рода мѣръ къ тому, чтобы исполненіе моего порученія обставить самыми невыгодными условіями; но, по счастію, составленіе команды и снабженіе ея запасами поручено было М. С. Корсакову, т. е. лицу, стоявшему внѣ штабныхъ интригъ, и моими спутниками на Усури явились люди усердные и хорошо всѣмъ снабженные. За то г-ну Б—у

удалось сдѣлать мнѣ серьезную непріятность въ собственно-штабной сферѣ. По предположенію генералъ-губернатора и утвержденной имъ смѣтѣ экспедиціи, предполагалось мнѣ дать въ помощь двухъ топографовъ. Г-нъ Б. распорядился такъ, что этихъ топографовъ я не видалъ въ глаза, и, слѣдовательно, мнѣ приходилось одному сдѣлать то, что должны были дѣлать трое. Мало того: изъ довольно значительнаго запаса топографическихъ инструментовъ, находившихся въ Иркутскѣ, мнѣ были отпущены самые дурные, напримѣръ, буссоли съ размагнитившимися стрѣлками и тупыми шпильками. По счастію, я всегда имѣлъ, какъ и теперь имѣю, этого рода инструменты собственные, разумѣется, исправные. Съ этой стороны, стало быть, маневры были безполезны. За то г. Б. не поскупился на личныя оскорбленія такого свойства, что я далъ себѣ слово: какъ только окончу экспедицію, уѣхать изъ Восточной Сибири, каковы бы ни были внѣшнія условія службы, которыя пришлось бы принять, отказавшись отъ должности старшаго адъютанта штаба. Я это потомъ и сдѣлалъ.

Въ половинѣ апрѣля 1858 г. я опять отправился на Амуръ и опять съ любезнымъ Я. П. Шишмаревымъ, но нѣсколькими днями впередъ генералъ-губернатора. Въ Шилкинскомъ заводѣ я нашелъ готовою мою команду: почтеннаго сотника Пѣшкова, урядника Масленникова, переводчика тунгузскаго языка унтеръ-офицера Карманова и одиннадцать казаковъ. Со мною былъ еще крѣпостной мальчикъ въ видѣ слуги, такъ какъ опытъ прошлаго года указалъ на положительную необходимость имѣть прислугу, независимую отъ команды гребцовъ, далеко нелюбезно распоряжавшихся вещами, лично мнѣ принадлежавшими. Такъ какъ мы прибыли въ Шилкинскій заводъ еще въ то время, когда Шилка была покрыта льдомъ, то пришлось дожидаться ея вскрытія. Помню очень хорошо, какъ по вскрытіи, наконецъ, рѣки стали хлопотать о скорѣйшемъ выводѣ изъ гавани парохода «Лены», гдѣ онъ замерзъ, и какъ не успѣли въ этомъ, такъ что генералъ-губернаторъ съ ближайшими своими спутниками уплылъ на катерѣ, а намъ, т. е. г-ну Б., мнѣ, почтенному чиновнику особыхъ порученій В. Д. Карпову и еще какому-то гражданскому чиновнику, имени котораго не могу вспомнить, данъ былъ огромный барказъ или, точнѣе, кузовъ канонерской лодки, на которой смѣло можно было помѣстить роту солдатъ, или, еще лучше, семействъ

тридцать переселенцевъ, или нѣсколько тысячъ пудовъ муки. Этотъ барказъ былъ истиннымъ мученьемъ для моей команды, которая одна должна была съ нимъ управляться и, стало быть, понапрасну измучиться прежде, чѣмъ начнется собственно усурійская экспедиція. Особенно непріятно было присутствіе на томъ же барказѣ генералъ-губернаторскихъ куръ и барановъ, которымъ не нашли, видно, другаго мѣста, которые отравляли атмосферу, доставляли много хлопотъ по прокормленію и кончили тѣмъ, что большею частію подохли не доѣхавъ до Зеи... Эти мелочи съ «задняго двора» я привожу здѣсь, какъ характеристическія вообще для экспедиціи 1858 года, въ которую, за огромностью ея размѣровъ и цѣли, очевидно пренебрегали вещами второстепенными, т. е. именно тѣми, которыя ближе всего касаются отдѣльныхъ исполнителей общаго дѣла.

А цѣль и размѣры экспедиціи 1858 года были дѣйствительно огромны. Во первыхъ, нужно было дополнить колонизацію прошлаго года основаніемъ множества новыхъ селеній между Усть-Стрѣлкою и Хинганомъ, такъ чтобы, вмѣсто прежнихъ трехъ сотень, казаки могли выставлять два полка; во вторыхъ, слѣдовало заселить вновь обширное пространство между Хинганомъ и Усури и даже часть береговъ этой послѣдней рѣки; въ третьихъ, и самое главное, нужно было заключить договоръ съ Китаемъ, облекавшій наши захваты на Амурѣ въ законную форму. Послѣдняя цѣль была бы очень трудно-достижимою, даже, быть можетъ, вовсе недостижимою безъ войны, если бы у китайскаго правительства не было въ это время на рукахъ тяжелыхъ заботъ по борьбѣ съ англо-французами, взявшими уже Кантонъ, съ тайпингами, владѣвшими Нанкиномъ, и съ магометанами, которыхъ возстаніе началось въ 1857 году и охватило обширную площадь отъ береговъ Желтой рѣки въ Шенъ-си до Кашгара. Но какъ эта тройная борьба, совершавшаяся притомъ на театрахъ гораздо болѣе важныхъ для Китая, чѣмъ отдаленный Амуръ, поглощала все вниманіе богдыханскаго правительства, то можно сказать, что именно главная-то цѣль экспедиціи 1858 года—трактатъ—была самою легко-достижимою. Это и подтвердилось тѣмъ, что когда генералъ-губернаторъ прибылъ на устье Зеи, то оказалось, что китайскій уполномоченный, князь И-шань, тесть императора, уже дожидается его въ сосѣднемъ Айгунѣ. Кромѣ того, яснымъ дока-

зательствомъ готовности китайцевъ уступать служитъ и самая краткость переговоровъ. Мы прибыли на устья Зеи 11-го мая; 13-го генералъ-губернаторъ явился передъ Айгуномъ съ своимъ катеромъ и двумя канонерскими лодками, а 16-го договоръ былъ подписанъ. Я не привожу здѣсь его содержанія, потому что онъ всѣмъ извѣстенъ, но замѣчу, что при заключеніи его было нѣсколько курьезныхъ обстоятельствъ. Переговоры велись черезъ переводчиковъ или, точнѣе и главнымъ образомъ, черезъ Я. П. Шишмарева, который получалъ указанія отъ генералъ-губернатора и къ которому являлись второстепенные китайскіе чиновники съ такими же наставленіями отъ князя И-шаня. Послѣдніе прибѣгали къ совершенно азіатскимъ хитростямъ, чтобы добиться нашей снисходительности. Они плакали, увѣряя, что не смѣютъ передать представляемыхъ требованій своему послу, вѣроятно, изъ опасенія, что онъ велитъ вздуть ихъ бамбуками, увѣряли отъ имени самого посла, что онъ не рѣшится принять такихъ-то и такихъ-то условій, потому что за принятіе ихъ ему угрожала бы петля, и т. п., а когда договоръ былъ подписанъ, то признавались, что ихъ удивила умѣренность нашихъ требованій, что они ожидали для начала негоціяцій домогательства нашего на всѣ земли до Великой стѣны и Желтой рѣки, дабы потомъ, по принятому въ дипломатіи обычаю, сбавлять эти требованія... Спѣшу, впрочемъ, оговориться: самъ я подъ Айгуномъ во время переговоровъ не былъ, а узналъ эти подробности черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора, когда генералъ-губернаторъ со свитою прибылъ на устье Усури, куда я былъ отправленъ впередъ. Помнится, при этомъ и самъ Н. Н. Муравьевъ смѣялся надъ И-шанемъ, который хоть и увѣрялъ, что боится петли, но на послѣдовавшемъ за подписаніемъ трактата угощеніи такъ усердно пилъ шампанское, что снялъ съ себя курму и остался только въ той части одежды, которая походитъ на поповскій подрясникъ или, пожалуй, даже на рубашку и которая, я уже забылъ теперь, какъ называется по китайски.... Разсказывали также о баснословномъ невѣжествѣ китайцевъ, которыхъ будто бы увѣрили, для убѣжденія въ необходимости уступить намъ усурійскій край, что если они этой уступки не сдѣлаютъ, то англичане не замедлятъ появиться на Усури съ своими пароходами и пушками, которыя перетащутъ туда съ Японскаго моря. Вообще, пуганье англича-

нами было однимъ изъ главныхъ мотивовъ съ нашей стороны, и кто знаетъ ненависть и боязнь, которую китайцы питаютъ къ этимъ «рыжимъ варварамъ», тотъ пойметъ, что выборъ этого мотива былъ очень удаченъ: мы сами вѣдь должны были во всякомъ случаѣ остаться «друзьями» Китая.

IV.

Вся поэзія амурскаго дѣла кончилась съ подписаніемъ айгунскаго договора. За исключеніемъ одной моей небольшой экспедиціи, которая тоже утратила часть своей прелести, не оставалось ни одного предпріятія на Амурѣ, которое не было бы самою сухою прозою. Для «видныхъ» дѣлъ почти не оставалось мѣста. Поэтому можно было предвидѣть, что тотъ наплывъ энергической молодежи въ Иркутскъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершался подъ вліяніемъ амурскаго дѣла, скоро прекратится, а съ нимъ прекратится и та энергическая жизнь, которая было пробудилась въ Восточной Сибири. Такъ оно и случилось, какъ извѣстно; но впрочемъ 1858 и 1859 года были еще годами увлеченій для многихъ, возвращавшихся потомъ, разумѣется, совершенно разочарованными. Колонизація Амура, изслѣдованія и заселеніе южно-усурійскаго края, тамошнихъ гаваней и т. п. привлекали еще людей, жаждавшихъ дѣятельности, но недолго. Въ 1860 году посѣтилъ наши посты по берегамъ Японскаго моря талантливый путешественникъ Линдау: онъ удивлялся ихъ безжизненности и печальной участи людей образованныхъ, которые были брошены судьбой въ эту глушь. Тогда же описалъ далеко нерозовыми красками и самый Амуръ путешественникъ русскій, С. В. Максимовъ...

Гдѣ причина этому? Отчего Амурскій край не развился такъ же быстро и роскошно, какъ Калифорнія, Новая Зеландія, Южная Австралія или хоть даже Канада?... Въ «воспоминаніяхъ» не мѣсто отвѣчать на этотъ вопросъ, а потому я вернуся къ простому перечню событій 1858 года, на сколько они знакомы мнѣ лично.

И, во первыхъ, скажу нѣсколько словъ объ амурской компаніи, которая была основана въ этомъ году и возбуждала такія сангвиническія надежды. Задачи компаніи были очень широки, средства значительны, покровительство со стороны высшихъ сибирскихъ властей—безусловно; въ заключеніе всего, веденіе дѣлъ

на мѣстѣ, т. е. на Амурѣ, было ввѣрено лицу, извѣстному въ иркутскомъ коммерческомъ мірѣ по своему уму и дѣятельности, купцу Бѣлоголовому. Н. Н. Муравьевъ принималъ самое близкое участіе въ судьбахъ компаніи. Когда, по заключеніи айгунскаго договора, онъ встрѣтилъ Бѣлоголоваго на устьѣ Усури, въ теперешней станицѣ Казакевичевой, то на бывшемъ въ генералъ-губернарскомъ помѣщеніи (шалашъ изъ коры) завтракѣ единственный тостъ, провозглашенный хозяиномъ, былъ «за процвѣтаніе амурской компаніи», которая должна была избавить Амуръ отъ мелкихъ хищниковъ-спекулянтовъ и водворить въ немъ «разумную» торговлю, которая бы содѣйствовала развитію богатствъ края. Предполагалось, что средства компаніи дадутъ ей возможность снабдить край немедленно тѣми произведеніями странъ культурныхъ, которыхъ недоставало необработанной еще, хотя богатой отъ природы, пустынѣ: хлѣбомъ, рисомъ, сахаромъ, свѣчами, готовою обувью, одеждой и матеріалами для нея, скотомъ, земледѣльческими орудіями, мебелью, посудой, стекломъ, желѣзною утварью и пр. Предполагалось, конечно, что главною заботой компаніи будетъ не скупка по дешевой цѣнѣ соболей, которые бы на ирбитской ярмаркѣ доставили ей 300—400% барыша [1]), а доставка изъ-за границы, моремъ, такихъ грузовъ, которые бы могли удовлетворить потребностямъ вновь возникавшихъ колоній. Предполагалось, наконецъ, что мѣстныя амурскія власти проникнутся тѣми же взглядами на компанію, какъ и власти иркутскія, и не только не будутъ дѣлать ей притѣсненій и убытковъ, а облегчать ея задачи—отводомъ, напримѣръ, постоянныхъ мѣстъ подъ магазины компаніи, перевозкою болѣе спѣшныхъ грузовъ на казенныхъ пароходахъ, трюмы которыхъ нерѣдко оставались пустыми, и т. п. Но что же случилось не въ области предположеній, а въ дѣйствительности? Въ лавкахъ компаніи продавались заплесневѣлые пшеничные сухари и крендели по полтиннику и по трехрублевому за фунтъ, прогорьклое коровье масло по цѣлковому, червивая колбаса, гнилая даба́ (низшій сортъ китайки) и т. п., а принимались, за исключеніемъ денегъ, одни соболи! Съ великимъ трудомъ я, износившій на

---

[1]) Соболи покупались въ 1858 г. на Амурѣ по 3—4 рубля, а продавались въ Ирбитѣ по 12—15, иногда даже по 25 рублей. М. В.

Усури четыре пары обуви, могъ достать себѣ кунгурскіе простонародные сапоги что-то за 10 или 12 рублей пару, такъ что на первый же годъ существованія компаніи приходилось жалѣть объ отсутствіи тѣхъ «хищниковъ», которыхъ могущественная конкурренція компаніи удалила съ Амура. Съ другой стороны, мѣстныя власти вели себя съ компаніею возмутительно. Пришли, напримѣръ, на устья Зеи компанейскія лодки. «Давайте ихъ намъ! онѣ намъ нужны для перевозки солдатъ или казенныхъ тяжестей!» Прибыли на низовья Амура компанейскіе скотъ и мука: «пожалуйте ихъ намъ, а въ будущую навигацію мы вамъ отдадимъ ихъ натурою!»—Губернаторъ Б., отправляясь въ Благовѣщенскъ и желая, чтобы городъ этотъ былъ не только просвѣщенъ его присутствіемъ, но и освѣщенъ фонарями, заказалъ таковые компаніи, да кстати и пожарные инструменты. И то, и другое было доставлено, но тогда его превосходительство отказался отъ заказа, потому что у города доходовъ не было и заплатить было нечѣмъ. И, разумѣется, компанія не смѣла отыскивать убытковъ. Мудрено-ли послѣ этого, что она кончила свое существованіе черезъ 3—4 года продажею акцій, кажется, г-ну Бенардаки, по 17 копѣекъ за рубль?!

Лично я провелъ все лѣто 1858 года, т. е. конецъ мая, іюнь, іюль и часть августа, на Усури, занимаясь съемкою этой рѣки и составляя ея описаніе. Такъ какъ отчетъ объ этой экспедиціи давно и не разъ напечатанъ, не только по русски, но даже по англійски, то я не буду здѣсь останавливаться на ней, а разскажу лишь то, что относится до заселенія Амура. Когда, въ августѣ, я плылъ внизъ по Усури и приближался къ ея устью, то издали замѣтилъ нѣсколько свѣжихъ, еще неоконченныхъ построекъ по равнинѣ праваго ея берега, тянущейся отъ подошвы хребта Хехцыръ къ югу. Это былъ зародышъ станицы Невельской, которую потомъ пришлось перенести съ берега внутрь страны, потому что разливы Усури затопляли дома. Хотя въ 1858 г. переселенческіе сплавы начались гораздо раньше, чѣмъ въ 1857-мъ, но по отдаленности Усури отъ Забайкалья поселенцы пришли поздно, и состояніе ихъ построекъ внушало опасенія, что зимовка будетъ плоха. Въ слѣдующемъ селеніи, Казакевичевомъ, дѣло шло несравненно лучше. Тутъ уже съ ранней весны губернаторъ Приморской области началъ возведеніе зданій

для магазиновъ и нѣсколькихъ жилыхъ построекъ, и потому селеніе имѣло довольно приличный видъ. Оно поэтому и сдѣлано было потомъ мѣстопребываніемъ командира Усурійскаго казачьяго баталіона. Станица Корсакова едва зарождалась, за то Хабаровка, поставленная на превосходномъ, возвышенномъ берегу Амура и Усури, при окончательномъ ихъ сліяніи, представляла утѣшительный видъ. Здѣсь работы, подъ управленіемъ того же Я. В. Дьяченки, который въ прошломъ году строилъ Кумарскую станицу, шли очень успѣшно, и возникли не только дома, но лавки съ товарами, даже, если не ошибаюсь, заложена была небольшая церковь или часовня на пригоркѣ, видномъ издалека. Купцы своимъ коммерческимъ инстинктомъ поняли, что тутъ въ будущемъ долженъ возникнуть большой коммерческій центръ, и, разумѣется, рано или поздно этотъ центръ возникнетъ; но вотъ, напримѣръ, какія обстоятельства мѣшали этому до настоящаго времени. Гораздо позднѣе основанія Хабаровки возникла мысль основать въ ней мѣстопребываніе губернатора всего Амурскаго края, при чемъ Благовѣщенскъ остался бы уѣзднымъ городомъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока населеніе Амурскаго края не увеличится на столько, чтобы стоило сдѣлать изъ него двѣ области. При этомъ, конечно, губернатору изъ Благовѣщенска, гдѣ у него есть хорошій домъ, пришлось бы переѣхать въ Хабаровку, на первое время—въ помѣщеніе болѣе тѣсное; пришлось бы и удалиться отъ Иркутска, гдѣ жилъ нареченный тесть губернатора, человѣкъ тоже съ виднымъ положеніемъ въ провинціальной администраціи. Спросили изъ Петербурга кого слѣдуетъ въ Восточной Сибири, и что же получили въ отвѣтъ? «Хабаровка неудобна; она лежитъ на болотѣ; отличается нездоровостью», и т. п. Мнѣ случилось читать этотъ любопытный отвѣтъ, и я не зналъ, какъ онъ могъ быть данъ вопреки очевидности,—потому что Хабаровка лежитъ на откосѣ высокой горы и есть одна изъ лучшихъ по мѣстности колоній Амурскаго края,—и какая цѣль могла быть при его составленіи? Только лишь узнавъ случайно семейныя обстоятельства, на которыя сейчасъ указалъ, я понялъ, почему хребетъ Хехцыръ офиціально обратился въ болото.... Что же такое нужды государственныя передъ семейными нѣкоторыхъ особъ!...

Я сейчасъ сказалъ, что нашелъ въ августѣ 1858 г. въ Ха-

баровкѣ нѣсколькихъ торговцевъ. Одинъ изъ нихъ, скорѣе прикащикъ или даже «молодецъ», чѣмъ хозяинъ, узнавъ, что я прибылъ съ Усури, сталъ при встрѣчѣ разспрашивать меня, что это за край, чѣмъ тамъ можно торговать? и пр. Я замѣтилъ, что на Усури пока почти совершенная пустыня, что вдоль ея я нашелъ всего 102 плохенькіе домика ссыльныхъ китайцевъ и гольдовъ, и что кромѣ соболей тамъ покупать нечего, а продавать можно дабу, водку, табакъ, порохъ и т. п. Соболи, кажется, дешевы.—«Такъ-съ! Ну, а край изъ себя каковъ? Говорятъ, много болотъ».—Есть-таки, но вѣдь безъ этого не можетъ же быть въ странѣ дикой, лѣсистой и дождливой. Придутъ жители, найдутъ много мѣстъ возвышенныхъ, годныхъ для водворенія, а когда вырубятъ лѣса, то и почва обсохнетъ, даже въ долинѣ рѣки, не только по уваламъ. Вѣдь вотъ и про Амуръ говорили, что онъ—болото; а гдѣ же вы видѣли, чтобы дома были поставлены на болотистой почвѣ, кромѣ развѣ Бусули?—«Помилуйте! гдѣ же на болотѣ? а на пескѣ, это точно... вонъ извольте посмотрѣть, на томъ берегу лугъ-то весь песчаный».—И говоря слова «на пескѣ», мой молодецъ какъ-то лукаво улыбнулся, такъ что даже послѣдняя часть его рѣчи мнѣ показалась лишь оговоркой, долженствовавшею смягчить смыслъ его насмѣшливаго замѣчанія.... Должно признаться, что дѣйствительно значительная часть селеній, возникшихъ въ 1858 году, была основана «на пескѣ», въ томъ смыслѣ, что они были недолговѣчны и постепенно были относимы отъ берега Амура внутрь страны. Но много было мѣстностей истинно великолѣпныхъ по положенію и угодьямъ, напримѣръ, станица Екатерино-Николаевская, у выхода Амура изъ Хинганскихъ горъ. Я не знаю, кто именно выбиралъ мѣста подъ селенія; но общій отчетъ по ходу колонизаціи того года возложенъ былъ на чиновника особыхъ порученій генералъ-губернатора, Шелехова, сына извѣстнаго въ свое время писателя по сельскому хозяйству. Что онъ написалъ, мнѣ неизвѣстно; но вотъ, что я могу сказать съ своей стороны.

Лѣтомъ 1858 года возникло на Амурѣ и Усури 35 селеній, именно: шесть выше Благовѣщенска, четыре на Усури и двадцать пять на среднемъ Амурѣ, отъ Благовѣщенска до Хабаровки. Въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго общества» за 1871 г. мною былъ перепечатанъ списокъ всѣхъ въ то время

существовавшихъ въ Амурскомъ краѣ населенныхъ пунктовъ съ показаніемъ годовъ ихъ основанія; но я долженъ здѣсь оговориться, что тамъ есть нѣсколько ошибокъ, именно относительно хронологіи. Перепечатка мною сдѣлана съ офиціальнаго списка, составленнаго коммисіею 1869 года, ѣздившею на Сахалинъ, и, конечно, ей было очень немного интереса добиваться точности въ хронологіи; но если кто вздумаетъ современемъ писать подробную исторію амурской страны, тотъ долженъ это имѣть въ виду. Станицы были разставлены такимъ образомъ, чтобы разстоянія между ними были по возможности однообразны и равнялись длинѣ обыкновеннаго почтоваго переѣзда. Я уже замѣтилъ, въ какихъ соображеніяхъ, губительныхъ для переселенцевъ, это дѣлалось; здѣсь прибавлю, что и въ 1858 году объ учрежденіи почтовыхъ станцій по Амуру не было и рѣчи. Странное дѣло! Заняли мы въ киргизской степи ни на что серьезно ненужный Зайсанскій постъ, въ 400 верстахъ отъ Семипалатинска, и сейчасъ провели къ нему почтовую дорогу, по которой едва-ли когда нибудь возится болѣе десятка казенныхъ и частныхъ конвертовъ въ недѣлю. А заняли и заселили Амурскій край, эту большую дорогу къ Тихому океану, и правильной почты не организовывали нѣсколько лѣтъ, разрушая такимъ образомъ одною рукой то, что другою насаждали, т. е. систематически раззоряя вновь водворяемыхъ переселенцевъ почтовою гоньбой. Точно будто Восточная и Западная Сибирь принадлежатъ не къ одному государству и управляются по разнымъ началамъ!

Общее число переселенцевъ 1858 года мнѣ неизвѣстно, но полагаю, что оно простиралось отъ шести до семи тысячъ душъ, главнымъ образомъ пѣшихъ казаковъ изъ Нерчинскаго округа. Довольно забавную въ военномъ отношеніи картину представляли эти побочные сыны или, точнѣе, пріемыши Марса. До 1851 г. они выжигали для горныхъ заводовъ уголь, возили руду, охотились зимою на бѣлокъ, занимались сельскимъ хозяйствомъ, и военныхъ мундира и аммуниціи почти не видывали, кромѣ развѣ тѣхъ, кто жилъ по этапному тракту, которымъ слѣдовали арестанты подъ конвоемъ солдатъ. Вдругъ—въ казаки! Наслали къ нимъ офицеровъ, начали учить артикуламъ, собирать на ученья, даже, кажется, на маневры, выучили ходить въ ногу и пр. Но передѣлать натуры въ 6—7 лѣтъ не могли. Пѣшій забайкаль-

скій казакъ остался мужикъ-мужикомъ, только вмѣсто зипуна любилъ халатъ и бороду не запускалъ, а брилъ поневолѣ. Фитильная охотничья винтовка была ему милѣе казеннаго ударнаго ружья, потому что она не пугаетъ звѣря взводомъ курка. А что до военной выправки и дисциплины, то онъ частенько говорилъ своему начальнику-офицеру, вмѣсто «ваше благородіе» — «сударь» и при этомъ почесывалъ затылокъ. Вотъ эти-то люди и были призваны заселять Амуръ не просто, чтобъ жить на немъ, но чтобъ защищать его, отъ кого? — не знаю. Я уже не разъ упоминалъ, что китайцевъ бояться было нечего, а затѣмъ очевидно, что въ данномъ случаѣ мы слѣпо слѣдовали традиціи, по которой русскія окраины должны быть обставлены передовою казачьею цѣпью.

Всю эту массу переселенцевъ, двинутую по волѣ правительства и водворенную не тамъ, гдѣ-бы она, можетъ быть, пожелала сама, а тамъ, гдѣ было приказано, приходилось, разумѣется, кормить на счетъ казны, и, какъ опытъ доказалъ, не одинъ годъ. Откуда-же было взять хлѣба? Разумѣется, кромѣ Забайкалья неоткуда. Но Забайкалье имѣетъ такое малочисленное и рѣдкое населеніе, что большихъ свободныхъ остатковъ хлѣба на продажу у него не могло быть. Тутъ опять было употреблено насиліе въ видѣ реквизиціи хлѣба у крестьянъ трехъ волостей по Ингодѣ и Онону. Имъ назначена была цѣна, — помнится, копѣекъ 60 за пудъ муки, — и они должны были доставлять столько-то тысячъ пудовъ. Доставлять хлѣбъ изъ богатыхъ имъ староверческихъ селеній верхнеудинскаго округа, расположенныхъ по Хилону, Чикою и Селенгѣ, разумѣется, было бы слишкомъ дорого, а попробовать скупить запасы въ китайскихъ деревняхъ около Айгуна было бы дѣломъ рискованнымъ, такъ какъ запасовъ такихъ могло и не оказаться, даже китайцы могли ихъ не продать. О доставкѣ же на Амуръ какъ хлѣба, такъ даже и самихъ колонистовъ изъ Россіи или изъ за границы моремъ въ то время — да и гораздо позднѣе — не было и рѣчи, и тѣхъ, которые бы вздумали предложить этотъ способъ подвоза людей и ихъ продовольствія, вѣроятно, въ Иркутскѣ сочли бы «недальновидными». Эта недальновидность вѣдь приписывалась, напримѣръ, Михаилу Васильевичу Петрашевскому (+ 1867 г.) за то, что онъ порицалъ стѣсненія хлѣбной торговли на иркутскомъ базарѣ. Еще съ большею откровенностью

въ ней обвинялись люди, имѣвшіе смѣлость смотрѣть не чужими глазами на амурское дѣло...

Какъ въ прошломъ году на Усть-Зеѣ, такъ теперь въ Хабаровкѣ, парохода не оказалось, и я, давъ моей изнуренной командѣ отдыхъ въ два дня, приказалъ ей готовиться къ новому странствованію на бичевѣ, которое должно было простираться на 2,000 верстъ. Мы отплыли съ устья Усури послѣ полудня и вечеромъ остановились на ночлегъ у лѣваго берега Амура, еще въ виду Хехцыра, но уже верстахъ въ 25-ти отъ Хабаровки. На завтра начали мы проходить тѣ селенія, которыя, по выраженію хабаровскаго прикащика, строились на пескѣ. Превосходныя луговыя угодья плѣняли однако же самихъ переселенцевъ, и имъ большею частію въ голову не приходило, что луга эти— поемные и что первый большой разливъ Амура прогонитъ ихъ съ мѣстъ. Вода въ рѣкѣ была довольно высока и теперь, отъ дождей въ бассейнѣ Сунгари, а потому бичевникъ далеко не вездѣ былъ хорошъ. Зная, что пароходъ долженъ былъ идти изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, я приказывалъ не заходить въ мелкіе протоки, а идти главнымъ русломъ, чтобы не пропустить парохода; но какова-же была моя досада, когда однажды сидѣвшій на рулѣ казакъ не исполнилъ этого распоряженія, зашелъ вмѣсто Амура въ одинъ изъ его притоковъ, а когда мы, наконецъ, вернулись изъ него въ большую рѣку, то встрѣтившіеся мнѣ гольды объявили, что пароходъ тѣмъ временемъ прошелъ! Только тотъ, кто четыре мѣсяца шлепалъ по грязи, по камнямъ, подвергался свирѣпымъ укушеніямъ комаровъ и слѣпней, надѣялся отъ всего этого избавиться и вдругъ обманулся,—пойметъ отвратительное состояніе духа, въ которомъ я да и всѣ мои спутники находились. Но вотъ, мало по малу, на горизонтѣ, у лѣваго берега Амура, тамъ, гдѣ виднѣлись струи дыма, очевидно изъ возникавшаго русскаго селенія, обрисовался корпусъ какого-то судна, не амурской, т. е. не барочной конструкціи, и въ подзорную трубу я разсмотрѣлъ, что это пароходъ. О, радость!.. но совершенно напрасная. Пароходикъ этотъ былъ небольшой барказъ «Надежда», везшій изъ Николаевска курьера, лейтенанта А. М. Линдена, но попортившій дорогою механизмъ и потому не могшій плыть далѣе. Вмѣсто полученія отъ Линдена помощи, приходилось помогать ему самому. «Надежду», по ея безнадеж-

ному состоянію, отправили назадъ, внизъ по теченію, въ Николаевскъ, а милаго, образованнаго и симпатичнаго курьера я попросилъ пересѣсть въ мою лодку. Отъ этого, конечно, физически на ней стало тѣснѣе, но за то я оживился нравственно. Мы поплыли опять бичевою, т. е. способомъ, который Линденъ справедливо называлъ антидиллювіальнымъ и надъ которымъ, какъ океанскій плаватель, привыкшій дѣлать по десяти узловъ въ часъ, хохоталъ отъ души. Скоро мы прошли станицу Михайло-Семеновскую, которая на картахъ малаго масштаба представляется расположенною противу устья Сунгари, а на самомъ дѣлѣ отстоитъ отъ него на 17 верстъ. Я не безъ удовольствія замѣтилъ, что тутъ не дѣлалось и попытки строить какія-нибудь батареи для «командованія» сунгарійскимъ русломъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ и Казакевичевой эти попытки имѣли мѣсто; въ двухъ послѣднихъ даже послѣ заключенія айгунскаго договора.

По мѣрѣ приближенія къ Хингану, мѣста становились живописнѣе и общій уровень равнины сдѣлался нѣсколько выше. Особенно превосходную мѣстность занимала большая станица Екатерино-Николаевская, расположенная среди группъ дубовыхъ деревьевъ, недалеко отъ выхода Амура изъ Хинганскихъ горъ. Эта станица-красавица получила свое имя въ память Е. Н. Муравьевой, супруги генералъ-губернатора, которая сопровождала его въ одну изъ экспедицій, кажется, въ 1855 году. Вообще замѣчу, что имена большей части спутниковъ и сотрудниковъ Н. Н. Муравьева увѣковѣчены имъ на Амурѣ въ названіяхъ разныхъ селеній. Нѣкоторымъ изъ этихъ сотрудниковъ, напримѣръ, Корсакову, Казакевичу, Буссе, «посвящены» даже по два и по три селенія. Мнѣ была сдѣлана честь наименованіемъ по моей фамиліи одной станицы на Усури, довольно большой, имѣющей теперь церковь и даже школу.

Когда мы вступили въ ущелье Хингана, гдѣ оба берега Амура образованы крутыми, покрытыми лѣсомъ горами, то плаваніе наше сдѣлалось чрезвычайно труднымъ. Бичевника не было и въ поминѣ; приходилось идти на веслахъ, а рѣка тутъ отличается особою быстротою, тѣмъ большею въ данномъ случаѣ, что вода была большая, отъ дождей въ верховьяхъ рѣки. Такое путешествіе по 20—25 верстъ въ день способно было навести уныніе даже въ

присутствіи такого всегда хорошо-настроеннаго спутника, какъ А. М. Линденъ. Вдругъ, однажды на зарѣ, когда еще не вся команда проснулась, мы заслышали шумъ пароходныхъ колесъ. Линденъ немедленно началъ кричать, подавать сигналы и, къ удовольствію нашему, насъ замѣтили. Черезъ пять минутъ мы были на палубѣ парохода, а черезъ часъ, когда находившіеся уже тамъ пассажиры проснулись, мы нашли среди ихъ очень пріятныхъ спутниковъ: архимандрита Аввакума, капитанъ-лейтенанта барона Шлиппенбаха, двухъ янки, Якоби и Эше, русскаго купца Ланина и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло даже курьезъ, характеристическій для Амура. Это былъ офицеръ морскихъ инженеровъ, фамилію котораго я теперь забылъ, отличный строитель, но до такой степени поклонникъ Бахуса, что адмиралъ Казакевичъ долженъ былъ приставить къ нему боцмана, отвѣтственнаго если офицеръ напьется, и даже держать его на работахъ вдали отъ города Николаевска, день и ночь, чтобы онъ не имѣлъ возможности доставать водки. Не будемъ относиться съ укоромъ къ несчастному. Онъ не одинъ въ своемъ родѣ, и даже нынѣ нерѣдки случаи на Сахалинѣ, что офицеры спиваются, сходятъ съ ума, впадаютъ въ бѣлую горячку и т. п. отъ одиночества и монотонной жизни безъ всякаго развлеченія. Я не далѣе 1877 года читалъ въ Тифлисѣ письмо одного изъ сахалинцевъ, убѣждавшаго одного изъ бывшихъ своихъ корпусныхъ товарищей, теперь ставшаго вліятельнымъ лицомъ на Кавказѣ, «спасти» его отъ печальной участи умереть нравственно, а можетъ быть, и физически, въ сырой, холодной пустынѣ.... Петербургскіе рѣшители судебъ, засѣдающіе въ разныхъ канцеляріяхъ, всегда трезвые, изысканно-приличные, непрощающіе человѣческой природѣ ни одного недостатка, если онъ не ведетъ къ карьерѣ или фортунѣ, разумѣется, съ отвращеніемъ относятся къ такимъ «погибшимъ» людямъ, каковъ былъ нашъ инженеръ-морякъ; но въ провинціяхъ, особенно отдаленныхъ, люди болѣе гуманны. На пароходѣ называли одного благороднаго жителя Николаевска, который не отказался пожертвовать нѣсколькими стами рублей собственныхъ денегъ, чтобы дать возможность человѣку «падшему» вернуться на родину, и я бы не затруднился назвать этого жителя, если бы не зналъ, что такое оглашеніе сдѣланнаго имъ добраго дѣла будетъ ему не-

пріятно, тѣмъ болѣе, что онъ занимаетъ такой высокій постъ, что и безъ того ему приходится слышать немало похвалъ.

Не смотря на сильное теченіе рѣки, пароходъ «Амуръ» шелъ всетаки впятеро скорѣе, чѣмъ лодка, и вотъ мы скоро поравнялись съ избушкою натуралиста Радде. Этотъ почтенный дѣятель науки жилъ одиноко, съ двумя лишь казаками-охотниками, среди величавой и богатой природы Хингана, гдѣ собралъ, въ теченіе года, великолѣпную зоологическую и ботаническую коллекцію. Весною 1858 г., плывя на Усури, я посѣтилъ его и нашелъ на столько отвыкшимъ отъ удобствъ жизни, что онъ уже не могъ пить чая съ сахаромъ. Н. Н. Муравьевъ, нѣсколькими днями позднѣе, также останавливался въ его хижинѣ и потомъ шутя разсказывалъ, что «Радде такъ влюбился въ природу, что просилъ меня остаться до слѣдующаго дня, чтобы видѣть, какъ будутъ выходить изъ яичекъ личинки какого-то Scarabeus'а».... Впрочемъ, почтенный натуралистъ былъ предметомъ не однѣхъ такихъ шутокъ, безобидныхъ или даже лестныхъ для его самолюбія, какъ ученаго. Были люди, въ родѣ г-на Б., которые, съ обычнымъ грубымъ натурамъ цинизмомъ, увѣряли, что «Радде зажился въ Хинганѣ потому, что тамъ много соболей, а онъ готовитъ приданое своей невѣстѣ».

Плывя на пароходѣ, мы уже далеко невсегда могли видѣть вблизи вновь возникавшія по Амуру селенія; но во всякомъ случаѣ могли убѣдиться въ одномъ, а именно, что переселенцы не богаты. Съ трудомъ доставалъ пароходный поваръ свѣжую провизію, и нашъ столъ отличался спартанскою умѣренностью. За то мы были богаты по части напитковъ. На пароходѣ былъ грузъ Cherry-cordial, рому и хересу, и ежедневно вечеркомъ выносился на палубу ящикъ съ бутылками этихъ жидкостей, особенно первой. Баронъ Шлиппенбахъ предсѣдательствовалъ при ихъ опоражниваніи, которое, впрочемъ, не переходило за предѣлы простаго «одушевленія» путешественниковъ. Пѣли иногда пѣсни, даже духовныя, когда впадали въ умиленіе. За то архимандритъ Аввакумъ платилъ тамъ съ своей стороны любезностью, подтягивая по временамъ какому нибудь «шереметевскому псалму» (Вечеръ поздно изъ лѣсочку я коровъ гнала домой....). Дѣло отъ этихъ развлеченій не теряло, и я, напримѣръ, успѣлъ въ быт-

ность на пароходѣ перечертить на-бѣло всю мою съемку долины Усури, которой оригиналъ мнѣ хотѣлось сохранить за собою.

Въ Благовѣщенскѣ—долой съ парохода: онъ дальше не шелъ, потому что требовалъ непремѣнно 8-ми футовой глубины, а въ осеннюю малую воду Амуръ, мѣстами, между Албазиномъ и Кумарою, имѣетъ меньшую глубину... Кстати! Когда же Усть-Зейская станица обратилася въ Благовѣщенскъ? Этого я доселѣ еще не сказалъ, и мнѣ не случалось читать о томъ гдѣ бы ни было. Превращеніе совершилось весною 1858 г., между временемъ прибытія генералъ-губернатора на Усть-Зею и временемъ отплытія его къ Айгуну, кажется—12-го мая. Оно, впрочемъ, было чисто фиктивнымъ. Устроили мачту, подняли на нее огромный флагъ, который больше походилъ на англійскій, чѣмъ на русскій, отслушали при этомъ небольшой молебенъ, который служилъ преосвященный Иннокентій, теперешній митрополитъ московскій, и Усть-Зейская станица произведена была въ городъ Благовѣщенскъ. Въ послѣдствіи для приданія городу менѣе военнаго характера перевели изъ него казаковъ на 8 верстъ вверхъ по Амуру, т. е. въ сосѣдство того мѣста, гдѣ въ 1857 г. стояли казачій постъ и генералъ-губернаторская палатка. А въ частности на мѣстѣ послѣдней усть-зейцы уже въ 1858 г. поставили небольшой памятникъ.

И такъ, многочисленному нашему пароходному обществу пришлось пересѣсть на барказъ, который тянули бичевою мои казаки и многочисленные матросы Шлиппенбаха, возвращавшіеся черезъ Сибирь на родину. Кажется, это была команда корвета «Оливуцы» или «Авроры»—не помню ужъ теперь, какого судна,—но бравая команда, которой могло бы быть нѣсколько оскорбительно послѣ океанскихъ плаваній ходить на бичевѣ. Для насъ, пассажировъ, жизнь на барказѣ была отчасти продолженіемъ пароходной, только съ меньшими удобствами и съ гораздо бо̀льшими издержками. Въ теченіе одиннадцати дней мы, въ числѣ семи человѣкъ державшіе общій столъ изъ двухъ блюдъ, израсходовали 287 рублей, т. е. по 41-му рублю съ человѣка, что даетъ 3 р. 75 к. въ день! Были случаи, что за барана платилось жителямъ селеній, водворенныхъ въ 1857 году, одиннадцать рублей; за два хлѣба, вѣсомъ фунтовъ въ пять каждый, за бутылку молока и десятокъ яицъ—5 руб., и т. п. Да и за эти деньги провизія доставалась съ трудомъ, по-

тому что колонисты сами не имѣли почти ничего и опасались на зиму голода. Отпускъ казеннаго хлѣба вѣдь имъ прекратился, а собственные сборы съ немногихъ обработанныхъ и засѣянныхъ весною полей едва-едва были достаточны, чтобы прокормиться до слѣдующей жатвы... Утѣшеніемъ въ этихъ экономическихъ невзгодахъ служила намъ только возможность ночью спать во всю длину тѣла на барказномъ помостѣ, а днемъ на немъ же стоять во весь ростъ. Но и барказъ скоро пришлось бросить, потому что тащить его было очень тяжело. Около Буринды мы встрѣтили сплавъ лодокъ, отобрали ихъ, распредѣлили между собою и потянулись вразбродъ. Моимъ бѣднымъ казакамъ пришлось особенно жутко. Лодчонка намъ досталась прескверная, тѣсная, такъ что пока одна смѣна шла на бичевѣ, другая должна была сидѣть, а не лежать. Дни были короткіе (октябрь), ночи холодныя; скоро по утрамъ стали появляться ледяные забереги и рѣзали ноги. Согнувшись сидѣлъ я подъ своимъ лубочнымъ навѣсомъ, дописывая отчетъ объ усурійской экспедиціи и обдумывая, когда и какъ, по сдачѣ его, доставитъ меня въ Москву желанная тройка...

14-го октября прошли мы мимо Усть-Стрѣлки: прощай, Амуръ!

26-го октября я былъ въ Иркутскѣ и, заплативъ 25 рублей писарю за перебѣлку отчета (дароваго штабнаго писца мнѣ не дали), сдалъ его.

3-го января 1859 г. я сѣлъ въ повозку: прощай, Восточная Сибирь!

А 23-го февраля 1859 г. генералъ-квартирмейстеръ, баронъ В. К. Ливенъ, ознакомившійся съ моимъ отчетомъ, объявилъ мнѣ, что я назначаюсь начальникомъ развѣдочной экспедиціи, которая по высочайшему повелѣнію посылалась на Чу, къ предѣламъ Кокана.

М. И. Венюковъ.

Женева, сентябрь 1878 г.

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

въ 1813—1825 гг.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШАГО ВОСПИТАННИКА.

[Посвящается дѣтямъ моего товарища Н. К. Тетеревникова].

Первый кадетскій корпусъ, какъ извѣстно, основанъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ 1732 году. Основателемъ и первымъ директоромъ или попечителемъ этого военно-учебнаго заведенія былъ фельдмаршалъ графъ Минихъ.

Минихъ, какъ гласитъ преданіе, старался внушать и вкоренять въ юнымъ сердцахъ своихъ питомцевъ священныя правила религіи, рыцарскую честность и строгую нравственность. Изъ числа достойнѣйшихъ преемниковъ Миниха, въ исторіи Перваго кадетскаго корпуса упоминаются и съ уваженіемъ произносятся имена графовъ: Ангальта и Коновницына.

Въ царствованіе Александра I, военно-учебныя заведенія находились подъ покровительствомъ цесаревича великаго князя Константина Павловича, какъ главнаго начальника Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ. Отечественная война 1812 года и заграничный походъ 1813 и 1814 годовъ, въ которыхъ цесаревичъ принималъ непосредственное участіе, отвлекали его отъ любимыхъ занятій. Въ 1816 году, цесаревичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ польскою арміей и отправился въ Варшаву; бывшіе корпуса состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ гг. директоровъ, безъ всякаго надъ ними контроля.

При вступленіи моемъ въ заведеніе семилѣтнимъ ребенкомъ, въ 1813 году, директоромъ 1-го кадетскаго корпуса былъ гене-

ралъ-лейтенантъ Клингеръ, весьма угрюмый и суровый человѣкъ. Не отличаясь «мягкосердіемъ», Клингеръ былъ неумолимо строгъ съ кадетами; снисхожденіе и ласковое обращеніе съ питомцами были чужды его сердцу; дѣти боялись его. Въ продолженіе девятнадцати-лѣтняго управленія корпусомъ (съ 1801 по 1820 годъ) генераломъ Клингеромъ не было сдѣлано никакихъ улучшеній ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ и ни въ учебномъ воспитаніи кадетъ; то было время какой-то безжизненности въ корпусѣ. Кромѣ того, Клингеръ, какъ ученый, занималъ почетныя должности и по женскимъ учебнымъ заведеніямъ; но, какъ иностранецъ, не желалъ выучиться русскому языку, который не мѣшало бы ему знать, какъ директору учебнаго заведенія въ Россіи; съ кадетами Клингеръ объяснялся на французскомъ языкѣ, а инспекторъ классовъ переводилъ намъ по русски; отдавая приказаніе заключить виновнаго кадета въ тюрьму, Клингеръ говорилъ: «на турма ево» [1]. Вотъ все, что онъ могъ сказать на русскомъ языкѣ.

Клингеръ уничтожалъ даже полезныя учрежденія, основанныя его предмѣстникомъ — графомъ Ангальтомъ. Каменная стѣна, отдѣлявшая корпусный садъ отъ прочихъ строеній, извѣстная подъ названіемъ: la muraille parlante (говорящая стѣна), по приказанію Клингера, была тщательно закрашена, чтобы не оставалось и слѣдовъ написаннаго на ней; между тѣмъ, по разсказамъ бывшихъ воспитанниковъ Ангальта, кадеты, гуляя въ саду и прочитывая нравоученія, начертанныя на стѣнѣ, пріобрѣтали полезныя научныя свѣдѣнія и внѣ классовъ. Одинъ изъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса при Ангальтѣ вѣрно выразился: «графъ Ангальтъ умѣлъ заставить говорить и самыя стѣны корпуса».

Малолѣтнее отдѣленіе, состоявшее въ то время при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, было раздѣлено на шесть камеръ, подъ управленіемъ дамъ. Начальница 1-й камеры была M-me Бертольдъ (она же и директрисса малолѣтняго отдѣленія); 2-й M-me Алабова; 3-й M-lle Боньетъ; 4-й M-me Воронцова; 5-й M-me

---

[1]) Въ то время мѣсто заключенія кадетъ не называлось карцеромъ, а тюрьмою. К. З.

Альбедиль, а послѣ ея смерти M-me Висковатова (мать Александра Васильевича [1]), и 6-й M-me Боньетъ.

Въ корпусѣ тогда были открытыя галлереи, по которымъ дѣти должны были проходить изъ дортуара въ столовую, изъ столовой въ классы, изъ классовъ въ залу. Зимой, въ 20° слишкомъ мороза, прогулки эти по галлереямъ были довольно ощутительны и непріятны, тѣмъ болѣе, что одежда наша была легкая: суконная куртка съ брюками, башмаки и нитяные чулки, голова и шея открытыя, о наушникахъ и перчаткахъ не было и помина; къ этомъ костюмѣ лѣтомъ — жарко, а зимой — холодно. Наши камерныя дамы, сопровождая насъ по утрамъ изъ дортуара, въ столовую, чтобы подкрѣпить наши дѣтскія силы габеръ-супомъ, надѣвали зимой мѣховой салопъ и теплый капоръ, а кадеты, въ означенномъ костюмѣ, слѣдовали за ними въ должномъ порядкѣ — попарно, маленькіе впереди. Полы были окрашены только въ лазаретѣ; къ залѣ и дортуарахъ были простые, и мылись едвали одинъ разъ въ недѣлю. Въ рекреаціонной залѣ былъ одинъ стулъ для дежурной дамы, небольшой ларь для нашихъ нянекъ, и затѣмъ положительно — никакой другой мебели.

Всякій можетъ себѣ представить, что происходило въ этой залѣ, при сборѣ не менѣе 150-ти человѣкъ дѣтей, которые ходили, бѣгали и рѣзвились; дежурная дама, по снисхожденію къ дѣтямъ, довольно долгое время терпѣла шумъ и гамъ кадетъ, и наглотавшись пыли до-сыта, наконецъ, приказывала намъ садиться, и мы располагались на полу—по азіатски.

Вмѣсто чаю, намъ давали поутру тарелку габеръ-супу съ хлѣбомъ, а въ четыре часа по полудни небольшую булку и стаканъ невской воды; о прочей пищѣ не буду распространяться, скажу только, что въ то время кадеты нерѣдко заболѣвали — скорбутомъ.

По методѣ тогдашняго воспитанія, «розги» были необходимое

---

[1]) Александръ Васильевичъ Висковатовъ воспитывался вмѣстѣ со мной въ малолѣтнемъ отдѣленіи; въ 1818 году, какъ отличный воспитанникъ, въ числѣ 9-ти кадетъ поступилъ въ гренадерскую роту; прочіе затѣмъ кадеты, при переводѣ ихъ изъ малолѣтняго отдѣленія, поступали въ резервную роту.

К. З.

и естественное средство для исправленія дѣтей — въ ихъ нравственности. На этомъ основаніи, наши камерныя дамы не упускали случая употребить это материнское наказаніе, нерѣдко и за маловажныя дѣтскія шалости. M-me Бертгольдъ, какъ директрисса, наказывала дѣтей за особые важные проступки: эти экзекуціи производились въ классахъ, и послѣ наказанія кадетъ былъ обязанъ, со слезами на глазахъ, поцѣловать руку m-me Бертгольдъ и поблагодарить ее. Домашнія наказанія производились собственноручно нашими дамами, какъ мать наказываетъ своего непослушнаго и капризнаго ребенка-сына; слѣдовательно, объ этомъ знали только наши камерные товарищи, которые не выносили изъ избы сора, потому что между кадетами была примѣрная дружба и товарищество, которое не измѣнялось и не прекращалось внѣ корпусныхъ стѣнъ.

Публичное наказаніе M-me Бертгольдъ чрезвычайно оскорбляло наше дѣтское самолюбіе,— оно производилось служителемъ, состоявшимъ при отдѣленіи.

Пробывъ шесть лѣтъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, я былъ переведенъ въ роты, въ 1819 году, и въ числѣ пяти кадетъ удостоился поступить въ гренадерскую его высочества цесаревича роту [1]). Въ то время капитаномъ той роты былъ Карлъ Карловичъ Мердеръ (въ послѣдствіи попечитель нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора).

По какому случаю рота эта называлась его высочества цесаревича?—разскажу, что слышалъ по этому предмету.

По разсказамъ стариковъ-очевидцевъ, во время посѣщенія императоромъ Павломъ Петровичемъ бывшаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, его величество уронилъ палку или трость (съ какимъ-то умысломъ); одинъ изъ кадетъ того корпуса подбѣжалъ тотчасъ и, поднявъ трость, имѣлъ счастье вручить его величеству; тогда императоръ Павелъ Петровичъ сказалъ:

— «Повелѣваю этому корпусу именоваться Первымъ кадетскимъ корпусомъ, и сыну моему, цесаревичу Константину—шефомъ гренадерской роты этого корпуса».

---

[1]) Кадеты малолѣтняго отдѣленія, при переводѣ ихъ, поступали въ резервную роту, но по ходатайству нашихъ камерныхъ дамъ, для поощренія прочихъ воспитанниковъ, въ 1818 и 1819 годахъ, четырнадцать кадетъ поступили прямо въ гренадерскую роту. К. З.

Въ первый день нашего перевода, Карлъ Карловичъ Мердеръ обласкалъ насъ и присласилъ къ себѣ, гдѣ провели мы нѣсколько часовъ въ кругу его добраго семейства.

Пища въ ротахъ, въ то время, была улучшена: поутру, вмѣсто чаю, давали кадетамъ двѣ булки; обѣдъ состоялъ изъ трехъ, а ужинъ изъ двухъ блюдъ. Одежда была слѣдующая: двубортный мундиръ съ золотымъ галуномъ по воротнику и на обшлагахъ, и сѣрые брюки съ крагами. Эти солдатскія краги, изъ толстой кожи и дурно пригнанныя, портили ноги кадетамъ; просидѣть въ нихъ восемь часовъ въ классахъ была настоящая мука или пытка, потому, что ноги дѣлались отъ крагъ какъ будто налитыя свинцомъ.

Въ корпусѣ въ то время не было никакихъ гимнастическихъ упражненій, кадеты дѣлали весьма мало моціона, и вслѣдствіе этого, несвойственнаго юношескимъ лѣтамъ, костюма у многихъ кадетъ болѣли ноги и дѣлались кривыми. У насъ въ корпусѣ былъ тогда кадетъ Кирхохланъ, привезенный изъ Греціи; у него болѣли ноги до такой степени, что онъ едва передвигалъ ихъ; всходить на лѣстницу и спускаться съ нея ему было чрезвычайно трудно, потому что у него не сгибались ноги; ходьба его изъ дортуара въ столовую, въ залу, или въ классы и обратно продолжалась въ каждый конецъ едвали не болѣе какъ по десяти или пятнадцати минутъ, а потому онъ всегда и всюду опаздывалъ. Зимой, во времи большихъ морозовъ, изъ жалости къ нему, два сильныхъ кадета брали Кирхохлана подъруки и, поднявъ на воздухъ, несли его въ такомъ положеніи ускореннымъ шагомъ. Не смотря на такое болѣзненное состояніе ногъ у Кирхохлана, онъ носилъ съ прочими кадетами солдатскія краги; наконецъ, корпусное начальство сжалилось надъ нимъ, и только въ послѣднее время пребыванія его въ корпусѣ приказало сшить ему сѣрые брюки — безъ крагъ; по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, родные Кирхохлана должны были взять его изъ корпуса.

Въ ротахъ учили насъ военной экзерциціи. Въ 1818 году, 1-й и 2-й кадетскіе корпуса и Дворянскій полкъ, въ составѣ двухъ батальоновъ, государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, были представлены по фронтовой части на смотръ прускому королю Фридриху Вильгельму III, бывшему въ то

время въ С.-Петербургѣ, а въ 1821 году, главный директоръ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генералъ-адъютантъ графъ Коновницынъ представлялъ тѣ же корпуса на смотръ императору Александру I; въ первомъ случаѣ я былъ зрителемъ, но въ послѣднемъ находился въ рядахъ Перваго корпуса.

Инспекторомъ классовъ Перваго корпуса былъ генералъ-маіоръ Михаилъ Степановичъ Перскій, бывшій воспитанникъ графа Ангальта. Ласковое обращеніе съ воспитанниками, неусыпные труды и заботы объ умственномъ нашемъ образованіи, пріобрѣли М. С. Перскому всеобщее уваженіе и искреннюю признательность кадетъ.

Изъ числа достойнѣйшихъ учителей въ высшихъ классахъ, назову гг. Фусса, Талызина, Коля, Шульгина, Денисова, Вольгемута и Штейна. Ротными командирами въ то время были: гренадерской роты подполковникъ Слатвинскій 1-й, подполковникъ Ореусъ (бывшій воспитанникъ графа Ангальта и въ послѣдствіи директоръ Полоцкаго кадетскаго корпуса); 2-й—полковникъ Шмидтъ (онъ же баталіонный командиръ); 3-й—полковникъ Черкасовъ и резервной роты—подполковникъ Эллерманъ. Изъ поименованныхъ ротныхъ командировъ, только Черкасовъ не отличался мягкосердечіемъ и былъ очень суровъ.

Сверхъ того, въ каждой ротѣ состояло четыре офицера, завѣдывавшіе отдѣленіями. Мое воспоминаніе было бы не полное, если я не упомянулъ бы здѣсь имя эконома Перваго корпуса—Андрея Петровича Боброва. Андрей Петровичъ изъ мелкихъ чиновниковъ дослужился до чина статскаго совѣтника и имѣлъ орденъ св. Анны 2-й ст., украшенный алмазами. Это былъ добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ; находясь экономомъ болѣе 20-ти лѣтъ, Андрей Петровичъ не пріобрѣлъ себѣ никакого состоянія; кадеты любили Боброва до-нельзя; одинъ изъ воспитанниковъ снялъ съ него портретъ, кадеты сдѣлали складчину и заказали литографическій портретъ А. П. Боброва; сто экземпляровъ его оттиска были расхвачены кадетами на память.

Считаю не лишнимъ также упомянуть здѣсь о бывшемъ старшемъ докторѣ, статскомъ совѣтникѣ Зеленскомъ, и передать его странности, происходившія будто бы вслѣдствіе душевной его скорби о потерѣ нѣжно-любимой имъ жены.

Докторъ Зеленскій, дѣлая визитацію по лазарету, если замѣ-

чалъ, что нѣкоторые изъ больныхъ, желая остаться лишній день въ лазаретѣ, выказывали ему жалкую и страдальческую физіономію, онъ озадачивалъ тѣхъ кадетъ слѣдующими словами: «Гримасы не дѣлать, и стоять предо мной какъ предъ Іисусомъ Христомъ! Богъ, Ломоносовъ и я! Возьму за пульсъ—все узнаю; о чемъ думаешь — узнаю!» Такія выходки доктора Зеленскаго не слѣдовало считать признакомъ умственнаго его разстройства (какъ предполагали другіе), но были ничто иное какъ шутки, употребляемыя имъ съ тѣми кадетами среднихъ классовъ, которые своимъ притворствомъ намѣревались обмануть его. Зеленскій былъ очень добрый человѣкъ и любилъ кадетъ; когда бывали труднобольные, то онъ находился въ лазаретѣ почти безвыходно, оказывая имъ всевозможныя медицинскія пособія, дабы облегчить ихъ страданія; многіе изъ нихъ выздоравливали, обязанные вполнѣ искусству и неусыпному за ними ухаживанію доктора Зеленскаго.

Теперь я долженъ говорить о весьма непріятномъ предметѣ— о взысканіяхъ, которымъ подвергали кадетъ за ихъ проступки; постараюсь сколько возможно быть краткимъ. О тѣлесныхъ наказаніяхъ, совершенно сходныхъ съ «солдатскими», я умолчу; всякій можетъ представить себѣ это жестокое истязаніе! За важные проступки, виновные кадеты были заключаемы въ тюрьму, на недѣлю и болѣе. мѣсто (заключенія кадетъ, какъ я объяснялъ выше, не называлось «карцеромъ»). По разсказамъ кадетъ, находившихся въ заключеніи, эта тюрьма [1]) состояла изъ небольшой отдѣльной комнаты, куда проникалъ слабый свѣтъ чрезъ небольшое окошечко съ желѣзною рѣшеткой; въ ней находилась кровать и столъ, прибитые къ полу; кровать безъ соломенника, а вмѣсто подушки были прибиты доски въ наклонномъ положеніи; съ виновнаго снимали мундиръ и надѣвали солдатскую шинель, и онъ находился на пищѣ св. Антонія: на хлѣбѣ и водѣ. Когда оканчивался срокъ заключенія, ротный командиръ приходилъ въ тюрьму, сопровождаемый четырьмя служителями съ пучками «розогъ», и заключенный подвергался жестокому тѣлесному наказанію, всегда тщательно скрываемому отъ кадетъ.

---

[1]) Означенныя тюрьмы были устроены въ отдѣльномъ каменномъ трехъэтажномъ зданіи, подъ названіемъ: Le jeu de pomme, перекрещенное по русски въ «Жедепонъ». К. З.

Русская пословица говоритъ: «съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ!»—но корпусное начальство ея не придерживалось: за каждый сколько нибудь важный проступокъ, виновный кадетъ почти постоянно подвергался двумъ, а иногда и тремъ наказаніямъ.

Кадеты, испытавшіе тѣлесное наказаніе, разсказывали будто бы розги «вымачивались въ водѣ», чтобы сдѣлать наказаніе болѣе «чувствительнымъ». Если допустить справедливость такихъ разсказовъ, то, по всей вѣроятности, это дѣлалось безъ вѣдома ротныхъ командировъ, самими служителями, такъ какъ между ними были очень грубые и жестокіе люди; исполняя обязанность «палачей» при экзекуціяхъ, они сѣкли кадетъ безъ всякой къ нимъ жалости.

Такое «жестокое» и «позорное» для благороднаго юношества тѣлесное наказаніе, оскорбляя врожденныя благородныя и возвышенныя чувства, озлобляло многихъ кадетъ до невѣроятности, такъ что, при наказаніи, нѣкоторые изъ нихъ, съ твердымъ и истинно-рыцарскимъ характеромъ, дабы не кричать и скрыть боль отъ наказанія, или, лучше сказать, чтобы пересилить эту боль, кусали до крови свои пальцы! Это не вымыселъ, но «фактъ», который я могу объяснить лично и назвать ихъ по фамиліи.

Въ 1819 году генералъ-адъютантъ императора Александра I, графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, былъ назначенъ главнымъ директоромъ Пажескаго и другихъ кадетскихъ корпусовъ, Дворянскаго полка и Императорскаго Царскосельскаго лицея съ принадлежавшимъ ему пансіономъ, а въ 1820 году генералъ Клингеръ, по прошенію, уволенъ отъ званія директора 1-го кадетскаго корпуса [1]. Вмѣсто его директоромъ Перваго корпуса назначенъ инспекторъ классовъ генералъ-маіоръ Перскій, съ оставленіемъ при прежней должности.

Съ назначеніемъ главнымъ директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генералъ-адъютанта графа Коновницына, въ корпусѣ все переродилось и измѣнилось къ лучшему. Возврати-

---

[1]. Генералъ Клингеръ, какъ гордый и самолюбивый иностранецъ, не хотѣлъ имѣть надъ собой «контролера» и подчиняться русскому начальнику, поставленному выше его. К. З.

лись времена незабвеннаго директора Екатерининскаго вѣка — графа Ангальта. Какая-то невидимая сила руководила поступками кадетъ: мы старались быть благонравными, послушными, и все дѣлалось безъ приказаній и напоминаній со стороны корпуснаго начальства; графъ Коновницынъ былъ въ состояніи сдѣлать такой счастливый «переворотъ» во всѣхъ корпусахъ.

Если посѣщенія графа Коновницына бывали во время сбора кадетъ въ саду или въ залѣ, то всякій спѣшилъ на встрѣчу любимому начальнику, а въ малолѣтнемъ отдѣленіи дѣти окружали графа Коновницына, какъ нѣжно-любимаго отца, и положительно заграждали ему дорогу; каждый желалъ удостоиться «ласки», или услышать привѣтливое «слово» отъ графа. Таковыя сцены бывали довольно продолжительны, такъ что директоръ корпуса, сопровождавшій графа Коновницына, долженъ былъ просить дѣтей дать дорогу пройти графу.

Это счастливое время продолжалось только три года. Лѣтомъ въ 1822 году разнеслась въ корпусѣ плачевная вѣсть о смерти графа Коновницына; въ то время графъ съ семействомъ жилъ на дачѣ, гдѣ послѣдовала его кончина. Отпѣваніе тѣла графа Коновницына совершалось въ церкви Перваго кадетскаго корпуса и при выносѣ гроба многіе изъ бывшихъ кадетъ пролили непритворныя слезы о потерѣ всѣми уважаемаго начальника и незабвеннаго воспитателя! Государь императоръ Николай Павловичъ (тогда еще великій князь) почтилъ похороны графа своимъ присутствіемъ. Императоръ Александръ Павловичъ находился тогда въ отсутствіи.

Послѣ умершаго графа Коновницына, главнымъ директоромъ Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, а также и Царскосельскаго лицея, назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, родственникъ князя Смоленскаго.

Я считаю не лишнимъ передать нѣкоторыя свѣдѣнія и впечатлѣнія о бывшемъ наводненіи въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.

Въ тотъ день, съ ранняго утра, по случаю чрезвычайно сильнаго вѣтра съ моря, вода въ Невѣ начала прибывать съ неимовѣрною быстротою, такъ что съ 9-ти часовъ утра она выступила изъ береговъ, затопивъ всѣ низменныя мѣста въ городѣ и по

окрестности. Изъ перваго верхняго класса, расположеннаго въ среднемъ этажѣ, противъ корпусныхъ воротъ, гдѣ я провелъ все утро 7-го ноября, въ отворенную калитку можно было видѣте постоянно-возраставшую прибыль и быстрое теченіе воды по улицѣ, или 1-й линіи Васильевскаго острова; вскорѣ показались по той же улицѣ плывшія дрова, вѣроятно, съ разбитой барки; затѣмъ, мимо воротъ, поплыла «платформа», съ будкой и часовымъ, а за ней слѣдовали караульные солдаты—съ ружьями, едва-ли не по колѣно въ водѣ [1]).

По окончаніи классовъ, въ 11-мъ часу, вода ворвалась въ корпусный садъ и во дворъ, сорвавъ всѣ ворота съ невѣроятною силою, вмѣстѣ съ толстыми желѣзными крючьями. Вода бушевала цѣлый день со страшною яростью, разрушая и истребляя до основанія всѣ встрѣчающіяся ей на пути сколько нибудь слабыя преграды.

При этомъ общемъ бѣдствіи, нижній, жилой этажъ въ Первомъ корпусѣ, а также подвалы и кладовыя со съѣстными припасами (частію спасенные), были затоплены водой; по этому случаю нашъ ужинъ въ тотъ день состоялъ изъ остатковъ отъ обѣда, но за то было вдоволь хлѣба и булокъ. Впрочемъ, того же дня вечеромъ, мы чрезвычайно обрадовались, увидѣвъ изъ оконъ, что на Румянцевской площади началъ ходить народъ съ фонарями, по чему можно было заключить, что вода сбыла; съ этимъ радостнымъ чувствомъ кадеты легли спать, но многіе изъ нашихъ бывшихъ товарищей провели ту ночь съ душевнымъ безпокойствомъ, вспоминая о своихъ родныхъ, жившихъ въ Галерной, или въ другихъ, болѣе низменныхъ частяхъ города, въ которыхъ бывшимъ наводненіемъ произведены весьма значительныя, страшныя опустошенія [2]).

---

[1]) При Первомъ корпусѣ, противъ памятника гр. Румянцеву, находился унтеръ-офицерскій караулъ, для занятія въ ономъ нѣкоторыхъ постовъ.

[2]) При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что на другой же день послѣ наводненія, нѣкоторые изъ кадетъ, по чувству сыновней ихъ любви, рѣшались уходить ночью изъ корпуса, дабы провѣдать родныхъ и узнать о ихъ положеніи послѣ наводненія.

К. З.

Въ ту зиму кадеты не были увольняемы въ домовый отпускъ, даже на праздники Рождества Христова, въ томъ вниманіи, что многіе изъ ихъ родныхъ и знакомыхъ, по бѣдности, оставались жить въ сырыхъ домахъ, бывшихъ затопленными наводненіемъ, а потому посѣщеніе родныхъ въ сырыхъ ихъ жилищахъ могло имѣть вредное вліяніе на здоровье воспитанниковъ. Поэтому кадеты не могли видѣть тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, и опустошеній въ Петербургѣ, произведенныхъ наводненіемъ въ роковой день 7-го ноября 1824 года, о которыхъ, по разсказамъ очевидцевъ, нельзя вспоминать безъ ужаса и сердечной грусти, даже по прошествіи 47 лѣтъ. При этомъ общемъ бѣдствіи, въ корпусѣ, благодаря Бога, не было особенныхъ несчастныхъ случаевъ, даже всѣ наши верховыя лошади были спасены; но по случаю поврежденій въ манежѣ и мокрой земли въ ономъ, а затѣмъ замерзшей отъ морозовъ, кадеты высшихъ классовъ, на долгое время, были лишены единственнаго удовольствія въ корпусѣ—верховой ѣзды.

Въ 1825 году я удостоился быть представленнымъ въ офицеры и высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 28-й день апрѣля, произведенъ въ прапорщики, съ опредѣленіемъ на службу въ 1-й піонерный (нынѣ саперный) баталіонъ.

Нашъ выпускъ въ офицеры въ 1825 году былъ очень счастливый: трое изъ воспитанниковъ Перваго корпуса удостоились поступить въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, трое выпущены въ свиту его величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ) и не малое число въ артиллерію и піонерные (нынѣ саперный) баталіонъ. Для выбора въ гвардію, великому князю Михаилу Павловичу (бывшему шефу лейбъ-гвардіи Московскаго полка) были представлены десять выпускныхъ воспитанниковъ, въ числѣ коихъ находился и я. Въ то время мы сами выбрали изъ среды своей трехъ болѣе красивыхъ и видныхъ товарищей, на коихъ падетъ счастливый жребій быть выбранными въ гвардейскіе офицеры, а именно: Багговута, Евреинова и Горева, но вмѣсто послѣдняго, по особому ходатайству директора корпуса, его высочество великій князь Михаилъ Павло-

вичъ удостоилъ выбрать въ гвардію перваго воспитанника по выпуску Тетеревникова.

Въ настоящее время Багговутъ — генералъ-отъ-кавалеріи, а Тетеревниковъ (скончавшійся въ 1873 году) дослужился до чина генералъ-лейтенанта.

Сравненіе закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній минувшихъ временъ съ нынѣшними общедоступными было бы, разумѣется, неумѣстно; однако нельзя не пожелать, чтобы ученики нынѣшнихъ военныхъ гимназій и училищъ помнили и сохраняли тотъ духъ добраго товарищества, которымъ были проникнуты ихъ дѣды.

Сооб. въ 1871 г. **К. Зенденгорстъ**.

г. Уфа.

МОИ СНОШЕНІЯ СЪ Я. И. РОСТОВЦЕВЫМЪ.

1850—1858.

Въ 1850-мъ году, при упраздненіи Александринскаго сиротскаго института (въ Москвѣ), гдѣ я состоялъ на службѣ преподавателемъ русскаго языка и словесности, я вышелъ въ отставку съ половинною пенсіей, около семисотъ рублей. Освободясь отъ офиціальныхъ занятій, я давалъ уроки въ пансіонахъ и частныхъ домахъ, а также по найму въ Воспитательномъ домѣ, куда изъ сказаннаго института переведены были воспитанники высшихъ его классовъ для окончанія спеціальнаго ихъ образованія. Дополненіемъ къ получаемому гонорару за уроки служили доходъ съ хрестоматіи, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1842-мъ году, и сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я почиталъ себя достаточно обезпеченнымъ и счастливымъ. Жить въ то время было дешево, а занятія мои—уроки, новыя изданія хрестоматіи и работа для журнала—приходились мнѣ по душѣ, какъ не навязанныя необходимостью, противъ желанія, а свободно мною выбранныя. Среди такого добровольнаго труда—наилучшаго изъ всѣхъ трудовъ—въ октябрѣ 1850 года получилъ я изъ Петербурга, отъ К. Д. Кавелина, начальника учебнаго отдѣленія въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, слѣдующее письмо:

«На основаніи «Наставленія для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, одобреннаго государемъ 24-го декабря 1848 года», програмы и конспекты почти всѣхъ предметовъ, которымъ обучаютъ въ корпусахъ, были измѣнены или совершенно передѣланы, и уже введены въ преподаваніе, но программа русскаго языка и словесности осталась старая, ибо всѣ составленныя вновь оказались неудовлетворительными.

«Такъ продолжается около двухъ лѣтъ. Начальникъ штаба [1]) до сихъ поръ не можетъ найти человѣка, который бы умѣлъ усвоить, оцѣнить и привести въ исполненіе его мысль, въ сущности чрезвычайно простую и вѣрную. Ему хочется освободить преподаваніе русскаго языка и словесности отъ напыщенныхъ фразъ, схоластики и школьнаго педантизма, приспособить какъ можно ближе къ возрасту и понятіямъ дѣтей, чего наши рутинисты никакъ понять не могутъ, какъ ясно имъ ни толкуютъ. Вотъ главная причина, почему предметъ такой важности, какъ русскій языкъ, въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще преподается по программѣ 1845 года, недостаточность которой давно доказана опытомъ.

«Дѣло это сильно озабочиваетъ начальника штаба и, какъ мнѣ хорошо извѣстно, самого Наслѣдника [2]). Зная, какой вы опытный педагогъ, я не могъ не подумать о васъ, слушая частыя сѣтованія на неуспѣшность работъ по составленію программъ русскаго языка. Вы не охотникъ до схоластическихъ подмостокъ, до всего натянутаго, неестественнаго. Уже одно это убѣждаетъ меня, что вы совершенно поймете задачу и распутаете, наконецъ гордіевъ узелъ. Какъ было бы хорошо, если бы вы взялись за это дѣло! Восемь тысячъ мальчиковъ избавились бы отъ египетской работы при изученіи своего природнаго языка и сотни учителей получили бы руководство къ здравому смыслу въ дѣлѣ преподаванія».

Чтобы дать мнѣ полную возможность судить, что̀ и какъ нужно сдѣлать, вмѣстѣ съ письмомъ были присланы экземпляръ «Наставленія 1848 года», программа 1845 года и программа, составленная особою коммисіей, но не утвержденная начальствомъ военно-учебныхъ заведеній.

Просмотрѣвъ эти матеріалы, подумавъ и посовѣтовавшись съ тѣми, кто могъ дать умный совѣтъ, я принялъ предложеніе. Оно мнѣ льстило во многихъ отношеніяхъ. На первомъ мѣстѣ ставлю личность человѣка, отъ котораго шло предложеніе,—личность крайне симпатичную, всѣми, кто ее знаетъ, многоуважаемую и много-

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

[2]) Нынѣ благополучно царствующаго Государя, бывшаго въ то время Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. А. Г.

любимую. Кому изъ образованныхъ русскихъ неизвѣстна общественная дѣятельность К. Д. Кавелина, вполнѣ чистая и благонамѣренная, всегда вытекавшая изъ добрыхъ началъ и патріотическихъ побужденій? Его имя, на ряду съ передовыми, лучшими людьми сороковыхъ годовъ, останется въ исторіи нашего просвѣщенія. Я имѣлъ счастіе—да, именно счастіе, въ прямомъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова—познакомиться съ нимъ, когда онъ, въ званіи адъюнкта по юридическому факультету, преподавалъ студентамъ Московскаго университета сначала исторію русскаго законодательства, а потомъ русскія государственныя и губернскія учрежденія. Знакомство наше скоро перешло во взаимно-дружеское расположеніе, искреннюю пріязнь. Да позволено же будетъ мнѣ гордиться связью, основанною на чувствѣ уваженія и любви, и потому навсегда застрахованною отъ разрыва. Другимъ побужденіемъ къ согласію принять предлагаемую работу служила личность начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Я не былъ знакомъ съ нимъ, но я зналъ его любовь къ словесности, его связи съ литераторами двадцатыхъ годовъ, его умѣнье владѣть перомъ [1]). Сверхъ того, онъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу даровитыхъ и умныхъ людей, а съ человѣкомъ такого сорта—въ добавокъ любившимъ литературу, хотя бы и по старой памяти—во всякомъ случаѣ интересно имѣть дѣло. Самое дѣло подходило къ роду моихъ занятій. К. Д. Кавелинъ не думалъ сказать комплимента, назвавъ меня опытнымъ педагогомъ. Въ теченіе многолѣтней преподавательской практики, я пригдядѣлся къ учащимся разныхъ возрастовъ и могъ по достоинству оцѣнивать значеніе разныхъ методовъ, способовъ и пріемовъ при обученіи русскому языку и словесности. Въ силу какихъ же резоновъ отвѣчалъ бы я отказомъ на предложеніе—помочь моимъ знаніемъ и опытомъ болѣе успѣшному преподаванію дорогихъ для меня предметовъ?

Не скрою, однакожъ, обстоятельствъ, которыя при изъявленномъ согласіи могли затруднить мою работу. Главная трудность лежала въ «Наставленіи для образованія военно-учебныхъ заведеній», какъ руководствѣ составителямъ программъ. Написанное

---

[1]) Въ журналахъ двадцатыхъ годовъ появлялись стихотворенія Я. И. Ростовцева. Кромѣ того, напечатана цѣлая его трагедія «Персей» (1823). А. Г.

самимъ начальникомъ штаба въ 1848 году, оно замѣтно отразило на себѣ вліяніе внѣшнихъ политическихъ событій на понятія и взгляды правительственныхъ лицъ, особенно тѣхъ, что завѣдывали образованіемъ юношества. Эти понятія, будучи перенесены въ область педагогики, не имѣвшей съ ними ничего общаго, могли потребовать такого изложенія науки, которое очутилось бы въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительными ея фактами, съ истинною ея сущностью. Въ такомъ случаѣ никто изъ порядочныхъ людей не рѣшился бы служить проводникомъ ложныхъ идей, извращать науку ради призрачныхъ опасностей. Постановка «исторіи» въ «Наставленіи» преимущественно страдала пріисканными воззрѣніями какъ на содержаніе этого учебнаго предмета, такъ на цѣль и направленіе его преподаванія. Т. Н. Грановскій открыто говорилъ, что по такой инструкціи нѣтъ возможности ни проходить исторію, ни писать для нея руководства. Ученіе отрицало бы современное значеніе и достоинство историческаго знанія. Къ счастію, русскій языкъ и словесность поставлены были иначе. Частная инструкція касательно ихъ преподаванія предписывала программѣ и конспекту имѣть въ виду три цѣли: 1) чтобы воспитанники говорили и писали на родномъ языкѣ грамматически правильно; 2) чтобы они знали основательно литературу не только русскую, но и славянскую, и сознательно заимствовали образцы отъ двигателей нашей словесности; 3) чтобы и съ характеромъ знаменитыхъ писателей литературы европейской они знакомились въ классахъ русскаго языка. Такъ какъ сущность этихъ положеній не допускала возраженій, то каждый на моемъ мѣстѣ могъ принять на себя составленіе программы, не боясь ни оскорбить достоинства науки, ни покривить своею совѣстью.

Еще одна мысль удерживала меня отъ рѣшительнаго отвѣта. Мнѣ предлагали написать программу и конспектъ для военно-учебныхъ заведеній, о которыхъ я не имѣлъ вовсе понятія. Но это затрудненіе легко устранялось взглядомъ на преподаваніе такого общеучебнаго предмета, какъ русская грамматика и русская словесность. Наука всегда и вездѣ должна оставаться одною и тою же наукой. Различіе въ ея преподаваніи, по различію учебныхъ заведеній, можетъ относиться только къ ея объему, а не къ существенному ея содержанію. Иначе мы имѣли бы столько

грамматикъ и ариѳметикъ, сколько въ государствѣ сословій и званій, что было бы нелѣпо. Сохранить же надлежащую мѣру въ изложеніи науки, опредѣлить требованія соотвѣтственно количеству времени, на нее употребляемому въ теченіе курса,—дѣло не слишкомъ хитрое. Конечно, я могъ ошибиться, но это не бѣда: ошибки въ этомъ отношеніи легко исправимы. Успокоивъ себя вышеизложенными соображеніями, я изъявилъ готовность заняться предложеннымъ мнѣ дѣломъ. Начальникъ штаба, понимая важность и трудность работы, не хотѣлъ назначить ей срока: онъ только выразилъ надежду, что и конспектъ и программы будутъ приведены къ концу такъ скоро, какъ только будетъ мнѣ возможно.

Послѣ такого отзыва, не стѣсняющаго меня срокомъ, я немедленно приступилъ къ работѣ. Я выбралъ слѣдующій, по моему мнѣнію, лучшій планъ. Программа, разсуждалъ я, есть не что иное, какъ суммарій конспекта, оглавленіе его. Главная сила въ конспектѣ, который по тому самому необходимо обязанъ принять характеръ критическій, ибо только критика можетъ указать, какъ должно быть измѣнено существующее преподаваніе. Притомъ мнѣ сдавалось, что критическія замѣтки будутъ убѣдительнѣе для лицъ, которыя станутъ разсматривать и судить мою работу. Критика моя относилась не къ одному содержанію преподаваемаго, но и къ способу, методу преподаванія,—и преимущественно къ сему послѣднему. Однимъ словомъ, я думалъ сдѣлать лучше, а вышло, какъ увидимъ, хуже—не для самаго дѣла, а для меня лично.

Работа моя, конченная черезъ годъ (въ 1851 г.), очень понравилась Я. И. Ростовцеву. Онъ отзывался о ней въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Для того, чтобы придать ей гласность въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній и ознакомить съ нею поближе преподавателей русскаго языка и словесности, онъ призналъ нужнымъ передать конспектъ и программы на разсмотрѣніе особой коммисіи, составленной, подъ предсѣдательствомъ И. П. Шульгина, изъ наставниковъ-наблюдателей и старшихъ учителей русскаго языка и словесности въ петербургскихъ кадетскихъ корпусахъ.

Изъ мнѣній, поданныхъ лицами, разсматривавшими мой трудъ, только одно оказалось вполнѣ одобрительнымъ и сочувственнымъ.

Оно принадлежало И. И. Введенскому, очень даровитому и знающему преподавателю, извѣстному въ литературѣ по своимъ переводамъ Диккенсовыхъ романовъ для «Отечественныхъ Записокъ». Всѣ прочіе взглянули неблагосклонно на предлагаемый мною методъ. А въ отзывѣ одного изъ этихъ недовольныхъ ясно проглядывало сильное раздраженія, которое нерѣдко выражалось рѣзкими рѣчами. Причину раздраженія я объяснялъ вышеуказаннымъ характеромъ моего конспекта. Критическія замѣтки о недостаткахъ, неправильностяхъ преподаванія русскаго языка и словесности были истолкованы какъ личности, отнесены на счетъ преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, чего у меня не было ни въ умѣ, ни въ разумѣ. Какимъ образомъ могъ я говорить о предметѣ, совершенно мнѣ неизвѣстномъ? Я никогда не училъ въ корпусахъ, не зналъ ни одного изъ корпусныхъ преподавателей, никогда не присутствовалъ на ихъ урокахъ. Я указывалъ недостатки, которые замѣчалъ во время моей практики и которымъ самъ, при началѣ моей педагогической карьеры, платилъ бо́льшую или меньшую дань.

Чтобы уладить дѣло, возмущенное противорѣчивыми о немъ мнѣніями, необходимо было отдать его на просмотръ третьяго лица, которое могло бы съ полнымъ безпристрастіемъ, единственно въ интересахъ науки и педагогическихъ требованій, произнести окончательный приговоръ. Указаніе такого лица предоставлялось мнѣ. Я выбралъ профессора Московскаго университета, Ѳ. И. Буслаева—человѣка авторитетнаго. Общими силами мы занялись отдѣлкой моей работы. Ѳедоръ Ивановичъ трудился преимущественно надъ программой грамматики и, кромѣ того, въ программѣ исторіи русской словесности, составилъ отдѣлъ исторіи языка и слога. Мнѣ же преимущественно принадлежали программы теоріи словесности (прозы и поэзіи) и исторіи русской литературы. Исправленная такимъ образомъ, программа русскаго языка и словесности была утверждена 25-го іюня 1852 г. главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ. Трудъ мой удостоился двойной награды: мнѣ было объявлено высочайшее благоволеніе и пожалована тысяча рублей. Сверхъ того, начальство военно-учебныхъ заведеній поручило обоимъ трудившимся составленіе учебныхъ руководствъ, на основаніи выработанной программы: мнѣ—исторіи русской словесности

и христоматіи къ новому ея періоду; Ѳ. И. Буслаеву—исторической грамматики русскаго языка и исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языка. Составленіе же учебника по теоріи словесности, взятое на себя также г. Буслаевымъ, было потомъ передано, съ разрѣшенія начальства, И. И. Введенскому; но трудъ, начатый послѣднимъ, былъ прерванъ его преждевременною смертью.

Лично благодарить Якова Ивановича за вниманіе къ моему труду пришлось мнѣ въ пріѣздъ его въ Москву, лѣтомъ 1852 г. Я былъ принятъ имъ очень благосклонно. Въ разговорѣ онъ высказалъ живой интересъ къ образованію ввѣреннаго ему юношества, къ надлежащей постановкѣ учебнаго дѣла въ корпусахъ. Въ особенности останавливался онъ на мнѣніяхъ преподавателей о программѣ, желая знать, какъ я смотрю на сдѣланныя мнѣ возраженія и замѣчанія. Должно быть, недобрый геній внушилъ мнѣ такой отвѣтъ: «бо̀льшая часть спорныхъ пунктовъ происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ недоразумѣній; случись мнѣ быть въ Петербургѣ и лично переговорить съ каждымъ изъ лицъ, подавшихъ мнѣніе, мы—я въ томъ увѣренъ—легко разрѣшили бы несогласія и сошлись бы во всемъ существенномъ». При этихъ словахъ Яковъ Ивановичъ задумался: видно было, что въ головѣ его зародилась какая-то мысль. Дѣйствительно, въ ноябрѣ того же 1852 г. получилъ я официальное письмо, извѣщающее меня, что «Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу благоугодно, чтобы я прибылъ въ Петербургъ для словеснаго совѣщанія съ преподавателями русскаго языка и словесности с.-петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній». Это извѣстіе озадачило меня неожиданностью. Москвичу-домосѣду, устроившему свою жизнь покойно и боявшемуся какихъ бы то ни было нарушеній обычнаго, приходившагося по сердцу, теченія времени, жутко было идти на генеральную баталію съ незнакомыми лицами, петербуржцами, о которыхъ сложилось мнѣніе, что они или свысока или косо смотрятъ на москвичей. Мнѣ хотѣлось бы отправиться съ Ѳ. И. Буслаевымъ, раздѣлявшимъ мой трудъ, такъ какъ ратовать вдвоемъ все-же легче, чѣмъ одному, но онъ не могъ оставить своихъ занятій. Желая замѣстить его другимъ лицомъ, я обратился за помощью къ И. И. Введенскому, который, съ свойственными ему искренностью и честнымъ увлеченіемъ,

охотно согласился исполнить мою просьбу. Вотъ отрывокъ изъ его письма ко мнѣ по этому поводу: «Вы слишкомъ скромны, когда говорите, что новыми программами вводится только болѣе правильное направленіе и болѣе правильный методъ преподаванія словесности и языка. Нѣтъ, новыя программы представляютъ совершенную реформу въ нашей наукѣ, совершеннѣйшее отрицаніе прежнихъ схоластическихъ пріемовъ, и въ этомъ заключается единственная причина, почему онѣ встрѣчены съ такимъ дружнымъ и единодушнымъ ожесточеніемъ. Радуюсь и считаю себя счастливымъ, что значительная часть этого ожесточенія начинаетъ теперь падать и на меня со стороны моихъ собратовъ по ремеслу... Съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ раздѣлить вашу участь на предстоящихъ диспутахъ и душевно благодарю васъ за роль, какую вы назначаете мнѣ въ качествѣ вашего товарища. Θедору Ивановичу, нѣтъ сомнѣнія, эта роль была бы гораздо приличнѣе, но если ужъ нельзя ему быть въ Петербургѣ, я готовъ, замѣняя его, употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы отстоять правое дѣло».

Письмо это нѣсколько ободрило меня. Но все-же естественно было мнѣ чувствовать тревогу и смущеніе, когда, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ назначенный для перваго диспута день, явился я, вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ, въ огромную залу Перваго кадетскаго корпуса (гдѣ теперь Первое Павловское военное училище) и вступилъ на каθедру. Половина этой залы была занята разнородною публикой. Въ первыхъ рядахъ сидѣли, кромѣ начальника штаба, директоры и инспекторы петербургскихъ корпусовъ—люди чиновные, увѣсистые; за ними помѣстились преподаватели военно-учебныхъ заведеній и сторонніе посѣтители, изъ любопытства пріѣхавшіе на педагогическій конгрессъ; далѣе стояли кадеты высшихъ классовъ. И въ этой многочисленной публикѣ я различалъ очень немногихъ знакомыхъ. Еще менѣе было такихъ, которые не желали бы побіенія москвича, задумавшаго какую-то реформу въ преподаваніи русскаго языка и словесности. Не могли же, въ самомъ дѣлѣ, воспитанники военно-учебныхъ заведеній относиться равнодушно къ неудачѣ ихъ учителей и наставниковъ. Неестественно было и самимъ наставникамъ, по солидарности, свойственной каждой корпораціи, злорадствовать какому-либо изъ ея членовъ. Я могъ расчитывать

на искреннее сочувствіе К. Д. Кавелина, но только на сочувствіе, потому что онъ (выражаясь его собственными словами изъ письма отъ 8-го декабря 1850 г.), «не будучи знатокомъ дѣла, не могъ подавать мнѣній, которыя сколько-нибудь вѣсили бы въ глазахъ спеціалистовъ». Затѣмъ я сильно надѣялся—и не ошибся въ надеждѣ—на заступничество со стороны И. И. Введенскаго, а также на поддержку Г. Е. Благосвѣтлова и В. Ѳ. Кеневича, преподавателей, смотрѣвшихъ на мою программу одинаково съ Введенскимъ. А между тѣмъ въ другомъ, противоположномъ лагерѣ, какое число готовыхъ оппонировать! Изъ нихъ мнѣ приходилось вѣдаться съ опытными и знающими педагогами, извѣстными, кромѣ того, въ литературѣ своими почтенными трудами.

Чѣмъ же кончились наши дебаты?

Слишкомъ двадцать пять лѣтъ прошло съ того времени, и было бы смѣшно, въ воспоминаніяхъ о прошломъ, помрачать ихъ искренность и портить правду изъ угоды ложному стыду или ложному самолюбію. Поэтому говорю открыто, что я съ самаго начала повелъ состязаніе не надлежащимъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы ограничиться разъясненіемъ того, что̀ составляло существенное отличіе моей программы, именно—болѣе правильнаго направленія и болѣе правильнаго метода въ преподаваніи русскаго языка и словесности. Я долженъ бы былъ отстаивать преимущества рекомендуемаго мною практическаго метода: его раціональность, удобство и полезность, сравнительно съ другимъ, въ которомъ преобладали схоластическій догматизмъ и схоластическая теорія. Но, не довольствуясь этою задачей, я пустился въ толки о самомъ содержаніи науки, такъ какъ въ мнѣніяхъ преподавателей военно-учебныхъ заведеній о конспектѣ и программѣ находились возраженія не только противъ способа преподаванія, но и противъ взгляда моего на преподаваемое. Эти толки безъ всякой пользы только затянули диспутъ и, конечно, не могли нравиться публикѣ, собравшейся не съ тѣмъ, чтобы слушать препиранія о грамматикѣ, теоріи словесности, исторіи литературы, а съ тѣмъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о предлагаемой реформѣ. Умалчиваю о замѣчаніяхъ со стороны гг. директоровъ и инспекторовъ кадетскихъ корпусовъ: почти всѣ они касались единственно размѣра программы, трудности, даже невозможности исполнить ее при томъ количествѣ часовъ, которое отведено было

въ курсѣ на преподаваніе русскаго языка и словесности. Какъ выше сказано, это неудобство легко устранить сокращеніемъ программы, лишь бы и сокращенная неприкосновенно сохраняла за собою свой отличительный характеръ. Короче, пренія, по моему крайнему убѣжденію и чистосердечному признанію, привели къ такому результату: въ состязаніи съ моими оппонентами я не одержалъ побѣды, но программа, мною составленная, взяла верхъ. Это мнѣ и нужно было единственно; съ этою цѣлью я и принялся за работу: никакихъ иныхъ цѣлей и побужденій не имѣлось. Правда, благорасположенные ко мнѣ люди желали видѣть меня на мѣстѣ главнаго наставника-наблюдателя за преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но я благодарю судьбу, что ихъ— а не мое—желаніе не исполнилось. На эту должность, по всей справедливости, поставили И. И. Введенскаго, какъ человѣка, давно знакомаго съ порядками и ходомъ военнаго образованія: поставленіе служило ему какъ бы наградой за героизмъ на диспутахъ.

Починъ въ постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности на новыхъ началахъ, безспорно, принадлежитъ Я. И. Ростовцеву. Его усиленныя старанія поднять уровень образованности военнаго сословія, его конкурренція на этомъ пунктѣ съ другими учебными вѣдомствами—останутся навсегда памятною заслугой. Успѣхъ этихъ стараній ласкалъ и питалъ его честолюбіе. Безъ него до сихъ поръ, быть можетъ, не вышли бы въ свѣтъ такіе капитальные ученые труды, какъ «Историческая грамматика русскаго языка» Буслаева, и его же «Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка». Не смѣя судить о моей «Исторіи русской словесности» и «Исторической христоматіи къ новому ея періоду», я обязанъ, однакожъ, сказать, что и онѣ своимъ появленіемъ обязаны его содѣйствію. А пожизненная, нерушимая дружба съ К. Д. Кавелинымъ и Ѳ. И. Буслаевымъ — развѣ это не дорогое, хотя личное мое пріобрѣтеніе? «Дружбу сотворилъ Богъ, а литературу состряпали мы, смертные»: такъ отвѣчалъ Пушкинъ на упреки пріятелей за преувеличенныя похвалы стихотвореніямъ друзей своихъ, Дельвига и Баратынскаго.

Съ утвержденіемъ программы и введеніемъ ея въ дѣйствіе, мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ не прекратились. Съ удо-

вольствіемъ вспоминаю, что они были неизмѣнно пріятныя. Вся тайна въ томъ, что Яковъ Ивановичъ не формально, а по внутреннему побужденію, интересовался успѣхомъ предложенныхъ улучшеній. Онъ умѣлъ цѣнить труды лицъ, увѣренныхъ въ правотѣ своего дѣла, и потому искренно и добросовѣстно ему преданныхъ. Онъ охотно слѣдилъ за ходомъ работъ по составленію учебниковъ, порученныхъ мнѣ и Ѳ. И. Буслаеву, не стѣсняя насъ ни срокомъ, ни другими условіями, которыя могли бы стать въ разрѣзъ съ выработаннымъ нами планомъ и тѣмъ повредить научнымъ и учебнымъ требованіямъ. Пріѣзжая въ Москву, онъ лично удостовѣрялся, на сколько подвинулся нашъ трудъ, прочитывалъ готовые отдѣлы, охотно бесѣдовалъ о нихъ. Равнымъ образомъ, вызывая насъ въ Петербургъ, выслушивалъ мнѣнія частной коммисіи о томъ же предметѣ и наши объясненія по нѣкоторымъ запросамъ. Главнымъ членомъ коммисіи былъ Востоковъ, давшій одобрительные отзывы о нашихъ трудахъ, сначала представленныхъ въ рукописи. По исполненіи нами порученій, Яковъ Ивановичъ не желалъ раскланяться съ нами; напротивъ, его намѣреніемъ было сблизиться съ нами, привязать насъ, такъ или иначе, къ военно-учебнымъ заведеніямъ. Вмѣстѣ съ нимъ, по его приглашенію, присутствовали мы на экзаменахъ воспитанниковъ корпусовъ, когда ему для этого случалось пріѣзжать въ Москву. Ему было очень пріятно, когда я взялъ предложенные мнѣ уроки русской словесности во второмъ спеціальномъ классѣ Перваго московскаго кадетскаго корпуса. Вскорѣ моему участію въ образованіи молодежи, готовящейся къ военной службѣ, представился болѣе широкій просторъ: Яковъ Ивановичъ просилъ меня слѣдить за преподаваніемъ русскаго языка и словесности во всѣхъ трехъ московскихъ корпусахъ. Я сдѣлался, такъ сказать, неофиціальнымъ наставникомъ-наблюдателемъ, безъ всякаго за то вознагражденія. Это еще болѣе насъ сблизило, и слѣдствіемъ такого сближенія было то, что, при открытіи вакантнаго мѣста преподавателя русской словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, оно было предложено мнѣ. Я принялъ предложеніе и въ ноябрѣ 1856 года переселился изъ Москвы въ Петербургъ.

Прибавлю еще одну, послѣднюю замѣтку о составленной мною программѣ. Выше сказалъ я, что она взяла «верхъ». Подъ этими

словами я разумѣю не только то, что программа была введена въ военно-учебныя заведенія, но и то, что она служила образцомъ программъ по тому же предмету въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ. «Программа русскаго языка и словесности для желающихъ поступить въ студенты Московскаго университета» (1864 г.), составленная Ѳ. И. Буслаевымъ, одного направленія съ моею: она также требуетъ отчетливаго знанія языка и непосредственнаго знакомства съ литературными произведеніями. Разница только въ размѣрѣ: уменьшено число образцовъ какъ русской, такъ и иностранной словесности. Другая программа, принадлежащая коммисіи, образованной изъ преподавателей московскихъ гимназій, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Тихонравова (въ 1866 г.), еще болѣе сократила отдѣлъ по теоріи и исторіи словесности, устремивъ преимущественно вниманіе на грамматику и стилистику; но основанія остались неизмѣнными. Наконецъ, не тѣ же ли самыя основанія легли и въ програму русскаго языка и словесности 1872 года, при новомъ уставѣ гимназій и прогимназій?

Сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ по составленію программы и учебниковъ вовлекли меня въ сношенія съ Н. И. Гречемъ. Если первыя отличались взаимнымъ благорасположеніемъ, то вторыя, напротивъ, представляли взаимную непріязненность. Гречъ былъ приглашенъ на мой диспутъ и присутствовалъ на немъ въ двухъ качествахъ: въ качествѣ авторитета, знатока русскаго языка и «хранителя его чистоты и правильности», какъ не шутя величалъ его Булгаринъ и какъ въ насмѣшку называли его «Отечественныя Записки», и въ качествѣ давнишняго знакомца и пріятеля Якова Ивановича, который въ молодости вращался въ кругу литераторовъ — сотрудниковъ «Сына Отечества». На диспутѣ Гречъ держалъ себя смирно, не вступая со мною въ состязаніе, можетъ быть потому, что считалъ это низкимъ для своей авторитетности, но, конечно, желая мнѣ полнаго пораженія. Нерасположеніе его ко мнѣ началось еще съ тридцатыхъ годовъ, когда я въ «Телескопѣ» дѣлалъ кой-какія замѣтки на его грамматику, усилилось со времени моего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», не только потому, что мы съ П. Н. Кудрявцевымъ

въ двухъ критическихъ статьяхъ разобрали составленную имъ «Учебную книгу Россійской Словесности», указавъ невѣрность и ничтожность его риторики и піитики, но и вообще потому, что сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» было противно направленіе литературной дѣятельности и его, и наперсника его Булгарина. Онъ хорошо зналъ это и не могъ питать ко мнѣ добрыхъ чувствъ. Программа моя ставила изученіе русскаго языка не на тотъ путь, по которому вела его «Русская Грамматика» Греча. Мнѣніе мое объ этой книгѣ при каждомъ удобномъ случаѣ выражалось или прибавкой эпитета: «такъ называемая» (такъ называемая Русская Грамматика) или болѣе полною формулой: «это—не грамматика русскаго языка, а грамматика языка Греча».

Играя роль пассивнаго слушателя на диспутѣ, Гречъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ наша программа была введена въ дѣйствіе, именно въ 1856 году, напечаталъ въ 7 № «Морскаго Сборника» небольшую статью: «Замѣтки о преподаваніи русскаго языка и словесности». Статья косвеннымъ образомъ отрицала истинность и пользу преподаванія русскаго языка по новой программѣ. Нельзя было не отражать сдѣланной вылазки. Мы и отразили: Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ: «О преподаваніи русскаго языка и словесности» («Отечественныя Записки» 1856 года, № 12); я—въ трехъ статьяхъ, озаглавленныхъ: «Мнѣніе о статьѣ Греча: Замѣтки о преподаваніи русскаго языка и словесности» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1856 г., №№ 266—268). Цѣлью нашего отвѣта было показать, какъ узка, одностороння и потому ошибочна Русская Грамматика, игнорировавшая и языкъ церковно-славянскій и языкъ народный, и извлекавшая законы и правила только изъ двухъ источниковъ: изъ прозаическихъ сочиненій весьма немногихъ образцовыхъ писателей и изъ собственныхъ, не основанныхъ на знаніи фактовъ, соображеній автора, незнакомаго ни съ сравнительнымъ, ни съ историческимъ языковѣдѣніемъ и не получившаго надлежащаго филологическаго образованія. Доказательства мы почерпали изъ грамматики же Греча, выставляя противорѣчія однихъ ея правилъ другимъ правиламъ, или однихъ примѣровъ другимъ примѣрамъ, или правилъ примѣрамъ образцовыхъ сочиненій. Почти одновременно съ появленіемъ нашихъ отвѣтовъ, Гречъ имѣлъ на

плечахъ другую полемику, съ академикомъ И. И. Давыдовымъ, по поводу грамматики послѣдняго. Отъ того-ли, что ему не хотѣлось раздѣлять свои силы на трехъ противниковъ, или въ силу обычая, свойственнаго такъ называемымъ авторитетамъ—не выходить на битву съ рядовыми, какъ не стоящими пороха, и отдѣлываться отъ нихъ извѣстнымъ стихомъ: «презрѣнье — мой отвѣтъ на дерзкія слова», только онъ выслалъ противъ насъ К. А. Полеваго, брата издателя «Московскаго Телеграфа». Въ трехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1857 г. (№№ 23, 49, 50 и 116) и потомъ изданныхъ особою брошюрой: «Споры о грамматикѣ и языкѣ» (1857 г.), г. Полевой старался защитить Греча и выставить наше, т. е. мое и Ѳ. И. Буслаева, незнаніе ни языка, ни словесности, даже наше неумѣнье писать по русски, и проч. и проч. Ѳедоръ Ивановичъ, занятый лекціями, пренебрегъ выходками Гречева сторонника, но я, признаюсь, не вытерпѣлъ, и въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1857 г. тиснулъ «Дополнительныя объясненія г. Гречу». Почему-жъ не Полевому? вѣдь онъ не скрывалъ своего имени? А потому, что въ статьяхъ г. Полеваго я видѣлъ истаго оруженосца Греча, вооруженнаго его доспѣхами и сражавшагося по образу и подобію своего рыцаря: тѣ же узкіе взгляды на грамматику, тѣ же обветшалыя понятія о языкѣ и словесности. Ясными намеками хотѣлось мнѣ дать знать, что спорилъ съ нами собственно не К. Полевой, а самъ Гречъ, что «Споры о языкѣ и словесности» писаны по внушенію, такъ сказать, подъ диктовку послѣдняго. Поэтому я нѣсколько разъ называлъ К. А. Полеваго литераторомъ молодымъ, неопытнымъ, только что выступающимъ на новое для него поприще. Это, разумѣется, была шутка, которая заставила г. Полеваго въ припискѣ (postscriptum) къ третьей статьѣ сказать слѣдующее: «г. Галаховъ знаетъ меня двадцать лѣтъ, бывалъ у меня множество разъ, всегда видѣлъ отъ меня доброжелательство, пользовался моими совѣтами при составленіи своей христоматіи, которая даже была издана моимъ иждивеніемъ [1]), и послѣ всего этого неприлично

---

[1]) Первое ея изданіе, 1842 г., напечатанное въ числѣ трехъ заводовъ, по тогдашнему—3,600 экз., изъ коихъ тысяча была отдана мнѣ, а остальное пошло на долю издателя. **А. Г.**

ему не узнавать меня и называть неопытнымъ юношею». Слова эти справедливы, но дѣло въ томъ, что К. А. Полевой въ Москвѣ и К. А. Полевой въ Петербургѣ—два разныхъ лица. Въ Москвѣ онъ былъ сотрудникомъ, правою рукой своего брата, передоваго журналиста, знакомившаго насъ съ явленіями умственной и литературной жизни Запада, вмѣстѣ съ братомъ постоянно воевалъ съ Гречемъ и Булгаринымъ, и въ этой войнѣ наносилъ имъ чувствительные удары. Въ то время всѣ мы, молодые люди, кончившіе университетскій курсъ, любили и уважали обоихъ братьевъ, стояли неизмѣнно на ихъ сторонѣ, сердились на ихъ противниковъ за эпиграммы на «Телеграфъ» и на его издателя съ сотрудниками [1]). Въ Петербургѣ же К. Полевой преобразился: сошелся съ Гречемъ, сталъ защитникомъ его мнѣній, отщепенцемъ отъ самого себя, лже-Полевымъ. Толкуйте какъ угодно подобную метаморфозу, а мы могли объяснять ее только пониженіемъ или умственнаго или нравственнаго уровня. «Кто за Греча и Булгарина, тотъ противъ насъ»: вотъ что было нашимъ девизомъ.

Личное состязаніе съ Гречемъ произошло у меня въ Петербургѣ, куда мы съ Ѳ. И. Буслаевымъ вторично были вызваны для представленія отчета о составляемыхъ нами учебныхъ руководствахъ. Я. И. Ростовцевъ, у себя на дому, собралъ небольшую коммисію, въ которую, кромѣ насъ двоихъ и начальника учебнаго отдѣленія (И. А. Бирилева), приглашены были И. П. Шульгинъ, г. Гречъ и Н. Х. Востоковъ. Передъ ея открытіемъ я рѣшился сдѣлать визитъ нашему антагонисту, то есть г. Гречу, такъ какъ ему также были сообщены наши труды на просмотръ, послѣ котораго онъ далъ о нихъ очень неблагопріятное мнѣніе.

Послѣ обычнаго привѣтствія, г. Гречъ шутливо сказалъ о коммисіи: «ну, что-жъ? будемъ воевать не на животъ, на смерть, какъ герои Иліады—Ахиллесъ и Гекторъ».

---

[1]) Изъ многихъ эпиграммъ на обоихъ Полевыхъ слѣдующая, написанная, если не ошибаюсь, А. И. Писаревымъ, отличается особенно забавною оригинальностью:

Нѣтъ противнѣй до Алтая —
Полеваго Николая;
И скучнѣе нѣтъ до Понта —
Полеваго Ксенофонта. **А. Г.**

— Гекторъ,—отвѣчалъ я ему шутя,—слишкомъ высокій для меня образецъ; я желалъ бы лучше быть Парисомъ.

— «То есть, вы желаете убить меня».

— Не васъ, а вашу грамматическую систему.

Впрочемъ, не смотря на готовность къ битвѣ, г. Гречъ въ коммисіи выказалъ скромность, можетъ быть, благодаря присутствію вполнѣ законнаго и потому властнаго авторитета, А. Х. Востокова, къ которому мы съ Буслаевымъ единственно и обращались за разрѣшеніемъ спорныхъ пунктовъ. Къ сожалѣнію, первоклассный ученый, основатель славянской филологіи, страдалъ сильнымъ косноязычіемъ. Этотъ природный недостатокъ конфузилъ его, мѣшая свободному изложенію мыслей въ разговорѣ [1]).

Открыть кампанію противъ г. Греча слѣдовало бы, конечно, Ѳ. И. Буслаеву, какъ спеціалисту по языкознанію, но онъ предоставилъ это мнѣ. Собравшись съ духомъ, я рѣшился доказать по возможности несостоятельность грамматическихъ основаній «хранителя чистоты русскаго языка». Я началъ съ положенія, высказаннаго имъ и въ статьѣ Морскаго Сборника: «Замѣтки о преподаваніи русскаго языка и словесности», и въ рукописномъ отчетѣ о нашихъ трудахъ, который былъ намъ переданъ съ тою цѣлью, чтобы мы могли съ нимъ познакомиться до засѣданія коммисіи. Положеніе гласило: «грамматическія правила должны быть извлекаемы изъ сочиненій образцовыхъ писателей и изъ логическихъ соображеній, или умозрѣній автора грамматики». Прочитавъ эти строки въ коммисіи, я обратился къ г. Гречу съ вопросомъ: «Если правила, извлеченныя такимъ способомъ, въ разныхъ грамматикахъ окажутся различными, даже противорѣчивыми, кто будетъ рѣшать, какія изъ нихъ истинны, и какія ложны?»

---

[1]) Ода «Къ Гарпократу» (богу молчанія) служитъ исповѣдью Востокова. Она начинается такими словами:

«Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу», и проч.

Въ связи съ этою одой состоитъ другая піеса: «Откровеніе Музы». (См. Стихотворенія А. Востокова, 1821). А. Г.

— Конечно, академія наукъ,—отвѣчалъ Гречъ.

— Академія?.. но она не папа, признаваемый католическимъ міромъ за непогрѣшимаго въ своихъ приговорахъ. Академія при рѣшеніи вопросовъ должна будетъ на чемъ нибудь основываться: какія же это основанія?

Мнѣ хотѣлось сдѣланными вопросами привести противника къ сознанію, что примѣры, взятые у однихъ образцовыхъ писателей, могутъ противорѣчить примѣрамъ, заимствованнымъ у другихъ писателей, столь же образцовыхъ; что логическія соображенія, которыя г. Гречъ почему-то назвалъ умозрѣніями, тогда только имѣютъ силу, когда опираются на знакомство съ фактами языка; что для автора русской грамматики необходимо изученіе исторіи русскаго языка, а также изученіе русскаго языка народнаго, которымъ пренебрегали наши литераторы одной школы съ Гречемъ и называли его площаднымъ. Такъ какъ Гречъ не отвѣчалъ на мой послѣдній вопросъ, то я приступилъ къ подкрѣпленію моей мысли примѣрами изъ его же собственной грамматики. Выборъ примѣровъ не представлялъ трудности: въ періодъ моихъ учительскихъ занятій я вдоль и поперегъ познакомился съ этимъ общепринятымъ тогда учебникомъ и видѣлъ всѣ его прорѣхи, т. е. противорѣчія однихъ правилъ и примѣровъ другимъ правиламъ и примѣрамъ. Я. И. Ростовцеву очень понравились мои возраженія. Послѣ каждаго изъ нихъ онъ говорилъ мнѣ: «еще что-нибудь, пожалуйста». Дѣло заключилось комическимъ образомъ. Словно желая утѣшить Греча, Я. И. Ростовцевъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Не смотря на все это, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я увѣренъ, что грамматика ваша просуществуетъ еще лѣтъ десять». Тутъ Гречъ разгорячился: «да что вы, ваше превосходительство, все толкуете о моей книгѣ? Я вовсе не дорожу ею: пусть она хоть сквозь землю провалится». Я. И. Ростовцевъ засмѣялся: «ну, полно, не сердитесь, я ошибся: ваша книга проживетъ еще не десять, а двадцать лѣтъ».

Возраженія мои Гречу служили самою легкою отплатой за послѣднія строки его отчета о трудахъ моихъ и Ѳ. И. Буслаева. Онъ указывалъ, натравливалъ на меня, какъ на сотрудника «такъ называемыхъ Отечественныхъ Записокъ» (его собственное выра-

женіе), будто бы возбуждавшихъ въ читателяхъ пристрастіе къ иноземцамъ и нелюбовь къ отечеству; онъ называлъ меня послѣдователемъ Огюста Конта и Литре, проповѣдниковъ гибельнаго ученія, потому только, что въ объявленіи о подпискѣ на «Отечественныя Записки» 1848 года, на ряду съ статьями, обѣщанными редакціи, значилось и мое «Изложеніе позитивной философіи (по Литре)», которое, впрочемъ, не явилось въ печати; въ заключеніе же давалось знать, что люди, подобные мнѣ, могутъ быть не образователями, а развратителями юношества. Вотъ какіе камни бросалъ онъ въ огородъ мой! вотъ какимъ оружіемъ умѣлъ онъ дѣйствовать купно съ Булгаринымъ!

Что я не помнилъ зла, а умѣлъ видѣть и хорошее въ грамматической и литературной дѣятельности Греча—доказательствомъ служитъ его некрологъ, написанный мною для февральской книжки «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1867 годъ.

А. Галаховъ.

НѢСКОЛЬКО НЕДѢЛЬ ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ

въ 1846 году.

Послѣ смерти извѣстнаго нѣмецкаго писателя Ф. В. Гаклендера, послѣдовавшей въ началѣ истекшаго года, издана его автобіографія подъ заглавіемъ «Романъ моей жизни (Der Roman meines Lebens). Жизнь этого замѣчательнаго беллетриста, любимца нѣмецкой публики, сложилась дѣйствительно довольно романически. Не получивъ почти никакого образованія, сынъ бѣднаго учителя, онъ, не имѣя никакой подготовки, ни практической, ни ученой, пробовалъ свои силы на всѣхъ возможныхъ поприщахъ: былъ купеческимъ прикащикомъ, конторщикомъ, солдатомъ, актеромъ и кончилъ писателемъ, бывъ долгое время секретаремъ наслѣдника виртембергскаго престола, нынѣшняго короля. Въ этомъ качествѣ онъ находился въ свитѣ принца при поѣздкѣ его въ Россію для бракосочетанія съ великою княжною Ольгою Николаевною. Эта поѣздка описана Гаклендеромъ въ его автобіографіи довольно подробно. Эпизодъ этотъ содержитъ нѣкоторыя подробности, которыя прочтутся читателями «Русской Старины», можетъ быть, не безъ любопытства, тѣмъ болѣе, что авторъ, по видимому, разсказываетъ безпристрастно и правдиво о всемъ томъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ въ Россіи. **Павелъ Ч—ковъ.**

«Въ началѣ апрѣля 1846 г. императрица выѣхала изъ Палермо во Флоренцію, куда отправился и наслѣдный принцъ, чтобы ѣхать совмѣстно съ невѣстою черезъ Венецію въ Зальцбургъ, куда намѣревались прибыть король и королева виртембергскіе, чтобы познакомиться съ будущею невѣсткою». Послѣ этого свиданія, которымъ обѣ стороны остались очень довольны, императрица отправилась съ великою княжною черезъ Берлинъ въ Петербургъ. «Въ половинѣ іюня мы отправились въ Россію (говоритъ Гаклендеръ) съ кронпринцемъ, въ свитѣ котораго находились: генералъ Шпицембергъ, лейбъ-медикъ фонъ-Гердеггъ, Берлихингенъ и принцъ Гуго фонъ-Гогенлоэ-Эрингенъ, первый адъютантъ его высочества. Въ Свинемюнде мы нашли русскій паровой корветъ «Грозящій» (Krosiasztschy!), посланный императоромъ на встрѣчу будущему зятю. Корветъ, въ честь высокаго гостя, былъ очень изящно убранъ и снабженъ хоромъ музыки, которая очень часто играла. Будучи пощаженъ морскою болѣзнью, я любовался интереснымъ движеніемъ и жизнью на суднѣ, радостно уповая увидѣть скоро сѣверъ Европы. 26-го іюня, на второй день пути, мы увидѣли множество парусныхъ судовъ, которыя офицеры приняли за русскую эскадру. Такъ какъ назначеніе ея было неизвѣстно, то начали телеграфировать посредствомъ флаговъ и дали

знать эскадрѣ, что на «Грозящемъ» находится кронпринцъ. Эскадра отвѣтила, что прислана привѣтствовать его. Черезъ нѣсколько часовъ мы достигли судовъ. То была первая дивизія, состоявшая изъ 9-ти линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Лазарева. Прекрасныя суда стояли въ боевой линіи—картина величественная и весьма красивая. На нашемъ суднѣ подняли флагъ съ виртембергскимъ гербомъ, который салютовали 21-мъ выстрѣломъ съ каждаго судна. Я ничего подобнаго не видалъ; зрѣлище представляло картину настоящаго морскаго сраженія.

«28-го іюня мы приблизились къ Ревелю и встрѣтили у этого острова (sic) бригъ, который долженъ былъ дать знать о прибытіи принца въ Петергофъ, гдѣ находилась императорская фамилія.

«Того же числа мы прибыли въ Кронштадтъ и были привѣтствуемы пушечными выстрѣлами со всѣхъ судовъ и батарей. Вскорѣ прибыла изящная яхта императора; на ней находились генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ и флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ, прикомандированные въ свиту кронпринца. Въ семи верстахъ отъ Петергофа, наконецъ, мы увидѣли пароходъ, на которомъ находились его величество, государь наслѣдникъ, великіе князья Михаилъ и Николай, герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Петръ Ольденбургскій. Интересно было видѣть государя Николая, этого красавца съ величественною осанкою, стоявшаго у самаго бугшприта, держась лѣвою рукою за мачту, махая ласково правою, и громко, звучно здороваясь словами: «bon jour, mon garçon».

«Минута эта была для кронпринца не совсѣмъ легкая, ибо, только что оправясь отъ морской болѣзни, онъ долженъ былъ надѣть непривычный мундиръ пожалованнаго ему полка нижегородскихъ драгунъ, одного изъ самыхъ храбрыхъ и дикихъ (?) всей арміи, одѣтаго по черкесски (?); но все сошло очень хорошо; императоръ и великіе князья привѣтствовали и обнимали его самымъ дружескимъ образомъ и собравшійся на берегу народъ встрѣтилъ его громкимъ, восторженнымъ привѣтомъ.

«Характерный костюмъ русскихъ, богатая и своеобразная одежда офицеровъ и чиновниковъ, упряжь открытыхъ экипажей, особенно троекъ, и надъ всѣмъ этимъ легкій, но не непріятный для обонянія запахъ юфти:—все это не могло не поразить меня на первыхъ порахъ».

Авторъ описываетъ Петергофъ, который ему очень понравился.

«Въ одномъ отдѣльномъ домѣ простаго стиля помѣстили кронпринца со свитою. Наши комнаты были меблированы просто, но снабжены всѣмъ необходимымъ и даже купальнею. Русскій дворъ не имѣлъ собственной кухни; обѣдомъ снабжали поставщики, бравшіе по 25-ти франковъ за кувертъ,—цѣна ужасно дорогая, но за то предприниматель долженъ былъ всегда быть наготовѣ противъ всякихъ случайностей, ибо императрица часто, въ самую минуту обѣда, назначала какой нибудь отдаленный дворецъ или какое ни-

будь прелестное мѣстечко для сервировки и потомъ опять отмѣняла такое назначеніе, а императоръ послѣ удавшагося парада нерѣдко приглашалъ къ обѣду въ тотъ же день всѣхъ бывшихъ на парадѣ офицеровъ. Кухня была отличная и здѣсь мнѣ понравилась такъ называемая закуска «Тертуска» (Tertuska?), состоящая изъ икры, сардинокъ, анчоусовъ, которую вмѣстѣ съ разными ликерами и водками разносили передъ обѣдомъ. Намъ, приглашеннымъ, предоставлялось на выборъ—обѣдать или за большимъ маршальскимъ столомъ въ петергофскомъ дворцѣ или у себя на квартирѣ; въ такомъ случаѣ напитки отпускались особо, а именно каждодневно по 12-ти бутылокъ вина (?) на персону, въ томъ числѣ и шампанское, портеръ и ликеръ; все это оставалось въ пользу прислуги, которая, исключая шампанское, пропивала или продавала вино; шампанское, не выпитое мною, я ставилъ въ сторону и въ короткое время набралось около ста бутылокъ (!). Въ такихъ размѣрахъ, какъ кухня и погребъ, было и все прочее, на всемъ отпечатокъ староазіатской пышности и роскоши. Для каждаго изъ насъ были наготовѣ, днемъ и ночью, экипажи съ придворными лакеями.... Кромѣ придворныхъ, было еще тогда въ Петергофѣ 1,700 наемныхъ экипажей, и число конныхъ лакеевъ было огромно.

«Мнѣ приходилось нерѣдко ѣздить въ Петербургъ съ порученіями принца; тогда запрягали для меня легкій купэ въ 4 лошади. У заставы меня записывали Prinzke Secretar Würtembergscajo (!). Однажды мнѣ пришлось въ одинъ и тотъ же день съѣздить три раза въ Петербургъ; вечеромъ шталмейстеръ императора фонъ-Гохштеттеръ сказалъ мнѣ смѣясь: «сегодня записано на ваше имя 48 лошадей». Принцъ Гогенлоэ, бывшій при этомъ, трунилъ надо мною и замѣтилъ, что я употребляю во зло гостепріимство (двора). Но каково было его негодованіе, когда Гохштеттеръ сообщилъ ему, что для него, не отлучавшагося въ тотъ день изъ Петергофа, было потребовано 12 лошадей! Забавно было негодованіе лакея, когда я однажды поздно ночью потребовалъ перекусить чего нибудь холоднаго; онъ отвѣтилъ: «этого не имѣется; вашей милости подадутъ сейчасъ цѣлый ужинъ».

«Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ, прикомандированный къ кронпринцу, былъ высокій худощавый мужчина, съ черными волосами и бородою (?); цвѣтъ лица его былъ блѣдный, немного желтоватый, глаза живые, черты лица тонкія и умныя. Онъ былъ очень расположенъ ко мнѣ и, уходя по утрамъ отъ кронпринца, онъ заходилъ ко мнѣ, и, садясь на край стола, курилъ папиросы. Зная хорошо всѣхъ придворныхъ, онъ разсказывалъ охотно и очень интересно».... Авторъ упоминаетъ и о прусскомъ принцѣ (нынѣ императоръ Вильгельмъ), которому онъ былъ извѣстенъ уже въ Берлинѣ, и отзывается о немъ съ любовью и признательностью за его доброту и расположеніе къ себѣ. Однажды, когда Гаклендеръ находился у принца Вильгельма, прибѣжали къ нему молодые великіе князья Михаилъ и Николай въ простомъ

солдатскомъ мундирѣ. «Они бросились къ дядѣ, начали его цѣловать, пожимать его руки, и принимались взлѣсть на него, не переставая ласкать его, не смотря на то, что принцъ, смѣясь, раза два прикрикнулъ на нихъ: «теперь довольно, оставьте меня въ покоѣ!» Напрасно. Они все кружились около него. Тогда онъ выпрямился и скомандовалъ: «смирно! на право кругомъ! маршъ!» указавъ на дверь; тогда только великіе князья удалились парадным шагомъ».

«Однажды была охота на волковъ и медвѣдя. Звѣри содержались въ большихъ клѣткахъ вблизи Петергофа. Волки были очень дики, медвѣдь же, не очень большой, сидя на заднихъ лапахъ, «служилъ» охотно, если ему давали сахаръ, и позволялъ гладить себѣ голову и лапы такъ добродушно, что мы всѣ были убѣждены, что онъ ручной. На охотѣ прусскій принцъ застрѣлилъ его. На другой день я его посѣтилъ и когда онъ сказалъ: «поздравьте меня, я вчера застрѣлилъ медвѣдя», то я смѣючись отвѣтилъ ему: точно такъ, ваше высочество, но звѣрь былъ ручной, мы кормили его сахаромъ и гладили по головѣ. Принцъ, нисколько не обидясь, отвѣтилъ, добродушно смѣясь: «сказать правду, скверно, что меня заставили застрѣлить ручнаго медвѣдя; но всѣ знаютъ, что я умѣю справиться и съ дикимъ».

«Въ свитѣ прусскаго принца находился между прочими и ротмистръ фонъ-Вицлебенъ, сынъ бывшаго военнаго министра, большой весельчакъ, шутникъ и острякъ. Онъ жилъ въ такъ называемомъ англійскомъ дворцѣ. Въ нижнемъ этажѣ дворца жилъ канцлеръ Нессельроде, а въ бельэтажѣ фельдмаршалъ Паскевичъ, которымъ, конечно, никакого дѣла не было до прусскаго ротмистра. Адмиралъ Литке спросилъ его однажды: «какъ вы поживаете на вашей квартирѣ, любезный Вицлебенъ?» Вопрошаемый, пожимая плечами, отвѣтилъ: «Квартира, в. п—ство, сама по себѣ не дурна, жалко только, что мнѣ ночью не даютъ покою». Какъ это такъ? «Да вотъ какъ: только-что начну я засыпать—отворяется дверь и входитъ ко мнѣ то г. канцлеръ, чтобы разговаривать со мною о русскихъ дѣлахъ, то фельдмаршалъ Паскевичъ, чтобы узнать мое мнѣніе о Польшѣ: честь, конечно, великая, но ночной покой—вещь болѣе пріятная». Всѣ хохотали, особенно потому, что шутникъ разсказывалъ подобныя исторіи очень серьезно».

«Нѣсколько дней спустя было какое-то празднество въ Петергофѣ, на которомъ императоръ не присутствовалъ. Императрица сидѣла на очень низкомъ креслѣ. Она приказала князю Паскевичу подозвать къ себѣ Вицлебена. Справившись ласково о его здоровьѣ, ея величество съ серьезною миною сказала ему: «что касается вашего спокойствія ночью, любезный Вицлебенъ, я просила Нессельроде и Паскевича, чтобы они впредь не тревожили васъ». Всякій другой, на его мѣстѣ, сконфузился бы, но Вицлебенъ, низко кланяясь, отвѣтилъ: «благодарю всеподданнѣйше ваше величество за это новое доказательство высочайшей благосклонности и милости!»

Императрица часто бесѣдовала съ авторомъ и предлагала ему разные неожиданные вопросы. Его часто приглашали въ Александрію, гдѣ онъ имѣлъ случай удивляться простотѣ и задушевности жизни царской семьи.

1-го (13-го) іюля происходило бракосочетаніе кронпринца съ великою княжною Ольгою Николаевной въ петергофской церкви въ присутствіи лишь царской фамиліи и ближайшихъ придворныхъ, въ томъ числѣ и автора. Пышность обстановки была почти подавляющая; вездѣ серебро, золото и брилліанты.... Цѣлые милліоны на маломъ пространствѣ.... Тѣмъ проще, почти бѣднымъ казалось послѣдовавшее затѣмъ вѣнчаніе по лютеранскому обряду. Потомъ былъ большой банкетъ, на которомъ однако царская фамилія не присутствовала.... Авторъ былъ, при случаѣ, представленъ императору Николаю и находитъ, что его личность самая величественная изъ всѣхъ, какія ему приходилось видѣть въ Европѣ. «При разговорѣ съ его величествомъ случилось нѣчто ужасное, а именно, что я, смутясь, на сдѣланный мнѣ по французски вопросъ: «какъ долго находились вы въ военной службѣ въ Пруссіи?» отвѣчалъ по нѣмецки, послѣ чего императоръ—что было очень чрезвычайно—продолжалъ разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ превосходно изъяснялся. Но что я, не смотря на то, не произвелъ на него дурнаго впечатлѣнія, о томъ я узналъ черезъ нѣсколько дней отъ кронпринца, при одномъ случаѣ, поводъ къ которому заставилъ меня призадуматься. Съ извѣстной стороны было въ Штутгартѣ поручено русскому генералъ-адъютанту князю Купффцелю, прибывшему въ Россію по случаю бракосочетанія кронпринца, въ разговорѣ съ императоромъ возбудить недовѣріе его ко мнѣ, что и было имъ исполнено, ибо императоръ говорилъ о томъ съ кронпринцемъ, причемъ отозвался неодобрительно о способѣ заподозрѣвать людей не приводя доказательствъ, и присовокупилъ къ сему нѣсколько благосклонныхъ словъ о моей личности».

Авторъ разсказываетъ, какъ пріятно они проводили время въ Петергофѣ до бракосочетанія принца, какъ гуляли и ѣздили по его окрестностямъ. Въ полдень бывалъ парадъ при хорошей музыкѣ, на который часто пріѣзжалъ императоръ въ простомъ шарабанѣ, правя самъ, вмѣстѣ съ императрицею и съ молодою четою. Онъ описываетъ, далѣе, вступленіе кадетовъ въ лагерь. «Это была настоящая лилипутская армія, по выраженію императора, состоявшая изъ 2,000 дѣтей и юношей отъ 8-ми до 18-ти лѣтъ, всѣ въ мундирахъ и при оружіи, отчасти верхомъ, а именно: эскадронъ драгунъ съ пиками (?)—это юнкерская школа, нѣсколько взводовъ черкесовъ, потомъ Пажескій корпусъ, артиллерія съ маленькими пушками и, наконецъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты. Посреди всѣхъ прочихъ маршировали и юные великіе князья Николай и Михаилъ. Прибывъ въ лагерь, они сложили оружіе. Между тѣмъ прибылъ императоръ съ великими княжнами Ольгою и Маріею въ лагерь и вслѣдъ за тѣмъ кадеты стремительно бросились къ экипажу Нико-

лая Павловича, который здоровался и вступалъ смѣясь въ разговоръ съ маленькими солдатами и обходился съ ними какъ отецъ съ своими дѣтьми. Зрѣлище было по-истинѣ привлекательное и я увѣренъ, что никто изъ этихъ дѣтей не забылъ благодушія и любви своего государя».

Послѣ бракосочетанія происходили разныя празднества, парады, маскарады и пріемъ Ольгою Николаевной разныхъ высшихъ чиновъ гвардіи и чиновъ гражданскаго вѣдомства. Пріемъ продолжался два часа, всѣ представляемые подходили къ ея рукѣ, при чемъ кронпринцесса до того устала, что чуть не потеряла сознаніе.

Находясь въ Петербургѣ, авторъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности, о которыхъ отзывается съ удивленіемъ и разсказываетъ слѣдующій забавный случай. «При одномъ изъ парадовъ присутствовалъ старый прусскій генералъ Меллендорфъ; когда парадъ кончился, генералъ подошелъ къ одному офицеру и сказалъ ему вслухъ:

— «Благодарю васъ, г. поручикъ; вы исполнили вашу трудную задачу, къ моему удивленію, отлично; да сохранитъ Господь вамъ этотъ шагъ».

«Когда онъ увидѣлъ, что нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись, то присовокупилъ очень важно:

— «Господа! не смѣйтесь, такой шагъ—даръ Божій!»

«Кронпринцъ и прусскій принцъ квартировали въ Зимнемъ дворцѣ. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что въ средѣ легковѣрныхъ и суевѣрныхъ людей существуетъ преданіе, будто въ тронномъ залѣ появляется императоръ Павелъ, ходя по залу или возсѣдая на престолѣ. Принцу Вильгельму пришлось однажды почти подтвердить эту бредню, ибо «послѣ какого-то празднества (разсказывалъ онъ), продолжавшагося до глубокой ночи, я шелъ черезъ залъ, слабо освѣщенный луною, въ свою комнату, вслѣдъ за лакеемъ, несшимъ зажженую свѣчку. Вдругъ онъ вскрикнулъ, уронилъ подсвѣчникъ и убѣжалъ; я, пораженный этимъ, оглянулся и увидѣлъ на тронѣ какую-то фигуру въ красной съ галунами одеждѣ, которая, когда я сталъ къ ней приближаться, немедленно скрылась»... На другой день оказалось, что на тронѣ спалъ лакей, сѣвшій отдохнуть отъ усталости».

Автора очень поразилъ своею красотой, пышностью и богатствомъ Исаакіевскій соборъ. Петергофская иллюминація также привела его въ восторгъ, какъ и смотръ флота въ Кронштадтѣ.

Авторъ покинулъ Россію 9-го сентября того же года съ сожалѣніемъ, проведши въ ней столько пріятныхъ дней и нашедши тамъ много друзей...

Сообщ. **П. А. Чумиковъ.**

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ХРАПОВИЦКАГО,

инспектора репертуара россійской труппы.

1829—1839 г.

«Сія книга есть мое тайное чистосердечіе».
А. Храповицкій.

Представляемый здѣсь «Дневникъ», подобно другому дневнику, именно—веденному предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры А. И. Красовскимъ, нѣкогда напечатанному на страницахъ «Русской Старины», имѣетъ чисто отрицательное значеніе: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, на какой степени развитія находился его составитель, вѣдавшій довольно важную и отвѣтственную часть въ общественной жизни Петербурга въ доброе старое время. Александръ Ивановичъ Храповицкій былъ инспекторомъ репертуарной части русскаго театра въ столицѣ и велъ отрывочныя замѣтки по поводу того или другаго спектакля. Эти замѣтки, какъ нельзя лучше, знакомятъ со взглядами его на театръ, на отечественные таланты въ ряду артистовъ, на репертуаръ. Обращаемъ вниманіе читателей на отзывы Храповицкаго объ игрѣ П. С. Мочалова, В. В. Самойлова, объ операхъ Мейербера и М. И. Глинки, о піесахъ Шекспира («Виндзорскія кумушки»), Гоголя («Ревизоръ»), и проч., и проч. Замѣтки эти писаны Храповицкимъ въ большой книгѣ, на поляхъ тѣхъ страницъ, на которыя были имъ наклеиваемы афиши ежедневныхъ спектаклей на петербургскихъ театрахъ въ 1829—1839 гг. Ред.

1829.

11-го іюня. «Разбойники». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе г-на Шиллера.

Во время пожара пожарный солдатъ почелъ оный серьезнымъ и кинулся на сцену тушить передъ зрителями, что произвело смѣхъ въ публикѣ.

26-го іюля [1]). «Новая суматоха или женихи чужихъ невѣстъ».

---

[1]) Пропускъ чиселъ означаетъ тѣ мѣста дневника, гдѣ, послѣ сухаго перечня піесъ репертуара, слѣдуетъ столь же сухое указаніе числа вызововъ каждаго изъ участвовавшихъ артистовъ. Ред.

Оригинальная комическая опера въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе князя А. А. Шаховскаго.

Семенова, по слабости здоровья, пѣла не такъ хорошо. Была вызвана, и служащій въ Горномъ корпусѣ чиновникъ Ильманъ, при вызовѣ, свистѣлъ, шикалъ и называлъ вслухъ облѣзлою кошкою, о чемъ полиція сдѣлала свое распоряженіе.

10-го августа. «Пять лѣтъ въ два часа или какъ дороги утки». Опера-водевиль, въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Былъ принцъ Хозревъ-Мирза.

21-го августа. «Пустынникъ дикой горы». Романтическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

О, горе, горе намъ!

25-го августа. «Жаръ птица». Волшебная опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Былъ принцъ Хозревъ-Мирза и посѣтилъ сцену, устройство которой его очень занимало.

1830.

2-го февраля. «Казакъ стихотворецъ». Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе князя А. А. Шаховскаго.

Лишь только Марсель вышла на сцену, то въ ту же минуту занемогла, и занавѣсь опустили.

4-го февраля. «Эфемеры или вся жизнь въ одинъ день». Трагикомедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ. Послѣднее сочиненіе г-на Пикара, члена французской академіи.

Охъ, пора намъ перестать эфемерами заниматься, а то будемъ безъ денегъ.

25-го апрѣля. «Ермакъ». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ принадлежащимъ къ оному пѣніемъ. Сочиненіе г. Хомякова.

Лодка скрипѣла отъ немазаныхъ колесъ и пьяный плотникъ началъ было подымать занавѣсь.

22-го мая. «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Драма въ трехъ суткахъ, между каждыми по пятнадцати лѣтъ антракта, съ музыкой, танцами, пожаромъ и разрушеніемъ хижины.

Съ Каратыгина парикъ свалился въ третьемъ дѣйствіи.

(Бѣлый листъ) [1]).

Сей пробѣлъ случился по вѣтренности Варвары Васильевны Храповицкой, г-жи инспекторши россійской труппы.

---

[1]) Не наклеена афиша.

25-го іюня. «Людмила». Драма въ трехъ отдѣленіяхъ.

Во время дѣйствія вдругъ погасла большая люстра. Полагаютъ, что это случилось отъ вѣтра.

19-го октября. «Князь невидимка». Большая волшебно-комическая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Купецъ Ключаревъ, во второмъ ярусѣ, въ ложѣ, произвелъ пьяный шумъ. Явилась полиція. Шумъ увеличился. Публика, не зная ничего, перепугалась. Закричали голоса: «пожаръ!» Всѣ кинулись изъ театра и сдѣлалось общее смятеніе, даже актеры въ костюмахъ выбѣжали на улицу; но вскорѣ все успокоилось и піесу начали продолжать.

27-го ноября. «Юрій Милославскій». Романтическое представленіе въ 5-ти суткахъ, взятое изъ романа М. Н. Загоскина, княземъ А. А. Шаховскимъ.

Сей спектакль данъ былъ въ день полученія извѣстія о мятежѣ, произведенномъ въ Варшавѣ. Когда Каратыгинъ сказалъ: «да здравствуетъ законный царь русскій и да погибнутъ всѣ измѣнники!» раздался ужасный аплодисментъ съ крикомъ: «браво, форро», и потому Каратыгинъ долженъ былъ повторить сіи слова, и радостный крикъ «браво» вновь возобновился.

1831.

26-го января. Бенефисъ г-на Брянскаго. Въ первый разъ «Горе отъ ума». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова.

Сверхъ ожиданія, піеса принята была сухо.

3-го февраля. «Гамлетъ». Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подражаніе Шекспиру С. И. Висковатаго.

Случилось несчастіе: въ 4-мъ актѣ у Каратыгина въ колѣнѣ треснули панталоны.

6-го мая. «Волшебный стрѣлокъ». Большая волшебная опера въ трехъ дѣйствіяхъ.

Бѣшенцовъ долженъ былъ стрѣлять въ орла, но замокъ испортился и онъ никакъ не могъ выстрѣлить, почему орелъ, по приказанію Самойлова, упалъ безъ выстрѣла, что и произвело страшный между зрителями смѣхъ.

13-го мая. «Разбойникъ Богемскихъ лѣсовъ». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, въ двухъ частяхъ, взятая изъ твореній Бейрона.

Передъ концомъ піесы плотникъ сдѣлалъ внезапное разрушеніе замка. Актеры всѣ перепугались, и Брянская, увидѣвъ мужа лежащаго (который, по піесѣ, лежалъ мертвымъ), испугалась сильно и съ

визгомъ кричала: «Яша, Яша!» (имя мужа). Послѣ чего выпланъ былъ анонсъ, что, по ошибочномъ разрушеніи, трагедія кончена быть не можетъ.

14-го іюня. «Духъ времени». Комедія-водевиль въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Въ сей день появилась въ Петербургѣ холера.

23-го іюня. «Горе отъ ума». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова.

Было мало (публики), потому что вчерашняго числа былъ на Сѣнной большой бунтъ, разбили холерную больницу. И сегодня то же бы было, но присутствіе государя все прекратило.

28-го іюня. «Сынъ любви». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу.

Сего числа пополуночи умеръ отъ холеры славный Рязанцевъ.

1-го іюля. «Великодушіе или рекрутскій наборъ». Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ильина.

Въ сей день было больныхъ артистовъ, и почти все первые сюжеты, семнадцать человѣкъ.

5-го іюля. «Любовная почта». Комическая опера А. А. Шаховскаго.

Сего числа, въ часъ по полудни, по высочайшему повелѣнію, театры закрыты впредь до окончанія холеры.

1832.

3-го ноября. «Сумбека или покореніе Казанскаго царства». Новый большой героическій балетъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Балетъ понравился публикѣ, по окончаніи коего сочинитель балета графъ Кутайсовъ угощалъ всѣхъ участвующихъ кофе и фруктами.

22-го ноября. «Желѣзная маска». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ коей роль Юліи будетъ играть г. Орловъ.

Играли хорошо. Орловъ—мой ученикъ, а потому и не смѣю его хвалить, но нужно сказать правду: кромѣ интригановъ и театральной сволочи, всѣ были имъ довольны, а мѣста были и такія, что и интриганы, забывшись, кричали «браво!»

1833.

10-го апрѣля. «Іосифъ прекрасный». Большая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Роль Іосифа будетъ играть Московскихъ Императорскихъ театровъ актеръ г. Бантышевъ.

Бантышевъ поетъ пріятно; голосъ грудной, но актеръ весьма

плохой. Самойловъ былъ превосходенъ и своею игрой убилъ Бантышева.

11-го апрѣля. «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Роль Жоржа де-Жермани будетъ играть въ первый разъ Московскихъ Императорскихъ театровъ актеръ г. Мочаловъ.

Что сказать про Мочалова? Гадокъ, мерзокъ, никуда не годится.

18-го апрѣля. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Мочаловъ былъ хорошъ, т. е. онъ творилъ хорошее, но, такъ сказать, не доканчивалъ, отчего лучшія мѣста пропадали и зритель былъ неудовлетворенъ вполнѣ.

(Въ тотъ же день).

«Донъ Ранудо де-Калибрадосъ». Водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Играли хорошо, но первое очарованіе публики примѣтно исчезло, по причинѣ, какъ видно, что авторъ издѣвался надъ лучшимъ сословіемъ—дворянствомъ.

20-го апрѣля. «Горе отъ ума» и т. д. Роль Чацкаго будетъ играть г. Мочаловъ.

Мочаловъ представлялъ какого-то трактирнаго лакея и, когда онъ сказалъ послѣднія слова своей роли: «карету мнѣ, карету!»—то раздался сильный апплодисментъ, по которому публика какъ бы желала скораго его отъѣзда.

27-го апрѣля. «Коварство и любовь». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе г-на Шиллера, въ коей роль Фердинанда будетъ играть г. Мочаловъ.

Ну, что сказать? Мочаловъ былъ дуренъ.

30-го апрѣля. «Разбойники». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненіе Шиллера. Роль Карла Моора будетъ играть г. Мочаловъ.

Ну, что? про Мочалова говорить нечего: все уже сказано при первыхъ дебютахъ.

14-го мая. «Великодушіе или рекрутскій наборъ». Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ильина.

Вчерашняго числа уволенъ отъ должности директора князь Гагаринъ, а на мѣсто его въ должность директора назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Гедеоновъ.

4-го октября. «Венгерская хижина или знаменитые разбойники». Большой траги-комическій балетъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе балетмейстера Дидло.

По окончаніи балета произошла весьма трогательная картина: весь театръ закричалъ автора балета г. Дидло, даже и дамы изъ ложъ въ семъ участвовали, и сей крикъ продолжался около 15-ти

минутъ. Наконецъ, сей почтенный старецъ явился передъ публику, окруженный толпою созданныхъ имъ танцоровъ и танцовщицъ, которые за счастіе почли вывести передъ публику своего благодѣтеля.

7-го ноября. «Подмосковныя проказы». Новая комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи.

Что сказать о новомъ водевилѣ? Благопріятели автора—лекаря Орлова—разночинцы, какъ-то: поповичи, дѣти фельдшеровъ и прочіе одинаковаго съ авторомъ сословія—слушали, кричали, хлопали и восхищались какъ благопріятель ихъ ругалъ благородное дворянское сословіе и даже самыми площадными выраженіями. Дамамъ не совѣтую видѣть сіе изящное произведеніе.

26-го ноября. «Филатка и Мирошка». Народный водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе актера П. Григорьева.

При семъ спектаклѣ, за кулисами, Григорьевъ пьяный далъ двѣ пощечины Руссо [1]) спьяна.

18-го декабря. «Танкредъ». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Волтера, переводъ съ французскаго Гнѣдича.

Въ сей день случилось происшествіе: какой-то пьяный чиновникъ изъ ложи кричалъ Каратыгину: «Гаррикъ! Тальма! прекрасно!» и въ водевилѣ съ Петровымъ вмѣстѣ пѣлъ жидовскую пѣсню, а потомъ оплакивалъ сіе у оберъ-полиціймейстера.

1834.

21-го января. «Хороша и дурна, и глупа и умна». Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Д. Ленскаго.

Г. директоръ приказалъ объявить отъ имени Государя благодарность всѣмъ участвующимъ. Самойловой младшей подарокъ съ привѣтствіемъ, что его величество первую еще видитъ актрису, которая бы такъ хорошо разговаривала. Отцу же ея объявлено, что Государь удивляется блестящему воспитанію, которое онъ далъ дочери. Не утверждаю, справедливо-ли все это, но должно вѣрить начальству.

3-го мая. «Свѣтскій случай». Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Х.

Играли дурно. Бутафоръ Пикарди, по старости лѣтъ, выжилъ изъ ума и вдругъ съ какими-то платьями явился на сцену и произвелъ всеобщій смѣхъ.

5-го іюля. «Коварство и любовь». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шиллера.

---

[1]) Помощникъ режиссера.

Во время спектакля была большая гроза: зажгло оною лабораторію, гдѣ фейерверки, и побило много народу.

12-го іюля. «Влюбленный Шекспиръ». Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго Языкова. Необходимо слова два молвить о Шекспирѣ. Нѣкто, извѣстный недоброжелатель актера Орлова, обративъ ядъ свой выгнать его изъ службы и, по незнанію театра, далъ сію роль мальчику Максимову [1]), который, не имѣя никакихъ средствъ сыграть оную, осрамилъ себя и дирекцію.

16-го іюля. «Морской разбойникъ Цампа». Большая романтическая опера.

Семихатовъ, во время паденія, сдѣлалъ такую позу, что у меня волосы дыбомъ стали.

5-го октября. Для перваго дебюта г. Самойлова [2]), сына актера г. Самойлова: «Іосифъ прекрасный». Большая опера въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дебютантъ имѣетъ весьма слабую грудь, ничтожный голосъ, о декламаціи и говорить нечего; но, къ сожалѣнію, онъ не чувствуетъ сихъ недостатковъ.

14-го декабря. «Робертъ-дьяволъ». Большая опера въ 5-ти дѣйствіяхъ. Музыка Мейербера.

Для музыканта опера хороша, а для нашего брата утомительна, и публика соскучилась.

1835.

30-го января. «Горе отъ тещи или женись да оглядывайся». Новая комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Г.

Водевиль исполненъ непотребными словами, которыя съ благосклонностію принимаемы.

24-го апрѣля. «Докторъ въ хлопотахъ». Комическая опера въ 1-мъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго. Музыка Ѳ. Т.

Что вамъ сказать, почтенные читатели сихъ отмѣтокъ, объ оперѣ? Какой-то молокососъ Ѳ. Т., считая себя великимъ музыкантомъ и умѣя писать ноты, написалъ или переписалъ кое-что, насажалъ своихъ пріятелей въ кресла и ложи, которые въ продолженіе всей піесы безъ разбора хлопали по заказу всѣмъ и всему, а по окончаніи оной заорали, зашумѣли и вызвали своего пріятеля.

16-го сентября. «Венгерская хижина или знаменитые изгнанники». Большой героико-комическій балетъ.

---

[1]) Въ послѣдствіи любимый актеръ Алексѣй Михаиловичъ Максимовъ.

[2]) Знаменитаго Василья Васильевича Самойлова. Ред.

Гольцъ нечаянно ранилъ себя тяжело изъ пистолета въ кисть правой руки.

10-го октября. «Людовикъ или ненависть и любовь». Опера въ двухъ дѣйствіяхъ.

Когда для вызова поднялась занавѣсь, то зрѣнію публики представился чиновникъ гардеробмейстеръ Закаспійскій въ вицъ-мундирѣ, флегматическимъ образомъ прохаживающійся по сценѣ, что и произвело всеобщій смѣхъ.

1836.

2-го февраля. «Венеціанская актриса». Драма въ 3-хъ суткахъ и 4-хъ отдѣленіяхъ.

Сего числа въ пятомъ часу по полудни, сгорѣлъ балаганъ Лемана и около пятисотъ человѣкъ сдѣлались жертвою огня.

Во второмъ актѣ Каратыгина стала близь свѣчи разсматривать медальонъ и у ней рукавъ вспыхнулъ, но она сего не замѣтила до тѣхъ поръ, пока изъ креселъ закричали «пожаръ». Сіе происшествіе никакихъ слѣдствій не сдѣлало, кромѣ малаго испуга.

9-го апрѣля. «Семирамида». Большая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Музыка Россини.

Въ сей день начальникъ репертуарной части (Р. М.) Зотовъ надѣлалъ глупостей и былъ отставленъ.

13-го апрѣля. «Красное покрывало». Драма въ трехъ картинахъ, въ стихахъ, съ хорами полковыхъ пѣсенниковъ. Сочиненіе К. Л. Бахтурина; послѣдняя сцена—на кладбищѣ—частію заимствована изъ извѣстнаго прозаическаго разсказа.

Сія драма есть вздоръ Бахтурина пера. Актеры старались что нибудь сдѣлать, но ничего не могли, и потому, въ присутствіи государя императора, стыдно было играть эту чепуху.

19-го апрѣля. Въ первый разъ «Ревизоръ». Оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Гоголя.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ внезапно изволилъ присутствовать и былъ чрезвычайно доволенъ, хохоталъ отъ всей души. Піеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество. Актеры всѣ, въ особенности Сосницкій, играли превосходно. Вызваны: авторъ, Сосницкій и Дюръ.

11-го мая. «Ужасный замокъ или Теодоръ и Марія». Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ танцами. Сочиненіе Виктора Дюканжа. Переводъ съ французскаго.

Сія драма ни къ чорту не годится.

14-го іюля. Въ первый разъ «Настоящій ревизоръ». Оригиналь-

ная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, служащая продолженіемъ комедіи «Ревизоръ».

Г. настоящаго ревизора ошикали. Туда ему и дорога! Такой галиматьи никто еще не видалъ.

7-го октября. «Жена кавалериста». Комедія-водевиль. Сочиненіе П. Григорьева.

Государь съ Императрицею, Наслѣдникомъ и Великими Княжнами изволили присутствовать. Когда Григорьевъ сталъ пѣть вновь придѣланный куплетъ въ честь Государя, то публика, приведенная въ восхищеніе, апплодировала и кричала браво.

12-го октября. «Поликсена». Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Озерова, съ принадлежащими къ ней хорами.

Играли всѣ хорошо. Каратыгинъ—отлично, а было бы еще лучше, еслибъ возобновилъ старинную дикцію озеровскихъ стиховъ.

14-го октября. «Женихъ изъ Мексики или картофель въ мундирѣ». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго Р. М. Зотовымъ.

Піеса была, такъ сказать, ошикана по ничтожеству своему.

30-го октября. «Обманъ въ пользу любви». Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго П. А. Катенина.

Я полагалъ себя совершенно уже равнодушнымъ къ театральному зрѣлищу по долговременной моей при ономъ службѣ; но неимовѣрная, отличнѣйшая и неподражаемая игра привела меня въ совершенный восторгъ. Вызваны Каратыгинъ, Сосницкій.

2-го ноября. «Жена на прокатъ или родной дядя». Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи.

Авторъ глупыми неблагопристойностями хотѣлъ извлечь апплодисменты, но вмѣсто оныхъ раздавалось громкое шиканье.

4-го ноября. «Знакомые незнакомцы». Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Каратыгина.

Сосницкій былъ дуренъ, какъ смертный грѣхъ, а Дюръ безцѣненъ.

12-го ноября. «Дезертиръ или тоска по отчизнѣ». Опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, перев. съ французскаго Д. Ленскимъ.

Какъ смѣть Самойловой играть роли незабвенной актрисы Марьи Ѳедоровны Шелеховой. О, горе людямъ за лицепріятіе къ актрисамъ!

27-го ноября. На Большомъ театрѣ, для открытія послѣ перестройки, въ 1-й разъ «Жизнь за Царя». Оригинальная большая опера. Сочиненіе М. Глинки.

При семъ открытіи театра изволилъ присутствовать государь императоръ со всею августѣйшею фамиліею. Объ оперѣ ничего сказать

не могу: въ сей день я былъ дежурнымъ въ Александринскомъ театрѣ.

29-го ноября. Во 2-й разъ «Жизнь за Царя» и пр.

Скажу про оперу правду-матку, какъ я понимаю: вздоръ и галиматья! Глинка отъ русскаго отсталъ, а къ иностранному не присталъ, и вышла чепуха.

7-го декабря. «Великій князь Александръ Михаиловичъ Тверской». Драматическій опытъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ принадлежащимъ къ оному сраженіемъ. Сочиненіе П. Г. О.

Піеска маленькая, дурненькая, много колокольнаго звона и обыкновенныхъ глупенькихъ сраженій съ крикомъ «ура».

11-го декабря. «Знакомые незнакомцы». Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Каратыгина.

Въ сей день отдѣлена оперная труппа отъ драматической.

16-го декабря. «Ревизоръ». Оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Гоголя.

Въ сей день жена моя Варвара Васильевна выиграла въ польскую лотерею 900,000 злотыхъ.

1837.

3-го мая. «Изъ тщеславія преступникъ». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Піеска, право, не дурна, но публикѣ не понравилась.

12-го мая. «Матушкина дочка или суматоха на дачѣ». Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

Сей сквернѣйшій и скучнѣйшій водевиль играли очень хорошо, а Самойловъ преотлично и былъ вызванъ три раза.

17-го декабря. «Никому кромѣ короля или хлѣбопашецъ каштановаго лѣса». Романтическая комедія, взятая изъ испанскаго театра. Сочиненіе Дона Франциска де-Рохасъ, въ 5-ти дѣйствіяхъ и трехъ суткахъ, съ пѣніемъ и танцами.

Въ сей несчастный день, въ 10-мъ часу вечера, загорѣлся Зимній дворецъ и совершенно сгорѣлъ, исключая Эрмитажа. Государь узналъ о семъ, находясь въ Большомъ театрѣ съ Императрицею и Наслѣдникомъ.

1838.

14-го февраля. [Храповицкій дѣлаетъ сличеніе сборовъ 1836 и 1837 гг. Оказывается, что сборы 1836 года превышали сборы 1837 г.].

«Не донято 144,292 р. Въ потомствѣ можетъ возродиться вопросъ: отчего не донято? А какъ сія книга есть мое тайное чистосердечіе, то и отвѣтствую. Первая и главная причина—ненависть къ русскому

и зараза французолюбія начальниковъ и публики. Откровенно, по сущей справедливости, скажу, что со дня существованія театра не была еще такъ хорошо устроена драматическая труппа, какъ въ 1837 г. Въ ней блистали таланты—каждый въ своемъ родѣ—Каратыгиныхъ, Брянскихъ, Сосницкаго, Валберховой, Борецкаго, Дюра, Максимова, Аѳанасьева, Мартынова, а также молодой актрисы, весьма любимой, Асенковой и подающихъ великую надежду воспитанниковъ театральнаго училища—Воронова[1]) и Степановой. Видя все сіе, справедливое начальство возрадовалось и, дабы испортить пріятное для всякаго въ душѣ россіянина удовольствіе, въ 1836 г. раздѣлило труппу на двѣ части—на оперную и драматическую, отдѣливъ первую вообще съ балетомъ на Большой театръ, оставя драматическую на Александровскомъ театрѣ, давъ ей самый негодный оркестръ и костюмы, кои почти можно назвать обносками отъ оперной труппы. Всѣ новыя отличнѣйшія піесы ставятся кое-какъ, со старыми декораціями и въ изношенныхъ костюмахъ. Почтеннѣйшая публика, давно уже не желающая видѣть что либо полезное для ума и сердца, но ищущая наслажденія для глазъ, устремилась въ Большой театръ, гдѣ потчивана была чудеснѣйшимъ оркестромъ, блистательными костюмами и обворожительными декораціями. Но не полагаю я, чтобы пѣніе оперы могло усладить слухъ ихъ, потому что въ оперѣ не было тенора, соотвѣтствующаго сему блеску. Теперь, дабы совершенно добить все отечественное, выписали, съ огромнымъ содержаніемъ, изъ Парижа первую танцовщицу въ свѣтѣ г-жу Тальони. Вотъ тутъ-то, любезное потомство, надо было видѣть, какъ такъ называемые россіяне спѣшили закладывать послѣднее свое скудное имѣніе, чтобы только имѣть счастіе принести свои деньги въ бенефисъ Тальони, которыхъ она имѣла три, да отецъ ея, балетмейстеръ, столько же. И всякій такъ называемый порядочный человѣкъ, встрѣтившись съ подобнымъ себѣ, стыдился, если онъ пропустилъ какое нибудь представленіе. Сей энтузіазмъ произвелъ то, что въ драматическія представленія и даже и въ оперныя никто не сталъ ѣздить. Мы только и видимъ полные театры во время святокъ и на сырной недѣлѣ, когда наша публика, торгующая въ рынкахъ, была свободна. Что съ русскимъ театромъ далѣе будетъ—не вѣдаю, а полагаю, что еще будетъ хуже, потому что въ головѣ россіянъ нѣтъ ничего русскаго».

15-го апрѣля. «Разночинцы». Комедія-водевиль. Сочиненіе ав-

---

[1]) Въ послѣдствіи Вороновъ былъ, какъ всѣ помнятъ, плохимъ актеромъ, но дѣльнымъ режиссеромъ. Ред.

тора «Подмосковныхъ проказъ» и «Гусарской стоянки». Новая декорація въ первомъ дѣйствіи, представляющая видъ частей С.-Петербурга, г. Сабата.

Піеса шла какъ нельзя лучше, но какъ оная есть безъ смысла и безъ цѣли, то зритель и соскучился.

17-го апрѣля. «Ревизоръ». Оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Гоголя. Роль Сквозника-Дмухановскаго будетъ играть г. Щепкинъ.

Щепкинъ игралъ хорошо, но несравненно хуже Сосницкаго.

18-го апрѣля. «Филиппъ или фамильная гордость». Комедія-водевиль Скриба.

Играли всѣ преотличяо. Вызваны: Максимовъ и Щепкинъ; но, по важнѣйшей несправедливости публики, Валберхова была забыта публикою.

24-го апрѣля. «Ботъ или англійскій купецъ». Комедія. Переводъ съ французскаго.

Щепкинъ удивилъ всѣхъ своею отличнѣйшею игрою и былъ три раза вызванъ.

29-го апрѣля. «Виндзорскія кумушки». Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира.

Комедія ни къ чорту не годится и была ошикана. Щепкинъ вызванъ.

3-го мая. «Ложа перваго яруса». Анекдотъ-водевиль.

Съ прежнимъ восхищеніемъ принимали.

5-го мая. «Ночь въ Испаніи». Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Піеса весьма неинтересна, кромѣ комическихъ сценъ, которыя были очень забавны.

27-го мая. «Король Лиръ». Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Шекспира.

Ну, Каратыгинъ! такъ игралъ, что пальчики обсосать, и былъ пять разъ вызванъ. Молодецъ, право, молодецъ!

«Тайна моего дядюшки». Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи.

Дюра и Сосницкую, за незнаніе ролей, слѣдовало бы высѣчь, а они были вызваны вообще съ прочими.

5-го іюня. Въ сей день былъ спектакль въ Петергофѣ, «Ложа перваго яруса». Ужинъ актерамъ былъ въ Монъ-Плезирѣ, за которымъ подрались Годуновъ съ Беккеромъ—не шпагами, а бутылками и стаканами.

13-го іюня. «Черезполосныя владѣнія». Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. Полеваго.

Надобно удивляться Полевому, какъ онъ написалъ такую дрянь.

17-го іюля. Сего числа я занемогъ.

4-го сентября. Сего числа, по выздоровленіи, я явился къ должности.

12-го сентября. «Провинціальный театръ». Шутка-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи.

Сія глупость принимаема очень хорошо, а въ особенности Григорьевъ 2-й, а при закрытіи занавѣса ошикали.

18-го сентября. «Ябеда». Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе В. А. Капниста.

Просвѣщенные актеры, гнушаясь старинными стихами, переворачивали ихъ на нынѣшній манеръ, и вышла чепуха.

28-го сентября. «Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ». Шуточная оперетта въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ѳ. Кони.

Сего числа была свадьба Николая Ѳедоровича Ромеръ съ дочерью полковника Раль, дѣвицею Анною Ѳедоровною. Вѣнчали у Симеона въ С.-Петербургѣ.

22-го октября. Спектакль въ Царскомъ Селѣ, въ комнатахъ Александровскаго дворца.

«Adèle ou la pensionaire mariée». Com.-vaud. en un acte, par M. Scribe.

«Чиновникъ по особымъ порученіямъ». Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи П. Каратыгина.

При семъ спектаклѣ присутствовала вся императорская фамилія съ многочисленнымъ дворомъ. Во время французской піесы аплодисментовъ почти вовсе не было, но въ продолженіе русской государь много аплодировалъ и смѣялся. Потомъ всѣмъ объявлено было высочайшее благоволеніе.

26-го октября. «900,000 злотыхъ». Интермедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

Глупость Григорьева. Обругана явно полиція и представлены мелкіе торгаши со Щукина двора.

1-го ноября. «Уголино». Драматическое представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. А. Полеваго.

Сборъ маловатъ, потому что сегодня ужасная была прибыль воды, такъ что должны были опасаться наводненія.

9-го ноября. «Дѣдушка русскаго флота». Историческая быль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. Полеваго.

Піеса—вздоръ, но какъ оная есть произведеніе ума отечественнаго, то произвела необыкновенный восторгъ.

18-го ноября. То-жъ.

Государь съ императрицею и всею фамиліею изволили присутствовать. Высокіе посѣтители и вся публика съ восхищеніемъ принимали. Государь изволилъ быть на сценѣ и милостиво всѣхъ благодарилъ; въ особенности удивлялся таланту Сосницкаго и нашелъ, что Каратыгинъ похожъ на Петра 1-го.

27-го ноября. «Полковникъ старыхъ временъ». Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго.

Въ куплетѣ «Смирно, женщины» на Асенкову нашелъ столбнякъ: суфлеръ подаетъ слова, а она молчитъ. Оркестръ остановился. Публика стала апплодировать, а она кланялась, какъ будто извинялась. Потомъ снова начала и все-таки слова, надъ которыми остановилась, не вспомнила. Она громогласно вызвана.

30-го ноября. «Женская натура». Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Ѳ. Кони.

Натура есть дура! Прегнусный водевиль. Кое-какъ вызваны Сосницкій и Каратыгинъ.

2-го декабря. «Купеческая дочь и чиновникъ 14-го класса». Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Соколова.

Сія мерзость испорчена была Мартыновымъ, игравшимъ за Максимова. Не вызвали никого, да и не за что.

14-го декабря. «Иголкинъ, купецъ Новгородскій». Историческая быль въ двухъ отдѣленіяхъ. Сочиненіе Н. Полеваго, съ принадлежащими къ ней пѣніемъ и плясками.

Піеса хороша, но весьма растянута. Словомъ, она далеко отстала отъ «Дѣдушки русскаго флота». Вызваны авторъ и Каратыгинъ.

«Луиза Линьероль». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

Піеса—какъ вообще нынѣшняго проклятаго французскаго времени. Принимали дурно и никого не вызвали.

Окончивъ театральный 1838 годъ, боюсь одного вопроса, который можетъ мнѣ потомство сдѣлать: отчего въ театральномъ 1838 году сборы были менѣе прошлогодняго? Ложь постыдна! А потому, какъ благородный инспекторъ труппы, обязанъ отвѣчать правду. Директоръ Гедеоновъ возненавидѣлъ меня, а за что—право, не знаю. Полагаю причину за то, что я иду прямо, не подличаю и не имѣю способности быть интриганомъ. Отдалъ мою труппу прекраснѣйшему актеру, но весьма дурному распорядителю, Сосницкому, который командовалъ ею съ апрѣля до половины ноября. Но какъ онъ все перепортилъ и отучилъ отъ театра публику, то меня опять сдѣлали главнокомандующимъ. (Еще вопросъ: послѣ такой обиды, отчего я не плюнулъ на мщеніе и ненависть Гедеонова? Нельзя было:

я имѣлъ резоны). Всякій согласится, сколько было труда поправить испорченную. Въ 1838 г., при такомъ славномъ сборѣ, были неудачи тѣ, что умерла актриса Степанова 2-я, вышли въ отставку славныя актрисы: Самойлова Марья и Брянская 2-я, съ октября мѣсяца занемогъ славный комическій актеръ Дюръ, чрезъ что въ его репертуарѣ сдѣлалась важная остановка.

Въ 1838 году оперная труппа совсѣмъ упала, и на Большомъ театрѣ одна только Тальони дѣлала сборы; драматическая же труппа весьма мало получила новыхъ піесъ во весь годъ. Дай Богъ здоровья кормильцамъ нашимъ, подарившимъ піесы: Полевому за драму «Честь и смерть» и историческія были—«Дѣдушка русскаго флота» и «Иголкинъ, купецъ Новгородскій» и г. Каратыгину 2-му за водевиль «Ложа 1-го яруса» на послѣдній дебютъ Тальони. Виноватъ! Еще разъ ругну Гедеонова, который не хочетъ ласкою и деньгами приголубить сихъ двухъ авторовъ, дѣлающихъ честь русскому театру. А отчего онъ этого не дѣлаетъ? Оттого, что въ немъ души нѣтъ русской и увѣряю васъ въ его зависти, что русскіе перещеголяли въ сборахъ иностранныя труппы.

1839.

4-го января. «Имянины благодѣтельнаго помѣщика или неожиданная свадьба въ селѣ Сверчковѣ». Оригинальная интермедія-водевиль.

Шемаевъ ни къ чорту не годился. Шелехова пѣла не то что прежде: какъ-то обабилась и дурь на себя напустила.

13-го января. «Кинъ, или геній и безпутство». Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. Дюма.

Играли очень хорошо. Каратыгинъ 1-й точно выполнилъ свой бѣшеный характеръ.

23-го января. «Семейный судъ, или свои собаки грызутся, чужая не приставай». Комедія въ 1-мъ дѣйствіи.

Сію гнусную піесу ошикали.

30-го января. «Жизнь или смерть, или самоубійца отъ любви».

Воспитанникъ Сергѣевъ игралъ, какъ подлецъ.

4-го февраля. «Уголино». Драматическое представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. Полеваго.

Ничего въ мірѣ лучше Каратыгина сегодня не было. Онъ вполнѣ явилъ себя неподражаемымъ, можно сказать—въ Европѣ талантомъ и нѣсколько разъ былъ вызванъ вмѣстѣ съ Асенковою. Нельзя умолчать и о Сосницкомъ, который превосходно выдержалъ свою роль.

1-го мая. «Кремневъ, русскій солдатъ». Народное драматическое представленіе въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ куплетами и военными пѣснями. Сочиненіе Русскаго Инвалида (И. Н. Скобелева).

Присутствовали Ея Высочество Елена Павловна и Ихъ Высочества Михаилъ Павловичъ и Николай Николаевичъ, который одѣтъ былъ въ кадетскомъ мундирѣ. Сборъ 1,547 руб. 50 к. Малъ сборъ, потому что, по высочайшему повелѣнію, для кадетъ безденежно отпущено было мѣстъ на сумму 2,127 р. Вызванъ авторъ.

16-го мая. «Русскій человѣкъ добро помнитъ». Драматическая быль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Полеваго.

Сего числа, въ 8 часовъ вечера, умеръ отъ чахотки славный актеръ Дюръ.

28-го іюня. «Юные романтики или пуля за галстукомъ». Анекдотическій водевиль въ 1-мъ дѣйствіи.

Вздорный водевиль. По сценѣ нужно, чтобы Григорьевъ дралъ за волосы Куликова, а я мысленно желалъ, чтобы онъ настоящимъ образомъ выдралъ ему вихоръ за такое прекрасное сочиненіе.

1-го іюля. «Пожарскій». Трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Крюковскаго.

Удивляться будутъ, отчего такъ малъ сборъ. Отвѣтъ: сей день былъ канунъ свадьбы Ея Высочества Маріи Николаевны. Время было единственное. На Елагиномъ острову огромное гулянье и фейерверкъ. Государь со всею Фамиліею изволилъ прогуливаться въ публикѣ. Всякій стремился видѣть жениха и невѣсту, а не Пожарскаго въ душномъ Александринскомъ театрѣ, которымъ благоразумное начальство вздумало потчивать публику при 30° жару.

11-го числа сего мѣсяца было гулянье въ Петергофѣ и иллюминація. Время было безподобное; но къ четыремъ часамъ послѣ обѣда сдѣлалась необыкновенная буря и много погибло ѣхавшихъ водою на малыхъ судахъ. Актеръ Самойловъ 1-й [1]) въ сей день ѣздилъ молиться въ Сергіевскую пустынь, его яликъ опрокинуло и онъ утонулъ. Тѣло его, 15-го числа, прибило къ Канонерскому острову и онъ погребенъ въ Сергіевской пустыни.

---

[1]) Отецъ знаменитаго Василія Васильевича Самойлова. Ред.

КЪ ИСТОРІИ ТЮРЕМЪ И ССЫЛКИ ВЪ РОССІИ.

1805—1820 гг.

Помѣщаемый ниже матеріалъ по исторіи ссылки и тюремъ въ Россіи извлеченъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ хранятся всѣ дѣла, относящіяся къ дѣятельности означеннаго министерства за текущее столѣтіе. Архивъ, очевидно, предназначенъ служить исключительно для справокъ канцелярій министерства внутреннихъ дѣлъ и другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій въ Петербургѣ. Доступъ частнымъ лицамъ для занятій въ архивѣ довольно затруднительный, и авторъ настоящаго сообщенія не можетъ не отнестись съ величайшею признательностью къ статсъ-секретарю К. К. Гроту, облегчившему ему пользованіе интереснымъ матеріаломъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, многія чрезвычайно интересныя и исторически важныя дѣла уничтожены;—среди массы накопившихся въ архивѣ дѣлъ, дѣйствительно, многія лишены были всякаго историческаго интереса и безъ ущерба для науки могли быть уничтожены, а потому — въ послѣднее время назначены были двѣ коммисіи для разбора дѣлъ архива. Означенныя коммисіи оставили всѣ дѣла, по которымъ состоялось высочайшее опредѣленіе и, напротивъ, уничтожили многія изъ тѣхъ, которыя не пошли дальше канцеляріи министерства; такимъ образомъ, въ результатѣ оказалось, что для потомства сохранены дѣла о назначеніи наградъ чинамъ земской полиціи, а уничтожены (?,) судя по заглавіямъ, многія чрезвычайно интересныя дѣла по крестьянскому вопросу, по тюремному и др. Особенно не посчастливилось послѣднему; есть года за періодъ времени съ 1802 г. по 1817, за которые не сохранилось ни одного дѣла по тюремной части. Можно пожелать, чтобы на будущее время поступали съ бо̀льшею осмотрительностью съ богатымъ матеріаломъ нашихъ архивовъ, чтобы въ коммисіи для разбора дѣлъ послѣднихъ приглашались представители науки, при участіи которыхъ могли бы быть опредѣлены болѣе правильныя основанія для уничтоженія однихъ и для сохраненія другихъ дѣлъ.

Д. Тальбергъ.

Предложенія Сибирскаго ген.-губ. Селифонтова и прокурора Гарновскаго о каторжныхъ.

I.

Иркутскій генералъ-губернаторъ Селифонтовъ увѣдомилъ министра юстиціи (кн. Лопухина), что тамошняя палата уголовнаго и гражданскаго суда вошла къ нему съ представленіемъ, изъясняя въ ономъ, что преступники, сосланные въ Нерчинскъ и Охотскій портъ въ заводы, нерѣдко чиня оттолѣ побѣги, производятъ грабежи, и хотя по поимкѣ паки наказываются, однакожъ оттого не только не исправляются, но, бывъ погружены въ злодѣйства, не смотря на строгій за ними караулъ, опять дѣлаютъ побѣги и попущаются на самыя даже варварскія злодѣянія, и что мѣра наказанія надъ таковыми не дѣйствуетъ, она болѣе ожесточаетъ и дѣлаетъ отчаянными и готовыми всегда на новыя злодѣйства. Посему, дабы пресѣчь побѣги сихъ каторжныхъ и остановить ихъ злодѣянія и убійства поселянъ и проѣзжающихъ—время отъ времени умножающіяся — палата уголовнаго суда предполагаетъ: всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни, вмѣсто ссылки въ работы, откуда они дѣлаютъ побѣги, содержать скованныхъ вѣчно въ нарочито устроенныхъ для того тюрьмахъ, производя имъ одно токмо пропитаніе, состоящее въ хлѣбѣ и водѣ; заключая притомъ, что мѣра сія, съ одной стороны, хотя кажется тяжкою, но, съ другой стороны—принявъ въ уваженіе людей ожесточенныхъ, дѣлающихъ всякія преступленія, не боясь наказанія, испытаннаго ими уже разъ по пяти, она необходима и, можетъ быть, современемъ послужитъ удержаніемъ и отъ первоначальныхъ преступленій.

Генералъ-губернаторъ, удостовѣренъ будучи изъ отвѣтовъ, что сего рода преступники, находясь въ работахъ, весьма мало или совсѣмъ не приносятъ никакой пользы — почитаетъ средства, палатою предлагаемыя, не распространяя ихъ на преступницъ женскаго пола, необходимо нужными и потому представляетъ о семъ на разсмотрѣніе министра юстиціи съ тѣмъ, ежели благоугодно будетъ принять сіе въ уваженіе, то таковое правило распространить и по всѣмъ губерніямъ.

По справкѣ въ департаментѣ юстиціи, оказалось: въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ (1805 г.) иркутскій губернскій прокуроръ Гарновскій представилъ министру юстиціи копію съ рапорта его, къ генералъ-губернатору Селифонтову поданнаго, о способахъ, какимъ образомъ прекратить побѣгъ ссылочныхъ, уменьшить дороговизну припасовъ и, наконецъ, сдѣлать тѣхъ людей полезными казнѣ и самой губерніи.

Въ рапортѣ — прокуроръ Гарновскій объяснялъ, 1-е, чтобы размежевать въ тамошней губерніи земли, которыя находятся въ безпорядочномъ владѣніи; 2-е, дабы воздержать ссыльныхъ на заводы отъ побѣговъ и возбудить въ нихъ раскаяніе, полагаетъ онъ прибавить къ получаемымъ ими, по плакатамъ, 36-ти рублямъ еще нѣсколько, и тѣхъ, которые замѣчены будутъ въ хорошемъ поведеніи, черезъ 10 лѣтъ награждать нѣкоторою суммою, а черезъ 15 лѣтъ выписывать съ завода на поселеніе; 3-е, дѣтей сихъ несчастныхъ, по пришествіи въ возрастъ, прокуроръ, не почитая за равныхъ преступнымъ ихъ отцамъ, думаетъ удобрить состояніе ихъ дачею имъ земли; изъ сего, по мнѣнію его, будетъ та выгода, что не могущіе продолжать работы, вмѣсто того, чтобы скитаться—поселятся къ дѣтямъ и будутъ способствовать трудами своими общей пользѣ; 4-е, воспретить на нѣкоторое время ссылать въ Иркутскъ преступниковъ на поселеніе дотолѣ, пока находящіеся тамъ не устроются: поелику присылаемые туда до 3,000 человѣкъ, которые, не будучи подъ-часъ поселены, проживаютъ у обывателей, и будучи въ праздности, ввергаются въ самыя убійства.

Въ изложенномъ историческомъ памятникѣ мы имѣемъ два проекта измѣненій въ организаціи каторжныхъ работъ въ Россіи; одинъ принадлежитъ иркутской уголовной палатѣ и сибирскому генералъ-губернатору Селифонтову, другой—прокурору иркутской палаты г. Гарновскому. Оба проекта имѣютъ одну общую исходную точку—крайне неудовлетворительное состояніе каторги, и оба имѣютъ одну общую цѣль—исправить зло, которое грозитъ благосостоянію и безопасности края, которое настоятельно требуетъ радикальныхъ мѣръ. Но, имѣя одну общую цѣль, оба проекта идутъ къ ней двумя различными путями; въ первомъ проектѣ проводится старое, испытанное начало уголовнаго правосудія—начало устрашенія, рекомендуются мѣры, по сознанію самихъ составителей проекта, «тяжкія»; во второмъ проектѣ, напротивъ, предлагается ввести въ организацію каторжныхъ работъ новое начало—исправленія преступниковъ.

Кто былъ прокуроръ Гарновскій, какимъ путемъ дошелъ онъ до основной идеи своего проекта, былъ ли онъ знакомъ съ дѣятельностью и ученіемъ Джона Говарда, принадлежалъ ли онъ къ числу послѣдователей началъ «Наказа» Екатерины, или дошелъ до нихъ своимъ умомъ—все это остается для насъ пока неизвѣстнымъ, но, какъ фактъ новаторства, въ самомъ просвѣщенномъ и прогрессивномъ значеніи этаго слова, новаторства въ отдаленной, полудикой области обширной Россіи—проектъ Гарновскаго, по моему мнѣнію, представляетъ историческій интересъ. Провозглашенное въ знаменитомъ «Наказѣ» Екатерины II исправительное начало получило примѣненіе, если не въ жизни, то въ законѣ, въ учрежденіи рабочихъ и исправительныхъ домовъ; что касается каторжныхъ работъ, то въ организаціи ихъ исправительное начало не имѣло мѣста, какъ это видно изъ собственноручно написаннаго Екатериною II «Устава о тюрьмахъ», хранящагося при дѣлахъ государственнаго архива и напечатаннаго въ «Русской Старинѣ», въ изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 60—80.

Такимъ образомъ инициатива примѣненія исправительняго начала въ организаціи каторжныхъ работъ всецѣло принадлежитъ иркутскому прокурору Гарновскому. Проектъ его въ общихъ чертахъ получилъ развитіе и осуществленіе стустя 40 лѣтъ, въ высочайше утвержденныхъ дополнительныхъ постановленіяхъ о распредѣленіи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы. (См. именной указъ, данный сенату 15-го августа 1845 года, П. С. З. № 19284; свода законовъ т. XIV, изд. 1857 г., ст. 556, 569—574, 578 и т. д.). Нѣкоторыя же положенія Гарновскаго получили примѣненіе въ уставѣ о ссыльныхъ, Сперанскаго, 1822 года.

Изъ изложеннаго историческаго памятника можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Въ началѣ настоящаго столѣтія зло сибирской ссылки было чрезвычайно велико и вызывало тѣ же жалобы, какъ и въ наше время; постоянные побѣги, грабежи и убійства—вотъ послѣдствія сибирской ссылки прежде и теперь.

2. Неустройство каторжныхъ работъ вызывало настоятельную необходимость организаціи ихъ на болѣе правильныхъ началахъ и просьбу пріостановить дальнѣйшую высылку ссыльно-каторжныхъ въ Сибирь. Преступники перестали бояться наказанія и совершаютъ преступленія «разъ по пяти, въ работахъ находятся мало и пользы никакой не приносятъ».

3. Относительно женщинъ-каторжницъ предлагается исключеніе въ духѣ смягченія общей мѣры наказанія по проекту.

4. Наконецъ, одинъ изъ проектовъ приводитъ цифру ежегодно ссылаемыхъ до 1805 года, между тѣмъ какъ изданныя до сихъ поръ статистическія данныя даютъ намъ свѣдѣнія относительно числа ссыльныхъ только съ 1807 года (См. Анучина, Ядринцева, Максимова и др.).

Прошло три четверти вѣка со времени появленія изложенныхъ проектовъ и въ настоящее время—многія явленія сибирской ссылки аналогичны съ тѣми, которыя указаны составителями проектовъ 1805 года: то же неустройство каторжныхъ работъ, побѣги и грабежи со стороны ссыльно-каторжныхъ, то же ослабленіе репрессивной силы высшаго уголовнаго наказанія и тѣ же просьбы мѣстнаго начальства пріостановить дальнѣйшую высылку ссыльно-каторжныхъ въ Сибирь.

Кіевъ. Сообщ. съ примѣч. **Д. Г. Тальбергъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУНТЪ АРХІЕПИСКОПА ИРИНЕЯ ВЪ ИРКУТСКѢ

въ 1831 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ» Э. И. Стогова находится разсказъ о «бунтѣ» архіепископа Иринея въ Иркутскѣ. Событіе это, если только его можно назвать «бунтомъ» — относится къ 1831 году.

Вотъ всеподданнѣйшее донесеніе о немъ бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскаго. Къ этому интересному документу присоединяемъ портретъ архіепископа Иринея. То и другое доставлено намъ однимъ изъ уважаемыхъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ всей Сибири [1]).

Сообщ. **А. Н. Сергѣевъ.**

Одесса.

Всеподданнѣйшее донесеніе Николаю I ген.-губерн. Лавинскаго.

23-го сентября 1831 г.—Иркутскъ.

Вашему императорскому величеству осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести о слѣдующемъ необыкновенномъ поступкѣ преосвященнаго Иринея, бывшаго архіепископа иркутскаго.

Когда, по высочайше конфирмованному В. И. В-мъ, въ 18-й день іюля 1831 года, докладу святѣйшаго синода назначено удалить архіепископа Иринея, по замѣченному въ немъ разстройству умственныхъ способностей, отъ управленія епархіею и препроводить его съ нарочнымъ Вологодской епархіи во второклассный Спасо-Прилуцкій монастырь, то оберъ-прокуроръ св. синода, князь Мещерскій, отнесся ко мнѣ съ требованіемъ, дабы для сопровожденія преосвящен-

---

[1]) Гравюра академика Л. А. Сѣрякова съ живописнаго портрета архіепископа Иринея будетъ приложена къ одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины». Ред.

наго Иринея до Вологды командированъ былъ мною надежный чиновникъ, по снабженіи его надлежащею инструкціей, какимъ образомъ имѣть ему во время пути за нимъ, преосвященнымъ, приличное наблюденіе и какія употреблять предосторожности въ случаѣ, если бы оказалось въ положеніи его опасное разстройство, и чтобы, сверхъ того, оказано было со стороны моей и всякое другое содѣйствіе, въ чемъ оное потребно будетъ при отправленіи преосвященнаго Иринея.

Получивъ требованіе сіе 4-го числа сего сентября и выждавъ время, необходимое на сдачу преосвященнымъ въ вѣденіе духовной консисторіи имѣвшихся на рукахъ его казенныхъ суммъ и имущества и на исправленіе для предстоящаго дальняго пути экипажей его, каковое, по личной просьбѣ преосвященнаго, приказано было мною произвести немедленно въ здѣшнемъ ремесленномъ домѣ, я, наконецъ, 20-го числа сего сентября, назначилъ къ сопровожденію его состоящаго при мнѣ для особыхъ порученій, 8-го класса, Голубова, чиновника благонадежнѣйшаго, образованнаго и во всѣхъ отношеніяхъ способнаго исполнить съ точностью предлежавшую ему, по сему случаю, обязанность, коему и приказалъ явиться немедленно къ архіепископу, для предувѣдомленія о своемъ назначеніи.

Чиновникъ сей прибылъ къ нему въ домъ въ 8½ часовъ поутру и, по изъявленіи должной вѣжливости, сказалъ, что онъ избранъ къ сопутешествованію ему до Вологды; но преосвященный Ириней, принявъ слова его въ видѣ принужденія къ выѣзду, и требуя отъ Голубова отвѣта: «по какому праву онъ намѣренъ схватить его?», сперва объявилъ, что онъ долженъ сдать соборъ и всѣ принадлежности имѣющему прибыть архіепископу Мелетію, а потомъ, постепенно уклоняясь отъ сего изреченія, произнесъ, что присланный указъ на счетъ смѣны его, Иринея, есть подложный, что онъ не признаетъ его дѣйствительнымъ, поелику всѣ именные указы должны быть печатные и что никакого архіерея Мелетія на мѣсто его не назначено; а затѣмъ, пріидя какъ бы въ изступленіе, вышелъ изъ занимаемаго имъ дома, украшенный орденскою звѣздою св. Анны перваго класса и панагіею, и присовокупляя, что Голубовъ, какъ исполнитель ложнаго указа, первый лишится чиновъ и мундира, и что отдать себя гражданскому начальству онъ, Ириней, не хочетъ.

Таковое движеніе преосвященнаго заставило слѣдовать за нимъ и чиновника Голубова, который, хотя и удостовѣрялъ его въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что онъ отнюдь не для того явился, дабы схватить его, и что время отправленія его, архіепископа, вовсе не принужденно, но онъ ничего не слушалъ, а взялъ Голубова за

руку, и схватилъ даже за шпагу и за бортъ мундирнаго воротника; приближался въ таковомъ положеніи къ стоящему у собора часовому и приказалъ, какъ ему, такъ и собравшимся на дворѣ казначею и служителямъ своимъ, защищать себя отъ насилія, а Голубова задержать; между же тѣмъ еще послалъ за часовыми, по прибытіи коихъ съ ближайшаго московскаго шлагбаума, далъ и имъ приказаніе вести означеннаго чиновника на гаубтвахту. Голубовъ, предвидя, что сіе рѣшительное намѣреніе архіепископа можетъ произвести большое смятеніе въ городѣ, хотѣлъ, съ помощью казначея и служителей, не допускать его къ выходу изъ соборнаго двора къ помянутому шлагбауму, откуда, по произнесеніи преосвященнымъ къ солдатамъ: «Православные воины, защитите меня!» отправились они на главную гаубтвахту въ сопровожденіи солдатъ и постепенно стекавшагося народа.

На пути семъ архіепископъ всѣмъ встрѣчавшимся лицамъ объявлялъ, что Голубовъ хотѣлъ внезапно схватить его, не допустить къ сдачѣ собора, зарѣзать его на пути и потомъ сказать, что онъ, въ помѣшательствѣ ума, зарѣзался самъ, и проч.

Наконецъ, прибыли они къ главной гаубтвахтѣ, гдѣ встрѣчены плацъ-маіоромъ и дежурнымъ офицеромъ, и вступили въ кордегардію, откуда Голубовъ, не взирая уже на настояніе архіепископа о задержаніи его, рѣшился отправиться ко мнѣ для увѣдомленія о происшедшемъ.

Между тѣмъ, когда народъ началъ примѣтно стекаться и плацъ-маіоръ, для предосторожности, составилъ фронтъ, то архіепископъ, вставая въ ряды солдатъ, провозглашалъ и къ нимъ, что указъ объ устраненіи его есть ложный и поддѣльный, приводя въ доказательство, что оный нигдѣ не напечатанъ и что непечатнымъ указамъ вѣрить не должно, призывалъ солдатъ на помощь свою, говоря, что готовъ умереть съ ними, и заклиналъ ихъ заступиться за него, выручить его, избавить отъ преслѣдующихъ, во имя Бога, вашего императорскаго величества, религіи и закона, произнося все сіе въ величайшемъ изступленіи и съ необыкновенною запальчивостью; обратился онъ потомъ къ народу, собравшемуся на площади, и, поднимая руки къ небу, умолялъ и заклиналъ выручить его, изъясняя, что его хотятъ посадить въ тюрьму и зарѣзать; что указа объ отрѣшеніи его никогда не бывало, что все это подлогъ и обманъ, что никакой архіепископъ Мелетій въ Иркутскъ на его мѣсто не ѣдетъ, что никакого Мелетія не существуетъ, что ложнымъ слухамъ вѣрить не должно по высочайшему манифесту, 7-го августа 1831 г., а что тогда, какъ нелѣпые слухи распространяются, духовенство не ис-

полняетъ дѣйствительнаго повелѣнія объ отправленіи молебствія о новорожденномъ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Прибывъ въ минуту сихъ возглашеній на гаубтвахту и замѣтивъ начинавшееся въ народной толпѣ нѣкоторое волненіе, я старался всемѣрно уговорить архіепископа, чтобы онъ возвратился домой, не представлялъ изъ себя для войска и народа соблазнительнаго зрѣлища; но сначала никакія убѣжденія не въ силахъ были укротить его. Наконецъ, успокоившись нѣсколько, онъ просилъ призвать коменданта, за которымъ уже передъ тѣмъ послалъ съ гаубтвахты чиновника, и когда онъ, комендантъ, вскорѣ послѣ сего прибылъ, то архіепископъ согласился уже идти съ нимъ въ келью, куда и отправился, бывъ сопровождаемъ лично мною и нѣкоторыми изъ чиновниковъ.

«На семъ обратномъ пути преосвященный Ириней повторялъ неоднократно свои слова о подложности будто бы указовъ объ немъ, и что онъ есть настоящій архіепископъ иркутскій и Мелетія никакого не будетъ, восклицалъ, что онъ ввѣряетъ себя христолюбивому воинству, прося избавить его отъ отсылки» [1]).

Наконецъ, по достиженіи архіепископомъ дома, послѣдовавшая за нимъ чернь, успокоенная, что пастырь уклонился къ себѣ, начала понемногу расходиться. Преосвященный, вступя со мною, комендантомъ и сопровождавшими чиновниками, въ келіи своей продолжалъ произносить то же, что̀ на гаубтвахтѣ и на улицахъ, прибавлялъ многія угрозы и укоризны и призывалъ въ свидѣтели Бога живаго, что указа о немъ никакого нѣтъ, что все это подлогъ и обманъ, что онъ изъ Иркутска не выѣдетъ и особенно съ чиновникомъ Голубовымъ, потому что сей его, Иринея, зарѣжетъ, и т. п.

По всѣмъ таковымъ поступкамъ архіепископа Иринея я долженъ былъ предположить двояко: что онъ или дѣйствительно помѣшался въ разсудкѣ, или имѣлъ въ предметѣ какое-то злоумышленіе, ибо представилъ себя на гаубтвахтѣ солдатамъ и народу въ видѣ угнетаемаго и преслѣдуемаго и, стараясь внушить всѣмъ мысль, что здѣшнее мѣстное начальство, составя фальшивыя о немъ бумаги, дѣйствуетъ въ отношеніи къ нему произвольно, унижая и посрамляя архіерейскій санъ, онъ легко могъ подвергнуть людей легковѣрныхъ къ самымъ преступнымъ покушеніямъ, осуществленіе коихъ

---

[1]) Строки, поставленныя въ вносныхъ знакахъ, приведены изъ другаго списка донесенія генералъ-губернатора Лавинскаго, сообщеннаго намъ изъ Сибири, изъ г. Омска. Ред.

считали-бы они, по превратности понятій своихъ, въ защиту пастыря, призывающаго ихъ къ сему всѣми священными именами, и въ сей забывчивости могли бы произвести самый мятежъ, со всѣми ужасными его слѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, обязанность, всемилостивѣйше возложенная на меня вашимъ императорскимъ величествомъ, и сопряженный съ оною священный долгъ охранять спокойствіе и благосостояніе жителей ввѣреннаго мнѣ края—требовали отъ меня неукоснительнаго принятія рѣшительной мѣры, чтобы и самое помышленіе о возможности произойти здѣсь какому-либо, отъ побужденія архіепископа Иринея, несчастному событію не имѣло мѣста; почему я приказалъ коменданту ко всѣмъ выходамъ архіерейскаго дома поставить тотчасъ военный караулъ, съ строжайшимъ воспрещеніемъ выпущать преосвященнаго Иринея куда либо изъ келіи, а равно и впущать къ нему кого либо, кромѣ духовныхъ лицъ и медика, его пользующаго, и объявя самому ему, именемъ вашего императорскаго величества, что въ семъ положеніи долженъ онъ оставаться до воспослѣдованія высочайшаго вашего разрѣшенія. Дождавшись пока всѣ караульные были поставлены на мѣста и видя, что мѣра сія нѣкоторымъ образомъ укротила изступленіе его, преосвященнаго, я оставилъ его, употребивъ прежде всѣ должныя убѣжденія, дабы успокоился, и далъ нужныя наставленія окружающимъ его монахамъ и прислужникамъ.

Послѣ сего принялъ я надлежащія предосторожности къ успокоенію всѣхъ городскихъ жителей, а коменданту далъ формальное предписаніе, чтобы онъ, съ своей стороны, дѣятельно наблюдалъ за исправностью поставленныхъ къ архіерейскому дому карауловъ и за точнымъ исполненіемъ даннаго имъ приказанія.

Такимъ образомъ, по приведеніи всего въ порядокъ, 20-е число сентября прошло благополучно. Различные толки въ народѣ продолжались еще 21-го сентября, но настоящаго числа пресѣклись. Между тѣмъ медикъ, навѣщавшій, по порученію моему, преосвященнаго Иринея, нашелъ, что хотя онъ сдѣлался спокойнымъ и явныхъ признаковъ помѣшательства не оказываетъ, но тѣмъ не менѣе не перестаетъ твердить о подложности послѣдовавшихъ о немъ указовъ.

Отправляя сіе донесеніе съ нарочнымъ курьеромъ, имѣю счастіе вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доложить, что описанные мною поступки и дѣйствія архіепископа Иринея удостовѣрены двумя актами, составленными съ воинской и гражданской стороны чиновниками, бывшими лично свидѣтелями всего происшествія.

Не полагаю, чтобы и съ прибытіемъ сюда преосвященнаго Мелетія, назначеннаго архіепископомъ въ Иркутскъ, преосвященныйИриней, рѣшившійся на столь необыкновенное дѣяніе, согласился добровольно отправиться въ назначенный для пребыванія его вологодской епархіи Спасо-Прилуцкій монастырь. По крайней мѣрѣ, смѣю мыслить, что препровожденіе его отсюда съ однимъ гражданскимъ чиновникомъ не можетъ быть порукою, что онъ и въ продолжительномъ пути своемъ не отважится на какое либо новое вредное предпріятіе, а при томъ полагаю, что ежели онъ рѣшительно будетъ упорствовать въ выѣздѣ изъ Иркутска, то самый санъ архіепископа не дозволитъ употребить надъ нимъ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ; почему и испрашиваю высочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія на присылку сюда, для выполненія высочайшей воли вашей, какая по сему донесенію послѣдуетъ, одного изъ флигель-адъютантовъ вашего величества, или другой уполномоченной особы.

Примѣчанія. I. Это донесеніе было отправлено Лавинскимъ 23-го сентября 1831 года, съ нарочнымъ курьеромъ. 20-го ноября прибылъ въ Иркутскъ флигель-адъютантъ Гогель, а 26-го ноября, ночью, преосвященный Ириней былъ увезенъ изъ Иркутска.

Преосвященный Ириней Нестеровичъ, родомъ малороссъ, (сербъ?), окончилъ, въ 1805 году, курсъ въ Кіевской академіи; въ 1813 году постриженъ, а въ 1817 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1820 году былъ назначенъ ректоромъ Кишиневской семинаріи и изъ этой должности, въ 1826 году, 31-го января, возведенъ въ санъ епископа пензенскаго и саратовскаго [1]. Въ 1830 году 26-го іюля, назначенъ архіепископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ; 28-го іюня 1831 года уволенъ на покой въ Спасо-Прилуцкій монастырь; оттуда переведенъ въ Толгскій монастырь (Ярославской губерніи), гдѣ и скончался въ 1864 году, 18-го мая. Въ Иркутскъ, на его мѣсто, былъ назначенъ (18-го іюля 1831 года) Мелетій Леонтовичъ, епископъ пермскій († въ Харьковѣ, 29-го февраля 1840 года).

Одесса. Сообщ. **А. Н. Сергѣевъ.**

II. Выше мы замѣтили, что, независимо отъ списка донесенія генералъ-губернатора Лавинскаго, полученнаго нами изъ Одессы, другой мы получили изъ Омска. Эта копія сопровождается слѣдующими примѣчаніями одного достопочтеннаго мѣстнаго протоіерея:

1) Въ святцахъ и мѣсяцесловахъ нѣтъ имени Іериней, но имя Ириней есть, и въ «Указателяхъ именъ святыхъ православной церкви», иначе въ «Алфавитныхъ росписяхъ именъ святыхъ», прилагаемыхъ къ инымъ святцамъ и мѣсяцесловамъ, имя Ириней справедливо называется греческимъ и съ греческаго переводится миренъ, мирный.

---

[1]) Смотри біографич. данныя объ Иринеѣ, въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 477—478; 684. 1879 г., томъ XXIV, стр. 159—163.

2)Ириней былъ весьма раздражителенъ по характеру, унаслѣдованному имъ отъ предковъ (по отцѣ преосвященный Ириней былъ сербъ, а по матери— молдаванинъ). Поступокъ его скорѣе можно бы назвать самодурствомъ, сумазбродствомъ, но не бунтомъ. Чтò бы значилъ «бунтъ» архіерея, которому не подчиненъ ни одинъ не только офицеръ, а и солдатъ, и который въ какіе-нибудь 11 мѣсяцевъ пребыванія на епархіи (Ириней прибылъ въ Иркутскъ 17-го октября 1830, а нашумѣлъ тамъ 20-го сентября 1831 года), особенно еще не могъ привязать къ себѣ толпу, состоявшую изъ горсти городской черни и нѣсколькихъ поселенцевъ, которой гражданское начальство почему-то особенно и поопасалось?!—Вотъ еще что: преосвященный Ириней, бывши раздражителенъ по самой своей южно-славянской натурѣ, былъ таковымъ и вслѣдствіе какого-то разстройства въ своемъ организмѣ. При первомъ служеніи архіепископа Иринея въ Иркутскѣ находился, между прочимъ, умный и наблюдательный проѣзжій медикъ. При встрѣчѣ послѣ того служенія съ однимъ изъ сослужившихъ съ преосвященнымъ (протоіереемъ Громовымъ), медикъ сказалъ ему: «у васъ съ этимъ архіереемъ добра не будетъ».—А почему же бы такъ?—«У него разлита желчь, онъ никогда не можетъ быть спокоенъ». Раздражительность, непокой въ своемъ характерѣ преосвященный Ириней и самъ сознавалъ: то-ли въ вологодскомъ Прилуцкомъ, то-ли въ ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ живя, онъ не разъ говаривалъ: «хотя имя мое Ириней значитъ миръ, но я ни съ кѣмъ не могъ быть въ мирѣ» [1]).

3) Замѣчаніе Э. И. Стогова, автора статьи «Бунтъ иркутскаго архіепископа Иринея», что литургіи, совершаемыя преосвященнымъ Иринеемъ, въ иной разъ походили на ротное ученье, вполнѣ справедливо. Въ Иркутскѣ до сихъ поръ помнятъ и разсказываютъ и о другихъ выходкахъ архіепископа, кромѣ тѣхъ, которыя приведены въ названной статьѣ. Иныя изъ этихъ выходокъ были явно направлены противъ генералъ-губернатора Лавинскаго; но Лавинскій молчалъ и терпѣлъ. Только вдругъ онъ получаетъ отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, кн. Мещерскаго, бумагу, въ которой было сказано, что до свѣдѣнія государя императора дошло [2]), будто архіепископъ иркутскій Ириней подвергся разстройству умственныхъ способностей, и которою предоставлялось ему, генералъ-губернатору, изслѣдовать, чтò тутъ похожаго на правду, но изслѣдовать безъ малѣйшей письменной огласки. Сначала Лавинскій недоумѣвалъ, чтò ему дѣлать, какъ поступить, но потомъ нашелся... Бумага отъ кн. Мещерскаго была получена на Пасхѣ 1831 года, Лавинскій на Пасхѣ же далъ балъ, пригласилъ на него, какъ говорится, весь городъ и приказалъ довѣреннымъ лицамъ записывать за стѣнами, чтò будутъ говорить объ архіереѣ. А какъ преосвященный Ириней былъ въ то время единственнымъ предметомъ городскаго говора, то гости, и особенно гостьи, ничего не подозрѣвая, громко и безъ всякихъ стѣсненій передавали свои свѣдѣнія другъ другу, кто чтò слышалъ или видѣлъ въ соборѣ во время архіерейскихъ служеній. За стѣнами весь этотъ говоръ записывали, и все записанное было послано чрезъ оберъ-прокурора св. синода къ государю императору, какъ гласъ

---

[1]) «Иркут. епарх. вѣд.» 1878 г., № 46. «Яросл. епарх. вѣд.» 1864 г., № 22.

[2]) Кто донесъ императору Николаю Павловичу о странностяхъ въ словахъ и дѣйствіяхъ преосвященнаго Иринея, свидѣтельствовавшихъ о не совсѣмъ нормальномъ состояніи его головы, это доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности.

Протоіерей **Су—кій**.

народа. Тогда уже государь и далъ св. синоду повелѣніе уволить преосвященнаго Иринея, какъ помѣшавшагося въ разсудкѣ, отъ управленія епархіей и послать его, по выбору самого синода, въ какой-либо монастырь. Синодскій указъ объ отрѣшеніи архіепископа Иринея отъ управленія епархіей и назначеніи для мѣстожительства ему вологодскаго Прилуцкаго монастыря, а также и правительственное предписаніе генералъ-губернатору объ отправленіи его до Вологды въ сопровожденіи благонадежнаго чиновника, были получены въ Иркутскѣ 4-го сентября 1831 года. Какъ принялъ этотъ указъ и это предписаніе преосвященный Ириней и какъ онъ, затѣмъ, при назначеніи для его препровожденія чиновника Голубова, нашумѣлъ, нагамѣлъ, это подробно описано въ интересной статьѣ Э. И. Стогова, помѣщенной въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 года, томъ XXIII, и едва-ли еще не подробнѣе, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе, описывается въ помѣщаемомъ выше донесеніи государю императору генералъ-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго.

4) Есть слухъ, что, вмѣстѣ съ эстафетой о безпорядкахъ, учиненныхъ преосвященнымъ при назначеніи для препровожденія его чиновника, къ государю императору отъ генералъ-губернатора Лавинскаго, съ согласія сего послѣдняго, была отправлена туда же эстафета и отъ самого преосвященнаго. Но она-то окончательно и утвердила государя въ мнѣніи объ умопомѣшательствѣ Иринея.

Какъ преосвященный Ириней увезенъ былъ изъ Иркутска, въ статьѣ г. Э. И. Стогова разсказано подробно. Здѣсь слѣдуетъ только сказать, что это событіе совершилось въ ночь на 26-е ноября 1831 года, день святителя Иннокентія, иркутскаго чудотворца. Иркутяне прозрѣваютъ въ этомъ какъ бы наказаніе преосвященному за то, что онъ какъ-то не совсѣмъ благоговѣйно иногда относился къ святому, первому (по времени) иркутскому архіерею.

5) Преосвященный Ириней въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ велъ жизнь не только строго-иноческую, но и праведную, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ глубокое уваженіе во многихъ и многихъ изъ жителей Вологды, за что ему было въ послѣдствіи разрѣшено архіерейское служеніе и почему онъ былъ, наконецъ, перемѣщенъ изъ вологодскаго Прилуцкаго монастыря въ ярославскій Толгскій первоклассный монастырь, притомъ съ управленіемъ сего послѣдняго.

Интересныя и назидательныя воспоминанія о преосвященномъ Иринеѣ и въ особенности о его пребываніи въ Прилуцкомъ монастырѣ, составленныя уже по его смерти (18-го мая 1864 года) однимъ изъ его почитателей, инспекторомъ Вологодской гимназіи г. Фортунатовымъ, были напечатаны въ «Вологодскихъ епарх. вѣдомостяхъ» 1868 года, около №№ 9—12.

Протоіерей **Сул—кій**.

г. Омскъ.

III. Многое изъ помѣщеннаго въ «Русской Старинѣ» объ епископѣ пензенскомъ и саратовскомъ Иринеѣ передается въ тамошнемъ краю отъ одного поколѣнія другому, а потому живо и до настоящаго времени. Всего чаще разсказывается объ отвѣтахъ преосвященнаго одному изъ флигель-адъютантовъ, прибывшему въ Пензу съ императоромъ Александромъ I-мъ, и попытавшемуся иронизировать съ владыкою, послѣдствіемъ чего были отвѣты архіерея: «ты адъютантъ царя земнаго, а я адъютантъ царя небеснаго» и «благословляю свинью изъ чужаго стада».

Для полноты этихъ разсказовъ могу сообщить еще одинъ отвѣтъ преосвященнаго Иринея пензенскому полицiймейстеру, какому-то военному изъ нѣмцевъ, фамилiя коего затерялась въ памяти разскащиковъ.

Отвѣтъ преосвященнаго возникъ изъ нижеслѣдующаго. Передъ прiѣздомъ императора въ Пензу, весь городъ вымылся, вычистился и принарядился; но архiерейскiй домъ, стоящiй и теперь на главной городской площади, противъ собора, и черезъ это долженствующiй неминуемо попасть прiѣзжимъ на глаза, оставался не очищеннымъ отъ массъ голубинаго помета, покрывавшаго всѣ карнизы, всѣ наличники и подоконники. Въ виду такого безобразiя, полицiймейстеръ явился къ преосвященному и именемъ губернатора попросилъ владыку приказать почистить и выбѣлить свой домъ.

— А для какой потребы нужно губернатору, чтобъ почистили и побѣлили мой домъ? — спросилъ архiерей.

— Какъ для какой!—воскликнулъ полицiймейстеръ,—да развѣ вашему преосвященству неизвѣстно, что на-дняхъ пожалуетъ въ Пензу государь императоръ!?

— Слышалъ,—отвѣтилъ владыка,—но не вижу причины, по которой мнѣ слѣдуетъ чистить и бѣлить домъ.

— Какъ не видите,—возразилъ полицiймейстеръ,—вѣдь государь будетъ въ соборѣ и, проѣзжая мимо вашего дома, замѣтитъ ту мерзость, которая накопилась на стѣнахъ и всюду этого дома.

— Такъ, стало-быть, губернаторъ желаетъ, чтобъ никакой мерзости не было бы во время бытности государя въ Пензѣ?—спросилъ владыка.

— Объ этомъ и спрашивать нечего,—отвѣтилъ полицiймейстеръ.

— Но, послѣ этого, гдѣ же будешь ты въ это самое время?—спросилъ преосвященный.

— Какъ гдѣ!?—запросилъ въ свою очередь удивившiйся полицiймейстеръ.

— Да, именно гдѣ, желалъ бы я знать,—повторилъ владыка.

— Само собою разумѣется,—отвѣчаетъ полицiймейстеръ,—что я буду встрѣчать государя, вмѣстѣ съ губернаторомъ и прочими властями, и буду представленъ ему лично.

— Ну, при такомъ случаѣ, когда ты, высшая мерзость нашего города, явишься передъ лицомъ государя, то скажи губернатору, что мнѣ не для чего чистить и бѣлить свой домъ, потому что домъ мой втрое, вдесятеро чище тебя былъ, есть и будетъ,—и этимъ заключилъ владыка свой разговоръ съ полицiймейстеромъ, незаслуживавшимъ, въ дѣйствительности, лучшаго о себѣ отзыва, по своей безнравственности и взяточничеству.

Уцѣлѣлъ въ памяти моей еще одинъ разсказъ, въ коемъ преосвященный Ириней является въ подобающемъ архипастырю свѣтѣ.

Объѣзжая свою обширнѣйшую епархiю, Ириней прибылъ въ Царицынъ, гдѣ и остановился въ одномъ изъ деревянныхъ домовъ этого города. Въ домѣ этомъ очистили для него одну чистую и лучшую половину, въ другой же помѣстились сами хозяева. По прихоти-ль, или по свойственному ему своеобычаю, но только владыка, какъ вошелъ въ этотъ домъ, такъ, не выходя изъ него никуда, прожилъ въ немъ затворникомъ цѣлыя двѣ недѣли. О чемъ думалъ, чѣмъ былъ озабоченъ въ эти дни заѣзжiй въ Царицынъ гость, знаетъ лишь одна его святительская душа, такъ какъ онъ не имѣлъ во все это время ни съ кѣмъ сообщенiя, и лишь однажды послалъ своего служку къ хозяйкѣ дома, спросить ее: «что такое за тренiе и шуршанiе слышитъ онъ черезъ стѣну въ хозяйской половинѣ, не дающее ему покоя?» На запросъ этотъ

служка принесъ отвѣтъ хозяйки: «доложи его преосвященству, что нынѣ суббота, а потому, по нашему царицынскому обычаю, во всѣхъ домахъ моютъ полы и чистятъ стѣны и потолки комнатъ дресвою, чтобъ къ празднику было въ домѣ чисто и бѣло».

Наконецъ, владыка повѣстилъ царицынскому протопопу, что намѣренъ совершить въ соборѣ литургію. Вѣсть объ этомъ, столь долго и томительно ожидаемая, облетѣла весь городъ, и всѣ царицынцы, отъ мала до велика, стеклись въ свою соборную церковь. И вотъ, о проповѣди, произнесенной Иринеемъ, по окончаніи имъ литургіи, сохранилась во всей бывшей епархіи его живая память до сего дня. Задушевный разсказъ о содержаніи ея слышалъ я въ началѣ сороковыхъ годовъ въ г. Кузнецкѣ, Саратовской губерніи. Суть разсказа заключается въ томъ, что преосвященный Ириней, выйдя, по окончаніи литургіи, въ мантіи и съ посохомъ, изъ алтаря, всталъ на амвонѣ и обратился къ народу съ импровизованною рѣчью, вступленіемъ къ коей было слѣдующее: «Господу Богу благоугодно было, чтобъ я, смиренный, прожилъ бы въ вашемъ городѣ довольное число дней. Въ дни сіи я познакомился съ однимъ изъ прекрасныхъ обычаевъ вашихъ—очищать дресвою нечистоту жилищъ передъ праздниками. О, если бъ вы, благочестивые слушатели, одинаково и вмѣстѣ съ этимъ очищали бы предъ праздниками и сердца ваши слезами покаянія»... и пошелъ и пошелъ, говоря словами разскащиковъ, говорить на эту тему, да такъ говорилъ, что вся церковь плакала навзрыдъ.

За одно это отрадное воспоминаніе о дѣятельности Иринея, какъ архипастыря, можно и должно пожелать, чтобъ въ сказаніяхъ о немъ открылись бы и другія свѣтлыя стороны изъ его жизни и изъ его дѣяній.

С.-Петербургъ. **Аскалонъ Никол. Труворовъ.**

Примѣчаніе. Не относится ли разсказъ о разговорѣ Иринея съ полиціймейстеромъ Пензы къ эпохѣ императора Николая, такъ какъ Ириней хирот. изъ архимандритовъ бессарабскаго Курковскаго монастыря на каѳедру пензенскаго епископа только 31-го января 1826 г. Съ 3-го ноября 1828 г. онъ именуется: «Пензенскій и Саранскій». 26-го іюля 1830 г. перев. въ Иркутскъ. См. «Списки іерарховъ россійск. церкви», состав. П. Строевъ, издано Археографическою Коммисіей подъ редакціей члена Коммисіи М. И. Семевскаго, стр. 953 и 555.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

1850—1851 гг. [1]).

5-го января 1850. Посѣщеніе Вейгера (Weiher); говорили о русскихъ дѣлахъ на тему: дурное въ Россіи едва-ли хуже нашего. Что касается нашихъ прусскихъ властей, то они отличаются своимъ злонравіемъ и жестокосердіемъ. . . . .

14-го января. Въ «Правительственномъ Указателѣ» напечатано замѣчательное извѣстіе изъ Петербурга. Тому назадъ пять мѣсяцевъ, открытъ тамъ заговоръ противъ особы императора (?) и государственныхъ учрежденій [2]). Приговоръ только что постановленъ: полное помилованіе тѣхъ молодыхъ людей, которые оказались совращенными; 21 лицо приговорено къ смертной казни, помилованы 3 гвардейскихъ офицера, 2 придворныхъ чина, титулярные совѣтники, коллежскіе совѣтники и пр. Смертная казнь обращена императоромъ въ другой родъ наказанія.

Гейбнеръ, Рэкель (Röckel) и Б....... [3]) дѣйствительно приговорены къ смерти; они выслушали спокойно свой приговоръ. Полагаютъ, что это наказаніе будетъ измѣнено на пожизненное заключеніе.

24-го января. Разсматривалъ портретъ Б......., приложенный къ изданію «Leipziger Leuchthurm»—очень схожій . . . .
. . . .
Нѣтъ, саксонскій король не дозволитъ исполнить этотъ приговоръ [4]), онъ послѣдуетъ примѣру императора Николая, а славу жестокосердія предоставитъ Австріи и Пруссіи.

31-го марта. Съ намѣреніемъ напугать насъ, правительство (прусское) распространяетъ слухи о русскихъ угрозахъ (Пруссіи).

2-го апрѣля. Угрозы Россіи относительно войны (Пруссіи) съ Даніей принимаютъ все болѣе и болѣе строгій и повелительный тонъ. Лучшіе изъ нашихъ высшихъ военныхъ чиновъ начинаютъ обижаться и говорятъ, что честь

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIII, стр. 142.
[2]) Авторъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь открытіе общества Петрашевскаго.
[3]) Лица, замѣшанныя въ саксонской революціи.
[4]) Какъ извѣстно, саксонская революція была подавлена Пруссіей. **А. Ч.**

Пруссіи требуетъ дать энергическій отпоръ. Но реакція, гвардейскіе офицеры и всѣ придворные...... настроены совершенно на русскій ладъ; только въ союзѣ съ Россіей видятъ возможность сохранить честь Пруссіи; полагаютъ, что нужно уступить и, ни въ какомъ случаѣ, не доводить дѣла до разрыва съ Россіей. Притомъ же разсказываютъ, что король просилъ императора помочь ему выпутаться во что бы ни стало изъ этой скверной датской исторіи [1]), разумѣется, съ сохраненіемъ, по возможности, военной чести, полагаясь во всемъ прочемъ на императора. Онъ можетъ не церемониться съ прусскими министрами, которые испортили это дѣло, не съумѣвъ приняться за него.

7-го мая. Греція, не поддержанная, какъ того ожидали, Россіей, должна была подчиниться англійскимъ жестокимъ требованіямъ. Россія требуетъ отъ Австріи за военныя издержки свыше 6-ти милліоновъ гульденовъ серебромъ. Утверждаютъ вновь, что Австрія расплатится уступкою части Галиціи. Отношенія между Петербургомъ и Вѣною не совсѣмъ дружественныя. Русскіе упрекаютъ вѣнскій кабинетъ въ интригахъ противъ нихъ въ Константинополѣ.

28-го іюня. Русскій императоръ вторично выразился гнѣвно объ Арадскихъ экзекуціяхъ [2]). Наслѣдному прусскому принцу также пришлось выслушать нѣсколько жесткихъ словъ; порицали въ сильныхъ выраженіяхъ поведеніе короля и министровъ за изданные законы о печати. Императоръ, между прочимъ, сказалъ про короля, что онъ надавалъ слишкомъ много обѣщаній, но, разъ обѣщавъ, необходимо было держать слово. Здѣшняя реакція прибавляетъ къ этимъ словамъ: или отказаться отъ престола. Мейендорфа назначаютъ въ Вѣну, гдѣ графа Медема находятъ слишкомъ податливымъ; но Мейендорфъ уже здѣсь былъ слишкомъ проникнутъ австрійскими симпатіями; можетъ статься, онѣ поубавятся у него въ Вѣнѣ. Впрочемъ, для русской политики, можетъ быть, необходимо имѣть въ Вѣнѣ посланника—пруссофила, а въ Берлинѣ—австрофила [3]): . . . .

2-го іюля. Письмо Гумбольдта о переводѣ (Космоса?) Фролова и объ объясненіяхъ къ Космосу: въ литературѣ помѣсь (das Hibride) не даетъ удачныхъ результатовъ; гдѣ трудятся совмѣстно лошадь и оселъ, тамъ въ результатѣ оказывается лошакъ [4]).

5-го іюля. Письмо по почтѣ изъ Россіи отъ графини ***. Замѣчательно, что въ немъ повторяются слова, произнесенныя въ Варшавѣ. Гра-

---

[1]) Дѣло идетъ о войнѣ Пруссіи съ Даніей изъ-за Шлезвигъ-Гольштейна.

[2]) По поводу нарушеннаго Австріей обѣщанія помиловать венгерскихъ мятежниковъ.

[3]) Изъ словъ автора слѣдуетъ, что г. Мейендорфъ былъ въ одно и то же время австрофиломъ и пруссофиломъ.

[4]) Слово Maulesel (лошакъ) принадлежитъ у нѣмцевъ къ числу обидныхъ эпитетовъ; не беремся рѣшить—относится-ли оно къ труду Фролова, или къ какимъ-то комментаріямъ къ «Космосу». **А. Ч.**

финя пишетъ (на французскомъ языкѣ): «Что касается вашихъ дѣлъ, то должно признаться, что крайне печально видѣть, что народная партія прибѣгаетъ къ убійству, а правительственная—къ такимъ законамъ, какъ законъ о печати, какъ-бы съ цѣлью совершенно потерять популярность, послѣ всего того, что этой популярности принесено въ жертву. Я этимъ не хочу сказать, чтобы видѣла большое счастіе въ совершенной свободѣ печати; но, давъ обѣщаніе, нужно держать его и, королевское слово должно быть столь же священно какъ самая жизнь короля; но, по видимому, всѣ другъ передъ другомъ спѣшатъ къ своей гибели, а политическія партіи—сдѣлаться предметомъ всеобщаго отвращенія». Она бы не рискнула прислать мнѣ по почтѣ эти слова, если бы они не были сказаны открыто (весьма высокопоставленнымъ лицомъ въ Россіи). Что же касается мыслей послѣдняго объ этомъ предметѣ, то онѣ вполнѣ понятны. Само собою разумѣется, что его мало интересуетъ и свобода печати и то, что держитъ или нѣтъ король свое слово; въ изданныхъ законахъ о печати онъ видитъ только ударъ, нанесенный его любезной «Крестовой газетѣ» («Новая Прусская газета»), и, въ этомъ отношеніи, онъ и не ошибается... На конфискованіе полиціей нумера «Крестовой газеты» смотритъ русское правительство какъ на оскорбленіе, лично ему нанесенное. Только въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать порицаніе и защиту свободы!

18-го сентября. Послѣ обѣда пришелъ г. Бернгардъ Икскуль [1]. Говорили о положеніи дѣлъ въ Россіи. Славянизмъ преобладаетъ: все дѣлается ради славянизма—въ этомъ принципѣ уже заключается поползновеніе возбудить смуту (въ политикѣ). Императоръ на сторонѣ крестьянъ противъ дворянства; въ остзейскихъ провинціяхъ оппозиція дворянства. Невѣрова [2]) нѣтъ болѣе въ Ригѣ; онъ директоръ Черниговской гимназіи. Австріей онъ также недоволенъ. . . . .

23-го сентября. Встрѣтилъ Икскуля, который проводилъ меня и долго оставался у меня.

5-го октября. Записки (мемуары) русскаго статскаго совѣтника М. А. Вейкарта (Weikard). Издать послѣ его смерти 1802 г. (?).

26-го октября. Вся наша аристократія, всѣ военные при дворѣ, вся реакція проникнуты русскимъ духомъ; угасъ въ нихъ старинный прусскій духъ! Но паче всего любезничаетъ съ Россіей «Новая Прусская газета» («Крестовая»).

27-го октября. Императоръ Николай празднуетъ юбилей Паскевича съ неслыханнымъ великолѣпіемъ, затмѣвающимъ присутствующихъ: австрій-

[1]) Эстляндскій помѣщикъ, баронъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

[2]) Съ Я. М. Невѣровымъ, бывшимъ въ послѣдствіи времени попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, составитель дневника познакомился еще 1838 году, въ бытность его за границей. Такъ, подъ 21-мъ апрѣля 1838 г., у Варнгагена записано, что онъ имѣлъ съ Невѣровымъ большія пренія о такъ называемой духовной собственности, и проч. «Рус. Арх.» 1875 г., № 7. А. Ч.

скаго императора и прусскую депутацію. Этою демонстраціей желаетъ онъ поддержать военную власть Паскевича . . . . Въ Венгріи интриговалъ противъ Паскевича Бергъ; уговоривъ генерала Гайнау [1]) написать Паскевичу оскорбительное письмо, онъ отослалъ это письмо къ императору. Но послѣдній не одобрилъ этого поступка и Бергъ подвергнулся замѣчанію и немилости. Въ настоящее время Бергъ опять въ ходу и его считаютъ незамѣнимымъ.

28-го октября. Фактъ огромной важности! Главнѣйшіе германскіе государи въ Варшавѣ—у ногъ императора и ждутъ отъ его слова рѣшенія своей судьбы. Получена русская нота и вручена, помимо министровъ, прямо королю (пощечина конституціи!). Императоръ будто бы объявляетъ въ ней, что Россія отнесетъ къ себѣ непріязненныя отношенія Пруссіи къ имперскому войску и Союзу.

31-го октября. Императоръ повелительно требуетъ, чтобы наблюдательный корпусъ былъ удаленъ съ границъ Гольштиніи; въ противномъ случаѣ угрожаетъ занять восточную Пруссію. Прусскій принцъ Карлъ долженъ былъ ожидать въ Силезіи разрѣшенія прибыть въ Варшаву! Австрійскій императоръ ожидалъ на границѣ встрѣчи русскаго императора; но прождавъ тщетно цѣлый часъ, продолжалъ свой путь въ Варшаву. Говорятъ о позорѣ, нанесенномъ (Россіей) королю тѣмъ, что (Россія) не признаетъ власти перваго министра Радовица и поручила своему повѣренному въ дѣлахъ передавать депеши непосредственно въ руки самого короля. Конечно, все это мелочи, но дождемся и большаго.

2-го ноября. Войско съ Гольштинской провинціи прибыло, и тѣмъ отступленіе, по приказанію императора (русскаго), начато. Въ Варшавѣ первый министръ графъ Бранденбургъ пытался объяснить императору прусскій образъ мыслей относительно неправильности дѣйствій курфюрста Гессенскаго и его министра Гассенфлюга, но только возбудилъ сильный гнѣвъ. . . . .

5-го ноября. Императоръ Николай купилъ за дорогую цѣну большіе конскіе заводы графини Орловой (Чесменской). Онъ узналъ, при свиданіи съ ней, что полученная ею сумма денегъ гораздо менѣе той, которую онъ ей приказалъ выплатить: явный обманъ. Это разгнѣвало императора, но дальнѣйшихъ послѣдствій не было; его величество замѣтилъ только своему сыну:

— «Я полагаю, что во всемъ государствѣ только мы съ тобою не воруемъ. Предѣлы могущества: оно не въ состояніи сдѣлать людей честными!»

13-го ноября. Важное событіе—новый результатъ варшавскаго свиданія: князь Горчаковъ формально вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей—посланника при Германскомъ Союзѣ [1]).

[1]) Австрійскій генералъ, прославившійся своею жестокостью.

[1]) Здѣсь разумѣется возобновленіе Германскаго Союза, уничтоженнаго революціей 1849 года. А. Ч.

1851 г.

27-го марта. Король искренне ненавидитъ французовъ, но не менѣе того и русскихъ. Первое объясняется легче, чѣмъ послѣднее. Говорятъ, что причины совершенно личныя, что будто бы, во время пребыванія короля въ Петербургѣ, случились съ нимъ невѣроятныя непріятности, о которыхъ свита его дала слово молчать.

. . . .

3-го апрѣля. Продолженіе статьи И—ра о Россіи—въ первой половинѣ мартовской книжки журнала Количека—сочиненіе, по содержанію и силѣ и обилію матеріаловъ, по страстности, ... (замѣчательно.) . . . . .

5-го апрѣля. Учрежденіе университета въ Познани, преимущественно для поляковъ, не состоится: русскій императоръ воспротивился этому.

22-го мая. Должно удивляться, съ какимъ равнодушіемъ смотрятъ здѣсь на варшавское свиданіе. Никто не заботится о немъ, никто не постарается проникнуть тайны. Будто всѣ впередъ уже знаютъ, что дѣло не обойдется безъ новыхъ уничиженій (для Пруссіи). Разсказываютъ, что король долженъ выслушивать отъ императора суровыя слова... Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣдуютъ письма, писанныя не пруссакомъ. Надъ Мантейфелемъ [1]) русскіе насмѣхаются и потѣшаются его промахами во французскомъ языкѣ.

2-го іюня. Сбывается то, что я давно предсказывалъ: русскій императоръ не признаетъ датской конституціи; требуетъ перемѣны министровъ.

16-го іюня. Большая роскошь и пышность въ русскомъ посольствѣ по случаю пріѣзда князя Варшавскаго, явившагося съ благодарностью за пожалованный ему титулъ прусскаго фельдмаршала; весь берлинскій генералитетъ и все офицерство спѣшатъ къ нему съ поздравленіемъ; видѣлъ не одну ихъ сотню: на всѣхъ лицахъ замѣтно чувство (неудовольствія).

Въ Варшавѣ шла рѣчь объ уничтоженіи маленькихъ нѣмецкихъ республикъ: отдать Любекъ Мекленбургу, Гамбургъ—Ганноверу, Бременъ—Ольденбургу, Франкфуртъ—Баваріи; но императоръ Николай не согласился, не смотря на то, что Мантейфель былъ готовъ на это новое ослабленіе Пруссіи. Не удивляюсь, что князь Шварценбергъ [2]) желалъ этого, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ польстить Россіи.

18-го іюня. Императоръ Николай остался чрезвычайно доволенъ Ольмюцкимъ свиданіемъ. Австрійскій императоръ произвелъ на него выгодное впечатлѣніе.

13-го іюля. Мантейфель доставилъ русскому правительству бумаги, найденныя у г-жи Брюнигкъ (Bruinigk), рожденной княгини Ливенъ. Осенбрюгенъ отстаивалъ права шлезвигъ-гольштинцевъ и находился въ перепискѣ съ г-жою Брюнигкъ.

А. Ч

[1]) Министръ-президентъ.

[2]) Австрійскій первый министръ.

27-го іюля. Неожиданное явленіе статскаго совѣтника Блюма [1]) изъ Дерпта. Радуется, что онъ въ Германіи; поклоны отъ тайнаго совѣтника Икскуля, графини Сиверсъ и др. Недавно ограничили университетскія права: профессорамъ запрещено полученіе книгъ изъ-за границы мимо ценсуры; отнято право избранія ректора. Императоръ недовѣрчивъ, особенно ко всему заграничному, и старается охранить отъ него Россію.

1-го августа. Король посѣтилъ провинцію, которая задыхается подъ угрозами Россіи. Можетъ быть, не было бы для нея хуже превратиться совершенно въ русскую провинцію [2]).

10-го сентября. Г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ заявилъ, 20-го августа, свое качество—посланника при Германскомъ Союзѣ, замѣнивъ Рохова. Одинъ глупецъ (!) вмѣсто другаго; дѣла оттого пойдутъ не хуже [3]).

8-го ноября. Русскій императоръ доволенъ Людовикомъ Бонапартомъ: Фоше и Карлье (выражена) благосклонность [4]); Воловскому, зятю Фоше, выплачена цѣна его конфискованныхъ имѣній въ Польшѣ.

20-го ноября. Русскій посланникъ въ прежнее время былъ полезенъ тѣмъ, что всегда можно было ссылаться на желанія его кабинета; съ отъѣздомъ Мейендорфа исчезла и эта подмога.

25-го ноября. Генералъ Киль умеръ въ Парижѣ. Въ послѣднее время его употребляли только какъ довѣренное лицо по части художествъ. Добрѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ [5]). Онъ положительно предсказывалъ польскую революцію 1830 года, за нѣсколько дней до ея взрыва; онъ говорилъ, что ему извѣстны всѣ ея приготовленія, но что ему никто не повѣритъ, такъ какъ у него не имѣется въ рукахъ доказательствъ; что, не желая быть заподозрѣннымъ, онъ предпочитаетъ молчать......

20-го декабря. Радость русскихъ по случаю переворота (2-го декабря) во Франціи......

27-го декабря. Русскій повѣренный въ дѣлахъ Б . . . . . . произведенъ въ посланники. Можно себѣ представить важность его заслугъ!

Ревель. Перевелъ и сообщ. **А. А. Чумиковъ.**

---

[1]) Тотъ самый Блюмъ, который издалъ извѣстную біографію гр. Як. Сиверса.

[2]) Если не ошибаемся, авторъ разумѣетъ здѣсь восточную Пруссію.

[3]) Такое пристрастное сужденіе о Бисмаркѣ объясняется тѣмъ, что тотъ принадлежалъ къ партіи «юнкеровъ», ненавистной либеральному автору.

[4]) Министру Фоше (Faucher) и полицейскому префекту Карлье пожалованы были русскіе ордена.

[5]) Иначе судили о достоинствахъ Киля подчиненные ему въ Римѣ русскіе художники и гр. Ѳ. П. Толстой (См. разказъ и письмо гр. Ѳ. П. Толстаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., т. XXI, стр. 349—356, 545; томъ XXII, стр. 93—116, 370—377. А. Ч.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

1741 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 6 ФЕВРАЛЯ 1879 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

1762—1796 гг.

VI.

Половники.

Половники на сѣверѣ Россіи въ допетровское время.—Указы 1725 и 1753 гг. и межевая инструкція 1766 г.—Бытъ половниковъ въ первые годы царствованія Екатерины II.—Заявленія о половникахъ въ коммисіи для составленія новаго уложенія.—Дальнѣйшія законодательныя мѣры относительно нихъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вологодской губерніи существовалъ особый классъ сельскаго населенія—такъ называемые половники. Они находились съ землевладѣльцами не въ такихъ временныхъ отношеніяхъ, какъ крестьяне многихъ другихъ мѣстностей Россіи, когда они берутъ землю изъ-полу; тамъ, отдавъ половину сбора въ видѣ арендной платы, крестьянинъ ничѣмъ не связанъ болѣе съ ея владѣльцемъ; не то было въ Вологодской губерніи. Здѣсь это были безземельные земледѣльцы, вышедшіе изъ черносошныхъ волостей и поселившіеся на чужой землѣ; владѣлецъ и половникъ связаны были тутъ взаимными обязательствами, сначала установившимися путемъ обычая, а затѣмъ и регулированными закономъ. Какимъ же образомъ въ этой мѣстности среди казеннаго населенія появились крестьяне, не имѣвшіе земли, и какимъ измѣненіямъ подвергалось съ теченіемъ времени половническое право?

Возможность обезземеленія государственныхъ крестьянъ не можетъ уже казаться намъ непонятною послѣ того, что мы знаемъ изъ предъидущей главы о поземельныхъ отношеніяхъ на сѣверѣ Россіи. Такъ какъ такая же форма землевладѣнія, т. е. община безъ передѣловъ

¹) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266.

земли, существовала тамъ и въ XV—XVI вв. и такъ какъ тогда уже земли свободно переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія, то понятно, что и въ то время появлялись безземельные крестьяне, которыхъ нужда заставляла селиться на монастырскихъ и другихъ земляхъ и обработывать ихъ на условіяхъ уплаты аренды извѣстною частью урожая и нѣкоторыми другими продуктами. Въ XV вѣкѣ мы находимъ половниковъ въ нынѣшнихъ Псковской и Тверской губерніяхъ, Костромской (въ Нерехтѣ), въ Архангельской (на устьѣ Двины), Вологодской (Устюжскомъ уѣздѣ), Ярославской (въ Пошехонскомъ уѣздѣ) и въ Новгородской; въ XVI вѣкѣ имя ихъ встрѣчается въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ, въ XVII в., кромѣ того, въ Пермской. Съ конца XVI в. мы не находимъ имени половниковъ нигдѣ, кромѣ такъ называемыхъ поморскихъ городовъ, т. е. нынѣшнихъ губерній Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской [1].

Чтобы дать понятіе объ отношеніяхъ половниковъ къ землевладѣльцамъ въ XVII в., мы остановимся на одной порядной 1648 г., по которой двое половниковъ взяли во владѣніе церковную землю. По условію, заключенному ими со старостою и причтомъ церкви, они получили землю на три года отъ Юрьева дня осенняго; работать они обязывались на трехъ лошадяхъ и со своими земледѣльческими орудіями, а сѣмена давались отъ церкви. Чистый урожай дѣлился на пять частей: три части шли въ пользу церкви, а двѣ половникамъ; сѣно и солому получали половники; кромѣ того, они могли воздѣлывать въ свою пользу капустный и конопляный огородъ. Они обязаны были свезти на поле удобреніе съ двора, улицы и гумна, да еще привезти его изъ Устюга по 100 возовъ на каждую лошадь; ту часть хлѣба, которая шла съ ихъ пашни въ пользу землевладѣльца, они обязаны были, если прикажутъ, отвезти на своихъ лошадяхъ въ посадъ, и также возить церковныя дрова. Наконецъ, они должны были построить избу изъ готоваго лѣса и передѣлать сарай. Если по истеченіи урочныхъ лѣтъ они не выполнятъ того, что обязались, то староста могъ взыскать съ нихъ 2 руб.; за недовозку каждаго воза удобренія они платили по алтыну.

Изъ этой порядной видно, что половники въ половинѣ XVII столѣтія, какъ и въ теченіе всего слѣдующаго вѣка, имѣли право перехода отъ одного владѣльца къ другому. Селились они въ монастырскихъ владѣніяхъ, а также на земляхъ тѣхъ «деревенскихъ вла-

---

[1]) К. А. Поповъ. Половники. Памятная книжка Вологодской губерніи за 1862 и 1863 гг., вып. II, стр. 36, 82, 90, 100. В. С.

дѣльцевъ», о которыхъ мы говорили выше, т. е. посадскихъ, канцелярскихъ служителей и крестьянъ. Почему же половническое право удержалось на сѣверѣ, когда въ остальной Россіи всѣ крестьяне были, съ уничтоженіемъ крестьянскихъ выходовъ, прикрѣплены къ землѣ? «Потому»,—отвѣчаетъ г. Поповъ,—«что половники были черносошные крестьяне и земли, на которыхъ они жили, черныя, а главное, что владѣльцы этихъ земель были также люди черные [1])....
Вслѣдствіе сего владѣльцы земель, населенныхъ половниками, не могли воспользоваться указами объ уничтоженіи Юрьевыхъ дней, потому что указы эти до нихъ не касались; они были изданы собственно для служилыхъ людей, которые владѣли поземельною собственностью на вотчинномъ или на помѣстномъ правахъ. Посадскіе люди поморскихъ городовъ не были вотчинниками, потому что земли ихъ всетаки принадлежали государству, не смотря на то, что могли быть владѣльцами продаваемы, закладываемы, даримы, завѣщаемы и т. п.; они не были и помѣщиками, потому что не были служилыми людьми» [2]). Въ этомъ несомнѣнно заключаются причины сохраненія для половниковъ права перехода, появленіе же самаго половничества, какъ мы уже замѣтили, объясняется тамошними поземельными отношеніями среди черносошнымъ крестьянъ. Можно было бы указать на то, что въ Сибири, гдѣ установилась такая же форма землевладѣнія, не было половничества, но за то тамъ мы встрѣчаемъ еще сильнѣйшую степень экономической зависимости, а именно кабалу.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ черносошнымъ крестьянамъ, мы видѣли, что еще въ XVII вѣкѣ правительство дѣлало попытки не только запрещать крестьянамъ отчужденіе земель, но даже и предписывало отбирать безденежно уже проданныя земли. Такое предписаніе было, по видимому, дано и относительно земель, пріобрѣтенныхъ великоустюжскими посадскими, но въ 1652 г. имъ разрѣшено было по прежнему владѣть землями по купчимъ и закладнымъ. Что половниковъ было въ то время не мало на сѣверѣ Россіи, видно изъ того, что въ одномъ Усольскомъ уѣздѣ ихъ насчитывали до 4,000 душъ. Переходъ крестьянъ въ половничество продолжался и послѣ того: по даннымъ переписной книги Сольвычегодскаго уѣзда, въ 1717 г. въ половники сошло въ теченіи 40 лѣтъ—122 человѣка.

---

[1]) Монастыри въ этой мѣстности (хотя, вѣроятно, не всѣ) владѣли землями также на правахъ черныхъ людей, такъ какъ земли достались имъ не по жалованнымъ грамотамъ, а по завѣщаніямъ и другимъ актамъ отъ посадскихъ людей и крестьянъ. Ср. Поповъ, стр. 100—102

[2]) Ibid., стр. 91—92.

Такъ какъ при производствѣ первой ревизіи оказалось, что нѣкоторые половники не попали въ перепись, то велѣно было условиться съ мѣстными обывателями: «какимъ-бы образомъ лучшій способъ учинить, чтобы оные, переходя съ мѣста на мѣсто, подушнаго сбору не избывали». Въ 1725 г. относительно ихъ были установлены слѣдующія правила. Половникъ можетъ жить, сколько хочетъ, за тѣмъ владѣльцемъ, на землѣ котораго его застанетъ перепись; когда же онъ будетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, то эти послѣдніе оба обязаны донести земскому и полковому коммисарамъ, что одинъ половника отпускаетъ, а другой принимаетъ, при чемъ принимающій обязывается подпискою платить за переходящаго къ нему подушныя подати. При переходѣ половника съ владѣльческой земли въ черносошную волость, должно было соблюдать тѣже формальности, при чемъ подписка, обезпечивающая исправный платежъ податей, давалась волостнымъ старостою. Но переходъ былъ дозволенъ этимъ указомъ только въ предѣлахъ одного уѣзда, и за пріемъ половника изъ другаго уѣзда взымался штрафъ по 50 руб. за человѣка. Если половники могли переходить въ черносошные крестьяне, то не запрещалось, наоборотъ, и государственнымъ крестьянамъ дѣлаться половниками, но только при этомъ они должны были совершать записи съ обозначеніемъ срока, на какой идетъ крестьянинъ въ половничество, и являть эти документы у коммисаровъ. Если половники уйдутъ отъ владѣльцевъ, за которыми они записаны, безъ отпуска и заявленія, то владѣльцы, продолжая платить за нихъ подати, могли ихъ разыскивать и затѣмъ взыскать свои убытки и 20 руб. штрафу съ тѣхъ, кто тайно ихъ держалъ. Такимъ образомъ по этому указу половники лишились права переходить изъ уѣзда въ уѣздъ, которымъ, впрочемъ, они пользовались весьма умѣренно; затѣмъ платежъ податей возложенъ былъ на землевладѣльцевъ, тогда какъ въ старину онъ лежалъ непосредственно на половникахъ и, наконецъ, переходъ половниковъ отъ одного владѣльца къ другому былъ обставленъ нѣкоторыми формальностями.

Въ 1751 г. сенатъ приказалъ отобрать у посадскихъ людей поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по жалованнымъ грамотамъ и которыя за ними по писцовымъ книгамъ не написаны, а пріобрѣтены отъ государственныхъ крестьянъ по купчимъ и закладнымъ, и впредь запретить имъ покупать земли отъ черносошныхъ крестьянъ. Но устюжская провинціальная канцелярія, прежде чѣмъ исполнить этотъ указъ, представила на усмотрѣніе сената, что посадскіе поморскихъ городовъ издавна пользуются правомъ владѣть землями, что всѣ эти земли состоятъ на правахъ чер-

носошныхъ, что канцелярія сама раздавала купцамъ опустѣвшія отъ разброда крестьянъ черныя земли «для возобновленія податей, въ распашку и въ расчистку», что, наконецъ, въ половничество переходятъ только обнищавшіе черносошные крестьяне, которые не въ состояніи были бы платить подати, тогда какъ купцы вносятъ ихъ не только за наличныхъ, но и за умершихъ бездоимочно; если-же земли съ написанными на нихъ половниками будутъ отобраны у посадскихъ и приписаны къ волостямъ, то въ первый же годъ на нихъ накопится недоимка. Основываясь на этихъ доводахъ, провинціальная канцелярія просила сенатъ разрѣшить посадскимъ людямъ Устюжской провинціи по прежнему владѣть всѣми принадлежащими имъ землями и даже вновь покупать участки у черносошныхъ крестьянъ. Сенатъ согласился на это въ 1753 г., но съ тѣмъ, чтобы половники сохраняли право перехода на основаніи указа 1725 г. и чтобы ни крестьяне, ни купцы не продавали земель помѣщикамъ и постороннимъ людямъ, и отнюдь не отдавали бы ихъ въ монастыри.

Въ 1764 г. въ сенатѣ вновь былъ поднятъ вопросъ о половникахъ, причемъ первый департаментъ нашелъ, что дозволенный имъ переходъ съ мѣста на мѣсто не полезенъ. Но это не значитъ, чтобы сенаторы хотѣли закрѣпостить половниковъ за тѣми владѣльцами, на земляхъ которыхъ они жили; напротивъ того, они предлагали отписать земли, принадлежавшія купцамъ и другихъ чиновъ людямъ, кромѣ жалованныхъ и записанныхъ за ними по писцовымъ книгамъ; если же окажется, что половники живутъ на такихъ пожалованныхъ земляхъ, то ихъ слѣдовало бы или переселить на казенныя земли, или же, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ, взять эти земли въ казну за извѣстное вознагражденіе. Но общее собраніе сената, не смотря на протестъ князя Шаховскаго и А. А. Олсуфьева, иначе рѣшило это дѣло, ссылаясь на то, что изъ черносошныхъ крестьянъ выходятъ въ половничество совершенно бѣдные и что неудовольствія отъ этого до сихъ поръ никакого не было; надобно только наблюдать, чтобы крестьяне жили въ половникахъ по доброй волѣ.

Межевою инструкціею 1766 г., какъ мы уже знаемъ, всѣ государственныя земли, находившіяся во владѣніи посадскихъ и другихъ чиновъ людей, кромѣ пріобрѣтенныхъ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, велѣно было отобрать и впредь перепродажу и залогъ земель запретить. Но такъ какъ деревенскіе владѣльцы жалованныхъ грамотъ на принадлежащія имъ земли не имѣли (только Петръ Великій раздавалъ государственныя земли на половническомъ правѣ купцамъ и даже дворянамъ), то имъ предстояло лишиться ихъ. Однако, прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ пра-

вительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно половниковъ, мы познакомимся съ ихъ положеніемъ въ началѣ царствованія Екатерины II. Главными матеріалами для этого намъ послужатъ свѣдѣнія, сообщенныя депутатами отъ крестьянъ и купечества въ коммисіи уложенія, а также довѣренности, выданныя самими половниками при выборѣ депутатовъ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія половники жили только въ Архангельской и Казанской губерніяхъ, именно въ Великоустюжской и Вятской провинціяхъ [1]). По второй ревизіи ихъ было 14,847, по третьей—11,277 д. м. п.; уменьшеніе это объясняется обращеніемъ въ черносошные крестьяне половниковъ, жившихъ на монастырскихъ земляхъ [2]). Съ теченіемъ времени, число половниковъ все уменьшалось: такъ, по 5-й ревизіи, въ Вологодской губ. ихъ было всего 5,656 д., т. е. вдвое менѣе, чѣмъ было ихъ по 3-й ревизіи въ той-же мѣстности (въ прежней Архангельской губ. половники только и жили въ Великоустюжской провинціи, вошедшей въ составъ Вологодской губ.).

Владѣли половниками купцы, посадскіе, подъячіе, а также и крестьяне. Значительная часть купцовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили половники, совершенно покинула города и поселилась въ деревняхъ; а особенно отличалось этимъ купечество города Яренска, гдѣ, впрочемъ, и въ самомъ городѣ купцы занимались хлѣбопашествомъ. Обыкновенно у купцовъ было по 20, по 30 д. половниковъ; у крестьянина Ключарева, бывшаго депутатомъ отъ черносошныхъ крестьянъ Великоустюжской провинціи, было 70 половниковъ; у одного Сольвычегодскаго посадскаго была 31 соха половниковъ.

Въ первой половинѣ XVIII в. значительное число половниковъ жило на земляхъ монастырей, архіерейскихъ домовъ и т. п.; въ 1717 г. въ одномъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ половниковъ, принадлежащихъ монастырямъ и вообще духовнымъ, было 1,322 души. Но правительство постепенно обращало ихъ въ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Въ Вятской провинціи, во время производства второй ревизіи въ 1745 г., оказалось, что изъ числа обревизованныхъ уже 20,781 д., монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ было 5,227 д. половниковъ. По словамъ духовныхъ властей, они переселились, вслѣд-

---

[1]) Крестининъ упоминаетъ еще о незначительномъ остаткѣ половниковъ Двинской земли (12 чел. на землѣ города Архангельска).

[2]) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Лепехинымъ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ было купеческихъ половниковъ 2,993 души, въ Великоустюжскомъ 4,335 душъ, и кромѣ того въ той-же Великоустюжской провинціи были еще половники въ Яренскомъ уѣздѣ. В. С.

ствіе неимѣнія земли, изъ черносошныхъ волостей съ вѣдома своихъ старостъ, нерѣдко поженились на дѣвушкахъ духовныхъ вотчинъ и платили подушныя подати наравнѣ съ крѣпостными, не внося оброчнаго сбора, которымъ были обложены государственные крестьяне. Узнавъ объ этомъ, сенатъ приказалъ записать ихъ на тѣхъ же архіерейскихъ и монастырскихъ земляхъ, гдѣ они жили, но уже черносошными крестьянами, съ тѣмъ, чтобы они по прежнему владѣли этими землями, платя впредь какъ семи, такъ и четырехъ гривенныя оброчныя деньги, а оброкъ за время отъ первой до второй ревизіи приказалъ взыскать съ архіерейскаго дома и монастырей [1]). Но духовныя власти, какъ видно, не хотѣли отказываться отъ владѣнія половниками. Въ 1751 г. секундъ-маіоръ Бестужевъ, наблюдавшій въ Вятской провинціи за подушнымъ сборомъ, донесъ, что архіерейскій домъ и нѣкоторые монастыри неправильно завладѣли черносошными крестьянами. Въ связи съ этимъ очевидно находится и бывшее въ то время волненіе этихъ крестьянъ, которое было усмирено только военною силою. Межевою инструкціею 1754 г. велѣно было всѣмъ черносошнымъ крестьянамъ, живущимъ на духовныхъ земляхъ, отмежевать землю отдѣльно отъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ въ равномъ съ ними количествѣ. Постановленія этой инструкціи нигдѣ почти не были, какъ извѣстно, приведены въ исполненіе, но послѣ секуляризаціи духовныхъ имѣній, въ 1764 г., правительство велѣло половниковъ, жившихъ въ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ деревняхъ (такихъ было по 2-й ревизіи въ Устюжскомъ уѣздѣ 1,141 д., въ Сольвычегодскомъ 502 д.), отдѣлить отъ экономическихъ крестьянъ и обратить въ черносошные, надѣливъ ихъ землею на основаніи межевой инструкціи 1754 года.

Обязанности владѣльцевъ тѣхъ земель, на которыхъ жили половники, состояли въ томъ, что они платили за нихъ подати наравнѣ съ государственными крестьянами и давали сѣмена для посѣва. Депутатъ города Великаго Устюга упоминаетъ также о вспомоществованіи половникамъ со стороны землевладѣльца при первомъ обзаведеніи, но было-ли это общимъ правиломъ, намъ неизвѣстно.

Половники, какъ мы уже знаемъ, имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому; право это, однако, было почти фиктивнымъ. Во первыхъ, переходъ былъ ограниченъ предѣлами одного уѣзда, въ дѣйствительности же представлялись и другія препятствія: по сло-

---

[1]) Нужно замѣтить, что часть земель, принадлежавшихъ тамъ духовнымъ властямъ, была прежде во владѣніи черносошныхъ крестьянъ и отдана была ими въ архіерейскій домъ, монастыри и церкви на поминъ души. **В. С.**

вамъ одного половническаго наказа, владѣльцы сговаривались между собою не принимать другъ отъ друга половниковъ, а черносошные крестьяне также не пускали ихъ въ свои волости, такъ какъ имъ пришлось бы платить за нихъ подати, неисправныхъ же плательщиковъ было и безъ того не мало въ казенныхъ волостяхъ. Переходить отъ одного владѣльца къ другому половники могли, разумѣется, лишь по истеченіи срока договора, который они и въ это время заключали съ хозяевами.

Обязанности половниковъ относительно государства состояли, во первыхъ въ отправленіи рекрутской повинности. Такъ какъ владѣльцы присвоили себѣ право отдавать въ рекруты кого пожелаютъ, то нѣкоторые и сдѣлали изъ этого выгодный промыселъ: если наборъ былъ, положимъ, по одному съ 500 д., то владѣлецъ, имѣвшій 20 половниковъ, отдавъ одного рекрута, собиралъ деньгами стоимость рекрута съ тѣхъ, кто долженъ былъ участвовать въ его поставкѣ (это называлось брать деньгами въ складку). Черносошные крестьяне тѣхъ волостей, въ которыхъ были половники, находили такой обычай обременительнымъ не только для этихъ послѣднихъ, но и для самихъ себя, и высказывали желаніе, чтобы половники несли рекрутскую повинность по очереди съ крестьянами всей волости. Вотъ что писали въ своемъ наказѣ крестьяне Ракульской волости Двинской трети Великоустюжскаго уѣзда: «Сіе правило, что отдавать съ малаго числа душъ въ рекруты, а къ тому принимать отъ другихъ, принадлежитъ до однихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, для того, что за ними крѣпостные, а за сими въ половникахъ государственные черносошные крестьяне. И съ тѣхъ здѣшнихъ застарѣлыхъ обрядовъ угождающіе всѣмъ владѣльческимъ прихотямъ остаются всегда безъ несенія рекрутской службы, а неисполняющіе волю ихъ безочередно отдаются въ рекруты. Государственному же черносошному крестьянству отъ обоихъ сихъ поведеній великое отягощеніе и раззореніе по причинѣ ненесенія владѣльческими половниками никогда никакой съ ними рекрутской службы, и такъ, что не на давнихъ годахъ изъ многихъ крестьянскихъ домовъ почти головою выбраны въ рекруты, а, напротивъ, нѣкоторые половническіе всѣ цѣлы; а какъ выше изъяснено, что за купцами и крестьянами единственно однѣ земли государственныя черносошныя, слѣдовательно подлежитъ и тяжести нести всѣмъ равныя, и если бы такое учрежденіе было, что всѣ владѣльческіе половники должны всегда рекрутскую службу нести по очереди на ряду той волости, въ которой владѣльца ихъ деревня состоитъ, съ крестьянами, а особливой владѣльцы половникомъ своимъ въ рекруты отдачи не имѣли, то, наконецъ, все бы оное прекратилось и всѣ бы пользова-

лись равномѣрною льготою и равномѣрнымъ службъ несеніемъ» [1]). На злоупотребленія при рекрутскихъ наборахъ со стороны владѣльцевъ земель, населенныхъ половниками, указывалъ коммисіи уложенія и архангельскій губернаторъ Головцынъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того желаніе крестьянъ было исполнено и велѣно было при рекрутскомъ наборѣ причислять половниковъ къ тѣмъ черносошнымъ волостямъ, въ которыхъ они прежде были крестьянами.

Половники несли также наряду съ другими сельскими обывателями дорожную и подводную повинности и исполняли разныя мірскія службы.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ отношеній половниковъ къ землевладѣльцамъ. Главная ихъ обязанность состояла, разумѣется, въ обработкѣ земли; урожай, по всей вѣроятности за вычетомъ сѣмянъ, дѣлился между половникомъ и землевладѣльцемъ пополамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ половникъ получалъ только $^2/_5$ урожая. Этимъ, однако, не ограничивались его обязанности; онъ долженъ былъ исполнять для своего хозяина не мало различныхъ работъ. Во первыхъ— косить и убирать сѣно, что, по словамъ половничьихъ наказовъ, отнимало у нихъ въ лѣто отъ двухъ до четырехъ недѣль. Такъ, въ одной волости половники давали со всякой сохи «по одному косцу, по гребцу, съ коньми и съ копновозами»; работники проводили на покосахъ недѣли по четыре и больше. Другіе работали на сѣнокосѣ по три недѣли и болѣе, давая съ каждой лошади по косцу, по два гребца съ конемъ и съ копновозомъ [2]). У третьяго владѣльца половники ходили на сѣнокосъ человѣка по три изъ каждаго дома и работали тамъ по двѣ, по три недѣли, а иногда и болѣе. Половина сѣна шла половникамъ, но однако не всегда: кромѣ сѣнокосовъ, находившихся въ пользованіи половниковъ изъ-полу, у нѣкоторыхъ

---

[1]) Неся рекрутскую повинность, половники платили еще такъ называемыя «солдатскія деньги», т. е. сборъ на обмундированіе рекрутъ.

[2]) Изъ сопоставленія этихъ двухъ мѣстъ между собою, а также и съ порядною 1648 г., можно заключить, что слово «соха» употребляется тутъ въ буквальномъ смыслѣ; но оно могло имѣть и другое значеніе, именно—участка земли опредѣленной величины. По словамъ Гакстгаузена, земли купцовъ, лежавшія отдѣльно отъ земель государственныхъ крестьянъ, обыкновенно раздѣлялись на равныя части (сохи) въ каждомъ полѣ. Такая соха заключала въ себѣ земли на двѣ четверти посѣва въ полѣ, слѣд., около шести дес. въ трехъ поляхъ. Каждая семья половниковъ, смотря по количеству въ ней работниковъ и обилію рабочаго скота и инструментовъ, брала отъ половины до двухъ сохъ. Очевидно, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сказано въ одномъ наказѣ половниковъ: «по росписи за нами владѣльцами во владѣніи называемыхъ 31 соха». В. С.

владѣльцевъ были еще особые луга, на которыхъ половники должны были работать, хотя сѣна съ нихъ не получали. По словамъ одного наказа, «владѣльцы лучшими сѣнными покосами владѣютъ, и когда сѣнные покосы поспѣютъ, то мы, половники, и съ женскимъ своимъ поломъ сѣно косимъ и возимъ на своихъ конѣхъ недѣль по шести, изъ котораго сѣна мы, половники, ничего не получаемъ». Въ другомъ наказѣ сказано: «лучшія пожни хозяева отобрали, на которыхъ нами поставляется ежегодно по 80 копенъ, и то сѣно оные хозяева всегда продаютъ стороннимъ людямъ, а насъ оставляютъ безъ сѣна, и прикупаемъ со стороны». Въ третьемъ—половники также жалуются на хозяина, что онъ отобралъ отъ нихъ лучшіе сѣнные покосы, которые, однако, ихъ же заставляетъ косить.

Кромѣ того, половники для землевладѣльцевъ «рубили новины» подъ ленъ, сѣяли также и коноплю. Затѣмъ обработывали эти растенія, пряли, ткали и бѣлили холстъ. На сѣнокосахъ также работали не только женщины, но и дѣти.

За хозяйскими работами половники не успѣвали иногда во-время посѣять хлѣбъ и оттого у нихъ случались неурожаи. По словамъ архангельскаго губернатора Головцына, купцы надъ половниками, «во всемъ власть свою распространяютъ и какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ на нихъ, купцовъ, всякую работу исправляютъ, отчего для своего пропитанія лишаются удобнаго къ посѣву, также къ сѣнокосу и жатвѣ времени, понеже хлѣбъ насѣваютъ и сѣна они снимаютъ на часть свою всегда послѣ тѣхъ своихъ хозяевъ, зачѣмъ иногда хлѣбъ у нихъ повреждается морозами, а сѣна отъ дождей бываютъ худы и скоту непитательны».

Кромѣ полевыхъ работъ, половники рубили для своихъ хозяевъ лѣсъ, возили на своихъ лошадяхъ, строили дома и другія постройки, рубили и доставляли дрова (отъ одной до трехъ сажень съ сохи), а также извѣстное количество лучинъ). Изрѣдка упоминаются еще слѣдующія работы на хозяевъ: передѣлка овса на крупу и толокно, сушеніе ячменя, собираніе ягодъ, грибовъ, губокъ, каменьевъ, вязаніе вѣниковъ, наконецъ, пастьба скота (половники одного подъячаго великоустюжской провинціальной канцеляріи набирали ежегодно полтора четверика ягодъ, насаливали шестьдесятъ ведеръ губокъ, связывали триста вѣниковъ; у другихъ владѣльцевъ всѣхъ половниковъ высылали на такую работу на опредѣленное время, напр. для сбора ягодъ и губокъ дня на два) [1]. Немало обременяло также по-

---

[1]) У нѣкоторыхъ владѣльцевъ было просто установлено, какое количество того или другаго сбора натурою должны были представить половники; такъ, у одного хозяина требовалось ежегодно съ 31-й сохи—31 безменъ чесанаго

ловниковъ то, что они должны были весьма нерѣдко служить хозяевамъ своими подводами: то они отвозили хлѣбъ въ городъ, то прикащиковъ хозяина, то обязаны были вывезти изъ города на пашню опредѣленное количество удобренія; а не то—ихъ отправляли съ разными припасами въ городъ на лодкахъ или посылали съ какими нибудь порученіями пѣшкомъ.

Во время работъ половники, безъ сомнѣнія, были на своей пищѣ, о чемъ иногда они и упоминаютъ въ своихъ наказахъ; но нерѣдко мы встрѣчаемъ указанія, что, работая на сѣнокосѣ или во время построекъ, они получали хозяйскіе харчи.

Хотя, разумѣется, не вездѣ половники ежегодно исполняли всѣ эти работы, но всетаки понятно, что они жаловались на тяжесть лежавшихъ на нихъ повинностей; въ двухъ мѣстахъ половники нанимали даже для хозяйскихъ работъ казаковъ и казачихъ, т. е. работниковъ и работницъ. Однимъ словомъ, половникамъ приходилось трудиться на хозяина и лѣтомъ, и зимою, такъ что въ одномъ наказѣ они заявляли, что хозяйская работа поглощаетъ одну треть года, а по другому—даже двѣ трети.

Кромѣ всѣхъ этихъ работъ, половники вносили хозяевамъ и денежный сборъ, такъ называемыя «пожилыя деньги;» не знаемъ, былъ ли онъ повсемѣстнымъ, но въ четырехъ наказахъ упоминается, что половники платили отъ 60 к. до 1 р. 20 к. ежегодно съ каждой сохи или лошади.

Купцы и другіе «деревенскіе владѣльцы» не ограничились тѣмъ, что посылали половниковъ на всевозможныя работы, какъ помѣщики своихъ крѣпостныхъ: они просто сдѣлали нѣкоторыхъ изъ нихъ дворовыми. Такіе половники исполняли всякія домашнія работы [1]), а у купцовъ иногда дѣлались и прикащиками, и разъѣзжали съ товарами по разнымъ мѣстамъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ.

Зависимость половниковъ отъ хозяевъ была на столько велика, что послѣдніе подвергали ихъ даже тѣлеснымъ наказаніямъ; по крайней мѣрѣ, въ одномъ наказѣ половники посадскихъ Пановыхъ жаловались, что хозяева ихъ «безвинно бьютъ, стегаютъ безъ указаннаго суда и увѣчатъ занапрасно самосудствомъ своимъ». Въ рукахъ хозяевъ было и другое, еще болѣе страшное средство для того, чтобы принудить половниковъ къ безпрекословному повиновенію: они

льну (безменъ=$2^1/_2$ фунтамъ) и 150 арш. холста на мѣшки; у другаго—съ каждой лошади по рѣшету черемухи.

[1]) Одинъ половникъ, бывшій мельникомъ у двухъ устюжскихъ купцовъ, служилъ при мельницѣ въ деревнѣ въ теченіе 30-ти лѣтъ изъ-за одного хлѣба, не получая ни денежной платы, ни одежды. В. С.

могли каждаго изъ нихъ сдать въ рекруты, и дѣйствительно, по словамъ наказа одной черносошной волости, «не безъ примѣчанія, что который владѣльцу половникъ противъ его прихоти хотя мало въ чемъ не услужитъ, того въ рекруты и отдаетъ, не разсуждая и не сожалѣя, очередь-ли ему идти или нѣтъ».

Мы почти не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ земли, находившейся въ пользованіи половниковъ; намъ извѣстно только, что въ одной волости Сольвычегодскаго уѣзда у 160 душъ было пахатной земли $39^1/_2$ десятинъ въ каждомъ полѣ, сѣна 6,125 копенъ [1]). Хозяинъ былъ вполнѣ воленъ въ своей землѣ, и мы уже знаемъ, что иногда онъ отбиралъ у половниковъ лучшія пожни, оставляя имъ лишь небольшое количество покоса для прокормленія скота. Если случалось, что владѣльцы распоряжались совершенно самоуправно даже движимымъ имуществомъ половниковъ (такъ, напр., посадскіе Пановы отбирали у нихъ лошадей и рогатый скотъ за дешевую плату), то понятно, что иногда они вовсе прогоняли ихъ съ своей земли, и тѣмъ приходилось тогда переселяться въ черносошныя волости. Купцы, по словамъ черносошныхъ крестьянъ Орловскаго уѣзда Вятской провинціи, въ деревняхъ, населенныхъ половниками, «работами половничьими завели. . . . для пріѣзду своего, яко помѣщика, сады, огороды и пруды, а ежели-жъ половники тѣхъ купцовъ чѣмъ ни есть хотя немного прогнѣваютъ словами о излишней работѣ, то отъ себя ихъ изъ деревень во крестьянство безъ земли отсылаютъ, а другіе хотя и съ землею, но тѣ земли приведены къ неплодородію за хозяйскими работами, и особливо сбереженные прежними хозяевами лѣса нынѣ тѣми-жъ купцами вырублены, и привели ихъ въ опустѣніе, а тѣмъ купцамъ владѣть прибытку не стало приходить, и затѣмъ отказываютъ, и видя тѣхъ половниковъ слезы, и особливо скудость, что не только имѣли-бъ впредь къ пропитанію себя хлѣба, но и платье совсѣмъ ветхое, принуждены ихъ крестьяне принять въ свое смотрѣніе».

Тяжелое экономическое положеніе половниковъ отражалось и на ихъ умственномъ развитіи: сравнивая подписи подъ ихъ наказами съ подписями въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ, мы замѣчаемъ, что среди ихъ вовсе не была развита грамотность. Между тѣмъ какъ въ наказѣ государственныхъ крестьянъ мы всегда встрѣтимъ нѣсколько подписей членовъ той волости, отъ имени которой онъ

---

[1]) Для сравненія упомянемъ, что въ одной волости того же уѣзда у 78 душъ бывшихъ монастырскихъ половниковъ, къ ней приписанныхъ, было пахатной земли 31 дес. въ каждомъ полѣ, сѣна 2,000 копенъ; въ другой у 120 д.—23 дес. пахатной земли въ каждомъ полѣ и 3,250 копенъ сѣна. В. С.

составленъ, въ половничьихъ наказахъ мы обыкновенно находимъ подпись священника, а не то—экономическаго или черносошнаго крестьянина.

Но какъ бы ни былъ ограниченъ умственный кругозоръ половниковъ, они, разумѣется, отлично сознавали свое печальное положеніе, и потому какъ только явился къ тому удобный случай—учрежденіе коммисіи для составленія новаго уложенія—отъ нихъ посыпались жалобы на своихъ владѣльцевъ. Правда, депутатъ отъ города Великаго Устюга, Плотниковъ, объяснялъ это въ коммисіи интригами черносошныхъ крестьянъ; если половники «всколебались въ своемъ состояніи», говоритъ онъ, «то причина тому—волостные сотскіе, которые, «упоившись издревле ненавистью къ купечеству», собираютъ половниковъ въ свои земскія избы и тамъ стараются тайно увѣрить ихъ въ томъ, что если они будутъ жаловаться, то ихъ отберутъ у купцовъ и припишутъ къ волостямъ: и вотъ половники «ввѣряютъ имъ слѣпыя свои просьбы, а сіи безстыдно отправляютъ ихъ къ сочиненію проекта новаго уложенія». Но такое объясненіе, разумѣется, совершенно несостоятельно.

Ознакомившись съ положеніемъ половниковъ, посмотримъ теперь, какія заявленія о нихъ были сдѣланы въ коммисіи уложенія и какія мѣры были предложены для измѣненія ихъ быта. Въ засѣданіи 18-го октября 1767 года депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ Великоустюжской провинціи, Ключаревъ, указавъ на то, что купцы, доведя половниковъ до нищеты и убожества, стали брать ихъ цѣлыми семьями въ города для работъ въ своихъ домахъ и на заводахъ, а также упомянувъ о злоупотребленіяхъ при рекрутскихъ наборахъ, просилъ коммисію постановить, чтобы купцы жили только въ городахъ, куда должны возвратиться и поселившіеся въ деревнѣ; ихъ земли въ уѣздахъ, принадлежавшія прежде государственнымъ волостямъ, по прежнему возвратить въ волости; половниковъ отъ нихъ отобрать, приписать въ волости наравнѣ съ государственными крестьянами и впредь запретить купцамъ записывать ихъ за собою, держать же у себя крестьянъ работниками дозволить не иначе, какъ по письменнымъ отпускамъ сотскаго. Нужно замѣтить, что требованія Ключарева только въ томъ отношеніи шли далѣе постановленій межевой инструкціи, что онъ требовалъ запрещенія купцамъ впредь принимать половниковъ; но такъ какъ и по межевой инструкціи половники могли бы остаться только на земляхъ, жалованныхъ купцамъ, а такія у нихъ едва-ли были, то въ сущности желанія, выраженныя Ключаревымъ, сводятся лишь къ осуществленію предписаній межевой инструкціи. Его поддержалъ депутатъ отъ черносош-

ныхъ крестьянъ Архангельской губ., Чупровъ, который заявилъ, что просьба нѣкоторыхъ депутатовъ отъ городовъ о дозволеніи имъ покупать недвижимыя имѣнія и крѣпостныхъ людей несходна съ большимъ наказомъ и предложилъ разрѣшить купцамъ владѣть землями и распахивать пустопорожнія земли, но не иначе, какъ вольными людьми, а не половниками, и подати по окладу платить съ земли, а не съ душъ; половниковъ же у нихъ отобрать. Еще ранѣе Ключарева депутатъ отъ дворянства Любимскаго уѣзда, Толмачовъ, высказалъ мнѣніе, что нужно запретить купечеству покупать земли у черносошныхъ крестьянъ.

Минуя неважныя возраженія на заявленія Ключарева, сдѣланныя депутатомъ отъ города Яренска, мы остановимся на обширномъ опроверженіи, представленномъ семь мѣсяцевъ спустя депутатомъ отъ города Великаго Устюга, Плотниковымъ. Онъ старается доказать, что купцы вовсе не эксплоататоры половниковъ, а, напротивъ, ихъ благодѣтели. Онъ говоритъ, что они, на основаніи указа Петра Великаго, принимали обнищавшихъ черносошныхъ крестьянъ, желая «показать о нихъ сожалѣніе» и «тѣмъ прославить свое отечество». Получивши ихъ себѣ такимъ образомъ во владѣніе,—продолжаетъ Плотниковъ,—купцы «нашли ихъ такими, которые имѣютъ на себѣ въ доимкѣ за многіе годы государевы подати, но не имѣютъ земель, ни скота, ни строенія, словомъ сказать, нашли ихъ не крестьянъ, но самыхъ нищихъ»; новые же владѣльцы строили имъ дворы, давали для развода всякій скотъ, кормъ для него, хлѣбъ для посѣва и денежное вспомоществованіе. «На сіе коликое число денегъ купцы истратили, того никоимъ образомъ уже исчислить невозможно, но по справедливости могу почтенное собраніе увѣрить, что иные изъ нихъ вошли въ превеликіе долги, иные, и особливо люди невеликодостаточные, лишились своего капитала», хотя и знали, «что многіе годы не будетъ отъ половниковъ никакого платежа ниже плодовъ, награждающихъ толикіе убытки». Но благодаря не только половничьимъ наказамъ, но и свидѣтельству стороннихъ людей (Лепехина и архангельскаго губернатора Головцына), мы знаемъ истинную цѣну всему этому самовосхваленію.

Въ отвѣтъ на указанія Ключарева, что купцы берутъ половниковъ къ себѣ въ домъ и употребляютъ на своихъ заводахъ во всякія работы, Плотниковъ говоритъ: «сіе справедливо, что берутъ къ себѣ въ домы, однако, въ томъ весьма будетъ несогласно, что берутъ цѣлыми семьями и употребляютъ какъ будто крѣпостныхъ людей во всякія работы... Берутъ такихъ, которые остаются послѣ умершихъ отцовъ своихъ малолѣтные и не могущіе еще работать, для

вскормленія и призрѣнія по человѣколюбію, снабжая ихъ до возраста одеждой и всѣмъ потребнымъ. Послѣ, кто къ чему имѣетъ склонность, т. е. къ грамотѣ-ли и къ мастерствамъ, тому ихъ и обучаютъ и на то тратятъ свои деньги, а по возрастѣ, кто пожелаетъ на пашни, тѣхъ, удовольствуя всѣмъ, что къ сожитію земледѣльца потребно, поселяютъ; и кто-жъ пожелаетъ изъ сихъ или изъ бобылей, у кого есть заводы, быть при оныхъ, тѣхъ и оставляютъ, и смотря по мастерству даютъ плату такъ точно, какъ и вольнымъ мастерамъ и работникамъ. Еще берутъ такихъ, которые не пріобыкли и не хотятъ обработывать землю, но желаютъ быть при легкихъ работахъ, таковыхъ, обженивши, содержатъ при домахъ и съ женами и съ дѣтьми». Такимъ образомъ Плотниковъ не опровергаетъ сказаннаго Ключаревымъ: половниковъ дѣйствительно брали въ купеческіе дома и, если отбросить всю шумиху фразъ о благодѣяніяхъ со стороны хозяевъ, мы увидимъ полное подтвержденіе словъ Лепехина, что «купцы имѣютъ полную власть надъ крестьянами (т. е. половниками), какъ и помѣщики». Дѣйствительно, въ приведенныхъ словахъ Плотникова намъ рисуются обыкновенныя отношенія помѣщика къ своему крѣпостному: купецъ беретъ себѣ въ домъ малолѣтнихъ; «кто пожелаетъ» на пашню, того дѣлаетъ земледѣльцемъ, «кто пожелаетъ» на заводъ—становится фабричнымъ рабочимъ; хозяинъ женитъ своихъ подданныхъ и затѣмъ «не желающихъ обработывать землю» съ женами и дѣтьми содержитъ при домахъ, т. е. обращаетъ въ своихъ дворовыхъ. Тутъ нужно только слова: «кто пожелаетъ» замѣнить словами «какъ захочетъ землевладѣлецъ», и тогда дѣло будетъ представляться въ истинномъ свѣтѣ; при совершенной почти фиктивности права перехода и при возможности для хозяина не только подвергнуть непокорнаго наказанію, но и сдать его въ рекруты, половникъ, конечно, долженъ былъ безпрекословно исполнять всѣ желанія хозяина. Что же касается заявленія Плотникова, будто купцы даютъ на своихъ заводахъ половникамъ рабочую плату наравнѣ съ вольнонаемными, то мы полагаемъ, что оно несправедливо: не только ни въ одномъ половничьемъ наказѣ не упоминается о такой платѣ, но, напротивъ, не разъ говорится о томъ, что за всѣ свои труды половники не получаютъ никакого вознагражденія, и мы видимъ это не только относительно земледѣльческихъ работъ (смотри выше заявленіе мельника). Нужно думать, что половники, работавшіе на заводахъ, получали, наравнѣ съ находившимися въ услуженіи, содержаніе натурою.

Плотниковъ старается также увѣрить коммисію, что при отдачѣ половниковъ въ рекруты купцы не совершали никакихъ зло-

употребленій, но такъ какъ жалобы крестьянъ въ этомъ отношеніи подтверждаются свидѣтельствомъ архангельскаго губернатора, то мы не будемъ болѣе на этомъ останавливаться. Замѣтимъ только, что и по словамъ Плотникова купцы «выбираютъ въ рекруты изъ бобылей или лѣнивыхъ и непріобыкшихъ къ хлѣбопашеству людей»; а это открывало полную возможность для злоупотребленій. Гораздо важнѣе указанія Плотникова, что не одни купцы владѣютъ половниками, а также и черносошные крестьяне, и что у самого Ключарева ихъ было 70 душъ. Такъ какъ жалобы отъ половниковъ собирали черносошные крестьяне, а также и мнѣнія по этому вопросу подавали ихъ депутаты, то дѣйствительно оказалось всего болѣе нареканій на обращеніе купцовъ съ ихъ половниками; но весьма возможно, что и у крестьянъ-міроѣдовъ ихъ житье-бытье было нисколько не лучше. «Вся рѣчь господина депутата Ключарева,—замѣчаетъ Плотниковъ,—ведется о купцахъ и склоняется къ ихъ только порицанію; но о себѣ и о другихъ подобныхъ онъ ничего не упомянетъ; говоритъ только, что купцы напрасно владѣютъ землями, купцы напрасно владѣютъ половниками, довели купцы ихъ до самой крайности; но самъ онъ и прочіе владѣютъ землями не напрасно, владѣютъ половниками законно, и у нихъ они находятся въ благоденственномъ и выгодномъ состояніи».

Далѣе Плотниковъ наивно объясняетъ, что купцамъ не хочется терять своихъ имѣній, указываетъ въ ихъ оправданіе на всѣхъ знаменитыхъ людей древности—преторовъ, сенаторовъ и консуловъ, которые «не отвергали достающееся въ ихъ руки имѣніе», а потомъ переходитъ въ другой тонъ и увѣряетъ, что отъ половниковъ мало пользы купцамъ, что если они лишатся ихъ, то будетъ «не очень великая потеря», что самимъ половникамъ станетъ отъ этого хуже, предлагаетъ, наконецъ, чтобы государственные крестьяне выкупили эти земли у купечества. На тотъ же случай, если половники останутся во владѣніи купцовъ, Плотниковъ выставляетъ слѣдующія требованія: 1) «Чтобы безъ явныхъ доказательствъ въ неудовольствіи половники отъ владѣльцевъ или купцовъ отходить прочь не дерзали, т. е. когда послѣдуетъ имъ отъ владѣльцевъ какая обида или въ чемъ нибудь неудовольствіе, то долженъ онъ въ городѣ, въ канцеляріи или магистратѣ, или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, представить явно принужденное и притомъ худое свое состояніе, тогда воленъ онъ куда хочетъ отойти». 2) «Дозволить купцамъ половниковъ отсылать отъ себя прочь такихъ, которые не хотятъ по лѣности своей работать, которые люди испорчены во нравѣ и напослѣдокъ есть самые бездѣльники.... Исключать ихъ тогда изъ списка

владѣльческаго и приписывать къ волостямъ». 3) Черносошные крестьяне не должны имѣть никакого дѣла до половниковъ, записанныхъ за купцами, и не предъявлять никакихъ требованій на купеческія земли. Ясно, что купцы стремились совершенно лишить половниковъ права перехода, такъ какъ единственною достаточною причиною для оставленія владѣльца они признавали «явно принужденное и притомъ худое состояніе»—условіе слишкомъ неопредѣленное, которое всегда могло быть истолковано въ пользу болѣе сильной стороны,—а въ то же время для себя купцы желали имѣть право отсылать половниковъ по своему произволу безъ всякаго представленія въ канцелярію или магистратъ, какъ это они, впрочемъ, иногда дѣлали и до того.

Между тѣмъ офиціальныя лица, знакомыя съ положеніемъ половниковъ, предлагали совершенно другое: архангельскій губернаторъ Головцынъ, согласно съ желаніемъ крестьянскихъ депутатовъ, находилъ нужнымъ отобрать половниковъ отъ купцовъ и земли ихъ приписать къ волостямъ, съ тою только разницею, что онъ считалъ возможнымъ, чтобы крестьяне уплатили купцамъ небольшое вознагражденіе за эти земли. Хотя по межевой инструкціи,—писалъ онъ въ коммисію уложенія,—купцамъ своихъ земель «до будущаго впредь по снятымъ планамъ разсмотрѣнія никому продавать и закладывать не велѣно, но что съ половниками ихъ чинить, о томъ въ оной межевой инструкціи никакого закона не предписано и для того не соизволено-ль будетъ тѣхъ половниковъ, въ облегченіе ихъ отъ вышепоказаннаго отягощенія, отвесть изъ-за купцовъ и, давъ имъ по семейству надлежащія въ силу означенной межевой инструкціи изъ всѣхъ купеческихъ земель, кто гдѣ по ревизіямъ написанъ, въ деревенскихъ угодьяхъ части, сравнить съ государственными черносошными крестьяны наряду, а затѣмъ оставшія у купцовъ земли, вовсе отъ нихъ отобравъ, отдать въ государственныя черносошныя волости, положа заплатить тѣхъ волостей черносошнымъ крестьяномъ за оныя земли купцамъ умѣренную цѣну, а не по крѣпостямъ, для того, что купцы, льстя себя хорошими прибытками, выкупали у крестьянъ лучшія земли и имѣя оныя въ своемъ владѣніи довольное время, конечно, въ данныхъ за тѣ земли деньгахъ возвращеніе получили съ прибыткомъ, и впредь навсегда покупать тѣмъ купцамъ у черносошныхъ крестьянъ земли запретить».

И такъ, въ коммисіи уложенія требованія и крестьянскихъ депутатовъ и мѣстной администраціи были близки къ тому, что было уже предписано межевою инструкціей 1766 г.; слѣдовало только привести въ исполненіе узаконенныя ею правила; но этого-то и не было сдѣ-

лано. Въ 1787 г. императрица приказала генералъ-губернатору Мельгунову прислать въ сенатъ представленіе о половническихъ земляхъ и о платежѣ за нихъ податей по количеству земли, и затѣмъ сенатъ со своимъ мнѣніемъ долженъ былъ донести объ этомъ государынѣ. Когда къ исполненію этого повелѣнія приступилъ въ слѣдующемъ году новый генералъ-губернаторъ Кашкинъ, то оказалось, что купцы, мѣщане и прочіе разночинцы владѣютъ своими землями на основаніи купчихъ, закладныхъ, поступныхъ и указныхъ, данныхъ изъ присутственныхъ мѣстъ на владѣніе землями, проданными съ публичнаго торга и отданными по искамъ, именныхъ же указовъ и жалованныхъ грамотъ не оказалось ни у кого. Не смотря на то, вологодскія присутственныя мѣста опредѣлили: на основаніи указовъ 1652, 1725 и 1753 годовъ межевой инструкціи (?) утвердить земли за владѣльцами, если документы ихъ составлены по формѣ, и дозволить держать половниковъ согласно съ указомъ 1725 г.; крѣпости же, писанныя не по формѣ, уничтожить, и земли, на которыя онѣ даны, отписать въ казну, также какъ и отъ тѣхъ владѣльцевъ, кто не представитъ никакихъ документовъ. Съ такимъ мнѣніемъ вологодская палата гражданскаго суда внесла въ сенатъ на разсмотрѣніе 19 дѣлъ. Такимъ образомъ, къ концу XVIII столѣтія вопросъ о половникахъ рѣшался совершенно не такъ, какъ можно было ожидать на основаніи межевой инструкціи: вмѣсто отчисленія съ землями, на которыхъ они были поселены, къ государственнымъ волостямъ, ихъ предлагали оставить въ прежнемъ положеніи. Впрочемъ, вполнѣ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ въ мѣстной администраціи не выработалось: въ противоположность только что указанному мнѣнію палаты гражданскаго суда, директоръ экономіи Терскій и казенная палата (въ 1794—1795 г.) полагали, что всѣ земли слѣдуетъ отобрать отъ купцовъ и мѣщанъ, и передать черносошнымъ крестьянамъ, между тѣмъ генералъ-губернаторъ на это не соглашался.

Наконецъ, въ 1810 г. вопросъ о правѣ обладанія землями, на которыхъ были поселены половники, былъ рѣшенъ сенатомъ. Имѣя въ виду именной указъ 1801 г., дозволившій пріобрѣтать ненаселенныя земли всѣмъ свободнымъ людямъ; документы, представленные владѣльцами, или формальныя доказательства объ ихъ утратѣ; то, что нѣкоторые владѣли землями отъ 40 до 100 лѣтъ и болѣе и, наконецъ, именной указъ 1787 г., запрещавшій «касаться до чьей либо собственности», сенатъ рѣшилъ оставить земли за владѣльцами на прежнемъ основаніи. Рѣшеніе это было подтверждено въ 1827 г. государственнымъ совѣтомъ, при чемъ были регулированы закономъ отношенія между половниками и ихъ хозяевами. Право перехода по

окончаніи срока контракта было сохранено за половниками, но съ тѣмъ только, чтобы они за годъ предупреждали о своемъ желаніи перейти на новое мѣсто; точно также и хозяинъ долженъ былъ за годъ предупредить половника, если думалъ иначе распорядиться своею землею (заключать контракты половники могли на срокъ отъ 6-ти до 20-ти лѣтъ). Дальнѣйшая дѣятельность правительства по этому вопросу состояла въ содѣйствіи постепенному переселенію половниковъ на казенныя земли [1]).

Однако еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ были половники на земляхъ частныхъ владѣльцевъ въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Въ 1875 г. у нихъ произошло столкновеніе съ землевладѣльцемъ, окончившееся вмѣшательствомъ полиціи. Когда крестьяне, считая себя правыми, оказали сопротивленіе ея требованіямъ, въ борьбѣ приняли участіе и женщины; онѣ сорвали съ исправника погонъ, а другому должностному лицу одна женщина укусила палецъ. Вѣроятно, это волненіе и послужило поводомъ къ окончательному измѣненію быта половниковъ. Въ 1876 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія, половникамъ указано три исхода: или переселиться на казенныя земли съ полученіемъ отъ правительства пособія на постройку новыхъ жилищъ и обзаведеніе (всего до 55 р. на семью) и со льготою на 6 лѣтъ отъ податей; или войти въ соглашеніе съ землевладѣльцами о выкупѣ старыхъ земель, при чемъ правительство также обѣщало заимообразное пособіе; или остаться безземельными съ правомъ, разумѣется, арендовать земли на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, хотя бы у тѣхъ же самыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ они жили прежде.

На сколько дѣйствительною оказалась эта послѣдняя законодательная мѣра, мы видимъ изъ слѣдующей корреспонденціи изъ Сольвычегодска. «Не смотря на послѣднее правительственное распоряженіе относительно половниковъ, давшее имъ возможность селиться на казенныхъ земляхъ и, слѣдовательно, обзаводиться земельною собственностью,—половничество продолжаетъ здѣсь de facto существовать. Даже слово «половникъ» имѣетъ полнѣйшее право гражданства до сихъ поръ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, и прежнія половничьи отношенія между извѣстною частью крестьянскаго населенія и землевладѣльцами тутъ мало измѣнились. Половники не ушли на новыя земли, но остались, большею частію, на

[1]) Въ 1845 г. купцы и мѣщане получили право полной собственности на принадлежавшія имъ земли. В. С.

своихъ старыхъ насиженныхъ мѣстахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осталось и старое экономическое зло, измѣнивъ только нѣсколько свою прежнюю внѣшнюю оболочку. Кто сколько нибудь знакомъ съ тѣмъ, какъ трудно крестьянину разставаться съ своимъ роднымъ гнѣздомъ, какъ убыточно и тяжело разрушать ему это гнѣздо и создавать новое, тотъ, конечно, пойметъ, почему крестьянинъ-половникъ не бросаетъ своего стараго, хотя и не обезпечивающаго его въ земельномъ отношеніи, но всетаки роднаго и насиженнаго мѣста. Половникамъ просто невыгодно и рискованно разрушать свое убогое хозяйство на мѣстѣ для того, чтобы искать счастья вдали, на сторонѣ. Особенно рискованнымъ этотъ шагъ оказывается для крестьянина сѣверянина, для котораго культивированіе малѣйшаго клочка земли соединено съ необычайными усиліями. Къ тому же, обычныя земельныя отношенія въ предшествующій упомянутому узаконенію періодъ времени для сольвычегодскаго крестьянина сложились такъ, что прежніе половники имѣли возможность обзавестись небольшими клочками земли, культивируя ихъ гдѣ нибудь вблизи отъ своихъ мѣстожительствъ на искони существовавшемъ здѣсь правѣ «свободной заимки». Такимъ образомъ, волею-неволею, здѣшніе половники принуждены были остаться, большею частію, на своихъ старыхъ пепелищахъ. И они остались. Но измѣнились ли хоть сколько нибудь ихъ прежнія экономическія отношенія къ тѣмъ владѣльцамъ, у которыхъ они по прежнему продолжаютъ обработывать земли за извѣстное натуральное вознагражденіе? Да, измѣнились, только совсѣмъ въ противоположную сторону! А именно: половникъ получаетъ теперь за труды только треть земледѣльческихъ продуктовъ» («Русская Правда» 1878, № 76).

Такимъ образомъ половничество, уничтоженное de jure, въ дѣйствительности по прежнему существуетъ, не смотря на то пособіе, которое правительство готово оказать половникамъ при переселеніи ихъ на казенныя земли. Изъ этого видно, какъ трудно бываетъ измѣнить разъ установившіяся поземельныя отношенія. Исторія половниковъ (предки которыхъ, такъ или иначе, утратили свои поземельные участки въ казенныхъ волостяхъ) служитъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ, которые желаютъ совершеннаго уничтоженія передѣловъ земли; классъ половниковъ потому-то и образовался на сѣверѣ, что тамъ былъ иной способъ пользованія общинною землею, чѣмъ тотъ, какой уже нѣсколько столѣтій существуетъ въ центральной Россіи.

В. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

II [1]).

Прибытіе Мирославскаго.—Его дѣйствія.—Бѣгство.—Работы заграничныхъ партій.—Бѣлыя галиційскія партіи оглашаютъ диктаторомъ Лангевича.—Его дѣйствія. — Панна Пустовойтова. — Жондъ получаетъ извѣстіе о диктатурѣ Лангевича.—Письмо къ нему Бобровскаго.—Движеніе противъ Лангевича ближайшихъ къ нему отрядовъ. — Хробежъ. — Гроховиски. — Бѣгство Лангевича за границу и арестованіе его австрійцами.

Между тѣмъ какъ все разсказанное происходило, Мирославскій, принявъ въ Парижѣ отъ послѣднихъ уполномоченныхъ центральнаго комитета [2]) диктатуру, собирался ѣхать въ Царство Польское. Но тяжесть лѣтъ, та старческая «ociężałość», въ которой обвинялъ его Гуттри 20 лѣтъ тому назадъ [3]), сказывалась теперь еще болѣе. Къ ней присоединилась, кромѣ того, отвычка отъ революціонной дѣятельности, потеря той смѣлости, которая, по пословицѣ, «города беретъ». Этотъ инструментъ требуетъ, какъ и всякій другой, чтобы на немъ играли, коли хотятъ хорошо играть. Мирославскому мерещились поминутно жандармы, шпіоны; его пугалъ зачастую самый обыкновенный стукъ въ двери, звонъ сабли, гром-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179 — 246. Настоящая глава въ общемъ трудѣ Н. В. Берга составляетъ гл. XI-ю. Ред.

[2]) Даниловскій и Еска. Ихъ послали потому, что Яновскій, первый уполномоченный центральнаго комитета, отправленный раньше, переѣзжая границу, уничтожилъ со страху бывшія при немъ бумаги.

[3]) Pan Ludwik Mierosławski, Drezno, 1870, стр. 170. Н. В.

кіе голоса на улицѣ. Впрочемъ, и то сказать: Мирославскій былъ сильно-травленный волкъ, а Шекспиръ сказалъ:

He jests at scars, that never felt a wound [1].

Надо было однакоже какъ нибудь одолѣть всякіе страхи, помолодѣть на сколько возможно и тронуться въ путь.

Въ самыхъ первыхъ числахъ февраля, по н. ст., 1863 г., Мирославскій былъ перевезенъ своимъ секретаремъ Куржиной изъ Парижа въ Краковъ, обритый и причесанный на другой ладъ, чего было, въ сущности, не нужно: австрійская полиція очень хорошо знала о пребываніи Мирославскаго въ старомъ градѣ Кракуса, могла его арестовать десять разъ на день, но не дѣлала этого единственно вслѣдствіе особыхъ своихъ расчетовъ того времени [2].

Перебраться, послѣ этого, черезъ русскую границу, открытую тогда во всѣ часы дня и ночи для всякаго повстанца, Мирославскому уже ничего не значило, но онъ медлилъ, и неизвѣстно, когда бы рѣшился переступить эту страшную для него черту, если бы и тутъ не помогла ему отвага и энергія его кипучаго и нетерпѣливаго секретаря, пока еще настроеннаго такъ, какъ былъ настроенъ Ромео, перелѣзавшій черезъ заборъ въ садъ Капулетти.

Этотъ «Ромео» списался съ жондомъ: рѣшено было, что Мирославскій перейдетъ границу въ Куявахъ, 13-го февраля н. ст. Жондъ обязывался выслать къ нему на встрѣчу съ рапортомъ Авейде, и плоцкаго военнаго начальника, Падлевскаго, съ небольшимъ отрядомъ. Сверхъ того, предполагалось отправить предварительно особыхъ тѣлохранителей (straż chorągwiana или przyboczna) для облегченія перехода и заготовленія диктатору надежнаго укрытія на первыхъ порахъ въ русской Польшѣ. Они же должны были проѣхать передъ тѣмъ въ Бромбергъ и принять тамъ пересланное Мирославскимъ изъ Ліежа оружіе и направить его въ Царство.

Эти люди [3]) не нашли въ Бромбергѣ никакого оружія: оно было захвачено пруссаками. Остались невзятыми только военныя

---

[1]) «Надъ ранами смѣется только тотъ, кто никогда не чувствовалъ ихъ боли».

[2]) Краковскіе друзья автора разсказывали ему, что, когда Мирославскій ходилъ о ту пору по улицамъ Кракова и по «плантамъ» (т. е. бульварамъ вокругъ города), на него показывали пальцами.

[3]) По словамъ Гиллера, ихъ было 60 человѣкъ, подъ начальствомъ Даниловскаго, которому жондъ вручилъ на формировку и содержаніе этого отряда 35,000 злотыхъ (5,250 рублей) и бланки для генерала. «Даниловскій,—говоритъ Гиллеръ,—велъ себя при этомъ въ высшей степени неловко и безтолково» (I, 223). Н. Б.

телѣги (wozy wojenne), изобрѣтенія Мирославскаго, которыя перетаскивать черезъ границу было неудобно и не зачѣмъ: онѣ давно уже выказали всю свою непрактичность. Когда, послѣ этого, тѣлохранители стали отыскивать для диктатора надежное укрытіе въ русской Польшѣ, на нихъ налетѣлъ какой-то отрядъ, подъ мѣстечкомъ Добрынею (Dobrzyń) [1], и разсѣялъ ратниковъ.

Вслѣдствіе этого переѣздъ Мирославскаго черезъ русскую границу былъ отложенъ. Прибывшіе въ назначенный пунктъ Авейде и Падлевскій [2], не найдя тамъ Мирославскаго, отправились назадъ, одинъ—въ Варшаву, другой—въ свою главную квартиру, въ плоцкомъ воеводствѣ.

Мирославскій перебрался въ Царство 17-го февраля н. ст., гдѣ-то во Влоцлавскомъ уѣздѣ, и нашелъ на границѣ около ста варшавскихъ «академиковъ.»

Съ диктаторомъ были: секретарь его, Куржина, Саладинъ Рамловъ, Гуменцкій, Бускій, Цѣлецкій, Рацишевскій, Зейфридъ, Станиславъ Яновскій, Гарчинскій, Яцковскій, Гослиновскій и прусско-уланскій поручикъ Турно—всего 12 человѣкъ.

Чувствуя себя небезопаснымъ, Мирославскій отправилъ гонца въ ближайшій повстанскій отрядъ Меленцкаго (въ 500 человѣкъ), съ требованіемъ помощи; но Меленцкій, ничего не зная о диктатурѣ Мирославскаго и не считая себя отъ него зависящимъ, отказалъ ему. Такимъ образомъ, Мирославскій остался съ одними «академиками», банда которыхъ была черезъ два дни (19-го февраля н. ст.) атакована отрядомъ полковника Шильдеръ-Шульднера, въ 3½ роты и 60 казаковъ, съ нѣсколькими объѣздчиками, подъ м. Кршивосондзомъ, и разбита на-голову.

Нечего дѣлать, надо было смириться передъ несчастіемъ и самому искать соединенія съ партіей Меленцкаго. Мирославскій по-

---

[1]) На сѣверѣ Липновскаго уѣзда Плоцкой губерніи, у самой прусской границы.

[2]) Падлевскій былъ съ отрядомъ богатаго помѣщика Липновскаго уѣзда, Артура Суминскаго. Авейде замѣчаетъ, что его очень трудно было уговорить выѣхать на встрѣчу диктатора. Гиллеръ говоритъ, будто-бы тогда выѣзжало въ Кутно четыре члена жонда: Іосифъ Яновскій, ксендзъ Микошевскій, Иванъ Майковскій и Оскаръ Авейде, которые, узнавъ о несчастіи, постигшемъ диктатора въ Царствѣ, перебрались въ Лодзь, откуда намѣрены были отправиться къ Лангевичу. Двое изъ нихъ, Яновскій и Микошевскій, попали къ нему—въ горахъ, у Св. Креста; а Майковскій и Авейде были арестованы отрядомъ Лакинскаго, и послѣ воротились прямо въ Варшаву (I, 37, примѣчаніе). То же самое видно изъ письма кого-то изъ членовъ жонда къ Падлевскому. Н. Б.

шелъ съ остатками «академиковъ» на Радѣевъ, потомъ на Пловцы, и здѣсь соединился съ Меленцкимъ, который прикинулся заблудившимся въ лѣсу [1]).

Оба отряда условились идти въ направленіи къ м. Троячекъ. Мирославскій провелъ ночь въ Пловцахъ, у богатаго помѣщика Бесекирскаго, женатаго на его сестрѣ, которую онъ тутъ чуть-ли ни въ первый разъ видѣлъ. Потомъ, утромъ, никакъ не могъ отказать себѣ въ предложенномъ хозяевами, совсѣмъ не повстанскомъ dejeuner-dinatoir—и былъ столько легкомысленъ, что промѣнялъ на эту «чечевичную похлебку» свою военную честь: когда онъ закусывалъ, пришли сказать, что русскій отрядъ ударилъ на нихъ подлѣ озера Гопла [2]). Мирославскій отвѣчалъ самонадѣянно: «Ничего! Я сейчасъ буду и мы разобьемъ москалей на-голову!» Доѣлъ свой завтракъ и поскакалъ къ Гоплу, но было уже поздно: повстанцы бѣжали къ парому, бросая оружіе. Мирославскій опередилъ пѣхоту, сталъ на паромъ съ нѣсколькими близкими къ нему лицами и съ досады, или со страху, обрубилъ саблей канатъ.... потомъ бѣжалъ за границу [3]).

Жондъ народовый, узнавъ объ этомъ, написалъ диктатору, что «считаетъ его службу отечеству внѣ предѣловъ Царства Польскаго ничѣмъ и проситъ его возвратиться или дать знать о себѣ до 8-го марта н. ст. Въ противномъ же случаѣ разрываетъ съ нимъ всякія сношенія» [4]).

Мирославскій не обратилъ на это письмо никакого вниманія, зная очень хорошо, что дѣйствительнымъ диктаторомъ будетъ тотъ, кто захватитъ какимъ нибудь образомъ высшую власть въ арміи. Къ тому-же надобно замѣтить, что жондъ не имѣлъ въ то время большаго значенія за границей. Краковскій бѣлый комитетъ, съ Хрша-

---

[1]) Составлено по разнымъ источникамъ. Гиллеръ разсказываетъ встрѣчу Мирославскаго съ Меленцкимъ и бой подъ Кршивосондзомъ нѣсколько иначе (I, 223).

[2]) На границѣ Влоцлавскаго и Конинскаго уѣздовъ Варшавской губерніи. Часть озера Гопла входитъ въ Пруссію.

[3]) Есть свѣдѣніе, будто Мирославскій, прежде чѣмъ броситься къ парому, просилъ у Меленцкаго 60 кавалеристовъ, чтобы перебраться съ ними внутрь края, но Меленцкій не далъ. (Авейде, Янчевскій, Даниловскій и разные печатные источники).

[4]) Письмо Бобровскаго къ Падлевскому, приложеніе къ III главѣ. Также Гиллеръ, I, 224. По словамъ Авейде, Мирославскій долженъ былъ дать знать о себѣ жонду въ теченіе восьми дней (IV, 12). Тамъ же говорится, что главными противниками Мирославскаго въ жондѣ были: Бобровскій, Гиллеръ и Качковскій. Н. Б.

новскимъ во главѣ, шелъ въ свою сторону, не думая ни о Мирославскомъ, ни о жондѣ, а работая въ пользу Лангевича—съ какими именно цѣлями, въ точности неизвѣстно.... можетъ статься, это была отрасль партіи «тарговичанъ».

Львовскій комитетъ, со своимъ могущественнымъ протекторомъ, княземъ Адамомъ Сапѣгой, тоже не думалъ о жондѣ, стараясь образовать высшую власть у себя, въ Галиціи, какъ въ пунктѣ болѣе безопасномъ, гдѣ руки главнаго правителя, президента, диктатора (которымъ могъ быть, пожалуй, Сапѣга) значительно развязаны; откуда удобнѣе сноситься съ арміей, чѣмъ изъ Варшавы, а потому сказанный комитетъ сильно интриговалъ противъ жонда, всячески стараясь парализовать всѣ важнѣйшія его распоряженія.

Когда стало извѣстно, что жондъ, изъ всѣхъ лицъ, служившихъ возстанію, намѣтилъ Мирославскаго, какъ будущаго руководителя всѣми движеніями въ краѣ, львовскій комитетъ, или точнѣе сказать, Сапѣга, бросился помогать «генералу» Езеранскому и этотъ послѣдній быстро выдвинулся и образовалъ большую банду [1]).

Бѣлая и красная партіи Познани, съ графомъ Дзялынскимъ во главѣ, представляли собою революціонный кружокъ, державшійся пока нейтрально и выжидавшій лучшаго выясненія ситуаціи возстанія, чтобы туда или сюда примкнуть со своими силами. Для этого кружка Езеранскій, Лангевичъ—были одно и то же, лишь бы только, опять-таки, не Мирославскій. И здѣсь жондъ не пользовался симпатіями, потому что стоялъ за Мирославскаго.

Послѣ паденія неоглашенной, но почти вездѣ, въ высшихъ революціонныхъ сферахъ трехъ захватовъ, извѣстной диктатуры, когда жондъ послалъ Мирославскому родъ отставки (что также было извѣстно, ибо Мирославскій самъ трубилъ объ этомъ)—отношенія упомянутыхъ бѣлыхъ заграничныхъ партій къ жонду немного измѣнились. Не то, чтобы онѣ стали смотрѣть на него, какъ на дѣйствительно-высшую власть края; не то, чтобы готовились изъявить ему

---

[1]) Вотъ какъ обрисовываетъ Сапѣгу Гиллеръ: «всемогущій въ восточной Галиціи, князь Адамъ Сапѣга... главная опора ея въ интригахъ противъ жонда... человѣкъ ловкій, сметливый, прозорливый, быстро рѣшавшій всякія задачи, твердый характеромъ, неутомимый и вмѣстѣ неразборчивый на средства... онъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ галиційской шляхты, которая смотрѣла на него, какъ на своего оракула.... безъ его вѣдома немного можно было сдѣлать въ восточной Галиціи.... онъ могъ не пропустить ни одного транспорта съ оружіемъ въ люблинское воеводство или на Русь; онъ могъ, когда хотѣлъ, помѣшать формированію любаго отряда во всѣхъ пунктахъ восточной Галиціи» (I, 303, II, 4—5). Н. Б.

покорность—нисколько! Но имъ было, просто-за-просто, пріятно услышать, что и жондъ пошелъ противъ Мирославскаго, противъ этой язвы и заразы, способной все разрушить и увлечь поляковъ въ пропасть.

Такъ смотрѣли на положеніе повстанскихъ дѣлъ бѣлые. Однако, явныхъ, выражаемыхъ вслухъ сопротивленій жонду въ этихъ партіяхъ не было.

Красныя же партіи обѣихъ Галицій, какъ были до этой минуты, такъ и остались непримиримыми врагами жонда, признавая его черезчуръ бѣлымъ и недостаточно бдительнымъ. Особенно враждебно относилась къ нему красная партія западной Галиціи, иначе сказать—Naczelna Rada Galicyjska, считавшая своимъ главою Альфреда Щепанскаго. Она чувствовала приближающееся coup d'etat того или другаго свойства и старалась всемѣрно посадить какъ можно скорѣе диктаторомъ Мирославскаго, вовсе не потому, чтобы находила его отвѣчающимъ этому званію, а потому, что видѣла въ этомъ единственное спасеніе всего краснаго, всего революціоннаго, иначе сказать: всего возстанія—что видѣли въ этой комбинаціи красные и русской Польши.

Другаго диктатора у красныхъ въ виду не имѣлось. Искать было некогда и негдѣ. Время было очень дорого. Нужно было считать каждую минуту, ибо выигрышъ той или другой партіи—реакціи или возстанія, бѣлыхъ или красныхъ—зависѣлъ единственно оттого, кто первый взорветъ въ сторону врага камуфлетъ [1]).

Поэтому красные галиціане, почуявъ грозу, бросились въ лагерь Лангевича и заложили тамъ свою мину до такой степени ловко и быстро, что если бы Мирославскій прибылъ къ нимъ тогда-же,—его дѣло, дѣло красныхъ революціонеровъ, было бы неизбѣжно выиграно и Лангевичу нечего было бы потомъ и мечтать о диктатурѣ. Но та бѣда, что Мирославскій не могъ сейчасъ пріѣхать въ лагерь: онъ былъ болѣнъ, нравственно и физически; опустился, упалъ духомъ, а тутъ опять и старческая «ociężałość».

Сторонники Лангевича, бѣлые галиціане, тоже не дремали.

Между ними случился на ту пору очень бойкій малый, можно сказать—отважный и безцеремонный нахалъ, графъ Адамъ Грабовскій, камергеръ прусскаго двора, женатый на княгинѣ Любомірской, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ кое-какія связи и знакомства въ высшемъ кругу всѣхъ захватовъ. Это обстоятельство давало ему

---

[1]) Камуфлетомъ называется взрывъ въ сторону непріятеля, когда двѣ мины встрѣчаются другъ съ другомъ. Н. Б.

нѣкоторый вѣсъ въ обществѣ повстанскихъ пролетаріевъ, гдѣ было у каждаго довольно плебейской гордости и заносчивости, но слово: графъ, князь, шамбелянъ—производило всетаки свое дѣйствіе. Что дѣлать: такъ устроенъ свѣтъ; не одни сапожники любятъ присягать передъ графами Воловскими! [1]).

Незадолго передъ тѣмъ временемъ, которое мы описываемъ, Грабовскій искалъ себѣ дѣятельности въ русской Польшѣ, куда, если вѣрить Гиллеру, бѣжалъ изъ Познанскаго княжества отъ долговъ [2]). Онъ старался сблизиться въ Варшавѣ съ разными партіями, но не успѣлъ въ этомъ; ни бѣлые, ни красные варшавяне не открыли ему достаточно-широко своихъ объятій. Онъ сошелся только, черезъ аристократическую партію, съ Леономъ Круликовскимъ (который завѣдывалъ тогда пароходствомъ Замойскаго и былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ Бобровскаго по управленію городомъ), потомъ—съ его родственникомъ, Здзиславомъ Янчевскимъ [3]), и еще кое съ кѣмъ изъ имѣвшихъ косвенныя сношенія съ жондомъ. Этимъ все и кончилось.

Скучая бездѣйствіемъ и не находя себѣ виднаго мѣста въ революціонной организаціи Царства Польскаго, Грабовскій объявилъ знакомымъ ему варшавянамъ, что «ѣдетъ биться съ москалями въ отрядъ Лангевича, либо Высоцкаго,—кого именно, рѣшитъ въ Краковѣ». Было ли это такъ на самомъ дѣлѣ, Богъ вѣдаетъ. Можетъ статься, Грабовскаго посылали своимъ агентомъ въ Галицію «тарговичане»: посмотрѣть на ходъ тамошнихъ дѣлъ и дѣйствовать какъ признаетъ за лучшее.

Круликовскій, имѣя надобность послать тогда Высоцкому 1,000 рублей, выхлопоталъ у жонда для отъѣзжающаго Грабовскаго родъ паспорта (karteczkę legitymacyjną), съ тѣмъ, чтобы онъ могъ легче найти въ Краковѣ сказанное лицо.

Грабовскій прибылъ въ Краковъ именно въ то время, когда извѣстная часть красныхъ галиціанъ перебралась въ лагерь Лангевича и готовилась задать бѣлымъ камуфлетъ. Грабовскій ту же минуту сталъ въ ряды послѣднихъ, и началъ работать съ такою энергіей, что въ немъ можно было подозрѣвать чьего либо эмиссара. Для бо́льшей вѣрности дѣйствій, онъ, со свойственнымъ ему нахальствомъ, назвался уполномоченнымъ коммисаромъ народнаго правительства и

---

[1]) Глава VIII, «Русскій Архивъ» изд. 1873, стр. 127.

[2]) I, 280.

[3]) Онъ далъ Янчевскому денегъ на типографію, чтобы сблизиться съ красными, но ничего изъ этого не вышло. Н. Б.

увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что ему извѣстны всѣ тайны, желанія и помышленія послѣдняго. Никто изъ бѣлыхъ галиціанъ, среди которыхъ онъ вращался въ Краковѣ, какъ бы ихъ соратникъ, не вѣрилъ въ его уполномочіе, но такъ какъ во время жаркихъ политическихъ битвъ и распрей не принято допытываться во всѣхъ подробностяхъ, кто ты именно, какой въ сущности масти, лишь бы ты стоялъ за насъ и былъ ретивъ,—то не потребовали никакихъ точныхъ доказательствъ на сказанное званіе и у Грабовскаго. Галиційскіе пріятели его, смѣло и спокойно протягивавшіе ему руку, какъ новому товарищу, чувствовали инстинктивно, что онъ—во всякомъ случаѣ не Мирославчикъ, идетъ съ ними по одной дорогѣ и годится для боя. Къ тому же, въ Грабовскомъ было что-то притягивающее, что-то imposant. Физіономія его была рѣшительно въ его пользу: онъ былъ прямо хорошъ собой, эффектенъ, имѣлъ элегантныя манеры высшаго круга. Случилось очень скоро, что бѣлыя галиційскія группы собрались около него, какъ бы около своего начальника, и ждали, что онъ скажетъ. Какъ представитель жонда, Грабовскій выписалъ изъ Познани на «генеральный совѣтъ» въ Краковъ главу особаго бѣлаго кружка, стоявшаго въ сторонѣ отъ Дзялынскаго [1]), а изъ Львова — князя Адама Сапѣгу, и когда они прибыли, собралъ краковскій комитетъ въ полномъ его составѣ, и объявилъ собравшимся, что «волею народнаго правительства есть, чтобы военный начальникъ краковскаго и сандомірскаго воеводствъ, генералъ Маріанъ Лангевичъ, огласилъ себя диктаторомъ, въ предупрежденіе всякихъ интригъ со стороны Мирославскаго, съ которымъ народное правительство, вслѣдствіе его неумѣнья вести себя надлежащимъ образомъ въ конгрессувкѣ и позорнаго бѣгства съ поля битвы за границу,—не хочетъ имѣть никакихъ сношеній». Въ заключеніе своей рѣчи, Грабовскій просилъ каждаго изъ присутствующихъ высказать откровенно свое, по этому поводу, мнѣніе.

Можно было предвидѣть отвѣтъ на этотъ вопросъ заранѣе: раздраженіе противъ Мирославскаго въ бѣломъ лагерѣ всѣхъ захватовъ было такъ велико, что никто не могъ безъ ужаса вообразить себѣ появленія его, съ разными Куржинами, во главѣ возстанія; между тѣмъ, это могло случиться всякую минуту. Объ усиленныхъ работахъ красной галиційской партіи въ его пользу всѣ знали; а потому, терять время на излишнія пренія объ этомъ предметѣ было странно.

---

[1]) Кажется, Лончинскаго. Гиллеръ, разсказывая объ этомъ, ставитъ букву Ł. Уполномоченный въ прусскомъ захватѣ отъ жонда былъ D-r Ксаверій-Юліанъ Лукашевскій. Н. Б.

Слѣдовало поскорѣе на чемъ нибудь остановиться, лишь бы не допустить Мирославскаго до диктатуры. Диктаторъ Лангевичъ, конечно, не представлялъ надежныхъ данныхъ, но онъ представлялъ возможность комбинаціи, при которой Мирославскій устранялся отъ дѣлъ возстанія навсегда. Это поняли мгновенно всѣ присутствующіе на краковскомъ «генеральномъ совѣтѣ» — и представитель познанскаго комитета первый подалъ голосъ, что «онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ оглашенія Лангевича диктаторомъ». Князь Сапѣга проговорилъ то же самое. Представители «краковскаго комитета» изъявили единогласно свое согласіе и одобреніе.

Тогда Грабовскій, съ Владиславомъ Семинскимъ и Іосифомъ Колачковскимъ, отправились въ лагерь Лангевича подъ Гощей и тамъ собрали новый совѣтъ, изъ генераловъ Езеранскаго и Валигурскаго[1]), коммисара краковскаго воеводства Войтѣха Бѣхонскаго, бывшаго члена центральнаго комитета, а теперь начальника штаба Лангевича, Ѳомы Винницкаго, члена краковскаго комитета Леона Хршановскаго, помѣщика Владислава Бентковскаго и самого Лангевича.

Послѣ краткой рѣчи, построенной болѣе или менѣе на тѣхъ же мотивахъ, какъ и рѣчь, произнесенная въ Краковѣ, Грабовскій, продолжая играть роль уполномоченнаго коммисара жонда, предложилъ отъ его имени Лангевичу диктатуру и спросилъ присутствующихъ «что они объ этомъ думаютъ?»

Бомба упала съ неба вдругъ. Никто изъ «лагерныхъ» не слыхалъ даже ея предварительнаго свиста. Что до «нелагерныхъ», прибывшихъ изъ Кракова, — они представляли уже подтасованную колоду. Долго думать, соображать разныя подробности, совѣщаться—было неудобно, некогда, а потому совѣтъ оказался, очень просто, на сторонѣ избираемаго, который къ тому же былъ на-лицо, тутъ же. Подать другое мнѣніе, противъ Лангевича—при самомъ Лангевичѣ, было неловко. Бѣхонскій и Винницкій (наиболѣе имѣвшіе возможность знать о правахъ Грабовскаго на званіе уполномоченнаго коммисара жонда) промолчали—и сочтены также согласившимися[2]). Припомнимъ, что послѣдній, Винницкій, былъ начальникомъ штаба у Лангевича, такъ сказать, его подчиненный.

Что касается самого Лангевича — предложеніе диктатуры не за-

---

[1]) Неизвѣстно, когда и кѣмъ произведены въ генералы, но такъ ихъ всѣ звали. — Валигурскій былъ полковникъ шведской арміи и съ этимъ чиномъ прибылъ въ 1861 году въ Генуэзскую школу.

[2]) Гиллеръ, I, 107, 108, 279—281. Н. В.

стало его врасплохъ: Яго-Езеранскій довольно давно проговаривался, что «положеніе дѣлъ возстанія требуетъ неизбѣжно, чтобы во главѣ всего сталъ какой нибудь военный вождь; что зависимость повстанскихъ отрядовъ отъ какихъ-то варшавскихъ щелкоперовъ (gryzipiórków), величающихъ себя народнымъ правительствомъ, теперь неумѣстна: мало-ли что они пишутъ, эти гимназисты, ничего не смыслящіе въ военномъ дѣлѣ—и всего этого слушать!... Кто бы ни очутился во главѣ всего: Лангевичъ, даже хоть бы Мирославскій, вообще кто нибудь изъ военныхъ—онъ менѣе испортитъ дѣло, нежели статскій жондъ изъ мальчиковъ, неизвѣстно кѣмъ выбранный, не имѣющій правильныхъ сообщеній съ самымъ жизненнымъ, существеннымъ центромъ возстанія—съ арміей, жондъ, покрытый тайной, существующій и какъ бы несуществующій!»

Такія рѣчи говорились въ лагерѣ Лангевича на разные тоны нерѣдко. Ядовитыя слова: «хоть-бы Мирославскій!» бросали краковскаго и сандомірскаго воеводу въ жаръ и въ холодъ.... Когда послѣдовало предложеніе диктатуры, Лангевичъ невольно подумалъ: «Не я—такъ онъ! Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!» (Мирославскаго ждали тогда въ лагерѣ съ минуты на минуту). Въ то же самое время внутреннее убѣжденіе говорило Лангевичу, человѣку вообще простому и честному, что онъ дѣйствительно нѣчто сдѣлалъ для возстанія: его имя звучитъ какъ-то громче другихъ въ арміи и въ Варшавѣ. Онъ, положительно, популярнѣе и.... кажется, любимѣе всѣхъ вождей возстанія... Случилось, какъ нарочно, что за день—за два до описываемаго событія, пришло изъ Варшавы къ Лангевичу «благодарственное письмо отъ полекъ» (Słowo dziękczynne Polek do jenerała Langiewicza), гдѣ онѣ обращаются къ нему какъ къ главному вождю польскихъ дружинъ и возлагаютъ на него всѣ свои надежды.

[Переводъ съ польскаго]: «Да будетъ Господь Богъ съ тобою, генералъ! Всѣ польскія женщины и маленькія дѣти невинными устами молятъ Господа силъ, въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ, чтобы Онъ хранилъ тебя на полѣ брани, чтобы ниспосылалъ тебѣ мудрыя и благія мысли и чтобы мы тебя увидѣли въ скоромъ времени побѣдителемъ въ стѣнахъ Варшавы.

«Да будетъ Господь Богъ съ тобою, генералъ! Благословеніе матерей и дѣтей польскихъ съ тобою!

«Въ день св. Казиміра [1]), патрона Польши, въ Варшавѣ, 1863 года».

Въ концѣ концовъ, можно замѣтить, что есть званія, отъ которыхъ отказываться очень трудно. Къ такимъ званіямъ принадлежитъ

---

[1]) 4-го марта н. ст. Н. Б.

и диктаторское: оно рисуется въ воображеніи всякаго повстанца, особенно поляка, съ самой первой минуты вступленія его на революціонный путь; каждому хочется поносить его хотя нѣсколько мгновеній, записать это въ книгу своей жизни—и вѣчно отдѣляться потомъ, въ кружкахъ отставныхъ революціонеровъ, отъ прочихъ «генераловъ».... Диктаторъ въ отставкѣ—вѣдь это почти то же, что отставной король! Диктаторы, съ достоинствомъ и характеромъ, никому не дѣлаютъ визитовъ.... Весьма немного побесѣдовавъ съ своею совѣстью, Лангевичъ сказалъ, что «онъ считаетъ за особенную честь предложеніе жонда и соглашается на принятіе диктатуры».

Говорили послѣ, будто бы Лангевичъ, прежде чѣмъ произнести послѣднее слово, наивно спросилъ у Грабовскаго: «какое онъ имѣетъ доказательство тому, что онъ—уполномоченный жонда?»

Грабовскій показалъ свой паспортъ—Лангевичъ удовлетворился.

Это было 9-го марта н. ст. 1863 года.

Штабъ воеводы сдѣлалъ необходимыя приготовленія къ оглашенію диктатуры на другой же день, 10-го марта н. ст.

Съ ранняго утра, на одной равнинѣ подъ Гощей, были выстроены всѣ войска Лангевича [1]). Воевода объѣхалъ ихъ, вмѣстѣ со свитой, въ одиннадцатомъ часу дня, и затѣмъ генералъ Езеранскій, собравъ всѣхъ офицеровъ, объявилъ имъ, что «военный начальникъ краковскаго и сандомірскаго воеводствъ, генералъ Маріанъ Лангевичъ, по соглашенію съ жондомъ народовымъ, возводится въ диктаторское достоинство».

---

[1]) Очевидецъ описываетъ составъ этого войска такъ: «Объ организаціи всего нашего корпуса подъ Гощей не имѣю никакой охоты разсказывать подробно, ибо пришлось бы толковать о каждомъ родѣ оружія, о каждомъ полку и баталіонѣ, такъ какъ каждая часть устраивалась по-своему, по-своему велась въ каждой части команда и вся администрація....

«Корпусъ состоялъ изъ двухъ полковъ пѣхоты; каждый полкъ изъ трехъ баталіоновъ, а баталіонъ—изо 100—120 стрѣлковъ и 130—140 косинеровъ. Такимъ образомъ, всей линейной пѣхоты, съ офицерами, было, maximum, 1,600 челов.

Полкъ зуавовъ имѣлъ	300—350	»
Два полка кавалеріи (росписанія чиновъ которой никто хорошо не зналъ) имѣли	400	коней
Саперовъ было до	100	челов.
На 92-хъ телѣгахъ помѣщалось всякаго невооруженнаго народу, магазинеровъ, кузнецовъ и т. п., считая по 5-ти человѣкъ на телѣгу	460	челов.
Штабъ съ гевальтигерами и адъютантами . . .	150	»
Итого	3,060	челов.

(№ 107 Dzien. Powszechny 1865, стр. 1056. Тамъ же подробности о жизни Лангевича подъ Гощей). Н. Б.

Послѣ этого былъ прочтенъ войскамъ «манифестъ диктатора къ народу», отпечатанный весьма изящно на бѣломъ веленевомъ листѣ [1]).

Вотъ этотъ манифестъ, въ переводѣ съ польскаго:

«Соотчичи! Подъ напоромъ насилія и угнетеній московскаго правительства, пламенные сыны Польши начали, во имя Божіе, борьбу съ исконнымъ врагомъ свободы и просвѣщенія, съ наѣздомъ московскимъ, попирающимъ нашъ народъ,—начали для того, чтобы завоевать краю свободу и независимость.

«Не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, среди которыхъ врагъ нашъ черезчуръ крутыми мѣрами вызвалъ вооруженное возстаніе, борьба, начатая съ голыми руками противъ огромной московской арміи, не только тянется около двухъ мѣсяцевъ сряду, на значительномъ пространствѣ нашего края, но и возрастаетъ и развивается больше и больше, благодаря энергіи и самоотверженію, какими проникнутъ весь народъ, рѣшившійся освободиться или погибнуть. Польская кровь льется потоками на поляхъ многочисленныхъ битвъ, льется по улицамъ городовъ и селъ нашихъ, которые азіатскій наѣздникъ обращаетъ въ прахъ, избивая безоружныхъ жителей и отдавая остатки ихъ имущества разъяренному солдатству.

«Передъ лицомъ этой отчаянной борьбы, этой рѣзни, пожаровъ и хищничества, которыми врагъ нашъ знаменуетъ свои походы, съ болью въ сердцѣ видитъ Польша, рядомъ съ величайшимъ самоотверженіемъ и увлеченіемъ многихъ тысячъ сыновъ своихъ, недостатокъ явнаго, сцентрализованнаго управленія, которое не дозволяло бы гибнуть понапрасну проявившимся уже силамъ, а дремлющія могло разбудить. Положеніе вещей и самый способъ войны привели къ тому, что, кромѣ повстанскаго лагеря, нѣтъ мѣста на всей землѣ нашей, гдѣ бы такое явное, сцентрализованное управленіе могло установиться. Вотъ почему тайное временное правительство, образовавшееся изъ бывшаго центральнаго комитета, не стало явнымъ передъ народомъ и свѣтомъ.

«Хотя, безъ сомнѣнія, скрываются въ народѣ мужи, несравненно выше меня способностями и заслугами, хотя я вполнѣ чувствую величость долга и отвѣтственности, соединенныхъ съ высшею народною властію, посреди столь труднаго положенія дѣлъ, тѣмъ не менѣе, подъ напоромъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя вопіютъ громкимъ голосомъ, требуя, чтобы въ минуты смертной борьбы съ многочисленными войсками наѣздника, управляемыми волею одного человѣка, окрѣпли и умножились силы и доблести народа посредствомъ соединенія въ одной рукѣ власти военной и гражданской,—я, по соглашенію съ временнымъ тайнымъ народнымъ правительствомъ, принимаю нынѣ высшую диктаторскую власть, которую обязуюсь, по сверженіи московскаго ига, сложить въ руки народа, въ лицѣ его представителей.

«Оставляя себѣ непосредственное управленіе военными дѣйствіями, равно и право назначать высшихъ военныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, считаю нужнымъ ввѣрить гражданскія дѣла возстанія, а также устройство освобожденной части края, особому гражданскому правительству, дѣйствующему по моему утвержденію и подъ моимъ верховнымъ контролемъ. Аттрибуты и организація таковаго правительства будутъ опредѣлены и урегулированы отдѣльнымъ постановленіемъ.

---

[1]) Авторами этого «манифеста» считаютъ графа Адама Грабовскаго и Леона Хршановскаго. Н. Б.

«Не предпринимая въ началѣ моего диктаторскаго управленія ничего новаго, но только продолжая дѣло временнаго народнаго правительства, подтверждаю во всей силѣ и вновь оглашаю основанія онаго, въ отзывѣ отъ 22-го января сего года опубликованныя, во имя которыхъ воздвигнута хоругвь борьбы народной за свободу и независимость нашей отчизны, а именно: за гражданскую свободу и равенство всѣхъ сыновъ Польши, безъ различія вѣроисповѣданія, сословій и происхожденія, равно за безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею, которою они владѣютъ на правахъ чинша или барщины, съ вознагражденіемъ при этомъ помѣщиковъ, долженствующихъ понесть убытки, изъ общихъ доходовъ государства.

«А теперь, народы (ludy) Короны, Литвы и Руси, въ одинъ польскій народъ соединенные, взываю къ вамъ разъ еще во имя Божіе: встаньте немедленно всѣ какъ есть противъ наѣзда и варварства Москвы! Слитіе во едино всѣхъ сыновъ Польши, безъ различія сословій и исповѣданія, искренняя связь всѣхъ усилій и самоотверженіе и единство стремленій, одушевитъ и увеличитъ въ страшныхъ для врага размѣрахъ разрозненныя силы наши, и завоюетъ независимость отчизны, свободу и счастіе будущихъ поколѣній, а также и высокую, безсмертную память тѣхъ, кто ляжетъ костьми въ этомъ священномъ побоищѣ.

«Къ оружію, братья, къ оружію! за свободу и независимость отчизны! Генералъ Маріанъ Лангевичъ, диктаторъ.

«Главная квартира. Гоща, 10-го марта 1863 года».

По прочтеніи манифеста, войска прокричали: «да здравствуетъ диктаторъ!» Лангевичъ отвѣчалъ: «да здравствуетъ Польша!»

Такъ какъ заведено съ давнихъ поръ, что получающіе высокую власть «карать и миловать»,—монархи, диктаторы, президенты республикъ,—всегда, въ первыя минуты своего царствованія, осыпаютъ край и отдѣльныя личности разными милостями, такъ и тутъ, въ небольшой монархіи диктатора подъ Гощей, придуманъ былъ тоже подобный эффектъ: диктаторъ, якобы по предстательству генераловъ Езеранскаго и Валигурскаго, помиловалъ восемь «политическихъ преступниковъ», осужденныхъ на смерть. Помилованные присягнули въ вѣрности народнымъ властямъ, а ксендзъ Павелъ Каминскій [1]) сказалъ имъ поучительное слово.

Больше ничего подъ Гощей не было. Религіозный обрядъ по случаю возведенія Лангевича въ диктаторы совершился двумя днями позже, 12-го марта н. ст., въ деревнѣ Сосновкѣ ($^3/_4$ мили отъ Мѣхова).

---

[1]) Варшавскій ксендзъ-миссіонеръ Св. Креста, арестованный при намѣстникѣ Сухозанетѣ, въ 1861 г., за проповѣдь, сказанную имъ въ день «Сошествія Св. Духа», и отправленный въ Новогеоргіевскую крѣпость; но онъ бѣжалъ съ дороги и очутился вскорѣ въ Парижѣ. Въ 1866 году онъ издалъ въ Парижѣ брошюру: Głos wymuszony na księdzu Pawle Kamińskim. Paryż, drukarnia pp. Renou i Moulde, 1866 г. Н. Б.

Въ третьемъ часу по полудни, всѣ силы диктатора стали большимъ четырехъугольникомъ вокругъ незначительной насыпи, на которой былъ воздвигнутъ походный алтарь, съ образомъ Божіей Матери и двумя горящими свѣчами. Лангевичъ взошелъ къ алтарю на холмъ, гдѣ послѣ молебствія, совершеннаго капелланомъ Каминскимъ, и краткой рѣчи, сказанной имъ же, поднялъ руку вверхъ и произнесъ присягу въ вѣрности народу, а войска и офицеры присягнули диктатору [1]). Это были, такъ-ли, не такъ-ли—лучшія минуты изъ жизни Лангевича, это было самое яркое, самое веселое, можно сказать—самое поэтическое время возстанія. На голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, окружавшихъ лагерь диктатора подъ Сосновкой, сидѣли соловьи и пѣли: Boże coś Polskę. Звонкій голосъ панны Пустовойтовой, пуще всѣхъ соловьевъ, восторженно и громко разливался въ неприветной, занесенной снѣгами пущѣ.

Надо-жъ когда нибудь узнать читателямъ, что это за панна Пустовойтова, откуда она взялась и какъ попала изъ русскихъ генеральскихъ салоновъ въ польскій повстанскій лагерь. Разскажемъ это теперь, въ минуты затишья, какимъ пользовались войска диктатора, оставляемыя въ покоѣ нѣсколько дней сряду, пока Лангевичъ и его штабъ кутятъ и веселятся, предаваясь всякимъ радужнымъ надеждамъ и мечтаніямъ.

Вскорѣ послѣ революціи 1831 года, маіоръ Копорскаго (по инымъ, Иркутскаго) пѣхотнаго полка, стоявшаго на Волыни, около Житоміра, Теофилъ Пустовойтовъ влюбился въ одну бойкую и красивую польку, изъ фамиліи Коссаковскихъ, женился на ней и купилъ на ея имя хорошее имѣніе подъ самымъ Житоміромъ, Вершховиски. Здѣсь, въ 1838 году 14-го (26-го) іюля, родилась у Пустовойтовыхъ дочь Анна и окрещена въ православную вѣру [2]). Послѣ домашняго, довольно солиднаго воспитанія, дѣвочку отдали въ Александрійскій Пулавскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ на 300 полекъ приходилось едва-ли полсотни русскихъ, притомъ бо́льшею частію такихъ, какъ Пустовойтова, т. е. говорившихъ по поль-

---

[1]) Взято изъ корреспонденцій, писанныхъ въ краковскую газету «Часъ» (Czas) изъ-подъ Гощи и Сосновки. Въ иллюстраціи Postęp 1863 г., стр. 79, есть изображеніе «присяги Лангевича», какъ диктатора, со шкица Гадомскаго. Тамъ, сзади алтаря, сдѣлана занавѣсь, утвержденная на двухъ деревьяхъ.

[2]) Это было необходимо послѣ закона 1836 года, коимъ повелѣвалось всѣхъ дѣтей смѣшанныхъ супружествъ (поляковъ и русскихъ, а также и другихъ націй въ соединеніи съ русскою) крестить въ православную вѣру. Кромѣ того, у Пустовойтовыхъ были еще сынъ и дочь. Н. В.

ски лучше, нежели по русски, и опредѣленно не знавшихъ, какой онѣ вѣры. Всѣ предметы въ институтѣ преподавались тогда по польски. Былъ преподаватель и для русскаго языка, читавшій свои лекціи только разъ въ недѣлю и притомъ кое-какъ, потому что его совсѣмъ не слушали. Равно, въ числѣ 12-ти классныхъ дамъ для разговора на разныхъ языкахъ, была одна русская, которой приходилось дежурить три раза въ недѣлю. Два дни изъ этихъ трехъ она говорила съ дѣвицами по французски, а третій по русски. Стало быть, практики въ русскомъ языкѣ воспитанницы имѣли всего-навсе одинъ день въ недѣлю. Кромѣ того, надо замѣтить, что классныя дамы размѣщались «по двѣ на классъ», которыхъ было шесть. Русская классная дама была только въ трехъ первыхъ. Старшіе три класса ея уже не имѣли. Изъ всего этого можно легко сообразить, какъ много практиковались пулавскія институтки въ русскомъ языкѣ, къ тому же не особенно любимомъ, даже просто ненавистномъ для массы. Отличаться въ этомъ языкѣ значило заслужить всеобщее нерасположеніе. Такихъ прозывали обыкновенно: «русскій духъ». Что касается религіи и ея обрядовъ—это было у большинства русскихъ воспитанницъ института въ полнѣйшемъ пренебреженіи, представлялось чѣмъ-то неяснымъ, ненужнымъ. Дѣвочка Пустовойтова ходила иногда, по приказанію отца, съ какою-то русскою дамой въ церковь, но молилась тамъ кое-какъ, скучала и говорила, что «не понимаетъ, за что ее мучаютъ» [1]).

По окончаніи курса наукъ въ Пулавскомъ институтѣ, во второй половинѣ 50-хъ годовъ, Анна Теофиловна предалась удовольствіямъ свѣтской жизни. Житомірскій ихъ домъ былъ мѣстомъ сборища всякой молодежи, русской и польской. Анна Теофиловна, сверхъ пріятнаго, выразительнаго лица, огненныхъ карихъ глазъ, чудесныхъ каштановыхъ волосъ, обладала прекраснымъ голосомъ, хорошо пѣла и играла на фортепьянахъ. Множество юношей было отъ нея безъ ума. Одинъ русскій офицеръ (занимающій теперь довольно видное мѣсто въ нашей арміи) искалъ ея руки и дѣло, можетъ быть, кончилось бы совершенно благополучно, еслибъ только бурные, манифестаціонные годы, 1860 и 1861, не унесли пылкую авантюристку въ Люблинъ, въ домъ ея бабушки, отчаянной польской патріотки, извѣстной между прочимъ кое-какими скандалами, доходившими одно время до того, что порядочные люди перестали къ ней ѣздить. Въ Люблинѣ жила тогда очень умная и разбитная полька, Плющинская,

---

[1]) Изъ разсказовъ разныхъ жителей Люблина, въ томъ числѣ отъ воспитанницъ Пулавскаго института, подругъ Пустовойтовой. Н. В.

жена чиновника губернскаго правленія, которая играла политическую роль: пріобрѣтала готовившемуся возстанію дѣятелей обоего пола. Пустовойтова скоро попала въ ея кружокъ. Ее стали видать въ польскихъ костелахъ распѣвающею запрещенные гимны, и въ разныхъ религіозныхъ процессіяхъ, гдѣ она одѣвалась сельскою дѣвицей, съ лежащими на спинѣ косами, въ которыя были вплетены трехцвѣтныя ленты.

Начальникъ люблинскаго военнаго отдѣла, генералъ Хрущовъ (котораго мы уже видѣли въ Городельской манифестаціи [1]), сдѣлалъ Пустовойтовой домашнее замѣчаніе, что «ей, какъ дочери русскаго генерала [2]), неприлично принимать участіе въ польскихъ демонстраціяхъ». Но это замѣчаніе и нѣсколько другихъ въ томъ же родѣ, не послужили ни къ чему.

25-го іюля стар. ст. 1861 г., Пустовойтову замѣтили въ процессіи, которая сопровождала статую какого-то святаго изъ Люблина въ селеніе Габровъ. А 31-го іюля стар. ст. того же года, въ день соединенія Литвы съ Польшей, когда по всему краю праздновалась годовщина этого событія, Пустовойтова была въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя намѣревались устроить манифестацію около памятника, поставленнаго въ Люблинѣ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ и возобновленнаго императоромъ Александромъ I [3]). Манифестація эта не удалась въ томъ видѣ, какъ ее хотѣли устроить агитаторы. Генералъ Хрущовъ, со штабомъ и нѣсколькими полиціантами, сталъ у памятника, а потому гуляющіе ограничились бросаніемъ къ его подножію цвѣтовъ и вѣнковъ. Бросала и Пустовойтова, одѣтая польскою крестьянкой. Гулянье длилось до 11-ти часовъ ночи. Въ окнахъ многихъ домовъ, не смотря на замѣчанія полиціи, горѣли свѣчи, а у судебнаго апликанта Мулицкаго явился даже транспарантъ, съ изображеніемъ люблинскаго памятника между портретами Собѣсскаго и Костюшки.

Обо всемъ этомъ начальникъ люблинскаго военнаго отдѣла далъ

---

[1]) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 352—357.

[2]) Отецъ Пустовойтовой умеръ еще до возстанія, въ чинѣ генералъ-маіора, проведя послѣдніе годы своей жизни, какъ кажется, въ Петербургѣ, въ разлукѣ съ семействомъ.

[3]) Памятникъ, въ видѣ обелиска, темнаго цвѣта, стоитъ въ Люблинѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, противъ дома губернатора. Съ одной стороны памятника, на улицу, представленъ барельефъ, изображающій двухъ женщинъ, которыя подаютъ другъ другу руку. Между ними гербъ Литвы и Польши. Съ противоположной стороны, къ дому губернатора, надпись: Połączenie Litwy z Koroną. Съ одной изъ боковыхъ сторонъ: Epoka pomnika roku MDLXIX. Съ другой: Odnowiony roku MDCCCXXV. Н. Б.

знать въ Варшаву. Послѣдовали разныя распоряженія, а Пустовойтову исправляющій должность намѣстника, предписаніемъ отъ 10-го (22-го) августа 1861 г., за № 1163, приказалъ отправить съ жандармами въ Москву, для заключенія въ монастырь.

Генералъ Хрущовъ объявилъ объ этомъ Пустовойтовой и ея бабушкѣ. Онѣ были очень удивлены и не хотѣли вѣрить, чтобы предписаніе намѣстника могло исполниться въ точности, а потому не дѣлали никакихъ приготовленій къ отъѣзду. Бѣготня и укладываніе вещей начались только тогда, когда къ дому ихъ, черезъ два часа послѣ объявленія (16-го (28-го) августа), подкатила коляска съ жандармскимъ офицеромъ, а потомъ прибылъ и самъ генералъ Хрущовъ ускорить дорожные сборы, которые тянулись черезчуръ долго.

Видя, что власти нисколько не шутятъ и что отъѣздъ долженъ неизбѣжно совершиться, бабушка и внучка рѣшили ѣхать вмѣстѣ, конечно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы дорогой какъ нибудь поправить свои дѣла. Между тѣмъ, народъ, подстрекаемый агитаторами, запрудилъ улицу. Устроилась чистая демонстрація. Хотѣли выпрячь лошадей и везти экипажъ на себѣ. Кое-гдѣ въ толпѣ раздавались рыданія и пролито довольно слезъ, даже нашихъ русскихъ...

Пустовойтова сохранила въ эти минуты полное присутствіе духа. Она вышла на крыльцо и произнесла къ толпѣ нѣсколько успокоительныхъ словъ, прося не дѣлать никакихъ безпорядковъ. «Видите, я покоряюсь, ѣду... это такъ нужно!» Затѣмъ сѣла въ коляску и бросила народу платокъ, который былъ разорванъ на мелкіе куски... Коляска тихо тронулась. На колѣни сидѣвшихъ въ ней сыпались цвѣты [1]...

Съ первой же станціи бабушка Пустовойтовой послала намѣстнику просьбу, умоляя его дозволить имъ возвратиться въ Люблинъ. Въ ожиданіи отвѣта, путешественницы остановились въ городѣ Ковелѣ (Волынской губерніи), извѣстномъ по своему повстанскому настроенію. Пустовойтова притворилась больною. Мѣстные врачи составили, 20-го августа ст. ст., актъ, гдѣ говорилось, что «больная страдаетъ воспаленіемъ грудной плевры и легкихъ (pleuropneumonia), притомъ не окончились еще мѣсячныя очищенія, для излѣченія которой болѣзни необходимы ей медицинскія пособія. Отправиться же ей въ дальнѣйшій путь безъ опасности для жизни нѣтъ возможности. Въ чемъ подписями нашими, при бытности городничаго и жандармскаго капитана, удостовѣряемъ. Городовой врачъ Латошинскій. Ковель-

---

[1]) Все это разсказано автору самимъ генераломъ Хрущовымъ. Н. Б.

скій окружный врачъ К. Инс... [1]). Отставной врачъ штабъ-лекарь надворный совѣтникъ Гольденманъ. При семъ находился исправляющій должность городничаго Бялецкій».

Къ счастію для Пустовойтовой, на мѣстѣ осудившаго ее Сухозанета сидѣло уже другое лицо: графъ Ламбертъ. Выше было сказано, что этотъ намѣстникъ, тотчасъ по прибытіи въ Варшаву, очутился подъ вліяніемъ бывшихъ делегатовъ, между которыми находились также и ксендзы [2]). Черезъ нихъ можно было зачастую весьма успѣшно дѣйствовать на графа. Бабушка Пустовойтовой нашла къ нимъ дорогу. Ксендзы представили намѣстнику неудобство и соблазнъ положенія «католички въ русскомъ монастырѣ, да еще гдѣ: въ сердцѣ Россіи!» Русская православная дѣвушка являлась теперь, по подложнымъ документамъ, выправленнымъ въ Житомірѣ, католичкой! [3]).

Графу Ламберту, новому человѣку въ Царствѣ, рѣшавшему много труднѣйшихъ задачъ, искавшему твердой почвы среди тогдашнихъ вязкихъ трясинъ, которыя часъ отъ часу засасывали болѣе и болѣе его и его генералъ-губернатора, — не было ни охоты и ни времени наводить точныя справки о томъ, что̀ именно натворила какая-то тамъ житомірская или люблинская дѣвочка, двухъ именъ, и какого она въ самомъ дѣлѣ исповѣданія. Вся исторія представлялась весьма неважною. И то-ли еще считалось тогда неважнымъ!... Къ тому же новый намѣстникъ заискивалъ въ полякахъ. Онъ прощалъ поминутно политическихъ преступниковъ серьезнаго свойства. Стоило задумываться надъ рѣшеніемъ судьбы недавней институтки! Ламбертъ приказалъ написать Хрущову, что «дозволяетъ Пустовойтовой, доѣхавъ до Житоміра, остаться тамъ на житье, въ домѣ родителей». Хрущовъ извѣстилъ объ этомъ путешественницъ. Анна-Генрика, двухъ именъ, ту же минуту выздоровѣла и отправилась въ дорогу.

Поведеніе ея въ Житомірѣ ничѣмъ не разнилось отъ люблинскаго. Она поминутно показывалась въ толпѣ народа, при всѣхъ за-

---

[1]) Нельзя разобрать. Актъ составленъ на русскомъ языкѣ. Настоящая выписка сдѣлана слово въ слово, съ оригинала.

[2]) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 338.

[3]) По этимъ документамъ выходитъ, что Анна-Генрика Пустовойтова, двухъ именъ, родилась въ 1832 году, когда вѣроисповѣданіе дѣтей, при смѣшанныхъ бракахъ, зависѣло отъ воли родителей или отъ взаимныхъ между ними условій. Въ православномъ метрическомъ свидѣтельствѣ Анны Пустовойтовой, коего подлинность не подвержена никакому сомнѣнію, сказано, что «при рожденіи ея въ 1838 году матери ея было 17 лѣтъ». Стало быть, въ 1832 г. ей было только 9 лѣтъ! Такимъ образомъ весьма просто изобличается поддѣлка католической метрики. Н. Б.

тѣвавшихся демонстраціяхъ, пѣла Boże coś Polskę, и громко высказывала неудовольствіе противъ русскихъ властей.

Кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ Васильчиковъ написалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ, спрашивая, «что ему дѣлать съ неугомонною проказницей?» Пришло рѣшеніе: «отправить ее опять въ Москву, въ одинъ изъ тамошнихъ женскихъ монастырей, а въ какой именно — предоставлялось указать московскому митрополиту Филарету». Но митрополитъ Филаретъ отказался сдѣлать такое указаніе. Въ заключеніи отзыва, отправленнаго отъ него, по этому случаю, въ Петербургъ, говорится слѣдующее: «его высокопреосвященству весьма прискорбно, что Москва избрана мѣстомъ заключенія для лица мятежнаго и неудержимо-склоннаго къ польскимъ демонстраціямъ» [1]). Во уваженіе этого, Москва была обойдена: Пустовойтову приказано посадить въ глухой Троицко-Бѣлбажскій монастырь костромской эпархіи.

Нужно же такое соединеніе: Анна-Генрика Пустовойтова, будущій адъютантъ польскаго повстанскаго диктатора, и — костромской Троицко-Бѣлбажскій!!.. Вотъ истинно: «волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень!»

Чего, однако, не дѣлаетъ энергія и настойчивость: мать Пустовойтовой рѣшилась испробовать всѣ средства, идти напроломъ, до самыхъ послѣднихъ ступеней, но ужъ избавить дочь отъ ссылки въ монастырь: она подала просьбу Государынѣ Императрицѣ, отъ 1-го декабря 1861 г., гдѣ пишетъ между прочимъ, что ея дочь «въ чахоткѣ и каждый день становится хуже и хуже». Разумѣется, прилагались при этомъ необходимыя докторскія свидѣтельства, которыя выправить больной у себя дома, въ Житомірѣ, было несравненно легче, нежели на дорогѣ, въ Ковелѣ. Просьба была поддержана въ высшихъ сферахъ вліятельными духовными лицами католическаго міра. Нашлось нѣсколько и свѣтскихъ... Въ непродолжительномъ времени было получено изъ Петербурга разрѣшеніе «отложить переѣздъ въ монастырь до весны, съ учрежденіемъ, однако, за дѣвицей Анной Пустовойтовой строгаго полицейскаго надзора».

Это было все, чего желали просившія.

Строгій въ началѣ, на самыхъ первыхъ порахъ, надзоръ, черезъ нѣсколько недѣль (какъ это всегда бываетъ на матушкѣ на святой Руси) ослабъ — и дѣвица Пустовойтова скрылась изъ Житоміра неизвѣстно куда... Говорили, будто бы она бѣжала первоначально съ

---

[1]) Подлинныя выраженія. Все разсказанное основано на официальныхъ варшавскихъ, люблинскихъ и петербургскихъ документахъ. Н. Б.

какимъ-то полякомъ въ Бухарестъ, гдѣ князь Куца покровительствовалъ всему, что только выходило недовольнаго изъ Россіи. Есть также свѣдѣніе, что въ іюнѣ 1862 года Пустовойтова была въ Одессѣ, а въ январѣ 1863 года опять явилась въ придунайскихъ княжествахъ и раздавала тамъ какія-то деньги... Когда вспыхнуло возстаніе 1863 года, Пустовойтова была уже въ Царствѣ и присоединилась къ Лангевичу подъ Шидловцемъ. Обладая чрезвычайно-хорошимъ здоровьемъ, она легко дѣлала трудные переходы съ войсками по дурнымъ и глухимъ дорогамъ, иной разъ подъ дождемъ, по колѣно въ грязи; переносила всѣ невзгоды лагерной повстанской жизни; ѣла что случится, подчасъ—пару картофелинъ въ сутки. Однажды, потерявъ лошадь, прошла вмѣстѣ съ солдатами 18 миль пѣшкомъ. Что касается ея отношеній къ Лангевичу — въ нихъ нельзя подозрѣвать ничего особеннаго. Просто-за-просто было некогда заниматься ничѣмъ, кромѣ войны. Лангевичъ былъ до такой степени задерганъ во всѣ минуты дня и ночи разными хлопотами, нравственно и физически разбитъ и тощъ, что думать ему, о чемъ думаютъ прежде всего и болѣе всего здоровые и беззаботные студенты, было невозможно. Слова: kochanek, kochanka тутъ не приходятъ въ голову, не вяжутся со всѣмъ окружающимъ. А если и былъ какой мимолетный поцѣлуй — что изъ этого...

Говорили притомъ, что Пустовойтова была собственно адъютантомъ Чаховскаго.

Само собой разумѣется, что актомъ избранія диктатора временное народное правительство уничтожалось.

Лангевичъ, покутивъ немного въ Гощѣ, потомъ въ Сосновкѣ, спѣшилъ заняться рѣшеніемъ самаго главнаго вопроса: учрежденіемъ новаго правительства, назначеніемъ министровъ, директоровъ и т. д., и т. д. Нечего и говорить, что на всѣ эти мѣста имѣли наибольшія права лица, сидѣвшія на этихъ мѣстахъ въ Варшавѣ. Лангевичъ и не думалъ дѣлать съ этой стороны серьезной ломки. Она была ему даже и не по силамъ. Онъ ничего не зналъ и не понималъ въ гражданскомъ управленіи. Онъ предполагалъ собрать сколь возможно точныя свѣдѣнія о томъ, кто именно занимаетъ высшія должности въ народной организаціи Царства, и потомъ сдѣлать изъ всего этого выборъ лицъ по своему усмотрѣнію и по совѣту штаба. Лангевичъ обратился, весьма естественно, за разъясненіемъ этого вопроса къ уполномоченному коммисару жонда: Грабовскій написалъ ему ту же минуту имена извѣстныхъ ему высшихъ революціонныхъ дѣятелей Варшавы, куда вошли между прочимъ: генералъ Высоцкій, князь

Марцеллій Любомірскій, графъ Генрихъ Потоцкій, графъ Станиславъ Замойскій и какіе-то неопредѣленные Пражмовскій и Басскій [1]).

Читая этотъ списокъ, Лангевичъ замѣтилъ, что «тутъ не обозначено начальника города Варшавы», и спросилъ у Грабовскаго: «кто правитъ эту должность?»

— Это,—отвѣчалъ ничѣмъ несмущавшійся Грабовскій,—это... мой далекій родственникъ, носящій ту же фамилію, что и я.

Въ этомъ случаѣ Грабовскій солгалъ всего менѣе: тогдашній начальникъ города Варшавы, Стефанъ Бобровскій, жилъ тамъ дѣйствительно подъ именемъ Грабовскаго и многіе изъ знавшихъ его лично, въ томъ числѣ и Грабовскій, думали, что онъ «настоящій Грабовскій».

Лангевичъ приказалъ послѣ этого своему секретарю, бывшему чиновнику радомскаго губернскаго правленія, Валерію Томчинскому, составить декретъ о новой организаціи народнаго правительства и принадлежащихъ къ нему частей, а затѣмъ написать назначенія (nominacje) нѣкоторыхъ лицъ на самыя высшія должности и отправить все это въ Варшаву, вмѣстѣ съ манифестомъ диктатора къ народу [2]).

Легко вообразить себѣ, какъ были поражены настоящіе члены временнаго народнаго правительства прибытіемъ «такихъ номинацій», за подписью диктатора, о которомъ ничего еще не знали! «Жондъ остолбенѣлъ (Rząd osłupiał)!»—пишетъ Бобровскій своему другу Падлевскому, въ Плоцкую губернію, изображая переворотъ. Изъ того-же письма видно ясно, что члены жонда мгновенно сознали свою слабость и дѣтское ротозѣйство [3]).

Вѣсть о диктаторѣ съ неимовѣрною быстротою, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, разнеслась по Варшавѣ и произвела пріятное впечатлѣніе на массу. Никто не размышлялъ о послѣдствіяхъ диктатуры, никто не дѣлалъ никакихъ соображеній; всѣ были рады, сами не зная почему; всѣмъ казалось, что возстаніе шагнуло черезъ это впередъ;

---

[1]) Показаніе повстанскаго полицейскаго агента, Викентія Моравскаго, бывшаго мелкимъ чиновникомъ въ канцеляріи стопницкаго уѣзднаго начальника. Свѣдѣнія эти требуютъ провѣрки. Вообще, вся исторія избранія Лангевича диктаторомъ нуждается въ болѣе точныхъ и положительныхъ данныхъ, нежели имѣющіяся донынѣ.

[2]) Тѣмъ самымъ, о которомъ упоминается выше. Онъ былъ отпечатанъ также и на жидовскомъ языкѣ. Такое вниманіе диктатора къ жидамъ возбудило между ними, въ извѣстномъ классѣ, неописанный восторгъ. Говорятъ, многіе жиды плакали, читая свой жидовскій манифестъ диктатора!

[3]) См. это письмо въ приложеніи. Н. Б.

всѣ потирали руки, глядѣли смѣло и весело, повторяя какъ дѣти: «и такъ, у насъ диктаторъ!» А дамы, въ особенности тѣ юркія и бойкія варшавянки, о которыхъ мы упомянули въ V-й главѣ, бросились вышивать диктатору знамена [1]). По городу ходила подписка на поднесеніе диктатору «почетной шпаги». Очень скоро была собрана довольно значительная сумма [2]). Даже многіе друзья Мирославскаго очутились вдругъ на сторонѣ Лангевича, и одинъ изъ нихъ пилъ съ Бобровскимъ его здоровье [3]). Главы бѣлой партіи тоже преклонились передъ диктаторомъ. Шляхецкая дирекція, еще за 5 дней до оглашенія Лангевича диктаторомъ (можетъ статься, зная, что должно случиться подъ Гощей), уполномочила одного изъ своихъ членовъ, Карла Рупрехта, войти въ сношенія съ временнымъ правительствомъ, а на другой, или на третій день по полученіи извѣстія о совершившемся [4]), Рупрехтъ снова явился въ засѣданіе жонда и сказалъ, что «бѣлая дирекція упраздняется, а равно и вся бѣлая организація перестала существовать» [5]), причемъ вручилъ временному правительству 30 тысячъ франковъ, якобы оставшіяся въ кассѣ дирекціи. Такая же сумма была отправлена дирекціей въ лагерь Лангевича и при этомъ сообщено, что одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ ея, банкиръ Леопольдъ Кроненбергъ, берется устроить для возстанія безпроцентный заемъ въ милліонъ или хоть два милліона рублей—только ждетъ декрета отъ диктатора [6]).

Карточки диктатора и «его адъютанта» Пустовойтовой требовались въ такомъ количествѣ, что фотографы едва успѣвали ихъ дѣлать, продавая, на первыхъ порахъ, по рублю за штуку. Потомъ явились пояса и брошки съ портретомъ диктатора, вмѣсто бывшаго тамъ прежде Костюшки. Уничтожить все это почеркомъ пера не могъ, конечно, никакой на свѣтѣ жондъ. Народные правители поспѣшили, разумѣется, признать диктатуру Лангевича, съ тѣмъ однако, чтобы «гражданское управленіе (Rząd Cywilny) состояло изъ лицъ, на утвер-

---

[1]) Одна изъ такихъ дамъ говорила автору, что ничего болѣе тогда не хотѣла, какъ только броситься подъ ноги уланскихъ коней диктатора, чтобы они ее растоптали — и притомъ блѣднѣла отъ крайне возбужденнаго состоянія и слезы стояли у нея въ глазахъ...

[2]) Гиллеръ говоритъ, что подписка на шпагу диктатору открыта по инпціативѣ Бобровскаго и Авейде (I, 279).

[3]) Вышеприведенное письмо Бобровскаго къ Падлевскому.

[4]) Получено въ Варшавѣ 12-го марта н. ст.

[5]) Такъ по словамъ Авейде. Гиллеръ говоритъ, что бѣлая дирекція упразднена 5-го марта н. ст. (I).

[6]) Авейде, IV, 50.

Н. Б.

жденіе которыхъ диктаторъ изъявляетъ свое согласіе вмѣстѣ съ бывшимъ жондомъ». Это признаніе диктатуры отправлено къ Лангевичу съ членами народнаго правительства Гиллеромъ и Осипомъ Яновскимъ.

Едва только они уѣхали, какъ пришелъ рапортъ коммисара краковскаго воеводства, Бѣхонскаго, которымъ онъ доноситъ жонду весьма подробно обо всей интригѣ, имѣвшей послѣдствіемъ оглашеніе Лангевича диктаторомъ. Тутъ только разсѣялись для «гимназистовъ и gryzipiorków» Езеранскаго всѣ туманы и они рѣшились написать Лангевичу особое откровенное письмо, раскрыть передъ нимъ секреты, которыхъ онъ во всей полнотѣ, конечно, не понималъ и не подозрѣвалъ. За это взялся горячій и впечатлительный Бобровскій. Онъ накаталъ ту же минуту къ генералу (котораго съ давнихъ поръ былъ восторженнымъ поклонникомъ) слѣдующее длинное посланіе, которое здѣсь мы помѣщаемъ въ переводѣ съ польскаго:

ПИСЬМО ВРЕМЕННАГО НАРОДНАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ ДИКТАТОРУ ЛАНГЕВИЧУ.

«Генералъ! Извѣстіе о томъ, что ты огласилъ себя диктаторомъ (что могло быть сочтено ничѣмъ инымъ, какъ посягательствомъ на государственный переворотъ), принято нами въ первую минуту съ радостью. Всѣ мы, безъ различія убѣжденій, готовы были признать революціонную легальность за фактомъ, который выражалъ собою дѣйствія человѣка, чувствующаго въ себѣ достаточныя силы къ возвращенію самобытности нашей отчизнѣ. Взято было въ расчетъ и положеніе нашихъ дѣлъ, недозволяющее основать явную политическую комбинацію, черезъ что естественно, вслѣдствіе отсутствія всѣми видимой, открытой власти, пробуждаются политическія амбиціи отдѣльныхъ лицъ. Почти безъ всякаго предварительнаго совѣщанія было рѣшено перепечатать и огласить твой манифестъ и тогда же пущены въ ходъ всевозможныя пружины, чтобы снискать тебѣ въ публикѣ общее признаніе, а жондъ, убѣжденный, что кормило возстанія перешло въ сильныя руки, радостно привѣтствовалъ приближающійся мигъ своего упраздненія, ибо добровольное объявленіе съ твоей стороны, что ты считаешь себя преемникомъ революціонной и народной политики комитета, служило послѣднему ручательствомъ, что ты не нарушишь ни въ чемъ основаній, комитетомъ установленныхъ, еще менѣе позволишь помыкать собою реакціи, которая всегда была заклятымъ врагомъ возстанія и людей, изъ него возникшихъ.

«Между тѣмъ, еще во время перепечатыванія твоего воззванія, мы узнали, съ невыразимою горестію въ сердцѣ, о прискорбныхъ явленіяхъ, упредившихъ твою диктатуру. Намъ и въ голову не приходило, чтобы герой Св. Креста и Сташова, который не нуждался ни въ какомъ посвященіи революціи, кромѣ развѣ ея благословенія, бросился искать опоры въ политическихъ интриганахъ, которые заслуживали только одного его презрѣнія. Единственно по уваженію къ тебѣ и охраняя честь революціи, мы готовы предположить, что ты, лишь въ простотѣ души, попался въ гнусныя сѣти, разставленныя тебѣ съ цѣлію, о которой сообщимъ въ послѣдствіи. Въ этомъ убѣжденіи, не колеблемся огласить манифестъ, не возвращаемся вспять, по случаю дошедшихъ до насъ извѣстій,

не отказываемъ тебѣ въ нашей поддержкѣ, о коей не разъ будешь имѣть возможность узнать, что она кое-что значитъ и кое-чего стоитъ. Мы ничего не имѣемъ противу принципа диктатуры, ни противу твоей особы, которая доселѣ заслуживала отъ насъ только полное уваженіе и признательность, и потому ничего не можемъ имѣть противъ того, чтобы ты сдѣлался диктаторомъ, лишь бы это было спасительно для края; но объявляемъ тебѣ однажды навсегда, прямо и откровенно, что людей, тебя окружающихъ, сносить не намѣрены, не можемъ и не хотимъ, для блага отечества и возстанія, уважая тебя и себя. Подумай самъ съ собою хоть минуту хладнокровно, генералъ, и ты увидишь, что говорить съ тобою теперь другимъ языкомъ было бы, съ нашей стороны, непростительнымъ преступленіемъ.

«Когда, въ памятную ночь, по данному нами знаку, всталъ народъ и ты явился на челѣ его, въ одномъ изъ воеводствъ,—люди, которыхъ агенты ползаютъ теперь у ногъ твоихъ, дабы тѣмъ легче погубить тебя и покрыть революцію позоромъ, объявили себя противъ возстанія и съ безстыдствомъ, свойственнымъ только реакціи, предлагали тебѣ ренту, подъ условіемъ оставить воинскіе ряды, измѣнить нашему дѣлу и отечеству. Правда, революціонная партія, представляемая временнымъ народнымъ правительствомъ, не могла въ то время поспѣшить къ тебѣ съ военною помощью, но не забывай, что только ея трудамъ и работамъ обязанъ ты тѣмъ, что нашелъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ самоотверженія и патріотизма, съ помощью которыхъ, при твоихъ высокихъ способностяхъ, всегда достойно нами чтимыхъ, сформировалъ свою храбрую дружину. Помни это всегда, генералъ, и по слабости военныхъ приготовленій не суди о революціонной слабости партіи, которая, будучи предоставлена самой себѣ, не смотря на всѣ происки и козни реакціи, вызвала явленія, изъ коихъ и ты вышелъ. Какъ тебя трактовала въ началѣ котерія помѣщиковъ, было уже сказано; а когда ты, несокрушимою энергіей, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственною подготовкой края, собралъ значительныя военныя силы,—эта котерія прибѣгла къ интригамъ, которыя недостойны народнаго вождя и которыя по необходимости мы должны теперь разоблачить передъ тобою.

«Графъ Адамъ Грабовскій, который, какъ мнимый представитель народнаго правительства, послужилъ, въ рукахъ довольно ловкихъ интригановъ, краеугольнымъ камнемъ махинаціи, вокругъ тебя и на твою погибель устроенной, никогда не былъ агентомъ жонда и не имѣлъ отъ него уполномочій ни по какому предмету. Это просто-за-просто политическій плутъ и обманщикъ, который не долженъ бы ни подъ какимъ видомъ позорить твоего лагеря своимъ присутствіемъ. Что это за господинъ, спроси лучше всего у генерала Высоцкаго, который можетъ тебѣ разсказать между прочимъ исторію кое-какихъ квитанцій, сфабрикованныхъ этимъ лицомъ. Что касается политическихъ убѣжденій графа Грабовскаго, конечно не имѣющихъ ничего общаго со взглядами такого организатора, какъ ты, генералъ,—справься въ прошлогоднемъ «Часѣ». Словомъ, это авантюристъ, о которомъ серьезному политику стыдно и вспоминать. Почтенное имя Бентковскаго замѣшалось тутъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, точно такъ же какъ и твое, т. е. и онъ попался въ сѣти, единственно по простотѣ души. Всѣ эти люди, никого не презентуя, ничего не имѣя, не могли ничего тебѣ предлагать, какъ равно и тебѣ нечего было отъ нихъ принимать. Диктатуру, по нашему убѣжденію, дали тебѣ Сташовъ, Малогощъ и Скала, а потому эти люди вовсе тебѣ ненужны, ничто тебя съ ними не связываетъ, брось ихъ: отъ этого зависитъ какъ твое, такъ и всего дѣла нашего спасеніе.

«Всмотрись внимательно, генералъ, къ чему они стремятся: списокъ министровъ и разныхъ другихъ чиновниковъ, представленный ими къ твоей подписи, единственно ради приличія заключаетъ въ себѣ имя генерала Высоцкаго и нѣсколько другихъ почтенныхъ именъ, которымъ непристойно стоять рядомъ съ княземъ Марцелліемъ Любомірскимъ и артистами, которые прокрались къ тебѣ въ лагерь для нанесенія удара возстанію. Диктаторъ, конечно, имѣетъ право употреблять людей всякихъ партій и убѣжденій, но не имѣетъ права отступать отъ принциповъ, изъ которыхъ выросъ.

«Мы признаемъ совершившіеся факты, но гражданское управленіе никоимъ образомъ не можетъ существовать безъ нашего соизволенія, ибо часть края, занятая непріятелемъ, нами одними держится и управляться безъ насъ не въ состояніи. Помни, что, принимая диктатуру, ты взялъ вмѣстѣ съ нею на себя и отвѣтственность передъ исторіею, краемъ и нами, что будешь править съ достоинствомъ, и все, что затѣмъ послѣдуетъ, всякаго рода компликаціи, падаютъ единственно на твою голову.

«Мы предлагаемъ тебѣ въ эту минуту полнѣйшее наше признаніе и поддержку, какъ герою нашего возстанія, какъ побѣдителю подъ Сташовымъ и Малогощемъ; они же обѣщаютъ поддержку тебѣ, единственно какъ сокрушителю Мирославскаго. Для насъ ты—представитель новой идеи, для нихъ только орудіе. Выбирай!

«Мы увѣрены покамѣстъ, что чадъ обаянія, въ какомъ находятся при подобныхъ обстоятельствахъ всѣ герои міра, пройдетъ, и ты явишься, генералъ, на политической своей аренѣ, передъ нами и цѣлымъ краемъ, столь же чистымъ, какъ былъ въ огнѣ подъ Пясковой-Скалой; но если, паче чаянія и къ несчастію Польши и возстанія, предчувствія насъ обманутъ: помни, что такъ же искренно, какъ обѣщаемъ тебѣ теперь нашу помощь, мы вступимъ тогда съ тобою въ самую ожесточенную борьбу. Если возстаніе упадетъ еще разъ, то лишь по твоей винѣ, генералъ, а мы всетаки сохранимъ во всей чистотѣ и цѣлости, хоть на пользу будущаго Польши, свои убѣжденія и принципы.

«А пока, отъ всей души восклицаемъ: да здравствуетъ диктаторъ! Прочь съ реакціей!

«Впредь до полученія твоего отвѣта остаемся съ глубочайшимъ почтеніемъ.

«Варшава, 16-го марта 1863 года».

Это письмо авторъ повезъ къ Лангевичу самъ, дабы имѣть возможность осмотрѣть внимательно положеніе дѣлъ на мѣстѣ и въ случаѣ нужды принять самыя рѣшительныя мѣры, для чего былъ снабженъ неограниченными уполномочіями жонда.

Поймать Лангевича на его форсированныхъ маршахъ было неимовѣрно трудно. Диктаторъ зналъ очень хорошо, что русскіе отряды краковскаго и сандомірскаго воеводствъ не надолго оставятъ его въ покоѣ и, потому, сдѣлавъ поспѣшно важнѣйшія распоряженія по части устройства своего диктаторскаго правленія [1]), двинулся на сѣверъ, къ д. Щепанковице. Но за нимъ уже слѣдили.

Первый отрядъ, узнавшій о диктатурѣ Лангевича (съ 12-го на 13-е марта н. ст.), былъ — ближайшій къ нему, мѣховскій, началь-

[1]) Подробныхъ свѣдѣній о томъ, что именно было сдѣлано, нигдѣ нѣтъ. Ходили слухи, что военнымъ директоромъ, или министромъ диктатора, былъ

никъ котораго, князь Багратіонъ, послалъ сейчасъ же маіора Бентковскаго [1]), съ тремя ротами смоленцевъ, полуэскадрономъ драгунъ, 20 казаками и 50 объѣздчиками, для произведенія рекогносцировки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали армію диктатора. Бентковскій наткулся на него 13-го марта н. ст., близь дер. Щепанковице, и имѣлъ съ нимъ небольшую перестрѣлку. Лангевичъ, видимо уклоняясь отъ боя, двинулся на дер. Маркотице и потомъ на селеніе Гура. Бентковскій слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, и на другой день, 14-го марта н. ст., въ 8 часовъ вечера, снова имѣлъ перестрѣлку съ непріятельскою цѣпью у селенія Гуры.

Въ это время захвачено нами нѣсколько подозрительныхъ лицъ, въ одномъ помѣщичьемъ домѣ, и два повстанскіе лазутчика, пробиравшіеся лѣсами, по глухой проселочной дорогѣ, въ двухъ большихъ повозкахъ. Одна повозка, гдѣ сидѣла какая-то женщина, была набита рубахами, сѣдлами и небольшими мѣдными котелками [2]). Кромѣ того, найденъ былъ чемоданъ съ кокардами и перевязками на руку начальникамъ. Сидѣвшій въ другой повозкѣ неопредѣленный господинъ хотѣлъ уйти за англійскаго корреспондента и заговорилъ, при его арестованіи, по англійски. Но когда ему показали выброшенный имъ изъ повозки огромный пакетъ съ письмами подозрительнаго свойства, на польскомъ языкѣ, гдѣ было, между прочимъ, одно на имя самого диктатора,—признался, что онъ краковскій банкиръ Фалькенштейнъ, и заговорилъ по польски.

Изъ письма къ диктатору оказалось, что какой-то краковскій отрядъ, съ двумя нарѣзными австрійскими батареями, намѣренъ былъ соединиться съ повстанцами и только спрашивалъ, гдѣ и какъ удобнѣе это сдѣлать [3]).

назначенъ генералъ Высоцкій, потомъ—генералъ Крушевскій; министромъ иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ начальникомъ штаба — Владиславъ Бентковскій; коммисаромъ въ познанскомъ княжествѣ оставленъ графъ Лубенскій... больше ничего неизвѣстно. Хаосъ въ лагерѣ былъ страшный: того недоставало, другаго недоставало. Сейчасъ же, на самыхъ первыхъ порахъ, было почувствовано, что диктаторъ, при тѣхъ условіяхъ возстанія, въ какихъ оно находилось, не только не нуженъ, но даже—невозможная и вредная роскошь. Однажды Бентковскій вбѣжалъ въ комнату, занимаемую штабомъ, и просилъ дать ему карандаша, котораго напрасно искалъ по всему лагерю. Не нашлось карандаша и у штабныхъ. «Хорошъ штабъ!—воскликнулъ Бентковскій: нѣтъ карандаша!» (Сообщено автору однимъ изъ адъютантовъ Лангевича).

[1]) Это былъ братъ Бентковскаго, который служилъ у Лангевича.

[2]) Было всего 150 рубахъ, 100 котелковъ и 5 сѣделъ. **Н. Б.**

[3]) Просимъ читателей припомнить замѣтку относительно сношеній жонда съ генераломъ Дегенфельдомъ (см. выше «Русскую Старину», томъ XXIV, главу I). Тогда австрійцы предлагали повстанцамъ «напасть на ихъ батарею

Задержкой двухъ этихъ лицъ ограничились дѣйствія отряда Бентковскаго. Ничего серьезнаго предпринять онъ, со своими небольшими силами, не могъ, а только, не спуская, по возможности, съ глазъ банду Лангевича, двигался вслѣдъ за нею къ Хробжу [1]), деревнѣ, лежащей на правомъ берегу Ниды, въ 25-ти верстахъ отъ австрійской границы. Бентковскій расчитывалъ, что вскорѣ появится въ тѣхъ мѣстахъ какой нибудь изъ нашихъ отрядовъ, а можетъ, и два—и тогда, соединенными силами, можно будетъ что либо предпринять. Въ самомъ дѣлѣ, случилось, что полковникъ Ченгери, стоявшій въ мѣстечкѣ Ендржеевѣ, узналъ, въ ночь съ 15-го на 16-е марта н. ст., что Лангевичъ идетъ къ Хробжу, со стороны Пинчова [2]), куда прибылъ 17-го марта н. ст.—и сейчасъ-же переправился на правый берегъ Ниды, имѣя 3 роты смоленцевъ, одну Галицкую, 2 эскадрона драгунъ, 40 казаковъ, взводъ батарейной и взводъ нарѣзной артиллеріи. Лишь только Лангевичъ, расположившійся лагеремъ у Хробжа, узналъ о переходѣ Ченгери на его сторону,—ту же минуту снялся и перешелъ на лѣвый берегъ, уничтоживъ за собою мостъ [3]), и двинулся потомъ къ лѣсу, который носитъ названіе Гроховиски (Grochowiska).

Ченгери, узнавъ объ этомъ, тоже переправился опять на лѣвый берегъ—и пошелъ вдоль его, вслѣдъ за Лангевичемъ, ожидая встрѣчи съ Бентковскимъ (о выступленіи котораго изъ Мѣхова имѣлъ свѣдѣнія), дабы вмѣстѣ съ нимъ ударить повстанцамъ во флангъ. Бентковскій подошелъ къ отряду Ченгери только ночью того дня (17-го марта н. ст.), перейдя Ниду вбродъ.

и какъ бы отбить ее». Теперь, когда возстаніе пошло въ гору и даже явился диктаторъ,—нашъ возлюбленный сосѣдъ нашелъ возможнымъ устроить просто-за-просто дезиртированіе цѣлыхъ двухъ батарей въ Царство Польское. Письмо къ диктатору, о коемъ мы упомянули, было подписано 15-ю австрійскими офицерами-поляками, въ томъ числѣ двумя командирами нарѣзныхъ батарей. Наши власти наивно извѣстили объ этомъ австрійцевъ! (Все это сообщено автору маіоромъ Бентковскимъ, въ присутствіи генерала Ченгери).

[1]) Въ это время на одномъ привалѣ, солдаты, стерегшіе плѣнныхъ, стали выражать неудовольствіе, что «они несутъ проклятую службу: лучше приколоть плѣнныхъ, чѣмъ мучиться—ихъ стеречь!» Это неудовольствіе перешло скоро въ шумный ропотъ. Прибѣжали офицеры, но было уже поздно: солдаты подняли плѣнныхъ на штыки, даже помяли одного офицера, который началъ черезчуръ энергически возстановлять порядокъ. Такія исторіи, явное неповиновеніе солдатъ офицерамъ, во время описываемаго нами возстанія, случались нерѣдко, особенно, если отрядомъ командовалъ полякъ. (Разсказъ Ченгери и Бентковскаго).

[2]) Пинчовъ на 21-й верстѣ отъ Ендржеева и въ 12-ти отъ Хробжа. Пинчовъ и Хробежъ—имѣнія Велепольскаго.

[3]) Впрочемъ, подъ Хробжемъ было небольшое сраженіе. Тутъ оставилъ отрядъ Лангевича ксендзъ Каминскій. Н. В.

Утромъ 18-го, разъѣзды дали знать, что Лангевичъ двигается на югъ, какъ бы къ мѣстечку Вислицѣ [1]), потому отряды Ченгери и Бентковскаго условились идти въ такомъ же направленіи, параллельно, и остановились: первый въ трехъ верстахъ отъ Буска (такъ какъ были слухи, что жители этого мѣстечка возили въ лѣсъ съѣстные припасы); второй—у селенія Богутице, куда, какъ говорили, направилась часть повстанскихъ аріергардовъ. Одновременно съ движеніемъ сказанныхъ отрядовъ, посланный частнымъ военнымъ начальникомъ Мѣховскаго и Олькушскаго уѣздовъ, княземъ Шаховскимъ, также изъ Мѣхова, маіоръ Яблонскій, съ тремя пѣхотными ротами и двумя орудіями, занялъ позицію нѣсколько сѣвернѣе Бентковскаго, около фольварка Вржосы. Четвертый отрядъ, состоявшій изъ пѣхотной колонны и эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ маіора Загряжскаго, стоялъ въ Стопницѣ, готовый выступить во всякую минуту, когда и куда потребуютъ обстоятельства.

Три первые отряда (Ченгери, Бентковскій и Яблонскій), занявъ сказанныя позиціи, повели противъ непріятеля атаку, но, вслѣдствіе сильнаго штуцернаго огня изъ лѣсу, принуждены были отступить, не сдѣлавъ повстанцамъ никакого вреда [2]).

Двинутая между тѣмъ, по распоряженію полковника Ченгери, изъ Стопницы, часть отряда маіора Загряжскаго—3-я стрѣлковая рота Смоленскаго полка, подъ начальствомъ капитана Керавнова, не имѣя точныхъ свѣдѣній о расположеніи нашихъ и повстанскихъ отрядовъ, шла на выстрѣлы и, когда вступила въ лѣсъ, то была окружена большими массами непріятеля. Керавновъ палъ, пробитый нѣсколькими пулями; прапорщикъ Полотьевъ и 18 человѣкъ нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ. Остальные, кто былъ живъ и не раненъ, соединились съ отрядомъ Ченгери подъ мѣстечкомъ Велечъ [3]).

Прибывшая послѣ этого другая часть стопницкаго отряда, подъ начальствомъ полковника Сорнева, получила приказаніе отъ Ченгери идти черезъ мѣстечко Велечъ, южнѣе Гроховискаго лѣса, и занять прогалину между отрядомъ Бентковскаго и имъ, Ченгери, но Сорневъ этого не исполнилъ. Между тѣмъ въ бандахъ, составлявшихъ армію диктатора, произошли безпорядки и столкновенія разныхъ лицъ,

---

[1]) 10 верстъ отъ границы.

[2]) «Штуцерными» командовалъ отчаянно-храбрый французскій полковникъ Рошебрюнъ, не задолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Парижа. Лангевичъ поручилъ ему образовать особый отрядъ польскихъ зуавовъ, что онъ и сдѣлалъ. Они-то и были «штуцерные». Рошебрюнъ сочинилъ для нихъ особую форму и носилъ ее самъ.

[3]) Отраженіе трехъ нашихъ отрядовъ отъ лѣсу и разбитіе отряда капитана Керавнова повстанцы называютъ «побѣдой подъ Гроховисками». **Н. В.**

какъ это вообще является при несчастіи или безвыходномъ положеніи всякаго отряда. Армія обвиняла диктатора въ неумѣньѣ командовать. Диктаторъ обвинялъ армію въ неисполненіи ею прямыхъ своихъ обязанностей, въ неумѣньѣ повиноваться властямъ: напримѣръ, когда онъ посылалъ кавалерію въ атаку противъ отряда Ченгери подъ Хробжемъ, она не тронулась съ мѣста!... Болѣе всего шумѣли баричи, незадолго передъ тѣмъ прибывшіе изъ-за границы въ войска диктатора, въ надеждѣ найти тамъ громъ побѣдъ, награды и отличія, а въ замѣнъ этого увидѣвшіе передъ собою холодъ, голодъ, безсмысленное скитаніе по лѣсамъ—и русскіе штыки! Благоразуміе требовало однако забыть, хотя на время, всякія свары, и рѣшить: «чтó дѣлать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ еще ухудшиться: подойди еще одинъ русскій отрядъ—и тогда ничего не останется, какъ положить оружіе!» Собрали на-скоро военный совѣтъ въ мѣстечкѣ Велечѣ, изъ слѣдующихъ лицъ: начальника штаба Бентковскаго; генераловъ: Лангевича, Езеранскаго и Валигурскаго; полковника Улятовскаго и Карла Боржиславскаго.

Яго-Езеранскій находилъ, что: «лучше всего диктатору скрыться тайно въ Краковъ и тамъ обдумать на свободѣ и спокойно, чтó дѣлать далѣе. Можетъ быть, придется разъѣзжать по разнымъ отрядамъ и ихъ воодушевлять»... Это мнѣніе, послѣ самаго непродолжительнаго спора, было одобрено большинствомъ голосовъ. Бентковскій твердилъ упорно, что уходить за границу отнюдь не слѣдуетъ, а просто-за-просто перебраться въ Люблинскую губернію. Улятовскій совѣтовалъ «ударить на Кѣльцы». Самъ диктаторъ былъ такъ разстроенъ, что ему казалось все хорошо, лишь бы уйти изъ Гроховискаго лѣса. Стали думать о томъ, какъ лучше привести въ исполненіе постановленіе совѣта, т. е. устроить тайный побѣгъ диктатора за границу. Кто-то сказалъ, что прежде всего, для соблюденія приличія, нужно написать соотвѣтственный, объясняющій дѣло «приказъ по войскамъ». Написали слѣдующее:

«Храбрые и вѣрные товарищи по оружію! Диктаторское управленіе мое требовало разрѣшенія многихъ гражданскихъ и военныхъ вопросовъ первостепенной важности, нравственной поддержки другихъ отрядовъ и направленія ихъ дѣйствій согласно одной и той-же мысли. Нужно мнѣ было оставить на короткое время ваши ряды, съ которыми я такъ свыкся послѣ той повстанской ночи, среди битвъ и всякой тяготы [1]. Но мое убѣжденіе говорило, что право разстаться съ вами на нѣсколько дней я пріобрѣту единственно побѣдой, а потому я принялъ бой подъ Сосновкой, вызвалъ Москву на битву подъ Мѣховымъ, выдержалъ напоръ подъ Хробжемъ, вступилъ въ сраженіе подъ Гроховисками.

«Нынѣ оставляю лагерь, не прощаясь съ вами, ибо мое предпріятіе требуетъ тайны. Мнѣ нельзя вамъ сказать, по какой дорогѣ и куда я отпра-

[1]) Разумѣется ночь съ 22-го на 23-е января н. ст. 1863 года.

вляюсь. Беру съ собою нѣсколько офицеровъ высшаго ранга, потому что многіе вовстанскіе отряды нуждаются въ начальникахъ. Также беру 30 уланъ, которые воротятся въ лагерь, какъ скоро эскортъ мнѣ будетъ не нуженъ. Корпусъ раздѣленъ на двѣ части, каждой данъ опытный командиръ, указанъ путь и назначеніе.

«Товарищи по оружію! Передъ лицомъ Бога и передъ вами я присягнулъ, что буду биться до послѣдняго издыханія. Присягѣ этой я не измѣнилъ и не измѣню. И вы торжественно присягнули повиноваться моимъ приказаніямъ и служить отчизнѣ: и вы не измѣните присягѣ! И такъ, во имя Бога и отчизны, будемъ биться противъ Москвы, пока не достигнемъ свободы и независимости! М. Лангевичъ».

Написавъ такой приказъ и сдѣлавъ кое-какія секретныя приготовленія къ побѣгу (о чемъ знали только самые высшіе чины арміи), Лангевичъ сталъ выжидать минуты къ осуществленію своего плана.

При томъ отсутствіи всякой серьезной системы въ дѣйствіяхъ русскихъ отрядовъ, какое замѣчалось по соединеніи ихъ всѣхъ подъ Гроховисками, можно было надѣться, что тотъ или другой начальникъ сдѣлаетъ какую-нибудь важную ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, случилось, что полковникъ Ченгери, въ противность всѣмъ тактическимъ соображеніямъ, вдругъ перешелъ, неизвѣстно зачѣмъ, на сѣверную сторону лѣса, къ дер. Шанецъ, и тѣмъ открылъ въ позиціи прорѣху, въ которую Лангевичъ двинулъ немедля свои войска, и къ разсвѣту 19-го марта н. ст. очутился въ селеніи Вислицѣ, гдѣ штабъ его расположился пить чай, т. е. вся масса адъютантовъ и другихъ штабныхъ чиновъ, ничего не знавшихъ о томъ, что происходило на военномъ совѣтѣ въ Велечѣ. Пользуясь этимъ, диктаторъ сѣлъ съ Пустовойтовой въ телѣгу, запряженную парою добрыхъ коней, и, взявъ эскортъ, пустился въ направленіи къ р. Нидѣ, гдѣ былъ мостъ, а потомъ къ Опатовской таможнѣ, которая была пуста и не представляла никакихъ преградъ. Здѣсь, переправясь черезъ Вислу, съ небольшимъ количествомъ солдатъ, которые, почуявъ грозу, пробрались туда лѣсами раньше, Лангевичъ и Пустовойтова прибыли въ австрійскую таможню Устье и предъявили тамъ паспортъ на имя графа Валигурскаго съ сыномъ, выданный шведскимъ посольствомъ въ Парижѣ.

Физіономія диктатора и «его адъютанта» (какъ постоянно называли Пустовойтову у насъ и за границей) были хорошо извѣстны въ тѣхъ мѣстахъ по карточкамъ, а потому подлогъ ту же минуту открылся. Чтобы устранить всякія сомнѣнія, управляющій таможней спросилъ у толпившихся кругомъ солдатъ: «знаете вы диктатора?»

— Какъ не знать,—отвѣчали они,—вотъ онъ тутъ сейчасъ прошелъ, маленькій такой!

Арестованный затѣмъ Лангевичъ былъ перевезенъ сначала въ Тарновъ, потомъ въ Краковъ, гдѣ его посадили въ цитадель, а Пустовойтова помѣщена неподалеку оттуда, въ одномъ казенномъ домѣ, называвшемся «телеграфъ», подъ присмотромъ какой-то дамы.

Такъ люди, общества, котеріи, цѣлыя правительства—измѣняютъ мгновенно свои отношенія къ тому, что перестаетъ быть силой, падаетъ, теряетъ обаяніе. Когда Лангевичъ провозгласилъ себя диктаторомъ и отъ этого факта ожидали Богъ вѣсть какихъ перемѣнъ въ дѣлахъ возстанія — къ повстанцамъ поѣхали сейчасъ же австрійскія пушки; а лишь только диктаторъ оказался нестоющимъ выбора, жалкимъ трусомъ и бѣглецомъ—его схватили и приперли въ тюрьму, можетъ быть, расквитываясь этимъ за штуку, которую нѣсколько дней тому назадъ выкинули и которая немного обнаружилась! [1]).

Непосвященные въ тайну чины штаба, пившие въ Вислицѣ чай, узнавъ о побѣгѣ диктатора, послали за нимъ погоню. По рядамъ войскъ пронеслось: «измѣна! измѣна!» Всѣ ринулись къ Вислѣ, съ намѣреніемъ уйти за границу. Только небольшая часть, подъ начальствомъ бригадира Смѣховскаго (ветерана бывшихъ польскихъ войскъ, который, кромѣ бунчучной физіономіи, не имѣлъ ничего, что нужно для командованія отрядами въ критическія минуты [2]), поворотила влѣво, на деревни: Кошице, Бржеско, Ваврживчице и Черниховскій лѣсъ, но потомъ вышла изъ повиновенія и стала проситься за границу. Генералъ Высоцкій, тогдашній директоръ южныхъ воеводствъ, рѣшился поручить завѣдываніе этими войсками Рошебрюну, отличившемуся подъ Хробжемъ, за что онъ былъ произведенъ въ генералы. Рошебрюнъ согласился и началъ сбираться въ путь [3])... какъ вдругъ нѣсколько сторонниковъ Мирославскаго (въ видахъ произвести въ краѣ замѣшательства, которыми могъ бы потомъ воспользоваться Мирославскій, для достиженія своихъ цѣлей) явились къ Рошебрюну съ предложеніемъ: «принять на себя главное начальство надъ всѣми силами русскаго захвата» — для чего нужно было, конечно, смѣнить Высоцкаго и отобрать у него кассу военнаго отдѣла южныхъ воеводствъ. Французскому авантюристу это сильно польстило и онъ, не сообразившись ни съ чѣмъ (кто предлагаетъ и можетъ-ли предлагать?), написалъ тутъ же, подъ диктантъ лицъ, возводившихъ его чуть не въ новые диктаторы, отставку директору южныхъ воеводствъ, и затѣмъ отправился къ нему въ сопровожденіи ксендза Каминскаго, графа Тышкевича, Чарнецкаго и Владислава Ески, но старикъ ихъ такъ припугнулъ, что они бѣжали отъ стыда безъ оглядки, а Рошебрюнъ счелъ за лучшее уѣхать немедля въ Парижъ.

---

[1]) Лисицкій удивляется такой выходкѣ австрійцевъ и не можетъ ее себѣ объяснить. «Langiewicz po trzykroć przeszedł granicę i wracał; ujęcie go za czwartym razem nastąpiło podobno przez zbytek gorliwości» (I, 401).

Умеръ во Львовѣ 18-го іюня н. ст. 1875 года. Статья объ немъ въ Dzienniku Poznańskim 1875, № 141. **Н. Б.**

[3]) Онъ былъ тогда въ Краковѣ, какъ равно и Высоцкій.

Такъ отрядъ Смѣховскаго и остался отрядомъ Смѣховскаго и вскорѣ перешелъ границу, гдѣ, какъ всѣ другія части арміи Лангевича, обезоруженъ австрійцами и интернированъ въ восточной Галиціи [1]).

А наши отряды, стоявшіе вокругъ Гроховиска, узнавъ, что Лангевичъ скрылся, пустились съ досады (впрочемъ, по приказанію Ченгери) бродить по лѣсу, исходили его вдоль и поперегъ, ища подъ всѣми кустами диктатора, и потомъ двинулись также къ границѣ, гоня передъ собою остатки повстанцевъ и отбивая тянувшіеся вслѣдъ за ними фургоны съ оружіемъ [2]). Отрядъ маіора Загряжскаго увлекся въ своемъ яромъ преслѣдованіи этихъ немногихъ повстанцевъ до того, что не замѣтилъ, какъ очутился въ Галиціи. Увидѣвъ въ дер. Костельникахъ австрійскій столбъ, Загряжскій велѣлъ остановить зарвавшихся далеко впередъ драгунъ и казаковъ, которые, воротясь, привели плѣнными одного австрійскаго офицера и одиннадцать рядовыхъ. Тѣмъ же отрядомъ были найдены, брошенные повстанцами въ дер. Чулицахъ, близь Иголоміевской таможни, прапорщикъ Полотьевъ и рядовые изъ роты капитана Керавнова. Преслѣдованіе продолжалось до 25-го марта н. ст. Уходя затѣмъ обратно въ Кѣльцы, отрядъ полковника Ченгери слышалъ, что въ лѣсу, недалеко отъ дер. Ксенжъ-Вельки, скрывается какая-то банда, человѣкъ въ 500 [3]), но такъ какъ войска были чрезвычайно утомлены, полковникъ не рѣшился разыскивать эту банду и пошелъ прямо. Не доходя до Кѣльцъ, отрядъ былъ встрѣченъ генераломъ Ушаковымъ, которому было приказано изъ Петербурга «отправиться на югъ Радомской губерніи лично». Онъ поздоровался съ пѣхотой и поздравилъ ее съ побѣдой. Потомъ подъѣхалъ къ драгунамъ и, не здороваясь съ ними, сказалъ вполголоса начальнику отряда: «эти, конечно, какъ всегда, ничего не дѣлали?» [4]).

Н. В. Бергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

---

[1]) Гиллеръ, I, 46—47.

[2]) Взятое въ фургонахъ оружіе состояло изъ австрійскихъ и бельгійскихъ штуцеровъ, со штыками въ видѣ ножа, и охотничьихъ ружей. Холодное оружіе состояло изъ австрійскихъ палашей и сабель. Большая часть того и другаго была въ крайне запущенномъ состояніи: поломано и заржавлено. Многіе изъ нашихъ офицеровъ высшихъ чиновъ, находившихся подъ Гроховисками, полагаютъ, что еслибъ не было страннаго скитанія по лѣсу, послѣ бѣгства Лангевича, мы бы могли взять въ плѣнъ половину его арміи.

[3]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, это была банда Чаховскаго, который, предчувствуя диктаторскую неурядицу, отдѣлился отъ Лангевича тотчасъ послѣ битвы подъ Малогощемъ и ушелъ внутрь края.

[4]) Отъ офицеровъ отряда. Н. Б,

ЗАПИСКИ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА КАРАТЫГИНА.

I [1]).

Встарину, на всѣхъ европейскихъ театрахъ, каждый изъ артистовъ, составляющихъ труппу, имѣлъ свое такъ называемое амплуа, т. е. занималъ роли, принадлежащія ему по физическимъ его средствамъ, по его годамъ и таланту.

Актеръ или актриса, напримѣръ, занимающіе трагическія или драматическія роли, никогда не брали на себя исполненія комическихъ ролей, и—наоборотъ. Понятное дѣло, что пожилой актеръ былъ бы смѣшонъ въ роляхъ jeune-premiers, а устарѣлая актриса была бы не на своемъ мѣстѣ въ роляхъ невинныхъ дѣвицъ (ingénues).

---

[1]) Записки Петра Андреевича Каратыгина, съ 1872 года, появляются, время отъ времени, на страницахъ «Русской Старины» и какъ редакція, такъ и читатели нашего изданія, всегда съ удовольствіемъ встрѣчаютъ эти живые, искренные и мастерски изложенные очерки. Такъ какъ каждый изъ нихъ составляетъ дѣйствительно отдѣльный очеркъ, то разобщенность ихъ при появленіи въ различныхъ годахъ «Русской Старины» ни мало не отнимаетъ у нихъ интереса. Тѣмъ не менѣе, намъ остается пожелать, чтобы глубоко уважаемый ветеранъ русской сцены—возможно чаще дѣлился съ нашими читателями своими воспоминаніями.

Донынѣ были нами напечатаны слѣдующіе очерки и главы изъ Записокъ П. А. Каратыгина: «Грибоѣдовъ» въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V; «Русскій театръ при Александрѣ I-мъ»—въ «Русской Старинѣ» 1872 г., т. VI; «Театръ въ 1820—1833 гг.»—изд. 1873 г., т. VII; «Театръ и драматическая труппа въ 1830—1841 гг.»—т. VIII; «Наводненіе въ 1824 г.» — въ «Русской Старинѣ» 1874 г., т. IX; «Театръ при Александрѣ I-мъ и 14-е декабря»—изд. 1875 г., т. XII; «Русская труппа въ 1826—1836 гг. въ изд. 1876 г., т. XV; «Мое дѣтство, мои родители, поступленіе и пребываніе въ театральной школѣ;—праздникъ въ Павловскѣ въ 1814 г.»—въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX. Ред.

Бывали исключенія, но они весьма рѣдки; не всѣ же актрисы M-lle Марсъ или Дежазе, которыя были одарены отъ природы такою наружностью, что и вторая ихъ молодость была продолженіемъ первой. Съ годами, артисты, конечно по неволѣ, должны перемѣнять прежнее свое амплуа.

Трагическій элементъ совершенно противоположенъ комическому. Странно бы было, напримѣръ, еслибъ мой покойный братъ, съ его колоссальнымъ ростомъ, звучнымъ голосомъ, съ серьезнымъ типомъ лица, вздумалъ играть Молчалина или Хлестакова, а Павелъ Васильевичъ Васильевъ, съ его приземистою фигурою и глухимъ голосомъ — взялся исполнить Гамлета... Впрочемъ, этотъ послѣдній, какъ говоритъ закулисная хроника, не задолго до своего удаленія со сцены петербургскаго театра, хотѣлъ рискнуть на эту курьезную выходку благодаря совѣтамъ какихъ-то театраловъ, которые увѣрили его, что для истиннаго таланта нѣтъ ничего невозможнаго: почему же-де Гамлетъ не могъ своею наружностью походить на какого нибудь Любима Торцова? (Въ которомъ Васильевъ, дѣйствительно, былъ совершенно на своемъ мѣстѣ). Какъ ни смѣшно такое предположеніе, но комикъ этому повѣрилъ, и не только выучилъ нѣсколько монологовъ и сценъ изъ этой трагедіи, но даже, въ одномъ изъ нашихъ клубовъ, въ интимномъ кружкѣ, послѣ обѣда, продекламировалъ ихъ, и эти совѣтники и знатоки драматическаго искусства, говорятъ, были въ восторгѣ... а, впрочемъ, почему же бы Васильеву не посягнуть на принца Гамлета, если онъ рѣшился играть царя Ивана Грознаго, объ исполненіи котораго многіе критики тогда отнеслись весьма одобрительно....

Въ Москвѣ, тоже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойный Провъ Михайловичъ Садовскій поддался такимъ же совѣтамъ театральныхъ реалистовъ и въ свой бенефисъ сыгралъ короля Лира; сборъ, конечно, былъ громадный, но увы! даже самые страстные его поклонники должны были сознаться, что талантливый артистъ взялся не за свое дѣло, и въ этотъ злополучный вечеръ онъ потерпѣлъ полное fiasco; онъ, кажется, не только не повторилъ этой роли, но, говорятъ, послѣ самъ смѣялся надъ своею траги-комичною выходкой.

Здѣсь мнѣ припомнился подобный курьезъ, бывшій очень давно на нашей сценѣ:

Въ одномъ изъ бенефисовъ знаменитой трагической актрисы Екатерины Семеновны Семеновой, вздумалось ей сыграть, вмѣстѣ съ оперною актрисой Софьей Васильевной Самойловой, въ извѣстной комедіи «Урокъ дочкамъ», соч. И. А. Крылова. Въ ту пору онѣ были уже матери семейства, въ почтенныхъ лѣтахъ и довольно объемистой полноты. Дѣдушка Крыловъ не полѣнился придти въ театръ взглянуть на своихъ раздобрѣвшихъ дочекъ.

По окончаніи комедіи, кто-то спросилъ его мнѣнія.

— «Что-жъ,—отвѣчалъ дѣдушка Крыловъ,—онѣ обѣ, какъ опытныя актрисы, сыграли очень хорошо, только названіе комедіи слѣдовало бы перемѣнить: это былъ урокъ «не дочкамъ, а бочкамъ».

Изъ этого анекдота легко можно вывести заключеніе, что и въ прежнее доброе старое время, даже высокоталантливые артисты не чужды были иногда сфарсить, ради бенефисной аферы. Впрочемъ, къ чести ихъ надобно прибавить, что такія выходки были очень рѣдки. Но нынѣшніе артисты, уже не исключительно для бенефиснаго интереса, а просто изъ желанія захватить въ свой репертуаръ побольше ролей [1]), окончательно уничтожили значеніе стариннаго амплуа и... и «смѣшались шашки»... а потому-то: сегодня вы видите актеровъ въ роляхъ молодыхъ повѣсъ и страстныхъ любовниковъ, а завтра они же являются дряхлыми стариками; сегодня они комики, доходящіе до фарса, а завтра имъ Шекспиръ и Шиллеръ ни почемъ.

Въ классическихъ трагедіяхъ самое жалкое амплуа занимали такъ называемые наперсники и наперсницы (confidents et confidentes). Эти личности изображалли какихъ-то автоматовъ, которымъ герои и героини піесы повѣряли свои сердечныя тайны; они съ подобострастнымъ молчаніемъ ихъ выслушивали, ожидая своей реплики, и уходили со сцены, по приказанію своихъ принципаловъ. Во всѣхъ почти старинныхъ трагедіяхъ, наперсникомъ моего брата былъ актеръ NN, который отличался какою-то флегматичною, неподвижною физіономіей; что бы ему ни говорили—радостное или печальное, ни одинъ мускулъ его лица бывало, не пошевелится. Однажды, братъ мой посовѣтовалъ ему

---

[1]) Такое рвеніе, при поспектакльной платѣ, конечно, нельзя назвать безкорыстною любовью къ искусству. П. К.

быть немножко пооживленнѣе, чтобы онъ постарался выразить мимикой, какое нибудь участіе къ его словамъ; тотъ поблагодарилъ его за совѣтъ и обѣщалъ постараться, но злодѣй вечеромъ скорчилъ такую плачевную мину, что мой братъ, при всей своей классической серьезности, едва могъ удержаться отъ смѣха и поторопился отъ него отвернуться... Затѣмъ, въ слѣдующій разъ, попросилъ его лучше не измѣнять прежней своей физіономіи.

Другой трагическій наперсникъ былъ, въ то время, актеръ Калининъ, ученикъ кн. Шаховскаго. Онъ недурно читалъ стихи и могъ бы назваться даровитымъ актеромъ, еслибъ не слишкомъ увлекался классическою восторженностью и былъ повоздержнѣе на счетъ даровъ Бахуса. Здѣсь мнѣ пришелъ на память одинъ комическій анекдотъ, случившійся съ этимъ трагикомъ.

Онъ былъ страстный поклонникъ моего брата и Брянскаго. Однажды, кажется, въ день своего рожденія, онъ пригласилъ ихъ обоихъ къ себѣ на завтракъ и хвастался угостить ихъ пельменями собственнаго своего приготовленія, такъ какъ онъ былъ сибирскій уроженецъ. Жилъ онъ одинокимъ холостякомъ, и хотя у него была кухарка, но она стряпала только для себя, а онъ постоянно обѣдалъ въ трактирѣ (Отель-дю-Нордъ), находившемся отъ него черезъ два дома.

Вотъ, наступило утро и Калининъ принялся за стряпню, приготовилъ свои знаменитыя пельмени, положилъ ихъ на противень, отнесъ на чердакъ (онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ) и поставилъ подъ слуховымъ окномъ, такъ какъ, по его словамъ, онѣ должны побыть около часу въ холодномъ мѣстѣ... Бульонъ, со всѣми снадобьями, кипѣлъ ключомъ, столъ накрытъ, закуска поставлена; все, казалось, было въ порядкѣ; хозяинъ только поглядывалъ на часы, ожидая съ нетерпѣніемъ дорогихъ гостей. Какъ вдругъ дверь отворилась и на порогѣ явился нежданный гость, товарищъ его по академіи художествъ, нѣкто Заборовскій, пьяный до того, что надо было подивиться, какъ онъ могъ добраться до четвертаго этажа...

Калининъ ошалѣлъ и готовъ былъ въ эту минуту послать его ко всѣмъ чертямъ.

— Ну, братъ, Заборовскій,—сказалъ онъ ему,—не во-время тебя принесло ко мнѣ: у меня будутъ завтракать Каратыгинъ и Брянскій, они сейчасъ придутъ сюда съ репетиціи...

— Экая важность! Я имъ не помѣшаю,—возражаетъ ему, съ чувствомъ собственнаго своего достоинства, незванный гость.

— Нѣтъ, нѣтъ, убирайся пожалуйста; я тебя и трезваго-то не пригласилъ бы въ ихъ компанію, а ты посмотри на себя, на что ты похожъ? приходи послѣ, когда они уйдутъ...

— Нѣтъ, братъ, не уйду; съ друзьями такъ не поступаютъ... старый другъ лучше новыхъ двухъ...

Но Калининъ, безъ церемоніи, выпроводилъ стараго друга въ сѣни и заперъ дверь на ключъ... Оскорбленный и униженный другъ нѣсколько минутъ постоялъ въ раздумьи, придерживаясь за замочную ручку. Спускаться обратно по лѣстницѣ было дѣло рискованное, къ тому же сонъ одолѣвалъ его, и изгнанный другъ полѣзъ ощупью на чердакъ; тамъ, въ темнотѣ, не разбирая мѣста, повалился со всѣхъ ногъ и заснулъ сномъ невинности. Наконецъ, пришли званные гости, хозяинъ пригласилъ ихъ къ закускѣ, въ ожиданіи обѣщанныхъ пельменей.

— Ну, что, Петръ Ивановичъ, за вкусъ не берешься, а горячо сдѣлаешь?—спросилъ его Брянскій.

— Нѣтъ, извините, Яковъ Григорьевичъ,—отвѣчалъ самоувѣренно Калининъ,—за что другое не взыщите, а ужъ пельмени вамъ подамъ такія, какихъ никто въ Петербургѣ не состряпаетъ...

Съ этими словами онъ побѣжалъ на чердакъ... Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышался шумъ, крикъ и ругатня, и въ комнату вбѣжалъ Калининъ, блѣдный, растрепанный и въ совершенномъ изступленіи... «Что случилось?»—спрашиваютъ его гости... онъ трясется и, отъ ужаса, не можетъ выговорить ни слова... Вскорѣ дѣло объяснилось, когда вошелъ въ комнату виновникъ этой плачевной катастрофы, весь облѣпленный пельменями... съ полсотни пирожковъ присохли къ его растрепаннымъ волосамъ, къ спинѣ, и такъ далѣе... Заборовскій началъ рекомендоваться гостямъ, которые помирали со смѣху, а Калининъ, въ отчаяніи, готовъ былъ, какъ новый Ватель, зарѣзаться отъ этого позора! Долго послѣ этого курьезнаго завтрака бѣдному Калинину не было прохода за кулисами, и тамъ многіе его просили научить ихъ стряпать «сибирскія пельмени».

II.

Въ 1833 году былъ назначенъ директоромъ петербургскихъ театровъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, служившій до того времени въ Москвѣ, при Оружейной палатѣ. Предшественникъ его кн. Гагаринъ, какъ я уже говорилъ прежде, былъ гордый аристократъ, недоступный для подчиненныхъ. Новый директоръ, съ перваго своего шага, оказался человѣкомъ совсѣмъ другаго склада и характера. Когда артисты всѣхъ труппъ ему представлялись, онъ былъ одинаково привѣтливъ, простъ и любезенъ съ каждымъ изъ нихъ. Можно сказать, что первымъ своимъ дебютомъ онъ съумѣлъ расположить всѣхъ въ свою пользу. Вступивъ въ должность, онъ обратилъ особенное вниманіе на драматическую труппу, бывшую, при князѣ Гагаринѣ, въ полномъ пренебреженіи. Гедеоновъ посѣщалъ нашъ театръ почти ежедневно; замѣчалъ успѣхи молодыхъ артистовъ и поощрялъ ихъ или похвалой или матеріальнымъ вознагражденіемъ. Въ первый же годъ своего директорства, онъ занялся переустройствомъ Театральнаго училища: его ходатайствомъ и стараніемъ было пріобрѣтено огромное зданіе противъ Александринскаго театра, въ собственность дирекціи; туда вскорѣ были переведены: театральная школа, контора, швальня, гардеробъ и нотная контора, находившіяся, до того времени въ разныхъ домахъ; тутъ же отведены были квартиры школьнымъ учителямъ, гувернерамъ и театральнымъ чиновникамъ.

По его домогательству, театральный бюджетъ былъ значительно увеличенъ... короче сказать, хозяйственная часть и вообще театральная администрація измѣнилась во многомъ къ лучшему. До Гедеонова драматическая и оперная труппы не были раздѣлены, и оперные артисты, какъ-то: Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, Ефремовъ, Шемаевъ и другіе, участвовали въ драматическихъ спектакляхъ; потомъ онъ уничтожилъ обыкновеніе давать малыя комедіи и водевили передъ балетомъ, какъ говорится, для съѣзда, что, конечно, не могло быть пріятно для актеровъ, потому что на ихъ игру публика не обращала никакого вниманія и хлопала... только дверями. Въ то время покойный И. И. Сосницкій, какъ старшій артистъ (которому, конечно, не весело было играть для

съѣзда), передалъ мнѣ нѣсколько ролей изъ своего репертуара, какъ-то: «Воздушные замки», «Шалости влюбленныхъ», «Своя семья», «Говорунъ» и друг. Кажется, Гедеонову также мы были обязаны уничтоженіемъ такъ называемыхъ «анонсовъ», т. е. возвѣщеній публикѣ о спектакляхъ на слѣдующіе дни. Эта традиція, вѣроятно, вела свое начало съ того времени, когда еще не печатались афиши. Молодые артисты обязаны были ежедневно, по очереди, являться въ театръ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и въ одномъ изъ антрактовъ, выйдя за переднюю занавѣсь, анонсировать, что «завтра на здѣшнемъ театрѣ представлена будетъ такая піеса, а на Большомъ такая-то». Если приходились тутъ бенефисы, то и объ нихъ надо было сообщить. Особенно на масляницѣ, при утреннихъ и вечернихъ спектакляхъ, эти нелѣпые анонсы были просто нестерпимы. Старшіе актеры были, конечно, избавлены отъ этого удовольствія...

Впрочемъ, я помню однажды, въ чей-то бенефисъ, Сосницкій игралъ «Говоруна» (ком. Хмѣльницкаго). Въ концѣ піесы, онъ остается одинъ на сценѣ—и вмѣсто послѣднихъ стиховъ:

«Но мнѣ пересказать объ этомъ остается
И всѣмъ и каждому, кто первый попадется».

Онъ (обращаясь къ публикѣ) замѣнилъ ихъ слѣдующими:

«Но, чтобы, наконецъ, васъ чѣмъ нибудь занять,
Позвольте честь имѣть теперь же вамъ сказать:

«Завтрашній день, на здѣшнемъ театрѣ, россійскими придворными актерами представлено будетъ», и проч... Аплодисменты и общій хохотъ перервали эту неожиданную выходку любимаго артиста и фарсъ удался вполнѣ.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ послѣдовалъ высочайшій указъ, по которому артисты императорскихъ театровъ, перваго разряда, прослужа двадцати-лѣтній срокъ, имѣютъ право получать потомственное почетное гражданство. Этою милостью мы были обязаны иниціативѣ и ходатайству А. М. Гедеонова; и можно сказать, что это было дѣйствительно капитальное доброе дѣло, сдѣланное имъ для артистовъ. До того времени, званіе придворнаго артиста не имѣло никакого опредѣленнаго положенія въ обществѣ. Хотя они и дѣти ихъ не принадлежали къ податному состоянію,

но собственно никакими гражданскими правами не пользовались. Придворные пѣвчіе, напримѣръ, получали чины, по выслугѣ положенныхъ лѣтъ; но чиновники, поступая на сцену, не имѣли права пользоваться своими чинами и лишались ихъ въ продолженіи своей службы при театрѣ. Вслѣдствіе такого правила, кн. Тюфякинъ (о которомъ я говорилъ въ прежнихъ главахъ моихъ Записокъ на страницахъ «Русской Старины») и посадилъ актера Булатова на съѣзжій дворъ, хотя онъ имѣлъ тогда чинъ титулярнаго совѣтника. Понятное дѣло, что царская милость не могла не вызвать въ нашемъ закулисномъ мірѣ общаго восторга—и старшіе артисты того времени почли за долгъ благодарить директора, который былъ главнымъ виновникомъ этой милости, и, въ память совершившагося событія, преподнести ему какой нибудь вещественный знакъ ихъ признательности. По испрошеніи предварительно, черезъ министра двора кн. Петра Михайловича Волконскаго, высочайшаго соизволенія, артистами былъ тогда заказанъ изящный серебряный кубокъ съ позолотой, приличными атрибутами и надписями, съ такимъ же блюдомъ, на которомъ были вырѣзаны фамиліи артистовъ, участвовавшихъ въ подпискѣ для этого подарка... И вотъ, въ одно прекрасное утро, старшіе артисты драматической, оперной и балетной труппъ явились съ своимъ приношеніемъ къ Александру Михайловичу. Онъ былъ глубоко тронутъ изъявленіемъ нашей благодарности... и черезъ нѣсколько дней мы получили приглашеніе къ нему на обѣдъ. Первый тостъ, какъ слѣдуетъ, былъ предложенъ хозяиномъ за здоровье государя императора и всѣ единымъ сердцемъ и устами провозгласили ему многая лѣта! Второй тостъ артисты не замедлили провозгласить за здоровье радушнаго хозяина, а третій тостъ былъ выпитъ, по предложенію Александра Михайловича, за процвѣтаніе искусства и за успѣхи русскаго театра.

Обѣдъ прошелъ шумно и весело... Вообще этотъ достопамятный день имѣлъ характеръ какого-то семейнаго праздника и оставилъ въ насъ самыя отрадныя впечатлѣнія и надежды. Прежніе директоры не пріучили артистовъ къ подобному обхожденію, держали ихъ въ почтительномъ отдаленіи отъ себя, а иные держали ихъ, какъ говорится, просто въ черномъ тѣлѣ. Мы всѣ были обворожены лаской и любезностью нашего новаго начальника, намъ тогда казалось, что судьба, наконецъ, сжалилась надъ русскимъ

театромъ и послала намъ директора, который съ любовью будетъ стараться объ успѣхахъ нашей родной сцены; что онъ будетъ смотрѣть на артистовъ, какъ на свободныхъ художниковъ, которые могли бы ему иногда, не стѣсняясь, откровенно высказывать свои мнѣнія, не подражая Молчалину:

«Что намъ — (дескать) не должно смѣть
«Свое сужденіе имѣть.»

Да, все это, конечно, многимъ изъ насъ приходило тогда на мысль .. но увы!! не всегда безоблачное утро бываетъ порукой хорошаго дня. Отдавая справедливость полезной дѣятельности покойнаго Александра Михайловича въ продолженіе первыхъ годовъ его управленія театрами, та же справедливость обязываетъ меня показать и оборотную сторону медали...

Хотя и говоритъ латинская пословица «De mortuis aut bene, aut nihil», но еслибъ слѣдовать этой добродушной пословицѣ, тогда бы и исторію нельзя было писать... Есть люди, которые (какъ увѣряли астрологи) явились на свѣтъ подъ счастливою звѣздой, или (какъ гласитъ народная поговорка) родились въ сорочкѣ. Эти баловни природы, безъ особенныхъ трудовъ и способностей, быстро выдвигаются впередъ, имъ все удается: задумаютъ они жениться — невѣсты попадаются имъ съ богатымъ приданымъ, а если таковаго не имѣется въ наличности, то судьба пошлетъ имъ красавицу жену, которая поможетъ мужу занять видное мѣсто въ общественномъ положеніи и благодѣтельно посодѣйствуетъ его карьерѣ по службѣ... Такъ или иначе, но Александру Михайловичу по службѣ постоянно везло. Всѣ близко знавшіе его должны согласиться, что онъ былъ человѣкъ очень добрый; но и добрые люди бываютъ своенравны, капризны, самолюбивы и упрямы, а съ такими качествами и отъ добрыхъ людей можетъ произойти много зла. Не даромъ же сказалъ какой-то французъ или италіанецъ, что добрыми желаніями и намѣреніями адъ вымощенъ. У Александра Михайловича былъ очень странный характеръ или, лучше сказать, у него не было никакого. Онъ былъ иногда вспыльчивъ до безразсудства и упрямъ до ребячества; самолюбіе его никогда не допускало въ немъ мысли, что онъ можетъ въ чемъ-нибудь ошибиться. Трудно мнѣ теперь опредѣлить: съ котораго времени началъ онъ утрачивать прежнюю симпатію къ себѣ въ своихъ подчиненныхъ; но едва-ли

не съ тѣхъ поръ, какъ лишился своей доброй и милой жены... только положительно можно сказать, что съ этого времени онъ охладѣлъ къ драматической и оперной труппамъ и обратилъ все свое вниманіе сперва на балетную часть, а потомъ на французскій театръ. Прелестная попрыгунья Терпсихора дала coup de pied и Таліи и Мельпоменѣ, и нашъ александринскій пасынокъ опять отодвинулся на задній планъ. Въ доказательство тому можно привести на память, какъ въ то время монтировались драматическіе спектакли; на постановку новой піесы режиссеру съ трудомъ удавалось выпросить у дирекціи нѣсколько десятковъ рублей... Грустно вспомнить, въ какихъ жалкихъ и разнокалиберныхъ костюмахъ, при какихъ безобразныхъ декораціяхъ, представлялись тогда «Гамлетъ», «Лиръ», «Донъ-Карлосъ», «Разбойники» и многія другія піесы [1]).

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что ни при одномъ изъ директоровъ, предшествовавшихъ Гедеонову, театральная дирекція не имѣла такого огромнаго бюджета, получая чуть-ли не ежегодно значительныя къ нему прибавки, и при всемъ томъ, въ концѣ года, оказывался постоянный дефицитъ... Изъ этого можно заключить, что Гедеоновъ былъ нерасчетливый администраторъ; онъ тратилъ десятки тысячъ безъ всякой пользы для театра и отказывалъ въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей, въ которыхъ бывала крайняя необходимость...

Въ ту пору была въ Театральномъ училищѣ, въ числѣ другихъ воспитанницъ, одна юная дщерь Терпсихоры, единственная дочь какой-то простой, бѣдной женщины; ее звали Еленой... имя знаменательное: отъ ея тезки погибла Троя, и Мейерберовъ Бертрамъ (въ «Робертѣ») изъ цѣлаго кордебалета прелестныхъ дѣвъ, возставшихъ изъ могильныхъ склеповъ, избралъ Елену соблазнить Роберта-дьявола. Хотя Елена Театральнаго училища не могла назваться прекрасною Еленой, но она была ловка и граціозна... Его превосходительство, какъ я уже выше сказалъ, былъ тогда

---

[1]) За весь двадцатипятилѣтній періодъ директорства А. М. Гедеонова, только двѣ піесы: «Русская свадьба» (П. П. Сухонина) и «Деньщикъ» (Н. В. Кукольника) удостоились истинно великолѣпной обстановки. Но и тутъ вся заслуга директора заключалась лишь въ его соизволеніи на неотступныя просьбы его секретаря и тогдашняго члена репертуарной части Е. М. Семенова.

П. К.

вдовецъ; онъ обратилъ особенное вниманіе на развивающійся талантъ этой воспитанницы, подававшей большія надежды... а надежда и любовь—родныя сестры. Юная дѣва не могла не замѣтить особенной къ себѣ благосклонности или, короче сказать, склонности своего начальника и потому, подавая надежды относительно своего искусства, она, какъ дѣвушка себѣ на умѣ, расчитала не лишать надежды своего начальника. Хотя ему тогда было уже далеко за 60 лѣтъ, но звѣзды блистали на его груди и всесильное его могущество пророчило ей блестящую перспективу взойти на театральный горизонтъ звѣздою первой величины. Расчетливая дочь Терпсихоры не рѣшилась пренебрегать отеческимъ вниманіемъ своего протектора. Если она не могла его полюбить, то почему же было ей не пококетничать съ нимъ, въ ожиданіи будущихъ благъ. Какъ бы то ни было... но они сблизились и его превосходительство нашелъ, что ей оставаться въ училищѣ долѣе не къ чему, что она довольно уже успѣла въ хореграфическомъ искусствѣ, и онъ поторопился выпустить ее изъ училища... Онъ, какъ всесильный султанъ, могъ, конечно, расчитывать на безмолвную покорность доморощенной одалиски, но эта хитрая одалиска повела свое дѣло иначе, и горделивый султанъ, какъ Магометъ II, подчинился обворожительной Роксоланѣ. Любовь, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ дѣлала чудеса. Если она заставила суроваго деспота и хитроумнаго кардинала Ришелье танцовать съ кастаньетами передъ Анной Австрійской, то чему же удивляться, что закулисный султанъ началъ плясать по дудкѣ ловкой танцорки. Сдѣлавшись фавориткой директора, она съумѣла до того овладѣть имъ, что онъ готовъ былъ исполнять ея малѣйшія желанія и снисходить къ ея капризамъ; тогда, разумѣется, многіе изъ балетнаго люда начали искать ея протекціи, а такъ какъ она дѣлала все, что хотѣла, изъ своего протектора, то тутъ зачастую хромала справедливость по балетной части.

Получивъ такой прочный апломбъ на сценѣ и за кулисами, юная дочь Терпсихоры, конечно, не могла имѣть соперницъ, которыя бы осмѣлились стать съ нею на одну доску... Всѣ новые балеты того времени ставились собственно для нея. Но... увы! будучи фавориткой директора, она не могла сдѣлаться любимицею публики. Озлобленные театралы, обожатели другихъ танцов-

щицъ, можетъ быть, болѣе даровитыхъ нежели она, зачастую ей шикали, что много вредило по службѣ тѣмъ изъ ея подругъ, которыя рѣшались съ нею соперничать. Въ то время знаменитая Фанни Эльслеръ прислала въ дирекцію изъ-за границы предложеніе ангажировать ее на нѣсколько представленій, но, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, рѣшилась пріѣхать въ Петербургъ безъ зова. Гедеоновъ принялъ ее очень холодно и сказалъ ей, что, по финансовымъ соображеніямъ, онъ не имѣетъ возможности въ настоящее время исполнить ея желаніе, зная навѣрно, что такой могучій талантъ срѣжетъ съ ногъ его фаворитку; но покойный государь Николай Павловичъ, узнавъ о пріѣздѣ Ф. Эльслеръ, пожелалъ ее видѣть и пригласилъ дебютировать въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ.

Въ этотъ спектакль шли двѣ піесы: одна французская, другая русская (въ которой я участвовалъ), а въ антрактѣ должна была танцовать Эльслеръ свою чудную качучу. Гедеоновъ, по своей обязанности, конечно, былъ, скрѣпя сердце, присутствовать на этомъ представленіи. Часа въ 4, всѣ артисты, участвующіе въ спектаклѣ, были приглашены въ одну изъ дворцовыхъ комнатъ къ обѣденному столу; русскіе артисты заняли одну половину, французскіе—другую; между послѣдними помѣстилась и Фанни Эльслеръ. Подлѣ меня сидѣлъ Василій Васильевичъ Самойловъ, и мы съ нимъ замѣтили, что французскіе артисты, въ угоду-ли директору, или изъ національной гордости, какъ-то холодно относились къ знаменитой нѣмецкой гостьѣ. Это возбудило въ насъ досаду... Только что налили намъ въ бокалы шампанское, я шепнулъ Самойлову: «хватимъ-ка, братъ, за ея здоровье!» и тутъ же оба съ нимъ вытянулись во весь ростъ и дружно гаркнули: «à la santé de la célèbre Elssler!» Всѣ поднялись вслѣдъ за нами, подняли бокалы, и французское «vive Elssler!» слилось съ русскимъ громогласнымъ «ура!!» Можетъ быть, французскимъ артистамъ была и не по вкусу наша выходка, но мы съ Самойловымъ были очень довольны тѣмъ, что намъ первымъ довелось чествовать знаменитую гостью. Она, конечно, не могла не замѣтить, кто были запѣвалы этой оваціи, и наградила насъ привѣтливымъ поклономъ и очаровательнымъ своимъ взглядомъ. Фанни Эльслеръ, какъ и слѣдовало ожидать, произ-

вела въ этотъ спектакль фуроръ. Государь, вся царская фамилія и весь дворъ были въ восторгѣ.

Эльслеръ дебютировала на Большомъ театрѣ въ балетѣ «Жизель», который не пользовался особенною любовью публики, и едва-ли этотъ выборъ зависѣлъ отъ нея самой. Можетъ быть, дирекція нашла какое-нибудь затрудненіе назначить другой балетъ, болѣе эффектный. Я какъ теперь помню этотъ спектакль. Петербургская публика иногда удивляетъ своими странностями: то она повѣритъ на-слово заграничнымъ отзывамъ объ артистѣ и приметъ его съ шумными аплодисментами, то какъ-то недовѣрчиво отнесется къ нему, не смотря на европейскую его славу [1]). Послѣднее случилось и съ Фанни Эльслеръ: при первомъ ея выходѣ въ упомянутомъ балетѣ встрѣтилъ ее ледяной холодъ, ни одна рука не пошевелилась для аплодисмента; у другой танцорки ноги бы подкосились, но она была не такова: «А! господа (конечно, подумала она), вотъ какъ! вы не вѣрите тому, что было обо мнѣ писано въ Европѣ, такъ я же вамъ докажу, съ кѣмъ вы имѣете дѣло»... и—пошла писать на славу! Только она кончила свое первое pas, какъ весь театръ разразился оглушительнымъ аплодисментомъ. Вскорѣ, по высочайшей волѣ, ее ангажировали въ Петербургъ на три года.

Понятно, что при такомъ свѣтилѣ, явившемся на нашемъ балетномъ горизонтѣ, счастливая звѣзда директорской фаворитки должна была померкнуть. Тогда Гедеоновъ былъ уже директоромъ театровъ въ обѣихъ столицахъ и онъ, съ горя, заблагоразсудилъ перевести петербургскую Елену на московскую сцену; но и туда переселилась она не на радость. Московскіе театралы, поклонники первой тогдашней балерины Санковской и другихъ танцовщицъ, начали враждебно преслѣдовать петербургскую незваную гостью, и зачастую угощали ее шиканьемъ... Москва за своихъ стоитъ горой и эксцентричный антагонизмъ этихъ балетомановъ дошелъ, наконецъ, до того, что въ одно изъ представленій какого-то балета, въ которомъ первенствовала петербургская Елена, выброшена была изъ верхней ложи къ ея ногамъ—

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что знаменитая Тальони, восхищавшая Петербургъ за 10 лѣтъ до Фанни Эльслеръ, при первомъ своемъ появленіи (въ балетѣ «Сильфида») была привѣтствована громкими рукоплесканіями. П. К.

мертвая кошка! Мщеніе, конечно, перешло уже границы всякихъ приличій; но когда разгуляется московская широкая натура, она принимаетъ чудовищные размѣры.

Виновнаго [1]), разумѣется, не отыскали, но послѣ этой кошки его превосходительство началъ звѣремъ смотрѣть на московскій балетъ и сократилъ прежніе на него расходы.

О дальнѣйшихъ похожденіяхъ Елены я не помню подробностей, знаю только, что она возвратилась, по отъѣздѣ Эльслеръ, въ Петербургъ, а потомъ уѣхала въ Парижъ, кажется, тамъ танцовала, безъ особеннаго успѣха, на сценѣ Большой Оперы и, наконецъ, умерла въ Парижѣ въ 1857 году. По слухамъ, она была добрая женщина и зачастую укрощала вспыльчиваго и раздражительнаго своего патрона, черезъ котораго, можетъ быть, приходилось ей терпѣть иногда напраслину и клевету. Хотя Ф. Эльслеръ уже не въ первой своей молодости посѣтила Петербургъ, но дивнымъ своимъ талантомъ, граціей и особенно мимикой, могла обворожить любаго юношу... о старикахъ я уже не говорю; они всѣ были отъ нея безъ ума, кромѣ Гедеонова, разумѣется, который не обращалъ никакого вниманія на ея сценическое торжество и видѣлъ въ ней только нарушительницу своего закулиснаго счастія.

Балетмейстеръ Перро поставилъ для Ф. Эльслеръ нѣсколько новыхъ балетовъ, съ прекрасною музыкой композитора Пуни [2]); замѣчательнѣйшій изъ нихъ «Катарина, дочь разбойника», гдѣ она обнаружила въ полной силѣ свой огромный талантъ. Надо сказать, что и окружавшія ее, въ то время, танцовщицы чуть-ли не наподборъ были красавицы; знаменитый танецъ съ ружьями (pas de fusils), подъ предводительствомъ Катарины, производилъ постоянный восторгъ въ публикѣ.

Помню я еще небольшой балетъ, соч. Перро, подъ названіемъ «Мечта художника», въ которомъ наша будущая знаме-

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, покойный Павелъ Александровичъ Булгаковъ (родной братъ извѣстнаго Константина Булгакова) сознался, что онъ былъ виновникомъ этой дикой шутки. Не понимаю, къ чему было печатно признаваться! Лучше бы было, еслибъ эта тайна умерла вмѣстѣ съ нимъ.

[2]) Балетъ «Эсмеральда», соч. Перро, былъ поставленъ, еще до его пріѣзда въ Петербургъ, самою Фанни Эльслеръ. П. К.

нитость Муравьева представляла амура; ей тогда было лѣтъ 13. Я видѣлъ какъ за кулисами, въ одно изъ представленій этого балета, Эльслеръ цѣловала ее, какъ бы меньшую сестру и наслѣдницу ея славы. При окончаніи трехлѣтняго ангажемента Ф. Эльслеръ, Гедеоновъ, по обоюдному соглашенію съ Перро, пригласилъ изъ Парижа танцовщицу Карлотту Гризи (Гризи была фавориткою Перро), а Ф. Эльслеръ предложилъ на одинъ сезонъ перейти на московскій театръ. Въ Петербургѣ Гризи, смѣнивъ Фанни, не замѣнила ея, а Фанни въ Москвѣ производила такой же фуроръ, какъ и въ Петербургѣ, потому что ей не могли помѣшать никакія московскія знаменитости.

III.

Для полнаго описанія личности А. М. Гедеонова, я долженъ упомянуть еще объ нѣкоторыхъ чертахъ его страннаго характера. У него была претензія создавать самому таланты и хотя его креатуры, по бо̀льшей части, не пользовались успѣхами на сценѣ, но всегда загораживали дорогу людямъ, имѣвшимъ истинное дарованіе. Къ первоклассным артистамъ онъ вообще относился какъ-то недоброжелательно и, при случаѣ, всегда готовъ былъ сдѣлать имъ что нибудь непріятное; такъ, напримѣръ: Тальони, Ф. Эльслеръ, — Рубини, Тамбурини, французскіе артисты Алланы (мужъ и жена), Брессанъ, покойный мой братъ, жена его, В. В. Самойловъ, сестра его Вѣра Васильевна и нѣкоторые другіе—зачастую имѣли съ нимъ непріятныя объясненія и столкновенія. На молодыхъ же актеровъ и актрисъ, начинавшихъ пользоваться любовью публики, или обратившихъ на себя вниманіе высокопоставленныхъ особъ, Гедеоновъ всегда косо поглядывалъ, какъ бы въ предупрежденіе, чтобы они не вздумали забыться передъ нимъ, будто желая имъ сказать: «вы-де не слишкомъ надѣйтесь на покровительство кого бы то ни было, а безъ меня немного отъ этого выиграете!»

Упомянувъ выше о Тальони, я не могу обойти молчаніемъ одну щекотливую исторію, случившуюся съ Гедеоновымъ во время ея пребыванія въ Петербургѣ; разсказы объ этомъ происшествіи долго гуляли по городу съ разными прибавленіями.

Былъ у Александра Михайловича старинный пріятель, отставной заслуженный генералъ, георгіевскій кавалеръ, остзейскій баронъ Левенштернъ—страстный поклонникъ Тальони; но такъ какъ онъ былъ человѣкъ вовсе не богатый, то, пользуясь пріятельскими отношеніями къ Гедеонову, постоянно бывалъ въ его директорской ложѣ. Однажды, на вечерѣ у графа Воронцова-Дашкова, Гедеоновъ, сидя за картами, бранилъ Тальони и говорилъ, что напрасно эта старуха къ намъ пріѣхала, что теперь зачастую, при ея представленіяхъ, театръ бываетъ далеко не полонъ, и публика явно къ ней охладѣла. Баронъ Левенштернъ не могъ не вступиться за свою любимицу и сказалъ, что это не справедливо, что онъ не пропускаетъ ни одного ея представленія.

— Чтожъ мудренаго, — сказалъ Гедеоновъ, съ язвительною улыбкой, — вы всегда у меня въ ложѣ и смотрите даромъ, а не за деньги.

Раздраженный баронъ кинулъ карты, вскочилъ изъ-за стола и бросился на своего неделикатнаго пріятеля. Окружавшіе ихъ гости, конечно, поспѣшили ихъ развести, но гр. Воронцовъ приказалъ имъ обоимъ подать шляпы и попросилъ ихъ окончить свою ссору не въ его домѣ. Иные говорили, что ссора эта едва не кончилась дуэлью, другіе прибавляли такіе варіанты, что я считаю лучше о нихъ умолчать. Но какъ бы то ни было, а баронъ Левенштернъ съ тѣхъ поръ не показывался уже болѣе въ директорской ложѣ.

Сообщу моимъ читателямъ объ А. М. Гедеоновѣ еще нѣсколько анекдотовъ и фактовъ, которыхъ случилось мнѣ быть свидѣтелемъ, или слышать о нихъ отъ людей вполнѣ достовѣрныхъ.

Однажды былъ поставленъ какой-то новый балетъ, на который была затрачена довольно большая сумма, но онъ не имѣлъ успѣха. Въ день третьяго или четвертаго представленія этого балета, поутру, по заведенному порядку, подаютъ Александру Михайловичу такъ называемую «рапортичку» о сборахъ съ обоихъ театровъ. Увидя, что на Александринскомъ театрѣ, гдѣ шла въ тотъ день какая-то старая трагедія или драма—почти полный сборъ, а на Большомъ, гдѣ шелъ новый балетъ, не разобрано билетовъ и третьей доли, онъ швырнулъ рапортичку и яростно вскрикнулъ: «ну, чего эта глупая публика не видала на Алексан-

дринскомъ театрѣ? Ломится на старую піесу, а новаго балета смотрѣть не хочетъ».

Еще у него была неблаговидная странность: онъ терпѣть не могъ, когда его о чемъ нибудь просятъ: тутъ, первымъ его движеніемъ было непремѣнно отказать, какъ бы ничтожна ни была эта просьба, хотя послѣ онъ иногда и соглашался исполнить эту просьбу. Напримѣръ, мой братъ и его жена Александра Михайловна имѣли въ своихъ контрактахъ условіе: каждые два года пользоваться, если пожелаютъ, отпускомъ въ Москву, гдѣ могли дать нѣсколько представленій и получить тамъ бенефисы. Въ одно прекрасное утро явилась Александра Михайловна къ Гедеонову заявить, что въ этотъ годъ она съ мужемъ желаетъ отправиться въ Москву.—«А имѣю я право вамъ отказать?» — спрашиваетъ онъ.—Нѣтъ, по смыслу контракта не имѣете никакого права.— «Да?.. ну, въ такомъ случаѣ поѣзжайте».

Въ 1842 году приходилось мнѣ заключить новый контрактъ, послѣдній передъ окончаніемъ 20-ти лѣтней моей службы. Года за три до того, я получалъ уже поспектакльную плату по 3 р. серебр. До истеченія срока моего контракта за шесть мѣсяцевъ, по принятому правилу, я подалъ въ контору заявленіе, въ которомъ сказалъ, что, относительно прибавки къ получаемой мною поспектакльной платѣ, я предоставляю на благоусмотрѣніе начальства, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ писывали. Всѣ мои товарищи и однокашники давно меня обогнали по этой статьѣ, хотя я работалъ не менѣе ихъ; я тогда игралъ по 170 и 180 разъ въ годъ. Полагая, что добросовѣстная и усердная 19-ти лѣтняя моя служба даетъ мнѣ нѣкоторое право надѣяться, что меня сравняютъ съ моими сверстниками, что директоръ обратитъ вниманіе и на то обстоятельство, что я въ свои бенефисы ежегодно ставилъ по двѣ и по три свои піесы, за которыя отъ дирекціи ничего не получалъ. Одна «Ложа 1-го яруса», игранная въ продолженіе трехъ лѣтъ около 100 разъ, принесла дирекціи порядочную прибыль....

Проходили мѣсяцы, а о результатѣ моего заявленія не было никакого отвѣта; наконецъ, недѣли за двѣ до возобновленія моего контракта, я получилъ изъ конторы бумагу, гдѣ сказано, что его превосходительство назначаетъ къ получаемымъ уже мною 3-мъ рублямъ поспектакльной платы, еще два рубля. Хотя я и чувствовалъ, что заслуживалъ болѣе двухъ-рублевой прибавки,

однакожъ готовъ былъ согласиться на предложенное мнѣ условіе, но жена моя и мой зять Евгеній Макаровичъ Семеновъ, который служилъ тогда секретаремъ директора, уговаривали меня, прежде чѣмъ подписать контрактъ, лично попросить Гедеонова объ увеличеніи разовыхъ... Крѣпко мнѣ этого не хотѣлось, но наконецъ рѣшился, въ той надеждѣ, что до того времени я никогда ни о чемъ его не просилъ. Передъ тѣмъ днемъ, когда я намѣренъ былъ явиться къ директору, Семеновъ посовѣтовалъ мнѣ придти поранѣе, пока никто еще не успѣлъ его разсердить. Случалось еще и такое обстоятельство; если его превосходительство наканунѣ проигрывалъ въ карты (что бывало съ нимъ зачастую, благодаря его упрямству и настойчивости), то тутъ, говорятъ, къ нему приступу не было. Вотъ, на другой день, ровно въ 9 часовъ утра, я уже былъ въ канцеляріи директора; Семеновъ сидѣлъ за своимъ столомъ и являлся уже къ директору съ докладомъ. Я освѣдомился у него—въ какомъ расположеніи его превосходительство? и онъ отвѣчалъ мнѣ: «ступай смѣло; сегодня онъ, кажется, всталъ съ постели правою ногой»; и точно, въ это время послышалось изъ его кабинета насвистываніе какого-то балетнаго мотива, что, по замѣчанію близкихъ къ директору людей, означало доброе расположеніе его духа... Я также собрался съ духомъ, и съ приличною покорностью вошелъ въ его кабинетъ. Его превосходительство пилъ чай и небрежно разсматривалъ какія-то бумаги. Увидя меня, онъ съ благосклонною улыбкой обратился ко мнѣ. «Здравствуй, Петръ Андреевичъ, что̀ скажешь?»

Его благосклонность меня нѣсколько пріободрила и я отвѣчалъ ему: «Ваше пр—во, я пришелъ къ вамъ съ покорною просьбой»...

Слово просьба въ одну секунду измѣнило его физіономію... онъ прихлебнулъ чай, потеръ свои бакенбарды и, не глядя на меня, спросилъ:

— О чемъ ты хочешь просить?

— На счетъ моего контракта.

— Ну, да, такъ что же? развѣ тебѣ не прислали изъ конторы моего предписанія?

— Прислали, в. пр—во.

— Теперь ты будешь получать поспектакльной платы, вмѣсто трехъ—пять рублей. Я надѣюсь, что ты доволенъ?

— В. пр-во, мои сверстники по службѣ давно уже получаютъ по 8 и даже по 10 р., а я работаю не менѣе ихъ...

— Ну! такъ! вы ничѣмъ недовольны, вамъ что ни назначь, все мало,—вскрикнулъ онъ запальчиво.

Отъ этой любезности, меня что-то кольнуло въ сердце и легкая дрожь пробѣжала по спинѣ; я, какъ ошеломленный, не могъ вдругъ собраться съ силами и, помолчавъ немного, спросилъ его: «за что же вы изволите сердиться, в. пр—во?»

— А вотъ за то, что ты недоволенъ тѣмъ, что я тебѣ назначилъ, и смѣешь требовать еще прибавки!

— Я не требую, а прошу васъ, в. пр—во.

— А я тебѣ не даю и не только не даю, но не дамъ и того, что сперва назначилъ; оставайся на прежнихъ трехъ рубляхъ.

Я, не глядя въ зеркало, чувствовалъ, что начиналъ блѣднѣть... Прошла минута тяжелаго молчанія.

— Чѣмъ же я заслужилъ, на 19-мъ году усердной службы, такую немилость?—спросилъ я его наконецъ.

— А вотъ тѣмъ, что ты недоволенъ.

— Если это васъ такъ раздражаетъ, то я отступаюсь отъ моей просьбы, и безропотно приму то, что вы уже мнѣ назначили.

— А я тебѣ говорю, что не дамъ: оставайся на прежнемъ положеніи, а если ты недоволенъ, то можешь подать въ отставку.

— В. пр—во, въ будущемъ году я получу царскую пенсію за 20-ти лѣтнюю мою службу; я семьянинъ, у меня четверо дѣтей, такъ еслибы вы и вовсе отняли у меня поспектаклъную плату, я и тогда бы не подалъ въ отставку.

— Ну, это твое дѣло, какъ знаешь, а я всетаки не дамъ тебѣ пяти рублей... прощай.

Когда я разсказалъ Семенову о рѣшеніи директора, онъ очень удивился и старался успокоить меня тѣмъ, что эта превосходительная вспышка зачастую не имѣетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій и что дѣло, конечно, уладится въ мою пользу. Но тутъ дѣло не въ трехъ или пяти рубляхъ, а въ незаслуженной обидѣ! Товарищи мои, которые узнали обо всемъ этомъ, также говорили мнѣ, чтобы я не огорчался; что и съ ними, при заключеніи новыхъ контрактовъ, бывали такія исторіи; что, съ перваго раза, этотъ своенравный баринъ раскричится и откажетъ, а потомъ смилуется и дастъ то, что у него спросятъ; что не можетъ быть, чтобы онъ рѣшился отнять

у меня прибавку, уже однажды имъ назначенную; другіе совѣтовали мнѣ сходить къ нему вторично и снова попросить его... Но я былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы выканючивать себѣ вполнѣ мною заслуженное. Черезъ недѣлю послѣ этого происшествія, потребовали меня въ контору, для подписанія контракта. Я пришелъ туда, читаю контрактъ и вижу, что его превосходительство дѣйствительно взмиловался—контрактъ заключенъ былъ на 3 года: въ 1-й годъ я оставленъ на прежнихъ 3 р., на 2-й прибавленъ одинъ рубль, на 3-й—еще одинъ. Я подписалъ контрактъ. Но его превосходительство не ограничился одною этою милостью: до этого времени, три года къ ряду, мнѣ назначался бенефисъ въ началѣ апрѣля, первый по открытіи спектаклей послѣ Пасхи, въ пору довольно выгодную; но на этотъ разъ мнѣ былъ назначенъ бенефисъ 19-го мая, когда половина петербургскихъ жителей перебирается на дачи; вслѣдствіе этого, въ день моего бенефиса, театръ былъ пустъ на половину и на мою долю пришлось едва 600 р. И такъ, въ эти два года, по милости его превосходительства, я не досчитался въ моемъ домашнемъ бюджетѣ, по меньшей мѣрѣ, тысячъ около двухъ, но за то его превосходительство своимъ поступкомъ со мною доказалъ, что онъ твердъ въ своемъ словѣ и можетъ иногда, какъ говорится, выдержать характеръ...

IV.

Когда управленіе московскими театрами, послѣ М. Н. Загоскина, присоединилось къ петербургской дирекціи, одинъ изъ нашихъ актеровъ желалъ перейти на московскую сцену, но, зная слабую струну Гедеонова—постоянно почти отказывать въ просьбахъ его подчиненныхъ, придумалъ хитрую штуку. Съ грустною физіономіей онъ явился къ нему въ кабинетъ... «Что тебѣ надобно?»—спросилъ директоръ.

— В. пр—во, я слышалъ, что вы нѣкоторыхъ актеровъ желаете перевести въ Москву...

— Да, ну, такъ что же?

— Мнѣ говорили, что и я въ томъ числѣ.

— Я не помню, можетъ быть... а что же, развѣ ты не хочешь?

— Я бы попросилъ у васъ дозволенія здѣсь остаться...

— А вотъ, за то, что ты пришелъ просить, ты и поѣдешь туда.

— Помилуйте, в. пр—во, у меня здѣсь родные, а въ Москвѣ нѣтъ никого даже знакомыхъ.

— А мнѣ какое дѣло! если я назначилъ, тутъ разговаривать нечего.

— Какъ прикажете, в. пр—во, конечно, я не смѣю ослушаться...

— Ты поѣдешь въ Москву, я такъ хочу! а теперь мнѣ некогда; убирайся...

Начальникъ былъ доволенъ, что поставилъ на своемъ, а подчиненный готовъ былъ прыгать отъ радости, что ему удалось поддѣть на этотъ фортель его превосходительство.

Театральное училище, этотъ разсадникъ талантовъ, этотъ роскошный цвѣтникъ, около котораго порхало въ то время столько блестящихъ мотыльковъ, былъ подъ особымъ покровительствомъ Александра Михайловича. Онъ, какъ добрый, чадолюбивый отецъ, внимательно наблюдалъ, чтобы какой нибудь смазливый гусарикъ не объѣхалъ на кривой легкомысленную невинность; тутъ онъ поставлялъ себѣ за священную обязанность — предостеречь влюбленную неопытность.

— «Ну, что ты на него смотришь?—говорилъ онъ иной воспитанницѣ,—вѣдь у него ничего нѣтъ, кромѣ долговъ и золотаго мундира; онъ тебя черезъ полгода броситъ... Плюнь на него. Вы все смотрите на наружность, а не думаете о будущемъ, о положенiи, которое упрочило бы ваше счастiе»...

Онъ тоже не долюбливалъ, когда дѣвушка-танцорка, вскорѣ по выпускѣ изъ училища, подавала ему просьбу о дозволенiи ей выйти замужъ. Онъ тутъ обыкновенно давалъ ей такiя натацiи: «у васъ, легкомысленныхъ дѣвушекъ нѣтъ никакого расчета: ты вотъ хочешь выйти за актера... ну, что у него за жалованье? какiя средства? у тебя самой нѣтъ никакого приданаго; ну, чѣмъ вы будете жить? Съ перваго году пойдутъ дѣти, по цѣлымъ мѣсяцамъ не будешь учиться танцовать—вотъ и останешься вѣчною фигуранткой. Мнѣ тебя жаль, ты дѣвушка хорошенькая и могла бы составить себѣ фортуну!»

Таковъ онъ былъ въ отеческой своей заботливости.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу, привезъ онъ изъ Берлина пѣвицу, нѣкую Mlle Вейраухъ. Эта примадонна ни слова почти не знала по русски. Выбрала она для перваго дебюта «Се-

мирамиду» Россини. Ей написали русскій текстъ нѣмецкими буквами; легко себѣ представить что за какофонія вышла изъ этого! Ни она, ни публика не понимали произносимыхъ ею стиховъ; голосъ у нея былъ доволенъ сильный, но она фальшила на каждой нотѣ. Разумѣется, ее ошикали съ перваго разу. Гедеоновъ видитъ, что дѣло дрянь: примадонна его никуда не годится; онъ велѣлъ ее зачислить въ хористки, но Mlle Вейраухъ обидѣлась и не согласилась на такое униженіе; она говоритъ режиссеру, что заключила контрактъ съ дирекціей на первыя роли и требовала втораго дебюта. Режиссеръ докладываетъ объ этомъ директору. Онъ, по добротѣ своей, махнулъ рукой и сказалъ режиссеру: «Ну, чортъ съ ней! оставьте ее»... и она была оставлена на службѣ, числясь въ спискахъ «первою» пѣвицей, и, прослуживъ 10 лѣтъ, не разѣвая рта, получила, какъ иностранка, половинную пенсію, которою пользуется и до сего дня, если еще здравствуетъ.

Еслибъ эта Mlle Вейраухъ была красива собою, то можно бы заподозрѣть Александра Михайловича въ обыкновенномъ грѣшкѣ, но она сама была дурна, какъ смертный грѣхъ, и этотъ неудачный ангажементъ былъ сдѣланъ просто по добротѣ души, или, можетъ быть, въ угожденіе кому нибудь изъ высокихъ особъ, хлопотавшихъ объ этой бѣдной нѣмкѣ.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о покойномъ Александрѣ Михайловичѣ, разскажу объ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь ему управляющимъ театральною конторой Александромъ Дмитріевичемъ Кирѣевымъ. Этотъ обѣдъ былъ устроенъ въ домѣ, принадлежащемъ къ театру, на Каменномъ островѣ, гдѣ во время лѣтнихъ вакацій, помѣщаются теперь воспитанницы Театральнаго училища. Къ обѣду были приглашены близкіе знакомые директора и немногіе изъ артистовъ, въ числѣ которыхъ и я находился.

Разумѣется, на этомъ чиновничьемъ обѣдѣ было все чинно и прилично, говорилось много спичей и привѣтствій, но вообще этотъ обѣдъ не оставилъ въ моей памяти ничего особеннаго, что бы могло быть интересно для моихъ читателей. Сохранились у меня только — и то не въ головѣ, а гдѣ-то въ моихъ бумагахъ, стихи, прочитанные въ концѣ обѣда Владиміромъ Ивановичемъ Панаевымъ, который въ молодости писалъ нѣжныя идилліи. Здѣсь выписываю буквально эту бюрократическую идиллію:

А. М. Гедеонову.

Экспромтъ [1], сказанный В. И. Панаевымъ на обѣдѣ 28-го мая 1851 г., данномъ въ изъявленіе благодарности за 18-ти лѣтнее управленіе дирекціей С.-Петербургскихъ театровъ.

Ты возвысилъ нашу сцену,
Новый блескъ театрамъ далъ,
Талію и Мельпомену,
Терпсихору приласкалъ... (sic).
Привязалъ къ себѣ артистовъ,
Имъ отцомъ, покровомъ былъ:
Отъ Тальони до статистовъ
Всѣхъ къ себѣ приворожилъ!
И не годъ, не пять, не десять:
Такъ прошли осмнадцать лѣтъ...
Пусть поймутъ, разсудятъ, взвѣсятъ —
Шутка это или нѣтъ?
Какъ же намъ за здравье чашу
Въ честь тебя не осушить?
И всѣхъ благъ желанье наше
Отъ души не повторить!?

Не припомню теперь, въ которомъ году Александръ Михайловичъ охладѣлъ къ «обласканной» имъ Терпсихорѣ: прежде или послѣ отъѣзда Елены въ Парижъ, но знаю только, что, оставивъ русскую Терпсихору, онъ почувствовалъ слабость къ французской Таліи; тогда на Михайловскомъ театрѣ фигурировала одна прелестная и талантливая актриса, имя которой такъ и просится на каламбуръ: ее звали Milla (Deschamps). Хотя это новое, подъ старость, увлеченіе было, кажется, просто платоническое, но и тутъ, въ угоду миловидной актрисы, административная его справедливость начала прихрамывать, какъ говоритъ закулисная хроника. Впрочемъ, это продолжалось года четыре, не болѣе. Mlle Milla, по окончаніи своего ангажемента, возвратилась въ Парижъ.

А. М. Гедеоновъ управлялъ императорскими театрами—сперва одними петербургскими, а потомъ и московскими—ровно 25 лѣтъ, съ 1833-го по 1858-й годъ. Выйдя въ отставку, онъ нѣсколько лѣтъ проживалъ еще въ Петербургѣ, но потомъ переселился въ Парижъ, гдѣ платоническая его любовь къ Mlle Milla обратилась

[1]) Этотъ экспромтъ былъ отпечатанъ заблаговременно и тутъ же, послѣ обѣда, розданъ на память всѣмъ гостямъ. **П. К.**

въ искреннюю дружбу, которую онъ сохранилъ къ ней до послѣднихъ дней своихъ. Онъ скончался въ Парижѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и погребенъ на извѣстномъ кладбищѣ «Père Lachaise».

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, былъ дѣйствительно человѣкъ доброй души; существеннаго зла онъ, конечно, никому изъ артистовъ не сдѣлалъ; но могъ бы сдѣлать много добраго русскому театру, что онъ и доказалъ при началѣ своего директорства, еслибъ не увлекался своимъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и умѣлъ укрощать свой строптивый и упрямый характеръ; самое его мягкосердечіе было иногда не кстати и заставляло его оказывать снисхожденіе людямъ, которые этого не заслуживали. Его легко было разжалобить слезами и многіе во зло употребляли доброту своего начальника. Какъ бы то ни было, но бо̀льшая часть артистовъ, служившихъ при немъ, и особенно театральныхъ чиновниковъ, до сихъ поръ съ благодарностью о немъ вспоминаютъ...

V.

Теперь я считаю пріятнымъ долгомъ вспомнить добрымъ словомъ объ одномъ изъ членовъ театральной администраціи, подъ начальствомъ котораго мнѣ довелось провести бо̀льшую часть моей службы. Онъ слылъ, въ нашемъ закулисномъ мірѣ, человѣкомъ холоднымъ, черствымъ, иные называли его эгоистомъ; послѣднее едва-ли справедливо... Я хочу сказать о покойномъ Рафаилѣ Михайловичѣ Зотовѣ, занимавшемъ должность члена репертуарной части болѣе 30-ти лѣтъ, при нѣсколькихъ директорахъ. Можетъ быть, иные мои товарищи имѣли свои причины быть имъ недовольны; но что касается меня и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ артистовъ того времени, то мы находили въ немъ всегда доброжелателя и заступника передъ высшимъ начальствомъ. Когда онъ, отъ имени кн. Гагарина (какъ я уже прежде говорилъ), предложилъ мнѣ занять должность режиссера, я вполнѣ понялъ, что это лестное для молодаго человѣка предложеніе, было сдѣлано по его выбору и указанію, потому что кн. Гагарина нисколько не занимало, что происходило въ нашей драматической труппѣ.

Въ 1830 году 16-го іюня, былъ назначенъ мнѣ вмѣстѣ съ Григорьевымъ бенефисъ. Мы обратились съ просьбой къ Зотову помочь намъ, и онъ, въ самое короткое время, передѣлалъ для насъ нѣмецкую трехъ-актную драму «Ленора» (заимствованную изъ баллады Бюргера), переименовавъ ее въ «Людмилу» и включивъ въ нее стихи извѣстной баллады Жуковскаго; но такъ какъ безъ позволенія автора нельзя было этого сдѣлать, то онъ приказалъ намъ лично испросить у Жуковскаго его согласія.

Василій Андреевичъ Жуковскій жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ и мы съ Григорьевымъ, раннимъ утромъ, отправились туда. Онъ принялъ насъ очень ласково, мы передали ему нашу просьбу. Конечно, этотъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ намъ не отказалъ и тутъ же вручилъ намъ письменное свое согласіе.

Бенефисъ нашъ, не смотря на лѣтнее время, удался вполнѣ (въ этомъ же спектаклѣ было играно въ первый разъ 4-е дѣйствіе изъ ком. «Горе отъ ума») [1]). «Людмила» долгое время не сходила съ репертуара и была потомъ возобновлена нѣсколько разъ.

Когда мы съ Григорьевымъ, на другой день, явились къ Зотову—благодарить его, то онъ не взялъ съ насъ никакого вознагражденія за свой трудъ. Въ 1833 году, онъ, по просьбѣ моей, перевелъ съ французскаго для моего бенефиса драму, въ стихахъ, подъ названіемъ «Парія»; въ 1840 году онъ самъ предложилъ мнѣ переведенную имъ съ нѣмецкаго драму «Шекспиръ на родинѣ» соч. Гольтея. Эти двѣ послѣднія піесы были мнѣ отданы имъ также безвозмездно.

Въ нынѣшнее время для сочинителей и переводчиковъ не только безразлично: пойдутъ ли ихъ піесы въ пользу дирекціи или въ бенефисъ—потому что они, во всякомъ случаѣ, получаютъ свой гонораръ,—даже имъ выгоднѣе, когда ихъ піесы ставятъ въ пользу артистовъ, по той причинѣ, что, при еженедѣльныхъ бенефисахъ, дирекція не имѣетъ времени ставить піесы въ казну; а въ ту пору авторы, отдававшіе свои произведенія въ бенефисы, не получали отъ дирекціи никакого за нихъ воз-

---

[1]) Въ тотъ—1830-й годъ, 5-го февраля, было играно въ первый разъ 4-е дѣйствіе изъ «Горе отъ ума» въ бенефисъ А. М. Каратыгиной. Не съ этого-ли года слѣдуетъ считать пятидесятилѣтіе появленія на публичной сценѣ этой комедіи? П. К.

награжденія. Нынче сочинитель или переводчикъ какой нибудь ничтожной бездѣлки не отдастъ ее на сцену даромъ и потому, вспомнивъ безкорыстіе авторовъ прошлаго времени, невольно скажешь:

«Вы, нынѣшніе—нутка!»

Зотовъ былъ встарину одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ театральныхъ писателей; послѣ кн. Шаховскаго, едва ли кто нибудь болѣе его сочинилъ, передѣлалъ и перевелъ трагедій, драмъ, комедій, водевилей и оперъ. Переводить оперы съ иностранныхъ языковъ — трудъ немаловажный; тутъ нельзя требовать отъ переводчика гладкихъ и звучныхъ стиховъ: онъ хлопочетъ только о томъ, лишь бы втиснуть ихъ въ музыкальный тактъ... Сколько мнѣ помнится, Зотовъ имѣлъ почти всегда срочную работу, писалъ. какъ говорится, на скорую руку, потому что разучиваніе оперы требуетъ гораздо болѣе времени, нежели другія піесы... Въ концѣ 1840-хъ годовъ, онъ въ чемъ-то не поладилъ съ Гедеоновымъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

VI.

Изъ всѣхъ моихъ оригинальныхъ водевилей, большій и продолжительный успѣхъ (послѣ «Ложи 1-го яруса») имѣла «Булочная или Петербургскій нѣмецъ». Онъ былъ представленъ въ 1-й разъ въ мой бенефисъ въ 1843 г. 26-го октября. (Въ составѣ этого бенефиса были слѣдующія піесы: «Монументъ», историческій анекдотъ въ стихахъ, соч. Кукольника; мой вод. «Демокритъ и Гераклитъ» и «Генеральша», комедія съ куплетами, переводъ съ французскаго). Сборъ былъ совершенно полный. Повтореніе этого бенефиса было назначено на третій день, 28-го числа; но тутъ произошло нѣкоторое странное обстоятельство: на другой день бенефиса, нежданно—негаданно, послѣдовало запрещеніе повторить «Булочную» и афиши объ этомъ спектаклѣ на 28-е число появились безъ «Булочной». Я никакъ не могъ понять, за что разразилась эта гроза надъ моимъ Иваномъ Ивановичемъ Клейстеромъ. Кого этотъ бѣдный нѣмецъ могъ обидѣть? Но такъ какъ главный интересъ въ возвѣщенномъ наканунѣ спектаклѣ заключался именно въ этой піесѣ, то дирекція

поручила режиссеру справиться въ цензурѣ о причинѣ этого запрещенія; что же по справкамъ оказалось? Въ этомъ водевилѣ Клейстеръ поетъ куплетъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«Самъ частный приставъ з а б и р а е т ъ
Здѣсь булки, хлѣбъ и сухарей»...

Частный приставъ Васильевской части (гдѣ происходитъ мѣсто дѣйствія) вломился въ амбицію, принявъ слово: «забирать» — брать даромъ, безъ денегъ; онъ счелъ это личностью и обратился съ жалобой къ тогдашнему оберъ-полиціймейстеру Кокошкину; тотъ доложилъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому и, въ концѣ концовъ, послѣдовало приказаніе остановить представленіе этого водевиля. Вотъ откуда сыръ боръ загорѣлся! Я, въ день повторенія бенефиса — отправился къ цензору и какъ ни объяснялъ ему, что «забирать» вовсе не оскорбительное слово для полиціи; что, вѣроятно, многіе изъ петербургскихъ обывателей ежедневно «забираютъ» на книжку и въ булочной, и въ другихъ лавкахъ съ съѣстными припасами; онъ вполнѣ согласился со мной, но не могъ дѣйствовать по своей волѣ и посовѣтовалъ мнѣ лучше вовсе исключить этотъ (по мнѣнію частнаго пристава) двусмысленный куплетъ. Я, конечно, не сталъ съ нимъ спорить изъ-за такихъ пустяковъ, но дѣло, всетаки, ничѣмъ не рѣшилось... Вечеромъ того дня, передъ началомъ спектакля, вдругъ неожиданно прислано разрѣшеніе — играть «Булочную», только безъ «забористаго» куплета; а такъ какъ въ этотъ день она не стояла на афишѣ, а замѣнена была другимъ старымъ водевилемъ, то надо было анонсировать объ этой перемѣнѣ. Когда же Максимовъ, послѣ первой піесы, вышелъ за переднюю занавѣсь и объявилъ, что, вмѣсто означеннаго на афишѣ водевиля, будетъ представлена: «Булочная» — раздались громкіе аплодисменты и многіе закричали «браво!» Это имѣло характеръ нѣкоторой демонстраціи, потому что полицейская опала не могла тогда не разгласиться. Въ этотъ вечеръ «Булочная» имѣла еще бо̀льшій успѣхъ, нежели въ первое представленіе.

На другой день я узналъ, что «Булочная», которую я напечаталъ на свой счетъ и роздалъ на коммисію въ книжныя лавки, была, по приказанію оберъ-полиціймейстера, секвестрована

у всѣхъ книгопродавцевъ; ее «забирали» отовсюду и связанную препровождали въ полицію.

Полицейское битье по карману мнѣ, разумѣется, было непріятно и убыточно, но, на мое счастіе, 31-го числа того-же мѣсяца, покойному государю угодно было приказать, чтобы этотъ водевиль былъ представленъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ тогда еще находился высочайшій дворъ.

Въ тотъ вечеръ шла прежде французская комедія, а за нею слѣдовала моя «Булочная». Въ антрактѣ пришелъ за кулисы министръ двора кн. Петръ Михайловичъ Волконскій; онъ началъ со мной о чемъ-то разговаривать и я, пользуясь этимъ случаемъ, сказалъ ему: «ваша свѣтлость, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею моею просьбой».

— Что такое?

— Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ имѣть счастіе представлять нашу піесу передъ его величествомъ, но эта піеса, мною напечатанная и одобренная ценсурой, въ настоящее время находится въ полиціи подъ запрещеніемъ. Одно другому противорѣчитъ: еслибъ въ ней было что нибудь непозволительное, она-бы не удостоилась высокой чести быть игранною передъ лицомъ государя императора; если-жъ—наоборотъ, то ей не слѣдуетъ подвергаться полицейскому запрещенію.

Князь улыбнулся и сказалъ мнѣ: «это совершенно справедливо, но погоди, вотъ какъ вы сыграете піесу, я доложу объ этомъ государю». Піеса имѣла полный успѣхъ и его величеству такъ она понравилась, что ему угодно было оказать намъ особенную милость: мы всѣ призваны были въ одну изъ ближайшихъ комнатъ къ театру и каждый изъ насъ удостоился личной отъ государя похвалы и одобренія. За этотъ спектакль мы съ Мартыновымъ награждены подарками и, кромѣ того, я получилъ отъ Государя Наслѣдника—нынѣ благополучно царствующаго Императора—брилліантовый перстень.

Черезъ два дня послѣ того, прислали мнѣ изъ театральной конторы бумагу, слѣдующаго содержанія:

«Его свѣтлость г. министръ императорскаго двора, предписаніемъ 2-го числа сего ноября, увѣдомилъ его превосходительство г. директора, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ вашъ водевиль «Булочная» оставить какъ было напи-

сано, не выключая ничего, и притомъ не задерживать продажу печатныхъ книжекъ онаго».

Разумѣется, отобранный водевиль былъ тотчасъ возвращенъ книгопродавцамъ, но такъ какъ его разнесли по «Частямъ», то они не досчитались нѣсколькихъ экземпляровъ, которые, вѣроятно, полицейскими забирателями были оставлены себѣ на память этой курьезной исторіи. Въ послѣдствіи оказалось, что не одинъ частный приставъ обидѣлся моимъ водевилемъ, нашлись и другіе. Въ одно изъ представленій его на Александринскомъ театрѣ, послѣ куплета:

«Ну, Карлуша, не робѣй!»

въ покойнаго Мартынова кто-то изъ райка бросилъ пятакомъ; по счастію, онъ промахнулся и пятакъ покатился по полу Эта дурацкая шутка, вѣроятно, была выкинута какимъ нибудь оскорбленнымъ Карлушей.

Потомъ вотъ что мнѣ разсказывалъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, по возвращеніи своемъ изъ Оренбурга, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ былъ генералъ-губернаторомъ: У нихъ въ городѣ была единственная нѣмецкая булочная; по странному стеченію обстоятельствъ, хозяина этой булочной звали тоже Иванъ Ивановичъ; у него, на бѣду, была молодая дочка; называлась ли она Марьей Ивановной или иначе, Катенинъ этого не зналъ—только вотъ какія вышли послѣдствія. Нѣмецъ пошелъ въ театръ посмотрѣть «Булочную» и до того взбѣсился, вполнѣ увѣренный, что піеса написана именно на его счетъ, что на третій день закрылъ свою булочную и уѣхалъ изъ города...

— И мы, по твоей милости,—прибавилъ Катенинъ,—оставались цѣлую недѣлю безъ сухарей, пока, наконецъ, не образумили раздраженнаго Ивана Ивановича и не уговорили его воротиться.

Теперь, съ 1843 года, я перешагну впередъ на цѣлое десятилѣтіе, во-первыхъ, потому, что, не придерживаясь хронологической послѣдовательности, о многомъ уже было мною прежде написано, а во-вторыхъ, перелистывая мой журналъ, веденный мною съ перваго года службы, я не нашелъ въ немъ никакихъ особенныхъ фактовъ, которые считалъ бы любопытными для моихъ чита-

телей. Въ это десятилѣтіе было написано мною около двадцати піесъ—оригинальныхъ и передѣланныхъ съ французскаго; иныя изъ нихъ имѣли успѣхъ и долго держались на репертуарѣ, какъ-то: «Вицъ-мундиръ», «Школьный учитель», «Петербургскія дачи»; другія не могли этимъ похвалиться и сданы въ театральный архивъ. Въ этотъ же промежутокъ времени были играны двѣ мои бездѣлки: оперетка «Отелло на Пескахъ» и шутка-водевиль «Натуральная школа», за которыя мнѣ порядочно досталось отъ тогдашнихъ критиковъ; первую они сочли чуть не за кощунство—какъ будто пародіи пишутся на ничтожныя произведенія [1]); а вторую назвали дерзкимъ пасквилемъ на реальное направленіе нашей литературы, чего у меня и въ головѣ не было. Я смѣялся не надъ реальнымъ направленіемъ, а надъ тѣми отчаянными циниками, которые въ своихъ грязныхъ произведеніяхъ доходили тогда до отвратительнаго безобразія. Лермонтовъ былъ, конечно, не чопорный классикъ, но и тотъ сказалъ:

«Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ».

Впрочемъ, можетъ быть, меня бы тогда и менѣе бранили, еслибъ покойный Булгаринъ не оказалъ мнѣ медвѣжьей услуги: ему такъ полюбился мой куплетъ о натуральной школѣ, что онъ чуть-ли не въ каждомъ своемъ фельетонѣ цитировалъ его и кстати и некстати.

---

[1]) Французы и нѣмцы на этотъ счетъ снисходительнѣе нашихъ строгихъ аристарховъ—и шутку принимаютъ за шутку, а не за оскорбленіе великихъ писателей; у нихъ также были пародіи на «Отелло», на «Ифигенію»; есть «Фаустъ на изнанку», «Орфей въ аду», «Прекрасная Елена» и многія др. У насъ встарину писали породіи на «Дмитрія Донскаго», на баллады Жуковскаго; Котляревскій написалъ «Энеиду на изнанку» и т. д. П. К.

VII.

Съ грустью я вспоминаю 1853-й годъ! Тяжелыя и невознаградимыя утраты понесла наша драматическая сцена, при самомъ его началѣ; съ его тяжелой руки, началъ постепенно рѣдѣть тотъ блестящій талантливый кружокъ артистовъ, которыми, по справедливости, могъ гордиться тогда петербургскій театръ.

Наканунѣ этого роковаго года, 31-го декабря, мы играли комедію «Русская свадьба», производившую въ тотъ сезонъ положительный фуроръ, конечно, не внутреннимъ своимъ достоинствомъ, но благодаря блестящей обстановкѣ и великолѣпію спектакля, съ прекрасною музыкой, съ пѣніемъ, хорами, плясками, съ роскошными костюмами и декораціями. Въ этой комедіи участвовали всѣ лучшія силы, составлявшія тогда русскую драматическую труппу: мой покойный братъ, Брянскій, Мартыновъ, Сосницкіе (мужъ и жена), Вѣра и Надежда Самойловы, Максимовъ, Марья Дмитріевна Дюръ, Гусева... тутъ же участвовала оперная пѣвица Дарья Михайловна Леонова, бывшая въ ту пору въ полной силѣ своего прекраснаго голоса... Какую слабую піесу не могъ бы поддержать такой талантливый персоналъ?!

Въ этотъ вечеръ піеса прошла какъ-то необыкновенно удачно... всѣ были въ какомъ-то веселомъ настроеніи. По окончаніи спектакля въ $11^1/_2$ часовъ, къ нѣкоторымъ изъ старшихъ артистовъ было принесено въ уборную шампанское... Мы всѣ радушно поздравляли другъ друга съ наступающимъ новымъ годомъ, дружно пожимая товарищамъ руки; казалось, что въ эти веселыя минуты были искренно забыты всѣ закулисныя несогласія, размолвки или ссоры, если у кого нибудь таковыя случались въ прошломъ году... точно нѣкоторые изъ нихъ предчувствовали, что имъ уже не суждено встрѣтить предбудущаго года!..

Холостая молодежь отправилась встрѣтить новый годъ въ буфетъ, а семейные люди разъѣхались по домамъ. Я, вмѣстѣ съ братомъ, поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ тогда у Синяго моста, въ домѣ Якунчикова, въ угловомъ бельэтажѣ. Насъ только и ждали, чтобы сѣсть за семейный ужинъ. Жена моя была тамъ съ ве-

чера и вмѣстѣ съ женой брата, дочерью и ея мужемъ Владиміромъ Егоровичемъ фонъ-деръ-Паленъ играли въ преферансъ. Съ нашимъ пріѣздомъ карты были оставлены и всѣ приготовлялись перейти въ столовую. Пока подавали ужинъ, братъ присѣлъ подлѣ моей жены и, перебирая карты, шутя сказалъ ей:

— Ну-ка, Sophie, загадайте на меня... что мнѣ ваши карты предскажутъ на будущій годъ?

— А развѣ вы вѣрите картамъ?—спросила она.

— Разумѣется, нѣтъ, но посмотримъ, сбудется-ли то, что онѣ мнѣ наврутъ...

— Вы какой король?—спросила она.

— Это ужъ ваше дѣло.

— По цвѣту волосъ, вы—трефовый.

— Какъ знаете.

Она положила трефоваго короля, потомъ вынула изъ середины колоды другую карту и положила закрытою на него; кругомъ разложивъ остальныя, начала объяснять, какъ умѣла... Наконецъ, вскрыла положенную на короля карту... оказался пиковый тузъ... Братъ смѣшалъ карты и сказалъ: «Э! глупости! Пойдемте лучше ужинать».

Первый мѣсяцъ рокового года прошелъ, однако, благополучно; наступилъ февраль. Передъ самою масляницей, Брянскій захворалъ холерой и черезъ нѣсколько часовъ его не стало.

Внезапная смерть такого крѣпкаго, сильнаго здоровяка не могла не поразить всѣхъ его товарищей. Въ этотъ день шла драма «Эсмеральда», гдѣ онъ долженъ былъ играть «Квазимодо»... Роль его занялъ Толченовъ и, хотя передъ началомъ спектакля было анонсировано, что за болѣзнію перваго будетъ играть второй, но до публики верхнихъ слоевъ это объявленіе вѣрно не достигло и, по окончаніи драмы, сверху раздались крики: «Брянскаго! Брянскаго!» На этотъ вызовъ вышелъ Толченовъ и расклянялся публикѣ вмѣсто своего товарища, отозваннаго уже въ лучшій міръ!

Въ понедѣльникъ на масляницѣ были похороны Брянскаго, на которыя, кромѣ его товарищей, собрались артисты и артистки и другихъ труппъ,—отдать послѣдній долгъ заслуженному и талантливому артисту. При окончаніи обычной литіи, мы съ братомъ вы-

шли къ крыльцу, чтобы избѣжать тѣсноты. Когда приближался къ намъ выносимый изъ дому гробъ, мы, какъ и всѣ вокругъ стоявшіе, сняли наши мѣховыя шапки. Погода тогда была морозная и тутъ братъ сказалъ мнѣ въ полголоса: «прикройся хоть воротникомъ, ты простудишь голову»... «Накройся и ты»,—отвѣчалъ я ему. «Ну, у меня волосъ побольше твоего» (у него были прекрасные густые волосы). Я послѣдовалъ его совѣту: надвинулъ на голову свой мѣховой воротникъ, а онъ не надѣлъ своей бобровой шапки, покуда гробъ не поставили на дроги. Мы нѣсколько улицъ шли за гробомъ пѣшкомъ, а потомъ, въ саняхъ, провожали его вплоть до Митрофаніевскаго кладбища.

Никогда суевѣріе не играетъ такой сильной роли, какъ во время погребальныхъ обрядовъ. Напримѣръ, шьютъ покойнику саванъ или покойницѣ платье, чепчикъ и проч.: слѣдуетъ шить на живую нитку, не закрѣпляя ее узломъ, иголку надо держать отъ себя, а не къ себѣ, какъ обыкновенно это дѣлается, всѣ обрѣзки и кусочки надо собрать и непремѣнно положить въ гробъ, чтобъ ни ниточки послѣ него не осталось. Гробовщикъ ошибся въ мѣркѣ и если тотъ ларчикъ, «гдѣ ни стать, ни сѣсть», удлинненъ, надо ждать новаго покойника въ дому; внесли готовый гробъ въ комнату съ крышей, не оставивъ ея въ сѣняхъ,—дурная примѣта: готовится близкій кандидатъ. Если у покойника неплотно закрылись глаза, значитъ онъ выглядываетъ—кого бы еще прихватить за собою и для того кладутъ на глаза два пятака, какъ будто этими пятаками можно отвратить предопредѣленіе судьбы.

Если эти несчастные суевѣры представятъ вамъ 10 случаевъ, что ихъ примѣты оправдались, а вы—30, что при такихъ же зловѣщихъ примѣтахъ не было никакихъ дурныхъ послѣдствій, то это всетаки ни къ чему не послужитъ и они останутся непоколебимыми въ своихъ закоренѣлыхъ предразсудкахъ.

Такъ было и на похоронахъ Брянскаго: кто-то изъ провожавшихъ его замѣтилъ, что если случаются похороны въ понедѣльникъ, такъ въ той семьѣ скоро будетъ новый покойникъ.

Когда гробъ внесли въ церковь и началась обѣдня, многіе разбрелись по кладбищу, одни—просто изъ любопытства, другіе—поклониться преждеотшедшимъ братьямъ, а нѣкоторые, проголодавшіеся отъ длинныхъ проводовъ, отправились въ находившійся

тутъ трактиръ закусить что нибудь. «Чтожъ,—подумалъ я,—долгъ красенъ платежомъ: здѣсь червякъ ѣстъ мертвыхъ, почему же живымъ червячка не заморить»... Я пошелъ посмотрѣть, гдѣ приготовлено мѣсто успокоенія новому пришельцу... Около вырытой могилы собралось нѣсколько моихъ товарищей; между ними стояла актриса Гусева... Сосницкій подошелъ къ ней сзади и, тряхнувъ ее за плечи, шутя сказалъ ей: «ну, что, старуха, смотришь, и тебѣ пора туда же!» Испуганная Гусева взвизгнула и закричала ему:

— Не хочешь-ли самъ попробовать? ты старѣе меня.

«Шутка иногда бываетъ предсказаніемъ»,—сказалъ Шекспиръ...

Въ предъидущихъ главахъ моихъ Записокъ я описывалъ подробно дебюты моего покойнаго брата, его первоначальные успѣхи на избранномъ имъ поприщѣ; теперь приступаю къ грустному разсказу о послѣднихъ дняхъ его артистическаго и жизненнаго поприща.

Прослѣдить же всю тридцатитрехлѣтнюю сценическую его дѣятельность, оцѣнить его талантъ, указать на его достоинства и недостатки, словомъ—составить полную его біографію (которой, по прошествіи цѣлой уже четверти столѣтія, мы еще не имѣемъ) не можетъ быть предоставлено его родному брату; онъ, какъ ближайшій свидѣтель его предсмертныхъ дней, причины его болѣзни и нѣкоторыхъ другихъ подробностей, какъ самой смерти, такъ и похоронъ его, можетъ предложить только сырой, но правдивый матеріалъ для будущаго его біографа, если кто либо когда нибудь возьметъ на себя этотъ трудъ.

Въ понедѣльникъ, послѣ похоронъ Брянскаго, братъ мой, со своею семьей былъ въ италіанской оперѣ; въ театрѣ было довольно жарко и онъ, въ антрактѣ, вышелъ въ буфетъ выпить лимонаду; тутъ-ли въ корридорѣ онъ простудился, или поутру на похоронахъ, стоя нѣсколько минутъ съ открытою головой, трудно опредѣлить, только въ ту же ночь онъ почувствовалъ легкіе признаки простуды.

Во вторникъ поутру онъ игралъ и въ уборной жаловался на лихорадку и недостатокъ аппетита, но былъ довольно веселъ, не придавая большой важности своему ненормальному состоянію; въ среду онъ также игралъ и противъ вчерашняго чувство-

валъ себя хуже... Я убѣждалъ его не запускать болѣзни и посовѣтываться съ докторомъ, но онъ надѣялся поправиться домашними средствами. Въ четвергъ поутру, пріѣхавъ въ театръ, онъ жаловался мнѣ на головную боль и совершенную потерю аппетита... Я опять заговорилъ о докторѣ и совѣтывалъ ему отказаться участвовать въ остальныхъ спектакляхъ...

Но онъ, надѣясь на атлетичную свою комплекцію, думалъ пересилить свой недугъ.

Въ пятницу поутру шла та же «Русская свадьба», о которой я выше говорилъ. Въ этотъ спектакль Гусева пріѣхала въ театръ больная, но не хотѣла отказываться отъ службы, тѣмъ болѣе, что, по репертуару, ей приходилось играть уже въ послѣдній разъ на масляницѣ. Въ этой комедіи она представляла няню молодаго князя, котораго игралъ Максимовъ. Въ первомъ дѣйствіи, окончивъ свою сцену съ Гусевой, онъ, прійдя за кулисы, сказалъ мнѣ: «Петръ Андреевичъ, что это съ Гусевой? я поцѣловалъ ее въ лобъ (такъ слѣдуетъ по піесѣ) и испугался—точно я прикоснулся ко льду или къ мертвой головѣ!» Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, Гусева, кончивъ свою сцену, пришла за кулисы... зашаталась и упала на руки кого-то изъ стоявшихъ тутъ... ее отнесли въ уборную, она едва дышала, не открывая глазъ; послали за дежурнымъ докторомъ, онъ прибѣжалъ, и какія средства ни употреблялъ онъ, чтобы привести ее въ чувство, ничто не помогло... Finita la comedia! Она въ одно время сошла съ обѣихъ сценъ—и съ жизненной, и съ театральной.

Легко вообразить себѣ, какая страшная паника распространилась въ нашемъ закулисномъ мірѣ! Антрактъ продолжался болѣе получасу, надобно было послать за другой актрисой, которая бы окончила недоигранную роль. Пріѣхала актриса Рамазанова... Она ни за что не согласилась надѣть на себя костюмъ прямо съ покойницы; ей пріискали другой.......

Между тѣмъ, масляничная публика проголодалась, торопилась къ блинамъ и начинала свирѣпствовать, хлопать, шумѣть, стучать ногами, требуя поднятія завѣсы, за которою, вмѣсто комедіи, разыгралась такая плачевная драма. Наконецъ, вышелъ кто-то изъ актеровъ и возвѣстилъ (также, какъ недѣлю назадъ), что «по болѣзни (!) актрисы г-жи Гусевой роль ея займетъ

г-жа Рамазанова»... Публика успокоилась и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ и комедія кончилась къ полному удовольствію почтенной публики. Между тѣмъ, въ продолженіе антракта весь закулисный людъ перебывалъ въ той уборной, гдѣ на кушеткѣ лежала новопреставленная раба Божія!... Я также зашелъ туда, взглянулъ на нее, и какое-то давящее душу, болѣзненное чувство овладѣло мною: бѣдная старушка —разрисованная, нарумяненная, въ цвѣтной глазетовой куцавейкѣ, скрестивъ руки, почила вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ, а кругомъ ея слышались толки, всѣ допытывались: какая причина ея смерти? зачѣмъ она больная играла? и проч., и проч. Тутъ прибѣжалъ ея единственный сынъ, бросился къ ней съ воплемъ, и я поторопился уйти отъ этой раздирающей сцены. Я воротился въ нашу уборную... братъ мой сидѣлъ, облокотясь на столъ, и какъ-то тяжело дышалъ; онъ, конечно, уже зналъ объ этой катастрофѣ. Я, желая его развлечь, — сказалъ ему:

— Ну, братъ, мы нынче стали похожи на римскихъ гладіаторовъ: умираемъ на сценѣ, при рукоплесканіяхъ публики!

Братъ грустно улыбнулся. «Да развѣ она точно умерла? Можетъ быть, это только обморокъ?»—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, къ несчастію, все кончено; она вся похолодѣла.

— Ты ее видѣлъ?

— Я сейчасъ оттуда.

Онъ поднялся. «Я пойду посмотрѣть»,—и медленною походкой вышелъ изъ уборной. Бывшему тутъ Сосницкому я припомнилъ его шутку на кладбищѣ; онъ молча отеръ слезу и полѣзъ на свои антресоли, которыя были имъ для себя устроены въ нашей уборной. Братъ, минуты черезъ двѣ, воротился и опять сѣлъ на свой диванъ.

— Ну, что, видѣлъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, тамъ слишкомъ много народу...

Очевидно, что у него не хватило духу на это грустное любопытство.

Вечеромъ того же дня онъ игралъ «Деньщика» (соч. Кукольника). Я, пріѣхавъ въ театръ, конечно поторопился освѣдомиться о его здоровьѣ.

— Ну, что, какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ я его.

— «Какъ будто немного получше»,—отвѣчалъ онъ, стараясь пріободриться. Онъ или меня обманывалъ, или самъ обманывался на счетъ своего положенія; не можетъ быть, чтобы утреннее происшествіе не повліяло на его нервы и больное воображеніе...

— Я чувствую,—продолжалъ онъ,—что мнѣ нужно только вызвать транспирацію, тогда мнѣ будетъ гораздо лучше. Всѣ эти дни были у меня холодныя роли... но вотъ, теперь, «Деньщикъ» мнѣ поможетъ...

Въ этотъ вечеръ онъ старался играть энергичнѣе, чтобы возбудить внутреннюю дѣятельность и упадающія силы... И, точно, надо было удивляться его самообладанію и запасу тѣхъ могучихъ силъ, которыми природа такъ щедро его надѣлила... Могло ли прійти кому нибудь изъ зрителей на мысль въ этотъ вечеръ, судя по его обычной энергіи, по его наружному виду, что этотъ человѣкъ внутренно страждетъ, что онъ истощаетъ послѣднія силы въ борьбѣ съ смертельнымъ своимъ недугомъ.

Четвертый актъ въ этой драмѣ самый сильный; братъ игралъ его съ полнымъ одушевленіемъ и произвелъ обычный восторгъ въ зрителяхъ; его нѣсколько разъ вызвали. Когда онъ, утомленный чрезмѣрнымъ напряженіемъ чувствъ и голоса, пришелъ въ уборную, я подошелъ къ нему и спросилъ: «Ну, что, какъ теперь?»

Онъ, съ какимъ-то озлобленіемъ, ударилъ по столу и прошепталъ: «Нѣтъ! не помогло!»... потомъ потеръ рукой свой сухой лобъ, съ грустью покачалъ головой и прибавилъ: «ни одной капли поту! только жаръ усилился».

— Завтра вечеромъ назначена «Смерть Ляпунова»; неужели ты будешь играть?—спросилъ я его.

— Не знаю, что Богъ дастъ! скорѣе бы только кончить сегодня...

Въ пятомъ актѣ роль его не заключала въ себѣ никакихъ сильныхъ мѣстъ и прошла спокойно.

Замѣчательно, что, по сюжету, въ концѣ піесы Деньщикъ», отправляясь въ походъ, становится на колѣни передъ своею возлюбленною «Доротеей», тогда уже невѣстой другаго, и проситъ ее благословить его, быть можетъ, на вѣчную разлуку. Доротея, надѣвая на него свой крестъ, говоритъ ему:

«Крестъ матери, единственный клейнодъ,
Моя единая, святая драгоцѣнность,
Напутствуй незабвеннаго Трофима!»

Этою прощальною сценой оканчивается піеса, этою піесой закончилось честное служеніе артиста, преданнаго всею душою своему искусству!

Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой, игравшей Доротею, суждено было сказать ему послѣднее прощальное слово.

Въ тотъ же годъ и она, въ полномъ развитіи своего прекраснаго таланта, добровольно оставила сцену, которой бы еще долго и долго могла быть украшеніемъ!

На другой день, въ субботу, 28-го февраля, на вечерній спектакль была объявлена на афишѣ драма «Смерть Ляпунова». Въ этотъ день братъ мой былъ имянинникъ; рано утромъ я пошелъ къ нему поздравить его и узнать какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сидѣлъ въ халатѣ на креслѣ, окруженный женою, дочерью и зятемъ, которые уговаривали его послать въ театръ записку, что онъ играть не можетъ, и пригласить поскорѣе доктора.

Братъ поздоровался со мной и спросилъ меня:

— Какъ ты думаешь: играть ли мнѣ?

— Тутъ и раздумывать нечего, тебѣ еще вчера слѣдовало бы отказаться.

— Но вѣдь мой отказъ надѣлаетъ большихъ хлопотъ Евгенію [1]). Билеты на «Ляпунова» вѣрно ужъ разобраны... Чѣмъ же онъ замѣнитъ?

— Что тебѣ объ этомъ безпокоиться; посылай скорѣе письмо и позови доктора.—Жена и дочь спросили его: «кого изъ докторовъ къ нему пригласить?»...

Здѣсь я нахожу необходимымъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ то время гомеопатія была въ Петербургѣ въ большой модѣ; о ней разсказывали невообразимыя чудеса. Года за два до своей болѣзни, братъ мой былъ въ гостяхъ у Василья Григорье

---

[1]) Евгеній Макаровичъ Семеновъ, зять нашъ, исправлялъ тогда должность члена репертуарной части. Гедеоновъ былъ тогда въ Москвѣ. П. К.

вича Жукова; тутъ одинъ изъ его гостей, купецъ Буторинъ, разговорился съ братомъ о докторахъ и насказалъ ему съ три короба о чудесахъ новомоднаго леченія; что-де и онъ и жена его совершенно умирали и что они оба были спасены своимъ домашнимъ докторомъ-гомеопатомъ; къ довершенію похвалъ назвалъ онъ еще нѣсколькихъ изъ своихъ знакомыхъ, которымъ онъ рекомендовалъ этого чудотворца, и тѣ чуть-ли не воскресли изъ мертвыхъ. «Дай Богъ вамъ, Василій Андреевичъ, прожить сто лѣтъ, — прибавилъ Буторинъ, — но если вы серьезно захвораете, не зовите этихъ шарлатановъ-алопатовъ, а обратитесь къ моему доктору... Вотъ вамъ на всякій случай его визитная карточка съ адресомъ».

Братъ хотя положительно не вѣрилъ этимъ чудесамъ, но сунулъ въ жилетный карманъ эту карточку и, конечно, забылъ о ней.

Прошло два года; дочь его въ продолженіе этого времени вышла замужъ; у нея уже былъ малютка; на четвертомъ мѣсяцѣ онъ захворалъ, послали за своимъ докторомъ... но въ этотъ день пріѣхала къ нимъ одна знакомая имъ дама — звать моего брата съ его семействомъ къ себѣ на имянины; жена и дочь его отказались, по причинѣ болѣзни ребенка. Тутъ эта гостья спросила: «А кто его лечитъ?» — Такой-то. — «Ахъ, — говоритъ она, — возьмите нашего домашняго доктора-гомеопата... Если я, мой мужъ и мои дѣти теперь еще живы, то рѣшительно ему обязаны!» Опять пошли новые разсказы и подробности о чудесахъ гомеопатіи... Въ заключеніе она сообщила имъ его адресъ, имя и фамилію; однако-жъ, ни братъ, ни дочь его не рѣшились послѣдовать ея совѣту.

На другой день братъ мой поѣхалъ на званыя имянины; мужъ этой дамы, старинный его пріятель, былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, мнѣніе котораго братъ мой всегда уважалъ; его восторженныя похвалы домашнему ихъ доктору поколебали въ моемъ братѣ прежнее недовѣріе къ гомеопатіи. Дня черезъ два послѣ этихъ имянинъ, сталъ онъ поутру одѣваться, и тутъ случайно выпала у него изъ жилетнаго кармана визитная карточка, данная ему два года назадъ Буторинымъ... онъ прочелъ фамилію... и что же оказалось? Это былъ тотъ самый гомеопатъ, ко-

тораго такъ расхваливалъ на имянинахъ его пріятель!.. Братъ мой сообщилъ объ этомъ женѣ своей и дочери, и тутъ же всѣ рѣшили обратиться за совѣтомъ къ этому знаменитому гомеопату. Болѣзнь груднаго ребенка была ничтожна, гомеопатъ посовѣтывалъ только перемѣнить кормилицу, и малютка черезъ нѣсколько дней поправился.

Теперь я обращаюсь къ прерванному мною разсказу. Люди, обладающіе крѣпкимъ здоровьемъ, обыкновенно не любятъ лечиться, а если когда случится имъ занемочь, то ограничиваются домашними средствами, не прибѣгая къ медицинской помощи. Таковъ былъ и братъ мой. Однажды только онъ сильно захворалъ воспаленіемъ легкихъ и тогда ему помогъ нашъ театральный докторъ Людвигъ Андреевичъ Гейденрейхъ (тотъ самый врачъ, о которомъ вспоминаетъ въ своихъ Запискахъ покойный Михаилъ Ивановичъ Глинка). Я помню какъ въ этотъ разъ жена моего брата, опасаясь печальнаго исхода его болѣзни, пригласила на помощь знаменитаго тогда лейбъ-медика Николая Ѳедоровича Арендта. Арендтъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больнаго, пересмотрѣлъ внимательно рецепты и, обратившись къ намъ, сказалъ: «къ чему же вы меня звали? это вѣдь, какъ говорится, послѣ ужина горчица; тутъ сдѣлано все, что было нужно, болѣзнь уже прошла. Кромѣ того, что дѣлаетъ Гейденрейхъ, я ничего не могу еще посовѣтывать»...

Въ настоящемъ случаѣ шелъ вопросъ о томъ, кого изъ двоихъ докторовъ пригласить: Гейденрейха, или гомеопата? Никто первый не рѣшался подать своего голоса, какъ бы опасаясь, въ случаѣ печальнаго исхода, принять за этотъ совѣтъ грѣхъ на свою совѣсть. Можетъ быть, въ эту роковую минуту рѣшался вопросъ о жизни больнаго. Наконецъ, спросили его, какъ онъ самъ пожелаетъ?

— Мнѣ все равно, — какъ-то апатично отвѣчалъ братъ, — впрочемъ... впрочемъ, пошлите за гомеопатомъ.

Въ этотъ день я участвовалъ въ утреннемъ и вечернемъ спектакляхъ и потому не могъ у него остаться. Въ воскресенье, навѣстивъ его, я узналъ, что знаменитый гомеопатъ сказалъ, что

не находитъ ничего важнаго въ его болѣзни, и прописалъ ему какія-то крупинки.

Я, разумѣется, ежедневно посѣщалъ моего брата и видѣлъ, что болѣзнь его не только не уменьшается, но замѣтно дѣлается серьезнѣе. Въ первые два или три дня онъ выходилъ по вечерамъ изъ своего кабинета въ гостиную, гдѣ отъ скуки игралъ въ преферансъ съ своею дочерью и зятемъ. Въ это же время захворала его жена, которую тотъ же гомеопатъ началъ пользовать. На четвертый день братъ мой слегъ въ постель. Когда онъ жаловался доктору, что не можетъ дотронуться до лба, въ которомъ ощущаетъ нестерпимую колючую боль, то гомеопатъ увѣрялъ его, что это летучій ревматизмъ, налѣпилъ на его лобъ какія-то бумажки и продолжалъ угощать его своими каплями и крупинками.

Однажды братъ мой сказалъ ему: «Андрей Андреевичъ (имя доктора), вы смотрите, не уморите меня».

— Что вы, Богъ съ вами, Василій Андреевичъ, развѣ я не знаю какого человѣка я взялся лечить? Вѣдь еслибъ это случилось, такъ мнѣ бы отъ почитателей вашего таланта въ Петербургѣ проходу не было. Вотъ болѣзнь вашей супруги меня болѣе озабочиваетъ, а вы о себѣ не безпокойтесь; въ болѣзни всѣ нетерпѣливы.

Въ другой разъ этотъ самоувѣренный знахарь, послѣ своей визитаціи, вышелъ въ залу, гдѣ сидѣла дочь брата; она также заявила ему свое безпокойство, что отецъ ея не чувствуетъ до сихъ поръ никакого облегченія.

—Помилуйте,—отвѣчалъ онъ,—еслибъ я не былъ увѣренъ въ благополучномъ результатѣ, я бы, какъ честный врачъ, первый потребовалъ бы консиліума. Ручаюсь вамъ моею головою, что дней черезъ шесть, или семь, онъ будетъ вотъ на этомъ самомъ столѣ играть съ вами въ преферансъ.

Это было сказано ровно за недѣлю до того дня, когда его паціента дѣйствительно положили на этотъ столъ.

Между тѣмъ болѣзнь брата съ каждымъ днемъ ожесточалась все болѣе и болѣе, жаръ усиливался и вскорѣ послѣдовалъ полный упадокъ силъ; онъ почти безпрерывно погружался въ дремоту, иногда появлялся бредъ.

Какъ то вечеромъ, я одинъ сидѣлъ около его кровати и онъ сказалъ мнѣ:

— Знаешь, Pierre, что̀ я думаю?.. мы съ Брянскимъ иногда ссорились: ужъ не его ли похороны мнѣ подрадѣли эту болѣзнь? Ты помнишь, какъ долго я стоялъ съ открытою головой?..

Я старался его успокоить, вполнѣ понимая, что эти мрачныя, несвязныя мысли были продолженіемъ бреда. Онъ потомъ опять что-то началъ шептать, чего я не могъ разслушать.

Наконецъ, 10-го марта, гомеопатическая знаменитость, ручавшаяся своею головой за выздоровленіе своего паціента, начала терять голову. Невѣжда увидѣлъ, что дѣло плохо, что онъ не понялъ его болѣзни, что это не летучій ревматизмъ, а мозговой тифъ, и сказалъ намъ, что онъ желаетъ пригласить другаго... гомеопата! Но, разумѣется, его попросили не трудиться и я поѣхалъ къ Венцеславу Венцеславичу Пеликану и Ильѣ Васильевичу Буяльскому. Въ то же время покойный государь Николай Павловичъ, узнавъ о тяжкой болѣзни брата, прислалъ своего лейбъ-медика Филиппа Филипповича Кареля; они всѣ трое собрались на консиліумъ и увидѣли, что драгоцѣнное время потеряно; что болѣзнь уже неизлечима. Однакожъ, пока человѣкъ еще дышетъ, врачи обязаны употреблять всѣ способы къ его спасенію. Такъ было и тутъ. Три эти знаменитые медика согласились между собою какъ продолжать леченіе, и Буяльскому предоставлено было слѣдить за ходомъ болѣзни.

Само собою разумѣется, что, при появленіи въ дому трехъ настоящихъ знаменитостей, гомеопатическая знаменитость должна была стушеваться... гомеопатъ обратился въ постыдный бѣгъ.... но, послѣ кончины моего брата, онъ всѣмъ разсказывалъ, что Каратыгинъ остался бы живъ, еслибъ ему не помѣшали алопаты! Послѣ энергическихъ мѣръ — шпанскихъ мухъ, піявокъ и лекарствъ, больной почувствовалъ нѣкоторое облегченіе... Онъ вскорѣ пришелъ въ сознаніе.

Открывъ глаза, онъ увидѣлъ подлѣ себя Буяльскаго, протянулъ ему руку и сказалъ: «А! Илья Васильевичъ здравствуйте». Буяльскій началъ его осматривать, раскрылъ ему грудь и, желая его успокоить, съ улыбкою сказалъ ему: «Эхъ! какая богатырская грудь! какіе славные мускулы... съ такимъ жизненнымъ запасомъ дѣло еще не потеряно. Когда горитъ зданіе, надо дѣйствовать ведрами и ушатами, а не спринцовками; мы, съ Божіею по-

мощью, починимъ васъ». Когда ушелъ Буяльскій, я поцѣловалъ брата и сказалъ ему: «Теперь пойдетъ дѣло на ладъ, ты скоро поправишься».—«Да я въ этомъ и не сомнѣвался»,—отвѣчалъ онъ.

А смерть уже придвигалась къ его изголовью.

Временное облегченіе было непродолжительно; къ вечеру онъ снова впалъ въ забытье. На эту ночь я оставилъ при немъ двоихъ сыновей моихъ, которые давали ему лекарства, наблюдали за нимъ и записывали, каждыя десять минутъ, обо всемъ, что происходило съ нимъ въ продолженіе всей ночи. Сынъ мой Петръ сказывалъ мнѣ потомъ, что подъ утро, когда онъ отошелъ отъ кровати за лекарствомъ, братъ мой, безо всякой помощи, самъ приподнялся, тихо перекрестился и, опустясь на подушки, снова погрузился въ прежнюю дремоту. Это было послѣднее сознательное движеніе руки, можетъ быть, послѣдняя мысль страдальца обратиться къ помощи того, безъ чьей святой воли нѣтъ надежды на выздоровленіе. Наступило 12-е марта; во весь этотъ день онъ уже не открывалъ глазъ и ни на минуту не приходилъ въ сознаніе; не было ни стона, ни бреда, онъ постепенно угасалъ... Къ вечеру началъ метаться... приближалась предсмертная истома. Я послалъ своего сына за нашимъ общимъ духовникомъ, протоіереемъ Петромъ Успенскимъ; черезъ нѣсколько времени онъ явился со св. Дарами, причастилъ умирающаго и братъ мой тихо скончался...

Это было съ четверга на пятницу 13-го марта, въ $12^3/_4$ часовъ ночи.

Въ послѣдствіи, по кончинѣ моего брата, соображая всѣ грустныя обстоятельства его болѣзни, ея начало, причины и злополучный выборъ врача, мнѣ казалось, что во всемъ этомъ былъ какой-то неизбѣжный fatum.

Если братъ, дѣйствительно, простудился на похоронахъ Брянскаго, стоя нѣсколько минутъ на морозѣ съ открытою головой, то ему, именно ему одному, нельзя было, по принятому обычаю, поступить иначе, не обративъ на себя вниманіе всѣхъ товарищей и постороннихъ людей; всѣ сочли бы это не только неприличнымъ, но явнымъ неуваженіемъ къ старѣйшему изъ его товарищей, бывшему нѣкогда соперникомъ его по искусству. Внезапная смерть Гусевой не могла также вредно не подѣйствовать на

него и не усилить болѣзни. Не наскажи ему старинный его пріятель, которому онъ вполнѣ вѣрилъ, о чудесахъ гомеопатіи, не дай ему купецъ Буторинъ злополучной карточки, которая два года лежала у него въ карманѣ и выпала оттуда тогда именно, когда нужно было призвать доктора, — безъ этихъ обстоятельствъ, можетъ быть, онъ обратился бы къ другому врачу и не впустилъ бы въ свой домъ такого знахаря, который не умѣлъ отличить тифа отъ ревматизма; тогда, можетъ статься, исходъ его болѣзни не имѣлъ бы такихъ печальныхъ послѣдствій. Впрочемъ, мы всѣ любимъ пофилософствовать, дѣлаемъ свои предположенія на теоріи вѣроятностей, а на практикѣ это ни къ чему не служитъ.

«Пофилософствуй—умъ вскружится»,—говоритъ Фамусовъ; но есть другое изреченіе, передъ которымъ безмолвствуютъ всѣ наши мудрствованія: «положенъ предѣлъ, его же не прейдеши».

Съ этимъ знаменитымъ гомеопатомъ, по смерти брата, я, слава Богу, нигдѣ не встрѣчался; говорятъ, онъ еще и теперь здравствуетъ: вѣроятно, не лечитъ самого себя; что же касается до тѣхъ, которые рекомендовали его моему брату, они оба давно уже отошли къ праотцамъ. Вскорѣ послѣ похоронъ брата, я гдѣ-то встрѣтилъ купца Буторина и посовѣтывалъ ему: впередъ не сватать невѣстъ и не рекомендовать докторовъ: первыя могутъ отравить нашу жизнь, а вторые—сократить ее.

Поутру, часовъ въ 9 (13-го марта), когда въ залѣ положенъ былъ на столъ усопшій мой братъ и вся его семья и родные стояли у смертнаго его одра, явился отъ покойнаго Государя дежурный фельдъегерь и сказалъ вдовѣ моего брата:

— «Его императорское величество, узнавъ о кончинѣ вашего супруга, приказалъ мнѣ лично передать вамъ искреннее и глубокое сожалѣніе его величества къ вашей горестной утратѣ».

Она, упавъ на колѣни и обливаясь слезами, просила его доложить Государю, что не находитъ словъ, которыми могла бы выразить свою душевную благодарность за такое неоцѣненное вниманіе его величества!—15-го числа, въ воскресенье, въ 6 часовъ вечера, послѣдовалъ выносъ тѣла покойнаго въ церковь Благовѣщенія (что при Конной гвардіи). Замѣчательно, что объ этомъ выносѣ не было предварительно сказано ни въ одной газетѣ, но

уже съ 4-хъ часовъ пополудни вся набережная Мойки у Синяго моста, самый мостъ и Исаакіевская площадь были заняты сплошною массой народа...

Когда выносили гробъ изъ дому, дроги подвинулись къ крыльцу, но почитатели покойнаго, несшіе гробъ, какъ по условію закричали: «не надо, не надо! Мы на рукахъ его донесемъ»... и дроги пустыя потянулись за гробомъ, который, переходя изъ рукъ въ руки, былъ донесенъ до церкви.

Въ продолженіе всей ночи, наканунѣ его похоронъ, церковь невозможно было запереть, по причинѣ огромнаго стеченія народа, желавшаго въ послѣдній разъ взглянуть на усопшаго и проститься съ нимъ; по той же причинѣ, въ понедѣльникъ, въ день отпѣванія, принуждены были впускать въ церковь по билетамъ.

16-го марта совершена была заупокойная обѣдня соборнѣ, за которой послѣдовало и отпѣваніе. Съ самаго ранняго утра народъ всевозможныхъ званій и возрастовъ толпился около церкви, въ ожиданіи похоронъ. По окончаніи отпѣванія, гробъ вынесли изъ церкви и также (какъ наканунѣ) не поставили на дроги, а на рукахъ донесли вплоть до Смоленскаго кладбища [1]). Многіе тогда сожалѣли, что не были приготовлены носилки и потому самый гробъ трудно было видѣть въ толпѣ народной массы: онъ то поднимался къ верху, то снова тонулъ въ волнахъ безмолвныхъ, уносившихъ эту печальную ладью къ тихому пристанищу вѣчнаго упокоенія. На гробу лежалъ лавровый вѣнокъ, вполнѣ заслуженный честнымъ артистомъ, тридцатитрехлѣтнимъ служеніемъ своему искусству. До самаго кладбища, по обѣимъ сторонамъ улицъ Васильевскаго острова, по которымъ слѣдовала похоронная процессія, стояла необозримая толпа народа. Не смотря на зимнюю еще пору, во многихъ домахъ были открыты балконы, наполненные любопытными зрителями. Ни одному изъ прежнихъ петербургскихъ артистовъ до того времени не было ока-

[1]) Въ числѣ лицъ, выносившихъ его, были генералъ-адъютанты: Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, А. А. Катенинъ, А. И. Михайловскій-Данилевскій, А. А. Жандръ, Н. И. Бахтинъ и нѣсколько другихъ сановниковъ.

зано такого народнаго почета, такого искренняго сожалѣнія объ его утратѣ. Эта непритворная грусть ясно выразилась тѣмъ безмолвіемъ и торжественною тишиной, которая не нарушалась въ продолженіе всего скорбнаго пути.

На этихъ похоронахъ не требовалось никакихъ полицейскихъ распоряженій для соблюденія порядка, потому что онъ самъ собою нигдѣ не былъ нарушенъ; тутъ не было эксцентричныхъ возгласовъ: «шляпы долой!» и тому подобнаго.

По прибытіи на кладбище и по совершеніи духовенствомъ обычнаго обряда, гробъ былъ опущенъ въ могилу... но когда появились могиляки съ заступами—многіе закричали: «ступайте прочь! не надо заступовъ, мы это сдѣлаемъ своими руками», и въ нѣсколько минутъ могила не только была вплоть засыпана землею, но надъ нею образовался высокій курганъ, потому что бо̀льшая часть присутствовавшихъ долгомъ себѣ поставили бросить горсть земли въ могилу усопшаго, а ихъ было нѣсколько тысячъ...

Дней черезъ шесть послѣ похоронъ моего брата, я пошелъ навѣстить мою невѣстку и тутъ, на углу Большой Морской, встрѣтилъ покойнаго Государя, возвращавшагося изъ дворца великой княгини Маріи Николаевны. Я, снявъ шляпу, поклонился ему, и онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Здравствуй... Какое у васъ несчастіе! Какъ мнѣ жаль твоего брата! Разскажи, какъ это случилось?

Я въ короткихъ словахъ передалъ ему о причинѣ болѣзни и о прочемъ. Когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Жаль, душевно жаль! Скорблю о немъ не только какъ о прекрасномъ артистѣ, но и какъ о человѣкѣ... Это невозвратимая потеря для искусства.

Мои слезы были отвѣтомъ на эти великодушныя слова обожаемаго мною Государя!...

Такъ отнесся Государь къ смерти честнаго артиста... О сочувствіи всей столицы я уже разсказалъ; не безъучастна къ смерти брата была и печать: нѣсколько некрологовъ и стихотвореній на его кончину было напечатано въ газетахъ. Припоминаю отрывокъ изъ стихотворенія В. Г. Бенедиктова:

«Изнемогаетъ... палъ: такъ ломитъ кедръ гроза!
Онъ палъ! Съ его чела вамъ смотритъ смерть въ глаза;
Спускаютъ занавѣсь. Какъ бурные порывы,
Летятъ со всѣхъ сторонъ и крики и призывы:
«Его! его! Пусть намъ онъ явится! Сюда!!»
Нѣтъ, люди: занавѣсь спустилась навсегда!
Кулисы вѣчности задвинулись. Не выйдетъ!
На этой сценѣ міръ его ужъ не увидитъ!
Нѣтъ! Смерть, которую такъ вѣрно онъ не разъ
Во всемъ могуществѣ изображалъ для васъ,
Содѣлала его въ единый мигъ случайный
Адептомъ выспреннимъ своей послѣдней тайны.
Прости, собратъ-артистъ! Прости, со-человѣкъ!
Съ благоговѣніемъ нашъ просвѣщенный вѣкъ
На твой взираетъ прахъ признательнымъ окомъ,
И мыслитъ: ты служилъ на поприщѣ высокомъ,
Трудился, изучалъ языкъ живыхъ страстей,
Чтобъ намъ изображать природу и людей,
И возбуждать въ сердцахъ возвышенныя чувства!
Ты жегъ свой ѳиміамъ на алтарѣ искусства
И путь свой проходилъ, при кликахъ торжества,
Земли родимой въ честь, во славу Божества!»

VIII.

Вѣроятно, многіе изъ петербургскихъ жителей и теперь еще помнятъ, какъ, вскорѣ послѣ похоронъ моего брата, ходили по городу нелѣпые слухи: что онъ, будучи въ летаргіи, похороненъ живой, что, яко бы, когда вскрыли его могилу для постановки памятника, то увидѣли крышу сдвинутою, а трупъ въ гробу оказался перевернутымъ на бокъ! Разумѣется, ничего этого не было и быть не могло, потому, во-первыхъ, что его хоронили на четвертыя сутки, когда на тѣлѣ его уже оказались явные знаки тлѣнія; а во-вторыхъ, когда назначено было приступить къ работѣ, то зять моего брата (В. Е. фонъ-деръ-Паленъ) безъ себя не велѣлъ вскрывать могилы, и въ его присутствіи она была разрыта, потомъ сняты доски, покрывавшія каменный ящикъ, въ которомъ помѣщался гробъ, и гробъ былъ, конечно, цѣлъ и невредимъ...

Но откуда досужіе пустомели выкопали такую нелѣпицу? Кто сочинилъ эту романическую легенду? Хотя людская молва часто

изъ мухи дѣлаетъ слона, но должна быть какая нибудь муха. Не пригрезилось же это кому нибудь во снѣ?..

По прошествіи нѣкотораго времени, просто изъ любопытства, я сталъ доискиваться, не удастся ли мнѣ поймать гдѣ нибудь эту могильную муху и, дѣйствительно, мнѣ наконецъ удалось найти, если не муху, такъ человѣка, который былъ «съ мухой», въ день похоронъ моего брата; отъ него-то и разнеслась эта нелѣпость. Вотъ что я узналъ отъ одного изъ бывшихъ тогда кладбищенскихъ сторожей. Когда всѣ уже почти удалились съ кладбища, то нѣкоторые изъ особенно страстныхъ поклонниковъ моего брата оставались тамъ помянуть его, до глубокихъ сумерекъ; это были люди купеческаго званія, между ними первенствовалъ купецъ Николай Герасимовичъ Дмитріевъ, торговавшій тогда въ милютиныхъ лавкахъ подъ № 9, куда зачастую покойный братъ мой заходилъ ѣсть устрицы. Этотъ Дмитріевъ привезъ съ собою полную корзину закусокъ и чуть-ли не цѣлый ящикъ вина.

Извѣстно, что русскій человѣкъ пьетъ и съ радости и съ горя; съ послѣдняго всегда еще сильнѣе—и тутъ, надъ свѣжею могилой, лились и слезы и вино, въ перемежку. На этихъ поминкахъ Дмитріевъ и его товарищи припоминали и трагедіи и драмы, въ которыхъ покойникъ приводилъ ихъ въ восторгъ, и горевали объ утратѣ, понесенной ими въ лицѣ любимаго артиста, и, конечно, ихъ грусть была искренна, потому что имъ не передъ кѣмъ было играть комедію, какъ зачастую на похоронахъ разыгрываютъ наслѣдники богатыхъ купцовъ: дѣдушекъ, дядюшекъ, и даже родителей. Свидѣтелями этихъ поминокъ были только кладбищенскіе сторожа, которыхъ они угостили до положенія ризъ. Наконецъ, поминальщики вспомнили, что пора имъ съ мѣста вѣчнаго покоя отправиться на покой во-свояси.

Хотя выпито было достаточно, но запасъ былъ такъ великъ, что осталось нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Тутъ Дмитріевъ велѣлъ подать остальное вино и, утирая слезы, вскричалъ: «Дай Богъ тебѣ царство небесное, голубчикъ Василій Андреевичъ, а вотъ какъ мы всѣ тебя любили и уважали!...», и при этихъ словахъ, отбивъ горлышки у бутылокъ, вылилъ все вино на его могилу [1]).

---

[1]) Обо всемъ этомъ я слышалъ отъ самого Дмитріева. П. К.

Да не осудятъ, мои почтенные читатели эту эксцентрическую выходку добродушнаго купца. Всякій по своему изливаетъ свои чувства! Тутъ въ послѣдній разъ пропѣли они «вѣчную память» усопшему и разъѣхались по домамъ; сторожа также разбрелись по своимъ мѣстамъ; но одинъ изъ нихъ, который, вѣроятно, отъ обильнаго угощенія не могъ сойти съ мѣста, прилегъ на церковной лѣстницѣ, находившейся рядомъ съ могилой моего брата, и заснулъ тутъ мертвымъ сномъ. Въ полночь этотъ бѣдняга, конечно, прозябъ... проснулся, и не могъ понять что съ нимъ тутъ случилось; началъ припоминать вчерашнія похороны и въ полупьяномъ его воображеніи начали представляться фантастическія картины: этотъ необыкновенной величины гробъ, никогда не бывалое огромное стеченіе народа [1]... Передъ его глазами возвышалась могильная насыпь, тоже необыкновенной величины... все это пагнало па него такого туману, что онъ просто ошалѣлъ... долго онъ не могъ придти въ себя... вдругъ ему послышался стонъ изъ могилы... его затрясла лихорадка... онъ кое-какъ приподнялся, подошелъ къ могилѣ поближе и стонъ повторился. Онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ священнику, переполошилъ весь домъ; кричитъ, что у нихъ на кладбищѣ случилось несчастіе: похоронили живаго человѣка!!!

Священника разбудили; онъ съ первыхъ словъ увидалъ, что сторожъ мертвецки пьянъ, поретъ горячку, и велѣлъ его вытолкать въ шею! Но слуга священника, изъ любопытства, пошелъ вмѣстѣ со сторожемъ на могилу. Слуга, какъ ни слушалъ, какъ ни прикладывалъ ухо къ землѣ, конечно, ничего не было слышно. «Ну, значитъ, опоздали!—вздохнувъ, сказалъ пьяница,—таперича, значитъ, померъ взаправду».

—Погоди, задастъ тебѣ батюшка завтра трезвому, что ты спьяна его потревожилъ,—сказалъ слуга и пошелъ домой. Наутро, конечно, сторожъ проспался и священникъ началъ его бранить за вче-

---

[1] Въ это время, у самаго смоленскаго моста, находилась кондитерская Фейфера. Въ день похоронъ моего брата, былъ такой наплывъ посѣтителей въ это заведеніе, что весь его запасъ истощился, и Фейферъ потомъ говорилъ: «вотъ еслибы въ году было двое или трое такихъ похоронъ, такъ лучшаго мѣста и желать не надо!». П. К.

рашнюю передрягу. Но тотъ, чтобы оправдать себя передъ начальствомъ, божился и клялся, что онъ не былъ пьянъ и что дѣйствительно слышалъ стонъ покойника, и послѣ всѣмъ то же повторялъ. И такъ, вопреки пословицѣ, что у пьянаго было на умѣ, то у трезваго осталось на языкѣ.

Безпрерывные разспросы объ этой нелѣпой исторіи, наконецъ, мнѣ до смерти надоѣли, и когда нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ меня спрашивали: правда ли, что мой братъ въ гробу перевернулся? я имъ отвѣчалъ: «помилуйте, господа, какъ же ему не перевернуться въ гробу, когда лучшія его роли теперь только лѣнивый не играетъ!»

П. А. Каратыгинъ.

С.-Петербургъ.

ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ

и

ЕГО УПРАВЛЕНІЕ ВАЛАХІЕЙ И МОЛДАВІЕЙ

1829—1834 гг.

I.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей первыхъ трехъ четвертей нынѣшняго вѣка. Его служба въ военное и мирное время съ 1806 г. по 1818 г., начальствованіе главнымъ штабомъ 2-й арміи съ 1818 г. по 1828 г., боевая дѣятельность въ 1829 г., управленіе княжествами Валахіей и Молдавіей съ ноября 1829 г. до апрѣля 1834 г., его дѣятельность по управленію государственными имуществами и крестьянами въ Россіи съ 1836 г. по 1856 г. и, наконецъ, въ званіи посла во Франціи съ 1856 г. до конца 1860 года — составляютъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней въ его служебной и государственной дѣятельности, дающихъ ему всѣ права на уваженіе потомства. Изображенія ихъ въ одной общей картинѣ у насъ, къ сожалѣнію, еще нѣтъ, хотя оно очень желательно, потому что имя его уже принадлежитъ исторіи и занимаетъ въ ней видное мѣсто [1]). Предварительное собраніе матеріаловъ для полной біографіи его ускорило бы желанное изданіе ея. Однимъ изъ такихъ матеріаловъ можетъ послужить приводимый ниже очеркъ управленія П. Д. Киселева княжествами Валахіей и Молдавіей, съ прибавленіемъ краткихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности его до и послѣ того. Очеркъ этотъ составленъ на основаніи свѣдѣній, какъ лично мнѣ извѣстныхъ и мною пріобрѣтенныхъ во время службы моей подъ на-

[1]) Осуществленіе этого желанія весьма близко. Членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь А. П. Заблоцкій-Десятовскій посвятилъ нѣсколько лѣтъ составленію біографіи гр. П. Д. Киселева. Этотъ обширный и въ высшей степени интересный трудъ, составленный по подлиннымъ бумагамъ покойнаго гр. Павла Дмитріевича и по документамъ различныхъ архивовъ—почти оконченъ. Пожелаемъ скорѣйшаго появленія его въ свѣтъ. Ред.

чальствомъ П. Д. Киселева въ княжествахъ въ 1833—1834 гг., такъ и почерпнутыхъ мною изъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ источниковъ, между прочимъ, изъ небольшой книжки, изданной въ 1841 г. въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Paul Kisseleff et les principautés de Valachie et de Moldavie, par un habitant de Valachie», и нынѣ составляющей библіографическую рѣдкость. Кто былъ авторъ этой книжки—не знаю, но, сколько мнѣ кажется, едва-ли не состоявшій, во время управленія Киселева княжествами, въ должности статсъ-секретаря г. Стирбей, родомъ валахъ, человѣкъ весьма умный и образованный, котораго Киселевъ очень любилъ, уважалъ и называлъ «le parfait Valaque» и который, по своей должности, имѣлъ въ своемъ вѣденіи всѣ дѣла различныхъ отраслей внутренняго управленія, сосредоточивавшіяся въ статсъ-секретаріатѣ (см. ниже), и потому могъ имѣть общее, полное и достовѣрное свѣдѣніе о нихъ. Это ясно усматривается изъ означенной книжки, и я въ состояніи удостовѣрить, что всѣ свѣдѣнія объ административныхъ мѣрахъ и преобразованіяхъ Киселева въ княжествахъ изложены въ ней вѣрно, а похвалы дѣятельности и заслугамъ его и выраженіе признательности къ нему жителей княжествъ—искренни и нисколько не преувеличены.

Смѣю думать, что приводимый мною очеркъ можетъ имѣть въ настоящее время особенное достоинство современности, по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, онъ представляетъ картину того благодѣянія, которое императоръ Николай I и избранный имъ для исполненія его намѣреній Киселевъ, за полвѣка тому назадъ, оказали Валахіи и Молдавіи, призвавъ ихъ къ новой, самостоятельной жизни и даровавъ имъ всѣ залоги къ процвѣтанію въ будущемъ; во 2-хъ, потому что, полвѣка послѣ того, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ великодушно исполняетъ то же самое въ отношеніи къ новому княжеству Болгаріи, для котораго въ прошедшемъ прекрасный примѣръ для настоящаго;—наконецъ, въ 3-хъ, въ отношеніи собственно къ Киселеву, потому что нынѣ именно время воздать по этому поводу достойное достойному, который по всѣмъ правамъ заслужилъ вѣчную признательность Валахіи и Молдавіи, столько же, сколько и высокое уваженіе Россіи и всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества.

Вотъ нѣсколько свѣдѣній о родѣ дворянъ Киселевыхъ и особенно о жизни и дѣятельности лучшаго представителя его—Павла Дмитріевича Киселева, до 1829 года, когда онъ былъ призванъ къ управленію Валахіей и Молдавіей.

Достовѣрныя свѣдѣнія о родѣ дворянъ Киселевыхъ начинаются съ Ивана Киселева, бывшаго воеводой въ Устюгѣ Великомъ въ 1452 г. Сынъ его Михаилъ былъ воеводой въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1469 г., а внукъ Θеодоръ—посломъ Іоанна III въ Крыму въ 1502 г. и потомъ полковымъ воеводой въ казанскомъ походѣ 1506 г. Сынъ Θеодора Симеонъ былъ воеводой въ Новосилѣ въ 1546 г., а Филиппъ Ивановичъ былъ полковымъ воеводой въ литовскомъ походѣ 1514 г.—Семь Киселевыхъ были убиты при взятіи Казани 2-го октября 1552 г. Семь же Киселевыхъ владѣли населенными имѣніями въ 1699 г. При императорѣ Павлѣ I Θеодоръ Ивановичъ Киселевъ былъ генералъ-лейтенантомъ, а Павелъ Ивановичъ генералъ-маіоромъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Ивановичъ Киселевъ (род. 1761 г., ум. 1820 г.) былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Урусовой (родил. 1763 г., ум. 1841 г.); у нихъ было 4 сына: Павелъ (см. ниже), Александръ, Сергій (дѣйствительный статскій совѣтникъ и предсѣдатель московской казенной палаты) и Николай (тайный совѣтникъ, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), и дочери: Александра, Варвара (р. 1767 г. ум. 1841 г.) и Елисавета, которая была въ замужствѣ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Милютинымъ (отцомъ нынѣшняго военнаго министра), а одна изъ сестеръ ея — за Сергѣемъ Алексѣевичемъ Неѣловымъ [1]).

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ родился въ 1788 г., въ Москвѣ, и съ первыхъ лѣтъ жизни проявилъ необыкновенныя способности ума, соединенныя съ красивою наружностью и необыкновенными живостью и бойкостью. Но, по частнымъ свѣдѣніямъ, первое образованіе его въ родительскомъ домѣ было нѣсколько пренебрежено въ отроческихъ лѣтахъ, однако заботливостью роднаго дяди его, брата его отца, было потомъ развито и усовершенствовано. Выйдя изъ отрочества, онъ поступилъ въ гражданскую службу (кажется, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, или, какъ тогда называли, въ иностранную коллегію, при архивѣ въ Москвѣ), а изъ нея былъ произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка 5-го октября 1806 г. [2]). Съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походахъ 1806—1807 гг., 1812—13—14 гг., и во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ явилъ опыты отличныхъ мужества и храбрости. Въ сраженіи 18-го (30-го) марта 1814 г. подъ Парижемъ, уже въ чинѣ полковника (26-ти лѣтъ отъ ро-

[1]) Князя П. Долгорукова «Россійская Родословная книга», ч. 2-я.

[2]) Мы имѣемъ краткій очеркъ всей служебной дѣятельности гр. Киселева, составленный г. Лебедевымъ, который постараемся напечатать. Ред.

ду), онъ обратилъ на себя особенное вниманіе императора Александра I, который тогда же приблизилъ его къ себѣ, назначивъ его своимъ флигель-адъютантомъ, и получилъ возможность ближе оцѣнить отличныя качества ума и сердца его. Съ этихъ поръ Киселевъ сталъ однимъ изъ любимцевъ государя, который давалъ ему многія важныя порученія и всегда оставался вполнѣ доволенъ отличнымъ исполненіемъ ихъ. Такія благорасположеніе и довѣріе государя, до конца жизни его, Киселевъ оправдалъ постоянными заслугами и безграничною преданностью. Онъ сопровождалъ государя въ Вѣну на конгрессъ, въ 1815 г., во Францію и въ Парижъ, оттуда обратно въ Петербургъ, и въ 1817 году въ Москву. Здѣсь, во время пребыванія въ ней двора и прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, 6-го октября 1817 г. (29-ти лѣтъ отъ роду), онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ исправляющимъ должность начальника главнаго штаба 2-й арміи фельдмаршала графа Витгенштейна, главная квартира которой находилась въ м. Тульчинѣ, Подольской губерніи. Но прежде нежели отправиться туда, Киселевъ—сознавая всю важность своего назначенія и недостаточность первоначальнаго образованія своего, и не смотря на то, что въ Москвѣ въ то время, по случаю пребыванія двора, происходили частыя торжества и увеселенія, — добровольно заключился въ строгое уединеніе и въ немъ, съ необыкновенною твердостью воли и неутомимымъ трудомъ, старался восполнить то, чего недоставало его образованію, и достойно приготовиться къ своему назначенію. По прибытіи его во 2-ю армію, необыкновенно быстрое и блистательное повышеніе его по службѣ не преминуло, конечно, возбудить зависть къ нему и ревнивую раздражительность многихъ, считавшихъ себя старшими его по службѣ. Но онъ вскорѣ явилъ такія необыкновенныя дарованія, дѣятельность и искусство распоряженій, что даже противники его были принуждены воздать имъ должную справедливость. Вскорѣ 2-я армія, во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ военно-административномъ и хозяйственномъ, пришла въ отличное, можно сказать, образцовое состояніе и всегда заслуживала полное одобреніе императора Александра I. Вниманіе и благорасположеніе этого государя къ Киселеву сохранились неизмѣнно до самой смерти, и были выражены, между прочимъ, пожалованіемъ Киселеву въ 1821 году ордена св. Анны 1-й ст., а въ 1823 г. назначеніемъ его въ званіе генералъ-адъютанта.

Смерть императора Александра I и послѣдовавшее затѣмъ время были самою прискорбною и самою трудною эпохой въ жизни Киселева. Преданный императору Александру не только по долгу и признатель-

ности, но и по сердечной склонности и тѣмъ ежедневнымъ отношеніямъ, которыя тѣсно соединяютъ взаимно сочувствующихъ себѣ людей, Киселевъ былъ глубоко огорченъ смертью своего благодѣтеля, которая въ то же время пробудила надежды враговъ Киселева. Обнаруженный въ то время государственный заговоръ увеличилъ опасность положенія Киселева. Многіе офицеры 2-й арміи участвовали въ этомъ заговорѣ, а главные дѣятели въ немъ успѣли обольстить часть войскъ только увѣреніемъ, что стараются соблюсти законный порядокъ наслѣдованія престола, который сами же, между тѣмъ, хотѣли ниспровергнуть. Однако, для поддержанія полезнаго для ихъ замысловъ заблужденія и для возможности увлеченія, какъ они надѣялись, и остальныхъ войскъ арміи, они нуждались въ содѣйствіи начальника главнаго штаба ея, отъ котораго исходили всѣ приказанія и вліяніе котораго на умы солдатъ было извѣстно заговорщикамъ. Первыя прокламаціи ихъ имѣли быть подписаны имъ, а, въ случаѣ отказа его, онъ одинъ изъ первыхъ былъ обреченъ смерти. Но твердость и благоразуміе его не ослабѣли ни на мгновеніе въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и онъ нашелъ со стороны императора Николая I то же довѣріе, которое первостепенныя дарованія и непоколебимая вѣрность снискали ему со стороны императора Александра I.

Въ 1828 г. онъ былъ призванъ къ обсужденію, вмѣстѣ съ графомъ Дибичемъ, плана войны противъ Турціи. Послѣ того, онъ участвовалъ въ первомъ походѣ этого года и лично руководилъ, подъ огнемъ непріятеля и въ присутствіи самого государя, переправой черезъ Дунай, за что удостоился производства въ генералъ-лейтенанты. Блокада Шумлы вскорѣ доставила ему новый случай проявить свою доблесть. Получивъ приказаніе овладѣть непріятельскою позиціей, столько же важною, сколько и трудною для овладѣнія, которая возвышалась впереди русскихъ укрѣпленій и господствовала надъ расположеніемъ русской арміи, онъ овладѣлъ ею послѣ двухъ-часоваго упорнаго боя и въ тотъ же день получилъ шпагу за храбрость при самомъ лестномъ рескриптѣ.

Въ 1829 г. произошли большія перемѣны въ личномъ составѣ высшаго начальства арміи. Графъ Дибичъ заступилъ мѣсто графа Витгенштейна въ главномъ начальствованіи арміей. Многіе изъ старшихъ чинами генераловъ предпочли удалиться, другіе были отозваны, дабы избѣжать тѣхъ столкновеній и соперничествъ, которыя причинили неудачу перваго похода. Киселевъ, должность котораго въ званіи начальника главнаго штаба арміи прекратилась съ удаленіемъ графа Витгенштейна, былъ назначенъ командующимъ войсками въ Валахіи и Молдавіи. Онъ не могъ, конечно, быть доволенъ удале-

ніемъ его отъ средоточія военныхъ дѣйствій; однако обстоятельства, не замедлили оказаться благопріятными для него свыше всякаго ожиданія. Войска, оставленныя въ Валахіи, были назначены прикрывать тылъ главныхъ силъ арміи, дѣйствовавшихъ въ восточной Болгаріи. Для этого они должны были, съ одной стороны, удерживать гарнизоны крѣпостей Журжи и Рущука, которые могли оказывать, по близости, помощь непріятелю въ полѣ, а, съ другой стороны, они имѣли наблюдать за движеніями паши виддинскаго, отдаленность и недавнее пораженіе котораго возбуждали, впрочемъ, менѣе безпокойства. Но вдругъ стало извѣстнымъ, что до 100 тысячъ войскъ виддинскаго и скутарійскаго пашей сосредоточивались на западной окраинѣ Болгаріи, дабы движеніемъ на Букарестъ отрѣзать сообщенія русской арміи. Тогда небольшой корпусъ войскъ, оставленный въ Валахіи, получилъ важное значеніе. Графъ Дибичъ, сознавая это, предложилъ генералу Киселеву удерживаться въ своихъ позиціяхъ, дѣйствуя оборонительно. Однако Киселевъ приказалъ генералу Гейсмару взять крѣпость Рахово, что доставило двойную выгоду: имѣть тетъ-де-понъ на правомъ берегу Дуная и прервать судоходство по этой рѣкѣ; онъ отразилъ всѣ вылазки гарнизоновъ Журжи и Рущука, тѣсно блокируемыхъ; нѣсколько разъ переправлялся на правый берегъ Дуная и, производя на немъ тревогу среди непріятеля, занялъ послѣдняго такъ, что онъ помышлялъ уже только объ оборонѣ. Но вскорѣ скутарійскій паша, при вѣсти о взятіи Силистріи и пораженіи великаго визиря, вышелъ изъ Виддина съ 25 т. войскъ и двинулся усиленными переходами къ Адріанополю. Киселевъ, видя опасность, угрожавшую правому флангу русской арміи, и разсудивъ, что данное ему оборонительное назначеніе не могло быть примѣнимо къ настоящему случаю, двинулся съ частью своихъ войскъ вслѣдъ за скутарійскимъ пашой. Онъ настигъ уже аріергардъ его близь города Врацы, когда получилъ офиціальное извѣстіе о подписаніи предварительныхъ условій мира и приказаніе остановиться. Между тѣмъ, скутарійскій паша продолжалъ идти впередъ и прибылъ уже въ Филиппополь, а турецкіе уполномоченные въ Адріанополѣ находили тысячи предлоговъ для того, чтобы затягивать переговоры. Тогда Дибичъ раскаялся, что удержалъ Киселева, и приказалъ ему снова двинуться впередъ, что онъ и исполнилъ и занялъ Габрово, готовый перейти черезъ Балканы по первой вѣсти о возобновленіи военныхъ дѣйствій, а Гейсмаръ, по его приказанію, взялъ Софію. Этимъ были разрушены тайные замыслы и надежды турокъ послѣ взятія Адріанополя, и 2-го (14-го) сентября миръ былъ подписанъ въ немъ.

Здѣсь необходимо сказать, что во всѣ мирные договоры между Рос-

сіей и Турціей, при Екатеринѣ II (Кучукъ-Кайнарджійскій и Ясскій), при Александрѣ I (Букарестскій) и Николаѣ I (въ Аккерманскую конвенцію 1827 г.), всегда были включаемы особыя условія въ пользу Валахіи и Молдавіи. Но Порта не только никогда не исполняла ихъ, но и дѣйствовала совершенно наперекоръ. А по заключеніи Аккерманской конвенціи, султанъ Махмудъ, раздраженный истребленіемъ своего флота въ морскомъ бою при Наваринѣ, 8-го октября 1828 г., даже явно провозглашалъ, что аккерманскими переговорами хотѣлъ только выиграть время и собраться съ силами, но заранѣе положилъ не исполнять условій этихъ переговоровъ. Однако, успѣхи русскаго оружія и удары, нанесенные имъ Турціи въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ 1828—1829 гг., принудили Махмуда, въ силу Адріанопольскаго мирнаго договора, между прочимъ, даровать Валахіи и Молдавіи всѣ права и преимущества, обѣщанныя, но неисполненныя, на основаніи прежнихъ мирныхъ договоровъ и султанскихъ хаттишерифовъ, равно и Аккерманской конвенціи, и значительно дополненныя еще новыми, и предоставить этимъ двумъ областямъ полную автономію, довольствуясь лишь одною ежегодною, умѣренною податью. Въ обезпеченіе исполненія этого, Валахія и Молдавія и крѣпость Силистрія имѣли быть занимаемы русскими войсками впредь до уплаты Турціей военной контрибуціи; турецкія же войска были выведены изъ крѣпости Журжи въ Валахіи. На этотъ разъ всѣ условія Адріанопольскаго договора касательно княжествъ были въ точности исполнены Портой, а со стороны Россіи, рѣшительною волей императора Николая I, великодушныя намѣренія его въ отношеніи Валахіи и Молдавіи были осуществлены въ такой степени, что далеко превзошли всѣ надежды, внушенныя несчастнымъ жителямъ этихъ областей Екатериной II и Александромъ I. И такимъ образомъ императору Николаю I суждено было довершить наконецъ то, чего не успѣли исполнить Екатерина II и Александръ I, и воззвать Валахію и Молдавію къ новой, лучшей политической жизни. Много способствовалъ тому прекрасный выборъ государя для исполненія великодушныхъ намѣреній его, павшій на П. Д. Киселева. Назначенный полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ княжествъ Валахіи и Молдавіи и командующимъ русскими войсками въ нихъ и въ кр. Силистріи, Киселевъ вполнѣ оправдалъ выборъ и довѣріе государя. Уже передъ тѣмъ доказавъ свои отличныя военно-административныя способности въ званіи начальника главнаго штаба 2-й арміи (1817—1828 гг.), и не менѣе отличныя боевыя способности въ военныхъ дѣйствіяхъ 1828—1829 гг. въ Европейской Турціи, Киселевъ, въ 4 года и 5 мѣсяцевъ управленія своего княжествами, даровалъ имъ превосходное внутрен-

нее управленіе, благоустройство, благосостояніе, довольство и всѣ задатки процвѣтанія въ будущемъ, и тѣмъ явилъ себя замѣчательнымъ гражданскимъ правителемъ, политикомъ, дипломатомъ и государственнымъ человѣкомъ.

Чтобы достойно оцѣнить благодѣянія управленія его княжествами, необходимо предварительно имѣть понятіе о судьбѣ ихъ до того времени. Они никогда не наслаждались мирнымъ состояніемъ и не знали выгодъ правильнаго управленія. Расположенныя между Турціей, Россіей и Австріей, они имѣли судьбу тѣхъ малыхъ и слабыхъ тѣлъ, которыя, будучи стѣснены между бо́льшими и сильнѣйшими, безпрестанно подвергаются опасности быть подавленными ими. Въ эпоху великаго переселенія народовъ съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, всѣ эти народы проходили черезъ эти области, оставляя въ нихъ за собою лишь слѣды опустошенія огнемъ и мечомъ. Съ начала XVI вѣка покровительство Порты, подъ сѣнію которой они надѣялись найти нѣкоторую обезпеченность, было для нихъ столько же пагубно, сколько и непріязнь ея къ нимъ дотолѣ: оно выражалось лишь грабежомъ, войною и, что было еще хуже, присылкой тѣхъ кратковременныхъ правителей, которые въ послѣднія времена избирались всегда изъ грековъ-фанаріотовъ. Этимъ людямъ, алчнымъ къ деньгамъ, никакое средство не было противнымъ для добычи ихъ. Должности, званія, правосудіе—все было продаваемо тому, кто давалъ болѣе денегъ. Ихъ воля была единственнымъ закономъ, рѣшавшимъ вопросы имущества и жизни; она же, всегда алчная и ненасытная, назначала налоги, названія и свойства которыхъ были разнообразны до безконечности. Каждый новый правитель прибавлялъ свой налогъ, превосходя вымогательства своихъ предшественниковъ. А въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ было до 40 такихъ правителей, одинъ послѣ другаго, и тысячи сборщиковъ, главныхъ и низшихъ откупщиковъ безпрестанно рыскали, какъ алчные волки, по всѣмъ направленіямъ края, выжимая до послѣдней полушки у несчастныхъ жителей, которые всегда и всѣмъ платили, не зная почему и никогда не освобождаясь отъ этого. Въ этомъ и состояло все управленіе, и всѣ громадныя суммы денегъ, проистекавшія изъ такихъ вымогательствъ, поступали въ кассы этихъ правителей, въ эти бездонныя пропасти, поглощавшія плоды трудовъ 3½ милліоновъ народонаселенія, такъ что изъ нихъ не оставалось ни малѣйшей частицы въ пользу края. Крестьяне, на которыхъ лежала вся тяжесть налоговъ, были раздѣлены на три класса или три разряда рабовъ: 1) принадлежавшихъ непосредственно государству и называвшихся собственно податными; 2) «сокотельниковъ»,

присвоенныхъ, въ качествѣ удѣльныхъ, различнымъ разрядамъ дворянства, и 3) рабочихъ или барщинныхъ людей, назначенныхъ землевладѣльцамъ для обработыванія ихъ земель. Подушная подать была замѣнена сборною съ каждаго селенія, не по числу семей въ немъ или ихъ личнаго имущества, но по произволу и выгодамъ чиновниковъ, которымъ поручался сборъ податей и которые позволяли себѣ всякаго рода злоупотребленія, будучи увѣрены въ безнаказанности. Финансовое управленіе, завладѣвшее всѣми другими и образовавшее какъ бы средоточіе, къ которому стремились всѣ честолюбивые и корыстолюбивые виды, не имѣло никакихъ свѣдѣній о статистикѣ края, ни даже переписи податныхъ людей: все было предоставлено произволу уѣздныхъ начальниковъ, которые, въ свою очередь, были принуждены довѣрять свѣдѣніямъ, всегда невѣрнымъ, своихъ подчиненныхъ. Это былъ сущій хаосъ, въ которомъ самый проницательный и опытный взглядъ не могъ бы ничего разобрать. Впрочемъ, и не существовало никакого понятія о томъ, что справедливо или несправедливо, честно или безчестно: всякій признавался въ своихъ злоупотребленіяхъ и кражахъ открыто и гласно, съ тѣмъ простодушіемъ порока, которое не видитъ въ этомъ ничего дурнаго, и даже съ нѣкоторымъ тщеславіемъ, потому что дарованія и способности измѣрялись степенью наглости, употребляемой на поприщѣ злоупотребленій. Всѣ источники богатства и благосостоянія народныхъ были поражены безплодностью. Вывозъ произведеній края былъ воспрещенъ въ пользу Порты, которая похищала ихъ по цѣнѣ, какая была угодна ей, и въ теченіи 40 лѣтъ постоянно оставалась та же, не смотря на огромный упадокъ цѣнности турецкихъ денегъ въ то же время. Земледѣліе, единственная промышленность края, было заброшено и крестьянами, не имѣвшими никакой собственности, и землевладѣльцами, не обезпеченными въ томъ, чѣмъ владѣли; взаимныя права и обязанности ихъ не были опредѣлены никакими правилами. Внутреннія сообщенія были совершенно прерваны—полгода непроходимымъ состояніемъ дорогъ, а другіе полгода—разбойниками, которые грабили и убивали прохожихъ и проѣзжихъ среди бѣлаго дня. Десятокъ ихъ былъ въ состояніи навесть ужасъ на цѣлый край и поселить тревогу даже въ большихъ городахъ, такъ какъ вся вооруженная сила въ каждомъ изъ княжествъ состояла изъ какой-нибудь сотни албанцевъ (арнаутовъ), составлявшихъ стражу правителей, да изъ какой-нибудь тысячи людей на службѣ администраціи, имѣвшихъ вмѣсто оружія—плеть, а вмѣсто жалованья то, что могли незаконно добывать себѣ по примѣру своихъ начальниковъ. Впрочемъ, злоумышленники большею частью дѣлились своими прибылями съ властями, поставленными для соблюденія

общественнаго порядка. Если къ этимъ бѣдствіямъ присоединить еще хищническіе набѣги мятежныхъ пашей и гарнизоновъ дунайскихъ крѣпостей, грабившихъ и раззорявшихъ все на своемъ пути, то и тогда еще можно будетъ представить себѣ лишь слабую картину состоянія Валахіи и Молдавіи до 1828 г., когда онѣ были заняты русскими войсками [1]).

Но и 1828—1829 гг. были крайне бѣдственны для княжествъ. Война, чума, голодъ, падежъ скота, похитившій у земледѣлія около 1 милліона головъ, словомъ—всѣ бѣдствія будто нарочно соединились для раззоренія въ конецъ этихъ несчастныхъ областей.

Таковъ былъ край, который Киселеву суждено было преобразовать. Онъ прибылъ въ Букарестъ 14-го (26-го) ноября 1829 г. и въ первую же затѣмъ ночь произошло сильное землетрясеніе. Народъ, устрашенный и суевѣрный, какъ это бываетъ въ несчастіи, не сомнѣвался, что это было предзнаменованіемъ какихъ-нибудь новыхъ бѣдствій. Чума и голодъ продолжали производить свои опустошенія. Они-то первые и обратили на себя вниманіе Киселева. И онъ имѣлъ удовольствіе вскорѣ увидѣть, что усилія его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Коммисія, которой было поручено ввезти изъ-за границы зерновой хлѣбъ, черезъ нѣсколько недѣль успѣла удовлетворить потребностямъ въ немъ на первое время, а на будущее—поощренія, назначенныя для облегченія новыхъ посѣвовъ, позволяли надѣяться, что съ послѣдующею жатвой снова явится изобиліе, что дѣйствительно и оправдалось свыше всякихъ возможныхъ ожиданій. Въ то же время карантинный кордонъ, учрежденный вдоль Дуная, и мѣры карантинныя и санитарныя, принятыя внутри княжествъ, не замедлили избавить ихъ отъ чумы, которая уже нѣсколько лѣтъ съ ряду истребляла народонаселеніе. Такимъ образомъ Киселевъ, съ первыхъ же дней послѣ своего прибытія, явился спасителемъ края и возродилъ надежду въ сердцахъ, уже совершенно удрученныхъ страданіями и несчастіемъ. Въ то же время онъ захотѣлъ съ разу положить рѣзкую границу между вновь начатою администраціей и всѣми дѣйствіями предшествовавшихъ. Съ этою цѣлію онъ назначилъ въ каждомъ уѣздѣ коммисію для изслѣдованія многочисленныхъ злоупотребленій, совершенныхъ со времени занятія края русскими войсками, и дабы подвер-

[1]) Не то ли же самое было и въ Болгаріи до 1877—1878 гг., когда она была занята русскими войсками?—Не то ли же самое всегда было, есть и будетъ въ областяхъ Турціи, населенныхъ христіанами, доколѣ онѣ будутъ подъ властью этой азіатской и магометанской державы, какія бы она ни вводила у себя конституціи? Кн. Н. Г.

гнуть виновныхъ суду законовъ, съ вознагражденіемъ потерпѣвшихъ. Если эти коммисіи и не выполнили вполнѣ цѣли, съ которою были учреждены, то, по крайней мѣрѣ, достигли того важнаго результата, что не допустили ни малѣйшаго сомнѣнія въ тѣхъ началахъ и той твердости, которыя Киселевъ положилъ внести въ свое управленіе. Вскорѣ тѣ самые люди, которые имѣли наиболѣе смѣлости и опытности въ области злоупотребленій, утратили прежнее довѣріе къ умѣнію ихъ обдѣлывать свои дѣла. Злоупотребленія стали исчезать, а безстыдство, съ которымъ люди дотолѣ хвалились своими дурными дѣлами, замѣнилось благороднымъ соревнованіемъ, въ которомъ стали, хотя и притворно, принимать участіе даже люди съ самыми закоренѣлыми дурными привычками,—до того каждый чувствовалъ необходимость снискать уваженіе новаго правителя. Многіе чиновники отказались отъ жалованья, другіе вызвались трудиться безъ вознагражденія въ разныхъ коммисіяхъ, оказавшихся нужными по требованіямъ времени. Молодежь съ восторгомъ примкнула къ новому управленію и захотѣла имѣть честь содѣйствовать ему. Каждый поспѣшилъ принесть отечеству свою посильную дань, и общая дѣятельность замѣнила во всемъ умственную и тѣлесную бездѣятельность, въ которой всѣ коснѣли дотолѣ. Такимъ образомъ, подъ вдохновеніемъ и по твердой волѣ одного человѣка, произошелъ цѣлый переворотъ въ нравахъ еще прежде, нежели въ учрежденіяхъ.

Но и въ этихъ послѣднихъ онъ также долженъ былъ совершиться вскорѣ. Прежній порядокъ вещей уже не могъ болѣе существовать. Уже давно чувствовалась необходимость преобразованія и ее не разъ выражали и константинопольскому, и петербургскому кабинетамъ. Одна изъ статей Аккерманской конвенціи постановила это преобразованіе, но еще ничего не было сдѣлано. Всѣ тѣ, которые, по своему положенію, были призваны принять участіе въ этомъ преобразованіи, чувствовали, что коснуться прежняго гнилаго зданія значило—разрушить его до основанія. Если одни опасались видѣть уничтоженіе, вмѣстѣ съ нимъ, и своихъ привиллегій, то другіе, въ меньшемъ числѣ, болѣе озабоченные пользами края, страшились затрудненій и опасностей, представлявшихся ихъ воображенію. А между тѣмъ потребность преобразованія стала особенно чувствительною и настоятельною вслѣдствіе новаго положенія, въ которое княжества были поставлены Адріанопольскимъ договоромъ. Обезпечивъ имъ независимость внутренняго управленія, онъ снялъ съ нихъ все, что турецкое владычество дотолѣ имѣло пагубнаго для нихъ. И мѣры этого преобразованія быстро послѣдовали одна за другою. Судоходство по Дунаю было объявлено свободнымъ и русло (Thalweg) этой рѣки назначено границей

между Турціей и княжествами. Торговля и промышленность послѣднихъ были освобождены отъ тѣхъ преградъ, которыя дотолѣ поражали ихъ безсиліемъ, и новые пути были открыты для сбыта ихъ произведеній. Это были огромныя преимущества, предназначенныя вызвать жизнь и благосостояніе тамъ, гдѣ всякій источникъ ихъ казался изсякшимъ, но которыя должны были бы остаться безъ результатовъ, еслибы въ самомъ скоромъ времени не были устранены всѣ недостатки прежняго внутренняго управленія.

Комитетъ, составленный изъ членовъ, избранныхъ изъ среды почетнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей обоихъ княжествъ, былъ учрежденъ съ цѣлію поставить учрежденія края въ соотвѣтствіе съ новымъ политическимъ положеніемъ его. Изъ Петербурга были присланы наставленія для облегченія и руководства комитета въ его трудахъ. Они заключали въ себѣ всѣ тѣ начала возрожденія, которыя въ другихъ странахъ не иначе могли проложить себѣ дорогу, какъ продолжительною и даже кровавою борьбою. «Уничтоженіе въ средѣ крестьянъ всякихъ барщинныхъ работъ, податей натурою и присвоенія остатковъ доходовъ разнымъ должностнымъ лицамъ; установленіе финансовой системы, болѣе простой и менѣе обременительной, и права собственности на болѣе опредѣленныхъ и уравнительныхъ основаніяхъ; отдѣленіе судебной и исполнительной власти одной отъ другой, и росписи доходовъ господарей (liste civile) отъ доходовъ, назначенныхъ на потребности края; обращеніе части доходовъ духовенства въ пользу общественной благотворительности; учрежденіе избирательнаго общаго собранія для участія въ составленіи законовъ и разсмотрѣнія ежегодныхъ счетовъ»—такова, въ главныхъ чертахъ, была программа, долженствовавшая служить основаніемъ для работъ комитета. Даже самому недовѣрчивому уму невозможно было бы не сознать, что составленіе ея было внушено высокою, просвѣщенною мыслію. Но не легка была работа комитета: пять мѣсяцевъ прошли со времени учрежденія его, онъ собирался каждый день, но, постоянно встрѣчая новыя затрудненія и препятствія, еще только начиналъ свою работу. Неудивительно—ему необходимо было согласовать много самыхъ противоположныхъ интересовъ, щадить много страстей, бороться съ многими предразсудками. Но довѣріе, внушенное Киселевымъ, наконецъ согласило всѣ мнѣнія и устранило всѣ затрудненія. Съ самаго прибытія своего, Киселевъ приложилъ все свое стараніе къ изученію законовъ и обычаевъ края, его исторіи, первобытнаго устройства, превратностей, и въ скоромъ времени онъ пріобрѣлъ такое отличное знаніе людей и дѣлъ, что ничто не ускользало отъ его проницательнаго и просвѣщеннаго ума.

Онъ начерталъ комитету планъ работъ его и руководилъ имъ до конца, пособляя ему своими совѣтами и знаніями. И шесть мѣсяцовъ спустя работа эта, которая въ началѣ, казалось, никогда не будетъ доведена до конца, была окончена. Результатомъ ея былъ не столько полный сводъ органическихъ законовъ, сколько сборникъ 8-ми различныхъ уложеній, обнимавшихъ всѣ отрасли администраціи. Подъ названіемъ «органическаго регламента» (réglement organique), онъ раздѣлялся на 8 главъ, посвященныхъ: 1-я, избранію господаря; 2-я, обязанностямъ и правамъ общаго собранія; 3-я, финансамъ; 4-я, гражданскому управленію, обязанностямъ и правамъ различныхъ департаментовъ его; 5-я, торговлѣ; 6-я, карантинамъ; 7-я, юстиціи, и 8-я, милиціи.

Этотъ «органическій регламентъ» не могъ быть обнародованъ ранѣе 10-ти мѣсяцевъ со времени окончательнаго составленія его, и Киселевъ воспользовался этимъ временемъ для возстановленія всѣми мѣрами благосостоянія края и для приготовленія послѣдняго къ новымъ учрежденіямъ. Въ доходахъ и расходахъ казначейства, равно и всѣхъ общественныхъ заведеній, была учреждена строгая отчетность. Школы, больницы, тюрьмы, благотворительныя кассы—все было предметомъ его заботливости и получило значительныя усовершенствованія, доведенныя въ послѣдствіи до высшей степени. А между тѣмъ какъ комитетъ былъ занятъ редакціей органическаго регламента, другія коммисіи редактировали особенныя положенія для каждаго изъ означенныхъ выше заведеній. Въ то же время молодые люди, какъ изъ лучшихъ фамилій, такъ и изъ крестьянскаго сословія, были обучаемы строевой военной службѣ и всѣмъ требованіямъ военной дисциплины, для образованія кадровъ національной милиціи. Санитарныя мѣры, сначала принятыя поспѣшно, для скорѣйшаго отвращенія грозившей тогда опасности, также получили значительное развитіе. Во всѣхъ мѣстахъ вдоль Дуная, гдѣ признано нужнымъ учредить карантины, были построены зданія для нихъ, со всѣми принадлежностями для удобства путешественниковъ и потребностей торговли. Служба въ нихъ была доведена до такого совершенства, что вскорѣ не заставила желать ничего лучшаго, и чума, не перестававшая свирѣпствовать на правой сторонѣ Дуная, была постоянно удерживаема карантинною преградой, которой съ тѣхъ поръ уже никогда не могла переступить. Въ Букарестѣ и Яссахъ производились постройки, для украшенія ихъ и для общественной пользы, и учреждена строгая полиція. Бывшія турецкія крѣпости Браиловъ и Журжа, уступленныя Валахіи по Адріанопольскому договору, были освобождены отъ всѣхъ остатковъ прежняго, внѣш-

няго, грознаго назначенія своего и отъ внутренняго, отвратительнаго неустройства и безпорядка турецкихъ городовъ, и обращены въ новые, открытые города, съ широкими улицами, большими площадями и красивыми зданіями. Коммисія, назначенная для опредѣленія границы между Турціей и княжествами, пріобрѣла для послѣднихъ (благодаря усердію Киселева къ отысканію старинныхъ границъ и поддержанію правъ на нихъ) еще 88 острововъ на Дунаѣ, независимо отъ большаго пространства земли и многихъ рыбныхъ ловлей, возвращенныхъ княжествамъ вдоль Дуная.

Такимъ образомъ, едва протекли 16 мѣсяцевъ со времени прибытія Киселева, какъ вся внѣшность края уже совершенно измѣнилась. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ совершить, даже въ малѣйшихъ отрасляхъ общественнаго устройства, самыя удачныя преобразованія и всѣ улучшенія, которыя дозволили ему время и препятствія, проистекавшія отъ прежняго неустройства. Вскорѣ они имѣли быть завершены введеніемъ новыхъ учрежденій.

1-е мая 1831 года было назначено днемъ, въ который прежній порядокъ вещей долженъ былъ окончательно и вполнѣ исчезнуть. Органическій регламентъ уже былъ принятъ чрезвычайнымъ общимъ собраніемъ высшихъ членовъ духовенства, почетныхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и уѣздныхъ депутатовъ изъ среды мелкихъ землевладѣльцовъ (средняго сословія между высшимъ дворянствомъ и народомъ). Впервые мелкая земельная собственность имѣла своихъ представителей въ собраніи, въ которомъ должны были обсуждаться важные вопросы общественной пользы. Впервые, въ особенности, такого рода собраніе соединялось въ намѣреніи изслѣдовать язвы отечества и употребить приличныя средства дли изцѣленія ихъ. Никогда еще не совокуплялось столь многихъ, различныхъ и противоположныхъ интересовъ, и, однако, никогда еще не было столько достоинства и спокойствія въ обсужденіи ихъ. И умъ, и совѣсть каждаго изъ присутствовавшихъ прониклись особенною важностью вопросовъ, которые обсуждались.

Открытіе этого собранія было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи княжествъ и было привѣтствовано всѣми съ восторгомъ, какъ заря прекрасныхъ будущихъ дней. Но въ это самое время, столь критическое и трудное для народовъ, когда старые законы и учрежденія уже утратили свою силу, а новые не успѣли еще замѣнить ихъ, Молдавія была постигнута холерой, и Валахіи угрожало то же самое бѣдствіе. Это заставило все пріостановить, дабы противодѣйствовать новой заразѣ, столь же бѣдствен-

ной своими опустошеніями, сколько и страхомъ, наведеннымъ ею на всѣ умы. Первые признаки холеры обнаружились въ Яссахъ, гдѣ вскорѣ болѣзнь развилась съ страшною силой. Всякій занялся только мыслью о своемъ спасеніи, и достаточныя семейства удалились въ свои имѣнія. Киселевъ находился тогда въ Яссахъ и остался въ нихъ среди городскаго населенія, которое не могло удалиться изъ города. Онъ велѣлъ выйти изъ него жителямъ тѣхъ частей его, въ которыхъ холера свирѣпствовала всего сильнѣе. Имъ преподаны были всякаго рода пособія; беднѣйшимъ раздавались пища и одежда. Киселевъ ежедневно являлся среди этой растерянной толпы, устремлявшейся на встрѣчу ему, какъ избраннику Провидѣнія, приносившему ей надежду и жизнь. Среди заботъ столь грозной опасности, ничто не было забыто для предупрежденія внутри края безпорядковъ, происходящихъ обыкновенно вслѣдствіе подобныхъ народныхъ бѣдствій, и для борьбы съ болѣзнью вездѣ, гдѣ бы она ни обнаружилась. Но едва Молдавія избавилась отъ нея, какъ зараза проникла за всѣ противопоставленныя ей преграды и охватила Валахію. Тутъ, какъ и въ Молдавіи, столица стала средоточіемъ, въ которомъ холера разразилась съ наибольшею жестокостью. Киселевъ поспѣшилъ въ Букарестъ и въ немъ такъ же смѣло противосталъ опасности и сдѣлалъ то же, что и въ Яссахъ. Два мѣсяца спустя, его покои, дворъ, всѣ улицы близь его дома—были наполнены народомъ, пришедшимъ выразить ему свою благодарность, съ слезами въ глазахъ и со всѣмъ восторгомъ, заступившимъ мѣсто страха, вслѣдствіе счастливо избѣгнутой опасности. Вполнѣ искренни и непринужденны были эти выраженія: среди всей этой народной толпы не было ни одного человѣка, который не былъ бы обязанъ Киселеву сохраненіемъ жизни родственника или друга, не видалъ бы его, когда смерть угрожала всѣмъ, въ борьбѣ съ нею для того, чтобы вырвать у нея жертвы ея. Это была одна изъ самыхъ лучшихъ минутъ въ жизни Киселева: сердце его было создано для того, чтобы вполнѣ оцѣнить это, и ощутило невыразимыя счастье и радость.

Спокойствіе и безопасность, снова наставшія по прекращеніи холеры, дозволили ему продолжать свои спасительныя преобразованія. Органическій регламентъ провозгласилъ отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной. Вскорѣ каждое селеніе получило свой мировой судъ, составленный изъ выборныхъ людей сельской общины. Суды 1-й инстанціи замѣнили въ каждомъ уѣздѣ прежніе суды, составленные изъ административныхъ чиновниковъ, а для ревизіи приговоровъ судовъ 1-й инстанціи были учреждены высшіе апелляціонные

суды. Всѣ эти суды руководствовались совершенно новыми для нихъ постановленіями гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и съ каждымъ днемъ освоивались болѣе и болѣе какъ съ ними, такъ и съ уваженіемъ къ законамъ—дѣломъ труднымъ послѣ предыдущихъ временъ, когда законы попирались тѣми самыми, которые были призваны къ исполненію ихъ. Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ были заведены для записи гражданскихъ актовъ книги, отсутствіе которыхъ дотолѣ содѣлывало невозможнымъ рѣшеніе многихъ спорныхъ дѣлъ, ежедневно возникавшихъ по общественнымъ вопросамъ. Въ уголовной и карательной системахъ также были произведены всѣ улучшенія и смягченія, внушенныя самымъ просвѣщеннымъ человѣколюбіемъ. Смертная казнь была уничтожена, равно какъ и пытка въ уголовныхъ дѣлахъ. Тюрьмы, дотолѣ бывшія вертепами нечистоты и заразы, въ которыхъ заключенные часто умирали еще прежде суда надъ ними, стали чистыми и здоровыми жилищами, въ которыхъ заключенные, одѣваемые и кормимые на счетъ казны, получали въ случаѣ болѣзни врачебныя пособія и утѣшенія религіи. Особые чиновники, подъ названіемъ прокуроровъ, были назначены состоять при судебныхъ мѣстахъ, для ускоренія суда надъ подсудимыми, наблюденія за исполненіемъ законовъ и преслѣдованія всѣхъ преступленій и проступковъ.

Не менѣе полнымъ и удачнымъ по своимъ результатамъ было и преобразованіе администраціи. Всѣ отрасли ея были раздѣлены на 6 департаментовъ, именно: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, статсъ-секретаріата [1]), юстиціи, національной милиціи и народнаго образованія вмѣстѣ съ дѣлами духовнаго вѣдомства. Канцеляріи этихъ департаментовъ были устроены по примѣру существовавшихъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ и работы въ нихъ были распредѣлены по отдѣленіямъ и столамъ. Учреждены были также канцеляріи архива и контроля, изъ нихъ послѣдняя — для ежегоднаго обревизованія счетовъ общественныхъ кассъ по документамъ, необходимымъ для провѣрки всѣхъ приходовъ и расходовъ. Общее собраніе членовъ высшаго духовенства, представителей дворянства и

---

[1]) Этотъ департаментъ былъ посредствующимъ между правителемъ края и другими департаментами и образовалъ высшую канцелярію, куда поступали всѣ донесенія и откуда исходили всѣ приказанія высшей власти. Сюда же принадлежали всѣ дѣла, касавшіяся иностранныхъ подданныхъ, и переписка съ иностранными агентами. **Кн. Н. Г.**

уѣздныхъ депутатовъ имѣло происходить ежегодно въ каждомъ княжествѣ для обсужденія проектовъ законовъ, представляемыхъ ему отъ имени правительства, для заключенія счетовъ прошедшаго года и опредѣленія смѣты на слѣдующій. Это общее собраніе было созываемо четыре раза въ продолженіе управленія Киселева и утвердило большое число законовъ, послужившихъ дополненіемъ къ органическому регламенту. Первое общее собраніе было созвано въ 1831 году и первымъ дѣломъ его было предложить Киселеву право гражданства края, со всѣми преимуществами, присвоенными высшему дворянству его... «Кто болѣе васъ,—сказано было въ адресѣ собранія,—можетъ имѣть право носить названіе сына того отечества, въ которомъ всѣ бѣдствія исчезли, какъ только вы вступили на его землю, гдѣ все, что было безъ жизни и движенія, чрезъ васъ получило то и другое». Въ отвѣтъ на это, Киселевъ, выразивъ, сколь глубоко тронутъ онъ чувствами, побудившими сдѣлать ему такое предложеніе, объявилъ, что не можетъ принять его, доколѣ будетъ въ краю и въ главѣ его управленія.

Таковъ былъ, болѣе или менѣе, порядокъ, введенный въ высшихъ отрасляхъ управленія. Милиція или земская стража также получила въ каждомъ княжествѣ полное устройство. Принятая сначала неблагосклонно по причинѣ многихъ неблагопріятныхъ для нея предразсудковъ, она, своими отличными: устройствомъ, духомъ и дисциплиной, вскорѣ пріобрѣла расположеніе и уваженіе къ себѣ всѣхъ въ краю. Сверхъ милиціи, были учреждены еще конные жандармы (доробанцы), въ числѣ 4,500 человѣкъ въ Валахіи и 2,000 человѣкъ въ Молдавіи, для охраненія внутренняго порядка, преслѣдованія злоумышленниковъ и исправленія при префектахъ и подпрефектахъ [1]) всѣхъ родовъ службы, требуемой нуждами администраціи. Два другія учрежденія послужили дополненіемъ къ этимъ двумъ родамъ народной вооруженной силы, которые, хотя и оказали благодѣтельные для края результаты, однако не были достаточны для полнаго удовлетворенія всѣмъ потребностямъ новаго положенія княжествъ. Законъ, принятый общимъ собраніемъ 1831 года, поставилъ въ обязанность

---

[1]) Валахія была раздѣлена на 18, а Молдавія на 11 уѣздовъ или префектуръ. Каждый уѣздъ раздѣлялся на 4 или 5 округовъ или подпрефектуръ, управляемыхъ подпрефектами, зависѣвшими отъ префектовъ. **Кн. Н. Г.**

поголовное вооруженіе всѣхъ селеній, въ кругу общинъ которыхъ появлялись бы злоумышленники (разбойники), подъ страхомъ отвѣтственности за всякій вредъ или убытокъ, который произошелъ бы отъ нихъ. А другое законодательное постановленіе, принятое позже, возложило охраненіе прибрежья Дуная, на протяженіи болѣе 400 верстъ, между княжествами и Турціей, на прибрежныя селенія, заключавшія въ себѣ около 25,000 семействъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, общественная безопасность была доведена въ Валахіи и Молдавіи до большой степени совершенства.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

1740 — 1764.

Съ перваго года и въ теченіе послѣдующихъ девяти лѣтъ изданія «Русской Старины», было напечатано на ея страницахъ нѣсколько монографій, эпизодическихъ разсказовъ и матеріаловъ, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ эпохѣ правительницы Анны Леопольдовны и къ дальнѣйшей участи злополучнаго ея семейства. При всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы запасъ документальныхъ данныхъ былъ исчерпанъ окончательно, и чтобы историку еще не оставалось разработывать многія частныя подробности, разрѣшать или ставить многіе вопросы къ разъясненію событій отечественной исторіи второй четверти минувшаго столѣтія. Въ недавнее время напечатанную монографію профессора Дерптскаго университета А. Г. Брикнера: «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741 — 1807)» [1]) можно назвать сводомъ, и притомъ весьма обстоятельнымъ, печатныхъ свѣдѣній о семействѣ Анны Леопольдовны, но никакъ не послѣднимъ словомъ объ императорѣ Іоаннѣ. Имѣющіеся нынѣ въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» неизданные документы — служатъ немаловажнымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ уже матеріаламъ къ исторіи ссылки бывшей правительницы, и въ особенности заточенія и убіенія ея сына. Печатая эти новыя данныя, мы считаемъ нелишнимъ напомнить читателямъ о главнѣйшихъ эпизодахъ страдальческой жизни и смерти Іоанна Антоновича и его фамиліи.

Вотъ перечень главнѣйшихъ статей и матеріаловъ напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» объ Аннѣ Леопольдовнѣ и ея фамиліи, или заключающихъ въ себѣ о ней свѣдѣнія:

Секретный указъ отъ имени императора Іоанна Антоновича главнокомандующему въ Москвѣ, изд. первое, 1870 г. Томъ I, стр. 515.

Погребеніе принцессы Анны Леопольдовны и мужа ея, герцога Антона Ульриха, 1746 и 1776. I, 597.

Арестъ и ссылка Бирона, 1740 г., изд. 1871, III, 537.

Царица Прасковья Ѳедоровна и ея дочери, 1721—1723, изд. 1872, VI, 563.

Судьба семейства правительницы Анны Леопольдовны, 1740 — 1807, изд. 1873, VII, 67.

---

[1]) Москва 1874 г. 149 стр. въ 8 д. л.

Письма леди Рондо (1730 — 1740), VIII, 40.

Егоръ Столѣтовъ (1724—1736), VIII, 1.

Записки фельдмаршала Миниха, 1874, IX, 73.

Наталья Өедоровна Лопухина, изд. 1874, XI, 1 и 191.

Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ датскія владѣнія (1780), IX, 645.

Герцогъ Карлъ Леопольдъ, дѣдъ императора Іоанна Антоновича (1720—1725), изд. 1875, XII, 1.

Тайная канцелярія въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны (1741—1761), XII, 523.

Дѣти Анны Леопольдовны въ Горзенсѣ, XII, 760.

Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744. Въ особомъ приложеніи къ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томы XII, XIII и XIV. Ред.

I.

Наслѣдственное слабоуміе въ потомствѣ царя Іоанна Алексѣевича. — Брауншвейгская фамилія.—Іоаннъ Антоновичъ.

Не беремъ смѣлости утверждать, чтобы въ числѣ вспомогательныхъ наукъ бытописанія непремѣнно должны были находиться медицина и патологія; однакоже, не можемъ отрицать и той очевидной истины, что причины многихъ важныхъ историческихъ событій заключались въ болѣзненномъ состояніи одиночныхъ личностей, въ рукахъ которыхъ находились судьбы государствъ. На сколько намъ извѣстно, донынѣ еще не разработана историческая патологія, т. е. исторія событій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія науки о болѣзняхъ человѣческаго организма, такъ называемыхъ «душевныхъ»—преимущественно. Наслѣдственное помѣшательство и тупоуміе (кретинизмъ), къ несчастію для человѣчества, не составляютъ особенно рѣдкихъ, исключительныхъ явленій въ исторіи европейскихъ династій. Такъ, сыномъ слабоумнаго Клавдія былъ Неронъ—свирѣпый мономанъ; сыномъ Іоанна Грознаго, подобно Нерону страдавшаго припадками мономаніи—былъ слабоумный Өеодоръ, обуянный маніею религіозною. Въ династіи французскихъ Меровинговъ почти всѣ короли, прозванные «тунеядцами» (rois fainéants), были идіоты... Не углубляясь въ даль вѣковъ, еще разительнѣйшіе примѣры наслѣдственнаго помѣшательства находимъ въ исторіи королевскихъ домовъ: шведскаго—Вазы, Ганноверско-англійскаго, Габсбургскаго; въ особенности же Испанскаго—именно въ поколѣніи Изабеллы и Фердинанда-Католика. Мужемъ дочери ихъ, Іоанны Безумной (Juana la Loca) былъ эрцгерцогъ Фердинандъ австрійскій. Отъ этого несчастнаго брака—помѣшанной съ человѣкомъ крайне развращеннымъ и не особенно богатымъ умственными способностями — родился императоръ

Карлъ V—геній въ юности и лѣтахъ мужества, безспорно... однакоже, за три года до смерти сошедшій съума и умершій въ помѣшательствѣ. Сынъ его Филиппъ II—по приговору исторіи, былъ кровожаднымъ фанатикомъ, но что такое фанатизмъ, если не то же сумасшествіе? Сынъ Филиппа II инфантъ донъ-Карлосъ съ дѣтства страдалъ припадками помѣшательства и, еслибы не умеръ въ юности, то, безъ сомнѣнія, въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ бы окончательно идіотомъ.

Именно съ вышеупомянутой патологической точки зрѣнія интересно поколѣніе царя Ивана Алексѣевича (1666 † 1696), правнукомъ котораго былъ несчастный мученикъ, невинная жертва политическихъ соображеній—императоръ Іоаннъ III (или VI) Антоновичъ.

Царь Иванъ былъ отъ природы скорбенъ главою, косноязыченъ, страдалъ цынгой, плохо видѣлъ и на восемнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ—бояръ, его окружавшихъ [1]. Этотъ жалкій юноша—орудіе тайныхъ замысловъ царевны Софіи, 9-го января 1684 года, былъ обвѣнчанъ съ боярышнею Прасковьею Ѳедоровною Салтыковою. Она была двумя годами старѣе мужа; высокаго роста, стройная, полная, красивая; хитрость и вкрадчивость замѣняли ей умъ; грамотѣ она была обучена довольно плохо; выросла въ предразсудкахъ и суевѣріи [2]. Если прибавить къ этому грубую чувственность и рѣдко свойственное женщинѣ жестокосердіе, проявленіе котораго походило иногда на припадки бѣшенства въ умалишенномъ, то будемъ имѣть полное понятіе о характеристикѣ царицы Прасковьи. Къ счастію для Россіи, у него, отъ брака съ царицею Прасковьею, не было дѣтей мужескаго пола; были только дочери, рожденіемъ которыхъ царевна, съ 1689 года, радовала супруга почти ежегодно: 21-го марта у нихъ родилась дочь Марья (умерла 13-го февраля 1690 г.), 4-го іюня 1690 г.—Ѳедосья (умерла 12-го мая 1691 г.), 29-го октября 1692 года—Катерина; 28-го января 1693 г.—Анна, 24-го сентября 1694 г.—Прасковья. Черезъ годъ и четыре мѣсяца послѣ рожденія этой царевны, Іоаннъ Алексѣевичъ скоропостижно скончался, 29-го января 1696 года. Изъ трехъ дочерей покойнаго каждая унаслѣдовала многія черты слабаго ума своего родителя, нѣсколько смягченныя довольно порядочнымъ воспитаніемъ, которое старалась имъ дать матушка-царица Прасковья Ѳедоровна. Царевна Катерина, или, какъ называла ее мать, «свѣтъ-Катюшка», была ея любимицей. Не будучи красавицей, она обра-

---

[1]) См. историческій очеркъ: «Царица Прасковья». Петербургъ, 1861. 161 стр. въ 8 д. л.; см. стр. 1.

[2]) Царица Прасковья, стр. 6.

щала на себя вниманіе небольшимъ ростомъ, чрезмѣрною полнотой; отличалась непомѣрною болтливостью, громкимъ смѣхомъ, беззаботностью и особенною способностью говорить все, что только взбредетъ въ ея вѣтренную голову. Она любила танцовать, рѣзвиться, ребячиться... словомъ, могла служить типомъ пустой, избалованной боярышни начала XVIII столѣтія. Средняя сестра, Анна Ивановна, герцогиня Курляндская и въ послѣдствіи императрица всероссійская—женщина постоянно хворая, угрюмая, сосредоточенная. Десятилѣтнее владычество Бирона, тиранившаго Россію, пятная кровью страницы исторіи ея царствованія, говоритъ не въ пользу ума и сердца императрицы Анны. Младшая изъ трехъ сестеръ, царевна Прасковья Ивановна, была, по свидѣтельству современниковъ — «слаба здоровьемъ, тщедушна, золотушна, съ глазами постоянно слезящимися, неряшлива, слабоумна и до крайней степени скупа». Она была тайно обвѣнчана съ генералъ-поручикомъ Иваномъ Ильичомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Дѣтей у нихъ не было, точно такъ же какъ у герцогини Курляндской: послѣднею отраслью поколѣнія царя Іоанна Алексѣевича было семейство его внучки Анны Леопольдовны, дочери царевны Екатерины Ивановны, и супруга ея герцога Карла Леопольда Мекленбургъ-Шверинскаго.

Герцогъ Карлъ Леопольдъ (род. въ 1678 году), извѣстный по сварливому, вздорному и безпокойному характеру, былъ слабоватъ умомъ и еще того болѣе—тѣломъ. Съ первою своею супругой, принцессой Нассаускою, онъ развелся, подъ предлогомъ ея неплодія. Бракосочетаніе его съ царевной Екатериной, происходившее 8-го апрѣля 1716 года, сопровождалось довольно страннымъ обстоятельствомъ... Черезъ два года, 7-го декабря 1718 г., она разрѣшилась отъ бремени дочерью—Анною. Супружеское сожительство Екатерины Ивановны продолжалось шесть лѣтъ и было весьма несчастливо. Карлъ-Леопольдъ обходился съ нею до того грубо, что она принуждена была прибѣгнуть къ защитѣ Петра Великаго и умолять его о вмѣшательствѣ въ ихъ семейныя дѣла. Императоръ, послѣ многихъ внушеній Карлу Леопольду, оставленныхъ имъ безъ вниманія, дозволилъ своей племянницѣ, вмѣстѣ съ малолѣтнею дочерью, переселиться въ Москву, куда герцогиня прибыла въ маѣ 1722 года. Она умерла 14-го іюня 1733 года, оставивъ по себѣ во владѣніяхъ мекленбургскихъ недобрую память съ прозвищемъ «дикой герцогини» (die wilde Herzoginn), у насъ же въ Россіи—никакой.

Природа, въ соблюденіи своихъ законовъ всегда неумолимая, не сдѣлала изъятія для дочери герцогини Мекленбургской при надѣлѣ или, вѣрнѣе, при обдѣлѣ Анны Леопольдовны умственными способно-

стями. Недальняя по уму и вѣтренная, она была весьма плохо воспитана. Воспитаніе ея было довѣрено нѣкоей мадамъ Адеркасъ, женщинѣ, созданной для должности дуэньи или руффіаны, но отнюдь не наставницы и воспитательницы особы, принадлежавшей къ царской фамиліи—и всѣ умственныя способности Анны Леопольдовны, отъ рожденія слабыя, были подавлены въ самой юности одною чувственностью. Она мечтала только о бракѣ, чуть не съ отроческихъ лѣтъ, и «министры проклятые» (какъ она сама выражалась) пріискали ей жениха, по уму и по способностямъ совершенно ей тождественнаго. Это былъ принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.

Принцъ Антонъ Ульрихъ родился въ 1715 году и на девятнадцатомъ своего возраста былъ вызванъ въ Россію. Онъ не кончилъ полнаго курса наукъ, по словамъ біографовъ. Бѣлолицый, подслѣповатый, золотушный, очень робкій и застѣнчивый, онъ съ первой же встрѣчи не понравился нареченной своей невѣстѣ, четырнадцати-лѣтней Аннѣ Леопольдовнѣ. Съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, женихъ дожидался, шесть лѣтъ, наступленія совершеннаго возраста невѣсты и въ этотъ долгій періодъ времени не только не съумѣлъ снискать ея расположенія, но окончательно ей опротивѣлъ. Бракосочетаніе происходило 3-го іюля 1739 года; черезъ годъ—именно 12-го августа 1740—императрица Анна Ивановна была обрадована рожденіемъ внучатнаго племянника, нареченнаго Іоанномъ. Съ кончиною императрицы Анны отношенія супруговъ Брауншвейгскихъ были самыя несчастныя. Сверженіе Анны Леопольдовны и ея ссылка со всѣмъ семействомъ сблизили несчастныхъ супруговъ... Плодами супружескаго сожительства принцессы Анны съ ея мужемъ, въ ссылкѣ, кромѣ Іоанна и принцессы Екатерины (род. 26-го іюля 1741 г.), были еще: дочь Елисавета (род. въ 1743), сыновья: Петръ (19-го марта 1745 г.) и Алексѣй (27-го февраля 1746 г.). Въ виду несомнѣнныхъ свидѣтельствъ очевидцевъ, что можетъ сказать исторія о дѣтяхъ Анны Леопольдовны, кромѣ того, что всѣ они, даже умнѣйшая изъ нихъ всѣхъ, принцесса Елисавета—были рахитическаго тѣлосложенія, наслѣдовавшія отъ отца и отъ матери ихъ тѣлесные и душевные недуги.

— «Принцесса Екатерина—сложенія больнаго, почти чахоточнаго, притомъ нѣсколько глуха, говоритъ нѣмо и невнятно; одержима всегда болѣзненными припадками... страдала цынгой; въ 38 лѣтъ была безъ зубовъ. Нрава робкаго, уклоннаго, стыдливаго. Принцесса Елисавета—на 10-мъ году возраста упала съ каменной лѣстницы, разшибла голову; подвержена частымъ головнымъ болямъ и припадкамъ. Въ 1777 году страдала помѣшательствомъ, но послѣ оправилась.

Принцъ Петръ имѣетъ спереди и сзади горбы; кривобокъ; косолапъ; простъ, робокъ, застѣнчивъ, молчаливъ; пріемы его приличны только малымъ дѣтямъ». Нрава слишкомъ веселаго: смѣется и хохочетъ когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Страдаетъ геморроидальными припадками; до обмороку боится вида крови. Принцъ Алексѣй — совершенное подобіе брата, въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ... Достаточно, наконецъ, взглянуть на силуэты этихъ несчастныхъ [1]), чтобы по профилямъ, по неправильной формѣ ихъ головъ, догадаться о врожденномъ ихъ слабоуміи.

Не можемъ не привести нѣсколькихъ выдержекъ изъ донесеній караульщиковъ, бывшихъ при заключенномъ въ темницу Іоаннѣ Антоновичѣ.

Рапорты Овцына въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1759 года: арестантъ здоровъ—только въ умѣ нѣсколько помѣшался, что его портятъ шептаньемъ, дутьемъ, пусканьемъ изо рта огня и дыма; сердится, если кто, лежа на постели, повернется или ногу переложитъ; сердится, ежели въ сѣняхъ часовой ружьемъ стукнетъ или кашлянетъ. Въ іюнѣ припадки приняли буйный характеръ: больной кричалъ на караульныхъ, бранился съ ними, покушался драться, кривлялъ ротъ, замахивался на офицеровъ; въ тихія минуты говорилъ о священномъ писаніи, о еретикахъ и т. д.; строилъ офицерамъ странныя рожи. Въ припадкахъ бреда называлъ себя императоромъ и черезъ нѣсколько минутъ говорилъ, что «никого не слушаюсь, развѣ сама императрица мнѣ прикажетъ». Въ сентябрѣ 1759 года припадки утихли; тамъ возобновились съ бо́льшею силою и перешли въ буйство; затихъ въ ноябрѣ. Въ апрѣлѣ 1760 года припадки появились опять «до чего доводили арестанта дразнившіе его офицеры». Въ 1761 году ему перестали давать чай и отняли крѣпкіе чулки — утихъ совершенно. Власьевъ и Чекинъ, во время слѣдствія по дѣлу Мировича, въ показаніяхъ своихъ не только упоминали о косноязычіи узника, но почти дословно передавали его бредъ, въ которомъ проявлялись смутныя и совершенно извращенныя религіозныя идеи...

Извѣстно, что въ 1756 году, по желанію императрицы Елисаветы Петровны, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ — скрытнымъ образомъ привозилъ въ домъ брата своего, Ивана Ивановича, несчастнаго шлиссельбургскаго узника: это личное съ нимъ свиданіе императрицы окончательно убѣдило ее въ совершенномъ помѣшательствѣ Іоанна Антоновича. По поводу посѣщенія узника

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, прилож. къ стр. 645.

Петромъ III и тайнаго его привоза на нѣсколько часовъ въ Петербургъ, по повелѣнію Екатерины II, или о ея поѣздкѣ въ Шлиссельбургъ, иностранные историки-романисты, давъ волю своей фантазіи, написали не мало сказокъ; но надобно быть слишкомъ легковѣрнымъ, чтобы въ этихъ сказкахъ видѣть и малѣйшую крупицу правды. Главнѣйшая ошибка нашего правительства заключалась въ облеченіи таинственностью несчастнаго Іоанна Антоновича, благодаря которой иноземцы видѣли въ этомъ патологическомъ субъектѣ загадочную личность, нѣчто въ родѣ «желѣзной маски». Болѣзненное состояніе Іоанна Антоновича само по себѣ не только лишало его всякихъ правъ на престолъ, но едва ли могло допустить и самостоятельное пользованіе правами простаго гражданина. По законамъ, существующимъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, слабоумные и помѣшанные подлежатъ надзору ближайшихъ родственниковъ, или опекѣ лицъ благонадежныхъ. Если бы императрица Елисавета Петровна, вмѣсто заточенія Іоанна Антоновича, помѣстила его подъ присмотръ врачей въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ, или — какъ было объявлено въ ея манифестѣ при восшествіи на престолъ — отправила всю Брауншвейгскую фамилію въ чужіе краи — она избавила бы память свою и преемниковъ своихъ отъ многихъ нареканій, а отечественную исторію отъ нѣсколькихъ кровавыхъ страницъ.

II.

Секретная коммисія въ Холмогорахъ и учрежденное съ ея упраздненіемъ сословіе мореходцевъ.

До водворенія Брауншвейгской фамиліи на постоянное жительство въ Холмогорахъ, ее нѣсколько разъ перевозили съ одного мѣста заключенія на другое. 12-го декабря 1741 года Брауншвейгская фамилія, подъ прикрытіемъ большаго конвоя, была отправлена изъ Петербурга въ Ригу, куда она прибыла 9-го января 1742 года. Почти черезъ годъ, 13-го декабря—Антонъ Ульрихъ съ женою и дѣтьми былъ перевезенъ въ крѣпость Дюнаминде. Въ январѣ 1744 года послѣдовалъ высочайшій указъ о переселеніи узниковъ въ городъ Раненбургъ (Рязанской губерніи), въ которомъ они пребывали до сентября мѣсяца, до того роковаго дня, въ который, во исполненіе высочайшаго указа, даннаго (27-го іюля) императрицею барону Н. А. Корфу, младенецъ Іоаннъ Антоновичъ былъ отдѣленъ отъ родителей, которые были повезены въ Соловецкій монастырь. Но, по прибытіи ихъ въ Холмогоры,

9-го ноября, послѣдовало повелѣніе содержать ихъ здѣсь въ тѣснѣйшемъ заключеніи и совершенно отдѣльно отъ принца Іоанна—впредь до новаго указа, котораго, впрочемъ, не послѣдовало.

Соболѣзнуя горькой участи плѣнниковъ императрицы Елисаветы Петровны, нельзя не пожалѣть и ихъ несчастныхъ приставниковъ, изъ части которыхъ, въ послѣдствіи, образовалось въ Холмогорахъ особое сословіе мореходцевъ.

Всѣ лица, приставленныя для службы и стражи при Брауншвейгскомъ семействѣ, составляли такъ наименованную: секретную или извѣстную ея императорскому величеству коммисію въ Холмогорахъ. Она была упразднена въ 1781 году по случаю отправки членовъ упомянутаго семейства въ датскія владѣнія. Одна часть лицъ, принадлежавшихъ къ коммисіи, была обращена на иную службу; другая—оставлена въ безвыходномъ положеніи въ Холмогорахъ, поддерживая свое существованіе скудными пенсіями, въ размѣрѣ прежнихъ окладовъ. Относительно морскихъ чиновъ, сопровождавшихъ Брауншвейгскую фамилію въ Данію, состоялось повелѣніе объ обращеніи ихъ въ особое сословіе мореходцевъ, на исключительномъ привиллегированномъ положеніи: независимо отъ пенсій, назначенныхъ нѣкоторымъ, всѣ они были избавлены отъ податей и надѣлены даровыми земельными участками. Къ этому же сословію были причислены сопровождавшіе бывшихъ узниковъ въ Данію чины секретной коммисіи. Къ категоріи лицъ, обреченныхъ на безотлучное пребываніе въ Холмогорахъ, безъ производства пенсій, причислены были воинскіе чины мѣстной (уѣздной) команды, а также судейскіе и городническаго правленія приказные и канцеляристы. При упраздненіи «секретной коммисіи», всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ ея составу, было сто тридцать семь—а именно:

a) военнаго караула при семействѣ 31 (14 военныхъ чиновъ и 17 вдовъ);

b) «придворныхъ» офиціалистовъ — 10 (мундкохъ, мундшенкскій ученикъ, тафельдекерскій ученикъ и подлекарь; вдовъ—6);

c) мореходцевъ—61 (матросовъ первой статьи—13, второй—9, подлекарь, 2 подштурмана, писарь, штурманскій ученикъ, 2 квартирмистра, 4 канонира, 7 мушкатеровъ; затѣмъ: 3 камердинера, «кормилица», два поваренныхъ ученика и мундкохъ; вдовъ—14).

Сверхъ того, оставлено на «безотлучное житье» въ Холмогорахъ: штатной команды—двадцать девять человѣкъ (въ этомъ числѣ 9 вдовъ); приказныхъ и канцеляристовъ—6.

Лѣтъ черезъ двѣнадцать, общее число лицъ секретной коммисіи

убыло почти на половину: они перемерли; оставшіеся же въ живыхъ пришли въ бѣдность, и съ возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы, пенсіи, назначенныя нѣкоторымъ, оказались недостаточными для ихъ обезпеченнаго существованія. Сумма, ассигнованная на пенсіи 25-ти лицамъ обоего пола, ограничивалась 797 р. 4 коп. (наибольшее производство въ годъ 100 р., наименьшее — 6); остальныя лица въ числѣ 41 — вдовы и сироты мореходцевъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ, жили, какъ полагать должно, Христовымъ именемъ, ибо имъ не производилось никакой пенсіи. Въ 1793 году эта колонія невинныхъ отверженцевъ обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбами, изъ которыхъ одни умоляли о пенсіи, другіе — о ея увеличеніи, третьи—объ увольненіи просителей отъ званія «мореходцевъ», которымъ они тяготились. Генералъ-прокуроръ Самойловъ препроводилъ на заключеніе тогдашняго олонецкаго и архангельскаго генералъ-губернатора, генералъ-поручика Петра Петровича Коновницына, болѣе сорока прошеній, писанныхъ по нижеслѣдующему образцу:

„Всеавгустѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! Монаршія вашего императорскаго величества милости всѣмъ и каждому и навсегда изливаются безпредѣльно, а потому и мы, всеподданнѣйшія, взирая на толь великія благодѣянія, осмѣлились поднести къ трону вашего императорскаго величества всеподданнѣйшее наше прошеніе.

„По имянному вашего императорскаго величества высочайшему повелѣнію, данному его высокопревосходительству генералъ-поручику и кавалеру Егору Андреевичу Головцыну, мы, всеподданнѣйшія, вытребованы были Архангельской губерніи, Двинскаго уѣзда, Курейской волости, изъ крестьянскихъ дочерей въ бывшую Холмогорскую секретную коммисію, въ которой при извѣстныхъ вашему императорскому величеству персонахъ отправляли камеръ-юнгферскую должность до рѣшенія оной 1780 года іюня 27-го числа, отправясь съ оными, при отправленіи таковой же должности, чрезъ Сѣверный океанъ въ морской вояжъ на фрегатѣ, именувшимъ „Полярная звѣзда", на которомъ тогда находились командующіе господа: бригадиръ Арсеньевъ и полковникъ и кавалеръ Циклеръ; съ котораго въ заливахъ противъ города Бергена пересажены на другой, датскій корабль, именуемый „Марсъ", и на томъ дошедъ до самаго мѣста извѣстнаго вашему императорскому величеству города [1]), гдѣ жили одинъ мѣсяцъ, и оттоль возвратясь, мы, всеподданнѣйшія, съ прочими, въ Копенгагенъ, сухимъ путемъ, и зимовали съ 8-го ноября 1780 года по 17-е марта 1781 года, а того числа отправлены были его высокопревосходительствомъ и кавалеромъ барономъ Карломъ Ивановичемъ Сакеномъ [2]) на пинкѣ, на которой находился командующій флота господинъ капитанъ-лейтенантъ Тимашевъ, до города Бергена, гдѣ пересажены были на прежній фрегатъ „Полярную звѣзду" и на томъ пришедъ въ Архангельскъ, кончивъ путь 1781 года

[1]) Горзенсъ, въ Ютландіи — мѣсто водворенія на жительство дѣтей Анны Леопольдовны.

[2]) Русскій посланникъ при копенгагенскомъ дворѣ.

іюля по 18-е число съ полученіемъ монаршаго вашего императорскаго величества по смерть нашу пенсіоннаго жалованья, каждой по тридцати рублей въ годъ, съ вѣчнымъ и безотлучнымъ въ городѣ Холмогорахъ жительствомъ.

И съ тѣмъ получаемымъ нынѣ жалованьемъ, по причинѣ несравненной дороговизны противъ прежнихъ лѣтъ съѣстныхъ припасовъ и прочаго, содержать себя не въ силахъ, почему пришли въ бѣдное и горестное состояніе. Всемилостивѣйшая государыня, матерь отечества! воззри милосерднымъ окомъ на наше бѣдное состояніе и благоволи, изъ монаршаго своего милосердія, высочайше повелѣть, намъ, всеподданнѣйшимъ, въ разсужденіи означенныхъ недостатковъ и дороговизны хлѣба, къ получаемымъ нынѣ каждой въ годъ тридцати рублямъ, наградить еще, по высочайшей своей волѣ, и то жалованье производить по жительству нашему въ городѣ Холмогорахъ изъ казны вашего императорскаго величества, хранящейся въ архангельской казенной палатѣ, дабы могли мы до кончины дней нашихъ, съ семействомъ, въ спокойномъ духѣ, о высочайшемъ вашего императорскаго величества здравіи возсылать теплыя молитвы ко всевышнему Богу. Всемилостивѣйшая государыня! вашего императорскаго величества всеподданнѣйшія (подписи просительницъ)".

Справки по помянутымъ прошеніямъ собирались генералъ-губернаторомъ Коновницынымъ очень долго: только въ апрѣлѣ 1795 года онъ сообщилъ генералъ-прокурору требуемое заключеніе въ удовлетворительномъ смыслѣ для просителей и просительницъ. Онъ раздѣлилъ общее ихъ число—75 человѣкъ обоего пола—на три категоріи: къ первой отнесъ лицъ (25 челов.), просившихъ объ увеличеніи пенсій; ко второй (42 челов.)—о ея назначеніи; къ третьей (8 челов.)—военныхъ чиновъ, которыхъ за старостію лѣтъ полагалъ вовсе уволить отъ службы съ производствомъ пенсіи [1]). По первой категоріи

[1]) Въ виду возможности существованія потомковъ сословія мореходцевъ и сохраняющихся между ними преданій о ихъ дѣдахъ, приводимъ именной списокъ лицъ, въ 1795 году принадлежавшихъ къ составу бывшей до 1780-го года секретной коммисіи въ Холмогорахъ: камердинеры и ихъ жены: Иванъ Ивановъ, Михайло Львовъ, жена его Ѳедосья, Захаръ Львовъ съ женою. Ученики: мундшенкскій — Александръ Алексѣевъ, тафельдекерскій — Михайло Волковъ. Жена титулярнаго совѣтника Ульяна Григорьева, хлѣбнаго ученика Алексѣя Михайлова жена Наталья. Воинскіе служители: прапорщикъ Иванъ Серебряковъ, сержантъ Ероѳей Хабарцынъ. Унтеръ-офицеры: Матвѣй Гарьюсовъ, Данило Рябининъ, Иванъ Голубевъ, Онисимъ Куликовъ. Капралы: Никита Курочкинъ, Ефимъ Резановъ, Ефимъ Головинъ, Савва Лумповъ, Иванъ Наумовъ. Солдаты: Еремей Одинцовъ, Андрей Павловъ. Вдовы: капрала Якова Михайлова — Матрена. Рядовыхъ: Анисья Маймина, Марѳа Гаврилова, Марѳа Кольцова, дочь Никиты Головина—Анна. Ученики: поваренный — Алексѣй Гладышевъ, портной — Яковъ Машинцовъ. Вдовы: мундшенка Алексѣева — Мавра Клементьева, поваренного ученика Савельева—Анна Гаврилова, лекаря Панова Аграфена Иванова съ семействомъ; дѣвица Прасковья Волкова. Вдовы воинскихъ служителей: прапорщика Петрова — Анна Григорьева, сержанта Ворсонофьева—Варвара. Унтеръ-офицеровъ: Анна Акулова, Кате-

онъ опредѣлилъ расходъ въ 424 р. 96 к., по второй—1,328 руб., по третьей — 281 р., въ общей же сложности въ 2,033 руб. 96 коп. На счетъ возбужденнаго, по повелѣнію императрицы, въ упомянутомъ предложеніи генералъ-прокурора Самойлова вопроса: «а какъ есть положеніе, чтобы всѣхъ тѣхъ служителей изъ губерніи Архангельской внутрь Россіи не отпускать, то и о семъ выправиться, кто изъ оныхъ въ какой должности въ помянутой коммисіи находился? какъ же сія коммисія въ 1780 году совсѣмъ окончена, то настоитъ ли нынѣ въ томъ — чтобъ ихъ оттуда всѣхъ не выпускать — нужда? дать свое мнѣніе», — Коновницынъ отвѣчалъ слѣдующее: «Соображаясь первому установленію упоминаемой коммисіи, я полагаю, что хотя бы и не слѣдовало сихъ служителей отлучать изъ Холмогоръ, но по случаю уничтоженія ея и немалаго истеченія времени, могло тò почти у всѣхъ при той коммисіи бывшихъ истребиться изъ памяти, а паче у тѣхъ, кои или въ позднѣйшее время при оной находились, или рождены по уничтоженіи; а посему, если угодно будетъ ея императорскому величеству повелѣть: то изъ бывшихъ при означенной коммисіи людей и оставить можно только тѣхъ, кои лично при персонахъ были и нынѣ, по старости лѣтъ, ни въ какую службу вступить не могутъ».

Въ 1796 году, въ іюнѣ, преемнику Коновницына, генералъ-поручику Ливену, сообщено было генералъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

рина Окуловская, Наталья Новокрещенова, Авдотья Баскова, Анна Ижемцова, Афимья Шелюхина. Капраловъ: Пелагея Ковалева, Катерина Кузнецова. Вдовы солдатъ: Авдотья Бубнова, Наталья Гладышева, Матрена Самодурова, Авдотья Боркова, Марья Швалева. Вдовы мореходцевъ: подштурмана Антонова—Наталья, боцманмата Ковина—Антонида Андреева. Матросовъ: Кустова—Василиса Антонова, Кузнецова—Анна Васильева, Пыстина—Ѳедосья, Рогова — Марья, Петрова—Настасья, Іевлева — Саломонида, Тхаловскаго—Ѳедосья, Осипова—Марья, Зародова—Дарья, Русинова—Татьяна, Малодыркина—Авдотья. Сироты мореходцевъ, воинскихъ служителей и нижнихъ чиновъ: дочери капрала Петра Пасынкова: Марья, Марѳа, Ѳекла. Матроса Ѳаддея Лешукова дочь Прасковья. Солдата Сидора Безногова дочери: Ульяна, Марья. Коллежскаго ассесора вдова Дарья Трифонова. Титулярнаго совѣтника вдова—Елена Паломошная. Отставные: унтеръ-офицеръ — Яковъ Рошкинъ, капралъ Яковъ Дмитріевъ. Военные служители воинской штатной команды, подлежащіе увольненію за старостью лѣтъ: подпоручикъ: Алексѣй Андреевъ. Сержанты: Максимъ Булдаковъ, Яковъ Зайковъ. Капралы: Иванъ Зикіевъ, Иванъ Шаховъ, Абрамъ Пушкинъ, Петръ Дерябкинъ. Рядовой: Михайло Бураковъ.

„Милостивый государь мой Иванъ Романовичъ! По присланному ко мнѣ, вслѣдствіе именнаго ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія, отъ предмѣстника вашего г. генералъ-поручика и кавалера Коновницына, отъ 17-го апрѣля прошлаго 1795 года, письму о находившихся при холмогорской секретной коммисіи людяхъ, имѣлъ я счастіе докладывать ея величеству и, во 2-й день сего іюня, получилъ высочайшій имянной указъ, въ которомъ написано: „по прилагаемой у сего вѣдомости о бывшихъ при холмогорской коммисіи чинахъ, повелѣваемъ: получающимъ по оной вѣдомости пенсіи прибавить—424 р. 96 коп., а тѣмъ, кои пенсіи не имѣютъ, производить вновь—1,328 р.; просящихъ(ся)-же за старостію отъ службы уволить, назнача имъ пенсіи—281 руб., а всего—2,033 р. 96 коп., которые и отпускать ежегодно изъ архангельской казенной палаты изъ доходовъ, казначействамъ нашимъ принадлежащихъ. Что же касается находившихся при той коммисіи въ послѣднее короткое время людей въ нижнихъ должностяхъ и рожденныхъ по уничтоженіи оной дѣтей ихъ, то истребуйте отъ архангелогородскаго начальства объ нихъ подробную вѣдомость и представьте намъ на усмотрѣніе“.

Засимъ, подтверждая генералъ-поручику Ливену объ исполненіи высочайшей воли, графъ Самойловъ заканчиваетъ свое отношеніе обычною формулою: «впрочемъ, имѣю честь быть» и проч. Документъ этотъ писанъ отъ 9-го іюня 1796 года за № 83. Требуемая императрицею вѣдомость о 136 лицахъ обоего пола и 166 дѣтяхъ, въ сентябрѣ 1796 года, была представлена графу Самойлову, но, за послѣдовавшею вскорѣ кончиною императрицы Екатерины II, отвѣта никакого не было получено, и затѣмъ, какъ надо полагать, дальнѣйшее производство этого дѣла прекратилось [1].

Не менѣе любопытны должны быть свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, сохранившіяся въ архивныхъ документахъ о приставникахъ и стражахъ несчастнаго Іоанна Антоновича во время его заточенія въ Шлиссельбургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1] Изложенные выше документы о приставникахъ къ холмогорскимъ заключеннымъ—сообщены намъ въ іюлѣ 1875-го года изъ губ. города Архангельска. Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОСАДѢ ВАРНЫ

И О ПРЕБЫВАНІИ ТАМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

1828.

I.

Прошло болѣе 50-ти лѣтъ со времени осады Варны и число участниковъ похода 1828 года рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ. Всѣ главныя лица давно уже сошли въ могилу и остаются только тѣ, которыя служили въ небольшихъ чинахъ, исполняя второстепенныя обязанности. Но всякое воспоминаніе, всякій разсказъ живаго очевидца имѣетъ нѣкоторую цѣну и я, какъ служившій при войскахъ все время осады, передаю свои воспоминанія о ней, такъ, какъ сохранились они въ походныхъ замѣткахъ того времени.

Крѣпость Варна, лежащая у подошвы Малыхъ Балканъ, на прямомъ береговомъ сообщеніи съ Бургасомъ и другими портами Чернаго моря, имѣла для насъ большую важность. Съ покореніемъ ея, армія соединялась съ флотомъ и для дальнѣйшаго наступленія во внутрь страны открывался удобнѣйшій изъ всѣхъ путей для перехода чрезъ Балканскій горный хребетъ. Самая крѣпость, не имѣя наружныхъ верковъ, состояла изъ главнаго вала съ сильными бастіонными фронтами и широкимъ, глубокимъ рвомъ, въ окружности до семи верстъ. Она была вооружена 178-ю орудіями и защищалась 20,000-мъ гарнизономъ, подъ начальствомъ Капудана-паши.

Князь Меншиковъ, котораго отрядъ не превышалъ 10,000 человѣкъ, дѣятельно велъ осаду съ конца іюля мѣсяца. Подступивъ съ сѣверной стороны, онъ сначала обложилъ эту часть крѣпости рядомъ редутовъ на пушечный выстрѣлъ и потомъ, пользуясь виноградниками и кустами, скрывавшими наши работы, повелъ атаку на два бастіона, ближайшіе къ морю. Этими дѣйствіями онъ сближался съ

флотомъ, съ котораго, за неимѣніемъ при отрядѣ осадныхъ орудій, была свезена на берегъ часть артиллеріи и при помощи храбрыхъ черноморскихъ моряковъ быстро установлялась на батареяхъ. Самъ князь Меншиковъ лично наблюдалъ за всѣми работами и, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы главному начальнику, подвергалъ себя ежедневной опасности.

Съ самаго начала осады я состоялъ при войскахъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба. Обязанность моя, кромѣ дежурства въ траншеяхъ, заключалась, между прочимъ, и въ томъ, чтобы водить войска изъ лагеря и располагать ихъ для прикрытія работъ.

Въ одну изъ темныхъ ночей, при густомъ туманѣ, которые такъ часты въ Турціи въ это время года, пришлось мнѣ вести рабочую команду въ 200 человѣкъ съ баталіономъ пѣхоты и 4-мя батарейными орудіями на крайнюю оконечность праваго фланга позиціи, гдѣ въ ту же ночь должно было возвести редутъ. Слѣдуя какъ можно тише, чтобы не обратить вниманіе турокъ, и пройдя нѣсколько верстъ среди виноградниковъ,—гдѣ я остановилъ орудія съ частью пѣхоты,—мы, вмѣстѣ съ піонернымъ офицеромъ, скоро отыскали, не смотря на темноту, заранѣе избранное для укрѣпленія мѣсто и, въ то время, какъ я разставлялъ впереди цѣпь ведетовъ для охраненія, товарищъ мой съ рабочими людьми принялся за работу съ лопатами. Непріятель въ теченіе всей ночи не тревожилъ насъ — и къ разсвѣту готовъ былъ окопъ, достаточно сильный для прикрытія людей и орудій, которыя тотчасъ же были введены въ укрѣпленіе. Раздалась команда для пальбы и, каково же было наше изумленіе, когда первое пущенное ядро, вмѣсто крѣпостнаго бастіона, упало въ виноградники.

Ошибка была очевидна—отъ невѣрнаго направленія передоваго фаса редута, и исправить ее можно было только тѣмъ, чтобъ, изъ прямыхъ, сдѣлать косыя амбразуры. Быстро кинулись на эту работу всѣ люди, поощряемые офицерами, но турки уже замѣтили наше появленіе и выстрѣлъ за выстрѣломъ началъ осыпать насъ снарядами. Чрезъ полчаса времени, отважными усиліями піонеръ и артиллеристовъ, наши орудія могли уже отвѣчать на непріятельскій огонь, но жертвою ошибки, происшедшей, конечно, отъ темноты, пало болѣе 25-ти человѣкъ и, въ томъ числѣ, одинъ артиллерійскій офицеръ.

Передавъ это воспоминаніе о случаѣ, который нерѣдко встрѣтиться можетъ при осадахъ, продолжаю дальнѣйшій разсказъ.

Главная атака, руководимая княземъ Меншиковымъ и при содѣйствіи флота адмирала Грейга, быстро подвигалась. Часть крѣпости, обращенная къ морю и сильно обстрѣленная съ кораблей,

приведена была почти въ бездѣйствіе, турецкая флотилія потоплена и всѣ отчаянныя вылазки варнскаго гарнизона отражены храбрыми 13-мъ и 14-мъ егерскими полками. Однакожъ, полнаго успѣха нельзя было ожидать до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ обложеніе крѣпости съ южной стороны, откуда доступъ къ ней былъ совершенно открытъ, и этимъ путемъ гарнизонъ получалъ всѣ подкрѣпленія. Но обложить крѣпость и съ южной стороны, при слабомъ составѣ войскъ осаднаго отряда, было невозможно, а между тѣмъ имѣлось уже свѣдѣніе, что для усиленія его идетъ гвардейскій корпусъ, что онъ перешелъ уже Дунай и направляется къ Варнѣ, куда, однакожъ, не можетъ прибыть ранѣе конца августа мѣсяца; къ тому же времени и ожидалось возвращеніе Государя, моремъ, изъ Одессы. Въ видахъ того, чтобы до прибытія гвардіи хотя нѣсколько ослабить способы, получаемые гарнизономъ Варны съ южной стороны, князь Меншиковъ, не взирая на малочисленность своихъ войскъ, рѣшился отдѣлить отъ нихъ особый летучій отрядъ, который долженъ былъ обойти лиманъ Девно и, занявъ съ боя переправу у дер. Гебедже, въ 18-ти верстахъ отъ крѣпости, дѣлать поиски и набѣги до самой бургасской дороги.

Въ такомъ положеніи были дѣла подъ Варной, когда, 9-го августа, при одномъ изъ сильныхъ непріятельскихъ нападеній на наши траншеи, роковое ядро нанесло князю Меншикову значительную рану, лишивъ возможности продолжать командованіе войсками. Его замѣнилъ временно начальникъ штаба отряда, генералъ-маіоръ Перовскій, въ послѣдствіи также тяжело раненый; тогда продолженіе осады ввѣрено графу М. С. Воронцову, который 18-го августа и вступилъ въ отправленіе новой обязанности.

Я находился въ это время при летучемъ отрядѣ, у Гебедже, гдѣ переправа была занята нами, и отсюда казаки съ конными егерями, пользуясь лѣсистою мѣстностью, дѣлали частые, внезапные набѣги на высылаемыхъ изъ крѣпости фуражировъ; слѣдуя съ ними, я могъ хорошо изучить мѣстность, не предвидя еще тогда, что въ самомъ скоромъ времени она сдѣлается театромъ самыхъ кровопролитныхъ дѣйствій [1]).

28-го августа, совершенно неожиданно получилъ я отъ новаго главнокомандующаго приказаніе—немедленно прибыть въ лагерь подъ Варной, и, къ вечеру того же дня, явился къ графу Воронцову, ко-

---

[1]) Карты Турціи 1828 года были крайне неудовлетворительны. На лучшей изъ нихъ, изданной генераломъ Хатовымъ, часть Малыхъ Балканъ за Варной оставлена была въ пробѣлѣ, съ надписью: «Горы, покрытыя лѣсомъ». **А. В.**

торый меня вовсе не зналъ. Ласковый и привѣтливый пріемъ воина Наполеоновскихъ временъ вполнѣ очаровалъ меня. «Вы хорошо знаете мѣстность на южной сторонѣ крѣпости,—сказалъ мнѣ графъ,—и я долженъ вмѣстѣ съ вами составить въ эту же ночь предположеніе о движеніи части гвардіи на переправу у Гебедже и далѣе горами, для полнаго обложенія Варны. Завтра утромъ, не позже 9-ти часовъ, прибудетъ сюда Государь съ корабля, и къ пріѣзду его—работа должна быть готова».

Не выходя изъ палатки, за чайнымъ столомъ у графа, прописалъ я почти всю ночь, едва имѣвъ время для нѣкотораго отдыха.

Не могу не упомянуть здѣсь о томъ, вообще выгодномъ, впечатлѣніи, которое произвело на войска назначеніе графа Воронцова. Его прежняя славная боевая служба, полное спокойствіе во всѣхъ распоряженіяхъ и, наконецъ, всегда вѣжливое, ровное со всѣми, обращеніе невольно вселяли общее уваженіе и довѣріе. Отличительною чертой графа Воронцова была особая заботливость его о подчиненныхъ. Возлѣ его ставки устроенъ былъ огромный баракъ, гдѣ постоянно была дежурная прислуга и гдѣ, на длинномъ столѣ, каждый изъ пріѣзжающихъ съ донесеніями офицеровъ находилъ, во всѣ часы дня и ночи, все нужно для подкрѣпленія силъ. Всѣ испытавшіе на себѣ неизбѣжныя лишенія и трудности похода 1828 года, въ опустошенной и раззоренной Болгаріи, оцѣнятъ вполнѣ эту похвальную въ начальникѣ заботу.

29-го августа, къ назначенному часу, Государь, въ сопровожденіи небольшой свиты, высадился на берегъ съ корабля «Парижъ» и верхомъ прибылъ въ лагерь. Сойдя съ лошади, онъ прямо направился къ ставкѣ, гдѣ лежалъ раненый князь Меншиковъ, переносившій страданія свои съ неимовѣрною твердостью. Трогательно было это свиданіе: со слезами обнялъ Государь князя и въ теплыхъ, задушевныхъ словахъ благодарилъ его за службу. Потомъ уже перешелъ въ палатку князя Воронцова, куда, чрезъ нѣсколько минутъ, я одинъ былъ позванъ.

Государь смотрѣлъ на карту, когда я вошелъ въ палатку, и, поднявъ на меня свой проницательный взглядъ, сталъ въ подробности разспрашивать о мѣстности на южной сторонѣ крѣпости. Увидѣвъ же, между прочимъ, на картѣ небольшую дорогу, выше переправы у Гебедже, выразилъ опасеніе, что непріятель можетъ ею воспользоваться для обхода, сказавъ по французски; «cela peut paralyser nos projets». Я отвѣчалъ Государю, что отъ пункта переправы ведутъ къ Варнѣ двѣ дороги: одна вдоль берега лимана, другая же, выше, лѣсами, по которой можно удобно провести гвардейскія войска, неза-

мѣтнымъ для турокъ образомъ,—что же касается до пути, возбудившаго опасеніе Государя на счетъ обхода, то, по личному осмотру моему, дорога эта непроходима для войскъ по причинѣ болотъ и разлива рѣчки Девно, и что, во всякомъ случаѣ, достаточно будетъ имѣть тутъ небольшой наблюдательный постъ. Графъ Воронцовъ, раздѣляя это мнѣніе, началъ самъ читать Государю соображенія свои для движенія гвардіи и когда, по выслушаніи ихъ, они были вполнѣ одобрены, то я получилъ личное отъ Государя повелѣніе состоять при назначенномъ къ обложенію крѣпости отрядѣ.

Начальство надъ нимъ было ввѣрено генералу Головину. Въ составъ отряда вошли: одна гвардейская бригада (Финляндскій и лейбъ-гвардіи Егерскій полки), 4 армейскихъ баталіона, 6 эскадроновъ уланъ и сотня гвардейскихъ казаковъ съ 2-мя артиллерійскими батареями, всего не свыше 6-ти тысячъ человѣкъ, которые, выступивъ въ ночь на 30-е августа, прибыли къ разсвѣту къ Гебедже. Дальнѣйшее движеніе для обложенія крѣпости, какъ полагалъ графъ Воронцовъ, произошло совершенно неожиданно для турокъ. Горныя, лѣсистыя высоты, образуемыя отрогами Малыхъ Балканъ, дали возможность скрыть направленіе нашей колонны и, утромъ 31-го августа, при яркомъ осеннемъ солнцѣ, засверкали штыки и пушки русскихъ войскъ на высотахъ передъ крѣпостью. Тѣсная блокада Варны была окончательно завершена, при чемъ отрядъ генерала Головина раздѣлился на двѣ части: одна спустилась внизъ и заняла перешеекъ между моремъ и лиманомъ, образуя собственно блокаду крѣпости,—другая же часть расположилась въ нѣсколькихъ отъ нея верстахъ, по дорогѣ, ведущей въ Бургасъ, имѣя фронтъ къ Камчику.

Кромѣ небольшихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, быстро умчавшихся въ крѣпость при нашемъ появленіи, и пушечныхъ выстрѣловъ изъ южныхъ бастіоновъ противъ нижняго отряда, непріятель нигдѣ не обнаруживалъ своего присутствія. Но, по свѣдѣніямъ, которыя имѣлись въ главной квартирѣ, было извѣстно, что изъ Шумлы, гдѣ былъ самъ верховный визирь, направляется къ Варнѣ отдѣльный курпусъ войскъ подъ начальствомъ паши Омеръ-Вріоне, съ тѣмъ, чтобы пробиться въ крѣпость и вынудить насъ снять осаду. Это извѣстіе увеличивало опасность южнаго отряда при крайней малочисленности его. Совершенно отдаленный отъ войскъ графа Воронцова и не имѣя почти отступленія, такъ какъ съ одной стороны было море, а съ другой лиманъ, а въ тылу крѣпость, онъ не могъ получить скораго подкрѣпленія иначе какъ высадкой на судахъ. Въ предвидѣніи этой крайности, въ одно время съ движеніемъ отряда генерала Головина, при-

ступлено было къ устройству пристани на морскомъ берегу близь мыса Галата-бурну и при ней расположена рота Гвардейскаго экипажа.

Государь, со дня прибытія къ Варнѣ, имѣлъ постоянное пребываніе на кораблѣ «Парижъ», гдѣ кромѣ морскихъ чиновъ помѣщались и всѣ окружающія его лица. Близко слѣдя за всѣмъ происходящимъ въ осадѣ, гдѣ подступы къ крѣпости съ успѣхомъ подвигались впередъ, Государь почти ежедневно выѣзжалъ на берегъ, какъ для совѣщаній съ гр. Воронцовымъ, такъ и для осмотра постепенно подходящихъ гвардейскихъ войскъ. Въ особенности заботилъ царя высланный уже на южную сторону отрядъ; выбѣжавшіе изъ ближайшихъ окрестностей, болгары положительно утверждали, что турецкій корпусъ паши Омеръ-Вріоне идетъ по дорогѣ изъ Праводъ и занялъ дер. Гаджи-асакларъ въ 18-ти верстахъ отъ мѣста расположенія отряда генерала Головина. Всѣ эти тревожныя извѣстія не остановили однако же Государя въ рѣшеніи своемъ лично обозрѣть его на мѣстѣ.

4-го сентября получено было о томъ извѣщеніе, и на меня возложено было порученіе сопровождать Государя. Для сообщенія отъ пристани съ верхнимъ отрядомъ, проложена была торная дорога у самой подошвы высотъ, но она обстрѣливалась изъ крѣпости, и еще наканунѣ нѣсколько матросовъ, ѣхавшихъ съ обозомъ провіанта, были на ней убиты. Я не могъ рѣшиться вести по ней Государя и по необходимости долженъ былъ избрать для слѣдованія едва доступную для верховаго проѣзда тропу, которая вела на крутыя высоты морскаго берега. Конвой изъ черноморскихъ гвардейскихъ казаковъ былъ собранъ у пристани и 5-го сентября утромъ Государь, прибывъ на катерѣ, сѣлъ на простую казачью лошадь и приказалъ тотчасъ же вести его.

Едва поднялись мы по каменистымъ утесамъ мыса Галата-бурну, какъ мнѣ пришлось отвѣчать на различные вопросы Государя о положеніи отряда, а между тѣмъ, при малѣйшемъ невниманіи, легко было потерять слѣдъ тропы, которая совершенно исчезала во многихъ мѣстахъ. Это привело въ крайнее безпокойство сопровождавшаго Государя графа Бенкендорфа. Подскакавъ ко мнѣ, онъ строгимъ голосомъ повторялъ нѣсколько разъ: туда-ли веду я куда слѣдуетъ? гдѣ отрядъ генерала Головина? и знаю-ли я какой подвергаюсь отвѣтственности за малѣйшую оплошность? Не желая отвѣчать грубостью, я пришпорилъ лошадь и ускакалъ впередъ для осмотра глубокаго оврага, гдѣ, какъ я зналъ, придется просить Государя сойти съ лошади и спуститься пѣшкомъ. Благосклонность Государя меня ободряла, между тѣмъ какъ грозный взглядъ графа Бенкендорфа неотступно меня преслѣдовалъ. Около 4-хъ верстъ продолжался этотъ по-

ѣздъ, о трудности котораго я еще на пристани доложилъ Государю, и когда, наконецъ, выѣхалъ я на бургасскую дорогу, то милостивое царское слово «Спасибо тебѣ» вполнѣ вознаградило меня за неумѣстную недовѣрчивость графа Бенкендорфа.

Государь въ подробности обозрѣлъ всю позицію верхняго южнаго отряда, здоровался съ людьми каждой роты и, лично указавъ мѣсто для постройки укрѣпленія, тѣмъ же путемъ и на той же казачьей лошади возвратился чрезъ нѣсколько часовъ къ пристани для отплытія на флотъ.

Въ тотъ же вечеръ противъ передовыхъ постовъ отряда показались непріятельскіе разъѣзды, а черезъ день двѣ роты лейбъ-егерей и финляндцевъ со взводомъ уланъ, посланные для фуражировки, были внезапно окружены въ лѣсу многочисленною турецкою кавалеріей, но, храбро отстрѣливаясь, пробились сквозь нее съ небольшою потерей.

Не оставалось болѣе сомнѣнія въ приближеніи корпуса паши Омеръ-Вріоне. Для ближайшаго раскрытія непріятеля была предпринята рекогносцировка по праводской дорогѣ къ дер. Гаджи-асакларъ съ особымъ отрядомъ изъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и 2-хъ эскадроновъ кавалеріи съ 2-мя орудіями. По особому присланному съ корабля «Парижъ», повелѣнію, начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрено, явившемуся за нѣсколько дней передъ тѣмъ къ генералу Головину, полковнику польской службы флигель-адъютанту Залусскому.

Выборъ этотъ былъ не только неудаченъ, но даже пагубенъ. Не зная ни войскъ, ему ввѣряемыхъ, ни той трудной лѣсистой мѣстности, по которой наступалъ непріятель и поэтому требовавшей крайней осторожности въ дѣйствіяхъ, полковникъ Залусскій пренебрегъ всѣмъ, и своею оплошностью, если не болѣе, подвергъ истребленію весь гвардейскій Егерскій полкъ.

Я не описываю этого роковаго, кроваваго дня, въ который несчастные егеря трупами своими покрыли всю дорогу, ведущую къ деревнѣ Гаджи-асакларъ. Онъ съ полною правдивостью описанъ въ сочиненіи капитана Лукіяновича о походѣ 1828 года и еще съ большею откровенностью сдѣлано о немъ заключеніе въ особой французской брошюрѣ, изданной генераломъ Головинымъ.

Страннымъ можетъ показаться только то, что при означенной рекогносцировкѣ не находилось ни одного офицера генеральнаго штаба. Объясняется оно тѣмъ, что во всемъ южномъ отрядѣ, раздѣленномъ на двѣ части, состояло въ то время только два офицера, а именно гвардейскаго штаба поручикъ Львовъ и я. Первый еще наканунѣ отправленія полковника Залусскаго былъ посланъ съ казачьей

партіей къ Камчику, откуда также показался непріятель. Я же съ ранняго утра былъ въ нижнемъ отрядѣ, гдѣ турки сдѣлали сильную вылазку изъ крѣпости.

Примѣръ гибельнаго для егерей дѣла доказалъ на опытѣ какого вниманія, осмотрительности и даже искусства требуютъ дѣйствія въ лѣсахъ, гдѣ при закрытой мѣстности ничто не должно ускользать отъ глаза начальника.

II.

Извѣстіе о пораженіи гвардейскаго Егерскаго полка сильно встревожило Государя и всю главную квартиру; безъ малѣйшаго замедленія приняты были мѣры къ усиленію южнаго передоваго отряда, котораго составъ, за понесенными потерями и за отдѣленіемъ войскъ собственно для блокады крѣпости, едва достигалъ до 3,500 человѣкъ. Въ теченіе 11-го и 12-го сентября перевезены были моремъ и высажены сначала лейбъ-гвардіи Павловскій и потомъ Лейбъ-гренадерскій полки съ одною артиллерійскою батареей, и весь отрядъ ввѣренъ генералъ-адъютанту Бистрому. Кромѣ того, составленъ былъ особый кавалерійскій отрядъ изъ 1-й бригады легкой гвардейской дивизіи подъ командой генералъ-адъютанта Сухозанета, который двинулся чрезъ переправу при Гебедже на праводскую дорогу, стараясь войти въ соединеніе съ направленными изъ-подъ Шумлы къ Варнѣ войсками, съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Хотя князю Витгенштейну предписано было отдѣлить изъ главной арміи все, что только было возможно, но какъ послѣ всѣхъ дѣлъ въ теченіе лѣта и убыли отъ болѣзней, двухъ-баталіонные полки не составляли даже 1,000 штыковъ, то принцъ Виртембергскій выступилъ изъ Шумлы съ одною слабою бригадой 19-й пѣхотной дивизіи. По соединеніи же съ отрядомъ Сухозанета, который былъ усиленъ изъ Девно тремя пѣхотными полками, всѣ силы, которыми могъ располагать принцъ, не превышали 8,476 человѣкъ.

Еще меньшее число людей имѣлъ подъ ружьемъ генералъ Бистромъ, противъ котораго стоялъ уже 40,000 турецкій корпусъ [1]), сильно укрѣпившійся и готовый къ бою.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ подкрѣпленія, частію высаженныя моремъ, частію двинутыя изъ-подъ Шумлы, оба отряда наши на южной сторонѣ Варны составляли не болѣе 15,000, то есть едва

---

[1]) Въ описаніи турецкой войны 1828 года прусскаго офицера и нынѣшняго фельдмаршала Мольтке показано 50,000 человѣкъ. А. В.

треть противъ непріятельскаго корпуса, подступившаго съ цѣлью пробиться во что бы ни стало въ крѣпость. Къ тому же генералъ Бистромъ былъ разобщенъ отъ отряда принца Виртембергскаго густыми, сплошными лѣсами, гдѣ, на разстояніи болѣе 20 верстъ, не было никакихъ удобныхъ сообщеній.

При такихъ условіяхъ оставалось выжидать, что предприметъ турецкій военачальникъ. Прошло нѣсколько дней въ легкихъ перестрѣлкахъ на аванпостахъ генерала Бистрома и въ то время, какъ отрядъ принца находился еще въ двухъ переходахъ отъ него, утромъ, 16-го сентября, многочисленныя толпы турецкой пѣхоты и кавалеріи, поддержанныя огнемъ изъ укрѣпленій, начали спускаться съ высотъ и повели атаку противъ лѣваго фланга позиціи нашей на бургасской дорогѣ.

День этотъ покрылъ новою славой генерала **Бистрома**, боровшагося цѣлый день противъ втрое сильнѣйшаго непріятеля, котораго всѣ отчаянныя усилія ворваться въ наши укрѣпленія были блистательно отражены [1]). Казалось бы, что послѣ такого успѣха, при слабости нашихъ отрядовъ, слѣдовало бы продолжать оборонительный образъ дѣйствій. Но вышло иначе. Прибывшій изъ Шумлы къ Государю начальникъ главнаго штаба графъ Дибичъ, имѣвшій вообще большое вліяніе на ходъ всей войны въ Турціи, былъ введенъ въ заблужденіе донесеніями генерала Сухозанета о числѣ и расположеніи непріятеля. Вызванный лично къ Государю на корабль «Парижъ», этотъ послѣдній рѣшился утверждать, что турецкій корпусъ паши Омеръ-Вріоне далеко не такъ значителенъ, какъ предполагаютъ, и что собственно укрѣпленный лагерь на высотахъ Куртме обороняютъ не болѣе 6,000 человѣкъ.

Столь ошибочныя свѣдѣнія имѣли послѣдствіемъ настоятельное повелѣніе атаковать турецкій лагерь не позже 18-го сентября. Тщетно генералъ Бистромъ, близко видѣвшій непріятеля, представлялъ свои соображенія о невѣрности свѣдѣній; тщетно также принцъ Виртембергскій, чрезъ нарочно посланнаго адъютанта своего, полковника **Молоствова**, сообщалъ Дибичу, что, по точнымъ извѣстіямъ отъ перебѣжавшихъ изъ турецкаго лагеря болгаръ, корпусъ паши Омеръ-Вріоне, усиленный войсками, пришедшими изъ-за Балканъ, превышаетъ даже 40,000 человѣкъ,—но отмѣны не послѣдовало.

Здѣсь не могу не разсказать, какъ очевидецъ, о свиданіи генерала Бистрома съ Сухозанетомъ, прибывшимъ прямо съ корабля

---

[1]) Я не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, будучи посланъ съ казаками для открытія сообщенія съ генераломъ Сухозанетомъ, о которомъ генералъ Бистромъ не имѣлъ никакого извѣстія. **А. В.**

«Парижъ», съ окончательными приказаніями, поздно вечеромъ 17-го сентября.

Рыцарь въ душѣ, генералъ Бистромъ, котораго имя въ главѣ гвардейскаго Егерскаго полка извѣстно въ русской арміи уже съ Бородинскаго боя, конечно, не изъ страха противился атакѣ. Онъ видѣлъ несоразмѣрность силъ, зналъ трудность доступа къ турецкимъ укрѣпленіямъ и, предвидя неудачу, рѣзко отвергалъ всѣ разсужденія генерала Сухозанета. Всѣ призванные на совѣтъ частные начальники были того же мнѣнія, но голосъ ихъ не былъ услышанъ. Тогда, доведенный до отчаянія, онъ вышелъ изъ палатки и, взявъ въ сторону Сухозанета, произнесъ знаменательныя слова:

— «Скажите Государю, что я готовъ съ ружьемъ въ рукахъ идти на приступъ простымъ солдатомъ, но отвѣтственности, какъ начальникъ, на себя не беру. Вы дали ложныя свѣдѣнія о непріятелѣ и на васъ однихъ падетъ кровь людей, которые завтра безполезно погибнутъ».

Принцъ Виртембергскій, съ своей стороны, просилъ отложить атаку до 21-го сентября, чтобы лучше осмотрѣть чрезвычайно лѣсистую и пересѣченную мѣстность, и сверхъ того о присылкѣ къ нему въ подкрѣпленіе одной гвардейской бригады. Послѣдняя просьба не могла быть, конечно, исполнена, такъ какъ эта бригада составляла единственный и послѣдній резервъ всего осаднаго корпуса подъ Варной. Измѣнить же день атаки было затруднительно вслѣдствіе сдѣланныхъ уже со стороны отряда генерала Бистрома распоряженій.

И такъ, 18-го сентября 1828 г., оба отряда должны были двинуться сколь можно одновременно на приступъ турецкаго укрѣпленнаго лагеря. Принцъ Евгеній, дѣйствуя вопреки собственнаго убѣжденія, но повинуясь долгу, увѣдомилъ Дибича краткими словами:

— «Въ 2 часа по полудни колонна моя будетъ на праводской дорогѣ на пушечный выстрѣлъ отъ непріятеля».

Находясь случайно во время всего сраженія при этомъ послѣднемъ отрядѣ, въ который я былъ посланъ за два часа до дѣла, я передаю подробности его, какъ онѣ сохранились въ моихъ воспоминаніяхъ.

Отъ деревни Гаджи-асакларъ на праводской дорогѣ, гдѣ собрался весь отрядъ принца, было не ближе 18-ти верстъ до непріятеля. Мѣстность, по которой наступали эти войска, была покрыта густымъ, сплошнымъ лѣсомъ; одна дорога шла среди его, образуя длинную тѣснину до самой почти высоты, укрѣпленной турками. Только въ полуторѣ верстѣ отъ нея была небольшая поляна, гдѣ турки имѣли полуоконченный редутъ съ нѣсколькими орудіями—далѣе же мѣст-

ность была вновь закрыта лѣсомъ и оврагами, очищаясь передъ самыми непріятельскими укрѣпленіями.

Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, непріятель покинулъ редутъ и небольшая площадь была занята 20-мъ егерскимъ и Украинскимъ полками безъ большаго сопротивленія. Турки отступили и, разсыпавшись по всей окружности лѣса, открыли учащенный огонь по войскамъ, скученнымъ на тѣсной полянѣ. Тогда баталіонъ за баталіономъ началъ вступать въ лѣсъ, загремѣли выстрѣлы и скоро вся правая сторона была очищена отъ турокъ, причемъ одинъ изъ баталіоновъ Днѣпровскаго полка въ жаркой перестрѣлкѣ былъ увлеченъ на дальнее разстояніе и, такимъ образомъ, уже въ началѣ сраженія отдѣлился отъ прочихъ частей войска.

Въ лѣвой сторонѣ загорѣлся еще болѣе сильный бой въ лѣсу. Пользуясь глубокою балкой, значительная часть турецкой пѣхоты скрытно залегла въ ней и, подпустивъ стрѣлковъ на близкое разстояніе, внезапно окружила ихъ и вынудила къ отступленію подъ градомъ пуль. Произошло минутное замѣшательство, но близъ стоящій 20-й егерскій полкъ, подъ командой генералъ-маіора Симанскаго, и легкая 19-й бригады батарея артиллеріи, осыпавшая картечью весь лѣсъ, остановили это нападеніе. Здѣсь, самъ принцъ Виртембергскій былъ въ огнѣ и получилъ легкую рану въ руку, что не помѣшало ему продолжать командованіе.

Турки скрылись и бой замолкъ на нѣкоторое время. Тѣснота мѣста, гдѣ стоялъ отрядъ, не позволяла развернуть и установить для дѣйствія противъ турецкаго лагеря болѣе 10-ти орудій. Но выстрѣлы ихъ, по дальности разстоянія, не наносили много вреда, и чтобы выдвинуть впередъ артиллерію, должно было прежде всего овладѣть хоть одною изъ лѣсистыхъ возвышенностей ближе къ лагерю. Съ этою цѣлью принцъ направилъ бригаду 19-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дурново, который, въ главѣ Азовскаго полка, двинулся прямо по дорогѣ, между тѣмъ, какъ Днѣпровскій полкъ, занявшій лѣсъ въ правой сторонѣ, продолжалъ еще перестрѣлку съ непріятелемъ. Генералу Дурново приказано не порываться впередъ, стараясь только утвердиться на указанной высотѣ.

Съ этой минуты, для большей точности, я передамъ собственныя слова принца Виртембергскаго, какъ они выражены въ его Запискахъ [1]):

---

[1]) Эти Записки, на нѣмецкомъ языкѣ, изданы въ 1867 году подъ заглавіемъ: «Aus dem Leben des Russischen General's der Infanterie Prinzen Eugen von Würtemberg, herausgegeben von General-Maior v. Helldorff». А. В.

«Не прошло и получаса послѣ выступленія генерала Дурново и въ то время, какъ я говорилъ съ присланнымъ ко мнѣ отъ Государя флигель-адъютантомъ Кушелевымъ, намѣреваясь отправить его обратно съ донесеніемъ о моихъ распоряженіяхъ, послышалась вдругъ въ отдаленіи ружейная пальба, сначала довольно рѣдкая, потомъ оживленный бѣглый огонь и, наконецъ, сильные залпы—и я увидѣлъ турокъ, толпой бѣжавшихъ назадъ къ ихъ лагерю. На ихъ пятахъ слѣдовалъ Азовскій полкъ (не болѣе 600 человѣкъ), который мгновенно ворвался въ укрѣпленіе, но такъ же скоро, въ разстроенныхъ рядахъ, бѣжалъ изъ него, и можно было ясно видѣть, какъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, полкъ этотъ былъ отброшенъ въ глубину лѣса. Неумолкаемый огонь доказывалъ упорный бой. Въ то же время мы замѣтили, что турецкая колонна, приблизительно до 5,000 человѣкъ, двинулась съ оконечности праваго фланга лагеря въ тылъ Азовскаго полка, какъ указывала поднявшаяся пыль надъ лѣсомъ, гдѣ наступала эта колонна.

«Я всплеснулъ руками и, обратясь къ Кушелеву, сказалъ: Вы видите послѣдствія необдуманнаго дѣйствія въ лѣсу, безъ предварительной подготовки. Произошло именно то, чего я вчера опасался.

«Между тѣмъ прискакалъ адъютантъ генерала Дурново съ донесеніемъ, что лагерь взятъ и генералъ его проситъ подкрѣпленія.

«Ему указали на послѣдствія и въ ту же минуту второй посланный, съ разстроеннымъ лицомъ, поспѣшно сообщалъ мнѣ, что генералъ Дурново и всѣ штабъ-офицеры Азовскаго полка убиты, что изъ всего полка осталась горсть, которая отбивается въ лѣсу отъ нѣсколькихъ тысячъ турокъ.

«О штурмѣ лагеря нельзя было и думать. Оставалось спасать остатки азовцевъ и поддержать ихъ отступленіе, тогда какъ въ моемъ распоряженіи была только одна слабая бригада генерала Деллингсгаузена и одинъ баталіонъ Днѣпровскій, который я удержалъ на всякій случай. Почти въ то же время явился генералъ-маіоръ Симанскій съ объясненіемъ, что турецкая пѣхота, угрожавшая лѣвому флангу, потянулась назадъ къ лагерю и 20-й егерскій полкъ можетъ быть свободно двинутъ въ другое мѣсто. Отдавъ нужныя для сего приказанія, я поспѣшилъ направить баталіонъ Украинскаго полка (изъ бригады Деллингсгаузена) по дорогѣ, гдѣ начали уже появляться раненые азовцы, съ рѣшительнымъ повелѣніемъ принять на себя и поддержать преслѣдуемый турками полкъ, но ни въ какомъ случаѣ не идти далѣе. И здѣсь, однакоже, моя несчастная звѣзда отразилась на этомъ баталіонѣ, который, по вступленіи въ лѣсъ, былъ увлеченъ въ рукопашный бой и, опрокинувъ турокъ, вмѣстѣ съ горстью

Азовскаго полка пустился ихъ преслѣдовать. Тогда вскричалъ я генералу Симанскому: «Спѣшите туда и примите начальство надъ этими бѣшеными!»

«Ни ружейный огонь, ни картечь не могли удержать увлеченнаго отвагой Украинскаго баталіона. Онъ ворвался вмѣстѣ съ турками въ лагерь, откуда, подобно Азовскому полку, былъ также быстро отброшенъ и только съ помощью давно сражавшагося въ лѣсу Днѣпровскаго баталіона, а также уцѣлѣвшими остатками азовцевъ и двинутаго на помощь 20-го егерскаго полка съ уланами генерала Ностица, могъ отступить, удерживая стремительный напоръ турецкихъ войскъ. Генералъ Симанскій, только что прибывшій къ мѣсту боя, былъ убитъ въ ту минуту, когда штурмующіе были опрокинуты и преслѣдуемы массами непріятельской кавалеріи».

Прерывая здѣсь подлинный разсказъ принца Евгенія [1]) объ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ, мнѣ остается добавить, что къ ночи 19-го сентября весь отрядъ его собрался вновь у деревни Гаджи-асакларъ, гдѣ оставался вагенбургъ при небольшомъ прикрытіи.

Со стороны генерала Бистрома атака была столь же неуспѣшна. Предпринятая съ тремя баталіонами лейбъ-гренадеръ и лейбъ-егерей, которые смѣло устремились на укрѣпленіе и даже достигли рва, она была отбита мѣткимъ огнемъ турецкой пѣхоты, не смотря на троекратно повторенное нападеніе. Потеря въ обоихъ отрядахъ простиралась до 2,000 нижнихъ чиновъ и двухъ генераловъ. Кромѣ того, палъ генеральнаго штаба капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ и тяжело ранены всѣ баталіонные командиры гвардейскихъ частей.

Главною причиной неудачи сраженія 18-го сентября 1828 г. были не только наши слабыя силы, но и мѣстность, на которой происходили дѣйствія. Турецкій укрѣпленный лагерь на высотахъ Куртме, господствующихъ надъ всею окрестностью, представлялъ для обороны большія выгоды. Вся западная оконечность высотъ была опоясана лѣсомъ и кустами, столь густыми, что атакующія войска лишены были возможности развернуть свои части и установить артиллерію

---

[1]) Въ этомъ разсказѣ принцъ подробно описываетъ, какъ генералъ Сухозанетъ, имѣвшій секретное повелѣніе замѣнить его въ случаѣ раны или смерти, оставался все время внѣ выстрѣловъ, сидя подъ деревомъ, и только тогда, какъ разстроенные баталіоны приводились въ нѣкоторый порядокъ, собирая сотни раненыхъ, онъ сѣлъ на лошадь и подъѣхалъ къ принцу для объясненія. Здѣсь, слово за словомъ, произошла страшная ссора, кончившаяся строгимъ приказаніемъ принца Сухозанету ѣхать за фронтъ, что, по военнымъ правиламъ, равносильно аресту. А. В.

для обстрѣливанія укрѣпленій. Въ особенности, со стороны принца лѣсистая мѣстность была до того пересѣчена, что вся кавалерія оставалась въ бездѣйствіи, а артиллерія, сжатая на тѣсномъ пространствѣ, могла открыть огонь съ слишкомъ дальней дистанціи. Разстояніе между отрядами генерала Бистрома и принца было такъ велико, что звукъ выстрѣловъ едва достигалъ до слуха съ той и другой стороны, отъ чего не было ни единства, ни связи въ движеніяхъ и каждый отрядъ дрался съ непріятелемъ отдѣльно. Лѣса и глубокіе овраги безъ дорогъ совершенно разобщали войска на всемъ протяженіи, что и побуждало генерала Бистрома, ближе другихъ знакомаго съ мѣстностью, такъ упорно отклонять нападеніе. Только въ южномъ направленіи отъ турецкаго лагеря, по бургасской дорогѣ, высоты были болѣе открытыя и оттуда съ выгодой можно было повести атаку; но для этого требовалось втрое болѣе войскъ, чѣмъ было у насъ подъ рукою, и что, при слабости всего осаднаго корпуса подъ Варной, было даже немыслимо.

Оба начальника отрядовъ съ полнымъ самоотверженіемъ исполнили дѣло, предпринятое противъ ихъ собственной воли и убѣжденія. На долю принца Виртембергскаго выпала болѣе трудная борьба, и мужество, доказанное имъ на поляхъ сраженій прежнихъ войнъ, не измѣнило ему ни на минуту въ критическомъ положеніи отряда 18-го сентября. Стойко удерживалъ онъ напоръ турокъ своимъ аріергардомъ подъ начальствомъ генерала Деллингсгаузена и не прежде далъ сигналъ къ отступленію, когда замолкли вдали послѣдніе выстрѣлы отряда генерала Бистрома.

Въ своихъ личныхъ сужденіяхъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, принцъ находитъ двухъ виновниковъ: графа Дибича и Сухозанета. Болѣе всего—перваго изъ нихъ, какъ давнишняго его врага, еще со времени кульмскаго сраженія въ 1813 году, и который будто бы изъ мести хотѣлъ погубить его.

Смѣю думать, что столь важное обвиненіе, по крайней мѣрѣ—преувеличено. Скорѣе можно и должно допустить, что если бы графъ Дибичъ, которому нельзя отказать въ военной опытности и даже дарованіяхъ, лично осмотрѣлъ мѣстность и расположеніе турецкаго лагеря, то несомнѣнно убѣдился бы въ безуспѣшности атаки столь малымъ числомъ войскъ и не настаивалъ бы у Государя на исполненіи ея.

Во всякомъ случаѣ, было-ли это послѣдствіемъ непримиримой вражды, или простою, хотя значительною ошибкой, но сраженіе 18-го сентября 1828 г. невыгодно отразилось на ходъ осады. Паша Омеръ-Вріоне, ободренный своимъ успѣхомъ, укрѣплялся болѣе и болѣе на неприступ-

ныхъ высотахъ и тѣмъ поощрялъ гарнизонъ Варны къ оборонѣ крѣпости до послѣдней крайности.

20-го сентября дошелъ, чрезъ лазутчиковъ, до Государя слухъ, что Омеръ-Вріоне ищетъ обойти позицію генерала Бистрома и съ этою цѣлью пробиваетъ сквозь лѣса и кустарники новую дорогу отъ своего лѣваго угловаго укрѣпленія. Этимъ средствомъ онъ могъ неожиданно напасть въ тылъ нижняго блокаднаго отряда и, опрокинувъ его, поставить въ безвыходное положеніе.

По важности своей, извѣстіе это требовало точнаго изслѣдованія, и генералъ Бистромъ, вслѣдствіе личнаго повелѣнія Государя, возложилъ на меня эту обязанность. По свойству мѣстности, окружающей турецкій лагерь, невозможно было подойти къ нему, для обозрѣнія, иначе, какъ скрытно, съ небольшою пѣхотною командой. Выбрано было 10 охотниковъ изъ разныхъ частей войскъ и съ ними я, съ ранняго утра, отправился прямо лѣсомъ къ лѣвому флангу непріятельскаго лагеря. Порученіе было не безъ опасности. Кругомъ занятаго турками укрѣпленія сторожила цѣпь часовыхъ, впереди ходили пѣшіе патрули, и избѣгнуть ихъ можно было только счастливымъ случаемъ.

Пробираясь безъ шума среди кустовъ и прислушиваясь къ каждому шороху и звуку, я на каждой замѣченной тропѣ оставлялъ одного человѣка для наблюденія. Такимъ образомъ подвигаясь впередъ, мнѣ удалось обогнуть все укрѣпленіе и на столько къ нему приблизиться, что съ дерева, на которое я кое-какъ взобрался, могъ даже снять на бумагу новые возводимые турками окопы, что̀, вѣроятно, и подало поводъ къ слуху о новой дорогѣ. Не довольствуясь этимъ обозрѣніемъ, я счелъ нужнымъ проникнуть до дороги, ведущей въ Гаджи-асакларъ (той самой, по которой наступала колонна принца Евгенія 18-го сентября), откуда непріятелю еще легче было бы проложить сквозь лѣсъ новое сообщеніе для обхода генерала Бистрома и нападенія на нижній отрядъ. Но и здѣсь турки, при обыкновенной ихъ безпечности, не предприняли никакихъ работъ и я съ полною увѣренностью могъ донести о томъ.

День склонялся къ вечеру, какъ, усталый и въ изорванной одеждѣ, я возвратился къ отряду съ 8-ю только охотниками, такъ какъ двое изъ нихъ пропали безъ вѣсти. Генералъ Бистромъ ожидалъ моего прибытія на крайнемъ редутѣ и въ тотъ же вечеръ отправилъ меня къ Государю, на корабль «Парижъ», куда однакожъ я не могъ прибыть ранѣе 11-ти часовъ ночи. Графъ Дибичъ принялъ меня въ своей каютѣ, внимательно выслушалъ всѣ объясненія и велѣлъ ночевать на кораблѣ. Позванный къ ужину вмѣстѣ съ блестящею цар-

скою свитой, среди коей появленіе армейскаго офицера прямо съ бивака рѣзко отличалось, я почти въ первый разъ спокойно отдохнулъ послѣ двухмѣсячныхъ боевыхъ тревогъ и лишеній.

Въ 8 часовъ утра я былъ позванъ къ Государю, на палубу.

— «Ты меня очень успокоилъ,—сказалъ милостиво Императоръ,— и я сердечно тебя благодарю. Передай отъ меня Карлу Ивановичу (имя генерала Бистрома), что на него и на всѣхъ васъ я твердо полагаюсь. Еще небольшое усиліе и крѣпость скоро будетъ въ нашей власти». Затѣмъ, перекрестивъ меня, добавилъ: «Да сохранитъ тебя Богъ!»

Эти, выраженныя отъ души, слова остались навсегда врѣзанными въ памяти моей и въ сердцѣ. Чрезъ три дня послѣ того рушился послѣдній оплотъ храбрыхъ защитниковъ Варны: два бастіона взорваны минами, прилегающій къ нимъ городской кварталъ превращенъ въ груду камней и самый домъ, гдѣ жилъ паша—разрушенъ до основанія. Крѣпость, послѣ $2^1/_2$ мѣсячной осады, безусловно сдалась, наконецъ, 29-го сентября 1828 г., между тѣмъ какъ корпусъ Омеръ-Вріоне, послѣ тщетныхъ усилій подать ей помощь, быстро отступилъ въ ночь съ 28-го на 29-е число къ Камчику, преслѣдуемый войсками генераловъ Бистрома и принца Виртембергскаго.

Варна, въ первый разъ покоренная русскимъ оружіемъ, была важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ и много способствовала блестящимъ успѣхамъ нашихъ войскъ въ кампанію 1829 года [1].

А. И. Веригинъ.

С.-Петербургъ.

---

[1]) О непобѣдимости и неприступности Варны весьма витіевато возвѣщено было турками въ надписяхъ на мраморныхъ доскахъ, которыя были вдѣланы ими въ стѣны военныхъ сооруженій въ Варнѣ. Побѣдители русскіе выломали эти доски. Онѣ хранятся въ Музеѣ во дворцѣ въ Павловскѣ. См. описаніе Павловска, роскошное изд. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Спб. 1877 г. стр. 415 и слѣд.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ іюнѣ 1841 г.

Собирая матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича Лермонтова, я обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ отношеніе къ нему, съ просьбою сообщить, что они знаютъ о любимомъ нашемъ поэтѣ. Между прочими свѣдѣніями получилъ я сообщеніе отъ полтавскаго и екатеринославскаго помѣщика Петра Ивановича Магденки, изъ котораго привожу здѣсь извлеченіе.

Пав. Висковатый.

....Съ величайшимъ удовольствіемъ постараюсь, какъ могу, передать вамъ о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ М. Ю. Лермонтовымъ, котораго я въ своемъ дормезѣ отвезъ въ Пятигорскъ, какъ бы на смерть.

Лѣтомъ 1841 года я, въ 4-хъ мѣстной коляскѣ, съ поваромъ и лакеемъ, въ качествѣ ремонтера Борисоглѣбскаго уланскаго полка, съ подорожною «по казенной надобности», катилъ съ лихой четверней къ городу Ставрополю. (Въ то время на Кавказѣ возили на почтовыхъ превосходно, какъ нигдѣ въ Россіи). Мы остановились передъ домомъ, въ которомъ внизу помѣщалась почтовая станція, а во второмъ этажѣ, кажется, единственная тогда въ городѣ гостинница. Покуда человѣкъ мой хлопоталъ о лошадяхъ, я пошелъ наверхъ и, въ ожиданіи обѣда, сталъ бродить по комнатамъ гостинницы. Помѣщеніе ея было довольно комфортабельно: комнаты высокія, мебель прекрасная. Большія растворенныя окна дышали свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Было обѣденное время, и я съ любопытствомъ озирался на совершенно новую для меня картину. Всюду военныя лица, костюмы—ни одного штатскаго, и все почти раненые: кто безъ руки, кто безъ но-

ги; на лицахъ рубцы и шрамы; были и вовсе безъ рукъ или безъ ногъ, на костыляхъ; немало съ черными широкими перевязками на головѣ и рукахъ. Кто въ эполетахъ, кто въ сюртукѣ. Эта картина сбора раненыхъ героевъ глубоко запала мнѣ въ душу. Незадолго передъ тѣмъ было взято Дарго. Многіе изъ присутствовавшихъ участвовали въ славныхъ штурмахъ этого укрѣпленнаго аула.

Зашелъ я и въ билліардную. По стѣнамъ ея тянулись кожанные диваны, на которыхъ возсѣдали штабъ и оберъ-офицеры, тоже большею частью раненые. Два офицера въ сюртукахъ безъ эполетъ, одного и того же полка, играли на билліардѣ. Одинъ изъ нихъ, по ту сторону билліарда, съ лѣвой моей руки, первый обратилъ на себя мое вниманіе. Онъ былъ средняго роста, съ некрасивыми, но невольно поражавшими каждаго, симпатичными чертами, съ широкимъ лицомъ, широкоплечій, съ широкими скулами, вообще съ широкою костью всего остова, немного сутуловатъ, словомъ—то, что называется «сбитый человѣкъ». Такіе люди бываютъ одарены болѣе или менѣе почтенною физическою силой. Въ партнерѣ его, на котораго я обратилъ затѣмъ свое вниманіе, узналъ я бывшаго своего товарища Нагорничевскаго, поступившаго въ Тенгинскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Мы сейчасъ узнали другъ друга. Онъ передалъ кій другому офицеру и вышелъ со мною въ обѣденную комнату.

— Знаешь ли съ кѣмъ я игралъ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ! гдѣ же мнѣ знать—я впервые здѣсь.

— Съ Лермонтовымъ; онъ былъ изъ лейбъ-гусаръ за разныя проказы переведенъ, по высочайшему повелѣнію, въ нашъ полкъ и ѣдетъ теперь по окончаніи отпуска изъ С.-Петербурга къ намъ за Лабу [1]).

Отобѣдавъ и распростясь съ бывшимъ товарищемъ, я продолжалъ путь свой въ Пятигорскъ и Тифлисъ. Чудное время года, молодость (мнѣ шла 24-я весна) и дивныя, никогда и не снившія-

---

[1]) Возвратясь изъ отпуска, Лермонтовъ въ Ставрополѣ представлялся генералу Граббе, который, выѣхавъ въ отрядъ, по просьбѣ Лермонтова, дозволилъ ему оставаться нѣсколько времени въ Ставрополѣ и затѣмъ уже догонять отрядъ за Лабой. Внезапное рѣшеніе Лермонтова посѣтить Пятигорскъ, о чемъ разсказывается ниже, было самовольнымъ поступкомъ, на который Граббе очень сердился. Примѣч. П. Виск.

ся картины величественнаго Кавказа, который смутно чудился мнѣ изъ описаній Пушкинскаго «Кавказскаго Плѣнника», наполняли душу волшебнымъ упоеніемъ. Во всю прыть неслися кони, погоняемые молодымъ осетиномъ. Онъ вгонялъ ихъ на кручу и, когда кони, обезсилѣвъ, останавливались, быстро соскакивалъ, подкладывалъ подъ заднія колеса экипажа камни, давалъ имъ передохнуть, и опять гналъ и гналъ во всю прыть. И вотъ, съ горы, на которую мы взобрались, увидалъ я знаменитую гряду Кавказскихъ горъ, а надъ ними двухъ великановъ: вершины Эльбруса и Казбека, въ неподвижномъ величіи, казалось, внимали одному Аллаху. Стали мы спускаться съ крутизны—что-то на дорогѣ въ долинѣ чернѣется. Приблизились мы и вижу я сломавшуюся телѣгу, тройку лошадей, ямщика и двухъ пассажировъ, одѣтыхъ по кавказски, съ шашками и кинжалами. Придержали мы лошадей, спрашиваемъ: чьи люди? Люди въ папахахъ и черкескахъ верблюжьяго сукна отвѣчали просьбою сказать на станціи господамъ ихъ, что съ ними случилось несчастіе—ось сломилась. Кто господа ваши? «Лермонтовъ и Столыпинъ»,—отвѣчали они разомъ.

Пріѣхавъ на станцію, я вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ и увидалъ, уже знакомую мнѣ, личность Лермонтова, въ офицерской шинели съ отогнутымъ воротникомъ—послѣ я замѣтилъ, что онъ и на сюртукѣ своемъ имѣлъ обыкновеніе отгинать воротникъ—и другаго офицера чрезвычайно представительной наружности, высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ низкоостриженною прекрасною головой и выразительнымъ лицомъ. Это былъ—тогда, кажется, уже капитанъ гвардейской артиллеріи—Столыпинъ. Я передалъ имъ о положеніи слугъ ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, только что прискакавшій, фельдъегерь съ кожанною сумой на груди. Едва переступилъ онъ за порогъ двери, какъ Лермонтовъ, съ кликомъ: «а, фельдъегерь, фельдъегерь!» подскочилъ къ нему и началъ снимать съ него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпинъ сталъ говорить, что они ѣдутъ въ дѣйствующій отрядъ, и что, можетъ быть, къ нимъ есть письма изъ Петербурга. Фельдъегерь утверждалъ, что онъ посланъ «въ армію къ начальникамъ»; но Лермонтовъ сунулъ ему что-то въ руку, выхватилъ суму и выложилъ хранившееся въ ней на столъ. Она, впрочемъ, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались толь-

ко запечатанные казенные пакеты; писемъ не было. Я не мало удивлялся этой продѣлкѣ. Вотъ что, думалось мнѣ, могутъ дозволять себѣ петербуржцы.

Солнце уже закатилось, когда я пріѣхалъ въ городъ или, вѣрнѣе, только крѣпость Георгіевскую. Смотритель сказалъ мнѣ, что ночью ѣхать дальше не совсѣмъ безопасно. Я рѣшился остаться ночевать и, въ ожиданіи самовара, пошелъ прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, какъ въ комнату вошли Лермонтовъ и Столыпинъ. Они поздоровались со мною, какъ со старымъ знакомымъ, и приняли приглашеніе выпить чаю. Вошедшій смотритель, на приказаніе Лермонтова запрягать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночнаго пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзанъ былъ черкесами проѣзжій унтеръ-офицеръ. Я, съ своей стороны, тоже сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая что-то въ родѣ того, что лучше же приберечь храбрость на время какой либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнью въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь и онъ-то кажется, сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли что у кого было съѣстнаго, явилось на столъ кахетинское вино, и мы разговорились. Они разспрашивали меня о цѣли моей поѣздки, объяснили, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать въ «экспедиціяхъ противъ горцевъ». Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни, и противопоставлялъ ей удовольствія, которыя ожидаю отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными затѣями, которыя имъ въ отрядѣ, конечно, доступны не будутъ...

На другое утро, Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо, тамъ Верзилины (онъ назвалъ еще нѣсколько именъ); поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?—быстро спросилъ Лермонтовъ,—тамъ комендантъ старый Ильяшевичъ и являться къ нему нечего, ничто

намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ». Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣтить, что Пятигорскъ стоялъ отъ Георгіевскаго на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—одинъ перегонъ. Изъ Георгіевска мнѣ приходилось ѣхать въ одну сторону, имъ—въ другую.

Столыпинъ сидѣлъ задумавшись. Ну что,—спросилъ я его,—рѣшаетесь, капитанъ? «Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вонъ,—говорилъ онъ, указывая на столъ,—наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите». Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень о томъ сожалѣю.

Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину, произнесъ повелительнымъ тономъ:

— «Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшоткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?»

Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ, и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшоткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина, узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я,—нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ.

Лошади были поданы. Я пригласилъ спутниковъ въ свою коляску. Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ, Столыпинъ на передней. Насъ обдавало цѣлымъ потокомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку,—оно оказалось немыслимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали, Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесъ гонялись за нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ.

Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ

я услыхалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жесткое мнѣніе, что оно и теперь еще кажется мнѣ преувеличеннымъ.

Промокшіе до костей, пріѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостинницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки. Минутъ черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ съ узорами халатѣ, опоясанный толстымъ снуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину:

— «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь. Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

Именемъ этимъ Лермонтовъ пріятельски называлъ стариннаго своего хорошаго знакомаго, а потомъ скоро противника, которому рокъ судилъ убить надёжу русскую на поединкѣ.

Я познакомился въ Пятигорскѣ со всѣми людьми, бывавшими у Лермонтова; но вѣсть о печальной кончинѣ поэта нагнала меня уже внѣ Пятигорска.

Петръ Магденко.

Сообщ. **Пав. А. Висковатый.**

Дерптъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

ЕКАТЕРИНА II И КАРЛЪ ЗЮДЕРМАНЛАНДСКІЙ.

1792—1794 гг.

Письма Екатерины II къ герцогу Зюдерманландскому, регенту Швеціи [1]).

30-го августа 1792 г.

Mon cousin! Откровенность, съ которою ваше королевское высочество выражаетесь со мною въ вашемъ письмѣ отъ 29-го августа (н. ст.) [2]), даетъ мнѣ право исправить то недоразумѣніе, въ которое повергли васъ слова, сказанныя вамъ по моему порученію моимъ посланникомъ и въ которыхъ вы усмотрѣли недовѣріе къ прочности союза, существующаго между обоими государствами. Точно также и я могла бы питать недовѣріе къ личнымъ чувствамъ вашего королевскаго высочества ко мнѣ, но я должна успокоиться въ виду вашего благорасположенія къ сохраненію въ силѣ союза столь естественнаго и полезнаго государству, правленіе котораго ввѣрено мудрости и попеченію вашего королевскаго высочества. Не поддаваясь чувствамъ неосновательныхъ сомнѣній и неумѣстной тревогѣ, я, тѣмъ не менѣе, могу ими увлечься тамъ, гдѣ дѣло коснется злонамѣ-

---

[1]) Переводъ со шведскаго изъ «Minnen», IV. А. Ч.

Матеріалы эти могутъ быть присоединены къ группѣ другихъ извлеченныхъ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича—изъ дворцовой библіотеки гор. Павловска объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи въ 1794—1796 гг. и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., томъ XI стр. 473—512. Ред.

[2]) Герцогъ писалъ, что онъ дорожитъ дружбою Россіи, но что эта дружба не даетъ повода обращаться со Швеціей какъ съ данницей Россіи и вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.

А. Ч.

ренныхъ внушеній, которыя имѣютъ цѣлью нарушить существующія между нами взаимныя отношенія. То, что я сдѣлала въ пользу тѣхъ лицъ, которыя, содѣйствуя сохраненію добрыхъ отношеній, снискали право на мое довѣріе, достаточно свидѣтельствуетъ о моемъ желаніи развить и поддержать эти отношенія. Къ этому присоединяется еще другое, болѣе убѣдительное доказательство—мое искреннее и дружеское участіе къ моему близкому родственнику, молодому королю, участіе, которое, въ эти превратныя времена, принуждаетъ меня желать, чтобы онъ былъ окруженъ вѣрными слугами блаженной памяти короля и родителя его. Но ваше королевское высочество, связанные съ этимъ государемъ болѣе тѣсными узами и, безъ сомнѣнія, питающіе къ нему тѣ же какъ и я чувства, заблагоразсудили удалить отъ его персоны означенныхъ лицъ, полагая, вѣроятно, что вамъ слѣдуетъ дать мѣсто опасеніямъ еще болѣе вѣскимъ, чѣмъ тѣ, которыя заставляютъ меня желать, чтобы они пребывали въ должностяхъ, ввѣренныхъ имъ покойнымъ королемъ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе этихъ опасеній, смыслъ которыхъ для меня совершенно непонятенъ и страненъ, я забочусь лишь о томъ, чтобы молодой король развивался подъ мудрымъ и бдительнымъ попечительствомъ вашего королевскаго высочества, забочусь видѣть Швецію—которой онъ единственная надежда и дорогой залогъ мира на всемъ сѣверѣ—благословляющею ваше королевское высочество за отеческія попеченія о его особѣ. Такія мои пожеланія къ благопоспѣшности молодаго монарха нераздѣльны отъ тѣхъ, которыя я питаю къ вашимъ собственнымъ успѣхамъ, а также вашей доброй славѣ, должны в. к. в—ву служить залогомъ искренней дружбы и совершеннаго высокопочитанія, съ которыми я пребываю, и проч., и проч. Екатерина.

С.-Петербургъ.—29-го января 1793 г.

Mon cousin! Письмо, въ которомъ вы выразили желаніе, чтобы былъ отозванъ мой шведскій посланникъ графъ Стакельбергъ, я получила. Близкія родственныя связи, которыя насъ соединяютъ, наше взаимное горячее желаніе укрѣпить союзъ и добрыя отношенія, по счастію существующія между государствами, наконецъ, тѣ дружба и довѣріе, которыя мы питаемъ лично другъ къ другу,—безъ сомнѣнія, все это побуждаетъ насъ и даетъ намъ право прямо и безъ околичностей сообщать другъ другу наши чувства и мысли, особенно когда дѣло идетъ объ упроченіи и продолженіи столь важнаго и дорогаго союза. Эти соображенія понудили ваше королевское высочество прибѣгнуть къ мѣрѣ, о которой я только что упомянула; но такъ

какъ одинаково и для меня существуютъ тѣ же побудительныя причины, то в. к. в—о дозволите также и мнѣ на нихъ сослаться. Мнѣ кажется, в. к. в—у достаточно извѣстны данныя мною графу Стакельбергу инструкціи; онѣ касаются тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ вы изволите говорить, а именно, чтобы никоимъ образомъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, а заниматься только предметами, могущими содѣйствовать къ упроченію тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между Россіей и Швеціей. До сего времени я имѣла достаточные поводы полагать, что графъ Стакельбергъ вѣрно и строго исполнялъ данныя ему инструкціи. Первое совершенное имъ въ Стокгольмѣ дѣло было—заключеніе трактата, и эта заслуга принадлежитъ преимущественно ему одному, и, пока онъ имѣлъ дѣло съ лицами содѣйствовавшими, со стороны Швеціи, заключенію столь благодѣтельнаго для обоихъ государствъ договора, дворъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ, расточалъ ему лишь благодарность и похвалы. Послѣ той перемѣны, которую вашему королевскому высочеству угодно было совершить въ министерствѣ вашего племянника, донесенія графа Стакельберга, обыкновенно просматриваемыя мною самою, содержали лишь простое изложеніе фактовъ, безъ всякой горечи и намѣренія нарушить положеніе дѣлъ, которое доселѣ существовало между обоими дворами. И такъ, не въ правѣ ли я предполагать, что единственно въ составѣ новаго кабинета, съ которымъ гр. Стакельбергъ былъ обязанъ сноситься, находится личность [1]), которая, вслѣдствіе своего нерасположенія лично ко мнѣ или вообще къ Россіи, вознамѣрилась очернить и оклеветать его въ глазахъ вашего королевскаго высочества. Вотъ главная причина того неодобренія, которому онъ, по моему мнѣнію, подвергнулся со стороны вашего королевскаго высочества. Какъ бы то ни было, какъ скоро онъ лишился довѣрія в. к. в—а, я рѣшилась его отозвать, уже по тому одному, чтобы исполнить вашу настоятельную просьбу. Меня заставило колебаться сомнѣніе—вынужденнымъ отозваніемъ причинить безпокойство невинному человѣку; но такъ какъ графъ Стакельбергъ уже давно желалъ, для поправленія своего здоровья и своихъ домашнихъ обстоятельствъ, возвратиться къ моему двору, то мое сомнѣніе устранилось само собою. Чтобы не препятствовать скорѣйшему осуществленію его желанія, я дала ему разрѣшеніе въ формѣ отпуска. Назначеніемъ ему преемника и отправленіемъ его къ посту я не замедлю. Льщу себя надеждой, что этотъ новый знакъ снисхожденія на желанія вашего высочества вы примете какъ новое доказа-

---

[1]) Намекъ на министра Рейтергольма. А. Ч.

тельство моего желанія увѣрить васъ при каждомъ представляющемся случаѣ въ искренней дружбѣ и уваженіи, съ которыми я, и проч., и проч. Екатерина.

Царское Село.—15-го мая 1793 г.

Monsieur mon cousin! Письмо, которое вашему королевскому высочеству угодно было мнѣ написать 26-го истекшаго февраля, я не могла принять отъ того лица, которому вы считали возможнымъ оное довѣрить, такъ какъ существуетъ запрещеніе, вслѣдствіе котораго никто изъ его націи или вѣры не можетъ быть допущенъ во внутрь Россіи, тѣмъ менѣе къ моему двору. Вслѣдствіе сего, это лицо было вынуждено оставить письмо рижскому губернатору и, уже по доставленіи мнѣ онаго, я разрѣшила пропустить его самого. Какъ только онъ прибылъ въ резиденцію, я поспѣшила ознакомиться съ предметомъ его порученія. Такъ какъ допустить его въ мое присутствіе не дозволяло приличіе, что я избрала въ посредники лицо извѣстное своею осторожностью и пользующееся полнымъ моимъ довѣріемъ [1]). Не мало была я удивлена, узнавъ, что упомянутая личность требовала со мною личнаго свиданія и отказалась сообщить о своемъ порученіи третьему лицу. Такъ какъ подобное желаніе не могло быть удовлетворено, то я приказала просить его сообщить письменно о предметѣ его порученія, причемъ дала ему слово возвратить сообщеніе, не снявъ съ него копіи, и сохранить глубочайшую тайну о содержаніи онаго. Послѣ многихъ затрудненій, онъ, наконецъ, согласился на это. Но такъ какъ присланное имъ на нѣмецкомъ языкѣ посланіе, по своему изложенію, было крайне темно для меня, то я и осталась въ прежнемъ своемъ невѣдѣніи. Это посланіе было составлено въ такихъ двухсмысленныхъ и таинственныхъ выраженіяхъ, что я принуждена бы заподозрѣть въ его авторѣ либо умопомѣшательство, либо шарлатанство, столь обыкновенное среди его единовѣрцевъ, промышляющихъ кабалистикою и разною безсмыслицею. Такъ какъ во всемъ этомъ я ничего не поняла, то и позволила ему, по выраженному имъ желанію, уѣхать. Я жду отъ довѣрія, которымъ ваше королевское высочество удостоиваете меня, что вы, для доведенія до моего свѣдѣнія вашихъ намѣреній, впредь будете пользоваться прежними удобными путями, которые весьма вѣрны, не смотря на то, что они просты и обыкновенны [2]). Между тѣмъ, я не хотѣла отсрочить увѣрить ваше королевское высочество

---

[1]) Платонъ Александровичъ Зубовъ.

[2]) Т. е. черезъ посланника Стединга, которому регентъ не довѣрялъ. А. Ч.

въ моемъ, соотвѣтствующемъ вашему, желаніи узрѣть еще болѣе тѣсными тѣ кровныя и дружественныя связи, которыя существуютъ между нашими домами. Полагаю, что мы можемъ достигнуть этой цѣли натуральнымъ путемъ, указываемымъ тѣмъ союзомъ, который, по счастію, существуетъ между нами. Я тѣмъ болѣе дорожу имъ, что, иначе, не буду имѣть удобнаго случая возобновлять вашему королевскому высочеству мои увѣренія въ искренней дружбѣ и совершенномъ высокопочитаніи, съ которыми я, и проч. Екатерина.

С.-Петербургъ.—17-го января 1794 г.

Mon cousin! Я получила письмо отъ 8-го с. м., которое вашему королевскому высочеству угодно было послать съ графомъ Стенбокомъ. Приступаю къ отвѣту на оное съ откровенностью и чистосердечіемъ, требуемыми отъ меня вашимъ высочествомъ и которыя внушаютъ мнѣ чистота моихъ намѣреній, мой извѣстный характеръ и то высокое положеніе, ставящее меня выше всякаго сомнѣнія и подозрѣнія.

Безъ сомнѣнія, ваше королевское высочество помните чувства, выраженныя мною при вступленіи в. в—а въ управленіе королевствомъ; они заключались въ искренней печали о достойной сожалѣнія кончинѣ блаженной памяти короля, въ нѣжной заботѣ о молодомъ наслѣдникѣ престола, обще съ искренними благопожеланіями успѣховъ какъ правленію вашего высочества, такъ и лично вашей персонѣ. Эти чувства руководили всѣми моими намѣреніями и хотя они не встрѣчали того сочувствія, которое я могла ожидать, но они не изгладились изъ моего сердца. Я могу сослаться, какъ на новое доказательство, на тотъ интересъ, смѣшанный съ безпокойствомъ, который возбудило во мнѣ извѣстіе объ открытіи заговора противъ особы и правительства вашего королевскаго высочества. Признаюсь, я не ожидала встрѣтить замѣшанною въ немъ одну личность [1]), которая покойнымъ королемъ была удостоена неограниченнаго довѣрія, осыпана благодѣяніями и, стараясь съ такою ревностью о примиреніи моемъ съ тѣмъ государемъ и возобновленіи между нами дружественныхъ связей, пріобрѣла полное право на мое благоволеніе. Если же этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ увлеченъ честолюбіемъ или другими страстями и возымѣлъ какой либо преступный умыселъ, то, безъ сомнѣнія, онъ подпалъ всей строгости законовъ, которую ваше королевское высочество, при своей справедливости и правосудіи, дали ему почувствовать, не скрывая отъ публики ни единаго

---

[1]) Баронъ Армфельдъ. А. Ч.

изъ его преступныхъ дѣйствій, къ чему обязывала в. к. в-о память о вашемъ братѣ, покойномъ королѣ, и то положеніе, до котораго послѣдній возвысилъ эту личность. Но прошу ваше королевское высочество позволить мнѣ заявить, что вы ошибаетесь, полагая, что недовѣріе между нашими кабинетами возникло вслѣдствіе тайныхъ происковъ и интригъ этого безпокойнаго и, можетъ статься, крамольнаго человѣка. Причины этого недовѣрія вытекаютъ изъ болѣе открытыхъ и опредѣленныхъ источниковъ, а именно: изъ поведенія константинопольскихъ агентовъ вашего королевскаго высочества и образа дѣйствій вашихъ министровъ относительно чудовища, воплощаемаго якобинцами, о которыхъ ваше высочество, въ письмѣ ко мнѣ, изволите выражаться съ отвращеніемъ и досадою, понятными въ царствующей особѣ и даже каждомъ честномъ человѣкѣ, который имѣетъ кое-какое понятіе о порядкѣ и для общаго блага желаетъ его сохранить. Мнѣ пріятно вѣрить, что эти чувства точно также, какъ они нашли мѣсто въ вашемъ письмѣ, найдутъ мѣсто и въ вашемъ сердцѣ; но позволяю себѣ сказать, что сего недостаточно, и что съ высокаго поста, занимаемаго вашимъ высочествомъ, необходимо эти самыя чувства проявлять во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ. Оказываемыя вами снисходительность и осмотрительность были бы еще понятны, еслибы были основаны на соображеніяхъ о временныхъ коммерческихъ выгодахъ, и эти выгоды зависѣли отъ необузданнаго, грабительскаго и разрушительнаго духа, которымъ воодушевлена эта адская секта. Событія въ той странѣ [1]) представляютъ очевидныя доказательства несовмѣстимости подобныхъ вещей. Всѣ, кто ревностно содѣйствовалъ успѣхамъ этой секты, дѣлались жертвами ея неблагодарности и бѣшенства, какъ-бы ради искупленія собственныхъ заблужденій и преступленій. Если Богъ попуститъ одержать этой сектѣ въ другихъ странахъ такія же побѣды, какъ въ самой Франціи, то отъ подобной ей судьбы, какія бы, во всемъ остальномъ, ни дѣлали уступки, нигдѣ не будешь въ безопасности.

Одинъ изъ агентовъ вашего королевскаго высочества въ Константинополѣ, о которомъ я только что говорила, безъ сомнѣнія, второстепенный, но тѣмъ не менѣе весьма дѣятельный, по единогласному свидѣтельству всѣхъ тамъ пребывающихъ иностранныхъ министровъ— самый усердный ходатай за якобинскіе интересы передъ Портою. Это послужило поводомъ къ подозрѣнію въ тайныхъ переговорахъ

---

[1]) Подразумѣвается революціонная Франція. А. Ч.

между стокгольмскимъ и константинопольскимъ дворами. Я просила черезъ моего посланника отречься отъ этой личности, или отозвать ее, но государственный канцлеръ, съ которымъ онъ по этому дѣлу сносился, не одобривъ поведенія этого агента, объявилъ, что онъ слишкомъ полезенъ, чтобы отрѣшить его отъ должности.

Впрочемъ, я нимало не подозрѣваю намѣреній тѣхъ министровъ, такъ какъ, вѣроятно, они, какъ и мои министры, служили лишь орудіемъ воли вашего королевскаго высочества. Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ я царствую и я никогда не переставала сама управлять; къ главнѣйшимъ качествамъ тѣхъ лицъ, которыя находятся на моей службѣ, я всегда относила величайшую приверженность къ моимъ видамъ и совершенное подчиненіе моей волѣ. Я могу увѣрить ваше королевское высочество, что таково поведеніе лицъ, пользующихся, въ настоящее время, моимъ довѣріемъ [1]. Графъ Зубовъ, съ моего вѣдѣнія и по моему приказанію, прошедшимъ лѣтомъ писалъ къ королевскому посланнику при моемъ дворѣ о причинахъ прекращенія субсидій, обѣщанныхъ договоромъ съ Швеціею [2]. Эти причины пока еще не устранены, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я желала прекратить силу самаго договора. Я бы его никогда не заключала, еслибы онъ для меня представлялъ какія либо затрудненія. Ничто не вынуждало меня къ тому: я и блаженной памяти король заключили договоръ по доброй волѣ, руководствуясь какъ взаимными чувствами, такъ и убѣжденіемъ въ пользѣ, истекающей изъ него для обѣихъ державъ.—Вотъ основанія для сохраненія договора во всей его силѣ. Обѣщанныя въ сепаратной статьѣ субсидіи были лишь условнымъ дополненіемъ и касались извѣстныхъ общихъ плановъ, которые, какъ я упомянула, въ настоящее время, можетъ быть, не противорѣчатъ шведскимъ интересамъ, но мало соотвѣтствуютъ тому, что имѣлось въ виду съ нашей стороны. Дабы удостовѣриться въ этомъ, достаточно прочитать вашему королевскому высочеству мою переписку съ покойнымъ королемъ, равно тѣ декларацiи, которыми обмѣнялись между собою лица, имѣвшія полномочіе на заключеніе договора. И такъ, хотя одна изъ секретныхъ статей и потеряла на нѣкоторое время свое дѣйствіе, тѣмъ не менѣе, въ цѣлости, договоръ долженъ быть сохраненъ неприкосновеннымъ, на основаніи того самаго желанія, которое выразили ваше королев-

---

[1] Очевидно, что всѣ эти упреки и намеки относятся къ самому регенту и его первому министру Рейтергольму, подозрѣваемому въ покровительствѣ якобинизму.

[2] Заключенъ 8-го (19-го) октября 1791 г., въ Дротнингольмѣ, на восемь лѣтъ. **А. Ч.**

ское высочество—чтобы доселѣ счастливо существовавшія добрыя и сосѣдственныя отношенія между обоими государствами продолжались и впредь. Впрочемъ, вашему королевскому высочеству не безизвѣстно, что прямое и торжественное заявленіе моихъ мыслей на счетъ того, что въ настоящее время нарушаетъ спокойствіе Европы, навлекло на меня злобу необузданныхъ нарушителей мира, и что, не будучи въ состояніи излить на мнѣ свой гнѣвъ, они всячески стараются злоумышленными ковами и обольщеніями возстановить противъ меня и, наконецъ, что я, для огражденія себя отъ ихъ заговоровъ, нахожусь вынужденною принимать наиболѣе дѣйствительныя мѣры, поглощающія всѣ мои денежные ресурсы. При такомъ положеніи дѣлъ, мнѣ, однакожъ, не безъизвѣстно, что торговыя выгоды, которыя пріобрѣла Швеція подъ покровительствомъ нейтралитета [1]), къ которому приступили ваше королевское высочество, еще недавно дали вамъ возможность употребить довольно значительныя суммы на уплату долговъ и другія нужды. Я полагаю, что все сказанное вполнѣ убѣдитъ ваше королевское высочество, что мои дѣйствія во всѣхъ поименованныхъ обстоятельствахъ не были основаны на какой либо перемѣнѣ мыслей относительно особы в. к. в—а, но что они необходимо и неизбѣжно вытекали изъ самыхъ этихъ обстоятельствъ. Перехожу теперь къ предмету, который въ высшей степени занимаетъ меня и, по видимому, составляетъ также предметъ вниманія в. к. в—а.

Я не только не скрывала моего удовольствія, извѣстясь о планѣ будущаго союза между молодымъ королемъ, племянникомъ вашего королевскаго высочества, и великой княжной—моей внучкой, но выразила его еще тогда, когда это предложеніе впервые было сдѣлано вашимъ высочествомъ. Какъ съ политической точки, такъ и съ точки семейной связи, я всегда смотрѣла и теперь смотрю на этотъ союзъ какъ на самый желательный во всѣхъ отношеніяхъ. Но я неизмѣнно рѣшилась не допускать, чтобы одно изъ дѣтей, принадлежащихъ къ моему семейству, заключило подобный союзъ не по своему собственному избранію. Кромѣ того, внучкѣ моей еще не исполнилось одиннадцати лѣтъ и она еще не въ состояніи сама сдѣлать выборъ, или принять въ супруги того, кого ваше королевское высочество предлагаете ей, тѣмъ болѣе, что в. к. в—о, упоминая объ этомъ предметѣ, ничего не говорите о желаніяхъ самого молодаго короля, о чемъ въ подобныхъ случаяхъ предварительно

---

[1]) Здѣсь разумѣется вооруженный нейтралитетъ—договоръ, заключенный въ 1780 г. между Россіей, Даніей, Швеціей и Пруссіей. А. Ч.

знать весьма важно. И такъ, кажется, слѣдуетъ нѣсколько повременить заключеніемъ союза, клонящагося къ обоюдной пользѣ. Между тѣмъ, я, съ своей стороны, не премину приготовить и споспѣшествовать союзу, столь согласному съ моими желаніями, склонностію и чувствами.—Надѣюсь, что послѣ объясненія, даннаго мною касательно всѣхъ пунктовъ вашего письма, в. к. в—у болѣе ничего не остается желать отъ моей искренности. Мнѣ остается только увѣрить ваше королевское высочество, что ничто такъ не близко моему сердцу, какъ поддержаніе той дружбы и преданности, въ которыхъ вы изволите меня увѣрять, и желаніе представить вамъ доказательство, вполнѣ соотвѣтствующее этимъ чувствамъ съ моей стороны. Съ такими чувствами, и проч. Екатерина.

Примѣчанія переводчика. Считаемъ не лишнимъ привести біографическія замѣтки о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ Екатерины II.

1. Герцогъ-регентъ Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, род. 1748, второй сынъ короля Адольфа Фридриха и Луизы Ульрики, сестры Фридриха Великаго. За малолѣтствомъ Густава IV былъ регентомъ Швеціи съ 1792 до 1795 г. Екатерина II подозрѣвала его въ сношеніяхъ съ якобинцами, но онъ былъ только ревностный масонъ и сведенборгистъ, и потому доступенъ разнаго рода проходимцамъ. Нѣкоторые, какъ кажется, безъ основанія, подозрѣваютъ его въ участіи въ заговорѣ противъ жизни Густава III. Государственными дѣлами онъ мало занимался и во всемъ полагался на своего любимца барона Рейтергольма. Ненависть Карла къ барону Армфельду, фавориту Густава III, нѣкоторые объясняютъ отверженною любовью къ фрейлинѣ Руденшельдъ, которая предпочла ему красавца Армфельда. За переписку съ послѣднимъ, какъ государственнымъ преступникомъ, г-жа Руденшельдъ была засажена въ рабочій домъ. Когда, въ 1809 г., Густавъ Адольфъ IV былъ лишенъ престола, то герцогъ былъ вторично назначенъ регентомъ, а затѣмъ провозглашенъ королемъ; умеръ въ 1818 г.

2. Армфельдъ. Баронъ (позже русскій графъ) Густавъ Морицъ[1]) Армфельдъ, при Густавѣ III генералъ-лейтенантъ. Лишенный при регентѣ всякаго вліянія и удаленный на постъ шведскаго посланника въ Неаполѣ, онъ сдѣлался врагомъ своего правительства, за что и былъ объявленъ государственнымъ преступникомъ и лишеннымъ покровительства законовъ. Его кто-то назвалъ fameux intriguant, jongleur politique (знаменитый интриганъ, политическій акробатъ). Въ самомъ дѣлѣ, почти половина его жизни была посвящена интригамъ, то политическимъ, то любовнымъ. Помня его услуги, при заключеніи мира въ Верелэ 1790, и нерасположенная къ регенту, Екатерина, вопреки своему обѣщанію («Р. Архивъ» 1876 г., стр. 116), дала изгнаннику убѣжище. По прибытіи Армфельда въ Петербургъ, былъ онъ на третій же день отправленъ въ Тверь, а оттуда въ Калугу, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно и въ скучномъ уединеніи два года. Только въ 1796 г., по ходатайству генералъ-губернатора графа Палена,

---

[1]) Не знаю, на какомъ основаніи пишутъ у насъ Маврикій. Шведы, равно какъ и нѣмцы, отличаютъ имена Mauricius (Маврикій) и Mauritz, Moritz, хотя они и происходятъ отъ одного корня. А. Ч.

вышло ему разрѣшеніе отлучаться изъ Калуги въ близь лежащія мѣста. Ростопчинъ («Р. Архивъ» 1876 г., стр. 116) писалъ, что Армфельду покровительствуетъ Марковъ; но по шведскимъ источникамъ извѣстенъ слѣдующій отзывъ послѣдняго о первомъ: «эту горячую голову необходимо остудить; ее нужно уловить голодомъ». И въ самомъ дѣлѣ, Армфельдъ терпѣлъ нужду въ Россіи, онъ жаловался, что до него не доходитъ пенсія, назначенная ему императрицей. Выѣхавъ изъ Россіи, онъ скитался по Германіи до 1799 г., пока Густавъ IV, вступивъ на престолъ, не возвратилъ ему его прежнихъ званій. Но вскорѣ новыя интриги, по увѣренію нѣкоторыхъ—любовнаго свойства, заставили его навсегда покинуть Швецію и поселиться въ Россіи. За услуги, оказанныя правительству по управленію финляндскими дѣлами, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ канцлеромъ Абоскаго университета. Умеръ въ 1814 г.

3. Графъ Стакельбергъ. Ростопчинъ («Р. Архивъ» 1876 г., стр. 100) объясняетъ нерасположеніе регента къ Стакельбергу происками г-жи Дивовой, «мѣтившей на стокгольмское посольство для своего мужа». Но несомнѣнно, что регенту были извѣстны тайныя сношенія Стакельберга съ государственнымъ преступникомъ Армфельдомъ. Стакельбергъ возвратился въ Петербургъ въ маѣ, находился при дворѣ, получая 6,000 р. (Тамъ же).

4. Баронъ Рейтергольмъ. Любимецъ и первый министръ герцога-регента. Былъ приверженцемъ союза съ Франціей, почему его, при русскомъ дворѣ, называли якобинцемъ. Для противодѣйствія интригамъ Армфельда и чтобы сохранить свой постъ, онъ ревностно старался осуществить планъ брака молодаго короля съ великою княжною Александрой Павловной. Ему приписываютъ инціативу поѣздки короля въ Петербургъ съ этою цѣлью. Не смотря на его дѣятельное участіе въ переговорахъ по сему предмету, бракъ, какъ извѣстно, не состоялся, а Рейтергольмъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, былъ уволенъ, какъ говорятъ шведскіе историки, за то, что настаивалъ на необходимости союза съ Россіей.

5. Виталь, еврей, выдававшій себя за португальскаго барона. Онъ прибылъ въ Швецію по приглашенію регента съ какимъ-то финансовымъ проектомъ. Его отправили въ Петербургъ, снабдивъ паспортомъ и рекомендательнымъ письмомъ, подписаннымъ самимъ регентомъ. Виталю было предписано объясниться на счетъ своего порученія словесно съ самою императрицей, но его задержали въ Ригѣ и онъ былъ вынужденъ оттуда отправить данное ему письмо. Послѣ того былъ разрѣшенъ ему пріѣздъ въ столицу; но, не смотря на то, что онъ разыгрывалъ роль важной особы, государыня не удостоила его аудіенціи. На предложеніе сообщить цѣль своего посольства черезъ третье лицо, онъ не соглашался; тогда придумали такой способъ выйти изъ затрудненія—чтобы онъ изложилъ на письмѣ предметъ своихъ порученій, обѣщавъ ему сохранить содержаніе письма въ тайнѣ и возвратить оное, не снявъ копіи. Поломавшись нѣсколько, Виталь согласился на это предложеніе; но письмо его было такъ туманно, что Екатерина принуждена была просить графа Стединга объяснить ей его содержаніе. Стедингъ немало былъ удивленъ, встрѣтивъ въ евреѣ своего сотоварища. Въ послѣдствіи, за разные финансовые кунштики, Виталь, по распоряженію Рейтергольма, былъ засаженъ въ тюрьму и высланъ изъ Швеціи. Тогда онъ началъ процессъ съ шведскимъ правительствомъ, утверждая, что Густавъ III и регентъ получили отъ него заимообразно до 3-хъ милліоновъ гульденовъ.

6. Стедингъ. Баронъ, въ послѣдствіи графъ, Стедингъ, шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ, род. 1746, умеръ 1837. Какъ приверженецъ правительства Густава III и покровитель Армфельда (помогалъ его женѣ въ Россіи), не пользовался довѣріемъ регента. Былъ просвѣщенный дипломатъ и пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто его зналъ. Екатерина II писала Потемкину о немъ: «Стединга я ласкаю весьма и онъ человѣкъ изрядный» [1]. Его мемоары напечатаны, 1873, въ Парижѣ.

7. Графъ Стенбокъ. Оберъ-камеръ-юнкеръ шведскаго двора. Современные мемуары описываютъ его какъ молодаго человѣка съ прекрасными манерами, образовавшагося въ школѣ Густава III. Графъ Стенбокъ былъ честный человѣкъ, но ему недоставало опытности и способностей, необходимыхъ для успѣха возложенныхъ на него порученій. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1793 г., какъ будто для принесенія поздравленія регента по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, но настоящая цѣль его миссіи состояла въ исходатайствованіи у русскаго двора обѣщанныхъ субсидій, и преимущественно въ начатіи переговоровъ о бракѣ Густава IV съ великою княжною Александрою Павловною. Екатерина II оказывала Стенбоку большое вниманіе, и однажды, пригласивъ его въ эрмитажномъ спектаклѣ занять мѣсто подлѣ себя, сама заговорила о брачномъ проектѣ.

Сообщ. **А. А. Чумиковъ.**

КЪ ИСТОРІИ ТЮРЕМЪ И ССЫЛКИ ВЪ РОССІИ

1805—1820 гг.

II [2].

Monseigneur! La pitié, que tous les hommes ont naturellement pour les malheureux detenus dans les prisons, m'a inspiré le desir d'étudier l'esprit et l'administration des differents établissements de police correctionelle. Pénétré des principes Beccaria, de Caleb Lownes et particulièrement de ceux de l'ami de l'humanité Howard, j'ai visité plusieurs prisons en Amerique et en Angleterre, et j'ai cherché d'en connaitre les reglements relatifs à leur surveillance et à leur economie. Il me sera assurement difficile d'ajouter quelque chose de nouveau aux informations exactes et spéciales que Votre Excellence possède dejà sur cette matière, cependant comme la différence dans la manière d'envisager les mêmes objets donne souvent lieu à de nouvelles inductions, j'ai mis sur papier mes remarques à la suite de l'examen personnel des prisons

---

[1]) «Р. Архивъ» 1876, XII, стр. 641.

[2]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 357—360.

d'Amerique, qui peuvent servir à juste titre de modèle à toutes les autres. Je me croirai très heureux, Monseigneur, si parmi les détails que j'ai eu occasion d'apprendre sur les lieux, il y en aurait qui peuvent meriter l'attention de Votre Excellence. Je suis etc. Andre de Daschkoff.

le 17 Octobre 1819.

ЗАМѢЧАНІЯ ДАШКОВА, ИМѢЮЩІЯ СЛУЖИТЬ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ КЪ ЗАПИСКАМЪ О УСТРОЕНІИ И ВНУТРЕННЕМЪ УПРАВЛЕНІИ ТЮРЕМЪ.

1819 г.

Во всѣхъ образованныхъ государствахъ, какого бы роду ни было ихъ правленіе, отнятіе отъ частнаго лица свободы задержаніемъ подъ стражею или заключеніемъ въ тюрьму почитается зломъ неизбѣжнымъ, и право на оное основано на самой необходимости.

Нигдѣ личная свобода не ограждена такъ твердо письменнымъ закономъ какъ въ Англіи. Въ Магна-хартѣ, на которой основаны права англійскаго народа, изображено, что никто изъ гражданъ не долженъ быть задержанъ или посаженъ въ тюрьму, иначе какъ вслѣдствіе учиненнаго приговора отъ его равныхъ или въ силу существующихъ законовъ.

Когда преступленіе доказано и преслѣдуемый осужденъ законнымъ образомъ, тюрьма опредѣляется ему, иногда въ полное наказаніе, а иногда составляетъ только часть онаго; и таковое отнятіе свободы, очевидно, основано на сущей справедливости, потому что преступникъ обличенъ и заключеніе учинено по судебному приговору.

Не смотря на сіе, англійскій законъ нашелъ за необходимое отойти нѣсколько отъ строгихъ правилъ справедливости, не иначе дозволяющей наложить руку на свободу частнаго человѣка, какъ по совершеніи суда и по осужденіи преступника. Охранность цѣлаго общества потребовала, чтобы нѣкоторыя лица изъ обвиняемыхъ были на время задержаны до рѣшенія суда. Ихъ обвиняютъ въ преступленіи: они могутъ быть невинны; равно быть можетъ, что ихъ преслѣдуютъ справедливо. Отъ сей неизвѣстности рождается необходимость задержать ихъ подъ стражею до того времени, какъ судъ разберетъ ихъ дѣло; не менѣе того, пока не доказано будетъ о ихъ преступленіи, законъ полагаетъ ихъ невинными.

Изъ сего слѣдуетъ, что отсылаются они въ тюрьму не съ намѣреніемъ наказанія, а какъ единственный способъ увѣриться, что преслѣдуемый явится предъ судомъ, когда потребно будетъ.

Со всѣмъ тѣмъ, такъ было противно англійскимъ законодателямъ лишить свободы предварительно обличенію, что они дозволили отпустить на волю захваченнаго преступника, если дастъ за себя порукъ, что явится къ суду (исключая однако же случаевъ уголовныхъ, ибо никакое поручительство не удержитъ таковаго отъ побѣга, которому слѣдовать будетъ лишиться имѣнія и живота, буде найдется виновнымъ), и сверхъ того наложили они важную пеню на судью, который откажетъ принять поручительство, закономъ допускаемое. Лордъ Кокъ, одинъ изъ англійскихъ законоискусниковъ, утверждаетъ, что весьма противно закону держать преслѣдуемаго въ заключеніи долгое время въ ожиданіи суда.

Послѣ сего, кажется, трудно представить себѣ, чтобъ англійскіе законодатели, столько чувствительные къ отнятію свободы у преслѣдуемыхъ, но еще не осужденныхъ лицъ, не принимали никакого участія въ ихъ судьбѣ, когда безопасность общества поставила въ необходимость ихъ заключеніе; однако же состояніе большей части англійскихъ тюремъ заставляетъ предполагать, при самыхъ справедливыхъ учрежденіяхъ, недостатокъ человѣколюбиваго состраданія къ злополучіямъ ближнихъ.

Законы могутъ удовлетворить нашъ умъ въ своей справедливости; но въ безчисленности и разнообразіи случаевъ и образованія человѣка измѣняютъ они правосудію, если не выполняются съ духомъ человѣколюбія, если цѣль ихъ не опирается на религію, если христіанское взаимное благоволеніе не будетъ постояннымъ зерцаломъ строгаго судіи.

И въ языческія времена начертаны были мудрые законы, однакоже невинный не избѣгалъ жестокостей. Чувство всеобщей любви скрыто еще было облакомъ. Благодать новаго завѣта не разсѣяла еще мрака грѣховнаго. Умъ ихъ, такъ сказать, былъ мертвъ, ибо не былъ одушевленъ словомъ Божіимъ.

Съ распространеніемъ христіанства возрастало и частное благо. Самые строгіе законы одѣлись ризою милосердія. Началось образованіе государствъ. Царства перестали исчезать отъ насильственныхъ вторженій. Права и должности объяснились. Правосудіе съ человѣколюбіемъ соединили свои длани.

Се источникъ человѣколюбивыхъ и благотворительныхъ подвиговъ. Отсель христіанинъ Гоувардъ (Howard) наполнялся ревностію къ облегченію участи заключенныхъ; отсель почерпаетъ квакерская секта то усердіе, съ каковымъ стремится ко всѣмъ благодѣтельнымъ предпріятіямъ. Изъ сего неисчерпаемаго источника возникли библейскія, миролюбивыя, тюремныя общества, сиротскія, воспитательныя,

госпитальныя заведенія: въ нашемъ любезномъ отечествѣ мы повсюду видимъ благословенное вліяніе сего человѣколюбиваго духа.

Обратимся къ недостатку вниманія, въ самыхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ земляхъ къ участи содержащихся въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда. Даже филадельфійскую тюрьму, которая, по справедливости, можетъ служить примѣромъ цѣлому свѣту, не оставлю безъ упрека въ семъ отношеніи. Убійца, тать, захваченный въ дракѣ, невинно оклеветанной, дряхлый старецъ и легкомысленный юноша заключены въ одномъ отдѣленіи. Разсудокъ и справедливость гласно увѣщеваютъ насъ содержать заключеннаго изъ *единой предосторожности*, по крайней мѣрѣ, съ снисхожденіемъ, и учинить его заточеніе столько сноснымъ, сколько дозволяетъ обезопасеніе противу его побѣга.

Пусть законы будутъ такъ строги, какъ Драконовы, только чтобы основаны были на правилахъ справедливости. Но чѣмъ оправдать жестокую строгость противу тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ. Напрасно мнятъ, что такая система можетъ застращать къ безпорочности. Убѣгая преступленія, можно избѣжать законной строгости. Но льзя-ли предостеречься отъ клеветы? Заставить же сносить вящшее удрученіе чѣмъ самое лишеніе свободы—не то же ли, что начать наказаніе, прежде нежели доказано преступленіе?

Есть другой разрядъ людей, у которыхъ по закону отнимается свобода, а именно у тѣхъ, которые не выполняютъ долговыхъ своихъ обязательствъ. Долги часто рождаются отъ нерадѣнія, отъ безразсудныхъ торговыхъ спекуляцій, отъ мотовства и пр., но также случается, что должникъ сдѣлался не въ состояніи удовлетворить своихъ заимодавцевъ по напущенію, свыше опредѣленному. Онъ могъ пострадать отъ болѣзни, отъ злополучнаго приключенія, либо обмануться въ самыхъ основательныхъ предпріятіяхъ. Многочисленное и безпомощное въ его промыслѣ, семейство могло изнурить его. Капиталъ, ему довѣренный, могъ учиниться жертвою огня или воды. Человѣческое предъусмотрѣніе не всегда успѣваетъ оградить себя отъ несчастій, ниже трудолюбіе исправить причиненный вредъ. И такъ, согласимся, что между должниками находятся и такіе, которые заслуживаютъ нашего сожалѣнія. Не смотря на сіе, находимъ мы, что въ Лондонѣ избранный комитетъ алдермановъ для осмотра тюремъ въ рапортѣ своемъ предлагаетъ, что не слѣдуетъ доводить снисхожденіе къ заключеннымъ до такой степени, чтобы тюрьма сама по себѣ переставала служить въ наказаніе. «Тогда было бы справедливо упрекать насъ въ жестокости,—говорятъ они,—къ тѣмъ трудолюбивымъ и раззореннымъ кредиторамъ, изъ коихъ многіе добываютъ

насущный хлѣбъ, работая отъ зари до зари, если бы мы распространили сожалѣніе къ должникамъ до того, что тюремное ихъ продовольствіе превосходило бы нужное содержаніе тѣхъ семействъ, которыхъ они обольстили обманчивою наружностію къ учиненію имъ довѣрія, а потомъ раззорили своею праздностію и расточеніемъ».

Сіе самое разсужденіе опровергаетъ положеніе, чтобы неплатежъ заключенныхъ должниковъ неминуемо былъ слѣдствіемъ обмана и злонамѣренія; ибо тѣ самые, которые, по алдерманскимъ словамъ, работаютъ отъ зари до зари для дневнаго своего пропитанія и раззорены бываютъ отъ тунеядцевъ и расточителей, подвергаются тому же тюремному наказанію, когда не въ состояніи удовлетворить собственныхъ кредиторовъ. Такимъ образомъ предметъ ихъ жалости дѣлается жертвою ихъ умствованія. Наказать ихъ вслѣдствіе общаго правила, что тюрьма должна быть всегда наказующимъ средствомъ, было бы то же самое, что наложить на человѣка, постигнутаго несчастіемъ, тѣ же оковы, каковыя заслуживаетъ преступникъ.

Въ Англіи законъ предписываетъ за долги тюремное заключеніе. Въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ должникъ не долѣе сидитъ въ тюрьмѣ, пока долгъ заплатитъ, или выдастъ все свое имущество въ руки своихъ заимодавцевъ, и присягнетъ, что ничего не утаилъ.

Мы теперь не станемъ разбирать достоинство обѣихъ системъ, а замѣтимъ только, что англійскій законъ не почитается человѣколюбивымъ. О такомъ признаніи мы можемъ увѣриться изъ различныхъ и почасту противорѣчащихъ распоряженій, къ коимъ законодательная власть прибѣгаетъ для облегченія законной строгости. Но хотя тюрьма и опредѣляется закономъ за неплатежъ долговъ, не слѣдуетъ прилагать къ тому другихъ жестокостей. Никакая суровость, сверхъ задержанія въ тюремныхъ стѣнахъ, закономъ не оправдывается. То же слѣдуетъ сказать въ защиту преслѣдуемыхъ преступниковъ, но еще не обличенныхъ. Всякая несправедливость противу заключенныхъ сихъ родовъ тѣмъ жесточе, что они уже угнетены злополучіемъ и скрыты отъ сострадательнаго взора человѣколюбивыхъ.

Правда, что суровость противу обличеннаго преступника не столько насъ поражаетъ, потому что мы готовы принять ее съ перваго взгляду, какъ составляющую часть наказанія. Но законъ сего не предполагалъ. Закономъ назначается только родъ наказанія. Судья опредѣляетъ мѣру онаго, смотря по увеличенію преступленія, а ничего иного. Соединеніемъ же его заключенія съ обстоятельствами, которыя удручаютъ въ большей степени, чѣмъ самое лишеніе свободы, строгость закона дѣлается чрезмѣрною, ибо прилагаются наказанія,

которыхъ не находится въ приговорѣ. Если же въ нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленіяхъ законъ и осуждаетъ виновнаго на хлѣбъ и на воду или налагаетъ оковы и пр., то сіе утверждаетъ, что несправедливо поступать съ тою же строгостію, когда о ней умалчивается.

Еще одно слово для тѣхъ, которые настоятъ въ томъ, что тюрьма должна служить не единымъ заточеніемъ, а быть жилищемъ нужды и страданія, и потомъ пусть разрѣшатъ они противорѣчія, рождающіяся отъ ихъ системы.

Положимъ, что въ тюрьмѣ слѣдуетъ терпѣть всякую нужду; не менѣе справедливо, что оная должна быть соразмѣрна преступленію, ибо нельзя допустить, чтобы правосудіе опредѣляло то же наказаніе для разныхъ степеней преступленій. Но какимъ образомъ можно наблюсти сіе различіе въ большей части тюремъ, которыя такъ построены, что нельзя отдѣлить преслѣдуемаго въ судѣ отъ осужденнаго, преступника отъ должника, безумнаго и больнаго отъ здороваго? Если по сей причинѣ невозможно содержать въ разныхъ отдѣленіяхъ имѣющихъ, въ существѣ преступленій своихъ, такіе чувствительные оттѣнки, какимъ образомъ облегчить и увеличить наказаніе тюрьмою, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, къ каждому лицу принадлежащимъ? Потребно было бы столько различій, сколько есть преступленій, столько каморъ, сколько заключенныхъ. И кто опредѣлитъ степень тюремнаго удрученія. Судья не знаетъ о внутреннемъ устройствѣ каждой тюрьмы, а тюремщикъ о томъ, что происходило при судопроизводствѣ. Законъ можетъ удобно принаровить наказаніе, смотря по случаямъ: одного приговариваетъ на заключеніе на одинъ день, другаго на двадцать лѣтъ; но какую разборчивость имѣть должно, и кому довѣрить, чтобы усугублять или уменьшить тюремное зло въ соразмѣрность съ различными обстоятельствами, преступленіе сопровождавшими? Но какъ никто не станетъ оспаривать, что въ тюрьмахъ заключенные не отличались бы въ преступленіяхъ своихъ различными и противоположными степенями, то, согласясь на общее правило жестокости, мы неминуемо осудимъ сравнительно невиннаго на то же страданіе, какое заслуживаетъ злодѣй, и тѣмъ помрачимъ всякое понятіе о правосудіи. Заключимъ изъ всего вышесказаннаго, что несправедливо чинить наказаннымъ единственно тюрьмою какого либо прибавочнаго удрученія. Хотя и нельзя принаровить ихъ состояніе въ тюрьмѣ къ прежнимъ ихъ обстоятельствамъ, однако же справедливыми и великодушными правилами можно предупредить гласныя жестокости, и если окажется ошибка въ соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ, то оная бу-

детъ съ той стороны, съ коей желательно, чтобы всѣ ошибались—со стороны человѣколюбія.

И такъ, послѣдуемъ по стопамъ захваченнаго подъ стражу и отсылаемаго въ тюрьму, не забывая ни на часъ, что его преступленіе еще не доказано. Ради какой пользы поведемъ мы его скованнаго и провожая посреди дня чрезъ цѣлый городъ, учинимъ его постыднымъ зрѣлищемъ для народа, можетъ быть, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ несъ до того честное имя? Безславіе должно быть наказаніемъ за преступленіе, а не слѣдствіемъ одного подозрѣнія. Вслѣдствіе сего отведемъ его въ тюрьму, при наступленіи ночи, съ благопристойностію, безъ огласки, не уязвляя его чувствительности, которую отрицать мы не имѣемъ права. Какъ скоро вступитъ онъ въ тюремныя стѣны, ради чего налагать на него цѣпи, отяготить члены его тяжестью оныхъ, и привести въ отчаяніе отъ сихъ жестокостей, унижающихъ достоинство человѣческое.

Блакстонъ говоритъ, что законъ не дозволяетъ тюремщикамъ налагать оковы, кромѣ случаевъ неповиновенія или покушенія къ побѣгу. А первый судья (chief Justice) лордъ Кингъ на представленіе городовой думы о необходимости употреблять въ тюрьмахъ оковы, для предупрежденія побѣговъ, далъ слѣдующій отвѣтъ: «Вы защищаете собственное ваше нерадѣніе; выстройте выше тюремныя стѣны ваши, и въ цѣпяхъ не будетъ нужды».

Не должно лишить сидящаго въ тюрьмѣ чистаго воздуха, здоровой и достаточной пищи и способовъ къ нужному движенію его членовъ. Не должно запретить ему добывать своею работою дневное пропитаніе для оставленнаго безъ помощи его семейства, если только производить оную въ тюрьмѣ возможно. Не должно ему страдать по ночамъ отъ холода за неимѣніемъ на чемъ лечь, ни чѣмъ покрыться, или днемъ въ нетопленомъ покоѣ. Не должно пріучить его къ праздности, ниже вперить въ него склонность къ порокамъ, помѣстивъ его среди самыхъ негодныхъ людей. Не должно разстроить его здоровья, заключивъ въ сырые и непровѣтренные погреба, или съ такою толпою, что воздухъ становится заразителенъ, либо заставляя спать на одной постелѣ съ одержанными всякаго рода болѣзнями, или въ страдѣ и нечистотѣ.

Однимъ словомъ, заключенный въ ожиданіи суда имѣетъ право на вниманіе къ моральнымъ и тѣлеснымъ его чувствамъ, на снабженіе необходимостями жизни, на удаленіе отъ порочнаго сообщества и на уваженіе его здоровья и нравственности. Право очевидно и неоспоримое.

Слѣдуетъ привести его къ суду безъ отлагательства, ибо каждый

часъ отсрочки случая доказать свою невинность можетъ почесться столькимъ временемъ несправедливаго заключенія.

Если судъ оправдаетъ его, строгая справедливость требовала бы, въ удовлетвореніе тюремнаго его заключенія, по крайней мѣрѣ заплатить издержки безпомощнаго его семейства, во время сидѣнія его въ тюрьмѣ, и собственное его содержаніе пока найдетъ онъ работу. Исполненіе сего отчасти возможно. Но если судъ обвинитъ его, тогда слѣдуетъ выполнить въ точности законное наказаніе, однако же не увеличивая онаго, ниже употребляя какой-либо жестокости, которой не находится въ сентенціи; ибо гдѣ видѣли мы, чтобы судья приговорилъ уморить съ холоду или удушить отъ жару? Могъ-ли онъ дать приговоръ къ простудѣ или горячкѣ? Равно и растлѣніе нравовъ не можетъ числиться между законными наказаніями. Не можетъ располагать наказующій судья болѣзнію, голодомъ, стужею, наготою, заразительнымъ воздухомъ, и какое бы важное преступленіе ни было, ему воспрещается приговорить на голодную смерть или на отравленіе ядомъ.

Посему мы видимъ, что и осужденный преступникъ имѣетъ свои права. Всякій безполезный вредъ, учиненный ему въ тюрьмѣ, противенъ закону, потому что не сказано объ ономъ въ приговорѣ, и, слѣдственно, не должно лишить его здоровья, одежды или необходимой пищи.

Но кромѣ обязанностей законодательной власти къ человѣчеству, общество имѣетъ свои права, относительно къ содержанію заключенныхъ. Для него важно, чтобы выпущенный на волю изъ тюремныхъ стѣнъ превратился менѣе опаснымъ, нежели какъ онъ былъ признанъ при посаженіи въ тюрьму. Самое заключеніе его опредѣлено было ради общественной безопасности. Слѣдственно, доброе управленіе тюремъ требуетъ, чтобы заключенные выходили изъ нихъ менѣе порочными и болѣе трудолюбивыми, однимъ словомъ—исправленными сколько можно отъ злыхъ привычекъ.

И такъ, справедливо стараться о исправленіи посаженнаго въ тюрьму въ удовлетвореніе за его страданіе; такимъ образомъ неосновательное подозрѣніе послужитъ по крайней мѣрѣ къ предупрежденію преступленій на будущее время. Посредствомъ внушенія добрыхъ правилъ и привычекъ вознаградится причиненный ему вредъ, и хотя воспрещено было ему на время располагать своею свободою, можно однако же надѣяться, что онъ проведетъ слѣдующіе дни своей жизни съ бо̀льшею честностію.

О исправленіи должника общественная польза предписываетъ также стараться, потому что, сверхъ болѣзней и несчастій, праздность и

неумѣренность большею частью бываютъ причиною долговъ и рождаютъ слѣдствія для общества еще опаснѣйшія, чѣмъ самый неплатежъ. Для предупрежденія сего должно избрать такія мѣры, которыя служатъ ко внушенію трудолюбія и пріучаютъ къ умѣренности. Самый тотъ тюремный житель, котораго судъ призналъ преступникомъ, не долженъ остаться безъ вниманія. Гражданскіе законы въ строгомъ ихъ смыслѣ не причастны къ системѣ кроваваго мщенія. Они не полагаютъ, что одно зло можетъ вознаградить другое зло. Просвѣщенная и человѣколюбивая юриспруденція, подобно Творцу всего, что милосердно и премудро, не веселится о смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы онъ отъ зла обратился и продолжалъ жить. Наказаніе постановлено для предупрежденія преступленій, а преступленія предупреждаются исправленіемъ преступника. Заключенный, будучи отдѣленъ отъ прочихъ сообщниковъ, перестаетъ мыслить какъ они мыслятъ. Онъ имѣетъ время придти въ себя и раскаяніе. Заключеніе по одиночкѣ усмиряетъ самаго дерзкаго, и часто исправляетъ самаго распутнаго. Для сего онъ долженъ спать и проводить бо́льшую часть дня совершенно одинъ.

Но какъ уже мы сказали, что праздность есть путь къ преступленіямъ, трудъ есть средство къ исправленію отъ пороковъ. Должно доставить заключеннымъ постоянное упражненіе, и, чтобы пріохотить ихъ къ работѣ, полезно удѣлять имъ часть трудомъ пріобрѣтеннаго.

Спиртные напитки почасту рождаютъ преступленія, и почти всегда сопровождаютъ оныя. Таковые должно вовсе запретить.

Невѣжество производитъ подобныя слѣдствія. Противу оныхъ обученіе грамотѣ, чтеніе нравоучительныхъ книгъ и изустныя наставленія считаются лучшими предостерегательными средствами.

Но самый опаснѣйшій источникъ пороковъ и преступленій есть невѣдѣніе слова Божія и небреженіе христіанскихъ должностей. Частое посѣщеніе тюремъ духовными и благочестивыми особами, читаніе заключеннымъ Библіи и молитвъ и преподаваніе христіанскихъ наставленій—будутъ надежнѣйшимъ средствомъ къ обращенію сихъ заблудившихся чадъ на путь истины, и для учиненія безвреднымъ ихъ возвращеніе въ ихъ семейства и въ кругъ общественный, которому они принадлежатъ.

1819 г. Андрей Дашковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Многія положенія автора изложенной записки—новыя, прогрессивныя шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, успѣли сдѣлаться въ наше время азбучными истинами, общими мѣстами обширной литературы тюрьмовѣдѣнія и уголовнаго права. Записка Дашкова, не смотря на то, что писана шестьдесятъ лѣтъ

тому назадъ, сохранила вполнѣ печать современности и можетъ быть прочтена не безъ пользы въ наше время, въ особенности тѣми, отъ кого зависитъ судьба заключенныхъ въ Россіи.

Записка Дашкова представляетъ, собственно, интересъ по времени и обстоятельствамъ ея появленія. Она подана была тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и президенту Библейскаго общества князю А. Н. Голицыну, въ 1819 году, въ эпоху наиболѣе благопріятную для всякой филантропической дѣятельности въ пользу страждущихъ. «Это было время масонскихъ ложъ, библейскихъ обществъ и ланкастерскихъ школъ; реакція только подготовлялась, но не успѣла еще придавить свободное проявленіе общественныхъ силъ и общественной иниціативы. Иностранцы и русскіе наперерывъ забрасывали государя и его приближенныхъ различными проектами и записками, въ духѣ филантропіи и мистицизма. Такъ, въ 1817 году пріѣхалъ въ Россію молодой англичанинъ Вальтеръ Веннингъ, большой энтузіастъ и филантропъ; въ сопровожденіи «одного друга человѣчества барона Фитингофа и доброжелательнаго Поля» [1] (подлинное выраженіе Вальтера Веннинга) онъ осмотрѣлъ петербургскія тюрьмы и, чрезъ того же князя А. Н. Голицына, представилъ государю проектъ попечительнаго о тюрьмахъ общества и объяснительную записку къ нему. (См. дѣло архива, 1818 г., № 975). Въ 1819 г. квакеры Вильямсъ Алленъ и Стефанъ Грелье, по высочайшему соизволенію, осматривали въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Твери различныя благотворительныя учрежденія и тюрьмы и представили при этомъ свои замѣчанія относительно предметовъ «требующихъ исправленія». Въ этомъ же году графъ Андрей Дашковъ, познакомившійся съ тюремными учрежденіями за границею и бывшій, вѣроятно, подобно многимъ русскимъ того времени, подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей и учрежденій, представилъ при объяснительной запискѣ свой проектъ улучшенія тюремной части въ Россіи, который, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени будетъ напечатанъ. Въ дѣлѣ архива подъ заглавіемъ «Разныя представленія гг. членовъ попечительнаго комитета», кромѣ записки Андрея Дашкова, находится еще нѣсколько писемъ и записокъ, имѣвшихъ связь съ тогдашнимъ движеніемъ въ пользу улучшенія участи заключенныхъ въ Россіи; такъ, въ этомъ дѣлѣ помѣщены: 1) письмо къ Борису Ивановичу Фитингофу отъ 15-го февраля 1821 года съ приложеніемъ записки генеральнаго консула нашего въ Филадельфіи Иванова «о тюремной системѣ въ семъ краѣ»; 2) письмо графа Залусскаго изъ Берна къ князю Голицыну съ приложеніемъ, по просьбѣ автора, книги Кунингама «Примѣчанія о темницахъ»; 3) особая объяснительная записка на французскомъ языкѣ какого-то неизвѣстнаго автора (фамилію коего нельзя было разобрать) при письмѣ къ князю Голицыну отъ 20-го марта 1821 года; 4) наконецъ, учредитель въ Парижѣ заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ аббатъ Арну, «по поводу россійскаго тайнаго совѣтника барона Фитингофа, посѣщавшаго оное заведеніе и изъявившаго желаніе основать подобное же въ Россіи», написалъ государю

---

[1] Г. фонъ-Поль, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго общества; въ послѣдствіи онъ былъ преданъ суду по поводу его дѣятельности въ этомъ обществѣ, а при графѣ Блудовѣ былъ директоромъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ. (См. А. Н. Пыпинъ, Библейское общество. «Вѣстникъ Европы» 1868 г. ноябрь, стр. 265). Д. Т.

письмо съ приложеніемъ рѣчи своей, сказанной «въ присутствіи министровъ и другихъ знатныхъ особъ». Въ этой рѣчи, впрочемъ, говорится больше объ ужасахъ революціи, нежели объ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Письмо Арну тоже приложено къ дѣлу.

Записка Андрея Дашкова имѣетъ связь съ филантропическимъ направленіемъ того времени; государь лично былъ заинтересованъ дѣломъ улучшенія участи заключенныхъ и этимъ объясняется та горячая и оживленная дѣятельность по тюремному вопросу, которая характеризуетъ послѣдніе годы царствованія Александра I, съ 1817 года.

Возникновеніе у насъ попечительнаго о тюрьмахъ общества подъ вліяніемъ квакеровъ и по иниціативѣ иностранца-филантропа, отношеніе и участіе къ этому дѣлу императора, затѣмъ обстоятельства, сопровождавшія первое время существованія этого общества—фактъ не лишенный интереса для характеристики общественнаго движенія при Александрѣ I. Попечительное о тюрьмахъ общество, какъ по обстоятельствамъ своего возникновенія, такъ и по личному составу [1]) и основной идеѣ, имѣетъ много общаго съ Библейскимъ обществомъ, Императорскимъ Человѣколюбивымъ обществомъ и ланкастерскими школами; между тѣмъ, наши историки, касаясь общественнаго движенія при Александрѣ I, обыкновенно проходятъ молчаніемъ этотъ историческій фактъ, имѣющій непосредственную связь съ филантропическимъ и мистическимъ направленіемъ временъ Александра I.

Кіевъ. Сообщ. съ примѣч. **Д. Г. Тальбергъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ числѣ членовъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, въ моментъ его возникновенія, были, кромѣ президента Библейскаго общества князя А. Н. Голицына (онъ же президентъ вновь открывшагося общества), были: митрополитъ Михаилъ, архіепископъ Филаретъ и графъ К. А. Ливенъ (оба вице-президенты Библейскаго общества и Императорскаго Человѣколюбиваго общества); пасторы Патерсонъ и Пинкертонъ—агенты Британскаго библейскаго общества, стараніемъ коихъ открыты библейскія общества въ Россіи; Джонъ Веннингъ—членъ Библейскаго общества и одинъ изъ учредителей ланкастерскихъ школъ у насъ; В. М. Поповъ и П. П. Поміонъ-Пезаровіусъ—оба секретари Библейскаго общества; баронъ Б. И. Фитингофъ—братъ извѣстной Крюденеръ, директоръ Библейскаго общества и членъ Импер. Человѣк. общ.; М. Л. Магницкій—вице-президентъ Симбирскаго отдѣленія Библейскаго общества, и др. Д. Т.

Взятіе у старообрядцевъ Иргизскаго монастыря

въ 1836 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 года, въ XXIII-мъ томѣ помѣщены «Очерки, разсказы и воспоминанія» (глава V) стр. 631—704. Въ этихъ очеркахъ, между прочимъ, говорится о завладѣніи иргизскою раскольничьею обителью въ Саратовской губерніи, въ бытность губернаторомъ А. П. Степанова. Разсказъ этотъ не вполнѣ точенъ; я имѣю возможность востановить истину, потому что дѣло это мнѣ хорошо извѣстно: зимою, въ 1836 году, я былъ въ отпуску у отца моего, А. П. Степанова, и уѣхалъ, когда дѣло было кончено. Все, что я тогда узналъ, было мною записано.

Необходимо пояснить предшествовавшія обстоятельства. Когда А. П. Степановъ, по случаю новаго назначенія, являлся къ покойному императору Николаю Павловичу, государь указалъ ему на обиліе раскольниковъ въ Саратовской губерніи и въ особенности на гнѣздо ихъ, въ иргизскихъ скитахъ. Отецъ мой рѣзко отвѣчалъ:

— Ваше величество, я ихъ приведу къ одному знаменателю.

Государь улыбнулся и сказалъ: «Безъ сильныхъ мѣръ. Надо дѣйствовать осторожно и не раздражать».

Въ министерствѣ даны были А. П. Степанову наставленія, преимущественно касающіяся раскольниковъ: указано на иргизскіе скиты, какъ на священное мѣсто, родъ Мекки, всѣхъ приволжскихъ раскольниковъ; какъ на притонъ, гдѣ обитали самые закоренѣлые фанатики, куда укрывались бѣглые изъ сибирскихъ ссыльныхъ; бѣглые преступники и опасные сектаторы, такъ называемые бѣгунцы. Предложено употребить разумныя, не насильственныя, но мягкія мѣры для подготовленія скитовъ къ передачѣ православной или единовѣрческой церквамъ.

Прибывъ на мѣсто и вникнувъ въ управленіе, А. П. Степановъ нашелъ, что распоряженія исполняются крайне медленно и неудовлетворительно, вслѣдствіе того, что обширному, въ то время, пространству губерніи не соотвѣтствовало малое количество уѣздныхъ пунктовъ управленія. Онъ испросилъ разрѣшеніе образовать три новые уѣзда и устроилъ Новоузенскій, Бугурусланскій и Николаевскій въ тогдашней заволжской части Саратовской губерніи. Въ городъ Николаевскъ переименовано большое село, въ очень близкомъ разстояніи отъ иргизскихъ скитовъ. Въ разсказѣ Э. И. Стогова ошибочно сказано, что возмущеніе раскольниковъ произошло вслѣд-

ствіе приказанія образовать г. Николаевскъ на мѣстѣ раскольничьяго монастыря.

Въ исходѣ 1836 года явился къ А. П. Степанову богатый, вліятельный въ южномъ приволжьѣ негоціантъ, старовѣръ С. и объявилъ, по секрету, что на дняхъ получится изъ Петербурга запросъ о томъ: подготовленъ-ли Иргизскій монастырь къ передачѣ единовѣрческой церкви. Потомъ С. всею силою своего краснорѣчія доказывалъ несостоятельность этой мѣры, которая нисколько не приведетъ къ цѣли, предполагаемой правительствомъ; расколъ не уменьшится, а, напротивъ, ожесточится и преисполнится ненависти, которой по сіе время не было. Много говорилъ онъ, и въ заключеніе употребилъ всѣ имѣющіяся у него убѣжденія для того, чтобъ склонить губернатора къ отвѣту, что иргизскіе скиты еще не готовы. «Тогда,—добавилъ онъ,—дѣло затянется и все будетъ по прежнему тихо и спокойно».

С. ушелъ отъ губернатора въ твердой увѣренности, что никакого рода убѣжденія не поколеблятъ его въ честномъ исполненіи его обязанностей.

Чрезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, изъ министерства полученъ запросъ, о которомъ говорилъ С., и А. П. Степановъ отвѣтилъ, что у него все готово. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ единовѣрческій архимандритъ Зосима, назначенный для принятія въ свое вѣденіе Иргизскаго монастыря. Губернаторъ немедленно отправилъ его на Иргизъ съ чиновниками, которые должны были ввести его въ монастырь. Но дѣло приняло другой оборотъ. Когда архимандритъ и чиновники прибыли къ монастырю, то нашли ворота запертыми и въ нихъ никого не впускали. На другой день, столпилось кругомъ монастыря нѣсколько тысячъ человѣкъ; по скитамъ били въ набатъ; со всѣхъ сторонъ народъ валилъ къ монастырю; съ каждымъ днемъ толпа увеличивалась. Дали знать губернатору, онъ поскакалъ туда и остановился въ Николаевскѣ; ко входу въ его квартиру поставленъ часовой отъ конно-артиллерійскаго резерва, въ тѣхъ мѣстахъ квартировавшаго. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ настоятеля старовѣрческаго монастыря; онъ явился (не подъ конвоемъ жандармовъ, а съ чиновникомъ, за нимъ посланнымъ); губернаторъ уговаривалъ его покориться приказанію; но всѣ увѣщанія остались тщетными и онъ отправленъ обратно въ монастырь. Привели къ монастырю николаевскую гарнизонную команду; приказано толпѣ разойтиться, съ угрозою, что разгонятъ силою. Въ отвѣтъ на это раскольники сцѣпились, переплелись тѣсно руками, облегли огромною цѣпью монастырь и поклялись, что, пока живы, монастыря не отдадутъ. Раста-

щить ихъ не было возможности; казаки пытались разогнать ихъ нагайками, но терпѣливо переносили они удары и оставались въ прежнемъ положеніи. Тогда губернаторъ приказалъ привезти два конно-артиллерійскихъ орудія и между ними поставить двѣ пожарныя трубы. Съ начатіемъ пальбы холостыми зарядами, стали качать трубы; морозъ былъ сильный, вода, превращаясь въ крупный градъ, осыпала раскольниковъ; тѣ, перепуганные пальбою и падающимъ кругомъ ихъ чѣмъ-то, что, вѣроятно, приняли за картечь,—разорвались и побѣжали; казаки отогнали ихъ далеко въ степь. Ворота монастыря отворились, единовѣрческій архимандритъ съ клиромъ торжественно введенъ въ свое владѣніе, а старцы, населявшіе монастырь, были разосланы по прочимъ скитамъ. Такимъ образомъ, хотя не безъ труда, но безъ кровопролитія, дѣло было исполнено.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о возмущеніи раскольниковъ, саратовскій жандармскій штабъ-офицеръ донесъ въ Петербургъ о бунтѣ. Тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе объ отрѣшеніи губернатора отъ должности; но, вслѣдъ затѣмъ, по полученіи офиціальнаго и подробнаго донесенія о передачѣ монастыря, А. П. Степановъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и назначенъ членомъ статистическаго комитета, съ сохраненіемъ всего содержанія,—о чемъ и значится въ его послужномъ спискѣ.

Примѣчаніе. Единовѣрческій архимандритъ благословилъ А. П. Степанова иконою со слѣдующею надписью: «Его превосходительству г-ну саратовскому губернатору Александру Петровичу Степанову на благословеніе отъ единовѣрческой Николаевской обители за благоразумное исполненіе высочайшаго повелѣнія касательно преобразованія оной изъ раскольничьяго Средне-никольскаго монастыря. Марта 14-го дня 1837 года. Настоятель архимандритъ Зосима».

П. А. Степановъ.

РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

I.

Батюшка мой былъ священникомъ въ страшно бѣдномъ приходѣ. Насъ, дѣтей, у него было четверо: сестра, я и двое маленькихъ братьевъ. Матушка выучила меня читать, а батюшка—писать, немного ариѳметикѣ, русской и латинской грамматикамъ и читать по французски. Постоянно я читалъ и пѣлъ на клиросѣ и нерѣдко, въ большіе праздники, читалъ апостолъ, выучивши его заранѣе. Когда же мнѣ минуло восемь лѣтъ, батюшка собрался везти меня въ Саратовъ, въ училище. Часто матушка съ сокрушеніемъ смотрѣла на

меня передъ отъѣздомъ и втихомолку проливала горькія слезы. Да и было надъ чѣмъ. Много, бывало, проходило семинаристовъ на каникулы черезъ наше село; всѣхъ, бывало, матушка позоветъ къ себѣ, всѣхъ накормитъ и напоитъ; но тѣ, бывало, только о томъ и разсказываютъ намъ, какъ ихъ порятъ тамъ. Горькими слезами обливалась матушка, слушая разсказы и глядя на насъ.

Въ концѣ августа 1835 года батюшка собрался везти меня. Въ день отъѣзда къ нашему дому собралось почти все село: и ребятишки-товарищи, и дѣвчонки, и бабы, и старухи... Матушка плакала неутѣшно, я плакалъ навзрыдъ, бабы и старухи обнимали меня, цѣловали и голосили на все село. Прошло болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, но эта, раздирающая душу, картина жива въ моей памяти! Среди общаго стона и плача, матушка вспомнила, что я не простился съ одною старушкой, у которой въ домѣ пеклись пряники, и которая любила лакомить меня ими, но которая была теперь больна и не могла проводить меня. Я побѣжалъ къ ней, и самъ не помню, какъ упалъ безъ чувствъ на завалинѣ ея дома. Но надобно же было, наконецъ, ѣхать, лошадка давно уже была запряжена. Меня взяли, усадили въ телѣжку, и батюшка поѣхалъ. Весь народъ пошелъ за нами и шелъ далеко за село. Матушка встала на бугорокъ и смотрѣла на насъ, пока мы совсѣмъ уѣхали изъ виду. Въ Саратовѣ мы остановились на постояломъ дворѣ. На другой день мы пошли къ ректору училища. Батюшка мой былъ человѣкъ необыкновенно добрый и кроткій. Ко всѣмъ начальствующимъ онъ имѣлъ благоговѣйный страхъ. Помню, какъ, бывало, пріѣдетъ для поборовъ какой нибудь приказный духовнаго правленія, и батюшка мой не знаетъ, какъ и угостить его. А тотъ важничаетъ, ломается, кричитъ и распоряжается въ домѣ, какъ полный хозяинъ. Теперь же предстояло идти къ самому ректору (смотрителя училищъ тогда назывались ректорами). Я давно наслушался всякихъ страховъ и представлялъ ректора какимъ-то богомъ. Я шелъ не помня себя. Какъ только вышелъ къ намъ ректоръ, я затрясся и залился горькими слезами. Ректоръ далъ мнѣ читать какую-то славянскую книгу; но я рыдалъ и читать не могъ. Сколько онъ ни ободрялъ меня, я плакалъ и не могъ выговорить ни слова. Батюшка далъ ему цѣлковый, а тотъ далъ записку, что я принятъ во второй классъ. Записку эту я долженъ былъ отдать въ классѣ учителю втораго класса. Послѣ, когда былъ уже священникомъ и благочиннымъ, и въ хорошемъ приходѣ, я коротко былъ знакомъ съ своимъ бывшимъ ректоромъ. Это былъ магистръ академіи и предобрѣйшій старичокъ, о. архимандритъ Гавріилъ. Послѣ ректора училища онъ былъ профессоромъ и ректо-

ромъ семинаріи. Отъ ректора мы пошли съ батюшкой искать по городу квартиру. Около одного дома мы увидѣли много игравшихъ ребятъ, босыхъ, безъ шапокъ и въ одномъ грязномъ бѣльѣ. Батюшка спросилъ, и узналъ, что это семинаристы, и квартиранты этого дома. Батюшка пошелъ въ домъ, хозяинъ-сапожникъ согласился принять и меня. Что̀ это была за квартира,—этого я тогда не понималъ; но батюшка не имѣлъ средствъ нанять мнѣ лучшую квартиру и имѣлъ въ виду, что на артели мнѣ не будетъ скучно. Въ двухъ небольшихъ и низенькихъ комнатахъ насъ было человѣкъ пятнадцать. Неурядица, гамъ, возня и грязь были страшныя. Въ домѣ у моего батюшки было хоть и бѣдно, но чрезвычайно чисто. Здѣсь же меня заѣли насѣкомыя, чрезъ мѣсяцъ я совсѣмъ опаршивѣлъ, и къ Рождеству захворалъ. Большихъ, какъ мы называли тогда учениковъ семинаріи, съ нами не было. Мы были все мелочь — училищные, а потому и порядка не было ни малѣйшаго: всякій дѣлалъ, что хотѣлъ.

Въ Саратовѣ было два духовныхъ училища; одно старое, гдѣ обучались одни только квартирные, т. е. отцовскія дѣти, и другое—при которомъ была бурса. Въ бурсу помѣщались только сироты. Я поступилъ въ старое училище. Это было старое зданіе, въ полномъ смыслѣ этого слова: довольно большое каменное зданіе, безъ дверей, оконныхъ стеколъ и печей. Много мы горя приняли въ такихъ классахъ зимою! Какъ только я вошелъ во дворъ училища, ко мнѣ подошелъ, проходившій мимо, одинъ изъ учителей; онъ ласково потрепалъ меня за щеку и спросилъ въ какой классъ поступилъ я. Я сказалъ, что во второй. «Жаль,—говоритъ,—что не ко мнѣ, а ужъ какъ бы я сталъ сѣчь тебя!» Это былъ мнѣ первый привѣтъ. Нѣсколько сотъ учениковъ толпилось на дворѣ. Новички жались по угламъ, а синтаксисты—ученики старшаго класса, т. е. четвертаго, великаны и всѣ уже брившіе себѣ бороды, важно расхаживали по двору и, въ забаву, поддавали подзатыльники и пинки нашему брату, мелюзгѣ. Нѣкоторые изъ новичковъ, прижавшись къ стѣнкѣ, съ клочкомъ бумажки въ рукахъ, заучивали свою фамилію. У насъ, духовныхъ, какъ извѣстно уже всѣмъ, фамиліи есть забавныя. Откуда онѣ взялись? Это было такъ: привозитъ какой нибудь отецъ своего мальца въ училище, ставитъ на квартиру, непремѣнно въ артель. Въ артельной квартирѣ непремѣнно уже господствуетъ какой нибудь великанъ-синтаксистъ, лѣтъ 10 трудящійся надъ латинскими и греческими спряженіями. Иногда такихъ господъ собиралось и по нѣскольку на одной квартирѣ. Отецъ обращается къ какому нибудь и спрашиваетъ: какую-бы, милостивый государь, дать фамилію моему парнишкѣ? Тотъ, въ это время, долбилъ: типто, типтисъ, типти....

— Какую фамилію дать?!... Типтовъ! Другой, такой же атлетъ, сидитъ, въ это время, гдѣ нибудь верхомъ на конькѣ сѣновала или погребицы, и долбитъ: diligenter—прилежно, male—худо... Слышитъ, о чемъ спрашиваютъ, и оретъ: Нѣтъ, нѣтъ! Дай своему сыну прозванье Дилигентеровъ, слышишь: Дилигентеровъ! Третій, такой же скотина, сидитъ верхомъ на заборѣ и оретъ урокъ изъ географіи: Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ, Гага.... «Нѣтъ, нѣтъ,—перебиваетъ,— Дай прозвище сыну Амстердамовъ!» Сбѣгаются всѣ, дѣлается совѣтъ, т. е. крикъ, ругань и иногда и съ зуботрещинами, и чья возьметъ, того фамилія и останется. Дикій малецъ не можетъ и выговорить-то, какъ его окрестили эти урванцы. Ему пишутъ на бумажку и онъ ходитъ и заучиваетъ иногда, право, чуть ни мѣсяцъ. Съ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, было, что спроситъ кого нибудь учитель, и человѣкъ десять бросятся въ карманы за запиской, чтобы справиться, не его ли вызываютъ? Вотъ причина, почему у насъ, духовныхъ, образовались фамиліи Превышеколокольниходящинскихъ! Я не разъ бывалъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Я былъ уже въ послѣднемъ классѣ семинаріи, въ 1847 году, когда послѣдовало распоряженіе св. синода, чтобы дѣти носили фамилію своихъ отцовъ. Но, за то, Превышеколокольниходящинскіе закрѣпились на вѣкъ.

Послѣ молебна насъ послали по классамъ. При входѣ въ классъ насъ стали объѣзжать. Объѣзжать значитъ, что какъ только новичокъ входитъ въ классъ, то старый, сидѣвшій въ этомъ классѣ уже нѣсколько лѣтъ, взваливается тебѣ на плечи и велитъ везти его. Ты, бывало, упадешь, а онъ сидитъ на тебѣ и лупитъ кулачищами во что попало. Такихъ маленькихъ, какимъ былъ я, было не много. Къ моему счастію, одинъ великанъ, лѣтъ восемнадцати, Маяцкій, сжалился надо мною и принялъ меня подъ свое покровительство. Послѣ этого, дѣйствительно, меня никто не тронулъ и пальцемъ. Только, бывало, кто тронетъ меня, я къ Маяцкому; тотъ хватитъ по зубамъ, и я прижмусь къ моему защитнику, какъ собачонка.

Чрезъ недѣлю къ намъ пришелъ на квартиру инспекторъ. Это былъ мужчина высокій, плечистый, здоровенный, лѣтъ тридцати, Г. Н. Архангельскій. Это былъ звѣрь, а не человѣкъ! Не было дня, чтобы онъ не перепоролъ въ училищѣ десятка самымъ варварскимъ образомъ. Приходитъ къ намъ и спрашиваетъ: читаемъ ли мы, по канонику, вечернія и утреннія молитвы? Мы, конечно, не читали. Но тутъ мать хозяина, старушка, выручила насъ: «я, батюшка, говоритъ, читаю имъ и утреннія и вечернія молитвы».—А гдѣ канонникъ? Она подала и сказала: «вотъ это утреннія, а вотъ это вечернія молитвословія». Инспекторъ остался доволенъ. «Покажите ваши

сундуки!» Переворочалъ, пересмотрѣлъ въ нихъ — все исправно; но, на бѣду, у одного нашелъ сырыя арбузныя сѣмячки. — «Это что?!.. Чей сундукъ? Ахъ, ты!.. Ты гноить отцовское добро — рубашки, сундукъ?!» И бацъ его со всего розмаха! Мальчикъ ударился о печь, упалъ на полъ и изъ носу и рта полила кровь.... Мальчикъ былъ такой же ребенокъ, какъ я. «Но погоди! Въ училищѣ я задамъ тебѣ не такъ!»—Ушелъ. Несчастный ребенокъ, не помню сколько, но долго прохворалъ послѣ этого варварскаго удара . . . .

. . . .

. . . .

II.

Переверну нѣсколько десятковъ страницъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, скажу два—три слова о преосвященномъ, бывшемъ саратовскомъ и потомъ астраханскомъ, Аѳанасіѣ.

Преосвященный Аѳанасій въ Саратовъ явился грозою, хотя изъ этой грозы ровно ничего не вышло. Шуму и треску было вдоволь, но этотъ трескъ былъ безъ содержанія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Саратовъ, нѣкоторые учителя семинаріи были уволены (Сокольскій, Синайскій и др.), но замѣнены много худшими. Вмѣсто всѣми любимаго и дѣйствительно лучшаго профессора И. Г. Терсинскаго, поступилъ на каѳедру богословскихъ наукъ его, Аѳанасія, племянникъ, Дружининъ (нынѣ тоже умершій); но это былъ человѣкъ, цѣлыя ночи просиживавшій за картами и являвшійся въ классъ изнуреннымъ, соннымъ и нимало не подготовленнымъ къ классу, а потому и предметъ этотъ шелъ ниже всякой посредственности.

Въ просительской комнатѣ преосв. Аѳанасій устроилъ, среди комнаты, нѣчто въ родѣ амвона съ тремя ступеньками. Всякій, желающій получить какое нибудь мѣсто—должность, долженъ былъ выходить впередъ просителей и становиться возлѣ амвона. Тотчасъ какъ только входилъ преосвященный въ просительскую, всѣ, какъ по командѣ, падали въ ноги. Преосвященный молча садился на кресло, противъ амвона. Проситель подходилъ къ преосвященному, кланялся въ ноги, подавалъ прошеніе, опять кланялся въ ноги и отходилъ къ сторонѣ. Желавшій, въ первый разъ, получить мѣсто, исключенный или кончившій курсъ семинаріи, подвергался испытанію. Для этого, по подачѣ прошенія, его ставили опять возлѣ амвона. Принявши отъ всѣхъ прошенія и не читавши ихъ, преосвященный обращался къ просителю мѣста и спрашивалъ его: какія обязанности пономаря? Испы-

туемый отвѣчалъ, что могъ. Если отвѣты были удовлетворительны, то преосвященный громко произносилъ: аксіосъ! Послѣ этого испытуемаго служки вводили на первую ступень. Преосвященный спрашивалъ: какія обязанности дьячка? Если опять отвѣты были удовлетворительны, то преосвященный опять громко произносилъ: аксіосъ! Испытуемаго вводили тогда на вторую ступень. Преосвященный спрашивалъ объ обязанностяхъ діакона и катехизисъ. Если отвѣты были неудовлетворительны, то преосвященный съ сердцемъ кричалъ: «дуракъ, дуракъ! Прочь!.. Вонъ!» И.... несчастный сползалъ опять на нижнюю ступень!.. «Ты не стоишь діаконскаго мѣста, дуракъ! Проси дьяческое»,—говорилъ ему преосвященный. И тотъ безмолвно выходилъ изъ пріемной. Еслижъ отвѣты были удовлетворительны, то, послѣ обычнаго аксіосъ, испытуемый входилъ на третью ступень. Здѣсь испытывался въ знаніи богословія, логики, психологіи, патристики и пр., и пр. Получившій здѣсь аксіосъ входилъ на амвонъ и получалъ отъ преосвященнаго троекратное аксіосъ. Послѣ этого, пробраннаго и пропеченнаго такимъ образомъ запирали въ пустую комнату (во второмъ этажѣ), давали ему бумаги, чернилъ и листъ съ темою на проповѣдь. Ключъ отъ комнаты былъ у преосвященнаго. Запертый долженъ былъ, безъ всякой посторонней помощи, написать проповѣдь и представиться съ нею къ преосвященному. Здѣсь уже было окончательное рѣшеніе на полученіе мѣста. Но о проповѣдяхъ у насъ никто и не думалъ,—ихъ никто не боялся. Для этого всякій запасался рублевкой и длинною ниткой. Рублевки заранѣе давались лакею, который позволялъ отворить окно или фортку и спустить на ниткѣ лоскутокъ бумаги съ темою на проповѣдь. Внизу, около окна, уже ждали товарищи. Принявши лоскутокъ съ темой на проповѣдь, они бѣжали на квартиры и тамъ или подыскивали готовую проповѣдь, или писали новую, и, опять тѣмъ же путемъ, доставляли заключенному. Тотъ переписывалъ, черновую преспокойно пряталъ за голенищу и стучалъ въ дверь, давая тѣмъ знать, что проповѣдь готова. Преосвященный принималъ заключеннаго и читалъ его проповѣдь. Достоинствомъ проповѣди считалось и то, если она была скоро написана. Недурная проповѣдь и скоро написанная располагала преосвященнаго къ перемѣнѣ съ плохаго мѣста просителю на лучшее. Проповѣдь непремѣнно выходила недурною, если списывалась съ готовой. Лучшіе ученики семинаріи проповѣди писали сами. Средніе ученики классными уроками почти не занимались. Они постоянно списывали другъ у друга проповѣди. У нихъ имѣлись лучшія проповѣди всѣхъ предшествовавшихъ курсовъ. Нѣкоторые ученики имѣли ихъ сотни. Скажетъ проповѣдь наставникъ семинаріи, скажетъ

лучшій изъ учениковъ,—проповѣди ихъ на-расхватъ списываются всѣми. Эти-то проповѣди и выручали при Аѳанасіѣ заключенныхъ. Но всѣ эти амвоны, экзамены, аксіосы и пр. ни къ чему ровно не служили. Мы были на послѣднемъ курсѣ, когда продѣлывались всѣ эти штуки. Видѣли, что ожидаетъ насъ, но усердія къ дѣлу нимало отъ этого не прибавилось. И самъ преосвященный Аѳанасій, вѣроятно, увидѣлъ пустоту такой комедіи,—чрезъ годъ онъ бросилъ все и не сталъ дѣлать даже самыхъ поверхностныхъ экзаменовъ . . . .
. . . .

III.

Еще переверну нѣсколько страницъ моихъ тетрадей; вотъ двѣ-три черты изъ быта того времени, когда я начиналъ свое служеніе.

Въ то время, государственными крестьянами управляли еще палаты государственныхъ имуществъ; въ сельскія школы были выдаваемы книги, для внесенія въ нихъ замѣтокъ, о состояніи школъ, ревизующими. Начальствовавшихъ, а слѣдовательно, и имѣвшихъ обязанность ревизовать школы, было не меньше нынѣшняго. Обязанность эта лежала, между прочимъ, и на волостномъ головѣ и на мѣстномъ благочинномъ. Однажды я, бывши въ с. Широкомъ Буеракѣ, Саратовскаго уѣзда, какъ благочинный, тоже зашелъ въ школу. Въ числѣ отмѣтокъ ревизоровъ я нашелъ такую: «учениковъ въ школѣ на лицѣ всево на всево 20 читаютъ хорошо пишутъ хорошо арефметеку знаютъ хорошо граматеку знаютъ хорошо. За безграмотностью волостной голова прилагаетъ печать». Это было въ 1850-хъ годахъ.

Мѣсяца черезъ четыре по поступленіи моемъ во священники въ с. Е., Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ., въ селеніи моемъ была ярмарка. Въ разгаръ ярмарки приходитъ ко мнѣ познакомиться становой приставъ, нѣкто Долговъ, съ лакеишкомъ своимъ Васькой. Становой—человѣкъ огромнаго росту, здоровенный мужчина, съ краснымъ, пухлымъ рыломъ и хриплымъ горломъ. Васька его, мальчишка лѣтъ 12-ти—настоящій бѣсенокъ. Человѣкъ 10 десятскихъ, провожавшихъ становаго, остались у воротъ. Отрекомендовавшись и посидѣвши минуты двѣ-три, становой говоритъ: «пойдемте, батюшка, посмотримъ ярмарку». Пошли. Васька и десятскіе пошли за нами. Мордва, изъ Пензенской губерніи, привозила тогда множество щепнаго товару. Намъ пришлось идти сперва по щепнымъ рядамъ. Я, какъ новичокъ въ жизни, не имѣвшій ни о чемъ понятія, шель-

себѣ, не замѣчая ничего; но, за то, становой мой, какъ знатокъ, съ разу видѣлъ все. Онъ, на ходу, почти не глядя, указывалъ мнѣ палкой: «это корыто хорошо; а это, мордвище, вытесалъ кривое, на жену глядя. Эти колеса недурны; а это, фу, гадость! Только воду возить. Эта дуга недурно согнута; а эти даже очень будутъ недурны, если покрасить. Въ этой во всей кучѣ, нѣтъ двухъ порядочныхъ!» И такимъ образомъ онъ оцѣнилъ телѣги, колеса, оси, сита, рѣшета и пр., и пр., не покупая, однакожъ, ничего. Приходимъ въ рядъ, гдѣ продавались пряники и орѣхи. Та же исторія: одно похвалитъ, другое обзоветъ недобрымъ словомъ. Подходимъ къ краснорядцамъ. Въ то время была мода на шелковые носовые платки. Въ первой лавкѣ становой спрашиваетъ: «носовые платки есть?» Купецъ: а.... есть.... но... ваше благородіе...— «Нѣтъ, мнѣ не нужно. Я хотѣлъ-было купить съ полдюжины, но... послѣ, какъ нибудь въ городѣ!» Въ слѣдующей лавкѣ спросилъ: «полотно на сорочки есть?» И этотъ купецъ замялся. Въ слѣдующей еще что-то спросилъ. Мы, не останавливаясь, легонько шли, а становой говорилъ—не то мнѣ, не то купцамъ, самымъ хладнокровнымъ манеромъ. Такъ прошли мы всю ярмарку. Въ толкотнѣ попадаются два пьяные мужика и одинъ другому хвалится: вотъ тутъ у меня 100 р.! Становой мой какъ заоретъ: «взять его! Закатить ему 50! Не хвались на базарѣ, у тебя ихъ украдутъ!» Десятскіе подхватили и увели. «Теперь,—говоритъ мнѣ становой,—пойдемте ко мнѣ отдохнуть». Входимъ на дворъ, а на дворѣ переполнено: телѣгъ, колесъ, дугъ, корытъ, рѣшетъ и пр., и пр. Становой самодовольно ухмыльнулся. Въ избѣ, на большомъ крестьянскомъ столѣ, огромная куча пряниковъ, орѣховъ, конфектовъ разныхъ сортовъ, и тутъ же шелковые носовые платки, полотно, салфетки, словомъ— столъ и передній уголъ завалены всякою всячиной...

— «Садитесь, батюшка, кушайте что на васъ взглянетъ! Э, постой! Десятскій!»—Тотъ подбѣжалъ. Становой оторвалъ отъ цѣлаго куска одну салфетку, наклалъ полную орѣховъ, конфектовъ и пр. — «На, десятскій, неси матушкѣ. Матушка-то одна теперь скучаетъ. Скажи, что намъ съ батюшкой еще осталось».

Откуда все это? Оказалось, что становой палкой указывалъ не мнѣ, а Васькѣ. Васька все хваленое хваталъ и отдавалъ десятскимъ, а тѣ тащили къ становому въ квартиру.

— Куда вамъ всѣ телѣги, дуги и проч.?—спрашивалъ я.

— Э! Мужики же все раскупятъ.

Не успѣли мы сѣсть, какъ входятъ двѣ торговки: ваше благородіе! Вашъ Василій взялъ у насъ два фунта яичнаго мыла. Помилуйте, ваше благородіе, вѣдь оно по шести гривенъ за фунтъ!

— Васька! Какъ ты смѣлъ!

— Помилуйте, ваше благородіе, онѣ врутъ, я не бралъ. Я и безъ мыла юркій.

— Не бралъ! Ну, такъ въ шею ихъ!

И Васька тотчасъ вытолкалъ ихъ въ шею.

Въ концѣ ярмарки становой опять приходитъ ко мнѣ.

— Ну, что, батюшка, хорошенькаго купили на ярмаркѣ?

— Ничего. Хотѣлъ-было купить лошадь, да побоялся, чтобъ не обманули.

— Эхъ, ты, молодятина! Чтожъ ты мнѣ-то не сказалъ? Я купилъ бы безъ обману. Пойдемъ. Въ какую цѣну?

Въ конномъ ряду барышникъ купилъ жеребца и верхомъ, для пробы, пустился на немъ во всю мочь въ степь. Становой мой увидѣлъ, затопалъ, поднялъ руки и заоралъ во все горло: «стой, стой, держи его! За прыткую ѣзду взять его въ жигулевку!» Но барышникъ ускакалъ изъ виду и не слышалъ его.

— Сколько онъ далъ за жеребца?

— 105 рублей.

Становой толкнулъ меня въ бокъ и шепчетъ: «Бери! коль барышникъ далъ 105, такъ ужъ вѣрно стоитъ 150 рублей».

— Да развѣ можно отбивать! онъ нынѣ же ночью украдетъ его.

— Не украдетъ. А украдетъ, такъ мы найдемъ.

— Нѣтъ, ну его: не возьму.

Барышникъ вернулся. Какъ только завидѣлъ его становой мой, опять заоралъ: «взять его въ жигулевку, а лошадь въ конюшню!» Но барышникъ соскочилъ и ухватился за узду. «Нѣтъ ужъ,—говоритъ,—лошади не отдамъ, веди меня съ лошадью, куда хочешь».—И десятскіе уволокли его вмѣстѣ съ лошадью. Что было потомъ съ нимъ, не знаю; но становой былъ очень недоволенъ мной, что я не взялъ лошади.

Сельскій священникъ.

Архимандриты на чредѣ священнослуженія въ столицѣ.

Каждый годъ и прежде вызывались и нынѣ вызываются изъ епархій два архимандрита на чреду священнослуженія въ С.-Петербургъ. Видимая цѣль этихъ вызывовъ та, чтобы вызваннымъ отцамъ архимандритамъ служить при совершеніи литургій съ с.-петербургскимъ митрополитомъ и его викаріями въ дни воскресные, праздничные и высокоторжественные; служить всенощныя и обѣдни, и отдѣльно отъ нихъ, въ праздники менѣе важные, тамъ, гдѣ укажутъ;

сказывать проповѣди въ Александровской-ли лаврѣ, въ каѳедральномъ-ли с.-петербургскомъ соборѣ, или гдѣ-либо индѣ, гдѣ только велятъ; присутствовать, вмѣсто приглашаемыхъ архіереевъ, на экзаменахъ по закону Божію въ разныхъ свѣтскихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и пр., и пр. А настоящая, существенная цѣль тѣхъ вызововъ состояла и состоитъ въ томъ, чтобы посмотрѣть тѣмъ, на комъ долгъ лежитъ, на отцовъ архимандритовъ—каковы они, способны-ли, годны-ли, достойны-ли они быть возведены на высшую степень служенія церкви, быть рукоположены въ санъ архіерейскій: прежде, кого вызывали на чреду (священнослуженія), о томъ обыкновенно всѣ уже и говорили: скоро будетъ архіереемъ; или: значитъ, его хотятъ сдѣлать архіереемъ; да и сами вызываемые на чреду почти всѣ смотрѣли на свой вызовъ именно съ этой точки зрѣнія, такъ что иные изъ нихъ, отъѣзжая изъ мѣста своего жительства, распродавались, забирали все свое лучшее имѣніе съ собой, съ сослуживцами, подчиненными и знакомыми прощались навсегда. Да оно часто такъ и бывало: достойные архимандриты болѣе уже и не возвращались къ мѣстамъ прежней своей службы; въ Петербургѣ же, во время самой чреды служенія (разумѣется, въ случаѣ праздныхъ архіерейскихъ вакансій), они и были посвящаемы въ епископы, или если и возвращались на прежнія мѣста, то не надолго: вскорѣ снова бывали вызываемы, но уже не для чреды священнослуженія, а для хиротоніи на высшую степень церковной іерархіи. Такъ какъ, до послѣдняго преобразованія семинарій и духовныхъ академій, ректорами этихъ духовно-учебныхъ заведеній служили исключительно монашествующіе—архимандриты, и такъ какъ эти именно лица, между прочимъ, по своему образованію, бывали преимущественно предъ другими архимандритами наиболѣе способными къ прохожденію архипастырскихъ обязанностей, то ихъ именно, т. е. ректоровъ семинарій, преимущественно предъ всѣми другими архимандритами, бывало, и вызывали на чреду священнослуженія.

Какъ жили отцы архимандриты въ Петербургѣ во время чреды священнослуженія, чѣмъ они тамъ занимались, чего они тогда чаяли себѣ, чего тогда опасались и какъ они оттуда отъѣзжали, если кому доводилось отъѣзжать, не получивши ожидаемаго, все это до наглядности видно изъ предлагаемаго здѣсь письма. Авторъ письма былъ архимандритъ І., ректоръ Е—й семинаріи, а другъ, къ которому письмо писано,—о. пр. Д. С. П-въ. Оба они въ концѣ 1820-хъ и началѣ 1830-хъ годовъ служили въ Т—ѣ, первый ректоромъ тамошней семинаріи, а второй экономомъ сей семинаріи и вмѣстѣ священникомъ каѳедральнаго собора и членомъ духовной консисторіи. Частая

встрѣча при архіерейскихъ служеніяхъ, въ консисторіи, а и того болѣе—въ семинаріи, сходство и живость характеровъ (у обоихъ довольно живые и веселые), одинаковость способностей и бо́льшая сравнительно съ другими развитость—сблизили, сдружили архимандрита и священника до того, что они почти ежедневно видались другъ съ другомъ, хотя бы иногда обязанности службы и не требовали того, хотя бы иногда единственно для того, чтобы только перемолвить другъ съ другомъ нѣсколько словъ, въ особенности если съ которымъ нибудь изъ нихъ случалось что нибудь радостное или скорбное. Взаимная дружба ректора и священника не прекратилась и съ разлукой ихъ, когда послѣдній посланъ былъ протоіереемъ сначала въ городъ П., а потомъ въ городъ О., а первый перемѣщенъ (въ 1836 г.), ректоромъ же, изъ Т. въ Е—ю семинарію, а послѣ (въ 1846 г.) произведенъ въ е—го епископа, викарія П. Пріязнь, старая дружба поддерживалась между ними посредствомъ переписки до самой смерти одного изъ нихъ (напередъ, въ концѣ 1853 г.,—протоіерея).

Предлагаемое письмо архимандритомъ І. писано, какъ увидимъ ниже, въ октябрѣ 1844 года, послѣ пребыванія его, архимандрита, на чредѣ священнослуженія въ продолженіе всего 1843 г. и начала слѣдующаго года. Въ этомъ письмѣ, какъ увидимъ, по мѣстамъ проглядываетъ юморъ, шутливость: читающимъ да будетъ извѣстно, что оба друга отличались благородною и скромною шутливостью.

6-го октября 1844 г.

«Достопочтеннѣйшій и пречестнѣйшій от. протоіерей, любезнѣйшій мой Д. С—чъ! Взываетъ къ тебѣ другъ твой изъ-за 3,712 верстъ, почти съ того свѣта; но онъ еще живъ и живетъ на семъ бѣломъ свѣтѣ, въ Е—ѣ: это вѣдь—я—І . . . . Въ письмѣ своемъ въ Питеръ, отъ 31-го августа 1843 года, погрозилъ ты мнѣ писать чрезъ мѣсяцъ, а я, испугавшись такой грозы, помнится, просилъ тебя писать ко мнѣ тогда, когда я выѣду изъ Питера и буду гдѣ нибудь на землѣ, и самъ прежде напишу къ тебѣ, гдѣ я и что я [1]). Исполняю это: я ректоръ и профессоръ богословія Е—й семинаріи, Григорьевскаго Б. монастыря настоятель, магистръ богословія, кавалеръ ордена св. Анны 2-й ст. съ короною, старикъ 54 лѣтъ, я архимандритъ І., я хлѣбоѣдъ твой по Т . . . . , бью тебѣ челомъ до сырой земли, отецъ, и пишу, что

[1]) Это показываетъ, что от. І. надѣялся, по крайней мѣрѣ, мечталъ быть произведеннымъ въ архіереи въ томъ же году, или вскорѣ по окончаніи его, во время самой чреды, еще до выѣзда изъ Петербурга. А. С.

пришло въ старческую голову.—Вотъ ты меня и спросишь: 1) Когда-де ты, отецъ I., выѣхалъ изъ Питера?—Отвѣтъ: марта 22-го сего года, въ великую среду.—2) Почему же-де гораздо позже срока, не въ январѣ? Отв.: потому, что я не просился, а меня не высылали; да если бы захотѣлъ тамъ жить, такъ и нынѣ бы жилъ. 3) Почему-де ты не просился?—Отв.: боялся оскорбить начальство, полагая, что само оно отпускъ объявитъ; но не тутъ-то было. 4) А отъ чего-де ты не жилъ долѣе?—Отв.: отъ того, что срокъ чреды вышелъ, и жалованье чредное (500 руб. асс. въ годъ) прекратилось; да и въ квартиру или въ мои компаты (это въ Александро-Невской лаврѣ) помѣстили новаго череднаго архимандрита вмѣстѣ со мною, который мою залу и гостиную сдѣлалъ себѣ спальною, т. е. два архимандрита—я, I., да Софонія каменецъ-подольскій [1]) (какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ) легли боками къ одной дощаной переборкѣ, на подобіе ширмы, одну комнату раздѣляющей, а въ переднихъ двухъ комнатахъ—одна стала общею прихожею, а другая темною спальною его двухъ и моихъ двухъ-же келейниковъ: вотъ какъ жили мы и прислуга наша дней десять. 5) Почему-де не произвели тебя въ архіереи? Отв.: а куда? а) архіереи всѣ были живы; б) есть люди, прежде меня на чредѣ бывшіе; в) въ высшихъ мѣстахъ, т. е. академіяхъ и старшихъ семинаріяхъ служащіе; г) больше талантами и заслугами, напримѣръ, сочиненіями извѣстные; д) люди, важныя связи имѣющіе, рекомендаціями (хоть отъ постороннихъ лицъ) богатые; е) люди, мѣстъ архіерейскихъ ждущіе, жаждущіе, ловящіе.—6) А ты-де развѣ ворона?—Отв.: да, я, I.—голубь, достойный жребія пророка Іоны. (И взяша Іону, и ввергоша его въ море, и преста море отъ волненія своего—1, 15).—ж) Есть люди, сана святительскаго достойные. 7) А ты-де развѣ не достоинъ?—Отв.: какъ же! Мы друзей, кого любимъ, почитаемъ обыкновенно людьми достойнѣйшими; напримѣръ: еслибъ я да ты сидѣли въ синодѣ, то бы ты, конечно, меня провозгласилъ хоть о. архіепископомъ, а я бы тебя произвелъ въ придворнаго сакелларія съ митрою, и оба поставили бы въ Москвѣ патріархомъ блаженной памяти Петра Петровича [2]) и пр., и пр. Но полно мнѣ болтать, а тебѣ слушать. Скажика-де лучше: 8) когда ты пріѣхалъ въ Е.? Отв.: мая на 9-е ночью.—9) Что такъ долго ѣхалъ?—Отв.: я ѣхалъ въ самую распутицу, при разливѣ рѣкъ, ѣхалъ околицею—чрезъ Кіевъ, гостилъ у племянника Платона К. [3]), 10 дней въ Сергіевой лаврѣ, да въ

---

[1]) Это тотъ самый Софонія, который послѣ долго служилъ при нашихъ посольствахъ въ Константинополѣ и Римѣ и который, въ концѣ прошлаго года, померъ въ санѣ архіепископа туркестанскаго, въ городѣ Вѣрномъ.

[2]) Это бывшій т—ій купецъ (старичокъ А б р о с и м о в ъ), не богатый, но набожный, очень солидный и гостепріимный.

[3]) Это въ то время баккалавръ М. дух. академіи, а нынѣ довольно извѣстный въ М. протоіерей.

А. С.

Кіевѣ у другаго племянника Андрея, младшаго брата его [1]) 10 же дней, въ тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ у товарища по академіи архим. Сергія дней пять, и въ иныхъ мѣстахъ гостилъ или стоялъ по неволѣ. Такъ за то съ отъѣзда изъ Питера видѣлъ я и принялъ личное благословеніе, яко у вселенскихъ патріарховъ, у четырехъ всероссійскихъ митрополитовъ, именно: въ Петербургѣ: 1) у старца Божія митрополита (грузинскаго) Іоны, который есть членъ св. синода и живетъ на покоѣ въ Александровской лаврѣ; 2) у настоящаго первенствующаго члена св. синода митрополита Антонія; 3) въ Москвѣ у митрополита Филарета, и 4) у кіевскаго митрополита Филарета-же. Эти благословенія что нибудь да значать-же! вѣдь не всякій сподобится принять ихъ въ 48 дней пути моего! Ихъ благословеніе есть благословеніе Божіе! Притомъ, въ передній путь на чреду и обратный, и въ Питерѣ видѣлъ всего 22 архіерея и 35 архимандритовъ, съ которыми познакомился: развѣ это не пріобрѣтеніе?—10) Что-де ты дѣлалъ въ Питерѣ?—Отв.: сочинилъ 8 проповѣдей, изъ коихъ 4 и сказалъ; отслужилъ 109 литургій, 100 молебновъ и панихидъ въ 35-ти церквахъ; съѣлъ 53 званныхъ обѣда, въ томъ числѣ 10 у митрополита Антонія и одинъ во дворцѣ у государя . . . . вмѣстѣ съ митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ, бывшимъ въ Крещенье при дворцѣ на водосвятіи; сверхъ того, былъ на 28 богатыхъ закускахъ у разныхъ почтенныхъ лицъ.—Еще спросишь: 11) каково мнѣ было жить въ Петербургѣ?—Отв.: хорошо, какъ бы стоять въ ясный день на берегу при перевозѣ (чрезъ 14 мѣсяцевъ): я въ Питеръ прибылъ января 9-го 1843, а выбылъ марта 22-го 1844 года. Помѣщеніе имѣлъ порядочное, болѣзнями угнетаемъ не былъ, отъ начальствующихъ особъ видѣлъ къ себѣ расположеніе доброе; многіе расходы на содержаніе восполнялись жалованьемъ отъ семинаріи и монастыря, жалованьемъ чреднымъ и подаяніемъ отъ халтуръ, на коихъ служилъ. При отъѣздѣ и прощаніи съ высокими синодскими особами обидныхъ себѣ замѣчаній ни отъ единаго не услышалъ; ни архіерейства, ни перемѣщенія себѣ изъ Е. ни у кого не просилъ [2]) и не домогался. 12) Каково-де тебѣ теперь житье послѣ С.-Петербурга на старомъ мѣстѣ?—Отв.: благодарю Бога! Съ пріѣзда сюда пользуюсь благорасположеніемъ моего добрѣйшаго владыки

---

[1]) Андрей К. въ то время служилъ баккалавромъ же, только въ Кіевской академіи, а теперь, да и давно, уже онъ архимандритъ и состоитъ начальникомъ одной изъ нашихъ миссій.

[2]) Тѣ архимандриты, которые ѣхали на чреду съ полною увѣренностію вскорѣ получить архіерейство и, однакожъ, не получали его, для избавленія себя отъ стыда предъ прежними знакомыми, при отъѣздѣ со чреды, почти обыкновенно перепрашивались въ какія-либо другія семинаріи. А. С.

Иннокентія [1]) по прежнему, съ сослуживцами живу согласно и много не забочусь и не печалюсь о повышеніи себя; а часто воздыхаю, и тѣломъ и духомъ болѣзную отъ многихъ грѣховъ моихъ, и здоровье и жизнь быстро къ западу дней моихъ подвигающихъ.

«Засимъ прошу написать мнѣ, какъ вашъ соборъ зовутъ, кто твои сослуживцы, каково твое житье-бытье и здоровье? — Прости, мой другъ любезный; не забывай въ молитвахъ своихъ. Тебя сердечно цѣлую; всему твоему семейству шлю благословеніе и всѣмъ вамъ нижайше кланяюсь съ сего свѣта: живите на многа лѣта.—Октября 6-го дня 1844 года. Ректоръ Е—й семинаріи, архимандритъ І.» [2]).

Сообщ. Протоіерей **Александръ Су—цкій.**

НОВЫЕ ВАРІАНТЫ КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Комедія «Горе отъ ума», какъ извѣстно, долгое время до напечатанія ходила въ рукописяхъ среди многочисленныхъ ея почитателей. Сотни рукописей ходили по рукамъ и нѣтъ ничего удивительнаго, если при переписываніи искажался нѣсколько текстъ, пропускались по недосмотру нѣкоторыя строки, а иногда ускользали изъ виду очень важные варіанты; говорю—варіанты, потому что Грибоѣдовъ нѣсколько разъ переписывалъ свою комедію и исправлялъ.

Въ изданіи знаменитой комедіи г. Гарусовымъ сдѣланы указанія на нѣкоторыя рукописи и изданія, которыя удалось просмотрѣть г. Гарусову; какія измѣненія были найдены въ нихъ—все это весьма добросовѣстно было сообщено въ примѣчаніяхъ къ тексту комедіи [3]).

Я имѣю въ настоящее время въ своемъ распоряженіи еще двѣ рукописи комедіи, имѣющія нѣкоторыя особенности отъ просмотрѣнныхъ г. Гарусовымъ, вслѣдствіе чего нахожу полезнымъ сообщить ихъ, думая, что нѣкоторые варіанты могутъ войти въ слѣдующее изданіе

---

[1]) Это Иннокентій Александровъ, дѣйствительно, Добрѣйшій владыка; до Е—й епархіи по недолгу онъ управлялъ епархіями харьковскою и иркутскою, а съ е—й, послѣ 15-ти лѣтняго управленія ею, за болѣзнію, отошелъ на покой, а послѣ и въ вѣчность.

[2]) Сей архимандритъ 19-го мая 1846 г. хиротонисанъ въ епископа е—го, викарія П. Чрезъ 13 лѣтъ управленія викаріатствомъ, по болѣзни (былъ разбитъ параличомъ), отошелъ на покой въ Н—й монастырь и тамъ долго велъ многоболѣзненную, плачевную жизнь. **А. С.**

[3]) См. «Обзоръ всѣхъ изданій «Горе отъ Ума» съ 1829 по 1874-й годъ, включительно,—статья И. Д. Гарусова въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ X, стр. 585 и 715.

«Горя отъ ума» и, можетъ быть, пополнитъ матеріалъ для разработки комедіи въ будущемъ. Я позволю объ указать въ этихъ рукописяхъ только на болѣе или менѣе важныя измѣненія; что же касается до очевидныхъ описокъ, недосмотровъ, невѣрной пунктуаціи и неправильной орѳографіи—это, конечно, не представляетъ никакой важности.

При указаніяхъ буду держаться нумераціи стиховъ Гарусовскаго изданія. Кромѣ того, долженъ замѣтить, что въ имѣющихся у меня рукописяхъ я нашелъ мѣстами нѣкоторое сходство съ рукописями Жандра и П. А. Ефремова.

I.

Первая рукопись, въ поллиста писчей бумаги, нѣсколько желтоватаго цвѣта, въ обыкновенномъ переплетѣ съ сафьяннымъ корешкомъ. На лицевой сторонѣ переплета золотыми буквами напечатано названіе комедіи. Рукопись написана четко, по видимому, гусинымъ перомъ. Перечень дѣйствующихъ лицъ писанъ другою рукой. Эта рукопись принадлежитъ А. П. Аристову, и была получена имъ въ подарокъ, въ 1866 году, отъ его товарища К. Н. Вавржицкаго. Отъ кого досталась рукопись этому послѣднему — не знаю.

Заглавный листъ этой рукописи таковъ:

ГОРЕ ОТЪ УМА

оригинальная комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ

Сочиненіе А. С. Грибоѣдова

1833 года.

Вотъ замѣченныя мною отступленія отъ указанныхъ Гарусовымъ.

Въ первомъ дѣйствіи:

Строки.	По рукописи:	По Гарусову:
30.	Скромна, а ничего кромѣ Проказъ да вѣтру на умѣ,	Скромна и ничего кромѣ Проказъ и вѣтра на умѣ.—
65.	Тужите, знай, а съ старыми нѣтъ мочи! Сюда вашъ батюшка вошелъ: я обмерла,	Тужите, знай, со стороны нѣтъ мочи! Сюда вашъ батюшка пришелъ, я обмерла,
84.	Братъ, нельзя ли для прогулокъ	Другъ, и проч.
114.	Старушку-золото тебѣ въ надзоръ приставилъ,	Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ;

168.	Тутъ съ громомъ растворились двери.	Тутъ съ громомъ распахнулись двери...
173.	Насъ провожаютъ: стонъ, ревъ, и пр.	Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, и пр.
181.	Ну, сударь—ты?	Ну, сударь мой, а ты?
183.	Дался имъ голосъ мой и какъ исправно:	Дался имъ голосъ мой и какъ себѣ исправно
187.	Помилуйте-съ, что это, и пр.	Помилуйте, что это и пр.
195.	Поди-ка и усни опять	Поди-ка лягъ, усни опять!
198.	Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ бы иныхъ.	Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
206.	Ну, вотъ и праздникъ вамъ, ну, вотъ вамъ и потѣха,	Ну, вотъ у праздника! Ну, вотъ вамъ и потѣха!
240.	Онъ слово умное говаривалъ-ли съ роду?	Онъ слова дѣльнаго не выговорилъ съ роду.
320.	Мнѣ кажется, такъ напослѣдокъ	Мнѣ кажется, что, напослѣдокъ,
373.	Домъ зеленью раскрашенъ, и пр.	Домъ зеленью росписанъ, и пр.
379.	А тотъ чахоточный, жестокій книгамъ врагъ [1]),	А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
396.	Не то, чтобы въ наукахъ далеки:	Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
409.	Чацкій. А чѣмъ не кавалеръ:	Чацкій. Что-жъ? онъ и кавалеръ.
	Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,	Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
	А онъ французъ!.. Здѣсь нынче тонъ таковъ	А Гильоме!.. Вѣдь ныньче тонъ таковъ!

Во второмъ дѣйствіи:

1.	Петрушка!.. (Петрушка входитъ). Вѣчно ты съ обновкой,	Петрушка, вѣчно ты съ обновкой,
15.	Ахъ, родъ людской! и пр.	Охъ, родъ людской, и пр.
38.	Иль Софьѣ Павловнѣ какой Не приключилось-ли печали?	Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой Не приключилось-ли печали?
51.	Скажи, понравилась тебѣ она? Обрыскавъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?	Скажи: тебѣ понравилась она? Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?
58.	Сказалъ-бы я: во первыхъ, не блажи, Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно, А во вторыхъ: поди-ка послужи.	Сказалъ бы я, во первыхъ: не блажи; Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно, А главное—поди-тка послужи.
65.	Я, напримѣръ, или покойникъ дядя	Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя
78.	Когда-жъ случалось подслужиться	Когда же надо подслужиться,
183.	Какъ ей бы здѣсь не быть...	Какъ здѣсь бы ей не быть!..
272.	Вѣдь только здѣсь и дорожатъ дворянствомъ	Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ

[1]) Напечатанныя разрядкой строки представляютъ особенный интересъ.

278. Для насъ ровнехонько: для всѣхъ готовъ обѣдъ.	Для насъ равнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.
308. Ихъ благонравію и лицамъ.	Ихъ благонравію, не лицамъ.
310. Умѣютъ всѣ себя принарядить	Умѣютъ же себя принарядить
338. Не я одинъ, всѣ такъ же разсуждаютъ.	Не я одинъ,—всѣ такъ-же осуждаютъ;
357. Не тотъ-ли князь, къ кому меня еще съ пеленъ,	Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
368. Самъ погрузясь въ Зефирахъ и Амурахъ	Самъ, погруженъ умомъ въ Зефирахъ и Амурахъ
388. И въ женахъ, въ дочеряхъ, къ мундиру также страсть	И въ женахъ, въ дочеряхъ, къ мундиру та же страсть!

Между 420 и 421-мъ стихами вставлена лишняя и совершенно неумѣстная строка: «Маши къ ней вѣеромъ сильнѣе».

450. Когда лишаемся единственнаго друга!	Когда лишаешься единственнаго друга!
458. Но я не зналъ, что будетъ изъ того Всѣмъ ирритація, и пр.	Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того Вамъ ирритація; и пр.
463. А все теперь еще дрожу...	Я вся еще теперь дрожу.
473. Что разъ о немъ такъ пожалѣла	Что разъ о комъ-то пожалѣла
497. Вѣдь знаете, что жизнь мнѣ ваша дорога;	Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога,
545. Есть туалетъ—прелестная работа:	Есть туалетъ—прехитрая работа:
553. Съ духами сткляночки: минфлеръ, жесминъ	Съ духами сткляночки: есть резеда, жесминъ.

Въ третьемъ дѣйствіи:

4. Прежалкое созданье!	Жалчайшее созданье!
37. И климатовъ и нравовъ, и умовъ:	Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ.
71. Не думать о любви; и буду я умѣть	Не думать о любви! Тамъ буду я умѣть,
162. Къ перу отъ картъ, а къ картамъ отъ пера	Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
220. Вѣдь надобно зависѣть отъ другихъ.	Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.
464. Уфъ! я точнехонько избавилась отъ петли!	Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
513. Ты слышалъ-ли объ Чацкомъ?	Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?
707. Лишь ротъ открыть, имѣетъ счастье	Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ д ѣ в и ц ъ вселять участье	Во всѣхъ княженъ вселять участье.

Ремарка, сдѣланная въ концѣ 3-го акта, оканчивается въ рукописи такъ ...«старики разбрелись по карточнымъ столамъ. Балъ».

В ъ четвертомъ дѣйствіи:

38.	Кучера-съ нигдѣ здѣсь не найдутъ	Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.
72.	Что балъ, братецъ? гдѣ! Мы всю ночь до бѣла дня	Что, братецъ, балъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
105.	Мнѣ не подъ силу, братъ: я чувствую, что глупъ.	Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
114.	Э, братъ, кто нынче спитъ? и пр.	Э, брось! Кто нынче спитъ? и пр.
136.	«Анонъ Ламьяръ, ми, но, но, но»,	«А нонъ ла-шьяръ ми? но-по-но!»
166.	Однако я когда умишкомъ понатужусь	Однако-жъ я когда умишкомъ понатужась,
192.	Какихъ, конечно, намъ не вздумать и съ тобой	Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой,
208.	По статской я служилъ тогда,	По статской я служилъ. Тогда
246.	И дальній разговоръ зашелъ про водевиль;	И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
262.	Мсье Репетиловъ! Мсье Репетиловъ! Что вы!	Мсье Репетиловъ! Вы? Мсье Репетиловъ! Что вы!
315.	Что это слышалъ я? моими-ли ушами?	Что это?... Слышалъ я моими-ли ушами...
367.	Какая-жъ по сѣнямъ бродить ему охота?	Да, какъ же! По сѣнямъ бродить ему охота!
369.	Любовь до завтра поберегъ	Любовь на завтра поберегъ,
394.	...Да что! открыть и душу	...Да что? Открыть-ли душу?
404.	И вамъ не стыдно?	И вамъ не совѣстно?
424.	Ахъ! вспомните! Не гнѣвайтесь, взгляните-съ!	Ахъ! вспомните! Не гнѣвайтесь... взгляните!
429.	...Не подличайте, и стыдитесь [1])	...Не подличайте, встаньте!
485.	Ты, Филька, ты прямой чурбанъ! (бьетъ его)	Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
509.	И постараюсь я, въ набатъ я пріударю,	Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
552.	И спала съ глазъ долой мечтаній пелена!	Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!..

II.

Вторая рукопись по письму и бумагѣ гораздо новѣе; подарена М. А. Бобрищевой-Пушкиной отцомъ ея г. Браккеръ. На первомъ листѣ каллиграфически написано: «Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе А. Грибоѣдова»; на слѣдующемъ—эпиграфъ:

Судьба проказница-шалунья
Опредѣлила здѣсь сама:
Всѣмъ глупымъ—счастье отъ безумья;
Всѣмъ умнымъ—горе отъ ума.

---

[1]) Стихъ: «Сердиться перестаньте!»—пропущенъ въ рукописи. В. И.

Эпиграфъ написанъ другою рукой и совершенно выцвѣлъ. Характеристика дѣйствующихъ лицъ нѣсколько оригинальна и, кажется, не встрѣчается въ видѣнныхъ мною изданіяхъ. Вотъ она:

Павелъ Афонасьевичъ Фамусовъ, начальникъ казеннаго мѣста.
Софья Павловна Фамусова, его дочь.
Лиза, горничная дѣвушка, Софьи Павловны.
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова.
Александръ Андреевичъ Чацкій, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Софьею.
Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, полковникъ отъ арміи и кавалеръ.
Петрушка, одинъ изъ слугъ Фамусова и буфетчикъ.
Платонъ Михайловичъ Горичъ, московскій житель, бывшій въ кавалерійской службѣ.
Наталья Дмитріевна, жена его, молодая дама.
Князь Петръ Ильичъ Тугоуховскій, глухой старикъ, московскій житель.
Княгиня, жена его
Шесть княженъ Тугоуховскихъ, дочерей.
Графиня Хрюмина, старуха глухая.
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
Анфиса Ниловна Хлестова, старуха 80 лѣтъ, тетка Софьи.
Господинъ N } гости.
Господинъ Д }
Множество гостей обоего пола.
Репетиловъ, московскій житель, знакомый Чацкому.
Множество слугъ Фамусова дома и собравшихся у подъѣзда, ожидающихъ разъѣзда своихъ господъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Замѣченныя особенности:

Въ первомъ дѣйствіи:

Въ ремаркѣ этого дѣйствія сказано, что Лиза спитъ, свалившися съ креселъ [1]).

Строки.	По рукописи:	По Гарусову:
28.	О! Зелье-баловница!	Ахъ, зелье! баловница!
47.	На весь кварталъ симфоніей гремишь	На весь кварталъ симфонію гремишь
66.	Сюда вашъ батюшка зашелъ, я обмерла	Сюда вашъ батюшка пришелъ; я обмерла,
112.	Мать умерла, умѣлъ я пріискать	Мать умерла;—умѣлъ я принанять
156.	Въ немъ траву	Траву
193.	Но выбей дурь изъ головы	Повыкинь вздоръ изъ головы:

[1]) См. примѣч. Гарусова, стр. 139. В. И.

198. Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, что въ иныхъ	Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
216. А то, чтобъ положить конецъ проказамъ!	А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
220. Когда печальна я, ничто на умъ нейдетъ	Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
233. А при звѣздахъ не всѣ разумны между нами	А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами
264. Привычка съ Чацкимъ быть, и проч.	Привычка вмѣстѣ быть, и проч.
312. И между тѣмъ, не вспомню безъ души	А между тѣмъ не вспомнюсь, безъ души,
482. Теперь... да, въ пламя изъ огня	Теперь... да въ полмя изъ огня...

Во второмъ дѣйствіи:

115. Иной, глядя на тотъ тычокъ	Иной, глядя на тотъ скачокъ
138. А нашъ предоставляю вамъ во власть	Предоставляю вамъ во власть
Откиньте что-нибудь на часть	Откиньте часть
191. Отдушничекъ отворимъ поскорѣе!	Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...
262. Вкусъ, батюшка, отличная манера!	Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера;
279. Взгляните вы отъ головы до пятокъ	Возьмите вы, отъ головы до пятокъ
312. Словечка по-просту не скажутъ,—	Словечка въ простотѣ не скажутъ—
331. Не служитъ онъ, т. е. въ томъ пользы не находитъ	Не служитъ, т. е. въ томъ онъ пользы не находитъ;
340. Къ свободной жизни—ихъ вражда непримирима	Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
357. Не этотъ-ли, къ кому меня еще съ пеленъ	Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
362. Усердствуя въ часы гульбы и драки	Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
391. Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся,	Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся,
407. Что даже говорить умѣютъ по французски.	Что даже говорятъ иные по французски!
434. Я точно какъ во снѣ (громко и страстно)	Я точно какъ во снѣ (торопливо и громко)
448. Смятенье! обморокъ! поспѣшность гнѣва и испуга!	Смятенье! Обморокъ! Поспѣшность! Гнѣвъ! Испугъ!
450. Лишившися единственнаго друга!	Когда лишаешься единственнаго друга!
458. Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того?	Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вотъ ирритація; и пр.	Вамъ ирритація; и пр.
483. Ахъ, Александръ Андреичъ, вотъ:	Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ
Явитесь въ полнотѣ великодушны	Явитесь: вы вполнѣ великодушны!
518. Готова я была въ окошко къ вамъ прыгнуть...	Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть,
Что мнѣ до нихъ, до всей вселенной!	Да что мнѣ до кого, до нихъ, до всей вселенной?

	Смѣшно—пусть шутятъ, досадно—пусть бранятъ!	Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ!
533.	И! кто влюбленъ—на все готовъ.	А кто влюбленъ—на все готовъ.

Въ третьемъ дѣйствіи:

17.	Чего же я хочу когда все рѣшено!	И я чего хочу, когда все рѣшено!
567.	Хоть предъ монаршимъ-то лицомъ,	Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
587.	Что нынче больше, чѣмъ когда	Что нынче пуще, чѣмъ когда,
710.	Кто недругъ выписныхъ всѣхъ лицъ, и словъ кудрявыхъ	Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,

Въ четвертомъ дѣйствіи:

28.	Гдѣ прелесть первыхъ встрѣчъ? участье въ комъ живое?	Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
123.	Оно, вотъ видишь, не дозрѣло	Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
136.	Allons ma chere mi... но, но, но!	«А нонъ ла-шьяръ ми? но-но-но!»
152.	Мы, знаешь ты, его на черный день пасемъ,	Все знаетъ. Мы его на черный день пасемъ.
167.	Засяду, часикъ посижу	Засяду,—часу не сижу,
171.	Другіе мастера на музыку кладутъ;	Другіе шестеро на музыку кладутъ;
243.	Былъ Чацкій здѣсь, потомъ былъ Скалозубъ	Былъ Чацкій — вдругъ исчезъ; потомъ и Скалозубъ...
260.	Ахъ! вѣсти старыя ни для кого не новы?	Ахъ, вѣсти старыя! кому же онѣ новы?
353.	Къ чудесному я точно приготовленъ;	Къ необычайности я точно приготовленъ.
375.	Вы, сударь, камень, сущій ледъ!	Вы, сударь, камень, сударь, ледъ!
453.	Скорѣе въ обморокъ! Теперь-то ужъ въ порядкѣ...	Скорѣе въ обморокъ! Теперь оно въ порядкѣ!
515.	Предсталъ предъ васъ, одной изъ хладнокровныхъ [1])	Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
526.	Вотъ идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!!!	Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
558.	Всѣ гонятъ, всѣ вредятъ; мучителей толпа:	Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ! Мучителей толпа,

Кромѣ этихъ особенностей, есть сходныя съ первою рукописью, а именно: въ 1-мъ дѣйствіи—373 стихъ; во 2-мъ—52, 272, 278 и 388; въ 3-мъ—71; въ 4-мъ—315 и 404. 708-й стихъ 3-го дѣйствія—по тифлисскому списку.

Конечно, при выписываніи варіантовъ я могъ случайно сообщить нѣсколько уже весьма извѣстныхъ библіографамъ; нѣкоторыя мѣста могли быть простыми описками, но я боялся пропустить что-нибудь интересное.

---

[1]) Редакція монолога та же, что и въ 1-мъ изд. Тиблена. В. И.

Въ заключеніе настоящей замѣтки скажу нѣсколько словъ объ опредѣленіи характеристики Чацкаго Гарусовымъ. Онъ говоритъ, что оригиналомъ для Чацкаго поэту послужилъ Чаадаевъ. Я согласенъ съ этимъ замѣчаніемъ только въ одномъ, что Чацкій тогда Чаадаевъ, когда онъ является карателемъ всей пошлости и мелочности московскаго общества. Вся его интрига съ Софьей, его сердечныя страданія, какъ любовника, далеки отъ его прототипа и не могли случиться съ Чаадаевымъ во время Фамусовскаго скандала, случившагося въ 1822-мъ году. Чаадаеву въ это время было по крайней мѣрѣ лѣтъ 28 (онъ уже въ 1812 году участвовалъ въ войнѣ), Софьѣ же—только 17. Какъ они могли воспитываться вмѣстѣ, «играть и шумѣть по стульямъ и столамъ»? или—когда «батюшка съ мадамой» садились за пикетъ, Чацкій и Софья прятались «въ темномъ уголкѣ». Можетъ быть, характеръ Чацкаго и обрисованъ по Чаадаеву, но только **отчасти**. Чацкій и Чаадаевъ похожи только въ одномъ—оба они относятся скептически къ порядкамъ стараго времени.

Казань. **В. Ильковъ.**

ЧУМА ВЪ ОДЕССѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

22-го сентября 1837 года прибыла къ одесскому рейду херсонская лодка «Самсонъ», шкиперъ которой объявилъ выѣхавшимъ на встрѣчу карантиннымъ чиновникамъ, что на его суднѣ находится женщина, умершая отъ заразительной болѣзни, которою она заболѣла послѣ нагрузки судна дровами въ турецкомъ мѣстечкѣ Исакчѣ. Женщина оказалась женой шкипера. Послѣ освидѣтельствованія, тѣло оказалось покрытымъ пятнами и полосами, которыя были объяснены побоями мужа, въ которыхъ онъ сознался, прибавивъ, впрочемъ, что ударилъ жену слегка и не болѣе двухъ или трехъ разъ. Объяснивъ пятна и смерть побоями, медики и карантинное управленіе сдѣлали ошибку, которая повлекла за собою рядъ другихъ ошибокъ.

Нужно замѣтить, что экипажъ «Самсона», во время плаванія до Одессы, велъ себя очень осторожно и старался избѣгать всякаго прикосновенія къ умершей. Никто изъ экипажа не рѣшался войти въ кладовую, подлѣ которой лежало тѣло умершей. Чтобы достать съѣстныхъ припасовъ, прорубили на палубѣ отверстіе, и такимъ образомъ, посредствомъ крючковъ и веревокъ, вытаскивали мѣшки съ сухарями. По пріѣздѣ въ Одессу, умершая была похоронена, и экипажу дозволено было перевозить грузъ на берегъ. Нѣкоторое время все

было на суднѣ благополучно, но 6-го октября 1837 года на немъ заболѣли двое матросовъ, съ явными признаками заразы. Тогда только матросовъ перевели въ особый кварталъ, а съ судномъ поступили на основаніи предписаній о зачумленныхъ предметахъ. Между тѣмъ, 7-го октября, обнаружился новый случай заразы: заболѣла жена надзирателя карантинной стражи Исаева, жившаго невдалекѣ отъ того мѣста, куда былъ сложенъ грузъ съ «Самсона». Произошло это, вѣроятно, оттого, что надзиратель не употребилъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, когда хоронили жену шкипера. Болѣзнь приняли за горячку, и даже, когда жена надзирателя умерла, всѣ были убѣждены, что она умерла отъ горячки. Опечаленный мужъ похоронилъ умершую и, по обычаю, справилъ поминки. Часть одежды и обуви покойницы была имъ раздарена бѣднымъ. Между тѣмъ, карантинъ, признанный, по своему устройству, однимъ изъ превосходнѣйшихъ въ Европѣ, дѣлалъ свое дѣло, и всѣ были убѣждены, что городъ совершенно застрахованъ отъ заразы. Но вотъ захворалъ и умеръ Исаевъ. Тогда припомнили, что 19-го октября заболѣлъ рабочій карантиннаго баталіона Тихонъ Дудинъ и былъ отправленъ въ общій лазаретъ. Отправившись туда, нашли, кромѣ Дудина, и другихъ больныхъ, именно: нѣсколько стражниковъ и одну женщину, которой, какъ узнали, досталась шуба при раздачѣ разныхъ вещей послѣ умершей Исаевой. Тогда убѣдились, что въ городѣ появилась чума. Случаи зараженія стали открываться чаще и чаще.

24-го октября были найдены слѣды заразы въ домѣ мѣщанина Щекина, читавшаго псалтирь надъ тѣломъ Исаевой. Чумный кварталъ наполнялся. Тогда, по распоряженію градоначальника Левшина, были приняты для безопасности города различныя мѣры: сомнительные дома были оцѣплены; для обсужденія мѣръ предосторожности были приглашены почетнѣйшія лица города; городъ былъ раздѣленъ на участки, порученные надзору особыхъ коммисаровъ и медиковъ, и учрежденъ врачебный совѣтъ. 22-го октября городъ былъ объявленъ «неблагополучнымъ». 25-го прибылъ въ городъ генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ. Чувствовалась необходимость въ энергическихъ мѣрахъ, такъ какъ городъ представлялъ очень много матеріала для самаго быстраго развитія болѣзни. Было осеннее время, когда Одесса наполняется огромною массой извощиковъ и рабочихъ. На дорогахъ къ ней толпилось множество обозовъ, которые вскорѣ покрыли и сосѣднія поля. Такъ какъ запрещено было хоронить мертвыхъ безъ медицинскаго освидѣтельствованія, то зачумленныя тѣла копились и грозили новою заразой.

Воронцовъ открылъ свою дѣятельность рядомъ разнообразныхъ мѣръ. Каждый участокъ города былъ ввѣренъ коммисару, избранному изъ почетныхъ лицъ города. Въ распоряженіи коммисара находилось нѣсколько помощниковъ. Они служили посредниками между начальствомъ и жителями, но главная ихъ обязанность заключалась въ наблюденіи за общественнымъ здоровьемъ, въ которомъ они удостовѣрялись посредствомъ ежедневнаго посѣщенія домовъ. Для освидѣтельствованія больныхъ они должны были призывать участковыхъ медиковъ. Сомнительные дома оцѣплялись караулами, а изъ чумныхъ выводились всѣ здоровые обитатели. Умершихъ отъ заразы хоронили на карантинномъ кладбищѣ; зараженныхъ отправляли въ чумный кварталъ, подъ строгимъ присмотромъ. Сомнительныхъ врачи посѣщали каждый день, для принятія, въ случаѣ надобности, необходимыхъ мѣръ. Вещи, принадлежавшія явно чумнымъ, сжигались, сомнительныя же окуривались хлоровымъ газомъ или опускались на сутки въ воду. Тѣмъ и другимъ занимались такъ называемые мортусы, одѣтые въ кожаное предохранительное платье. Лошадей, рогатый скотъ и овецъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, обмывали водой, а кошекъ и собакъ убивали.

Одною изъ наиболѣе рѣшительныхъ мѣръ Воронцова былъ осмотръ предмѣстья Одессы, Молдаванки, имѣвшей 1,296 домовъ и 11,177 человѣкъ населенія. Предмѣстье было раздѣлено на пятнадцать частей, изъ которыхъ въ каждую были назначены медики, которые начинали осмотръ съ разсвѣтомъ и въ одно и то же время. Жителей повѣряли по спискамъ, обращая особенное вниманіе на сомнительныхъ. Для осмотра женщинъ приглашались повивальныя бабки. Благодаря названной мѣрѣ, былъ открытъ новый зачумленный домъ, мѣщанина Левицкаго, причемъ найдено было нѣсколько больныхъ и два трупа, хозяина дома и его сына. Эти трупы и 16 человѣкъ больныхъ были отправлены въ чумный кварталъ, а сосѣдніе дома оцѣплены карауломъ. Умершихъ обыкновенною смертью въ Молдаванкѣ хоронили въ сопровожденіи священника, но съ конвоемъ, для предупрежденія всякаго сообщенія. Часовые «сомнительныхъ» домовъ должны были ходить по тропинкамъ, усыпаннымъ негашеною известью, и наблюдать, чтобы тряпки и соръ не приставали къ ихъ обуви. 8-го ноября 1837 года было прекращено сношеніе Молдаванки съ городомъ.

9-го и 10-го ноября былъ произведенъ осмотръ города. Сомнительныхъ случаевъ оказалось мало. За то въ предмѣстьяхъ постоянно открывались новые случаи зараженія. Замѣчено было при этомъ, что

нѣкоторые чумные больные жаловались въ началѣ болѣзни на тошноту, боль у ложечки и головокруженіе; глаза имѣли дикое выраженіе, на тѣлѣ показывались темносинія пятна, подъ мышками желваки и карбункулы. Всѣ разсмотрѣнные случаи зараженія въ предмѣстьяхъ доказали, что болѣзнь переходила чрезъ непосредственное сношеніе съ зачумленными. Такимъ образомъ, напримѣръ, была передана болѣзнь мѣщаниномъ Ефимомъ Полежаевымъ старухѣ Марьѣ Захаровой и его родственнику Ѳедоту Гайдученку, отъ которой они и умерли. Сынъ Полежаева тоже заболѣлъ, но скоро поправился. Заболѣли двумя болѣзнями Гайдученка, чумою и сифилисомъ, и жена его Анна.

20-го ноября, по приказанію Воронцова, было приступлено къ очищенію Молдаванки. Жителямъ приказано было заняться раскладкою вещей и уничтоженіемъ всякаго хлама. На каждомъ дворѣ выбирались отдѣльныя избы, въ которыхъ плотно замазывали окна и развѣшивались вещи, которыя неудобно было очищать въ водѣ. Затѣмъ было приступлено къ окуриванію, подъ надзоромъ особенныхъ коммисаровъ. Комнаты, въ которыхъ помѣщался приборъ для окуриванія, опечатывались и запирались на извѣстное время, а вещи, непортившіяся отъ омовенія, погружались на сутки въ воду. Такъ были очищены всѣ дома, въ которыхъ еще не было заразы. Ихъ оказалось до 1,296.

Жители Одессы начали уже успокоиваться, думая, что болѣзнь ограничится предмѣстьями. Но они скоро должны были разочароваться. 20-го ноября услышали, что и въ городѣ явились случаи заболѣванія. Заболѣли три денщика оберъ-аудитора Юркова. Оказалось, что они находились въ сношеніи съ стражниками карантиннаго баталіона, и одинъ изъ нихъ, сапожникъ, носилъ обувь въ казармы, при чемъ обнаружилось и то, что имъ была заражена чумою Марья Поколотова. Затѣмъ въ домѣ Юркова заболѣло еще нѣсколько человѣкъ. Были и другіе случаи заболѣванія въ городѣ, но ихъ было гораздо меньше, нежели въ предмѣстьяхъ, гдѣ гнѣздился преимущественно бѣдный людъ. Такимъ образомъ жители города въ скоромъ времени опять могли успокоиться.

Не пересчитывая всѣхъ случаевъ зараженія, замѣтимъ, что болѣзнь дольше всего держалась въ карантинѣ, гдѣ она дѣйствовала съ большою силою, не смотря на всѣ мѣры, принятыя для ея ослабленія. Въ концѣ декабря 1837 г. она прекратилась и въ карантинѣ. Послѣднею ея жертвою была десятилѣтняя дѣвочка Авдотья Нефедьева.

Жизнь въ городѣ стала принимать обычное свое теченіе, но мѣры предосторожности все еще соблюдались. Больныхъ и умершихъ осма-

тривали по прежнему. На христіанскомъ и еврейскомъ кладбищахъ были устроены балаганы, въ которыхъ, для осмотра, складывались на нѣкоторое время трупы. Въ своемъ воззваніи къ жителямъ столицы, графъ Воронцовъ говорилъ о необходимости соблюденія предохранительныхъ мѣръ и предлагалъ жителямъ приступить къ очищенію города посредствомъ провѣтриванія вещей и погруженія ихъ въ воду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ тряпки и нечистоты приказано было сожигать въ особенныхъ, назначенныхъ для того, ямахъ.

9-го декабря 1837 г., было открыто богослуженіе въ неоцѣпленныхъ церквахъ, при чемъ въ послѣднія полиціей впускалось опредѣленное число молящихся, съ сохраненіемъ опредѣленныхъ промежутковъ между ними. Священникъ могъ благословлять ихъ только издали и не долженъ былъ допускать къ цѣлованію креста или евангелія. Закупки въ лавкахъ и магазинахъ дозволялись нѣкоторое время не иначе, какъ у отворенныхъ дверей, чрезъ протянутыя веревки или барьеры. Покупатели не могли дотронуться ни до одной вещи, не купивши ея, и проданную вещь брали не изъ рукъ лавочника, а со стола. Серебряныя и мѣдныя деньги ополаскивались въ водѣ, а бумажныя окуривались въ особенныхъ ящикахъ.

Не смотря на мѣры предосторожности, нашлись въ Одессѣ люди, которые съумѣли обойти ихъ. Такъ, нѣкто Николай Леванцовъ зарылъ въ землю сундукъ съ разными вещами; Иванъ Гайдуковъ спряталъ нѣсколько платковъ и шалей въ разломанной печи, а Маѳа Лахманова вложила свертокъ чулковъ въ трубу. Было нѣсколько случаевъ возмущенія противъ карантинныхъ правилъ и увѣренія, что чума— выдумка медиковъ, и что всѣ мѣры предосторожности направлены единственно къ угнетенію бѣдныхъ людей.

24-го февраля 1838 г. была снята съ Одессы карантинная цѣпь. Издержки на борьбу съ эпидеміей были опредѣлены въ 300,000 руб.

Этотъ очеркъ чумной заразы приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Во первыхъ, появленіе чумы въ Одессѣ въ 1837 году объясняется оплошностью медиковъ и карантиннаго одесскаго управленія; во вторыхъ, болѣзнь эта передавалась чрезъ непосредственное соприкосновеніе съ зачумленными или посредствомъ принадлежавшихъ имъ вещей; въ третьихъ, она дѣйствовала преимущественно въ мѣстахъ, густо населенныхъ бѣднымъ людомъ; и въ четвертыхъ, ослабѣла и вовсе прекратилась съ наступленіемъ болѣе холоднаго времени и послѣ энергическихъ мѣръ, принятыхъ для борьбы съ нею управленіемъ города.

С. Весинъ.

Динабургъ.

О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Θеодоровны.

Ея императорскаго величества фрейлина М. С. Муханова обратилась въ Академію Наукъ съ письмомъ, въ которомъ она изложила, что «сохраняя въ сердцѣ своемъ благоговѣйную память къ почивающей въ Бозѣ государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, при которой ея отецъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, долго служилъ оберъ-шталмейстеромъ, и сама она, состоя фрейлиною, провела лучшіе, незабвенные годы своей жизни, и воспоминая любвеобильную христіанскую дѣятельность этой государыни на благо и счастіе взятыхъ ею на свое попеченіе дѣтей, сиротъ и бѣдныхъ, — она поставила священнымъ обѣтомъ своего сердца сохранить по возможности воспоминаніе о ней, ея жизни и дѣяніяхъ для всѣхъ соотечественниковъ, кому памятны и дороги бывшія ея заботы на поприщѣ благотворительности, и что въ этомъ намѣреніи она хотѣла бы посильно содѣйствовать къ тому, чтобы у насъ, на русскомъ языкѣ, явилось полное жизнеописаніе покойной императрицы». Съ этою цѣлью г-жа Муханова представила въ академію 5,000 руб., назначивъ ихъ для выдачи, отъ имени Академіи, въ видѣ преміи, за лучшее жизнеописаніе императрицы Маріи Θеодоровны. Вслѣдствіе сего Академія Наукъ, съ высочайшаго соизволенія, приглашаетъ всѣхъ желающихъ принять участіе въ соисканіи этой преміи, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) Срокъ для этого соисканія назначается пятилѣтній, такъ что отвѣтныя сочиненія должны быть доставлены въ Академію не позже 1-го марта 1884 г.; 2) на соисканіе преміи допускаются лишь рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ; 3) авторъ имѣетъ право выставить на сочиненіи свое имя, или же скрыть оное въ запечатанномъ пакетѣ, снабженномъ особымъ девизомъ; 4) о послѣдствіяхъ конкурса на премію будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1884 года; 5) премія будетъ состоять изъ капитала въ 5,000 р. и изъ процентовъ, которые наростутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи. Вся эта сумма, капиталъ вмѣстѣ съ процентами, назначается автору увѣнчаннаго преміею сочиненія; 6) премія будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его труда; 7) ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ цесаревнѣ благоугодно было соизволить на то, чтобы согласно желанію фрейлины Мухановой, сочиненіе, которое будетъ награждено учрежденною ею преміею, было при изданіи своемъ въ свѣтъ посвящено августѣйшему имени ея высочества.

ЗАМѢТКИ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Сочиненія В. А. Жуковскаго, съ приложеніемъ его писемъ, біографіи и портрета, гравированнаго академикомъ И. П. Пожалостинымъ. Изданіе VII-ое, исправленное и дополненное подъ редакціею П. А. Ефремова. С.-Петербургъ. Изданіе И. И. Глазунова, 1878 (Портретъ, XXXVI въ б. 8 д. л. Томъ первый: стихотворенія 1797 — 1815. (526 стр.). Томъ второй: стихотворенія 1816—1829 (512 стр.). Томъ третій: стихотворенія 1831 — 1846 (492 стр.). Томъ четвертый: Одиссея (1842 — 1849), Иліада (1849—1850) (II+443 стр.). Томъ пятый: стихотворенія: 1847 — 1852, и проза 1797 — 1834 (570 стр.). Томъ шестой: проза 1835 — 1852. Письма 1799—1852 (VIII + 688).

Это изданіе—седьмое по счету, можетъ быть названо первымъ, по своей полнотѣ, по строго - хронологическому размѣщенію статей, наконецъ—по изяществу. Имя редактора, давняго сотрудника «Русской Старины», нашего извѣстнаго знатока исторіи отечественной словесности, П. А. Ефремова служитъ вполнѣ надежнымъ ручательствомъ за точность самаго текста и за историческое значеніе примѣчаній къ каждому стихотворенію, къ каждой статьѣ. Не избалованная подобнаго рода изданіями, наша читающая публика, безъ сомнѣнія, отнесется къ новому изданію сочиненій Жуковскаго съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Вполнѣ его раздѣляя, мы выразимъ надежду, что примѣръ издателя, можетъ быть, найдетъ послѣдователей, которые, по этому превосходному образцу, издадутъ, можетъ быть сочиненія Пушкина—еще ожидающія столь свѣдущаго, просвѣщеннаго редактора, трудамъ котораго мы должны быть признательны за полное собраніе сочиненій Жуковскаго — предтечи Пушкина, чтобы не сказать — наставника и руководителя. Три года тому назадъ кн. П. А. Вяземскій писалъ:—«Въ Пушкинѣ нѣтъ ничего Жуковскаго, но между тѣмъ Пушкинъ есть слѣдствіе Жуковскаго. Поэзія перваго не дочь, а наслѣдница поэзіи послѣдняго. — Съ удовольствіемъ повторяемъ здѣсь выраженіе самого Пушкина объ уваженіи, которое нынѣшнее поколѣніе должно имѣть къ Жуковскому, и о мнѣніи его относительно тѣхъ, кои забываютъ его заслуги: «дитя не должно кусать груди своей кормилицы».— Эти слова остроумнаго въ свое время критика и тонкаго эстетика могли-бы служить самымъ приличнымъ эпиграфомъ къ нынѣ изданному полному собранію сочиненій Жуковскаго. Единственный изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ, Жуковскій соединялъ высокое дарованіе съ таковыми же душевными качествами, будучи олицетвореніемъ доброты, благородства и истинно младенческаго простодушія. Его покровительству Россія обязана спасеніемъ Пушкина отъ тяжкой отвѣтственности за его юношескія увлеченія; Жуковскій по достоинству оцѣнилъ Гоголя, былъ другомъ всѣхъ талантливыхъ русскихъ людей, никогда и никому изъ нихъ не завидуя. Наконецъ, никто изъ русскихъ людей не забудетъ, что Жуковскій былъ

воспитателемъ Императора Александра Николаевича...

Біографія В. А. Жуковскаго (род. 29-го января 1783, † 12-го апрѣля 1852 г.), при всей своей сжатости, даетъ полное понятіе о различныхъ фазисахъ жизни поэта. Дальнѣйшая характеристика Жуковскаго—въ его произведеніяхъ, въ особенности же, въ многочисленныхъ письмахъ къ лицамъ ему близкимъ и современнымъ ему литераторамъ. Эти письма драгоцѣннѣйшій матеріалъ не только для будущей біографіи Жуковскаго, но матеріалъ для изученія эпохи — въ которой жилъ и дѣйствовалъ на добро этотъ высоко-симпатичный, благороднѣйшій представитель всего лучшаго, что выдвинуло изъ себя русское общество первой половины XIX-го вѣка!

Большое и большое спасибо скажетъ русское общество почтенному И. И. Глазунову за это монументальное и превосходное изданіе и за приглашеніе къ редактированію его столь опытнаго и свѣдущаго лица—какимъ извѣстенъ издавна П. А. Ефремовъ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ I, 1810—1827. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Петербургъ. 1878 г. (VIII + LX + 355 въ 4 д. л.). Цѣна 2 р. сер.

Все, что было написано покойнымъ княземъ († 1878) въ шестидесятилѣтній періодъ его литературной дѣятельности (1808—1868)—стихотворенія, критическія статьи, письма и т. д. — извлечено изъ нашихъ старыхъ журналовъ, пересмотрѣно самимъ авторомъ въ Гомбургѣ и снабжено его замѣчаніями. Судя по первому тому, должно допустить, что собраніе сочиненій будетъ довольно обширно, въ нѣсколькихъ томахъ. Въ составъ перваго вошли, кромѣ автобіографическаго введенія, критическія статьи и біографическія замѣтки. «Введеніе» весьма любопытно: независимо отъ личнаго интереса, оно обилуетъ подробностями объ отношеніяхъ покойнаго къ Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому и всѣмъ вообще знаменитымъ писателямъ двухъ предъидущихъ царствованій,—писателямъ, въ средѣ которыхъ князь П. А. Вяземскій занялъ видное мѣсто. Свойства пера покойнаго князя, съ первыхъ же строкъ «автобіографическаго введенія», понятны читателю: своеобразное остроуміе, замѣчательная искренность и любовь къ родной словесности. которой онъ служилъ всю жизнь—отличительныя черты его сказанія... — «Оставляю на стѣнѣ портретъ мой во весь ростъ,—говоритъ авторъ заканчивая свое введеніе,—ничего не утаиваю изъ него, ничего въ немъ не поправляю. Какъ я есмь, какъ онъ есть, такъ и будетъ онъ друзьямъ и благоволителямъ на память, другимъ на судъ и порицаніе».

Изданіе перваго тома роскошно и цѣна, ему назначенная (2 р. сер.), не можетъ казаться высокою. Автобіографія, написанная острымъ перомъ покойнаго, безспорно, превосходный его портретъ въ отношеніи моральномъ; но нѣтъ сомнѣнія, что при одномъ изъ слѣдующихъ томовъ будутъ помѣщены настоящій портретъ покойнаго и снимокъ съ его почерка — двѣ необходимыя принадлежности изданія сочиненій каждаго замѣчательнаго писателя.

Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій. Старинные деревянные храмы во Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, близь сл. Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, Владимір. губерніи, 1879. 5 стр. текста и 20 литографир. рисунковъ въ листъ.

Автобіографія И. А. Голышева—трудолюбиваго археолога и художника, бывшаго крестьянина, нынѣ почетнаго гражданина, а также члена многихъ ученыхъ обществъ, будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины» нынѣшняго года. Въ XVIII томѣ нашего изданія въ 1877 г. (стр. 725—732) была напечатана статья В. В. Стасова, объ одномъ изъ изданій И. А. Голышева,

съ весьма справедливою оцѣнкою его археологическихъ и художественныхъ трудовъ, и ко всему сказанному можемъ прибавить, по поводу новаго изданія И. А. Голышева, что дѣятельность его неутомима. Съ 1862 по 1879 годъ имъ было напечатано во «Владимірскихъ губ. вѣдомостяхъ», «Трудахъ статистическаго комитета» и др. сборникахъ, также издано—изслѣдованій, рисунковъ, брошюръ и замѣтокъ до четырехсотъ. Нынѣ изданные г. Голышевымъ — «Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій» заслуживаютъ вниманія какъ ученыхъ археологовъ, такъ и вообще любителей отечественныхъ древностей. Изъ рисунковъ церквей и часовень особенно любопытны по ихъ древности: св. пророка Иліи (1629 г.), Спасъ-Купалищи, Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, часовня близь Мурома (1192 г.) св. Николая Чудотворца, близь погоста Нерадичъ, и убогій домъ въ г. Вязникахъ.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Изданы Ю. Б. Иверсеномъ. Выпускъ I. Къ нему таблицы №№ 1 — 14. С.-Петербургъ. Типографія Академіи Наукъ. 1878 г. (120 стр. и XIV таблицъ съ изображеніемъ 67 медалей въ б. $^1/_2$ д. л.). Цѣна 5 руб. сер.

Труды Ю. Б. Иверсена по отечественной нумизматикѣ слишкомъ извѣстны просвѣщенной русской публикѣ, что-бы о нихъ распространяться. Нынѣ явившійся въ свѣтъ первый выпускъ «Медалей въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ» заключаетъ въ себѣ описаніе 160 медалей, пожалованныхъ въ царствованія Екатерины II, Александра I, Николая I и нынѣ благополучно царствующаго Императора. Имена удостоенныхъ этихъ отличій расположены въ алфавитномъ порядкѣ (Аг—Гаг) съ приложеніемъ къ каждому имени краткаго біографическаго очерка. Изображенія медалей гравированы съ безукоризненною отчетливостью. Непонятной случайности приписываемъ помѣщеніе между медалями русскихъ государственныхъ дѣятелей—двухъ медалей въ честь Бёма (XXVII, стр. 27, таб. VII, №№ 8 и 9): начальникъ венгерскихъ войскъ временъ возстанія 1849 года не можетъ имѣть ничего общаго съ русскими государственными дѣятелями.

Изслѣдованіе направленія средне-азіатской желѣзной дороги между Ураломъ и Сыръ-Дарьей. Самара. 1878. (9 стр. въ м. 4 д. л., съ приложеніемъ карты).

Лѣтомъ 1877 года и осенью 1877 и 1878 годовъ экспедиція изъ восьми ученыхъ лицъ, сопутствуемыхъ опытными проводниками, изслѣдовала пути отъ Оренбурга и Троицка на Тургай, и отъ Оренбурга же до Кара-Тугая черезъ пески Кара-Кумъ. Пройденный путь простирался приблизительно на 900 верстъ, изслѣдованныхъ въ отношеніяхъ геологическомъ, ботаническомъ, топографическомъ и геодезическомъ. По мнѣнію членовъ экспедиціи, кратчайшій путь отъ Оренбурга на Кара-Тугай представляетъ благопріятнѣйшія условія къ своему проведенію. Проложеніе части желѣзнаго пути по дамбѣ, вдоль Джаманъ-Дарьи (средней части Сыръ-Дарьи), послужитъ, во первыхъ, углубленію этой части рѣки; во вторыхъ, обратитъ въ плодоносную мѣстность съ регулированнымъ орошеніемъ обширное и вредное болото Кара-Узякъ. Весною нынѣшняго 1879 года предполагается продолжать изслѣдованіе пути черезъ Ташкентъ, Самаркандъ, верховья Аму-Дарьи до Баміанскаго ущелья по направленію къ Кабулу и Пешаверу. Политическое и стратегическое значеніе этого пути имѣетъ значеніе первостепенной важности. «Ставъ твердо вблизи Индіи,—говоритъ авторъ брошюры (стр. 8),—Россія будетъ въ силахъ сдерживать враждебную ей политику Англіи, выраженную надменными словами: «до сихъ поръ и не далѣе». Завѣтная мысль Петра Великаго—проложить путь изъ Россіи въ Индію, — осуществится, такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ.

Донской Календарь на 1879 годъ. Составилъ и издалъ Ф. Траллинъ. Новочеркасскъ (48 стр. въ 8 д. л.). Цѣна 50 коп.

Изданіе довольно опрятное, составъ календаря—соотвѣтствующій назначенію книги. Нѣсколько историческихъ и статистическихъ статей, хотя и составляютъ перепечатки, но не лишены интереса для справокъ (таковы: свѣдѣнія историческія о войскѣ донскомъ 1554—1879). Что-же касается до статей: Взятіе Цареграда турками въ 1453 г., выдержекъ изъ Брюсова календаря и Физіономики Лафатера, также двухъ литературныхъ статей — то онѣ совершенно неумѣстны въ календарѣ: разсказы о взятіи Константинополя извѣстны уже 426 лѣтъ каждому грамотному человѣку; Брюсъ и Лафатеръ—могутъ имѣть значеніе лишь въ глазахъ безграмотныхъ суевѣровъ; предсказанія того и другаго опровергаются самою природою на каждомъ шагу.

Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, составленъ внукомъ его графомъ Владиміромъ Орловымъ-Давыдовымъ. Томъ I. С.-Петербургъ. MDCCCLXXVIII. (Портретъ, IV+328 + XXIII). Томъ II (Рисунки, 344 + XIV) въ б. 8 д. л. (Изданіе, въ продажѣ не находящееся).

Въ послѣднія двадцать лѣтъ любовь къ отечественной исторіи, проникая во всѣ классы общества, вызвала явленіе весьма отрадное: потомки государственныхъ дѣятелей минувшихъ царствованій начали обогащать сокровищницу исторіи драгоцѣнными вкладами, обнародывая во всеобщее свѣдѣніе свои семейные архивы. Такъ поступили: графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко, кн. Кочубей, графъ Воронцовъ, князь Италійскій графъ А. А. Суворовъ - Рымникскій и нѣк. др. По ихъ примѣру, нынѣ, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ собралъ письма и документы своего семейнаго Отрадинскаго архива и издалъ ихъ въ видѣ біографическаго очерка дѣда своего графа В. Г. Орлова.

Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ (род. 8-го іюля 1743, † 28-го февраля 1831 года), младшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ — богатырей вѣка Екатерины, по словамъ его біографа (томъ II, стр. 343), «составлялъ рѣдкое явленіе именно въ томъ отношеніи, что путь жизни, имъ избранный, отличался во многомъ отъ общаго направленія современныхъ вельможъ Екатерининскато вѣка». Съ прекраснымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ графъ В. Г. Орловъ отличался страстною любовью къ наукамъ, ко всему изящному, и былъ въ полномъ смыслѣ слова Меценатомъ своего времени. Онъ велъ переписку съ Ж. Ж. Руссо и Линнеемъ; былъ покровителемъ Эйлера. Письма графа къ его братьямъ, отношенія его къ важнѣйшимъ событіямъ царствованій Екатерины, Павла, Александра I и Николая I—въ высшей степени любопытны, и вообще весь біографическій очеркъ обилуетъ цѣнными историческими матеріалами, относящимися къ послѣднему тридцатилѣтію XVIII—и первому тридцатилѣтію XIX вѣка.

Изданіе графа В. П. Орлова-Давыдова составляетъ рѣдкость библіографическую; лицамъ, занимающимся въ Императорской публичной библіотекѣ, оно доступно; при всемъ томъ, подобнаго рода изданія должны быть знакомы каждому интересующемуся отечественною исторіей. Въ виду этого, желательно было-бы еслибы изданіе В. П. Орлова - Давыдова заняло мѣсто въ нашихъ обществ. библіотекахъ, устроенныхъ или устраиваемыхъ въ губернскихъ городахъ, даже и земствами. Недоумѣваемъ, что за причина выпускать въ свѣтъ подобныя книги лишь для «избранныхъ»? [Ред-ція «Русской Старины» была въ числѣ этихъ избранныхъ.] Во всякомъ случаѣ, подобный пріемъ со стороны издателя можетъ показаться многимъ либо боязнью критики, либо барскою спѣсью, до того превозносящеюся своимъ родомъ, что почитаетъ недостойною «толпу» читать сказанія о его дѣдѣ «знатномъ домоводѣ.» Конечно, таковыя подозрѣнія не

основательны, тѣмъ не менѣе причины такого пріема со стороны издателя-внука остаются необъяснимыми.

Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Томъ I. С.-Петербургъ. 1878 (485 стр. въ 8 д. л. и два портрета).

Печатаніе воспоминаній Т. П. Пассекъ, подъ заглавіемъ: «Изъ раннихъ лѣтъ изъ жизни дальной», начато было въ «Русской Старинѣ» въ 1872 году и продолжалось, съ болѣе или менѣе частыми и продолжительными перерывами, по 1878 годъ включительно. Причина этихъ перерывовъ была двоякая: во первыхъ, воспоминанія печатались по мѣрѣ того, какъ они писались почтеннымъ авторомъ; во вторыхъ, они зависѣли отъ воли (вѣрнѣе произвола) покойнаго М. Н. Лонгинова (бывшаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати), который, по неизвѣстнымъ намъ соображеніямъ, урѣзывалъ изъ напечатаннаго уже текста, по предъявленіи книги въ цензуру, цѣлые листы изъ воспоминаній Т. П. Пассекъ. Нынѣ они собраны, значительно пополнены и изданы особою книгой. Содержаніе книги (заключающее въ себѣ періодъ времени съ 1780 по 1833 годъ) отчасти знакомо читателямъ «Русской Старины». Живымъ перомъ авторъ описываетъ составленныя изъ живыхъ портретовъ группы различныхъ слоевъ общества и ихъ болѣе или менѣе симпатичныхъ представителей. Старое поколѣніе съ помѣщичьимъ правомъ олицетворено въ братьяхъ Яковлевыхъ; представители молодаго поколѣнія: Герценъ, Огаревъ; студенты Московскаго университета; почтенное семейство Пассекъ: герой Кавказа Діомидъ и честный, талантливый Вадимъ; кружокъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ, словомъ: цѣлый рядъ людей мыслящихъ, чувствующихъ, воскрешенныхъ въ воспоминаніяхъ ихъ даровитой современницы. Изложеніе воспоминаній можетъ показаться слишкомъ «цвѣтисто и образно»; но самая эта «образность»—одно изъ главныхъ достоинствъ воспоминаній. Авторъ ихъ—женщина своего времени: она воскрешаетъ въ своей памяти призраки людей,—нѣжно любимыхъ, незабвенныхъ, и говоритъ о нихъ съ увлеченіемъ молодости, эпохи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда и чувства и языкъ были проникнуты своеобразною поэзіей—нынѣ отсутствующею. Авторъ слишкомъ свято чтитъ свое минувшее, чтобы осмѣивать его въ угоду современности: она его оплакиваетъ... Предъ этими чувствами доброй жены, нѣжной матери, всегда вѣрнаго друга—можно лишь преклониться съ глубокимъ уваженіемъ.

Воспоминанія свои авторъ посвящаетъ внуку своему Сергѣю Владиміровичу Пассекъ — и нѣсколько строкъ посвященія служатъ самою гармоническою прелюдіей послѣдующимъ разсказамъ: «приближаясь къ концу своей жизни, встрѣтила тебя, вступающаго въ жизнь. Свѣтлый взоръ твой, твоя невинная улыбка воскресили въ душѣ моей давно разбитую радость, и я, съ чувствомъ счастія и благодарности къ небу, кладу у твоей младенческой колыбели мои воспоминанія «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Историческій очеркъ образованія и развитія Перваго Московскаго кадетскаго корпуса, что нынѣ Первая Московская военная гимназія, 1778—1878. Составленъ по офиціальнымъ источникамъ и изданъ подъ редакціей генералъ-маіора Лалаева. Санктпетербургъ. 1878. (VI + 208 стр. въ б. 8. д. л.).

Книга, изданная ко дню празднованія столѣтія основанія бывшаго Перваго Московскаго кадетскаго корпуса 24-го ноября 1878 года. Составителямъ очерка немаловажное затрудненіе представляло отсутствіе документальныхъ данныхъ за многіе годы существованія этого военно-учебнаго заведенія (именно: 1801—1805, 1807, 1809 — 1811, 1814, 1818 и 1824). При всемъ томъ въ составъ книги вошли всѣ историческія свѣдѣнія, какія только могли быть розысканы составителями, пользовавшимися, помимо офиціальныхъ

документовъ, и литературою, до нихъ предмета относящеюся. Такъ, между прочимъ, мы замѣтили въ числѣ матеріаловъ и напечатанныя въ «Русской Старинѣ»—Записки Добрынина. Какъ справочная книга для исторіи общественнаго образованія Россіи—«Очеркъ» несомнѣнно принесетъ свою пользу.—Первая Московская военная гимназія, по старшинству — третье военно - учебное заведеніе въ Россіи. Въ 1778 году С. Г. Зоричъ основалъ въ Шкловѣ «Благородное училище», которое въ 1799 году было переименовано «Кадетскимъ корпусомъ»; въ 1800 году оно было переведено въ Гродно; въ 1807 году—въ Смоленскъ; въ 1812—въ Кострому; въ 1824 — въ Москву, гдѣ корпусъ, подъ названіемъ «Перваго Московскаго кадетскаго корпуса», былъ водворенъ окончательно. Въ спискахъ воспитанниковъ, выпущенныхъ на дѣйствительную службу съ 1785 года, встрѣчаемъ многія имена, снискавшія себѣ извѣстность подвигами, или смертью на полѣ брани — ихъ носившихъ. Изъ сравненія учебныхъ программъ, уставовъ и штатовъ корпуса за время столѣтняго его существованія, читатель легко можетъ себѣ составить наглядное понятіе о томъ, на сколько преуспѣло это военно-учебное заведеніе и въ какой мѣрѣ нынѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію.

Названія московскихъ улицъ и переулковъ, съ историческими объясненіями, составленными А. Мартыновымъ. Москва. 1878. (Планъ, 100 стр. въ 8. д. л.).

Въ составъ этой небольшой книги вошелъ алфавитный списокъ улицъ и переулковъ нашей древней столицы, съ историческими объясненіями ихъ названій. Этотъ трудъ нашего дѣятельнаго изыскателя отечечественной старины А. Мартынова достоинъ вниманія каждаго грамотнаго человѣка. Названія эти большею частію сопряжены съ воспоминаніями о важныхъ событіяхъ, замѣчательныхъ личностяхъ или бытовыхъ особенностяхъ Москвы, во времена глубокой древности. Въ недавнее время поднятый вопросъ о переименованіи нѣкоторыхъ улицъ и мѣстностей нашей Бѣлокаменной едва-ли можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, именно въ виду того, что ради благозвучія, или въ угоду современности, едва-ли можно сочувственно отнестись къ переименованію улицъ, въ ущербъ воспоминаній историческихъ. Именно эти воспоминанія и собраны въ книгѣ г. Мартынова. Планъ, къ ней приложенный, при маломъ своемъ масштабѣ (2 версты 312½ саж. въ англ. дюймѣ), знакомитъ съ причудливымъ, паутинообразнымъ расположеніемъ города, имѣющаго въ окружности 32 версты 32½ саж., занимающаго площадь въ 64 версты 1586 кв. саж., въ 11½ верстъ длиною и 8½ в. шириною. Число улицъ простирается до 174, переулковъ—до 544.

Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ (1846—1876). Г. М. Максимова. С.-Петербургъ. 1878 (302 стр. въ 8 д. л.). Цѣна 1 р. 50 коп.

Эти воспоминанія не безполезный матеріалъ для историка русскаго театра.

Хотя авторъ и опредѣляетъ время своихъ разсказовъ тридцатилѣтнимъ періодомъ (1846—1876), однако, между ними встрѣчаются закулисныя преданія, относящіяся къ тридцатымъ годамъ и къ началу сороковыхъ. «Не мудрствуя лукаво», Г. М. Максимовъ въ большинствѣ случаевъ довольно вѣрно очерчиваетъ характеристику своихъ сослуживцевъ, отъ знаменитостей до актеровъ «изъ свиты Фортинбраса», т. е. изображающихъ «народъ», «гостей» и т. д. Лишь на послѣднихъ страницахъ читатель встрѣчаетъ мѣстоименіе «я», и нигдѣ не встрѣтитъ фразы проникнутой желчью, или звучащей унылою ноткою оскорбленнаго самолюбія. Если выводы автора изъ фактовъ, имъ приводимыхъ, не всегда согласны съ умозаключеніями самого читателя, за то самые факты правдивы и не

подкрашены. Замѣтимъ однако-же, что при слѣдующемъ изданіи «Свѣта и тѣней» почтенный авторъ, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на нѣсколько недосмотровъ, требующихъ исправленія. Такъ, напримѣръ, на стр. 125, покойный Л. В. Дубельтъ названъ «шефомъ жандармовъ и начальникомъ III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи», тогда какъ по смерти графа А. Х. Бенкендорфа, Дубельтъ лишь временно исправлялъ эти должности, до назначенія въ нихъ графа А. Ѳ. Орлова. Стр. 132. Неваховичи названы «бѣлоруссами»; невѣрно: отецъ ихъ былъ дѣйствительно изъ евреевъ и крестился въ православіе. На стр. 49. Смерть А. Е. Мартынова показана подъ 16-мъ числомъ августа 1869 — вмѣсто 1860. На стр. 49. «Князь Скопинъ Шуйскій» названъ драмою Полеваго, тогда какъ эта трагедія Кукольника. Впрочемъ, эти немногія погрѣшности не отнимаютъ многихъ достоинствъ у книги Г. М. Максимова.

Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Томъ III. 1740 — 1762. Составилъ П. Барановъ. Спб. 1878 г. Въ 8. д., стр. XXXI + 513.

Указатели къ III тому Описи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящ. въ С.-Петерб. сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. 1740—1762 гг. Состав. П. Барановъ. Спб. 1878. въ 8. д.

Этотъ трудъ, составляемый съ особенною заботливостью и вниманіемъ, имѣетъ на столько важное значеніе—въ исторической и историко-юридической литературѣ нашего отечества, что нельзя не пожалѣть, что онъ не былъ предпринятъ еще двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ. Нельзя понять, какимъ образомъ не было къ нему приступлено еще въ эпоху Сперанскаго, когда, подъ высшимъ руководствомъ этого государственнаго мужа, составлялось первое Полное Собраніе законовъ. «Опись» сокровищъ сенатскаго архива, являющаяся нынѣ томъ за томомъ, вноситъ указанія на массу доселѣ либо неизвѣстныхъ, либо малоизвѣстныхъ актовъ представителей державной власти и правительствующаго сената въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Довольно сказать, что за время съ 1740 по 1762-й годъ (28-е іюня) число заголовковъ высочайшихъ указовъ, повелѣній и высочайше утвержденныхъ опредѣленій сената, оказавшихся въ числѣ документовъ сенатскаго архива, внесено въ опись г. Баранова 4,280, изъ нихъ же помѣщено въ Полномъ Собраніи законовъ только 538, а—3,742 акта, несомнѣнно имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ сторонамъ жизни и развитія нашего отечества за помянутое время,—оставалось и остается необнародованнымъ и мало извѣстнымъ. Весьма многіе изъ этихъ указовъ, повелѣній и сенатскихъ опредѣленій относятся либо къ производствамъ и служебнымъ назначеніямъ отдѣльныхъ лицъ, или вызваны совершенно частными случаями — тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ имѣютъ неоспоримо гораздо большее значеніе, чѣмъ то думали составители перваго Полнаго Собранія законовъ, сознательно или несознательно не внося многіе изъ этихъ актовъ въ тотъ сборникъ, который подъ именемъ «перваго Полнаго Собранія законовъ» составляетъ понынѣ краеугольный камень при изученіи русской исторіи прошлаго столѣтія.

Что касается до порядка составленія г. Барановымъ «Описи», то несомнѣнно, что и въ томъ видѣ, въ какомъ она является—она весьма и весьма полезна; но было бы гораздо полезнѣе, еслибы составитель не ограничивался двумя или тремя строками заголовка указа или сенатскаго протокола, но хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводилъ бы актъ въ извлеченіи наиболѣе важныхъ подробностей и именно представлялъ бы извлеченія изъ тѣхъ актовъ, которые не вошли въ Полное Собраніе законовъ. Конечно, трудъ отъ этого увеличился-бы, удвоился или даже утроился бы объемъ изданія, —

но вѣдь это изданіе производится не на частныя средства, это работа не одного человѣка, а цѣлой канцеляріи сенатскаго архива, и имѣетъ значеніе, если можно такъ выразиться, государственное, такъ какъ не только ученый, но и законодатель, и то или другое правительственное учрежденіе неминуемо, рано или поздно, но должно будетъ обращаться за справкою въ эту Опись. Пусть же трудъ описи сенатскаго архива будетъ не простою описью, а дѣйствительнымъ описаніемъ этого хранилища актовъ правительственной власти хотя бы только за одинъ XVIII-й вѣкъ.

Изданіе украшено портретами: императора Іоанна Антоновича—фотографическій снимокъ съ современной ему акварели 1741-го года (съ этого снимка исполнена гравюра академика Сѣрякова, приложенная къ «Русской Старинѣ», томъ XXIV); портретъ императрицы Елисаветы Петровны — геліографическій снимокъ съ гравюры Чемесова, и такой же снимокъ портрета императора Петра III.—Послѣдніе два снимка исполнены г. Скамони, по его способу, въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, мастерство и изящество которой въ воспроизведеніи таковыхъ снимковъ и въ отпечатаніи гравюръ исполненныхъ на деревѣ—хорошо извѣстны читателямъ «Русской Старины».

«Указатели» составляемые г. Барановымъ къ его «Описи», также весьма полезны,но такъ какъ они указываютъ только то, что говорится въ Описи, а опись говоритъ очень и очень мало, то очевидно, что указатель лишь облегчаетъ справку въ самомъ архивѣ, а безъ хожденія въ архивъ и безъ обращенія къ подлиннымъ документамъ — онъ, вмѣстѣ съ описью, даетъ немного. И напрасно заявляетъ почтенный его составитель, что въ своемъ указателѣ онъ представляетъ «довольно полныя жизнеописанія главнѣйшихъ русскихъ дѣятелей за первую половину XVIII стол.» (стр. XXXI)—онъ дѣлаетъ лишь указанія въ какомъ актѣ сенатскаго архива упоминается то или другое имя, дополняя иногда выпискою изъ родословій—имени жены того или другаго лица. Большое спасибо и за это.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

III [1]).

Толки о бѣгствѣ диктатора. — Петровъ появляется въ Краковѣ для уплаты Лангевичу обѣщанной суммы.—Поединокъ Грабовскаго съ Бобровскимъ.— Дѣйствія повстанцевъ въ Плоцкой губерніи.—Бѣгство Томашевскаго и Гроттуса. — Падлевскій назначается воеводой.—Его первыя распоряженія.—Красная партія.—Военныя дѣйствія.—Падлевскій подаетъ въ отставку.—Жондъ не принимаетъ ея.—Падлевскій ѣдетъ на встрѣчу познанской банды.—Арестованіе его со штабомъ.—Дѣйствія повстанцевъ въ Августовской губерніи.— Бѣлые одолѣваютъ красныхъ.—Сооруженіе статуи въ городѣ Сувалкахъ для поднятія народнаго духа.—Первыя банды.—Андрушкевичъ.—Рамотовскій.

Такой, никѣмъ неожиданный конецъ диктатуры взволновалъ всѣ повстанскіе умы. Такъ какъ было неизвѣстно, долго-ли просидитъ Лангевичъ подъ арестомъ, то считать его окончательно погибшимъ для возстанія никто не рѣшался. Притомъ ходили слухи, будто партія, способствовавшая его возвышенію, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы выручить узника, и предложила за его освобожденіе довольно хорошій кушъ.... [2]). Но проходили дни за днями, а Лангевичъ сидѣлъ себѣ да сидѣлъ и стерегли его очень строго. Замѣтивъ, что онъ переглядывается съ Пустовойтовой и разговариваетъ съ нею условными знаками, перевели его на другую сторону башни, откуда было невидно дома, гдѣ содержался бывшій его «адъютантъ».... [3]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428. Настоящая глава въ общемъ трудѣ Н. В. Берга составляетъ вторую половину гл. XI-й. Ред.

[2]) 40,000 злотыхъ, по нашему 6 тысячъ рублей (Гиллеръ, I, 280, примѣчаніе).

[3]) Нѣсколько позже, именно 2-го апрѣля н. ст., Лангевича перевезли въ Тышновице, причемъ онъ сѣлъ въ вагонъ, въ 4-мъ часу по полудни, не на де-

При такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣлъ, краковскій «Часъ», въ тотъ самый день, какъ диктаторъ былъ посаженъ въ цитадель на Вавелѣ (22-го марта н. ст.), протрубилъ о побѣдахъ Лангевича подъ Загостьемъ и Гроховисками, и объяснялъ пораженіе одной части войскъ его «замѣшательствомъ, возникшимъ вслѣдствіе удаленія на короткое время диктатора и неизвѣстности, гдѣ онъ находится» [1]). Но тутъ же, на всякій случай, дѣлалась такая оговорка: «Неизвѣстность, гдѣ находится диктаторъ, и кратковременное удаленіе его изъ одного лагеря не придаетъ еще этой потерѣ общаго характера. Еслибъ мы допустили даже, что диктаторъ исчезъ совсѣмъ, отъ этого положеніе вещей немного бы измѣнилось. Онъ правилъ слишкомъ недолго и на небольшомъ пространствѣ, чтобы могъ сосредоточить въ рукахъ своихъ пружины повстанской дѣятельности. Званіе диктатора было лишь формулой, подъ которою выразилась готовность на жертвы и самоотверженіе; выразилось то, чего народъ хочетъ. Но не отсюда ведетъ начало трудъ народный и настоящее движеніе»....

Днемъ позже, 23-го марта н. ст., извѣстный другъ поляковъ, Генелли, на засѣданіи нижняго парламента въ Лондонѣ, вычислилъ съ точностію пространство, на которомъ дѣйствовалъ Лангевичъ: оно оказалось всего-на-все въ 1,600 англійскихъ квадратныхъ миль, тогда какъ все возстаніе, по расчисленію того же лица, обнимало 16 тысячъ англійскихъ квадратныхъ миль.

Варшава вела себя нѣкоторое время какъ Краковъ: 22-го марта н. ст. кучка людей, составлявшихъ недавно жондъ народовый, а теперь переименованная въ диктаторскую исполнительную коммисію, велѣла разбросать по улицамъ Варшавы литографированные листки, съ описаніемъ побѣдъ Лангевича подъ Загостьемъ. Вышедшій тогда же 14-й номеръ «Руха» носилъ на себѣ диктаторскую печать, съ подписью вокругъ: «Dyktator.—Komissya Wykonawcza» (Диктаторъ. Исполнительная коммисія).

Кромѣ того, ходила по рукамъ перепечатка «Часа», что «диктаторъ неизвѣстно гдѣ; что онъ удалился куда-то по своей волѣ».

баркадерѣ, а за варшавской заставой. Пустовойтовой позволено было отправиться послѣ этого, куда она пожелаетъ. Она переѣхала въ Прагу, гдѣ вмѣстѣ съ подругой своей, оперною пѣвицей Завишанкой, стала хлопотать объ освобожденіи своего друга. Ей удалось кое-какъ получить позволеніе увидѣться съ Лангевичемъ въ Тышновицахъ. Они затѣяли побѣгъ, съ 26-го на 27-е апрѣля, въ ночь. Лангевичъ для этого обрился и перемѣнилъ одежду.... но тайна была открыта. 29-го апрѣля н. ст. бывшаго диктатора перевезли въ крѣпость Іозефштадтъ, гдѣ первое время не позволяли ему выходить рѣшительно никуда, даже съ офицеромъ.

[1]) «Czas» 1863 г., № 67.

Н. Б.

Какой-то «варшавянинъ» писалъ въ «Часъ», отъ 24-го марта н. ст.: «Судьба диктатора, битвы и событія въ краковскомъ воеводствѣ занимаютъ здѣсь всѣхъ въ высшей степени. Разные слухи мѣшаются между собою, такъ что изъ всего выходитъ рѣшительный хаосъ».

Въ одинъ изъ этихъ тревожныхъ для возстанія дней случилось нѣсколько загадочное происшествіе: извѣстный читателямъ Петровъ, имѣя откуда-то свѣдѣнія объ участи Лангевича, прибылъ въ Краковъ, чтобы «расплатиться съ бывшимъ диктаторомъ, которому далъ честное слово, за дарованіе ему свободы въ Собковѣ, внести въ лагерные расходы повстанцевъ 10 тысячъ злотыхъ» [1].

. . . .

. . . .

По пріѣздѣ въ Краковъ, бывшій плѣнникъ Лангевича посѣтилъ ту же минуту цитадель и требовалъ свиданія съ узникомъ. Его спросили: «зачѣмъ это?» Петровъ отвѣчалъ, что «считаетъ себя должнымъ Лангевичу 10 тысячъ злотыхъ, которые и хочетъ ему вручить». «Въ такомъ случаѣ,—сказали ему,—личное свиданіе съ узникомъ не нужно: передайте деньги коменданту цитадели. Половина ихъ, по существующимъ въ Австріи узаконеніямъ, должна поступить въ казну, а другая половина, будьте увѣрены, дойдетъ до арестанта. Петровъ передалъ деньги въ руки коменданта, и отправился отыскивать краковскій революціонный комитетъ,—отыскалъ и предъявилъ ему искъ на повстанцевъ краковскаго воеводства, взявшихъ у него изъ стола, въ имѣніи Осекѣ, 255 рублей денегъ. Комитетъ назначилъ по этому поводу засѣданіе, на которомъ дѣло Петрова рѣшено было въ его пользу. Предложили даже выдать ему изъ суммъ возстанія взятыя у него неправильно деньги, но Петровъ отказался, объявивъ краковскому жонду, что «онъ добивался только правды»—и затѣмъ уѣхалъ въ Варшаву [2].

Почти одновременно со всѣмъ разсказаннымъ, члены жонда народоваго, Гиллеръ и Іосифъ Яновскій, напрасно проискавъ диктатора около Гощи и узнавъ потомъ о его печальной судьбѣ, перебрались за нимъ въ Тарновъ, гдѣ дали хорошую взятку караульнымъ и были допущены къ арестанту. Гиллеръ тотчасъ спросилъ у Лан-

---

[1]) См. выше «Русскую Старину» 1879 г., томъ XXIV, глава I.

[2]) Всѣ эти странныя вещи разсказаны автору самимъ Петровымъ, въ его варшавскомъ домѣ, на Хмѣльной улицѣ, въ 1865 году. Кромѣ того, Петровъ давалъ автору читать составленную имъ записку обо всѣхъ его похожденіяхъ въ лагерѣ Лангевича и въ Краковѣ, но тамъ нѣкоторыя подробности, сообщенныя на словахъ, опущены, а маіоратъ Петрова Осекъ названъ вымышленнымъ именемъ Дзенки. Н. Б.

гевича: «чтó его заставило согласиться на принятіе диктатуры?» Онъ отвѣчалъ: «еслибъ я не огласилъ себя диктаторомъ 10-го марта,— 11-го былъ бы имъ, въ моемъ же лагерѣ, Мирославскій!».

Поводомъ къ переходу Вислы Лангевичъ выставлялъ коварный совѣтъ Езеранскаго, котораго считалъ источникомъ всѣхъ своихъ несчастій. «Выручите только меня изъ тюрьмы, пойду бить москалей хоть съ оглоблей въ рукахъ!» [1]).

Затѣмъ Гиллеръ и Яновскій отправились въ Краковъ, гдѣ вскорѣ очутился и авторъ витіеватаго письма къ Лангевичу, посланный, какъ извѣстно читателямъ, вслѣдъ за первыми двумя лицами.

Вся интрига возведенія Лангевича въ диктаторы открылась передъ ними во всѣхъ подробностяхъ. Собравъ наиболѣе солидныхъ и уважаемыхъ въ городѣ людей [2]), Бобровскій, Яновскій и Гиллеръ нарядили слѣдствіе надъ графомъ Адамомъ Грабовскимъ, какъ самовольно присвоившимъ себѣ титулъ правительственнаго коммисара, и надъ сопровождавшими его въ лагерь Лангевича Іосифомъ Колачковскимъ и Владиславомъ Семинскимъ, какъ участниками въ интригѣ, направленной къ потрясенію власти жонда.

По окончаніи перваго засѣданія «коммисіи», графъ Адамъ Грабовскій (довольно искусно защищавшій себя исключительнымъ положеніемъ дѣлъ и опасностью, которая грозила возстанію со стороны Мирославскаго), выходя изъ залы, дружески со всѣми раскланялся и протянулъ руку даже самому строгому своему обвинителю, Бобровскому, котораго считалъ къ тому же и авторомъ «письма народнаго правительства къ Лангевичу» [3]), но Бобровскій отдернулъ свою руку и, вечеромъ того же дня, былъ вызванъ Грабовскимъ на дуэль. Бобровскій, на первыхъ порахъ, отказался драться вовсе, но когда, вслѣдствіе этого, поднялись въ городѣ сильные толки и крики (сдѣлавшіе невозможнымъ продолженіе засѣданій слѣдственной коммисіи по дѣлу Грабовскаго, Колачковскаго и Семинскаго)—поручилъ заняться разсмотрѣніемъ щекотливаго вопроса пріятелю своему К. Красицкому [4]) и рѣшить, «нужно-ли стрѣляться или не нужно?» а самъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ его ждали съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, и на основаніи всего имъ видѣннаго и слышаннаго, взявъ во внима-

---

[1]) Гиллеръ, I, 280, примѣчаніе.

[2]) Гиллеръ обозначаетъ ихъ буквами K. W. R. F. (I, 44).

[3]) Это письмо Бобровскій, по пріѣздѣ въ Краковъ, отдалъ генералу Высоцкому, а тотъ показалъ его своимъ знакомымъ—и оно стало ходить по городу и вскорѣ явилось въ печати, при брошюрѣ «Wtył».

[4]) По другимъ свѣдѣніямъ, были избраны арбитрами: генералъ Крушевскій и литераторъ Северинъ Эльжановскій. Н. Б.

ніе положеніе повстанскихъ дѣлъ во всѣхъ провинціяхъ, а также и взаимныя отношенія партій, написалъ новый уставъ, гораздо полнѣйшій, чѣмъ бывшіе дотолѣ въ ходу 9 параграфовъ Гиллера, и установлявшій, по мнѣнію автора—еслибъ только удалось ввести его во всѣхъ подробностяхъ—возможность всякой катастрофы на будущее время.

Взглянемъ теперь на другую, сѣверную часть Царства, по правую сторону Буга и Вислы, часть менѣе живую и кипучую, какъ бы съ другимъ, болѣе спокойнымъ польскимъ населеніемъ.

Много значитъ естественная граница, большая рѣка, не только въ государствѣ, но даже и въ городѣ. Она всегда дѣлитъ городъ на двѣ разныя половины, съ разными пріемами жизни, характеромъ и, нерѣдко, физіономіями жителей. Переѣхалъ за рѣку—и чувствуешь себя иначе, и уже забытъ тою стороной, заводи другія знакомства, живи на новый ладъ, не такъ, какъ жилъ тамъ, на той сторонѣ.

Таково Замоскворѣчье нашей древней столицы; такова Петербургская Сторона для петербургскаго центра; таковъ Грачинъ для пражанъ Коловратской, Фердинандской и другихъ центральныхъ улицъ чешской столицы; таковъ Стамбулъ для жителей Константинополя.... и мало-ли еще примѣровъ... Точно такъ Висла и Бугъ дѣлятъ на двѣ разныя части конгрессувку. Настоящая жизнь—Кузнецкій мостъ, Невскій проспектъ—кипитъ здѣсь, по сю, по лѣвую сторону сказанныхъ рѣкъ [1]), и этой, нашей сторонѣ, какъ будто и дѣла нѣтъ до того, чтó совершается тамъ, вверху, на сѣверѣ, w Płockiém, Łomżyńskiém, Augustowskiém,—въ этомъ Замоскворѣчьи Царства Польскаго.

Взглянемъ же, чтó дѣлалось въ этомъ «Замоскворѣчьѣ», пока все разсказанное нами совершалось на другой, южной сторонѣ Царства.

Когда усилія повстанцевъ овладѣть Плоцкомъ, съ цѣлью оглашенія тамъ явнаго народнаго правительства, кончились ничѣмъ, революціонная жизнь въ плоцкомъ и августовскомъ воеводствахъ на время замерла. Всѣ растерялись. Военный начальникъ плоцкаго воеводства, Томашевскій [2]), куда-то скрылся. Помощникъ его, Гротгусъ, сдѣлалъ то же. Занявшій послѣ этого постъ воеводы, адвокатъ Зегржда,

---

[1]) Собственно, по границу Плоцкой губерніи, состоящую изъ рѣкъ: Буга отъ рѣки Нурца до Новогеоргіевской крѣпости и далѣе,—Вислы до прусской границы.

[2]) Кажется, это былъ псевдонимъ нашего артиллерійскаго офицера Конрада Блащинскаго, по гербу Бонча. Н. В.

какъ мы видѣли, застрѣлился. Коммисаръ Пултускаго уѣзда, Броневскій, ушелъ за Наревъ. Уѣздный начальникъ того же уѣзда, Михневичъ, прикидывался помѣшаннымъ, а можетъ быть, и дѣйствительно помѣшался. Помѣщики подымали на смѣхъ разныя власти повстанской организаціи тѣхъ мѣстъ, съ ихъ приказами и предписаніями, и не давали бандамъ ничего. Иные даже, просто-за-просто, не пускали къ себѣ чиновниковъ народнаго правительства на глаза, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, съ новымъ коммисаромъ Пултускаго уѣзда, Збигнѣвомъ Хондзынскимъ, сенаторъ Дзѣдзицкій. Вліятельный помѣщикъ Зонненбергъ и нѣкоторые другіе совѣтовали начальникамъ скрывшихся, Богъ вѣдаетъ гдѣ, бандъ распустить народъ по домамъ, а самимъ бѣжать куда глаза глядятъ или сидѣть смирно.

Между тѣмъ Падлевскій, выѣхавшій изъ Варшавы тотчасъ послѣ набора, именно 17-го января н. ст., съ тѣмъ, чтобы, сформировавъ большую банду изъ «варшавскихъ дѣтей», ударить съ нею на Новогеоргіевскую крѣпость (гдѣ была въ заговорѣ съ повстанцами юнкерская школа и яко бы нѣкоторая часть войскъ: такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ кружкахъ заговорщиковъ),—узналъ на дорогѣ, что юнкера переведены изъ крѣпости въ Россію, а гарнизонъ пополненъ новоприбывшими изъ Россіи баталіонами; да и банда, которую ему удалось сформировать въ Блонскихъ лѣсахъ изъ тѣхъ скитальцевъ, какихъ мы видѣли въ началѣ предъидущей главы, между Варшавой и Кампиносомъ, была весьма незначительна и плохо вооружена, а потому Падлевскій двинулся съ нею влѣво, преслѣдуемый нашими войсками до слитія Бзуры съ Вислой, перешелъ послѣднюю по тающему льду и очутился въ плоцкомъ воеводствѣ [1]), гдѣ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ столкновеніи съ повстанцами отряда Козлянинова подъ Цѣлковымъ, и, вскорѣ затѣмъ узнавъ о судьбѣ Томашевскаго и другихъ начальниковъ, рѣшился принять на себя обязанности воеводы, о чемъ снесся немедля съ варшавскою исполни-

---

[1]) Гиллеръ, I, 36. Разсказываютъ такую исторію о встрѣчѣ Падлевскаго съ отрядомъ полковника генеральнаго штаба Кривоносова. Разыскивая банды, Кривоносовъ остановился переночевать въ деревнѣ Сыцыминѣ, у помѣщика Черновскаго. Въ это время разъѣзды захватили какого-то неопредѣленнаго господина, ѣхавшаго куда-то на телѣгѣ, и привели въ Сыцыминъ. Это былъ Падлевскій. Онъ бросился къ Черновскому въ объятія и успѣлъ ему шепнуть, что «дѣло плохо, что онъ—такой-то». Черновскій, нисколько не сконфузясь, рекомендовалъ его Кривоносову какъ своего кузена, помѣщика сосѣдней деревни. Послѣ ужина, за которымъ сильно доставалось повстанцамъ, Кривоносовъ далъ Падлевскому охранную записку—и онъ уѣхалъ къ бандамъ. Н. В.

тельною коммисіей (замѣнявшею тогда жондъ народовый) и былъ утвержденъ ею въ этомъ званіи [1]).

Люди, призванные играть какія-либо роли въ возстаніяхъ, что-либо значить, командовать, имѣть вліяніе, одушевлять массы, подымать духъ своихъ подчиненныхъ въ критическія минуты—родятся въ особыхъ сорочкахъ, бываютъ другаго закала, чѣмъ всѣ прочіе, проходятъ особый повстанскій курсъ, во-время проигрываютъ революціонныя «гаммы». Падлевскому не случилось родиться такимъ повстанцемъ. Онъ былъ, просто-за-просто, русскій гвардеецъ либеральнаго направленія, наслушавшійся кое-какихъ отрывочныхъ революціонныхъ лекцій въ Брестскомъ корпусѣ, потомъ—въ кружкахъ Домбровскаго и Сѣраковскаго въ Петербургѣ, наконецъ—около «Ангела революцій» (какъ называли поляки Гарибальди) и другихъ революціонныхъ коноводовъ Европы. Вотъ весь его неполный повстанскій курсъ, пройденный кое-какъ, урывками, безъ особеннаго увлеченія: что вскакивало случайно въ ухо. Падлевскій попалъ на революціонную дорогу совсѣмъ не по призванію, а какъ-то такъ, занесло вѣтромъ. При военной, эффектной физіономіи, высокомъ ростѣ, громкомъ голосѣ, вообще умѣньѣ держать себя съ внѣшней стороны аристократически-импозантно, изъ него могъ бы выработаться недурной начальникъ части, еслибъ только его обломала хоть одна революція, еслибъ онъ взглянулъ на эти дѣла близко, съ задняго и передняго подъѣздовъ. Идти далѣе, завѣдывать обширнымъ революціоннымъ отдѣломъ, быть воеводой, диктаторомъ (о чемъ онъ постоянно мечталъ)—онъ бы никогда не могъ: повторяемъ, у него не было на это надлежащихъ природныхъ способностей. Между тѣмъ судьба поставила его прямо въ самый сильный революціонный огонь и притомъ въ невыгодной позиціи,—его, который не видалъ и самыхъ малыхъ стычекъ, не пережилъ передрягъ ни одной революціи. Само собою разумѣется, онъ растерялся.

Повстанская организація Плоцкой губерніи, когда прибылъ туда Падлевскій, была, въ сущности, только потрясена, но не распалась вовсе. Банды, правда, сильно разстроенныя, всетаки держались по разнымъ лѣснымъ трущобамъ и тайнымъ квартирамъ, ожидая удобнаго момента, когда имъ можно будетъ выйти и биться съ москалями. Онѣ интинктивно понимали, что настоящій революціонный вождь разглядитъ ихъ во всякой глуши и во всякую непогодь—и напря-

---

[1]) Матеріалы плоцкаго военнаго отдѣла: письма разныхъ чиновъ тамошней повстанской организаціи и рапорты ихъ Падлевскому. Также «Записки» Авейде, IV, 19, примѣчаніе. Н. Б.

женно прислушивались, не раздается ли гдѣ призывный, одушевляющій голосъ такого вождя? Падлевскій воззвалъ къ нимъ обыкновеннымъ гвардейскимъ приказомъ по войскамъ, отъ 25-го января н. ст. Никто не откликнулся. Даже кучка людей, которая пришла съ воеводой изъ Кампиносской пущи, стала быстро таять. А тутъ—напираютъ со всѣхъ сторонъ русскіе отряды, давно обученные военной грамотѣ, стройные, веселые, спокойные!...

Воевода сѣлъ и написалъ, 27-го января н. ст., такой приказъ:

«Товарищи! Въ минуту, когда, со всѣхъ сторонъ обманутые и обезсиленные, мы не въ состояніи шевельнуть пальцемъ; когда нѣтъ средствъ спасти геройскою смертью честь края, опозореннаго нашимъ собственнымъ безпутствомъ, я не смѣю, мнѣ запрещаетъ совѣсть требовать отъ васъ безсмысленнаго пролитія крови. Васъ осталось всего-на-все 80, можетъ быть 100, выдержавшихъ характеръ до конца, а тысячи разбѣжались и, вѣроятно, не вернутся: чтожъ толку, если вы перенесете еще нѣсколько дней голоду и холоду и потомъ, окруженные вчетверо сильнѣйшимъ врагомъ, погибнете геройски? это будетъ ничего больше, какъ отчаянное усиліе и не заслуженная смерть, не ведущая ни къ чему. Это дастъ только поводъ врагамъ нѣсколько дней долѣе издѣваться надъ нашимъ несчастіемъ; а тѣ, кто губилъ и всегда будетъ губить и уничтожать всѣ наши усилія, кто попираетъ ногами кровь народнаго искупленія, называя измѣнниками людей, ее проливающихъ, что нарушили ихъ рабское спокойствіе,—имъ будетъ возможность нѣсколько долѣе проклинать васъ и наконецъ предать не только врагамъ, но и самому сатанѣ.

«Два дни тому назадъ, приказомъ отъ 25-го января, я звалъ васъ на бой; теперь долженъ вамъ съ горечью сказать: расходитесь! Бросьте сладкія мечты и благородныя стремленія, бѣгите, да! бѣгите! Сегодня шляхта, можетъ быть, еще даетъ вамъ какое нибудь убѣжище, а немного позже и очень скоро назоветъ васъ бродягами и, что еще хуже, откажетъ вамъ въ пріютѣ!

«Прощайте! Кто достигнетъ благополучно Варшавы, вѣроятно, найдетъ меня тамъ (если не попадусь въ руки москалей) и тогда объяснимся на счетъ настоящаго моего приказа» [1]).

Приказъ этотъ готовъ былъ полетѣть по воеводству.... какъ вдругъ у воеводы собралась кучка наиболѣе дѣятельныхъ и неустрашимыхъ членовъ плоцкой революціонной организаціи. Стали толковать о трудномъ, почти безвыходномъ ихъ положеніи, о козняхъ бѣлой партіи... Наивный гвардеецъ признался своимъ гостямъ, что «считаетъ дѣло возстанія проиграннымъ безвозвратно, по крайней мѣрѣ въ плоцкомъ

---

[1]) Авторъ видѣлъ подлинный приказъ собственными глазами. Онъ весь писанъ рукою Падлевскаго. Внизу приложена печать плоцкаго воеводы и подписано: Сигизмундъ Падлевскій. Это единственный приказъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ авторомъ, съ полною подписью имени и фамиліи Падлевскаго. Надо замѣтить, что тогда онъ не былъ еще утвержденъ жондомъ въ званіи воеводы. По утвержденіи, подписывался всѣмъ титуломъ и, вмѣсто имени и фамиліи, ставилъ неясные крючки. Н. Б.

воеводствѣ»,—и затѣмъ прочелъ имъ «приказъ», приготовленный къ отсылкѣ въ разстроенные ряды арміи.

Гости пришли въ ужасъ и стали укорять воеводу въ безхарактерности и легкомысленномъ допущеніи къ себѣ разныхъ подозрительныхъ личностей, которыя его только сбиваютъ и совращаютъ съ пути [1]. Въ особенности шумѣлъ и выходилъ изъ себя новый пултускій коммисаръ, Збигнѣвъ Хондзынскій (въ организаціи Людвигъ Бялый), человѣкъ неслыханно дерзкій, который, за отсутствіемъ въ воеводствѣ дѣйствительнаго начальника, забралъ все въ свои руки и распоряжался не только въ Пултускомъ уѣздѣ, но и въ другихъ ближайшихъ, какъ полный глава и хозяинъ. Онъ сказалъ между прочимъ, что «положеніе воеводства еще не такъ безнадежно, какъ кажется на первый взглядъ людямъ близорукимъ, ничего не смыслящимъ въ повстанскихъ дѣлахъ. Банды есть; одушевленіе надо возбудить; деньги будутъ; немного энергіи, принудительныя номинаціи, жандармы съ кинжалами и револьверами—и края черезъ нѣсколько дней не узнаешь!» «Что-же касается чистосердечныхъ приказовъ по арміи (замѣтилъ Хондзынскій) — они всегда ложь, всегда — фальшивые тоны въ повстанской, да и въ какой угодно военной музыкѣ. Повстанецъ-ли командуетъ войсками, другой-ли какой генералъ: онъ долженъ непремѣнно скрывать отъ солдатъ и отъ свѣта очень многое и ни въ какомъ случаѣ не теряться. Еще не бывало такого главнокомандующаго, который бы не солгалъ ни разу въ своихъ приказахъ по арміи. А потому приказъ воеводы, приготовленный къ огласкѣ, можетъ статься, самъ по себѣ и очень честный и благородный приказъ,—въ настоящую минуту никуда негодится и долженъ быть замѣненъ другимъ».

Гвардеецъ отвѣчалъ, что «все сказанное было-бы справедливо, еслибъ въ плоцкомъ воеводствѣ существовала хотя какая либо повстанская организація и войска, но ничего этого нѣтъ, вслѣдствіе чего онъ и хочетъ отправиться въ Варшаву, а, конечно, не изъ трусости. Въ Варшавѣ еще можно найти какое нибудь дѣло и кѣмъ-нибудь командовать; наконецъ, можно перебраться на правый берегъ Вислы: тамъ есть банды и кипитъ жизнь, а здѣсь все умерло. Впрочемъ, если ему докажутъ, что и въ плоцкомъ воеводствѣ существуетъ организація и есть люди, которыхъ можно вести въ бой—онъ останется. Приказъ, который находятъ непрактичнымъ, не трудно унич-

---

[1] Авейде увѣряетъ, что Зонненбергъ, подговорившій бѣжать Томашевскаго и Гротгуса, подговаривалъ къ тому же и Падлевскаго (III, 37, примѣчаніе). Н. Б.

тожить. Только новаго онъ писать не станетъ. Пусть пишутъ другіе, кому угодно, и прикладываютъ воеводскую печать. Мѣшать этому онъ не станетъ, да и не въ правѣ, потому что еще не воевода».

Хондзынскій сѣлъ и написалъ, какъ-бы отъ лица воеводы, слѣдующее:

«Граждане! Вся Польша пылаетъ мщеніемъ. Чудеса отваги и самоотверженія совершаются на всемъ пространствѣ нашего отечества; испуганный врагъ бѣжитъ и кидаетъ оружіе. Одно лишь плоцкое воеводство, самое обильное по числу заговорщиковъ, вслѣдствіе апатіи повстанцевъ и измѣны коекого изъ шляхты, чьи имена народъ завтра-же, быть можетъ, станетъ проклинать, а теперь они выставляются на публичное позорище: Колчевскій, Зонненбергъ, Уяздовскій, Болинскій, Трщинскій, Климкевичъ и нѣкоторые другіе,—отстало отъ прочихъ и бросаетъ нѣсколько десятковъ повстанцевъ, которые бились и выдержали до конца, на жертву вражескаго милосердія или на поруганіе, и хладнокровно смотритъ на неистовства, какимъ разъяренный врагъ, не видя ни откуда поддержки, предается. Моя гражданская совѣсть и присяга, принесенная передъ лицомъ Бога и отчизны, не дозволяютъ мнѣ допускать подобныхъ поруганій, а также и подобнаго равнодушія. Обращаюсь къ вамъ еще разъ [1]), чтобы вы какъ можно скорѣе возвратились къ вашимъ обязанностямъ, и призываю васъ къ поголовному возстанію. Граждане! Отечество требуетъ отъ васъ самоотверженія. Весь край упредилъ васъ и сталъ подъ оружіе. Послѣдуйте его примѣру—и черезъ три дня въ цѣломъ воеводствѣ не останется ни одного московскаго солдата! Еслижъ вы, не смотря на это воззваніе, не явитесь на своихъ мѣстахъ—вооруженные отряды получатъ приказаніе вербовать васъ силою».

Приказъ этотъ, скрѣпленный печатью плоцкаго воеводы и подписанный Падлевскимъ, пошелъ гулять по лѣсамъ. Кромѣ того, Хондзынскій склонилъ Падлевскаго подписать смертный приговоръ сенатору Дзѣдзицкому [2]) и онъ былъ приведенъ въ исполненіе 1-го февраля н. ст., въ дер. Домбровкѣ, Праснышскаго уѣзда, бандою Ѳомы Кольбе: Дзѣдзицкаго повѣсили, при значительномъ стеченіи народа.

Проявленіе силы всегда и вездѣ производитъ эффектъ: помѣщики трухнули; часть ихъ бѣжала за Вислу, часть за границу, часть попряталась; а нашлись и такіе, которые разыскали главную квартиру воеводы (въ глухихъ лѣсахъ между Пултускомъ и Островомъ) и просили его принять ихъ на службу. Стали мало-по-малу показываться изъ тайныхъ укрытій и лѣсныхъ трущобъ и банды, группируясь около воеводы. Этому способствовалъ отчасти терроръ Хондзынскаго, от-

---

[1]) Подъ первымъ разомъ разумѣетъ приказъ Падлевскаго отъ 25-го января нов. ст.

[2]) Авейде, IV, 17.—Авторъ видѣлъ другой, позднѣйшій, смертный приговоръ помѣщику Юлію Хелмицкому, написанный весь рукою Падлевскаго, но не приведенный въ исполненіе. Н. Б.

части благопріятныя извѣстія о ходѣ возстанія за Вислой, въ южной части Царства Польскаго, привезенныя депутатами, которыхъ посылала туда нарочно бѣлая партія.

Вообще дѣла плоцкой организаціи, какъ предсказывалъ Хондзынскій, пошли иначе. Самого воеводу было узнать нельзя: одѣтый изящно, въ черной франтовской чамаркѣ, въ безукоризненномъ бѣльѣ и окруженный множествомъ адъютантовъ [1]), Падлевскій принималъ, въ извѣстные часы, разныхъ офицеровъ и чиновниковъ, выслушивалъ доклады, подписывалъ бумаги и суетился пуще всякаго главнокомандующаго большою арміей. Столъ его былъ заваленъ планами, картами, бланками, перьями, карандашами, представляя совершенную противоположность столу Лангевича, какъ и самъ Лангевичъ представлялъ противоположность Падлевскому.

Дойти до воеводы было очень трудно: требовались доклады, справки.

Однажды какой-то помѣщикъ, ветеранъ 1831 года, прибылъ въ штабъ воеводы съ сыномъ и, не найдя дежурнаго адъютанта, прошелъ прямо въ кабинетъ «генерала».

— Что вамъ угодно?—спросилъ Падлевскій строгимъ тономъ.

— «Przywiozłem siebie i syna na ołtarz ojczyzny!» [2])—былъ отвѣтъ.

— Это очень похвально, но... какъ вы смѣли войти сюда безъ доклада?

Помѣщикъ этотъ никогда не могъ спокойно разсказывать о такомъ пріемѣ плоцкаго воеводы.

Банда, состоявшая въ непосредственномъ распоряженіи Падлевскаго, слагалась изъ нѣсколькихъ мелкихъ партій, сформированныхъ разными помѣщиками, между которыми Цихорскій (подъ псевдонимомъ Замечка) былъ наиболѣе расторопнымъ и вліятельнымъ. Онъ, можно сказать, и былъ дѣйствительнымъ начальникомъ банды, входилъ во всѣ подробности ея быта, завелъ правильныя ученья и стрѣльбу въ цѣль. По его же плану, всѣ ихъ силы (тысячъ до двухъ человѣкъ) раздѣлены были на двѣ части, или баталіона, изъ коихъ каждый состоялъ изъ 10-ти секцій. Немного позже, при этой бандѣ явилась и кавалерія, коней во сто.

Неясныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ достигли прежде всего до Пултуска и оттуда послана на рекогносцировку рота Нижегородскаго пѣх. полка, которая открыла повстанцевъ близь д. Прщетычъ [3]), имѣла

---

[1]) Гиллеръ замѣчаетъ, что многіе изъ вождей возстанія имѣли слабость къ большимъ штабамъ и неопредѣленному количеству адъютантовъ. У иныхъ отрядныхъ начальниковъ были штабы, могшіе служить для огромной арміи (II, 237).

[2]) «Привезъ себя и сына на алтарь отечества».

[3]) 19 верстъ отъ Острова, въ направленіи къ Пултуску. Н. Б.

съ ними перестрѣлку, но, замѣтивъ несоразмѣрность своихъ силъ съ силами противника, ретировалась къ Пултуску. Послѣ этого двинутъ изъ Плонска [1]) отрядъ въ $1^1/_2$ роты Муромскаго пѣх. полка и $1^1/_2$ сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Валуева. Проходя черезъ Пултускъ, онъ захватилъ еще $1^1/_2$ роты Нижегородскаго пѣх. полка, такъ что всего-на-все было у него около 800 человѣкъ.

Когда Падлевскій узналъ о приближеніи Валуева и о размѣрахъ его отряда, то не рѣшился принять боя, а пошелъ форсированными маршами на сѣверъ, съ цѣлію соединиться съ большею познанскою бандой, о которой писали ему тамошніе коммисары. Переправляясь черезъ Наревъ немного выше Остроленки [2]), онъ уничтожилъ за собою всѣ средства переправы, такъ что Валуевъ, висѣвшій у него на хвостѣ, подошелъ къ Нареву и, не найдя никакой возможности переправиться тамъ, гдѣ переправился Падлевскій, долженъ былъ спуститься къ Остроленкѣ и только тутъ перешелъ на другой берегъ.

Въ высшей степени форсированные марши и расторопность начальника нашего отряда всетаки взяли свое: банда плоцкаго воеводы была настигнута въ углу, у границъ Августовской губерніи и Пруссіи. Между тѣмъ познанская банда не явилась и Падлевскій, притиснутый къ городу Мышинцу [3]), принялъ, 25-го февраля ст. ст., бой, который продолжался 6 часовъ, послѣ чего повстанцы отступили. Вся потеря ихъ неизвѣстна, только въ главномъ пунктѣ боя насчитано 125 труповъ. Наша потеря состояла въ нѣсколькихъ десяткахъ убитыхъ и раненыхъ [4]).

Пользуясь хорошими проводниками, банда ушла въ непроходимыя чащи Мышинцкихъ лѣсовъ и никакая энергія была не въ состояніи напасть на ея слѣды, въ особенности при террорѣ, который началъ тогда господствовать въ Плоцкой губерніи повсемѣстно, благодаря распоряженіямъ Хондзынскаго. Послѣ оказалось, что Падлевскій пошелъ къ югу, на дер. Дронжево, тогда какъ Валуевъ, сбитый фальшивыми показаніями «языковъ», взялъ правѣе на дер. Хоржель.

---

[1]) 60 съ небольшимъ верстъ отъ Пултуска.

[2]) Отъ Пршетыча до Остроленки около 40 верстъ.

[3]) Остроленкскаго уѣзда.

[4]) Мѣстныя свѣдѣнія и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 12. Въ этомъ бою Падлевскій велъ однажды лично въ атаку косинеровъ, держа въ рукахъ народное знамя (Гиллеръ, II, 247). Не разъ бывали минуты, когда косинеры, хорошо обученные владѣть своимъ мудренымъ оружіемъ, принуждали нашихъ къ отступленію. Вся трудность дѣйствія косою въ боѣ заключается въ томъ, чтобы коса не ложилась при ударѣ плашмя. Генералъ Краснокутскій сказывалъ автору, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ наше правое крыло подъ Игнацовымъ (въ боѣ, который будетъ описанъ ниже) подалось отъ натиска косинеровъ.
Н. Б.

Падлевскій устроился на нѣкоторое время въ Дронжевѣ, богатомъ имѣніи графа Красинскаго, весьма комфортабельно. Опять франтовскія чамарки, лакированные сапоги, сіяющее какъ снѣгъ бѣлье. Хорошенькая дочь управляющаго имѣніемъ, Рейха, заставила воеводу забыть объ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, и онъ еще разъ доказалъ, какой онъ плохой предводитель польскихъ гверильясовъ: вокругъ главной квартиры не разставлялось ни цѣпей, ни пикетовъ и вообще не соблюдалось принятыхъ во всякомъ войскѣ порядковъ. Всѣ, отъ военачальника до послѣдняго солдата, только и знали, что кутили. А потому отрядъ, посланный изъ Прасныша, въ двѣ роты Нижегородскаго пѣхотнаго полка, 30 казаковъ и 2 орудія, подъ командой подполковника Горѣлова, съ тѣмъ чтобы открыть, во что бы то ни стало, пребываніе плоцкаго воеводы, напалъ на него совершенно врасплохъ. Падлевскій, со всѣмъ штабомъ, едва-едва спасся, оставя въ домѣ Рейха всѣ бумаги и богатую енотовую шубу. Банда, безъ начальника, отчаянно билась въ улицахъ Дронжева, потеряла много людей, а остатки ея скрылись въ лѣсу. Въ числѣ убитыхъ оказался организаторъ воеводства, Эдуардъ Рольскій [1]).

Подъ конецъ боя явился въ Дронжевѣ и Валуевъ, изъ-подъ Хоржеля, но чрезвычайное утомленіе его солдатъ, какъ равно и отряда Горѣлова, не позволило продолжать преслѣдованіе непріятеля по лѣсамъ. Выбраны были только охотники изъ отряда Горѣлова, но они, не сдѣлавъ ничего, воротились въ Праснышъ, гдѣ Горѣловъ сформировалъ новый отрядъ и, руководствуясь разными соображеніями, пошелъ немедля на сѣверо-западъ. Весьма скоро получены были свѣдѣнія о близости банды Падлевскаго. Подъ дер. Зембокомъ произошло небольшое столкновеніе, 3-го марта ст. ст., послѣ чего банда, потерявъ 150 человѣкъ убитыхъ и 100 ружей, направилась къ Плоцку и, перейдя рѣку Вкру у мѣст. Стршегова, уничтожила за собою переправу, вслѣдствіе чего Горѣловъ долженъ былъ остановиться [2]).

Между тѣмъ, шедшая на соединеніе съ Падлевскимъ банда Юрковскаго (сидѣльца чайнаго магазина Крупецкаго, въ Варшавѣ) разбита 28-го февраля ст. стиля есауломъ Дукмасовымъ, подъ дер. Рыдзево, Праснышскаго уѣзда. Остатки ея распущены по квартирамъ.

Воевода, напрасно прождавъ эту банду, двинулся въ глухіе лѣса Млавскаго уѣзда, между Бѣжунемъ, Серпцемъ и Рацёнжемъ, съ намѣреніемъ тамъ отдохнуть, но вдругъ новый отрядъ изъ Плонска, въ двѣ роты Муромскаго полка и 80 казаковъ, подъ начальствомъ под-

[1]) Мѣстныя свѣдѣнія и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 13, стр. 10.

[2]) Мѣстныя свѣдѣнія и Журналъ Военныхъ дѣйствій, къ № 13, стр. 11. Въ Ж. В. д. стоитъ 10-е марта ст. ст. **Н. Б.**

полковника Жевахова, открылъ слѣды повстанцевъ и, не смотря на свои малыя силы, отважился завязать съ ними бой, подъ мѣст. Шренскомъ. Падлевскій, считавшій въ своихъ рядахъ до 1,800 человѣкъ, углубился въ лѣсъ, въ направленіи къ м. Радзанову, съ видимымъ желаніемъ заманить Жевахова. Жеваховъ пошелъ вслѣдъ за повстанцами и снова имѣлъ съ ними перестрѣлку. Падлевскій еще углубился въ лѣсъ. Жеваховъ остановился близь дер. Сементково-Рогальне. Положеніе его было крайне-критическое. Падлевскій могъ его окружить и взять въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ, но для этого нужны были обученные военному искусству и хорошо дисциплинированные солдаты. Солдаты же Падлевскаго отказались ему повиноваться. «Вамъ бы только утекать (uciekać),—сказалъ онъ имъ,—эхъ, вы уцекинеры!» Такъ родилось это слово, употреблявшееся послѣ въ разныхъ отрядахъ, даже вошедшее въ польскую военную литературу послѣднихъ дней.

Вскорѣ слухи о выступленіи двухъ новыхъ отрядовъ: изъ Плоцка, въ $1^1/_2$ роты Муромскаго пѣхот. полка, подъ начальствомъ подполковника Набокова, и изъ Млавы, тоже въ $1^1/_2$ роты, подъ начальствомъ есаула Дукмасова, заставили Падлевскаго подумать о спасеніи своей банды. Онъ бросился мимо мѣст. Серпца, по лѣсамъ Липновскаго уѣзда, и наткнулся на третій отрядъ, маіора Дроздова, выступившій изъ Липно. Онъ могъ его разбить очень легко, затѣмъ идти противъ Набокова—разбить и его, хотя бы вмѣстѣ съ Дукмасовымъ, но и на это нужны были другіе солдаты, а не своевольные уцекинеры, которыми командовалъ плоцкій воевода и которые хотѣли не биться, а только уходить и уходить, говоря, что въ этомъ-то и заключается настоящая повстанская стратегія [1].

Падлевскій, дѣлать нечего, снова углубился въ лѣса и въ деревнѣ Хоржель распустилъ, съ отчаянія, банду, а самъ, со штабомъ и частію кавалеріи, бѣжалъ въ западный уголъ Плоцкой губерніи. Это было 10-го марта ст. ст. Руки его опустились. Онъ растерялся еще болѣе, чѣмъ въ первыя минуты управленія воеводствомъ. Хондзынскаго, или кого-либо другаго, для поддержанія его духа и для созданія новыхъ бандъ, подъ рукой у него не случилось. Въ довершеніе удара, пришло извѣстіе о диктатурѣ человѣка, на котораго Падлевскій нѣкогда (въ Генуѣ и въ Кунео) едва удостоивалъ бросать и взгляды, какъ на плебея, не имѣвшаго никакого понятія объ элегантныхъ манерахъ и изящныхъ чамаркахъ, съ соотвѣтственнымъ бѣльемъ. И

---

[1] Падлевскій въ послѣдствіи бесѣдовалъ съ начальникомъ плоцкаго военнаго отдѣла, генераломъ Семекой, объ этихъ минутахъ съ большою горечью. (Сообщено автору самимъ генераломъ Семекой). **Н. Б.**

вдругъ на этого плебея посыпалось неслыханное счастіе! Его называютъ диктаторомъ, его, въ комъ нѣтъ ничего диктаторскаго! Къ нему ринулось изъ плоцкаго воеводства все, что еще не положило оружія. Даже кругъ адъютантовъ Падлевскаго началъ рѣдѣть. Но что должна была испытать гордая душа этого самолюбиваго человѣка, когда плебей—Лангевичъ прислалъ ему чинъ генерала!

Тонкій и сообразительный Бобровскій, котораго пытливый взглядъ бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ и умѣлъ видѣть, болѣе или менѣе, все, что дѣлалось въ разныхъ воеводствахъ, черкнулъ пріятелю въ извѣстномъ для читателей письмѣ такія строки: «Тебѣ лично, разумѣется, очень больно, что ты до сихъ поръ не сравнился со старымъ товарищемъ, но вѣдь предъ тобою—открытое поле!... а возстаніе наше нескоро кончится. Кто знаетъ, кому еще стоять во главѣ!»

«Ты долженъ постоянно помнить, что въ народномъ правительствѣ у тебя — я, твой неизмѣнный другъ, который употребитъ всѣ мѣры, чтобы доставить тебѣ высшее положеніе, случись лишь къ тому малѣйшая возможность!» [1]).

Но эти утѣшенія звучали очень странно среди глухихъ лѣсовъ, въ дер. Мысликувкѣ, гдѣ плоцкаго воеводу (снова предавшагося, съ горя, романтическимъ похожденіямъ) могли ежеминутно взять бродившіе кругомъ русскіе отряды и разстрѣлять.

Воевода безъ арміи, съ однимъ-двумя адъютантами, принужденный смотрѣть сквозь пальцы на своеволіе Хондзынскаго, котораго власть все болѣе и болѣе возрастала, думалъ, думалъ, что ему дѣлать — и вдругъ написалъ жонду просьбу объ отставкѣ, приложивъ тутъ же письмо и къ Бобровскому, котораго умолялъ дать этой просьбѣ возможно скорый ходъ.

Просьба и письмо пришли въ Варшаву въ то время, когда Бобровскаго тамъ не было. Жондъ вскрылъ ихъ и приказалъ одному изъ членовъ написать Падлевскому, что «не находитъ возможнымъ уволить его въ настоящую минуту, потому что на его мѣсто нѣтъ никакого преемника, и проситъ его, во имя отечества, продолжать службу».

Бобровскій, по возвращеніи изъ Кракова, также написалъ къ другу горячее письмо, гдѣ умоляетъ его «выбросить изъ головы блажную мысль объ отставкѣ и удаленіи за границу, говоря, что это — дикій, временный кошмаръ, который пройдетъ. Что если они (Бобров-

---

1) Это писалось тотчасъ послѣ признанія народнымъ правительствомъ диктатора, но пришло къ Падлевскому (за невозможностью правильной коммуникаціи) тогда, какъ авторъ письма былъ уже въ Краковѣ. Н. Б.

скій и Падлевскій) бѣгутъ, это будетъ паденіе ниже Бончи [1]) и Гроттуса».

Не столько эти увѣщанія, сколько бѣгство и арестованіе Лангевича (открывавшее дорогу всѣмъ необузданнымъ честолюбцамъ къ диктатурѣ) возвратили нѣкоторое спокойствіе душѣ плоцкаго воеводы. Онъ выписалъ изъ Пултуска Хондзынскаго и съ помощію его (т. е. терроромъ) собралъ новый партизанскій отрядъ, уставъ котораго требовалъ всемѣрнаго уклоненія отъ битвъ, основываясь главнѣйшимъ образомъ на «утомленіи непріятеля, на переходахъ съ мѣста на мѣсто, по глухимъ дорогамъ, среди трудно-проходимыхъ дебрей и болотъ, причемъ кавалерія должна растягиваться въ длинную цѣпь и такъ идти лѣсами и полями, потомъ вдругъ, на какомъ нибудь открытомъ мѣстѣ, собраться въ кучу и двигаться далѣе. Тутъ слѣды затаптываются выпущенными изъ окрестностей стадами. Потомъ кавалерія снова растягивается въ цѣпь» [2]).

Бой пѣхотныхъ партизанскихъ отрядовъ (еслибъ къ нему принудили обстоятельства) имѣлъ, по новому уставу плоцкаго воеводства, свои исключительные пріемы: «выдержавъ незначительную перестрѣлку, пѣхота бросается врассыпную лѣсомъ и потомъ мѣшается съ жителями ближайшихъ деревень, гдѣ каждый солдатъ, одѣтый непремѣнно простымъ хлопомъ, спѣшитъ чѣмъ-нибудь заняться: рубитъ дрова, поитъ лошадей, чиститъ картофель, такъ что нагрянувшій слѣдомъ непріятель не въ состояніи отличить повстанцевъ отъ обыкновенныхъ жителей, и какъ бы ни былъ опытенъ и расторопенъ, а всетаки часть повстанцевъ уйдетъ отъ преслѣдованія и, по удаленіи непріятеля, снова соберется въ банду» [3]).

Такія хитрости, придуманныя плоцкимъ повстанскимъ начальствомъ для мѣстнаго уцекинерства, это систематическое уклоненіе отъ боя, показывало ясно, до какой степени тамошнія банды были дале-

---

[1]) Новое доказательство, что Бонча и Томашевскій одно и то же лицо.

[2]) Разсказы разныхъ начальниковъ русскихъ отрядовъ плоцкаго воеводства. Гиллеръ говоритъ, что послѣднее польское возстаніе выработало совсѣмъ особые пріемы партизанской войны, до тѣхъ поръ нигдѣ не употреблявшіеся. Главнѣйшимъ образомъ выказываются четыре партизанскихъ маневра: 1) марши и контръ-марши. 2) Распусканіе и собираніе солдатъ (rozbieganie się i zbieranie żołnierzy). 3) Способъ фуражировки отрядовъ и устройство почтъ для сообщенія куда слѣдуетъ всѣхъ движеній непріятеля. 4) Лѣсной строй (I, 171—172). Лучшимъ сочиненіемъ о народной войнѣ 1863 года Гиллеръ считаетъ брошюру: «Wojna Ludowa przez X. Y. Z. (Henryk Kaminski), Bendlikon, 1866.

[3]) Также разсказы нашихъ отрядныхъ начальниковъ въ плоцкомъ воеводствѣ. Польскими источниками подтвердить этого автору не случилось.

Н. Б.

ки отъ всякаго энтузіазма и какъ въ нихъ упала дисциплина. Терроръ, собиравшій кое-какъ массы, былъ не въ состояніи вдохнуть въ нихъ мужество. Нельзя, однако же, сказать, чтобы всѣ банды воеводства приняли новые партизанскіе порядки. Между непринявшими ихъ, была только что оправившаяся, послѣ разбитія подъ деревнею Рыдзево, банда Юрковскаго. Отринувъ всякое преобразованіе повстанцевъ въ простыхъ мужиковъ, эта банда старалась, напротивъ, на сколько было можно, завести у себя однообразную форменную одежду (темныя чамарки и конфедератки съ орлами) и правильный строй. Передовая часть ея состояла изъ однихъ помѣщиковъ, вооруженныхъ хорошими штуцерами. Во второмъ ряду помѣщались косинеры. Въ третьемъ ряду держалась конница.

Преувеличенные слухи, что «подъ Юрковскимъ состоитъ 5 тысячъ человѣкъ обученнаго войска», не смутили никого изъ нашихъ отрядныхъ начальниковъ въ воеводствѣ: изъ Липна двинута была всего одна рота Муромскаго пѣхотнаго полка и 40 казаковъ, подъ командой штабсъ-капитана Провольскаго. Въ Скемпскихъ лѣсахъ, близъ дер. Козелокъ, онъ атаковалъ банду Юрковскаго, передній рядъ которой (помѣщики, вооруженные штуцерами) выдержалъ четырехъ-часовую горячую перестрѣлку и легъ весь. Сбить косинеровъ и конницу было уже не трудно; они разсѣялись, оставивъ въ нашихъ рукахъ походную церковь, знамя, два фургона съ разнымъ повстанскимъ добромъ и 250 штукъ всякаго оружія. Самъ Юрковскій ускакалъ за границу, со своимъ «адъютантомъ» — уроженкой Познанскаго княжества, Юліею Прейбишъ [1]).

Въ Млавскомъ уѣздѣ явилась тогда же банда Северина Семинскаго, сына извѣстнаго писателя, Луціана Семинскаго. Она еще не кончила своего формированія по дворамъ деревни Коссомина, какъ нашъ плонскій летучій отрядъ, подъ командой полковника Валуева, нагрянулъ туда, 18-го апрѣля ст. ст., и перервалъ повстанскія занятія. Нижніе чины попрятались, или превратились въ обыкновенныхъ жителей, а вожди: Семинскій и два его адъютанта, Витковскій и Ойржановскій, заперлись въ мезонинѣ господскаго дома, взявъ каждый въ руки по штуцеру и рѣшившись защищаться до послѣдняго издыханія, по возможности дорого продать свою жизнь— и продали ее очень дешево. Влетѣвшій въ деревню съ передовыми казаками отчаянный джигитъ юнкеръ Зубовъ, родомъ черкесъ, бросился съ однимъ казакомъ прямо въ комнаты, гдѣ засѣли начальники банды, вломился въ двери; три штуцера дали залпъ, пули свистнули

[1]) Разсказъ штабсъ-капитана Провольскаго и Журналъ Военныхъ дѣйствій. Прибавленіе къ № 19-му, стр. 5—6. Н. В.

мимо, ничуть не задѣвъ джигита; онъ вынулъ шашку и зарубилъ всѣхъ трехъ оторопѣвшихъ повстанцевъ [1]). Когда подошелъ весь отрядъ, ему осталось только подбирать по дворамъ подозрительныя личности.

Въ другихъ мѣстахъ воеводства дѣла шли не лучше. Воевода, что ни день, получалъ донесенія о пораженіяхъ то здѣсь, то тамъ. Въ это время стало къ нему напрашиваться нѣсколько довольно крупныхъ и исправно вооруженныхъ бандъ изъ-за границы, которыя требовали, однако, чтобы воевода выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу лично. Воевода посылалъ не одинъ разъ вмѣсто себя довѣренныхъ людей, но ни одна банда не перешла границы. Увидѣвъ, наконецъ, необходимость принять въ этомъ дѣлѣ личное участіе, Падлевскій написалъ къ коммисару западной Пруссіи такое письмо:

«Хоть я не разъ былъ обманутъ извѣстіями, что собираются какіе-то отряды въ западной Пруссіи, откуда, вопреки всякому приличію (wbrew wszelkiéj przyzwoitości), не вышло еще ни одного человѣка, я всетаки готовъ вѣрить, что не отсутствіе патріотизма, ни чрезмѣрное равнодушіе, или, что еще хуже, недостатокъ храбрости, а просто неисправность распоряженій съ моей стороны тому причиной,—вслѣдствіе чего рѣшаюсь на этотъ разъ удовлетворить твоимъ требованіямъ, гражданинъ: явиться лично съ нѣсколькими десятками людей на указанный ниже пунктъ и въ означенный часъ, предваряя однако, что если мы не найдемъ ничего и теперь, и условіе не будетъ соблюдено буквально: это подвергнетъ безъ всякой пользы меня и людей, которыхъ придется взять съ собою, неминуемой опасности. Для сего назначаю время, по вашему желанію, за три дня впередъ, полагаясь вполнѣ на патріотическія чувства новыхъ нашихъ товарищей, которые вѣрно не захотятъ, изъ-за лишней осторожности, предать въ руки наѣзда тѣхъ, кто еще можетъ пригодиться на что-либо отчизнѣ. Со вторника на середу, то есть съ 21-го на 22-е апрѣля, въ одиннадцать часовъ ночи (минута въ минуту), въ Малыхъ Радзикахъ [2]). Военный начальникъ плоцкаго воеводства, Сигизмундъ Падлевскій».

Какимъ образомъ отправлялось нѣсколько десятковъ людей, о которыхъ воевода упоминаетъ въ письмѣ къ коммисару западной Пруссіи, это неизвѣстно. Можетъ, ихъ совсѣмъ не было. А самъ воевода и его штабъ выѣхали въ двухъ большихъ колясках: въ одной сидѣлъ Падлевскій, начальникъ его штаба, помѣщикъ Соколовскій [3]), и адъютантъ воеводы, Кучборскій. Въ другой — докторъ Лицинскій и бывшій офицеръ Полоцкаго полка—Сѣцинскій.

[1]) Разсказъ начальника плоцкаго военнаго отдѣла. Солдаты любили Зубова за необычайную храбрость и называли его постоянно «княземъ».—«Что это нашего князя въ офицеры не представляютъ?»—говорили они нерѣдко, а онъ своей черкесской головой никакъ не могъ одолѣть офицерскаго экзамена! Наконецъ, былъ произведенъ въ офицеры, уже при выступленіи казацкой сотни, въ которой числился, на Донъ, имѣя трехъ Георгіевъ.

[2]) Липновскаго уѣзда. Этотъ пунктъ и прежде былъ избираемъ повстанцами для перехода границы.

[3]) Владѣтель села Мысликувки, гдѣ помѣщался штабъ Падлевскаго. **Н. Б.**

Всѣ они имѣли «законные виды», дабы, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь отрядомъ, уйти за мирныхъ обывателей. Падлевскій былъ прописанъ Зенономъ Полинскимъ; Кучборскій—Щуровскимъ. Остальные сохранили свои настоящія фамиліи. Неизвѣстно зачѣмъ, при Падлевскомъ находились разныя бумаги, нисколько ненужныя ему въ ту минуту и могшія, при осмотрѣ коляски, его скомпрометировать. Забирая весь этотъ хламъ съ собою, воевода еще разъ доказывалъ, какой онъ плохой и непредусмотрительный повстанецъ. Кромѣ того, воевода приказалъ положить подъ сидѣнье свою воеводскую конфедератку, съ бѣлымъ салтаномъ, дабы можно было, при благопріятныхъ условіяхъ встрѣчи съ заграничною бандою, выѣхать къ ней настоящимъ начальникомъ и услышать соотвѣтственное чину «ура».

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Малыхъ Радзикъ, передняя коляска была остановлена казакомъ изъ летучаго отряда, который слѣдовалъ къ фольварку Клещину, на соединеніе съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2-й стрѣлковой роты Муромскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Рутковскаго.

Казакъ спросилъ: «кто ѣдетъ?» Отвѣтъ былъ: «Помѣщики!» Онъ потребовалъ паспорты.

— Намъ некогда,—сказалъ Падлевскій,—возьми вотъ эту сторублевую бумажку и поѣзжай съ Богомъ!

Казака сильно озадачило предложеніе такой суммы, неизвѣстно за что. Дали бы цѣлковый, а тутъ цѣлыхъ сто!.. онъ сейчасъ сообразилъ, что дѣло нездорово, уклонился отъ принятія денегъ и снова потребовалъ паспорты. Помѣщики предложили ему 200, потомъ 300, наконецъ—500 рублей, чтобы только отвязался...

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибъ вдругъ не показался на опушкѣ лѣса казачій офицеръ Годлевскій. Онъ подъѣхалъ къ коляскѣ и замѣтилъ ту же минуту смущеніе сидѣвшихъ. Онъ прямо пригласилъ ихъ выйти и приказалъ казаку осмотрѣть коляску. Воеводская конфедератка прежде всего показалась на свѣтъ!

— Это что такое?—спросилъ Годлевскій.

Послѣдовалъ весьма неопредѣленный отвѣтъ...

Роясь далѣе, казакъ нашелъ связку бумагъ и револьверы. Годлевскій, быстро просмотрѣвъ бумаги и видя почти подъ каждою печати жонда и разныхъ повстанскихъ властей, сказалъ помѣщикамъ, что «они арестованы и должны ѣхать за нимъ въ городъ Липно». По прибытіи туда, передалъ всѣ захваченныя при арестованныхъ бумаги мѣстному жандармскому офицеру, который, прочтя кое-что изъ нихъ, сказалъ, что «между арестованными долженъ находиться Падлевскій, или кто-нибудь изъ лицъ, къ нему весьма близкихъ».

На этомъ основаніи, командиръ отряда, занимавшаго Липно, штабсъ-капитанъ Провольскій (тотъ самый, котораго мы видѣли недавно въ бою съ бандой Юрковскаго) вошелъ въ домъ, гдѣ сидѣли арестованные и сейчасъ же узналъ, кто изъ нихъ Падлевскій.

— Кто вы такой?—спросилъ онъ, подойдя къ нему.

— Помѣщикъ Зенонъ Полинскій.

— Полноте, вы вовсе не Зенонъ Полинскій,—возразилъ капитанъ,—я знаю, кто вы.

— Если вы угадаете кто я,—сказалъ Падлевскій,—я запираться не стану и признàюсь!

— Вы Падлевскій.

— Такъ точно [1]).

Арестованныхъ перевезли въ Плоцкъ.

Падлевскій, заключенный въ отдѣльномъ казематѣ, зная, конечно, чтó его ожидаетъ, попросилъ книгъ духовнаго содержанія. Ему послали; кромѣ того, разрѣшили написать къ роднымъ и проститься съ теткой, графиней Потоцкою, прибывшею въ Плоцкъ, нарочно для этого, издалека. Когда происходило ихъ свиданіе, въ Варшавѣ конфирмованъ смертный приговоръ, о чемъ дано знать начальнику плоцкаго военнаго отдѣла. Но вслѣдъ за тѣмъ, по поводу обѣщанной всѣмъ повстанцамъ амнистіи, если они сложатъ оружіе къ 1-му мая н. ст. [2]), велѣно было пріостановиться исполненіемъ приговора. 2-го мая были имянины Падлевскаго. Онъ разстрѣлянъ 3-го, причемъ разрѣшено, вслѣдствіе убѣдительной его просьбы, не завязывать ему глазъ [3]).

Чтó касается банды, которую Падлевскій долженъ былъ встрѣтить на границѣ, она явилась у Малыхъ Радзикъ, въ назначенный день и часъ, и вскорѣ затѣмъ была разбита на-голову поручикомъ Муромскаго пѣхотнаго полка Поляковымъ, близь деревни Нетршеба, Липновскаго уѣзда. Часть нашей военной добычи состояла при этомъ изъ 96-ти хорошихъ прусскихъ штуцеровъ.

Въ одной корреспонденціи «Часа» 1863 г., № 97, сказано, что это была банда какого-то Генриха Ловинскаго.

Смерть воеводы на время парализовала военныя дѣйствія въ воеводствѣ. Все тамъ притихло.

Взглянемъ на сосѣднюю губернію, самый крайній, сѣверо-восточный уголъ Царства, узкую полосу земли, между Пруссіей и Литвой,

---

[1]) Разсказъ Провольскаго и другихъ офицеровъ плоцкаго отдѣла.

[2]) См. Dziennik Powszechny 1863 г., № 83. Особое прибавленіе отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1863 г.

[3]) Разсказъ начальника плоцкаго военнаго отдѣла. Н. Б.

отброшенную далеко отъ центра и наполненную пестрымъ населеніемъ, гдѣ, между прочимъ, есть и русскіе старообрядцы.

Отъ соединенія всѣхъ этихъ причинъ здѣсь всегда было менѣе расположенія сочинять возстаніе, чѣмъ во всѣхъ другихъ пунктахъ Царства. Жители Августовской губерніи съ давнихъ поръ жили съ русскими довольно дружно и имѣли съ ними общеніе. Въ большихъ городахъ, особенно въ Сувалкахъ, устраивались по праздникамъ взаимныя сходки, на которыхъ поляки и русскіе представляли одну непринужденно веселящуюся массу.

Поэтому агитаторамъ стоило немалаго труда поселить антагонизмъ между двумя главными элементами населенія Августовской губерніи. Русскіе стали замѣчать нѣкоторое охлажденіе къ себѣ поляковъ только съ 1861 года. Польскія дамы Сувалокъ и другихъ городовъ покрупнѣе перестали показываться на русскихъ балахъ и вечерахъ [1]). Сперва на это никто не обращалъ вниманія, но когда въ новомъ 1861 году, на обычномъ у русскихъ праздникѣ Сырной недѣли, въ Сувалкахъ, никто изъ поляковъ не явился,—рѣшено, что тутъ что-то кроется, что это—демонстрація, умышленный разрывъ съ русскими.

По полученіи изъ Варшавы извѣстія о паденіи пяти жертвъ, каѳедральный костелъ въ Сувалкахъ стоялъ открытымъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съ утра до ночи, въ противность постановленіямъ церкви и обычаямъ, и народъ валилъ туда толпами, даже евреи, преклониться предъ катафалкомъ, воздвигнутымъ для этого нарочно, а 22-го марта н. ст. отслужена была тамъ, съ разрѣшенія губернатора Ферзена, торжественная панихида, во время которой пѣлись революціонные гимны. Тутъ въ первый разъ грянуло въ Сувалкахъ Boże coś Polskę и произошелъ, въ каѳедральномъ соборѣ, сборъ денегъ и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей. Одинъ эмеритъ, ветеранъ 1830 года, Шатинскій, снялъ съ себя ордена и положилъ ихъ на «алтарь отечества»—na ołtarz ojczyzny. Это произвело сильный эффектъ. Имя Шатинскаго пролетѣло по всѣмъ устамъ.

Вслѣдъ за панихидой наложенъ былъ неизвѣстными властями на всѣхъ жителей Сувалокъ трауръ. Въ улицахъ показались національныя платья. Полиція, явная и тайная, состоявшая изъ однихъ поляковъ, ни во что не мѣшалась.

Къ веснѣ 1861 года злоупотребленіе трауромъ, гимнами и національною одеждой дошло въ Сувалкахъ до того, что жандармы написали обо всемъ этомъ въ Варшаву и оттуда пришло приказаніе «вос-

---

[1]) Все это составлено на основаніи разсказовъ кое-кого изъ русскихъ жителей Сувалокъ въ 1865 г. и требуетъ повѣрки. Н. Б.

претить ношеніе польскихъ кунтушей, чамарокъ и т. п., а также траурныхъ платьевъ и революціонныхъ знаковъ». Мѣры, принятыя вслѣдствіе этого полиціею, произвели волненіе. Молодежь собралась въ городскомъ саду, шумѣла, произносила разныя угрозы и пѣла гимны. Комендантъ города, полковникъ Кобро, арестовалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ и посадилъ на гауптвахту. Толпы бросились къ губернатору и убѣдили его идти съ ними на гауптвахту для освобожденія незаконно арестованныхъ жителей. Это было торжественное, демонстраціозное шествіе огромной массы всевозможныхъ сословій города, даже и разряженныхъ дамъ высшаго сословія. Арестованные были освобождены, среди громкихъ криковъ удовольствія и ругательствъ, направленныхъ противъ часовыхъ и караульнаго офицера. Послѣдній былъ просто-за-просто оплеванъ [1]). Комендантъ счелъ нужнымъ донести обо всемъ случившемся прямо въ Петербургъ, вслѣдствіе чего былъ назначенъ въ Августовскую губернію особый военный начальникъ, генералъ-лейтенантъ Рудановскій, который получилъ приказаніе заняться разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ фактовъ и принять мѣры къ предотвращенію всего подобнаго на будущее время. Онъ повернулъ дѣла круто. Пострадавшіе отъ его энергическихъ распоряженій люди нашли защиту въ маркизѣ Велепольскомъ. Рудановскій получилъ сперва замѣчаніе, а потомъ (когда значеніе Велепольскаго усилилось) былъ вовсе отозванъ и на его мѣсто посланъ полковникъ баронъ Раденъ.

Демонстраціи въ Сувалкахъ вошли опять въ моду. Въ особенности послужила къ устройству крупной демонстраціи смерть Шатинскаго: нѣсколько молодыхъ людей, въ богатыхъ кунтушахъ и конфедераткахъ, несли его гробъ на плечахъ до самаго кладбища и пѣли гимны. Вслѣдъ за ними шелъ формально цѣлый городъ.

Лѣтомъ 1861 г. начались съѣзды помѣщиковъ по разнымъ хуторамъ. Маріампольскій уѣздъ устроилъ уже извѣстную читателю демонстрацію на Алексотскомъ мосту, въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей [2]).

Въ 1862 году пошли видимыя приготовленія всѣхъ жителей Августовской губерніи къ чему-то недоброму. Собирались деньги и всякія другія пожертвованія по домамъ довольно открыто. Полиція знала это. Наряжено было слѣдствіе, для открытія коноводовъ и поджигателей, но, какъ всѣ тогдашнія слѣдствія, оно не привело ни

---

[1]) Разсказъ коменданта Кобро, который увѣрялъ автора, что видѣлъ все это собственными глазами.

[2]) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 329—332. Н. Б.

къ чему. Между тѣмъ агитаторовъ называли по именамъ. Болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе арендаторъ казеннаго фольварка Кирсна-Велька, Карлъ Ястршембскій, когда-то, въ 1820-хъ годахъ, офицеръ л.-гв. Московскаго полка, сосланный за какія-то шалости на Кавказъ, потомъ прощенный за отличіе въ войнахъ съ турками и персіянами, и воротившійся въ край въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Кромѣ его, указывали еще, какъ на агитаторовъ, на помѣщиковъ: Аккорда, Абламовича, Люце, Іосифа Петровскаго....

Но въ общемъ результатѣ всѣхъ подземныхъ работъ и демонстрацій, устраиваемыхъ крайнею партіей августовскаго воеводства, выходило то же, что и въ сосѣднемъ, плоцкомъ воеводствѣ, передъ появленіемъ тамъ Хондзынскаго, даже еще хуже: бѣлая партія парализовала всякія распоряженія красныхъ до такой степени, что къ концу 1862 года нигдѣ въ августовскомъ воеводствѣ не образовалось ничего похожаго на банду. Вслѣдствіе этого, красные, для поднятія духа въ народѣ, рѣшили воздвигнуть въ Сувалкахъ статую св. Ядвиги, благословляющей поляковъ на брань,—подобно тому, какъ благословляла королева Ядвига сына своего Генриха,—но прикрыть эту Ядвигу именемъ «Богоматери».

Статуя была сдѣлана какимъ-то хорошимъ художникомъ въ Варшавѣ, равно тамъ же высѣчены четыре барельефа для пьедестала: одинъ представлялъ королеву Ядвигу, въ той же позѣ и одеждѣ, какъ и самая статуя—и передъ нею на колѣняхъ сына ея, Генриха. Другой—св. Іосафата, съ топоромъ въ головѣ. Третій—Андрея Боболю, такъ называемаго пинскаго апостола, убитаго казаками близь Янова, 17-го мая 1657 года, и причисленнаго къ числу мучениковъ за вѣру декретомъ папы Бенедикта XIV, а папа Пій IX разрѣшилъ городу Пинску и вообще ордену іезуитовъ праздновать день этого святаго 23-го мая. Четвертый барельефъ изображалъ св. Казиміра.

Все это было привезено въ Сувалки варшавскимъ каменьщикомъ, Доминикомъ Красускимъ, игравшимъ роль скульптора. Онъ же долженъ былъ и поставить статую на указанномъ мѣстѣ. Такъ какъ препятствія со стороны мѣстнаго начальства (новаго губернатора Корытковскаго, военнаго начальника барона Радена и жандармскаго офицера, полковника Зигмунтовскаго) не было, то работы начались немедля, именно 11-го ноября стар. ст. 1862 г. Корытковскій, помогая всячески сбору денегъ на статую, умѣлъ взять даже у военнаго начальника 5 рублей и 6 рублей у Зигмунтовскаго [1]). Но городской совѣтъ, состоявшій изъ бѣлыхъ, которые не хотѣли возста-

[1]) Изъ офиціальныхъ документовъ города Сувалокъ. Н. В.

нія, объяснилъ все дѣло военному начальнику—какая такая статуя воздвигается, и онъ остановилъ работы 13-го ноября стар. ст. Тогда Корытковскій послалъ жалобу Велепольскому, въ которой изложилъ подробно ходъ всего дѣла, сообщая, что «тотъ же самый военный начальникъ разрѣшилъ поставить статую и далъ на нее 5 рублей своихъ денегъ; городъ понесъ вслѣдствіе этого значительныя издержки: выписалъ изъ Варшавы скульптора и работниковъ, статуя изваяна, поставленъ пьедесталъ—и вдругъ, неизвѣстно почему, приказано прекратить работы». Къ жалобѣ своей Корытковскій приложилъ рисунокъ статуи, совсѣмъ не въ томъ видѣ и не съ тѣмъ расположеніемъ рукъ, какъ было на дѣлѣ, а какъ обыкновенно изображаютъ Богоматерь. Барельефовъ же притомъ не посылалъ вовсе. Постановка статуи разрѣшена и она была воздвигнута въ Сувалкахъ, около городскаго сада, при огромномъ стеченіи народа, и стоитъ до сихъ поръ, только барельефы вынуты, по приказанію намѣстника Берга, въ 1865 году [1]).

Но и сооруженіе статуи не подвинуло впередъ дѣло возстанія въ Августовской губерніи. Съѣзды помѣщиковъ передъ самымъ взрывомъ кончились ничѣмъ. Много было шуму; разсматривались списки присягнувшихъ, даже собирались на что-то деньги, а ночь съ 10-го на 11-е января стар. ст. 1863 г. прошла для всего воеводства совершенно спокойно: нигдѣ не звякнула ни одна коса, не прогремѣлъ ни одинъ выстрѣлъ! Это взорвало красныхъ. Они устроили общій помѣщичій съѣздъ въ деревнѣ Антоновѣ, 18-го января стар. ст.—и тутъ, съ револьверами въ рукахъ, вынудили у равнодушныхъ помѣщиковъ помощь офицерами и всѣмъ необходимымъ для того, чтобы явилась хотя какая либо банда: она явилась, эта первая банда августовскаго воеводства—и стала подъ команду того Ястршембскаго, о которомъ было упомянуто выше, но существовала недолго: противъ нея былъ высланъ изъ Ковна, по распоряженію начальника 1-й кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенанта Лихачева, отрядъ Павлоградскихъ гусаръ, который настигъ банду Ястршембскаго подъ мѣстечкомъ Чистой-Будой, 25-го января стар. ст., и разбилъ ее на-голову. Самъ Ястршембскій былъ изрубленъ въ куски. Остатки его банды собралъ какой-то учитель Маріампольскаго уѣзда, Мирецкій, и увелъ въ Пренскіе лѣса, находящіеся въ восточной части сказаннаго уѣзда.

[1]) Официальные источники. Авторъ видѣлъ въ Сувалкахъ все подлинное дѣло о статуѣ и тотъ самый рисунокъ, который былъ отправленъ Корытковскимъ въ Варшаву и утвержденъ намѣстникомъ. Барельефы тогда еще находились на мѣстѣ, и съ нихъ авторъ сдѣлалъ свое описаніе, при помощи мѣстнаго духовенства. Н. Б.

Вскорѣ явилось еще нѣсколько бандъ. Всѣ онѣ имѣли незначительныя столкновенія съ нашими отрядами, если не было никакой возможности уйти; не то—укрывались въ лѣсной чащѣ, или перебирались на другую сторону первой лежавшей на дорогѣ рѣчки и уничтожали за собою средства переправы.

19-го марта ст. стиля, летучій отрядъ есаула Матвѣева, изъ одной роты Софійскаго пѣх. полка, 66 казаковъ и 15 объѣздчиковъ, посланный изъ Ломжи въ направленіи къ м. Ставискамъ [1]), встрѣтилъ, при мызѣ Балашовой, довольно большую банду (человѣкъ въ тысячу, начальникъ неизвѣстенъ), которая сама открыла по нашимъ войскамъ огонь, продолжавшійся около часу. Послѣ этого есаулъ Матвѣевъ атаковалъ мызу и выбилъ оттуда повстанцевъ. Часть ихъ бѣжала въ ближайшій лѣсъ и разсѣялась по немъ, а другая часть погибла, отчаянно защищаясь въ строеніяхъ.

Вслѣдъ за этимъ двинулся отрядъ изъ мѣст. Щучина, въ 243 человѣка Симбирскаго пѣх. полка, сотню казаковъ и 150 пѣшихъ нижнихъ чиновъ пограничной стражи Вержболовской бригады, подъ начальствомъ маіора Девеля, съ цѣлію розыскать всю банду, съ которою бился есаулъ Матвѣевъ, и, если можно, истребить ее. 21-го марта ст. стиля онъ переправился у дер. Оссовца [2]) черезъ Бебржъ, и въ то же время послалъ часть казаковъ, по правому берегу рѣки, къ мѣст. Тыкоцину [3]), куда банда тянулась лѣвымъ берегомъ: это заставило ее повернуть внезапно къ востоку, на дер. Макки. Но маіоръ Девель и здѣсь напалъ на ея слѣды и гналъ повстанцевъ въ теченіе десяти часовъ, черезъ дер. Яшвиль-Велькій и Яшвиль-Малый до Микичина, въ Гродненской губерніи, причемъ до 60 человѣкъ преслѣдуемыхъ потонуло въ болотахъ, а остальные ушли въ Микичинскій лѣсъ. Будучи оттуда выбиты, они разсѣялись въ разныя стороны близъ дер. Язвиги. Всего убитыхъ и потонувшихъ повстанцевъ, при этомъ преслѣдованіи, насчитываютъ до полутораста, и до 10-ти раненыхъ. Въ плѣнъ взято 5 человѣкъ. У насъ оказалось только двое раненыхъ.

Остатки бандъ, съ неизвѣстнымъ предводителемъ, собравшись потомъ въ лѣсу у дер. Язвиги, снова перешли въ Августовскую губернію и скрылись въ лѣсахъ около дер. Штабина, въ числѣ, какъ говорили, до 300 человѣкъ. Кромѣ того, посланный изъ Ковно въ Маріампольскій уѣздъ Августовской губерніи отрядъ въ 40 стрѣлковъ баталіона Императорской фамиліи, двѣ роты Копорскаго, одинъ взводъ Невскаго пѣх. пол-

---

[1]) 21 верста отъ Ломжи на сѣверъ.

[2]) На югѣ Августовскаго уѣзда, на самой границѣ Гродненской губерніи.

[3]) Въ восточной части Ломжинскаго уѣзда, тоже на границѣ Гродненской губерніи, въ 28-ми верстахъ отъ Бѣлостока. Н. Б.

ковъ и 120 человѣкъ пограничной стражи, подъ начальствомъ подполковника Карпова, настигъ, въ лѣсахъ Полигвайце, банду Андрушкевича (о которомъ говорили, будто бы онъ командуетъ всѣми главными силами воеводства) и разбилъ ее на-голову, причемъ погибъ и самъ Андрушкевичъ и взятъ въ плѣнъ бывшій начальникъ Гродненской станціи, капитанъ Кульчицкій, извѣстный читателямъ по дѣйствіямъ своимъ, 7-го апрѣля 1861 года, въ Варшавѣ [1]. Отбито знамя, 80 ружей, много холоднаго оружія и обозъ. Съ нашей стороны убито двое, ранено 10.

Послѣ этого принялъ начальство надъ всѣми военными силами воеводства ветеранъ польскихъ войскъ, Константинъ Рамотовскій, который, въ чинѣ поручика 4-го пѣхотнаго полка, отличился въ Гроховской битвѣ (25-го февраля 1831), подъ корчмою Ваверъ, въ 10-ти верстахъ отъ Варшавы, по люблинской дорогѣ, и за это прозванъ солдатами Ваверъ (Wawer, Wawerek). По уходѣ польскихъ войскъ за границу, Ваверъ-Рамотовскій служилъ въ Алжирѣ, женился на француженкѣ, постарѣлъ, посѣдѣлъ.... и вдругъ его унесло, какими-то вѣтрами, въ Августовскую губернію, на границѣ которой, въ Россіенскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи, жилъ у него родной братъ, добродушный кутила, любившій до смерти угощать и угощаться. Тутъ Вавера подбили разные красные воеводства сдѣлаться воеводой. Онъ согласился, но, сообразивъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, счелъ за лучшее, какъ старый, опытный вояка, уходить отъ нашихъ отрядовъ, а не биться съ ними, и дѣйствительно умѣлъ это сдѣлать какъ никто. Не смотря, однакоже, на такое искусство, банды Вавера были настигнуты, 10-го апрѣля ст. ст., подъ дер. Колеты, Сейненскаго уѣзда, отрядомъ изо 110 стрѣлковъ Симбирскаго пѣх. полка и 70 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Артемьева, который прибылъ изъ Сейнъ на подводахъ и гналъ Вавера по лѣсамъ цѣлыхъ десять дней, послѣ чего опять воротился въ Сейны.

Понесшій во время этого преслѣдованія сильный уронъ, Ваверъ нашелъ болѣе для себя выгоднымъ перебраться въ сосѣднее, плоцкое воеводство, гдѣ мы съ нимъ еще встрѣтимся.

---

[1]) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 297. Какъ начальникъ Гродненской станціи, Кульчицкій помогъ центральному комитету, въ концѣ 1862, устроить въ Лапахъ, при машинномъ отдѣленіи, особую мастерскую для отбивки косъ, ножей и наконечниковъ для пикъ, а позже подговорилъ рабочихъ снарядить особый поѣздъ и, забравъ разныя орудія, ушелъ съ этимъ поѣздомъ въ лѣсъ, гдѣ соединился съ Андрушкевичемъ. **Н. Б.**

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ III-й.

Письма къ Падлевскому изъ жонда.

I.

(Отъ Бобровскаго).

[Съ польскаго]. Ночью, съ 6-го на 7-е марта 1863 года.—Варшава.

Милый мой и дорогой Сигизмундъ! Пишу къ тебѣ спокойнѣе, чѣмъ когда нибудь послѣ роковаго набора и нашей невольной разлуки. Горизонтъ нашъ проясняется и, кажется, дѣла теперь пойдутъ лучше. Комбинація съ Мирославскимъ, столь гибельная для возстанія и будущности края, должна, по видимому, пасть. Черезъ двадцать пять часовъ буду въ состояніи написать тебѣ объ этомъ рѣшительнѣе, а покамѣстъ только упреждаю и спѣшу разсказать, какъ именно все это произошло.

Панъ Людвигъ, прибывши въ край, не умѣлъ воспользоваться впечатлѣніемъ, какое имя его произвело въ первыя минуты. Всякій человѣкъ, хотя бы еще больше ославленный и упавшій въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ онъ, долженъ, конечно, возбудить своимъ появленіемъ разные толки, надежды и опасенія, которые можетъ направить такъ или иначе, для достиженія своихъ цѣлей. Вмѣсто этого, въ краткой, трехъ-дневной кампаніи, панъ Людвигъ обнаружилъ всѣ недостатки, его характеризующіе. Вслѣдствіе фанабериі, что управится съ москалями одинъ, онъ остался въ Кршивосондскомъ паркѣ, съ восьмидесятью человѣками, вмѣсто того, чтобы соединиться съ отрядомъ Меленцкаго, стоявшимъ оттуда въ нѣсколькихъ миляхъ и заключавшимъ въ себѣ 500 человѣкъ, которые уже бились подъ Избицей и вышли изъ первыхъ стычекъ цѣлыми и съ полною вѣрой въ своего вождя, храбраго Меленцкаго. Будучи атакованъ въ паркѣ, Мирославскій потерялъ, въ безтолковомъ, ненужномъ бою, много людей, ввѣрившихъ ему свою судьбу. Между прочимъ пали: капитанъ Цѣлинскій—убитъ пулей въ лобъ; Бускій — изъ италіанской арміи; ранены: Бялобржескій и Өедоръ Вржещъ. Оба послѣдніе—въ рукахъ непріятеля, во Влоцлавкѣ. Такъ глупо потерять 43 человѣка, которые могли бы, въ другихъ условіяхъ, принести отечеству гораздо больше пользы своею жизнью или смертью! Впрочемъ, надо сказать правду: онъ самъ бросался въ первый огонь, но отъ главнаго вождя требуется больше, чѣмъ личное мужество. Куржина во время всей битвы оставался тѣмъ, чѣмъ онъ бываетъ всегда и вездѣ, высшимъ характеромъ, который умѣетъ найтиться во всякую минуту, при какомъ угодно положеніи: сѣлъ на коня и безоружный стоялъ подъ градомъ пуль, съ тою никогда неизмѣняющеюся физіономіею, которую ты знаешь и которая тебя такъ раздражала.

На другой день генералъ былъ разжалованъ отрядомъ Меленцкаго, который подошелъ и самъ принялъ начальство. Тутъ произошла политическая драма, въ перемежку съ кровавыми схватками (подъ Троянками и далѣе); подробности пока неизвѣстны; знаю только, что подъ конецъ отрядъ вышелъ изъ повиновенія Мирославскаго; даже не дали ему эскорта до прусской границы. Въ сопровожденіи всего пяти человѣкъ, которые остались ему вѣрными въ горькой его судьбинѣ до послѣдней минуты, генералъ скрылся куда-то и нѣкоторое время никто не зналъ, что съ нимъ сталось, потому что онъ не только не сообщилъ ничего временному правительству о своихъ планахъ, но даже не прислалъ своего адреса.

Временное правительство, выѣзжавшее на встрѣчу генерала къ самой границѣ, получивъ извѣстіе обо всемъ случившемся, не рѣшилось пускаться въ

дальнѣйшія странствія, безплодность которыхъ легко можно было себѣ вообразить, и воротилось въ Варшаву. Всѣ мы, хотя съ прискорбіемъ въ сердцѣ и зловѣщими предчувствіями, однако же съ подобающимъ смиреніемъ, приняли диктатуру Мирославскаго; но послѣ совершившихся событій я счелъ себя въ обязанности поставить на видъ временному правительству, что нельзя бросать край на жертву всякихъ случайностей; что никто не въ правѣ законтрактовать кому-либо Польшу; что генералъ уже не можетъ служить нашему дѣлу однимъ обаяніемъ своего имени, а потому необходимо дать ему знать, что если онъ не вернется въ Царство и не приметъ начальства, то потеряетъ на него всякое право. Мои представленія были уважены и рѣшено, что если панъ Людвигъ не явится до 8-го марта, съ вѣдома временнаго правительства, во главѣ какого-либо отряда въ возставшей Польшѣ, то заключенныя съ нимъ черезчуръ поспѣшно условія для временнаго правительства уже не обязательны. Донынѣ временное правительство никакого увѣдомленія отъ него не получило. Извѣстно только частнымъ путемъ, что онъ находится въ Краковѣ, но думаю, что нѣтъ никакихъ шансовъ ожидать его въ краѣ къ 8-му марта, а потому, по всѣмъ вѣроятностямъ, мѣсто, ему предназначенное, скоро будетъ вакантнымъ.

Временное правительство, удаливъ ксендза Карла [1]) (который оказался пустымъ сплетникомъ и человѣкомъ крайне самолюбивымъ) и выбравъ двухъ новыхъ членовъ (что случилось сегодня), стало крѣпче и пріобрѣло кое-какія опоры для будущихъ своихъ дѣйствій. Я склонилъ его завязать сношенія съ нѣсколькими политическими лицами, для подготовленія комбинаціи, могущей привести къ образованію прочнаго и явнаго народнаго правительства. Съ этою цѣлью выѣзжаетъ завтра агентъ въ Краковъ и Познань. Съ другой стороны, отправляю завтра же двухъ курьеровъ отъ себя къ Высоцкому и Лангевичу, чтобы объяснить имъ настоящее политическое положеніе дѣлъ въ Варшавѣ, и вмѣстѣ соблюсти гармонію въ маневрахъ нашихъ военныхъ знаменитостей, сколько въ видахъ противодѣйствія интригамъ реакціи, столько же и натиску анархіи. Надѣюсь укрѣпиться надлежащимъ образомъ, чтобы снова не пустить въ лотерею судебъ нашего отечества.

Что касается дирекціи [2]), она не могла имѣть на возстаніе никакого вліянія, покамѣстъ держалась въ сторонѣ, но теперь предлагаетъ помощь; придется съ нею торговаться. Эта перемѣна въ образѣ ихъ мыслей произошла вслѣдствіе дипломатическихъ извѣстій изъ Ламберта [3]), откуда написали, что настроеніе западныхъ губерній [4]), какъ равно и Австріи, въ отношеніи къ намъ [5]) вполнѣ хорошо и что весьма можетъ случиться, что эти державы облегчатъ намъ доставку оружія, доселѣ крайне трудную; что поэтому нужно поддерживать насъ всѣми силами. Кромѣ того, самолюбіе шляхты раздражено выраженіемъ Русселя, что «помѣщики противъ движенія». Подъ вліяніемъ розовыхъ предвѣщаній Запада, бросились теперь всячески помогать. Конечно, нужно принять эту помощь; отталкивать нельзя и глупо; только слѣдуетъ вести себя

[1]) Микошевскій.

[2]) Партія бѣлыхъ; бѣлый жондъ.

[3]) Hôtel Lambert—палацъ Чарторыскихъ въ Парижѣ.

[4]) «Gub. Zachodnich», кажется, lapsus linguae. По всѣмъ вѣроятностямъ, Бобровскій хотѣлъ сказать: «Западныхъ державъ», Англіи и Франціи? Дальше говоритъ: Te mocarstwa (эти державы).

[5]) «Къ намъ» значитъ тутъ: «къ красной партіи». Н. Б.

осторожно, потому что, по мѣрѣ ихъ содѣйствія, будутъ увеличиваться также и требованія ихъ. Много нужно ловкости и знанія вещей.

Въ прошломъ письмѣ я предлагалъ тебѣ, послѣ перваго удачнаго дѣла, воротиться въ Варшаву; теперь же, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, я другаго мнѣнія. Въ лагерѣ—вотъ гдѣ нынѣ почіетъ политическое будущее, наиболѣе прочное, каждаго человѣка и людей съ талантами. Всякій успѣхъ твой на полѣ битвы зарубится въ памяти народа, а твой другъ, всегда одинъ и тотъ же, неизмѣнный, постарается, чтобы зарубилось поглубже. Нѣсколько удачныхъ схватокъ, немножко административнаго толку—et ta fortune est refaite. Сообрази только, какъ мало нужно, чтобы забрать въ руки толпу: сама лѣзетъ! Сообрази это—и увидишь, что я правъ.

Я молчалъ тогда, когда ничего не могъ сказать; когда ничего не было, кромѣ горечи и желчи; но теперь спѣшу подѣлиться съ тобою первымъ лучомъ лучшей будущности. Вѣрь мнѣ: я умѣю быть вѣрнымъ до конца и мое «à la vie ou à la mort»—не пустыя слова. Обо всемъ, что тутъ случится, буду извѣщать тебя подробно, развѣ только горизонтъ опять, паче чаянія, покроется тучами и всѣ силы придется устремить къ тому, чтобы небо прояснило. До свиданія, мой милый, не зѣвать! Ты—на полѣ битвы, а я—политики не должны забывать объ этомъ! Твой навсегда Степанъ Б.

Эдуарда обнимаю отъ всего сердца и благодарю его за выраженія дружбы, которыя посылаетъ мнѣ въ письмѣ. Несчастная галванопластика разошлась съ тобой [1]). Пришлю тебѣ другую. Всѣ твои письма посылай прямо ко мнѣ.

Степанъ.

II.

(Отъ Бобровскаго).

[Съ польскаго]. Ночью, съ 13-го на 14-е марта 1863 года.—Варшава.

Милый мой Сигизмундъ! Вслѣдъ за послѣднимъ моимъ письмомъ совершилось весьма важное событіе, именно: диктатура генерала Лангевича. Этотъ фактъ былъ послѣдствіемъ слабости жонда и прибытія Мирославскаго въ Краковъ, съ цѣлью принять начальство, въ званіи диктатора, надъ краковскими отрядами. Стоя во главѣ дружинъ, еще неостывшихъ послѣ Сташова, Малогоща и Скалы, Лангевичъ не хотѣлъ, а можетъ быть, и не долженъ былъ отдавать въ руки генерала Людвига судебъ своего войска и Польши. Упреждая затѣмъ прибытіе Мирославскаго, онъ, 10-го марта, въ лагерѣ подъ Гощей, огласилъ себя диктаторомъ. Въ манифестѣ къ народу польскому объявляетъ, что «онъ принялъ диктатуру только по соглашенію съ временнымъ правительствомъ и вслѣдствіе этого наслѣдуетъ его политику». Этотъ манифестъ вчера прибылъ въ Варшаву. Въ первую минуту жондъ остолбенѣлъ, а я дрожалъ отъ страха, думая—какъ-то Варшава отнесется къ этому событію? Было отъ чего схватить лихорадку: еслибъ и эта комбинація не имѣла успѣха, попираемая народомъ диктатура валялась бы у его ногъ и ужъ никто бы не нагнулся, чтобы ее поднять. Жондъ по необходимости тотчасъ же призналъ его, потому что другой дороги не было, какъ признаніе или лишеніе всѣхъ правъ. Послѣднее было невозможно въ отношеніи къ единственному доселѣ человѣку, который съумѣлъ схватить на лету и организовать повстанскія начала въ самыхъ большихъ массахъ. Догорающая дирекція, ища себѣ приличнаго вы-

[1]) «Galwanoplastyka nieszczęśliwa vozminęła się z Tobą, dostarczę Ci inne».

Н. Г.

хода, объявила, что въ виду явной диктатуры не находитъ нужнымъ продолжать свое существованіе далѣе—и закрывается. Банкиры предложили заемъ и сегодня начались объ этомъ переговоры. Всѣ, за исключеніемъ сторонниковъ, à tout prix, генерала Мирославскаго, приняли извѣстіе о диктатурѣ Лангевича съ неописаннымъ восторгомъ. Даже и записные мирославчики признаютъ фактъ совершившимся безповоротно. Одинъ изъ нихъ, старый личный другъ пана Людвига, съ понятною впрочемъ горечью, пилъ сегодня вмѣстѣ со мною здоровье диктатора. Я вздохнулъ свободнѣе. По всѣмъ вѣроятностямъ, эта диктатура не останется только на бумагѣ, ибо Лангевичъ сталъ нравственнымъ диктаторомъ края. Завтра утромъ отправляется къ нему депутація бывшаго народнаго правительства, для окончательнаго закрѣпленія факта и вмѣстѣ для охраненія возстанія отъ всякихъ подходовъ реакціи, которая, безъ сомнѣнія, не упуститъ ничего, чтобы овладѣть особой диктатора. Отъ него покамѣстъ нѣтъ еще нарочнаго курьера, но слухи носятся, что генералъ Высоцкій сдѣланъ военнымъ министромъ, а Бентковскій (который на зовъ возстанія явился въ воинскихъ рядахъ)—начальникомъ штаба. Мы съ тобою, подавивъ личныя убѣжденія, а ты даже — и прошлыя обиды, приняли когда-то, въ видахъ торжества революціонной правды, диктатуру пана Людвига; теперь еще поспѣшнѣе должны мы броситься на встрѣчу комбинаціи, вручающей кормило правленія человѣку молодому, крѣпкому, противъ котораго не возстаетъ покамѣстъ никто и который имѣетъ за собою шестинедѣльную энергическую борьбу, съ именами Сташова, Малогоща и Скалы.

Конечно, тебѣ лично, можетъ быть, и горько, что ты не сравнялся до сихъ поръ со старымъ товарищемъ; но передъ тобою—открытое поле, а наше возстаніе продержится еще долго и—кто знаетъ, когда и кѣмъ завершится. Въ настоящую минуту тебѣ не остается ничего больше, какъ огласить немедля, въ своемъ отрядѣ, Лангевича диктаторомъ и биться такъ же храбро, какъ подъ Мышинцемъ. Всѣ говорятъ о твоемъ мужествѣ, о которомъ я узналъ со стороны, изъ общаго говора, а никакъ не изъ твоего рапорта. Помни, что я всегда въ твоемъ распоряженіи: высказывай мнѣ твои планы и желанія съ полною откровенностью. Спасибо за нѣсколько словъ: они дороже для меня всякихъ другихъ, потому что писаны послѣ тяжкихъ трудовъ и крещенія въ огнѣ битвы. Обнимаю тысячу разъ. Твой всегда, Степанъ.

Что будетъ со мною, не знаю; напишу тотчасъ послѣ перваго приказа диктатора.

III.

(Отъ одного изъ членовъ жонда).

[Съ польскаго]. Варшава.—27-го марта 1863 г.

Милый Сигизмундъ! Письмо твое не застало Степана и хоть я его не читалъ, всетаки знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ ты ожидаешь вѣстей отъ насъ, а потому пишу нѣсколько словъ для объясненія тебѣ положенія дѣлъ.

По возвращеніи моемъ, отправились мы искать диктатора подъ Новой Вѣсью [1]), но не нашли его тамъ; а вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о счастливыхъ стычкахъ Лангевича, въ особенности о крайне рискованномъ дѣлѣ подъ Скалой; въ концѣ же грянула какъ громъ диктатура 10-го марта. Мы не могли понять, что такое сдѣлалось. Мало-по-малу все объяснилось. Подъ напоромъ,

---

[1]) Разумѣетъ поѣздку на встрѣчу Мирославскаго. Н. Б.

съ одной стороны, присутствія Мирославскаго въ Краковѣ, а съ другой стороны—попавши въ сѣти гнусныхъ интригъ, да имѣя, какъ кажется, и самъ охоту властвовать единодержавно, Лангевичъ принялъ диктатуру, нисколько не оглядываясь на послѣдствія и не имѣя на будущее время никакого политическаго и военнаго плана. Временное правительство, боясь анархіи и не желая позорить новаго диктатора, не смотря на поддѣлку соглашенія, признало Маріана и выслало ту же минуту уполномоченныхъ вырвать его изъ рукъ страшнѣйшей реакціи, которая хотѣла имъ овладѣть. Между тѣмъ онъ, послѣ побѣдоносныхъ схватокъ подъ Загоржемъ и Гроховисками, собралъ военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено возвратиться къ партизанскому образу дѣйствій. Потомъ раздѣлилъ свою армію на отряды, а самъ со штабомъ (Бентковскій, Езеранскій, Валигурскій и еще двое или трое), ничего не объявивъ войскамъ, отправился, подъ эскортомъ 30-ти человѣкъ, въ Галицію, съ цѣлью, какъ кажется, пробраться въ люблинское воеводство. Но это не удалось. Будучи узнанъ на границѣ, или вслѣдствіе измѣны, былъ арестованъ и отправленъ въ Тарновъ, Львовъ и, наконецъ, въ Краковъ; а какъ теперь говорятъ: перевезенъ въ Вѣну. Непонятный шагъ. Послѣдствія диктатуры и ея упадка были для насъ гибельны. Цѣлыхъ двѣ недѣли ничего не дѣлалось. Здѣсь руки были связаны, а тамъ спорили изъ-за власти — на воздухѣ развѣ. Войско, по отъѣздѣ Лангевича, рѣшительно ничего не зная (такъ какъ дневной приказъ былъ прочитанъ послѣ), пришло въ разстройство и крикнуло: «измѣна!» а потомъ, преслѣдуемое непріятелемъ, частью разошлось по домамъ, частью направилось въ Галицію. Теперь все снова пошло кое-какъ на ладъ. Власть опять въ рукахъ временнаго правительства. Не имѣя при себѣ печати, Степанъ подписался на воззваніи жонда, напечатаннаго въ Краковѣ по этому случаю. Высоцкій и другіе нисколько не спорили. Высоцкій хочетъ служить въ военныхъ рядахъ. На его мѣсто, какъ коммисара или, точнѣе, директора военнаго отдѣла [1]), назначенъ генералъ Крушевскій, а секретаремъ къ нему Бентковскій. Мирославскій рветъ и мечетъ, не хочетъ признать жонда, а иначе сойтиться невозможно. Находится теперь въ Краковѣ и формируетъ отрядъ. Выдалъ пренелѣпый протестъ противъ диктатуры Лангевича, подписанный Данииловскимъ и Еской. Этотъ протестъ сильно ему повредилъ въ общественномъ мнѣніи. Но кажется, уладимъ дѣла и съ нимъ.

Что касается движенія — оно держится упорно и есть надежда, что пойдетъ въ гору еще. Пріобрѣтаемъ вездѣ больше и больше сочувствія. Деньги и оружіе прибываютъ. Даже легитимисты [2]) предлагаютъ соединеніе и даютъ деньги. Изъ-за границы напираютъ на насъ постоянно, чтобы мы держались какъ можно дольше. Большой недостатокъ въ офицерахъ.

Добиваются изъ-за границы возстанія на Литвѣ и на Руси. На Литвѣ бьются въ Лидскомъ повѣтѣ, подъ начальствомъ Нарбута, а въ Инфлантахъ [3])— подъ начальствомъ Потоцкаго и двухъ братьевъ Рыкъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ всеобщаго возстанія на Литвѣ. На Руси нѣтъ еще ничего, но будетъ. Не можемъ понять, что сдѣлалось съ тобою, милый Сигизмундъ. Что-то, однако, скверное. Ты просишь, чтобы тебя перевести на другое мѣсто. Временное правительство ничего не имѣетъ противъ этого, но противъ этого разныя обстоятельства: во-первыхъ, некуда тебя перенести; во-вторыхъ, въ Плоцкомъ

[1]) Южныхъ воеводствъ.

[2]) Разумѣетъ, какъ кажется, бѣлую дирекцію.

[3]) Инфлантами поляки называютъ вообще Лифляндію и 4 сѣверо-западные уѣзда Витебской губерніи. Тутъ идетъ дѣло, безъ сомнѣнія, объ этихъ послѣднихъ.

Н. В.

ничего, въ такомъ разѣ, не останется, между тѣмъ тамошніе жители намѣрены поддерживать возстаніе и вообще оно должно тамъ быть, что бы ни случилось; въ третьихъ, нѣтъ въ виду никого, кто бы могъ въ настоящую минуту тебя замѣнить. Поэтому рѣшено оставить тебя еще на нѣкоторое время въ Плоцкомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ найденъ кто-либо другой на это мѣсто. Тѣмъ временемъ, переговоривъ съ гражданскими властями, организуй новое систематическое движеніе; главнѣйшимъ образомъ, заготовь оружіе (изъ-за границы), аммуницію, лошадей и т. п.

Временное правительство проситъ тебя, во имя любви къ отечеству, остаться на мѣстѣ. Оно желаетъ довольно давно ввести тамъ правильную повстанскую администрацію и нѣсколько разъ предлагало тебѣ указать кандидатовъ. Не дождавшись ничего, назначило воеводскимъ начальникомъ [1]) Евстафія Грабовскаго, изъ Кендзержина. О другихъ узнаешь отъ него. Отъ него же получишь и правительственную экспедицію, или отъ пана Карла. Коммисаръ назначенъ лишь временно. Можетъ быть смѣненъ во всякую минуту.

Конецъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Твой ***.

IV.

(Отъ Бобровскаго).

[Съ польскаго]. Милый, безцѣнный Сигизмундъ!

Письмо твое поразило меня страшно. Чтобы ты, стоявшій когда-то во главѣ движенія, ты, который геройски бился подъ Мышинцемъ, пришелъ вдругъ къ позорной мысли бѣжать за границу — этого я, твой вѣрный и неизмѣнный другъ, не пойму никогда и не могу понять. Думаю, что это было минутное заблужденіе, странный кошмаръ, которому ты нечаянно поддался, но никогда подобное рѣшеніе не могло серьезно родиться въ твоемъ умѣ и сердцѣ. Оставимъ чужія заблужденія въ сторонѣ; забудемъ, что и какъ было, только будемъ помнить, что для обоихъ насъ оставленіе занимаемыхъ нами постовъ есть просто-за-просто дезертирство; выѣхавъ за прусскую границу, мы падемъ ниже Бончи и Гроттуса. Только, тѣ, кто выдержитъ до конца, заслуживаютъ уваженія людей. Что намъ за дѣло, если кругомъ происходятъ разныя неконсеквентности и подлости, — не такія и не оттуда идущія, какъ ты воображаешь, но такія, которыя никоимъ образомъ не могутъ послѣдовать, если только станемъ исполнять какъ надо свои святыя обязанности. Коли погибнемъ на своихъ мѣстахъ, наше дѣло пріобрѣтетъ двухъ чистыхъ людей, которые будутъ служить примѣромъ для другихъ; но оставить свои мѣста, опозорить себя бѣгствомъ — это... это все равно, что убить себя навсегда, дать себѣ патентъ на вѣковѣчное бездѣйствіе. Брось эту проклятую мысль отъѣзда за границу—мысль, которая никогда бы не должна тебя позорить; пріѣзжай въ Варшаву, передавъ власть Мысткововскому, или кому-либо другому, пріѣзжай— и отдохнешь подлѣ моего дружескаго сердца; выберешь занятіе, какое тебѣ угодно. И мнѣ также нужно тебя увидѣть и обнять, чтобы набрать новыхъ силъ, ибо тернистый путь борьбы, который мы съ тобою избрали, труденъ. Подкрѣпившись такимъ образомъ, могучіе нашею дружбою и вѣрою въ наше дѣло (которое, въ концѣ концовъ, непремѣнно одержитъ побѣду, не смотря на людское тупоуміе), съ новыми силами и энергіей примемся работать и будемъ работать до послѣдняго издыханія! Обнимаю тебя тысячу разъ. Твой Степанъ.

Сообщ. **Н. В. Бергъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

---

[1]) Разумѣется: гражданскимъ воеводскимъ начальникомъ. Н. Б.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

1762—1796 гг.

VII [1]).

Однодворцы.

Изученіе быта черносошныхъ крестьянъ дало намъ возможность познакомиться съ тою формою общиннаго землевладѣнія, при которой не бываетъ передѣловъ пахатной и сѣнокосной земли. Мы видѣли, что результатомъ такого порядка вещей было сильное развитіе имущественнаго неравенства и даже образованіе особаго сословія безземельныхъ крестьянъ, которыхъ нужда заставила поселиться на земляхъ различныхъ «деревенскихъ владѣльцевъ» и сдѣлаться половниками. Что положеніе этихъ половниковъ было не завидно, что они находились въ сильной зависимости отъ землевладѣльцевъ—это намъ уже извѣстно; теперь намъ придется встрѣтиться съ совершенно иною формою поземельныхъ отношеній. У черносошныхъ крестьянъ извѣстные земельные участки переходили по наслѣдству, закладывались, мѣнялись, но все это обусловливалось отсутствіемъ передѣловъ и терпѣлось міромъ лишь до поры до времени; въ сущности, право пользованія принадлежало всей общинѣ, и съ измѣненіемъ количества народонаселенія и другихъ условій она заявляла требованіе о введеніи передѣловъ. Государство, которому принадлежало верховное право собственности на земли черносошныхъ волостей, не надѣляло каждаго отдѣльнаго крестьянина извѣстнымъ участкомъ земли; оно знало только группы этихъ крестьянъ въ формѣ волости, погоста и т. п., которыя уже принимали новыхъ поселенцевъ на земли, находящіяся въ ихъ пользованіи, и отводили этимъ поселенцамъ извѣстные участки. Совершенно иной порядокъ поземельныхъ отношеній существовалъ въ томъ классѣ сельскаго населенія, къ изученію котораго мы теперь переходимъ: мы увидимъ, что здѣсь, наоборотъ, государство надѣляло предковъ однодворцевъ опредѣленнымъ коли-

[1]) См. «Р. С.», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396.

чествомъ земли на помѣстномъ правѣ, слѣдовательно—каждаго отдѣльно, и притомъ въ количествѣ гораздо большемъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ обыкновенно пользовался крестьянинъ; такимъ образомъ, мы будемъ имѣть возможность познакомиться съ результатами личнаго землевладѣнія.

I.

Происхожденіе однодворцевъ.—Надѣленіе ихъ землею.—Содержаніе ландмилиціи.—Ихъ численность.—Подати и повинности.—Притѣсненія отъ чиновниковъ и откупщиковъ.

Прежде чѣмъ говорить о поземельныхъ отношеніяхъ среди однодворцевъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о ихъ происхожденіи. Этотъ разрядъ крестьянъ образовался изъ прежнихъ служилыхъ людей—дѣтей боярскихъ, казаковъ, стрѣльцовъ, рейтаровъ, драгунъ, солдатъ, копейщиковъ, пушкарей, затинщиковъ (пищальниковъ), воротниковъ (стоявшихъ на-сторожѣ у воротъ) и засѣчныхъ сторожей, поселенныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ для защиты Россіи отъ нападеній крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Такіе служилые люди поселены были, впрочемъ, не только на южной, но и на восточной границѣ московскаго государства. «Изъ давнихъ лѣтъ учреждены были,—сказано въ проектѣ 1730 года объ учрежденіи ландмилиціи,—въ Новгородскомъ, Бѣлгородскомъ, Сѣвскомъ, Казанскомъ, Симбирскомъ и въ другихъ разрядахъ служилые люди, а именно: городовые дворяне, дѣти боярскіе, копейщики, рейтары, драгуны, солдаты и казаки, и прочіе тѣмъ подобные, и даны имъ помѣстныя земли по ихъ окладамъ, съ которой они по нарядамъ конную и пѣшую службу служили и пограничныя мѣста охраняли». И такъ, здѣсь самый родъ службы, требовавшій постоянныхъ жилищъ для военныхъ людей, побуждалъ правительство къ тому, чтобы, вмѣсто выдачи продовольствія натурою, раздавать земли не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, какъ это было въ другихъ мѣстахъ, но вообще всѣмъ служилымъ людямъ.

Помѣстные оклады для дѣтей боярскихъ украинскихъ городовъ были назначены въ размѣрѣ отъ 40—350 четвертей, смотря по городу и по статьѣ, къ которымъ принадлежалъ служилый человѣкъ; но въ дѣйствительности поземельные участки, данные предкамъ однодворцевъ, были нерѣдко менѣе значительны. Въ документахъ, разсмотрѣнныхъ Я. А. Соловьевымъ, онъ встрѣтилъ не болѣе двухъ или трехъ случаевъ, когда одному лицу было отведено земли болѣе 100 четвертей; всего чаще, по его словамъ, такіе участки равнялись 20-ти, иногда 16-ти, 8-ми и даже 5-ти четвертямъ, при чемъ бывало иногда такъ, что дѣти боярскіе получали по 8-ми четвертей, а солдаты и

засѣчные сторожа по 20-ти и 30-ти [1]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ провѣрить показанія г. Соловьева значительнымъ количествомъ фактовъ, но намъ встрѣчались свѣдѣнія о надѣлахъ крупнѣе тѣхъ, которые онъ считаетъ наиболѣе частыми. Такъ, по словамъ наказа гор. Козлова (Тамбовской провинціи), ихъ предки получили отъ 50—200 четвертей на каждаго сына боярскаго; а въ одномъ селѣ Одоевскаго уѣзда «бѣлопомѣстнымъ» казакамъ дано было среднимъ числомъ по 44 четверти пашни, переложной и поросшей лѣсомъ земли къ каждомъ полѣ, кромѣ сѣнокоса [2]). Въ документахъ на земли—выписяхъ изъ писцовыхъ, переписныхъ, разборныхъ, отказныхъ, сводныхъ и другихъ книгъ—обыкновенно означалось, по скольку земли отводится каждому; но бывали случаи, что выставляли одно только общее количество земли. «Во многихъ нашихъ деревняхъ,—писали въ своемъ наказѣ однодворцы Свіяжскаго уѣзда,—дѣды и отцы наши жалованы помѣстными оклады и въ тѣ оклады даваны земли и прочія угодья, и тѣ земли значатся и понынѣ въ переписныхъ книгахъ и въ данныхъ у насъ выписяхъ четвертьми на каждую семью разно, а рѣдко таковыхъ, которые бы вообще имѣли всѣмъ жиламъ окружныя дачи».

Съ царствованія Петра Великаго, а именно съ 1719 года, всѣ эти служилые люди получаютъ названіе однодворцевъ. Часть прежнихъ дѣтей боярскихъ вошла въ составъ дворянства, но большинство изъ нихъ не могло или не хотѣло нести постоянной службы, а другіе служилые люди—пушкари, стрѣльцы, казаки и т. п.—по своему званію, и не могли войти въ составъ дворянства. Съ того времени положеніе всѣхъ этихъ однодворцевъ значительно измѣнилось.

Прежде всего измѣнился порядокъ военной службы: вмѣсто прежнихъ станичниковъ и сторожей, полковыхъ и городовыхъ служилыхъ людей, учреждается съ 1713 года ландмилиція. Прежніе служилые люди отправляли службу поголовно, начиная съ 15-ти лѣтъ, освобождались отъ нея только старые и увѣчные; теперь же велѣно было пополнить ландмилицкіе полки наборомъ съ однодворцевъ однихъ только молодыхъ людей отъ 15—30-ти лѣтъ. Въ началѣ тридцатыхъ

---

[1]) Статья «Объ однодворцахъ» «Отеч. Зап.», 1850 г., т. LXIX, стр. 89.

[2]) Нужно помнить, что 1) окладъ означалъ только количество пахатной земли и притомъ только въ одномъ полѣ; слѣдовательно, чтобы узнать дѣйствительные размѣры пашни, его нужно утроить; 2) что соразмѣрно съ окладомъ пахатной земли отводилась сверхъ того земля подъ усадьбу, выгонъ, сѣнные покосы, а также предоставлялось опредѣленное количество лѣсу, и 3) при назначеніи окладовъ имѣли въ виду землю хорошаго качества, такъ что, если при отводѣ попадались участки средняго или плохаго достоинства, то къ назначенному количеству давалась придача въ размѣрѣ четверти или половины всего оклада. В. С.

годовъ было уже 20 ландмилицкихъ полковъ (16 конныхъ и 4 пѣшихъ), въ которыхъ было всего болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ. Одна треть ландмилиціи содержалась въ видѣ регулярнаго войска, остальные несли нерегулярную службу. Въ 1732 году велѣно было всѣ ландмилицкіе полки поселить на Украинской линіи слободами, водворивъ тамъ служилыхъ людей съ ихъ женами и дѣтьми; какъ видно, это предположеніе было осуществлено не вполнѣ, такъ какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ эти полки раздѣлялись на поселенные и непоселенные.

Въ 1764 году изо всѣхъ ландмилицкихъ велѣно было сформировать одинъ драгунскій и десять пѣхотныхъ полковъ, содержаніе которыхъ съ этого времени производилось на томъ же основаніи, какъ и другихъ полевыхъ армейскихъ полковъ; но пополнять ихъ предположено было по прежнему наборами съ однодворцевъ чрезъ каждыя пять лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ пятнадцатилѣтній срокъ службы, по истеченіи котораго ландмилицкіе солдаты вновь обращались въ однодворцевъ [1]). До того времени наборы производились съ однодворцевъ гораздо чаще, чѣмъ чрезъ пять лѣтъ, какъ это видно изъ ихъ наказовъ. Однодворцы воронежской провинціи заявляли, что до 1765 года наборы дѣлались у нихъ почти ежегодно, а иногда и по два раза въ годъ, тогда какъ у помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ, купечества и ямщиковъ ихъ не было съ 1759 по 1766 годъ. На то же указывали однодворцы Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ, прибавляя, что наборы бывали съ малаго числа душъ: съ 47—152 человѣкъ по одному рекруту, а по словамъ однодворцевъ гор. Козлова, даже съ 25-ти душъ. Они жаловались также на медленность администраціи при производствѣ набора. «Наберутъ рекрутъ въ городовыхъ канцеляріяхъ за выборами обывательскими,—говорятъ козловскіе однодворцы,—а потомъ оные отправляются въ провинціи и простираются даже до губерній коштомъ однодворческимъ, между которыми пересылками каждый наборъ продолжается по году и долѣе, и ежечастыя при томъ, не допустя ихъ въ полки, яко за неспособностьми, перемѣны, а обществу однодворческому въ проѣздахъ до городовъ слѣдуетъ всегдашняя волокита, и тако въ наборѣ тѣхъ рекрутъ предъ прочими они, однодворцы... несутъ отягощеніе». Не обходилось, разумѣется, при этомъ и безъ злоупотребленій со стороны властей. По словамъ однодворцевъ г. Ряжска, тамбовской провинціи, офицеры, присланные при производствѣ набора, не принимали тѣхъ, кто былъ выбранъ ими въ рекруты, и «никакой въ томъ

[1]) Ландмилицкіе полки раздѣлялись на украинскіе и закамскіе, но содержались они на одинаковыхъ основаніяхъ. В. С.

воли однодворцамъ» не давали, а отбирали сами кого хотѣли, съ различными «нападками и обидами».

Однодворцы указывали также въ своихъ наказахъ на разныя неудобства въ раскладкѣ воинской повинности. Такъ, напримѣръ, иногда брали въ ландмилицію такихъ, послѣ которыхъ оставалось по нѣскольку малолѣтнихъ дѣтей; другіе же, имѣвшіе въ семьѣ нѣсколько человѣкъ, по своему возрасту годныхъ для службы, избавлялись отъ набора по малости роста. Поэтому, ряжскіе однодворцы предлагали установить, что малорослый, не взятый въ службу, долженъ за поступившаго въ ландмилицію уплачивать всѣ государственные поборы и поддерживать его домашнее хозяйство; а однодворцы воронежской провинціи, во избѣжаніе того же неудобства, просили дозволенія нанимать желающихъ идти въ военную службу по доброй волѣ [1]). Жаловались также однодворцы на то, что помѣщики и фабриканты укрываютъ ихъ товарищей, желающихъ избѣжать рекрутчины, и просили взыскивать за это штрафныя деньги [2]).

Во время второй ревизіи однодворцевъ и разночинцевъ, содержащихъ ландмилицію, было въ Воронежской губерніи 218,573, въ Бѣлгородской—177,500, въ Казанской—34,080 и въ Оренбургской—66 душъ, итого 430,219 д. м. п.; по третьей ревизіи, однодворцевъ и разнаго званія содержащихъ ландмилицію было, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Московской губерніи 4,303, въ Воронежской—271,224, въ Бѣлгородской—203,396, на Украинской линіи—12,544, въ Казанской—42,806 и въ Оренбургской губерніи 811 д., всего 535,084 д.; однихъ же однодворцевъ, по нашимъ вычисленіямъ, было около 510 тысячъ душъ [3]). Но такъ какъ тогдашнія губерніи были несравненно обширнѣе нынѣшнихъ, то этотъ перечень не такъ ясно показываетъ территоріальное распредѣленіе однодворцевъ; оно будетъ гораздо нагляднѣе, если мы назовемъ, изъ какихъ провинцій были присланы однодворческіе депутаты въ коммисію для сочиненія новаго уложенія. Изъ Московской губерніи были депутаты отъ однодворцевъ Калужской и Тульской провинцій; Казанской губерніи—отъ провинцій Свіяжской, Пензенской, Казанской, Симбирской; отъ однодворцевъ Смоленской губерніи; Воронежской губерніи отъ Воронежской провинціи, крѣпости св. Дмитрія, Тамбовской, Шацкой и Елецкой провинцій; Бѣлгородской губерніи отъ провинцій Бѣлгород-

[1]) По словамъ елецкихъ однодворцевъ, въ теченіе нѣкотораго времени это было дозволено, но въ послѣдствіи запрещено коммисіею Ушакова, бывшею въ г. Бѣлгородѣ.

[2]) Нужно замѣтить, что были однодворцы и не содержащіе ландмилиціи, напримѣръ, 229 д. въ Московской губерніи.

[3]) Въ это число включены и однодворческіе крестьяне. В. С.

ской, Орловской и Сѣвской; наконецъ, отъ Екатерининской провинціи Новороссійской губерніи.

Въ теченіе царствованія Екатерины постепенно все болѣе сглаживались особенности, отличавшія однодворцевъ отъ остальныхъ государственныхъ крестьянъ. Самая главная изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, было содержаніе ландмилиціи; но въ 1769 году украинскіе полки перестали называться ландмилицкими, такъ какъ они уже во всемъ были сравнены съ армейскими, а затѣмъ присоединеніе Крыма къ Россіи (въ 1783 году) сдѣлало совершенно ненужнымъ существованіе особаго пограничнаго войска. Въ докладѣ императрицѣ, составленномъ около того же времени, объ обложеніи одинаковою податью всѣхъ крестьянъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ директора экономіи, сказано, что со введеніемъ такой подати для нихъ будутъ весьма обременительны наборы для пополненія полевыхъ пѣхотныхъ полковъ, такъ какъ при послѣднемъ наборѣ съ нихъ были взяты рекруты вмѣсто 200 со 100 душъ. «Таковый образъ набора не инако, какъ въ сущее истощеніе селеній ихъ обратится», писали составители доклада и предлагали поэтому уравнять однодворцевъ въ поставкѣ рекрутъ съ другими крестьянами казеннаго вѣдомства. Вслѣдствіе этого доклада, въ 1783 году, вскорѣ послѣ присоединенія Крыма, однодворцы сравнены были въ отправленіи рекрутской повинности такъ же, какъ и въ платежѣ податей, съ прочими казенными крестьянами, причемъ они сохранили право служить въ войскахъ только 15 лѣтъ.

Ранѣе этого времени однодворцы платили подушную подать одинаковую съ другими крестьянами; что же касается оброчнаго сбора, то со времени его установленія онъ взыскивался также и съ однодворцевъ, съ тѣмъ только различіемъ, что остальные крестьяне вмѣсто 40 коп. стали платить рубль оброка съ 1760 года, а для однодворцевъ это повышеніе было сдѣлано четырьмя годами позднѣе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, однако, опять установилось различіе въ размѣрахъ податей между однодворцами и другими государственными крестьянами. Въ 1768 году со всѣхъ казенныхъ крестьянъ, кромѣ однодворцевъ, содержащихъ ландмилицію, велѣно было собирать по 2 руб. 70 коп. въ годъ, однодворцы же по прежнему продолжали платить рублемъ менѣе. Но за то, въ 1783 году, чтобы сравнять ихъ относительно уплаты податей съ другими казенными крестьянами, ихъ оброкъ былъ сразу повышенъ на 2 рубля [1]). Однодворцы въ своихъ наказахъ жаловались на то, что отставные изъ ландми-

[1]) Въ Воронежской губерніи были попытки приписывать однодворцевъ къ фабрикамъ, для отработыванія оброчнаго сбора; но это было вскорѣ запрещено правительствомъ. В. С.

лиціи унтеръ-офицеры и солдаты не исключаются изъ подушнаго оклада и потому сплошь и рядомъ доходятъ до нищеты; они просили освободить этихъ людей отъ уплаты податей. Въ 1765 году отставныхъ, которые изъ ландмилиціи были взяты въ гвардейскіе и армейскіе полки, велѣно было освободить отъ платежа податей, на остальныхъ же это правило и въ послѣдствіи не было распространено и только однодворцевъ, дослужившихся до офицерскихъ чиновъ, велѣно было (въ 1783 г.) въ подушный окладъ не писать.

Любопытно, что у однодворцевъ не вездѣ существовала круговая порука; такъ, напримѣръ, изъ наказа однодворцевъ гор. Козлова (тамбовской провинціи) видно, что тамъ общество раскладывало на имущихъ членовъ уплату податей за отставныхъ солдатъ; не то было въ Курской губерніи. По свидѣтельству тамошней казенной палаты, круговой поруки не существовало въ этой мѣстности еще въ восьмидесятыхъ годахъ: «между однодворцами,—доносила она сенату,—нѣту никакой раскладки на общество въ уваженіе старости, дряхлости и младенчества, каковое несовершенство степеней рода человѣческаго посреди всѣхъ другаго званія государственныхъ крестьянъ пріобрѣтаетъ пособіе отъ своей собратіи». Поэтому пришлось ввести тамъ круговую поруку; мѣстная администрація предписала, «чтобы не каждый членъ частно, но всѣ вообще въ селеніяхъ жители за подати селеніевъ своихъ отвѣтствовали цѣлыми обществами». Разумѣется, это нововведеніе не могло улучшить положеніе бѣдняковъ, обнищаніе которыхъ коренилось, какъ мы увидимъ ниже, въ принципѣ личнаго землевладѣнія. «Сіе благонамѣренное положеніе (т. е. введеніе круговой поруки),—признаетъ сама мѣстная администрація,—хотя дѣйствительно обнадеживаетъ и удостовѣряетъ казну въ недопущеніи доимокъ, однако же не улучшаетъ жребій людей объявленнаго.... состоянія, ибо имѣющіе земли однодворцы, платя за бѣдныхъ и неимущихъ земли свою собратію подати, чтобы возвратить свои деньги, часто противу воли ихъ отдаютъ въ заработки и употребляютъ оныхъ, яко бы уже неспособныхъ, по произволу своему въ работу на собственныхъ своихъ поляхъ, чѣмъ паче сихъ людей увеличиваютъ бѣдность до крайней степени».

Мы говорили уже о самой тяжелой натуральной повинности, лежавшей на однодворцахъ,—содержаніи ландмилиціи; но имъ приходилось нести и другія. Однодворцы воронежской и тамбовской провинцій, сверхъ рекрутъ для ландмилицкихъ полковъ, какъ въ эти полки, такъ и для учрежденія Украинской линіи, строенія крѣпостей и другихъ работъ, ежегодно давали съ 1733—1742 годъ погонщиковъ и подпомощниковъ со своими подводами и матеріалами,

необходимыми для работы; ихъ набирали по одному съ каждыхъ 20-ти и даже 10-ти душъ, и они должны были пахать и убирать хлѣбъ и косить сѣно для продовольствія и содержанія ландмилицкаго корпуса. Кромѣ того «во время турецкихъ и крымскихъ походовъ» весьма многіе однодворцы занимались строеніемъ на рѣкѣ Воронежѣ мореходныхъ судовъ и другими работами; наконецъ, по словамъ воронежскихъ однодворцевъ, они должны были поставить въ складчину подъемныхъ лошадей на ландмилицкіе полки и затѣмъ зимою давать на нихъ фуражъ, а полковымъ служителямъ доставлять провіантъ, платье, обувь и т. п.

Однодворцы, какъ и другіе крестьяне, несли также дорожную повинность, содержаніе перевозовъ, постойную повинность, давали проводниковъ для конвоированія денежной казны и колодниковъ; жившіе въ городахъ исполняли тамъ полицейскія службы. Всѣ эти повинности, тяжелыя сами по себѣ, часто дѣлались крайне разорительными вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій. Такъ, однодворцы калужской провинціи жаловались на безчинства солдатъ при постоѣ, козловскіе однодворцы—на притѣсненія отъ офицеровъ, проѣзжавшихъ со своими командами. Они брали безъ всякой платы съѣстные припасы, овесъ и сѣно для лошадей, и, въ случаѣ сопротивленія, били однодворцевъ (тогда какъ съ помѣщичьими крестьянами они такъ обходиться не смѣли), да, кромѣ того, еще вымогали отъ нихъ свидѣтельства, что никакихъ обидъ имъ не дѣлали.

Притѣсненія приходилось испытывать не отъ однихъ военныхъ и чиновниковъ; сборъ конской пошлины, взимавшейся при продажѣ лошадей, также подавалъ поводъ къ сильнымъ злоупотребленіямъ. Дѣло въ томъ, что эта пошлина отдавалась на откупъ съ торговъ, и откупщики, набивъ на нее цѣну, взыскивали ее потомъ съ крестьянъ съ большимъ барышомъ. По свидѣтельству свіяжскихъ однодворцевъ, откупщики не ограничивались собираніемъ пошлины, какъ слѣдовало бы, въ городахъ и на ярмаркахъ, а ѣздили со своими работниками по всѣмъ селамъ и деревнямъ, заставляя при этомъ давать себѣ безплатно подводы, харчи и фуражъ, вывѣдывали, не было ли гдѣ либо продажи и мѣны лошадей, взыскивали даже и тамъ, гдѣ лошади вовсе не продавались, по 10—15 коп. со двора, а не то—назначали ежегодный оброкъ отъ 2—5 рублей съ каждой деревни. Все это имъ сходило съ рукъ безнаказанно, разумѣется, при помощи взятокъ; по крайней мѣрѣ, жалобы однодворцевъ оставлялись мѣстною администраціею безъ всякаго вниманія. Въ воронежской провинціи откупщики конскихъ пошлинъ позволяли себѣ еще худшія безчинства: ихъ посыльные вытаскивали однодворцевъ изъ домовъ или захваты-

вали на базарѣ и немилосердно били ихъ, а иногда приковывали къ стѣнѣ «въ стоячія цѣпи», даже зимою въ однѣхъ рубашкахъ, и такимъ образомъ отъ людей, вовсе не продававшихъ лошадей, вымогали заявленія о продажѣ, точно такъ же, какъ и отъ внесшихъ уже конскую пошлину, а затѣмъ, якобы за необъявленіе въ свое время, кромѣ пошлины, налагали штрафы по 2 и по 3 рубля. Поэтому, свіяжскіе однодворцы предлагали лучше разложить сумму, доставляемую этою пошлиною, на жителей всего уѣзда, такъ какъ тогда придется съ каждой души самый ничтожный взносъ.

Такія же притѣсненія приходилось выносить и отъ винныхъ откупщиковъ; вотъ что заявляли объ этомъ въ своемъ наказѣ воронежскіе однодворцы. Петръ Великій въ 1716 году дозволилъ людямъ всякаго чина курить вино для своихъ домашнихъ потребностей въ клейменыхъ кубахъ и казанахъ, съ платою съ каждаго ведра по 25 коп. Однодворцы пользовались тогда этимъ правомъ и не подвергались за куреніе вина никакимъ обидамъ; теперь же дворяне курятъ вино для себя и своихъ крестьянъ, а однодворцы могутъ купить его только въ питейныхъ домахъ по дорогой цѣнѣ (2 р. 64 коп. за ведро). Но этимъ дѣло еще не кончается. «Бывшіе прежде откупщики, а нынѣ коронные повѣренные, хотя себѣ имѣть прибытокъ, чинятъ народу раззореніе: откупя питейные сборы, раздаютъ на откупъ отъ себя разныхъ чиновъ людямъ, подъ образомъ повѣренныхъ своихъ, которые для прибытку, пріѣзжая большимъ собраніемъ и съ разными оружіями въ наши однодворческіе дома съ привезеннымъ съ собою виномъ денно и нощно, и якобы у насъ найтить его могли, бьютъ и грабятъ безъ помилованія: иныхъ ограбя отпускаютъ, а другихъ приводятъ въ канцеляріи, гдѣ, по содержаніи подъ карауломъ........ не съискавъ никакія вины, освобождаютъ». Ихъ жалобы оставлялись начальствомъ безъ всякихъ послѣдствій. Они просили дозволить имъ курить вино въ заклейменыхъ кубахъ, какъ это было при Петрѣ Великомъ, съ платою пошлины съ каждаго ведра.

II.

Запрещеніе продавать однодворческія земли.—Постановленія межевой инструкціи 1766 года.—Печальные результаты участковаго землевладѣнія: ссоры и драки изъ-за земель, продажа и залогъ ихъ, неумѣнье противостоять помѣщичьимъ захватамъ, развитіе имущественнаго неравенства.—Безземельные и малоземельные.—Просьба о раздѣлѣ лѣса.

Намъ уже извѣстно, что предки однодворцевъ, при поселеніи ихъ на южныхъ и восточныхъ границахъ Московскаго государства, получали землю въ помѣстья. Чтобы передачею помѣстій и отчужденіемъ вотчинъ служилые люди не лишали себя возможности отправлять

службу, правительство нашло нужнымъ принять мѣры для ограниченія отчужденія этихъ имуществъ. Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ запрещено было уступать и обмѣнивать помѣстья, продавать и закладывать вотчины и даже отдавать въ аренду болѣе чѣмъ на годъ служилымъ людямъ иныхъ городовъ (поэтому мѣстность, которую они населяли, носила названіе «заказныхъ городовъ»); но украинскіе служилые люди, принадлежавшіе къ одному городу, имѣли полное право покупать и мѣнять между собою помѣстья, продавать и закладывать вотчины. Казаки также не имѣли права продавать и уступать свои земли; но за то ихъ выморочные участки отдавали только лицамъ, принадлежавшимъ къ ихъ сословію. Послѣ того какъ при Петрѣ Великомъ, въ 1714 году, раздача помѣстій была прекращена и помѣстное право уравнено съ вотчиннымъ, запретительныя постановленія объ украинскихъ городахъ потеряли свою силу; тогда однодворцы стали продавать свои земли жителямъ всѣхъ городовъ и лицамъ всѣхъ сословій. Правительство признало эти продажи и утвердило ихъ указомъ 1727 года, но впредь запретило однодворцамъ заказныхъ городовъ продавать свои земли и какимъ бы то ни было образомъ укрѣплять ихъ за другими. Однакоже и этотъ указъ весьма часто нарушался; приведемъ пока слѣдующій случай. Нѣкоторые изъ однодворцевъ города Нижняго Ломова, переселясь на новыя земли въ другіе города и уѣзды, уже послѣ указа 1727 года продали и заложили свои земли помѣщикамъ и разнымъ чиновникамъ, которые, вступивъ во владѣніе ими, самовольно захватили и другія однодворческія угодья и стали всячески тѣснить однодворцевъ. Вслѣдствіе жалобы, поданной на это послѣдними, правительство въ 1752 году предписало безденежно отобрать у помѣщиковъ земли, пріобрѣтенныя ими у однодворцевъ послѣ 1727 года по купчимъ и закладнымъ, а также и насильно захваченныя, и возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ; однако предписаніе это исполнено не было. Мѣстная администрація ожидала, вѣроятно, производства генеральнаго межеванія, такъ какъ межевою инструкціею 1754 года велѣно возвращать однодворцамъ земли, проданныя послѣ указа 1727 г., лишь въ томъ случаѣ, если остальныхъ земель не хватитъ для надѣла, опредѣленнаго по 30-ти десятинъ на дворъ. Не останавливаясь на этой межевой инструкціи, такъ какъ постановленія ея почти вовсе не были приведены въ исполненіе, мы прямо переходимъ къ инструкціи 1766 г. Этою инструкціею не только утверждались всѣ продажи помѣщикамъ, сдѣланныя однодворцами послѣ указа 1727 года изъ земель, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, но даже оставлялись за владѣльцами и тѣ изъ однодворческихъ земель, которыя были самовольно за-

селены этими послѣдними; владѣльцы эти однако были обложены ежегоднымъ сборомъ на содержаніе ландмилиціи по 5 коп. съ десятины [1]). Прочія земли, оставшіяся во владѣніи однодворцевъ, раздѣлены на четыре разряда: 1) прежнія помѣстныя изъ писцовыхъ дачъ, на которыхъ однодворцы положены въ окладъ; ихъ велѣно межевать по писцовымъ книгамъ, всякимъ дачамъ и крѣпостямъ, не каждому порознь, но вообще всѣмъ жителямъ одной слободы, села или деревни, ко всякому селенію особо. 2) Помѣстныя же, отсутственныя, т. е. находящіяся въ другихъ селеніяхъ или даже уѣздахъ, не считавшіяся въ числѣ тѣхъ, на которыхъ однодворцы положены въ окладъ; такія земли, если онѣ никому не проданы и никѣмъ не заселены, велѣно было межевать особо; проданныя же безусловно утверждались за покупщиками. 3) «Порозжія» государственныя земли, на которыхъ однодворцы поселились безъ дачъ; имъ велѣно было намѣрить по 8 десятинъ на душу, а на дворъ, считая въ немъ по 4 души, по 32 десятины; въ виду же будущаго увеличенія народонаселенія, тамъ, гдѣ это позволитъ количество казенныхъ земель, велѣно прибавлять еще по 28 десятинъ, слѣдовательно, давать всего по 60 десятинъ на дворъ. Межевать эти земли также велѣно было въ одну общую округу, а не порознь. Наконецъ, 4) собственныя земли, т. е. купленныя или данныя въ вотчину. Всѣ земли помѣстнаго происхожденія межевая инструкція признаетъ общественными, казенными; съ тою только разницею, что земли, на которыхъ однодворцы были положены въ окладъ, запрещено было продавать не только посторроннимъ, но даже другимъ однодворцамъ: они могли только отдавать ихъ по-годно въ наемъ; отсутственныя же или, иначе, отхожія они могли продавать членамъ своего сословія. Собственныя, т. е. купленныя и жалованныя въ вотчину земли, вмѣстѣ съ поселенными на нихъ людьми (однодворческими крестьянами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже) велѣно было оставить за владѣльцами; продавать ихъ было позволено также только однодворцамъ, а не постороннимъ.—Послѣ умершихъ однодворцевъ земли, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, велѣно было наслѣдникамъ ихъ и женамъ на части не дѣлить и не отдавать по наслѣдству и въ приданое тѣмъ дочерямъ, которыя выйдутъ замужъ за людей другаго званія или же за однодворцевъ другихъ селеній, а оставлять при тѣхъ деревняхъ, къ которымъ онѣ будутъ отмежеваны. Но, при отсутствіи у умершаго однодворца дѣтей мужскаго пола, дочери, хотя бы онѣ и вышли замужъ за однодворца

---

[1]) Сборъ этотъ взимался до 1817 года. Побѣдоносцевъ, «Гражданское право», т. I, стр. 500. **В. С.**

другой деревни, могутъ сохранить эти земли въ своемъ владѣніи, если мужья пожелаютъ жить тамъ, гдѣ прежде жили ихъ жены; земли, принадлежавшія этимъ однодворцамъ въ прежнемъ мѣстѣ ихъ жительства, должны отойти къ тамошнимъ однодворцамъ.

Очевидно, что всѣ усилія правительства были направлены къ тому, чтобы однодворцы не отчуждали вовсе земель, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, а остальныя продавали бы по крайней мѣрѣ только членамъ своего сословія. Очевидно, что личное землевладѣніе приводило къ тѣмъ же результатамъ только въ еще болѣе сильной степени, какъ и общинное землевладѣніе безъ передѣловъ земли съ правомъ продажи своихъ участковъ, т. е., къ сильному имущественному неравенству и отчужденію нѣкоторыми крестьянами всей своей земли, а слѣдовательно, къ образованію разряда людей безземельныхъ. Но только при общинномъ землевладѣніи въ той формѣ, въ какой оно существовало, а нерѣдко и до сихъ поръ существуетъ на сѣверѣ Россіи и въ Сибири, гораздо легче можетъ совершиться переходъ къ тому типу общины, который мы находимъ въ центральной Россіи; и мы знаемъ, что такой переходъ дѣйствительно совершался—путемъ ли одной самодѣятельности общины, или и подъ давленіемъ правительственныхъ мѣръ. Правительство въ царствованіе Екатерины доказало многими своими постановленіями, что оно ясно сознавало преимущества общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли надъ другими формами поземельныхъ отношеній; это же сознаніе побудило его и къ тому, что при межеваніи однодворческихъ земель, какъ помѣстныя ихъ владѣнія, такъ и заселенныя ими «порозжія» государственныя земли, велѣно было межевать не тому или другому лицу отдѣльно, а обмежевывать окружною межою къ селенію. Въ этомъ отношеніи дѣйствія правительства того времени гораздо болѣе соотвѣтствовали истиннымъ народнымъ нуждамъ, чѣмъ стремленія современныхъ администраторовъ постепенно подорвать общинный принципъ. Что дѣйствительно факты наглядно доказывали неудобство и вредъ личнаго землевладѣнія, даже при наилучшихъ условіяхъ, т. е. при значительномъ количествѣ земель, какъ отведенныхъ однодворцамъ на помѣстномъ правѣ, такъ и самовольно занятыхъ ими на малонаселенныхъ окраинахъ русскаго государства, это будетъ видно изъ однодворческихъ наказовъ, точно такъ же какъ дурныя стороны поземельныхъ отношеній, существовавшихъ на сѣверѣ Россіи, обрисовались въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ.

Результатомъ отсутствія передѣловъ на сѣверѣ было множество спорныхъ дѣлъ и всевозможныхъ поземельныхъ исковъ, которыми были загромождены присутственныя мѣста. Уже по аналогіи можно было бы

заключить, что при участковомъ землевладѣніи, существовавшемъ у однодворцевъ, у нихъ должно было быть не менѣе, если еще не болѣе, всевозможныхъ несогласій изъ-за земли; намеки на это проглядываютъ и въ наказахъ. «Между нами,—заявляли однодворцы Свіяжскаго уѣзда, — нерѣдко бываютъ въ перепашкѣ земли, въ перекошеніи сѣна, въ увозѣ сноповъ и сѣна...... ссоры, и изъ тѣхъ иныхъ въ городъ увозятъ, производятъ дѣла, по которымъ продолжаются не малыя времена съ убытками. Другіе, кто изъ насъ повозможнѣе (т. е. сильнѣе, зажиточнѣе), напримѣръ, за перепашку осьмой доли четверти, за копну сѣна, отнимаютъ лошадей и сверхъ того бьютъ немилостиво, а бѣднаго на могущаго (т. е. богатаго) просить челобитьемъ силъ не достанетъ; лошади или что другое совсѣмъ остаются въ рукахъ у сильнаго и (захватившіе ихъ) продаютъ, а бѣдные въ явномъ раззореніи бываютъ». Что судебныя учрежденія были обременены спорными дѣлами о землѣ между однодворцами, видно уже изъ того, что императрица Екатерина называла ихъ «людьми весьма къ ябедѣ привыкшими», и считала межеваніе главнѣйшимъ способомъ пресѣченія ихъ бѣдствій.

Но ссоры, драки, жалобы присутственнымъ мѣстамъ еще не худшія послѣдствія того порядка поземельныхъ отношеній, какія существовали среди однодворцевъ; гораздо важнѣе было то, что они продавали и закладывали свои земли. Правительство оказывалось безсильнымъ въ борьбѣ съ этимъ зломъ: не подѣйствовалъ запретительный указъ 1727 года, не прекратили окончательно перепродажи земель и межевыя инструкціи; тутъ нужны были не запрещенія, а измѣненіе формы землевладѣнія, къ чему впрочемъ исполненіе предписаній межевыхъ инструкцій, а именно межеваніе къ селеніямъ окружною межою, служило хорошею подготовкою. Въ наказахъ однодворцевъ не мало указаній на то, какъ часто производилась между ними продажа земель до межевой инструкціи 1766 года.

«Указами предковъ в. и. в—а,—писали въ своемъ наказѣ однодворцы Воронежской губерніи,—дворянамъ и другихъ чиновъ людямъ въ.... данныхъ предкамъ нашимъ жалованныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ въ заказныхъ 16-ти Бѣлогородской и Воронежской губерній городахъ, кромѣ насъ, однодворцевъ, постороннимъ людямъ и крестьяномъ въ поселеніе не вступать, также никому тѣхъ нашихъ земель людей и крестьянъ ни подъ какими видами покупать и оными владѣть не повелѣно; но оные дворяне и другихъ разныхъ чиновъ люди и бывшіе Воронежской губерніи городѣхъ при канцеляріяхъ у дѣлъ воеводы, секретари, съ приписью подъячіе и приказные служители, и находящіеся въ воинскихъ командахъ и въ

дистриктахъ штабъ и оберъ-офицеры, презрѣвъ тѣ именные высочайшіе запретительные указы, у насъ, однодворцевъ, женъ нашихъ и дѣтей изъ тѣхъ земель не малое число четвертей на свои и постороннія имена покупили, именуя тѣхъ однодворцевъ, у которыхъ покупку чинили, помѣщиками». То же было и въ тамбовской провинціи. Однодворцы гор. Козлова жаловались, что помѣщики, воеводы и приказные люди, покупая у нихъ земли, переводятъ туда своихъ крестьянъ и захватываютъ лучшія мѣста. Пріобрѣтали тамъ земли у однодворцевъ и купцы, обходя запрещеніе съ помощью разныхъ хитростей. Они обыкновенно брали сначала землю въ аренду на нѣсколько лѣтъ, «а какъ уже остепеняется, то, всячески однодворцевъ уговоря, купятъ дачу и подъ видомъ напишутъ купчую на родственника своего, имѣющагося въ положенномъ однодворческомъ окладѣ, и тако по той купчей, согласясь съ тѣмъ своимъ родственникомъ, имѣя особые дворы, пашутъ землю и насѣваютъ хлѣбомъ, и разводятъ на ней всякій скотъ, притомъ косятъ сѣно, имѣютъ же и пчелиный заводъ. И тако со стороны помѣщиковъ, а съ другой отъ купцовъ они, однодворцы, стѣсняются». То же было и въ другихъ уѣздахъ тамбовской провинціи; въ Ряжскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, дворянинъ, назвавъ однодворца въ купчей крѣпости помѣщикомъ, пріобрѣталъ отъ него небольшой клочекъ земли и затѣмъ уже беззастѣнчиво хозяйничалъ въ однодворческихъ лѣсныхъ дачахъ, присылая изъ своихъ вотчинъ по пятидесяти и болѣе подводъ для рубки строеваго лѣса и дровъ.

Такія насильственныя дѣйствія были вовсе не исключеніемъ, а скорѣе—общимъ правиломъ. Какъ только помѣщикъ или какой либо чиновникъ внѣдрялся въ однодворческія угодья, онъ начиналъ безцеремонно хозяйничать въ однодворческихъ лѣсахъ. Въ воронежской провинціи во многихъ однодворческихъ крѣпостныхъ дачахъ были винокуренные заводы, принадлежавшіе помѣщикамъ, а также заведенные купцами стеклянные и желѣзные заводы; владѣльцы ихъ, одни подъ видомъ покупки у женъ и дѣтей однодворцевъ, а другіе и совершенно самовольно, рубили лѣсъ и дрова, и тѣмъ такъ опустошили лѣсныя дачи, что не только однодворцамъ не хватало уже строеваго лѣса, но и за дровами они принуждены были ѣздить въ отдаленныя мѣста или даже и покупать ихъ по дорогой цѣнѣ. О помѣщикахъ елецкой провинціи Воронежской губерніи однодворцы писали, что тѣ около своихъ жилищъ «въ собственныхъ нашихъ дачахъ заберегли многія лѣсныя поросли, кои и содержатъ во всякой цѣлости, гдѣ-жъ однодворцы запустя выберегутъ, то они, а въ небытность ихъ въ вотчинахъ приказчики и старосты со крестьяны,

пріѣхавъ, рубятъ все безъ остатку». Такимъ образомъ, они до того тѣснятъ ихъ, что многіе, пріискавъ свободныя мѣста въ своей губерніи, переходятъ туда, не смотря на раззорительность такого переселенія. Такъ же мало церемонились помѣщики и съ тѣми казенными засѣками, въ которыя было дано право въѣзда, какъ уѣзднымъ, такъ и городскимъ жителямъ; такъ, напримѣръ, въ Козловскомъ уѣздѣ находился такъ называемый Большой Воронежскій и Хобоцкій лѣсъ, который, вслѣдствіе размноженія помѣщичьихъ винокуренныхъ заводовъ, былъ до того вырубленъ, что въ немъ, по словамъ однодворцевъ, почти нельзя было сыскать и хвороста на плетни [1]).

Но этимъ дѣло еще не кончалось. Пріобрѣтя себѣ хотя бы небольшой участокъ земли среди однодворцевъ, помѣщикъ не только самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пользовался ихъ лѣсами, но еще начиналъ прямо захватывать земли своихъ новыхъ сосѣдей, у которыхъ, вслѣдствіе отсутствія общиннаго землевладѣнія, не было той тѣсной солидарности въ отстаиваніи своихъ правъ, какую мы находимъ у другихъ крестьянъ. Наказы однодворцевъ полны жалобами на насильственные захваты земель сосѣдними землевладѣльцами. По словамъ жителей воронежской провинціи, дворяне, офицеры и чиновники присвоили себѣ однодворческія дачи и поселили на нихъ многими слободами не только своихъ крестьянъ, переведенныхъ изъ другихъ мѣстъ, но еще созвали туда вольныхъ малороссіянъ; при этомъ они настроили водяныхъ мельницъ и, запрудя для этого рѣки, затопили сѣнные покосы однодворцевъ, которымъ они къ тому же не давали ловить рыбу и отнимали невода. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые тамошніе однодворцы крайне обѣднѣли, а другіе переселились на Украинскую линію. Жалобы въ судебныхъ учрежденіяхъ оставались безъ всякаго результата, на предложенія же однодворцевъ полюбовно размежеваться съ ними дворяне, «почитая ихъ за подлость», не обращали никакого вниманія и желали оставить за собою присвоенныя земли съ уплатою только по 5 коп. съ десятины, какъ это было установлено межевою инктрукціею 1766 г. относительно земель, на которыхъ однодворцы были положены въ подушный окладъ и которыя были куплены или самовольно захвачены помѣщиками послѣ запретительнаго указа 1727 г. Въ тамбовской провинціи помѣщики и чиновники, также не ограничиваясь покупкою земель, силою захватывали у однодворцевъ пашни, луга и лѣса, такъ что послѣднимъ приходилось арендовать землю или у своихъ товарищей, или у тѣхъ

---

[1]) Правда, однодворцы и сами вовсе не берегли лѣса; на это указываетъ прокуроръ елецкой провинціи въ отвѣтахъ на вопросы Вольно-Эк. Общ.

же помѣщиковъ. То же было въ шацкой, елецкой и калужской провинціяхъ, въ Смоленской губерніи и другихъ мѣстахъ, населенныхъ однодворцами. По словамъ одного изъ ихъ депутатовъ въ коммисіи уложенія, помѣщики и крѣпостные крестьяне Казанскаго уѣзда захватили болѣе половины однодворческихъ земель, не представляя никакихъ крѣпостей на нихъ или записей. Въ казенномъ Большомъ Воронежскомъ и Хобоцкомъ лѣсу помѣщики вырубали деревья на дрова и постройки, пока было что рубить, а потомъ просто завладѣли лучшими мѣстами: «кто сколько въ немъ захочетъ,—писали однодворцы,—лучшія мѣста, не подесятинно, но примѣромъ на версту, на двѣ, на три и на шесть захватя, засѣкаютъ, а прочій, въ противность.... законовъ расчистя, распахали пашню, насѣваютъ хлѣбомъ и учредили сѣнокосы.... и то все освоиваютъ себѣ въ потомство», надѣясь, что имъ придется внести за эту землю только ту плату, за которую велѣно было продавать казенныя засѣки, а между тѣмъ однодворцы оставались не только безъ строеваго лѣса, но даже принуждены были топить дома соломою и тростникомъ.

Количество земель, находившихся во владѣніи однодворцевъ, уменьшалось еще и вслѣдствіе того, что, при отсутствіи общиннаго землевладѣнія, выморочныя земли, не смотря на то, что общество платило до новой ревизіи подати за выбылыя души, отдавались присутственными мѣстами въ оброкъ разнымъ лицамъ, преимущественно помѣщикамъ; а за этимъ слѣдовала обычная исторія: переселеніе на эти земли крѣпостныхъ крестьянъ и стѣсненіе однодворцевъ въ остальныхъ угодьяхъ. Поэтому, однодворцы Казанскаго уѣзда просили предписать, чтобы выморочные участки отдавались тѣмъ изъ нихъ, у кого не было своихъ земель.

Возможность продавать землю не только уменьшала общее количество однодворческихъ владѣній, — она вмѣстѣ съ тѣмъ развивала значительное имущественное неравенство среди однодворцевъ, такъ какъ бѣдняки продавали свои земли не только помѣщикамъ, но, быть можетъ, еще чаще своимъ, болѣе зажиточнымъ, товарищамъ. Обычай равнаго раздѣла наслѣдства, вслѣдствіе котораго поземельные участки въ многолюдныхъ семьяхъ крайне дробились, также содѣйствовалъ переходу земель изъ рукъ въ руки, такъ какъ, при постоянныхъ раздѣлахъ, участки могли дойти до столь ничтожной величины, что уже не обезпечивали семьи ихъ владѣльцевъ, и послѣднимъ приходилось поневолѣ продавать ихъ болѣе зажиточнымъ изъ своихъ собратій. (Мы уже знаемъ, что раздѣлъ земли между наслѣдниками, точно также какъ выдѣленіе части вдовамъ, были запрещены межевою инструкціею). Въ большинствѣ однодворческихъ наказовъ, на-

примѣръ, тамбовской и шацкой провинцій и другихъ, упоминается о томъ, что часть однодворцевъ вовсе не имѣла земли вслѣдствіе того, что ихъ предки или они сами распродали свои участки помѣщикамъ или другимъ однодворцамъ. Въ Бѣлгородской губерніи также было не мало однодворцевъ, не имѣвшихъ ни одной четверти земли. Въ Курской губерніи, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, по свидѣтельству тамошней казенной палаты, около четверти однодворцевъ не имѣло никакой другой земли, кромѣ усадебной, такъ что болѣе тысячи душъ получили даже позволеніе переселиться оттуда въ Екатеринославскую губернію. Были, наконецъ, цѣлыя однодворческія общества, не имѣвшія земли, и потому или нанимавшія ее, какъ, напримѣръ, однодворцы, жившіе въ городѣ Пензѣ (46 душъ), или поселившіяся на купленныхъ земляхъ, какъ однодворцы города Цывильска (16 душъ). Понятно, что безземельные должны были или жить въ батракахъ, отправивъ своихъ женъ и дѣтей кормиться мірскимъ подаяніемъ (тяжесть податей заставляла, впрочемъ, и имѣющихъ землю бѣдняковъ идти иногда въ работники, какъ было, напримѣръ, въ воронежской провинціи), или ходатайствовать о дозволеніи имъ переселиться въ мѣста обильныя землею, какъ это дѣлаютъ въ своемъ наказѣ однодворцы Керенскаго уѣзда шацкой провинціи.

Если нерѣдко среди однодворцевъ оказывалось немало людей, совершенно безземельныхъ, то еще чаще можно встрѣтить указанія на недостатокъ у нихъ земли. Депутатъ отъ однодворцевъ елецкой провинціи заявилъ въ коммисіи уложенія, что однодворческія дачи относительно числа жителей уже становятся недостаточными. Однодворцы калужской провинціи жаловались въ своемъ наказѣ на недостатокъ полевой и усадебной земли; такія же жалобы встрѣчаемъ и въ другихъ наказахъ, напримѣръ, Яранскаго уѣзда. Справедливость заявленій однодворцевъ о малоземельѣ подтверждается и дворянскими наказами: тульскіе дворяне говорятъ о недостаткѣ земли у однодворцевъ, одоевскіе заявляютъ, что однодворцы, живущіе въ этомъ уѣздѣ, «многіе находятся въ крайнемъ неимуществѣ и не въ состояніи платежа государственныхъ поборовъ, и запущаются ежегодныя доимки; а единственно оное происходитъ за малоземельемъ, кои (т. е. земли) ихъ предками распроданы онаго уѣзда помѣщикамъ». Заявленіе о крайнемъ малоземельѣ однодворцевъ Бѣлгородскаго уѣзда сдѣлано было депутатомъ отъ городскаго сословія.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало точныхъ указаній на то, какое количество земли было у однодворцевъ. Въ одной слободѣ Инсарскаго уѣзда 444 души имѣли пахатной земли 400 четвертей, да сѣнныхъ покосовъ на 1,400 копенъ; у однодворцевъ г. Наровчата,

шацкой провинціи (784 души), было пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ всего 321 десятина, а въ Керенскомъ уѣздѣ той же провинціи приходилось на каждую душу всей земли не болѣе, какъ по одной четверти.

При полномъ безземельѣ или недостаткѣ земли приходилось брать ее въ аренду за довольно дорогую цѣну. Напротивъ того, богатые однодворцы, напримѣръ, въ Курской губерніи, на своихъ отхожихъ земляхъ имѣли хутора и пасѣки или отдавали ихъ въ аренду неимущимъ.

Усадьбы, пашни и луга были въ личномъ владѣніи однодворцевъ, но лѣса, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, состояли въ общинномъ пользованіи [1]; однако же однодворцы стремились уничтожить и эту единственную общинную собственность; они не только безцеремонно обращались съ нею, но иногда и прямо выражали желаніе раздѣлить ее между отдѣльными владѣльцами. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ Козловскомъ уѣздѣ тамбовской провинціи, гдѣ во всѣхъ селахъ и деревняхъ «у однодворцевъ, въ имѣющихся по округамъ ихъ дачахъ», были лѣса или, какъ они сами выражаются, «лѣсами назвать много, а хворостомъ достойно». Вотъ какъ тамошніе однодворцы объясняли неудобство общиннаго пользованія лѣсомъ: «лѣтнимъ временемъ, еще какъ хлѣбъ всякій сжатый въ копнахъ въ полѣ не свезенъ въ гумна, то семьянистые жители, оставя тотъ хлѣбъ въ полѣ, дабы имъ не быть безъ дровъ, тотъ хворостъ съ кореньями высѣкаютъ и упрочиваютъ себѣ въ зиму, а одинокіе промышляютъ, какъ-бы хлеба не потратить, о томъ стараются и дровъ въ зиму не припасаютъ, а зимнимъ временемъ, для того, что тотъ хворостъ съ тростникомъ равенъ, занесетъ снѣгомъ, достать не можно», такъ что «семьянистые дровами довольствуются, а одинокіе бываютъ безъ дровъ и претерпѣваютъ нужду». Поэтому, козловскіе однодворцы ходатайствовали въ своемъ наказѣ о раздѣленіи между ними этого лѣса пропорціонально количеству земли, находящейся во владѣніи каждаго изъ нихъ, какъ жалованной, такъ и покупной. Выгоды такого порядка заключаются, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что никто «не отважится своей части напрасно похищать, а будетъ упрочивать», истребляя лишь негодный лѣсъ; они недоумѣвали только и просили разрѣшить ихъ сомнѣніе, какъ быть при этомъ раздѣлѣ съ тѣми, которые вовсе не имѣютъ земли, но тѣмъ не менѣе, наравнѣ съ другими, платятъ подушную подать.

В. И. Семевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

[1] Такъ, напр., въ воронежской провинціи «между однодворческими селеніями есть собственныя ихъ лѣсныя дачи», «общественные лѣса». Сборн. Ист. Общ. XIV, 487—488. В. С.

ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ

и

ЕГО УПРАВЛЕНІЕ ВАЛАХІЕЙ И МОЛДАВІЕЙ

въ 1829—1834 гг.

II [1]).

Финансовая часть въ Молдавіи и Валахіи представляла до 1829 года всего болѣе злоупотребленій и требовала наиболѣе преобразованій. Подушная подать въ 30 піастровъ (10 франковъ или отъ 2 до 2½ рублей) замѣнила множество прежнихъ различныхъ податей и всю многосложность прежней финансовой системы. Обязательныя работы крестьянъ, реквизиціи или сборы съ нихъ натурой, присвоеніе остатковъ доходовъ ихъ разнымъ должностнымъ лицамъ — были уничтожены. Всѣмъ должностнымъ лицамъ, высшимъ и низшимъ, были назначены достаточные оклады жалованья, въ соразмѣрности съ важностью должностей. Окладъ господарей (liste civile) былъ назначенъ въ 1.600,000 піастровъ (533,333 франка или отъ 106 т. до 133 т. руб.) въ Валахіи и въ 1.200,000 піастровъ (400,000 франковъ или отъ 80,000 до 100,000 рублей) въ Молдавіи. Всѣ общественные доходы были объявлены принадлежащими краю и предназначены для употребленія въ его пользу. Крестьяне, дарованные прежде дворянству въ качествѣ удѣльныхъ, а землевладѣльцамъ—для земельныхъ работъ, поступили въ общій разрядъ податныхъ, что увеличило доходы казны до такого размѣра, какого они прежде никогда не могли достигнуть, не смотря на всѣ насилія и злоупотребленія, которымъ подвергались. Дворянству было назначено денежное и личное вознагражденіе за убытки его вслѣдствіе уничтоженія сокотельниковъ. Землевладѣльцы также были вознаграждены съ избыткомъ расширеніемъ имущественныхъ правъ собственности и обезпеченіемъ ея новыми законами отъ произвола, котораго она была жертвой дотолѣ. Такимъ образомъ, права и интересы всѣхъ и каждаго были вполнѣ ограждены новымъ преобразова-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 479—496.

ніемъ, замѣнившимъ все прежде существовавшее новыми учрежденіями, полными жизни и будущности. Всѣ сословія народныя выиграли отъ этого, но особенно крестьянское, наиболѣе угнетенное дотолѣ. Въ каждомъ уѣздѣ были произведены народныя переписи и списки ихъ розданы во всѣ селенія, мѣстечки и города, дабы служить основаніемъ для сбора податей въ теченіи семи лѣтъ. Сверхъ того, были учреждены общинныя кассы, въ которыя каждый податной былъ обязанъ вносить десятую часть своей годовой подушной подати, для устраненія важныхъ неудобствъ, которыя нѣкогда представляла система «котизаціи» или общей складчины, и для избѣжанія въ то же время всякой перемѣны въ податныхъ спискахъ въ теченіи семи лѣтъ. Такимъ образомъ каждый, зная на сколько онъ былъ обязанъ участвовать въ общественныхъ повинностяхъ, и что, разъ внеся слѣдующую съ него долю, могъ спокойно пользоваться плодами трудовъ своихъ,—съ полною обезпеченностью предался всякаго рода промышленнымъ и торговымъ дѣламъ, что̀ дало земледѣлію и торговлѣ развитіе, превзошедшее всѣ надежды. Для всевозможнаго развитія именно этихъ двухъ источниковъ народнаго богатства, не были пренебрежены никакія мѣры. Внутреннія таможни были уничтожены и новые рынки открыты во многихъ городахъ и на всѣхъ дунайскихъ пристаняхъ. Сюда всякій могъ свободно привозить и продавать безпошлинно произведенія своей земли и своей промышленности. Состояніе большихъ и проселочныхъ дорогъ было улучшено и новые мосты, построенные на многихъ рѣкахъ, открыли новые пути сообщенія. Для соглашенія потребностей внѣшняго спроса съ свободой вывоза, въ каждомъ селеніи были учреждены запасные магазины. Городъ Браиловъ, который, по близости своей къ устьямъ Дуная и по удобствамъ своего порта, былъ главнымъ пунктомъ вывозной торговли, содѣлался предметомъ особенной заботливости. Обращенный въ главный городъ уѣзда, онъ получилъ свои ежегодные доходы; ему, на украшеніе его, были предоставлены всѣ денежныя суммы, поступившія отъ продажи земли внутри бывшихъ укрѣпленій его, которая, по удаленіи турокъ, содѣлалась собственностью казны. Всѣмъ иностраннымъ торговымъ людямъ, водворившимся въ немъ, оказаны были поощренія и дарованы льготы всякаго рода. Въ немъ былъ учрежденъ городовой совѣтъ, выбранный изъ среды гражданъ, для попеченія объ интересахъ города, сбора его доходовъ, опредѣленія употребленія ихъ на необходимѣйшія нужды города и представительства о нихъ передъ правительствомъ. Это былъ первый опытъ такого рода полезнаго учрежденія въ княжествахъ; вскорѣ послѣ того Букарестъ и Яссы, а за ними и всѣ уѣздные города, также получили

свои подобнаго рода городовые совѣты. Браиловъ вскорѣ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли Валахіи и самымъ богатымъ городомъ ея. 150 судовъ вошли въ его портъ въ 1831 году и вдвое болѣе въ 1832 году. Вывозъ изъ него простирался въ 1831 году на 26 милліоновъ, въ 1832 году на 38 милліоновъ, а въ 1833 году на 46 милліоновъ піастровъ. Это значило воздвигать опаснаго соперника Одессѣ, однако не препятствовало Киселеву продолжать исполненіе своихъ плановъ въ отношеніи Браилова, а русскому правительству—одобрять ихъ, потому что оно положительно желало возрожденія Валахіи и Молдавіи [1]).

Народное образованіе одно изъ первыхъ обратило на себя всю заботливость Киселева съ самаго прибытія его. А послѣднею мѣрой управленія его было утвержденіе имъ, въ самый день отъѣзда его изъ княжествъ, проекта закона, вводившаго новый порядокъ въ управленіи духовными имѣніями въ Валахіи и назначившаго часть доходовъ ихъ въ пользу учебныхъ заведеній. Затрудненія со стороны высшаго духовенства воспрепятствовали принятію этого закона ранѣе. Но еще до того во всѣхъ главныхъ городахъ и мѣстечкахъ были учреждены начальныя школы. Отечественный языкъ заступилъ въ нихъ мѣсто греческаго, введеннаго господарями-фанаріотами и сдѣлывавшаго образованіе недоступнымъ большинству населенія. Такъ называемые «словесные классы» (classes d'humanité), въ которыхъ обучали французскому, греческому и латинскому языкамъ, и «дополнительные классы», составлявшіе послѣднюю степень обученія, были учреждены въ главныхъ городахъ. До 20,000 учениковъ ежегодно пользовались во всѣхъ этихъ училищахъ благодѣяніями безплатнаго обученія.

Около половины 1832 года всѣ новыя учрежденія уже вступили въ полныя силу и дѣйствіе, и край повсюду представлялъ одно изъ тѣхъ счастливыхъ превращеній, которыя обыкновенно бываютъ результатами лишь времени и многотрудной цивилизаціи. Въ это время Киселевъ, желая лично судить о внутреннемъ состояніи края, предпринялъ поѣздку по Малой Валахіи (предполагая въ слѣдующемъ году совершить ее по Большой и потомъ по Молдавіи). Онъ объѣхалъ тѣ самыя мѣста, въ которыхъ $2^1/_2$ года передъ тѣмъ находилъ только раззореніе и нищету, а въ это время имѣлъ счастіе найти повсюду довольство, миръ и обезпеченность. Эта поѣздка была новымъ благодѣяніемъ для края. Киселевъ хотѣлъ лично все видѣть

[1]) Не подобное-ли тому явленіе представляетъ и возстановленіе Царства Польскаго и его благосостоянія при Александрѣ I-мъ? **Кн. Н. Г.**

и узнать: онъ вездѣ посѣтилъ суды, школы, присутственныя мѣста, тюрьмы, больницы, карантины, вездѣ собралъ полезныя свѣдѣнія и приказалъ произвесть новыя улучшенія. Однажды, посѣтивъ соляныя копи, въ которыя были заключаемы преступники, приговоренные къ каторжнымъ работамъ, онъ немедленно написалъ административному совѣту, чтобы онъ принялъ самоскорѣйшія мѣры для улучшенія участи этихъ несчастныхъ. Въ числѣ данныхъ имъ при этомъ наставленій, замѣчательны слѣдующія собственноручныя строки его:

«Эта работа есть дѣло совѣсти и религіи, которое сотрудники мои доставятъ мнѣ возможность исполнить еще до моего удаленія изъ этого края, дабы я могъ покинуть его съ спокойнымъ сердцемъ и безъ упрека себѣ въ небреженіи, котораго никогда не простилъ бы себѣ».

Онъ унесъ изъ этой поѣздки сладостное для него убѣжденіе, что труды его принесли самые счастливые плоды и были всѣми оцѣнены. Въ высшей степени возбудило удовольствіе его также то, что изъ 2,000 прошеній, поданныхъ ему, ни въ одномъ не было никакихъ жалобъ на лихоимство или иныя какія-либо злоупотребленія правительственныхъ чиновниковъ. Онъ зналъ, что самыя лучшія учрежденія безсильны, если не опираются на нравственныя качества тѣхъ, которые призваны къ исполненію ихъ. И при своемъ горячемъ желаніи видѣть процвѣтаніе этихъ учрежденій, онъ усмотрѣлъ въ безупречныхъ поступкахъ общественныхъ дѣятелей доказательство нравственнаго улучшенія ихъ и вѣрный залогъ для будущей судьбы края, поставленнаго имъ, какъ онъ надѣялся, въ безопасность отъ вліянія дурныхъ страстей.

1833 годъ принесъ съ собою для Киселева новыя обязанности и новые труды. Назначенный командующимъ вспомогательнымъ султану корпусомъ русскихъ войскъ, долженствовавшимъ слѣдовать изъ княжествъ на помощь Константинополю, онъ, находясь въ то время (въ началѣ года) въ Яссахъ, среди работъ по засѣданіямъ общихъ собраній въ обоихъ княжествахъ, былъ принужденъ одновременно съ ними дѣлать немедленныя приготовленія къ походу, весь успѣхъ котораго зависѣлъ отъ быстроты исполненія ихъ. Онъ сообщилъ общимъ собраніямъ свое назначеніе и препоручилъ имъ заботливость о войскахъ, ввѣренныхъ его начальствованію. Общее собраніе Валахіи отозвалось на это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы только-что узнали о новомъ знакѣ уваженія и довѣрія, которымъ государь вашъ удостоилъ васъ, и гордимся имъ, потому что онъ приноситъ честь вамъ. Ваши солдаты—наши братья, потому что вы ихъ начальникъ. Мы всегда были счастливы всѣмъ, что̀ будетъ способствовать вашимъ счастію и славѣ, ибо убѣждены, что судьба нашего отечества тѣсно

связана съ вашею». Этими словами общее собраніе вѣрно выразило чувства всего края. Новыя заботы, которыя Киселевъ долженъ былъ раздѣлить съ заботами о краѣ, не причинили однако ни малѣйшаго ослабленія въ многочисленныхъ и трудныхъ занятіяхъ, которыхъ требовали пользы княжествъ. Энергія и дѣятельность Киселева были таковы, что въ самое короткое время вполнѣ удовлетворены были всѣ потребности какъ войскъ его, такъ и внутренняго управленія края на время отсутствія Киселева. Въ полной готовности къ движенію за Дунай, онъ, до полученія приказанія о томъ, предположилъ объѣхать Большую Валахію, какъ въ 1832 году объѣхалъ Малую. Объѣздъ свой онъ расположилъ такъ, чтобы изъ Букареста объѣхать сначала всю нижнюю, степную, при-дунайскую часть края до Браилова, а оттуда, чрезъ г. Бузео—всю сѣверную, горную, при-карпатскую, съ востока на западъ. Но въ іюнѣ, въ то самое время, когда онъ уже собирался начать свой объѣздъ, онъ получилъ отъ графа Орлова изъ Константинополя извѣстіе о заключеніи мирной конвенціи между султаномъ и пашою египетскимъ, о прекращеніи военныхъ дѣйствій между ними и о ненадобности болѣе, вслѣдствіе того, движенія корпуса Киселева къ Константинополю. При этомъ графъ Орловъ просилъ Киселева прибыть въ Одессу для личныхъ объясненій касательно княжествъ. Вслѣдствіе того, Киселевъ, 24-го іюня, отправился изъ Букареста сначала въ м. Калараш, противъ крѣпости Силистріи, для смотра сводной бригады бывшей 17-й пѣхотной дивизіи, которая, съ 1829 года составляя гарнизонъ этой крѣпости и смѣненная въ это время войсками 5-го пѣхотнаго (бывшаго Литовскаго) корпуса, должна была воротиться въ Россію. Смотръ этой бригадѣ Киселевъ назначилъ въ самый день рожденія государя—25-го іюня, и 24-го къ вечеру прибылъ въ Калараш.

Это небольшое мѣстечко на лѣвомъ, нѣсколько возвышенномъ и обрывистомъ, берегу лѣваго рукава Дуная, называемаго Борща, насупротивъ Силистріи, было окружено съ трехъ сторонъ низменною равниной, покрытою камышомъ и осокою. На ней, 25-го іюня 1833 г., къ 7-ми часамъ утра, были построены для смотра: 6 баталіоновъ сводной бригады 17-й пѣхотной дивизіи, батарея пѣшей артиллеріи, рота саперовъ, 5 донскихъ казачьихъ сотень (эти войска составляли до тѣхъ поръ гарнизонъ кр. Силистріи) и 1 рота валахской земской стражи.

Надо сказать, что полки 17-й пѣхотной дивизіи, изъ состава бывшей 2-й арміи, съ самаго начала войны въ 1828 г. вступивъ въ Молдавію и Валахію, со славою участвовали во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ нихъ, особенно въ Малой Валахіи въ 1828 и 1829 гг., а въ концѣ 1829 г., сверхъ того, и за Дунаемъ до Софіи и Габро-

ва, подъ начальствомъ Киселева. По заключеніи мира, изъ обоихъ баталіоновъ каждаго изъ 6-ти полковъ этой дивизіи были сформированы 6 комплектныхъ первыхъ баталіоновъ, которые и составили гарнизонъ Силистріи. Вторыхъ же баталіоновъ въ Россію были отправлены только одни кадры, послужившіе къ сформированію новыхъ дѣйствующихъ баталіоновъ 17-й пѣхотной дивизіи (въ послѣдствіи 6-го пѣхотнаго корпуса). Поэтому шесть первыхъ баталіоновъ сводной бригады бывшей 17-й пѣхотной дивизіи, проведя 5 лѣтъ на службѣ въ княжествахъ, боевой—въ 1828—1829 гг. и гарнизонной въ Силистріи—въ 1829—1833 гг., состояли всѣ изъ старыхъ, заслуженныхъ солдатъ, съ медалями за войну и большею частію съ георгіевскими крестами и нашивками. Киселевъ, въ 10 лѣтъ начальствованія своего главнымъ штабомъ 2-й арміи оцѣнившій отличныя достоинства 17-й дивизіи, а въ 1829 г. и боевые подвиги ея, еще въ маѣ 1833 г. объявилъ намѣреніе свое проститься, по его словамъ, съ «своими старыми сослуживцами», передъ возвращеніемъ ихъ въ Россію,—въ самый день рожденія государя, 25-го іюня.

Въ этотъ-то день, въ 7 часовъ утра, въ великолѣпную, ясную погоду, сопровождаемый своею военною свитой, онъ прибылъ къ выстроеннымъ для смотра войскамъ, и, останавливаясь передъ фронтомъ каждой части ихъ, поздравлялъ ее съ днемъ рожденія государя и съ возвращеніемъ въ Россію, и благодарилъ за отличную, примѣрную службу въ княжествахъ. Затѣмъ эти ветераны два раза прошли мимо его церемоніальнымъ маршемъ, и стройнымъ порядкомъ, бодрымъ, воинственнымъ видомъ своимъ заслуживъ полную благодарность его, построили каре, внутри котораго было совершено молебствіе о здравіи государя, съ пальбою батареи при возглашеніи многолѣтія ему. Послѣ того, сложивъ оружіе и аммуницію, войска направились къ возвышенному на берегу Борщи мѣсту, гдѣ, на отдѣльномъ холмѣ, прямо противъ Силистріи, былъ устроенъ красивый, открытый павильонъ, убранный, за недостаткомъ растеній и цвѣтовъ, камышомъ, а отъ него, какъ отъ центра, радіусами въ полукружіи были устроены 16 длинныхъ столовъ для обѣда нижнихъ чиновъ; въ павильонѣ же былъ приготовленъ завтракъ для генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и свиты Киселева. Во время этого завтрака, Киселевъ, выступивъ на край павильона съ бокаломъ шампанскаго, громко провозгласилъ здоровье государя и воздухъ огласился криками ура, пушечною пальбой и звуками народнаго гимна. Когда же они смолкли, Киселевъ собралъ вокругъ себя генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ войскъ, бывшихъ на смотру, и обратился къ нимъ съ глубоко-прочувствованными словами.

— «Отпуская васъ въ Россію,—сказалъ онъ,—долгомъ совѣсти считаю выразить вамъ торжественно передъ всѣми искреннюю признательность мою за вашу примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ службу въ княжествахъ. Послѣ 15-ти-лѣтняго служенія моего съ войсками 17-й дивизіи, я одушевленъ истиннымъ уваженіемъ къ достоинствамъ ихъ. Оказавъ въ послѣднюю турецкую войну блистательные военные подвиги, они, въ пять лѣтъ пребыванія въ княжествахъ, соблюденіемъ строгой военной дисциплины, пріобрѣли пріязнь жителей края, отъ которыхъ до меня доходили не жалобы, а лишь выраженія благодарности. Во все это время должный порядокъ ни единымъ случаемъ не былъ нарушенъ, и мнѣ отрадно возвратить въ Россію войска истинно русскія. Вы достойно служили царю и отечеству въ княжествахъ; съ такимъ же отличіемъ служите имъ и въ предѣлахъ Россіи. Что же касается меня, то вѣрьте, что вы оставляете во мнѣ человѣка, истинно вамъ преданнаго и навсегда къ вамъ расположеннаго».

Эти слова, вполнѣ искреннія, были произнесены Киселевымъ съ глубокимъ чувствомъ, со слезами на глазахъ — и столь же искренно и глубоко отозвались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, къ которымъ были обращены. Киселевъ вполнѣ любилъ войска 17-й дивизіи и столь же сердечно былъ любимъ ими и всѣми вообще чинами войскъ, находившихся въ княжествахъ во время его управленія [1]). И во 2-й арміи—въ Россіи, и въ Турціи, и въ княжествахъ—въ 1828—1833 гг., вездѣ, всегда и всѣмъ своимъ подчиненнымъ онъ внушалъ глубокое уваженіе и непритворную преданность къ себѣ, и имѣлъ на нихъ обаятельное вліяніе.

Въ тотъ же день, 25-го іюня 1853 г., въ 3 часа пополудни, всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, свита и нѣсколько лицъ, прибывшихъ изъ Букареста, имѣли у Киселева обѣденный столъ, за которымъ также было пито за здоровье государя. Въ 6 часовъ вечера, въ присутствіи тѣхъ же лицъ и мѣстныхъ жителей, послѣдовала торжественная закладка новаго карантиннаго зданія на возвышенномъ берегу Борщи, при въѣздѣ въ Каларашъ со стороны Букареста. Необходимость такого зданія въ Каларашѣ уже давно была ощущаема, такъ какъ до тѣхъ поръ карантинъ въ этомъ мѣстѣ, за не-

---

[1]) Въ приказѣ, отданномъ въ тотъ же день Киселевымъ по войскамъ, расположеннымъ въ княжествахъ, между прочимъ было сказано: «Примите начальническую благодарность мою, сослуживцы мои; помните всегда, что безпрерывное попеченіе о васъ было послѣдствіемъ воли и намѣреній всемилостивѣйшаго государя императора нашего, покажите себя признательными сохраненіемъ военныхъ доблестей и не забывайте, что честь воина есть принадлежность отечества и что съ нею нераздѣльны вѣра закону и вѣрность престолу». **Кн. Н. Г.**

имѣніемъ удобныхъ для него зданій, помѣщался въ землянкахъ. Наконецъ, ввечеру, по наступленіи темноты, улицы Калараша были ярко иллюминованы, на нихъ устроены были тріумфальныя арки, горѣли щиты, играли два хора военной музыки, и передъ квартирой Киселева сожженъ фейерверкъ.

На другой день, войска, бывшія на смотру, выступили въ походъ въ Россію, а Киселевъ съ своею свитой отправился въ Браиловъ. Здѣсь, 1-го іюля, въ день рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны, произошло другое торжество—закладка, на мѣстѣ осадныхъ работъ во время осады Браилова въ 1828 г., памятника въ воспоминаніе присутствія при ней государя и начальствованія великаго князя Михаила Павловича осаднымъ корпусомъ. При этомъ Киселевъ положилъ въ основаніе памятника бронзовую доску съ слѣдующею надписью:

«Въ достославное царствованіе Николая I, императора и самодержца всероссійскаго, въ ознаменованіе взятія россійскими войсками крѣпости Браилова и въ память высочайшаго пребыванія государя императора при осадѣ, въ достопамятную войну съ Портою Оттоманскою 1828 г., сооруженъ сей памятникъ при временномъ россійскомъ управленіи въ княжествахъ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ ихъ, генералъ-адъютантомъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ, лѣта отъ Р. Х. 1833 г. іюля въ 1-й день».

По этому случаю, Киселевъ обратился къ членамъ городоваго магистрата города Браилова съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Сего числа, въ высокоторжественный день рожденія ея императорскаго величества государыни императрицы всероссійской, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, во время осады крѣпости Браилова въ войну съ Оттоманскою Портою 1828 года, въ недальнемъ разстояніи отъ государя императора пало турецкое ядро,—положено основаніе памятнику въ воспоминаніе взятія Браилова россійскими войсками подъ начальствомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича и личнаго пребыванія при осадѣ государя императора.

«При семъ случаѣ обращаюсь къ вамъ, гг. члены городоваго магистрата города Браилова! Да сохранится неизгладимо въ памяти вашей, что установленіемъ общественнаго порядка и благоустройства, возобновленіемъ города Браилова, предоставленіемъ оному удобствъ и выгодъ торговли и особо дарованныхъ преимуществъ, словомъ—всѣмъ теперешнимъ его благосостояніемъ обязаны вы 10-ти тысячамъ русскихъ воиновъ, кои, движимые могучею волею и великодушными видами августѣйшаго императора всероссійскаго, проливали подъ стѣнами Браилова кровь свою! Помните, что самъ государь импера-

торъ подвергалъ здѣсь царскую жизнь свою опасности; что тотъ, который, не жалѣя ни силъ, ни спокойствія, ни даже жизни, который, предводительствуя россійскими войсками, постоянно во время осады одушевлялъ ихъ личнымъ своимъ примѣромъ—былъ братъ монарха Россіи!

«Вамъ, гг. члены городоваго магистрата, какъ представителямъ гражддан города Браилова, какъ блюстителямъ ихъ благосостоянія, поручаю залогъ, для всякаго русскаго священный - памятникъ, долженствующій свидѣтельствовать потомству о великодушныхъ видахъ государя императора и о подвигахъ россійскаго воинства.—Оказаніемъ должнаго содѣйствія корпуса инженеровъ путей сообщенія капитану Бларамбергу, коему поручено мною производство работъ по сооруженію памятника,—доставленіемъ сему офицеру всѣхъ отъ васъ зависящихъ удобствъ и средствъ къ успѣшнѣйшему окончанію работъ сихъ, наконецъ—постояннымъ попеченіемъ вашимъ о сбереженіи, въ послѣдствіи, воздвигнутаго памятника въ надлежащей цѣлости, вы докажете, что, питая въ сердцахъ вашихъ чувство признательности къ могучей покровительницѣ вашей—Россіи, умѣете достойно цѣнить оказанныя вамъ, милостію императора всероссійскаго, благодѣянія».

Отпраздновавъ такимъ образомъ, въ 1833 г., въ Калярашѣ и Браиловѣ, высокоторжественные дни 25-го іюня и 1-го іюля, Киселевъ отправился въ Одессу, для свиданія и переговоровъ съ графомъ Орловымъ. По возвращеніи же оттуда въ Букарестъ, онъ привезъ уже извѣстіе о предстоявшемъ въ слѣдующемъ, 1834 г., окончаніи временнаго русскаго и о началѣ своего національнаго управленія въ княжествахъ Валахіи и Молдавіи, къ чему тотчасъ же и начаты были заблаговременныя приготовленія.

Удостоенный монаршихъ наградъ: въ 1829 г., по заключеніи мира, орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1832 г., по введеніи въ княжествахъ органическаго регламента, орденомъ св. Владиміра І-й степени, въ 1833 г., по заключеніи турецко-египетской конвенціи, Киселевъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго, а султанъ прислалъ ему свой портретъ, украшенный бриллiантами, и грамоту на званіе турецкаго бея (князя).

Отъѣздъ въ Одессу не дозволилъ уже въ тѣ самые мѣсяцы, совершить предположенную поѣздку по южной и сѣверной частямъ Большой Валахіи. По возвращеніи же изъ Одессы, съ августа до декабря 1833 г., Киселевъ дѣятельнѣйше занялся всѣми приготовленіями къ введенію въ княжествахъ собственнаго ихъ управленія на основаніи органическаго регламента. Къ декабрю созваны были въ обоихъ княжествахъ, въ послѣдній разъ при немъ, общія собранія, а къ тому

времени онъ приказалъ всѣмъ начальникамъ различныхъ департаментовъ представить подробные отчеты по всѣмъ частямъ внутренняго управленія, которые, еще до своего отъѣзда изъ княжествъ, хотѣлъ передать на разсмотрѣніе и обсужденіе общихъ собраній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. Д. приказалъ тѣмъ же лицамъ поставить въ извѣстность о всѣхъ потребностяхъ края, удовлетворить которымъ не позволило еще время, въ особенности же о тѣхъ, которыя потребовали бы помощи русскаго правительства и въ пользу которыхъ онъ обѣщалъ ходатайствовать въ Петербургѣ. Онъ хотѣлъ знать въ точности доходы и расходы всѣхъ общественныхъ кассъ и опредѣлить сколько именно денежныхъ капиталовъ находиться въ каждомъ княжествѣ. Онъ самъ обревизовалъ и утвердилъ состояніе доходовъ и расходовъ казначействъ княжествъ во время своего управленія и приказалъ принять всѣ необходимыя мѣры для ускоренія сбора недоимокъ, которыя назначилъ на погашеніе общественнаго долга края.

Въ то же время русскія гражданское и военное управленія, состоявшія при немъ въ княжествахъ, также были дѣятельно заняты приготовленіемъ особыхъ отчетовъ по тому и другому управленію за все время съ 1829 года. Основаніемъ гражданскаго отчета должны были послужить отчеты министровъ Валахіи и Молдавіи, сведенные въ одинъ общій отчетъ, а военный отчетъ имѣлъ представить общую картину распоряженій по всѣмъ частямъ, касавшихся русскихъ войскъ, занимавшихъ княжества и кр. Силистрію въ 1828—1833 гг. Сверхъ того, во все время управленія Киселева, чинами разныхъ русскихъ вѣдомствъ (генеральнаго штаба, корпуса топографовъ, путей сообщенія, горнаго и иныхъ), состоявшими при немъ, произведены были многія изслѣдованія и работы всякаго рода, важныя и полезныя какъ для княжествъ, такъ и для Россіи. Такимъ образомъ, была произведена военно-топографическая съемка Валахіи и Молдавіи и важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи позицій въ нихъ, съ рисунками многихъ древностей и пр. (офицерами генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, подъ руководствомъ генералъ-маіора Руге); собраны статистическія свѣдѣнія и составлены статистическія таблицы и карты княжествъ; произведены многія сооруженія и работы по части путей сообщенія, мостовъ, публичныхъ зданій и т. п., изслѣдованія почвы, рѣкъ, лѣсовъ, горъ и ихъ естественныхъ произведеній и богатствъ, и пр. Киселевымъ было также учреждено въ княжествахъ общество сельскаго хозяйства, имѣвшее свой уставъ и многихъ членовъ.

Время съ декабря 1833 года до апрѣля 1834 года Киселевъ провелъ въ Яссахъ, и эти послѣдніе мѣсяцы пребыванія его въ княже-

ствахъ были исполнены наибольшею и разнообразнѣйшею дѣятельностью его по всѣмъ частямъ управленія, какъ княжествами, такъ и русскими войсками, расположенными въ нихъ и долженствовавшими очистить ихъ въ одно время съ его удаленіемъ изъ нихъ.

Оно послѣдовало въ концѣ апрѣля (кажется, послѣ Пасхи, которая въ этомъ 1834 году была очень поздно — 22-го апрѣля). Такъ какъ меня тогда уже не было въ Яссахъ, то я приведу здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ отъѣздѣ Киселева изъ Яссъ въ Россію, заимствованныя изъ означенной выше книжки «Paul Kisseleff et les principautés de Valachie et de Moldavie» и которыя, какъ мнѣ извѣстно, вполнѣ достовѣрны, какъ и всѣ прочія, заключающіяся въ этой книжкѣ.

«Духовенство, дворянство, все населеніе Яссъ провожало генерала Киселева до границы. Когда онъ прибылъ къ берегамъ Прута и долженъ былъ переѣхать черезъ границу, вся толпа, сопровождавшая его, внезапно стала печальною и молчаливою. Настала минута послѣдняго прощанія, и чувство предстоявшей утраты вполнѣ овладѣло всѣми, слезы полились изъ всѣхъ глазъ и самъ Киселевъ былъ глубоко тронутъ. Его окружили съ выраженіемъ непритворной горести; каждый хотѣлъ видѣть его вблизи, выслушать послѣднія слова его, насладиться послѣднимъ взглядомъ его. Въ эту минуту онъ казался для всѣхъ добрымъ геніемъ ихъ отечества, покидавшимъ ихъ и, можетъ быть, уносившимъ съ собою спокойствіе и счастіе, которыя принесъ имъ. Можно положительно сказать, что время его управленія княжествами было золотымъ вѣкомъ и поэтическимъ для края періодомъ. И какова бы ни была будущая судьба Молдавіи и Валахіи, имя Киселева навсегда останется начертаннымъ въ сердцахъ жителей ихъ, на каждой страницѣ ихъ учрежденій, связаннымъ со всѣмъ, что еще сохраняется въ нихъ полезнаго и почтеннаго, что составляетъ часть исторіи ихъ».

Это было писано жителемъ Валахіи въ 1841 году: оправдались-ли его слова въ теченіе слѣдующихъ 44-хъ лѣтъ? Предоставляемъ рѣшить это всякому русскому, знающему, что и какъ происходило въ княжествахъ въ эти 44 года до настоящаго времени включительно...

Прибытіе Киселева въ Петербургъ было для него торжествомъ въ родѣ большихъ тріумфовъ римскихъ полководцевъ въ Римѣ въ древнія времена. Государь принялъ Киселева самымъ милостивымъ образомъ и наградилъ его съ истинно-царскою щедростью: производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи, назначеніемъ членомъ государ-

ственнаго совѣта, но особенно—самымъ милостивымъ расположеніемъ къ нему, не прекращавшимся до самой кончины государя. Уже въ слѣдующемъ 1835 году, по волѣ государя, учреждено было V-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, для завѣдыванія всѣми дѣлами по части государственныхъ имуществъ и крестьянъ, и Киселевъ былъ назначенъ главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ. Оно послужило началомъ учрежденію, въ 1837 году, министерства государственныхъ имуществъ, министромъ котораго былъ назначенъ Киселевъ. Въ 1839 году онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, въ 1841 году получилъ орденъ св. Андрея, въ 1845 году алмазные знаки къ нему, а въ 1852 году портретъ государя, украшенный брилліантами, для ношенія въ петлицѣ. Нынѣ царствующій Государь Императоръ не уступалъ родителю своему въ милостяхъ къ Киселеву, и въ самый день коронованія своего пожаловалъ ему соединенные вмѣстѣ портреты: императора Николая I-го и свой, съ алмазными украшеніями, для ношенія въ петлицѣ, и назначилъ Киселева своимъ посломъ въ Парижѣ. Здѣсь Киселевъ и окончилъ исполненную въ высшей степени полезной и замѣчательной государственной дѣятельности жизнь свою, 14-го ноября 1872 года, на 85-мъ году отъ рожденія. Полной біографіи его у насъ, какъ сказано, еще нѣтъ, но жизнь его заслуживаетъ достойнаго ея описанія, такимъ біографомъ, который и умомъ, и сердцемъ сочувствовалъ бы памяти этого замѣчательнаго русскаго государственнаго человѣка.

Въ заключеніе приведу правдивыя и вѣрныя слова автора той же, упомянутой выше, книжки о Киселевѣ: «Люди, употребившіе власть свою на то, чтобы творить добро, и явившіе себя друзьями народовъ, собственно не принадлежатъ ни къ какой націи особо: дѣла ихъ составляютъ наслѣдство всего человѣчества, а имена ихъ всегда останутся непричастными ненависти и соперничества, которыя могли бы возникнуть между ихъ родною страной и другими. Въ число такихъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ людей, благодѣтелей человѣчества мы должны поставить Павла Киселева. Дѣятельность его въ княжествахъ Валахіи и Молдавіи, учрежденія, которыми онъ надѣлилъ ихъ, мудрость и человѣчность (humanité), свидѣтельства которыхъ онъ явилъ въ нихъ и продолжаетъ являть въ своемъ отечествѣ,—даютъ ему всѣ права на уваженіе и сочувствіе друзей просвѣщенія и ставятъ его въ число отличнѣйшихъ людей родной страны его».

Кн. Н. С. Голицынъ.

Спб. Октябрь 1878 г.

ИННОКЕНТІЙ

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

IV [1]).

Преосвященный Иннокентій, какъ мы видѣли, очень желалъ слышать мнѣніе своихъ петербургскихъ друзей о «Догматическомъ Сборникѣ» или «Памятникѣ вѣры». Мнѣніе было высказано лестное, но съ нѣкоторыми замѣчаніями и указаніями относительно того, что̀ бы желательно въ трудѣ исправить или дополнить. Требуемыя поправки и прибавленія преосвященный рѣшительно не могъ сдѣлать, такъ что «Сборникъ» оставался долгое время въ томъ видѣ, въ какомъ былъ. Иннокентій всетаки не терялъ надежды усовершенствовать его при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, но, видно, не довелось ему этого исполнить, какъ увидимъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что объ окончальной судьбѣ этого высокой важности труда преосвященнаго Иннокентія, доставившаго ему столько заботливости и хлопотъ, мы, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣемъ.

Слѣдуетъ упомянуть также, что Иннокентій усердно занимался написаніемъ церковной исторіи Польши, надъ разработкою источниковъ для которой онъ немало потрудился еще въ бытность его въ Кіевѣ. Начало этого труда было приготовлено тогда же

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 193—204, 547—572; томъ XXIII, стр. 367—398.

и послано на просмотръ въ Петербургъ; здѣсь его одобрили, и преосвященный, по прибытіи въ Харьковъ, началъ продолжать исторію польской церкви. 30-го марта 1842 г. онъ писалъ своему петербургскому пріятелю: «И такъ, судьба моей Польши развязалась. Очень радъ, что не усумнились позволить сказать истину, на что мы, русскіе, такъ, къ сожалѣнію, бываемъ нерѣдко слишкомъ боязливы. Теперь я съ увѣренностью буду доканчивать трудъ, признаюсь, любимый, ибо исторія церкви польской, кромѣ того, что очень занимательна, по моему, и весьма благопотребна для Россіи. Это лучшая апологія церкви православной. Но для меня небезполезно знать: какъ смотрятъ на это дѣло у васъ и какъ будетъ принята напечатанная статья. Вы сдѣлаете одолженіе и мнѣ, и будущей исторіи церкви польской, если благоволите принять трудъ дать мнѣ нужныя, касательно сего предмета, свѣдѣнія. А, между прочимъ, я желалъ бы знать по сему случаю и о томъ, могу-ли я надѣяться высылки нѣкоторыхъ книгъ, нужныхъ для исторіи церкви польской, но кои крайне трудно достать частному человѣку. Это нѣкоторыя древнія хроники, находящіяся въ публичныхъ нашихъ библіотекахъ. Вы же когда-то указывали мнѣ на рукопись объ уніатахъ и іезуитахъ въ Императорской библіотекѣ: можно-ли имѣть ее, или списокъ съ нея? Я бы съ удовольствіемъ заплатилъ за переписку что стоитъ, только бы скорѣе получить списокъ».

Черезъ годъ съ небольшимъ, 18-го іюня 1843 г., Иннокентій надѣялся прислать въ скоромъ времени своему другу «обозрѣніе реформаціи въ Польшѣ, какъ любопытнѣйшей эпохи въ исторіи церкви польской».

Осуществилась-ли эта надежда неутомимаго историка-изслѣдователя, а также что сталось съ послѣдующими занятіями по исторіи польской церкви, — объ этомъ у насъ подъ руками не имѣется положительныхъ данныхъ.

При такихъ научно-историческихъ трудахъ, преосвященному Иннокентію приходилось много и продолжительно заниматься въ отечественныхъ архивахъ, общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, отыскивая древнія рукописи, хроники, списки и проч. При этомъ, по свойственной ему наблюдательности и изобрѣтательности ума, у него возникали разныя мысли и предположенія,

которыя хотя имѣли болѣе или менѣе непосредственныя отношенія къ характеру такого рода занятій, но въ то же время представлялись самостоятельными, самобытными. То, напримѣръ, у него являлась мысль написать книгу въ родѣ какого нибудь древняго сборника, которая была бы полезна въ томъ или другомъ отношеніи[1]), то возникало предположеніе объ описаніи или изданіи старинныхъ рукописей и т. д. Подобныя мысли преосвященный передавалъ своему петербургскому другу: и въ письмахъ, которыми мы пользуемся, ихъ разсѣяно изрядное количество. Какъ на образецъ разнаго рода такихъ предположеній, или, по слову самого Иннокентія, «затѣй», мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ письма его къ своему другу, относящагося ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, именно изъ письма отъ 16-го февраля 1846 года:

«Роясь девять лѣтъ все въ древностяхъ, я невольно заразился мыслью еще объ одномъ изданіи, котораго ясно недостаетъ у насъ и которое было бы крайне полезно для исторіи церковной. Это церковный архивъ, программа коего при семъ препровождается къ вамъ[2]). Въ свободный для васъ часъ взгляните на это и дайте намъ знать, какъ вамъ покажется. Очевидно, что такой трудъ можетъ раздѣлиться по частямъ, и каждое отдѣленіе будетъ имѣть свою самостоятельность.

«Для совершенной полноты архива можно пожелать еще одной части: это собранія свидѣтельствъ византійскихъ и западныхъ писателей касательно предметовъ, относящихся къ исторіи нашей церкви, въ родѣ Штриттеровой Memoria populorum. Но этотъ сборникъ, по моему, лучше издать особенно, что не будетъ стоить и большаго труда, а только потребуетъ собранія книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма рѣдки.

---

[1]) И не только написать, а—просто, издать готовое. Такой мысли преосвященный держался до конца своей жизни. Напримѣръ, 18-го декабря 1855 г. онъ писалъ петербургскому другу: «Чтобы намъ сдѣлать хоть малое—напечатать особенною книжкою тѣ статьи изъ Трудовъ Археографической коммисіи, кои принадлежатъ къ церковной исторіи. Это было бы не малое одолженіе для занимающихся сею наукою, для всѣхъ академій и семинарій (духовныхъ)».

[2]) Программу эту предполагалось издать въ свѣтъ. Какая постигла ее судьба—неизвѣстно было и самому Иннокентію, какъ это можно заключить изъ писемъ его къ другу за послѣдніе годы его жизни. Н. В.

«Помнится, я жаловался въ одной полуофиціальной бумагѣ на недостатокъ печатнаго описанія славянскихъ рукописей въ московской синодальной библіотекѣ. Въ московской академіи есть прекрасный для этого человѣкъ—профессоръ Горскій. Съ помощію двухъ-трехъ сотрудниковъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ, онъ можетъ сдѣлать это дѣло какъ нельзя лучше. Погодинъ—теперь экспрофессоръ—вызывается помогать труду. Вѣроятно, не откажется отъ того же и г. Бодянскій.

«Да не мѣшало бы, между прочимъ, сдѣлать и вотъ что: собрать во-едино хранящіяся или, вѣрнѣе сказать — постепенно погибающія, рѣдкія рукописи изъ разныхъ монастырскихъ книгохранилищъ. Къ чему онѣ тамъ? А между тѣмъ, помѣщеніе въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и защитило бы ихъ отъ растраты, и сдѣлало бы доступными къ употребленію.

«Не знаю, извѣстно-ли вамъ, какъ поступалъ г. Строевъ съ монастырями? Онъ у многихъ отобралъ немало рукописей. Гдѣ онѣ? Между тѣмъ, слышно, что онъ продаетъ въ разныя руки свои коллекціи. Не мѣшало бы потребовать свѣдѣнія, откуда что взято имъ. Вѣдь такъ промышлять древностью грѣшно, если дѣйствительно былъ такой промыселъ. Я говорю это изъ Вологды, гдѣ по разнымъ мѣстамъ объясняли, что я могъ взять то и то».

Таковы были научные церковно-историческіе труды преосвященнаго Иннокентія; таковы мысли, предположенія и «затѣи» одного изъ великихъ іерарховъ русской церкви, до осуществленія которыхъ не дошло даже и наше время. Научные труды, къ какой бы области знанія они ни принадлежали, есть достояніе немногихъ, такъ сказать, избранныхъ; осуществленіе желаній и предположеній принадлежитъ будущему. Преосвященный Иннокентій сознавалъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо, что научныя изслѣдованія полезны (почему онъ такъ ими и занимался), исполненіе благихъ намѣреній желательно. Но онъ всегда глубоко понималъ, что есть жизнь дѣйствительная, такъ сказать, настоящая, съ ея насущными потребностями, особенно въ религіозно-церковномъ отношеніи. Религіозное чувство принадлежитъ каждому человѣку, и ученому и не ученому, и богатому и бѣд-

ному, и дворянину и крестьянину. Вотъ, удовлетвореніе этому-то всеобщему религіозному чувству преосвященный всегда имѣлъ первою своею задачею, при всѣхъ его другихъ разнообразныхъ заботахъ и трудахъ. Такъ и теперь. «Тогда же (т. е. въ бытность въ Харьковѣ),—говорится въ «Біографической запискѣ»,—преосвященный Иннокентій началъ заниматься составленіемъ и изданіемъ акаѳистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятыя Богородицы, Живоносному гробу и другихъ. Текстъ и содержаніе для этихъ акаѳистовъ онъ заимствовалъ, по его собственному сознанію, изъ извѣстнаго западно-русскаго или Почаевскаго акаѳистника, но только сокращалъ, очищалъ, усовершалъ въ силѣ» [1]. Судя по этой выпискѣ, можетъ показаться, что составленіе акаѳистовъ дѣло вовсе не трудное, а, пожалуй, и не важное. Нѣтъ; по нашему мнѣнію, для составленія этого церковнаго пѣсно-хваленія, хотя бы съ готовымъ текстомъ и содержаніемъ, требуется не только простое знаніе древняго церковно-славянскаго языка, но и духъ его, особенно въ религіозномъ отношеніи; затѣмъ, что̀ сократить, что̀ выпустить, чѣмъ замѣнить это или дополнить — дѣло, требующее глубокаго знанія вѣроученія православной церкви, главное—высокаго религіознаго чувства, которое, по выраженію Иннокентія, «есть душа всякаго слова, особенно церковнаго». Вотъ почему акаѳисты нашей церкви, въ томъ числѣ составленные и Иннокентіемъ, при сжатости, краткости и выразительности языка, обильны мыслями, богаты прекрасными образами, проникнуты безпредѣльнымъ христіанскимъ чувствомъ [2]. Составить такое произведеніе, намъ кажется,—дѣло не легкое и не маловажное.

Другимъ предметомъ всегдашнихъ попеченій и заботливости преосвященнаго Иннокентія было проповѣданіе слова Божія—и въ храмахъ при своихъ частыхъ богослуженіяхъ, и изданіемъ церковныхъ собесѣдованій въ печати. Такъ, имъ постепенно изданы въ отдѣльныхъ книжкахъ: 1) О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ—бесѣды на

---

[1]) «Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», изд. М. Погодинымъ. Москва. 1867 г., стр. 33.

[2]) Замѣтимъ еще, что акаѳисты Иннокентія, особенно «Страстямъ Господнимъ» и «Покрову Пресвятыя Богородицы», какъ нельзя лучше приспособлены къ потребностямъ и духу народа. Н. В.

св. Четыредесятницу; 2) Молитва св. Еврема Сирина—бесѣды на св. Четыредесятницу; 3) Великій постъ, или новыя бесѣды на св. Четыредесятницу; 4) Паденіе Адамово — бесѣды на Великій постъ; 5) слова и рѣчи къ паствѣ харьковской, и 6) три слова о зимѣ. «Для объясненія такого обилія и отчасти самаго характера тогдашнихъ проповѣдей преосвященнаго Иннокентія,—говоритъ авторъ «Біографической записки»,—считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ изъ его письма къ намъ, писаннаго въ 1847 г. «Жатва многа, необозрима,—а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе-то самое и меня, при всѣхъ недосугахъ, заставляетъ печатать по временамъ—именно, что Богъ послалъ, не заботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слога въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость отказывать имъ въ пищѣ или заставлять долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ, или съ извѣстными фигурами?» и проч.

Выше, въ своемъ мѣстѣ, мы упоминали, что преосвященнаго Иннокентія, въ бытность его еще профессоромъ, вмѣстѣ съ протоіереемъ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ, подозрѣвали въ «новшествѣ», или въ такъ называемомъ неологизмѣ, который будто бы обнаруживался въ ихъ лекціяхъ и даже въ сочиненіяхъ. Теперь Иннокентій высказалъ свой взглядъ на событіе, надѣлавшее въ то время много шуму и доставившее немало хлопотъ какъ свѣтскимъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія духовнымъ вѣдомствомъ, такъ и знаменитымъ іерархамъ нашей церкви. Мы разумѣемъ дѣло, въ настоящее время уже достаточно выясненное, о «литографированномъ переводѣ библіи на русскій языкъ». Для нашей цѣли, мы не видимъ необходимости подробно излагать все это дѣло; ограничимся лишь передачею существа его, изложеннаго въ «автобіографіи» Г. П. Павскаго, находящейся въ распоряженіи ред. «Русской Старины» [1]) и съ нѣкоторыми подробностями разсказаннаго П. Казанскимъ.

---

[1]) Редакція «Русской Старины» получила отъ Г. А. Орлова—внука этого достопамятнаго, высокозамѣчательнаго ученаго и священника, собраніе его бумагъ и его собственноручную автобіографію — чрезвычайно интересную; состав-

въ статьѣ: «Мысли и чувствованія митрополита Филарета по дѣлу отобранія литографированнаго перевода книгъ ветхаго завѣта» [1]).

Суть дѣла, какъ передаетъ г. Казанскій, заключается въ слѣдующемъ. Студенты С.-Петербургской духовной академіи сдѣлали переводъ пророческихъ и учительныхъ книгъ ветхаго завѣта, такъ какъ необходимость въ переводѣ ощущалась студентами чуть-ли не на каждомъ шагу ихъ занятій, при чемъ въ переводѣ сдѣланы были, при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ, нѣкоторыя примѣчанія или поясненія относительно собственно пророчествъ. Въ видахъ облегченія издержекъ по литографированію, они предложили студентамъ Московской духовной академіи—не желаетъ ли кто либо пріобрѣсть экземпляры этого изданія. Изъ среды студентовъ, и даже наставниковъ академіи, нашлось немало лицъ, желавшихъ имѣть переводъ. Преподаватель по классу священнаго писанія въ Московской академіи о. Агаѳангелъ (умершій архіепископомъ волынскимъ) отнесся несочувственно къ этому переводу и въ распространеніи его «видѣлъ попытку пропагандировать неологическія идеи... Онъ къ тремъ митрополитамъ написалъ донесеніе о распространеніи этого перевода, указавъ и на нѣкоторыя неисправности самаго перевода, но особенно выставилъ неправильное изложеніе содержанія пророчествъ.... Никому въ академіи о. Агаѳангелъ не сказалъ о своемъ доносѣ».—Изъ этого доноса возникло дѣло, о которомъ идетъ рѣчь и которое могло бы кончиться почти ничѣмъ, такъ какъ, согласно съ дѣйствовавшимъ въ то время цензурнымъ уставомъ, достаточно было безъ цензуры отобрать упомянутый отлитографированный переводъ книгъ ветхаго завѣта. Но тутъ подвернулись нѣкоторыя побочныя обстоятельства.

Въ 1836 г. назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода молодой полковникъ графъ Протасовъ, человѣкъ положительно не соотвѣтствующій своему высокому назначенію. Принялъ онъ это назначеніе съ восторгомъ [2]). Коммисія духовныхъ училищъ

ленный по этимъ документамъ очеркъ будетъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ». Ред

[1]) См. «Православное Обозрѣніе» за 1878 г., январь, стр. 106—118.

[2]) Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ въ одномъ письмѣ писалъ: «Когда г. Протасова сдѣлали оберъ-прокуроромъ, онъ пріѣзжаетъ къ генералъ-адъютанту Чичерину и говоритъ ему: «поздравь меня: я—министръ, я—архіерей, я—ч.... знаетъ что». Филаретъ кіевскій, услышавъ это, сказалъ: «справедливо только послѣднее» («Прав. Обозр.», стр. 109). Н. В.

была вскорѣ уничтожена и ее замѣнило Духовно-учебное управленіе. При этомъ не безъ основанія опасались, что «все завѣдываніе духовными училищами перейдетъ къ синодальному оберъ-прокурору и начнется ломка уставовъ по личной прихоти людей, не имѣющихъ богословскаго образованія и не понимающихъ правильно нуждъ и положенія духовенства, или по одному тщеславному желанію выставить себя преобразователями. Могло быть даже худшее». Скоро новосозданное Духовно-учебное управленіе не замедлило передѣлать существовавшій до того времени уставъ. «Основная мысль вновь затѣяннаго преобразованія семинарій была та, чтобы дать болѣе практическій характеръ воспитанію семинаристовъ, и изъ нихъ хотѣли сдѣлать не только служителей церкви, совершителей таинствъ и учителей народа, но и врачей недуговъ тѣлесныхъ, руководителей въ сельскомъ хозяйствѣ, землемѣровъ, естествоиспытателей, и проч. Забыта была простая русская пословица: за семью зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» [1]).

Филаретъ московскій и другіе болѣе вліятельные іерархи нашей церкви отнеслись несочувственно къ учрежденію Духовно-учебнаго управленія. Это возбудило въ графѣ Протасовѣ непріязненное чувство, и онъ искалъ благопріятнаго случая показать духовнымъ отцамъ свою власть и вліяніе. Какъ разъ тутъ и полученъ былъ доносъ о. Агаѳангела о распространеніи литографированнаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ. По распоряженію графа Протасова, дѣло приняло не только серьезный, но даже опасный характеръ. Отъ 26-го февраля 1842 г. митрополитъ московскій Филаретъ писалъ намѣстнику Троицко-Сергіевой лавры архим. Антонію [2]):

«Хорошо, что не жаль вамъ литографированнаго перевода ветхаго завѣта, но жаль, что онъ у васъ былъ. И переводъ не хорошъ, а особенно придѣланныя къ нему замѣчанія или введенія, противныя достоинству священныхъ книгъ и уничтожающія въ нихъ пророчества о Христѣ. Смотря на сіе дѣло такъ, какъ оно открылось, здѣсь (въ Москвѣ) смотрятъ на сіе дѣло не столько какъ на простой недосмотръ или недоумѣніе,—что̀ дѣлать, сколько

---

[1]) «Прав. Обозр.», стр. 111.
[2]) Тамъ же, стр. 114.

какъ на прикрытіе неправославнаго дѣла — на полученіе экземпляровъ сего перевода и непредставленіе ихъ начальству немедленно.

«Для уничтоженія вреда, уже сдѣланнаго, и для удовлетворенія нуждѣ, конечно, надлежало бы доставить правильное пособіе къ чтенію ветхаго завѣта съ разумѣніемъ; но худой переводъ сдѣлалъ еще болѣе страшною мысль и о хорошемъ переводѣ, котораго нѣкоторые и прежде боялись. Даже мысль издать славянскій переводъ съ объяснительными примѣчаніями встрѣчаютъ недоумѣніями и опасеніями. Одинъ Господь можетъ помочь людямъ своимъ, да не страждутъ гладомъ слышанія слова Божія и да не пресыщаемы будутъ ложною пищею».

Г. П. Павскій въ вышеупомянутой «автобіографіи своей передаетъ дѣло такимъ образомъ:

«Видя, что я не совсѣмъ уничтоженъ первымъ натискомъ [1]), враги мои постарались сдѣлать вторую пробу придавить меня. Послѣ отказа моего отъ профессорства, ученики, довольные моими уроками, собрали мои уроки библейскихъ чтеній и, налитографировавъ, разослали и другимъ бывшимъ моимъ ученикамъ. Эти тетради налитографированныя попали и врагамъ моимъ. Эти уроки съ моей стороны были совершенно чисты; я ихъ преподавалъ, бывши профессоромъ академіи, въ виду всѣхъ. И другіе профессоры, при своихъ лекціяхъ, пользовались моимъ знаніемъ еврейскаго языка. Но московскіе невѣжды нашли несообразное съ «70-ю толковниками», и одинъ изъ нихъ, бывшій тогда инспекторъ Московской академіи (Агаѳангелъ), написалъ на нихъ злую критику и по почтѣ, изъ Владиміра, послалъ къ тремъ митрополитамъ: с.-петербургскому Серафиму, московскому Филарету, кіевскому Филарету. Прислалъ обвиненіе будто отъ своего имени. А между тѣмъ, меня увѣряли, что это новая продѣлка московскаго Филарета. Огорчась прежнею неудачею и моимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на его прежнія замѣчанія, не мудрено, что онъ внушилъ и сію вторую попытку любимому своему монаху Агаѳангелу. Сія попытка Агаѳангела имѣла такое слѣдствіе:

[1]) Объ этомъ, какъ выше замѣчено редакціею «Русской Старины», будетъ въ свое время напечатано въ ея изданіи. Н. В.

когда присланы были литографированный переводъ св. писанія и ябеднические замѣчанія къ тремъ митрополитамъ и дознано было чрезъ Карасевскаго, что я въ литографіи не участвовалъ, тогда было обращено вниманіе на виновниковъ литографіи, и отобраны были всѣ книги, сколько можно было найти. Между тѣмъ обращено вниманіе и на самый переводъ. Донесено было снова Государю обо мнѣ. И Государь позволилъ, въ бытности при томъ оберъ-прокурора и двухъ Филаретовъ митрополитовъ, спросить у меня—мой ли это переводъ и мои ли замѣчанія къ переводу? Я отъ этого дѣла не отрекся, поелику тутъ вины не было никакой, и митрополиты подали различные голоса касательно перевода св. писанія. А митрополитъ Серафимъ подалъ отдѣльный голосъ, что не надо и вовсе переводить св. писанія,—то они раз(но)голосицею своею испортили все дѣло, разсорились и вслѣдствіе сей ссоры разъѣхались—кто въ Москву, кто въ Кіевъ, и никогда не съѣзжались. Симъ разстроилось, по волѣ Государя, скопище беззаконное».

Такимъ представляется описываемое дѣло.

Преосвященный Иннокентій, лично не заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, но близко принимавшій къ своему сердцу все касающееся православной церкви и ея ученія, 25-го ноября 1843 г. писалъ своему петербургскому другу слѣдующее:

«Скоро ли кончится дѣло у васъ о литографіи ветхаго завѣта? Сколько соблазна для всей церкви православной! И такъ ли врачуютъ раны, еслибы онѣ и въ самомъ дѣлѣ были опасны? Въ десять лѣтъ этихъ книжонокъ не было бы и такъ на свѣтѣ; на нихъ рѣдко кто обращалъ и вниманіе,—а теперь всѣ бросились читать. Что же, скажете, читать, когда книги отобраны? А списки и рукописи? Развѣ ихъ можно отобрать? Притомъ, что гнать въ окно, когда двери растворены? То же пишется въ иностранныхъ богословскихъ книгахъ, а ихъ ввозятъ тысячами. Да и какъ же ихъ не ввозить, когда у насъ есть каѳедра богословія обличительнаго? Чтобы обличать, надобно знать, что̀ обличаешь. Все это не значитъ, чтобы я стоялъ за отобранныя книжонки: я первый горько жалѣлъ, что онѣ увидѣли свѣтъ, и первый же, я думаю, отобралъ сіи книги, когда онѣ появились въ Кіевѣ.

бросивъ ихъ на чердакъ въ ученый хламъ. То же можно бы сдѣлать и со всѣми ими и вездѣ, безъ шума, безъ соблазна. А навести чрезъ нихъ подозрѣніе на всю академію, на всю іерархію, на всю, можно сказать, церковь! На что это похоже? Что же думать народу? Гдѣ искать православія? Кого держаться? Не мѣшало бы подумать и о томъ, отчего происходятъ подобныя явленія? У насъ все только обираютъ, а даютъ взамѣнъ что̂? Надобно накормить души: сытые сами не будутъ хвататься за всякое блюдо. Побольше мѣръ положительныхъ, а отрицательныя сами перестанутъ быть нужными [1]).

«Прошу покорнѣйше принять сіи мысли и чувства за доказательство моей душевной откровенности предъ вами, какъ слѣдствіе неизмѣннаго душевнаго уваженія къ добротѣ души вашей, вашему просвѣщенному уму и извѣстному усердію къ пользамъ церкви православной. Если кончу, то мнѣ отъ всей души хочется, чтобы управленіе церковью, сопровождающееся видимымъ благословеніемъ Божіимъ во многихъ отношеніяхъ, было свободно отъ всѣхъ, самыхъ неважныхъ нареканій. И когда же ожидать сего, какъ не теперь, когда, по милости Божіей, благодаря попечительности неусыпной предержащей власти, открылось столько средствъ къ осуществленію всѣхъ благихъ помысловъ?»... [2]).

Приведемъ нѣкоторые особенные случаи изъ общественной дѣятельности и частной жизни преосвященнаго Иннокентія за время пребыванія его въ Харьковѣ. Вскорѣ послѣ пріѣзда его

---

[1]) Другой іерархъ нашей церкви, митрополитъ московскій Филаретъ, по тому же поводу, между прочимъ, писалъ: «Одни запретительныя средства не довольно надежны тогда, когда любознательность, со дня на день болѣе распространяющаяся, для своего удовлетворенія бросается на всѣ стороны, и тѣмъ усильнѣе порывается на пути незаконные, гдѣ не довольно устроены законные». (См. ст. въ «Прав. Обозр.», январь 1878 г., стр. 115).

[2]) Чѣмъ кончилось дѣло о литографированныхъ запискахъ ветхаго завѣта— будетъ разсказано на страницахъ «Русской Старины» особо. Здѣсь же пока замѣтимъ, что весною 1842 г. студенты Московской духовной академіи, выписавшіе изъ Петербурга означенныя записки, были допрошены особою слѣдственною коммисіею объ этомъ переводѣ; но за имѣніе его студентовъ не подвергли никакому наказанію; не было наложено и церковнаго покаянія, хотя, говорятъ, и была объ этомъ рѣчь («Прав. Обозр.»). Н. В.

сюда, произошелъ такой случай, о которомъ онъ самъ разсказываетъ въ письмѣ къ своему петербургскому другу, отъ 13-го сентября 1842 года:

«Спѣшу довести до свѣдѣнія вашего одинъ случай, довольно примѣчательный по своей необыкновенности. За двѣ недѣли назадъ, здѣшній гражданскій губернаторъ, въ одномъ разговорѣ со мною, сказалъ мнѣ мимоходомъ, что у него есть одинъ арестантъ, похожій на фанатика, явившійся въ полицію самъ и назвавшій себя бѣглымъ господскимъ человѣкомъ, посланнымъ за покупками, потерявшимъ 870 руб. за картами и отъ страха скрывавшимся отъ господина, но тревожимымъ совѣстію за сіе, и потому рѣшившимся добровольно явиться полиціи. На вопросъ—какому помѣщику принадлежитъ онъ, арестантъ не отвѣчалъ, обѣщаясь все сказать, когда просидитъ въ острогѣ шесть недѣль. Всѣ мѣры, употребленныя полиціею и самимъ губернаторомъ къ узнанію отъ него о его помѣщикѣ и мѣстѣ жительства, остались безъ дѣйствія: при угрозахъ онъ видимо радовался. Такой разсказъ заставилъ меня изъявить желаніе видѣть арестанта, какъ я дѣлаю это иногда въ нѣкоторыхъ случаяхъ. На другой день является ко мнѣ человѣкъ, съ видомъ чрезвычайно смущеннымъ; на первые вопросы отвѣты тѣ же, что губернатору; на дальнѣйшіе другіе, сначала нерѣшительность, потомъ полупризнаніе, наконецъ полная исповѣдь.

«Оказалось, что это священникъ Томской миссіи Глухаревъ, родной братъ архимандрита—начальника миссіи. Скучавъ миссіею, занятія коей были не по его духу, сей священникъ просилъ объ опредѣленіи его въ кіевскую лавру. Поелику опредѣленіе сіе замедлилось, то онъ, взявъ пачпортъ, шелъ пѣшкомъ въ Кіевъ; но на пути представилось ему, что, для очищенія своихъ грѣховъ и для приготовленія къ монашеству, ему хорошо принять на себя какой либо тяжелый подвигъ, и онъ избралъ пребываніе въ острогѣ, яко особенно способное къ униженію самолюбія, для достиженія какого дѣла онъ и притворился бѣглымъ человѣкомъ. Изъ продолжительнаго собесѣдованія моего съ нимъ открылось, что это человѣкъ довольно образованный, знающій христіанство и теоретически изрядно, а практически еще больше, но съ восторженными мыслями, съ наклонностью къ самому строгому аскетству; по совѣту моему, онъ рѣшился совершенно оставить

путь ложный, на который вступилъ-было по избытку ревности не по разуму. Теперь же губернаторъ передаетъ его мнѣ до времени, пока получатся о немъ справки изъ Томска. У меня онъ помѣщенъ будетъ въ монастырѣ, а частію и при моемъ домѣ. А между тѣмъ, какъ дѣло его довольно необыкновенно, то я по слѣдующей почтѣ думаю дать знать о немъ его сіятельству. Можетъ быть, послѣдуетъ какое либо распоряженіе касательно его дальнѣйшей судьбы. Всего бы лучше отправить его поскорѣе въ лавру, куда и его духъ стремится, ибо у насъ въ монастырѣ такія лица не придутся въ рядъ и не найдутъ себѣ сродной пищи».

Какъ епархіальный архіерей, преосвященный Иннокентій пріобрѣлъ славу мудраго, опытнаго, справедливаго и глубоко-симпатичнаго архипастыря. «Всѣ боялись высокопреосвященнаго,— говорится въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ,—всѣ твердили: съ этимъ владыкою не шути! Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его любили, глубоко уважали и гордились тѣмъ, что Иннокентій — харьковскій владыка. Онъ во всю свою жизнь на паствѣ харьковской никого не заставилъ плакать безпричинно, и никто имъ не былъ стѣсненъ» [1]).

„За проступки наказывалъ милостиво, приспособительно къ лицу провинившагося; напримѣръ, по открытіи дѣвичьяго Николаевскаго монастыря, въ харьковской епархіи, высокопреосвященный велѣлъ отпѣть по церквамъ въ г. Харьковѣ благодарственный Господу Богу молебенъ; на повѣсткѣ объ этомъ одинъ изъ священниковъ ученыхъ написалъ: «куда какая радость!» А на повѣсткѣ о продолженіи изданія журнала «Воскреснаго Чтенія», гдѣ весьма часто помѣщались статьи высокопреосвященнаго Иннокентія, тотъ же ученый написалъ: «не стоитъ выписывать журналъ дрянной!» Владыка, за то и другое, только и сказалъ этому лицу: «За хулу на цѣлую академію и на монастырь походите-ка дней нѣсколько въ монастырь» (архіерейскую домовую церковь); а въ послѣдствіи содѣйствовалъ этому священнику въ полученіи магистерства и произвелъ въ протоіерея.

«Въ самыхъ мѣрахъ наказанія всегда было что-нибудь интересное, или забавное, или шуточное. Одинъ протоіерей просился въ придворное духовенство на томъ основаніи, что уже въ Харьковѣ кругъ дѣятельности малъ

---

[1]) См. «Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», стр. 118 и слѣд. Н. В.

для него; бумага возвращена была къ владыкѣ Иннокентію. Владыка сказалъ: «надо вразумить просителя». Какое же сдѣлано было вразумленіе? Положено было: каждую субботу прочитать эту бумагу и росписаться на листѣ: «читалъ такой-то», и сіе дѣлать дотолѣ, пока весь листъ испишется. А однажды велѣлъ преосвященный одному діакону положить двѣсти поклоновъ за куреніе табаку, и не велѣлъ никому постороннему объявлять— за что, а сказать: владыка жалѣетъ его груди и голоса».

Въ одной рукописи объ Иннокентіи, находящейся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», разсказывается, между прочимъ, слѣдующее:

Однажды преосвященный прибылъ въ г. Чугуевъ на освященіе новаго храма; сюда вызванъ былъ одинъ дьяконъ для рукоположенія во священника. Дьяконъ пріѣхалъ въ городъ вечеромъ наканунѣ архіерейскаго служенія и остановился у своего товарища по семинаріи, полковаго священника. Не видались давно, да и счастье для дьякона: вѣдь онъ завтра будетъ священникомъ; на радостяхъ-то два товарища подвыпили, вспомнили бурсу и свои проказы. Оказалось, что дьяконъ, будучи семинаристомъ, мастеръ былъ плясать подъ любимую имъ пѣсенку:

«А курочка по сѣничкамъ—
Тёхъ—терерёхъ!
А курочка по новымъ —
Тёхъ—терерёхъ!»...

Полковой священникъ сталъ просить дьякона тряхнуть стариной, показать свою прежнюю удаль. Дьяконъ, не долго думая, пустился въ плясъ. Время было къ полночи. На бѣду злополучнаго дьякона, Иннокентій не могъ въ эту ночь уснуть и, въ сопровожденіи своего келейника, вздумалъ пройтись по городу. Проходя мимо дома, въ которомъ жилъ полковой священникъ, преосвященный, чрезъ незакрытыя ставнями окна, увидѣлъ пляшущаго дьякона и сильно постучалъ въ окно; товарищи узнали Иннокентія. На другой день, во время богослуженія, преосвященный, увидя въ алтарѣ несчастнаго дьякона, подозвалъ его къ себѣ и тихо сказалъ: «удались изъ алтаря. Ты проплясалъ свое священство». Затѣмъ, рѣшено было послать дьякона на два мѣсяца подъ начало въ монастырь. Самъ ли дьяконъ додумался, или кто научилъ его, только онъ написалъ преосвященному письмо, въ которомъ объяснилъ, что онъ плясалъ, какъ царь

Давидъ, въ священномъ восторгѣ. Иннокентій посмѣялся надъ такимъ остроумнымъ объясненіемъ и сократилъ монастырское подначаліе; но во все время своего управленія харьковскою епархіею онъ не посвятилъ дьякона во священника, сколько ни хлопотали объ этомъ прихожане.

Преосвященный Иннокентій, по единогласному свидѣтельству современниковъ, былъ очень милостивъ ко всѣмъ ищущимъ его помощи, особенно для лицъ служившихъ при немъ, или оказавшихъ какую либо услугу ему, даже самую незначительную; помочь въ горѣ, въ нуждѣ—было истиннымъ наслажденіемъ для преосвященнаго. «Одолжаться однимъ боюсь,—часто говаривалъ Иннокентій,—дабы иногда не остаться предъ кѣмъ въ долгу. Неблагодарный человѣкъ въ глазахъ моихъ—недостойное существо; боюсь себя уронить въ глазахъ своихъ». Неудивительно, поэтому, что цѣлыя семейства оставались на полномъ содержаніи преосвященнаго, а о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ и говорить нечего: они раздавались щедрою рукою; нерѣдко случалось, что Иннокентій отдавалъ послѣднія свои деньги, и затѣмъ самъ нуждался въ нихъ.

Въ упомянутой выше рукописи объ Иннокентіи повѣствуется, что въ Харьковѣ проживалъ бывшій учитель Кіево-Печерскаго дворянскаго училища Ш—й, который былъ нѣсколько извѣстенъ преосвященному еще въ Кіевѣ. Ш—й не имѣлъ никакой должности и занимался преподаваніемъ кое-какихъ частныхъ уроковъ, которые къ тому же трудно было отыскивать; между тѣмъ, на его попеченіи была больная жена и 5—6-ти лѣтній сынъ. Семейство терпѣло крайнюю нужду во всемъ. Однажды, лѣтомъ, Ш—й случайно встрѣтился въ архіерейскомъ саду съ Иннокентіемъ, который узналъ его, съ участіемъ разспросилъ о его семействѣ и въ заключеніе разговора убѣдительно просилъ, чтобы онъ на другой день прислалъ къ нему своего сына. Ш—й обѣщался. Такъ какъ жена Ш—го была больна, а прислуги никакой не было, то отыскали одну бѣдную женщину, назвали ее нянькою, и съ нею отправили сына къ Иннокентію, давъ обоимъ приличное случаю наставленіе.

«Этому прошло болѣе 36-ти лѣтъ,—говоритъ сынъ Ш—го въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иннокентіи,—многія событія моего дѣтства совершенно изгладились изъ памяти, другія представляются

какъ-то смутно и неопредѣленно; но день моего представленія преосвященному Иннокентію такъ врѣзался въ головѣ, такъ ясно и живо очерчиваются мельчайшія подробности, какъ будто-бы это случилось на-дняхъ.

«Келейникъ ввелъ насъ въ большую комнату, на окнахъ и у стѣнъ которой стояло множество разныхъ цвѣтовъ, а полъ покрытъ былъ мягкимъ, красивымъ ковромъ. Келейникъ попросилъ насъ подождать; минутъ черезъ десять дверь съ лѣвой стороны отворилась и въ комнату неслышными шагами вошелъ Иннокентій. Благословивъ насъ, онъ сѣлъ на диванъ, а меня посадилъ къ себѣ на колѣни.

— «Молишься Богу?»—спросилъ меня преосвященный, выговаривая въ носъ.

— Молюсь.

— «Какія же ты знаешь молитвы?»

— Господи помилуй... Господи помилуй папу, маму и меня грѣшнаго,—проговорилъ я.

— «И тебя грѣшнаго?—какъ-то задумчиво повторилъ полувопросомъ Иннокентій.—А больше никакой молитвы не знаешь?»

«Я молчалъ.

— «Не знаешь, ну, Богъ тебя проститъ; ты еще малъ. Подростешь, много—много узнаешь молитвъ». Съ этими словами преосвященный приклонилъ мою голову къ своей бородѣ. Я сдѣлалъ легкое движеніе.

— «А, боишься меня?»—спросилъ онъ шутя.

— «Нѣтъ, не боюсь,—отвѣчалъ я, и въ подтвержденіе этого сталъ разглаживать широкую бороду Иннокентія. Нянька назвала меня за это дуракомъ.

— «Ничего,—кротко замѣтилъ преосвященный:—таковыхъ есть царство небесное».

«Послѣ этого онъ спросилъ о здоровьи моихъ родителей, вынесъ изъ сосѣдней комнаты большую просфору и маленькій пакетецъ, который отдавая мнѣ, сказалъ:

— «Передай отцу. Тебѣ конфектъ купятъ. Да смотри не потеряй. Положи къ себѣ за пазушку. Теперь слушай меня со вниманіемъ. Завтра по всѣмъ церквамъ будутъ звонить: длинь-длинь, бомъ-бомъ! длинь-длинь, бомъ-бомъ! Это значитъ, что я уѣзжаю изъ Харькова. Дня черезъ два опять будутъ звонить:

длинь-длинь! бомъ-бомъ! длинь-длинь! бомъ-бомъ! Это значитъ, что я опять пріѣхалъ въ Харьковъ. И чтобы твой отецъ на другой же день пришелъ ко мнѣ; а если ему некогда, то чтобы ты пришелъ ко мнѣ. Понялъ меня?»

«Я отвѣчалъ утвердительно.

— «Слушай же еще разъ: завтра по всѣмъ церквамъ будутъ звонить: длинь-длинь, бомъ-бомъ!»... и Иннокентій повторилъ сказанное. «Передашь?»—спросилъ онъ.

— Передамъ.

— «А ну, какъ?»

— Я скажу папѣ: завтра длинь-длинь! бомъ-бомъ! вы уѣхали; а тамъ—длинь-длинь! длинь-длинь! бомъ-бомъ!—вы пріѣхали, и чтобы папа пришелъ къ вамъ, а то я приду съ няней.

«Преосвященный остался этимъ отвѣтомъ доволенъ и, благословивъ насъ, отпустилъ.

«Въ пакетцѣ отецъ нашелъ 100 руб. асс.».

По возвращеніи Иннокентія изъ поѣздки, когда Ш—й пришелъ къ нему, то оказалось, что болѣе посланныхъ 100 руб. у преосвященнаго денегъ не было; между тѣмъ онъ понималъ, что такая сумма недостаточна; послѣ поѣздки у преосвященнаго нашлось еще 150 руб., которые онъ и убѣдилъ Ш—го взять. Въ семействѣ Ш—го имя Иннокентія произносится съ благоговѣніемъ. Да и въ одномъ ли этомъ семействѣ?

При разносторонней, огромной дѣятельности, при постоянныхъ заботахъ о благѣ паствы, преосвященный находилъ возможнымъ удѣлять нѣкоторое время обществу, которое онъ любилъ; по примѣру того, какъ имъ сдѣлано было въ Вологдѣ, онъ завелъ у себя нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ. «Каждую пятницу,—говоритъ протоіерей Г.,—пріѣзжали, бывало, къ нему, въ 6 часовъ вечера—вся знать харьковская—мужчины и женщины, свѣтскіе и духовные; предлагалось всѣмъ угощеніе, и каждый, по избранію своему, бесѣдовалъ объ извѣстномъ предметѣ—съ кѣмъ случалось; а владыка, какъ отецъ семейства, или какъ главный директоръ общества, подходя то къ тому, то къ другому, и вслушиваясь въ разговоръ, любилъ или поддержать достойную рѣчь, или давать другое направленіе. Это тогда называлось вечерами литературы духовной. И прекрасно было! Здѣсь, бывало, видишь людей и узнаешь тѣхъ, съ коими не придется и

встрѣтиться. Никогда того въ полгода не вычитаешь изъ всѣхъ возможныхъ журналовъ, что, бывало, въ одинъ вечеръ узнаешь—и узнаешь легко» [1]).

Въ 1845 г., «за отличное управленіе харьковскою епархіею» преосвященный Иннокентій возведенъ въ санъ архіепископа, а въ апрѣлѣ 1847 г. вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ св. синодѣ, и навсегда распростился съ харьковскою паствою, которую преосвященный горячо любилъ, какъ это можно видѣть изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ въ письмѣ къ одному изъ лучшихъ своихъ друзей, А. С. Стурдзѣ: «Не безъ горести душевной для меня разлука съ Харьковомъ, къ коему привязанъ я многими неразрывными узами вѣры и любви о Христѣ» [2]).

Вызовъ преосвященнаго въ сѣверную столицу состоялся при очень неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ; въ это время онъ былъ нездоровъ, и ему болѣе чѣмъ когда-либо настояла надобность подышать весеннимъ украинскимъ воздухомъ. А тутъ необходимость отправляться въ дальній путь. Поэтому, преосвященному весьма желательно было, по крайней мѣрѣ, отсрочить предстоящую поѣздку, хотя на нѣкоторое время.

«Я, послѣ праздника,—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу, отъ 30-го апрѣля 1847 г.,—посѣщенъ былъ двумя тяжкими недугами, изъ коихъ одинъ передалъ меня другому. Теперь, слава Богу, прошли оба, оставивъ за собою только сугубую слабость въ силахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ любвеобильное письмо ваше было для меня однимъ изъ лекарствъ, хотя возвѣщаемая вами поѣздка, при настоящемъ положеніи, представляетъ вдвое болѣе затрудненій. Странное дѣло! Въ жизни моей какъ будто какой законъ, что передъ поѣздкою изъ одного мѣста въ другое я подвергаюсь всегда тяжкой болѣзни. Нынѣш-

---

[1]) См. «Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», стр. 122.

[2]) Въ послѣдствіи, проѣздомъ на новую епархію, Иннокентій заѣхалъ на три дня въ Харьковъ; но, по его собственнымъ словамъ, лучше бы было ему этого не дѣлать. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ петербургскому другу онъ говоритъ: «Три дня въ Харьковѣ были три дня слезъ. Даже потужилъ, что заѣзжалъ. Послѣ—время охолодило бы жаръ усердія». Н. В.

нюю весну я недугую уже въ другой разъ. Среди поста было болѣе недѣли труднаго нездоровья. Я думалъ самъ уплатить обычную даль весеннюю, вышло наоборотъ! Теперь, мы, покоряясь необходимости, уже собираемся въ путь и семья моя скоро тронется съ мѣста. А мнѣ необходимо еще недѣли двѣ, а, можетъ быть, и три посидѣть дома и подышать украинскимъ воздухомъ. Иначе, можно накликать на себя новую бѣду. О всемъ этомъ по слѣдующей почтѣ я не премину писать къ его сіятельству; а между тѣмъ и васъ покорнѣйше прошу объяснить ему о моемъ положеніи. Трудное странствіе предлежитъ намъ! Легче и удобнѣе переѣзжать изъ епархіи въ епархію, нежели переселяться на время, но съ цѣлою семьею. Среди настоящихъ заботъ и усилій по сему случаю, не малымъ утѣшеніемъ служитъ то, что я скоро буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами и бесѣдовать уже не тростію и черниломъ, а отъ полноты души и сердца».

Во время пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ Петербургѣ, послѣдовало, въ февралѣ 1848 г., назначеніе его на херсоно-таврическую епархію, и вслѣдъ за тѣмъ, въ апрѣлѣ того же года, онъ «за отлично-усердное служеніе церкви и отечеству, и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца ввѣряемыхъ ему духовныхъ паствъ назидательнымъ проповѣданіемъ слова Божія, всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й степени».

Вскорѣ послѣ назначенія на новую епархію, Иннокентій началъ хлопотать объ отпускѣ—съ цѣлью поскорѣе познакомиться съ новымъ мѣстомъ своего архипастырскаго служенія, и не задолго до отъѣзда, высказалъ свои мысли и чувства относительно этого назначенія въ письмѣ къ А. С. Стурдзѣ, находящемуся въ Одессѣ, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «Послѣ сего (назначенія) само собою приходитъ не только краткое свиданіе, но, если дастъ Господь, и долговременное сожитіе подъ небомъ юга... Путь не въ другое мѣсто, а въ Одессу, составляетъ для меня одно изъ немалыхъ утѣшеній. Одесскій край, хотя я видѣлъ его когда-то, какъ во снѣ, оставилъ во мнѣ впечатлѣніе самое благопріятное. Дай Богъ, чтобъ и мы пришлись по духу его, какъ онъ намъ. Хотя мы явимся съ истощенными силами, но, при помощи всевосполняющей благодати Божіей, не преминемъ употребить весь остатокъ ихъ на то, чтобъ быть не-

лѣностными приставниками въ новомъ вертоградѣ Господнемъ. Съ наступленіемъ весны уповаемъ быть въ возможности начать путь къ вамъ на время, или безъ возврата на сѣверъ,—одинъ Господь вѣсть. Наше желаніе естественно стремится къ послѣднему; но и первое можетъ оказаться неизбѣжнымъ» («Херсонскія епарх. вѣдомости» за 1860 г., № 1).

Къ этому времени пребыванія Иннокентія въ Петербургѣ относится такой случай, въ которомъ онъ принималъ весьма живое участіе и какъ іерархъ русской церкви, и какъ добрый другъ лица, о которомъ идетъ дѣло. 10-го ноября 1847 г., преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «Мы—какъ два полюса: очевидное вамъ—не ясно для насъ, и близкое къ намъ—далеко отъ васъ. Когда нибудь надобно произвести генеральный контроль по пунктамъ. Тутъ многое обнаружится и для насъ и для васъ. Но, о недоговоренномъ послѣ. Теперь новый предметъ рѣчи, привезенный мною изъ нынѣшняго засѣданія. Оказывается, что отъ добраго дѣла, сдѣланнаго въ пользу или, точнѣе сказать, въ правду о. Макарія, произошло ужасное смущеніе въ цѣлой академіи, которое не замедлитъ, конечно, распространиться по городу, а потомъ, по желѣзной дорогѣ—дойти до стоустой Москвы. Не то, чтобы не рады были въ академіи происшедшему, а всѣ, отъ мала до велика, въ недоумѣніи о непроисшедшемъ. И не безъ причины. Отзывъ здѣшняго владыки сдѣлался извѣстенъ до Кремля, т. е. отзывъ его объ академіи, въ коемъ онъ писалъ о ректорѣ и инспекторѣ вкупѣ, и вдругъ видятъ всѣ ихъ раздѣленными по слѣдствію отзыва... Можете судить какъ это положеніе тяжело для ректора академіи. Если бы не было упомянуто его имя, то все бы еще была какая либо благовидность, но теперь, по необходимости, рождаются неблагопріятные толки. Непріятнѣе всего то, что, въ окончательномъ результатѣ ихъ, неблагопріятная тѣнь падаетъ на графа. Тяжесть, конечно небольшая, но его лицо и безъ того столько обременяется неправедными нареканіями, что всякъ, кто дорожитъ имъ для пользы церкви,—а не дорожить понимающему дѣло нельзя,—долженъ считать за святую обязанность всячески удалять возможные поводы къ тому. Въ настоящемъ случаѣ тѣмъ нужнѣе по-

пещись объ удаленіи камня претыканія, что онъ не безъ дѣйствія, кажется, на здѣшняго владыку...

«Если бы угодно было знать какъ поправить дѣло, то отвѣтъ на это очень простой. Стоитъ только велѣть доложить отзывъ владыки объ академіи (чего давно ожидаютъ) и препоручить кому-либо разсмотрѣть права ректора на предполагаемую степень. Сомнительности въ этихъ правахъ никакой. Одинъ московскій журналъ, имъ основанный и упроченный, въ другое время составилъ бы эпоху въ духовномъ просвѣщеніи. Кромѣ того, у него есть цѣлый рядъ сочиненій, хотя не слишкомъ ученыхъ, но зрѣлыхъ и благоплодныхъ. Возьмите потомъ въ сравненіе, за что давали докторскіе кресты другимъ, тѣмъ паче, за что дается эта степень по университетамъ. Бывалъ я не на одномъ десяткѣ докторскихъ экзаменовъ по университетамъ, и всегда выходилъ съ мыслью: за что отъ духовныхъ требуютъ за эту степень Богъ знаетъ чего, а свѣтскимъ даютъ ее же, ни вѣсть за что... Въ дополненіе ко всему прибавьте, что на это—невеликое, конечно, дѣло—смотритъ цѣлая Москва и, пожалуй, вынудится на оппозицію противъ книги о. Макарія... Словомъ сказать, все: и справедливость, и политика, и благородство, и благоразуміе—требуютъ неукоснительно поправить дѣло, поправить, если можно, такъ, чтобы удалить отъ него тѣнь, на него нашедшую.

«Не подумайте, чтобы моими мыслями и перомъ водило какое либо пристрастіе. Мы ни Павловы, ни Аполлосовы, а принадлежимъ единому великому наставнику, Господу Іисусу. Общеніе мира и любви во Христѣ—вотъ нашъ девизъ! Можемъ, какъ и всѣ, ошибаться, но желали бы, въ самыхъ ошибкахъ нашихъ, водиться любовію.

«Въ полномъ упованіи, что языкъ нашъ понятенъ для вашего сердца».....

Черезъ два мѣсяца Иннокентій получилъ отпускъ и 29-го мая (1848 г.) прибылъ въ Одессу.

V.

Путешествіе преосвященнаго Иннокентія изъ Петербурга въ Одессу было благополучное, хотя продолжительное и затруднительное; по дорогѣ, преосвященный заѣзжалъ, какъ мы видѣли, въ «милый и добрый» для него Харьковъ, посмотрѣлъ и полюбовался днѣпровскими порогами, останавливался во многихъ попутныхъ городахъ, и не безъ цѣли.

«Нынѣ день вашего ангела,—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу изъ Екатеринослава, отъ 21-го мая 1848 г.,—и знаете-ли, гдѣ мы будемъ желать добраго здоровья доброму имянинику? Среди пороговъ днѣпровскихъ, куда сейчасъ отправляемся изъ Екатеринославля. Немножко они всторону отъ дороги, но для такой особенности не важно сдѣлать 50 верстъ лишнихъ. Это—высокое въ книгѣ природы, которая, какъ вамъ извѣстно, у насъ въ Россіи не богата имъ. Спросите: какъ мы ѣхали изъ С.-Петербурга до пороговъ? Почти такъ же, какъ Днѣпръ текъ до нихъ. Спокойно, и безъ паденія и шуму».

«На дорогѣ,—пишетъ далѣе Иннокентій,—удивило меня общее сочувствіе къ проповѣдямъ моимъ, недавно помѣщеннымъ въ газетахъ. Даже на станціяхъ ямщики читали ихъ и остались благодарны; изъ этого я увидѣлъ, какъ надобно писать для народа въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Пожалуйста, закажите кому-либо, и печатайте. Нужно и полезно».

Въ другомъ письмѣ, отъ 5-го іюня того же года, преосвященный писалъ:

«Путь нашъ былъ благополученъ; только вездѣ приходилось бороться съ разными, даже нелѣпыми, предразсудками касательно нашей духовной части. Сколько ихъ разсѣяно по разнымъ мѣстамъ! Судя по сей одной причинѣ, надобно бы каждый годъ кому-либо путешествовать изъ Питера для возглашенія истины. Намъ внимали съ довѣріемъ.

«Въ Москвѣ одинъ изъ первыхъ вопросовъ былъ: что не сдѣлали докторомъ преосвященнаго ректора (Макарія) [1]. Хотѣли пи-

---

[1]) Иннокентій говоритъ, вѣроятно, о сказанномъ выше дѣлѣ. Н. В.

сать и въ Москвѣ проповѣди по случаю обстоятельствъ, но усумнились, какъ ихъ примутъ. А писать о семъ—иногда очень нужно. Напечатанное въ Петербургѣ всюду произвело прекрасное дѣйствіе. По всей дорогѣ—благодарность, даже отъ людей самаго низшаго класса».

29-го мая (1848 г.) преосвященный Иннокентій, какъ сказано, прибылъ въ Одессу, а на другой день совершилъ первую свою торжественную службу и сказалъ первое слово къ новой паствѣ. «Жители Одессы,—говорится въ «Біографической запискѣ» объ Иннокентіи,—толпами стекались внимать и священнослуженію и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря, тѣмъ болѣе, что скоро, какъ знали они, ему надлежало возвратиться для присутствованія въ св. синодѣ».

Свидѣтель-очевидецъ пріѣзда Иннокентія въ Одессу разсказываетъ слѣдующее [1]):

«Въ 1848 г. этотъ, безспорно, замѣчательнѣйшій изъ архипастырей россійскихъ сдѣлался нашимъ. Пріѣздъ его въ Одессу послѣдовалъ предъ самымъ праздникомъ Троицы, въ полночь, съ пятницы на субботу. Въ субботу, часовъ въ 11, представлялось новому своему владыкѣ городское духовенство. Знавшіе его по Кіеву не нашли въ немъ той свѣжести и крѣпости, которыми прежде свѣтлѣло лицо его. Лѣта, пастырскіе и кабинетные труды, и еще недавнее пребываніе въ Петербургѣ (который, по собственнымъ словамъ его, всегда разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье) много измѣнили его... Всенощное бдѣніе того дня было первымъ служеніемъ его въ Одессѣ и первымъ вхожденіемъ въ каѳедральный соборъ. Бывши въ то время седмичнымъ, я предначиналъ всеночную, и по кажденіи церкви сталъ, какъ было въ обычаѣ при прежнемъ владыкѣ, по лѣвую сторону престола. Движеніемъ руки преосвященный указалъ мнѣ мѣсто предъ престоломъ. Далѣе: на входѣ вечернемъ, который, обыкновенно, совершается однимъ священникомъ, онъ велѣлъ облачиться еще двумъ священникамъ, и входъ совершенъ былъ соборнѣ. По его же слову, шестопсалміе читалъ ключарь собора; канонъ, кажется—архимандритъ; первый часъ—тоже архимандритъ. Припоминаю эти особенности перваго присутствія преосвященнаго Иннокентія въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ по-

---

[1]) «Прибавленія къ Херсонскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ», ч. V, 1862 г., стр. 33—36. Н. В.

тому, что ихъ не могли не замѣтить и предстоявшіе въ храмѣ, внимательно слѣдившіе за дѣйствіями новаго владыки. Въ самый день Троицы, ко встрѣчѣ преосвященнаго, по его приказанію, были приготовлены букеты цвѣтовъ. При встрѣчѣ у входа въ храмъ, подходя ко кресту, служащіе священники принимали изъ рукъ владыки цвѣты, и съ ними, равно какъ и самъ владыка, шли къ царскимъ дверямъ для совершенія входной молитвы. На малый входъ священнослужащіе также выходили съ цвѣтами въ рукахъ. Подобное сему наблюдалось потомъ и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ недѣлю Ваій.

«Во всемъ этомъ виденъ былъ Иннокентій, который не бывалъ безъ особенностей. Всегда въ дѣйствіяхъ онъ являлъ нѣчто новое и особенное.. Произведя годичное испытаніе въ семинаріи, сколько помнится, раньше обыкновеннаго, онъ поспѣшилъ для обозрѣнія новой епархіи своей. И экзамены воспитанникамъ семинаріи произвелъ онъ особеннымъ, новымъ для насъ, образомъ. И учащіе, и учащіеся потребованы были въ крестовую архіерейскую церковь, и здѣсь обезоруженные—безъ книгъ и тетрадей, отложивъ въ сторону всякія программы и конспекты, испытывались тѣ и другіе «вся добрѣ вѣдущимъ» архипастыремъ. За то экзаменъ былъ краткій, не утомительный, но ясный какъ день... Послѣ экзамена преосвященный пригласилъ всѣхъ наставниковъ къ себѣ, и былъ съ нами какъ другъ и товарищъ, расточая ласки и шутки. Одному чахлому рекомендовалъ пить портеръ постоянно, хотя это было не по жалованью его; другому, богатой комплекціи, не позволялъ употреблять этого напитка и здѣсь, за столомъ. Нужно замѣтить, что преосвященный Иннокентій среди воспитанниковъ академіи бывалъ какъ бы въ домашнемъ кругу, называлъ ихъ, особенно кіевлянъ— своими присными».

Подобно тому, какъ въ епархіяхъ вологодской и харьковской, преосвященный Иннокентій и здѣсь тотчасъ же послѣ своего пріѣзда началъ обращать заботливое вниманіе на духовную семинарію [1]), на духовныя училища, на дѣла мѣстной кон-

---

[1]) О ней преосвященный однажды говорилъ своему другу, что она «требуетъ многихъ попеченій. Самое внѣшнее ея состояніе таково, что нельзя видѣть ее безъ сожалѣнія. Живутъ и тѣснятся въ половинѣ дома, а другая занята пшеницею, или праздна. Гдѣ учатся, тамъ и спятъ. Можете судить о порядкѣ». Въ другой разъ Иннокентій о той же семинаріи петербургскому пріятелю писалъ: «Если бы можно было какъ нибудь ускорить постройкою нашей семинаріи, то это было бы большое благо не только для насъ, а и для Востока православнаго, ибо непрестанно является тамъ охота ѣхать учиться у насъ,—а какъ намъ соотвѣтствовать этому, когда самимъ жить негдѣ?» Н. В.

систоріи, на духовенство, монастыри и обители, на общество и т. д., словомъ сказать—на ввѣренную ему новую паству, съ которою онъ не преминулъ ознакомиться, отправившись въ іюлѣ (1848 г.) для ея личнаго обозрѣнія.

«Въ первомъ обозрѣніи епархіи,—говорится въ однихъ «Воспоминаніяхъ» объ Иннокентіи,—преосвященный провелъ довольно времени — съ половины іюля до половины сентября. По возвращеніи его домой, въ первый разъ мы слышали, какъ преосвященный архипастырь передавалъ паствѣ, съ церковной каѳедры, впечатлѣніе своего пастырскаго путешествія. И вѣковыя горы Тавриды съ ея дивными удоліями, и разноплеменное населеніе ея, и неестественность положенія господствующей религіи среди преобладающаго магометанства, и духовныя нужды православныхъ, и памятники священныхъ древностей, лежащіе въ развалинахъ, и драгоцѣнныя для насъ воспоминанія историческія,—ничто не было забыто архипастыремъ, все повѣдалъ онъ паствѣ своей, посвящая такимъ образомъ и пасомыхъ въ труды дѣланія, предстоявшаго ему на этой нивѣ».

Нѣсколько ранѣе того, именно 27-го іюня, самъ Иннокентій писалъ своему петербургскому другу, между прочимъ, слѣдующее:

«Вокругъ насъ все еще продолжаетъ свирѣпствовать недугъ. На-дняхъ дошла вѣсть, что начальникъ нашего Бизюкова монастыря, о. ректоръ Екатеринославской семинаріи, сдѣлался его жертвою. Примите, пожалуйста, трудъ доложить его сіятельству, чтобы повременили назначать новаго настоятеля къ намъ въ сей монастырь, ибо самый монастырь этотъ, можно сказать, при послѣднемъ издыханіи: такъ онъ обезлюдѣлъ, оскудѣлъ благочиніемъ, разстроенъ по всѣмъ частямъ. Совершенная необходимость поставить его впредь на другомъ основаніи, иначе онъ будетъ служить, какъ уже и служилъ, въ поношеніе духовной части для всей окрестности. Между тѣмъ, у насъ есть способы возстать изъ развалинъ и вещественныхъ, и нравственныхъ, ибо онъ владѣетъ, между прочимъ, 26-ю тысячами десятинъ земли. Первое условіе къ тому—особенный наличный настоятель, чего онъ не имѣлъ почти съ самаго основанія своего. Въ Бизюковѣ же мнѣ хочется основать или церковную школу для исключенныхъ учениковъ на приготовленіе ихъ въ причетники (въ чемъ здѣсь крайній недостатокъ), или даже перевести туда Елисаветградское

училище, коему на своемъ теперешнемъ мѣстѣ не достаетъ дома для помѣщенія.

«Князь Воронцовъ зоветъ меня въ первыхъ числахъ сентября въ Крымъ для свиданія. Надобно поѣхать. Но какъ послѣ сего успѣть явиться къ вамъ въ концѣ сентября? Просрочка неизбѣжна. Я уже не говорю о томъ, что холера помѣшала мнѣ обозрѣть епархію и заняться дѣлами, какъ слѣдуетъ, — а ихъ множество накоплено отъ прежнихъ лѣтъ. По всему этому великая милость была бы оставить насъ здѣсь, или продолжить срокъ (отпуска). Если нельзя (а почему нельзя?) перваго, то преподайте намъ мысль о способѣ къ достиженію послѣдняго. Городъ здѣшній готовъ ухватиться за край нашихъ ризъ, чтобы не пустить насъ къ вамъ. Кажется, и князь тѣхъ же мыслей, какъ можно заключить изъ его ко мнѣ писемъ».

Приведемъ кстати еще одинъ отрывокъ изъ письма къ другу, безъ означенія числа, но судя, по обстоятельствамъ, относящагося къ тому же времени (1848 г.):

«Болѣзнь смѣшала и испортила всѣ планы наши: вмѣсто предполагаемыхъ вояжей, такъ для насъ необходимыхъ для знакомства съ положеніемъ мѣстъ, лицъ и вещей, сидимъ дома и совершаемъ покаянныя молитвословія на площадяхъ и стогнахъ. Слава Богу, что народъ нашъ спокоенъ, и нисколько не раздѣляетъ вздорныхъ мыслей [1]).

«Что сказать вамъ о здѣшнемъ мѣстѣ? Если есть гдѣ и разстроенное, и неустроенное управленіе, то здѣсь. Училища — всѣ три—въ такомъ положеніи, что жалко смотрѣть. По сей же почтѣ я пишу о нихъ и молю о помощи. Надобно дѣлать почти все снова. То же съ тремя монастырями. Корсунскій очень изряденъ способами къ содержанію и даже постройками, но въ людяхъ совершенное оскудѣніе. Бизюковъ, съ 26,000-ми дес. земли и прочими угодьями, едва имѣетъ до семи человѣкъ, и тѣ то

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ извѣстномъ республиканскомъ движеніи 1848 г., какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ самого Иннокентія: «Лицей пользуется въ здѣшнемъ краѣ самою милою репутаціею, и не безъ причины: своего дѣла разумѣемъ мало, а готовы иногда прокричать сглупа: vive la république! Впрочемъ, не заключайте по сему о здѣшнемъ (въ г. Одессѣ) образѣ мыслей. Все преспокойно! Иностранцы здѣшніе болѣе еще русскихъ чувствуютъ, какая великая разность жить подъ сѣнію твердаго правительства или зависѣть во всемъ отъ каждаго крикливаго шарлатана политическаго». Н. В.

слѣпы, то хромы. Стыдъ и жалость. Близь самой Одессы — Успенскій въ такомъ положеніи, что прошедшую зиму вырубили шелковичный садъ свой на отопленіе келій. Вдобавокъ — то же безлюдье. Посему первымъ долгомъ моимъ было отправить своего іеромонаха въ Харьковъ, Курскъ, Черниговъ и Кіевъ для приглашенія и набора братіи. Присовокупите къ сему женскій монастырь съ пріютомъ для сиротъ, до половины еще необдѣланный, а между тѣмъ переполненный людомъ всякаго рода; каѳедральный соборъ, требующій для окончанія построекъ большихъ суммъ; дѣла консисторіи, запущенныя за нѣсколько лѣтъ, особенно метрики;—несносную пыль съ улицъ, несносный запахъ съ моря,—и вы будете имѣть понятіе о нашемъ положеніи. А тутъ надобно думать о возвратѣ къ вамъ, не настроивъ хода дѣлъ, не успѣвъ распорядиться хорошо даже своимъ домомъ. Скажите, пожалуйста, какъ бы намъ продлить здѣсь свое пребываніе? Воронцовъ обѣщаетъ быть въ Крыму въ сентябрѣ; вѣдь надобно же съ нимъ повидаться. Это свиданіе полезно съ разныхъ сторонъ для епархіи. А при семъ свиданіи нельзя поспѣть въ срокъ. И не лучше ли, если мы явимся съ полнымъ сознаніемъ о здѣшней епархіи, о нашихъ нуждахъ, и о прочемъ. Всего бы лучше остаться намъ вовсе здѣсь и мы приняли бы это за великую милость».

Но это желаніе преосвященнаго Иннокентія не исполнилось; онъ долженъ былъ отправиться въ сѣверную столицу. Весною слѣдующаго 1849 г., преосвященный снова взялъ отпускъ, чтобы побывать въ своей епархіи.

«Мы, хотя вполовину, теперь дома, — писалъ Иннокентій, 21-го мая, своему петербургскому другу,—и собираемся отъ дороги и съ силами, и съ мыслями. Я говорю: вполовину, ибо домочадцы и необходимые сослужители мои, отпущенные еще 13-го апрѣля, доселѣ въ дорогѣ; можете посудить посему о продолжительности пути. Всегда странствуютъ они не менѣе сорока дней, какъ будто по образу четыредесятилѣтняго странствованія израильтянъ по пустынѣ. И точно, не смотря на множество городовъ на пути, эта дорога для нихъ, по недостатку знакомствъ, какъ пустыня. Много терпятъ они всего — между прочимъ, отъ нездоровья; здоровье трудно бываетъ имъ уберечь въ цѣлости среди разнообразія воздуха, воды, пищи и проч.

«О путевыхъ замѣчаніяхъ и впечатлѣніяхъ побесѣдуемъ когда-

либо, по душѣ, послѣ. А теперь скажу одно, что Одесса наша съ прошедшаго года начала принимать особый характеръ — не хотѣлось бы сказать—характеръ города поляко-жидовскаго. Первыхъ, поляковъ, наѣхало отвсюду множество и бо̀льшая часть изъ нихъ покупаетъ и строитъ дома. Послѣдніе также строятъ по всѣмъ улицамъ, вслѣдствіе узаконенія о томъ, чтобы не было здѣсь жидовъ неосѣдлыхъ. А русскій элементъ въ прежнемъ, обыкновенномъ видѣ. Горько подумать, что мы въ нѣсколько лѣтъ совершенно поникаемъ подъ многочисленностью этого разноплеменья, изъ коего одна половина не лучше другой.

«Даже учебная часть наша подверглась съ сей стороны уже сильному и весьма неблагопріятному вліянію....

«По нашей части, слава Богу, я нашелъ все благополучно; только домъ нашъ ветшаетъ видимо и сверху до низу даже нѣсколько трещитъ, а ограда едва не вся распалась. Строенъ онъ былъ для большаго пана и съ большими издержками, но, по порученію, факторами, слѣдовательно только для вида и на живую нитку».

Осенью этого 1849 г. Иннокентій долженъ былъ снова явиться въ Петербургъ на череду присутствованія въ св. синодѣ. Это сильно сокрушало преосвященнаго какъ по отношенію его собственнаго здоровья, такъ и потому, что епархіальныя дѣла, далеко не устроенныя, требовали его личнаго присутствія.

«Вотъ уже половина и лѣта,—писалъ Иннокентій 17-го іюня своему петербургскому пріятелю,—а мы еще не успѣли хорошо осмотрѣться на своемъ мѣстѣ. Май (т. е. половина) прошелъ въ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ владыкою балаклавскимъ, который жилъ у меня до 10-го іюня, по случаю прибытія брата его изъ Греціи; іюнь пробѣжалъ среди употребленія минеральныхъ водъ и безконечныхъ всякаго рода экзаменовъ; теперь нужно побывать въ Корсунѣ, Мелитополѣ и Бердянскѣ, мною еще невиданныхъ. А тамъ—крестный ходъ, а тамъ—пріѣздъ къ намъ князя Воронцова,—вотъ и августъ! Остается одинъ сентябрь, и тотъ надобно употребить для Крыма, — и за симъ опять въ Петербургъ, опять 2,000 верстъ среди грязей и морозовъ, дождей и снѣговъ!... Не знаю, за какія прегрѣшенія выпала намъ такая скитальческая жизнь и къ какому угоднику обратиться съ молитвою объ освобожденіи отъ такихъ напастей. Ей, изнемогаетъ

и духъ, и тѣло. Не говорю уже о томъ, что при такомъ образѣ жизни надобно бросить всѣ почти любимыя занятія душевныя. Некогда ни прочитать что-либо, какъ должно, ни подумать хорошенько, тѣмъ паче написать. Пишу это къ вамъ, потому что не передъ кѣмъ болѣе поплакать. Пусть слезы наши будутъ у васъ, другому никому не отдадимъ ихъ»....

Нежеланіе свое вновь ѣхать въ Петербургъ преосвященный Иннокентій высказывалъ своему другу неоднократно, равно какъ и необходимость остаться въ епархіи, приводя въ доказательство этого разныя причины. «По свиданіи съ княземъ,—писалъ, напримѣръ, преосвященный отъ 29-го августа (1849 г.), — думаю побывать въ Крыму, чтобы получше осмотрѣть мѣста, предполагаемыя къ возстановленію. Это займетъ цѣлый сентябрь. И вотъ, послѣ того надобно будетъ въ долгій путь—на сѣверъ! Увы намъ, скажемъ съ Давидомъ, яко пришельствіе наше продолжися».

Осенью Иннокентій прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь обратило на себя его вниманіе, между прочимъ, такое обстоятельство, о которомъ онъ сообщалъ своему другу записочкой отъ 10-го января 1850 г.

«Посылаю письмо, о коемъ была рѣчь. Изъ него вы увидите, какъ извѣстная монахиня злоупотребляетъ мнимымъ и притвореннымъ себѣ даромъ видѣнія, ради корысти. Жуковъ, о коемъ идетъ въ письмѣ рѣчь, до сихъ поръ здравствуетъ. Слѣпецъ былъ у владыки въ Невскомъ и разсказалъ, что слѣдуетъ, равно какъ показывалъ и это письмо. Тамъ собираются выжить ее изъ лаврской квартиры. Но этого, кажется, мало: перемѣна квартиры не помѣшаетъ ей продолжать обманывать добродушныхъ людей; говорятъ, она собираетъ большія суммы; между прочимъ, къ ней ѣздятъ и фрейлины. У нѣкоторыхъ она, письмами, якобы просила уже по 20,000 руб. асс. Теперь будто собирается въ Сибирь. Птица изъ рѣдкихъ!»

Засимъ, въ это время почти не было переписки между друзьями, такъ какъ они оба находились въ Петербургѣ. Время приближалось къ веснѣ, и преосвященный усильно началъ хлопотать объ отпускѣ, котораго требовали и состояніе его здоровья, и нужды епархіи. «Возвратъ домой для насъ теперь—необходимость,—писалъ 16-го апрѣля своему другу Иннокентій;—такъ чувствуемъ мы сами, такъ утверждаютъ и врачи. Посему покор-

нѣйшая просьба наша къ вамъ: припомните его сіятельству мои просьбы объ отпускѣ. Пусть приметъ трудъ доложить о семъ государю. Время для сего осталось не велико. Государь, слышно навѣрное, отправляется въ путь тотчасъ послѣ Пасхи. Намъ бы тоже, если дастъ Богъ, хотѣлось пуститься домой въ первыхъ числахъ мая».

Отпускъ былъ данъ, и Иннокентій, уже изъ Одессы, 12-го іюня (1850 г.), писалъ своему петербургскому пріятелю:

«Хотя мы и отдалились теперь отъ васъ на двѣ тысячи верстъ, но дерзаемъ уповать, что и въ семъ отдаленіи мы не чужды вамъ и никогда не будемъ такими. Посему спѣшимъ извѣстить, что, при помощи Божіей, мы благополучно достигли своихъ предѣловъ и даже осмотрѣли на пути бо̀льшую часть степей бердянскихъ и мелитопольскихъ. Теперь мы въ своей стихіи и начинаемъ собираться съ мыслями, изъ коихъ многія невольно несутся къ вамъ.....

«Одесса видимо рада намъ. Ее смутили слухами о болѣзни моей, крайне увеличенными. Будемъ трудиться для ея блага: край и городъ стоятъ того».....

Черезъ годъ, именно въ сентябрѣ 1852 г., преосвященный Иннокентій еще разъ, и уже послѣдній, вызванъ былъ въ Петербургъ. Странное было положеніе преосвященнаго: человѣка больнаго заставляютъ зиму проводить на сѣверѣ, а лѣто на югѣ. И съ какою цѣлью это дѣлалось? Развѣ ужъ нельзя было обойтись безъ Иннокентія?—тѣмъ болѣе, что онъ, какъ видно, не могъ хорошенько ознакомиться съ состояніемъ своей обширной епархіи. А тутъ наступали на югѣ грозныя событія. «Что могу я придать своимъ присутствіемъ св. синоду?»—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу 21-го іюня 1852 г., когда ему особенно не желательно было, по многимъ причинамъ, оставить свою епархію.—«Слава Богу, іерархія наша такъ не скудна людьми, для него нужными, что отсутствіе мое ни для него не будетъ замѣтно, ни для чего не можетъ быть вредно. У меня же дома не мало дѣлъ, кои требуютъ моего присутствія».

А что это послѣднее не пустая фраза, увидимъ ниже; теперь же мы замѣтимъ, что подобныя мысли преосвященный высказывалъ, можно сказать, постоянно, «нелѣностно толкая въ двери (куда слѣдуетъ) и вопія о нуждѣ». Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 18-го декабря 1850 г. Иннокентій заявлялъ своему другу:

«Тяжело отзывается намъ трехлѣтнее отсутствіе со своего мѣста; надобно вознаградить многое. И, разумѣется, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, для собственнаго успокоенія. Но этотъ покой долженъ быть добытъ усиліемъ, и не малымъ. Слава Богу, къ концу года довольно пообдѣлано, но далеко не все. Нуженъ, по крайней мѣрѣ, годъ труда, чтобы потомъ предаться обыкновенному теченію вещей и дѣлъ. Хорошо то, что предметы труда теперь передъ глазами, не то, что было за двѣ тысячи верстъ. Можно самому наблюдать, поощрять, исправлять и утѣшаться исполненіемъ, даже не полнымъ».

11-го іюня 1851 г. преосвященный пишетъ: «...Я отправляюсь въ Крымъ, и велитъ ли Господь возвратиться оттуда? Такъ теперь этотъ, прежде простой, путь не безопасенъ, не столько отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, сколько отъ разныхъ болѣзней, здѣсь свирѣпствующихъ. Хочется, между тѣмъ, объѣхать весь полуостровъ, начиная съ Севастополя . . . . Надобно же сказать хоть слово утѣшенія бѣдствующей собратіи, а между тѣмъ попещись лично о ея нуждахъ матеріальныхъ. За 700 верстъ скоро ли подашь помощь?»

Въ концѣ этого же года (20-го декабря 1851 г.) преосвященный Иннокентій по тому же поводу, въ письмѣ къ своему петербургскому пріятелю, выражается болѣе опредѣленно и рѣшительно. «Охотно винимся предъ вами въ нашемъ молчаніи. Время какъ будто ускорило ходъ свой, и не видимъ, какъ пролетаютъ недѣли и цѣлые мѣсяцы. То я странствовалъ долго по всему свѣту новороссійскому, то боролся со множествомъ дѣлъ, кои накопились въ мое отсутствіе и настоятельно требовали своего конца.

«Куда какая разность здѣшней епархіи отъ Харькова, Вологды, даже Кіева! Послѣднія три, даже въ сложности, едва равняются первой, такъ что, при всей привычкѣ къ дѣламъ, трудно успѣвать вести ихъ, какъ должно. Главною причиною таковой разности—множество отдѣльныхъ свѣтскихъ управленій, съ коими съ каждымъ нужно вѣдаться, какъ съ особою державою»[1]).

---

[1]) Вслѣдствіе этого, замѣтимъ кстати, Иннокентій ходатайствовалъ передъ духовнымъ начальствомъ объ увеличеніи штата духовныхъ консисторій въ западныхъ епархіяхъ. Н. В.

Дѣйствительно, преосвященному Иннокентію предстояло много работы по херсоно-таврической епархіи, особенно если вспомнимъ его оригинальный взглядъ на вещи, его пытливость и любознательность, его желаніе и умѣнье придать каждому, по видимому, незначительному и обыденному событію, или предмету, характеръ своеобразности и интереса. Кромѣ сказаннаго выше, обратимъ вниманіе еще на слѣдующее.

Преосвященный всегда интересовался Крымомъ, и еще въ бытность его въ Кіевѣ высказывалъ непремѣнное желаніе побывать тамъ, что и исполнилъ тогда же, въ 1836 г., воспользовавшись для этого обозрѣніемъ своего академическаго округа. Не удивительно поэтому, что теперь, съ назначеніемъ Иннокентія въ Одессу, Крымъ, составлявшій часть тогдашней херсонской епархіи, сдѣлался предметомъ особенныхъ его заботъ и попеченій. «Это былъ предметъ, съ котораго владыка—дома ли былъ, или въ Петербургѣ—не спускалъ глазъ своихъ. Въ другихъ мѣстахъ обширной епархіи онъ былъ едва однажды во все время управленія; въ Крыму же нерѣдко въ одно лѣто бывалъ онъ раза по два».

Главная задача пастырскихъ трудовъ Иннокентія въ Крыму заключалась въ возстановленіи памятниковъ христіанскихъ древностей. Преосвященный принялся за дѣло тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ и энергіею, что объ этомъ просили его всѣ православные жители Крыма. «Крымскій Аѳонъ нашъ,—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу 29-го августа 1849 г.,—не остается подъ спудомъ. Съ недѣлю уже, какъ получена мною просьба отъ всего, можно сказать, Крыма о возстановленіи тамошнихъ св. мѣстъ. И здѣсь (въ Одессѣ) сочувствіе этому дѣлу полное. Остается побесѣдовать съ княземъ (Воронцовымъ), котораго и ждемъ здѣсь, и потомъ приступимъ къ дѣлу, для котораго уже являются жертвователи. За матеріальными средствами не станетъ дѣло; главная трудность будетъ въ томъ, чтобы найти людей, способныхъ къ житію пустынному. Но если угодно Господу, то явятся и дѣлатели достойные». А ровно черезъ мѣсяцъ (29-го сентября) преосвященный по тому же поводу писалъ:

«Въ бытность здѣсь князя намѣстника я имѣлъ удобность подробно переговорить съ нимъ обо всемъ, нужномъ для здѣшняго края. Онъ оказалъ совершенное согласіе на все ему предложен-

ное и обѣщалъ полное содѣйствіе. Между прочимъ, ему весьма понравился мой прожектъ крымскій, который, вмѣстѣ съ симъ, и посылается вамъ на келейную ревизію. Формальное дѣло о семъ заведемъ, если дастъ Господь, уже въ Петербургѣ».

Крымскій проектъ, о которомъ здѣсь упоминаетъ преосвященный, вѣроятно, есть ничто иное, какъ его «Записка о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ», одобренная св. синодомъ и утвержденная государемъ [1]).

Необходимость возстановленія древнихъ христіанскихъ памятниковъ или св. мѣстъ въ Крыму Иннокентій въ этой «Запискѣ» объясняетъ слѣдующими соображеніями:

«а) Этимъ поддержалась бы, особенно въ глазахъ иновѣрцевъ, честь вѣры христіанской и русскаго правительства.

«б) Сохранились бы отъ конечнаго разрушенія мѣста, по многимъ причинамъ стоющія вниманія всякаго просвѣщеннаго человѣка.

«в) Образовались бы непримѣтно средоточія тихаго, благотворнаго дѣйствія вѣры христіанской на окрестное населеніе татаръ и, кто знаетъ?—можетъ быть, приготовили бы постепенно сближеніе мусульманъ крымскихъ съ христіанствомъ.

«г) Самимъ путешественникамъ по горамъ крымскимъ пріятно было бы, вмѣсто мертвыхъ и безгласныхъ развалинъ, наводящихъ грусть и уныніе, находить по мѣстамъ пристанища священныя, гдѣ-бы вмѣстѣ съ тѣломъ могъ опочить и духъ.

«Все, здѣсь изложенное, почувствовалъ и созналъ, можно сказать, весь Крымъ христіанскій, какъ то можно видѣть изъ прошенія его къ епархіальному начальству».

Перечисливъ, затѣмъ, св. мѣста, которыя должны быть возстановлены, и сказавъ, что на это, равно какъ и на содержаніе монаховъ, средства найдутся отъ частной благотворительности, преосвященный находилъ, что образъ жизни монашеской въ этихъ новыхъ скитахъ долженъ быть такой же, какъ въ Греціи, на Аѳонской горѣ.

«Въ бо́льшей части Россіи,—говоритъ Иннокентій,—это предпріятіе — аѳонскаго сподвижничества — почти невозможно, по

---

[1]) Напечатана въ «Херсонскихъ епарх. вѣдомостяхъ» за 1861 г., № 11, стр. 177—190. Н. В.

самому физическому мѣстоположенію ихъ среди страны многонаселенной, за исключеніемъ развѣ одного острова Соловецкаго, монастыря на Валаамѣ, и Каневцѣ и пустыни Саровской. Но наши горы Таврическія представляютъ къ тому рѣдкую и совершенную удобность во всѣхъ отношеніяхъ. Если отшельниковъ на Аѳонъ привлекаютъ горы подъоблачныя, безмолвіе и удаленіе отъ мятежа человѣческаго совершенное, близость моря безпредѣльнаго, благословенное обиліе плодовъ земли: винограда, маслины и смоковницы, живые и журчащіе источники,—то всѣмъ этимъ, въ такомъ же совершенствѣ, ущедрена отъ Господа и наша Таврида. Если Аѳонъ обилуетъ священными памятниками и воспоминаніями, то и русскій Аѳонъ—Таврида не уступитъ въ этомъ Аѳону греческому. Тутъ святые слѣды стопъ св. Андрея Первозваннаго; тутъ кровь св. папъ—Климента и Мартина; тутъ подвиги Стефана Сурожскаго и первоапостоловъ славянскихъ—Кирилла и Меѳодія; тутъ память св. Владиміра и его крещенія: сколько примѣровъ вѣры и добродѣтели! А между тѣмъ, въ отношеніи къ русскимъ отшельникамъ, Таврія далеко превзойдетъ Аѳонъ (говоримъ это не по соперничеству, коему въ семъ святомъ дѣлѣ не можетъ быть мѣста, а по необходимости—для уясненія дѣла) миромъ и удобствомъ для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои нынѣ ищутъ для себя глубочайшаго безмолвія въ обителяхъ аѳонскихъ. Тяжело, а должно сказать, что набожный русскій человѣкъ, ищущій мира душѣ своей въ Аѳонѣ и воображающій найти тамъ рай духовный, встрѣчаетъ нерѣдко тяжкія утѣсненія, отчего многіе и возвращаются назадъ, распространяя по Россіи, не къ пользѣ вѣры и православія, невыгодныя молвы объ Аѳонѣ. Какъ бы хорошо было, посему, предоставить съ нашей стороны русскимъ подвижникамъ всѣ средства, пособія и удобства—съ благословеніемъ Божіимъ устроить свой русскій Аѳонъ! Сколько бы душъ нашло пристанище для себя, такъ сказать, дома, не оставляя родины, не подвергая себя утѣсненію турокъ! Таврида наша, съ горами своими и священными воспоминаніями, представляетъ къ тому единственное средство».

При устроеніи «своего русскаго Аѳона», не мало предстояло труда преосвященному Иннокентію, который и самъ сознавалъ это болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Уже будучи въ Петербургѣ, въ томъ же 1849 г., преосвященный сообщалъ своему другу: «Князь

Воронцовъ прекрасно отвѣчалъ о нашемъ Аѳонѣ будущемъ Перекрестясь, пойдемъ съ нимъ и за нимъ въ св. синодъ. Хлопотъ и заботъ будетъ множество съ этимъ ребенкомъ. Но что дѣлать! перенесемъ во имя Господне!» Какъ упомянуто, св. синодъ одобрилъ предположеніе Иннокентія о возстановленіи св. мѣстъ въ Крыму и испрошено было высочайшее на то разрѣшеніе въ 1850 году. 15-го августа этого года совершилось торжественное открытіе главнаго скита въ скалѣ Успенской, что близь Бакчисарая. Мало по малу, постепенно открывались и другіе скиты— въ Херсонесѣ, Инкерманѣ и проч.

Не красна была жизнь первыхъ скитниковъ. «Крымскія дѣла наши (говоря древнимъ нашимъ языкомъ о новыхъ нашихъ учрежденіяхъ),—писалъ преосвященный своему петербургскому другу 18-го декабря 1850 г.,—идутъ, слава Богу, успѣшно. Господь самъ послалъ намъ о. архимандрита Поликарпа [1]); онъ живетъ доселѣ въ каменной холодной скалѣ, мужается самъ, воодушевляетъ другихъ и устроеетъ огражденіе мѣсту, въ чемъ настояла первѣе всего нужда. Являются и благотворители, такъ что въ слѣдующемъ лѣтѣ надѣемся устроить довольно пріюта не только для обитателей (теперь они зимуютъ яко лисы въ каменныхъ язвинахъ), но и для посѣтителей. Всѣхъ насъ поразило удивленіемъ пророчество о Крымѣ, напечатанное въ недавно вышедшемъ томѣ «Одесскаго общества древностей», подъ заглавіемъ: «Записка о Крымѣ священника» [2]). Томъ сей, безъ сомнѣнія, есть у васъ: прочтите и подивитесь. Что сказано тамъ, сказано болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ».

Затѣмъ, въ послѣдующихъ письмахъ къ другу, преосвященный Иннокентій говоритъ, что скиты крымскіе помаленьку устроятся, что находятся и достойные въ нихъ труженики, и добрые

---

[1]) Объ этомъ лицѣ Иннокентій постоянно отзывался весьма сочувственно, называлъ его «драгоцѣннымъ человѣкомъ» и проч. Поликарпъ (Радкевичъ) былъ потомъ викаріемъ херсонскимъ и епископомъ орловскимъ. † въ 1867 г. («Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви», П. Строева, 1877 г., изд. подъ ред. М. И. Семевскаго, столб. 906).

[2]) По всей вѣроятности, въ т. II, 1850 г., стр. 285 и слѣд. Записка, о которой идетъ рѣчь, заглавляется такъ: «Повѣсть извѣстна и удивленію достойна о мощахъ недовѣдомаго святаго, како обрѣтошася и въ коихъ странахъ, и въ коемъ градѣ, и въ которое время. Списано многогрѣшнымъ попомъ Іаковомъ въ лѣто 7143/1634 года».

Н. В.

люди съ благотворительностію. 20-го декабря 1853 г. преосвященный, между прочимъ, писалъ: «Крымъ мой и поразстроилъ меня въ здоровьи, и порадовалъ. Теперь, благодаря видимой помощи свыше, можно съ увѣренностію сказать, что пустынножительство таврическое не благочестивое мечтаніе, а истинное событіе и дѣло благое».

Въ послѣдній разъ преосвященный Иннокентій посѣтилъ свой любимый Крымъ весною 1857 г., за мѣсяцъ до своей смерти. Вечеромъ 25-го апрѣля преосвященный прибылъ въ Бакчисарай и въ Успенскій скитъ. «Привѣтливо,—разсказываетъ протоіерей Логиновскій,—благословилъ архипастырь пустынныхъ тружениковъ. Обитель—въ совершенномъ уединеніи, между громадныхъ вѣковыхъ скалъ. «Вотъ мы поустроились, слава Богу,—говорилъ владыка, проходя по монастырю.—А какова мѣстность? Не правда-ли, это совсѣмъ другой, особый міръ? Здѣсь-то работать для единаго на потребу никто и ничто не мѣшаетъ. И такія мѣста были оставлены безъ вниманія, и о святынѣ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтители этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ Равноапостольный,—о такой святынѣ было забыто въ православной Россіи!.. Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для сей священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ поставить крестъ на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, какъ помогъ Онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители харьковскія».

Подобно Харькову, преосвященный Иннокентій учредилъ въ Одессѣ два торжественныхъ крестныхъ хода: одинъ въ день основанія города (совершается 22-го августа), а другой—въ день ежегоднаго перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери. Главная особенность перваго изъ этихъ крестныхъ ходовъ заключалась въ томъ, что въ немъ были употребляемы иконы, или вѣрнѣе—точныя копіи (не только въ живописи, но и въ размѣрѣ) съ прославленныхъ и чудотворныхъ иконъ, которыя преосвященный ревностно пріобрѣталъ не только изъ всѣхъ концовъ Россіи и Сибири, но даже и съ Востока. Такимъ образомъ составлялся Иннокентіемъ своеобразный священный музей. Объ этомъ однажды, 17-го іюня 1849 г., преосвященный писалъ своему петербургскому другу:

«Мы и не безъ утѣшенія. Что ни почта, къ намъ изъ разныхъ мѣстъ прибываютъ гости дорогія—копіи съ чудотворныхъ иконъ. Это будетъ священный музей нашъ. Граждане, одинъ за другимъ, наперерывъ берутся обдѣлывать ихъ окладами. Все это, конечно, наружность, но слава Богу и за нее; кто полюбилъ азбуку, тотъ выучится читать, а кто будетъ читать, тотъ, при вниманіи и руководствѣ, недалекъ и отъ разумѣнія».

Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, что преосвященный смотрѣлъ на крестные ходы, какъ на одно изъ средствъ возбужденія религіознаго чувства въ народѣ и потому относился къ совершенію ихъ крайне внимательно, того же требовалъ и отъ другихъ, при чемъ благочиніе и торжественность стояли на первомъ планѣ [1]). Такъ было и здѣсь, въ Одессѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ крестный ходъ, «какъ новое растеніе, — по словамъ Иннокентія,— посаженное притомъ на такой неудобной почвѣ, какъ одесская, необходимо требовалъ для вкорененія своего бдительнаго и продолжительнаго ухода за нимъ». Но у преосвященнаго, при личномъ его участіи, дѣло обходилось благополучно и въ началѣ.

---

[1]) Одно изъ лицъ, бывшее благочиннымъ въ Севастополѣ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» объ Иннокентіи, между прочимъ, повѣствуетъ: «Благочинныхъ онъ (преосвященный) любилъ называть своими «глазами». Кто оправдывалъ такія ожиданія его, тому онъ былъ другъ и братъ; для такихъ онъ былъ и подписывался «усерднѣйшимъ слугою». Но горе, если случалось прогнѣвить чѣмълибо этого усерднѣйшаго слугу, отца и брата. Тутъ онъ бывалъ владыкою, который иногда жалъ и тамъ, «идѣже не расточалъ».... Отвѣчая на разные вопросы по службѣ моей, я, между прочимъ, сказалъ владыкѣ, что у насъ, по случаю болѣзни (или другаго какого-то бѣдствія—не помню ужъ хорошо), совершали нынѣшнимъ лѣтомъ (1849 г.) крестный ходъ изъ города къ источнику Іоанна Постнаго, что близь греческаго сел. Комари. «Какъ? съ чьего благословенія?»—гнѣвно спросилъ онъ.—Были примѣры и прежде,—отвѣчалъ я. Такъ, въ прошломъ году, еще до моего туда поступленія, совершали крестный ходъ изъ города въ Балаклавскій монастырь, по минованіи холеры. «Такъ у тебя совершаются крестные ходы,—можетъ быть, какая пародія на нихъ и я ничего не знаю?» еще гнѣвнѣе замѣтилъ мнѣ владыка.—Не знаю—въ прежнемъ, а въ послѣднемъ наше епархіальное духовенство не участвовало,—еще продолжалъ я защищаться;—этотъ крестный ходъ совершали священники адмиралтейскіе, не нашего вѣдомства. «И безъ твоего вѣдома ходятъ къ нашимъ источникамъ и монастырямъ? для чего жъ я тамъ поставилъ тебя?». Нужно было наконецъ замолчать, пока громъ и молнія пройдутъ сами собою. «Поди домой,—сказалъ наконецъ спокойнымъ тономъ преосвященный; придешь другой разъ, есть еще за что и похвалить» («Херсон. епарх. вѣдомости» за 1862 г., № 1).

Н. В.

«Давно я не бесѣдовалъ съ вами,—писалъ Иннокентій своему столичному пріятелю 29-го августа 1849 г.—Причиною молчанія поѣздка (по епархіи), среди которой обыкновенно останавливается всякая корреспонденція, а по возвратѣ все время занималъ крестный ходъ. Хотѣлось не унизить его и по внѣшнему виду въ глазахъ и своихъ, и чужихъ. И, слава Богу, все вышло какъ желалось, даже паче ожиданія. Оказалось, что городъ нашъ не безъ чувства религіознаго. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служитъ добровольное предложеніе одного гражданина въ память сего дня устроить на берегу моря, въ серединѣ гаваней, часовню для помѣщенія св. иконъ, полученныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Это будетъ то же, что въ Москвѣ часовня Иверской Богоматери. Иначе такое собраніе иконъ негдѣ было бы и помѣстить прилично: ни одна церковь не способна къ тому».

Упомянемъ еще, что преосвященный, по прежнему, любилъ совершать богослуженіе и въ Одессѣ, и во время своихъ продолжительныхъ путешествій по епархіи, и почти въ каждую службу говорилъ краткія поученія, простыя, общедоступныя, но тѣмъ не менѣе производящія сильное впечатлѣніе на слушателей. Не безъинтересно замѣтить, какимъ образомъ иногда преосвященный находилъ матеріалъ или содержаніе для своихъ импровизированныхъ проповѣдей.

«Изучая и исправляя, при обозрѣніи епархіи, духовенство,—говорится въ однихъ «Воспоминаніяхъ» объ Иннокентіи,—онъ изучалъ вмѣстѣ и пользовалъ паству свою и мірскую. Какимъ именно образомъ? Если, напримѣръ, предполагалось имѣть служеніе въ какомъ либо городѣ, наканунѣ владыка, какъ бы изъ любопытства, задавалъ благочинному (а онъ долженъ былъ все знать) вопросы: каковъ этотъ городъ? изъ какихъ онъ состоитъ сословій? что вы знаете, напримѣръ, объ этомъ изъ нихъ? а о томъ и томъ? какими здѣсь занимаются ремеслами и промыслами? есть ли у васъ и общественныя увеселенія—какъ они ведутся? и проч. и проч. Такимъ образомъ доходилъ до всего, какъ говорится, до подноготной. Завтра является онъ передъ паствой съ пастырскимъ жезломъ и словомъ, — и къ удивленію вашему и самой паствы – бесѣдуетъ съ нею, какъ давно и близко ему знаемою. Вотъ, между прочимъ, почему собранія поученій его, напримѣръ, къ паствѣ вологодской и паствѣ харьковской, такъ ясно выражаютъ въ себѣ физіономію самихъ этихъ паствъ» [1].

[1]) «Херсон. епарх. вѣдомости» 1862 г., № 1.

Н. В.

Кромѣ того, много преосвященному представлялось въ это время и другихъ заботъ, сопряженныхъ съ разными безпокойными хлопотами. Такъ, въ январѣ 1851 г., сгорѣлъ архіерейскій домъ, при чемъ «всего болѣе пострадали бѣдныя книги и бумаги, коимъ (ибо огонь коснулся тѣхъ комнатъ) досталось съ верхняго этажа прямо летѣть въ садъ». Преосвященный озаботился постройкою новаго дома. Около этого же времени не отыскивались многія спеціальныя книги, взятыя имъ у разныхъ лицъ, преимущественно у своего петербургскаго друга, для «Догматическаго Сборника». Это обстоятельство, какъ видно изъ писемъ къ другу, очень тревожило Иннокентія, такъ какъ книги были чужія, да при томъ многихъ купить негдѣ, а другихъ и достать невозможно; между тѣмъ отъ него требовали настоятельно.

«Что мнѣ дѣлать съ требуемыми отъ насъ книгами?—писалъ однажды преосвященный (20-го декабря 1851 г.) своему петербургскому другу.—Сколько ни искали, нигдѣ не находимъ. Развѣ не пропали-ль во время нашего пожара, ибо библіотека моя вся была выброшена изъ окошекъ въ садъ и вообще много пострадала; но мнѣ твердо помнится, что передъ моимъ отъѣздомъ всѣ книги и рукописи по «Сборнику» были препровождены къ вамъ. Благоволите вникнуть въ это дѣло. Или не зашли-ль какъ нибудь къ преосвященному Макарію, или къ Ивану Петровичу Сахарову? или Богъ знаетъ, что и думать, а крайне совѣстно, что не отвѣчаю до сихъ поръ его сіятельству на отношеніе о сихъ книгахъ. Бѣда, да и только!»

Путешествія преосвященнаго Иннокентія, почти каждогодныя, на зиму въ Петербургъ, а на лѣто обратно въ Одессу, продолжительныя обозрѣнія обширной епархіи, постоянныя заботы по управленію ввѣренной паствы, особенно же чаще и чаще повторяющіеся недуги—все это, конечно, не могло располагать къ учено-литературнымъ занятіямъ знаменитаго херсонскаго архипастыря. При всемъ томъ, онъ находилъ время предаваться и этимъ занятіямъ, хотя творческій умъ Иннокентія и не проявлялъ себя въ столь разнообразной духовно-литературной дѣятельности.

«Ужъ не передъ концомъ ли жизни,—писалъ преосвященный своему петербургскому другу, отъ 11-го іюня 1851 г.,—во мнѣ

родилась охота, и не малая, заняться пересмотромъ прежде писаннаго мною. Такимъ образомъ, пересмотрѣны проповѣдническія книги и могутъ быть изданы въ свѣтъ. Такъ, пересмотрѣны и исправлены 4 тома «Послѣднихъ дней Христовыхъ». Даже что? Есть желаніе въ послѣдній разъ пересмотрѣть «Сборникъ Догматическій». У васъ онъ былъ, такъ сказать, на рукахъ: скажите, въ какомъ видѣ онъ можетъ быть изданъ? Я готовъ опустить, убавлять, что угодно; но прибавлять некогда, даже нѣтъ возможности снаровиться вполнѣ съ замѣчаніями, у васъ сдѣланными: для сего необходимо множество книгъ, коихъ у насъ нѣтъ. Да при томъ, при сихъ замѣчаніяхъ, кажется, предполагалось издать «Сборникъ» отъ лицъ церкви или св. синода, а у меня онъ предполагается быть изданнымъ частно, слѣдовательно не требуетъ такой точности и непреложности. Ошибусь—это моя вина, и только».

Преосвященный херсонскій и въ этотъ періодъ времени не переставалъ заниматься составленіемъ акаѳистовъ; такъ, онъ составилъ акаѳисты: архангелу Михаилу, пресвятой Троицѣ, Воскресенію Христову и др. Выше нами замѣчено, что этого рода церковныя молитвословія требуютъ особенныхъ душевныхъ свойствъ отъ автора, особенно же глубокаго религіознаго чувства. «Хочется еще,—писалъ преосвященный однажды (29-го ноября 1854 г.) своему петербургскому другу,—если дастъ Господь, составить акаѳистъ на причащеніе св. Таинъ. Время это—исповѣдь и причащеніе—въ жизни каждаго человѣка есть одно изъ важнѣйшихъ и наиудобнѣйшихъ къ дѣйствованію на душу во благое. Но предметъ этотъ такъ высокъ, обширенъ и божественъ, что не скоро соберешь духа подойти къ нему съ перомъ». Акаѳистъ этотъ все-таки былъ составленъ преосвященнымъ.

Иннокентій былъ не только даровитымъ авторомъ церковныхъ пѣснопѣній, но и глубоко-знающимъ истолкователемъ ихъ; то же должно сказать о канонахъ, молитвахъ и проч. Поэтому не удивительно, что множество лицъ обращались къ нему за разъясненіями своихъ недоумѣній. Мы не находимъ нужнымъ приводить примѣры подобныхъ обращеній; укажемъ лишь на одинъ, какъ нельзя болѣе подтверждающій сказанное нами. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ однажды обратиться къ преосвященному Ин-

нокентію именно за разъясненіемъ темныхъ, неудобопонятныхъ мѣстъ и выраженій въ нѣкоторыхъ молитвахъ и духовныхъ пѣсняхъ.

10-го февраля 1852 г. Иннокентій писалъ своему петербургскому другу по этому поводу слѣдующее: «Недавно получилъ я изъ Венеціи любопытное посланіе отъ Великаго Князя Константина Николаевича, свидѣтельствующее, какъ по христіански проводитъ онъ время. Истинно рѣдкій примѣръ усердія къ богослуженію и книгамъ молитвеннымъ, посему-то я и рѣшился подѣлиться съ вами замѣчаніями Князя, прося васъ усерднѣйше, чтобы это осталось между мною и вами».

Приводимъ дословно письмо Его Императорскаго Высочества и «тетрадь», въ которой помѣщены мѣста или выраженія, требующія разъясненія.

Венеція.—Января 17-го (29-го) 1852 г.

«Преосвященнѣйшій владыко и архипастырь! По требованію врачей, я долженъ провести всю зиму нынѣшняго года въ Венеціи. Во все это время буду лишенъ утѣшенія слышать православное богослуженіе на родномъ языкѣ, и не буду имѣть возможности исполнить священный долгъ говѣнія. Стараясь замѣнить сколько нибудь потерю сію другими духовными упражненіями, я, между прочимъ, обратилъ вниманіе на тѣ мѣста нѣкоторыхъ молитвъ и духовныхъ пѣсней, которыя казались мнѣ непонятными. Эти мѣста выписаны въ прилагаемой тетради съ указаніемъ на страницы молитвенника, напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1850 году. Прошу васъ, преосвященнѣйшій владыко, удѣливъ мнѣ нѣсколько времени посвящаемаго вами ввѣренной вамъ паствѣ, сдѣлать объясненіе помянутыхъ мѣстъ и переслать на мое имя въ Венецію, гдѣ располагаю остаться до конца апрѣля. Я буду искренно благодаренъ за исполненіе этой просьбы. Трудъ вашъ будетъ продолженіемъ тѣхъ полезныхъ уроковъ, которые я постоянно находилъ въ вашихъ сочиненіяхъ, составляющихъ предметъ чтенія моего неоднократно въ каждомъ году. Мнѣ было бы весьма пріятно узнать отъ васъ о преуспѣяніи на полуостровѣ Таврическомъ общежительствъ, устроенныхъ тамъ, по вашей мысли, на подобіе пустынножительствъ Аѳона, и вообще имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о духовной жизни ввѣренной вамъ паствы. Проводя

зиму вдали отъ отечества, я никогда не покидаю его мысленно, и въ Венеціи изученіе Россіи составляетъ главный предметъ моихъ занятій. Посему сообщеніемъ извѣстій о южныхъ предѣлахъ отечества вы доставите мнѣ искреннее удовольствіе.

«Поручая себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ. «Константинъ».

Выписка изъ молитвенника стиховъ, требующихъ истолкованія.

Стран. молитвенника кіевскаго изд. 1850 г. — Венеція.—1852 г.

3. Блажени испытающіи свидѣнія его.
Оправданія твои сохраню.
Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой.
Научи мя оправданіемъ твоимъ.
Въ заповѣдехъ твоихъ поглумлюся.
4. Рабъ же твой глумляшеся въ оправданіихъ твоихъ.
5. Отыми поношеніе мое, еже непщевахъ, яко судьбы твои благи.
И хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди твоя взыскахъ. И глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари и не стыдятся.
6. Усырися яко млеко сердце ихъ, азъ же закону твоему поучихся.
7. Исчезаетъ во спасеніе твое душа моя, на словеса твоя уповахъ.
Исчезоша очи мои въ слово твое глаголюще: когда утѣшиши меня, зане быхъ яко мѣхъ на сланѣ, оправданій твоихъ не забыхъ.
Во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси.

Среда.

8. Всякія кончины видѣхъ конецъ, широка заповѣдь твоя зѣло.
Наслѣдовахъ свидѣнія твоя во вѣкъ, яко радованія сердца моего суть.
Истаяла мя есть ревность твоя, яко забыша словеса твоя врази мои.
Предварихъ въ безгодіи и воззвахъ, на словеса твоя уповахъ.
19. Разботѣютъ красная пустыни.
Рцыте Господи: коль страшна дѣла твоя во множествѣ силы твоея солжутъ тебѣ врази твои.
21. Путесотворите возшедшему на запады.
Царь силъ возлюбленнаго, красотою дому раздѣлити корысти. Аще поспите посредѣ предѣлъ.
Внегда разиствитъ небесный цари на ней огнѣжатся въ Селмонѣ.
22. Вскую непщуете горы усыренныя, гора юже благоволи Богъ жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.
Колесница Божія тмами темъ, тысяща гобзующихъ.
Рече Господь: отъ Васаха обращу, обращу во глубинахъ морскихъ.
Запрети звѣремъ тростнымъ, сонмъ юнецъ въ юницахъ людскихъ, еже затворити искушенныя сребромъ.
23. Углѣбохъ въ тимѣніи глубины и нѣсть постоянія.
24. Да не потопитъ мя буря водная, ниже сведетъ о мнѣ ровенникъ устъ своихъ.
25. Угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и пазнокти.

Богородиченъ.

Ірмосъ.

Халдеи же опаляющее велѣніе Божіе, мучителя увѣща вопити...
31. Волитель милости извѣствованъ яко Богъ милостивъ.
33. Господоначальную Херувимъ и богоначальную безъ сравненія Серафимъ. Упакои гласа.
34. Аще языкомъ неизбѣжныхъ и стропотныхъ и крѣпкихъ сѣтей обяхомся.
44. Яко положенна я хребетъ во избытцѣхъ твоихъ, уготовиши лице ихъ.
47. И начинаемъ шестопсалміе со всякимъ молчаніемъ и...
Пострадахъ и сляхохся до конца.
49. Яко отъ тука и масти да исполнится душа моя.
Предадятся въ руки оружія, части лисовомъ будутъ.
54. Въ понедѣльникъ перваго тропчна...
а у прочихъ двою троичновъ глаголати.
62. Ікосъ.
64. Аще убо нѣсть недѣля по ирмосѣ.
Достойно есть, аще же недѣля, или полѵелей пѣть, покатавасіи эктенія.
И свѣтиленъ.
66. Ексапостилларія всея седмицы.
Крестобогородиченъ.
67. Троицу почитати святую, апостоли спасови.
Подобны.
Предсѣдателя Мурликійскаго Николая.
68. Хвалите Господа отъ земли—огнь, градъ, снѣгъ, голоть.
69. Да восхвалятъ имя его въ лйцѣ, въ тимпанѣ и псалтири да поютъ ему.
80. Тукъ свой затвориша, уста ихъ глаголаша гордыню.
84. Смятохся отъ гласа вражія и остуженія грѣшнича.
85. Не дастъ въ вѣкъ молвы праведнику. Ты же Боже низведеши я въ студенецъ истлѣнія.
86. Не убоишися отъ стрѣлы отъ срящя и бѣса полуденнаго.
89. И аще убо Богъ Господь пѣтъ есть, изобразительная глаголемъ здѣ.
92. Боже — и не предложиша тебе предъ собою.
95. Начало изобразительныхъ.
97. Заступи отъ житейскихъ страстей — прилога.
99. Кондакъ.
аще же есть храмъ Господскій, глаголи первѣе храма.
Яко шипокъ священнѣйшій отъ земли обрѣтеся.
Тезоименитому твоему новому жительству.
103. Тебѣ молюся и тебѣ милсядѣю.
110. За упованіе отложенное намъ.
111. Сотворивъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи намъ понести.
119. Во исповѣданіе и велелѣпоту облеклся еси.
Тамо птицы возгнѣздятся, еродіево жилище предводительствуетъ ими.
121. Стихословіе псалтыря.
122. Пожерты быша при камени судіи ихъ.

Услышатся глаголы мои яко возмогоша: яко толща земли просѣдеся на земли.

123. Стихиры.

Снѣди сладкія видѣніемъ смерть исходатаихъ и страненъ ея ради Божія славы и жизни явися.

124. Утоли пажить грѣховную.

125. Прокимены.

127. На стиховнѣ стихиры, поношеніе гобзующихъ.

131. Великій каноникъ.

135. Яко слышахъ гажденіе многихъ, живущихъ окрестъ.

Настоящіе тропари.

142. И кости моя яко сушило сосхошася.

Уподобися неясыти пустынней.

Бдѣхъ и быхъ яко птица особящаяся на здѣ.

143. Да напишется сіе въ родъ инъ, и людіе зиждеміи восхвалятъ Господа.

Не возведи мене въ преполовеніе дней моихъ, въ родѣ родовъ лѣта твоя.

147. Духъ твой благій наставитъ мя на землю праву.

149. Хвалите его въ тимпанѣ и лицѣ, хвалите въ кимвалѣхъ восклицанія.

158. Страстей мя смущаютъ прилози.

159. Богородице предвари и отъ бѣдъ избави насъ.

Страстей моихъ смущеніе кормчію рождшая Господа.

160. Самъ ся издавъ смерти.

Напастей рѣшащу молвы и налоги бѣсовъ отгоняющу.

170. Соблюди насъ отъ всякаго мечтанія и темныя сласти, кромѣ...

178. Радуйся божественная ручко манны.

Радуйся адамово воззваніе.

179. Да возведетъ человѣка, яко единъ силенъ, въ первое достояніе съ раствореніемъ.

180. Канонъ благодаренъ, его же краеграніе сицево:

Живый и независтный источниче.

Радуйся стамно, манну носящая.

183. О тебѣ роса укану.

Пристанище намъ буди влающимся.

185. Радуйся, еже како ни единаго же научившая.

Радуйся ниво, растящая гобзованіе щедротъ.

187. Радуйся тимѣнія изымающая дѣлъ.

190. Вѣтія многовѣщанныя яко рыбы безгласныя видимъ.

191. Радуйся, ты бо наказала еси окраденныя умомъ.

Радуйся тлителя смысловъ упражняющая.

201. Исхити мя изъ руки льстиваго веліара.

218. Студныхъ помышленій во мнѣ точитъ.

220. Облечеся псаломски изъ тебе Богомати въ краснѣйшее благолѣпіе.

221. И дряхлуеши посупленія исполненъ избавителю мой.

Ставиломъ дубравы и горы мѣриломъ разума поставивый.

228. И отъ опудными свѣтлостьми облиставаеми, и свѣтолитіи вѣчно сіяюще и свѣти бывающе вторіи.

Свѣта исполняеми и свѣщи сообращаеми, прилично показуеми.

Тропарь.
Канонъ.
Ирмосъ.
231. И веселіе бысть во спасеніи твоемъ безвещнымъ.
234. Въ купинѣ огнемъ Приснодѣвы Моисееви тайну явльшаго.
246. На стиховнѣ стихиры самогласны.
Воскресени Господи въ покой твой, ты и кивотъ святыни твоея.
249. Постиже рунѣ досадительныя дерзаю, усѣченіемъ судъ нанесъ.
Естествомъ подобна чистая исхожденіе разрѣши.
250. Испражненія преходящее земная, яко чудна дѣла твоя.
251. Сосудъ подобаше избранный пѣніемъ ти весь удивляемь.
Дѣвице исходенъ.
252. Безстудней ярости же и огню Божественное желаніе сопротивляяся, огнь убо орошаше, ярости же смѣяшеся Богодохновенною словесною преподобныхъ тривѣщанною цѣвницею противувѣщая мусикійскимъ органомъ посредѣ пламене препрославленный отцевъ и нашъ Боже благословенъ еси.
255. На хвалитехъ стихиры.
259. И еже по образу окаляхъ, Чистая, и по подобію.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ, что въ апрѣлѣ 1853 г. преосвященный Иннокентій «за отличное и достойное пастырское служеніе церкви, всегда украшающееся назидательными для паствы трудами и просвѣщенною заботливостію о благѣ преемственно ввѣряемыхъ епархій, и за новые опыты сей полезной духовной дѣятельности» высочайше сопричисленъ къ ордену св. Александра Невскаго.

VI.

«Много придется исторіи говорить и писать въ поясненіе нынѣшнихъ событій, кои, очевидно, и сложились бы, и разрѣшились бы не такъ, какъ идетъ дѣло, еслибы въ эту машину не втиснулось нѣсколько пружинъ, превращающихъ ея дѣйствіе». Такъ говорилъ Иннокентій въ одномъ изъ писемъ къ своему петербургскому другу въ концѣ 1854 г., и слова его оказались вѣрны.

Какое участіе принималъ въ этихъ событіяхъ преосвященный? Что дѣлалъ, какъ поступалъ онъ въ эту тяжкую годину не только для его епархіи, но и для всей Россіи? Къ сожалѣнію, на такіе и имъ подобные вопросы приходится отвѣчать далеко не удовлетворительно: о дѣятельности херсонскаго архипастыря въ крым-

скую войну имѣется очень мало свѣдѣній, и въ этомъ отношеніи желательно многаго. Но и изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя имѣются подъ руками, нельзя не видѣть, что Иннокентій доблестно исполнилъ долгъ и духовнаго архипастыря, и самоотверженнаго гражданина. Приведемъ нѣкоторые факты.

29-го марта 1854 г. прибылъ въ Одессу Бѣлгородскій уланскій полкъ. Священникъ этого полка не преминулъ явиться къ Иннокентію, который, спросивъ кое-о чемъ священника, на прощаньи, сказалъ: «къ намъ скоро, вѣроятно, пожалуютъ заморскіе гости.... На васъ, какъ на полковомъ священникѣ, лежитъ важная обязанность въ настоящее военное время; не преставайте внушать духовнымъ вашимъ дѣтямъ ихъ высокія обязанности по отношенію къ церкви, государю и отечеству. Въ минуты опасности воодушевляйте ихъ словомъ святой нашей религіи».

8-го апрѣля непріятельскій флотъ вошелъ въ одесскій рейдъ и сталъ въ боевомъ порядкѣ. «10-го апрѣля,—разсказываетъ одинъ очевидецъ,—въ 6 часовъ утра великой субботы, раздался первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, четвертый! и въ нѣсколько минутъ воздухъ огласился страшнымъ громомъ кровавой брани... Дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось за тучи пороховаго дыма... Три часа по полудни... Частые удары соборнаго колокола какъ-бы вторили неумолкаемому гулу учащенныхъ выстрѣловъ... Въ величественномъ одесскомъ соборѣ архипастырь совершалъ литургію... Богослуженіе приходило уже къ концу; вдругъ раздался страшный взрывъ [1]): крѣпкія соборныя стѣны поколебались, стекла задрожали, хвалебное пѣніе умолкло, и изумленный и устрашенный народъ повалился на церковный помостъ... моментъ былъ роковой: всѣмъ казалось, что громадный куполъ собора отъ сильнаго сотрясенія рушится... Одинъ архипастырь остался непоколебимымъ. Терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ пришелъ къ чувству самосознанія, онъ, исполненный мужества и крѣпкой вѣры, вышелъ изъ алтаря и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ началъ бесѣду... На колокольнѣ пробило 5 часовъ; но громъ пушекъ, взрывъ гранатъ и бомбъ все еще продолжались, и многія изъ нихъ ложились у самыхъ дверей церковныхъ. Наконецъ, служба

[1]) Пороховаго ящика на Щеголевской батареѣ. Н. В.

кончилась и народъ спѣшилъ подъ кровъ прострѣленныхъ домовъ своихъ».

14-го числа непріятельскій флотъ оставилъ одесскій рейдъ. Черезъ три дня тому же свидѣтелю бомбардированія Одессы привелось быть у Иннокентія, и онъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Архипастырь былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и, высказывая чувства, которыя испытывала его душа въ 10-й день апрѣля, между прочимъ, говорилъ: «Я нѣсколько часовъ сидѣлъ у окна своей комнаты и слѣдилъ за движеніемъ непріятельскихъ пароходовъ, хотя изъ-за любопытства я могъ поплатиться жизнію: вѣдь домъ мой во многихъ мѣстахъ раненъ... [1]). Впрочемъ, я былъ увѣренъ, что Господь сохранитъ меня. Вотъ эти всѣ заграничныя яблоки (при этомъ онъ указалъ на столъ, гдѣ пирамидально возвышались разныхъ калибровъ ядра, бомбы и гранаты) собраны въ моемъ дворѣ, а нѣкоторыя выпуты изъ стѣнъ дома... Эта бомба,—продолжалъ владыка,—(самая большая, служившая основаніемъ пирамиды) оригинальнымъ образомъ своего дѣйствія заслуживаетъ особеннаго вниманія, а именно: когда канонада значительно усилилась и дворъ мой начало засыпать бомбами и разными осколками, люди мои, движимые чувствомъ самосохраненія, вздумали схорониться въ это время въ подвалъ моего дома—мѣсто, дѣйствительно, безопасное, но второпяхъ, вѣроятно, не затворили плотно наружной двери,—и нужно же было случиться такъ, что едва только они успѣли расположиться въ подземномъ своемъ жилищѣ, какъ сильнымъ импетомъ бомбы, упавшей около самаго подвала, растворилась дверь и изумленному взору свободныхъ моихъ узниковъ предстала скачущая по каменнымъ ступенямъ эта самая бомба... Моментъ былъ ужасный! Мои люди, искавшіе безопасности въ подвалѣ, видятъ вдругъ грозную смерть лицомъ къ лицу... Что дѣлать? Къ счастію, они не потеряли присутствія духа: прошелъ моментъ и ни одного изъ нихъ не было въ подвалѣ. Ставши въ почтительномъ разстояніи отъ подвала, они съ замираніемъ сердца ждали неминуемаго взрыва. Но прошло нѣсколько минутъ, взрыва не было,—

---

[1]) Архіерейскій домъ въ Одессѣ стоитъ надъ утесистымъ обрывомъ и заднею стѣною обращенъ къ морю; разстояніе между домомъ и моремъ не болѣе полуверсты. Н. В.

мертвая тишина царствовала въ подвалѣ. Келейникъ не преминулъ сообщить мнѣ объ этой комической сценѣ, прибавивъ, что бомба и теперь въ подвалѣ. Я,—продолжалъ преосвященный, улыбаясь,—велѣлъ запереть подвалъ и не безпокоить незванной гостьи до завтра. Послѣ обѣдни я призвалъ одного монаха, служившаго прежде на флотѣ, и поручилъ ему разрядить бомбу и принести ее ко мнѣ. Вотъ теперь она у меня, и своимъ безмолвіемъ краснорѣчиво говоритъ о кровавомъ дѣлѣ (10-го апрѣля),—днѣ, въ который Господь Богъ благоволилъ излить на насъ обильныя свои щедроты сохраненіемъ богоспасаемаго нашего града» [1]).

Извѣстное дѣло при р. Альмѣ, кончившееся пораженіемъ русскаго войска, произвело страшный переполохъ между жителями всего Таврическаго полуострова, особенно—Симферополя. Въ этомъ городѣ татары ликовали, расхаживали въ праздничныхъ одеждахъ по улицамъ въ ожиданіи турко-англо-французовъ, какъ своихъ освободителей или избавителей. Напротивъ того, русскіе жители упали духомъ и впопыхахъ разбѣжались изъ города. Чрезъ нѣсколько дней, впрочемъ, они всѣ возвратились. Между тѣмъ, непріятельскій пароходъ привезъ въ Одессу раненыхъ въ сраженіи при Альмѣ.

«При видѣ этихъ несчастныхъ жертвъ растерзанныхъ,—говоритъ въ своихъ «Письмахъ» объ Иннокентіи спутникъ преосвященнаго по Севастополю во время осады,—при видѣ торжествующаго непріятеля, при самыхъ нелѣпыхъ толкахъ объ альминскомъ дѣлѣ, какого русскаго сердце не было растерзано на части, и въ особенности въ Одессѣ, гдѣ свѣжіе еще лавры не успѣли завянуть. При такихъ обстоятельствахъ, Иннокентій оставался въ Одессѣ столько, сколько нужно было для успокоенія паствы во дни испытанія, и немедленно полетѣлъ къ бѣдствующей паствѣ въ Тавриду, чтобъ вмѣстѣ раздѣлить опасность. Прибывши въ Симферополь, когда уже возвратились граждане, и тутъ онъ нашелъ одно только малодушіе. Появленіе архіерея въ провинціи безъ зова, безъ свиты, что уже рѣдкость въ нашемъ быту,

---

[1]) «Духовный Вѣстникъ» 1862 г., № 4. Н. В.

удивило, а болѣе обрадовало паству, жаждущую, болѣе чѣмъ когда либо, слова утѣшенія. Тутъ, въ соборномъ храмѣ, геній Иннокентія разразился потокомъ укоризны къ малодушію. Слышавшіе это слово правды говорили, что оно такъ было сильно, что всѣ присутствующіе въ храмѣ слушатели отъ стыда краснѣли и плакали».

Сказавъ затѣмъ, на другой день, и слово утѣшенія симферопольцамъ, преосвященный отправился далѣе, въ городъ, гдѣ разыгрывалась кровавая драма—въ Севастополь.

«Во время осады и бомбардировки Севастополя,—замѣчаетъ въ своихъ «Письмахъ» сопровождавшій по этому городу Иннокентія,—все его вниманіе было обращено на мѣсто дѣйствія. Живши въ Одессѣ и посѣщая неоднократно Крымъ, онъ слѣдилъ за всѣми движеніями, постоянно былъ обложенъ картами, собиралъ самыя подробныя свѣдѣнія. Знакомые его говорили, что въ это время онъ былъ похожъ болѣе на полководца, нежели на архіерея. Вотъ что̀ я самъ слышалъ въ Севастополѣ: еслибы архіерея Иннокентія назначили начальникомъ на такое-то мѣсто, то дѣло было бы хорошо».

Кстати замѣтимъ здѣсь, что преосвященный, при такомъ внимательномъ изученіи и наблюденіи обстоятельствъ обороны Севастополя, очень хорошо понималъ дѣло даже съ военной точки зрѣнія. Это доказываетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ вопросовъ, предложенныхъ Иннокентіемъ графу Д. Е. Остенъ-Сакену. Такъ, напримѣръ, онъ спрашиваетъ: «Въ продолженіе осени и зимы былъ ли одѣтъ нашъ солдатъ, и дошло ли до него множество тулуповъ и другихъ вещей, искупленныхъ въ имперіи?» — «Почему мы, съ нашими силами, у себя дома, гдѣ, какъ говорятъ, и стѣны помогаютъ, ведемъ войну оборонительную и не можемъ перейти въ наступленіе? феноменъ необыкновенный въ исторіи войнъ!» — «Отъ чего, главнымъ образомъ, зависѣлъ неуспѣхъ на Альмѣ, на Инкерманѣ и на Черной?» На послѣдній вопросъ послѣдовалъ отъ графа такой отвѣтъ: «Не дерзаю сказать ничего, на основаніи изреченія Спасителя: «не судите, да не судимы будете» [1]).

---

[1]) «Военный Сборникъ» 1861 г., т. XX, стр. 134—138. Примѣчательно, что Иннокентій удивлялся положенію, въ какомъ онъ, обозрѣвая епархію, а въ

По прибытіи въ Севастополь, преосвященный на горѣ Сѣвернаго укрѣпленія, откуда видна вся линія, огонь и непріятельскія батареи, траншеи и лагерь, подробно разспрашивалъ о всякомъ бастіонѣ; затѣмъ, изъявилъ желаніе пройти по нашимъ траншеямъ. Но отъ этого «неумѣстнаго самоотверженія» благоразумно удержали Иннокентія главнокомандующій князь Горчаковъ, графъ Сакенъ, генералъ Тетеревниковъ (хорошо знакомый съ преосвященнымъ) и др. «Каждый изъ знавшихъ Иннокентія,—говорится въ «Письмахъ» спутника преосвященнаго по Севастополю,—знаетъ, что онъ не боялся смерти и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить, или болѣе. Онъ пошелъ бы не одинъ по бастіонамъ. Въ это время собраніе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ привлекало все вниманіе непріятеля, и сыпались градомъ снаряды туда; а на бастіонахъ и въ траншеяхъ не только нельзя было сказать что нибудь командѣ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы отправляли и богослуженіе шопотомъ, чтобъ не слышно было непріятелю (когда онъ былъ въ 20-ти саженяхъ). И даже, до возможной степени, сокращали молитвословія, водосвятія и проч.... Какую бы пользу принесло присутствіе Иннокентія въ траншеяхъ? Какое бы дѣйствіе произвела рана его на тѣхъ, кои вѣрою жили, побѣждали и умирали?»

Съ Сѣверной стороны преосвященный на катерѣ отправился на Южную, тогда, какъ по рейду палили изъ мортирной батареи, поставленной на развалинахъ Херсонеса. «Мы были уже на серединѣ бухты,—разсказываетъ спутникъ Иннокентія,—какъ летитъ бомба изъ Херсонеса. Я пристально гляжу на архіерея: мнѣ хочется видѣть—какъ на него подѣйствуетъ, и, грѣшенъ, признаюсь, хотѣлъ, чтобъ бомба упала поближе; она упала у насъ за кормою, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было уловить перемѣну въ его лицѣ. Я сказалъ: навались; ребята на-

---

томъ числѣ и Крымъ, предъ непріятельскою высадкою, нашелъ тамъ нашу военную силу, тогда какъ во всѣхъ иностранныхъ городахъ писали уже объ экспедиціи противъ полуострова. «Мы спали тогда, какъ-бы среди глубокаго мира; войска было мало, и то разбросано». Н. В.

валились, и вотъ идетъ другая, и упала впереди насъ, дѣйствіе то же» [1]).

Иннокентій, во все время пребыванія въ «окровавленномъ и опаленномъ» Севастополѣ, служилъ обѣдни и молебствія, говорилъ проповѣди, достойныя своего имени, раздавалъ начальникамъ войскъ иконы, воодушевлялъ, ободрялъ, убѣждалъ всѣхъ защитниковъ Севастополя отстоять честь имени русскаго,—и все это, такъ сказать, въ глазахъ грознаго непріятеля, который непремѣнно желалъ «посмотрѣть этого русскаго архіерея».

Не смотря на всѣ, столь тревожныя и неблагопріятныя, обстоятельства послѣднихъ лѣтъ, преосвященный Иннокентій и тутъ изыскивалъ время для любимыхъ своихъ научныхъ занятій. Такъ, онъ приготовилъ и издалъ, въ двухъ томахъ, «Собраніе словъ и рѣчей по случаю нашествія непріятельскаго», «собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма; усердно хлопоталъ объ осуществленіи своей давней идеи и программы «Церковнаго архива», имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей церковной исторіи и собираясь издать его на собственный счетъ».

По поводу послѣдняго обстоятельства, Иннокентій, 18-го декабря 1855 г., писалъ своему петербургскому другу: «Когда-то я вамъ посылалъ, помнится, изъ Харькова, програму «Церковнаго архива», предполагаемаго къ изданію въ свѣтъ. Если она цѣла у васъ, и если не трудно ее отыскать, то я просилъ бы васъ приказать выслать ее ко мнѣ».

Тутъ же преосвященный приписалъ: «Чтобы намъ сдѣлать хоть малое—напечатать особенною книжкою тѣ статьи изъ «Трудовъ Археографической Коммисіи», кои принадлежатъ къ церковной исторіи. Это было бы немалое одолженіе для занимающихся сею наукою—для всѣхъ академій и семинарій».

«Меня одолѣли археологическіе помыслы,—писалъ херсон-

---

[1]) «Вѣнокъ на могилу высокопреосв. Иннокентія», изд. М. Погодинымъ. Москва, 1867 г., стр. 129 и слѣд. «Отрывки изъ писемъ о высокопреосв. Иннокентіи». Н. В.

скій владыка, отъ 13-го декабря 1856 г., къ автору «Біографической записки» объ Иннокентіи;—не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ; только позволь и не притвори дверь»... «Я хлопочу теперь,—писалъ онъ уже въ 1857 г. (отъ 13-го апрѣля), незадолго до своей кончины,—узнать и провѣдать—нѣтъ ли чего для нашей церковной исторіи въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ: вѣдь, по теоріи, тамъ многое должно быть, особенно касательно крымской іерархіи»... И, упомянувъ, затѣмъ, о примѣчательныхъ древнихъ обителяхъ по Анатоліи, присовокупилъ: «мы тамъ уже нашли кое-что для исторіи Крыма».

За подвиги—награда; такъ было и съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Въ 1854 г., «въ ознаменованіе особаго монаршаго благоволенія къ доблестному служенію его церкви и отечеству, оказанному во время бомбардированія непріятелемъ города Одессы», всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ. 10-го декабря того же года, «за пастырскую заботливость его о раненыхъ воинахъ, проливавшихъ кровь за вѣру, царя и отечество въ Крыму», изъявлена ему признательность святѣйшаго синода. Въ томъ же году преосвященный Иннокентій пожалованъ отъ греческаго короля орденомъ Спасителя 1-й степени [1]. Въ 1855 г., «за особенно пастырское участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія», онъ получилъ благодарственный рескриптъ отъ ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны. 15-го іюля того же года изъявлена ему высочайшая благодарность «за посѣщеніе Севастополя и богослуженіе въ немъ во время бомбардированія его непріятелемъ». Наконецъ, 26-го августа 1856 г., въ день коронаціи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Иннокентій «за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ

---

[1] Эта награда послѣдовала Иннокентію за его проповѣди, переведенныя на французскій языкъ (Стурдзою) и на греческій, а также за сочувствіе восточнымъ христіанамъ. Н. В.

минувшіе два года увѣнчанное достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани», возведенъ въ званіе члена святѣйшаго синода [1]). Ему дана была серебряная медаль на георгіевской лентѣ, вмѣстѣ съ бронзовымъ крестомъ на владимірской, для ношенія на груди.

VII.

«Среди разнообразныхъ, непрерывныхъ трудовъ, среди новыхъ предпріятій и новыхъ заботъ для блага церкви и отечества, текла эта славная, многотрудная жизнь и, уже давно подточенная, тихо приближалась къ своему концу. Съ наступленіемъ 1857-го года, преосвященный чувствовалъ себя все хуже и хуже». Самъ преосвященный, еще слишкомъ за три года до своей смерти, въ одномъ изъ писемъ къ петербургскому другу, съ горечью выразился: «видно, приходятъ уже лѣта, о коихъ надобно будетъ говорить вмѣстѣ съ Экклезіастомъ: «въ нихъ же нѣсть ми хотѣнія».

Епархіальныя дѣла Крыма и въ этомъ (1857) послѣднемъ году жизни преосвященнаго Иннокентія неудержимо влекли его къ себѣ. Недавно опустошенный войною край, раззоренные монастыри и церкви, неустроенныя кладбища падшихъ во время войны защитниковъ Севастополя—все требовало личнаго усмотрѣнія и распоряженія преосвященнаго.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, «онъ предполагалъ,—говоритъ протоіерей Логановскій,—заняться внимательно поправленіемъ своего здоровья, потомъ съѣздить на Дунай, въ новоустрояемый скитъ Ѳерапонтіевскій, и лично распорядиться тамъ во всемъ; затѣмъ—посѣтить другія мѣста епархіи, особенно церкви въ военныхъ поселеніяхъ; и такимъ образомъ, по окончаніи главныхъ епархіальныхъ дѣлъ, свободно отправиться слѣ-

[1]) Когда нѣкто поздравилъ преосвященнаго съ такимъ высокимъ назначеніемъ, то онъ отвѣчалъ: «за титулами мы не гонимся и немного думаемъ о нихъ; но правами члена синода не упустимъ воспользоваться для нуждъ нашей епархіи». Н. В.

дующимъ лѣтомъ въ давно желанный путь—на Востокъ»... Но предположеніямъ Иннокентія не суждено было осуществиться.

17-го апрѣля, вечеромъ, преосвященный отправился изъ Одессы въ дорогу. Проѣхавъ города Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Перекопъ, прибылъ 21-го числа въ Евпаторію, гдѣ служилъ литургію и произнесъ проповѣдь. Черезъ день преосвященный пріѣхалъ въ Симферополь. Здѣсь служилъ обѣдню и съ особеннымъ воодушевленіемъ сказалъ проповѣдь о загробной жизни. «Въ Симферополѣ,—говоритъ Логановскій, — владыка имѣлъ постоянныя совѣщанія съ начальниками края о благоустройствѣ вообще всей Тавриды, и въ особенности церквей и монастырей, о средствахъ къ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи христіанской церкви учрежденіемъ въ Крыму каѳедры православнаго епископа, объ обезпеченіи таврическаго духовенства домами и землями и объ ослабленіи иновѣрныхъ обществъ тамъ, гдѣ таковыя усилились къ вреду православной церкви. Предложилъ устройство церкви въ военномъ симферопольскомъ госпиталѣ, съ указаніемъ на средства содержанія въ ней священника, и обѣщалъ ходатайствовать о семъ у военнаго министра. Поручилъ мнѣ заготовить окончательную отписку объ отволѣ земель нѣкоторымъ скитамъ» и проч.

Изъ Симферополя преосвященный прибылъ въ Бурмокъ, мѣсто альмійской битвы. Здѣсь онъ «шелъ тихо, по мѣстамъ останавливаясь, внимательно осматривалъ поле битвы, съ подробностью разспрашивалъ очевидцевъ о дѣлѣ, слушалъ чтеніе реляціи о семъ кн. Меншикова». У моста, гдѣ была самая сильная схватка сражавшихся, на площадкѣ, велѣлъ поставить часовню въ видѣ пирамиды, для ежегоднаго поминанія убитыхъ въ день сраженія.

27—30-го апрѣля болѣзнь очень усилилась; стали происходить частые и продолжительные обмороки.

5-го мая преосвященный былъ очень слабъ. Въ этотъ день ему, между прочимъ, читали статью о Богданѣ Хмѣльницкомъ, при чемъ онъ замѣтилъ:

— «Малороссы—кто не билъ, не мучилъ ихъ? И продавались-то они, и были продаваемы: все позволяли дѣлать надъ собой... И этотъ Хмѣльницкій—когда взялся за дѣло? когда отняли у

него хуторишко и любовницу; да и послѣ того какъ дѣйствовалъ? вяло, нерѣшительно, Ботъ знаетъ какъ»...

Въ Балаклавскомъ монастырѣ Иннокентій, при сильной болѣзни, «непрерывно почти занимался дѣлами; по словамъ его приготовлены мною [1]: отношеніе къ военному министру—о жалованьѣ флотскимъ іеромонахамъ; къ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору—объ отводѣ въ Крыму свободныхъ участковъ земли для раззоренныхъ крымскихъ скитовъ; къ таврическому губернатору—о притѣсненіяхъ нѣкоторымъ обителямъ, дѣлаемыхъ сосѣдними владѣльцами, и представленіе св. синоду—о вспомоществованіи крайне обѣднѣвшему Балаклавскому монастырю. Посылалъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всѣхъ молиться о немъ; слушалъ чтеніе книгъ, назначалъ денежныя пособія скитамъ; принималъ посѣтителей; окончательно исправилъ акаѳистъ ко св. причащенію и проч.». Изъ Балаклавскаго монастыря преосвященный выѣхалъ обратно въ Одессу, говоря: «Ахъ, какъ бы скорѣе домой... пожалуй, и умрешь здѣсь».

Иннокентій проѣзжалъ через Симферополь и Перекопъ, гдѣ не переставалъ дѣлать разныя распоряженія; 9-го мая прибылъ въ корсунскій монастырь. Здѣсь преосвященный интересовался всѣмъ и, приказывая Логановскому доставить свѣдѣнія о нуждахъ монастыря, спросилъ его:

— «Что, каковъ монастырь? Видѣлъ церкви, келіи, сады: все цвѣтетъ, благоухаетъ. Не забудь, что я самъ садилъ эти деревья».

11-го числа преосвященный прибылъ въ Одессу. Здѣсь созванъ былъ консиліумъ, на который приглашенъ и знаменитый Н. И. Пироговъ. Болѣзнь найдена не совсѣмъ опасною. «Въ это время онъ (преосвященный) былъ въ самой свѣжей памяти и совершенно свѣтломъ умѣ, но постоянно въ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа; весьма мало говорилъ; рѣчь его была кратка и отрывиста; взоръ вопрошающій и умиленный; нерѣдко видали его молящимся, колѣнопреклоненнымъ..... Не разъ за нѣсколько дней до смерти проговаривалъ окружающимъ: «Такой болѣзни у меня не бывало; можетъ быть, я умру»; или: «все что-

[1]) Логановскимъ.

то плохо, кажется, я умру»... Занятій не оставлялъ: слушалъ чтеніе книгъ; читалъ очеркъ жизни митрополита Платона; пересматривалъ и исправлялъ, приготовленную еще до болѣзни, службу священномученникамъ херсонскимъ. Иногда, сидя за письменнымъ столомъ, на лоскутьяхъ бумаги слабою рукою писалъ и молитвы и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда, и вообще во все время болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяцъ, со всѣми былъ ласковъ, добръ, тихъ и ко всѣмъ внимателенъ необыкновенно».

Наканунѣ своей смерти, 25-го числа, преосвященный Иннокентій съ утра до 3-хъ часовъ по полудни пробылъ на своей дачѣ; осматривалъ садъ и хозяйство; читалъ корректуру печатаемаго сочиненія: «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». По возвратѣ въ городъ, принималъ графа Строганова и говорилъ съ нимъ около часу. Послѣ всенощной разговаривалъ, на балконѣ, съ викаріемъ. «Къ вечеру преосвященному стало хуже. Между прочимъ, онъ велѣлъ тогда выпустить изъ клѣтокъ всѣхъ птичекъ на волю». Преосвященный имѣлъ обыкновеніе подъ праздникъ Троицы спать на зеленой травѣ; такъ и теперь онъ приказалъ приготовить себѣ постель изъ свѣжаго сѣна, на полу въ гостиной.....

«Уже свѣтало; часъ былъ 5-й въ началѣ; праздникъ св. Троицы (26-го мая). Владыка привсталъ, набожно перекрестился нѣсколько разъ; прошелся тихо по комнатѣ, поддерживаемый келейниками; взглянувъ на свѣтъ начинающагося дня и бросая внимательный, тревожный взоръ на окружающіе предметы, сказалъ: «Господи, какой день!»

«Потомъ приказалъ положить себя на сѣно; перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе, и, наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза:

— «А, вотъ этакъ хорошо».

«Потомъ, сказалъ поспѣшно:

— «Скорѣе—поднимите меня!» и на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣнопреклоненный, незамѣтно скончался».

Послѣ настоящаго обзора документовъ и матеріаловъ объ Иннокентіи, находящихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», а равно разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ печатныхъ о немъ свѣдѣній, нельзя не придти къ заключенію, что знаменитый іерархъ нашей церкви, архипастырь херсонскій, имѣлъ свѣтлый, чарующій всѣхъ образъ. Но—одинъ Богъ безъ грѣха. Преосвященный Иннокентій, какъ и всѣ извѣстнѣйшіе историческіе дѣятели, имѣлъ, конечно, свои слабости, недостатки и пороки. Покамѣстъ, однако, мы объ этомъ ничего не знаемъ, и вотъ почему не наступила, по нашему мнѣнію, пора приступить къ оцѣнкѣ жизне-дѣятельности и трудовъ херсоно-таврическаго архипастыря, и вотъ почему сдѣланныя прежде въ этомъ отношеніи попытки мы находимъ если не пристрастными, то во всякомъ случаѣ не полными и односторонними.

Закончимъ прекрасными словами М. П. Погодина, сказанными имъ въ своемъ «Вѣнкѣ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія»:

«Но неужели Иннокентій не имѣлъ недостатковъ и пороковъ? Я терпѣть не могу безусловныхъ панегириковъ и не вѣрю въ земное совершенство, слѣдуя апостолу Павлу, сказавшему, что всякій человѣкъ есть ложь, и псалмопѣвцу Давиду, воскликнувшему: «аще ты, Господи, назриши,—кто постоитъ?» Иннокентій, какъ всѣ мы грѣшные люди, имѣлъ, вѣроятно, свои пороки и недостатки: я не говорю о нихъ потому только, что ихъ не знаю. Случайно, въ продолженіе двадцати-лѣтней дружеской съ нимъ связи, представлялся мнѣ онъ съ одной своей свѣтлой стороны и производилъ во мнѣ то впечатлѣніе, которое въ слабыхъ чертахъ передалъ я выше. Темная, отрицательная его сторона осталась для меня, такимъ образомъ, неизвѣстною. Пороки и недостатки Иннокентіевы могли относиться къ его званію, къ привычкѣ властвовать, къ заведенному порядку... Желательно, чтобъ всѣ они были скорѣе оглашены, тщательно изслѣдованы и безпристрастно обсуждены, да, читая ихъ, смиряемся мыслію, какъ слаба человѣческая природа, самая высшая,—да, читая ихъ, назидаемся, какъ осторожну и внимательну должно быть въ наблюденіи за собою, если и самые избранные, надѣленные Божьими

дарами, такъ легко увлекаются и такъ скоро падаютъ! Высокая душа Иннокентіева, вѣрно, сама будетъ рада такому обнаженію, чтобъ расчесться съ своими современниками и не получить отъ земли ничего лишняго, а расчетъ съ небомъ у всякаго особый, «его же никто исповѣсть» до страшнаго суда Божія.

«Друзьямъ Иннокентія, слѣдовательно, нечего опасаться за его славу, за его память, какъ бы ни были велики его проступки, если были,—у него много останется еще въ запасѣ достоинствъ, за которыя должно будетъ намъ поминать имя его съ благодарностію во вѣки вѣковъ» [1]).

Н. М. Востоковъ.

---

[1]) Редакція «Русской Старины», отличающаяся, какъ извѣстно, полнымъ безпристрастіемъ въ обсужденіи поступковъ историческихъ лицъ и событій, навѣрное, въ своемъ уважаемомъ изданіи предоставитъ открытыя страницы и для мнѣній не въ пользу знаменитаго іерарха; предоставитъ мѣсто для неизданныхъ рукописей и вообще матеріаловъ, относящихся къ лицу херсонскаго архипастыря—незабвенному и безсмертному Иннокентію. Н. В.

ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время.

1851 и 1877 гг.

Первая часть путевыхъ записокъ Ад. П. Ч—ва о Донѣ и Донцахъ ведена въ 1851 году и была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1852 года. Спустя 26 лѣтъ, въ 1877 году, Ад. П. Ч. совершилъ вторую поѣздку чрезъ Донскую землю и редакція «Русской Старины» получила въ свое распоряженіе все, что авторъ отмѣтилъ въ своихъ дорожныхъ запискахъ о донскихъ казакахъ въ двукратный проѣздъ свой по ихъ жилищамъ. Обѣ части этихъ записокъ составляютъ обстоятельную статью о славномъ въ нашей военной исторіи Донскомъ казачьемъ войскѣ, которое, въ теченіе послѣднихъ предъ симъ лѣтъ, получило по своимъ служебнымъ обязанностямъ и домашнему быту многія улучшенія, въ уровень со всѣми реформами, дарованными нынѣшнимъ царствованіемъ. По всему этому, редакція «Русской Старины» рѣшилась помѣстить на страницахъ своего изданія обѣ части записокъ Ад. П. Ч., составляющихъ, въ совокупности, полную картину прошедшаго и настоящаго быта донскихъ казаковъ, о которыхъ у насъ все еще довольно мало печатныхъ свѣдѣній. Вторая часть является—впервые, а первая—значительно исправлена авторомъ.

Ред.

1851 г.

I.

Восторженныя мечты мои объ исторической славѣ донцовъ.—Умилительное зрѣлище на берегу Дона, въ Казанской станицѣ.—Почтенный хозяинъ—ветеранъ.—Его любопытные разсказы.—Станичный сборъ.

14-го іюня, приближаясь къ Казанской станицѣ—къ первому на моемъ пути селенію донскихъ казаковъ, я собиралъ въ памяти всѣ перечитанныя мною историческія повѣствованія и всѣ разсказы отца моего объ этихъ трехвѣковыхъ сподвижникахъ русской рати [1]). Истори-

---

[1]) Отецъ мой былъ однимъ изъ воиновъ славнаго для Россіи 1812-го года и видѣлъ донцовъ въ пылу сѣчъ съ французами. Ад. Ч.

ческія повѣствованія говорятъ, «что родоначальниками нынѣшнихъ донцовъ были люди русскіе, стекшіеся въ концѣ XV вѣка, съ разныхъ мѣстъ, на берега Дона, искать добычь и мстить татарамъ за ихъ набѣги на наши украины; — что на службу русскаго царя въ первый разъ явились донцы при покореніи Астрахани и, вскорѣ за тѣмъ, одинъ изъ удальцовъ ихъ, Ермакъ, повергнулъ къ стопамъ Грознаго царство Сибирское; — что въ тѣ времена донцы вели безпрерывную обоюдную войну съ сосѣдними народами (татарами, калмыками, черкесами, крымцами, азовцами); — что они, на «утлыхъ» челнахъ своихъ, переплывали даже чрезъ Черное море и громили берега Анатоліи, а съ эпохи царствованія дома Романовыхъ постоянно являются въ ряды русскихъ войскъ и съ Полтавской битвы мужественно участвуютъ во всѣхъ, веденныхъ Россіею, войнахъ». — Слышанные же мною, въ дѣтствѣ, разсказы отца о боевыхъ подвигахъ донцовъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія переносили меня въ какой-то сказочный міръ и создали убѣжденіе, что для донца не существуетъ препятствій ни въ числѣ непріятеля, ни въ преградахъ природы и самыхъ стихій.

Съ нетерпѣніемъ подъѣзжалъ я къ первой казачьей станицѣ, Казанской. Какъ будто нарочито, чтобы живѣе возобновить въ памяти моей всѣ повѣствованія о донцахъ, на самомъ берегу ихъ знаменитой рѣки стояло нѣсколько сотъ казаковъ, въ вооруженіи и съ лошадьми. Это былъ дивизіонъ атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, шедшій въ Петербургъ на очередную смѣну своихъ товарищей. Набожные воины, переправясь черезъ Донъ, черпали священную для нихъ воду, мочили ею свои головы, утирали лицо, глаза и, потомъ, поклонясь своей родной рѣкѣ и благоговѣйно помолясь послѣднему храму своей земли, стройными рядами оставили Казанскую станицу, напутствуемые благословеніями ея обитателей.

Въ умилительномъ раздумьи отъ всего видѣннаго стоялъ я на улицѣ Казанской станицы. Едва ступилъ я на донскую землю и она уже заставила любить себя, умиляться ея патріархальностью. Да сохранятся эти чистые нравы въ православномъ отечествѣ нашемъ!...

Казанская станица, имѣющая болѣе 8-ми тыс. жителей об. пола, находится на лѣвомъ берегу Дона, въ 280 верстахъ отъ главнаго и единственнаго въ Донскомъ войскѣ города, Новочеркасска. Отсюда, внизъ по теченію Дона, на его обоихъ берегахъ, тянутся станицы и хутора казачьи до самаго впаденія рѣки въ Азовское море; на этомъ-то пространствѣ заключается бо́льшая часть народонаселенія донской территоріи, а воды и берега исторической рѣки дарятъ каза-

камъ осетровъ, стерлядей, золотые колосья хлѣба, сочныя грозди винограда, арбузы, дыни и все, чѣмъ роскошествуетъ благословенный югъ Россіи.

Мнѣ захотѣлось тотчасъ-же сродниться съ Дономъ: я утолилъ жажду свѣтлою водою его, спросилъ стерлядь, и, за 50 коп., мнѣ наварили янтарной ухи и нажарили рыбы столько, что можно бы было накормить нѣсколько человѣкъ. Пригласивъ за столъ маститаго хозяина своего, я нашелъ въ немъ сподвижника героя Италіи и участника въ священной брани нашей съ несмѣтными полчищами Наполеона. Обрадовавшись такому знакомству, я старался разбудить память своего собесѣдника объ его прошломъ и, съ помощію доброй чары, успѣлъ въ томъ.

— «Началась служба моя еще при славномъ князѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ,—такъ говорилъ мой собесѣдникъ.—Пошелъ я въ Польшу и попалъ въ вѣстовые къ Андріяну Карповичу Денисову, а съ нимъ отправились мы въ Италію — воевать за австрійцевъ съ французомъ. Съ Италіи, по горамъ да по поднебесью, воротились мы на Донъ; но прошло не больше трехъ годковъ, какъ опять велѣно идти оборонять австрійцевъ отъ Бонапарта. Тутъ меня одна пуля больно задѣла: пролежалъ чуть не съ годъ въ лазаретѣ; думалъ «ничего, приду, Богъ дастъ, на Донъ—отдохну, вылечусь родною водицей», — анъ не тутъ-то было: надобно было пруссаковъ защищать отъ того же вражьяго навожденія, отъ французовъ. Угомонили и тутъ Бонапарта, а все еще не пришлось провѣдать Тихаго Дона Ивановича: велѣно идти подъ турку. Поколотили и турку, да тутъ уже пришлось и мнѣ горько: одинъ бритый махометъ, падая подъ моею пикой, выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета; убить не убилъ, а заставилъ опять слечь на лазаретную кровать. Лежу вотъ это на ней и слышу, что Бонапартъ больно осерчалъ на русскихъ—зачѣмъ-де они не давали ему забрать подъ его волю и австрійцевъ, и пруссаковъ; теперь-де всѣ ужъ народы покорились ему—и австрійцы и пруссаки; теперь-де одни только русскіе противятся ему и не хотятъ признать его волю. Сказалъ-де онъ такъ, да забралъ весь свѣтъ, да и повелъ его на нашу матушку-Россію.... Какъ услышалъ это я, такъ замерло у меня сердце; вскочилъ съ лазаретной кровати, да въ ноги доктору: «выпишите меня, ваше высокородіе, я здоровъ!» Спасибо—добрый человѣкъ былъ, докторъ-то, выпустилъ. И потянулся я въ путь, къ полку своему. Слышу: Бонапартъ ужъ къ Москвѣ идетъ, а за собою всю землю нашу, православную, пустыремъ оставляетъ; упивается кровью христіанскою; сожигаетъ города и села; оскверняетъ церкви Божіи и святыя иконы... А тамъ

добрый народъ съ плачемъ разсказываетъ ужасную вѣсть, что и Москва бѣлокаменная въ рукахъ вражьихъ... Добрался я до своего полка уже въ Тарутинѣ, да Богъ далъ прискакать прямо на радость: въ ту же ночь Орловъ-Денисовъ повелъ насъ на супостата. Сломилъ-таки его свѣтлѣйшій князь нашъ, Михайла Ларивоновичъ, да и погналъ... Бѣжитъ французъ безъ оглядки, вездѣ колотятъ его наши... Сподобилъ и меня Господь быть участникомъ въ изгнаніи враговъ изъ матушки-Россіи... Да еще какъ радостно мнѣ было: со мною былъ и старикъ-отецъ мой, со мною былъ и сынишко мой; всѣ прискакали съ Дона въ Тарутино... Да такъ-то, всѣмъ вмѣстѣ, пришлось и намъ побывать въ гостяхъ у французовъ, въ самомъ ихъ Парижѣ... Воротился я на Донъ уже черезъ одиннадцать лѣтъ. Просидѣлъ дома, да провалялся отъ ранъ лѣтъ съ пять, а тамъ досталась очередь побывать и на кавказской линіи; довелось пострѣлять и черкесовъ съ нашимъ храбрымъ атаманомъ, Власовымъ. Подошла было и отставка, да какъ услышалъ, что наши идутъ въ Персію, не выдержалъ: побывалъ и въ Персіи, да разомъ ужъ побывалъ и въ Турціи—за-одно ужъ было! И вотъ, съ тѣхъ поръ, 21-й годъ сижу дома, отдыхаю подъ родительскою кровлею... Оно, конечно, старенекъ ужъ сталъ я, ваше благородіе; далеко ужъ за 70; да и подарки непріятельскіе даютъ себя чувствовать; а всетаки думаю: коли бы какой шальной врагъ вздумалъ опять пойти на нашу матушку-Русь православную, пригожусь и теперь на что нибудь. Вѣдь придется скоро умирать на печи, такъ куда же лучше сложить старую голову свою за отечество, да заслужить у Господа прощеніе грѣхамъ своимъ!»...

Разсказъ заслуженнаго ветерана казался мнѣ волшебною сказкою Шехеразады: чѣмъ же иначе назвать эти гигантскіе шаги по высямъ и пропастямъ Альповъ, эти изумительные наѣзды летучихъ казачьихъ отрядовъ въ центрѣ и въ тылу Наполеоновскихъ армій, изъ которыхъ, какъ вихремъ, выхватывались знамена, пушки, цѣлые парки артиллерійскіе! Въ устахъ простаго воина, очевидца и участника всѣхъ этихъ чудесъ, повѣствованіе о нихъ еще занимательнѣе, и въ глазахъ моихъ ярко разцвѣчивалась великолѣпная картина воинскихъ подвиговъ русскаго оружія.

Почтенный хозяинъ мой познакомилъ меня и со многими обычаями своей родины. Изъ его разсказовъ оказывается, что и въ настоящее время нравы донцовъ мало измѣнились въ сравненіи съ старинными нравами и что нынѣшніе казаки такъ же любятъ свой Донъ, какъ любили предки ихъ, назвавшіе его «Тихимъ Дономъ», «Дономъ Ивановичемъ» и «Кормильцемъ». Названіе—Тихій дано Дону древ-

ними казаками потому, что на берегахъ его они отдыхали отъ бранныхъ тревогъ и только здѣсь находили тишину и покой отъ опасностей и трудовъ молодеческихъ подвиговъ своихъ; Ивановичемъ наименовали его отъ истока Дона изъ Ивановскаго озера, а кормильцемъ—изъ благодарности, что при водахъ его находили себѣ всякія средства къ безнужной жизни. Любовь къ родинѣ у донцовъ—чувство священное и къ сохраненію этого чувства весьма способствуетъ образъ самой службы ихъ, потому что они разлучаются съ семействами не надолго, выходя съ своими полками въ походъ только на три года; по возвращеніи же со службы въ дома свои, пребываетъ въ нихъ, до новой очереди служебной, по три и по четыре года. Такимъ образомъ, донцы не перестаютъ возобновлять въ сердцахъ своихъ привязанность къ домашнему быту и къ завѣтамъ предковъ.

Отъ него же, старичка-хозяина, узналъ я одну высокую черту изъ обычаевъ донцовъ — черту, достойную того, чтобы она на вѣки сохранилась среди этихъ славныхъ воиновъ: выходя изъ домовъ своихъ въ походъ, казаки прощаются со всѣми сосѣдями въ станицѣ, просятъ ихъ о покровительствѣ остающимся семьямъ своимъ, и потомъ, слѣдуя правилу отцовъ, отправляются въ станичную церковь, куда за ними несутъ жены и, дѣти всѣ бранные доспѣхи ихъ и ведутъ на церковную площадь готовыхъ къ походу коней. У святаго храма встрѣчаетъ ихъ священникъ, въ полномъ облаченіи; совершаетъ напутное молебствіе и окропляетъ святою водою воина, доспѣхи и даже коня его. Изъ церкви всѣ казаки, въ предшествіи священника, идутъ на станичное кладбище. Здѣсь творится общая панихида по усопшимъ и, каждый казакъ, припавши къ родной могилѣ, испрашиваетъ благословеніе своихъ родителей; беретъ горсть земли, покрывающей прахъ ихъ, цѣлуетъ эту священную персть родины, съ благоговѣніемъ надѣваетъ себѣ на шею, и родная земля, на груди воина, сопутствуетъ ему во всѣхъ его походахъ и битвахъ со врагами, а умретъ казакъ на чужбинѣ — родная земля прикроетъ прахъ его... Можетъ быть, этотъ прекрасный обычай донцовъ есть подражаніе набожному обыкновенію среднихъ вѣковъ, когда возвращавшіеся изъ Палестины рыцари заботились привезти съ собою горсть святой земли для своей могилы!... Вообще, всѣ разсказы моего хозяина дышали любовью къ родинѣ и были чрезвычайно занимательны.

Узнавши, что на завтра назначенъ «сборъ» станичныхъ жителей, я заинтересовался увидѣть этотъ примѣръ народнаго самоуправленія, ибо дарованнымъ донцамъ въ 1835 году закономъ сохранены и навсегда увѣковѣчены всѣ древніе обычаи казаковъ, и каждому станичному обществу предоставлено право рѣшать внутреннія дѣла

своей станицы и избирать себѣ, на три года, станичныхъ правителей, называемыхъ «станичными атаманами» и «станичными судьями». Пришедши, въ 9-мъ часу утра, къ станичной избѣ, я увидѣлъ тамъ болѣе ста человѣкъ уже заслуженныхъ казаковъ. Рѣчь шла о безобидномъ раздѣлѣ всѣмъ и каждому изъ жителей станицы общественныхъ сѣнокосныхъ «паевъ». Атаманъ и судьи предварительно составили имянные посемейные списки и прочитывали ихъ обществу ясно и подробно. «Станичный сборъ» единогласно утвердилъ эти списки и, раздѣливъ «паи» на сотни и десятки, рѣшилъ «жеребомъ»: кому и въ какихъ именно мѣстахъ производить покосъ. Станичное общество заключило рѣшеніе свое обычнымъ возгласомъ: «съ Богомъ! въ добрый часъ!» и всѣ расходились со «сбора» довольные.

На этомъ «сборѣ» я замѣтилъ, что во время его исчезаютъ между членами станичнаго общества чины, что на нихъ рядовой казакъ и всякаго ранга офицеръ имѣютъ равный голосъ; однимъ словомъ, что на «сборахъ станичныхъ» какъ будто воскресаетъ существовавшее на Дону въ древнія времена общее равенство всего казачьяго общества.

II.

Путь отъ Казанской станицы чрезъ станицы Вешенскую, Мигулинскую, Еланскую, Устьхоперскую и Устьмедвѣдицкую.—Женскій монастырь и могила атамана Власова въ ст. Устьмедвѣдицкой.—Дальнѣйшій путь чрезъ станицы Распопинскую, Клецкую и Иловлинскую въ г. Царицынъ.—Сарепта.—Дубовскій посадъ.—Конножелѣзная дорога отъ Дубовскаго посада до ст. Качалинской.

Изъ Казанской станицы къ мѣсту предстоящаго мнѣ служенія (Кавказъ, укрѣпленіе Куринское) прямой путь, почтовый, чрезъ донскую казачью станицу Каменскую и потомъ чрезъ городъ Новочеркасскъ; но, желая повидаться съ выданною замужъ въ г. Царицынъ сестрою,—съ которою разстался еще въ дѣтствѣ, когда меня увезли въ петербургскій кадетскій корпусъ,—я рѣшился сдѣлать лишнихъ триста верстъ изъ любви къ сестрѣ и изъ желанія увидѣть побольше жилищъ донскихъ казаковъ, такъ какъ путь отъ Казанской станицы на Царицынъ и изъ Царицына на Новочеркасскъ идетъ по берегамъ Дона, чрезъ десятки лучшихъ казачьихъ станицъ.

Въ Казанской станицѣ я нанялъ тройку лошадей до станицы Вешенской. Зимою, всѣ переѣзды здѣсь очень дешевы, такъ какъ лошади у казаковъ стоятъ безъ дѣла, при домахъ; а теперь и найти ихъ трудно по случаю рабочей поры и потому, что весною на Дону совершаются всѣ ежегодные выходы на смѣну полковъ, прослужившихъ трехгодичное время.

Отъ станицы Казанской до станицы Вешенской 40 верстъ; туда ведутъ двѣ дороги, по правому и по лѣвому берегу р. Дона; меня повезли чрезъ нѣсколько казачьихъ хуторовъ и скоро я увидѣлъ станицу Мигулинскую, считающую въ своемъ «юртѣ» (такъ называется у казаковъ территорія станичнаго довольствія) до 11-ти тысячъ жителей. Мигулинъ есть одно изъ самыхъ древнихъ казачьихъ поселеній на Дону, и здѣсь нѣкогда существовала обитель, въ которую являлись донскіе воины съ теплыми молитвами къ Богу о дарованіи имъ побѣдъ надъ врагами. Теперь на землѣ донскихъ казаковъ существуютъ три монастыря: мужской, въ семи верстахъ отъ станицы Кременской, и женскіе—одинъ близь станицы Устьмедвѣдицкой, а другой—въ станицѣ Старочеркасской.

Изъ станицы Мигулинской, переѣхавъ на лѣвый берегъ Дона, я проскакалъ чрезъ три казачьихъ хутора и пріѣхалъ въ станицу Вешенскую въ 4 часа по полудни. Знакомый моему извощику казакъ взялся доставить меня до станицы Устьхоперской, но я принужденъ былъ просидѣть болѣе двухъ часовъ пока приведены лошади съ поля. Въ это время я обошелъ всю станицу, но не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго, всѣ жители были на покосѣ, станица совершенно пуста и дома заперты; а станица большая: въ ней и въ принадлежащихъ ей хуторахъ до 16-ти тысячъ жителей. Проѣхавъ также чрезъ пустыя улицы слѣдующей затѣмъ казачьей станицы, Еланской, я, въ 10-мъ часу вечера, прибылъ въ станицу Устьхоперскую. По невозможности достать лошадей, мнѣ пришлось здѣсь ночевать. Въ 8-мъ часу утра я былъ уже въ станицѣ Устьмедвѣдицкой, заключающей въ себѣ окружныя присутственныя мѣста и квартиру окружнаго генерала 3-го военнаго округа войска донскаго. По смыслу «войсковаго положенія» 1835 года, эта станица есть уѣздный городъ. Она имѣетъ болѣе 9-ти тысячъ жителей, расположена на возвышенномъ мѣстѣ праваго берега Дона и носитъ названіе Устьмедвѣдицкой потому, что недалеко отъ нея впадаетъ въ Донъ, на лѣвой его сторонѣ, р. Медвѣдица, также какъ близь Устьхоперской станицы течетъ въ Донъ р. Хоперъ.

Мигулинская, Вешенская, Устьхоперская и Устьмедвѣдицкая станицы существовали уже въ XVII столѣтіи и упоминаются въ путевой запискѣ боярина Шеина, плывшаго мимо ихъ, въ 1695 году, съ войсками, къ Азову.

Устьмедвѣдицкая станица въ настоящее время не имѣетъ никакихъ памятниковъ древности, но въ оградѣ станичнаго храма ея показывали мнѣ могилу донскаго атамана, генерала-отъ-кавалеріи Власова, который, при 80-ти-лѣтней старости, еще бодро подвизался на поприщѣ своего званія, и въ 1848 году, когда весь Донъ испытывалъ

тяжелую годину отъ холеры и неурожаевъ, являлся, какъ попечительный отецъ дѣтей, даже въ отдаленныхъ отъ г. Новочеркасска станицахъ и принесъ самъ себя на жертву этой любви къ подчиненнымъ своимъ: холера въ нѣсколько часовъ прекратила здѣсь жизнь доблестнаго мужа и онъ погребенъ за 400 верстъ отъ главнаго города донской земли. Колонна чернаго гранита, увѣнчанная крестомъ Господнимъ, указываетъ мѣсто покоя этого вождя Дона; но добрыя дѣла сами себѣ творятъ несокрушимые памятники: мнѣ говорили, что надъ могилою усопшаго атамана нерѣдко слышится панихидное пѣніе отъ благодарныхъ подчиненныхъ его.

Послѣдними предсмертными словами набожнаго старца-атамана была молитва: «Заутра услыши гласъ мой, Царю и Боже мой!» На эти слова предсмертной молитвы благочестиваго вождя, кто-то изъ казаковъ написалъ слѣдующіе надгробные стихи:

За утра услышитъ гласъ твой Господь,
Понеже молился Ему съ упованьемъ,
Понеже стремился къ нему и мечтаньемъ,
И чувствами сердца, и сердца желаньемъ!...

Воздастъ тебѣ Богъ, на небѣ, сторицей,
За добрую душу твою;
За то, что дѣлилъ ты съ убогимъ, съ вдовицей,
Послѣднюю лепту свою;

За то, что страдальцамъ ты былъ утѣшенье,
Ихъ вѣрный помощникъ, защитникъ, отецъ;
И, слѣдуя твердо стезею спасенья,
Стяжалъ ты нетлѣнный, небесный вѣнецъ!..

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Устьмедвѣдицкой станицы женскій монастырь Преображенія Господня. Я отправился въ святую обитель и съ благоговѣніемъ помолился въ ней. Какая тишина, какой мирный, истинно отшельническій бытъ! Только въ большіе праздники встрѣчаются здѣсь лица, не входящія въ семью монастырскую, потому, что обитель въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ; но благолѣпіе храмовъ показываетъ, что она не забывается добрыми христіанами; содержаніе же обители достаточно обезпечено ассигнованною на то суммою изъ войсковыхъ капиталовъ и отведеннымъ монастырю участкомъ изъ войсковыхъ земель, съ озерами, обильными рыбою. Переночевавъ въ станицѣ Устьмедвѣдицкой и нанявъ лошадей до станицы Клецкой, отстоящей отсюда въ 35-ти верстахъ, я, правою стороною Дона, проѣхалъ чрезъ станицу Распопинскую, имѣющую въ своемъ «юртѣ» болѣе шести тысячъ жителей. Въ Клецкой станицѣ съ трудомъ нашелъ пару лошадей, которыя къ вечеру доставили меня

на станцію почтоваго тракта, идущаго изъ Новохоперска въ Царицынѣ. 50-ти верстный путь отъ Клецкой станицы до почтоваго тракта идетъ сначала почти надъ берегомъ Дона, а потомъ по нѣсколькимъ казачьимъ хуторамъ, и хотя онъ знакомилъ меня съ самымъ обыденнымъ бытомъ казаковъ, но я не могъ не пожалѣть, узнавъ, послѣ уже, что въ нѣсколькихъ только верстахъ отъ моей дороги были станицы: Перекопская, Кременская, Новогригорьевская, Старогригорьевская и уединенный мужской монастырь, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ вся братія состоитъ изъ восьми или девяти человѣкъ и ведетъ жизнь вполнѣ подвижническую.

Въ 9 часовъ вечера я уѣхалъ съ почтовой Колодязной станціи и встрѣтилъ восходъ солнца за 60 верстъ отъ нея, уже на границѣ Саратовской губерніи, проскакавъ ночью чрезъ станицу Иловлинскую и чрезъ тѣ мѣста, по которымъ, въ послѣдней половинѣ XVI вѣка, устремлялись на Волгу разгульныя толпы донской вольницы, и потомъ, подъ начальствомъ Ермака, вѣнчались славою въ Искерѣ,—или, подъ командою атамана Андрея, переплывали Каспій, укрѣплялись въ ущеліяхъ Кавказа и на берегахъ Терека, создавая начало гребенскихъ и терскихъ казаковъ,—или, съ атаманомъ Нечаемъ, селились на Яикѣ и дѣлались родоначальниками яикскихъ—нынѣ уральскихъ казаковъ.

Пробывъ у сестры, въ Царицынѣ, нѣсколько дней, я имѣлъ время осмотрѣть тамошнія окрестности: былъ и въ Сарептѣ—этой цвѣтущей нѣмецкой колоніи, замѣчательной по своимъ прекраснымъ учрежденіямъ и по своему братству; былъ въ Дубовскомъ посадѣ и изумлялся торговой дѣятельности его, ибо сюда-то Волга несетъ на струяхъ своихъ массу богатствъ хребта Уральскаго, лѣсъ и произведенія губерній, прилегающихъ къ водамъ этой дивной рѣки нашей, а отсюда все это развозится далеко—по донскому краю, въ Ростовъ, Таганрогъ и по всему побережью Азовскаго и Чернаго морей. Однакожъ, соединяющая воды Волги и Дона конножелѣзная дорога, положенная между Дубовскимъ посадомъ и Качалинскою станицею донскихъ казаковъ, на пространствѣ 60-ти верстъ, едва-ли достаточно выполняетъ свое назначеніе, такъ какъ она начинается не у самаго берега Волги, а на горѣ, въ 600 саженяхъ отъ берега этой рѣки, и оканчивается также не у самыхъ водъ рѣки Дона, а тоже за 600 саженей отъ нихъ—что часто заставляетъ товарохозяевъ предпочитать отправку своихъ кладей прямо съ берега Волги до берега Дона, не по желѣзной дорогѣ, а на возахъ фурщиковъ, дабы избѣжать большаго неудобства отъ двойной перегрузки кладей: съ берега Волги—въ вагоны конножелѣзной дороги, а потомъ—съ этихъ вагоновъ до берега Дона.

III.

Выѣздъ изъ Царицына.—Переправа черезъ Донъ.—Пятіизбянская, Нижнечирская и прочія станицы, при-донскія.—Ихъ историческое значеніе.—Грушевскія каменноугольныя шахты.

. . . .

Пятіизбянская станица—одно изъ древнѣйшихъ селеній донскихъ казаковъ и замѣчательна какъ родина знаменитыхъ сыновъ Дона Денисовыхъ (Дениса-Батыря, родоначальника этой фамиліи, и двухъ храбрыхъ генераловъ—графа Ѳедора Петровича Денисова и войсковаго атамана Андріана Карповича Денисова [1]).

Вечеромъ пріѣхалъ я въ станицу Нижнечирскую. Эта станица, какъ и Устьмедвѣдицкая, есть уѣздный городъ донской земли. Въ ней заключаются окружныя присутственныя мѣста втораго донскаго округа и квартира окружнаго генерала. Жителей, здѣсь и въ подвѣдомственныхъ станицѣ хуторахъ, до 18-ти тысячъ обоего пола. Въ Нижнечирской станицѣ также находится уѣздное училище и окружной лазаретъ. Улицы ея правильны и просторны; замѣтно въ ней и торговое движеніе, которому способствуетъ Донъ, омывающій Нижнечирскую станицу и дающій ей особенную красоту. Здѣсь, въ первый разъ, увидѣлъ я виноградный садъ; онъ принадлежитъ генералу Лонгину Карповичу Денисову, но какъ хозяинъ давно уже умеръ, то ни садъ, ни обширный домъ его никѣмъ не поддерживаются и все вмѣстѣ составляетъ жалкую развалину.

Отъ Нижнечирской станицы проскакалъ я почтовымъ трактомъ 150 верстъ и, кромѣ промчавшагося иногда лихаго всадника, множества стоговъ сѣна, стадъ рогатаго скота и овецъ, да кое-гдѣ разбросанныхъ косяковъ лошадей, да казачьихъ хуторовъ и убогихъ станціонныхъ домиковъ, не встрѣчалъ на этомъ пути ничего. Всѣ придонскія станицы—Кабылянская, Есауловская, Потемкинская, Верхнекурмоярская, Нагавская, Нижнекурмоярская, Гугнинская, Терновская, Филиповская, Цымлянская, Кумшацкая, Романовская, Верхнекаргальская, Камышовская, Маріинская—остались влѣво отъ меня, на пространствѣ отъ 2-хъ до 40 верстъ отъ почтоваго тракта; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ станицъ велики по народонаселе-

[1]) Обширныя и важныя для исторіи Записки Андріана Карповича Денисова и портретъ его, то и другое весьма обязательно сообщенныя Ад. П. Чеботаревымъ, помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ X, стр. 1; т. XI, стр. 379; 601. изд. 1875 г., томъ XII, стр. 27, 237 и 457. Ред.

нію ихъ и извѣстны или по кровавымъ битвамъ, происходившимъ нѣкогда между казаками и вторгавшимися въ ихъ жилища татарами, калмыками и черкесами, или по другимъ историческимъ событіямъ. Такъ, напримѣръ, Потемкинская станица называлась прежде Зимовейскою, но какъ въ ней родился извѣстный самозванецъ Пугачевъ, то донцы, желая смыть всякое воспоминаніе объ этомъ злодѣѣ, сожгли домъ его и самую станицу перевели на другое мѣсто, давъ ей теперешнее названіе въ честь тогдашняго главнокомандующаго своего; Гугнинская—есть родина храбрыхъ донцовъ: партизана отечественной войны Ефремова и кавказскаго героя Бакланова; Цымлянская—замѣчательна своими виноградниками, о происхожденіи которыхъ существуетъ на Дону преданіе, что еще Петръ Великій, проѣзжая по Дону изъ Воронежа къ Азову, замѣтилъ способность донской почвы къ произращенію винограда, выписалъ изъ Франціи мастеровъ и виноградныя лозы, приказалъ насадить ихъ близъ Цымлянской станицы, и потомъ, послѣ посѣщенія парижскаго Дома Инвалидовъ, прислалъ ветеранамъ Людовика XIV нѣсколько бочекъ донскаго вина; Романовская—носитъ свое названіе въ честь Царствующаго Дома нашего и основана вскорѣ по избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, когда донцы, схвативъ посланныхъ Заруцкимъ и Мариною «прелестниковъ», засѣкли ихъ, а новому царю, избраннику народному, поклялись служить вѣрно «безо всякой кривды»; Кумшацкая и Верхнекаргальская—подверглись въ началѣ прошлаго столѣтія, въ отсутствіе казаковъ на царскую службу, неожиданному набѣгу и раззоренію отъ кубанцевъ, причемъ обѣ эти станицы были сожжены «до тла», а женщины и дѣти «забраны въ полонъ».

Переночевавъ на станціи Мышковой, находящейся невдалекѣ отъ станицы Маріинской, я, въ 10 часовъ утра, переправился черезъ рѣку Донецъ, а въ 3 часа по полудни пріѣхалъ на станцію Константиновскую, находящуюся въ 35-ти верстахъ отъ г. Новочеркасска, на большомъ московскомъ почтовомъ трактѣ. И на этомъ пути почтовая дорога уклонилась отъ при-донскихъ казачьихъ станицъ, оставивъ влѣво отъ себя Богоявленскую, Константиновскую, Бабскую, Золотовскую, Кочетовскую, Семикаракорскую, Раздорскую, Мелеховскую и Бесергеневскую; а между тѣмъ и тутъ есть замѣчательныя станицы, напримѣръ: въ Константиновской—окружныя присутственныя мѣста перваго донскаго округа; близъ Золотовской—открыты обильные пріиски каменнаго угля; Кочетовская и Раздорская—имѣютъ великолѣпные храмы Божіи, славятся своими виноградниками и вообще картиннымъ мѣстоположеніемъ; послѣдняя же еще болѣе замѣчательна

какъ одно изъ первыхъ, извѣстныхъ въ исторіи поселеній донцовъ, заключавшее въ себѣ всѣ начала казачества, съ первобытною волею его, знавшею одинъ только завѣтъ—«вражду невѣрнымъ басурманамъ», вражду непримиримую, неизмѣнную, какъ будто эта дружина храбрыхъ являлась сюда для единственной цѣли: мстить всѣмъ одноплеменникамъ татаръ за разгромы, нанесенные ими православному отечеству нашему. Нынѣшняя Раздорская станица поселена невдалекѣ отъ древнихъ «Раздоръ»: этотъ древній казачій городокъ былъ на островѣ, при сліяніи рр. Дона и Донца. Кстати замѣчу, что Кочетовская станица есть родина нѣсколькихъ донскихъ генераловъ Шамшевыхъ, а въ Раздорской—родился славный войсковой атаманъ Власовъ, и въ храмѣ этой станицы, на святыхъ иконахъ, блестятъ брилліанты, жалованные монархами этому воину.

Константиновская почтовая станція имѣетъ прекрасный станціонный домъ, построенный весьма удобно для отдохновенія проѣзжающихъ. Такіе же точно дома теперь на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ войска донскаго по всему московскому тракту, на пространствѣ 400 верстъ.

Не далеко отъ Константиновской почтовой станціи, на рѣчкѣ Грушевкѣ, находятся копи каменнаго угля. Проѣзжая по почтовой дорогѣ, я видѣлъ ихъ издали. На этихъ копяхъ работаютъ теперь около 60 шахтъ и добываютъ угля болѣе 3-хъ милліоновъ пудъ въ годъ. Бо́льшая часть этой годовой добычи идетъ въ Ростовъ, а оттуда на берега Чернаго моря; въ самыхъ же предѣлахъ донской земли сбывается не болѣе 800 тысячъ пуд. Такимъ образомъ, эти пріиски уже и теперь вносятъ въ край ежегодно до 200,000 рубл. сер. стороннихъ денегъ владѣльцамъ шахтъ и рабочимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грушевскія и другія по Дону залежи каменнаго угля примутъ не въ далекомъ будущемъ обширные размѣры, на правилахъ науки, и донской уголь замѣнитъ ужасную трату дровъ для паровыхъ заведеній нашего отечества—трату, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе угрожающую истребленіемъ нѣкогда дремучихъ лѣсовъ нашихъ.

IV.

Историческій взглядъ на возникновеніе Новочеркасска, какъ главнаго города донскихъ казаковъ.—Краткій обзоръ законоположеній о донскомъ войскѣ.—Нынѣшнее состояніе Новочеркасска и его достопримѣчательности. — Отъѣздъ изъ Новочеркасска.—Станица Аксайская.—Каменная дамба черезъ ежегодный 8-ми верстный разливъ Дона.—Послѣднія станицы донскихъ казаковъ на пути къ Кавказу.—Мысли при оставленіи донской территоріи.

Возвышенный мысъ, на которомъ поселенъ Новочеркасскъ, открылся моимъ взорамъ за 15 верстъ на пути отъ станціи Константиновской. Издали городъ этотъ представляетъ замѣчательно величественный видъ. Прежде, нежели въѣхать въ Новочеркасскъ, внесу сюда историческій взглядъ на его возникновеніе.

Въ первыя времена «вольнаго» казачества, донцы вели жизнь полудикую, кочевую: пищу ихъ составляли рыба и дичина; наслажденіе жизни состояло въ войнѣ и набѣгахъ на враговъ-сосѣдей. По правому берегу Дона, въ лѣсахъ и болотахъ, казаки скрывали свои городки, или, вѣрнѣе сказать, свои шалаши и землянки, обнесенныя плетнями изъ терновника и землянымъ валомъ. Они не заботились о красотѣ своихъ жилищъ, «дабы не игралъ на нихъ глазъ вражескій», и говорили: «пусть басурманы жгутъ городки наши—мы въ недѣлю выстроимъ новые; скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы возобновлять».

Въ тѣ времена главный станъ донцовъ былъ въ Раздорахъ, а въ 1570 году они основали Черкасскъ—тоже на правомъ берегу Дона, но ближе къ Азову, на которомъ сосредоточивалась вся тогдашняя воинская дѣятельность, всѣ интересы воинственной жизни донцовъ. Черкасскъ сначала былъ такимъ же, какъ и другіе на Дону казачьи городки—изъ шалашей и мазанокъ, обнесенныхъ валомъ и палисадникомъ; но мѣстное положеніе ограждало его отъ вражескихъ набѣговъ лучше, чѣмъ валъ и палисадникъ, ибо Черкасскъ основанъ былъ на островѣ, образуемомъ Дономъ и его рукавами, а какъ островъ этотъ имѣлъ вообще низкое мѣсто, то весною, отъ разлива Дона, онъ дѣлался неприступнымъ. Такая мѣстность главнаго города обширнаго края, была, однакожъ, хороша только въ свое время, когда за валомъ Черкасска сновали враждебные народы; но когда отечество наше побѣднымъ штыкомъ своимъ нарѣзало другія, отдаленныя отъ береговъ Дона грани, и когда потребность защищать Черкасскъ отъ непріятельскихъ вторженій уже миновалась, то правительство обратило вниманіе на нездоровость мѣстоположенія Черкасска: въ немъ, по слитіи весеннихъ водъ, во все лѣто оставались болота, которыя, заражая воздухъ, превращали Черкасскъ въ больницу. Поэтому, ата-

манъ Платовъ испросилъ разрѣшеніе—перенести Черкасскъ на другое мѣсто. Перенесенный городъ получилъ названіе Новочеркасска, а прежній, историческій Черкасскъ, видѣвшій среди себя Петра I, прекратившій по его манію разгулы своей «вольницы», начавшій, по волѣ великаго преобразователя Россіи, и самъ вести жизнь мирную и водворять такую жизнь по всѣмъ городкамъ казачьимъ,—началъ уже носить скромное имя Старочеркасской станицы.

Городъ Новочеркасскъ съ двухъ сторонъ обливается рѣками Тузловомъ и Аксаемъ. Обѣ онѣ весьма небольшія и мелкія, но вода ихъ, однакожъ, употребляется жителями. Съ сѣверной стороны ведетъ въ городъ каменная дамба, необходимая весною при разливѣ Тузлова. Дамба эта довольно возвышена отъ горизонта водъ и съ обѣихъ сторонъ своихъ усажена вербами. Переѣхавъ чрезъ Тузловъ по мосту, поднимаешься на гору и въѣзжаешь въ тріумфальныя ворота, сооруженныя графомъ Платовымъ для встрѣчи императора Александра I, въ 1817 году. На воротахъ еще не вполнѣ истреблена временемъ надпись:

Объемлемы восторгомъ радости сердца
Текутъ во срѣтенье монарха и отца!
Днесь Александръ ту-жъ милость намъ явилъ,
Которую Великій Петръ благоволилъ.

Отъ тріумфальныхъ воротъ снова подъемъ на гору, которая потомъ представляетъ обширную и ровную площадь. Первый предметъ въ самомъ началѣ этой площади—церковь св. Троицы, а влѣво отъ церкви войсковой арсеналъ. Отъ этой площади идутъ двѣ большія улицы: Ермаковскій проспектъ и Московская. По послѣдней улицѣ поѣхалъ я и остановился въ хорошей гостинницѣ, на проспектѣ Платовскомъ.

Въѣзжая въ Новочеркасскъ въ субботу вечеромъ, я во всѣхъ церквахъ города слышалъ колокольный звонъ и встрѣчалъ много народа, тянувшагося ко «всенощной» службѣ. Вообще казаки отличаются особенною набожностью и усердно чтятъ праздники. И я поспѣшилъ въ соборъ.

Еще графъ Платовъ задумалъ соорудить въ Новочеркасскѣ великолѣпный храмъ Вознесенія Господня, и началъ строить его; но, по тогдашней скудости въ войсковыхъ капиталахъ и по огромности потребныхъ на этотъ храмъ суммъ, работы остановились. Возведенныя до карнизовъ стѣны стояли болѣе двадцати лѣтъ безъ продолженія работъ, и потомъ, когда собралась достаточная сумма для окончанія храма, постройка снова началась; въ 1846 году храмъ близокъ уже былъ къ окончанію: онъ величественно возвышался, но

вдругъ рухнулъ и превратился въ страшную груду камня! Богу угодно было, чтобы ни одинъ изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ не былъ погребенъ подъ развалинами; разрушеніе произошло въ праздникъ и вечеромъ, когда рабочіе люди собрались ужинать въ довольно отдаленномъ зданіи. Паденіе храма приписываютъ непрочности первоначальныхъ работъ, чрезъ что стѣны не выдержали легшей на нихъ въ послѣдствіи тяжести, а можетъ быть здѣсь участвовало и вліяніе непогодъ на стоявшія десятилѣтія безъ тщательной покрышки стѣны. Теперь очищенъ весь мусоръ развалинъ, вынутъ даже фундаментъ и, 2-го ноября 1850 года, храмъ снова заложенъ самимъ Августѣйшимъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, во время посѣщенія имъ войска донскаго, на пути изъ Грузіи.

Временно, до возведенія этого соборнаго храма, сооруженъ въ 1849 году деревянный соборъ, и сюда-то пришелъ я ко всенощной. Церковь эта отличается чрезвычайнымъ благолѣпіемъ и самое зданіе ея весьма красиво. Стеченіе молящихся было многочисленное. Богослуженіе отправлялось каѳедральнымъ протоіереемъ, при весьма согласномъ пѣніи войсковыхъ пѣвчихъ.

Близь самаго собора возвышается архіерейскій домъ. Здѣшняя архіерейская каѳедра открыта въ 1829 году, до того же времени земля донскихъ казаковъ подлежала епархіи воронежской. Съ открытія донской епархіи, теперешній архіепископъ ея, Іоаннъ, есть третій архіерей (прежніе два назывались Аѳанасій и Игнатій).

Площадь соборная—одна изъ лучшихъ площадей г. Новочеркасска; она вся окружена большими каменными домами, въ числѣ которыхъ и домъ войсковаго дворянскаго собранія. У этой площади сходятся два проспекта, носящіе имена знаменитыхъ донцовъ—Ермака и Платова,—послѣдняго и прахъ покоится тутъ же, противъ алтаря строющагося соборнаго храма. И на Платовскомъ проспектѣ есть много богатыхъ домовъ, между которыми прекрасное зданіе войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Посреди города зеленѣетъ городской садъ, съ великолѣпною полуверстною аллеею. Садъ этотъ явился недавно, на томъ мѣстѣ, гдѣ была огромная площадь-пустырь. По праздникамъ въ саду играетъ оркестръ войсковой музыки и по всѣмъ аллеямъ толпятся пестрыя группы гуляющихъ. Возникновеніемъ своимъ и отличнымъ устройствомъ садъ этотъ обязанъ атаману Хомутову и, кромѣ удовольствія, приноситъ большую пользу жителямъ Новочеркасска, освѣжая раскаленный нестерпимымъ лѣтнимъ зноемъ воздухъ.

Въ Новочеркасскѣ шесть церквей. Внутренность ихъ исполнена благолѣпія и богатства. Жителей въ городѣ до 20-ти тысячъ обоего

пола. Гостиный дворъ имѣетъ все, что нужно для самыхъ изысканныхъ требованій. Два рынка наполнены всѣми произведеніями обильной природы Дона. Улицы города вымощены камнемъ и имѣютъ каменные же тротуары. Вообще, на взглядъ, Новочеркасскъ— одинъ изъ числа хорошихъ губернскихъ городовъ.

Горя нетерпѣніемъ увидѣть скорѣе такъ называемыя здѣсь «войсковыя регаліи», т. е. граматы, знамена и прочіе знаки царскихъ похвалъ донцамъ за ихъ вѣрную службу и воинскіе подвиги, я, на другой же день по пріѣздѣ въ Новочеркасскъ, отправился въ зданіе войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Надобно сказать, что донскіе казаки вообще чрезвычайно гордятся этими клейнодами своими; проѣзжая по Дону, я всюду замѣчалъ, что этою благородною гордостью проникнутъ и старъ и младъ, ибо, при всякомъ вопросѣ моемъ о мѣстныхъ рѣдкостяхъ, слышалъ одинъ отвѣтъ: «вотъ когда будете въ Новочеркасскѣ, то тамъ есть что посмотрѣть; тамъ всѣ богатства наши: тамъ-то увидите, какъ наши батюшки-цари были довольны службою своихъ донскихъ казаковъ!» А одинъ изъ героевъ венгерской войны, сѣдобородый урядникъ, георгіевскій кавалеръ, показалъ мнѣ даже хранящіяся у него за образами стихи, написанныя какимъ-то новочеркасскимъ поэтомъ, въ концѣ 1849 года, по случаю полученія войскомъ донскимъ высочайшей граматы и георгіевскаго знамени за подвиги донцовъ въ венгерскую войну. Стихи эти, по словамъ урядника-ветерана, положены были на музыку дирижеромъ войсковыхъ музыкантовъ, Шейеромъ, и пѣлись войсковыми пѣвчими. Я списалъ ихъ и помѣщаю здѣсь нѣсколько строфъ:

Дѣла ихъ слава оглашаетъ,
Побѣдный лавръ вѣнчаетъ ихъ;
Привѣтъ, почетъ ихъ ожидаетъ
На родинѣ, въ кругу своихъ...

* * *

И въ тѣхъ рядахъ, въ рядахъ героевъ,
Идутъ безстрашные донцы,
Являвшіесь средь жаркихъ боевъ
Какими были ихъ отцы.

* * *

Донцы идутъ, и Донъ пируетъ,
Съ восторгомъ ждетъ своихъ сыновъ,
Отъ царской милости ликуетъ
И за царя въ огонь готовъ.

* * *

Казакъ, казачка, старъ и младъ,
Предѣловъ радости не знаютъ
И, снесши въ кругъ регалій рядъ,
На знамя «новое» взираютъ.....

Пришедши въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, я объяснилъ первому встрѣтившемуся чиновнику о моемъ желаніи видѣть регаліи,—онъ видимо одушевился, охотно вызвался испросить на это дозволеніе и, получивъ его, самъ ввелъ меня въ главную залу. Я, въ полномъ словѣ, былъ пораженъ величественною перспективою залы: на первомъ планѣ ея—большой присутственный столъ, съ зерцаломъ, и предъ нимъ портретъ государя императора. Здѣсь происходятъ засѣданія войсковаго правленія, подъ предсѣдательствомъ войсковаго наказнаго атамана. Во глубинѣ этой же залы—арка и въ этой аркѣ великолѣпный портретъ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Государя Наслѣдника Цесаревича, окруженный множествомъ жалованныхъ войску донскому знаменъ. Августѣйшій вождь изображенъ на портретѣ верхомъ на лошади, въ полномъ парадномъ казачьемъ мундирѣ, съ гетманскимъ перначомъ въ рукѣ, несущимся предъ рядами войскъ и какъ бы указывающимъ имъ путь къ новымъ доблестямъ. Портретъ этотъ, исполненный прекрасною кистью Крюгера, истинно изященъ, а обстановка его священными клейнодами придаетъ ему какую-то особенную торжественность.

Съ благоговѣніемъ всматривался я въ богатыя граматы и знамена россійскихъ монарховъ, которыми они увѣковѣчивали изъ рода въ родъ свое царское спасибо за подвиги бранные, за вѣрную службу донцовъ. Храбро участвуя во всѣхъ войнахъ нашихъ съ врагами, за всѣ войны и удостоивались они царской признательности; но императоръ Николай Павловичъ осыпалъ войско донское своими милостями: онъ прислалъ въ даръ донцамъ саблю императора Александра I; онъ благоволилъ назначить вождемъ донскаго и всѣхъ другихъ казачьихъ войскъ своего первенца—надежду и радость Россіи; онъ даровалъ войску донскому «войсковое положеніе»; онъ пожаловалъ имъ знамена и похвальныя граматы свои за турецкую войну и за недавніе еще подвиги противу венгровъ...

Всѣ царскія граматы хранятся въ богатомъ серебряномъ ковчегѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, а сабля императора Александра I положена въ нарочито устроенный для нея, тоже серебряный, ковчегъ художнической отдѣлки.

Первая похвальная грамата донскимъ казакамъ за службу ихъ дана царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ 1570 году; а потомъ три—царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ; затѣмъ нѣсколько граматъ и одно знамя—отъ царя Михаила Ѳеодоровича; два знамени отъ царя Алексія Михаиловича; одно знамя—царя Ѳеодора Алексѣевича; императоръ Петръ Великій пожаловалъ войску донскому войсковую печать, насѣку, перначъ, бунчукъ, два знамени всему войску, тридцать шесть

знаменъ станичныхъ и четыре походныхъ бунчука; императрица Анна Іоанновна пожаловала два знамени; императрица Елисавета Петровна тоже два знамени; императрица Екатерина Великая—четыре знамени; императоръ Павелъ I—одно знамя; императоръ Александръ I—два знамени всему войску и одиннадцать георгіевскихъ знаменъ и штандартовъ полковыхъ; императоръ Николай I—два знамени всему войску и пятнадцать знаменъ полковыхъ.

Въ зданіи присутственныхъ мѣстъ помѣщаются всѣ правительственныя учрежденія войска донскаго: войсковое правленіе, войсковое и окружное дежурства, уголовный и гражданскій суды, приказъ общественнаго призрѣнія, коммисія народнаго продовольствія, контроль, врачебная управа, войсковое и окружное казначейства, судное и сыскное начальства, войсковой архивъ, типографія, и проч.

Въ войсковомъ дежурствѣ портретъ императора осѣненъ полковыми знаменами и у подножія его хранятся жалованныя донской артиллеріи, за подвиги ея въ турецкую войну, серебряныя трубы. Здѣсь также находятся портреты всѣхъ донскихъ войсковыхъ атамановъ, начиная отъ Данилы Ефремовича Ефремова — перваго атамана не по выбору народному, а по высочайшему назначенію, въ 1738 году, изъ старшинъ казачьихъ, съ возведеніемъ его въ чинъ генералъ-маіора и съ производствомъ потомъ въ тайные совѣтники. Этотъ Ефремовъ и преемникъ его власти, родной сынъ, Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, а также атаманъ Алексѣй Ивановичъ Иловайскій, изображены въ парчевыхъ кафтанахъ, съ широкими золотыми поясами, съ медалями на андреевской лентѣ и съ атаманскою булавою въ рукѣ. Слѣдующіе за ними атаманы уже въ генеральскихъ мундирахъ и съ многими знаками монаршихъ отличій.

Войсковая гимназія образована по образцу губернскихъ гимназій, но въ курсъ ея введены военныя науки, фехтованіе, гражданское дѣлопроизводство и, сверхъ того, при войсковой гимназіи открыто отдѣленіе восточныхъ языковъ, въ которомъ приготовляются необходимые для служащихъ на Кавказѣ донскихъ полковъ переводчики азіатскихъ языковъ. Есть въ Новочеркасскѣ госпиталь на 100 кроватей; есть богоугодныя заведенія, тюремный замокъ, сиропитательное заведеніе, дѣтскій пріютъ и войсковая аптека—очень богатая врачебными медикаментами.

Всѣ караулы въ городѣ занимаетъ находящійся здѣсь учебный Донской казачій полкъ, который учрежденъ въ 1838 году и всякій годъ выпускаетъ болѣе 10-ти офицеровъ и по 700 человѣкъ нижнихъ чиновъ, служащихъ образцомъ для всѣхъ донскихъ полковъ.

Рабочій полкъ состоитъ изъ 1,000 человѣкъ казаковъ, собственно

для работъ по устройству города и для различныхъ войсковыхъ потребностей.

Пробывши въ Новочеркасскѣ нѣсколько дней, я позаботился осмотрѣть въ немъ все примѣчательное и постарался познакомиться съ личностями, отъ которыхъ могъ получить болѣе точныя и подробныя историческія и статистическія свѣдѣнія о донскомъ краѣ. Записываю эти свѣдѣнія изъ словъ очень умнаго и образованнаго донца, занимающаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ войсковой администраціи войска донскаго.

«Преобразовывая бурную, наѣздническую жизнь казаковъ въ мирный бытъ поселянъ, правительство, для предоставленія имъ времени заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ, установило, чтобы двѣ трети годнаго носить оружіе населенія донцовъ находились постоянно въ домахъ, а на службу выходила только третья часть; но, въ военное время, все казачье населеніе обязано, по первому призыву, являться на защиту отечества. Исполняя двоякій бытъ воина и селянина, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, донской казакъ, по окончаніи этого срока, не наряжается уже въ походы за предѣлы донской земли, но въ теченіе еще пяти лѣтъ отправляетъ служебныя обязанности внутри своего края и затѣмъ увольняется въ отставку, обязываясь, однакожъ, и послѣ того явиться на службу, если бы правительство встрѣтило надобность призвать все населеніе къ оружію—что и было на Дону въ тяжелый для отечества 1812 годъ.

«Изданное въ 1835 году «положеніе для войска донскаго» сообразовано съ народными обычаями, нравами и преданіями; а въ военномъ министерствѣ находится особый представитель изъ донскихъ уроженцевъ, для изъясненія дѣйствительныхъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей [1]). Вообще всѣ казачьи войска удостоены, въ 1827 году, особымъ знакомъ монаршаго благоволенія къ нимъ—назначеніемъ въ званіе атамана Государя Наслѣдника Цесаревича; мѣстное же управленіе въ каждомъ казачьемъ войскѣ ввѣрено войсковому наказному атаману.

«Нынѣшнее народонаселеніе донской земли составляютъ два сословія — «казачье» и «крестьянъ» донскихъ помѣщиковъ. Первое состоитъ изъ 609 тысячъ человѣкъ обоего пола, второе изъ 305 тысячъ человѣкъ тоже обоего пола.

«Казаки» отъ 17-ти до 20-ти лѣтняго возраста несутъ станичныя повинности, называемыя «сидѣнками»; послѣ этихъ повинностей

[1]) Въ военномъ министерствѣ находятся подобные же представители отъ всѣхъ казачьихъ войскъ, такъ какъ все управленіе этими войсками—военное и гражданское—сосредоточено собственно въ военномъ министерствѣ.

Ад. Ч.

обязаны срочною службою въ донскихъ полкахъ, командируемыхъ по указаніямъ правительства. Вступая на срочную службу, въ полкъ, казакъ долженъ имѣть строевую лошадь, оружіе, мундирныя и аммуничныя вещи на свой счетъ. По выходѣ за границу донской земли, ему, кромѣ провіанта и фуража, отпускается изъ государственной казны жалованье и ремонтныя деньги на возобновленіе обмундированія и на покупку лошади, въ случаѣ потери ея во время службы.

«Крестьяне» несутъ общія повинности помѣщичьихъ крестьянъ всей имперіи, подвергаясь и рекрутскому набору въ регулярныя войска. Изъ владѣемыхъ войскомъ донскимъ земель (14 милл. дес.) надѣлены: «пожизненными» участками—генералы по 1,600 дес., штабъ-офицеры по 400 дес., оберъ-офицеры по 200 дес., урядники и рядовые казаки по 30 дес. на каждаго; «потомственными»—помѣщики донскіе на каждую душу крестьянъ ихъ по 15-ти десятинъ.

«Положеніе 1835 года» учредило для донцовъ двоякое управленіе—военное и гражданское. Въ военномъ—войско донское дѣлится на четыре округа, подъ вѣденіемъ войсковаго дежурства; въ гражданскомъ—оно дѣлится на семь округовъ (уѣздовъ), подвѣдомственныхъ войсковому правленію. Войсковое дежурство завѣдываетъ собственно военнымъ составомъ войска и распорядками по этому составу; а войсковое правленіе объемлетъ весь домашній бытъ казака въ экономическомъ, нравственномъ и образовательномъ отношеніяхъ. Военное и гражданское управленія донскимъ краемъ состоятъ подъ главнымъ начальствомъ войсковаго наказнаго атамана, облеченнаго властью: по военной части—командира отдѣльнаго корпуса, а по гражданской—генералъ-губернатора.

«Донскому войску предоставленъ собственный выборъ лицъ во всѣ войсковыя должности, какъ по военной, такъ и по гражданской части; кромѣ офицеровъ, избираемыхъ донскимъ дворянствомъ въ различныя дворянскія должности, и рядовые казаки выбираютъ сами своихъ станичныхъ атамановъ, судей и прочихъ должностныхъ станичныхъ лицъ, для суда и расправы, а также и для повѣрки станичныхъ общественныхъ суммъ.

«Въ донскомъ войскѣ, по штату, положено имѣть: л.-гв. казачій и атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полки; 64 полевыхъ (армейскихъ) полковъ; 1 учебный и 1 рабочій полки; 1 гвардейскую и 13 полевыхъ (армейскихъ) конно-артиллерійскихъ батарей. Но въ военное время нарядъ съ Дона полевыхъ полковъ не ограничивается штатнымъ числомъ ихъ, а дѣлается, по мѣрѣ надобности, сколько дозволяетъ современная численность казачьяго населенія, способнаго носить оружіе.

«Въ донскомъ войскѣ есть и до 20-ти тысячъ обоего пола калмыковъ (буддійскаго исповѣданія). Калмыки эти зачислены въ составъ донскихъ казаковъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія и отправляютъ нынѣ службу въ рядахъ донскихъ полковъ, а кочуютъ за р. Дономъ, на Манычскихъ степяхъ, и ведутъ значительное скотоводство. Среди ихъ показываются уже нѣкоторыя начала жизни осѣдлой, возникаетъ хлѣбопашество, появилось нѣсколько жилыхъ избъ, и находящееся въ мѣстѣ пребыванія калмыцкаго правленія казачье училище имѣетъ уже за учебными столами своими и дѣтей калмыцкихъ, слушающихъ уроки свои и на калмыцкомъ и на русскомъ языкахъ.

«Главные виды хозяйства и промышленности донскихъ казаковъ заключаются: въ хлѣбопашествѣ, рыболовствѣ, скотоводствѣ, винодѣліи, добываніи въ Манычскихъ озерахъ соли и въ разработкѣ каменнаго угля. Ежегодная продажа за предѣлы донской территоріи простирается: хлѣба на 900 тысячъ; рыбы на 200 тысячъ; лошадей, рогатаго скота и овецъ на 4 милліона; сала, кожъ и овечьей шерсти на 400 тыс.; вина на 700 тыс.; соли на 100 тыс. и каменнаго угля на 200 тысячъ руб. сер.

«Для занятій торговлею дозволено имѣть въ войскѣ донскомъ «общество торговыхъ казаковъ», члены котораго (500 чел.) вносятъ въ войсковой военный капиталъ, ежегодно, извѣстную плату за освобожденіе ихъ отъ служебныхъ обязанностей. Процвѣтаніе торговли въ донскомъ краѣ доказывается тѣмъ, что желающихъ записаться въ члены торговаго общества значительно болѣе положеннаго по штату числа ихъ, вслѣдствіе чего, говорятъ, донское начальство предполагаетъ ходатайствовать у правительства о разрѣшеніи увеличить число членовъ торговаго донскаго общества до тысячи человѣкъ.

«Войсковые капиталы войска донскаго, составляющіеся изъ различныхъ оброчныхъ статей края, представляютъ нынѣ, въ общемъ итогѣ, до 6-ти милліоновъ руб. сер., что составляетъ для этого края необходимый фондъ, ибо всѣ его потребности и нужды должны удовлетворяться изъ мѣстныхъ войсковыхъ, а не общихъ государственныхъ капиталовъ. Потребности же края велики: не говоря уже о томъ, что еслибы случились неурожаи или другія несчастія, донское войско обязано все таки выставить на службу указанное правительствомъ число полковъ, вполнѣ приготовленныхъ къ служебнымъ обязанностямъ, и если бы значительная часть людей этихъ полковъ не имѣла собственныхъ средствъ снарядиться въ походъ, то войсковое начальство должно прибѣгнуть къ снаряженію этихъ людей на войсковыя суммы; не говоря также и о другихъ военныхъ потребностяхъ края, нельзя не замѣтить, что въ этомъ краѣ нѣтъ еще хорошихъ

путей сообщенія, обусловливающихъ развитіе мѣстной торговли и промышленности; нѣтъ достаточнаго числа учебныхъ заведеній; нѣтъ въ станицахъ и хуторахъ хорошихъ огнегасительныхъ инструментовъ, и тому под., что необходимо всякому благоустроенному обществу».

Съ грустію выѣзжалъ я изъ Новочеркасска...

Чрезъ два—три часа, спускаясь съ горы по улицамъ станицы Аксайской, я любовался роскошною картиной рѣки Дона, выходящимъ изъ водъ этой рѣки Старочеркасскомъ и разбросанными по обширной, луговой сторонѣ Дона станицами...

Аксайская станица одна изъ лучшихъ станицъ земли донскаго войска. Находясь при самомъ Донѣ, на пути сообщеній съ кавказскимъ краемъ и въ десяти только верстахъ отъ торговыхъ городовъ Нахичевани и Ростова, она кипитъ дѣятельностію. Отъ станицы Аксайской до станицы Ольгинской, на пространствѣ $8^1/_2$ верстъ, оканчивается нынѣ постройкою каменная дамба, имѣющая цѣлью установить здѣсь съ кавказскимъ краемъ постоянное почтовое сообщеніе, которое, отъ разлива Дона, всякую весну бываетъ и медленно, и затруднительно, а въ бурную погоду и вовсе невозможное [1]).

Въ Аксайской станицѣ я еще разъ переправился черезъ Донъ, и простился съ историческою рѣкою... Проскакавши ночью чрезъ донскія станицы Ольгинскую, Кагальникскую, Мечетинскую и Егорлыкскую, я выѣхалъ изъ предѣловъ земли донскихъ казаковъ, проникнутый благоговѣніемъ къ ея прекраснымъ нравамъ и къ ея славному былому—когда на безбрежныхъ донскихъ степяхъ одинъ за другимъ являлись народы древности и кровавыми битвами покупали владычество надъ этими пустынями; когда берега Дона оглашались кликами побѣдъ Святослава надъ Печенѣгами, орошались кровью половцевъ въ сѣчахъ Мономаха, Ярополка, Мстислава; когда на равнинахъ Дона свирѣпствовали орды Чинхисхана, Батыя, Тамерлана... Все увлечено потокомъ времени—и грозныя царства, и дикіе народы ихъ, а на равнинахъ, на этихъ молчаливыхъ зрителяхъ кровавыхъ распрей народовъ, бороздитъ уже землю плугъ мирнаго обитателя и водворяется спокойствіе благоустроеннаго общества.

Спб. **Ад. П. Ч—въ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Дамба эта, сооруженная на суммы донскаго войска (стоила болѣе 900 тысячъ руб. сер.), была десять лѣтъ весьма полезна для безостановочныхъ сообщеній съ Кавказомъ, до полнаго его покоренія; но, въ настоящее время, Аксайская дамба, сослуживъ государству службу, ограничиваетъ свою дѣятельность только для сообщеній мѣстнаго населенія, такъ какъ теперь существуетъ уже отъ Ростова до Владикавказа желѣзная дорога. **Ад. Ч.**

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

I.

Во время подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху и раздѣленія России на отдѣльныя самостоятельныя княжества, церковное единство служило важнымъ политическимъ орудіемъ. «Такъ какъ свѣтской власти въ Россіи въ одномъ лицѣ сосредоточить было нельзя, то отцы собора установили одну духовную», читаемъ въ Синодальномъ дѣяніи константинопольскаго патріархата 1389 года. И константинопольскіе патріархи, противясь всѣми способами церковному раздѣленію Россіи, прямо заявили, что имъ удобнѣе влiять на ея дѣла «черезъ одного человѣка» [1]). Митрополиты-греки, въ свою очередь, стремились во чтобы то ни стало поддерживать этотъ порядокъ, такъ какъ съ нимъ соединялись не только извѣстныя политическія выгоды, но и значеніе ихъ собственной власти. И въ то время, когда уже совершалось такое опасное раздѣленіе (съ появленіемъ двухъ и даже трехъ митрополитовъ), митр. Фотій налагаетъ запрещеніе на своего противника и епископовъ, избравшихъ послѣдняго (въ литовской Руси), а въ своихъ окружныхъ посланіяхъ по Россіи прямо заявляетъ, что единственный источникъ вѣры есть константинопольская церковь, изливающая ее на Россію посредствомъ

[1]) Синод. дѣяніе 1389 года, Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, изд. Калачова, III, 1—20. Ср. также посланіе патріарха Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому противъ образованія новой митрополіи въ Россіи и о необходимости подчиняться власти одного митрополита — кіевскаго. Полн. собр. рус. лѣтописей, IX, 223—224. В. И.

одного митрополита, которому обязаны повиноваться всѣ князья, епископы, духовенство и народъ [1]). Но стремленія византійскихъ патріарховъ не ограничивались одними церковными интересами. Опираясь на свои духовныя права, они заявляютъ притязаніе на подчиненіе русскихъ [2]) князей авторитету императоровъ. Понятно, что съ паденіемъ этого вліянія и утвержденіемъ въ Россіи власти московскаго государя, единство церковной іерархіи становилось не менѣе важною опорою для послѣдняго. Въ то же время въ Москвѣ утверждается сознаніе о переходѣ на московскаго государя правъ византійской монархіи [3]), а признаніе царскаго титула за Иваномъ IV соборомъ восточнаго духовенства, поставленное въ тѣсную связь съ кровными отношеніями русскихъ князей къ византійскимъ императорамъ, являлось только необходимымъ, заключительнымъ актомъ давно сложившихся историческихъ преданій [4]). Иванъ IV хотѣлъ вѣнчаться такимъ же чиномъ, какимъ вѣнчались цесари римскіе отъ папы и патріарховъ. Передъ нимъ рисовались образы Августа, Константина Великаго и Ѳеодосія; онъ связывалъ свое царское происхожденіе съ римскою имперіею посредствомъ особенной генеалогіи (называя Рюрика потомкомъ Пруссa, брата императора Августа [5]). При немъ былъ сдѣланъ переводъ сочиненія Светонія о римскихъ цезаряхъ, онъ хотѣлъ имѣть переводъ римской исторіи Тита Ливія и кодекса Юстиніана [6]). Отношенія Ивана IV къ представителямъ духовной власти показываютъ, что и здѣсь онъ шелъ по слѣдамъ тѣхъ-же образцовъ. «Священство не должно вмѣ-

[1]) Акты историч., I, № 19 и 40. Полн. соб. рус. лѣтоп., IV, 116. Вѣрные византійскимъ указаніямъ, представители русской церкви стремились даже оградить духовную іерархію отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Такъ, напримѣръ, Кипріанъ (сербъ), непринятый сначала въ Москвѣ вел. княз. Димитріемъ Ивановичемъ, проводитъ мысль о независимости епископовъ отъ воли вел. князя, который не долженъ ни назначать, ни судить ихъ, и ставитъ ихъ въ непосредственную зависимость отъ собора и патріарха. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, февр. 331.

[2]) Acta patriarch. Constantinop., II, 182—192.

[3]) См. извѣстія, современныя Василію Ивановичу, «Правосл. Собесѣд.» 1861, май, и 1863, мартъ. Посланія старца Филоѳея.

[4]) Соборная грам. восточ. духов., утвержд. санъ царя за вел. кн. Ив. VI, 1561 г., изд. кн. М. А. Оболенскимъ, М. 1850 г.

[5]) Письма къ Курбскому; Вельтманъ, «Моск. Оруж. Палата», стр. 27—34.

[6]) Библіот. в. кн. Вас. Ив. и Ив. IV, Журн. Мин. Нар. Просв. 1834 г., іюнь.

В. И.

шиваться въ царскія дѣла,—говоритъ онъ;—дѣло монаховъ—молчаніе; иное правленіе царей и иное святителей». Библейскими примѣрами онъ доказываетъ своему противнику, что какъ только власть доставалась въ руки жреца или священника — царство приходило въ упадокъ. «Или ты хочешь того же, что случилось съ Греціей, подчинившейся игу турокъ?»—спрашиваетъ онъ Курбскаго и заключаетъ: «Нѣтъ царства, которое не раззорилось бы будучи въ обладаніи поповъ» [1]). Требованія новыхъ отношеній были намѣчены ясно. Но въ правленіе слабаго преемника Ивана IV духовная іерархія въ московскомъ государствѣ сдѣлала дальнѣйшій шагъ впередъ. Учрежденіе патріаршества должно было удовлетворить тѣ умы, которые видѣли въ Москвѣ преемницу Византіи (третій Римъ), утратившей уже прежнее значеніе духовнаго авторитета, какъ вслѣдствіе открытыхъ попытокъ къ уніи съ западною церковью, такъ и вслѣдствіе подчиненія византійской церкви игу невѣрныхъ. Между тѣмъ патріархъ «всея Руси» снова представлялся объединителемъ раздѣленной церкви и получалъ такимъ образомъ политическое значеніе, которымъ не преминули воспользоваться московскіе государи. Смутное время выдвинуло на первый планъ представителя духовной власти; но его значеніе еще болѣе возрасло въ глазахъ общества, когда санъ патріарха былъ предоставленъ отцу Михаила Ѳедоровича. Филаретъ носилъ титулъ «великаго государя» и назывался «соправителемъ». Онъ принималъ постоянное участіе во внутреннемъ управленіи и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Онъ присутствовалъ на аудіенціяхъ иностранныхъ пословъ; его придворный штатъ, по своему блеску, не уступалъ царскому; онъ владѣлъ несудимою граматою, по которой всѣ лица, принадлежавшія къ патріаршей области, были освобождены отъ казенныхъ повинностей, а въ судебномъ отношеніи (кромѣ уголовныхъ преступленій) и въ дѣлахъ управленія подчинены суду и власти патріарха. Съ этою цѣлью при патр. Филаретѣ было учреждено нѣсколько патріаршихъ приказовъ [2]). Такимъ образомъ дѣятельность патріарха по-

---

[1]) Первый отвѣтъ Курбскому, 163—171—176.

[2]) Патріархъ Филаретъ, въ Чтен. Моск. Общ. исторіи и древностей, 1847, III книга, 33—34. Несудим. грамата въ Собр. Госуд. граматъ, III, № 71. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, Н. Каптерева, 1874 г., стр. 188—232.

В. И.

лучила вполнѣ независимый характеръ. Современники о немъ говорятъ, что онъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ; при немъ никого не было сильныхъ, кромѣ самихъ государей. И хотя онъ былъ милостивъ къ духовному сану, многихъ отъ насилія освободилъ, жаловалъ и защищалъ тѣхъ, кто вѣрно служилъ государю въ безгосударное время и былъ обиженъ потомъ; но, въ то же время, многихъ бояръ и всякаго чина людей изъ царскаго синклита томилъ заточеніями необратными и разными наказаніями; нравомъ былъ мнителенъ и опальчивъ, и такой владѣтельный, что и самъ царь его боялся; однимъ словомъ, всѣми царскими и ратными дѣлами владѣлъ [1]). Такимъ образомъ, политическое значеніе представителя церкви должно было высоко подняться въ глазахъ общества. «Тишайшій» изъ царей, Алексѣй Михайловичъ, передъ патріархомъ Іосифомъ кланялся до земли и однажды поцѣловалъ его даже въ ногу, какъ самъ заявляетъ въ письмѣ къ новгородскому митрополиту (потомъ патріарху) Никону [2]). Письмо царя Алексѣя къ послѣднему, по поводу смерти патріарха Іосифа, лучше всего характеризуетъ намъ отношенія, существовавшія между царемъ и патріархомъ. «Съ тѣхъ поръ,—пишетъ Алексѣй Михайловичъ,—все перемѣнилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; худо безъ пастыря дѣтямъ жить»; а когда доложили

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, IX, 166—167. Для полной характеристики патр. Филарета заслуживаетъ вниманія открытіе, сдѣланное при реставраціи портрета Филарета, который былъ присланъ вмѣстѣ съ другими портретами и картинами изъ коломенскаго дворца въ Моск. Оружейную палату. По снятіи съ него слоевъ пыли, грязи и верхней краски, подъ изображеніемъ Филарета въ патріаршей одеждѣ, оказалось другое изображеніе, на которомъ онъ былъ представленъ въ царскомъ кафтанѣ, затянутомъ дорогимъ поясомъ, и въ платьѣ, надѣтомъ поверхъ кафтана и опушенномъ горностаемъ; на плечахъ его видны бармы, опушенныя по нижнему краю также горностаемъ; на патріархѣ не крестъ, а панагія; волосы на головѣ, усы и борода подстрижены, по обыкновенію свѣтскихъ лицъ; наконецъ, правая рука патріарха оказалась не распростертою, но сжатою и держащею скипетръ. По снятіи портрета со второй холстины, на исподней сторонѣ его открылась подпись: «Царь Ѳедоръ Микитичъ». «Рус. Архивъ» 1863, 82—84. О распространеніи обычая стричь волосы, брить усы и бороду еще при Василіѣ Ивановичѣ есть указаніе въ обличеніяхъ митр. Даніила (Чтенія о языкѣ и словесности за 1856—1857 гг., 112—113); въ смутное время и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ этотъ обычай сталъ распространяться въ среднемъ классѣ и даже между крестьянами (см. замѣтку Купріянова въ «Москвитянинѣ» 1853, VIII, 130—132). В. И.

[2]) Акты экспедиціи, IV, 78—79.

царю и его приближеннымъ (въ церкви) о смерти патріарха, то, говоритъ онъ, «на насъ такой страхъ и ужасъ напалъ, что едва пѣть могли, а въ соборѣ, у пѣвчихъ и властей, со страха и ужаса, ноги подломились, ибо кто преставился? Какъ овцы безъ пастуха не знаютъ куда дѣваться, такъ и мы теперь, грѣшные, не знаемъ, гдѣ головы преклонить: прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ... И погребли мы его въ великую субботу, надсѣвшись отъ плача»... Алексѣй Михайловичъ увѣряетъ будущаго патріарха, что и на умѣ у него не было устранять Іосифа, и даже подумать объ этомъ ему было страшно: «прости, святый владыка—прибавляетъ онъ,—хотя бы и еретичества держался, то какъ мнѣ отставить его безъ вашего собора»[1]). Для Никона это признаніе было весьма важно.... Это письмо, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, лучше всего объясняетъ явленіе Никона, ибо одного характера послѣдняго недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ какія онъ поставилъ себя къ государю и государству. Чувства, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, переносятъ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, укоренившаяся преимущественно вслѣдствіе характера западныхъ вождей, незнакомыхъ съ государственными преданіями Византіи, которыя, при всей религіозности императоровъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно представителей церкви [2]). Въ XVII вѣкѣ дѣйствительно слагается мнѣніе, что патріархъ есть второй царь, перваго царя бóльшій, полнымъ выразителемъ котораго является Никонъ [3]). Еще до своего патріаршества, пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ на царя, Никонъ успѣлъ уго-

---

[1]) Акты экспедиціи, IV, № 57.

[2]) Исторія Россіи, X, 206—211.

[3]) Задатки такого пониманія отношеній двухъ властей встрѣчаются гораздо ранѣе и съ особенною опредѣленностью были выражены писателями-греками: «Елико отстоитъ небо отъ земли, толико отстоитъ нашъ санъ паче всякаго сана мірскаго», говоритъ митр. Фотій, въ своемъ обращеніи къ духовенству. «Правосл. Собесѣд.» 1861, II, 315. Максимъ Грекъ пишетъ: «Святительство вѣнчаетъ и утверждаетъ царей, а не царство святителей.... Ибо больше есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благословляется». Сочин., III, 155. И царь Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ смиреніи, не допускалъ даже сравненія между «царемъ земнымъ» и «великимъ свѣтильникомъ, прославленнымъ Богомъ». Акты экспед., IV, 86—87.

В. И.

ворить послѣдняго сдѣлать торжественное перенесеніе въ Успенскій соборъ—мощей патріарховъ Іова и Гермогена и митр. Филиппа. Ссылаясь при этомъ на примѣръ византійскаго императора Ѳеодосія, который, по преданію, посылая за мощами Іоанна Златоустаго, обращался съ молитвенною граматою къ оскорбленному его матерью святому, Никонъ убѣдилъ и царя отправить съ нимъ въ Соловецкій монастырь такую же грамату къ митр. Филиппу, въ которой царь умоляетъ послѣдняго разрѣшить его прадѣду Іоанну «согрѣшеніе, нанесенное неразсудно завистію и неудержаніемъ ярости», причемъ преклоняетъ предъ нимъ санъ царскій за прадѣда своего, «согрѣшившаго и покаявшагося тогда» [1]); а спустя годъ, въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ того же Филиппа, послѣ отказа Никона принять патріаршество, царь Алексѣй Михайловичъ, «простершись на землѣ и проливая слезы со всѣми окружающими», умолялъ Никона не отрекаться отъ избранія, и Никонъ согласился, — подъ условіемъ, что всѣ будутъ почитать его какъ начальника и отца, дадутъ ему устроить церковь по его намѣренію и будутъ послушные ему во всемъ [2]). Услуги, оказанныя духовенствомъ въ смутное время, не могли быть забыты. Но, уже въ началѣ царств. Алексѣя Михайловича, служилые люди и выборные отъ всей земли подали протестъ о возвращеніи вотчинъ, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ послѣ запретительнаго указа 1580 г., съ тѣмъ, чтобы онѣ были розданы служилымъ людямъ, и правительство распорядилось собрать свѣдѣнія о такихъ вотчинахъ. И въ царствованіе Алексѣя были сдѣланы существенныя ограниченія имущественныхъ правъ высшей іерархіи, монастырей и духовенства [3]). Съ другой стороны, уложеніе 1648 года стремилось установить «равный судъ» для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, не исключая и духовенства, подчиненнаго монастырскому приказу, въ которомъ рядомъ съ духовными засѣдали и свѣтскія лица, постепенно вытѣсняющія первыхъ. Духовенство утрачиваетъ свои судебныя привиллегіи и подчиняется надзору воеводъ [4]). Но тотъ же царь Алексѣй Ми-

[1]) Собр. Государств. граматъ, III, № 147.

[2]) Записки русской и славянск. археологіи, II, 511—513.

[3]) Милютинъ, О недвижим. имущ. духовенства въ Россіи, стр. 483—501.

[4]) Уложеніе, гл. XII и XIII; Котошихинъ, гл. VII; Акты экспед., IV, № 115, 175, III, № 207; Акты историч., III, № 162, 223; Дополн. II, № 64. Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 50—65, 73. В. И.

хайловичъ вынужденъ былъ дѣлать уступки и въ пользу монастырскихъ имуществъ, и въ пользу духовнаго суда. Есть извѣстіе, что уже въ 1654 г. онъ разослалъ по всѣмъ воеводамъ выписки изъ греческаго Номоканона и велѣлъ судить по нимъ уголовныя дѣла [1]). Эта мѣра совпадаетъ съ временемъ наибольшей силы патріарха Никона, когда самъ царь находился въ походѣ противъ Польши, а Никону былъ порученъ высшій надзоръ за управленіемъ. И самъ Никонъ много разъ «докучалъ» царю, чтобы онъ «искоренилъ проклятую книгу»—уложеніе [2]), а, по словамъ его біографа, онъ даже не допускалъ судить духовныхъ лицъ въ другихъ приказахъ. «Гражданское законодательство,—по мнѣнію Никона,—должно всегда согласоваться съ божественными законами, такъ какъ судъ въ своемъ началѣ есть судъ божій, а не царскій: онъ преданъ людямъ не человѣкомъ, но самимъ Богомъ, и ложныхъ законодателей всегда постигаетъ кара свыше (примѣры изъ св. писанія). Правда, цари нерѣдко преслѣдовали посланниковъ божіихъ (Иродъ, Неронъ), но за то ихъ царства погибли и запустѣли. И развѣ не сбылось то же самое на насъ? Всѣ города Московскаго государства постигла моровая язва; сердце царя смутилось; царское семейство не знало куда бѣжать. Господь обратилъ Москву и окрестные города въ пустыню; души грѣшниковъ погибли; адъ отверзъ свои уста; множество славныхъ, богатыхъ и нищихъ приняли смерть. Такъ покаралъ Богъ мести за неправду и беззаконіе»... Представленіе о духовенствѣ у Никона сливается съ понятіемъ о церкви, а поэтому духовенство должно занимать въ государствѣ господствующее положеніе. Оно должно быть поставлено внѣ государственной зависимости. «Подчиненіе духовенства вѣденію разныхъ приказовъ,—говоритъ Никонъ,—есть дѣло противное евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ правиламъ, такъ какъ духовныя лица должны быть наставниками, которымъ обязаны всѣ повиноваться. Они не могутъ подлежать и суду монастырскаго приказа, такъ какъ и тамъ засѣдаютъ свѣтскія лица. Равный судъ, объявленный уложеніемъ, ведетъ къ тому, что духовенство должно подлежать и тѣмъ наказаніямъ, которыя опредѣлены для прочихъ лицъ... но, за такой судъ,

[1]) Карамзинъ, III, примѣч. 222.

[2]) Посланіе Никона къ патріарху Діонисію, Записки русской и славян. археологіи, II, 517—19.

В. И.

каждый изъ подсудимыхъ, будетъ ли то патріархъ, митрополитъ, архіепископъ, епископъ, игуменъ, священникъ и до послѣдняго причетника, долженъ попрать законъ, какъ древніе мученики, храбро и мужественно боровшіеся противъ языческаго закона. Гдѣ написано, чтобы царямъ, князьямъ, боярамъ, дьякамъ, судьямъ — судить патріарха, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, поповъ, причетниковъ? Богъ грозно караетъ за посягательство на духовный чинъ (Саулъ, Іозія, Мануилъ, Комненъ). Царь имѣетъ власть надъ мірскими людьми, а духовные подлежатъ суду божію, который долженъ быть въ рукахъ патріарха. И всякій мірянинъ, который ввергаетъ епископа въ темницу, или бьетъ его, или вымышляетъ на него вину, да будетъ отлученъ» [1]).

Относительно церковныхъ имуществъ Никонъ пишетъ: «Священническая часть — божія часть, и потому отнятіе у духовенства пожертвованныхъ вещей и имуществъ равняется похищенію наслѣдства божія... За вмѣшательство Даѳана и Авирона въ дѣла скиніи, ихъ пожрала земля, потому что они не принадлежали къ левитамъ; царь Іозія простеръ руку на кивотъ завѣта — и былъ пораженъ свыше. Такъ бываетъ и со всѣми, кто посягаетъ на принадлежность церкви: патріаршихъ, епископскихъ и монастырскихъ слободъ мало взяли, а больше погубили своихъ; взяли тысячи, а погубили тьмы, то отъ междоусобій и мора, то отъ войнъ и другихъ бѣдствій. Царь можетъ входить въ алтарь, когда онъ приноситъ дары Богу, а нашъ царь не только не дѣлаетъ этого, но даже отнимаетъ у церкви ей принадлежащее» [2]). Въ сознаніи превосходства своей власти, Никонъ пишетъ, обращаясь къ Стрѣшневу: «Ты говоришь, что царь вручилъ намъ надзоръ надъ церковнымъ судомъ,—это скверная хула и превосходитъ гордость Денницы; не отъ царей исходитъ власть священства, но отъ священства помазываются на царство; много разъ доказано, что священство выше царства... Мы не знаемъ другаго законодателя, кромѣ Христа. Не давалъ царь намъ права, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконны». На вопросъ князя

---

[1]) Мнѣнія Никона объ уложеніи въ Записк. рус. и славянской археологіи, II, 126—160, и посланіе Никона къ ц. Алексѣю Михайловичу. Субботинъ, «Дѣло Никона», прилож. 1-ое.

[2]) Зап. по отдѣл. рус. и слав. археолог., II, 449—460, 480, 527, 548. В. И.

Одоевскаго: «зачѣмъ патріархъ даетъ цѣловать свою руку по царски?»—Никонъ отвѣчалъ: «Да почто царь поповы руки цѣлуетъ, которые нами посвящены, и, ко благословенію приходя, самъ главу свою преклоняетъ? Мы тому чудимся, почему царь архіереямъ и іереямъ нудитъ руки свои цѣловать, не будучи архіереемъ и іереемъ». Наконецъ, онъ даетъ такое опредѣленіе свѣтской и духовной власти: «Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтить двумъ свѣтиламъ: солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ; власть эта надъ душами; царская—надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій, это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ мірянахъ для внѣшней обороны; въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга, но каждая происходитъ отъ Бога» [1]).

Такимъ образомъ Никонъ отводитъ свѣтской власти и внѣшнему міру исключительно служебное значеніе; но нельзя не обратить вниманія, что нѣкоторыя мѣста этой тирады прямо напоминаютъ намъ «классическое» опредѣленіе отношеній свѣтской и духовной власти, сдѣланное Григоріемъ VII Гильдебрандомъ въ письмѣ его къ Вильгельму Завоевателю. «Міръ физическій,—пишетъ онъ,—освѣщается двумя свѣтилами, болѣе значительными, чѣмъ другія,—солнцемъ и луною: въ нравственномъ порядкѣ вещей папа изображаетъ солнце, а король занимаетъ мѣсто луны» [2]). Безъ сомнѣнія, источникъ этого опредѣленія у обоихъ представителей духовной власти, какъ перваго, такъ и третьяго Рима,—одинъ и тотъ же. Не даромъ имъ обоимъ пришлось вести такую упорную борьбу съ представителями свѣтской власти. Не напрасно и Никонъ такъ былъ склоненъ выдвигать на видъ законные и незаконные аттрибуты папскаго величія. «Ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ,—упрекалъ Никона Паисій Лигаридъ,—а въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдь это на-

---

[1]) Мнѣнія Никона, въ Записк. русск. и славян. археологіи, II, 423—498, и Соловьевъ, XI, 319—321.

[2]) Epist. VII, 26. La papauté et l'empire, par F. Laurent, 171—172. В. И.

писано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ вышній судъ преданъ вселенскимъ патріархамъ»,—на что Никонъ отвѣчалъ ему: «Папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ» [1]).

Уже въ печатной Кормчей 1653 г., вышедшей вскорѣ послѣ возведенія Никона въ патріархи (1652 г.), встрѣчаются прибавочныя статьи «о римскомъ паденіи» и объ «учрежденіи патріаршества въ Россіи» [2]); но для оцѣнки тенденцій Никона еще большее значеніе должна имѣть подложная грамата, данная будто бы Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру и извѣстная подъ именемъ «вѣна Константинова», помѣщенная въ той же Кормчей. Грамата эта была составлена съ цѣлью подтвердить верховныя, свѣтскія и церковныя, права папъ, претендовавшихъ на нихъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Въ ней предоставляется папѣ Сильвестру власть выше императорской, дается множество привиллегій и обезпечиваются на будущее время имущественныя права церкви. По свидѣтельству этой граматы, предоставивъ папѣ и его преемникамъ пользоваться принадлежностями царскаго сана, Константинъ самъ велъ коня подъ папою, уступилъ ему Италію и переселился въ Византію, «такъ какъ тамъ, гдѣ святительская власть и глава христіанства установлены небеснымъ Царемъ, не достойно имѣть власть земному царю» [3]). Рано ставъ извѣстною въ Византіи, эта грамата перешла и въ Россію. Есть основаніе полагать, что она была уже представлена въ защиту имущественныхъ правъ церкви Ивану III, на соборѣ 1503 г., и самыя сильныя мѣста въ защиту церковныхъ имуществъ и суда, помѣщенныя въ Стоглавѣ (гл. 60), также заимствованы изъ нея. Но впервые въ полномъ видѣ, въ печати, она появилась при Никонѣ, которому также принадлежатъ и отдѣльные списки этой граматы [4]). Все это показываетъ, какъ интересовался Никонъ ея доводами, въ числѣ кото-

[1]) Соловьевъ, XI, 327.

[2]) Розенкампфъ «О Кормчей книгѣ», изд. I, 88, 260.

[3]) Вѣно Константиново помѣщено въ соч. г. Терновскаго «Изуч. византійской исторіи въ древ. Руси», II, 134—145.

[4]) Ibid., 145, и статья г. Петрова «Судьба вѣна Константина въ русской церкви», «Труды Кіевск. Духов. Академіи» 1865, № 12, стр. 471—488. В. И.

рыхъ было отведено много мѣста и защитѣ первенства престола апостола Петра, одно служеніе которому въ Римѣ, какъ видно, смягчало въ глазахъ Никона слишкомъ суровое отношеніе къ папству. Понятно поэтому, какъ должны были льстить Никону заявленія восточныхъ патріарховъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1655 г., которые говорили царю: «съ нашего соизволенія и согласія этотъ нашъ братъ на мѣсто папы римскаго сдѣлался патріархомъ московскимъ» [1]). И въ то время, какъ въ южной Руси, подъ вліяніемъ борьбы православія съ католицизмомъ и протестантской литературы, еще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ были высказаны возраженія противъ подлинности вѣна (Өриносъ, Палинодія, Апокрисисъ) [2]),—въ московской Руси, благодаря Никону, этотъ памятникъ долго сохранялъ свое значеніе и выставлялся каждый разъ въ защиту церковныхъ правъ, какъ только правительство имѣло намѣреніе ограничить эти послѣднія (при Петрѣ В., Екатеринѣ II) [3]). Современники по своему понимали стремленія Никона, представляя ихъ въ болѣе обыденныхъ формахъ; они заявляли царю, что Никонъ «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко»; что «это патріархъ, правящій вмѣсто евангелія—бердышами, вмѣсто креста—топорками» [4]); а паденіе Никона и его ссылка значительно смягчили отношеніе къ нему власти и подвластныхъ. Но его стремленія получили иную оцѣнку, когда престолъ достался Петру I, которому надолго пришлось установить отношенія церкви и государства въ Россіи. Изъ разсказа, приписываемаго Петру Великому, можно видѣть, какъ смотрѣлъ на причину паденія Никона онъ самъ и тѣ, которые съумѣли понять церковную реформу Петра [5]). «Никонъ,—говоритъ въ немъ

---

[1]) Travels of Macarius etc., II, 227—229.

[2]) «Изученіе византійской исторіи въ древ. Руси», 203—204.

[3]) «Труды Кіев. Акад.», статья Петрова, стр. 487—488.

[4]) Соловьевъ, XI, 293. В. И.

[5]) Разсказъ этотъ помѣщенъ въ Запискѣ протоіерея П. Алексѣева, представленной имъ импер. Павлу. По поводу Константинова вѣна онъ дѣлаетъ слѣдующее, не лишенное интереса, замѣчаніе: «Что сія жалованная грамата (якобы) Константинова есть фальшивая, о томъ имѣется у меня особливое разсужденіе, съ подлежащими примѣчаніями. Однако Никонъ не просто ее приклеилъ къ Номоканону, но съ замысломъ объ увеличеніи архіерейской власти и умаленіи царской—передъ народомъ. Для того, послѣ сея выдганныя граматы, пишетъ объ отпаденіи ветхаго Рима отъ православія, а какъ новый Римъ, т. е. Константинополь, находится подъ игомъ турецкимъ, то и

Петръ,—служилъ и угождалъ моему родителю, за что и получилъ отъ него многочисленныя царскія милости, но послѣ заразился духомъ папскаго властолюбія. Возмнилъ о себѣ, что онъ выше самого государя, да и народъ тщился привлечь къ сему-жъ зловредному мнѣнію, особливо въ публичныхъ церемоніяхъ» [1]). Такой же взглядъ на Никона высказываетъ и «птенецъ« Петровской реформы, историкъ Татищевъ. Извѣстно, какъ строго относится Татищевъ къ древнимъ лѣтописцамъ и средневѣковымъ сказаніямъ. «Писатель исторіи,—говоритъ онъ,—не стоитъ вѣры, если онъ наполняетъ свою книгу сверхъестественными дѣлами, баснями и суевѣрными чудесами, что у древнихъ очень часто находится вмѣстѣ съ дѣйствительными происшествіями». Но особенно строго онъ осуждаетъ за это автора Степенной книги и патріарха Никона, котораго онъ обличаетъ въ поддѣлкѣ лѣтописей и историческихъ сказаній, съ цѣлью поднять авторитетъ духовной власти, въ ущербъ свѣтской. Татищевъ того мнѣнія, что у насъ нѣкоторые митрополиты и патріархи явно обнаружили стремленіе пріобрѣсть власть надъ государями [2]); онъ указы-

слѣдуетъ патріарху царствующаго града Москвы, яко третьяго Рима, вступить въ права папскія. Но еще Господь Богъ россійскихъ государей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ въ неразсмотрѣніи излишества». «Рус. Архивъ» 1863, стр. 92—102. Біографія Алексѣева въ «Истор. Россійск. Академіи», Сухомлинова, т. I. Отрицательный взглядъ на эту Записку и матеріалы о Никонѣ высказаны въ статьяхъ Н. Субботина, въ «Рус. Вѣстн.» 1864 г., № 1, 320—333, 1861, т. XXXV.

[1]) Къ этому мѣсту прот. Алексѣевъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Не папская ли то гордость, чтобъ Богомъ вѣнчаннаго царя учинить своимъ конюшимъ, т. е. въ недѣлю Ваій, въ подражаніе неподражаемаго Христова входа въ Іерусалимъ, патріархъ, съ великою помпою по Кремлю ѣдучи на придворномъ ослятп, заставлялъ самодержца вести подъяремника подъ усцѣ при воззрѣніи безчисленнаго народа? И по исполненіи той пышной церемоніи дарилъ государю сто рублевъ денегъ, якобы для раздачи въ милостыню, а въ самой вещи для награжденія за труды (стыдно сказать) поводильщику. Сему уничиженію подверженъ былъ въ малолѣтствѣ и самъ императоръ Петръ В., держа поводъ осла Іоакимова, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, при такой вербной церемоніи. Но послѣ сей нововведенный въ церковь обрядъ вовсе отставленъ по указу того же монарха», іb. 94—95. Этотъ обрядъ вошелъ въ употребленіе не ранѣе второй половины XVI стол. и совершался въ другихъ городахъ архіереями. При выходахъ, царь цѣловалъ патріарха въ руку, а онъ царя въ голову, обнявъ ее руками. См. Патріаршіе выходы, «Чтен. Моск. Общества исторіи» 1869, II, стр. 7—64.

[2]) «Исторія Россійская», т. I, Введеніе, и стр. 111, прим. 586; II, 270; III, 502; 118, прим. 477; II, прим. 314; II, 429 прим. В. И.

ваетъ на мысль (!) при царѣ Ѳедорѣ установить четырехъ патріарховъ, а Никону вручить власть папы [1], и потому радуется, что Петръ Великій разсудилъ такую великую власть уменьшить и впредь такія опасности пресѣчь, учредивъ синодъ. По мнѣнію Татищева, духовенство не должно вмѣшиваться въ область гражданскихъ дѣлъ; оно должно повиноваться свѣтской власти, которой принадлежитъ право избранія въ духовные чины и верховный надзоръ за духовенствомъ. По его мнѣнію, самое происхожденіе духовной іерархіи коренится въ честолюбіи и властолюбіи духовенства [2]. Вотъ почему онъ постоянно высказываетъ крайнюю враждебность къ римской церкви и власти папы, котораго сравниваетъ съ Далай-Ламою [3]. Реформа Петра В. представляетъ коренной поворотъ въ отношеніяхъ церкви и государства. Если въ организаціи имущественныхъ и судебныхъ правъ церкви Петръ является продолжателемъ дѣла своихъ предшественниковъ, то въ политическомъ отношеніи церковь при Петрѣ должна была въ значительной степени подчиниться общему направленію его реформы [4]. Еще во время перваго своего путешествія по Европѣ, Петръ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго—организовать русскую церковь на подобіе англиканской, а въ 1712 году, будучи въ Виттенбергѣ, онъ сказалъ передъ статуею Лютера слѣдующія знаменательныя слова: «Сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ». И въ извѣстныхъ потѣхахъ Петра Великаго князь-папа и яузскій и кокуйскій патріархъ подвергались одинаковой участи [5].

---

[1] I, 573.

[2] I, 567—571; III, прим. 477, 631.

[3] I, прим. 645; II, прим. 71, 107, 116, 420.

[4] Милютинъ, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, 505—527; Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 121—246; О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митроп., патріарх. и св. синода, 443—509; Свят. Синодъ и отношенія его къ другимъ учрежденіямъ при Петрѣ Великомъ, Н. М. Востокова, «Журн. Министер. Народ. Просв.» 1875, ч. CLXXX и CLXXXII); Матеріалы для исторіи синод. управленія въ Россіи. «Прав. Обозр.» 1868 и 1869 гг.

[5] Весьма замѣчательные въ этомъ отношеніи матеріалы помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 845—892: «Шутки и потѣхи Петра Великаго»—собраніе собственноручныхъ шутовскихъ церемоніаловъ Петра для посмѣянія папы и патріарха. В. И.

Проникнутый враждою къ католицизму и болѣе склонный къ протестантскимъ началамъ, Петръ I не могъ примириться съ единоличнымъ управленіемъ русской церкви, а потому придалъ ея администраціи такой же коллегіальный характеръ, какой былъ данъ имъ и прочимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Но замѣчательно, что именно въ Духовномъ Регламентѣ эти начала были развиты имъ во всей полнотѣ. Сказавъ, что истина скорѣе достигается въ соборномъ, а не единоличномъ правленіи; что коллегіумъ не есть «нѣкая факція, но на добро собранныя лица»; что «въ коллегіумѣ таковомъ нѣтъ мѣста пристрастію, коварству и лихоимству»; что «коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится»; что «въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежитъ суду послѣдняго»; наконецъ, что «въ соборномъ правительствѣ есть нѣкая школа правленія» — Петръ I считалъ необходимымъ изложить въ особой статьѣ всю важность этихъ началъ для церковнаго управленія, при чемъ критически отнесся къ прежнему порядку вещей. «Велико и то,—читаемъ въ ней,—что отъ соборнаго правленія не опасаться отечеству мятежей и смущенія, каковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть вторый государь, самодержцу равносильный, или и бóльшій его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и такъ самъ собою народъ умствовать привыкъ. Что же станется, когда и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хврастію огнь подложатъ? Такъ простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, какъ на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между ними распря, вси духовному болѣе, нежели мірскому правителю, хотя бы и слѣпо и пребезумно было то, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоваться дерзаютъ и льстятъ себѣ, окаянные, что они по самомъ Богѣ побораютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы и на кровопролитіе устремились... что же, когда еще и самъ пастырь, надменный таковымъ о себѣ мнѣніемъ, спать не захочетъ? Трудно изречь ка-

кое отсюда бѣдствіе бываетъ!» Сославшись въ подтвержденіе этого на византійскую исторію послѣ Юстиніана и на исторію папства, Регламентъ заключаетъ: «Да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!» [1]).

Ратуя противъ многочисленныхъ моленій, ложныхъ чудесъ и чудотворныхъ иконъ, объявляемыхъ духовенствомъ съ корыстною цѣлью, и суевѣрій вообще, какъ оставшихся отъ временъ язычества, такъ и возникшихъ уже на новой почвѣ, противъ монашества, пользующагося этими средствами для вліянія на народъ, Петръ I слѣдовалъ тому же раціоналистическому направленію, послѣдователемъ котораго является въ своей исторіи Татищевъ.

Лучшимъ средствомъ противъ подобныхъ явленій Регламентъ считаетъ школы, а проектъ академіи, начертанный въ немъ, носитъ на себѣ вполнѣ свѣтскій характеръ. Но Петръ не любилъ останавливаться на половинѣ пути. Зная прекрасно какое дѣятельное участіе принимали многіе архіереи и духовныя лица въ такихъ дѣлахъ какъ поведеніе царицы Евдокіи, царевича Алексѣя и т. п., онъ старался положить предѣлъ этому вліянію. «Вѣдалъ бы всякій епископъ мѣру чести своея,—читаемъ въ Регламентѣ,—и не высоко бы о ней мыслилъ; дѣло великое, но честь никаковая, почитай въ писаніяхъ, знатная опредѣлена... Сеже того ради предлагается, чтобы укротить оную весьма жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, пока здравы суть, не водили, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялась. И оные поклонницы самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть (30—31)... Епископамъ накрѣпко укажетъ коллегіумъ, чтобъ они, какъ анаѳемы, такъ и разрѣшеніе, не дѣлали ради прибыли своей, или иного какого собственнаго интереса и искали-бъ въ томъ важномъ дѣлѣ не яже своя, но яже Господа Іисуса» (37). Такимъ же характеромъ проникнуты и тѣ пункты Регламента, которые касаются монашества, какъ главной опоры духовной власти, богатство и вліяніе котораго были еще прежде значи-

[1]) Намъ сообщали, что при разборѣ Петровскихъ бумагъ, собираемыхъ особою коммисіею со времени юбилея Петра Великаго, стало яснымъ, какъ много важнѣйшихъ актовъ этого времени исправлены или набросаны были рукою самого Петра. В. И.

тельно ограничены [1]. Членами синода могли быть не одни монахи, но и лица бѣлаго духовенства; а въ присягѣ они обязывались признавать своимъ «крайнимъ судіею» императора, «окомъ» котораго являлся въ синодѣ оберъ-прокуроръ, опредѣляемый свѣтскою властью. При этомъ заслуживаетъ вниманія взглядъ Петра Великаго на выборъ этого лица. Въ указѣ о немъ было сказано: «въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему—оберъ-прокуроромъ». Вслѣдъ же за упраздненіемъ патріаршества, Петръ пересталъ раздавать архіереямъ санъ митрополита и уничтожилъ внѣшнія отличія этого сана (какъ-то: бѣлый клобукъ и саккосъ, предоставленный теперь всѣмъ епископамъ). Такъ систематически были проведены Петромъ мѣры, направленныя къ уничтоженію «бывшихъ у насъ замаховъ». Само собою понятно, что вполнѣ окрѣпшая и успѣвшая утвердиться въ общественномъ сознаніи идея не скоро и не легко уступила свое мѣсто новымъ взглядамъ. Мысль о возможности возвращенія къ прежнему порядку возстановленія патріаршества не разъ возникаетъ въ умахъ людей XVIII вѣка, но замѣчательно, что первою жертвою этихъ стремленій является вице-президентъ синода, архіеп. новгородскій Ѳеодосій Яновскій, возвышенный въ этотъ санъ самимъ Петромъ за свой свободный взглядъ на многіе религіозные вопросы и, по видимому, обладавшій характеромъ, чтобъ провести въ жизнь эти взгляды [2]. Царевичъ Алексѣй о немъ выражался, что онъ разрѣшилъ его отцу «на вся». Но Ѳеодосій, какъ и бо̀льшая часть выходцевъ изъ южной Россіи, не оправдалъ надеждъ преобразователя. При жизни его, Ѳеодосій умѣлъ сдерживать свой нравъ; но уже въ царствованіе Екатерины I, за свои нападки на церковныя реформы и отношенія свѣтской

[1] Милютинъ, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, 505—527. Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 211—246. О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митрополитовъ, патріарховъ и синода, 443—509. Уже въ 1721 г. монаст. приказъ успѣлъ устроить въ Москвѣ (въ теченіе 20 лѣтъ) 93 богадѣльни, въ которыхъ было 4,400 нищихъ, и огромный госпиталь, вмѣщавшій въ себѣ до 500 человѣкъ. Въ прочихъ монастыряхъ были размѣщены престарѣлые и раненые инвалиды и ихъ семейства, такъ что въ 1723 г. вакансій болѣе не было, а потому временно было издано постановленіе, воспрещавшее постригать и принимать въ монастыри.

[2] Онъ даже ѣздилъ съ Петромъ Великимъ и Екатериною за границу въ 1716—1718 гг.

В. И.

власти къ архіереямъ, былъ лишенъ сана и сосланъ въ Корельскій монастырь [1]). Такимъ образомъ, истиннымъ блюстителемъ реформы Петра въ синодѣ до самой смерти (1736 г.) оставался одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Между тѣмъ, то было время, когда отношенія правительства къ церкви мѣнялись сообразно съ перемѣною лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Царствованіе Петра II, благопріятное старинѣ, когда преслѣдовалось все враждебное имени царевича Алексѣя (какъ «Правда воли монаршей») и покровительствовалось то, что прежде подвергалось осужденію (такъ, въ 1728 г., былъ изданъ «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго, членомъ синода Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ), казалось вполнѣ удобнымъ для возстановленія прежняго церковнаго порядка. Такъ, одинъ изъ членовъ синода, ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, заявившій себя уже при Екатеринѣ I защитою церковныхъ имуществъ, поднялъ теперь вопросъ о возстановленіи патріаршества. Будучи дворянскаго происхожденія и опираясь на сильную партію вельможъ, онъ самъ мечталъ достигнуть этого сана; но встрѣтилъ отпоръ со стороны того же Ѳеофана. Говорятъ, что изъ верховнаго совѣта былъ посланъ уже запросъ въ синодъ: «можно ли въ нынѣшнее время быть въ россійской церкви патріарху?»—на который Ѳеофанъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ [2]). Впрочемъ, вскорѣ по смерти Петра I, членамъ синода удалось вытѣснить оттуда лицъ низшей духовной іерархіи, которыя снова вошли въ него только въ царствованіе Анны Ивановны, когда Ѳеофанъ, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ императрицѣ и дружбѣ съ Бирономъ и Остерманомъ, снова достигъ полнаго вліянія на церковныя дѣла, стоившаго, впрочемъ, ему многихъ жертвъ. Въ многочисленныхъ розыскахъ, которыми открывается и наполняется царствованіе Анны Ивановны, пали: Георгій Дашковъ, Левъ Юрловъ (еписк. воронежскій), Игнатій Смола (митр. коломен-

---

[1]) Дѣло Ѳеодосія въ «Рус. Архивѣ» 1864 г.; Описаніе документовъ синод. архива; соч. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, 77—81, 113—115, 151—179; статья Есипова: Чернецъ Ѳедосъ, въ «Отеч. Запискахъ». Впрочемъ, еще при Петрѣ Ѳеодосій чуть было не подвергся опалѣ за свои рѣзкія сужденія о штатахъ духовенства и объ отобраніи церковныхъ имуществъ, причемъ онъ напомнилъ даже отношенія Іоанна Грознаго къ митр. Филиппу.

[2]) «Русскій Архивъ» 1863 г., 101. О Георгіѣ Дашковѣ, «Прав. Обозр.» 1863 г., и соч. Чистовича, «Ѳеофанъ Прокоповичъ», 229—230. В. И.

скій), Сильвестръ (митр. казанскій), Варлаамъ Ванатовичъ (архіеп. кіевскій), Ѳеофилактъ Лопатинскій. Всѣ эти лица, лишенныя своихъ сановъ и правъ, были заточены въ крѣпкіе казематы или сосланы въ отдаленные монастыри. Не упоминаемъ о лицахъ изъ низшей іерархіи, замѣшанныхъ въ эти и другіе процессы, которыхъ постигла подобная или даже болѣе тяжелая участь [1]). Понятно, что въ такое время, когда неслуженіе молебновъ въ царскіе дни или отправленіе службъ въ несоотвѣтственныхъ одеждахъ—могли навлечь церковному клиру допросы въ тайной канцеляріи, лишеніе сана и ссылку; когда полемика противъ протестантизма могла быть сочтена за нападеніе на грознаго любимца императрицы и его клевретовъ,—въ такое время немыслимы были какіе либо проекты и реформы церкви въ духѣ, желательномъ для ея представителей [2]). Сообразно съ политическими перемѣнами мѣнялись и имущественныя права іерархіи. Коллегія экономіи, учрежденная Екатериною I, вскорѣ напомнила монастырскій приказъ Петра Великаго, началамъ котораго секуляризаціи церковныхъ имуществъ слѣдовала его преемница; при Петрѣ II не разъ дѣлались отступленія въ пользу духовенства; но императрица Анна снова возвратилась къ тому же порядку. Разсылка въ монастыри инвалидовъ, вдовъ, умалишенныхъ, больныхъ—производилась въ громадныхъ размѣрахъ; запрещеніе постригать вновь и разстриженіе неправильно постриженныхъ привели нѣкоторые монастыри въ полное запустѣніе; разборъ же лицъ духовнаго званія въ солдаты производился такъ усердно, что, въ 1740 г., въ четырехъ епархіяхъ множество (182) церквей оставалось совсѣмъ безъ причта. Между тѣмъ, страшная доимочная канцелярія не пощадила и церковныхъ вотчинъ, доходы съ которыхъ обыкновенно назначались въ разныя государственныя и придворныя нужды, какъ заказъ ружей въ Тулѣ, устройство конскихъ заводовъ и т. п. [3]). Понятно, какъ должно было встрѣтить духовенство вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны, съ именемъ которой соединялось возстановленіе націо-

[1]) Въ одной казанской епархіи, послѣ паденія митроп. Сильвестра, были произведены повсемѣстныя гоненія на духовенство, а въ двухъ уѣздахъ (Казанскомъ и Свіяжскомъ) всѣ священники и монахи были приговорены къ жестокому наказанію шелепами. Знаменскій, «Приход. духов. въ Россіи», 427, 433, 435—438.

[2]) Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время».

[3]) Милютинъ, 527—540. «Церк. исторія» Знаменскаго, 366—370. В. И

нальнаго правительства и попранныхъ правъ церкви. Проповѣдники спѣшили привѣтствовать новую императрицу, какъ освободительницу отъ ига египетскаго, какъ русскую Юдиѳь, Есфирь или Пульхерію, и открыто дѣлали намеки на два предшествовавшія правленія, когда въ правительствѣ господствовали иновѣрцы, нѣмцы, стремившіеся, подъ видомъ суевѣрія, искоренить православіе, преслѣдовавшіе духовенство, множество невинныхъ жертвъ котораго было сослано въ Сибирь, Оренбургъ и Камчатку, думавшіе завести свою безпоповщину. Они покровительствовали только своимъ, иностранцамъ, люторамъ и кальвинамъ... «Узнали враги наши,—говоритъ одинъ изъ этихъ ораторовъ,—что имъ не трудно священника, или монаха, или простаго человѣка, какъ мушку задавить, принялися они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубили, языки порѣзали». Нѣкоторые виновниками во всемъ этомъ прямо называли Остермана и Миниха съ ихъ «стадищемъ», судьба которыхъ рѣшилась въ царствованіе Елисаветы; но они не всегда упоминали о Биронѣ, которому императрица оказывала свое покровительство, какъ павшему въ предшествовавшее правленіе и нѣкогда покровительствовавшему ей. «Доселѣ дремахомъ,—взываютъ они,—а нынѣ увидихомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не только превратятъ, но и, искореня, истребятъ». Они просили императрицу принять церковь «въ дѣйствительное защищеніе, покровъ и оборону и наказать всѣхъ отступниковъ отъ благочестивыхъ нравовъ, распространителей иновѣрныхъ ученій, еретиковъ, раскольниковъ, армянъ и атеистовъ, послѣдователей ума епикурейскаго и фреймасонскаго; а нейтралитета Христосъ нашъ не любитъ», утверждали защитники православія [1]). Царствованіе Елисаветы

[1]) «Проповѣднич. въ царствованіе Елисаветы», Н. А. Попова. «Лѣт. рус. литер.», томъ II, 1—32, и «Рус. Слово», 1859, № 8, «Царств. Елисаветы Петров-

въ этомъ отношеніи представляетъ реакцію прежнему порядку вещей. Она освободила духовенство отъ подчиненія гражданской юрисдикціи, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, а за оскорбленіе духовнаго сана назначала весьма тяжкія наказанія (напр. 6,000 ударовъ шпицрутенами и ссылку на казенныя работы); она щедро раздавала монастырямъ вотчины и возвратила управленіе ими въ вѣденіе синода, со всѣми расходами, за исключеніемъ прежде опредѣленныхъ на государственныя потребности [1]); она вызвала изъ ссылки и заключенія духовныхъ лицъ, подвергшихся опалѣ въ прежнее время, а другихъ даже возвела въ архіерейскій санъ (Маркеллъ Радышевскій, Платонъ Малиновскій [2]); она разрѣшила носить по прежнему иконы по домамъ; опредѣлила за нарушеніе благочинія въ церкви денежные штрафы; освободила отъ запрещенія «Камень Вѣры» и распорядилась отобрать у частныхъ лицъ переводы соч. Стратемана «Θеатронъ», изданнаго при Петрѣ Вел., и соч. Арида объ истинномъ христіанствѣ, вышедшее въ 1735 г. при участіи Θеофана Прокоповича; теперь была сдѣлана попытка подчинить строгой цензурѣ всѣ сочиненія, появлявшіяся въ Россіи, и перенести иновѣрныя церкви въ Петербургѣ въ отдаленныя части города. Раскольниковъ постигли новыя преслѣдованія, сопровождавшіяся иногда самосожженіемъ, а магометанъ и язычниковъ—насильственное обращеніе въ христіанство, приводившее не разъ къ открытымъ возстаніямъ [3]).

ны», историческій очеркъ М. И. Семевскаго. Привѣтственныхъ рѣчей Елисаветѣ за 1741—1744 г. насчитываютъ до 77-ми.

[1]) Поэтому въ 1747 году моск. госпиталь пришелъ въ совершенное запущеніе, вслѣдствіе чего сенатъ вынужденъ былъ вступить въ пререканія съ синодомъ. Соловьевъ, XXII, 192—193.

[2]) Но въ царств. Елисаветы прежній страхъ иногда продолжалъ оказывать свое дѣйствіе; такъ, въ 1752 г. весь Андреевскій монастырь въ Москвѣ и московская консисторія пришли въ ужасъ, что іеродіаконъ Даміанъ во время соборнаго служенія пропустилъ въ ектеніи имя супруги вел. князя «Екатерины Алексѣевны». Не смотря на всѣ оправданія, виновный былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ другой монастырь, а служившіе съ нимъ—за то, что не поправили его, должны были положить по 1,000 поклоновъ въ церкви. Въ вятской епархіи священникъ былъ публично наказанъ за то, что онъ отправилъ торжество коронаціи, вмѣсто 25-го апрѣля, 23-го (въ воскресенье). Впрочемъ, теперь не всегда доносъ получалъ свою силу; но только съ уничтоженіемъ тайной канцеляріи при Петрѣ III подобные процессы потеряли значеніе, хотя русское общество не могло тогда оцѣнить все значеніе этой мѣры. Знаменскій, ib., 458—459.

[3]) Законодательство Елисаветы Петровны относительно церкви и духовенства. «Прав. Обозр.» 1865 г. Въ 1743 и 1744 г. г. совершалось повсемѣстное

Понятно, что при Елисаветѣ Петровнѣ и высшее церковное управленіе должно было получить особенное значеніе. Членами его по большей части были малороссы, находившіе покровительство въ лицѣ любимца императрицы А. Г. Разумовскаго и ея духовника Дубянскаго [1]). Благодаря ихъ заступничеству, дѣла въ синодѣ нерѣдко получали направленіе совершенно противное составлявшимся рѣшеніямъ. Князь Я. П. Шаховской (оберъ-прокуроръ синода) свидѣтельствуетъ, что онъ часто видѣлъ, какъ первый тогда фаворитъ св. синода членамъ особенно благосклоненъ былъ и по ихъ домогательствамъ и прошеніямъ всевозможныя у ея величества заступленія употреблялъ, между тѣмъ какъ ея духовникъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на нее, «всегда добрый предводитель былъ, слѣпо ими плѣняясь». При вступленіи въ свою должность, кн. Шаховской нашелъ, что инструкцій, данныхъ прежнимъ оберъ-прокуроромъ, и многихъ дѣлъ въ синодѣ не оказалось; Духовный же Регламентъ былъ въ полномъ пренебреженіи [2]). Отчетность въ синодѣ почти совсѣмъ исчезла [3]). Число епархій при Елисаветѣ было значительно увеличено (6) и высшая іерархія, въ противоположность прежнему времени, поль-

---

истребленіе мордовскихъ кладбищъ и татарскихъ мечетей въ Нижегородской губ. и Казанской области. Такъ, въ послѣдней было уничтожено 418 мечетей. Въ 1745 г. мордва жаловалась императрицѣ, что нижегородскій епископъ Димитрій (Сѣченовъ) заставляетъ ихъ креститься, а сопротивляющихся велитъ бить и заковывать въ кандалы, или связанными окунаетъ въ купель и надѣваетъ на нихъ кресты. Чуваши жаловались на насильственное обращеніе съ ними игумена Неофита. Сибирскіе татары и бухарцы жаловались на насилія митр. Сильвестра и тамошнихъ миссіонеровъ. Сдѣлано было распоряженіе объ обращеніи въ православіе плѣнныхъ турокъ. Даже армянамъ запрещалось служить въ прежнихъ церквахъ (Соловьевъ, XXI, 253—255, 315—316; XXII, 28—30; XXIII, 146—147). Возстанія инородцевъ заставили сдѣлать потомъ нѣкоторыя уступки. Елисавета Петровна впервые озаботилась, чтобы при русскихъ миссіяхъ за границею были постоянныя церкви и священники. Соловьевъ, XXII, 29.

[1]) Только 29-го апр. 1754 г. послѣдовалъ указъ о представленіи на архимандритскія и архіерейскія вакансіи великороссіянъ. «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1861, III. Интересный разсказъ о столкновеніяхъ великороссіянъ съ малороссіянами въ Троицкой лаврѣ, см. въ Запискахъ Снигирева, «Рус. Арх.» 1866, 534—535.

[2]) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. М. И. Семевскаго, Спб. 1872, 35—41. Иногда самой императрицѣ приходилось убѣждаться, что ея довѣріемъ «дерзко» злоупотребляютъ. Ibid., стр. 48—73.

[3]) Соловьевъ, XXIII, 34—35.

В. И.

зовалась полною неприкосновенностью. Такъ, когда возникло дѣло вятскаго архіерея Варлаама, нанесшаго личное оскорбленіе воеводѣ, и сенатъ находилъ необходимымъ подвергнуть виновнаго лишенію сана и жестокому наказанію, то императрица простила виновнаго и только по вторичному обвиненію его въ насиліяхъ, совершенныхъ надъ подчиненными, Варлаамъ былъ перемѣщенъ въ Устюгъ; преемникъ его, Антоній Илляшевичъ, позволившій себѣ въ самой церкви оскорблять поносными словами секундъ-маіора, завѣдывавшаго сборомъ подушныхъ податей, оставался нетронутымъ, не смотря даже на произвольный захватъ государственныхъ крестьянъ [1]). Уже въ 1744 году ненавистная коллегія экономіи была уничтожена, а управленіе вотчинами и сборъ съ доходовъ были отданы въ вѣденіе синода, хотя монастыри, по прежнему, обязаны были содержать на свой счетъ раненыхъ и увѣчныхъ, и теперь было сдѣлано даже распоряженіе, чтобы туда отправлялись престарѣлые и поврежденные въ умѣ колодники; но мы увидимъ далѣе, какъ исполнялись эти распоряженія блюстителями неприкосновенности церковныхъ правъ. Здѣсь же замѣтимъ, что эти льготы не замедлили обнаружиться въ области церковнаго управленія, такъ что къ концу царствованія Елисаветы (1757) взглядъ самого правительства въ этомъ отношеніи значительно измѣняется, а въ движеніи крестьянъ, наполняющемъ вторую половину царствованія Елисаветы, монастырскіе крестьяне являются преобладающимъ элементомъ. Впрочемъ, только въ царств. Петра III и въ началѣ царств. Екатерины II имущественныя права церкви потерпѣли весьма важныя ограниченія, отчего долженъ былъ существенно измѣниться и самый характеръ церковнаго управленія. Черты этихъ, послѣдовательно смѣнявшихся, порядковъ какъ нельзя лучше обрисовываются въ типической личности одного изъ защитниковъ этихъ правъ: мы разумѣемъ Арсенія Мацѣевича, біографія котораго послужитъ намъ рамкою для дальнѣйшаго очерка.

Кіевъ. **В. С. Иконниковъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

---

[1]) Соловьевъ, XXI, 319; XXII, 115—116, 193. Знаменскій, «Приходское духов. въ Рос.», 600, 609—611, 613. «Списки архіереевъ», составл. Ю. Толстымъ, стр. 86, 140. «Записки Шаховскаго», изд. М. И. Семевскаго, приложенія, стр. 282—283, 295—296. **В. И.**

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛЫШЕВА

1838 — 1878.

Самый существенный, основной отдѣлъ програмы нашего изданія составляютъ, какъ извѣстно читателямъ, — дневники, записки и воспоминанія русскихъ дѣятелей, снискавшихъ ту или другую извѣстность на всѣхъ поприщахъ ихъ общественной дѣятельности. Въ теченіе десяти лѣтъ на страницахъ «Русской Старины» были напечатаны записки и воспоминанія: И. К. Айвазовскаго, Я. П. Бакланова, Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, М. А. Бестужева, А. Т. Болотова, свящ. Іоанна Виноградова, А. Л. Витберга, М. Гарновскаго, А. А. Генрици, М. И. Глинки, Н. И. Греча, А. К. Гриббе, Грубера, Д. В. Давыдова, княгини Е. Р. Дашковой, А. К. Денисова, Г. И. Добрынина, И. И. Европеуса, И. С. Жиркевича, пастора Зейдера, В. Н. Зиновьева, В. А. Инсарскаго, П. А. Каратыгина, К. П. Колзакова, В. К. Кюхельбекера, Н. Г. Левшина, С. И. Маевскаго, И. Меньшова, И. Мигрина, П. Назарова, артистки Л. П. Никулиной-Косицкой, М. Ѳ. Орлова, гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, Т. П. Пассекъ, А. А. Панаева, А. Е. Попова, О. А. Пржецлавскаго, сенатора П. С. Рунича, В. В. Самойлова, И. И. Свіязева, К. С. Сербиновича, Ѳ. Г. Солнцева, А. Н. Струговщикова, Э. И. Стогова, А. С. Стурдзы, А. Н. Сѣрова, Л. А. Сѣрякова, Д. К. Тарасова, графа Ѳ. П. Толстаго, Ѳ. М. Толстаго, князя Н. Ю. Трубецкаго, А. Ѳ. Ушакова, Г. П. Чернышева, кн. М. М. Щербатова, и друг. Въ этой библіотекѣ записокъ и воспоминаній русскихъ дѣятелей, со временъ Петра Великаго до нынѣшняго царствованія, видимъ представителей всѣхъ сословій: отъ фельдмаршала—до рядоваго, отъ царедворца—до монаха, отъ знаменитаго художника—до смиреннаго труженика, тернистымъ путемъ достигшаго извѣстности.

Обиліе матеріаловъ по отдѣлу записокъ и воспоминаній заставляетъ насъ въ теченіе года начинать иногда одновременно печатаніе нѣсколькихъ мемуаровъ, при чемъ, разумѣется, нѣтъ физической возможности оканчивать начатое въ двѣнадцати книгахъ ежегоднаго изданія. Но, имѣя въ виду эту необходимость, мы всегда старались и стараемся заканчивать каждый рядъ печатаемыхъ главъ какою либо опредѣленною эпохой. Какъ историческая энциклопедія—«Русская Старина» не можетъ подчиняться правиламъ литературныхъ періодическихъ изданій, которыя для удобства читателей стараются не переносить окончанія статей съ одного года на другой. Въ распоряженіи редакціи находятся мемуары нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей, состоящіе изъ нѣсколькихъ томовъ: возможно-ли оканчивать печатаніе подобныхъ историко-литературныхъ памятниковъ въ одинъ годъ, безъ ущерба прочимъ отдѣламъ нашей программы, безъ увеличенія самаго объема нашего изданія вчетверо?

Нынѣ представляемыя вниманію читателей «Русской Старины» «Воспоминанія И. А. Голышева» — принадлежатъ перу бывшаго крѣпостнаго крестьянина, который, благодаря неослабному своему терпѣнію, любознательности и жаждѣ знанія — почетный гражданинъ и членъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ обществъ. Этотъ скромный дѣятель на поприщѣ отечественной археологіи—живое доказательство той несомнѣнной и отрадной истины, что въ народной массѣ отечества нашего не оскудѣваютъ источники тѣхъ нравственныхъ силъ, представителями которыхъ, у насъ въ Россіи, были Посошковы, Ломоносовы, Кулибины, Слѣпушкины, Кольцовы, Никитины и многіе другіе. Ред.

I.

Голышевы.—Александръ Голышевъ.—Мое рожденіе.—Училище.—Промыслы отца.—Литографъ Лилье.—Рисовальная школа.—Первый опытъ литографіи.—Выходъ изъ школы.—Страсть къ естествознанію.—Ненависть раскольниковъ.—Освобожденіе отъ рекрутчины.

1838—1856.

Родъ Голышевыхъ одинъ изъ старинныхъ во Владимірской губерніи. Наслѣдственнымъ занятіемъ ихъ было иконописаніе, существующее съ давнихъ временъ въ древней Суздальской области. Въ выписи изъ переписныхъ Владимірскихъ книгъ 1646 года, въ числѣ сторожей при церкви во Владимірѣ упоминается Олешка Емельяновъ сынъ Голышевъ съ сыномъ Гришкою [1]; означенный сынъ Григорій, вѣроятно изучивъ во Владимірѣ иконописаніе, переселился

[1]) Владимір. Губерн. Вѣдом., № 8, 1878 г. И. Г.

въ сл. Мстеру [1]) въ 1718 году. Въ старинныхъ актахъ упоминается въ числѣ трехъ иконниковъ Григорій Голышевъ, который, при княгинѣ Настасьѣ Борисовнѣ Ромодановской, работалъ въ придѣлѣ иконостасъ [2]). Далѣе упоминались: въ 1732 году Иванъ Семеновъ Голышевъ; въ 1737 году Александръ Семеновъ Голышевъ; въ 1741 году Михайло Семеновъ Голышевъ; въ 1743 году Семенъ Григорьевъ Голышевъ [3]). Въ концѣ минувшаго столѣтія принадлежалъ къ лучшимъ мастерамъ иконописи и особенно по финифти единственный мастеръ Козма Ивановъ Голышевъ, умершій скоропостижно въ 1826 году. Преемникомъ его по иконописанію, и частію по живописи масляными красками на деревѣ и полотнѣ, былъ крестьянинъ слободы Мстера (вотчины графа Виктора Никитича Панина) Александръ Козмичъ Голышевъ, родившійся въ 1805 году. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ избранъ крестьянскимъ обществомъ въ сельскіе (по тогдашнему земскіе) писаря, и въ этой должности прослужилъ 10 лѣтъ. Послѣ былъ избранъ въ бурмистры и эту службу проходилъ три года. Ревностный поборникъ православія и преслѣдователь раскола, бывшаго въ большихъ размѣрахъ въ сл. Мстерѣ, онъ все время общественной своей службы заботился объ огражденіи православныхъ, и о преслѣдованіи раскола; но происки и деньги превозмогли: Александръ Козмичъ былъ удаленъ отъ общественныхъ должностей, и принялся за обычное свое занятіе—иконопись.

Въ 1838 году 14-го іюня, родился у него сынъ Иванъ, пишущій эти строки. Грамотѣ обучался я въ приходскомъ сельскомъ училищѣ, въ которомъ преподавателями были приходскій священникъ, дьяконъ, и еще старикъ заштатный священникъ, замѣнявшій молодаго своего родственника. Обученіе было, по тогдашнему времени, самое незавидное: церковною или славянскою азбукою, часословомъ и псалтырью ограничивалась словесность; письмо, гусиными перьями, малолѣтки 7—8-ми и не болѣе 10-ти лѣтъ выводили каракулями; тѣмъ и

---

[1]) Слобода Мстера, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи, прежде состояла въ Суздальскомъ уѣздѣ, была царскою собственностью, потомъ пожалована князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому; въ ней были два монастыря, мужской и женскій, на содержаніи его рода; князь Михаилъ Григорьевичъ съ семействомъ погребенъ въ здѣшнемъ храмѣ; названіе имѣло это мѣстечко Богоявленскою слободою на рѣкѣ Мстерѣ, а послѣднее дано отъ рѣки.

[2]) Владимір. Губер. Вѣдом., № 27, 1871 г. Ежегодникъ Владимір. Статистич. Комит. Суздальская Иконопись, т. I, вып. I, стр. 216.

[3]) Владимір. Губер. Вѣдом., № 22, 1873 г. Ежегодникъ Стат. Комит., т. 1, вып. I, стр. 216.

И. Г.

оканчивался курсъ ученія. Объ ариѳметикѣ, о грамматикѣ не было помину, и только весьма рѣдко, по вечерамъ, мы слышали разсказы священника изъ ветхаго и новаго завѣта. Возвращаясь изъ училища домой, я, подъ руководствомъ отца, занимался рисованіемъ на бумагѣ, растираніемъ для него краски, писаніемъ образовъ на стеклѣ и на доскахъ; но это обученіе не знакомило меня съ правилами рисованія. Не легко было отцу, послѣ общественной должности, приниматься опять за свое ремесло, скудно вознаграждающее семейную жизнь: дѣтей у него было 5 человѣкъ, работникъ же онъ одинъ, а потому онъ и прибѣгалъ къ разнымъ способамъ промышленности, чтобы удобнѣе обезпечить семейный бытъ. Вздумалъ-было писать образа на стеклахъ для сбыта торговцамъ-офенямъ, но это не много дѣлало подспорья. Устроилъ-было косметическое заведеніе, для выдѣлки помады, духовъ, мыла, курительныхъ свѣчекъ и т. п., что и работалось своей семьей, но и это производство не усовершенствовалось. Это ремесло сблизило его съ Москвою, которая была ему знакома и прежде по дѣламъ службы въ бытность его бурмистромъ, такъ какъ прежній помѣщикъ, предшественникъ графа В. Н. Панина, генералъ И. В. Тутолминъ проживалъ въ Москвѣ. Теперь сношенія отца съ столицею стали по производству и закупкѣ матеріаловъ. Свои косметическія издѣлія онъ продавалъ тѣмъ же офенямъ, вмѣстѣ съ галантерейными мелочными товарами. Торговля эта шла не особенно прибыльно и оборотъ былъ самый малый.

У отца была страсть ко всякимъ нововведеніямъ. Въ Москвѣ онъ натолкнулся на производство свѣтописи, называвшееся тогда дагерротипомъ. Изучивъ поверхностно это дѣло и обзаведясь снарядами, отецъ разъѣзжалъ по сосѣднимъ городамъ и снималъ портреты. Неудачные опыты и плохое вознагражденіе за трудъ заставили отца бросить и эту попытку, которая стоила ему не мало времени и издержекъ. Присовѣтовали ему добрые люди заняться какимъ нибудь промысломъ въ нашей Мстерѣ—торговомъ офенскомъ мѣстечкѣ—и указали на торговлю народными книжками и картинками, которыя въ большомъ ходу у офеней. Московскіе издатели народныхъ произведеній печати открыли ему небольшой кредитъ и эта торговля, около 1846 года, начала помаленьку развиваться. При этомъ въ то же время отецъ обратилъ вниманіе на раскраску лубочныхъ картинокъ. Сношенія съ Москвою дѣлались болѣе и чаще; картинки въ видѣ опыта онъ привозилъ нераскрашенными, и при содѣйствіи своихъ дочерей-дѣвицъ сталъ вводить эту раскраску въ Мстерѣ. Это занятіе приняло у насъ промышленный характеръ для женскаго пола.

Дѣтскій возрастъ мой въ средѣ крестьянскихъ дѣтей былъ неза-

виденъ, но отецъ, какъ одного сына, лелѣялъ меня; отъ рожденія слабый здоровьемъ, я немало доставлялъ заботъ моему отцу. Любя собирать травы и растенія и немного знакомый съ медициною, онъ принималъ дѣятельныя мѣры къ сбереженію моего здоровья; особенно помню, когда я болѣлъ глазами и корью вмѣстѣ съ золотухою. Около года я не видѣлъ божьяго свѣта, и окончательное излеченіе оказано мнѣ было въ Москвѣ, въ глазной больницѣ; однакоже, одинъ глазъ остался неизлечимымъ и неспособнымъ къ занятіямъ на всю жизнь.

Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, отецъ мой познакомился въ Москвѣ съ литографомъ Э. Лилье, у котораго онъ покупалъ картины. Лилье посовѣтовалъ отцу отдать меня учиться въ Москву и обѣщалъ постараться о моемъ опредѣленіи во 2-ю рисовальную школу, учрежденную графомъ Строгановымъ, въ которой самъ литографъ Лилье обучался и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ директоромъ школы Гальфторомъ. Отецъ не замедлилъ воспользоваться такимъ предложеніемъ, взялъ меня съ собой въ Москву. Я съ большою охотой отправился, не взирая на слезы матери, сестеръ и родныхъ; всѣмъ казалось страннымъ, что отецъ единственнаго сына отправляетъ на чужую сторону. Большинство осуждало и насмѣхалось. По прибытіи въ Москву, отецъ оставилъ меня у Лилье. Это было въ іюлѣ 1849 года. Представили меня директору рисовальной школы, и онъ обѣщалъ послѣ лѣтнихъ каникулъ принять меня. У Лилье я пробылъ недолго. Онъ заставлялъ меня не столько учиться рисованію, сколько бѣгать на посылкахъ. Въ это же время я ходилъ, съ письмами отъ отца, къ разнымъ картиннымъ мастерамъ. Пріютили-было меня въ другомъ заведеніи—Глушкова, но и тамъ я пробылъ недолго; отсюда попалъ я въ заведеніе металлографіи Лаврентьевой. Содержатели его, братъ-холостякъ и сестра, оба пожилыхъ лѣтъ, очень полюбили меня и перевели на житье къ себѣ. Хотя они жили въ четырехъ или пяти верстахъ отъ школы, но я охотно остался у нихъ. Въ школѣ я былъ опредѣленъ въ 1-й классъ; плата полагалась 9 руб. въ годъ съ ученика, но за содержаніе мое у Лаврентьевой отецъ ничего не платилъ, такъ какъ покупалъ у нея картинный товаръ, да и по любви ко мнѣ Лаврентьевы не хотѣли брать денегъ. Школу, первое время, я посѣщалъ аккуратно, не пропуская ни одного класса. Такъ какъ я нѣсколько былъ знакомъ съ рисованіемъ, то скоро былъ переведенъ во 2-й классъ, пробывъ въ первомъ не болѣе года. Здѣсь я ознакомился со многими учениками, старался узнать какая у каждаго изъ нихъ будущность. Товарищи оказались тоже крѣпостными крестьянами помѣщика Гардифа. По достаточномъ обученіи или по окончаніи курса, они должны были поступить на фарфоровую и фаянсовую фабрики ихъ по-

мѣщика, для производства работъ. Были еще и другіе ученики, также отданные въ ученье помѣщиками. Со всѣми съ ними обращались грубо у помѣщика и не менѣе строго въ школѣ. Побои, пинки, подзатыльники серебряною табакеркой, стрижка волосъ, въ насмѣшку, съ лысинами и розги—въ то время были въ ходу и въ школѣ и внѣ школы. Ко мнѣ директоръ относился благосклоннѣе и снисходительнѣе нежели къ другимъ ученикамъ. Отецъ нерѣдко посылалъ ему подарки; можетъ быть, поэтому-то я и пользовался его благосклонностью. Узналъ я также, что по окончаніи полнаго курса не могу получить диплома или аттестата, который избавилъ бы меня отъ податнаго состоянія. Аттестатами удостоивали лишь тѣхъ учениковъ, которымъ помѣщикъ давалъ вольную; всего же чаще случалось, что ученикъ, окончившій курсъ, обращаясь къ помѣщику за отпускной, вольной не получалъ, а оставался у помѣщика. Здѣсь ему приходилось исполнять художественныя прихоти барина и всю жизнь влачить въ качествѣ двороваго, да такъ и гибнуть съ своими талантами, отнятыми властною рукой помѣщика. Все это тяжелымъ камнемъ отзывалось во мнѣ: мнѣ было извѣстно, что помѣщикъ нашъ никого на волю не отпускалъ, а я не видѣлъ исхода къ освобожденію и школьныя мои занятія не обѣщали принести мнѣ существенной пользы. На родину я пріѣзжалъ разъ въ годъ, во время лѣтнихъ каникулъ, съ іюня по сентябрь. Ради сбереженій денегъ, часто приходилось путешествовать на долгихъ, т. е. при возахъ съ товарами. Такіе переѣзды изъ Москвы за 300 верстъ совершались съ недѣлю времени; иногда приходилось трястись на задкахъ или передкахъ рядомъ съ ямщиками бывшихъ тарантасовъ. На каникулы я бралъ изъ школы оригиналы, съ которыхъ и рисовалъ; кромѣ того, у меня была страсть къ рисованію съ натуры деревьевъ и видовъ. Часто цѣлые лѣтніе дни я проводилъ за такою работой. Такъ какъ я жилъ постоянно въ Москвѣ, то отецъ мой чрезъ нѣкоторое время сталъ давать мнѣ порученія по своимъ торговымъ дѣламъ. Классы были только съ 8-ми до 12-ти часовъ утра; остальное время было свободно. Пользуясь имъ, я доставлялъ книгопродавцамъ и картинщикамъ письма, заказы и деньги; извощики отъ отца привозили ихъ, а потомъ забирали товаръ и отправлялись обратно. По этой части я отдавалъ отчеты отцу. Школьныя занятія, при моемъ отчаяніи получить аттестатъ, мнѣ опостылѣли; меня постоянно тревожила мысль, что я попаду въ дворню къ барину и попаду на чужую сторону. При всемъ томъ и при малыхъ успѣхахъ въ рисованіи я былъ переведенъ въ 3-й классъ, на акварельныя работы. Не задолго передъ тѣмъ меня очень занимало литографическое производство. Въ то время литографій было очень не много; производство это въ рукахъ печат-

никовъ и содержателей держалось въ секретѣ, мнѣ же хотѣлось непремѣнно изучить литографическое искусство. Обратиться съ просьбой къ моему покровителю Лилье я боялся, чтобы онъ не разрушилъ моихъ плановъ. Камня взять было неоткуда—я даже и не зналъ, гдѣ его можно купить. Въ заведеніи у Лаврентьевой была металлографія, но о литографіи въ немъ не имѣли понятія. Я просилъ промотавшихся литографовъ и печатниковъ, чтобы дали они мнѣ руководство и достали литографическій камень; но они нѣсколько разъ меня обманывали, пользуясь данными имъ деньгами. Спрашивая по разнымъ мѣстамъ литографическихъ камней, я наконецъ нашелъ въ одной лавкѣ такой камень. Отшлифовавъ его какъ нужно по наученію мелкой руки печатниковъ, я принялся рисовать на немъ картинку: Іовъ на гноищѣ; кончилъ, захотѣлъ оттиснуть... но увы! камень оказался не литографическій, а «дикарь», или плита для краски! Въ досадѣ я разбилъ его въ дребезги.... Наконецъ, мнѣ растолковали, что настоящіе камни можно купить только въ иностранной конторѣ, что̀ я немедленно исполнилъ; но сколько ни рисовалъ—все неудача. Одинъ литографъ разъяснилъ мнѣ наконецъ, что дѣло состоитъ въ хорошей шлифовкѣ камня. Онъ вышлифовалъ и приготовилъ мнѣ камень, и я сдѣлалъ на немъ рисунокъ: «проспектъ семи башенъ въ Константинополѣ». Для подписи потребовался другой мастеръ, который за деньги сдѣлалъ и это; затѣмъ я узналъ, что, кромѣ карандаша, существуетъ еще химическая тушь; нужно было вытравить кислотой и оттиснуть; это было сдѣлано однимъ печатникомъ-литографомъ. Тогда, по небольшому распространенію литографнаго дѣла, много значила вытравка рисунковъ; при неумѣньи могъ окончательно испортиться и хорошій рисунокъ. Я былъ въ восторгѣ, когда принесли мнѣ отпечатокъ, хотя онъ, какъ первый опытъ, не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Это было въ 1853 году. Три года обученія въ школѣ ознакомили меня съ ценсурными правилами. Неоднократно для моей хозяйки носилъ я въ ценсуру картинки и получалъ ихъ обратно, ѣзжалъ и въ Троицкую лавру въ духовную ценсуру. Я чрезвычайно былъ доволенъ, когда на нарисованныхъ мною оригиналахъ по ея заведенію была вырѣзана подъ гравюрами на мѣди моя фамилія. Особенно я помогалъ хозяйкѣ по смерти брата ея, умершаго въ 1850 году, въ нашемъ домѣ въ сл. Мстерѣ, проѣздомъ на ярмарку въ сл. Холуй. Теперь мнѣ хотѣлось съ рисунка сдѣлать побольше отпечатковъ и послать отцу. Оригиналъ былъ проценсурованъ; я купилъ бумаги и отдалъ отпечатать $^1/_2$ стопы въ одной вновь открывшейся литографіи; но отъ Лилье я все это почему-то скрывалъ, какъ-бы предугадывая его недовольство, когда онъ узнаетъ о моей попыткѣ къ литографіи. Кар-

тинки отпечатали, но цензура выпускной билетъ не выдала, за неозначеніемъ фирмы литографіи. Фирму же этого заведенія показать было нельзя, ибо она существовала подъ вѣденіемъ военнаго госпиталя и не имѣла офиціальнаго права печатать на частныхъ лицъ [1]). Я находился въ затруднительномъ положеніи: цензура не даетъ билета, а безъ него изъ литографіи не даютъ отпечатанныхъ картинъ и камня. Какъ ни непріятно мнѣ было, но я отправился къ Лилье просить согласія показать фирму его заведенія на десяти экземплярахъ, нужныхъ для цензуры. Онъ согласился, указана была его литографія, билетъ я получилъ, а также картины и камень изъ литографіи.

Этотъ первый опытъ въ литографіи имѣлъ печальныя послѣдствія; вскорѣ я видѣлъ Лилье у директора школы, который сталъ относиться ко мнѣ суровѣе прежняго, и перемѣстилъ меня опять во 2-й классъ. Это обстоятельство окончательно охладило во мнѣ охоту заниматься въ школѣ. Прежняя мысль обуяла меня, что, при посредствѣ школьныхъ занятій, я не миную попасть на барскій дворъ, а свободы не получу. Не сказавъ никому и не простясь съ директоромъ, я пересталъ ходить на занятія, бросилъ ученье, и меня исключили какъ негоднаго ученика. Отецъ мой былъ недоволенъ моимъ поступкомъ, но все же ничего со мной не сдѣлалъ, только пригрозилъ всякими непріятностями. Прилежно занимаясь литографнымъ дѣломъ, я остался въ Москвѣ. Чрезъ нѣкоторое время перешелъ жить въ литографію одного небогатаго гравера; покупалъ камни, рисовалъ на нихъ, и платилъ только за отпечатаніе съ сотни картинокъ. Независимо отъ своей рисовки, отдавалъ рисовать и другимъ мастерамъ, и отпечатанныя картины посылалъ отцу на продажу. Въ то же время я исполнялъ торговыя порученія отца. Помню мою радость, когда я однажды продалъ нѣсколько сотень своихъ картинокъ петербургскому торговцу Апраксина двора; это было въ 1854—1855 годахъ, во время крымской войны и кончины государя императора Николая Павловича, когда на «современныя» картинки возрастало требованіе. Меня не покидала мысль объ основаніи литографіи въ слободѣ Мстерѣ, куда я часто пріѣзжалъ изъ Москвы. Земляки смотрѣли на меня какъ-то недружелюбно и даже съ презрѣніемъ; потому ли,

---

[1]) Я помню тогда, при строгости московскаго губернатора графа А. А. Закревскаго, очень мало давали дозволеній на печатныя заведенія, и потому продавали прежде-полученное право или разрѣшеніе, за дорогія деньги, вмѣстѣ съ заведеніемъ. Эта литографія подъ видомъ казенныхъ работъ, которыя печатала безплатно, принимала и частные заказы—ярлыковъ и этикетовъ и т. п.—лишь бы пользоваться правомъ имѣть заведеніе. **И. Г.**

что я былъ бойчѣе ихъ дѣтей, одѣвался прилично по городскому, или просто изъ зависти, такъ какъ я первый изъ нашихъ крестьянъ, не имѣя порядочнаго состоянія, получилъ, хотя и крайне поверхностное, образованіе въ Москвѣ, занимался то рисованіемъ съ натуры, то возился съ самодѣльною электрическою машиной. Къ естественнымъ наукамъ у меня, какъ и у моего отца, была страсть, и собрано у насъ было немало разныхъ физическихъ снарядовъ: барометръ, термометръ, зрительныя трубы, камера-обскура, волшебный фонарь, китайскій фейерверкъ, китайскія тѣни, астролябія и проч. Я изучалъ и землемѣріе съ нѣкоторыми знакомыми землемѣрами по астролябіи и бусоли, но, по незнанію ариѳметики, не много успѣлъ; читалъ лечебники и, подъ руководствомъ отца, оказывалъ медицинскія пособія крестьянамъ, разумѣется, безденежно; перегонялъ чрезъ кубикъ розовую и черемуховую воду для глазъ, собиралъ насѣкомыхъ и бабочекъ, также воспитывалъ нѣкоторыхъ птицъ: филиновъ, совъ, цаплей, журавлей и орловъ, и звѣрей: барсуковъ, горностаевъ, зайцевъ, бѣлокъ и т. п.; водились живыми же въ бутылкахъ ужи, ящерицы, и проч.; кто бы и гдѣ ни поймалъ какую либо рѣдкую птицу или звѣрка, живыми или убитыми, приносилъ къ намъ въ домъ. Все это ставило меня какъ-бы выше другихъ молодыхъ людей и возбуждало ненависть. Богачи-раскольники, занимавшіе высшія общественныя должности, порѣшили въ 1856 году (когда мнѣ должно было исполниться 18 лѣтъ) отдать меня въ солдаты, сдѣлавъ изъ нашего семейства тройниковъ: отецъ, его родной братъ, живущій отдѣльно, и я, съ которыхъ не было отправлено рекрутской повинности, общественную же службу отца не принимали въ уваженіе [1]), ибо онъ удаленъ былъ отъ нея съ замѣчаніемъ и неудовольствіемъ помѣщика [2]), а потому на мой жребій и выпадала по тогдашнему «крас-

---

[1]) По правиламъ помѣщика, кто прослужилъ три года безпорочно въ общественной службѣ, бурмистромъ или писаремъ, лично освобождался отъ рекрутской повинности.

[2]) Въ 1844 году помѣщикъ графъ В. Н. Панинъ, писалъ: «Проступки бурмистра Голышева были велики и заслуживали бы примѣрнаго наказанія, а въ особенности за то, что онъ заковалъ самовольно крестьянъ въ желѣза, преграждалъ обиженнымъ принесеніе мнѣ жалобъ; по случаю кончины покойной моей родительницы и по уваженію просьбы всего мірскаго общества, также по сожалѣнію къ семейству Голышева и по уваженію оказаннаго имъ прежде усердія—я его прощаю». И въ 1848 году, по случаю его вмѣшательства въ общественныя дѣла, графъ В. Н. Панинъ предписалъ: «Объявить Голышеву, что онъ не возчувствовалъ какъ слѣдовало снисхожденіе, оказанное ему въ годъ кончины покойной матушки графини Софьи Владиміровны, по ходатайству мірскаго общества, а потому, если въ послѣдствіи дастъ поводъ къ распрямъ, то будетъ удаленъ изъ вотчины».

И. Г.

ная шапка». Все это держалось въ секретѣ, и раскольники злорадно толковали, что-де «московскому школьнику забрѣемъ лобъ». Дѣло объяснилось лишь тогда, когда отецъ мой представилъ въ вотчинное правленіе за меня, какъ одинокого, за четверть рекрута 150 руб. По этому взносу одиночки навсегда лично освобождались отъ рекрутства: денегъ не приняли и участь моя была рѣшена. Тогда отецъ мой со мной вмѣстѣ поѣхалъ въ С.-Петербургъ. Графу В. Н. Панину отецъ мой поднесъ моей работы картину «виды храмовъ слободы Мстеры». Графъ остался доволенъ этимъ рисункомъ, уважилъ просьбу отца и предписалъ въ Мстеру, чтобы деньги за меня были приняты, чрезъ что я и освободился отъ рекрутчины.

II.

Открытіе литографіи въ сл. Мстерѣ.—К. Н. Тихонравовъ.—Приглашеніе въ члены статистическаго комитета.—В. П. Безобразовъ.—Уставныя грамоты.—Графъ В. Н. Панинъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Комитетъ грамотности.—Рисовальная школа и библіотека въ Мстерѣ.—Происки раскольниковъ.—Медаль.—Поднесеніе моихъ рисунковъ Государю Императору.—Отзывъ академіи художествъ.

1857—1863.

Къ 1857 году у меня набралось до 30-ти литографическихъ камней съ 60-ю рисунками. Въ этомъ году я окончательно переселился жить на родину, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли—открыть въ слободѣ Мстерѣ литографію. Отецъ первоначально обратился къ помѣщику о дозволеніи просить разрѣшенія губернатора. Тогда же мнѣ поручилъ мануфактуръ-совѣтникъ вязниковскій купецъ О. О. Сельковъ снять съ натуры и нарисовать видъ гор. Вязниковъ, для начальника губерніи Е. С. Тиличеева; а въ 1858 году, по сношеніи съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, открытіе литографіи было разрѣшено губернаторомъ на имя отца, такъ какъ мнѣ не было и 20-ти лѣтъ. Сначала я усиленно занимался рисовкою на камнѣ и составленіемъ оригиналовъ для народныхъ картинокъ, а также велъ всю переписку и сношенія по заведенію съ ценсурой и другими учрежденіями; мнѣ хотѣлось еще во всей подробности изучить и химическую часть этого производства, тогда еще мало распространеннаго. Я покупалъ въ Москвѣ руководства, на иностранныхъ языкахъ, съ которыхъ мнѣ переводили знакомые офицеры квартировавшаго здѣсь полка. Практическими опытами я изучилъ уже нѣкоторыя подробности и разъ, при вареніи химическихъ литографныхъ карандашей, едва не поплатился, отъ воспла-

менившей смѣси селитры съ горючимъ составомъ. Зная по опыту, какіе были въ Москвѣ плохіе рисовальщики, я не хотѣлъ привозить ихъ оттуда, но обратилъ вниманіе на мѣстныхъ иконописцевъ, которые оказались хорошими мнѣ помощниками по рисованію; нѣкоторые, въ послѣдствіи, поступили отъ меня въ заведенія Москвы, получая до 70 и болѣе руб. сер. въ мѣсяцъ. Изъ таковыхъ нынѣ до десяти человѣкъ проживаютъ въ московскихъ литографіяхъ. Потомъ пріучились къ дѣлу и печатники изъ мѣстныхъ же жителей, и заведеніе литографіи осуществилось. При пяти ручныхъ станкахъ, оно постоянно работало, выпуская ежедневно до 3,000 народныхъ картинъ, которыя потомъ раскрашивались дѣвушками малолѣтняго возраста, бѣдныхъ родителей, что и вошло у насъ въ постоянное занятіе женскаго пола. Болѣе 200 чел. бѣдныхъ семействъ занимаются нынѣ этимъ дѣломъ.

Въ 1859 году проѣзжалъ, для ревизіи губерніи, чрезъ с. Мстеру владимірскій губернаторъ Е. С. Тиличеевъ, въ сопровожденіи помощника правителя канцеляріи, секретаря статистическаго комитета, и редактора губернскихъ вѣдомостей К. Н. Тихонравова. Губернаторъ остановился у бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства И. А. Протасьева[1]), въ сосѣднемъ селѣ Татаровѣ, а К. Н. Тихонравовъ изъ любопытства пришелъ пѣшкомъ въ село Мстеру—посмотрѣть литографію и древній Богоявленскій храмъ. Здѣсь я показалъ ему видъ вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, отпечатанный мною для этой обители безденежно. К. Н. Тихонравовъ говорилъ мнѣ, что хорошо было-бы снять и напечатать видъ Суздальскаго монастыря съ могилой князя Д. М. Пожарскаго[2]). Я съ удовольствіемъ послѣдовалъ его совѣту и осенью-же отправился въ Суздаль, снялъ видъ и доставилъ вчернѣ г. Тихонравову. Онъ меня очень обласкалъ, сдѣлалъ надписи къ рисунку и подарилъ свое сочиненіе «Владимірскій Сборникъ», изданный имъ въ 1857 году. Потомъ я нарисовалъ этотъ видъ на камнѣ. Тотъ же К. Н. Тихонравовъ совѣтовалъ мнѣ заниматься рисованіемъ видовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей, также не упускать изъ виду и предметовъ древностей. Въ послѣдствіи я сталъ доставлять г. Тихонравову литографированные виды и рисунки. Въ 1861 году я получилъ неожиданно письмо за подписомъ губернатора, въ которомъ, съ увѣдомленіемъ о новомъ положеніи и преобразованіи статистическихъ комитетовъ, у меня спрашивалось: буде я желаю принять званіе почетнаго члена,

[1]) И. А. Протасьевъ скончался 11-го января 1875 г.

[2]) Могила князя Д. М. Пожарскаго открыта въ 1851 году; рисунокъ этотъ приложенъ къ V-му выпуску «Трудовъ Владимірскаго Статистич. Комитета».

И. Г.

то какую могу пожертвовать сумму въ комитетъ? Это первое губернаторское письмо поставило меня въ затруднительное положеніе, по ограниченности средствъ на пожертвованіе. Изъявляя благодарность, я отвѣчалъ, что всякій рисовальный трудъ готовъ исполнить съ усердіемъ; о деньгахъ-же не сказалъ ни слова.

Вслѣдъ за отвѣтомъ губернатору, я поѣхалъ во Владиміръ, чтобы лично объясниться съ К. Н. Тихонравовымъ; къ губернатору я не смѣлъ явиться. Помню, когда, вмѣстѣ съ отцомъ, мы являлись къ нему за разрѣшеніемъ открыть литографію, то долго ожидали въ прихожей, съ многочисленными просителями; лакей, не смотря на присутствіе дежурнаго жандарма, выпросилъ у отца сколько-то денегъ. Вышелъ губернаторъ, съ длинною трубкой во рту, взялъ прошеніе у отца, а я представилъ цензурованные и съ билетами рисунки, какъ доказательство своихъ начавшихся изданій народныхъ картинокъ. Губернаторъ очень грубо и отрывисто произносилъ: «это дрянь, это дрянь!» Я растерялся и не помню, что отвѣчалъ, кажется, что это не относится къ искусству, но губернаторъ много не далъ говорить; послѣ уже, чрезъ другихъ лицъ, ему передано, что моя работа находится у него въ кабинетѣ—видъ гор. Вязниковъ. Этотъ первый пріемъ произвелъ на меня неотрадное впечатлѣніе: вѣроятно, и успѣху въ дозволеніи и ходатайству у министра внутреннихъ дѣлъ—помогло заранѣе взятое согласіе графа В. Н. Панина. Съ этого времени я боялся губернатора, который чрезъ недолгое время, въ концѣ 1861 года, оставилъ губернію. К. Н. Тихонравовъ, по пріѣздѣ моемъ, принялъ меня благосклоннѣе прежняго, и тутъ же передалъ дипломъ на избраніе меня дѣйствительнымъ членомъ комитета, въ собраніи 8-го іюля 1861 года. Я объяснилъ ему, что готовъ служить рисованіемъ, но не перомъ, такъ какъ нигдѣ не учился, не знаю грамматики, не гораздъ писать. На это онъ съ добродушною улыбкой возразилъ: «тамъ увидятъ, когда будешь членомъ статистическаго комитета». Это былъ первый случай избранія изъ крестьянъ въ члены по означенному комитету въ нашей губерніи; впрочемъ, и послѣ того изъ этого сословія не было еще членовъ.

Въ этомъ же году проѣзжалъ слободой Мстерой В. П. Безобразовъ. Я былъ съ отцомъ на ярмаркѣ въ слободѣ Холуѣ, гдѣ торговали книгами и картинами. Отецъ мой съ нимъ познакомился здѣсь, а я видѣлся мелькомъ въ своей лавкѣ; въ послѣдствіи мы узнали, что онъ первый печатно упомянулъ о нашей литографіи, въ своихъ путевыхъ запискахъ [1]). Это обстоятельство познакомило меня съ В. П. Безобразовымъ,

[1]) «Русскій Вѣстникъ», т. 34, 1861 г. И. Г.

который потомъ состоялъ секретаремъ Императорскаго Географическаго общества.

Отца моего выбрали въ волостные старшины, а, по образованіи волости, предстояла надобность въ составленіи уставной грамоты. При условіяхъ малоземельности, по промышленной мѣстности, всѣмъ хотѣлось знать предварительный проектъ ея, или ознакомиться—на какомъ она должна быть основаніи. Отецъ послалъ меня въ одно имѣніе князя Долгорукаго (въ 50-ти верстахъ отъ сл. Мстеры), въ которомъ знакомый нашъ, бывшій прежде часто въ нашемъ домѣ, И. Я. Дубенскій (онъ до того времени былъ чиновникомъ особыхъ порученій при владимірскомъ губернаторѣ) занимался крестьянскимъ вопросомъ и составлялъ уставныя грамоты по разнымъ имѣніямъ. По этому же предмету онъ пріѣхалъ и въ это село изъ С.-Петербурга, въ которомъ проживалъ, оставивъ службу во Владимірѣ. Г. Дубенскій объяснилъ мнѣ на какихъ условіяхъ должна быть у насъ уставная грамота; составилъ два проекта. Потомъ онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ устроившемся въ то время въ С.-Петербургѣ комитетѣ грамотности, по указанію изданій книгъ для народной потребности и сообщать свѣдѣнія по народной книжной торговлѣ. При этомъ г. Дубенскій далъ мнѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и уговаривалъ побывать въ С.-Петербургѣ. Въ томъ же 1861 году въ первый разъ пріѣхалъ въ сл. Мстеру графъ В. Н. Панинъ для обзора имѣнія и предложенія условій по уставной грамотѣ. Мстерскіе крестьяне, богатаго состоянія и раскольники, на первыхъ еще порахъ вступленія въ службу отца, относились къ нему недружелюбно; отецъ, въ свою очередь, также воспользовался прежнимъ самовластьемъ и не забывалъ, при всякомъ случаѣ, мстить за его удаленіе отъ должности бурмистра. Поэтому ко всѣмъ его, хотя бы и правильнымъ, нововведеніямъ относились враждебно и къ проектамъ уставной грамоты относились такъ же, не довѣряя имъ, въ томъ предположеніи, что, по малоземельности при Мстерѣ, они совсѣмъ не будутъ платить оброка. Для графа В. Н. Панина отецъ постарался сдѣлать самый пышный пріемъ. Большія живыя стерляди, хорошія вина и ананасы—были приготовлены на счетъ общества; графъ подарилъ ему за это икону Владимірской Богоматери, въ серебряной вызолоченой ризѣ, и свою фотографическую карточку, а помощнику его—серебряный бокальчикъ. Икона Владимірской Богоматери, по смерти отца, пожертвована мною въ Богоявленскій храмъ на память о Панинѣ. Графъ пробылъ въ Мстерѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ три дня. Жители, служащія лица, а въ томъ числѣ и я, по пріѣздѣ графа цѣловали его руку и щеку; онъ, послѣ обзора храмовъ, посѣтилъ нашъ

домъ и литографію; также посѣтилъ священнослужителей, и поручилъ мнѣ выслать ему въ С.-Петербургъ оконченный мною тогда рисовкою на камнѣ видъ Суздальскаго монастыря, гдѣ погребенъ князь Д. М. Пожарскій, что мной и было исполнено.

По достаточномъ осмотрѣ имѣнія и угодій, графъ приказалъ собрать сходъ, на которомъ предложилъ крестьянамъ, что онъ желаетъ оставить все существующее въ ихъ пользованіе и на прежнемъ платежѣ оброка, т. е. какъ было до этого времени; крестьяне отвѣчали, что у нихъ мало земли [1]). Графъ обидѣлся и съ сердцемъ отвѣчалъ, что онъ и не нуждается въ ихъ согласіи, а что представитъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, да возьметъ въ свою собственность третью часть удобныхъ и доходныхъ угодій и это будетъ утверждено. Тутъ графъ быстро удалился со схода и приказалъ къ другому дню готовить лошадей для отъѣзда.

Отецъ мой между тѣмъ постарался уговорить и склонить крестьянъ, чтобы они согласились на предложеніе помѣщика, и когда карета была подана къ подъѣзду, крестьяне пали всѣ на колѣни. Графъ, выходя изъ комнаты садиться, спросилъ, что это значитъ? Крестьяне отвѣчали, что просятъ прощенія за вчерашнее несогласіе. Графъ сказалъ, что они его разстроили; онъ много хотѣлъ говорить, но они огорчили его, и теперь прощаетъ ихъ, а для окончательнаго согласія пришлетъ управляющаго.

Въ октябрѣ того же 1861 г., пріѣхалъ управляющій съ предписаніемъ отъ графа на имя отца, на котораго и вновь уже не замедлили поступать жалобы. Самъ графъ, зная его какъ врага раскольниковъ, въ предложеніи упомянулъ: «....нельзя однакоже ожидать успѣха, если будутъ допущены распри по предметамъ, относящимся до церковныхъ обрядовъ и мнѣній о духовныхъ предметахъ». Проектъ уставной грамоты долго не приводился въ исполненіе, но потомъ дѣло это уладилось. Какъ по этому предмету, такъ и по другимъ дѣламъ, которыхъ у отца моего возникло много, онъ поручилъ мнѣ ѣхать въ С.-Петербургъ. Въ эту поѣздку мнѣ представился случай быть у В. П. Безобразова, П. И. Небольсина, Н. Я. Дубенскаго, который представилъ меня предсѣдателю комитета грамотности С. С. Лашкареву. Всѣ они интересовались офенскою книжною торговлей, что я и объяснялъ на сколько могъ и обѣщалъ написать, что мнѣ извѣстно.

---

[1]) Земли при сл. Мстерѣ находится на 1,167 мужскаго пола душъ, удобной и неудобной, только 881 десятина 46 саженъ. И. Г.

Въ 1862 году 27-го января, меня избрали въ члены корреспонденты комитета грамотности при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ. По поводу его занятій, Н. Я. Дубенскій былъ со мною въ перепискѣ. Потомъ, я какъ-то надумалъ, сообщая разныя свѣдѣнія, написать коротенькую статейку по вопросу уничтоженія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и послалъ К. Н. Тихонравову. Къ большой моей радости эта первая статья появилась въ печати подъ заглавіемъ «Нужно ли имѣть хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ крестьянъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества» (№ 19 «Владимірскихъ Губ. Вѣд.» 1862 г.). Появленіе въ печати первой моей статьи поощрило меня, и я сталъ писать прилежно и читать все, что ни попадало подъ руки, особенно разныя изслѣдованія о Россіи.

По соглашенію съ отцомъ, я рѣшился учредить въ пустыхъ, свободныхъ комнатахъ общественнаго зданія волостнаго правленія безплатную воскресную рисовальную школу и библіотеку для чтенія. Рисовальную воскресную школу я видѣлъ и зналъ въ Москвѣ (она была тогда при Строгановскомъ училищѣ). Дозволеніе послѣдовало; 22-го апрѣля 1862 г., эти учрежденія торжественно были открыты. Мальчики охотно приходили для занятій, имъ нравились преподаваемые мною пріемы рисованія, по правиламъ столичнаго преподаванія, и такъ какъ они всѣ дѣти иконописцевъ бѣдныхъ семействъ, то и прилежно занимались рисованіемъ. Число учениковъ доходило иногда до 60-ти человѣкъ; классы продолжались отъ 11-ти до 3-хъ час. пополудни, сообразно съ погодою. Если въ праздникъ было ненастье, то занятія продолжались и дольше. Одновременно съ этимъ ученики брали для чтенія книги, коими пользовалися и всѣ желающіе жители. Учрежденія эти были поставлены въ весьма удовлетворительное положеніе; книгъ возрасло до 500 названій, нерѣдко ими присылались и пожертвованія [1]). За это доброе дѣло мои земляки относились не сочувственно, а общественныя распри съ отцомъ возбудили множество дѣлъ и жалобъ на него почти по всѣмъ инстанціямъ, по которымъ (то за справками, то за разъясненіемъ, то за копіями) отецъ очень часто посылалъ меня во Владиміръ. Чрезъ эти поѣздки сношенія мои съ К. Н. Тихонравовымъ дѣлались тѣснѣе; онъ также сталъ посѣщать сл. Мстеру и нашъ домъ, нерѣдко не одинъ разъ въ годъ, и помогалъ мнѣ разными совѣтами. Въ іюнѣ 1862 года, проѣзжая для

---

[1]) Отчеты объ этихъ учрежденіяхъ были своевременно помѣщены во «Владимірскихъ Губерн. Вѣд.» № 49, 1862 г. № 22, 1863 г. № 21, 1864 г. № 18, 1865 г. № 26, 1866 г. и перепечатаны въ «Занятіяхъ с.-петербургскаго комитета грамотности».

И. Г.

ревизіи губерніи, посѣтилъ школу и библіотеку владимірскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ А. П. Самсоновъ. Онъ говорилъ ученикамъ и жителямъ о пользѣ этихъ учрежденій. Община богатыхъ раскольниковъ, которымъ старшина-отецъ не давалъ пощады и которыхъ постоянно преслѣдовалъ [1]), подала просьбу лично губернатору, а потомъ и ревизовавшему по высочайшему повелѣнію губернію сенатору А. Х. Капгеру. Отца временно до пріѣзда сенатора удалили отъ должности старшины; сенаторъ, проѣзжая по губерніи, остановился у сосѣдняго помѣщика Е. И. Протасьева, у котораго мнѣ поручено было устроить въ саду иллюминацію и фейерверкъ; болѣе недѣли я провозился съ этими пустяками, но все вышло удачно и сенаторъ остался очень доволенъ. Онъ посѣтилъ мою школу и библіотеку, и послѣ предписалъ мировому съѣзду посредниковъ: «Что жалоба была подана, какъ онъ замѣтилъ, партіею старовѣровъ, враждебною Голышеву». Отца возвели опять на должность; все семейство и многіе знакомые совѣтовали ему послѣ этого обстоятельства—какъ онъ получилъ достойное удовлетвореніе—добровольно отказаться отъ дальнѣйшаго служенія, но отецъ, по самолюбію и страсти, опять продолжалъ служить еще съ бо́льшимъ мщеніемъ своимъ недоброжелателямъ.

[1]) Тогдашній нашъ мировой посредникъ, въ концѣ 1862 года, писалъ отцу частное письмо, въ которомъ говорилъ: «Переданныя мнѣ слова отъ графа Виктора Никитича Панина оказываются справедливы, и меня удивляютъ твои дѣйствія. Вотъ уже я другой годъ служу и дожидаюсь, не будетъ-ли въ тебѣ перемѣны, но къ прискорбію моему я не нахожу ничего, окромѣ твоей мстительности и недоброжелательства ко всѣмъ; но что для меня странно, для чего ты добивался службы? не забудь, что при вступленіи въ оную ты принималъ присягу—неужели для одного мщенія? и что ты съ твоею гордостью и всегдашнею злобой можешь получить? кромѣ непріятностей—ничего. Ты съ своимъ характеромъ постоянно думаешь, что всѣ тебѣ враги и желаютъ твоей гибели; я вѣрно знаю, что ты и меня считаешь первымъ тѣснителемъ, а именно за то, что я тебѣ сдѣлалъ только выговоръ; я же сдѣлалъ выговоръ для того, чтобы тѣмъ самымъ дать тебѣ почувствовать твою несправедливость, но ты не понялъ меня и принялъ это за притѣсненіе. Теперь скажу: обдумай хорошенько всѣ твои дѣйствія даже и противъ меня, я все видѣлъ, знаю и понялъ тебя, и навѣрно, если бы другой посредникъ на мѣстѣ моемъ, то много бы сдѣлалъ тебѣ зла; ты забылъ, что мщеніе есть смертный грѣхъ, ни законъ, ни служба не терпятъ его, а потому надо сдѣлать одно: или бросить злобу, или оставить службу, а иначе ты можешь погибнуть самъ отъ себя; придетъ время, что все твое мщеніе обратится на тебя, и ты вспомнишь мои слова, но будетъ уже поздно». Въ заключеніе посредникъ писалъ: «И такъ, А. К., прочитай вышеписанное, обдумай хорошенько и увѣдомь меня, на что ты рѣшишься, а ежели ты будешь упорствовать и дѣйствовать по прежнему, то я вынужденъ буду поступить согласно Положенію». Къ сожалѣнію, письмо это нисколько не повліяло на покойнаго отца моего. И. Г.

Занятій моихъ я не оставлялъ, сообщая статьи для губернскихъ вѣдомостей; нѣсколько сообщеній по книжной торговлѣ доставлено въ комитетъ грамотности съ препровожденіемъ образцовъ народныхъ книгъ и картинъ [1]). Мнѣ еще разъ пришлось по порученіямъ отца съѣздить въ С.-Петербургъ; тамъ я снова видѣлся съ учеными и съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ, который былъ проѣздомъ въ сл. Мстерѣ и заходилъ къ намъ въ домъ; съ нимъ у меня была небольшая переписка, по поводу его народныхъ изданій. В. П. Безобразову препровождалъ разныя свѣдѣнія; я отправилъ на его имя статьи—первые мои опыты «объ офеняхъ, книжной торговлѣ и иконописи», съ иконописными подлинниками, альбомами и эскизами иконописцевъ, и образцами иконъ. О нихъ упомянуто въ отчетѣ Императорскаго Географическаго общества за 1862 годъ и за нихъ я удостоенъ званія члена-сотрудника общества [2]). Отдѣленіе этнографіи признало справедливымъ присудить мнѣ бронзовую медаль [3]). Она была мнѣ выслана почти одновременно съ отчетомъ. Нечего и говорить, что это было радостною неожиданностью для начинающаго крестьянина-самоучки!

Между тѣмъ, вражда отца съ обществомъ и ихъ преслѣдовательныя отношенія, слѣдствія и судебныя дѣла—мнѣ страшно были непріятны; я постоянно мечталъ о выходѣ какъ нибудь изъ общества, и исходъ этотъ могъ представляться въ одномъ: представить въ академію художествъ рисунокъ и просить удостоенія званія неклассснаго художника. Въ Москвѣ мнѣ было извѣстно много подобныхъ случаевъ полученія этого званія даже не за свои собственныя работы; рисунки дѣлали другіе за деньги, а просители выдавали ихъ за собственное искусство. Мнѣ тѣмъ болѣе было желательно обратиться съ моею просьбою въ академію, что она, можетъ быть, обратитъ вниманіе на труды мои по воскресной рисовальной школѣ. Рисунокъ, посланный въ академію, изображалъ народный праздникъ. Исполненъ онъ былъ на литографическомъ камнѣ и потомъ раскрашенъ акварелью; при этомъ были приложены 25 рисунковъ ученическихъ школьныхъ работъ.

Это было въ началѣ 1863 года. Изъ академіи я получилъ офиціальное увѣдомленіе, что рисунки будутъ разсматриваться въ августѣ мѣсяцѣ; самъ я не поѣхалъ въ С.-Петербургъ: по академіи зна-

---

[1]) Сообщенія мои напечатаны: Экономическія Записки № 50, 1862 г. Занятія комитета грамотности, вып. II и VI, 1863 г., №№ 1, 2, 5 и 6, 1867 г.

[2]) Отчетъ Императорскаго Географическаго общества за 1862 г., стр. 77.

[3]) Тамъ же, стр. 19. И. Г.

комства не было, да и денегъ тоже не было, такъ какъ отецъ отпускалъ ѣхать и давалъ для поѣздокъ деньги только тогда, когда нужно было это по его дѣламъ; просить о содѣйствіи не зналъ кого и боялся, что если бы я пріѣхалъ въ Петербургъ, то заставятъ меня жить тамъ и дадутъ новыя работы на просимое мною званіе. Слабость своихъ художественныхъ способностей я сознавалъ и, главное, мнѣ было извѣстно, что нѣкоторые московскіе, не совсѣмъ хорошіе въ искусствѣ, граверы и литографы, получавшіе такое званіе, тратили большія деньги; я боялся, если поручатъ при академической обстановкѣ работать и особенно скоро, то я могу совершенно растеряться.

Въ томъ же 1863 году, 7-го августа, проѣзжалъ до Нижняго Новгорода и обратно Государь Императоръ. Тутъ мнѣ пришла мысль поднести Его Величеству нѣкоторые виды своей работы. На обратномъ пути Государя Императора, отецъ мой, какъ старшина, прибылъ на станцію «Мстера» желѣзной дороги, съ хлѣбомъ-солью. Народу было безчисленное множество, но поѣздъ не остановился; Государь Императоръ имѣлъ послѣ-обѣденный отдыхъ. Отецъ вернулся домой, а я остался на станціи, чтобы вечеромъ ѣхать съ поѣздомъ во Владиміръ: не удастся-ли тамъ.... На станцію же пріѣхалъ сосѣдній со мной помѣщикъ Е. И. Протасьевъ; на спросъ о моей поѣздкѣ, я объяснилъ ему. Онъ сказалъ, чтобы утромъ я приходилъ къ нему во Владиміръ. Все это я исполнилъ; въ домѣ отца его, предводителя дворянства, И. А. Протасьева, остановился шефъ жандармовъ князь Вас. А. Долгоруковъ, и предводитель обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе. Меня послали въ домъ дворянскаго собранія, въ которомъ я до этого никогда не бывалъ. Здѣсь соизволилъ остановиться Государь Императоръ. Я сталъ у подъѣзда въ числѣ громадной толпы народа, но меня скоро оттолкнули, а полиціймейстеръ просто отогналъ, не принявъ никакихъ моихъ объясненій, да еще и выругался. Тутъ присовѣтовалъ мнѣ случайно встрѣтившійся небольшой чиновникъ—идти прямо въ домъ. Я робко вошелъ въ двери, по сторонамъ которыхъ стояли два черкеса. Замѣтя, что меня не гонятъ и ничего не спрашиваютъ, я сталъ у окна, и постепенно снялъ калоши, потомъ верхнее пальто, а когда увидалъ подъѣхавшаго предводителя, то открылъ спрятанную до сего въ платкѣ папку съ рисунками, съ отпечатанными на ней золотыми буквами Августѣйшаго Имени. Потомъ подошелъ къ входившему въ подъѣздъ предводителю. Въ соборѣ заблаговѣстили къ обѣднѣ; прошло не болѣе полчаса; предводитель, сбѣгая по парадной лѣстницѣ, махнулъ мнѣ рукой и сказалъ, чтобы я шелъ за нимъ; онъ оставилъ меня на лѣвой сторонѣ двери выхода изъ внутреннихъ покоевъ, предъ самою лѣстницей, а направо стояли крестьяне ближнихъ во-

лостей съ хлѣбомъ-солью. Первымъ изъ дверей вышелъ предводитель и сталъ со мной рядомъ; за нимъ вышли князь Долгоруковъ и графъ Адлербергъ 2-й. Они что-то спросили меня, а предводитель объяснилъ имъ о поднесеніи моихъ трудовъ Государю Императору. Князь и графъ остановились тутъ же, а самымъ первымъ по выходу находился я.

Государь, поздоровавшись съ крестьянами, быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Это что такое?»

Я наскоро объяснилъ и не растерялся; папку я держалъ въ рукахъ.

Государь Императоръ милостиво просматривая рисунки (ихъ было семь и въ концѣ приложенъ печатный отчетъ о рисовальной школѣ съ библіотекой), при каждомъ изволилъ спрашивать «это что?» я отвѣчалъ и объяснялъ рисунки.

Затѣмъ Государь изволилъ спросить: «Ты гдѣ учился?» Я отвѣчалъ, что въ Строгановской школѣ. Государь сказалъ: «А, это въ Москвѣ», соизволилъ милостиво принять альбомъ, произнесъ «благодарю» и, передавая губернатору А. П. Самсонову, слѣдовавшему за нимъ, приказалъ:

— «Отдайте мнѣ на желѣзную дорогу, я разсмотрю».

При этомъ Его Величеству предводитель дворянства доложилъ, что я крестьянинъ изъ его уѣзда, а губернаторъ—какъ о членѣ статистическаго комитета. Его Императорское Величество еще повторилъ весьма милостиво, «благодарю» и отправился въ соборъ.

Когда я сходилъ съ лѣстницы, кто-то изъ придворныхъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что меня нужно записать, но какъ я объяснилъ, что на папкѣ есть и мое званіе, то тутъ же отпустили. Вскорѣ чрезъ губернатора я удостоился получить Всемилостивѣйше пожалованные отъ Его Величества золотые часы за это поднесеніе. При поднесеніи я находился въ какомъ-то особенномъ восторгѣ; долго не могъ послѣ придти въ себя, тѣмъ болѣе, что выпала мнѣ счастливая доля отвѣчать на нѣсколько вопросовъ Государя и глядѣть прямо въ Его очи! Не знаю, не понимаю, какъ я не растерялся и не оробѣлъ.... Предводитель послѣ не одинъ разъ упоминалъ, что я хорошо отвѣчалъ Государю. Очнувшись отъ восторга, я бросился къ К. Н. Тихонравову, который еще ничего не зналъ, и онъ порадовался отъ души. По полученіи подарка отъ Государя Императора, я сообщилъ о томъ В. П. Безобразову, равно и о предстоящемъ въ этомъ мѣсяцѣ дѣлѣ по академіи художествъ. Въ исходѣ 1863 года я получилъ отъ него увѣдомленіе и, по болѣзни глазъ—диктованное имъ письмо, въ которомъ онъ, къ огорченію, извѣщаетъ, что мое письмо было получено въ С.-Петербургѣ во время его пребыванія въ деревнѣ, и ког-

да онъ вернулся, то было поздно и въ академіи въ просьбѣ моей отказано. Академія художествъ выслала рисунки мои съ увѣдомленіемъ, что рисунки признаны неудовлетворительными. Я началъ усерднѣе и усиленнѣе писать для владимірскаго статистическаго комитета, исполнялъ его порученія, а къ его изданіямъ [1]) прилагать безплатно литографированные рисунки и виды. Также началъ обращать вниманіе на этнографію, предметы промышленности и археологію, учился разбирать старинныя рукописи и акты; въ затрудненіяхъ нерѣдко оказывалъ мнѣ содѣйствіе и помогалъ мнѣ словомъ и дѣломъ почтенный и уважаемый К. Н. Тихонравовъ [2]).

Слобода Мстера. **Ив. А. Голышевъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Съ 1863 года Владимірскій статистическій комитетъ началъ издавать «Труды», коихъ вышло 10 выпусковъ.

[2]) Книгъ по археологіи и другимъ изслѣдованіямъ я не имѣлъ, да и негдѣ было взять здѣсь; въ частыя поѣздки во Владиміръ по дѣламъ отца, я, находясь тамъ по нѣскольку дней, разсматривалъ таковые у К. Н. Тихонравова, а также и разные журналы; нѣкоторые изъ лишнихъ у него онъ мнѣ дарилъ, а изъ другихъ я выписывалъ необходимые матеріалы, для чего и просиживалъ цѣлыя ночи; нѣкоторые источники увозилъ съ собой, и по выпискѣ матеріаловъ пересылалъ обратно; переписка съ г. Тихонравовымъ была постоянная; у меня множество его писемъ. Въ слободѣ Мстерѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться, не съ кѣмъ бывало промолвить слова по отношенію къ наукамъ: не только не получали здѣсь журналовъ, но и газеты дешевой цѣны были чрезвычайною рѣдкостью. И. Г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

ЕГО

ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ.

1799—1837.

Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ изданія «Русской Старины», на страницахъ ея были напечатаны, между многими другими, слѣдующія статьи, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ біографіи Пушкина:

Евдокія Андреевна Ганнибалъ, 1731 — 1753. Бракоразводное дѣло прадѣда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала, съ первою его женою, рожденною Діоперъ. Сообщ. о. С. И. Опатовичъ (1877 г., томъ XVIII, стр. 69—78).

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, 1797—1846. Нѣкоторыя подробности о пребываніи Пушкина въ лицеѣ, его пріязнь къ Кюхельбекеру (1875 г., т. XIII, стр. 337—338).

А. С. Пушкинъ. Разсказъ о предсказаніи ему въ 1818 г. насильственной смерти. Сообщ. А. Н. Вульфъ (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 582).

Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ. Замѣтка Ө. Н. Глинки. Черта къ характеристикѣ Пушкина (1871 г., т. III, стр. 245).

Русскій театръ при Александрѣ I. Воспоминанія П. А. Каратыгина: Пушкинъ въ 1819 году. Его эпиграмма на фигуранта Дембровскаго (1872 г. т. VI, стр. 304—305).

Карточный должокъ Пушкина, 20-го ноября 1819 г. Сообщ. Л. Мацѣевичъ (1878 г., т. XII, стр. 498—502).

Судьбы V-й главы «Евгенія Онѣгина». Сообщ. Н. П. Кичеевъ (1878 г., т. IX, стр. 564).

Скобелевъ и Пушкинъ. Два письма И. Н. Скобелева о стихотвореніяхъ Пушкина; отвѣтъ въ стихахъ, 3-го октября 1822 и 17-го января 1824 г. (1861 г. т. IV, стр. 667—673).

Встрѣчи съ Пушкинымъ, 6-го августа 1824 г., въ 1825,—1830,—1832 и 1837 годахъ. Сообщ. А. Распоповъ (1876 г., т. XV, стр. 464—467).

Войнаровскій. Поэма К. Ѳ. Рылѣева. Въ примѣчаніяхъ отрывки изъ писемъ автора поэмы Пушкину: 10-го января и 10-го марта 1825 г. (1871 г., т. III, стр. 523—524).

Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Пушкинъ въ Москвѣ, въ 1826 г., на празднествахъ коронаціи (1873 г., т. VII, стр. 315).

Статья Михаила Максим. Попова: А. С. Пушкинъ. Новые матеріалы къ его біографіи, 1826—1836. Характеристика поэта и критическая оцѣнка его произведеній съ административной точки зрѣнія.—Анекдоты.—Представленіе поэта императору Николаю Павловичу въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1826 г.—Элегія «Андрей Шенье».—Отзывъ Пушкина о мятежѣ 14-го декабря.—Письма графа А. Х. Бенкендорфа и отзывы Пушкина.—Разсмотрѣніе цензурою «Бориса Годунова».—Стихотворенія, написанныя съ 1827 по 1836 г.—Поѣздка на Кавказъ.—Женитьба.—Занятія въ государственныхъ архивахъ для отысканія матеріаловъ исторіи Петра I.—Исторія Пугачевскаго бунта.—Долги.—Милости и щедроты, оказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ семейству поэта (1874, т. X, стр. 683—714).

Эпизодъ изъ жизни Пушкина 21-го и 23-го апрѣля 1828 г. (1874 г., т. IX, стр. 392—399).

Приговоръ суда по дѣлу объ элегіи Пушкина «Андрей Шенье», 27-го августа 1828 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ (1874 г., т. IX, стр. 584—588).

Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1833 гг. Отзывы о произведеніяхъ Пушкина (1875 г., т. XIII, стр. 504—507).

Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ. Очеркъ Н. И. Греча. Полемика Булгарина съ Пушкинымъ. Его отношенія къ Гречу, въ 1830—1836 гг. (1871 г., т. IV, стр. 500—502).

Письма Пушкина къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому объ изданіи «Исторіи Пугачевскаго бунта»: 14-го декабря 1832 г. 1-го мая и 3-го іюня 1834 г. 26-го января и 2-го апрѣля 1835 г. (1871 г., т. III, стр. 526—528).

Письмо Пушкина М. Л. Яковлеву о печатаніи «Исторіи Пугачевскаго бунта» 3-го іюля 1834 г. (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 580).

Два разсказа о Пушкинѣ, 1832—1833 гг. Сообщ. Н. Н. Терпигоревъ и А. Н. Вульфъ (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 581—582).

Мѣдный всадникъ. Анекдотъ 1812 г., давшій Пушкину мысль написать эту поэму (1874 г., т. X, стр. 786).

Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804—1854. Знакомство съ Пушкинымъ въ 1827.—Встрѣчи съ нимъ на вечерахъ у В. А. Жуковскаго въ

1834—1835 гг.—Шуточный канонъ на представленіе оперы «Жизнь за Царя», слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки, 15-го декабря 1836 г.—Замѣтка С. А. Соболевскаго (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 359. Т. II, стр. 289, 311—313).

Письмо кн. П. А. Вяземскаго о кончинѣ Пушкина, отъ 5-го февраля 1837 г. (1875 г., т. XIV, стр. 92—96).

Восточная поэма на смерть Пушкина. Мирзы-Фехт-Али, переведенная А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). Сообщ. Ад. П. Берже (1874 г., т. XI стр. 76—79).

Независимо отъ напечатаннаго нами, въ виду сообщенныхъ редакціи разными лицами нѣкоторыхъ новыхъ матеріаловъ для біографіи нашего безсмертнаго поэта, мы признали вполнѣ цѣлесообразнымъ собрать эти послѣдніе въ одну группу, связавъ ихъ послѣдовательнымъ, но весьма сжатымъ разсказомъ, составленнымъ по матеріаламъ, обнародованнымъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ (съ 1859 по 1878) въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ [1]).

Изъ всѣхъ біографическихъ статей и замѣтокъ о Пушкинѣ, донынѣ напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»,—двумъ придаемъ мы особенно важное значеніе, именно: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, новые матеріалы къ его біографіи» (изд. 1874 г., т. X, стр. 683—714) и служащій какъ бы дополненіемъ предыдущей: «Эпизодъ изъ жизни Пушкина 21-го и 23-го апрѣля 1828 г.» (изд. 1874 г., т. IX, стр. 584—588). Первая изъ этихъ статей, повѣствующая о нахожденіи великаго нашего поэта подъ опекою графа А. Х. Бенкендорфа, составлена однимъ изъ подчиненныхъ ему лицъ, Михаиломъ Максимовичемъ Поповымъ (умершимъ въ 1860 годахъ),—по подлиннымъ документамъ, ...

. . . .

Вторая статья, написанная г. Ивановскимъ (точно также состоявшимъ при шефѣ жандармовъ), служитъ дополненіемъ къ разсказамъ его сослуживца. Въ бытность свою въ южной Россіи (1820—1824 гг.). Пушкинъ въ стихотвореніяхъ своихъ и въ поэмѣ «Цыгане», тамъ написанныхъ, довольно часто обращается къ тѣни Овидія, сравнивая свою участь съ участью творца «Превращеній» и «Искусства любить»...

---

[1]) Разсказами няни, служившей въ домѣ Александра Сергѣевича Пушкина въ послѣдній годъ его жизни, мы воспользовались для описанія мучительнаго нравственнаго состоянія великаго поэта съ ноября 1836 по конецъ января 1837 года. Эта почтенная женщина, отойдя отъ Пушкиныхъ, находилась въ услуженіи (до 1841 года) у Владиміра Андреевича Каратыгина († 1866).

Сходство, дѣйствительно, есть, разница лишь въ томъ, что Овидій, изгнанный изъ Рима, влачилъ свое существованіе на берегахъ Дуная лишь восемь лѣтъ (съ 17-го по 9-й г. до Р. Х.); нашъ же незабвенный Пушкинъ, проживъ семь лѣтъ въ изгнаніи (1820—1826 гг.), послѣдующія одиннадцать лѣтъ (1826—1837 гг.) на берегахъ Невы состоялъ подъ особеннымъ наблюденіемъ А. Х. Бенкендорфа. Г. Ивановскій и М. М. Поповъ съ весьма понятнымъ умиленіемъ свидѣтельствуетъ, что этотъ одиннадцатилѣтній періодъ былъ самымъ благодатнымъ, чуть-ли не вдохновительнымъ для Пушкина и его музы... Свидѣтельство это едва ли справедливо: въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ своихъ стихотвореній Шиллеръ воспѣлъ Пегаса подъ ярмомъ; почему-бы Пегасу не быть и подъ кавалерійскимъ вальтрапомъ? Но какъ бы ни была, по видимому, благодѣтельна для генія Пушкина опека графа Бенкендорфа, поэтъ тяготился ею и при малѣйшей возможности предпочиталъ отдавать свои произведенія на судъ тогдашней явной цензуры нежели на тайное одобреніе графа Александра Христофоровича. Въ данномъ случаѣ у А. Ѳ. Воейкова, Н. И. Греча и Ѳ. В. Булгарина были воззрѣнія діаметрально противоположныя Пушкинскимъ: они всячески домогались того самаго покровительства, отъ котораго Пушкинъ всячески уклонялся. Но какъ ни былъ стѣсненъ Пушкинъ въ своемъ творчествѣ въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ жизни, онъ написалъ въ этотъ періодъ времени: окончаніе Евгенія Онѣгина, Полтаву, Братьевъ-разбойниковъ, Бориса Годунова, Моцарта и Сальери, Скупаго Рыцаря, Русалку, Пиръ во время чумы, Каменнаго гостя, Графа Нулина, Домикъ въ Коломнѣ, Мѣднаго Всадника, Дубровскаго, Арапа Петра Великаго, Пиковую даму, Повѣсти Бѣлкина, Капитанскую дочку и Исторію Пугачевскаго бунта; занимался собираніемъ матеріаловъ для «Современника»... Грустно подумать, что каждая строка, какъ вышеупомянутыхъ прекрасныхъ произведеній Пушкинскаго пера, такъ и каждая строка его стихотвореній—подвергались самому пытливому пересмотру, будто контрабандный товаръ на пограничной чертѣ; въ каждой своей мысли великому поэту приходилось исповѣдаться, оправдываться, отстаивать ее отъ оперативныхъ дѣйствій заботливой цензуры. Съ назначеннымъ ему опекуномъ Пушкину приходилось сноситься по поводу самыхъ мелочей своего домашняго быта; безъ разрѣшенія графа Бенкендорфа поэтъ нашъ едва-ли имѣлъ право перемѣнить квартиру....

Сіятельный опекунъ, въ свою очередь, тяготился опекою не менѣе питомца, по той весьма понятной причинѣ, что не любилъ, и не понималъ, и не умѣлъ цѣнить нашего Пушкина... Этотъ опекунъ не съумѣлъ даже уберечь его отъ напрасной, преждевременной смерти.

Его Высокоблагородію

Александру Сергѣевичу

Пушкину

Я вчера былъ у Уварова.
Ничего не могу вамъ сказать
утѣшительнаго для себя. Хотя
я былъ вотъ въ такомъ состояніи
какъ вчера я былъ у васъ.
Но теперь я такъ уже заговорился
что никуда не могу носа показать.
Если вы будете въ нашей сторонѣ
и станете проходить мимо самой
Морской, то будьте великодушны,
навѣстите почти страждущаго
и тѣломъ и душой. Я имѣю вамъ
кое что сказать.

Вѣрно вашъ
Н. Гоголь.

ФОТОЛИТОГРАФИРОВАНО ВЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Могъ бы уберечь, да не хотѣлъ, именно—не хотѣлъ. Иначе, чѣмъ же инымъ можетъ потомство объяснить себѣ равнодушіе графа Бенкендорфа къ розысканію сочинителей тѣхъ безъимянныхъ пасквилей, которыми осыпали Пушкина его подпольные враги въ послѣдніе два-три мѣсяца жизни поэта? Чѣмъ объяснить нелѣпое распоряженіе послать жандармовъ, въ предупрежденіе роковаго поединка, не къ Комендантской дачѣ, гдѣ онъ происходилъ, а въ противоположную сторону, за Екатерингофъ? Энергія графа Бенкендорфа обнаружилась лишь въ преслѣдованіи рукописнаго стихотворенія Лермонтова «На смерть Пушкина», слѣдствіемъ чего была ссылка юнаго поэта на Кавказъ, гдѣ его ожидала участь, постигшая Пушкина въ Петербургѣ...

Сорокъ два года прошло со времени его кончины; поэтовъ смѣнилось много, другаго Пушкина не было и когда его дождется Россія!? Въ теченіе этихъ сорока двухъ лѣтъ появились во множествѣ матеріалы для біографіи Пушкина и при всемъ томъ какая-то тайна тяготѣетъ надъ подробностями о поводахъ къ его поединку съ бездушнымъ убійцею, не постыдившимся взять на себя (можетъ быть, даже и безсознательно) роль италіанскаго «браво». Кѣмъ были писаны безъимянные пасквили? чье ядовитое дыханіе раздуло ничтожную искру въ пламень, поглотившій жизнь Пушкина? На эти вопросы потомства донынѣ нѣтъ отвѣта. Немногіе изъ находящихся въ живыхъ современниковъ Пушкина высказываютъ догадки, подозрѣнія, а имена дѣйствительныхъ убійцъ Пушкина все же донынѣ еще неизвѣстны.....

Между матеріалами для біографіи Пушкина, нынѣ находящимися въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», особенно важное значеніе имѣютъ письма поэта къ брату его, Льву Сергѣевичу (1820—1826), къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ (1825—1826) и черновые наброски письма къ барону Геккерну (ноябрь 1836 г.). Во всѣхъ этихъ письмахъ видимъ пылкую, страстную натуру Пушкина въ трехъ фазисахъ сердечной его дѣятельности: въ дружбѣ, въ любви и въ ненависти. Въ письмахъ къ брату—каждая строчка запечатлѣна пріязнью, ласкою, родственною заботливостью о человѣкѣ молодомъ, съ которымъ старшій братъ такъ радушно дѣлится опытностью, знаніемъ свѣта и людей, плодами—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ!

Тутъ же колкіе отзывы о литературномъ мірѣ, теплое слово о друзьяхъ, наброски стиховъ и экспромты... Сообщая ихъ своему брату, Пушкинъ какъ будто ждетъ отъ него одобренія; видимо дорожитъ

отзывомъ своего единокровнаго друга. Доброе, любящее сердце поэта проглядываетъ сквозь самое его злоязычіе; въ самыхъ насмѣшкахъ звучитъ юношеское простодушіе. Большая часть писемъ къ брату писаны Пушкинымъ въ ту счастливую пору его бытія, которую можно назвать весною жизни. Въ письмахъ къ А. П. Кернъ, полныхъ кипучей страсти, Пушкинъ является любящимъ, и отъ нихъ пышетъ зноемъ лѣтней поры, когда теплое утро смѣняется полуденными грозами... Наконецъ, клочья черновыхъ писемъ къ человѣку, дерзнувшему набросить мимолетную тѣнь на доброе имя Пушкина — напоминаютъ блеклые листы, предвѣстники унылой осени. Здѣсь каждое слово пропитано жолчью и непримиримою ненавистью; твердо, безтрепетно рука поэта мечетъ ядовитыя укоризны въ дерзкаго обидчика, готовясь такъ же безтрепетно взяться за пистолетъ, затѣмъ—охладѣть на вѣки.

Сопоставляя любовь, дружбу и ненависть Пушкина въ его письмахъ, мы рѣшились этими тремя словами озаглавить и нижеслѣдующее собраніе матеріаловъ для его біографіи.

Примѣчаніе. Письма Пушкина къ брату были напечатаны въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., но крайне небрежно, съ пропусками, описками, недомолвками. Притомъ самое изданіе этихъ «Записокъ» совершенно неизвѣстно читателямъ—до того было не велико на нихъ число подписчиковъ. Мы печатаемъ это собраніе по весьма исправному списку П. А. Ефремова и при его ближайшемъ содѣйствіи. Письма къ А. П. Кернъ были помѣщены въ отрывкахъ въ статьѣ ея въ «Библ. для Чтенія» 1859 года. Мы пріобрѣли въ 1870 г. подлинники отъ самой А. П. Кернъ, во второмъ замужствѣ Марковой-Виноградской, вновь недавно овдовѣвшей. Наконецъ, черновыя письма А. С. Пушкина къ его смертельному врагу Геккерну — весьма обязательно сообщены намъ въ 1870 г. А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ ТЮРЕМЪ И ССЫЛКИ ВЪ РОССІИ

1805—1820 гг.

III [1]).

Записка М. Л. Магницкаго объ оковахъ и кандалахъ.

Колоды, кандалы, оковы, стулья съ цѣпями и рогатки не только во всѣхъ градскихъ и земскихъ полиціяхъ, но въ каждомъ волостномъ и сельскомъ правленіи находятся. Въ нихъ нѣтъ никакой соразмѣрности; я самъ видѣлъ въ Симбирской губерніи колоды изъ цѣльнаго дерева въ аршинъ длиною надѣтыми на ноги несчастныхъ, и запретилъ ихъ формальнымъ образомъ правленію.

Стулья съ тяжелыми цѣпями также дѣлаются весьма большіе и по большей части изъ дуба.

Въ городскихъ полиціяхъ есть обыкновеніе всѣхъ содержащихся заключать на ночь въ бревно, вырубленное на подобіе колоды, для большей безопасности отъ побѣга. Я нашелъ сіе обыкновеніе въ Симбирскѣ.

Цѣпи бываютъ трехъ родовъ:

1) Надѣваемыя на руки и на ноги отдѣльно; 2) на ноги, на руки и на шею вмѣстѣ, и 3) на ноги и на шею съ прикрѣпленіемъ къ стѣнѣ.

Онѣ всѣ вообще весьма тяжелы, часто узки и выдѣланы весьма грубо, такъ что сглаживаются отъ одного употребленія.

Рогатки непомѣрной величины и тягости, по большей части, употребляются въ волостныхъ селеніяхъ при полиціяхъ и смирительныхъ домахъ. Во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, у живущихъ помѣщиковъ на дворахъ, а у ихъ управителей при конторахъ, есть равнымъ образомъ всѣ сіи орудія.

Я буду говорить объ нихъ въ отношеніи къ одному употребленію ихъ для колодниковъ.

На пойманнаго полиціею, земскою или градскою, преступника, еще не судившагося и, можетъ быть, невиннаго, въ уѣздѣ, не только по приказанію исправника или земскаго засѣдателя изъ дворянъ, либо изъ крестьянъ, но по повелѣнію секретаря и каждаго дежурнаго писца сего суда, а въ полиціи градской по повелѣнію дежурнаго квартальнаго, можетъ быть, и по большей части для содержанія до отсылки въ тюрьму, тотчасъ надѣваются или цѣпи или стулья съ цѣпями.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 357—360; 541—551.

По отсылкѣ въ тюрьму уѣздную—приведенный въ цѣпяхъ заключается въ цѣпи. По переводѣ изъ уѣздной въ тюрьму губернскую—равнымъ образомъ.

Отъ природной жестокости и бо́льшей или меньшей трезвости полицейскихъ чиновниковъ зависитъ словесное опредѣленіе сего истязанія. При пересылкѣ преступниковъ изъ мѣста въ мѣсто къ суду или, по наказаніи, въ Сибирь, земскія и градскія полиціи, по снисхожденію ихъ къ недостатку или къ лѣни уѣздной внутренней стражи, заковываютъ всѣхъ посылаемыхъ, какъ называется употребительнымъ у нихъ выраженіемъ: на-крѣпко, дабы преступники съ недостаточною стражею бѣжать не могли.

Въ тюрьмахъ губернскихъ, ежели самъ губернаторъ не посѣщаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, что по большей части и бываетъ, то преступники заковываются и приковываются къ стѣнѣ жесточайшимъ образомъ, за малѣйшую грубость полиціймейстерамъ и командирамъ внутренняго баталіона по произволу.

Въ смирительныхъ домахъ вообще употребляются рогатки весьма тяжелыя и такъ сдѣланныя, чтобы никакъ не можно было лечь. Распредѣленіе ихъ зависитъ отъ поручика, опредѣляемаго обыкновенно изъ раненыхъ офицеровъ.

Къ отвращенію сихъ истязаній, тѣмъ ужаснѣйшихъ, что, будучи только терпимы, несутъ они на себѣ видъ нѣкоторой законности, представляются, по моему мнѣнію, слѣдующія средства:

1) Употребленіе всѣхъ вышеозначенныхъ орудій истязаній и даже имѣніе ихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, строжайшимъ образомъ воспретить повсемѣстно, истребивъ ихъ чрезъ полицію, кромѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты, которымъ дозволить заключать въ однѣ только цѣпи преступниковъ осуждаемыхъ, помѣщая приговоръ ихъ заключенія въ протоколъ.

2) Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, при поимкѣ извѣстныхъ уже разбойниковъ или дѣлателей фальшивыхъ монетъ, предоставить полиціймейстерамъ и городничимъ требовать оковы въ губернскихъ городахъ чрезъ прокурора, а въ уѣздныхъ—чрезъ стряпчаго.

3) Женщинъ и мужчинъ несовершеннолѣтнихъ ни въ какомъ случаѣ не заключать въ оковы.

4) При волостныхъ правленіяхъ, земскихъ судахъ и градскихъ полиціяхъ имѣть надежныя мѣста для содержанія преступниковъ до отсылки или пересылки куда слѣдуетъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы стряпчіе и прокуроры наблюдали, подъ личною отвѣтственностію, дабы въ сихъ мѣстахъ временнаго содержанія арестанты не оставались долѣе однихъ сутокъ.

5) Положеннымъ для осужденныхъ преступниковъ цѣпямъ опредѣлить вѣсъ, форму и степень выдѣлки. Я бы полагалъ даже выслать образцы къ губернаторамъ или, по крайней мѣрѣ, поручить сей важный, по человѣколюбію, предметъ ихъ личному надзору.

Войдя по порученію, мнѣ сдѣланному, въ сію матерію, столько мнѣ извѣстно по семилѣтнему пребыванію въ губерніяхъ, столь близкую къ сердцу его императорскаго величества и столь важную по вліянію на тысячи несчастныхъ, въ разныхъ областяхъ обширнѣйшей имперіи, не могу коснуться до жестокости болѣе ужаснѣйшей, которая отъ того только у насъ существуетъ, что никто еще не довелъ ее до свѣдѣнія правительства.

Я выступлю на сей разъ изъ предѣловъ даннаго мнѣ порученія, но—не изъ тюремъ.

Уголовные законы наши не полагаютъ опредѣлительности присуждаемымъ ударамъ кнутомъ; въ важнѣйшихъ случаяхъ говорятъ они: бить нещадно. Нѣтъ двухъ губерній, въ которыхъ бы выраженіе сіе толковалось единообразно. Отъ 25-ти ударовъ, человѣколюбивымъ предсѣдателемъ уголовной палаты присуждаемыхъ, до 900, которымъ, знаю примѣры, оставлено кровавое поле жестокости, пристрастію и подкупу.

Въ тверской уголовной палатѣ, напримѣръ, есть высочайшее повелѣніе—не смѣшивать маловажныхъ кражъ изъ церковныхъ денегъ съ святотатствомъ и наказывать ихъ (преступниковъ) плетьми, но въ губерніяхъ сосѣдственныхъ сіе неизвѣстно и за каждую копѣйку изъ суммъ церковныхъ наказываютъ кнутомъ жесточайшимъ образомъ.

Мнѣ извѣстно, что сіе происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ еще систематическаго уголовнаго уложенія, и то оно отдѣльно издано быть не можетъ, но казалось бы возможнымъ опредѣлить по родамъ преступленій мѣру существующаго наказанія, не оставляя оной на совѣсть уголовныхъ судей. М. Л. Магницкій.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Записка М. Л. Магницкаго объ оковахъ и кандалахъ и послѣдствія ея составляютъ неоспоримую заслугу попечительнаго о тюрьмахъ общества, которое на первыхъ же порахъ проявило удивительно энергичную дѣятельность въ дѣлѣ улучшенія участи заключенныхъ въ Россіи.

Записка Магницкаго вызвала пространное возраженіе со стороны тогдашняго министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго, который замѣтилъ между прочимъ, что хотя въ воинскомъ уставѣ и другихъ узаконеніяхъ и сказано, чтобы преступниковъ заковывать въ цѣпи, но какого рода должны быть кандалы и цѣпи—не оговорено. Затѣмъ, авторъ возраженія упрекаетъ М. Л. Магницкаго въ томъ, что онъ, утверждая всеобщее употребленіе описанныхъ имъ

рогатокъ и стульевъ съ цѣпями, говоритъ только на основаніи частныхъ случаевъ, видѣнныхъ имъ въ одной Симбирской губерніи. Уничтоженіе и истребленіе «сихъ орудій» князь Лобановъ-Ростовскій находитъ невозможнымъ, но съ положеніями, изложенными въ п. 3-мъ и 4-мъ записки М. Л. Магницкаго, авторъ возраженія соглашается. Что же касается указанія Магницкаго на неопредѣленность нашихъ уголовныхъ законовъ, то министръ юстиціи ссылается на цѣлый рядъ законовъ (1802, 1808, 1812 и др.), воспретившихъ употреблять въ судебныхъ рѣшеніяхъ выраженіе «нещадно» и предписавшихъ опредѣлить въ нихъ количество присуждаемыхъ ударовъ. Но тутъ со стороны автора возраженія было очевидное непониманіе сущности замѣчанія Магницкаго, который говорилъ о неопредѣленности въ уголовныхъ законахъ, а не въ судебныхъ рѣшеніяхъ.

Въ равной степени неосновательно возраженіе князя Лобанова-Ростовскаго, что описанныя Магницкимъ «орудія» не имѣли повсемѣстнаго употребленія; за справедливость описаній Магницкаго говорятъ, какъ личное свидѣтельство императора, о чемъ будетъ сказано ниже, такъ и «донесенія» иностранцевъ, осматривавшихъ наши тюрьмы. Такъ, Вальтеръ Веннингъ замѣчаетъ относительно смирительнаго дома въ С.-Петербургѣ, что «нашелъ злоупотребленіе въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, видѣлъ колодниковъ, привязанныхъ за шею, и бѣдныхъ женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, на которыхъ по три острыхъ спица длиною 8 дюймовъ и такъ вдѣланы, что онѣ не могутъ ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы нѣсколько дней сряду въ нихъ содержались». «Я основательныя причины имѣю думать,—продолжаетъ почтенный филантропъ,—что нѣкоторыя изъ нихъ такимъ образомъ мучаются единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто». (Дѣло архива, 1819 года, № 975). Въ одномъ съѣзжемъ домѣ Вальтеръ Веннингъ нашелъ «пять стульевъ съ цѣпями; тяжелые эти стулья колодники принуждены таскать на себѣ, ходя въ нужныя мѣста, которыя находятся на дальнемъ разстояніи». Изъ четырехъ мальчиковъ, содержавшихся въ общемъ заключеніи, «трое въ деревянныхъ колодкахъ, чтобы не могли бѣжать, потому что мѣсто не надежно». Квакеры Алленъ и Грелье замѣчаютъ, въ 1819 году, что «худое состояніе и слабость тюремъ заставляютъ на съѣзжихъ дворахъ употреблять рогатки и цѣпи, которыми многіе арестанты приковываются къ большимъ колодамъ». (Дѣло архива, 1820 г., № 1,213).

По поводу указаннаго въ запискѣ Магницкаго смѣшенія простой кражи съ святотатствомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, сдѣлалъ официальный запросъ тверскому губернатору: точно-ли состоялся высочайшій указъ относительно святотатства и если состоялся, то когда именно? Самъ по себѣ фактъ довольно характерный, обрисовывающій состояніе законодательства въ то время. По справкамъ оказалось, что подобнаго высочайшаго указа не было, но въ 1808 году (31-го января, П. с. З., № 22,802) состоялся указъ, по которому святотатствомъ признано похищеніе всякаго предмета, принадлежащаго церкви.

Къ запискѣ Магницкаго объ оковахъ присоединена была записка другаго члена попечительнаго о тюрьмахъ общества, генералъ-маіора Леонтьева, подъ заглавіемъ: «Объясненіе образа, устроенія и ношенія оковъ»; въ этой запискѣ предлагается опредѣлить вѣсъ оковъ, а именно — въ $5^1/_2$ фунта; кромѣ того, президентъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, князь Голицынъ, получивъ

отъ Вальтера Веннинга образцовые ручные кандалы, выписанные изъ Англіи, предложилъ ввести подобные и у насъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, отнесся очень сочувственно къ вопросу объ оковахъ и кандалахъ, возбужденному членами тюремнаго общества. Въ мнѣніи своемъ, поданномъ въ комитетъ министровъ, графъ Кочубей замѣчаетъ: «Колоды, стулья, рогатки и всѣ подобныя орудія, хотя и уменьшаются о сію пору сами собой по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, но да истребятся по словамъ закона изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ еще найтиться могутъ». За исключеніемъ городскихъ полицейскихъ и земскихъ судовъ—предполагалось повсемѣстно запрещеніе содержать въ оковахъ. Вѣсъ оковъ опредѣленъ былъ въ 5—5$^{1}/_{2}$ фунтовъ; обручи на ногахъ должны быть обшиты кожею и кандалы должны были заказываться департаментомъ полиціи исполнительной, въ видахъ однообразной формы и вѣса оковъ.

Представленіе графа Кочубея было утверждено въ засѣданіи комитета министровъ 13-го декабря 1821 года, а въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (28-го января 1822 г.) комитету объявлено было, что «его императорское величество полагаетъ болѣе удобнымъ употребленіе новыхъ кандаловъ вводить тамъ, гдѣ уже устроены надежныя тюремныя зданія по новому предположенію». «При семъ его величество замѣтилъ, что онъ не находитъ справедливымъ увѣреніе (нужно думать—князя Лобанова-Ростовскаго), что рогатки не употребляются, ибо лично самъ видѣлъ на шеѣ у многихъ содержимыхъ въ здѣшнемъ смирительномъ домѣ, равномѣрно и въ прочихъ губерніяхъ, и въ отмѣну давнишняго обычая его величеству неизвѣстно, чтобы было издано какое-либо постановленіе».

Такимъ образомъ, по желанію государя, примѣненіе новыхъ кандаловъ должно было быть весьма ограниченнымъ, такъ какъ число «прочныхъ тюремныхъ зданій по новому предположенію» было очень незначительно. Впрочемъ, можно думать, что на практикѣ забыто было желаніе государя, и новые кандалы получили широкое примѣненіе; по крайней мѣрѣ, въ архивѣ находится много чрезвычайно объемистыхъ дѣлъ по заготовленію кандаловъ въ Александровскомъ литейномъ заводѣ и разсылкѣ ихъ по губерніямъ.

Изъ позднѣйшихъ законодательныхъ мѣръ видно, что употребленіе описанныхъ Магницкимъ «орудій» далеко не было изъято распоряженіями правительства 1821—1822 годовъ. Такъ, напримѣръ, 26-го марта 1826 г. состоялся указъ Императора Николая I «объ истребленіи стульевъ съ цѣпями въ полицейскихъ мѣстахъ, и о воспрещеніи изобрѣтать впередъ что-либо подобное» (П. С. З., 26-го марта 1826 г., № 198); указъ этотъ вызванъ былъ совершенно частнымъ случаемъ по дѣлу «о поступкѣ частнаго пристава Болотова, въ содержаніи рядоваго Срамченко на съѣзжемъ дворѣ по цѣпи, прикованной къ стулу и надѣтой на шею». При этомъ высочайше повелѣно было, чтобы министръ юстиціи предписалъ наистрожайше всѣмъ прокурорамъ: осмотрѣть есть-ли подобные стулья и прочее съ цѣпями и истребить, съ наистрожайшимъ повелѣніемъ: «не изобрѣтать ничего подобнаго».

Но если записка М. Л. Магницкаго объ оковахъ и кандалахъ и не имѣла послѣдствіемъ повсемѣстное и немедленное уничтоженіе рогатокъ, колодокъ и стульевъ съ цѣпями въ мѣстахъ заключенія, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать заслугу ея въ томъ, что ею впервые поднятъ вопросъ объ улучшеніи съ этой стороны положенія заключенныхъ въ Россіи и созданъ извѣстный прецедентъ для законодательныхъ мѣръ и практики въ будущемъ.

Кромѣ непосредственнаго значенія изложеннаго историческаго памятника въ дѣлѣ улучшенія тюремной части въ Россіи — записка Магницкаго и дѣло, ею возбужденное, нѣсколько обрисовываютъ положеніе нашего законодательства въ царствованіе Александра I; въ ней еще разъ выразилась настоятельная потребность въ Россіи въ изданіи общаго кодекса, потребность, которая прекрасно сознавалась въ теченіе цѣлаго столѣтія и тѣмъ не менѣе оставалась безъ удовлетворенія до изданія Свода Законовъ въ царствованіе Николая I.

Кіевъ. Сообщ. съ примѣч. **Д. Г. Тальбергъ.**

ЧУМА ВЪ ОДЕССѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XXIV, стр. 575—579, помѣщена замѣтка «Чума въ Одессѣ въ 1837 г.». Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о томъ-же предметѣ.

Мы уже видѣли, какія энергическія мѣры были приняты новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Воронцовымъ для борьбы съ чумою въ Одессѣ въ 1837 г. Кромѣ этихъ мѣръ, можно еще упомянуть о слѣдующихъ. Для устраненія возможности опаснаго соприкосновенія между жителями зачумленнаго города были закрыты различныя мѣста общественныхъ собраній, какъ-то: церкви, театры, судебныя мѣста и училища. Въ почтовой конторѣ и полиціи всѣ бумаги принимались не иначе, какъ послѣ окуриванія. Городъ былъ окруженъ двойнымъ кордономъ. Часовые, разставленные весьма близко одинъ отъ другаго, повѣрялись особеннымъ обходомъ; ночью же они должны были перекликаться между собою. Они были обязаны задерживать желавшихъ пробраться черезъ цѣпь, и, въ случаѣ необходимости, могли стрѣлять или употреблять въ дѣло штыкъ.

Чтобы обезпечить продовольствіе жителей города, устроены были особенные базары, обнесенные двойною оградою. Эти базары были открыты для торговли только до 2-хъ часовъ. По прекращеніи торговли, площади тщательно выметались. Надзоръ за ними былъ порученъ особеннымъ довѣреннымъ лицамъ. О помощи нуждающимся должна была заботиться продовольственная коммисія, состоявшая изъ городскаго головы и четырехъ членовъ. Для бѣдныхъ былъ устроенъ сборъ пожертвованій, которыя раздавались имъ въ видѣ денегъ, съѣстныхъ припасовъ, одежды и топлива. Для дряхлыхъ и больныхъ былъ устроенъ особенный «домъ прибѣжища».

Ежедневно, съ 11 часовъ утра, подъ предсѣдательствомъ графа Воронцова, въ биржевой залѣ происходили совѣщательныя собранія. Рѣшенія полагались по возможности быстро и изустно. Генералъ-гу-

бернаторомъ дозволено было каждому желающему безпрепятственно сообщать свои мысли и предложенія относительно мѣръ противъ болѣзни.

Церкви были закрыты послѣ другихъ мѣстъ общественнаго собранія. Графъ Воронцовъ долго колебался касательно приведенія этой мѣры въ исполненіе, опасаясь вызвать неудовольствіе среди жителей города. Но опасенія относительно заразы, слышавшіяся со стороны духовенства, прекратили это колебаніе, и церкви были закрыты. Для совершенія необходимыхъ церковныхъ обрядовъ, при Преображенскомъ соборѣ была устроена подвижная церковь, куда желающіе могли обращаться съ просьбою о совершеніи той или другой церковной требы, предварительно извѣстивши о томъ особаго коммисара.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ прекращеніе чумы въ Одессѣ. 23-го февраля 1838 г. было роздано жителямъ Одессы воззваніе генералъ-губернатора о прекращеніи заразы. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этого замѣчательнаго воззванія:

— «Жители города Одессы! Когда я поспѣшилъ къ вамъ въ концѣ прошедшаго октября мѣсяца, по первому извѣстію о вкравшейся въ городъ заразѣ, то въ первомъ къ вамъ воззваніи я выразилъ свою увѣренность, что, съ помощію всѣхъ сословій здѣшнихъ жителей и при мѣрахъ, намъ всѣмъ по опыту извѣстныхъ, мы остановимъ и потомъ искоренимъ постигшее насъ бѣдствіе. Вы сдѣлали все, что отъ васъ зависѣло; вы во всемъ помогали начальству, и Богъ благословилъ успѣхъ вашъ и установленныхъ здѣсь властей. Спустя шесть недѣль послѣ перваго моего къ вамъ воззванія, зараза въ нашемъ многолюдномъ и богатомъ городѣ прекращена. Всѣхъ жертвъ постигшаго насъ бѣдствія, какъ вѣрныхъ, такъ и сомнительныхъ, было 108 душъ. Изъ числа зачумленныхъ 17 выздоровѣли, и 8 изъ нихъ уже вошли въ городъ и живутъ между нами». «Жители города Одессы! Всѣ наши общія старанія не могли однакожъ достигнуть желаемой цѣли безъ помощи Божіей. Рука Всевышняго поддержала и спасла насъ. Поспѣшимъ же принести Господу Богу теплыя наши молитвы. Завтра, по распоряженію почтеннаго архипастыря нашего, преосвященнаго Гавріила, будутъ совершены благодарственныя молебствія во всѣхъ церквахъ города и на обѣихъ заставахъ, на мѣстахъ теперешнихъ базаровъ; тамъ въ первый разъ сойдутся и будутъ молиться единому Богу и жители города, и войска, которыя снаружи, во все время бѣдствія, строгимъ оцѣпленіемъ охраняли весь край отъ опасности. Въ соборѣ, вмѣстѣ съ нами, вознесутъ теплыя молитвы ко Всевышнему о избавленіи своемъ и тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые поражены были чумою и, благодаря Бога, выздоровѣли отъ нея. По исполненіи сего перваго, священнаго долга, мнѣ остается другой,

драгоцѣнный для сердца моего: объявить предъ государемъ, истиннымъ отцомъ нашимъ и всѣхъ русскихъ, что мы обязаны спасеніемъ нашимъ и предохраненіемъ прочихъ частей нашей имперіи отъ внесенія заразы, какъ единодушному порыву всѣхъ жителей города Одессы, помогавшихъ во всемъ начальству и исполнявшихъ всѣ его требованія, такъ и личному каждаго изъ васъ стремленію къ возстановленію общественнаго благосостоянія» («Сѣверн. Пчела» 1838 г., № 54).

24-го февраля, 1838 г., въ 11 часовъ утра, все духовенство Одессы, крестнымъ ходомъ, съ иконами и хоругвями, собралось въ Покровской церкви, гдѣ, 27-го октября, обнаружился первый чумный случай изъ бывшихъ въ городѣ. Въ то же время прибыли туда архіепископъ Гавріилъ, генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ, одесскій военный губернаторъ графъ Толстой, всѣ военныя и гражданскія власти, почетное купечество и множество городскихъ жителей. Ближайшія улицы были покрыты несмѣтными толпами народа. Послѣ освященія воды и окропленія ею присутствовавшихъ, былъ совершенъ крестный ходъ въ Преображенскій соборъ, для благодарственнаго молебствія. По окончаніи церковнаго торжества, въ квартирѣ генералъ-губернатора собрались почетнѣйшія лица, при чемъ городскимъ головой была сказана привѣтственная рѣчь хозяину дома, много потрудившемуся для прекращенія заразы въ городѣ. Жители города, толпясь на улицахъ, поздравляли другъ друга съ избавленіемъ отъ угрожавшаго бѣдствія.

Главныхъ дѣятелей, способствовавшихъ прекращенію заразы въ Одессѣ, государь благодарилъ различными наградами. Графъ Воронцовъ получилъ рескриптъ, одесскій карантинный штабъ-лекарь Черниковъ—пожизненный пенсіонъ въ 1,000 руб., коммисаръ Воронецъ—орденъ Станислава 4-й ст., коммисаръ фонъ-Мирбахъ—1,000 руб., священникъ Преображенскаго собора Сомбарскій—пожизненный пенсіонъ въ 500 руб. Мортусы: Шереметьевъ—золотую медаль, Ефремовъ—серебряную. Мортусы изъ арестантовъ Чумаченко, Былинскій и Грубый были освобождены изъ арестантской роты. Серебряною медалью была награждена и одна женщина, рижская мѣщанка Юлія Фрей. Было много и другихъ награжденныхъ лицъ.

О чумѣ, бывшей въ Одессѣ, даны были подробныя свѣдѣнія въ замѣчательной книгѣ доктора Э. Андреевскаго: «О чумѣ, постигшей Одессу въ 1837 г. Историческій взглядъ на ходъ заразы и медицинскія надъ нею наблюденія. Non cede malis sed contra audacter ito. Virg. Одесса. 1838 г.». Нѣсколько отрывковъ изъ нея было напечатано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и изъ него перепечатано въ другихъ газетахъ. Авторъ ея былъ дивизіонный докторъ, состоявшій

при графѣ Воронцовѣ. Книга была написана съ полнымъ знаніемъ дѣла и большою полнотою. Сочиненіе было раздѣлено на пять отдѣловъ: въ первомъ былъ изложенъ историческій взглядъ на ходъ болѣзни; во второмъ въ видѣ дерева были изображены ходъ и развитіе чумной эпидеміи изъ одесской карантинной гавани по городу и его предмѣстьямъ; въ третьемъ помѣщенъ списокъ чиновниковъ и горожанъ, занимавшихъ временно разныя должности по случаю оцѣпленія Одессы въ 1837 г.; въ четвертомъ содержались медицинскія наблюденія, въ пятомъ были помѣщены метеорологическія наблюденія, сдѣланныя во время чумы докторомъ Проутомъ по превосходнымъ инструментамъ графа Воронцова. По объясненіямъ, приложеннымъ къ дереву, можно получить полное и ясное понятіе о началѣ, постепенномъ распространеніи и уничтоженіи эпидеміи. Въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщено много наблюденій и открытій, касавшихся болѣзни. Рецензія объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи была помѣщена въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1838 г., стр. 953. Въ ней, между прочимъ, всѣмъ карантиннымъ докторамъ совѣтовалось не только читать, но и изучать названное сочиненіе, которое теперь едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ продажѣ.

г. Динабургъ. **С. Весинъ.**

Галичъ на Днѣстрѣ.

Кончилась Венгерская кампанія. Я служилъ полковымъ адъютантомъ Камчатскаго полка. Нашъ корпусъ шелъ изъ-подъ Дебречина на зимовыя квартиры въ Галицію. Штабъ-квартирой нашего полка назначался городъ Рогатинъ. Изъ Альзо-Верецке, селенія въ Карпатахъ, на границѣ Венгріи съ Галиціей, полковой командиръ послалъ меня въ Рогатинъ—занять помѣщенія для полковаго штаба, осмотрѣть назначенныя нашему полку зимовыя квартиры и доложить начальнику дивизіи въ Лембергѣ: удобно ли будетъ размѣщеніе войскъ? найдется ли достаточное продовольствіе для нихъ? и пр.

Вотъ страницы моего дневника, относящіяся до этой поѣздки.

29-го августа 1849 г.—г. Стры, въ Галиціи.

Порученіе, на меня возложенное, привело меня въ восторгъ. Товарищи завидуютъ. «Экій счастливецъ!» говорятъ. Теперь вольнымъ казакомъ гуляй нѣкоторое время по Галиціи; располагай своимъ днемъ какъ вздумается; забудь на время труды походной жизни, ея однообразіе, служебныя заботы.... Время стоитъ прелестное. Предстоитъ настоящая прогулка!

До станціи Козіова я доѣхалъ верхомъ, а далѣе покатилъ на почтовыхъ. Правда, мнѣ дали какую-то крошечную крестьянскую тележку, на которой мы, съ унтеръ-офицеромъ, при мнѣ состоящимъ, едва усѣлись; пара маленькихъ почтовыхъ клячъ едва бѣжала мелкою рысцой; на козлахъ подпрыгивалъ крестьянинъ въ коричневой свиткѣ, съ единственнымъ отличіемъ его важнаго сана, почтаря—рожкомъ, перекинутымъ черезъ плечо на шнуркѣ австрійскихъ цвѣтовъ, желто-черномъ; но за то отъ Альзо-Верецке до самой станціи Школе, я былъ въ величайшемъ восторгѣ. Предо мною весь этотъ путь, на всякомъ шагу, вставали такіе картинные виды грандіозной карпатской природы, что я не только не понукалъ своего возницу, но, напротивъ, иногда останавливалъ его и подолгу всматривался въ окружающее. На этомъ переѣздѣ я совершилъ перевалъ черезъ гребень Карпатъ. Гора на горѣ. День совершенно ясный и облака не заволакиваютъ ни одной вершины. Роскошные лѣса вѣковаго бука, граба, ясени—окутали темными покровами мѣстами выдающіеся изъ нихъ пики, скалы и утесы, самыхъ прихотливыхъ, фантастическихъ формъ. Какъ бѣлая лента, вьется между этихъ громадъ узкая почтовая дорога, то пробираясь по берегу скачущаго по камнямъ потока, то удаляясь отъ него и всползая на высоты. Но можно ли разсказать картины, на всякомъ шагу здѣсь встрѣчавшіяся? Если и способна дать о нихъ нѣкоторое понятіе, то только кисть талантливаго художника, и то только «нѣкоторое». Надо видѣть эти картины собственными глазами, чтобы очароваться ими и не забыть ихъ никогда.

Но вотъ, лѣса рѣдѣютъ, мельчаютъ; голые утесы громоздятся одинъ на другой; мѣстами по нимъ разбѣгается кустарникъ. Мы совершили перевалъ. Начинаемъ спускаться, и опять лѣса и лѣса, но еще темнѣе, еще мрачнѣе только недавно нами покинутыхъ. То будто выбѣжали намъ на встрѣчу съ далекой родины, привѣтствовать наше возвращеніе, родныя, сѣверныя ели. Онѣ, темными тучами, облегли все пространство, своимъ присутствіемъ дали другой тонъ картинѣ, дохнули на насъ другимъ воздухомъ.

Мы спускались быстро. Въ Школе перемѣнили лошадей. Отсюда до Стры холмистая карпатская подошва мало по малу перешла въ равнину. Дорога тянулась по берегу р. Стры. Населеніе густое. На всякомъ шагу попадаются деревни, но какъ отличны онѣ своимъ наружнымъ видомъ отъ венгерскихъ. Тамъ каждая деревня — городокъ. Тамъ что ни деревня — ландшафтъ. Здѣсь далеко уже не тотъ живописный характеръ поселеній. Чѣмъ дальше уѣзжаешь отъ Карпатъ, тѣмъ больше и мѣстность и ея обитатели, со множествомъ жидовъ между ними, напоминаютъ нашу Подольскую губернію. Стры—областной городъ, довольно хорошо обстроенный и людный. . . . .

30-го августа, городъ Рогатинъ.

Заявилъ мѣстнымъ властямъ требованіе: объ указаніи мнѣ и очищеніи квартиръ для полковаго штаба и о снабженіи меня необходимыми статистическими данными. Власти встрѣтили меня, по видимому, очень привѣтливо и обѣщали исполнить всѣ мои требованія въ самомъ непродолжительномъ времени. Думаю: чтоже мнѣ тутъ дѣлать пока пройдетъ это непродолжительное время? Смотрѣть здѣсь нечего, городъ дрянной; знакомиться? но какъ, и съ кѣмъ? всѣ встрѣчаютъ хотя и привѣтливо, но офиціально, и къ себѣ никто не зоветъ. Воспользуюсь свободнымъ днемъ, другимъ—покачу въ сосѣдній Галичъ, древ-

ній стольный городъ Червоной Руси. Задумано — сдѣлано. Опять почтовая пара,—опять ѣду по прекрасной, ровной дорогѣ, по богатой обработанными полями мѣстности, любуясь безпрестанно попадающимися деревнями.

31-го августа, городъ Галичъ.

Мой возница оказался галицкимъ жителемъ и хотя на мои разспросы, даже при видѣ живописныхъ развалинъ древняго галицкаго кремля на высотѣ холма, возвышающагося на крутомъ, правомъ берегу Днѣстра, холма, названнаго имъ «Галицкой горой», онъ мнѣ не могъ сообщить ничего интереснаго, что сохранилось бы въ народныхъ преданіяхъ о прошломъ этого города, кромѣ того, что Галичъ встарину будто бы былъ такъ великъ, что съ высоты замковыхъ стѣнъ нельзя было окинуть взоромъ его предѣловъ, — но, по крайней мѣрѣ, онъ привезъ меня на квартиру къ почтенному старику, мѣстному старожилу, знавшему, по словамъ моего возницы, всю подноготную объ этомъ древнерусскомъ уголкѣ. Здѣсь я встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Мой почтенный хозяинъ—большой русскій патріотъ. Любовь къ Россіи, по его словамъ, передается въ его семействѣ издревле, изъ рода въ родъ. Мы объяснялись съ нимъ на какомъ-то смѣшанномъ, полупольскомъ, полурусскомъ языкѣ и хорошо понимали другъ друга. Старикъ до сыта накормилъ меня, угостилъ венгерскимъ виномъ и пошелъ со мной бродить по городу и его окрестностямъ.

Галичъ дрянной, жидовскій городишко въ долинѣ, образуемой впаденіемъ въ Днѣстръ рѣченокъ Луковы и Ломницы.

Мой путеводитель указалъ мнѣ на церковь во имя Рождества Христова, имѣющую болѣе 800 лѣтъ, въ которой будто бы крестили и хоронили русскихъ князей; однакоже надгробій ихъ мнѣ указать не могъ, говоря, что они уничтожены во времена польскаго владычества.

Съ развалинъ древняго галицкаго замка, построеннаго на мѣстѣ еще болѣе древняго русскаго дѣтинца или кремля, предъ нами открылась великолѣпная картина излучистаго теченія Днѣстра, въ пологихъ берегахъ, испещренныхъ перелѣсками, озерами, рѣчками, пашнями, лугами, поселеніями и хуторами. Вотъ что разсказалъ мнѣ старикъ - хозяинъ. Днѣстръ не очень давно перемѣнилъ свое теченіе. Теперь онъ омываетъ холмъ, на которомъ рисуются развалины замка, а въ прежнія времена онъ пробѣгалъ верстахъ въ четырехъ отъ этой мѣстности.

По преданію, нѣкогда Галичъ былъ огромный городъ, заключалъ въ себѣ до 400,000 жителей и обнималъ собою пространство, занимаемое нынѣ деревнями и селами: Бурштня, Богушевецъ, Блудники, Тустань, Крылая.

Народъ доселѣ сохранилъ память о Батыевомъ погромѣ Галича (въ 1240 году), въ смутныхъ эпизодическихъ разсказахъ и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ, также въ пѣсняхъ.

Разсказываютъ: татары разбили галичанъ въ двухъ битвахъ: во первыхъ—подъ городомъ и во вторыхъ—на мѣстности нынѣ существующей деревни Тенятники, гдѣ будто бы загнали бѣгущихъ, искавшихъ спасенія, жителей въ тенета.

Въ селеніи Роздьяны доселѣ существуетъ фамилія Терпливцы. Говорятъ, фамилія эта сохранилась за потомками одного пострадавшаго при нашествіи Батыя семейства. Когда городъ былъ взятъ татарами, мужъ съ женою и двумя маленькими дѣтьми прибѣжали къ Днѣстру, чтобы спастись. Мужъ не умѣлъ

плавать и съ однимъ ребенкомъ остался на берегу, тогда какъ съ другимъ жена переплыла чрезъ рѣку и терпѣла (страдала), видя какъ ея молодаго мужа и другаго ребенка татары подняли на копья.

Во время погрома бѣжалъ изъ города священникъ съ молодою женой и спрятался въ болотѣ. Несчастная женщина родила въ этомъ убѣжищѣ и, чтобы ребенокъ крикомъ не привлекъ татаръ—утопила его. Урочище это доселѣ называется Тобола, т. е. «вотъ такъ боль! вотъ такъ страданіе! мука!»

Одно урочище называется: Мочи хвостъ. Разсказываютъ, что на этомъ мѣстѣ была такая свалка, что конскіе хвосты мочились въ кровавыхъ потокахъ.

Поле подъ Галичемъ носитъ имя Ржезьдолина, т. е. долина рѣзни.

Какъ странно устроенъ человѣкъ: гдѣ въ преданіяхъ жива память великихъ радостей народныхъ? Бывали же, вѣдь, таковыя! А память о бѣдствіяхъ, хотя бы и въ смутныхъ образахъ, изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія переходитъ къ поколѣнію, и нѣтъ, кажется, живаго мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ мрачнаго памятника.

Теперь, черезъ 30 лѣтъ, переписывая эти строки, какъ-то невольно вспоминается: а сколько въ эти годы, на нашихъ глазахъ, прибавилось таковыхъ же памятниковъ! Сколько новыхъ, страшныхъ именъ давалось въ послѣднее время и дается еще въ настоящія, быть можетъ, минуты разнымъ урочищамъ, напримѣръ, въ Македоніи!!!

Впрочемъ, прибавимъ себѣ въ утѣшеніе. Послѣднею весной, послѣднею осенью, мы были ближайшими свидѣтелями, какъ при въѣздѣ въ каждую деревню Софійской губерніи, въ Болгаріи, жители посадили по семи деревъ въ память счастливаго дня своего освобожденія.

«Пусть,—говорятъ болгаре,—наши внуки и правнуки приходятъ подъ тѣнь этихъ деревъ благословлять имя братьевъ—русскихъ!»........

26-го января 1879. **П. В. Алабинъ.**
г. Самара.

Встрѣча съ повстанцами

10-го января 1863 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, въ «Запискахъ Н. В. Берга о польскомъ возстаніи, 1863—1864 гг.» (стр. 197) разсказано, что «банда Рогинскаго встрѣтила генерала Синельникова, ѣхавшаго въ Варшаву на перекладной, а потомъ какого-то жандармскаго офицера съ двумя жандармами; имъ бы не сдобровать, еслибъ не тяготѣло на душѣ Рогинскаго варварское, безсмысленное преступленіе (убійство С. С. Черкасова). Онъ велѣлъ своимъ людямъ только отобрать у всѣхъ этихъ лицъ оружіе, а ихъ самихъ отпустить». При этомъ объяснено въ выноскѣ: «собственныя показанія Рогинскаго».

Въ видахъ возстановленія истины этого происшествія, долгомъ считаю пояснить: я дѣйствительно проѣзжалъ по брестскому шоссе, 10-го января 1863 года, но не въ Варшаву, а изъ Варшавы въ Кіевъ, и не на перекладной, а въ дормезѣ, и какъ я везъ въ брестское коммисіонерство до 30-ти т.

казенныхъ денегъ, то сзади дормеза на перекладной ѣхали, въ видѣ конвоя, интендантскій чиновникъ и два жандарма.

Самое же происшествіе было такъ:

Послѣ тревожнаго дня и грустнаго разставанія съ сослуживцами, поднесшими мнѣ при выѣздѣ серебряное блюдо съ надписями и провожавшими меня двѣ станціи, я уснулъ въ дормезѣ и былъ разбуженъ какимъ-то страннымъ шумомъ, съ остановкою экипажа, въ лѣсу, не доѣзжая четырехъ верстъ до станціи Залѣсье. Я еще не успѣлъ освоиться съ своимъ положеніемъ, какъ чиновникъ и сидѣвшій сзади дормеза человѣкъ, открывъ дверцы, объявили, что на насъ напали разбойники; увидавъ же чрезъ зажженные у дормеза фонари, что я окруженъ вооруженною бандою, я приказалъ имъ сѣсть на свои мѣста и, предавшись воли Божіей, ожидалъ послѣдствій.

Шумъ продолжался отъ того, что повстанцы отнимали у жандармовъ оружіе, и только что я вышелъ изъ дормеза, чтобы узнать въ чемъ дѣло, какъ услышалъ крикъ: «къ каретѣ!» Ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ, спросивъ: «яка годность пана?» (кто вы). Я назвалъ бывшую мою должность генералъ-интенданта и фамилію. Онъ отошелъ отъ меня нѣсколько шаговъ и послѣ совѣщанія, продолжавшагося весьма недолго, ко мнѣ подошелъ высокаго росту старикъ въ польскомъ костюмѣ, обвѣшанный оружіемъ, вѣроятно, предводитель шайки, и, предложивъ мнѣ сѣсть въ карету, объявилъ, что они никакой непріятности не сдѣлаютъ, и при томъ, пожелавъ счистливой дороги и всякаго добра, велѣлъ назначить верховыхъ, для охраненія отъ покушеній отсталыхъ людей банды.

Не буду подробно объяснять, что было говорено въ бандѣ при отъѣздѣ моемъ, скажу только о выраженіи, яснѣе другихъ повторяемомъ: «намъ отъ пана ничего не нужно, пусть только Государь знаетъ, что мы хорошихъ русскихъ уважать умѣемъ».

Такъ, по милости Божіей, миновала опасность и сохранились казенныя деньги, сданныя въ цѣлости оберъ-провіантмейстеру въ присутствіи бывшаго брестскаго коменданта генерала Штадена.

Въ послѣдствіи, бывшіе въ арестантскихъ ротахъ, которыми я завѣдывалъ, политическіе преступники подтверждали причины, по которымъ меня пропустили благополучно, но всѣ подробности объяснены въ моихъ Запискахъ, которыя будутъ изданы въ свое время.

С.-Петербургъ. **Н. П. Синельниковъ.**
4-го марта 1879 года.

Л. Н. Бенуа.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, въ статьѣ «Очерки, разсказы и воспоминанія», въ главѣ VIII на стр. 78, приведенъ разсказъ грека N. N. о сношеніи его въ Таганрогѣ съ метръ д'отелемъ императора Александра I-го, и выставленъ поступокъ этого метръ д'отеля, не соглашавшагося принять—будто бы по незначительности суммы—счетъ грека N. N. въ 18 т. руб. за поставленные имъ въ теченіе мѣсяца припасы для высочайшаго стола, вслѣдствіе чего грекъ представилъ новый счетъ въ 84 т. руб. съ приложеніемъ 10 т. рублей, въ видѣ приношенія метръ д'отелю, который тогда только призналъ счетъ правильнымъ.

Передавая этотъ разсказъ, авторъ «Очерковъ» относительно метръ д'отеля оговариваетъ въ скобкахъ, что это былъ «кажется — Бенуа», не обозначая, впрочемъ, имени и отчества.

Это неосторожное обращеніе съ чужимъ именемъ налагаетъ на меня обязанность разъяснить нерѣшительное «кажется.»

Покойный отецъ мой, Леонтій Николаевичъ Бенуа, дѣйствительно занималъ должность метръ д'отеля при дворѣ, и другаго Бенуа, метръ д'отеля, не было; но дѣло въ томъ, что Л. Н. Бенуа былъ метръ д'отелемъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны, а не императора Александра I-го, и умеръ въ январѣ 1822 года, пребываніе же императора Александра I-го въ Таганрогѣ относится къ 1825 году; такимъ образомъ, упоминаніе составителемъ очерковъ, хотя и въ видѣ догадки, имени моего отца совершенно ошибочно.

Н. Л. Бенуа.

Клятва дворянина-старообрядца Воропанова

1769 г.

Читатели «Русской Старины» безъ сомнѣнія помнятъ весьма замѣчательныя по юмору, мастерству изложенія и интересу содержанія, записки Добрынина: «Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина», напечатанныя въ нашемъ изданіи въ 1871 году (томы III и IV). Въ этихъ запискахъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, являются архимандритъ въ Рыльскѣ въ 1769 году Іакинфъ Карпинскій и дворянинъ, старовѣръ, Воропановъ. «Рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій, повѣствуетъ Добрынинъ,—былъ особа въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Цицерономъ. Его сочиненія, есть книга печатныхъ проповѣдей. Онъ былъ малорослъ и тонокъ, чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ, а иногда чрезмѣрно скроменъ, иногда же чрезмѣрно веселъ, говорливъ и забавенъ. Всѣ архіереи его временъ, знали и почитали его за ученость, но не любили его за самолюбіе. Многіе были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвскіе, т. е. Якубовскій и Фліоринскій. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ, но,—какъ я слыхалъ отъ преосвященнаго Фліоринскаго,—одинъ изъ синодальныхъ членовъ на сей случай сказалъ: «онъ по натурѣ пигмей и думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую московскую колокольню». А другой: «онъ достоинъ быть архіереемъ, но всю ризницу по своему росту перепортитъ», и, между тѣмъ, какъ великаны пересуживали пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, съ архимандріи на архимандрію, т. е. изъ Сѣвскаго-Спасскаго,—что потомъ архіерейскій домъ,—въ Рыльскій, Николаевскій; изъ Рыльскаго—въ Голутвинъ, изъ Голутвина въ Бѣлоозерскій-Кирилловскій, Карпинскій дожилъ до глубокой старости, и скончался мирно, не получа архіерейства, по причинѣ, что былъ малаго роста и высокаго ума.»

Въ 1769 году архимандриту Карпинскому, по распоряженію Сѣвскаго епископа Кирилла Фліоринскаго, довелось въ Рыльскѣ обращать въ православіе одного изъ старовѣровъ: то былъ дворянинъ Воропановъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ подвижникѣ раскола Добрынинъ въ своемъ «Истинномъ повѣствованіи». «Въ Рыльскѣ преосвященный Кириллъ Фліоринскій го-

ворилъ свои поученія къ народу, наполненныя гоненіемъ на старовѣровъ, и жаркимъ доказательствомъ ихъ заблужденія. А какъ сей старой вѣры держался одинъ изъ дворянъ, оберъ-офицеръ въ отставкѣ, Сисой Воропановъ, то преосвященный столь ярко на него наступилъ, что принудилъ его торжественно въ церкви «проклясть и анаѳемѣ предать» всѣ старообрядческіе толки, и раскольникамъ не покровительствовать. Купцы выслушавъ съ христіанскимъ терпѣніемъ архіерейскую, въ сильныхъ выраженіяхъ, проповѣдь и угостя его жирными своими обѣдами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вѣрѣ и при своихъ промыслахъ. А ревностный свой подвигъ архіерей напослѣдокъ увѣнчалъ обрѣзаніемъ бороды Воропанова; но какъ, по силѣ древней пословицы: «волосъ глупъ, онъ вездѣ ростетъ», то и у Воропанова борода послѣ выѣзда архіерейскаго выросла по прежнему, не меньше архіерейской».

Результатомъ «наступленія» архіерея Фліоринскаго на Воропанова было не только обрѣзаніе его бороды, но и клятва, отобранная отъ старовѣра, въ томъ, что онъ отрекается отъ раскола. Это отреченіе было написано Фліоринскимъ или архимандритомъ Карпинскимъ, по крайней мѣрѣ послѣдній приводилъ Воропанова къ присягѣ. Вотъ этотъ интересный документъ:

— «Азъ, нижеименованный, обѣщаюся и клянусь Всемогущимъ Богомъ и предъ Святымъ его Евангеліемъ, что отъ нынѣ и до конца моей жизни соединеніе вѣры, догматы и преданія всѣ гдѣ къ Россійскія Православныя Церкви съ должною горячностію наблюдать, и ихъ, по разуму Святыя Церкви, разумѣть со всякимъ моимъ усердіемъ стараться буду, и никогда противнаго Святой Церквѣ ничего не точію дѣломъ, но и мыслями имѣть не стану; вся же противная мудрованія еретиковъ, раскольниковъ, проклинать, и самихъ ересеначальниковъ и учителей расколу, яко то: Мартина Мниха, растрыгу Аввакума съ его евангеліемъ вѣчнымъ и погибельнымъ, всѣхъ ихъ послѣдователей, равно какъ и все злокозненное и душевредное ученіе и сѣти, хлыстовщину, поповщину, безпоповщину, дьяконовщину, козминовщину, сиропіоновщину, онуфріевщину, стефановщину, чувственниковъ, суботниковъ, подреметниковъ, рогожниковъ, и всѣ прочія богопротивныя и удаляющіеся отъ Церкви Христовой сонмища и сборища, проклиная и анафемѣ предая вѣчно, обѣщаясь подъ клятвою паки никогда не точію въ домѣ моемъ учителей раскольничьихъ не принимать, но и нигдѣ съ ними обращенія не имѣть, и къ раврагному ихъ ученію не внимать и не слушать, и отъ заблужденія таковаго какъ себя съ домашними моими и крестьянъ моихъ хранить всячески и отводить долженъ. И буде гдѣ увѣдаю о кроющихся учителей раскольничьихъ, то о томъ не точію гдѣ подлежитъ донесть, но искоренять ихъ, какъ мятежниковъ вѣры и общаго Церкви покоя нарушителей, обѣщаюсь по чистой совѣсти Христіанской; ежели-жъ какову потачку или укрывательство сдѣлаю раскольникамъ, или самъ впредъ ложнаго и баснословнаго ученія ихъ держатся стану и впадшихъ въ таковыя заблужденія отводить отъ того всякими мѣрами не буду и клятву мою сію въ чемъ либо нарушу, то самъ Богъ свидѣтель моея совѣсти въ сей день да будетъ мнѣ судья и отмститель грозный, и вѣчныя милости его, какъ во временной, такъ и въ вѣчной жизни, да буду чуждъ. Во всемъ семъ намѣреніи и обѣщаніи моемъ цѣлую слова и крестъ Спасителя. Аминь. По сей присягѣ Николай Семеновъ сынъ Воропановъ присягалъ и подписался.

«Приводилъ къ присягѣ Рыльскаго Николаевскаго монастыря архимандритъ Іоакинфъ Карпинскій». Сообщ. изъ Рыльска **Н. Н. Правиковъ.**

Повало-Швыйковскій

сподвижникъ Михельсона, въ 1773—1774 гг.

Николай Захаровичъ Повало-Швыйковскій, мой родной дѣдъ по отцу, принималъ самое дѣятельное участіе въ поимки Пугачева, за что и получилъ, какъ это видно изъ указа сената отъ 28-го января 1775 г., имѣніе въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, въ количествѣ 7 тыс. десятинъ и около 450 душъ, чинъ секундъ-маіора и 5-ть золотыхъ лично отъ государыни императрицы Екатерины на орѣхи, чѣмъ онъ болѣе дорожилъ противъ другихъ наградъ. Дѣда своего я помню, потому что онъ умеръ когда мнѣ было 9 лѣтъ и самъ слышалъ отъ него изустно какъ онъ, будучи капитаномъ гвардіи и считаясь расторопнымъ офицеромъ, былъ назначенъ полковымъ командиромъ въ опасную командировку, по нѣкоторой къ нему ненависти, кажется по ревности. (Дѣдъ мой былъ весьма статный офицеръ и высокаго роста). Я его часто видѣлъ въ его зеленомъ Екатерининскомъ, съ разрѣзомъ на груди, мундирѣ. Посланъ онъ былъ въ самый станъ Пугачева для развѣданія позиціи и для пріисканія способа захватить Пугачева врасплохъ. Командъ для охраненія офицера, ему не дано, тогда дѣдъ мой переодѣлся конюхомъ и нанялся у Пугачева въ услуженіе; прожилъ тамъ нѣсколько дней, многое узналъ и подмѣтилъ, но когда приближенные Пугачева, начали въ немъ сомнѣваться и подозрѣвать, то онъ ночью убѣжалъ; за нимъ послѣдовала самая отчаянная погоня, такъ что единственное спасеніе оставалось броситься въ ближайшее большое озеро. Въ этомъ озерѣ его караулили около 3 дней; стрѣляли въ него, ловили сѣтями, но онъ такъ хорошо нырялъ, что какъ скоро направлялись въ одну сторону озера, онъ очутится въ противуположной. Крѣпостной его человѣкъ съ большими предосторожностями кормилъ его въ водѣ; человѣка этого звали Иванъ и онъ пережилъ своего барина нѣсколькими годами, ему было около 100 лѣтъ, а дѣдъ мой прожилъ до 120 лѣтъ, т. е. долго еще жилъ, послѣ сидѣнія въ водѣ. Отъ долгаго сидѣнія въ водѣ, онъ былъ долго болѣнъ... Умеръ онъ въ 1842 году 31-го октября въ своемъ имѣніи Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ с. Моревѣ, гдѣ постоянно жилъ вышедши въ отставку, вскорѣ послѣ поимки Пугачева. Въ жалованномъ имѣніи онъ не жилъ, но нерѣдко посѣщалъ его. Имѣніе это находится въ моемъ владѣніи, по наслѣдству отъ отца; дѣдъ мой похороненъ 7-го ноября того же года въ с. Ратчинѣ при большой каменной церкви Божіей матери Одигитріи, въ фамильной часовнѣ. Церковь же самъ достроилъ, и при жизни оная освящена. Старожилы и по сіе время зовутъ его истребителемъ Пугачева. Многочисленная его вотчина, безъ всякаго понужденія со стороны наслѣдника и близкихъ, которые были въ отлучкѣ, съ поразительнымъ единодушіемъ, всѣ до единаго человѣка, собрались для похоронъ любимаго своего владѣльца и буквально на головахъ несли 3 версты гробъ. Дѣдъ мой былъ чрезвычайно добрый человѣкъ и владѣлецъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣдѣ моемъ, тогда капитанѣ гвардіи Повало-Швыйковскомъ, есть въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», А. С. Пушкина.

Витебскъ. Сообщ. въ 1876 г. **П. Т. Повало-Швыйковскій.**

ПОРТРЕТЫ при XXIV-мъ ТОМѢ

«РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1879 г.

Читатели нашего изданія, безъ сомнѣнія, давно замѣтили, что редакція «Русской Старины» прикладываетъ къ ней портреты вполнѣ художественно исполненные первоклассными, наилучшими отечественными граверами, каковы академикъ Л. А. Сѣряковъ (гравюры по рисункамъ отличнаго художника К. О. Брожа) и И. П. Пожалостинъ. Крайне малая подписная цѣна на 12 книгъ нашего изданія (при усилившейся дороговизнѣ бумаги, типографскаго дѣла, гравернаго труда, и проч.)—препятствуютъ прикладывать портреты столь часто, какъ бы мы того желали. Тѣмъ не менѣе—въ текущемъ 1879-мъ году—мы сдѣлали попытку украшать портретомъ каждую книгу «Русской Старины», портретами русскихъ достопамятныхъ людей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества въ его прошломъ. Такъ при четырехъ книгахъ настоящаго, XXIV-го, тома помѣщены нами слѣдующіе портреты:

Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ іерарховъ. Подлинный живописный портретъ—находится въ Кіевѣ, въ духовной академіи. Благодаря посредству профессоровъ кіевскаго университета И. И. Малышевскаго и В. С. Иконникова, съ портрета снята г. Мезеромъ фотографія, рисунокъ съ нея на деревѣ исполнилъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Жуковскій, Степанъ Михайловичъ, статсъ-секретарь, членъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и комитета по дѣламъ Царства Польскаго, управлявшій дѣлами обоихъ этихъ комитетовъ († 23-го сентября 1877 г.)—государственный мужъ замѣчательнаго ума, глубоко преданный благу своего отечества, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей при созданіи Положеній 19-го февраля 1861-го года, какъ въ Редакціонныхъ комиссіяхъ, такъ въ секретномъ, и затѣмъ въ главномъ по крестьянскому дѣлу комитетахъ (1857—1861). Портретъ С. М. Жуковскаго (фотографія) доставленъ намъ генералъ-адъютантомъ М. М. Жуковскимъ. Рисунокъ на деревѣ исполнилъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Парижѣ акад. Л. А. Сѣряковъ.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—личность въ высшей степени интересная въ исторіи не только Россіи, но въ исторіи всего человѣчества, именно—по своей зловѣщей судьбѣ. Живописный портретъ этого государя-узника находится въ Романовской галлереѣ въ Зимнемъ дворцѣ, далеко, впрочемъ, неудовлетворительный. Оригиналъ настоящаго портрета есть акварель-миніатюра, исполненная на изготовленной въ началѣ 1741-го года грамотѣ первому министру правительницы Анны Леопольдовны графу Б. Миниху. Фотографическій снимокъ съ акварели приложенъ П. И. Барановымъ къ составленной имъ «Описи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Спб. 1878 г., томъ III». Съ этой фотографіи рисунокъ на деревѣ сдѣлалъ К. О. Брожъ, гравюра же исполнена въ Ниццѣ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Въ моментъ написанія акварельнаго портрета—императору Іоанну было около полугода отъ рожденія;

художникъ написалъ образъ малютки, конечно изъ желанія придать ему болѣе царственнаго величія, значительно старшимъ по возрасту; такимъ онъ является въ фотографическомъ снимкѣ, а при увеличеніи рисунка для гравюры, это еще больше обозначилось въ исполненіи портрета мастерскимъ рѣзцомъ г. Сѣрякова. Тѣмъ не менѣе, общій характеръ физіономіи и черты миловиднаго личика царственнаго малютки, безъ сомнѣнія, вполнѣ похожи и акварель писана съ натуры, такъ какъ она была исполнена для фельдмаршала Миниха, лица въ ту эпоху перваго въ государствѣ, спасителя отца и матери государя отъ жестокаго Бирона, уже покусившагося на свободу и достоинство герцога Антона Ульриха.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—юношей, въ эпоху поступленія въ царскосельскій лицей или въ первые годы пребыванія его въ лицеѣ, т. е. около 12—14 лѣтъ. Портретъ гравированъ П. Е. Гейтманомъ и впервые приложенъ къ первому изданію Кавказскаго Плѣнника (Спб. 1822 г.). Эта интересная и весьма удовлетворительно исполненная гравюра была повторена Eisenhardt'омъ для Исаковскаго изданія сочиненій Пушкина, но крайне неудачно. Не менѣе плохи были и политипажи, на деревѣ, воспроизводившіе гравюру 1822 года. Это вызвало насъ на воспроизведеніе единственнымъ способомъ воскрешающимъ нынѣ всякаго рода гравюры съ поразительною точностью—это посредствомъ геліогравюры. Въ Петербургѣ лучшій исполнитель этого рода работъ г. Скамони въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Г-ну Скамони подписчики «Русской Старины» обязаны, что нынѣ имѣютъ точную копію съ гравюры 1822 года, изображающей геніальнаго отечественнаго поэта на разсвѣтѣ его творчества. Подлинникъ снимка г. Скамони есть гравюра П. Е. Гейтмана въ хорошемъ оттискѣ принадлежащемъ обширному собранію П. А. Ефремова.

Сказавъ о портретахъ, изданныхъ при XXIV-мъ томѣ, замѣтимъ здѣсь, что для «Русской Старины» вполнѣ приготовлены портреты нѣсколькихъ русскихъ дѣятелей, а именно: Николая Алексѣевича Некрасова—гравюра на мѣди исполнена академикомъ И. П. Пожалостинымъ; затѣмъ гравюры Л. А. Сѣрякова: графъ Ѳ. П. Толстой (художникъ-медальеръ и скульпторъ). Кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій въ эпоху перваго періода его боевой жизни до знаменитой раны, исказившей мужественную физіономію этого народнаго героя (портретъ доселѣ неизвѣстный); О. М. Бодянскій, профессоръ, оказавшій громадныя услуги отечественной исторіи и духовному единенію Россіи съ славянскимъ міромъ. Генералъ Лепарскій, нѣкогда стражникъ декабристовъ-узниковъ, человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ, одинаково пользовавшійся высокимъ уваженіемъ, какъ императора Николая Павловича, такъ и ввѣренныхъ его (Лепарскаго) надзору узниковъ Читинскаго и Петровскаго остроговъ въ восточной Сибири.—Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, знаменитый ученый, мужъ высокаго ума и душевныхъ качествъ, вызывавшихъ къ нему уваженіе всѣхъ лицъ, его знавшихъ.—Николай Васильевичъ Гоголь въ самые первые годы его творчества, какъ писателя. Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ въ темницѣ.... Всѣ эти портреты будутъ, по возможности, помѣщены при «Русской Старинѣ» изданія 1879 года; всѣ они, повторяемъ, уже награвированы художественнымъ рѣзцомъ уважаемаго друга нашего—Л. А. Сѣрякова.

Ред.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XXIV ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1879 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

А.

Б.

Г.

Д.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Томъ XXIV, стр.	141	4-я строка	съ верху:	1868 г.	1878 г.
»	371	4-я »	съ низу:	изд. 1879 г.	изд. 1878 г.
»	481	19-я »	съ верху:	свою назначенія	своего назначенія
»	488	18-я »	съ верху:	увѣнчалась	увѣнчались
»	645	17-я »	съ низу:	25-го іюня 1853 г.	25-го іюня 1833 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1879 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

Переписка, акты, разсказы и замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Исторія русской литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

I. Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ:

Портреты русскихъ дѣятелей.

V. Степанъ Михайловичъ Жуковскій, † 23-го сентября 1877 г., статсъ-секретарь, членъ и управляющій дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и комитета по дѣламъ Царства Польскаго, рисовалъ съ фотографіи К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 179).

VI. Снимокъ съ письма Николая Васильевича Гоголя: письмо къ А. С. Пушкину съ набросками на немъ руки Пушкина. Подлинникъ сообщ. въ 1870 г., А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Снимокъ исполненъ въ экспедиціи заготовленія государ. бумагъ.

(См. стр. 778).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. I. Рига, 1877 г., 525. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
2. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго общества по отдѣлу этнографіи. Т. VII, подъ ред. Л. Н. Майкова. Спб. 1877 г., 565. Т. VIII. Подъ ред. П. А. Матвѣева. 191 + 299 + 20 + 103. Спб. (Тамъ же).
3. Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Изд. спб. епарх. ист.-статист. комитета. Вып. I—V. 1869—1876 г. (Тамъ же).
4. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакц. Н. Субботина. Т. III. Москва, 1878 г. 457 + VIII. (Тамъ же).
5. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Спб. 1878 г., 488 стр. съ двумя портретами. (Тамъ же).
6. Мѣстныя статистическія и этнографическія изданія. (Тамъ же).
7. Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Подъ ред. К. Н. Тихонравова. Т. I, вып. II, съ 2-мя литогр. рисунк. Т. II, съ 4-мя рисунк. 1877—1878, Владиміръ. (На оберткѣ 2-й кн. «Русской Старины» 1879 г.).
8. Русская историческая библіотека, издан. археограф. коммисіею. Т. V. Спб. 1878, XL + 1074 + 64. (Тамъ же).
9. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археограф. коммис. Т. X. Спб. 1878 г. 838 † 24, стр. (Тамъ же).
10. Лубочная старинная картинка «мыши кота хоронятъ» и нѣкоторыя прежнія народныя гравюры (съ рисункомъ). Изд. И. Голышева, Владиміръ. 1878 г., 31 (Тамъ же).
11. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. 1584—1725. Сост. завѣд. арх. оружейной палаты, А. Викторовъ. Вып. I. М. 1877, 376. (На оберткѣ 3-й кн. «Русской Старины» 1879 г.).
12. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. прав. синода. Т. II, Ч. 2. Спб. 1878, 652 + XCIII + 60 (Тамъ же).